П.С. Таранов

120 ФИЛОСОФОВ

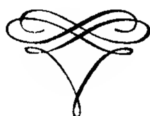
ЖИЗНЬ • СУДЬБА • УЧЕНИЕ • МЫСЛИ

Универсальный аналитический справочник по истории философии

Том II

Универсальный Аналитический Справочник по Истории Философии

П. С. Таранов

120 ФИЛОСОФОВ

жизнь•судьба•учение•мысли

Том II

Симферополь
«Реноме»
2005

ББК 87.3
Т19

Таранов П. С.
Т19 120 философов: Жизнь. Судьба. Учение. Мысли: Универсальный аналитический справочник по истории философии: В 2 т. — Симферополь: «Реноме», 2005. — 704 с.: ил. — Т. 2. — (Рус. яз.).

ISBN 966-7198-50-2
ISBN 966-7198-52-9

ББК 87.3

Таранов П. С.
Т19 120 філософів: Життя. Доля. Учення. Думки: Універсальний аналітичний довідник з історії філософії: У 2 т. — Сімферополь: «Реноме», 2005. — 704 с.: іл. — Т. 2. — (Рос. мов.).

ISBN 966-7198-50-2
ISBN 966-7198-52-9

ББК 87.3

ISBN 966-7198-50-2
ISBN 966-7198-52-9

Монте́нь

Мишель де Эйкем из замка Монтень /Мишель Монтень/

XVI век

• Французский философ

Родился: 28.02.1533 г.
Умер: 13.09.1592 г.

Прожил — 59 лет

> **«Вся мудрость и все рассуждения в нашем мире сводятся в конечном итоге к тому, чтобы научить нас не бояться смерти».**
> *(Монтень)*

■ **«Если хочешь излечиться от невежества, надо в нем признаться... В начале всяческой философии лежит удивление, ее развитием является исследование, ее концом — незнание».** *(Монтень)*

1. ЖИЗНЬ

• Происходил из купеческой семьи Эйкемов, которая лишь в XV в. получила дворянство и прибавила к своему родовому имени Эйкем еще фамилию Монтень, по названию приобретенной прадедом философа в 1496 г. сеньории Монтень (область Перигора в провинции Гасконь).
• Принадлежал к служивому дворянскому сословию — «дворянской мантии».
• В детстве был слабым, хрупким и мечтательным ребенком.
• Первоначальное образование получил в коллеже* (в Бордо), считавшемся одним из лучших учебных заведений Франции того времени.
• Есть все основания предполагать, что юный Монтень учился в Тулузском университете:

/ Рабочий день студента Тулузского университета (из письма Поля де Фуа — друга Монтеня):

«С пяти утра студенты в течение пяти часов слушали комментарии профессора по тем или иным античным авторам. После обеда читали Софокла и Аристофана или Еврипида, а иногда Демосфена, Цицерона, Вергилия или Горация. В час дня возобновлялись аудиторные занятия, длившиеся до 17 часов. Затем приводились в порядок тетради с записями и сверялись отрывки, цитированные профессором, что

---

* **Колле́ж** (*фр.* collège) — среднее учебное заведение во Франции.

занимало более часа. После ужина снова читали греческую или римскую литературу». /

• С юношеских лет вёл дневник, в котором запечатлел как события своего времени, так и личные переживания.

• Его любимейшими писателями были Сенека и Плутарх.

• На развитие Монтеня оказали воздействие его поездки в Италию, Германию, Швейцарию.

• Монтень славился большой личной библиотекой. На тех, кто в ней побывал, впечатление производили нанесённые на потолок любимые владельцем интеллектуальные формулы. Среди них: Пирроново «Воздержись!» и неизвестного происхождения: «Бог создал человека подобным тени».

• Монтеню была свойственна повышенная раздражимость ума, что обрекало его на вечное уединение даже в кругу семьи.

• Монтеневский постулат жизнеопределения незатейлив, но затевателен:

♦ Я всего лишь навсего хочу стать более мудрым, а не более ученым или красноречивым.

• Формула мировоззрения Монтеня:

♦ А что я знаю? («Que sais-je?»)

• ◐ В мыслях Монтеня пульсировало и прокладывало себе дорогу нечто большее, чем философия и даже мудрость, — умосредото́чие, т. е. та точка отсчета, при которой человек сам и понимает и сознаёт, что в поиск отправляются не за находкой, а за хотением активности. Приобретения же — не более чем результат интерпретации и работы разума, а последнего надо всё время потчевать впечатлениями. (Здесь вообще любопытная связь: то́лько двигаясь, мы узнаём размеры окружающего нас пространства, только в желаниях можно впитать в себя наличие доступного нам времени бытия и... масштаба своей меры.)

Монтень радостно устремлялся аперед, но вот только где? вперед при падении; или: при подъеме. И есть ли будущее у дыма?? И зачем огонь всё жжёт, если этим же и изгоняется??? И если от трудов *труд*ности и всё учится, лишь когда полу**чится**, то ж<u>дать</u> и есть вложить, то есть дать ◑:

♦ Основа большинства смут в мире — грамматическая.

♦ И нет другого существа, которое было столь неуживчиво и столь же общительно, как человек: первое — по причине его пороков, второе — а силу его природы.

♦ Благоразумию свойственны крайности, и оно не меньше нуждается в удерживающих рамках, чем легкомыслие.

• Вся исследовательская одаренность Монтеня была положена им на алтарь фундаментальнейшего из древнейших принципов — завета ***«Познай себя самого»***:

♦ Я изучаю самого себя: в этом моя метафизика и физика.

• ◐ Классификационно Монтень — философ закоулков человеческой души, патологии характера, поведения людей в нестандартных и экстремальных ситуациях. Его волнуют не элементы мира, а «элементы личности», «пове-

денческие узоры и композиции», сюрпризы ума и загадки сердца в широком диапазоне — от великодушия и благородства до подлости и низости. ◑

• **Сочинения Монтеня:**

«Эссе»* (*«Опыты»*; 1580 – 1588; в трех книгах):

/ **Монтень:**
«Содержание моей книги — я сам».

Вольтер:
«Прекрасен замысел Монтеня наивным образом обрисовать самого себя, ибо он в итоге изобразил человека вообще». /

// Монтень начал работать над «Опытами» на 39-м году жизни; в 1572 г. первое издание «Опытов», включавшее только первую и вторую книги, вышло в Бордо в 1580 г.; первое издание третьей книги — в 1588 году.

Монтéнь открыл в «Эссе» новую разновидность — эссеистику: особый жанр несистематических очерков на самые разные темы. Он отказался от педантичного следования какой-нибудь теме и предложил читателю свободное, ничем не связанное обсуждение философских, эстетических, социальных и моральных проблем. Это были первые испытания особого литературного приёма — «художественного беспорядка».

Сюжетно все фрагменты «Опытов» строятся одинаково — в каждом из них есть ряд утверждений автора на самые разные темы и множество исторических примеров, совпадающих, подтверждающих или развивающих идеи каждого из основных тезисов. Порядок чередования суждений и иллюстраций к ним закономерно не выражен, всё даётся вперемежку тремя возможными способами:

1) сначала позиция Монтеня, затем примеры;
2) сначала примеры, потом рассуждения Монтеня;
3) произвольное чередование авторского и привлечённого текстов.

В «Опытах» *около 3000* цитат: *14* из апостола Павла, *12* из «Ветхого Завета», *4* из «Евангелия», а остальные, ***по нескольку сотен на каждого***, из Экклезиаста, Вергилия, Горация, Платона, Эпикура, Лукреция, Плутарха, Сенеки.

◐ В обобщенной характеризации «Опыты» — это антология необычного, занятного и поучительного примера. ◑ //;

«Наука о еде».

• Монтень был советником парламента** в Бордо; позднее, в начале 80-х гг., король своим указом назначает его мэром Бордо.

• От Монтеня начинает путь крылатое изречение: ***«Для камердинера нет героев»***:

/ Первоначальный вариант этого афоризма имел такую форму: «Ни один

---

* Эссé (*лат.* essais) — «опыты над самим собой», или «опыты на самом себе». Форма «опыта» ведёт свое происхождение от сборников притч, цитат и изречений — род литературы, который всегда, начиная с античности, пользовался неизменной популярностью.

** **Парлáментами** во Франции (до революции 1789 г.) назывались судебные органы, представлявшие собой предварительную инстанцию по сравнению с королевским судом и пользовавшиеся значительной автономией.

великий человек не был уважаем своей прислугой». Вот как это выглядит у Монтеня: «Мир считает чудом иных людей, в которых, однако, ни их жёны, ни их камердинеры не видели ничего замечательного».

Есть и историческая подоплёка: царь Македонии Антигон I Гонат (319 – 240/239 до н. э.) в ответ на преподнесённое ему раболепное стихотворение, где он именовался «сыном Солнца» и «богом», пошутил: «Вот бы вам это внушить моему слуге, чтобы вёл себя соответственно!» /

• Умер Монтень в своем зáмке, в кругу семьи.

2. СУДЬБА

► Согласно одной из легенд, замысел «Опытов» пришел в голову Монтеня в тот момент, когда он однажды увидел, как художник расписывал стены монастыря замысловатой вязью орнамента. Монтень подумал, что таким же образом можно сплести в единое повествование свои размышления о жизни людей и природе.

► Своим ученым занятиям Монтень предавался в библиотеке (на третьем этаже зáмковой башни). Здесь, в своем кабинете, он листал книги, делал выписки, погружался в размышления, диктовал, прохаживаясь взад и вперед.

Ему никогда не надоедало находить и вычерпывать интересное, перекачивая, как насос из нижнего уровня наверх, прошлое в настоящее, «уже достигнутое» в «повседневное».

♦ Ведь я заимствую у других то, что не умею выразить столь же хорошо либо по недостаточной выразительности моего языка, либо по слабости моего ума.

Но ему известно также, что общение с книгами сродни преклонению: переусердствование грозит перейти в манию, чревато опасностью потери себя.

♦ Когда я пишу, я уклоняюсь от общества книг и воспоминаний о них из страха, как бы они не вторглись в мою форму.

Замковая башня, в верхних помещениях которой Монтень уединялся и творил...

► В 1676 г. Ватикан внёс «Опыты» Монтеня в «Индекс запрещённых книг».

► **Монтень:**

«Дýши императоров и сапожников скроены на один и тот же манер»:
/ Это изречение Монтеня во время Французской революции а 1792 г. послужило эпиграфом для «Газеты санкюлотов». /

► В произведениях великого английского драматурга и мыслителя **Вильяма Шекспира** (1564 – 1616) обнаружено 750 заимствований из «Опытов» Монтеня.

► **Стендаль:**

«...Я провел два года на шестом этаже улицы д'Анживилье с прекрасным видом на колоннаду Лувра, читая Лабрюйера, Монтеня и Ж.-Ж. Руссо... Так сложился мой характер».

► Осенью 1835 г., приехав на короткое время в свое родное Михайловское, **А. С. Пушкин** (1799 – 1837) вдруг ощутил желание перечитать Монтеня. Он пишет жене в Петербург: «Кстати, пришли мне, если можно, «Essais de Montaigne», 4 синих книги на длинных моих полках. Отыщи!»

► **Гюстав Флобер** /(1821 – 1880), французский писатель/:

«Вы спрашиваете, какие книги читать? Читайте Монтеня, читайте медленно, не торопясь!.. Создайте для своей души такую интеллектуальную атмосферу, которая будет насыщена мыслью величайших умов... Но сперва я рекомендую вам прочесть Монтеня. Прочтите его от начала до конца и, когда окончите, начните снова».

► Покидая навсегда Ясную Поляну, **Л. Н. Толстой** взял с собой томик Монтеня. Ныне этот экземпляр лежит на его письменном столе в музее-усадьбе.

3. УЧЕНИЕ

♦ Ничто в природе не бесполезно, даже сама бесполезность.

♦ Религия людей есть не что иное, как их собственное измышление, необходимое для поддержания человеческого общества.

♦ Человек не выше и не ниже всей остальной массы живых существ.

♦ Если чудеса и существуют, то только потому, что мы недостаточно знаем природу, а вовсе не потому, что ей это свойственно.

♦ Я люблю науку, но не боготворю ее.

♦ Об истине нельзя судить на основании чужого свидетельства или полагаясь на авторитет другого человека.

♦ Я, бывает, противоречу себе, но никогда не противоречу истине.

♦ Всякое познание пролагает себе путь в нас через наши чувства. Чувства — наши господа. Знание начинается с них и ими же завершается.

♦ Кто знает, не лишены ли мы одного, двух, трех или нескольких чувств?

♦ Человек способен познать как отдельные вещи, так и их все.

♦ Гордость тех, кто приписывает человеческому разуму способность познавать всё, заставила других, вызывая в них досаду и дух противоречия, проникнуться убеждением, что разум совершенно бессилен. В утвержде-

нии невежества они держатся такой же крайности, какой другие — в утверждении знания.

♦ Человек может быть лишь тем, кто он есть; он способен выдумывать лишь в меру своего опыта; какие бы усилия он ни предпринимал, ему будет известна лишь собственная душа.

♦ Мир не что иное, как постоянное колебание... Сама устойчивость есть не что иное, как более медленное колебание. Я не изображаю бытия. Я изображаю переход; не из одного века в другой или, как говорит народ, из одного семилетия в другое, а изо дня в день, из минуты в минуту.

♦ Нет более естественного стремления, чем стремление к знанию. Когда нам отказывается служить разум, мы прибегаем к опыту (l'experience), который является слабым и менее достойным средством. Но истина — такая великая вешь, что мы не должны пренебрегать ни одним средством, позволяюшим нам достигнуть ее.

♦ Мы хвалим коня за силу и резвость, а не за сбрую. Почему таким же образом не судить нам о человеке по тому, что ему присуще? Он ведет роскошный образ жизни, у него прекрасный дворец, он обладает таким-то влиянием, таким-то доходом: но всё это — при нём, а не в нём самом. Вы не покупаете кота в мешке. Приторговывая себе коня, вы снимаете с него боевое снаряжение, осматриваете в естественном виде. Почему же, оценивая человека, судите вы о нём, облечённом во все покровы?

♦ Прекрасно, как кажется, постиг силу привычки тот, кто первый придумал сказку о той деревенской женшине, которая, научившись ласкать теленка и носить его на руках с часа его рождения и продолжая делать то же самое и дальше, таскала его на руках и тогда, когда он вырос и стал нарядным бычком. И действительно, нет наставницы более немилосердной и коварной, чем наша привычка. Мало-помалу, украдкой забирает она власть над нами, но, начиная скромно и добродушно, она с течением времени укореняется и укрепляется в нас, пока, наконец, не сбрасывает покрова со своего властного и деспотического лица, и тогда мы не смеем уже поднять на нее взгляда. [...]

Платон разбранил одного мальчугана за то, что тот увлекался игрою в бабки. Тот ответил ему: «Ты бранишь меня за безделицу». — «Привычка, — сказал на это Платон, — совсем не безделица».

♦ Я полагаю, что нет такой зародившейся в человеческом воображении выдумки, сколь бы сумасбродною она ни была, которая не встретилась бы где-нибудь как общераспространённый обычай и, следовательно, не получила бы одобрения и обоснования со стороны нашего разума. Существуют народы, у которых принято показывать спину тому, с кем здороваешься... и такие, которые неизменно сморкаются в руку, что является непростительным нарушением наших обычаев...

♦ Весьма сомнительно, может ли изменение действующего закона, каков бы он ни был, принести столь очевидную пользу, чтобы перевесить то зло, которое возникает, если его потревожить; ведь государство можно в некоторых отношениях уподобить строению, сложенному из отдельных, связанных между собой частей, вследствие чего нельзя хоть

немного поколебать даже одну среди них без того, чтобы это не отразилось на целом. Законодатель фурийцев велел, чтобы всякий, стремящийся уничтожить какой-нибудь из старых законов или ввести в действие новый, выходил перед народом с веревкой на шее с тем, чтобы, если предлагаемое им новшество не найдет единогласного одобрения, быть удавленным тут же на месте. А законодатель лакедемонян посвятил всю свою жизнь тому, чтобы добиться от сограждан твердого обещания не отменять ни одного из его предписаний. Эфор, так безжалостно оборвавший две новые струны, добавленные Фринисом к его музыкальному инструменту, не задавался вопросом, улучшил ли Фринис свой инструмент и обогатил ли его аккорды; для осуждения этого новшества ему было достаточно и того, что старый, привычный образец претерпел изменение; то же обозначал и древний заржавленный меч правосудия, который бережно хранился в Марселе.

Я разочаровался во всяческих новшествах, в каком бы обличье они нам ни являлись, и имею все основания для этого, ибо видел, сколь гибельные последствия они вызывают. То из них, которое угнетает нас в течение уже стольких лет, не было, правда, непосредственной причиной всего происходящего; но тем не менее можно с уверенностью сказать, что именно в нем, в силу несчастного стечения обстоятельств, причина и корень всего, даже тех бедствий и ужасов, которые творятся с тех пор без его участия и вопреки ему. Пусть оно пеняет поэтому на себя самого.

Heul patior telis vulnera fasta meis. Увы! Я страдаю от ран, нанесённых моим собственным оружием (*лат.*).

Те, кто расшатывает государственный строй, чаще всего первыми и гибнут при его крушении. Плоды смуты никогда не достаются тому, кто ее вызвал; он только всколыхнул и замутил воду, а лоаить рыбу будут уже другие. Так как целость и единство нашей монархии были нарушены упомянутым новшеством и ее величественное здание расшаталось и начало разрушаться и так как это произошло, к тому же, в ее преклонные годы, в ней образовалось сколько угодно трещин и брешей, представляющих собою как бы ворота для названных бедствий. Величие государя, говорит некий древний писатель, труднее низвести от его вершины до половины, чем низвергнуть от половины до основания.

Но если зачинатели и приносят больше вреда, нежели подражатели, то последние всё же преступнее первых, следуя образцам, зло и ужас которых сами ощутили и покарали. И если даже злодеяния приносят известную долю славы, то у первых перед вторыми то преимущество, что самый замысел и дерзость почина принадлежат именно им.

(**Монтень.** *Опыты.* Кн. I, гл. XXIII. *«О привычке, а также о том, что не подобает без достаточных оснований менять укоренившиеся законы»*)

♦ Жаль было бы, если бы наши чувства и разум не полностью отдавали себе отчет в том, насколько они могущественны.

♦ Мы можем сколько угодно твердить своё, а обычай и общепринятые житейские правила тащат нас за собой.

/ ◐ Да уж... Тянули бы они, если бы мы не тащились! /

♦ Природа словно поставила себе целью не создавать ничего, что было бы тождественно ранее созданному.

♦ Разум, мудрость и дружеские привязанности чаще встречаются среди мужчин; вот почему последние и вершат делами нашего мира.

V© Кстати о разуме... Монтень почему-то нигде не останавливается на том, что́ есть **разум** и каково его место в общем перечне свойств, что отличают нас от животных да и вообще выдвигают на «царское» место в природе.* Однако подобный вопрос важен и я считаю нужным, а в этом томе уже и необходимым, сугубо остановиться на нём. Итак, пусть это будет таблица и краткий комментарий к ней.

Аналитическая схема общего функционирования человеческого мозга

Интеллект — высшая форма деятельности ума, представляющая его проницательную способность при оперировании исключительно абстракциями.

Разум — это сфера не только свободного, но и смелого и даже отвлечённого оперирования с известным — абстрагирование, фантазия**, полёт мысли. Имеющиеся знания весьма раскованно калейдоскопируются (множатся, громоздятся, перетасовываются, комбинируются) вплоть до возникновения узоров.**

Рассудок — здесь уже осуществляется выход на уровень первичных обобщений и чётких удержаний возникающих образов и замеченных связей, это уже возможность и умение вмешиваться и переосмысливать чужой и собственный опыт.

---

* К тому же и сам термин «разум» означает у него довольно обширный спектр значений, передающихся сегодня целым обилием других слов.

** Подробнее об *уподоблении* и обо всём механизме его образования, функционирования и использования смотри в книге: *П. С. Таранов.* Философия изнутри: Рассекречивание природы и сущности философии: В 2 т. — М: Остожье, 1996, т. 1, ч. 1, с. 21–78.

*** Возникновение сознания и то, как конкретно осуществляется его работа, весьма обстоятельно и со всей тщательностью рассмотрено в: *П. С. Таранов.* Острая философия: Выдающиеся сюжеты овладения неизвестным. — Симферополь: «Реноме», ИД «Квадранал», 1998, с. 463–481.

**** Интересно мнение на этот счёт, высказанное И. В. Гёте: «Фантазия имеет свои собственные законы, следовать которым не может и не должен рассудок. Если бы фантазия не могла создавать вещи, которые навсегда останутся загадками для рассудка, то фантазия вообще не многого бы стоила».

Умозрение — это фаза, вид и способ обычной активности ума, когда имеет место соотнесение зна ния, имеющее значе ние — со-зна-ние.

Здесь присутствует простейшая (элементарная) умственная деятельность, при которой получаемая извне информация уже начально перерабатывается — дополняется и корректируется собственным опытом.

Интуиция — ею происходит *предметизация* (напр., поток из вкусного, сочного, ароматного, спелого, красного, податливо твёрдого и т. д. сам собой ассамблируется в «яблоко») и *узнавательная выборка* (скажем, из обилия множественности вдруг в с п л ы в а е т нечто «то самое», что способно быть выделительно различено и неспутываемо с другим названо или усвоено) наблюдаемого. Интуиция — здесь я ничего не ищу, напротив, — всё *вроде как ниоткуда* получаю.

Важно не упустить следующее:

1) СОЗНАНИЕ — частично затрагивает рассудок и умозрение.

2) МЫШЛЕНИЕ — это не только чистый разум, но и включение в свой состав (влияюше и компонентно) рассудка.

3) Все о т к р ы т и я совершаются в интеллекте.

4) Всё ПОНИМАНИЕ происходит в разуме.

5) Уподобления — тот мыслительный материал, которым мы обмениваемся друг с другом для последующей работы ума (у каждого своей!), когда хотим передать (сообшить) кому-то свою новационную точку зрения на предмет или события. Уподобление реально и исчерпывающе решает тютчевскую задачу, которая выражена трёхаспектным парадоксом: «Как сердцу высказать себя?», «Другому как понять тебя?», и «Мысль изречённая есть ложь»[1].

6) Закон передаточной деятельности при умообмене людей состоит в двойной взятости:

а) Чтобы заполнить разум, надо переполниться чувствами;

б) Чтобы войти в другого, необходимо выйти из себя.

/◐ Да-да, вот эта самая аллюзия гнева («выйти из себя») на самом деле и есть скачок (перепрыгивание) из сферы разума в совершенно не связанную с ним область интеллекта. /

//◐ Переполнение разума чувственным моментом, навеваемым образностью и сюжетной картинностью уподобления, очень чем-то похоже на нить электролампочки, которая, когда раскалится током, начинает распространяться на дали и дали, попадая (светом!) и туда, где её и быть не может, и делая (разгоняя тьму, давая возможность зорко и ясно видеть!!) то, что казалось бы Н Е В О З М О Ж Н О. //

ВЕРТИКАЛЬ УМА (тенденция роста возможностей):

В иерархии ума разум занимает вовсе не главенствующее место. Он вытекает из «рассудка», базируется на нем, входит в общую связку о п р е д е л я ю щ и х нашу жизнеспособность умственных действий. Разум ведает потенциалом познания: он управляет, координирует и выполняет основные арбитражные функции по сбору, переработке, применению и последующей эффективизации доступной ему информации. Разум похож на море — просторы, глубина, суда́, бороздящие поверхность; и еще: в нем отражается — ОДНАКО по принципу: «хоть видит око, да зуб неймёт» — небо. Т. е. на уровне разума в уме заканчивается точка зрения *дали*; а вот точку зрения выси представляет уже интеллект... — здесь полёт, здесь *вершинные* ощущения, здесь нет пределов, отсюда везде вход в мироздание.

ГОРИЗОНТАЛИ УМА (срезы по ступеням в градациях процедур):

1-я:	здравый смысл →	благоразумие →	мудрость
	строгий прагматизм в отправных и исходных установках, точка зрения простых и жёстких принципов	суровое и твёрдое подавление вмешательских порывов чувств в ситуациях вознамеривания к ответственным или последственным поступкам	фо́рмульная констатация полезного жизненного опыта, одетая в наряды безапелляционной безукоризненности советов, предписаний, рекомендаций и фиксаций для всех, навсегда и относительно всего
2-я:	учёность →	мыслительство →	философия
	выработка суждений опыта и создание эвристик, инструментализированное заглядывание внутрь вещей и явлений, опирающаяся на фундамент очевидной ясности, аксиомы и постулаты	морализированное продуцирование масштабно творимых и социально или гуманистично окрашенных идей широкой применимости и стыковочной многоплановости	смелая и изощрённая изобретательность в безудержной критичности по отношению ко всему имеющемуся и данному, эквилибристика понятий, гибкая пластичность точек зрения, игра смыслами во всех вариациях значения, содержания и результатов
	двуполярность	однополярность	многополярность и разновекторность
3-я:	парадокс →	логика →	квантовость
	свобода и кураж, полная раскованность, игривая дерзость эпатажа и резкость резвости в убегании как от законов, так и от контроля	правила и жёсткость ограничений в последовательных конструкциях выводного синтеза	простое порционирование значимых фрагментов (утверждений, обзоров, взглядов) при любом тематизировании объектов; упор на спектр и мозаику, а не на принуждение к вытекательности и привязкам

♦ Если взглянуть на сущее глазами природы, то окажется, что на свете нет ничего редкого и неповторимого; оно существует только для нашего знания, которое является весьма ненадёжной отправной точкой наших суждений и которое то и дело внушает нам крайне ложное представление о вещах.

♦ Самое, на мой взгляд, тягостное и трудное на свете дело — это достойно царствовать.

4. МЫСЛИ

◪ ...Поскольку этим людям так и не удалось постигнуть самих себя и познать своё естество, неизменно пребывающее у них на глазах и заключённое в них самих... могу ли я верить их мнениям о причинах приливов и отливов на реке Нил?

◪ Если бы мне довелось прожить еще одну жизнь, я жил бы так же, как прожил; я не жалею о прошлом и не страшусь будущего.

◪ Самым лучшим доказательством мудрости является непрерывное хорошее расположение духа.

◪ Человек... Одного солнечного луча достаточно, чтобы сжечь и унич-

тожить его; достаточно бросить ему немного пыли в глаза (или напустить пчел...) — и сразу все наши легионы даже с великим полководцем Помпеем* во главе будут смяты и разбиты наголову.

- Законы пользуются всеобщим уважением не в силу того, что они справедливы, а лишь потому, что они являются законами.
- Когда я мысленно представляю себе человека совершенно нагим (и именно того пола, который считается наделенным большей красотой), когда представляю себе его изъяны и недостатки, его природные несовершенства, то нахожу, что у нас больше оснований, чем у любого другого животного, прикрывать свое тело.
- Разумный человек не потерял ничего, если он сохранил самого себя.
- Самая великая вещь на свете — уметь принадлежать себе.
- Предвкушение смерти есть предвкушение свободы. Кто научился умирать, тот разучился рабски служить.
- Люди ничему не верят так твердо, как тому, о чём они меньше всего знают.
- Что бы ни говорили, но даже в самой добродетели конечная цель — наслаждение.
- Жизнь сама по себе — ни благо, ни зло: она вместилище и блага, и зла, смотря по тому, во что превращают ее.
- Если жить в нужде плохо, то нет никакой нужды жить в нужде.
- Трусость — мать жестокости.
- Судьба благосклоннее всего к тем именно предприятиям, где успех зависит исключительно от нее.
- Прекрасное, когда оно не к месту, перестаёт быть прекрасным.
- Кого бы ни взялся изображать человек, он всегда играет вместе с тем и себя самого.
- Умение достойно проявить себя в своей природной сущности есть признак совершенства и качество почти божественное. Мы стремимся быть чем-то иным, не желая вникнуть в своё существо, и выходим за свои естественные границы, не зная, к чему мы по-настоящему способны. Незачем нам вставать на ходули, ибо и на ходулях надо передвигаться с помощью своих ног. И даже на самом высоком из земных престолов сидим мы на своём заду.
- Никто не раздаёт всех своих денег другим, а вот своё время и свою жизнь раздаёт каждый; и нет ничего, в чем бы мы были настолько же расточительны и в чем скупость была бы полезнее и похвальнее.
- Тщеславие и любопытство — вот два бича нашей души. Последнее побуждает нас всюду совать свой нос, первое запрещает оставлять что-либо неопределённым и нерешённым.
- Тысячи путей уводят от цели, и лишь один-единственный ведет к ней.
- ...Не достигнув желаемого, они сделали вид, будто желали достигнутого.
- Со страданием дело обстоит так же, как с драгоценными камнями, которые светятся ярко или более тускло в зависимости от того, в ка-

* **Гней Помпей Магн** (106 – 48 гг. до н. э.) — римский военный и политический деятель. Родом из Пианума; сын Гиея Помпея Страбона.

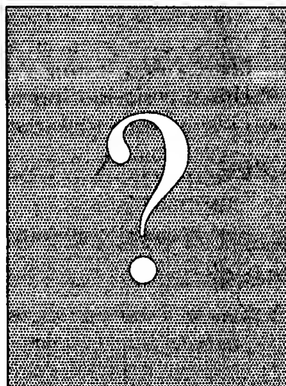
кую оправу мы их заключаем; подобно этому и страдание захватывает нас настолько, насколько мы поддаёмся ему.

- Доволен не тот, кого другие мнят довольным, а тот, кто сам себя считает таковым.
- Душа, не имеющая заранее установленной цели, обрекает себя на гибель, ибо, как говорится, кто везде, тот нигде.
- Нет стремления более мужественного, чем стремление к знанию.
- Если можно быть ученым чужою ученостью, то мудрыми мы можем быть лишь собственной мудростью.
- К чему нам познание вещей, если из-за него мы теряем спокойствие и безмятежность.
- Лучшее наше творение — жить согласно разуму.
- Взять город приступом, выслать посольство, царствовать над народом — всё это блестящие деяния. Смеяться, любить и кротко обращаться со своей семьей, не противоречить самому себе — это нечто более редкое, более сложное и менее заметное для окружающих.
- Сильное воображение порождает событие.
- Пытливости нашей нет конца, — удовлетворенность ума — признак его ограниченности или усталости.
- Кто попадает далее цели, тот так же промахивается, как и тот, кто не попал в цель.
- Врач, впервые приступая к лечению своего пациента, должен делать это изящно, весело и с приятностью для больного; и никогда хмурый врач не преуспеет в своем ремесле.
- Счастье человеческое состоит вовсе не в том, чтобы хорошо умереть, а в том, по-моему, чтобы хорошо жить.
- Смерть должна быть такая же, как и жизнь; мы не становимся другими только потому, что умираем.
- Нет ответа более унижающего, чем презрительное молчание.
- Все средства — при условии, что они не бесчестны, — способные оградить нас от бедствий и неприятностей, не только дозволены, но и заслуживают всяческой похвалы.
- Величие души не столько в том, чтобы без оглядки устремляться вперёд и всё выше в гору, сколько обойти препятствия.
- Какой бы великой ни была наша мудрость, но давайте всё же признáем, что Судьба ей не подчиняется.
- Мы обычно губим себя нетерпением. А ведь беды наши имеют свою жизнь и свой предел, свои болезни и своё здоровье.
- Одно из мудрейших правил в воинском искусстве — не доводить противника до отчаяния.
- Наше восприятие блага и зла в значительной мере зависит от представления, которое мы имеем о них.

> Интересен имеющийся у Монтеня изнанковый аргумент (высказанный им относительно изречения *Эпикура*, сказавшего, что «мудрый не может превратиться в безмозглого»):
>
> «Кто хоть раз был по-настоящему глупым, тот никогда не станет по-настоящему мудрым».

Пьер Шаррон

XVI – XVII вв.

• Французский философ

Ро́дился: 1541 г.
Умер: 16.11.1603 г.

Прожил — 62 года

«Следуйте природе».
(Шаррон)

■ **«Солнце — мой ощутимый бог, подобно тому как Бог — мое неощутнмое солнце».** *(Шаррон)*

■ **«Удивляться какой-нибудь мыслн — это слабость».** *(Шаррон)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Париже.
• Там же весьма успешно учился и прослушал курс философии.
• Обучáлся в университетах в Орлеане и в Бурже, где изучал гражданское и каноническое право, и во втором из них получил степень доктора права.
• В течение пяти лет Шаррон работал адвокатом в парижском парламенте.
• Чувствуя в себе неспособность «прогибать спину» перед прокурорами и ходатаями по судебным делам, он постепенно переменил занятие и преуспел в проповеднической деятельности на богословском поприще.
• Есть свидетельства, что многие епископы старались привлечь Шаррона в свои епархии.
• Ни бакалавром, ни доктором богословия Шаррон не стал, довольствуясь лишь саном священника.
• Семнадцать лет он прожил вне Парижа и вернулся в родной город только на 47-м году жизни.
• Но уже в 1589 г. Шаррон уезжает в Бордо, где у него завязывается тесная дружба с Мишелем Монтенем.
• Какое-то время Шаррон был секретарем у Монтеня и Гильома дю Вэра (1556 – 1621), французского политика и моралиста.
• Шаррон считал **скептицизм** самой здоровой и самой надежной философией:

♦ Истина сокрыта всецело в лоне божества, для нас сомнение и исследование — единственное благо среди всех тех заблуждений и горестей, которые нас окружают.

• Был придворным проповедником при дворе Генриха IV.
• Затем стал главным викарием при епископе города Кагора.

• **Сочинения Шаррона:**

«Три истины» («Les Trois Vérités», 1593):

♦ Существуют три истины:

1) есть лишь один Бог и одна истинная религия;

2) из всех религий — христианская самая истинная;

3) из всех христианских церквей римско-католическая церковь единственно истинная. ♦

/ Эта книга принесла Шаррону сан великого викария (заместителя епископа по управлению епархией) в Кагорском епископате и должность теологального каноника, т. е. члена высшей епископальной коллегии. /

// Издавая эту книгу, Шаррон поскромничал поставить на ней свое имя. Это было первое его сочинение, и он как автор, видимо, еще немного робел. //;

«Христианские рассуждения» («Duscours chrétiens», 1600);

«Трактат о мудрости» («Traité de la Sagesse», 1601):

/ Этот трактат, состоящий из трех книг, был задуман Шарроном как своего рода энциклопедия человековедения. В оркестре нашей сущности ему хочется показать каждый инструмент. Но этого не сделаешь без правды и мужества, и Шаррон демонстрирует их нам (совершенно без утайки и совершенно без позы; скромно, но с достоинством).

Шаррон: «В конце концов, что́ лучше показывает слабость человеческую, чем религия?» /

// Нападки иезуитов на эту книгу были бесподобны по злобности. (Вот только одна из великого множества тогдашних негативных формулировок в адрес автора книг «О мудрости»: «Этот недобросовестный человек своим богохульным умом старается показать, что истинная мудрость состоит в том, чтобы презирать религию».) Церковные ортодоксы зачислили Шаррона в число самых опасных и злостных атеистов. Они без устали чернили книгу и ее автора как рассадников безбожия. И не видеть бы «О мудрости» света, если бы не заступничество ряда очень влиятельных государственных деятелей. //

///◐ Понимая, что пишет он для людей, а они (люди), конечно же, разные и всем не угодишь, и в то же время, занимаясь исследованием мудрости, нельзя не знать, что **потакать людям — это не уступка им, а твоя обязательность** (как роза, скажем, должна быть не только колючей, если хочет быть нужной, но и пахнущей и красивой), Шаррон через год, при переиздании своего трактата, делает уже *упреждающие шаги* по отношению к читателям, дабы войти с ними в некое, хотя бы частичное, созвучие.

И это его **необходимое** умаление себя стало пьедесталом его философской известности и служит поучительным примером всем, кто забывает, что, для того чтобы услышали, надо не раздирать рот, а всего лишь приоткрыть уши. ◑

Шаррон:

«Я хочу предупредить читателя, который возьмется судить об этом произведении, чтобы он остерёгся впасть в одну из следующих семи ошибок, как это сделали некоторые в отношении первого издания.

Вот эти ошибки:

1) расценивать как право и обязанность то, что сообщается в книге лишь как факт;

2) расценивать как действие то, что в книге приводится лишь как суждение;

3) усматривать решение и определение в том, что в книге лишь предлагается, рассматривается с разных сторон и обсуждается проблематически и академически;

4) приписывать мне в качестве моих собственных мнений то, что я сообщаю в качестве мнений, принадлежащих другим;

5) приписывать состоянию, профессии, внешним условиям то, что относится к уму и внутреннему достоянию человека;

6) приписывать религии и вере в Бога то, что есть лишь мнение человеческое;

7) приписывать благодати и сверхъестественному действию то, что имеет ценность и действие естественное и моральное.

Отказавшись в своем отношении к книге от всякой страсти и от всяких предубеждений, читатель найдет в этих семи пунктах, если он их верно поймет, средство для разрешения своих сомнений, для ответа на все возражения, которые и он сам, и другие могут выдвинуть, и сможет выяснить, в чем состояли мои намерения в этом произведении. Если после всего этого читатель останется недоволен, не согласится с моей книгой, пусть он смело и горячо на нее нападает (ибо заниматься лишь тем, чтобы злословить и порочить чужое имя, — дело людей в высшей степени недостойных и педантов); тогда он либо вскоре чистосердечно признается, что он ошибся, что он со мной согласен (ибо эта книга прославляет откровенность и чистосердечие и воздаёт им честь), либо обнаружит свою наглость и безумие». ///

• Шаррон был безупречен и высоконравствен.

• Если Шаррон развивал чьи-то мысли, скажем Плутарха или Сенеки, то он продолжал их в тех областях, куда его предшественники или не рисковали, или даже не помышляли заходить.

• Критикуя кого-либо, Шаррон обходил половинчатость и не прибегал к экивокам, он использовал всю силу своего ума и никого не щадил. К примеру:

♦ Религия — мудрое измышление людей, придуманное ими, чтобы удерживать население в рамках его долга.

• Умер он внезапно, на улице, 16 ноября 1603 года.

2. СУДЬБА

► Из обвинений, что были брошены в Шаррона в связи с первым изданием исследования «О мудрости», наиболее хлесткими и по цели, и по подоплёке намерения были те, что поместил

некий иезуит Гарасс в своих книгах «Система теологии» и «Защита от настоятеля Ожье» (настоятель Ожье в книге «Критика любопытной доктрины отца Гарасса» сделал попытку оправдать и защитить Шаррона):

- «В наше время дьявол, творец атеизма, подражающий, обезьянничая, творениям Бога, породил два богохульных ума, христиан по видимости и атеистов на деле, чтобы создать в подражание *Соломону* Мудрость и Премудрость. Один — миланец Джироламо Кардано, сочинивший пять книг «О мудрости» на латыни, другой — парижанин Пьер Шаррон, создавший три книги «О мудрости» на родном языке. Оба равно губительны, оба великие враги Иисуса Христа и честности нравов».
- «Книги Шаррона более опасны для молодежи и современных людей, обладающих лишь посредственной ученостью, чем книги Теофиля де Вио и Лючилио Ванини, поскольку он говорит больше мерзостей, чем они, но говорит их, придерживаясь некоторых приличий, т. е. он опаснее этих авторов, так соблюдает осторожность, и трактат «О мудрости» читается как книга благочестивого человека».

∇ ◐ Судьба «О мудрости» (произведения, наделавшего в обществе столько шуму) сложна, но у великих книг рождение на свет не бывает простым: им мешают люди, но им и помогают люди. И всё же Шаррону во втором, бордоском издании книги многие формулировки парижского (1601 г.) издания пришлось или смягчить, или исправить, или вовсе заменить. ◑

► ◐ Шаррон писал книгу о мудрости, а получилось, что о себе. Это довольно странный феномен, когда желание человека превзойти себя оборачивается глубоким вхождением в себя. Значит ли это, что **мудрость** вовсе не тайна мира, а всего лишь наше нутро? Нет, не значит. Просто человек есть тайна мира, и потому показ его «нутра» и есть проникновение в Универсум и даже дальше... Другое дело, преуспел ли в своем начинании Шаррон?

Давайте подумаем. Дождь постигает себя разливами получающихся луж и высотой образуемых брызг. То есть обратность, а без нее себя не увидишь, по эстетике всегда заметно слабее (напрямую он, дождь, — виртуоз-музыкант, порождающий вдохновенные звуки, извлекая их из струн-струй). Если данное наблюдение обобщить, то искать искомое надо не в словах автора, а в эффекте от них в душе читающего. Попробуйте, вмыслитесь в нижеследующее, такое откровенное и высоко ценимое поклонниками Шаррона место. Его слова учат бесчисленное множество нас, потомков, всматриваться в себя, когда хочешь понять другого, и всматриваться в другого, если хочешь понять себя ◑:

♦ Некоторые находят эту книгу чересчур смелой и чересчур вольнодумной, поскольку она противоречит общепринятым мнениям, и обижаются. Я отвечу им так. Во-первых, мудрость, не являющаяся ни общепринятой, ни распространенной, обладает именно этой свободой и правом судить обо всём (это привилегия того, кто обладает мудрым духом, «духовное всех учит и никем не обсуждается», так,

кажется, нас учат) и, подвергая суду общепринятые и распространенные мнения, критиковать и осуждать их (в большинстве своем эти мнения ошибочные). Кто же еще это сделает? Но, делая это, мудрость не может не навлечь на себя грубые нападки и зависть людей. Я жалуюсь на людей и упрекаю их в слабости ума и женском легкомыслии, презренном, чересчур ограниченном, чтобы понять стóящую вещь, и вовсе не способном к мудрости. Наиболее сильные и смелые утверждения являются наиболее здравыми для сильного и возвышенного ума. Во-вторых, в этих утверждениях нет ничего странного для того, кто знает, что собой представляет мир. Нужно призвать на помощь всё своё мужество, укрепить свою душу, закалить ее, развить ее познавательные способности, ее способность понимать, судить о любых вещах, какими бы странными они ни казались, и уметь ими пользоваться. Разуму вполне приличествует охотиться за чем угодно. Но нужно, чтобы сам разум не был ущербным. Необходимо соглашаться лишь с добрыми и прекрасными мыслями и лишь сообразно им поступать, что бы ни говорили все окружающие. В обоих отношениях мудрец равно показывает свое мужество. Слабые же умы не способны ни к тому, ни к другому, они слабы в обоих отношениях. В-третьих, всё, что я предлагаю, я никому не навязываю. Я лишь излагаю известный материал и выставляю его, как на шахматной доске. Я не рассержусь, если мне не поверят: так поступят педанты. Страсть высказывает то, чего не станет высказывать разум. Кто в чём-то придерживается страсти, не станет следовать разуму. Почему эти люди приходят в ярость? Потому, что я не во всём разделяю их мнение? Не сержусь же я из-за того, что они не разделяют моего мнения. Или они злобствуют из-за того, что я говорю нечто, не соответствующее общепринятому мнению? Почему я говорю это? **Без основания я ничего не утверждаю.** Если они сумели понять и оценить то, что я говорю, если они обладают мыслями, лучшими, чем мои, мыслями, ниспровергающими мои мысли, я с удовольствием и с благодарностью выслушаю всех, кто бы эти мысли ни высказал.

► Мишель Монтень питал к Шаррону особую привязанность и разрешил ему в своем завещании, поскольку не имел после себя потомков мужского пола, носить после своей кончины оружие своей дворянской семьи.

Шаррон был очень благодарен за это и, в свою очередь, в своем завещании передавал 500 экю госпоже Леоноре де Монтень, сестре своего друга, а мужа ее сделал единственным своим наследником.

► **Пьер Бейль:**

«Шаррон обладал проницательным умом, он открывал возможности и возражения противника в той мере, в какой он мог их предвидеть, и в том случае, когда противник нападает, и в том, когда на него нападают. Он принимал те меры, какие считал необходимыми, он искусно объяснялся и, чтобы победить, не прибегал к хитрости. Его ожидал плохой прием обществом, ибо люди не могут привыкнуть к такому чистосердечию...»

3. УЧЕНИЕ

♦ Не моя вина, если вы истолкуете меня дурно, но я говорю с добрыми намерениями, откровенно и то, что думаю.

♦ Из того знания, что разум и опыт подвержен ошибкам и что дух не располагает никакими средствами для различения между истинным и ложным, следует, что мы рождены для искания истины, и только, а вовсе не для обладания ею.

♦ Сомнение имеет двоякую цель — будит дух исследования и приводит нас к вере.

♦ Истинное знание Бога есть полное невéдение о нем. Приблизиться к Богу — значит познать непостижимый свет.

♦ Истинная наука и истинное знание человека — это сам человек.

♦ Я хочу, чтобы люди были добродетельны без рая и ада. Я хочу, чтобы каждый был добродетелен потому, что этого требуют природа и разум.

♦ Жизнь есть сплошное несчастье. Человек способен только на посредственность, не может быть ни вполне добр, ни вполне зол, он слаб в добродетели, слаб в пороках, самое лучшее он портит своими же руками.

♦ Доступ к мудрости открывает самопознание, вознаграждение же от нее — душевное спокойствие.

♦ Будучи функцией самопознания, мудрость напрямую зависит от честности.

© Прямота искренности, с которой Шаррон решил заговорить с миром, рисует его как смелого и бескомпромиссного человека. Но давайте зададимся вопросом, а чем закончится ýдаль камня, решившего, невзирая на вес, удержаться на воде? Что, разве он не потонет?! Храбрость? Безумство? Безумство храбрости?! Наверное, ни то, ни другое, ни третье... *Желание сказать* не должно превалировать над желанием желающих *не слушать*. В противном случае книга «О мудрости» будет амвоном совсем другой речи. Тот, наверно, не мудрец, кто себе искал конец. В эту аксиому вполне укладывается, думаю, без труда прогнозируемый социальный резонанс от вот хотя бы такой мысли Шаррона:

> «Нужно, чтобы религии были доставлены и вручены при посредстве необыкновенного небесного откровения, чтобы они были восприняты при посредстве божественного вдохновения, как пришедшие с небес. Так говорят все придерживающиеся какой-нибудь религии и верящие в то, что ею проповедуется. И все они прибегают к одинаковым речам, говоря, что религия их исходит не от людей, не от какого-нибудь земного создания, а от Бога. Но если говорить правду, без лести и без притворства, это совсем неверно. Эти религии, что бы о них ни говорили, созданы человеческими руками и человеческими средствами».

Мудрость, написанная для потомков, по-видимому, будет для них оскорбительной (они вполне определятся в этом вопросе сами и, скорее всего, без нас). Мудрость, не учитывающая современников, не может быть похвальна, ибо она должна это делать, иначе какая же она, простите, **мудрость**? Мудрость — это не хлеб — пожевал и сыт; и не светоносный луч — схватил на лету и пошел. Мудрость для человека —

это не привнесенное чужое знание, а удобно для пользования упорядоченное его.

Почему я это говорю. Да потому, что сколько бы и кто бы нас ни учил, мы понимаем только себя. Если другим в отношении нас что-то и удается, так это только будить спящее в нас наше же. Не вещать знания мудрость, а навещать их. Это старая истина: ключ открывает замо́к, а не наоборот! ◑

♦ Бессмертие души — это наиболее повсеместно принятая мысль, признаваемая са́мой религиозной (это главное основание всякой религии) и са́мой правдоподобной. Я имею в виду внешнее, публичное признание, потому что серьезное, внутреннее и подлинное признание не так уж общепринято, о чем свидетельствует позиция, занимаемая в этом вопросе эпикурейцами, вольнодумцами и насмешниками. Саддукеи, самые богатые из евреев, пытались отрицать бессмертие души — то, во что всего полезнее верить, но что никоим образом не доказано многочисленными естественными и человеческими доводами и, собственно, лучше установлено средствами религии, чем любыми другими средствами.

♦ Поистине странная вещь христианская религия, которая, будучи единственно верной религией на свете и владея истиной, открытой ей Богом, должна была быть единой внутри себя, поскольку существует только лишь один Бог и одна истина. Но христианская религия тем не менее расколота на множество частей, разделена на множество мнений и сект, противоположных друг другу до такой степени, что нет ни одного догмата, ни одной доктрины в этой религии, которые бы не трактовались самыми различными способами, не были предметом спора и в отношении которых не было бы ересей и противоположных сект. Тот факт, что у других религий, ложных, незаконнорожденных, неверных — языческой, еврейской, магометанской, таких раздоров и такого пристрастия мы не находим, принуждает считать христианскую религию еще более странной. Те же разногласия, которые у них имеются, либо немногочисленны, несерьезны и незначительны, как в иудейской и магометанской религиях, либо, если их и много, как у язычников и среди философов, то они по крайней мере не вызывают очень больших и бурных событий и смут в обществе. Эти разногласия в ложных религиях ничтожны по сравнению с великими гибельными расколами, которые начинаются с момента возникновения христианства и постоянно сопровождают его в ходе всей его истории. Если мы рассмотрим последствия, вызванные расколами в христианстве, то убедимся, что это ужасающая вещь. Прежде всего это касается общества и государства; в результате расколов в христианской религии часто возникали волнения, гибли республики и королевства, распадались народы и империи, и дело доходило до всеобщей смуты, охватывающей всё общество и сопровождающейся жестокими, ужасиыми, крайне кровавыми делами, что является величайшим скандалом, позором и упреком христианству, под сенью которого, пользуясь предлогом религиозного рвения и привязанности к религии, каждая партия смертельно ненавидит все прочие и считает, что ей дозволено совершать против них любые акты вооруженной борьбы: явление, которое не наблюдается в

других религиях. Одним лишь христианам разрешено быть убийцами, коварными людьми, предателями, неистово выступать друг против друга, совершая всякого рода бесчеловечные акты против живых и мертвых, против чести, жизни, доброй памяти, против умов, против гробниц и праха усопших, действуя огнем и мечом, прибегая к крайне едким пасквилям, проклятиям, изгнанию с земли и с неба, выкапыванию из могил, сожжению костей и опрокидыванию алтарей. И всё это совершается людьми, отвергающими какое-нибудь соглашение и исполненными такой ярости, что о том, чтобы принять во внимание родство, близость, дружбу, заслуги, долг, не может быть и речи. И о том, кого вчера возносили до неба, о ком писали, что он великий, ученый, добродетельный, мудрый, если он сегодня перешел в другую религиозную партию, пищут, проповедуют, провозглашают, что он невежда, ничтожество. В этом проявляется рвение и пыл по отношению к своей религии, к соблюдению же всех прочих требований религии относятся холодно. Те, кто ведет себя воздержанно и скромно, берутся на заметку как подозрительные, равнодушные и малоусердные. Дружески относиться к тем, кто принадлежит к противоположной партии, оказывать им хороший прием считается тягчайшей провинностью. Всё это многих возмущает, так как получается, будто христианская религия учит ненавидеть и преследовать, оказывается у нас на побегушках и используется нами, чтобы извлечь выгоду из наших страстей: честолюбия, скупости, мстительности, ненависти, презрения, жестокости, мятежности, бунтовщичества. Эти страсти торжествуют и не мешают религии, поскольку именно религия их пробудила.

4. МЫСЛИ

Мой предмет исследования — атеизм тех, кто отрицает божество и хочет посредством рассуждения решить вопрос в пользу того взгляда, что Бога, де, вовсе не существует. У этого атеизма глубокие корни. Он — «ученый», если судить по тем, кто его исповедует, и «всеобъемлющий» — по охватности тем неверия и безапелляционной критики. Его дóлжно поставить на первое место по неприятию идей святой церкви. Я не поколебался бы квалифицировать его как «из ряда вон выходящий». Такой атеизм может пребывать лишь в душе необычайно сильной и мужественной, неистовой и фанатичной:

Знать, из дуба иль меди
Грудь тот имел...
(**Гораций.** *Оды*)

Конечно, необходимо обладать такой же и, может быть, большей силой и непреклонностью души, чтобы отвергнуть веру в Бога и решительно освободиться от нее, как и для того, чтобы постоянно и прочно держаться веры. Эти противоположные крайности труднодостижимы и редко встречаются. Но первая из них встречается еще реже, чем вторая. Все люди, занимающие среднее положение, обладают посредственной силой и посредственной добродетелью, они не могут отделаться от Бога и тем не менее держатся за него трусливо и равнодушно. В этой позиции пребывают почти все, в большей или меньшей мере различаясь между собой бесконечным количеством степеней...

Чтобы держаться Бога прочно и непоколебимо, требуется очень большая сила и целеустремленность души, которая для этого должна быть всегда собранной и напряженной; для этого требуется особая высочайшая милость и благодать Божья, непрерывное присутствие Святого Духа. Чтобы освободиться от веры в Бога и полностью отбросить чувство и восприятие божества, которыми мы пропитаны до мозга костей, необходима чудовищная, бешеная сила души, такая сила, какую очень трудно найти. Хотя великие и выдающиеся атеисты предпринимали большие усилия, проявляя возвышенную и неистовую отвагу, чтобы сбросить возвышающееся над ними божество и освободиться от всякой силы, стоящей над ними, но наиболее искушенные среди тех, кто прилагал усилия в этом направлении, отнюдь не смогли достичь упомянутой цели. Чувствуя себя непринужденно, будучи уверены в правоте своих рассуждений, они, казалось, достигли того, к чему стремились, смеясь над всеми представлениями о Боге и религии. Тем не менее, когда им случалось попасть в очень трудное положение, они поддавались религиозным чувствам, как малые дети. Если они сталкивались с чудом, с чудовищным гневом Бога, то они пугались больше и бледнели больше, чем другие люди, прячась при сверкании молнии и грохоте грома. Таким образом, не желая признавать божества, чтобы освободиться от страха перед ним, они попадают в такое положение, когда страх перед ничтожнейшими вещами заставляет их признать божество.

/© Мысли сильного ума вызывают сильные общественные брожения. Не стало исключением и вышеприведенное мнение Шаррона. В сразу же вышедшей следом «Апологии» иезуит Гарасс вступил в спор с автором рассуждений «О мудрости».

В этой полемике доводы оппонента столь любопытны, что нужно только благодарить Шаррона за то, что он дал для них повод.

Гарасс:

«Шаррон выдвигает положение, что выдающийся вид атеизма, который занимает первое место, может пребывать лишь в душе необычайно сильной и смелой и что для того, чтобы отвергнуть Бога и решительно освободиться от него, необходимо больше силы и непреклонности, чем для того, чтобы постоянно и прочно держаться Бога. И хотя он старается смягчить это высказывание посредством коварного оборота речи, я тем не менее говорю, что оно отвратительно и опасно, так как способствует тому, что многие молодые, неопытные люди, которые испытывают сомнения, но еще не настолько обезумели, чтобы совсем лишиться веры в Бога и страха перед ним, прочитав такую фразу, задирают нос. Ведь поскольку нет человека, которому, естественно, не польстило бы прослыть обладателем большого и очень сильного ума, то, если случится, что потрясенные и ошеломленные молодые люди поверят этой фразе (подобно тому как они поддаются речам вольнодумцев), они станут ярыми атеистами. Всё рассуждение Шаррона ведет ум его читателей к безумному стремлению отвергнуть веру в Бога. Когда Шаррон подтверждает, что все атеисты умирают

безумцами или трусами, как мы это видели в случаях с Фонтанье* и Ванини — после дерзких бравад против божества они, будучи в тюрьме, без конца делали притворные и кощунственные признания, чтобы казаться порядочными людьми, — когда Шаррон это подтверждает, это лишь проявление животного страха с его стороны». ◑/

- Неверующим человеку стать очень легко. Достаточно начать советоваться со своим разумом и много слушать его мнения по поводу религии.
- Только покорение разума возвышает нас до религии.
- Почти все мнения, которые мы имеем, получили мы через авторитеты; мы верим, судим, действуем, живём и умираем, так сказать, на веру, в кредит.
- Тот, кто принимает хорошую услугу, никогда не должен об этом забывать; тот, кто ее оказывает, — никогда не должен о ней помнить.
- Разум, опутанный, оказывает нам такую же пользу, какую крылья оказывают птице со склеенными ногами.
- Все религии чужды природе и страшны для здравого смысла; сколько-нибудь сильный разум смеётся над ними и испытывает к ним отвращение.
- Тот, кто не умеет молчать, редко умеет хорошо говорить.
- Нужно иногда оправдывать и разрешать не только вещи, которые не хороши, но и вещи плохие, подобно тому как, например, чтобы быть добрым, надо быть немного злым. Это наблюдается всюду не только в деятельности государства и юстиции, но и в религии, которая хорошо показывает, что всё устройство и поведение человека свидетельствуют о его подверженности болезням.
- Каждого его ум в соединении с естественной нравственностью может привести к пониманию житейской мудрости, которая есть не что иное, как достигаемая благодаря усилиям воли благоразумная осторожность; последняя позволяет человеку жить по законам природы и разума и приводит его к такому состоянию, когда он может возвыситься над своей судьбой.

---

* **Фонтанье Жан** (XVI в.) — парижский адвокат; воспитанный в реформаторской вере, отрекся от нее, перешел в один из монашеских орденов, затем покинул его. Был сожжен на Гревской площади в Париже по обвинению в атеизме манихейского толка.

Филиппо Бруно
/Джордано Бруно/

XVI век

• Итальянский философ, поэт

Родился: 1548 г.
Умер: 17.02.1600 г.

Прожил — 52 года

> **«Я с детства стал врагом католической веры... видеть не мог образов святых, а почитал лишь изображение Христа, но потом отказался также и от него».**
> *(Джордано Бруно)*

■ **«Мне говорят, что я своими утверждениями хочу перевернуть мир вверх дном. Но разве было бы плохо перевернуть перевернутый мир?»**
(Джордано Бруно)

1. ЖИЗНЬ

• Родина его — местечко Нола восточнее Неаполя, рядом с Везувием (отсюда прозвище «Ноланец»). История не обошла этот город стороной: его крепостные стены штурмовал Спартак, здесь умер император Август.
• Настоящее имя Филиппо.
• Родился в семье мелкого дворянина.
• Одиннадцати лет Бруно поступил в школу в Неаполе.
• В 14 лет стал студентом начального факультета Неапольского университета, изучает здесь философию: логику и диалектику (как искусство красноречия).
• С 1565 г. он учится в монастырской школе доминиканского ордена, где получает по окончании обучения сан священника и степень доктора философии.
• Природные способности юноши, богатая редкими книгами библиотека монастыря, гордый и независимый нрав Бруно сплавились в единую ситуацию, которая вела и в конце концов привела его к конфликту с настоятелями и бегству сначала из монастыря, а потом и из Италии.
• Бруно скитается по городам Швейцарии, Франции, Англии, читает лекции в университетах Тулузы, Парижа, Оксфорда, участвует как непримиримый со схоластикой и рутиной диспутант в наиболее значительных научных спорах того времени.
• Находился под сильным влиянием немецких мыслителей, в особенности Николая Кузанского и Парацельса.

• В 1584 – 1585 гг., во время пребывания в Англии, Бруно опубликовал в Лондоне шесть диалогов, в которых изложил систему своего мировоззрения. Книги Джордано Бруно вышли на итальянском языке и ознаменовали собой начало итальянской научной прозы.

• Резкий атеизм в произведениях Бруно приводит его к бегству из Англии. Снова Франция, Париж, а вскоре и Германия, чтение лекций в университетах немецких городов.

• В 1591 г. во Франкфурте выходит новый цикл его сочинений.

• Осенью 1591 г. Бруно после долгих скитаний вернулся в Италию, надеясь занять пустовавшую в то время кафедру математики Падуанского университета. Попытка оказалась безуспешной: сказалась не только репутация «человека без всякой веры», но и «странная» математика, которую он читал в кружке студентов немецкого землячества. Год спустя эту кафедру занял Галилео Галилей.

• **Сочинения Бруно:**

«О бесконечности, Вселенной и мирах» (1584);
«О причине, начале и едином» (1584);
«Изгнание торжествующего зверя» (1584);
«Пир на пепле»;
«О героическом энтузиазме» (1585);
«Светильник тридцати статуй» (1587);
«Сто шестьдесят тезисов против математиков и философов нашего времени» (1588):
/ Читая произведения Джордано Бруно, следует иметь в виду, что авторскую позицию в них выражают Теофил и Филотей; Элитропей и Диксон — его последователи; Фракасторий (1478 – 1553) — реальное историческое лицо — союзник Бруно; Эльпин — мог бы быть назван «сочувствующим», а вот Буркий — он находится под влиянием Аристотеля и других схоластических авторитетов. /;
«Свод метафизических терминов» (1591);
«О тройном наименьшем и мере» (1591);
«О безмерном и бесчислимых» (1591);
«О монаде, числе и фигуре» (1591);
«О составлении образов» (1591);
«Камераценский акротизм»;
«Тайна Пегаса...»;
«Песнь Цирцеи»;
«О магии»;
«Подсвечник» (комедия).

• В мае 1592 г. Джордано Бруно оказался в застенках инквизиции. Начались долгие годы тюрьмы: унижения, попытки сломить упрямца, требования отречься от еретических взглядов...

• Неправый суд *наместников Бога на земле* приговорил неустрашимого Ноланца к смерти через сожжение. Годы донесли до нас последний всплеск несгибаемой воли этого мужественного человека — исполненный достоинства горький упрек своим истязателям: «Ваш приговор мне более страшен для вас, чем для меня!»

• 17 февраля 1600 г. сквозь языки пламени — этого последнего яркого света, которым Бруно дополнительно осветил мир, — люди, собравшиеся на площади вокруг костра, услышали завещанный человечеству возглас-девиз великого итальянца: «Сжечь — не значит опровергнуть!»
• 9 июня 1889 г. в Риме, на той самой площади, на месте, познавшем его пепел, в присутствии 6000 делегатов от всех стран и народов мира Джордано Бруно был открыт памятник.

2. СУДЬБА

➡ **Джордано Бруно:**
«Те люди, которые пожелали изведать на земле небесную жизнь, единогласно говорят: вот я убежал далеко и остался в одиночестве».

➡ Кардинал Роберто Беллармино, отправивший на костер Джордано Бруно, добившийся запрета коперниканства, увещевавший Галилея, в благочестивом сочинении «О воздыхании голубицы, или О пользе слез» советовал при виде костров вспомнить о геенне огненной: «Многие роды мучений выдуманы от людей, но нет ни одного острее, сильнее и чувствительнее огня. Но как нет мучения, которое бы сильнее терзало, так нет, напротив, которое бы быстрее истребляло, и лучше преставало, как здешний огонь, а не оный будущий».

∇ ◐ Что тут сказать? Не повезло воинственному кардиналу. Не довелось его упованиям сбыться... ◑

➡ **Джордано Бруно:**
«Мои творения будут жить до тех пор, пока Земля будет поворачивать свою живительную поверхность к вечному зрелищу других сияющих звезд».

3. УЧЕНИЕ

♦ Я утверждаю не правдоподобное, а истинное.
♦ Я не говорю, что Платон — невежда, Аристотель — осёл, а их последователи — глупцы, дураки и фанатики. Но я не хочу им верить без доказательств и соглашаться с их положениями, недостоверность которых доказана ясно и отчетливо.
♦ Мы иным образом, нежели негодяи и глупцы, определяем волю Бога. Нечестиво искать его в крови клопа, в трупе, в пене припадочного, в палачах или мистериях колдунов. Мы ищем его в неодолимом и нерушимом законе природы, в благочестии души, хорошо усвоившей этот закон, в сиянии солнца, в красоте вещей.
♦ Бог есть бесконечное в бесконечном; он находится во всём и повсюду, *не вне и не над*, но в качестве *наиприсутствующего*.
♦ Бог есть субстанция, универсальная в своем бытии; субстанция, благодаря которой всё существует; он есть сущность — источник всякой сущности, от которой всё обретает бытие. Он — глубочайшая основа всякой природы.
♦ Я полагаю с богословами и величайшими философами, что в божестве все его атрибуты составляют одно и то же. Я принимаю три атрибута: могущество, мудрость и благость, иначе говоря, — ум, интеллект и любовь.
♦ Ни одна вещь не может быть обособлена от божественного присутствия.

♦ Вселенная едина, бесконечна, неподвижна. Едина, говорю я, абсолютная возможность, едина действительность; едина форма или душа, едина материя или тело, едина вещь, едино сущее, едино величайшее и наилучшее. Она не движется в пространстве, ибо ничего не имеет вне себя, куда бы могла переместиться, ввиду того, что является всем. Она не рождается, ибо нет другого бытия, которого она могла бы желать и ожидать, так как она обладает своим бытием. Она не уничтожается, ибо нет другой вещи, в которую бы она могла превратиться, так как она является всякой вещью. Она не может уменьшиться или увеличиться, так как она бесконечна. Она не материя, ибо она не имеет фигуры и не может ее иметь, она бесконечна и беспредельна. Она не форма, ибо не формирует и не образует другого ввиду того, что она есть всё, есть величайшее, есть единое, есть Вселенная.

∇ ◐ Данное высказывание следовало бы зафиксировать как **закон**. Очевидно, что слова, употребляемые людьми, должны классификационно градуироваться как слова, которые описывают *начало* чего-либо, *процесс* и *окончание*. Естественно, что если «пространство» — характерный измеритель мира, то сам **мир** понятием пространства меряться не должен. То есть здесь действует «принцип стрелы»: вперед можно, а обратно — запрещается.

Всё порождённое не может порождать своего родителя. Добавочно: слова, относящиеся к «Началу», говорят о нем по-другому, с другим, что ли, статусом мысли, чем когда они прилагаются к нисходящим от начала вещам и событиям. Это значит, что слово «движение» должно иметь обязательные для него ограничители, когда им маркируется «Вселенная», слово «время» — описатель всего тварного и потому не может быть обращено беспредельно назад, т. е. к Творцу.

В философских конструкциях при движениях от истоков небес и Универсума ко всему нами видимому слова должны подвергаться эманационному ослаблению и закрываемо пломбироваться (запретно метиться) на всякую их силу *такого же по смыслу* отнесения назад: великое велико, но великость не велика.

Мы должны и обязаны о Боге и Начале, о Первом и Едином говорить другим языком, чем обо всём остальном, чтобы не сливалось в мыслях наших и в рассуждениях «то, из чего» с тем, «что есть».

Вся оперирующая понятиями и словами рассудочная деятельность не вправе обходить главенствующий принцип истинной последовательности: сначала поворот двери, а уж затем скрип. И не будем путать. И не станем запутываться. ◑

♦ Во Вселенной я предполагаю универсальное провидение, в силу которого всё существующее живет, развивается, движется и достигает своего совершенства.

♦ Я толкую его двумя способами. Первый способ — сравнение с душой в теле; она — вся во всём и вся в каждой любой части. Это, как я называю, есть природа, тень и след Божества. Другой способ толкования — непостижимый образ, посредством которого Бог, по сущности своей, присутствию и могуществу, существует во всём и над всем не как часть, не как душа, но необъяснимым образом.

♦ Поскольку Вселенная бесконечна и неподвижна, не нужно искать ее двигателя. Бесконечные миры, содержащиеся в ней (звезды), всё движется вследствие внутреннего начала, которое есть их собственная душа, и вследствие этого напрасно разыскивать их внешний двигатель. Вселенная есть целиком центр. Центр Вселенной повсюду и во всём.

♦ Миры составлены из противоположностей, и одни противоположности, вроде земель и вод, живут и питаются другими противоположностями, а именно солнцами и огнями.

♦ Существуют бесконечные земли, бесконечные солнца и бесконечный эфир.

♦ Миры тоже рождаются и умирают, и невозможно, чтобы они были вечны, коль скоро они изменяются и состоят из подверженных изменению частей.

♦ Мы непрерывно меняемся, и это влечет за собою то, что к нам постоянно притекают новые атомы и что из нас истекают принятые уже ранее.

♦ Ведь глупо и нелепо считать, будто не могут существовать иные существа, иные виды разума, нежели те, что доступны нашим чувствам.

♦ Другие миры так же обитаемы, как и этот.

♦ Природа либо есть сам Бог, либо божественная сила, открытая в самих вещах.

♦ Бог являет собой универсум в свернутом виде и целиком, сам же универсум пребывает в развернутом виде и не целиком.

♦ Материя всё производит из собственного лона.

♦ Все вещи находятся во Вселенной и Вселенная во всех вещах; мы — в ней, она — в нас.

♦ Мир одушевлён вместе со всеми его членами.

♦ Природа находится внутри материи, более того: она сама есть материя.

♦ Нет сущности вне и над сущим...

♦ Нет природы вне природных вещей...

♦ Сущность от бытия отличается только логически.

♦ ...Материя, или тело...

♦ Что было сначала семенем, то становится травой, затем колосом, затем хлебом, питательным соком, кровью, животным семенем, зародышем, человеком, трупом; затем опять землёю, камнем или другой массой и т. д. Здесь, стало быть, мы познаём нечто такое, что превращается во все эти вещи, но само по себе всегда остаётся неизменным. Итак, действительно, нет ничего постоянного, вечного и достойного названия начала, кроме одной материи. Материя, как нечто абсолютное, заключает в себе все формы и измерения. Но бесчисленные формы, в которых является материя, она получает не от кого-либо другого и как бы лишь по внешности, а производит из самой себя и рождает из своих недр. Где, по нашим понятиям, нечто умирает, там это лишь рождение для новой жизни, распадение одного соединения, являющееся вместе с тем составлением нового.

♦ Подобно тому как в искусстве при бесконечном изменении форм под ними всегда сохраняется одна и та же материя, — как, например, форма дерева — это форма ствола, затем — бревна, затем — доски, затем — сиденья, затем — гребенки и т. д., но дерево всегда остаётся тем же са-

мым, — так же и в природе, при бесконечном изменении и следовании друг за другом различных форм всегда имеется одна и та же материя.

♦ ...Ибо ни одна вещь не является всем тем, чем может быть.

♦ Немалого доискался философ, который проник в смысл совпадения противоположностей.

♦ Противоположности совпадают в едином... все вещи суть единое, как всякое число, в равной мере четное и нечетное, конечное или бесконечное, сводится к единице.

♦ Какая вещь более противоположна прямой, чем кривая? Однако в начале и наименьшем они совпадают, как это божественно отметил Николай Кузанский... Разве вы не видите, что чем больше окружность, тем более она приближается к прямоте?

♦ Линия есть не что иное, как движущаяся точка, поверхность — движущаяся линия, тело — движущаяся поверхность, а следовательно, подвижная точка есть субстанция всех геометрических фигур и неподвижная точка есть всё. То же положение применимо и к атому, и — первейшим и главнейшим образом — к монаде, из чего следует вывод, что минимум, или монада, есть всё, т. е. максимум и целое.

♦ Физики полагают, что величайшее и быстрейшее движение, скорее которого не может быть, не отличается от самого покоя. Покой — это движение с бесконечной скоростью.

♦ Всякая длительность есть начало без конца и конец без начала. Следовательно, всякая длительность есть бесконечное мгновение, тождество начала и конца.

♦ Кто хочет познать наибольшие тайны природы, пусть рассматривает и наблюдает минимумы и максимумы противоречий и противоположностей. Глубокая магия заключается в умении вывести противоположность, предварительно найдя точку объединения.

♦ В сильнейших ядах — лучшие целительные снадобья.

♦ Минимум количественный есть по способности своей максимум, подобно тому как возможность всего огня заключена в способности одной искры. Следовательно, в минимуме, который скрыт от человеческих глаз, заключена вся сила и поэтому он есть максимум всех вещей.

♦ Обдумав всё хорошенько, мы увидим, что уничтожение есть не что иное, как возникновение, и возникновение есть не что иное, как уничтожение; любовь есть ненависть; в конце концов ненависть к противоположному есть любовь к подходящему, любовь к первому есть ненависть ко второму. Следовательно, в субстанции и в корне любовь и ненависть, дружба и вражда одно и то же.

♦ Шарообразное имеет предел в ровном, вогнутое успокаивается и пребывает в выпуклом, гневный живет вместе с уравновешенным, наиболее гордому всего более нравится скромный, скупому — щедрый.

♦ Я считаю, что поистине не существует ничего, кроме минимума и неделимого.

♦ Дух находится во всех вещах, и нет ни малейшего тельца, которое бы не заключало в себе возможности стать одушевлённым.

♦ Душа привязана к телу не сама по себе и непосредственно, но посред-

ством духа, т. е. некоей тончайшей телесной субстанции, которая некоторым образом является чем-то средним между субстанцией души и субстанцией элементов. Основание же этой связи заключается в том, что и сама душа есть не вовсе нематериальная субстанция.

♦ Истина происходит от чувств, но не заключается в них.

♦ Чувство не видит бесконечности, и от чувств нельзя требовать этого заключения; ибо бесконечное не может быть объектом чувств; и поэтому тот, кто желает познавать бесконечное посредством чувств, подобен тому, кто пожелал бы видеть очами субстанцию и сущность.

∇ ◐ Кто только не стрелял в чувства! И из легких, и из тяжелых орудий. Сколько блеска ума и логической изощренности родилось в атаке на них. Однако крепость эту следовало бы уже окончательно отнести к разряду **твердынь**.

Конечно, находясь на земле, глаза **не видят**, что Земля круглая, хотя рассуждение даёт нам знание ее шарообразности. Но ведь для космонавта округлость Земли — уже не дело умозаключения, а **видимый** очами факт.

Нельзя также **увидеть** и зеркала (имеется в виду в «чистом» виде, без чего-либо отраженного в нем), хотя **что** может быть более видимым и конкретно осязаемым, чем оно?

А суть дела в том, что в познании следует различать две фазы. Фазы одинаковые, но разные (как правая и левая руки!). Первая — **смотрение** (ведь каждый, к примеру, может смотреть на больного) и вторая — **вйдение** (но только врач — продолжим рассуждение в ключе принятого примера — ставит диагноз, т. е. **видит** болезнь).

Чувствами мы **«видим»** всё, но нужно еще и познание, чтобы узнать об этом. И нет здесь другого пути, как путь неутомимого смотрения, терпеливого ожидания и, наконец, готовности к **усмотрению**.

«Глаз это не профессор физики», — как-то заметил один преклонный знаток науки. И слава Богу, одной бедой меньше! ◑

♦ Чувство поднимается к воображению, воображение — к разуму, разум — к интеллекту, интеллект — к мысли.

♦ Всеобщий ум — это внутренняя, реальнейшая и специальная способность и потенциальная часть души мира. Это есть единственное тождественное, что наполняет всё, освещает Вселенную и побуждает природу производить как следует свои виды, и таким образом имеет отношение к произведению природных вещей, подобно тому как наш ум соответственно производит разумные образы.

♦ **Диксон:** Скажите же, какова разница между причиной и началом в предметах природы?

Теофил: Хотя одно выражение иногда употребляется вместо другого, тем не менее, говоря в собственном смысле слова, не всякая вещь, являющаяся началом, есть причина, ибо точка — это начало линии, но не ее причина; предпосылки суть начало доказательства, но не его причина. Поэтому начало — более общее выражение, чем причина.

♦ **Полиинний:** Я хотел бы знать, каким образом форма является душою мира, присутствующей повсюду как целое, если она неделима...

Гервазий: Есть достаточное основание, чтобы она была большой. Один проповедник в Грандаццо, в Сицилии, утверждал то же самое о нашем Господе. В знак того, что последний присутствует во всём мире, он соорудил распятие столь большого размера, как церковь... Итак, смотрите, чтобы также и эта душа мира не была сделана по этому образцу.

Теофил: Я не знаю, как ответить на твое сомнение, Гервазий, но легко могу ответить на сомнение Полиинния. Всё же я скажу с известным уподоблением, чтобы удовлетворить просьбу обоих, так как я хочу, чтобы вы унесли какой-нибудь плод от наших рассуждений и разговоров:

Итак, вкратце, вы должны знать, что душа мира и Божество не целиком присутствуют во всём и во всякой части таким же образом, каким какая-либо материальная вещь может там быть, так как это невозможно для любого тела и любого духа; они присутствуют таким образом, который нелегко вам объяснить иначе, чем так: вы должны заметить, что если о душе мира и о всеобщей форме говорят, что они суть во всём, то при этом не понимается — телесно и пространственно, так как таковыми они не являются и, таким образом, они не могут быть ни в какой части; но они суть целиком во всём духовным образом. Так, например, грубо говоря, вы можете вообразить себе голос, который есть целиком во всей комнате и в любой ее части, так как он повсюду слышим весь; так эти слова, которые я произношу, слышимы все всеми, даже если бы присутствовали тысячи; и мой голос, если бы он мог распространяться по всему миру, был бы весь во всём. Итак, я говорю вам, что душа не является неделимой, как точка, но известным образом она неделима, как голос: Божество не есть во всём, как Бог из Грандаццо во всей его капелле, так как последний, хотя и находится во всей церкви, однако не находится в ней целиком, но голова его в одной части, ноги — в другой, а руки и бюст — в новой и новой части. Но это находится в любой части, как мой голос слышим весь из всех частей этого зала.

♦ Природа нисходит к произведению вещей, а интеллект восходит к их познанию по одной и той же лестнице.

♦ Познание всех зависимых вещей не даёт нам знания первого начала и первой причины, а лишь следы. Это же самое может быть усмотрено в искусственных вещах; поскольку тот, кто видит статую, не видит скульптора, кто видит изображение Елены, не видит Апеллеса, но видит следствие действия.

4. МЫСЛИ

◘ Кто желает философствовать, должен вначале во всём сомневаться.

◘ Жизнь человека на Земле является не чем иным, как состоянием войны! Он должен поражать ничтожность лодырей, обуздывать нахальство, предупреждать удары врагов.

- Предосудительно — давать определения неизученным вещам; низко — думать чужим умом; продажно, раболепно и недостойно человеческой свободы — покоряться; глупо — верить по обычаю; бессмысленно — соглашаться с мнением толпы, как будто количество мудрых должно превосходить, или равняться, или хотя бы приближаться к бесконечному числу глупцов.
- Говорить терминами истины там, где это не нужно, значит хотеть, чтобы простой народ и глупая масса, от которой требуется практическая деятельность, имели специальное понимание: это всё равно что хотеть, чтобы рука имела глаз, хотя она природой создана не для того, чтобы видеть, но чтобы делать и содействовать зрению.
- Обыкновенно те, у кого не хватает понимания, думают, что знают больше, а те, которые вовсе лишены ума, думают, что знают всё.
- Как невозможно дважды войти в одну реку, и более того, как говорят, даже и единожды, так невозможно дважды поименовать одну и ту же сложную вещь; более того — пока ее именуют, она уже иная.
- Особенностью живого ума является то, что ему нужно лишь немного увидеть и услышать для того, чтобы он мог потом долго размышлять и многое понять.
- При перемещении кольца воздух, находящийся внутри него, не движется вместе с ним, а всякий раз оказывается иной. Так же надо судить о пустоте, или способности поглощать, заключенной в телах, но остающейся неподвижной, когда они меняют место.
- Вера требуется для наставления грубых народов, которые должны быть управляемы, а доказательства — для созерцающих истину, которые умеют управлять собой и другими.
- Лучше достойная и героическая смерть, чем недостойный и подлый триумф.
- Смерть в одном столетии дарует жизнь во всех грядущих веках.
- **Стихи о любви:**

  Любви своей неся высокий стяг,
  Я то в ознобе, то горю от страсти,
  Воплю, безгласен, от такой напасти,
  Дрожу в огне, смеюсь от передряг,
  Я слезы лью, но пламень не иссяк.
  Я жив, я мертв, я у страстей во власти.
  Над морем слез пожары скалят пасти,
  Вулкан и Тейя — кто мне худший враг?
  Но я в самом себе люблю другого:
  Кремня он крепче, я — летучий пух.
  Он рвется ввысь, а мой порыв потух.
  Зову его — в ответ хотя бы слово.
  Бегу за ним — его же нет как нет.
  Чем я упорней, тем слабее след.

Ф. Бэ́кон

XVI – XVII вв.

Фрэнсис Бэкон
/лорд Веруламский/

• Английский философ

Родился: 22.01.1561 г.
Умер: 09.04.1626 г.

Прожил — 65 лет

> **«Не может быть двух более счастливых свойств, чем быть немножко глупым и не слишком честным».** *(Ф. Бэкон)*

■ **«Поверхностная философия склоняет ум человека к безбожию, глубины же философии обращают умы людей к религии».** *(Ф. Бэкон)*

■ **«Я исполняю не дело судьи, а дело "указующего"».** *(Ф. Бэкон)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Лондоне, в Йорк-Хаузе на Стренде.
• Происходил из дворянской семьи, которая в английской политической жизни занимала видное место (его отец Николас Бэкон был лордом-хранителем печати и первым министром королевы Елизаветы). Мать Бэкона — Анна Кук, дочь сэра Антони Кука, воспитателя короля Эдуарда VI.
• Весной 1573 г. его посылают учиться в Тринити-колледж в Кембридж.
• С 16 лет Фрэнсис в составе английской дипломатической миссии; ряд лет он провел во Франции, где познакомился со многими выдающимися личностями французской культурной и научной жизни.
• В 18 лет остался без отца.
• В 23 года с помощью своего дяди, лорда Берли, видного сановника Елизаветы, Фрэнсис Бэкон был избран в парламент.
• После возвращения в Англию Ф. Бэкон начинает изучать право, занимается юридической практикой и участвует в политической жизни.
• В 1856 г. Ф. Бэкон становится старшиной юридической корпорации. Он строит себе в Грейс-Инн новый дом, пишет ряд трактатов по правовым вопросам и ведет обширную судебную практику:

/ До нас дошло свидетельство современника — известного английского драматурга Бена Джонсона о том впечатлении, которое производило выступление на суде Бэкона-юриста: «Никогда и никто не говорил с большей ясностью, с большей сжатостью, с бо́льшим весом и не до-

пускал в своих речах меньше пустоты и празднословия. Каждая часть его речи была по-своему прелестна. Слушатели не могли ни кашлянуть, ни отвести от него глаз, не упустив что-нибудь. Говоря, он господствовал и делал судей по своему усмотрению то сердитыми, то довольными. Никто лучше его не владел их страстями».

• В 52 года Фрэнсис Бэкон стал генеральным прокурором Англии.

• В 1618 г. он получил титул барона Веруламского, а через 3 года — виконта Сен-Олбэн.

• Свои научные устремления Ф. Бэкон сознательно посвятил **«Великому Восстановлению Наук»**:

> **«Я хотел бы призвать всех людей к тому, чтобы они помнили истинные цели науки, чтобы они не занимались ею ни ради своего духа, ни ради неких ученых споров, ни ради того, чтобы пренебрегать остальными, ни ради корысти и славы, ни для того, чтобы достичь славы, ни для неких иных низких умыслов, но ради того, чтобы имела от нее пользу и успех сама жизнь».**

• Большая часть работ Ф. Бэкона была создана в то время, когда он занимался практической политической деятельностью. К иным, ранним произведениям, Ф. Бэкон возвращался и позже, дополняя и поправляя их.

• В своих произведениях Бэкон ссылается на работы классических древнегреческих и древнеримских авторов, на труды Телезио, Монтеня, Коперника, а также на Священное писание.

• **Сочинения Ф. Бэкона:**

«Опыты (эссе) и наставления моральные, экономические и политические» (1597):

/ Эссе представляют собой 58 сравнительно коротких заметок, посвященных различным темам гуманитарных наук и озаглавленных: «Об истине», «О красоте», «О высокой должности» и др. /;

«О мудрости древних» (1609);

«О началах и истоках»:

/ Произведение это написано в 1611 г., но издано было лишь через 27 лет после смерти философа. /;

«Новый Органон Наук, или Верные указания к истолкованию природы» (1620);

«Новая Атлантида» (1623 – 1624):

/ Жанровая принадлежность данного трактата — «философская утопия». /;

«История Генриха VII»;

«Естественное и экспериментальное описание к основанию философии».

• Политическая карьера Фрэнсиса Бэкона достигла вершины в эпоху Якова I (Шотландского), вступившего на престол в 1603 году. Спустя сравнительно короткий срок, в 1617 г. (Ф. Бэкону уже 56 лет), он становится лордом-хранителем большой государственной печати, а потом и лордом-канцлером.

• ◐ Бэкон — первый аналитик манипулятивистики. Распассовки и раскладки межличностного поведения волнуют его и как участника «целепреследующих контактов» и как их исследователя. Особенно ценно и благодарственно то, что он не оставил без внимания свой опыт царедворца, а тщательно продумал его и дал весьма полезный для практики человеческого общения список ◐:

♦ **Приёмчики хитрости:**

1. Не выдавать лицом и глазами своих потаённых замыслов.
2. Отвлекать собеседника каким-нибудь предметом беседы, дабы он не имел времени найти время для возражений.
3. Пробовать пытаться застать другого врасплох, ибо неожиданность ошеломляет и выбивает из привычной колеи.
4. Хорош «перехват» дела, когда его можно забрать у другого и далее вести так, как это уже тебе хочется. Это отличный вариант помешать кому-то.
5. Удобнее — если не прямо сообщать информацию, а создавать как бы фон, когда ты вроде как отвечаешь на расспросы...
6. В щекотливых и неприятных делах лучше поначалу пусть вместо вас начнет какое-нибудь незначительное лицо. Я называю эту уловку — «сломать лёд».
7. Полезно смягчать категоричность, и потому надо выражать сообщаемое обтекаемо: «люди говорят...», «прошёл слух...».
8. Можно — и это очень бывает удачно — обронить слово, с тем, чтобы другой подобрал его и использовал, а ты извлёк из этого выгоду.
9. Сказанное вскользь или невзначай исключит обвинение в ваш адрес, зато попадёт, что называется, в са́мую цель.
10. Никогда не плохо «сваливать с больной головы на здоровую», т. е. собственные слова приписать другому.
11. Можно оправдываться за счет другого, приговаривая при этом: «А вот я не таков».
12. Еще никто не пожалел, преподнося даже осторожный намёк в виде какой-нибудь занятной истории: и сам при этом получаешься достаточно прикрыт, и другие — охотнее тебя выслушивают.
13. Можно просьбой уже́ подсказать ответ.
14. Водить свою мысль вокруг да около (отклоняться в сторону и перебирать массу всяческих второстепенностей), пока не подвернется минута, чтобы высказать то, что тебе хочется.
15. Смутить внезапным и дерзким вопросом.
18. Внушать угодные вам мысли под видом любезности.
17. С помощью лести сделать нужный акцент в ваших желаниях.
18. Использовать черты другого человека, которые вызывают его наибольшее смущение.
19. Дорога победы над кем-то зачастую идет через нашу мнимую скромность.
20. И несколько сгустить краски тоже бывает небесполезно.

◐ Это и признать надо и при всём настораживающем шоке тем не менее согласиться: интрига есть способ вхождения в другого человека вопреки его воле. Как беря в руки дудочку мы играем на ней **свою** мелодию, как воск в наших руках приобретает нужную нам форму, так и любой, с кем мы контактируем, нас интересует в первую очередь со стороны своей податливости. В достижении своих целей люди всегда НАЦЕЛЕНЫ, и от этого никуда не деться — подобие тому — природа: не успеет солнце взойти, как тут же начинает всё нагревать (и диапазон здесь — от согревать до испепелять). Есть реальность загара, а есть реальность солнечного удара, есть тепло, а есть — жара и даже зной. Пора уже заметить и внять: мы не можем ПОМЕШАТЬ потоку воздействия на нас — это естественность и обычный фон нашей жизни. Но! Общение — вовсе не данность, оно есть то, что мы *допускаем*. Вот когда мы начнем управлять ситуацией: *«я* и *другой»*, тогда начнется эра коммуникалистики; мы с очевидностью поймём: задача не гневиться чужим проискам и не защищаться от них, а... упреждающе вести себя так, чтобы они и думать не смели появиться, а если и зародились в

чьей-то голове, то скорее как игра фантазии, нежели волевой акт. Человечество повелевает веществами и пространством, ему ли не одолеть просторы душевéдения!: хватит быть пляжным песком, на котором босая нога или обувь оставляют свой след, потому что этот песок... *мокрый.* Прав не тот, кто правый, а кто не опускается ниже потери своих прав. Выслушать другого — ясное дело, наш долг, но делать всё так, чтобы он говорил в духе общности с нами, а не вопреки ей, — тоже безусловная наша обязанность. И потом: не потеряться же легче, когда знаешь, где находишься!! ◑*

• В 1621 г. Фрэнсис Бэкон был обвинен парламентом в политических интригах и коррупции, предстал перед судом и был осужден. Его приговорили к уплате 40 тысяч фунтов стерлингов штрафа, заточению в крепость Тауэр и другим санкциям. Правда, через два дня приговор был в части пунктов отменен, но карьера Ф. Бэкона как политического государственного деятеля из-за всех этих событий не просто пошатнулась, а навсегда закончилась. Именно в этот период родились горькие бэконовские строчки:

♦ **Возвышение требует порой унижения, а честь достается бесчестием. На высоком месте нелегко устоять, но нет и пути назад, кроме падения или, по крайней мере, заката, — а это печальное зрелище.**

• В последние годы жизни Фрэнсис Бэкон много болеет, его доход более чем скромен, он даже временами опасается, что ему придется «идти побираться».

• Однажды весной 1626 г. Фрэнсис Бэкон решает проделать опыт с замораживанием курицы, чтобы убедиться, насколько снег может предохранить мясо от порчи. Собственноручно набивая птицу снегом, он простудился и, проболев около недели, умер.

2. СУДЬБА

► **Фрэнсис Бэкон:**

«Пора, чтобы, наконец, после стольких веков существования мира философия и науки перестали быть висящими в воздухе, а опирались на прочные основания разнообразного и притом хорошо взвешенного опыта. Я дал Орудие, материал же надо искать в самих вещах».

► Современники рассказывали, что сэр Фрэнсис Бэкон любил диктовать свои афоризмы, гуляя в саду. Одним из любимых им секретарей, который наиболее толково умел схватывать и записывать его мысли и переводить его труды с латинского языка на английский, был скромный простолюдин Томас Гоббс.

► В период своей юридической практики Фрэнсис Бэкон близко сошелся с фаворитом королевы лордом Эссексом. В обществе, которое этот образованный, интересующийся науками и искусством дворянин собирал вокруг себя, Фрэнсис Бэкон участвовал в ряде дискуссий по проблемам науки, политики, культуры. Дружба с влиятельным при дворе человеком способствовала карьере Бэкона. Однако, когда лорд Эссекс был объявлен государственным изменником и предстал перед судом, Ф. Бэкон не выступил в его защиту, а был на его процессе государственным обвинителем.

---

* ◐ Возьмите остротý ножа. Ведь нож, строго говоря, не режет: не его усилия главня́т произошедшее, а поддаваемость воздействуемого.

► В 1621 г. под влиянием финансовых затруднений король Яков I вынужден был созвать парламент...

...Обстановка в парламенте накалилась до такой степени, что монарх решил пожертвовать лордом-канцлером Фрэнсисом Бэконом, чтобы разрядить атмосферу. Бэкон признал себя виновным во взяточничестве. На основании приговора палаты лордов он был лишен права занимать государственные должности и находиться на расстоянии ближе 12 миль от королевского двора.

► **Людвиг Фейербах** (*«История философии»*, 1833 г.):

«Французская поговорка «Il veut apprendre à sa mêre à faire des enfants» («Он хочет научить свою мать производить детей») вполне подходит к Ф. Бэкону, когда он в иных местах рассуждает о греческой науке. Ибо даже тем, что он говорит против нее, он обязан ей, тому духу, из которого возникла греческая философия».

► **Бенджамин Раш** /(1745 – 1813), ам. ученый, просветитель, мыслитель/:

«Мы испытываем граничащее с обожанием благоговение перед поразительным умом лорда Веруламского».

3. УЧЕНИЕ

♦ Что я делаю? Я не извлекаю практику из практики и опыты из опытов (как эмпирики), а причины и аксиомы из практики и опытов и из причин и аксиом снова практику и опыты как законные истолкователи природы.

♦ Сведения о неизвестных вещах приходится искать не чаще, чем внимания к известным.

♦ То, что достойно для бытия, достойно и для познания.

♦ Только ту философию назову истинной, которая вернее всего передаёт голос самого́ мира и написана как бы под диктовку мира, не прибавляя чего-нибудь от себя, но только повторяя и отражая.

♦ Те, кто занимаются науками, были или эмпириками, или догматиками. Эмпирики, подобно муравью, только собирают и пользуются собранным. Догматики же, в чрезмерном уповании на роль разума, очень походят на пауков, из самих себя ткущих паутину. Пчела в своих действиях избирает средний способ: она извлекает материал из цветов сада и поля, но располагает и изменяет его сообразно уже своему умению и намерению. Не отличается от этого и подлинное дело философии.

♦ Усилия на ложном пути множат заблуждения.

♦ Бог того не допустит, чтобы мы выдали за образец мира грёзу нашего воображения.

♦ Кто отрицает **богов**, отрицает **благородство** человеческого рода.

♦ Нелегко найти способ объяснения того, что мы предлагаем. Ибо то, что ново в себе, будет понято только по аналогии со старым.

♦ Едва ли возможно и преклоняться перед авторами, и превзойти их. Здесь перед нами подобие вод, которые не поднимаются выше того уровня, с какого они спустились.

♦ Хотя мы живем на земле и взираем на небо, ду́ши заключены в пещере нашего тела; так что они неизбежно воспринимают бесчисленное множество обманчивых и ложных образов.

♦ В философии и размышлениях своих люди направляют усилия на исследование начал вещей и последних оснований природы, в то время как вся польза и практическая действенность заключаются в средних аксиомах.

♦ Природу побеждают только повинуясь ее законам.

♦ Существуют, по-видимому, две гармонии, или музыки, — гармония божественного провидения и гармония человеческого разума. Для человеческого ума, как и для слуха смертных, божественное управление миром и тайные предначертания Бога звучат как что-то грубое и как бы дисгармоничное.

♦ Никто не отыщет удачно природу вещи в самой вещи — изыскание должно быть расширено до более общего.

♦ Чувство само по себе слабо и заблуждается...

♦ Всего вернее истолкование природы достигается посредством наблюдений в соответствующих, целесообразно поставленных опытах.

♦ Человеческий разум, предоставленный самому себе, не заслуживает доверия.

♦ Причина заблуждений коренится не только в наших ощущениях, но и в самой природе человеческого разума, который всё представляет себе по своему собственному масштабу, а не по масштабу Вселенной и таким образом уподобляется зеркалу с неровной поверхностью, которое, отражая лучи каких-нибудь предметов, еще и примешивает к ним свою собственную природу.

♦ Голая рука и предоставленный самому себе разум не имеют большой силы. Дело совершается орудиями.

♦ Человек по своему невежеству считает возможным восстановить или возродить вещи из их же праха и останков (подобно тому, как феникс возрождается из собственного пепла), тогда как подобного рода материи уже завершили путь своего существования и совершенно не годятся для воссоздания самих вещей.

♦ Истинно знать что-либо — значит знать его причины.

♦ Истина — дочь Времени, а не Авторитета.

♦ Человек — слуга и истолкователь Природы.

♦ Материя не знает покоя и находится в вечном движении.

♦ Знание само по себе сила. (Знание — сила.)

♦ Хромой, бегущий по дороге, опережает того, кто бежит без дороги.

♦ Случай иногда делает открытия, но он требует не годы, а века.

♦ Наука есть не что иное, как отображение действительности.

♦ Мысль не в состоянии охватить предел и конец мира, но всегда по необходимости представляет что-либо существующим еще далее.

♦ Магическим примером разуму является магнит: он возбуждает бесчисленные иглы, нисколько не теряя и не убавляясь в своей силе.

♦ Идолы (idolum) [призраки и ложные понятия, уводящие познание людей на неверный путь] уже пленили человеческий разум и глубоко в нём укоренились... Есть четыре вида призраков, которые осаждают умы людей:

1. **ПРИЗРАКИ РОДА.** Их основания находятся в самdй природа человвка, в самdм родв людай. Ложно утварждвть, что чувство чвловека всть мерв Вещвй.* То же можно сказать и о чeловeчвском умв, который способен ввсти себя, как наровноа зеркало, отражая ващи в искривлённом видв.
2. **ПРИЗРАКИ ПЕЩЕРЫ.** Они суть заблуждвния отдвльного чвловекв. Ведь у каждого из нвс есть своя, нврисоввнная Плвтоном пащвра, которвя разбивавт и искажввт свет природы.

---

* «Человек есть мера всех вещей» — тезис древнегреческого философа Протагора.

3. **ПРИЗРАКИ РЫНКА.** Эти проистекают как бы из взаимной связанности и сообщества людей. Люди объединяются речью. Поэтому плохое и нелепое установление слов удивительным образом берет в осаду разум. Слова прямо насилуют разум, мешая всё и ведя людей к пустым и бесконечным спорам.
4. **ПРИЗРАКИ ТЕАТРА.** Они вселились в людей из разных догматов философии, а также из превратных законов и доказательств. Сколько изобретено философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры.

♦ Учение о Призраках представляет собой то же для истолкования природы, что и учение об опровержении софизмов для общепризнанной логики.

♦ Истина и полезность суть одно. Практика — залог истины.

♦ Сначала восходят к аксиомам, а затем спускаются к практике.

♦ Часто случается, что вещи мелкие и незначительные дают нам больше для познания великих вещей, чем великие — для познания малых.

♦ Инверсия эксперимента имеет место тогда, когда доказывается противоположное тому, что известно из эксперимента. Например: «Зеркала́ усиливают интенсивность тепла», но, может быть, и холода?

/ Такая постановка вопроса вытекает из взгляда Бэкона на холод как на нечто позитивное, противоположное теплу. Между прочим, флорентийские академики, современники Бэкона, ставили следующий опыт: в фокусе одного вогнутого зеркала помещался кусок льда, в фокусе другого, расположенного против первого, — термометр. При этом наблюдалось понижение показаний измерителя температуры. /

♦ Жаден разум человеческий; он не может ни остановиться, ни пребывать в покое, а порывается всё дальше. Но тщетно! Поэтому мысль не в состоянии охватить предел и конец мира.

♦ Из бессилия мысли проистекает ухищрение о постоянно делимых линиях.

♦ Легковесно и невежественно философствует тот, кто ищет причины для всеобщего.

♦ Разум не сухой свет; его окропляют воля и страсти. Но страсти пятнают и портят и разум.

♦ Человеческий ум по природе своей устремлён на абстрактное и текучее мыслит как постоянное. Но лучше рассекать природу на части, чем абстрагироваться.

♦ Ни в логике, ни в физике в понятиях нет ничего здравого. «Субстанция», «качество», «действие», «страдание», даже «бытие» не являются хорошими понятиями...

♦ Логика бесполезна для открытия новых знаний.

♦ Люди только тогда начнут сознавать свои силы, когда не бесконечное количество людей будет делать одно и то же, но один будет совершать одно, а другой — другое.

♦ Надо избегать «заскоков ума за пределы природы» и философам надлежит выводить начала вещей, основываясь на опыте, а не брать материал для своих построений из споров и из диалектических и математических умствований.

♦ Философия должна подражать географическим открытиям и расширять границы умственного мира, а не ограничиваться теми достижениями, которые составляют наследие древности.

♦ Есть много мелких лукавых уловок, по-своему вредных и направленных против других людей. Тот, кто составит их список, сделает благое дело.

♦ Что до управления, то пусть оно будет в руках одного человека, а при нём чтобы был совет.

4. МЫСЛИ

- В написании своих произведений я склоняюсь больше к «опытам» (т. е. кратким очеркам), ибо меня волнует больше содержание, нежели тщательная отделка.
- Те, у кого нет друзей, которым они могли бы открыться, являются каннибалами своих собственных сердец.
- Только гнев и страх заставляют применять насилие.
- Кто проявляет жалость к врагу, безжалостен к самому себе.
- Милосердие не бывает чрезмерным.
- Ничто не страшно, кроме самого́ страха.
- Нет в душе человека такой даже самой слабой страсти, которая не побеждала бы страха смерти. Месть торжествует над смертью; любовь ее презирает; честь призывает ее; горе ищет в ней прибежища; страх ее предвосхищает.
- Нельзя отрицать того, что внешние обстоятельства способствуют счастью человека. Но главным образом судьба человека находится в его собственных руках.
- Иной раз дурная привычка приобретается и закрепляется одновременно с хорошей.
- Люди думают сообразно природным наклонностям, говорят сообразно познаниям и внушенным мнениям, но поступают они сообразно привычке.
- Есть три способа вуалирования своего «истинного лица» — 1) молчаливость, сдержанность, скрытность; 2) притворство; 3) лицемерие и лживость.
- Благоденствие лучше всего обнаруживает пороки человека, бедствия же выявляют его добродетели.
- Лучше вовсе не иметь понятия о Боге, чем иметь о нем понятие, недостойное его.
- Обычная уловка: создатели любой науки обращают бессилие своей науки в клевету против природы.
- Поистине, если «чудом» мы называем власть над природою, то оно, чудо, всего более являет себя в бедствиях.
- Нет большей мудрости, чем своевременность. Пренебрегая опасностью, ты не уменьшаешь ее; гораздо чаще нас застигают врасплох, чем одолевают в открытом бою. Иную опасность лучше встретить на полдороге, хотя бы она и не приближалась, чем слишком долго ее поджидать, ибо от долгого бодрствования наверняка задремлешь.
- Нет ничего более умного, чем заставить колёса собственного ума вращаться вместе с колесом Фортуны.
- Человеческой натуре вообще более сродни глупость, нежели мудрость; а потому и качества, пленяющие людскую глупость, имеют наибольшую силу воздействия.
- Человеческому разуму надо придать не крылья, а скорее свинец и тяжести, чтобы они сдерживали всякий его прыжок и полет.
- Люди хитроумные презирают ученость, простодушные дивятся ей, мудрые ею пользуются.

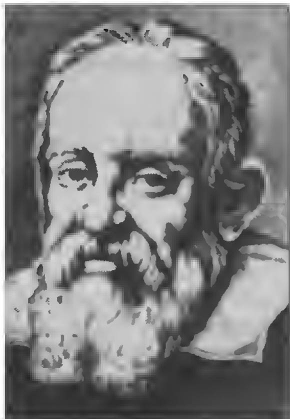
- Чувственно воспринимаемое всегда производит более сильное воздействие на память и легче запоминается в ней, чем интеллигибельное.
- Всё в мире повторяется.
- Подозрения зарождаются не в сердцах, а в умах. Подозрений у человека тем больше, чем меньше он знает.
- Общее согласие — самое дурное предзнаменование в делах разума.
- Время есть величайший из новаторов.
- Искусство открытия растет и развивается с самими открытиями.
- Для полного совершенства надо, чтобы подготовка была труднее самого́ дела.
- Чтение делает человека знающим, беседа — находчивым, а привычка записывать — точным.
- Что касается непосредственных плодов и популярности, то в этом отношении мудрость далеко уступает красноречию.
- Честный и порядочный человек никогда и никоим образом не сможет исправить и перевоспитать бесчестных и дурных людей, если сам он прежде не исследует все тайники и глуби́ны зла. Ведь люди испорченные и нечестные убеждены в том, что честность и порядочность существуют только из-за какой-то неопытности и наивности людей и лишь потому, что те верят разным проповедникам и учителям.
- Хорошо бы людям, вводя новшества, брать пример с самого́ времени, которое производит поистине великие перемены, но исподволь и едва заметно; ибо иначе всё новое будет неожиданным. И всегда новшество одним на́ руку, а другим на беду...
- В природе человека есть тайная склонность и стремление любить других...
- Многие, думая, что они смогут всё купить за свои богатства, сами прежде всего продали себя.
- Всякая насильственная мера чревата новым злом.
- Есть весьма умная испанская поговорка: «Солги и узна́ешь правду», т. е. правду не узнаешь иначе как притворством.
- Скромный человек усваивает даже чужие пороки, гордый обладает только собственными.
- Все остальные добродетели освобождают нас от господства пороков, одна только храбрость освобождает от господства судьбы.
- Бессмертие животных — в потомстве, человека же — в славе, заслугах и деяниях.
- Очень опасно затронуть нечистую совесть людей: до тех пор, пока они считают, что их поступки никому не известны, они легко меняются в лучшую сторону, но если они поймут, что их уличили, они начинают выбивать клин клином, поступая еще хуже.
- Существуют три источника несправедливости: насилие как таковое, злонамеренное коварство, прикрывающееся именем закона, и жестокость самого закона.
- Кто пытается установить мир, не обсудив причин разногласий, тот скорее обольщает людей сладостной перспективой согласия, чем приводит их к подлинному и справедливому согласию.
- Среди всех причин войны наибольшего одобрения заслуживает жела-

ние ниспровергнуть тиранию, под гнетом которой страдает обессиленный и измученный народ.

- Когда имеешь дело с постоянно хитрящими людьми, надо всегда не упускать из виду их целей. С такими лучше говорить мало и говорить такое, что они менее всего ожидают.
- Наслаждаться счастьем — величайшее благо, обладать возможностью давать его другим — еще большее.
- Всякая нагота оскорбительна, даже нагота души. Скрытность удерживает других на расстоянии от нас и охраняет нас. Это ширма, защищающая наши намерения.
- Человек скорее верит в истинность того, что предпочитает.
- Как говорится обыкновенно: клевещи, клевещи смело, от клеветы всегда что-нибудь останется. Так можно сказать и о хвастовстве: верь мне, хвастайся смело, от хвастовства всегда что-нибудь останется.
- Природу человека легче всего обнаружить **в уединении**, ибо тут он сбрасывает с себя всё показное; **в порыве страсти**, ибо тогда забывает он свои правила; а также **в новых обстоятельствах**, ибо здесь покидает его сила привычки.
- У возраста есть свои законы, и их надо учитывать: молодые люди более склонны изобретать что-то, чем судить о чём-то, осуществлять, чем советоваться, носиться с разными прожектами, чем заниматься определённым делом.
- Жалок тот, кто ничего не желает и всего опасается; а ведь именно таков обычный удел монархов.
- Колонизация стран подобна насаждению лесов, ибо при этом приходится отказаться от прибылей лет на двадцать и пожать плоды трудов своих лишь спустя долгое время.
- Часто можно наблюдать лица, черты которых, если рассматривать их одну за другой, некрасивы, однако все вместе приятны на вид.
- Муравей сам по себе существо мудрое, но в саду или огороде он вреден. Точно так же люди, чрезмерно самолюбивые, вредят обществу. Избери разумную середину между себялюбием и общественным долгом...
- Несомненно, что самые лучшие начинания, принесшие наибольшую пользу обществу, исходили от неженатых и бездетных людей...
- Кто не хочет уменьшения своего состояния, должен тратить не больше половины своего дохода; а кто желает приумножить его — не более трети.
- Наиболее же частой внешней причиной счастья одного человека является глупость другого, ибо нет другого такого способа внезапно преуспеть, как воспользовавшись ошибками других людей.
- **Я всего лишь трубач и не участвую в битве; я, наверное, один из тех, о ком Гомер сказал: «Здравствуйте, мужи-глашатаи, вестники богов и смертных!»... И моя труба зовёт людей не ко взаимным распрям или сражениям и битвам, а, наоборот, к тому, чтобы они, заключив мир между собой, объединёнными силами встали на борьбу с природой, захватили штурмом ее неприступные укрепления и раздвинули границы человеческого могущества.**
- Не стоит заблуждаться насчет полной победы над своей природой, ибо природа может долгое время не давать о себе знать и вновь ожить при случае или соблазне.

Галиле́й

XVI – XVII вв.

Галилео Галилей

• Итальянский физик, математик, астроном, философ

Родился: 15.02.1564 г.
Умер: 08.01.1642 г.

Прожил — 77 лет

> **«До сих пор еще не решено, и я думаю, что человеческая наука никогда не решит, конечна ли Вселенная или бесконечна?»**
> *(Галилей)*

■ **«Я предпочитаю найти одну истину, хотя бы и в незначительных вещах, нежели долго спорить о величайших вопросах, не достигая никакой истины».** *(Галилей)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в городе Пизе, известном своей знаменитой наклонной башней.
• Принадлежал к знатному, хотя и обедневшему семейству.
• Отец хотел, чтобы сын стал врачом и поступил на медицинский факультет Пизанского университета. Однако юноша неодолимо тянулся к математике...
• Сначала Галилей учился в монастырской школе, затем в университете. Уже в студенческие годы он открыл, что период колебания маятника не зависит от амплитуды (закон изохронности колебаний).
• Своим учителем Галилео Галилей неизменно называл Архимеда.
• В 1589 г. Галилей получил место профессора в Пизанском университете. Он совмещает преподавательскую деятельность с исследованиями по механике и астрономии: изучает законы падения тел, движение по наклонной плоскости и ведет астрономические наблюдения.
• В 1590 г. Галилей производил опыты, бросая тела разного веса с верхней галереи Пизанской башни[2]. Целью этих занятий было убедиться, действительно ли, — как это тогда, с отсылками к самому Аристотелю, считалось, — тела различной тяжести падают с отличающимися скоростями, прямо пропорциональными весу тел.

/■■■ В этой истории есть любопытный штрих. Описание опытов Галилея, бросавшего с Пизанской башни шары из тяжелых и легких материалов, приводится в книгах так часто, что в сознании многих людей укоренилась мысль, будто независимость скорости свободного падения от массы тела была открыта Галилеем экспериментально.

Но он пришел к этому фундаментальному заключению без всяких опытов, основываясь лишь на логических построениях:

Предположим, развивал свою мысль Галилей, что тяжелые тела падают быстрее, чем легкие. Тогда, присоединив к тяжелому телу легкое, мы должны были бы замедлить его падение. Но суммарная масса тел, тяжелого вместе с легким, больше, чем масса одного только тяжелого тела. Следовательно, соединенные вместе тела должны падать быстрее, чем одно тяжелое. Но связка не может падать одновременно и медленнее и быстрее, чем одно тяжелое тело. Поэтому скорость падения всех тел одинакова и не зависит от их веса.

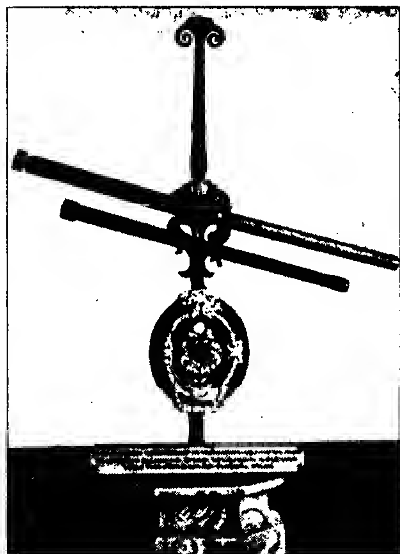
◐ Одного этого рассуждения более чем достаточно, чтобы увековечить величие Галилея. ◑ ■/

• Опираясь на результаты своих исследований, Галилей приходит к выводу, что учение Аристотеля о строении Вселенной и механическом движении ошибочно. Он начинает выступать с критикой этого учения, чем вызывает неодобрительное отношение к себе со стороны других профессоров университета и духовенства. В результате этого он был вынужден покинуть Пизу.

• В 1592 – 1610 гг. Галилей работает на кафедре математики в Падуанском университете.

• В 1608 г. в Голландии была изобретена зрительная труба: очковых дел мастер, манипулируя с разновыгнутыми стеклами, случайно открыл телескопический эффект. Галилей, краем уха услышавший об этом достижении, вознамерился сам сконструировать такой же прибор.

Его попытки увенчались успехом. В 1609 г. ему удалось создать трубу-телескоп, которая состояла из двух линз: собирающей — объектива и

Первые зрительные трубы Галилея

/ В центре фигурной подставки, поддерживающей трубы, расположен разбитый объектив третьей трубы, изготовленной Галилеем в 1609 году. /

рассеивающей — окуляра. Такая зрительная труба давала увеличение более чем в тридцать раз. То, что увидел Галилей на небе, привело его в восхищение. Перед ним открылся новый, доселе неведомый людям мир. «Я вне себя от изумления», — писал он.

• С 1610 г. он придворный ученый при герцоге Тосканы во Флоренции. Он совершенствует свой телескоп, публикует свои открытия в области астрономии:

- Галилей выявил на Луне кратеры и хребты;
- разглядел бесчисленные скопления звезд в Млечном Пути;
- увидел спутники Юпитера;
- заметил пятна на Солнце;
- обнаружил фазы Венеры;
- открыл световые явления вокруг Сатурна (кóльца Сатурна).

• **Сочинения Галилея:**

«Звездный вестник» (1610);

«О солнечных пятнах» (1613);

«Письмо к Кастелли» (1613):

/ Кастелли — ближайший ученик Галилея. /;

«Послание к Франческо Инголи» (1624);

«Диалог Галилео Галилея, академика Линчео, экстраординарного математика университета в Пизе, философа и старшего математика Его Светлости Великого герцога Тосканского, где в собраниях, четыре дня продолжающихся, ведутся рассуждения о двух главнейших системах мира, Птолемеевой и Коперниканской, причем неопределительно предлагаются доводы столько же для одной из них, сколько и для другой» (1632):

/ Эту книгу, написанную в 1630 г. и вошедшую в историю под названием «Диалог о двух системах мира», Галилей 22 февраля 1632 г. поднес герцогу Тосканскому.

В заметках к «Диалогу» Галилей писал:

♦ Многие хвалятся тем, что могут привести большое число авторитетов в подтверждение своего мнения; я же хотел бы, чтобы мои мнения были новыми и составленными мною самостоятельно...

Берегитесь, теологи, желающие сделать из вопроса о движении или покое Солнца и Земли догмат веры; вы подвергнетесь опасности осудить в свое время как еретиков всех тех, кто утверждал, что Земля неподвижна, а Солнце меняет место; я говорю «в свое время», когда ясно и неопровержимо будет доказано, что Земля движется, а Солнце неподвижно. /

// Местом действия «Диалога» автор избрал «изумительный город Венецию» — жемчужину Адриатики. Во дворце четыре дня подряд собираются трое. Один (вымышленное лицо) — представитель и защитник Аристотеля и Птолемея; имя его довольно символично — Симпличио (*по-итал.* «простак»). Другой — Сагредо (владелец палаццо, где проходят беседы) — друг Галилея, умерший в 1620 году. Это человек «весьма острого ума». Третий —

Сальвиати — был учеником Галилея в Падуе (умер в 1614 г.), обладал «благородным умом, не знавшим наслаждения более высокого, чем исследование и размышление».

Точку зрения Галилея развивает и доказывает Сальвиати; Сагредо всё быстро усваивает, иногда дополняет; Симпличио — безусловно поклонник старых взглядов. О самом Галилео собеседники говорят: «Академик» или «Наш общий друг». //;

«Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки» (1638).

• Как в 1616 г. церковь обратила внимание на книгу Николая Коперника «О вращениях небесных сфер» и офицально ее запретила, так же точно случилось и в 1633 г., но уже по отношению к «Диалогу» Галилея. Папа римский распорядился начать инквизицию против ученого. Больного 70-летнего Галилея доставили в Рим и ценой угроз вырвали у него отречение от его взглядов на устройство планетного мира:

/ Инкриминирующий вердикт десяти кардиналов был следующим:

«Мы утверждаем, изрекаем, судим и объявляем, что ты, Галилей, вследствие в процессе доказанных и тобой подтвержденных обстоятельств оказался нами сильно заподозренным в ереси, именно что ты верил и придерживался ложного, противоречащего Священному и Божественному Писанию учения о том, что Солнце — центр орбиты Земли, а не движется с востока на запад, и что Земля движется и не является центром мира...» /

//■■■ Историки науки дружно муссируют красивую версию, что будто бы 21 июня 1633 г. по выходе из зала заседаний согнутый, но не сломленный Галилей произнес слова, ставшие знаменитыми: «А всё-таки она вертится!» (*по-итал.*: «Eppur si muove!»).

В последнее же время исследователи сомневаются в достоверности такого эпизода. ■//

• После процесса Галилей поселился на своей вилле в Арчетри близ Флоренции, где жил под неусыпным надзором соглядатаев от инквизиции. Тем не менее он продолжает заниматься научной работой.

• Болезни и слепота становятся теперь его уделом.

• Он умер на руках своих учеников Вивиани и Торричелли. Там же, на вилле Арчетри, его похоронили. И лишь через 95 лет была исполнена последняя воля Галилея — его прах перенесён в церковь Санта Кроче во Флоренции, где он покоится рядом с Микеланджело.

• Только недавно, в 1992 г., католическая церковь отменила решение об осуждении Галилея, назвав его устами папы римского Иоанна Павла II «истинным верующим и настоящим ученым».

2. СУДЬБА

Галилей:

«На точку зрения Коперника я встал уже много лет назад, и мне удалось на основе ее найти объяснение многим явлениям природы, которые, без сомнения, не могут найти объяснения на основе общепринятых положений. Я записал много доказательств и много опровержений рассуждений, основанных на противоположной точке зрения;

но выпустить всё это в свет я не решался, устрашенный судьбой Коперника, нашего учителя, который хотя и заслужил себе бессмертную славу у немногих, но со стороны бессчетного числа людей (ибо так велико число глупцов) подвергся лишь насмешке и освисту».

(Из письма Галилея Иоганну Кеплеру 4 августа 1597 г.)

► **«Формула» отречения Галилея:**

«Отрицаю, презираю и проклинаю от чистого сердца и с нелицемерным убеждением все названные заблуждения и ереси, а равно и все другие противные св. церкви заблуждения и еретические секты. Клянусь впредь ни устно, ни письменно не утверждать ничего, могущего бросить на меня подозрение в чем-либо подобном; в случае же встречи с еретиком или подозреваемым в ереси обязуюсь указать на него св. судилищу или инквизитору и епископу того места, где буду находиться. Сверх того обещаю и клянусь выполнять в точности все эпитимии, которые наложены на меня св. судилищем или будут им впредь назначены. Если бы случилось, что я когда-либо преступил (от чего да избавит меня Господь) данные мной теперь обещания, обязательства и клятвы, то готов подвергнуться всем эпитимиям и карам, которые назначены для подобных преступников определениями св. канонов и других общих и частных конгрегаций: да поможет мне в этом Господь Бог и св. Евангелие, на котором возлагаю руки».

► Открытие Галилеем пятен на Солнце произвело огромное впечатление на современников. Все решили, что они предвещают близкий день, когда Солнце погаснет и привычный нам рассвет не наступит.

► **Из письма Гассенди к Галилею:**

«...О Вы, величайшая слава нашего века».

► На карте Луны, выполненной известным картографом XVII в. Гримальди, обозначены острова, носящие названия «Коперник», «Архимед», «Галилей».

► Ученый, сверстник Галилея,
был Галилея не глупее.
Он знал, что вертится Земля,
Но у него была семья. **(Е. Евтушенко.** ***Карьера*****)**

► **Иоганн Вольфганг Гёте:**

«Галилей умер в тот год, когда родился Исаак Ньютон. Это — праздник Рождества нашего нового времени».

3. УЧЕНИЕ

♦ Философия записана в огромной книге, раскрытой перед нашими глазами. Однако нельзя понять книгу, не зная языка и не различая букв, которыми она написана. Написана же она на языке математики, а ее буквы — это треугольники, четырехугольники, круги, шары, конусы, пирамиды и другие геометрические фигуры, без помощи которых ум человеческий не может понять в ней ни слова; без них мы можем лишь наугад блуждать по темному лабиринту.

♦ Ни одно изречение Писания не имеет такой принудительной силы, какую имеет любое явление природы.

♦ Вопрос о познании можно поставить двояко: со стороны интенсивной и со стороны экстенсивной; экстенсивно, т. е. по отношению ко множе-

ству познаваемых объектов, а это множество бесконечно, познание человека — как бы ничто, хотя он и познаёт тысячи истин, так как тясяча по сравнению с бесконечностью — как бы нуль; но если взять познание интенсивно, то, поскольку термин «интенсивное» означает совершённое познание какой-либо истины, то я утверждаю, что человеческий разум познаёт некоторые истины столь совершенно и с такой абсолютной достоверностью, какую имеет сама природа; таковы чистые математические науки, геометрия и арифметика; хотя божественный разум знает в них бесконечно больше истин, ибо он объемлет их все, но в тех немногих, которые постиг человеческий разум, я думаю, его познание по объективной достоверности равно божественному, ибо оно приходит к пониманию их необходимости, а высшей степени достоверности не существует.

♦ Способ божественного познания бесконечно многих истин, лишь малое число которых мы знаем, в высшей степени превосходит наш; наш способ заключается в рассуждениях и переходах от заключения к заключению, тогда как его способ — простая интуиция. Божественный разум простым восприятием сущности предмета охватывает всю бесконечность его свойств без длящегося во времени рассуждения.

♦ Разум человека есть творение Бога, и притом одно из самых превосходных.

♦ Природа насмехается над решениями и повелеииями князей, императоров и монархов, и по их требованиям она не изменила бы ни на йоту свои законы.

♦ Рассуждение Аристотеля против движения Земли несостоятельно:

[...]

Галилей (Сальвиати): ...Итак, Аристотель говорит, что достовернейший аргумент в пользу неподвижности Земли это то, что тела, брошенные отвесно вверх, как мы видим, возвращаются по той же линии в то же место, откуда были пущены... Этого не могло бы случиться, если бы Земля двигалась, ибо за то время, как брошенное тело движется вверх и вниз, отделившись от земли, то место, где имело начало движение брошенного тела, переместилось бы благодаря обращению Земли на большее расстояние к востоку, и на таком же расстоянии от этого места брошенное тело ударилось бы о землю после падения...

Скажите же мне, если бы камень, выпущенный с вершины мачты плывущего с большой скоростью корабля, упал в точности в то же самое место, куда он падает, когда корабль стоит неподвижно, то какую службу сослужил бы вам этот опыт с падением для решения вопроса, стоит ли судно неподвижно или же плывет?

Простак (Симпличио): Решительно никакой...

Галилей: ...Опыт показывает... что камень всегда упадет в одно и то же место корабля, неподвижен ли он или движется с какой угодно скоростью. Отсюда, так как условия Земли и корабля одни и те же, следует, что из факта всегда отвесного падения камня к подножию башни нельзя сделать никакого заключения о движении или покое Земли. [...]

Галилей: Следовательно, корабль, движущийся по морской глади, есть одно из тех движущихся тел, которые скользят по одной из таких поверхностей без наклона и подъема и которые поэтому имеют склонность в случае устранения всех случайных и внешних препятствий двигаться с раз полученным импульсом постоянно и равномерно?

Простак: Кажется, что так должно быть.

Галилей: И тот камень, который находится на вершине мачты, не движется ли он, переносимый кораблем?.. И это движение не столь же ли быстро, как движение корабля?

Простак: До сих пор всё идет хорошо. Но дальше?

Галилей: Не выведете ли вы, наконец, сами и последнее заключение, если сами знаете вперед все предпосылки?

Простак: Вы хотите назвать последним заключением то, что этот камень, благодаря движению, в него вложенному, не способен ни отставать от хода корабля, ни опережать его и должен в конце концов упасть в то самое место, куда упал бы, когда корабль стоит неподвижно; это, я думаю, и случилось бы, не будь здесь внешних препятствий, нарушающих движение камня после того, как он выпущен...

Галилей: ...Я думаю, синьор Простак убедился, что из наблюдений над падением камня всегда в одно и то же место нельзя вывести заключение о движении или неподвижности корабля, а если сказанного до сих пор недостаточно, то есть еще опыт со средой, который может ему всё доказать... Имеете ли вы, синьор Простак, еще что-нибудь возразить по этому поводу?

Простак: Ничего, кроме того, что я еще до сих пор не вижу, чтобы и подвижность Земли была доказана.

Галилей: Я совсем и не претендовал доказать ее; я хотел только показать, что из опыта, приводимого противниками в качестве аргумента в пользу ее неподвижности, ничего нельзя извлечь; то же я попытаюсь показать и по отношению к другим аргументам...

♦ Гораздо более правдоподобно считать, что Солнце, а не Земля, неподвижно и помещено в центре небесных обращений. Вот моя позиция: нам даны восемь небесных тел, именно Земля и семь планет; из этих восьми семь движутся безусловно и неоспоримо, и может существовать одно, и не более чем одно, находящееся в покое, и этим единственным телом по необходимости должны быть либо Земля, либо Солнце. И... если посредством какого-либо смелого сопоставления мы пришли бы к уверенности, какое из них, Земля или Солнце, более соответствует по своей природе остальным шести, то этому телу мы сможем весьма разумным образом приписать движение. Но природа по ее любезности раскрывает перед нами двери к такому познанию, обнаруживая два явления, не менее важные и первичные, чем покой и движение; таким являются свет и мрак; ибо самым необходимым образом подобает быть различным по природе своей телу, сияющему вечным светом, и телу, совершенно темному и не обладающему яркостью; но относительно шести тел, несомненно движущихся, мы убеждены в том, что они, по своей первосущности, совершенно лишены света; и также несом-

ненно для нас, что такова, кроме них, и Земля; следовательно, весьма велико то подобие, которое существует между Землей и шестью планетами, и мы можем решительно утверждать, что не менее значительно различие между этими планетами и Солнцем. Далее, если Земля по своей природе в высокой степени подобна телам движущимся, а первосущность Солнца от нее столь существенно отлична, как же не будет для нас более вероятно (если бы даже это не обнаруживалось иным образом), что не Солнце, а Земля совместно с другими планетами вращается вокруг Солнца.

♦ Я никогда не мог представить себе такого превращения веществ друг в друга, при котором одно тело признаётся уничтоженным и из него получается другое тело, совершенно отличное от первого. Я считаю возможным, что превращение сводится просто к изменению взаимного расположения частей, причем ничто не уничтожается и ничего нового не нарождается.

♦ Многие из этих ощущений, которые всегда считались качествами внешних предметов, имеют, на деле, существование в нас, а не в них. Я склонен к мнению, что ***тепло*** как раз относится к ощущениям именно такого рода...

4. МЫСЛИ

- Кто поставит пределы человеческому разуму!
- Логика есть инструмент, которым пользуются в философии; и как можно быть превосходным мастером в построении инструмента, не умея извлечь из него ни одного звука, так же можно быть великим логиком, не умея как следует пользоваться логикой.
- Проводник нужен в странах неизвестных и диких, а на открытом и гладком месте поводырь необходим лишь слепому. А слепой хорошо сделает, если останется дома. Тот же, у кого есть глаза во лбу и разум, должен ими пользоваться в качестве проводников. Я не говорю, что не следует слушать Аристотеля, наоборот, я хвалю тех, кто всматривается в него и прилежно его изучает. Я порицаю только склонность настолько отдаваться во власть Аристотеля, чтобы вслепую подписываться под каждым его словом.
- Что может быть более постыдного, чем слушать на публичных диспутах, когда речь идет о заключениях, подлежащих доказательствам, ни с чем не связанное выступление с цитатой, часто написанной совсем по другому поводу и приводимой единственно с целью заткнуть рот противнику? И если вы всё же хотите продолжать учиться таким образом, то откажитесь от звания философа и зовитесь лучше историками или докторами зубрежки: ведь нехорошо, если тот, кто никогда не философствует, присваивает почетный титул философа.
- Бесчисленное множество людей занимается ныне наукой, и счастлив тот, кто, движимый необычным внутренним светом, способен выбраться из тёмных и запутанных лабиринтов, по которым он мог бы до скончания века блуждать вместе с толпой, всё более и более удаляясь от выхода.

Бёме

XVI – XVII вв.

Яков Бёме

• Немецкий философ

Родился: 1575 г.
Умер: 17.11.1624 г.

Прожил — 49 лет

> **«Доброе так же легко превращается в злое, как и злое — в доброе».**
> *(Бёме)*

■ **«Я плохо понимал раньше возвышенные символы веры и еще менее природу, пока не начал мне сиять свет вечной природы, чему я так обрадовался, что начал записывать познанное мной. Ибо дух пронзил меня, как молния, и я увидел глубину вечности; когда проходит ливень, он настигает то, что настигает; так было и со мной: я начал писать, как мальчик в школе, и записывал познанное с большим рвением».**

(Бёме)

■ **«Со мной случилось то, что бывает с зерном, которое посажено в землю и прорастает в любую бурю и непогоду, вопреки всякому разумению».**

(Бёме)

1. ЖИЗНЬ

• Родился в деревушке Альт-Зайденберг под Гёрлицем (Саксония) в семье протестанта-крестьянина среднего достатка.
• Был четвертым ребенком в семье.
• Родители отдали его на обучение к сапожнику.
• Читал много сочинений великих мастеров мысли.
• В детстве с ним случилось странное и таинственное происшествие:

/ ...Однажды, удалившись от крестьянских мальчиков, с которыми он обычно пас в поле скот, и взойдя на ближнюю гору, на вершине коей Яков нашел вход в пещеру, им была замечена большая кадка с золотыми монетами. Увиденное вселило в него такой ужас, что он поспешно убежал, ничего не взяв. Спустя некоторое время с другими пастухами Бёме искал эту пещеру, но дорога в нее больше уже не открылась... /

• В 24 года получил гражданство в Гёрлице и купил сапожную лавку на Нижнем рынке. Его приняли в цех сапожников.
• 10 мая 1599 г. он заключает брак с Катариной Кунцшманн, дочерью рубщика мяса. Через три месяца молодая семья покупает себе дом. Через год родился старший сын, а всего у Бёме было четверо детей.

• Его наружность была невзрачна, он был невысокого роста, с низким лбом, высокими висками, слегка кривым носом, седой, с серо-голубыми блестящими глазами, короткой жидкой бородкой; имел негромкий голос.
• Рассказывают, что он отличался благородством речи, умеренностью в жестах и скромностью в словах, терпеливостью в переменах и выносливостью в страданиях.
• С человеческой точки зрения, Бёме был добр и мягок сердцем.
• Внешний случай, а именно духовосприятие сущей безделицы — валявшегося в мусоре старого оцинкованного таза, — внезапно нарушившее благодаря живой фантазии его душевное равновесие, и последовавшие затем возбуждение, вибрации собственного духа и природный гений побудили его сделать свое перо громоотводом перегруженной и экзальтированной души. Первым плодом его озарений стала «Аврора», написанная им в 37-летнем возрасте.

/ Бёме было тогда около 25 лет... При взгляде на этот невзрачный предмет, тем не менее блестевший на солнце, он напал на мысль, которая им посчиталась откровением свыше. Всё стало на свое место, и разрозненный хаос представлений и дум замкнулся в стройный ряд я́вленной сокровенной тайны: подобно тому как солнечный свет являет себя на темном сосуде, так всякий свет нуждается во тьме, всякое добро нуждается во зле, чтобы проявить себя внешним образом, стать заметным. Всё становится видимым лишь в том, что ему противоположно. /

// Испытанное наваждение было не только неотступным. В нём чувствовался особый, избраннический, мистический знак: проникновение в неизвестное возможно, оно доступно для тех, кто способен улавливать сигналы, оставленные Прародителем в природе, дабы т я н у щ и е с я к н е м у могли удостовериться в небезнадежности своего занятия. //

/// *Яков Бёме (в частном письме от января 1621 г.):*

Я никогда не помышлял о том, чтобы что-либо узнать о божественной тайне, я еще менее того понимал, как это можно искать или найти, так что и не знал ничего об этом, как ничего не знают об этом и любители из мирян в своем неведении. Я искал лишь сердца Иисуса Христа, с тем чтобы укрыться в нём от нападок дьявола, и настойчиво просил Бога о его Святом Духе и милости... В моем усердном поиске я претерпевал жестокие нападения, но скорее готов был расстаться с жизнью, чем отказаться от него. И были мне раскрыты врата, так что я в течение четверти часа увидел и узнал больше, чем если бы провел многие годы в высшей школе, я был поражен и недоумевал, что со мной произошло, но в сердце своем хвалил Бога. Ибо я увидел и узнал сущность всех существ, основание всякой бездны: то есть рождение Святой Троицы, происхождение и изначальное состояние мира. ///

• Литературное наследие Бёме составляет восемь увесистых томов:

/ ♦ Я писал для таких же простых, как я сам, с тем чтобы я мог возрадоваться вместе с подобными мне. /

• **Сочинения Бёме:**

«Утренняя заря в восхождении, то есть корень или мать философии, астрологии и теологии на истинном основании, или описание природы, как всё было и как стало вначале» (1612):

/ «Аврору» — таково было первоначальное название книги, данное ей автором, — Яков Бёме писал только для себя самого. Но благодаря одному «знакомому дворянину», который посетил Бёме, видел рукопись, попросил ее и, заинтересовавшись ею, поспешно велел переписать, она стала известна...

Людвиг Фейербах (*«История философии»*):

«Это самое интересное и важнейшее из сочинений Якова Бёме». /

// Произведение сразу же вызвало в местной общине вероисповедальную сумятицу. Бёме клеймят с церковной кафедры, публично именуют еретиком, конфискуют рукопись, запрещают писательскую деятельность.

Идет целый шквал самых разных нападок на неугодного «писаку-отступника», вплоть до ареста и краткого содержания под стражей городским магистратом. //;

«Описание трех начал божественной сущности» (1619 – 1620);

«Высокое и глубокое основание о троякой жизни человека» (1620);

«Пансофское таинство» (1620);

«40 вопросов о душе» (1620);

«О вочеловечении Иисуса Христа» (1620);

«6 теософских пунктов» (1620);

«Первая апология против Б. Тильке[3]» (1621);

«О рождении и определении всех существ» (1622);

«Теоскопия, или Драгоценные врата к божественному созерцанию» (1622);

«De signatura rerum» (*«О происхождении и обозначении всех созданий»* (1622);

«О благодатном выборе» (1623);

«Mysterium Magnum» (1623):

/ Это труд комментаторского характера, в нём почти 900 печатных страниц. В переводе заголовок означает «Философский камень». /;

«Christosophia, или Путь ко Христу» (1624);

«Рассуждения о Божественнном Откровении» (1624):

/ Это так называемые 177 теософских вопросов. Рукопись осталась незавершённой... /;

«Вторая апология против Б. Тильке»;

«Теософические послания»;

«О земной и небесной тайне»;

«Clavis, или Ключ»;

«О возрождении»;

«Защитная речь против Грегора Рихтера[4]»;

«О четырех комплексиях ...от чего скорбь происходит и от чего искушение приходит».

• Космогония Бёме, хоть и специфично, но строго стройна́ и последовательна: из первоосновы, которая представляет собой вечное единство, безмолвие без сущности, вечный покой и ничто, силой стремления к «нечто» порождается Божество, пото́м Богом — вечная природа, затем властью Божьей — духовный мир и уж под конец как последнее порождение — земной мир.
• Враги называли его «Sartor antichristus» («сапожник-антихрист»), друзья же величали — «Philosophus Teutonicus», т. е. «немецкий философ».
• Он умер в своем гёрлицком доме на мосту Найсе. Была уже поздняя осень, но день стоял спокойный и нехолодный. Только вот нетерпимость и религиозный фанатизм людей давали себя знать. Сначала на смертном одре Бёме мучили двумя допросами о вероисповедании и лишь после этого ему дали причастие. Но и в вопросе о погребении возникла заминка: старший пастор местной церковной общины Николаус Томас не захотел взять на себя церемонию обряда. И тогда друг и домашний врач Бёме Тобиас Кобер заставляет его выполнить все необходимые действия по службе уже решением магистрата.

И тем не менее: толпа разрушила и испачкала могильный крест, поставленный друзьями Бёме.
• Путь к Бёме не прост, но он сам открыл «секрет» вхождения в себя и в свои творения:

/ ♦ Если меня кто-то не понимает, но очень хотел бы понять всё, что я описываю, пусть просит Бога о Его Святом Духе, чтобы просветил его. А без такого просвещения дело не воспримется, ибо в душе человека есть крепкий замо́к, который следует открыть; сделать это не может ни один человек, а только Святой Дух. /

2. СУДЬБА ► ◐ Бёме смутил всех тем, что однажды намекнул, будто имеется не столько Святая Троица, сколько Четверица, но весь вопрос в том, действительно ли он (это) с к а з а л?:

♦ Божественная сущность — в силе, но не в крови и плоти. Отец — средоточие божественной силы, из которой вышли все твари. Сын — сущий в Отце, в сердце Отца или в свете. Святой Дух исходит от Отца и Сына... и в равной мере. Святой Дух — это неподвижный дух в Отце, и он исходит от вечности всегда от Отца и Сына... его творческая сила — в Отце.

Сила Отца рождает Сына извечно. Если бы только Отец перестал рождать, то Сына больше бы не стало, и если бы Сын больше не сиял в Отце, то Отец стал бы мрачной долиной.

/■■■ То есть, по мысли Бёме, надо полагать, есть:
1. Бог-Отец;
2. Бог-Сын;
3. Бог-Святой Дух и...
(4) Бог-деятельность. ■/

// Но если копнуть дальше, то можно заметить не только Четверицу, но и Пятерицу, и эта пятая равноначальная составляющая в Высшем Единстве — Со́фия /Мудрость/ (это в книге «О благодатном выборе»):

И таким образом

(1) безначальная воля зовётся извечный Отец;

(2) а обретённая, выраженная воля бездны зовётся Его рождённым или единственным Сыном, ибо он — безосновное сущее, в котором бездна становится основанием;

(3) и выход безосновной воли посредством выраженной воли Сына или сущего зовется Дух, ибо он проводит выраженное сущее из самого себя в дело и жизнь воли, как жизнь Отца и Сына;

(4) и вышедшее есть радость, как обретение вечного ничто, потому что тут Отец, Сын и Дух видят и обретают себя внутри, и зовётся оно Божья мудрость (София) или же Наглядность. / ◑

➨ В 1624 г. во время путешествия Бёме заболел горячкой и больной был привезен домой в Гёрлиц. Его не стало в ноябре того же года. За несколько часов до смерти он спросил своего сына Тобиаса, слышит ли тот прекрасную музыку. После отрицательного ответа Бёме велел ему открыть дверь, чтобы лучше слышать пение. Затем спросил, который час. Услышав в ответ, что пробило два часа, он возразил: «Это еще не моё время, моё время через три часа». Едва пробило шесть часов, как он скончался, сказав на прощание своим родственникам: «Теперь я иду в рай».

➨ **Ангелус Силезиус**[5] (*«Защитная речь о христианстве»*, 1664 г.):

«Я прочитал некоторые книги Якова Бёме — они случайно попали мне в руки, когда я был в Голландии, — и благодарю Бога за это, ибо они и стали причиной того, что я пришел к познанию истины».

➨ **Георг Гегель** (*«Лекции по истории философии»*, 1817 г.):

«Основная идея Бёме, первого немецкого философа, — это стремление сохранить всё в абсолютном единстве: абсолютное божественное единство и единение всех противоположностей в Боге... Главная мысль Бёме та, что универсум — это божественная жизнь и откровение Бога во всех вещах. Точнее: из единой сущности Бога, которая является средоточием всех сил и качеств, вечно рождается Сын, который светит в этих силах: внутреннее единство этого света и субстанции сил и есть дух».

➨ **Фридрих Шеллинг:**

«В истории человечества Яков Бёме есть своего рода чудо, и чудо прежде всего в истории немецкого духа. Если когда-нибудь удастся забыть, какие сокровища духа и сердца лежат в глубинах природы немцев, достаточно будет вспомнить о нём, который, вопреки вульгарно-психологическому объяснению, был по-своему настолько же возвышен, насколько немыслимо объяснить мифологию из обычной психологии. Как и мифология, так и Яков Бёме с его рождением Бога, таким, каким он описывает его нам, превосходит все научные системы новейшей философии».

➨ **Н. А. Бердяев** /(1874 – 1948), русский философ; *«Автобиография»*/:

«Из всех великих немецких мистиков больше всего я любил Якова Бёме. Он имел для меня совершенно исключительное значение».

➨ **Людвиг Фейербах** (1847 г.):

«Яков Бёме является самым поучительным и в то же время самым

интересным доказательством того, что тайны теологии и метафизики находят свое объяснение в психологии, что метафизика не что иное, как «эзотерическая психология», ибо все его метафизические и теософические определения и выражения имеют патологический и психологический смысл и происхождение».

➡ На Бёме еще в годы своей юности обратил внимание Исаак Ньютон (1643 – 1727). Анализ трудов великого английского физика показывает факты устойчивого воздействия гёрлицкого сапожника при выработке концепции учения о гравитации.

➡ **Яков Бёме:**

«Я созерцал необъятную глубину этого мира, наблюдал за солнцем, звездами, облаками, дождем и снегом, представлял себе мысленно всё творение этого мира и находил добро и зло, любовь и гнев во всём — не только в людях и в животных, но и в неразумной твари: в дереве, камнях, земле и стихиях... Я убедился, что добро и зло присущи всему: не только тварям, но и стихиям, что безбожники так же блаженствуют, как и люди благочестивые, что варварские народы располагают лучшими землями и наслаждаются бо́льшим счастьем, чем народы благочестивые. Это повергло меня в печаль и сильно огорчило. Я не мог найти утешения даже в Писании, с которым я был хорошо знаком. Но надо мной не восторжествовал дьявол, внушавший мне часто языческие мысли...»

➡ На родине Спинозы, в Амстердаме, в 1675 г. увидело свет первое собрание сочинений Якова Бёме.

3. УЧЕНИЕ

♦ Я пишу ради того, чтобы человек познал самого́ себя, познал, что́ он из себя представляет, что представляют собой Бог, небо, ангелы, дьявол и ад, а также гнев Божий и адский огонь, ибо мне дозволено проникнуть столь глубоко в описании об изначальном.

♦ Откуда мне, комментатору, известен порядок созидания мира его Творцом? Я же ведь не был при этом свидетелем! Однако тут вот какая связь и зависимость. Некоторое во мне магическим образом действительно было и при творении и при всех делах Божиих, и оно видело все внутрибожественные процессы. Но сам я, который есмь я, этого и не ведал, и не лицезрел. Ибо меня как твари еще не существовало. Но я и все мы видели это в сущности души, которую Бог своим дуновением придал Адаму.

♦ Моя задача заключается в том, чтобы писать, сообразуясь с умом и чувством, а не с созерцанием.

♦ Книга, в которой заключены все тайны, есть сам человек; он сам есть книга всех сущностей, так как он есть подобие божества, великая тайна заключена в нем.

♦ Без противоположности ничто не обнаруживается; ни одно изображение не появляется в зеркале, если одна сторона зеркала не бывает темной. Таким образом, противоречие есть обнаружение равенства.

♦ Каждый думал, что он владеет истиной, а между тем она оставалась равно скрытой от них всех до сего дня.

♦ Я пишу здесь не без познания. Если же ты, как эпикуреец и откормленная свинья дьявола, по дьявольскому наущению захочешь насмехаться над этими вещами и скажешь: глупец не восходил на небо и ничего не видел и не слышал, всё это басни; то по праву и силе познания моего да будешь ты мною отослан и вызван на строгий суд Божий.

И хотя в теле моем я слишком немощен, чтобы доставить тебя туда, однако Тот, от кого я получил мое познание, достаточно могуществен, чтобы ввергнуть тебя даже в бездну ада.

Поэтому остерегись и помысли...

♦ Раскрой очи ума твоего и поразмысли об этом, и ты найдешь, что это так.

♦ Я уподобляю философию, астрологию и теологию вместе с их матерью прекрасному дереву, которое растет в чудесном саду. И та земля, на которой растет это дерево, дает дереву сок, от которого дерево получает свои жизненные силы. Дерево внутренне питается соком земли, оно становится большим и разрастается. Итак, поскольку земля отдает свои силы, чтобы оно росло и произрастало, то и дерево трудится, чтобы быть всегда плодоносным. Однако дерево по самому своему виду таково, что чем оно больше и старше, тем более сладкие плоды оно приносит. В юности своей оно приносит мало плодов, к этому приводит грубый и невозделанный вид почвы... И хотя оно прекрасно цветет, всё же яблоки опадают на землю. Но когда дерево становится старым, так что его ветви высыхают и сок уже не может подняться высоко, то внизу около ствола вырастает много зеленых веточек, которые затем появляются и на корнях, и они просветляют старое дерево, и становится видно, что и оно было прежде прекрасной зеленой веточкой, а теперь стало старым. Ибо природа борется и течет жизненный сок до тех пор, пока ствол полностью не засохнет. Тогда его срубят и бросят в огонь. Заметь, что́ я хочу сказать этим сравнением. Сад, где растет дерево, — это мир. Поле, на котором оно растет, — вся природа; ствол дерева — звезды; ветви — стихии; плоды, которые растут на этом дереве, символизируют людей; сок дерева означает ясное Божество. Итак, составные элементы человека взяты из природы, звезд и стихий. Бог же Творец господствует во всём, подобно тому как сок наполняет дерево жизнью.

♦ ...Ты полагаешь, что я пишу слишком по-земному? ...Хотя я и принужден пользоваться земным языком, однако за ним истинный небесный смысл, которого я не могу ни описать, ни высказать...

♦ Я не для того пишу это и выпускаю в свет, чтобы потом каждый мог намарать вслед за мною, и выпустить в свет догадки своего духа об этом, и прокричать о них, как о святыне. Слушай, парень, для этого надо нечто большее: надо, чтобы душевный дух твой качествовал сначала совместно с самым внутренним рождением в Боге и пребывал в свете, чтобы он хорошо знал звездное рождение, чтобы у него была отверстая дверь во всех рождениях: иначе ты опишешь не святую и истинную философию, а вшей и блох, и окажешься поносителем Бога.

♦ ...Божественное существо состоит в силе, не дающей ни описать себя, ни выразить. Поэтому нам надо брать подобия, когда мы хотим говорить о Боге...

♦ Бог не может быть определён до конца, даже если мы охватим взглядом всё сотворённое Им.
♦ И внешний мир и звезды — это фигура внутренних сил духовного мира.
♦ Бог сотворил все вещи из ничего, *и это нечто он сам.*
♦ Если бы Бог не отличался от себя самого, не раздваивался, то он не был бы духом, знанием, сознанием, ибо в одной сущности, где нет раздельности, которая едина, нет никакого знания.
♦ Бог — всё. Он Бог, он *небо* и *ад*, а также внешний мир, ибо от него и в нем происходит всё.
♦ Ибо Божество есть как бы колесо, вращающееся со своими спицами и ободами и со своею ступицею, и ободы его так вделаны один в другом, как если бы оно состояло из семи колес, могущих идти не поворачиваясь, и вперед и назад, равно как и вверх, и вниз, и в стороны.

Так что всегда видны ясно и образ всех семи колес, и единая ступица в средине всех семи колес, и, однако, нельзя понять, как устроено колесо; но непрестанно изумляешься этому колесу, как оно всё изумительнее являет себя в своём восхождении, и, однако, остается всё на своем собственном месте.

Подобным образом непрестанно рождается Божество и, однако, никогда не преходит; и подобным же образом непрестанно рождается и жизнь в ангелах и в людях.

♦ ...Не должно быть понято так, будто Божество... отделено от природы; нет, но они — как тело и душа: природа есть тело, сердце Божье есть душа.
♦ Как при зажигании огня мы разумеем две сущности — одну в огне, а другую в свете — и, таким образом, два принципа, так же мы должны понимать Бога.
♦ Всякое изречение Бога оставило в творении ясно прочитываемые следы — «сигнатуры»[6], т. е. отметки, посредством которых творения могут быть опознаны на основе именующих их слов. Умеющие ч и т а т ь сигнатуры услышат и голос космоса.

Эти сигнатуры еще не Божье слово или слово Духа, но лишь сосуды Духа, в которых Он обитает, потому что сигнатура обозначает сущность и представляет собой как бы лютню, которая остается в тиши, и тогда она нема и непонятна. Но как только на ней заиграют, становится ясен смысл, и это звучание зависит от формы инструмента, от его настройки и тембра. Подобно этому и обозначения природы в своём содержании — немые сущности. Они как бы подготовленный к исполнению инструмент, на котором будет играть Воля-Дух. По каким струнам он ударит, как они зазвучат?

/■■ В человеческом сердце находится сигнатура, весьма искусно сообразованная сущности всех вещей. ■/

♦ Ничто есть жажда к нечто.
♦ Ни одна вещь без противоречия не может открыться самой себе, ибо так как она не имеет ничего противостоящего ей, то она всегда исходит из себя и не входит снова в себя. А так как она не входит в себя снова, как в то, из чего она первоначально вышла, то она не знает ничего о своем происхождении.

♦ ...Ибо в одной сущности, где нет раздельности, которая едина, нет никакого знания.

♦ Во всех есть яд и злоба; оказывается, что так должно быть, иначе не было бы ни жизни, ни подвижности, не было бы также ни цвета, ни добродетели, ни толстого, ни тонкого или какого-либо ощущения, но всё было бы ничто.

♦ Без зла всё было бы так же бесцветно, как бесцветен был бы человек, лишенный страстей; страсть, становясь самобытною, — зло, но она же — источник энергии, огненный двигатель.

♦ Зло — враг самого себя, начало беспокойства, беспрерывно стремящееся к снятию самого себя.

♦ Доброта, не имеющая в себе зла, эгоистического начала, — пустая, сонная доброта.

♦ Природа имеет в себе, вплоть до суда Божия, два качества: одно — приятное, небесное и святое, и другое — яростное, адское и жадное.

♦ Мир стоит посреди ада. Ибо он покидает любовь и предается жадности, лихве и живодерству, и нет больше милосердия в нем. Каждый кричит: были бы у меня только деньги! Сильный высасывает у низкого мозг из костей и выжимает из него пот насилием. Словом, везде только ложь, обма́н, убийство и грабеж и справедливо зовется мир гнездом или домом дьявола.

♦ Но откуда возникает борьба и раздвоенность в человеке? Из влечения, страсти. Влечение есть потеря свободы и единства. Это — влечение к чему-то, чего нет вблизи, по крайней мере для меня, что есть разве лишь как предмет представления, духовная сущность, простая схема или мысль, которая, однако, есть ничто. Но влечение именно хочет, чтобы оно было; оно не духовно, а материалистично; оно хочет иметь, владеть, наслаждаться. Пока я ничего не желаю, я нахожусь в состоянии мира, свободы и равенства, но я не имею также качеств, я — ничто. Только во влечении я получаю свойства, становлюсь определенной сущностью — алчущей, жаждущей, женолюбивой, честолюбивой и корыстолюбивой са́мостью, чем-то.

♦ ...Ты, может быть, скажешь: есть же в природе и злое и доброе, а так как всякая вещь исходит от Бога, то, значит, и злое должно исходить от Бога.

Вот смотри: в человеке есть желчь, которая не что иное, как яд, однако человек не может жить без желчи...

♦ И как велико множество звезд под небом, к тому же неисчислимых и необъятных для разума, частью же и не видимых, таково множество и многоразличие сил и премудрости Бога Отца...

♦ ...Все силы в Отце находятся вместе, одна в другой, как единая сила; образ чего дан у пророка Иезекииля, который видел Господа в духе и прообразе, наподобие колеса, где четыре колеса были одно в другом, и все четыре были одно как другое; и когда они шли, то шли прямо перед собою: в какую сторону дул ветер, туда шли и все четыре прямо перед собою, и ни одно не нуждалось в повороте. Так и Бог Отец...

♦ ...Но дух может и волен подниматься и опускаться в своих качествах

или жить во влияниях звезд, как захочет, будучи свободен; ибо качества свои, какие он имеет в себе, получил он в собственность.

И хотя первоначально он имеет их от звезд, однако ныне они суть всё же его; подобно матери, когда она имеет в себе семя: поскольку оно есть семя и находится в матери, оно принадлежит ей; но когда из него разовьется дитя, оно уже более не собственность матери, но дитяти. И хотя дитя находится в дому матери, и мать питает его от своей пищи, и дитя не могло бы жить без матери, всё же тело и дух, порождённые из семени матери, суть его собственность, и дитя сохраняет за собою свое телесное право.

Так бывает и с ангелами: все они образованы были из Божественного семени, но имеют ныне каждый для себя своё тело, и хотя они находятся в дому Божьем и вкушают от плода своей матери, из которой произошли, всё же тело их составляет ныне их собственность.

Но качество вне их или вне их тела, как мать их, не есть их собственность: подобно как и мать не есть собственность дитяти, и пища матери также не есть его собственность, но мать даёт ее ему из любви, потому что она породила дитя. И она может также выгнать дитя из дому, если оно не хочет повиноваться ей, и может отнять у него свою пищу, что и случилось с княжеством Люцифера*.

♦ ...Отец рождает повсюду из всех сил своих Сына, и Дух Святой повсюду исходит от Отца и Сына, и есть лишь единый Бог в одном существе с тремя раздельными лицами. Подобие того ты можешь видеть на иекоем драгоценном золотоносном камне, который неразделен: прежде всего в нем ссть вещество, то есть салиттер и меркурий; они суть мать или весь камень в целом и порождают повсюду в целом камне золото; и в золоте — славная сила камня.

Теперь, салиттер и меркурий знаменуют Отца, золото — Сына, а сила — Святого Духа: подобным же образом пребывает троичность и в Святой Троице, только в Ней всё движется и всё исходит.

Можно также найти в этом златокамне в каком-нибудь месте такую точку, где золото лучше и где его больше, нежели в другой, несмотря на то, что золото разлито во всем камне: таким же точно образом и место посреди ангельских врат есть самое любимое, прекрасное и сладостное для Отца место, где всего любвеобильнее бывает рождаем Его Сын и сердце и где всего любвеобильнее исходит от Отца и Сына Дух Святой.

♦ ...Когда сравнивают Сына Божия с шаром солнца, как я это нередко делал в предыдущих главах, то говорят в природных подобиях; и я принужден был писать так по причине неразумия читателя, чтобы по этим природным вещам он возвысил мысль свою и так поднимался бы со ступени на ступень, пока не достиг бы и до высоких тайн.

♦ Тьма же, скрытая в средоточии света, значит вот что: когда какая-нибудь тварь, созданная из силы света, хочет подняться в этом свете выше и кипит сильнее, нежели сам Бог, то свет этот погасает в ней...

Подобно как восковая свеча светит, когда ее зажгут; когда же погасят ее, то ствол, или свеча, становится тьмою: так и свет светит из всех сил

* См. сноску на с. 65. — *Ред.*

Отца; но если бы силы были повреждены, то свет погас бы и силы остались бы тьмою, как это видно на Люцифере.

♦ Другое качество, или другой дух в Божественном салиттере или в Божественной силе, есть **сладкое качество**, которое действует в терпком и укрощает терпкое...

Подобие тому ты видишь на яблоке, которое сначала бывает терпко, потом же, когда сладкое качество победит и одолеет его, становится совсем кротким и приятным на вкус: так бывает и в Божественной силе.

♦ ...Каждый из семи духов Божьих чреват всеми семью ду́хами, и все они один в другом, как единый дух, и ни один не бывает вне другого; однако таково рождение их в самих себе, и так рождает один другого в себе и через себя, и это рождение протекает так от вечности до вечности.

Здесь я хочу предупредить читателя, чтобы он правильно рассматривал Божественное рождение. Ты не должен думать, будто один дух стоит возле другого, подобно как ты видишь звезды на небе одну возле другой; нет, но все семь одни друг в друге, как единый дух; как ты можешь видеть это на человеке: у него много разных мыслей от действия семи ду́хов Божьих, которые сплачивают внутри его тело, но ты должен признать (если ты только не безрассуден), что каждый член в целом теле обладает силою другого.

♦ Теперь спрашивается: каким же образом из неосязаемой матери произошел осязаемый сын? У тебя есть подобие тому, как земля и камни возникли из неосязаемости.

Смотри: глубина между небом и землею так же неосязаема; однако качества стихий порождают в ней в разные времена живую и постижимую плоть, как-то: саранчу, мух и червей.

♦ В камне также есть огонь: но если не ударять по нему, огонь остаётся скрытым; если же по нему ударить, огонь вырывается наружу; и если оказывается что-нибудь подверженное огню, оно загорается и возникает великое пламя; так бывает и с человеком, когда он зажжет покоящийся огонь гнева.

...И если бы кто-нибудь был осужден теперь на заточение в аду, он не вправе был бы сказать, что это сделал Бог или что Бог хочет этого; но человек сам пробуждает в себе огонь гнева, который затем, разгоревшись, качествует совместно с гневом Божьим и с адским огнем как нечто единое.

♦ Начало всех существ — это слово как вы-дыхание Бога.

♦ Подобно тому как во внешнем мире есть природа и существа, так же и во внутреннем мире — духовные природа и сушества, из которых внешний мир выдыхается и рождается из света и мглы.

♦ Этот зримый мир со всем множеством его существ не что иное, как отражение духовного мира, который сокрыт в этом — материальном и стихийном.

♦ Ты не встретишь ни одной книги, в которой смог бы найти больше божественной мудрости, чем если отправишься на цветущий луг, где увидишь чудесную силу Бога, услышишь и вкуси́шь ее, хотя это только тень и Бог здесь открылся лишь в подобии. Но для ищущего это любящий наставник. И он многое обретёт там.

♦ Вот говорят, что написанное слово есть глас Христов. То есть речь идет о том, что́? есть буква. И так ли уж всегда готовы мы по времени воспринять всю полноту сообщённой Им нам правды? Мы услышали сказанное или нам надо всё время слушать, к тому же еще и постоянно вслушиваться??

Да, слово облечено в форму, но голос должен быть живым, и таковой он заставляет работать корпус, как часовой механизм. Буква — это инструмент для этой цели и в то же время это труба, но для нее нужен верный тон, который бы согласовался со звуком буквы.

♦ Развивается не только Реформация, но и Откровение, ибо невыносимо согласиться с мыслью, что по завершении библейского канона Бог прекратил говорить с человеком, вдохновлять его и исполнять его своим Духом. А коль так, то и ныне Дух Христов говорит из уст детей Его. Он не нуждается в предварительно составленных формулах, в буквальности слов. Он скорее напоминает духу человека о том, как должна быть понята буква.

♦ Только покаянная душа, только человек обращённый и обновлённый может услышать голос Христа, будь то в проповеди, в чтении или в речи, ибо так нас учил Христос. Ему я верую больше, чем любому искусству. Потому что историческая вера — эта пустая кожура — с ее знанием, ее суетой и утешениями без силы и без серьезной веры мертва.

♦ Этого еще ведь так мало, что мы ходим в церковь и принимаем причастие.

♦ ...Приглашаю я теперь всех любителей святых и многохвальных искусств философии, астрологии и теологии: я хочу здесь открыть им корень и основание.

И хотя я раньше не изучал их искусств, и не учился им, и не умею обходиться с их измерениями окружностей, да это меня и не заботит, — всё же они найдут здесь довольно чему поучиться, так что иной за всю свою жизнь не успеет основательно изучить и постигнуть всё.

Ибо я не нуждаюсь в их правилах и приемах, так как я учился не у них, но имею иного учителя, каковой есть целая природа. У этой-то целой природы с присущим ей рождением изучил я мою философию, астрологию и теологию и от нее научился, а не от людей или через людей.

...Дух долгое время дожидался у них, что они отопрут, что день уже близок; но они бродят в своем опьянении, и ищут ключ, хотя он у них, и не знают его, и постоянно блуждают таким образом в поисках, в своем гордом и тщеславном опьянении, подобно мужику, который ищет свою лошадь, а сам едет на ней.

♦ Теперь спрашивается, что же подвигнуло Люцифера* захотеть стать

* Имя «**Люцифе́р**», означающее на латыни «светоносный», «приноситель света», было эпитетом многих античных божеств, чаще всего Венеры — так называлась «утренняя звезда». Поскольку в латинском переводе Ветхого Завета данный эпитет применялся по отношению к вавилонскому царю, а в Евангелии от Луки говорится: «Я видел сатану**, спадшего с неба, как молнию» (Лука, X, 18), то имя Люцифер уже отцами церкви стало употребляться как инообозначение сатаны.

** **Сатана́** (от *др.-евр.* сатан, *букв.* противодействующий) — дьявол; по ➤

превыше Бога? Здесь надлежит ведать тебе, что вне себя он не имел никакого побуждения к своей гордыне; но красота его обольстила его: когда он увидел, что он прекраснейший князь на небе, то презрел приветное качествование и рождение Божества и помыслил править во всём Божестве своей княжеской силою, всё должно было клониться пред ним.

Когда же он нашел, что не сможет этого сделать, он зажег себя самого, чтобы достигнуть того же иным путем: тогда сын света стал сыном тьмы, ибо он ***сам*** истребил **свою сладкую *водную* силу** и превратил ее в кислый смрад.

И это было второю враждою против Бога, откуда возникло кислое качество в сем мире; оно не было вечным, как у тебя есть на то хороший пример: если ты поставишь что-нибудь сладкое в теплое место и дашь ему постоять, то оно **само** прокисает, как это бывает с водою, или пивом, или вином в бочке. Из других же качеств не изменяет ***ни одно***, кроме как в зловоние, производимое качеством воды.

♦ И Отец потому так сердечно любит этого своего единородного Сына, что Сын есть свет и кроткое благодеяние в Его теле и через силу Его восходит радость и блаженство Отца.

Это суть два лица, и ни одно не может обнять, удержать и постигнуть другое, и одно так же велико, как и другое; и если бы не было одного, то не было бы и другого.

♦ Если же ты скажешь, что нет жизни в земле, то ты говоришь слепо: разве ты не видишь, как растет из нее зелень и трава. Но если ты скажешь, что у нее лишь одного рода рождение, то ты также говоришь слепо: ибо зелень и древесина, растущие из нее, не суть земля; также и плод на дереве не есть древесина; также и сила плода не есть Бог; но Бог сокрыт в средоточии в само́м внутреннем рождении, во всех трех природных рождениях, и познаётся не иначе как лишь в человеческом духе; таким образом внешнее рождение в плоде не может ни охватить, ни удержать его, но Он содержит самоё внутреннее рождение плода и образует его.

♦ Слово *Теи* (первый слог немецкого слова *Teufel* — дьявол) берет свое начало от жесткого стука или звучания, а слово *Fel* берет свое начало от падения (по-немецки — *Fall*): таким образом, господин Люцифер именуется теперь уже *Teufel* — дьяволом, а не херувимом или серафимом.

♦ ...Все силы одна в другой, как единая сила...

♦ ...Вечная борьба и деятельность...

4. МЫСЛИ

◘ Когда именуют небо и землю, звезды и стихии, и всё, что в них, и всё, что над всеми небесами, то тем самым именуют всецелого Бога.

◘ Полная глубина между Землей и звездами подобна сердцу человека... И Солнце — царь в сердце глубины, оно светит и действует в глубине

➢ учению ряда религий, злой дух или глава злых духов, виновник зла в мире, властелин ада, толкающий людей к греху. Среди имен дьявола — Вельзевул, Мефистофель, Воланд и др.

таким образом, что создаёт жизнь, подобно тому как сердце живет в теле, так и Солнце и шесть планет образуют чувства и разум в глубине, а всё вместе становится как живой дух.

- Добро и зло — это как бы две стороны одного потока.
- Вот считают, что мир является чем-то раз и навсегда данным; при этом ссылаются на Библию и указывают, что, завершив творение, Создатель в день седьмой почил удовлетворённый. Никто этого не оспаривает, только ведь и понимать же надо уметь.

Мир всё время течет. Он не знает неподвижности. Он развивается, сам из себя возникает в непрерывном борении отрицающих друг друга начал, составляющих вместе с тем единое целое. И в этом неутихающем творческом процессе формируется не только природа, но и творящая божественная сила.

- Божественная Троица — вечная матерь природы — есть кипящее подвижное существо, которое содержит в себе все силы, подобно как природа.
- Человек часть природы, и ему не следует искать свою родину где-то на стороне от великой матери-природы.
- Несчастный человек пал не по намерению своей воли, но посредством яда, которым заразил его дьявол.
- Существуя в Боге, человек и ад и рай обретает в себе самом.
- Я вовсе не увожу людей от проповедей и слов Писания. И кто думает так, тот несправедлив ко мне. Я всего-навсего говорю, что необходимо нам храм Иисуса Христа привести к этому слову и быть нам при этом надо с готовой к покаянию и страждущей душой, которая слышит в нём поучение.
- Святой имеет свою церковь в самом себе, изнутри она гласит и поучает; Вавилон же владеет грудой камней, куда входят, чтобы лицемерить и притворяться, покрасоваться в нарядных одеждах, представиться набожными и благочестивыми; каменные храмы — их божество, на них они уповают. В отличие от них святой в любом месте имеет храмы при себе и в себе; ибо и стоит он и идет, и лежит и сидит в своих храмах, в истинной христианской церкви, в храме Христовом: Дух Святой проповедует ему из всех творений, и на что бы он ни взглянул, всё это проповедники Господа.
- Ах, ведь ныне осталось то, что христианством только титулуется. Сердце же более жестоко, чем некогда у язычников.
- Теперь спорят лишь о знании и притчах, отрицая применение силы. Но вот придет время испытания, и тогда мы увидим, чего стоили их притчи.
- Надо выйти из Вавилона... Ах, темная ночь!.. Где христианство? Не стало ли оно старой шлюхой? Где его любовь? Не превратилась ли она в медь, сталь и железо? Как узнать ныне христианство? Чем отличается оно от магометанства или язычества? Где христианская жизнь?
- Не будем заострять вопрос о вероразличии. Многие иудеи, турки и язычники раньше нерадивых христиан войдут в Царство Небесное.

- Что такое земная жизнь? — долина плача, наполненная скорбью, постоянным убийством, войной, борьбой и раздором. Миром правят четыре сына дьявола: Гордость, Жадность, Зависть и Гнев.
- На поверхности — историческая вера. Глядеть же надо вглубь. Там — правильная вера, которая есть сила, Дух и жизнь; она — огонь божественного слова, который горит и светит, который от Бога. Правильная вера — живая действующая сила Бога. Это жгучий огонь — пламенная любовь Бога, которая вырывается наружу и свершает дело.
- Не в насилии ищи утешение, а в идеальном, в духовной природе.
- Бог дал мне знание. Не я, которое есмь Я, знает это, но знает это Бог во мне. Премудрость София — Его невеста и дети Христовы. И так как теперь дух Христов живет в детях Христовых и вместе с Ним они — одно тело, равно и дух Христов, кому же принадлежит знание? Моё оно или Божье? Разве не должен я теперь знать о духе Христовом, из чего был создан этот мир, если во мне живет Тот, Кто его создал? Разве Он может не знать этого? И я теперь страдаю и не хочу ничего знать про то, что я есмь как я, как часть внешнего мира, лишь бы он знал во мне чего хочет. Не я роженица в знании, но дух мой — его супруга, которая рождает знание в той мере, в какой Ему угодно.

Яков Бёме зв письменным столом. *Из голландского издания сочинений Бёме. Амстердам, 1686 г.*

Томас Гоббс

XVI – XVII вв.

• Английский философ

Родился: 05.04.1588 г.
Умер: 04.12.1679 г.

Прожил — 91 год

> **«Знание есть только путь к силе».**
> *(Гоббс)*

■ **«Я не сомневаюсь, что если бы истина, что три угла треугольника равны двум углам квадрата, противоречила чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью, то, поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии».** *(Гоббс)*

■ **«Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех».** *(Гоббс)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в местечке Веспорт на юге Англии.
• Мать — крестьянка, отец — бедный и невежественный приходской священник.
• В 15 лет поступил в Оксфорд и уже через два года, получив звание бакалавра, приступил к чтению лекций по логике.
• В 1608 г. Гоббс становится воспитателем сына барона Уильяма Кавендиша (1592 – 1676), человека, близкого к придворным кругам и весьма влиятельного.
• В 1610 г. в качестве «путешествующего наставника» Гоббс на три года уезжает во Францию и Италию.
• В 1613 г. Гоббс стал секретарем у высокопоставленного политика и философа Фрэнсиса Бэкона.
• Гоббсу уже исполнилось 40 лет, когда ему на глаза попалась геометрия. Произошло это случайно. Находясь в библиотеке для джентльменов, Гоббс увидел на столе томик «Начал» Евклида, раскрытый на Предложении 47 книги 1. Он прочитал Предложение и воскликнул: «Клянусь Богом (порою для вящей выразительности он прибегал к божбе), это **невозможно!»** И Гоббс углубился в доказательство Предложения, в котором содержалась ссылка на другое Предложение, которое он не преминул прочитать.

Так продолжалось до тех пор, покуда он решительно не убедился в истинности утверждения. После этого происшествия Гоббс возгорелся любовью к геометрии.

• Невозможные дела интересовали и влекли Гоббса. Много сил и времени отдал он безуспешному решению проблемы квадратуры круга.

• Первый интеллектуальный продукт Гоббса — публикация в 1628 г. его перевода (с древнегреческого на английский) сочинения великого античного историка Фукидида (ок. 460 — 400 гг. до н. э.) о событиях Пелопоннесской войны между Афинами и Спартой.

• В 1629 г. Гоббс уже во второй раз на полтора года едет во Францию, где сближается с Мерсенном, Гассенди, Декартом.

• В 1636 г., во время поездки в Италию, во Флоренции Гоббс встретился с Галилеем.

• **Сочинения Гоббса:**

«Основы философии» (1640 – 1658). В трех книгах:

1. *«О гражданине»* (1642):

/ ♦ Физика — новое явление. Но философия общества и государства является еще более новой, она не старше... чем написанная мной книга «О гражданине». /;

2. *«О теле»* (1655);

3. *«О человеке»* (1658);

«Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651):

/ Левиафан — огромное чудовище, обитающее в воде. В Библии говорится о «Левиафане, змée, прямо бегущем, и о Левиафане, змée изгибающемся (Ис., 27, 1). Левиафан, созданный воображением Гоббса, помещен на фронтисписе английского издания книги в 1651 году. Это державный человек, состоящий из множества человеков. Художник нарисовал туловище государя составным. Согласно идее Гоббса, подлинная целостная личность — а именно таков суверен* — есть гармоничное объединение многих сотен индивидов. /;

«О свободе и необходимости» (1654);

«Физический диалог, или О природе воздуха» (1654);

«Бегемот» (1668).

• В 1646 г. Гоббс по рекомендации барона Кавендиша стал преподавать математику проживающему в Париже сыну английского короля Карла I принцу Уэльскому (будущему Карлу II).

• Гоббсу благоволил Кромвель, и это зловеще сказалось на судьбе философа в годы Реставрации Карла II, когда роялистская и особенно клерикальная реакция подвергла его бешеной травле, обвиняя прежде всего в атеизме. По тем временам это была опасная характеристика. К тому же «О гражданине» и «Левиафан» были внесены папской курией в печально знаменитый «Индекс запрещенных книг».

• Всю свою жизнь Гоббс прожил бобылём.

• Последними его словами перед уходом в вечность были: «Теперь я собираюсь сделать великий прыжок в темноту».

---

* **Суверéн** (*фр.* souverain) — носитель верховной власти.

2. СУДЬБА

► **Томас Гоббс:**

«Я буду нести свою ношу и не стану жаловаться на зависть, а лучше отомщу завистникам, идя дальше в избранном мной направлении».

«Страх перед невидимой силой, придуманной умом или воображаемой на основании выдумок, допущенных государством, называется религией, не допущенных — суеверием. Когда же воображаемая сила в са́мом деле такова, как мы ее представляем, то это истинная религия».

► **Пьер Гассенди:**

«Знаменитый Гоббс... я видел огромное количество людей, которые горячо, хотя и тщетно, искали его книги... Я не знаю писателя, который бы приводил более глубокие аргументы, чем этот... Если бы все его произведения увидели дневной свет, то они весьма осчастливили бы всё племя честных философов, ибо я не знаю среди философов никого, кто был бы более свободен от предрассудков и более основательно вникал в то, что он рассматривает».

(**Пьер Гассенди** в письме французскому врачу и философу Самуилу Сорбьеру (1615 – 1670), 28 апреля 1646 г.)

► **Из полемики Гоббса с Декартом:***

«*Декарт*: Следовательно, нужно согласиться, что я не могу постичь представлением, что такое субстанциально этот кусок воска, и что только мой разум постигает это.

Гоббс: Уже древние перипатетики достаточно определенно учили, что субстанция не может быть чувственно воспринимаема и ее можно познать только путем размышления.

А что если бы мы сказали: всякое рассуждение является не чем иным, как соединением и сцеплением имен, или названий, при помощи частицы *есть*? Из этого следовало бы, что посредством разума мы ничего не можем выяснить о природе вещей, а можем лишь узнать что-то об их названиях, а именно соединяем ли мы имена вещей в соответствии с соглашениями (посредством которых мы произвольно установили их значение) или нет. Если бы дело обстояло так, — а это возможно, — то

рассуждение зависело бы от имён,
имена — от воображения,
воображение же — от
движения телесных органов и,
следовательно, ***дух*** оказался бы не чем иным, как движением, происходящим в известных частях тела, обладающего органами.

Декарт: ...При рассуждении речь идет не о сочетании имен, а о сочетании вещей, обозначенных этими именами.

* История здесь такая. Декарт, написав свои «Размышления о первой философии» («Метафизические размышления» во французском переводе), в которых доказывается существование Бога и бессмертие души, через своего друга, математика Марена Мерсенна (1588 – 1648), разослал их ряду лиц. Вскоре Мерсенн переслал Декарту возражения семи человек: Гоббса, Гассенди, Арно и др. Собрав все замечания и ответы на них, Декарт опубликовал их в Париже в 1641 г. в виде приложения к «Размышлениям о первой философии»; как отмечалось во вступительной статье, ни Гоббс, ни Декарт не убедили друг друга...

[...] С тем же основанием, с каким Гоббс заключает, что дух есть движение, он мог бы заключить, что земля есть небо».

► **Жан-Жак Руссо** (*«Об общественном договоре»*, 1762 г.):

«Везде, где духовенство составляет особую корпорацию, оно — повелитель и законодатель в своем отечестве... Из всех христианских авторов один только философ Гоббс прекрасно понимал и зло, и средство для его излечения; он один осмелился изложить соединение двух глав орла и приведение всего к политическому единству, без которого никогда ни государство, ни правительство не будут хорошо устроены... Политику Гоббса сделало ненавистной не столько то, что в ней есть ужасного и ложного, сколько то, что в ней есть справедливого и верного».

3. УЧЕНИЕ

♦ Сотворение мира произошло так, как об этом рассказывает Моисей в Святом законе.

♦ Если исследователи, внимательно рассмотрев органы размножения и питания, не убедятся в том, что эти органы созданы и приспособлены к своим функциям каким-то умом, то воистину придется отказать в уме им самим.

♦ Мы не имеем никакой идеи образа Бога...

♦ Я думаю, что нельзя найти лучшего заклятия, чем различение правил религии, то есть правил, согласно которым следует чтить Бога и которые следует искать в законах, и правил философии, то есть учений частных людей. Учения (догматы) религии должно доставлять Священное Писание, а философские учения — естественный разум.

♦ О философии, основы которой я собираюсь изложить, ты, любезный читатель, не должен думать как о чем-то, при помощи чего можно раздобыть философский камень, или как об искусстве, которое представлено в трактатах по метафизике. Философия есть скорее естественный человеческий разум, усердно изучающий все дела Творца, чтобы найти и сообщить бесхитростную правду об их порядке, их причинах и следствиях. Философия есть дочь твоего мышления и всей Вселенной и живет в тебе самом, правда, в еще неясной форме. Ты должен действовать как скульпторы, которые, обрабатывая бесформенный материал резцом, не творят форму, а выявляют ее. Философия есть познание, достигаемое посредством правильного рассуждения и объясняющее действия или явления из известных нам причин или производящих оснований и, наоборот, возможные производящие основания — из известных нам действий.

♦ Но хотя в Писании и признаётся существование ду́хов, в нем, однако, нигде не говорится, что они бестелесны, т. е. лишены протяжённости и качества. И я вообще не думаю, чтобы во всей Библии мы могли найти слово *бестелесный*.

♦ **Вселенная** есть совокупность всех тел. Нет такой реальной части ее, которая не была бы **телом**. Телом является всё то, что не зависит от нашего мышления.

♦ Целое и совокупность его частей идентичны.

♦ Всё, что мы воображаем, конечно, и, таким образом, слово «бесконечный» не может соответствовать никакой идее и никакому понятию.

/■■ Знаменитый довод Зенона Элейского против существования

движения опирался на следующее утверждение: «Всё, что может быть делимо на бесконечное множество частей, бесконечно». Хотя сам Зенон, без сомнения, считал это утверждение правильным, однако оно является ложным, ибо делить что-либо на бесконечное множество частей — значит делить это на сколько угодно частей. Но как бы долго я ни делил линию на части, в результате не окажется необходимым утверждать, что она обладает бесконечным количеством частей или бесконечна. Ибо сколько частей я бы ни образовал, число их всегда будет ограничено. ■

■■ Человек не может иметь в своем уме образ бесконечной величины, точно так же он не может себе представить бесконечной скорости, бесконечного времени, бесконечной силы или бесконечной власти. Когда мы говорим, что какая-либо вещь бесконечна, мы этим обозначаем лишь, что не способны представить себе конец и пределы названной вещи, так как мы имеем представление не о самóй бесконечной вещи, а лишь о нашей собственной неспособности. ■/

♦ *Субстанция* и *тело* означают одно и то же.

♦ *Время* есть **образ движения** в его последовательности.

♦ *Пространство* нельзя считать чем-то фактически заполненным, напротив, дóлжно представлять его лишь чем-то, что может быть заполнено.

♦ Предположение о материальности мыслящей субстанции кажется мне правильным.

♦ Общая всем вещам материя, которую философы, следуя Аристотелю, обычно называли *первой материей*, не есть тело, отличное от всех других тел, но не есть и одно из этих тел. Что же это такое? Лишь имя, однако имя, имеющее полезное употребление, а именно обозначающее представление тела независимо от любой его формы и любых акциденций, за исключением величины или протяжения и способности принимать формы и акциденции.

♦ Если мы познаём принципы вещей только благодаря явлениям, то, в конце концов, принципом познания этих принципов является ощущение, и из последнего мы черпаем всякое знание.

♦ Причиной ощущений являются сами предметы, действующие на органы чувств.

♦ Поскольку *общие свойства* содержатся в природе *единичных вещей*, они должны быть познаны при помощи рассуждения, т. е. путем анализа. Возьмем, к примеру, квадрат; разложим его на составные элементы:

- ■ линия
- ■ плоскость
- ■ ограничение
- ■ прямоугольность
- ■ прямолинейность
- ■ равенство

} Из всех них мы вполне можем установить **причину** **квадрата**.

♦ Летосчисление физики надо начинать с Галилея.

♦ Всякое изменение есть только движение.

♦ *Сущность*, отличная от существования, есть не что иное, как *соединение имен посредством слова «есть»*. Сущность без существования является лишь нашей фикцией.

♦ Предположение о свободе воли принижает Бога, ибо означает, что Бог не может ничего ни предвидеть, ни решать.

∇ ◐ Это утверждение Гоббса — чистейшей воды амфиболия, т. е. принципиально двусмысленно: всяк что хочешь думай... Итог тот, что говоримое Гоббсом может быть рассматриваемо и как критика других, и как его же собственный взгляд на вещи. ◑

♦ *Свобода* и *необходимость* совместимы. Вода реки, например, имеет не только свободу, но и необходимость течь по своему руслу. Такое же совмещение мы имеем в действиях, совершаемых людьми добровольно.

♦ Всё, что происходит, не исключая и *случайного*, происходит по *необходимым* причинам. Случайным что-либо называется только по отношению к событиям, от которых оно не зависит. Завтрашний дождь, если он будет, конечно же, необходим, но мы рассматриваем его как нечто случайное и называем его так, ибо еще не знаем его причин, которые уже существуют.

∇ ◐ С точки зрения Гоббса, «случайность» — это причина, о которой сегодня мне ничего не известно; но «в принципе» такое знание возможно. Завтра, послезавтра, сколь угодно позже, но возможно. Среди философов это наиболее распространенный подход к проблеме «необходимость — случайность».

Мне же это всё видится иначе. Конечно, **необходимость** — это понятие, означающее принципиальную сводимость явлений к их причинам.

«Случай» же — это когда необходимости (разные!) соприкасаются без намерений к тому. Можно по-другому: **случай** — это соприкосновение следствий несвязанных причин. Железный шар, катящийся по островерхой крыше, и человек, идущий вдоль стены дома, по крыше которого скатывается шар, находятся в разных причинных координатах, но пространственная близость спектров следствий (ведь «шар» не только катится или разбивает человеку голову, но еще и гремит, и продавливает крышу, подвергается направляющим воздействиям рельефа крыши и т. п.) в обстановке тесноты завязывающихся факторов производит «случай» (в некрологе потом напишут: «нелепый случай»...). ◑

♦ Основа философии — геометрия и физика. Физические явления могут быть поняты лишь после того, как изучены движения мельчайших частиц тела, а движение последних, в свою очередь, может быть понято только тогда, когда познана сущность того, что производится движением одного тела в другом, и притом только тогда, когда знают, что производится простым движением.

♦ Под сознанием чего-либо мы обыкновенно понимаем знание или мнение. Люди говорят, что сознают истинность какой-нибудь вещи, и притом никогда не говорят так, когда считают эту вещь сомнительной. Поэтому в этих случаях они или знают, или допускают, что знают, истинность указанной вещи. Однако когда люди утверждают что-либо, ссылаясь на свое сознание, то из этого вовсе не следует, что они определенно знают истину того, что утверждают. Остается, таким образом, думать, что это слово употребляется теми, кто имеет мнение не только об истинности вещи, но и о своем знании этой истинности, так что истинность

предложения является только следствием этого мнения. Я определяю поэтому **сознание** как мнение об очевидности.

♦ Все представления суть движения внутри нас, являющиеся остатками движений, произведенных в ощущении. И те движения, которые непосредственно следуют друг за другом в ощущении, продолжают следовать в том же порядке и после исчезновения ощущения, так что если предыдущее ощушение снова имеет место и является преобладающим, то последующее в силу связанности движимой материи следует за ним таким же образом, как вода на гладком столе следует в том направлении, в каком какая-либо капля ее водится пальцем.

♦ Подобно тому как вода или другая жидкость при одновременном действии на нее разных сил получает движение, сложенное из всех этих сил, мозг или духовная способность, заключенная в нем, получив возбуждение от различных объектов, образует сложное представление.

♦ Нельзя серьезно думать, будто имена вещей вытекают из их природы... они есть знаки наших представлений.

♦ Истина и ложь суть атрибуты речи, а не вещей. Там, где нет речи, нет ни истины, ни лжи.

♦ Причины абсурдов:

1) то, что философы не начинают своих рассуждений с дефиниций;

2) то, что имена тел даются их акциденциям или имена акциденций даются телам;

3) использование вместо точных слов метафор и других риторических фигур.

♦ Природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей.

♦ В природе человека три основные причины войны: соперничество, недоверие, жажда славы.

♦ В естественном состоянии каждый имеет право на всё.

♦ Естественные законы неизменны и вечны. Их девятнадцать:

1) благодарность;
2) справедливость;
3) взаимная уступчивость, или любезность;
4) легкое прощение обид;
5) думы о будущем благе при отмщении;
6) непереносимость оскорблений, гордыни и надменности;
7) беспристрастность;
8) равенство в пользовании общими вещами;
9) доверие к жребию;
10) право на первородство и первое владение;
11) подчинение арбитражу;
12) невозможность быть судьей самому себе и в делах с личной заинтересованностью; [...]

Наука об этих законах является истинной моральной философией.

♦ Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя **путем взаимного договора между собой** огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира.

♦ Только в государстве существует всеобщий масштаб для измерения добродетелей и пороков. И таким масштабом могут служить лишь законы каждого государства. Для того чтобы познать свойства государства, необходимо предварительно изучить склонности, аффекты и нравы людей.

♦ Различных форм государства может быть только три:

1) монархия;
2) демократия;
3) аристократия.

♦ Всякое большое государство, в котором верховная власть принадлежит обширному собранию, находится в отношении решения вопросов войны и мира и составления законов в таком же положении, как если бы верховная власть находилась в руках малолетнего...

...И подобно тому, как малолетний нуждается в опекуне или покровителе, хранителе его личности и власти, точно так же и верховное собрание (в больших государствах) в момент больших опасностей и смут нуждается в **диктаторах** или хранителях их власти.

♦ Власть суверена в государстве должна быть абсолютной.

♦ Искусство строительства и сохранения государств, **подобно арифметике и геометрии**, основано на определённых правилах, а не только на практике (как игра в теннис). Для нахождения этих правил бедным не хватает досуга, а тем, кто имеет досуг, не хватало до сих пор ни любознательности, ни метода.

♦ Война есть не только сражение или военное действие, а промежуток времени, в течение которого явно сказывается воля к борьбе путем сражения.

4. МЫСЛИ

◘ Поскольку тому, кому отказывают в праве применять нужные средства, бесполезно и право стремиться к цели, то из этого следует, что раз всякий имеет право на самосохранение, то всякий имеет право применить все средства и совершить всякое деяние, без коих он не в состоянии охранить себя (*«О гражданине»*).

∇ ◐ В историю — в качестве популярного афоризма **«цель оправдывает средства»** — это выражение вошло в превращенном виде с оттенком скрытого упрека в моральной неразборчивости его автора.

Хотя, с моей точки зрения, здесь скорее образчик *этического наполеонизма*, когда натиск в силе превалирует над самой силой, или, иначе, и есть сила само́й силы.

Большинство исследователей склонно видеть истоки данной формулы *только* у Гоббса, однако надо иметь в виду, что поиск «содержательности» в связке *цель — средство* был в тот период достаточно всеобщ. В качестве примера можно сослаться на иезуитского патера Германа Бузенбаума, который в сочинении «Основы морального богословия» (1645) писал: «Кому дозволена цель, тому дозволены и средства». ◑

◘ Ни об одном действии человека нельзя сказать, что оно было совершено без обдумывания, сколь бы внезапно оно ни произошло, так как предполагается, что в течение всей своей предшествующей жизни этот человек имел достаточно времени, чтобы обдумать, должен ли он совершать такого рода действия или нет. Вот почему человека, совер-

шающего убийство во внезапном порыве гнева, тем не менее справедливо присуждают к смерти; ибо всё то время, когда он был способен размышлять над тем, хорошо или плохо убивать, следует считать непрерывным обдумыванием, и, следовательно, убийство должно считаться происшедшим вследствие выбора.

- *Свободу* можно правильно определить следующим образом: свобода есть отсутствие всяких препятствий к действию, поскольку они не содержатся в природе и во внутренних качествах действующего субъекта. Так, мы говорим, что вода свободно течет, или обладает свободой течь, по руслу реки, ибо в этом направлении для ее течения нет никаких препятствий; но она не может свободно течь поперек русла реки, ибо берега препятствуют этому. И хотя вода не может подниматься вверх, никто никогда не говорит, что у нее нет свободы подниматься; можно говорить лишь о том, что она не обладает способностью или силой подниматься, потому что в данном случае препятствие заключается в самой природе воды и носит внутренний характер. Таким же образом мы говорим, что связанный человек не обладает свободой ходить, потому что препятствие заключается не в нем, а в его узах; но мы не говорим так о больном или увечном, потому что препятствие заключается в них самих.
- ***Все добровольные действия являются вынужденными***, и вот почему. Известно, что **достаточной** причиной является та, к которой не нужно прибавлять что-либо для того, чтобы произвести действие. Она же есть и **необходимая** причина. Ибо если достаточная причина может не произвести действия, то она нуждается в чем-либо, чтобы произвести его, и, следовательно, является недостаточной. Но если невозможно, чтобы достаточная причина не произвела действия, то она является и необходимой причиной, ибо то, что не может не произвести действие, с необходимостью производит его. Отсюда очевидно, что всё, что произведено, произведено с необходимостью; ибо всё, что произведено, имеет достаточную причину, в противном случае оно вообще не было бы произведено.
- Люди судят по себе не только о других людях, но и о всех других вещах, и так как после движения они чувствуют боль и усталость, то полагают, что всякая вещь устаёт от движения и ищет по собственному влечению отдых: при этом рассуждающие так не спрашивают себя, не есть ли само это желание покоя, которое они в себе находят, лишь другое движение?
- Любовь есть представление человека о его потребности в лице, к которому его влечет.
- Красота — это обещание счастья.
- Воспоминания или память о многих вещах называются опытом.
- Зло, которого мы не можем ни преодолеть, ни избежать, мы ненавидим.
- Наши мысли во сне подобны звездам, видимым сквозь быстро мчащиеся облака и показывающимся, следовательно, не в том порядке, в котором мы хотели бы их наблюдать, а так, как это позволяет неопределённое движение разорванных облаков.

- Философия — наука о причинах, или о «почему».
- Чувства отвечают на вопрос «что?».
- Под рассуждением я понимаю *исчисление.* Вычислить — значит найти сумму складываемых вещей или определить остаток при вычитании чего-либо из другого, следовательно, рассуждать — значит то же самое, что складывать или вычитать.
- Если кто-либо более других склонен к изумлению, то он обладает или меньшими знаниями, или же более проницательным умом, чем другие.
- Естественная причина религии — беспокойство о будущем.
- Естественное начало речи — результат произвола людей.
- Факты, взятые со стороны их достоверности, определяют, чему быть знанием, а чему — наукой.
- Величайшим из всех благ является самосохранение. Ибо природа устроила так, что все хотят себе добра.
- Богатство полезно, если оно велико (по мнению Лукýлла, богат тот, у кого достаточно средств, чтобы содержать собственное войско).
- Нужда есть меньший позор, чем глупость...
- В науках мы ищем причин не столько того, что было, сколько того, что могло бы быть.
- Ошибаться не постыдно, ибо это свойственно всем людям. Ученому, однако, не подобает ошибаться слишком часто, так как это противоречит его призванию.
- Сталкиваясь с многозначностью слова, ум теряет силу и начинает походить на птицу в силке, которая чем более старается вырваться, тем больше увязает.
- Всякое духовное удовольствие и радость состоят в том, что человек, сравнивая себя с другими в обществе подобных себе, может расти в собственных глазах.
- Человек человеку волк («Homo homini lupus est»). Если бы в человеке существовало чувство общественности, люди любили бы первого встречного. Мы же ищем себе товарищей не в силу какого-нибудь природного инстинкта, а в силу почтения, оказываемого нам, и ожидаемой нами пользы от людей. Если люди собрались поговорить, каждый охотно говорит то, что заставляет других смеяться, — очевидно, для того, чтобы его похвалили за его прекрасные качества и чтобы их сравнили с недостатками и недочетами какого-нибудь другого из этого общества. И потому я еще раз утверждаю, что всё общество построено на желании почета и удобства жизни; что все договоры совместного коллективного проживания заключаются скорее из себялюбия, чем из стремления нашего к себе подобным. Это же очевидно: происхождение самых больших и прочных обществ явилось результатом не взаимного благоволения людей друг к другу, но в силу взаимной боязни людей.

  /■■■ Когда Гоббсу возражали, что если бы люди были такими, какими он их описывал, то они избегали бы друг друга, философ невозмутимо отвечал: «Так они и делают: запирают свои двери, ложась спать, вооружаются шпагой, отправляясь в дорогу, и пр. и пр.» ■/

Пьер Гассенди

XVI – XVII в.

• Французский философ

Родился: 22.01.1592 г.
Умер: 24.10.1655 г.

Прожил — 63 года

> **«Подчинять свой ум авторитету того или иного человека — о, как это недостойно философа!»** *(Гассенди)*

■ **«Я чистосердечно признаюсь в том, что из всех философских учений мне ничто никогда не было так по душе, как прославленная непознаваемость академиков и пирронистов».** *(Гассенди)*

■ **«В нашей власти не столько предохранить себя от ошибок, сколько не упорствовать в заблуждении».** *(Гассенди)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в деревне Шантерсье близ города Диня (город Динь, провинция Прованс на юго-востоке Франции в Альпах), в крестьянской семье.
• Учился в коллеже в городе Дине.
• Окончил Эксский университет.
• С 1612 по 1616 г. — руководитель духовного училища в городе Дине.
• В 1616 г. получает в Авиньонском университете ученую степень доктора теологии.
• 01.08.1617 г. рукоположен после диаконства в священники католической церкви.
• Через некоторое время занял кафедру философии в Эксском университете.
• Переписывался с Кампанеллой и Галилеем, был дружен с Шарроном.
• В 1628 г. был в Англии, где познакомился с Томасом Гоббсом.
• Вынужден был покинуть кафедру в Эксском университете из-за конфликта с иезуитами.
• В 1645 г. по предложению кардинала Мазарини назначается профессором математики Королевского коллежа в Париже.
• Всю жизнь страдал от туберкулеза.
• **Сочинения Гассенди:**

«Парадоксальные упражнения против аристотеликов, в которых потрясаются главные основы перипатетического учения и диалектики и утверждаются либо новые взгляды, либо, казалось бы, устаревшие взгляды более древних мыслителей» (часть 1-я, 1624; часть 2-я, 1658);

«Письмо по поводу книги лорда Эдуарда Герберта Чербери, англичанина, "Об истине"»* (1634);
«Метафизическое исследование против Декарта» (1642);
«Астрономический указатель» (1647);
«Свод философии Эпикура» (1649);
«Система философии» (1653);
«Четыре письма о кажущейся величине Солнца на горизонте и в меридиане».

2. СУДЬБА

Пьер Гассенди:

«Сладок ли мёд? Мне он кажется сладким. Но знаю ли я, что мёд действительно сладок от природы, сам по себе? Тут я признаюсь, что не знаю. Таким знанием мы обладать не можем».

Пьер Бейль:

«Чтобы убедиться в слабости «Логики» и «Физики» Аристотеля, нужно лишь познакомиться с «Парадоксальными упражнениями...» Гассенди. Он там достаточно приводит доводов против философии Аристотеля вообще, чтобы убедить любого непредубежденного читателя, что она никуда не годна. В частности, он там частично ниспровергает диалектику этого философа. Он собрался критиковать таким же образом «Метафизику» и «Этику», когда узнал о грозном возмущении партии перипатетиков против него, и он предпочел прекратить свою работу, чем подвергнуться отвратительным преследованиям».

Образчик полемики Гассенди с Декартом:

Гассенди: Зная об уме только то, что он — мыслящая вещь, ты подобен слепому, знающему о Солнце лишь то, что оно — вещь греющая.

Декарт: Скорее уж ты оказываешься слепым, я же со всем родом человеческим самое большее могу быть назван подслеповатым.

3. УЧЕНИЕ

♦ Да и в чем бы заключалось тогда различие между Богом и человеком, если бы человек знал всё, что доступно лищь самому Богу? Что если бы он мог похвастаться, что ему настолько хорошо известна природа каждой вещи в целом, что Бог уже не может ничего добавить к этому знанию? Мне кажется, что всемогущий Господь поступил **так же, как** обычно поступают создатели чудесных автоматических устройств. Эти люди выставляют на обозрение свои машины, давая возможность наблюдать их удивительные движения, и было бы несправедливо, если бы зрители стали обижаться на то, что им-де не захотели показать внутренний механизм. **Точно так же** и Бог, создатель мира и всех находящихся в нем удивительных вещей, от самой малой до самой великой, был настолько милостив к нам, что не отказал нам в возможности созерцания

* Полное название книги — «Трактат об истине, насколько она отличается от откровения, правдоподобного, возможного и ложного» (Париж, 1624, на лат. яз.). Здесь изложены идеи платонической гносеологии, на которой основываются принципы деизма как учения о «естественной религии», отождествляемой с моралью. Гассенди располагал 2-м изданием этой книги, вышедшим в Лондоне в 1633 г. / Herbert of Cherbury — английский философ, историк и дипломат; с 1614 по 1624 г. был послом во Франции, где написал ряд философских трудов; был дружен с Гассенди. /

их, и было бы несправедливо по отношению к нему, если бы кто-нибудь, не довольствуясь тем, что Бог пожелал нам открыть, стал бы жаловаться, что он не раскрыл также сокровенных тайн природы каждой вещи.

♦ Я возьму одно, самое ясное условие для чувства зрения, а именно **расстояние**. И вот прежде всего я тебя спрашиваю: на каком расстоянии ты предполагаешь увидеть истинную величину какой-нибудь вещи, например человека? Я полагаю, что не на расстоянии 1000 футов и не на расстоянии 500, может быть, даже и не на расстоянии 100 футов. Однако подобно тому как величина яснее вырисовывается по мере уменьшения расстояния с 1000 футов до 500, точно так же она будет яснее вырисовываться, когда расстояние будет постепенно сокращаться до 100 футов, до 50 и так далее — до 10. Но прекращается ли это нарастание, начиная с 10-го фута? Какое у нас основание считать так?

/■■■ Со зрением, действительно, не всё ясно... Вот хотя бы: четырехугольная башня издали кажется круглой. Взгляните: ↳

Площадь в итальянском городе. *1000 г.*
Худ. И. Лингелбах (1622 – 1674) ■/

♦ Если мышление есть действие, не связанное с телом, может ли оно оставлять телесный след? С другой стороны, если мозг телесен, может ли он воспринимать бестелесный след? Да и можно ли объяснить, что представляет собой этот след? Каким образом он запечатлевается? Как сохраняется? Ведь то, что в мозгу существуют следы образов, которые черпаются нашими чувствами, или следы самих этих чувств — следы, которые как бы отпечатываются в мозгу способностью воображения, не так уж удивительно. А утверждать, что в мозгу запечатлеваются следы мыслей, которые вообще бестелесны, лишены протяжённости, очертаний, цвета и всех про-

чих телесных акциденций и свойств, в то время как мозг способен воспринимать лишь такого рода акциденции и свойства, равносильно глупости.

♦ «Парадоксальными» я назвал свои «Упражнения» потому, что они содержат парадоксы, то есть взгляды, превосходящие разумение толпы. Однако под толпой я здесь подразумеваю не простонародье (ибо что ослу лира?), а толпу заурядных философов. Что касается «Метафизики» Аристотеля, то ее по справедливости следовало бы назвать иначе, а именно «Теологией».

♦ Полюбуйтесь, как Аристотель определяет качество: это то, **в соответствии с чем о чем-либо говорится, каково оно**. Как будто в самом деле «каково оно» может говориться не только о том, что имеет качество и, таким образом, понятие «каково» не предполагает понятия качества? Определения, годные только для того, чтобы создавать порочный круг!

♦ О Аристотель! О любезный перипатетик! Пусть первоначалом вещей служит материя, форма и лишённость! Разъясни же мне с помощью них сущность хотя бы самой малой вещи в природе, подлинный корень и причину тех процессов и свойств, которые в ней обнаруживаются.

♦ Я хочу знать, действительно ли Солнце — это раскалённый камень или оно пористое и мягкое? Какую помощь мне окажет здесь вся диалектика со всеми ее правилами определения? ♦

/ Здесь следует иметь в виду, что Аристотель понимал термин «диалектика» в четырех смыслах:

1) диалектика — это наука о доказательстве какого-либо тезиса из системы заданных предложений;

2) это силлогистика вероятностных предложений;

3) это софистика;

4) это наука о вероятном.

Платон же под «диалектикой» разумел **задачу добраться до сущности вещей**.

Во времена Платона греческое слово «διαλεχτιχή» употреблялось в следующих смыслах:

1) диалектика — это искусство спора (словопрения);

2) это искусство вести беседу;

3) это искусство разделения предметов по родам;

4) это особая наука о связи понятий. /

♦ Ведь преподавать и воспринимать науки можно и без силлогизмов, и даже Аристотель никогда не пользовался силлогизмами в физике, метафизике или в какой-либо другой науке.

♦ Так пусть уж диалектика помалкивает в серьезных делах; пусть она, чванясь, упражняется, например, в таких пустяках: всякая собака лает, но некто Сид — собака, следовательно, Сид лает. Или так: мыщь — слог, но мышь грызет сыр, следовательно, слог грызет сыр. И еще: я — не ты, но я — человек, следовательно, ты — не человек. И так далее. Ведь все построения, которые диалектиками и составляются, и разбиваются, из одного и того же теста. Я назвал всё это пустяками.

/■■ Всем известен крестьянин, который своего сына, возвратившегося после занятий диалектикой и желающего испытать свое искусство,

принял как дóлжно и приказал ему приготовить шесть яиц всмятку: два себе, два матери и два ему. Тот приготовил только три. Когда отец спросил его, почему он не сварил шесть, тот ответил: «Разве не сварено шесть?» — «Почему же тогда, — сказал отец, — я вижу только три?» — «Разве не получится, — продолжал юноша, — что счет яиц будет таков: один, два, три; а один, два и три, объединенные вместе, составляют шесть?» Тогда отец сказал: «Великолепно, сын, я, значит, возьму два, матери твоей достанется одно, остальными тремя пользуйся ты». ■/

♦ Я считаю инструментами для знания:

1) природную одаренность ума;
2) добрую волю, чтобы быть неутомимым в труде;
3) достаточно здоровое тело, чтобы болезни не терзали;
4) обилие внешних благ, чтобы не нуждаться в пище, одежде и прочем;
5) наличие надежного и образованного наставника;
6) необходимость собственных орудий каждой науки.

♦ Мне часто приходила в голову мысль, почему, если глаз видит, ухо слышит и каждая из других способностей человека исполняет своё назначение без предварительного обучения, — почему бы сам интеллект не мог бы рассуждать, искать, находить истину и судить о том, каково его собственное назначение, без помощи диалектики?

♦ По поводу острых и запутанных вопросов, как: существуют ли универсалии сами по себе или только в сознании, существуют ли они отдельно от вещей или только вместе с ними: *универсалии — это не что иное, как нарицательные имена*. Скажи, говорю я оппоненту, разве видел ли ты во всём мире что-нибудь, что не было бы особенным? Покажи мне место, где находятся всеóбщие категории. Ты говоришь, что существует человеческая природа, являющаяся всеобщей. Но где, собственно, можно увидеть эту природу? Что касается меня, то я никак не вижу, чтобы и у тебя, и у меня была одна и та же общая природа. У тебя есть твое тело, твоя душа, твои части тела и твои способности. У меня так же есть свои собственные свойства. И что это, наконец, за природа, которая одновременно присуща и тебе и мне?

∇ ◐ С моей точки зрения, универсалии существуют, и существуют реально. «Государство», «брачный союз», «любовь» и тому подобные сложности — всё это универсалии, и я хотел бы посмотреть на того, у кого хватит смелости отринуть их наличное бытие. Хорошим примером пребывания в мире универсалий являются «вода», «лед» и «пар». Ведь, строго, — это всего лишь H_2O, но над всей этой химической сроднённостью кислорода и водорода надстоит **агрегатность**, которая, модифицируясь температурой и давлением, дает разнообразие одного и того же, вплоть до качественного различия!

Универсалии в мире и не «сами по себе», и не «в сознании», и не «в вещи», и не «отдельно», и не «вместе», а они есть **инобытие вещи** (равно как и всего, к чему приложимо понятие реального существования!) **в паузах превращений** и как само **обеспечение этих превращений**.

Универсалии можно определить и так, что это — характеристический субстрат вещи или предметности.

Так что Платон, рассуждая об идеях, искал в верном направлении.

Логичное продолжение этой темы — это утверждение, что сущность вещи не в ней, а в *обеспечении* ее. ◑

♦ Интеллект рассматривает всех людей как нечто единое, объединяет их в одном и том же понятии и придумывает имя, выражающее это понятие, с помощью которого он одинаково обозначает их всех: например, **человек**. [...] А затем, сравнивая человека с лошадью, быком, львом и другими существами, формирует общее понятие и дает общее имя **живого существа** животному.

♦ Для того чтобы узнать в совершенстве отличительный признак какой-либо вещи, мы должны в совершенстве знать все другие вещи. Если же мы их не знаем или знаем не очень хорошо, то каким образом мы узнаем, **чем** отличается упомянутая вещь от тех?

♦ По поводу дефиниций:

Конечно, можно сказать: «Четвероногое, медлительно идущее, дикое, пресмыкающееся, шероховатое, с короткой головой, со змеиной шеей, по виду страшное, лишённое внутренностей, безжизненное, но испускающее звуки, как живое существо», а можно сказать просто — черепаха, и это будет не одно и то же в смысле **ясности**.

Пусть предметом, который дóлжно определить, будет движение; вот обычно такое определение движения дается по Аристотелю: **акт сущего в потенции, поскольку оно в потенции.** Великий Боже! Найдется ли желудок, который мог бы переварить такое определение?

♦ Конечно, путем индукции нельзя прийти к общей посылке, поскольку нельзя пробежать заранее разумом и перечислить все отдельные случаи, для которых посылка может быть названа всеобщей.

♦ Для чего же ты напрягаешься и мучительно трудишься, сплетая силлогизм, — чтобы в заключение узнать то, что ты знал уже раньше? Разве это не бесплодный труд?

♦ Аристотель никогда не был более мудр, чем когда он призывал к осторожности, как во второй книге «Истории животных», где он, рассказывая, что ни одно животное не бывает одновременно одноногим и двуногим, добавляет: **по крайней мере, поскольку мы это знаем**.

♦ Разве не правилен вывод, что для разных существ существуют различные видимости одной и той же вещи? **Ядовита ли трава цикута или нет?** Для человека она ядовита, для перепёлок и коз она не ядовита. Назвать же ее абсолютно ядовитой, то есть ядовитой самой по себе, от природы, как видим, нельзя.

♦ По природе своей огонь не должен называться ни горячим, ни холодным.

♦ По поводу кажущейся величины низко и высоко стоящего Солнца, по-видимому, можно сказать следующее: низко стоящее Солнце, воспринимаемое глазом, представляется бóльшим, чем тогда, когда оно поднимается выше, потому что, пока оно находится близко к горизонту, густые испарения и малые частицы до такой степени ослабляют лучи Солнца, что глаз щурится меньше и зрачок, как бы оказавшись в более темном пространстве, расширяется значительно сильнее, чем тогда, когда при

высоко поднявшемся Солнце испарения делаются редкими и исчезают, а само Солнце сияет так ярко, что зрачок, смотрящий на него, очень сильно сужается. И конечно, отсюда становится понятным, почему видимый образ, исходящий от Солнца и прошедший через расширенный зрачок на сетчатку, занимает на ней более обширное пространство и создаёт в результате больший зрительный образ Солнца по сравнению с тем, который проникает туда через суженный зрачок.

4. МЫСЛИ

- Удивительно то, что с тех пор как люди занимаются философией и исследуют истину и даже природу вещей, не нашелся не то чтобы один человек, но хотя бы народ или философская школа, которые отыскали бы истину и раскрыли ее.
- И по сей день от множества мудрецов и философов не осталось ничего, кроме споров.
- Невежество позорит человека не больше, чем отсутствие на руке ста пальцев. Как нет природной необходимости в ста пальцах, так ее нет, по-видимому, и в знании сокровенной природы вещей.
- Я признаю и существование всемогущего Бога, и бессмертие наших душ и сомневаюсь лишь в вескости аргументов, которыми доказывают как эти, так и другие метафизические положения.
- Относительно истины как таковой я никогда не высказываюсь, чувствуя себя неспособным раскрыть ее.
- Если мы действительно что-то знаем, то мы знаем это благодаря изучению математики.
- В философии ох как следует заботиться о словах — именно для того, чтобы не было вечного спора о смысле.
- Чтобы судить о том, кто мудр, надо самому быть особенно мудрым.

Дрозд клюет листья ядовитой цикуты.
Гравюра из книги С. Баргальи «Impresse». Венеция, 1594 г.

Дека́рт

XVI – XVII вв.

Рене Декарт

- Французский философ, математик, физик, физиолог, методолог науки

Роднлся: 31.03.1596 г.
Умер: 11.02.1650 г.

Прожил — 53 года

> **«Дайте мне матерню и двнжение, и я построю вам из этого Вселениую».** *(Декарт)*

■ **«...Меня осеняет, что мышление существует: ведь одно лишь оно ие может быть миой отторгнуто. Я есмь, я существую — это очевидно. Но сколь долго я существую? Столько, сколько мыслю».** *(Декарт)*

■ **«Если воздерживаться от того, чтобы принимать за истиниое что-либо, что таковым не является, и всегда соблюдать порядок, в каком следует выводить одно из другого, то не может существовать истин ни столь отдаленных, чтобы они были недостнжнмы, ни столь сокровенных, чтобы нельзя было нх раскрыть».** *(Декарт)*

1. ЖИЗНЬ

- Родился в городке Лаэ французской провинции Турень.
- Происходил из древнего, некогда процветавшего дворянского рода.
- Имел брата Пьера и сестру Жанну.
- Латинизированное имя — Картезий.
- С весны 1606 г. отец отправил Декарта в иезуитский коллеж в городе Ла-Флеш провинции Анжу:

/ Учебная программа первых пяти лет обучения в Ла-Флеш включала латинский язык и литературу, греческий и итальянский языки, поэзию и риторику. Следующие три года предназначались для освоения курса философии. В этот курс входили логика, физика, математика, этика и метафизика.

Коллеж Ла-Флеш принадлежал к числу учебных заведений, открытых в разных городах Франции католическим орденом иезуитов. Этот орден, снискавщий в истории мрачную славу политическими интригами, пользовался в свое время покровительством короля Генриха IV (1553 – 1610; король с 1594 г.). Изгнанные ранее из страны, иезуиты были призваны обратно и, опираясь на поддержку короля, стали играть значительную роль в жизни Франции. Особое внима-

ние они уделяли организации просвещения, так как это давало возможность активно влиять на общественное сознание. Им удалось добиться несомненных успехов. Иезуитские коллежи вскоре заслужили европейскую славу постановкой учебной работы. Из стен этих учебных заведений, в которых учащиеся получали первоклассное образование, вышли многие известные деятели науки и литературы Франции XVII века.

Коллежу в Ла-Флеш Генрих IV оказывал особое покровительство. Он отдал в его распоряжение свой дворец и выделял значительные средства на его перестройку. Король завещал захоронить после смерти свое сердце в часовне коллежа, что и было выполнено в 1610 г., когда воспитанник Рене Декарт проходил пятый год своего обучения.

Штат преподавателей в Ла-Флеш был подобран с большим вниманием, программа тщательно продумана. Поэтому Декарт имел основание впоследствии назвать учебное заведение, где провел восемь лет, одной из самых знаменитых школ Европы.

Ректор коллежа Э. Шарле, связанный с семьей Декарта отдаленным родством, оказывал мальчику большое внимание. Роль его как руководителя и друга была настолько велика, что много лет спустя, в 1645 г., Декарт обращался к нему со словами: «Вы, который для меня занимали место отца в период моей юности». /

• В 1618 г. Декарт отправился в Голландию и вступил добровольцем в протестантскую армию, сражавшуюся против общего врага Франции и Голландии — испано-австрийских войск.

• Однажды в Бреде он увидел объявление на голландском языке (которого он еще не знал), содержащее условия математической задачи, предлагаемой публике для решения. Он попросил прохожего, оказавшегося рядом, перевести ему это объявление на латынь.

Человек тут же согласился, но затем, желая подшутить над иностранцем, добавил: «А вы, сударь, должны мне за это сообщить ее решение!» На следующий день к великому изумлению незнакомца (им оказался известный математик и врач Исаак Бекман) Декарт принёс верное решение. Математик — он был старше Рене на восемь лет, — поражённый талантом молодого человека, завязал с ним знакомство, протекавшее как интенсивное научное общение.

• 10 ноября 1619 года. Этот день составил эпоху в духовной жизни Декарта, ибо он озарил сознание философа первой интуицией всеобщего метода наук — строгого, точного, неколебимого, как математические истины:

/ Декарта посетили три последовавшие один за другим «зна́ковых» сновидения. Он как бы единым взором увидел всё дерево человеческого познания — от его корней до могучей кроны. Метафизика образует корни его, так как именно она даёт абсолютно надежные основания всем остальным наукам... /

• Чтобы собрать необходимый опытный материал для закладки новой философской системы, Декарт в течение девяти последующих лет не занимался ничем иным, как скитался по свету, стараясь быть зрителем во

всех разыгрывавшихся перед ним «комедиях». В то же время он углубленно изучал астрономию, математику, оптику, пытаясь выявить в различных науках общие черты.

• В 1625 г. Декарт переехал в Париж, где познакомился с обществом ученых и особенно сблизился с Мареном Мерсенном, «человеком-журналом», как его назовет последующая цивилизация:

/ Мерсенн (1588 – 1648) был выходцем из крестьянской семьи. Он учился сначала в коллеже города Мен, а затем в Ла-Флещ. В Париже Мерсенн изучал теологию, занимался преподаванием. Вступив в 1611 г. во францисканский орден, Мерсенн провел 28 лет в монастыре миноритов[7] в Париже. Он полностью посвятил себя науке, занимался механикой, математикой, оптикой, теорией музыки, сделал существенные открытия в акустике.

Мерсенн стал центром кружка, который объединил виднейших ученых Франции. Постепенно он завязал дружеские отношения и начал переписываться также с учеными других стран.

Научная переписка в то время играла важную роль — такую же, какую теперь играют периодические журналы по разным отраслям знаний. Журналов тогда еще не было, и ученые обменивались информацией в письмах. Мерсенн в течение многих лет посредничал между ними в этом обмене. Он ставил перед своими корреспондентами задачи, обсуждал в письмах их решения, инициировал научные дискуссии. Таким образом он добивался, чтобы эти задачи решались коллективно. Поэтому Мерсенна называют «секретарем ученой Европы», который управлял развитием научных идей XVII столетия.

Дружба Декарта с Мерсенном продолжалась долгие годы и имела для обоих большое значение. Декарт жил уединенно, и Мерсенн связывал его с другими учеными, сообщал о том, что происходит в научном мире. Если бы не настойчивость Мерсенна, многие труды Декарта, вероятно, остались бы неопубликованными. /

• По характеру Декарт был человеком горячим, но умел сохранять самообладание даже во время споров.

• Жизнь Декарта была предельно размеренной. Он следовал своей привычке по утрам долго не подниматься с постели, отводя это время на размышления. Биограф А. Байе сообщает, что «часто он проводил десять часов, а иногда двенадцать, в постели». Однако «снисходительность, которую он проявлял к потребности своего тела, никогда не доходила до лени». Декарт работал много и подолгу. После полудня он отдыхал в саду или выходил на прогулку, беседовал с друзьями, а после четырех часов начинал работу, которая длилась до ночи.

• Сформулировал одно из знаменитейших в мире познания положений — *«Cogito ergo sum»* (*лат.*: «Я мыслю, следовательно, я существую»).

• Декарт пустил в научный оборот термин и идею *эфира*:

/ Новинка родилась как представление о своеобразном веществе, которое размещается в пространстве между телами, являясь проводником различных воздействий. Удалённые расстоянием тела не достают друг друга, чтобы как-то «общаться». Нужен посредник. На роль этого особого вещества был назначен эфир.

«Гипотеза понравилась, началась ее эксплуатация. Одним из первых пустил ее в дело «враг гипотезы» И. Ньютон. Его слова: «Предполагается, что существует некая эфирная среда, во многом имеющая то же строение, что и воздух, но значительно более разреженная, тонкая, упругая. Опытных подтверждений такому допущению никаких, одни спекуляции и фантазии. Однако во избежание многословия и для более удобного представления я буду иногда говорить об эфирной материи, причем в такой окраске смысла, будто бы я ее принял и верю в нее».

Возникает достаточно деликатная ситуация. Понятию эфира в природе ничто не откликается. Более того, на ошибочном допущении строится ошибочная теория. И вот парадокс: применение теории дает результат! Этим воспользовался прежде всего сам И. Ньютон: создавая корпускулярную концепцию света, он погрузил светоносные частицы в эфир. Но и его соперник, французский физик О. Френель, выставляя конкурентную волновую гипотезу, также делал ставку на эфир, волны которого и несли у него свет.

Эфирная эпопея достигла кульминации, когда появилась идея электромагнетизма. Распорядитель новых полей К. Максвелл объявил электромагнитные волны особыми натяжениями эфира. С ним, с эфиром, не захотели расстаться ни Г. Герц, ни Х. Лоренц. А Лоренцу, например, он был совсем не нужен и оставался у него в качестве неподвижной среды. Эфир проник на службу даже к А. Эйнштейну, хотя именно он и добил его, расчистив почву новым безэфирным представлениям.

Так, будучи ложным, стало быть, бесполезным, более того, в известных отношениях — вредоносным (а вовсе не светоносным), понятие эфира работало, сохранялось и сохранилось».

(**А. К. Сухотин.** *Превратности научных идей*) /

• Декарт первым из ученых строго и исчерпывающе объяснил явление **радуги**:

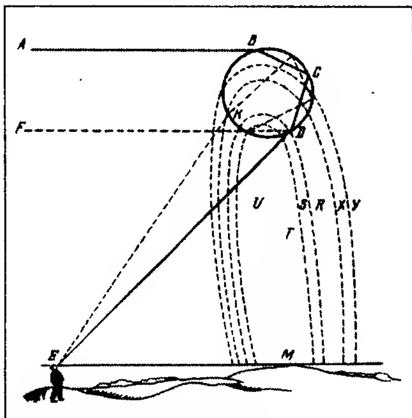
/ ♦ Радуга — столь замечательное чудо природы, и над ее причинами, до сих пор так мало известными, во все времена пристально задумывались пытливые умы, что мне трудно найти вопрос, на котором я лучше мог бы показать, каким образом при помощи применяемого мною метода можно прийти к знаниям, которыми не обладали те, чьими сочинениями мы располагаем.

■■■ «Уже задолго до Декарта было известно, что радуга возникает в результате преломления солнечных лучей в водяных каплях, имеющих форму шара. Однако никто не мог дать исчерпывающего объяснения явления радуги, так как не был известен точный закон преломления. На основании этого закона Декарт разработал теорию радуги, которая после поправок Ньютона, уже учитывавшего дисперсию и дифракцию света, сохраняется в основных чертах до наших дней.

Декарт исходит из следующего наблюдения: «Когда я принял во внимание, что радуга может появляться не только на небе, но также и в воздухе вблизи нас каждый раз, когда в нем находятся капли воды, освещенные солнцем, как это иногда можно видеть на опыте в

фонтанах, мне было легко заключить, что она зависит от того, каким образом лучи света действуют на эти капли, а от них достигают нашего глаза; далее, зная, что эти капли шарообразны, как было доказано выше, и видя, что и при больших, и при малых каплях радуга появляется всегда одинаковым образом, я поставил себе целью создать очень большую каплю, чтобы иметь возможность лучше ее рассмотреть. Для этого я наполнил водой большой стеклянный сосуд, вполне круглый и вполне прозрачный...»

Проведя эксперимент с этим сосудом, Декарт пришел к следующим выводам. Если солнце находится в области, обозначенной точками A и F, и если для наблюдателя, находящегося в E (*см. рисунок*), линия зрения ED, проведенная к некоторой точке сосуда BCD, образует с направлением солнечных лучей FD угол, равный приблизительно 42°, то эта часть сосуда кажется наблюдателю ярко-красной; при уменьшении этого угла появляются последовательно другие цвета радуги. Если угол KEM равен примерно 52°, то часть сосуда K также представляется красной, но менее яркой; при некотором увеличении угла появляются другие, более слабые цвета, а при уменьшении или большом увеличении окраска исчезает.

Отсюда Декарт заключил: «Это было для меня явным доказательством того, что если весь воздух, находящийся в M, наполнен такими шариками или, на их месте, каплями воды, то в каждой из этих капель — для которых линии, проведенные к глазу E, составят угол около 42° с EM и которые я обозначаю через R, — должна появиться точка очень яркого красного цвета, и поскольку мы обозреваем эти точки все вместе, отмечая места, где они находятся, лишь углом, под которым мы их видим, они должны представиться нам в виде непрерывного круга красного цвета. Точно так же должны существовать и точки S и T, для которых линии, проведенные из E, составляют с EM более острые углы и которые образуют круги более слабой окраски; в этом и состоит первая и главная радуга. Далее, если угол MEK составляет 52°, то в каплях, обозначенных X, должен появиться красный круг, а в каплях, обозначенных У, — круги более слабых цветов; они вызывают появление второй, побочной радуги, и, наконец, во всех остальных каплях, обозначенных через U, не появится никаких цветов».

Далее Декарт показывает, что основная радуга возникает благодаря лучам, достигающим глаза наблюдателя после одного отражения и

одного преломления внутри капли воды, а вторичная — после двух отражений и двух преломлений.

Остаются еще два вопроса, которые Декарт последовательно решает: о причине возникновения цветов и о том, почему наблюдаемый эффект получается при вполне определенном угле между падающими солнечными лучами и лучами, выходящими из сосуда. Ответ на первый вопрос он дает, исходя из своих представлений о строении материи. Отвечая на второй вопрос, Декарт проводит длинные численные расчеты, основываясь на законе преломления лучей».

(**Г. П. Матвиевская.** *Рене Декарт.* 1987 г.) ■/

• В 1643 г. Декарт вступает в переписку с принцессой Елизаветой, дочерью курфюрста Пфальца *Фридриха V*:

/ Принцесса Елизавета (1618 – 1680) вместе с семьей претерпела немало невзгод. Ее отец, возглавивший выступление Протестантской унии против армии Габсбургов, после поражения был вынужден бежать из своих владений и навсегда превратился в изгнанника, обладающего лишь номинально королевским титулом. После его смерти осталось девять малолетних детей. Из четырех его дочерей Елизавета была старшей. Надеясь восстановить былое благополучие семьи, она занималась политической деятельностью, но без особого успеха. В 1646 г. Елизавета навсегда покинула Голландию и переселилась в Германию. Впоследствии ушла в протестантский монастырь в Вестфалии, игуменьей которого была до конца своей жизни.

Елизавета принадлежала к наиболее образованным людям своего времени. С детства она отличалась серьезностью и большими способностями. Она усердно изучала языки, литературу, философию и математику. Современники отмечали ее проницательный ум и скромность.

Елизавета прониклась учением Декарта и поняла его как человека. Декарт с готовностью «врачевал ее душу», помогая разрешать сомнения, давал медицинские советы и делился с ней мыслями и взглядами. Из их переписки, не прерывавщейся до смерти Декарта, сохранилось 59 писем. В них затрагивались вопросы философии и религии, психологии и морали, решались научные проблемы. При этом оба адресанта — католик и протестантка — проявляли редкую по тем временам широту взглядов.

Принцессе Елизавете Декарт посвятил свое самое большое сочинение — «Начала философии». /

• В конце осени 1645 г. через нового французского посланника в Швеции, друга Декарта Пьера Шаню, имя философа становится известно дочери Густава Адольфа девятнадцатилетней королеве Христине*. Их встреча не могла не состояться, что и случилось при переезде Декарта в Стокгольм в 1648 году:

---

* **Христина Августа** (1626 – 1689) — дочь Густава II Адольфа, королева Швеции с 1644 года. Ей было всего лишь шесть лет, когда в далекой Германии на поле сражения пал ее отец. Власть перешла к ней, поскольку других детей у погибшего короля не было. Однако до ее совершеннолетия государственные дела вершил Совет регентов.

/ Избыток молодой энергии; слишком мужское воспитание, полученное ею от отца; смелая и опытная наездница, выдерживающая десять часов, не слезая с лошади; страстная любительница охоты; сильная, закаленная, отважная; она умеет повелевать; государственный совет признаёт ее превосходство в осведомленности и умении вести дела государства; самостоятельная, решительная, настойчивая; интересующаяся нравственными и религиозно-философскими учениями — вот такой была юная северная владычица.

Настроенная Шаню, Христина задалась целью выспросить у Декарта ответы на такие свои каверзы:

— В чем состоит сущность любви?

— Может ли из нашего естественного познания вытекать любовь к Богу?

— Что хуже: безмерная любовь или безмерная ненависть? /

• Декарт умер от простуды 11 февраля 1650 г. в четыре часа утра, после семи дней жестокой лихорадки, безнадежного бреда и ускользавшего сознания:

/ Получив известие о его смерти от секретаря французского посольства, Христина разрыдалась. Чтобы почтить память своего «великого учителя» и показать потомству, что она умела ценить Декарта, она хотела похоронить его среди высших сановников государства, у ног королей Швеции, и воздвигнуть на его могиле мраморный мавзолей. Шаню убедил королеву не приводить этого плана в исполнение. Он рассуждал правильно, думая, что для покойного Декарта будет более подходящей простая могила на кладбище иностранцев, чем царственно пышная гробница в усыпальнице королей. Погребение состоялось 12 февраля 1650 года. Простой памятник указывал место, надпись, сделанная рукой друга, возвещала, что здесь покоится Декарт, которого королева Швеции призвала из его философского уединения к своему двору и которому Шаню поставил этот памятник. /

• Декарт написал много произведений, все они вошли в сокровищницу мировой мысли.

• **Сочинения Декарта:**

«Правила для руководства ума» (1628 — 1629):

/ Это первое философское произведение Декарта осталось неоконченным и было опубликовано много лет спустя после смерти автора. /;

«Мироздание, или Трактат о свете» (1633):

/ Это сочинение, в виде небольшого очерка космологии Декарта под названием «Мир, или Трактат о свете», пришло к читателю только в 1664 г., то есть через 14 лет после смерти мыслителя. Но очерк этот, увы, не воспроизводит полный, имевшийся у Декарта текст...

Декарт в письме к своему другу Мерсенну (осень 1633 г.):

♦ Я собирался сделать Вам новогодний подарок моим «Миром» и еще каких-нибудь две недели тому назад твердо намеревался послать, по крайней мере, часть его, если не успею переписать за это

время всего. Но на днях я справился в Лейдене и Амстердаме, нет ли там сочинения Галилея о системе мира, так как мне казалось, что оно было опубликовано в Италии в прошлом году; и мне сообщили, что оно действительно было отпечатано, но все экземпляры немедленно сожжены в Риме, а сам **Галилей** приговорен к покаянию. Это меня настолько потрясло, что я чуть не решил сжечь все мои бумаги или, по крайней мере, не показывать их ни одному человеку... я ни за что не хочу издавать сочинение, в котором самое малейшее слово могло бы не понравиться церкви; поэтому я лучше скрою его, чем выпущу в искаженном виде.

♦ Я хорошо понимаю, что заключение инквизиции еще не догма, для этого должен собраться собор, но я не настолько влюблен в свои мысли, чтобы для их защиты прибегать к столь исключительному средству. /;

«Диоптрика» (1637);

«Метеоры» (1637);

«Геометрия» (1637);

«Рассуждение о методе» (1637);

«Размышление о первой философии» (1641) — главное философское произведение Декарта:

/ Французское издание этого трактата вышло под заголовком «Метафизические размышления» (1647). /;

«Начала философии» (1644);

«О страдательных состояниях души» (1649):

/ Трактат возник в результате переписки с находящейся в Голландии дочерью чешского короля принцессой Елизаветой. /

2. СУДЬБА

► **Декарт о себе:**

«Я родился с таким умом, что главное удовольствие при научных занятиях для меня заключалось не в том, что я выслушивал чужие мнения, а в том, что я всегда стремился создать свои собственные.

Свобода и досуг... Этими двумя вещами я обладаю в такой полноте и ценю их в такой степени, что нет в мире монарха, который был бы настолько богат, чтобы купить их у меня».

► Хилый в юности, Декарт в зрелые годы почти никогда не болел, что, возможно, объясняется ровным и размеренным образом его жизни. Он любил физические упражнения и охотно занимался ими во время отдыха. Рассматривая здоровье тела как основное после истины благо жизни, Декарт придавал большое значение его сохранению. Но врачам и «химическим» лекарствам не доверял и лечил себя самостоятельно. Главные его лекарства — это диета и ограничение деятельности. К пище он был нетребователен и предпочитал фрукты и овощи, считая их более полезными для здоровья, чем мясо. В то же время Декарт чрезвычайно ценил жизненные удобства и поэтому внимательно подбирал прислугу. Посещавшие его друзья отмечали искусство его кухарки.

► Рассказывают, что живший в одной из близких деревень юноша Дирк Рембрандч, по профессии не то сапожник, не то лоцман, наслышавшись

о Декарте, решил с ним встретиться. Однако его приняли за нищего и не допустили к ученому. Он пришел во второй раз, и Декарт, узнав об этом, послал ему денег. Рембрандч вернул их вместе с письмом, в котором заметил, что, видимо, время для встречи еще не пришло. Такой необычный ответ вызвал столь большое любопытство Декарта, что он принял Рембрандча сразу, когда тот пришел в третий раз. В разговоре он скоро открыл в странном посетителе необыкновенный математический талант, занялся его обучением и сделал участником своих экспериментов и астрономических наблюдений. Рембрандч впоследствии успешно занимался наукой и написал несколько трактатов по навигации и астрономии.

► Декарт увлеченно занимался анатомическими исследованиями на животных. Известен случай, когда один из посетителей попросил его показать книги. Декарт, открыв дверь в соседнюю комнату, указал на тушу теленка и ответил: «Вот моя библиотека». Занятия анатомией дали Декарту материал для одного из последних его трудов «Описание человеческого тела. Об образовании животного», над которым он работал на протяжении 1645 – 1648 годов.

► Внешность Декарта, видимо, лучше всего запечатлена на знаменитом портрете работы Франса Хальса, находящемся в Лувре. Этот портрет соответствует описанию, которое основано на свидетельствах людей, встречавшихся с Декартом. Рост его был немного ниже среднего, фигуру он имел стройную, голову — великоватую по отношению к туловищу. Лицо Декарта — с крупным носом, несколько выступающей нижней губой и пронзительным взглядом темно-серых глаз — чрезвычайно выразительно.

► **Девятнадцатилетняя шведская королева Христина о Декарте:**

«Господин Декарт самый счастливый из всех людей, и его положение кажется мне достойным зависти».

Декарт и Христина

/Сюжетизированная композиция/

► Спустя шестнадцать лет после смерти философа д'Алибер, один из его друзей, при содействии Терлона, тогдашнего французского посланника в Швеции, сделал распоряжение о перевезении праха Декарта за свой счет во Францию; 1 мая 1666 г. он был перенесен на корабль в Стокгольме и 25 июня 1667 г. погребен торжественно в церкви св. Женевьевы, нынешнем Пантеоне. Церковные власти долго не соглашались оказать праху человека, имя которого несколько лет стояло в индексе, такие высокие церковные почести. Их упорное сопротивление удалось побороть тем, что философу приписали большую заслугу в делах церкви: королева Христина в 1654 г. отреклась от короны и вскоре после этого перешла в католицизм, Декарт в продолжение нескольких месяцев состоял ее учителем; и вот была сделана попытка связать эти два факта, несмотря на их полную независимость, и представить философа миссионером, которому удалось обратить дочь Густава Адольфа. И так как она сама согласилась объяснить свое обращение влиянием Декарта, то он стал из философа миссионером, прах которого был принят духовенством в церковь св. Женевьевы.

Показание королевы было лукавством и являлось ловкой услугой, в чём она довольно откровенно признавалась в частных разговорах.

► **Спиноза:**

«Декартовы принципы естествознания бесполезны, чтобы не сказать абсурдны».

► **Фридрих Шеллинг:**

«Я мыслю, Я существую — является, со времени Декарта, основной ошибкой во всём познании; мышление не есть моё мышление, и бытие не есть мое бытие, так как всякое бытие есть бытие Бога, или Всего».

3. УЧЕНИЕ

● Принципы

♦ И если бы мы прочли каждое слово Платона и Аристотеля, то всё же без уверенности в собственном суждении не сделали бы и шагу далее в философии; обогатились бы только наши исторические сведения, а не наше знание.

♦ Люди, более всего занимающиеся философией, часто менее мудры и не столь правильно пользуются своим рассудком, как те, кто никогда не посвящал себя этому занятию.

♦ Существуют четыре способа достижения мудрости, или научного, истинного знания:

1) постижение самоочевидных истин;
2) чувственный опыт;
3) знание, получаемое из общения с другими людьми;
4) чтение хороших книг.

♦ То, чему учили древние, так незначительно и по большей части так маловероятно, что я не надеюсь приблизиться к истине иначе, как удаляясь от путей, которым они следовали.

♦ Философия разрабатывалась в течение многих веков превосходнейшими умами и тем не менее не имеет ни одного пункта, который не вызывал бы споров и, следовательно, не был бы сомнительным.

♦ Всякий может интуитивно постичь умом, что он существует, что он мыслит, что треугольник ограничивается только тремя линиями, что шар имеет только одну поверхность и подобные этим истины.

♦ Бог **может** всё, что я усматриваю как возможное ясно и отчетливо.

♦ Я понял, что Богу не свойственно ни сомнение, ни постоянство, ни печаль и т. п., так как я сам охотно избавился бы от них.

♦ Могущество Бога сотворило материю вместе с движением и покоем и своим обычным содействием сохраняет во Вселенной столько же движения и покоя, сколько оно вложило их при творении.

♦ **О Боге** (из частного письма от 27 мая 1630 г.):

> Вы спрашиваете у меня, *каков род причины, согласно которой Бог установил вечные истины.* Я отвечаю, что он установил их согласно *тому же роду причины*, в соответствии с которым он создал все вещи в качестве *действующей и тотальной* причины. Ведь достоверно известно, что он является творцом сущности творений в той же мере, как их существования; сущность же эта — не что иное, как именно те вечные истины, кои я вовсе не считаю проистекающими от Бога наподобие эманации солнечных лучей; но я знаю, что Бог — творец всех вещей, истины же эти — некие вещи, а, следовательно, он их творец. Я говорю, что я это знаю, но не утверждаю, что воспринимаю это либо постигаю; ведь можно знать, что Бог бесконечен и всемогущ, хотя наша душа, будучи конечной, не может этого ни воспринять, ни постичь — точно так же, как мы можем прикасаться рукой к горé, но не можем ее объять наподобие дерева или любой другой вещи, размеры коей не превышают длины наших рук: ведь постичь — значит объять мыслью; а чтобы знать какую-то вешь, достаточно к ней прикоснуться мыслью. Вы спрашиваете также, что заставило Бога создать эти истины; я же отвечаю, что он был в такой же степени волен сделать неистинным положение, гласящее, что все линии, проведённые из центра круга к окружности, между собой рáвны, как и вообще не создавать мир. И достоверно, что истины эти не более необходимо сопряжены с сущностью Бога, чем прочие сотворённые вещи. Вы спрашиваете, что именно сделал Бог, чтобы их сотворить. Я отвечаю: *он создал их уже тем, что пожелал их существования и постиг его от века*, или, если угодно (коль скоро Вы прилагаете слово *сотворил* только к существованию вещей), *учредил их и распределил.* Ибо в Боге это одно и то же — волить, постигать и творить, причем ни один из этих актов не предшествует другому *даже в плане разума.*

♦ Для меня оказывается, что сам телесный мир воспринимается не чувствами и не деятельностью представления, а только разумом; не зрением и осязанием, а только мышлением.

♦ Под словом «мышление» я понимаю всё то, что совершается в нас осознанно, поскольку мы это понимаем.

♦ Сущность материи или тела вообще состоит не в том, что тело твердо, имеет цвет или вес или иным образом действует на чувство, но лишь в том, что оно протяжённо в длину, ширину и глубину.

♦ Два вопроса — о Боге и душе — всегда считались мною важнейшими

среди тех, которые следует доказывать скорее посредством доводов философии, чем богословия.

♦ Душа никоим образом не может быть продуктом материальной силы, наподобие других вещей, но она непременно должна быть сотворена.

♦ Рассматривая, каким образом я получил *идею Бога* от Бога, я прихожу к выводу, что я почерпнул ее не с помощью чувств; она также не выдумана мной (ибо не в моей власти отнять от нее или прибавить к ней что-либо), и потому остается лишь считать, что она у меня врождённая, точно так же, как мне врождена идея меня самого.

Конечно, не удивительно, что Бог, создавая меня, запечатлел во мне эту идею как знак, поставленный мастером на его произведении.

♦ Вся философия подобна как бы дереву, корни которого — метафизика, ствол — физика, а ветви — все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике, этике. Подобно тому как плоды собирают не с корней и не со ствола дерева, а только с концов ветвей, так и особая полезность философии зависит от тех ее частей, которые могут быть изучены под конец.

♦ При всяком движении должен иметь место круг, или кольцо, совместно движущихся тел. Когда какое-либо тело оставляет свое место другому телу, изгоняющему его, оно вступает на место третьего тела, которое в то же мгновение занимает место, покинутое первым из тел. Это без труда мыслимо в совершенном круге.

♦ Я решил исследовать, откуда у меня берется мысль о чём-то более совершенном, чем я сам, и с очевидностью понял, что она должна исходить от какого-то существа, действительно более совершенного.

♦ Первопричина движения — Бог!

♦ Одна и та же вещь в одно и то же время и меняет место, и не меняет его.

Так, когда корабль уносится ветром в море, то сидящий на корме остается на одном месте по отношению к частям корабля; однако он всё время изменяет место, если иметь в виду берега, ибо, удаляясь от одного берега, он приближается к другому.

Ни для какой вещи в мире нет твердого и постоянного места, помимо того, которое определяется нашим мышлением.

♦ Обман исходит не от Бога, а от злонамеренности, страха и слабости.

♦ Достоверно, что во всём, чему нас учит природа, должна заключаться истина. Ибо под природой в общем я разумею только либо самого Бога, либо установленный Богом миропорядок, а под моей собственной природой, в частности, только совокупность данных мне Богом сил.

♦ Я говорю: движение есть перемещение, а не сила или деятельность, которая производит эту перемену, чтобы указать этим выражением на то, что движение постоянно имеет место в подвижных объектах, а не в движущих причинах, так как, по моему мнению, этих двух вещей не различают с необходимой точностью. Как именно фигура подобает *в качестве свойства* сформованной и находящейся в покое вещи, так, полагаю, и движение является свойством подвижной вещи, а не сущностью в себе или субстанцией.

♦ Дух только мыслящ, тело только протяжённо.

♦ Тщательно всё обдумывая, я не нахожу ни единого признака, по которому достоверно можно было отличить состояние сна от бодрствования. Они так походят друг на друга, что я бываю озадачен и не знаю, не грежу ли в данный момент.

● Начала

♦ Как только возраст позволил мне выйти из подчинения моим наставникам, я совсем оставил книжные занятия и решил искать только ту науку, которую мог обрести в самом себе или же в великой книге мира.
♦ Моя цель заключалась в том, чтобы достичь уверенности и, отбросив зыбучие наносы и пески, найти твердую почву.
♦ О том, что мы не воспринимаем **ясно**, мы можем судить лишь неправильно, хотя наше рассуждение может быть правильным.
♦ **Ясным** я называю такое восприятие, которое очевидно и имеется налицо для внимательного ума.
♦ **Отчетливым** я называю восприятие, которое настолько отлично от всего остального, что содержит только ясно представляющееся тому, кто надлежащим образом его рассматривает.
♦ Говоря, что какая-нибудь идея врождена нам, мы не хотим сказать тем самым, будто она постоянно находится в поле нашего зрения. В этом смысле у нас нет ни одной врождённой идеи. **Под врождённостью идеи мы понимаем лишь то, что у нас есть способность вызвать ее.**
♦ Мы можем легко допустить, что нет ни Бога, ни неба, ни земли и что даже у нас самих нет тела, — но мы всё-таки не можем предположить, что мы не существуем, в то время как сомневаемся в истинности всех этих вещей. Столь нелепо полагать несуществующим то, что мыслит, в то время, пока оно мыслит, что, невзирая на самые крайние предположения, мы не можем не верить, что заключение: ***я мыслю, следовательно, я существую*** истинно и что оно поэтому есть первое и вернейшее из всех заключений.
♦ Существование нашей души, или сознания, я принял за первое начало, из которого вывел наиболее ясное следствие, именно, что существует Бог — творец всего находящегося в мире; а так как он есть источник всех истин, то он не создал нашего рассудка по природе таким, чтобы последний мог обманываться в суждениях о вещах, воспринятых им яснейшим и отчетливейшим образом. Таковы все мои начала, которыми я пользуюсь в отношении к нематериальным, т. е. метафизическим вещам. Из этих принципов я вывожу самым ясным образом начала вещей **телесных**, то есть физических; именно, что даны тела, протяжённые в длину, ширину и глубину, наделённые различными фигурами, различным образом движущиеся. Таковы вкратце все те начала, из которых я вывожу истину о прочих вещах.

Второе основание, об очевидности начал свидетельствующее, таково: они были известны во все времена и считались даже всеми людьми за истинные и несомненные, исключая лишь существование Бога, которое некоторыми ставилось под сомнение, так как слишком большое значение придавалось чувственным восприятиям, а Бога нельзя ни видеть, ни осязать. **Хотя все эти истины, принятые мною за начала, всегда всеми мыслились, никого, однако, сколько мне известно, не было до сих пор, кто принял**

бы их за начала философии; то есть кто понял бы, что из них можно вывести знание обо всём существующем в мире.

♦ Метод необходим для отыскания истины.

Четыре правила метода:

1. Никогда не принимать за истинное ничего, что не познано таковым с очевидностью. Иначе говоря, тщательно избегать опрометчивости и предвзятости и включать в свои суждения только то, что представляется нашему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает уже никакого повода подвергать их сомнению.

2. Следует делить каждое из исследуемых нами затруднений на столько частей, сколько это возможно для лучшего их преодоления.

3. Желательно придерживаться определённого порядка мышления. Начиная с предметов наиболее простых и наиболее легко познаваемых, постепенно восходя к познанию наиболее сложного, предполагая порядок даже и там, где объекты мышления вовсе не даны в их естественной связи.

4. Всегда полезно составлять перечни и обзоры. Столь полные и столь общие, чтобы была уверенность в отсутствии упущений.

♦ Важнейшая из всех проблем, требующих решения, есть уразумение **природы и границ** человеческого познания: эти два пункта могут быть соединены **в один** вопрос, долженствующий быть методически исследованным прежде всего. Этим вопросом должен задаться хоть раз в жизни каждый, имеющий хоть малейшую любовь к истине, потому что ее исследование включает в себя весь метод и как бы истинный органон познания. Ничто не кажется мне нелепее смелых споров на ветер о тайнах природы, о влиянии светил, о сокровенных вещах будущего, без того, чтобы хоть раз исследовать то, может ли человеческий дух идти так далеко.

♦ Невозможно достигнуть никакого знания иначе, как путем интуиции ума и дедукции.

♦ Существует три рода вопросов: такие, которые могут быть предметом только одной веры — таковы те, которые относятся к таинству воплощения Христа, к Троице и т. п. Есть, далее, другие вещи, которые, хотя и подлежат вере, могут быть тем не менее исследованы естественным разумом; к числу таких вещей теологи обычно относят бытие Божие и различие между человеческой душой и телом; есть, наконец, такие вещи, которые никоим образом не могут быть предметом веры, а всецело подлежат исследованию с помощью человеческого разумения.

♦ Что касается пустого пространства, в том смысле, в каком философы понимают это слово, то есть такого пространства, где нет никакой субстанции, то очевидно, что в мире нет пространства, которое было бы таковым, потому что протяжение пространства как внутреннего места не отличается от протяжения тела. А так как из одного того, что тело протяжённо в длину, ширину и глубину, мы правильно заключаем, что оно — субстанция (ибо невозможно, чтобы «ничто» обладало каким-либо протяжением), то и относительно пространства, предполагаемого пустым,

до́лжно заключать то же. Именно, что раз в нем есть протяжение, то с необходимостью в нем должна быть и субстанция.

/ ♦ Ибо когда между телами не находится ничего, то они необходимо должны касаться друг друга, так как явно нелепо, чтобы тела были отдалены друг от друга, то есть чтобы между ними имелось расстояние и чтобы в то же время это расстояние было «ничем», потому что **расстояние есть модус протяжения, которое не может существовать без протяжённой субстанции.**

♦ Сосуд, например, может быть без того или иного содержания, без того или иного тела, но не может быть абсолютно пустым, в противном случае он был бы сам невозможен. При абсолютной пустоте не было бы буквально ничего, что отделяло бы стенки сосуда друг от друга, они должны были бы сплюснуться, а потому не было бы ни конфигурации, ни сосуда. /

♦ Мне кажется, нельзя доказать или даже представить себе, чтобы были границы материи, из которой состоит мир; ибо, изучая природу этой материи, я нахожу, что она состоит единственно в том, что материя обладает протяжённостью в длину, ширину и глубину. Таким образом, всё, что имеет три измерения, составляет часть этой материи. Не имея поэтому никакого основания доказать, не имея даже возможности представить себе, чтобы мир имел границы, я называю его **безграничным**, не имеющим границ. Но я не могу отрицать на этом основании возможности каких-либо границ, известных, быть может, Богу, но для нас совершенно непостижимых; вот почему я не говорю, что мир **бесконечен** в абсолютном смысле.

♦ Философ не должен считать ничего истинным, пока он в этом не убедился; если он без критики верит чувствам, то он доверяет детскому воображению больше, чем прозрениям зрелого рассудка.

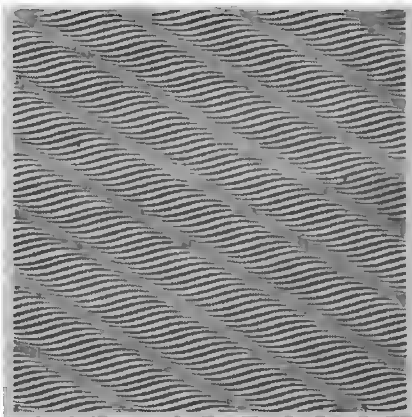
Возьмем, например... пусть кусочек воска. Он совсем недавно извлечен из улья; он еще сохранил сладкий вкус меда, содержавшегося в нем, и слегка отдает запахом цветов, с которых был собран. Его цвет, его форму, его величину легко определить. Он тверд, он холоден, его можно держать в руке, и если вы ударите по нему, он издаст звук. Одним словом, мы видим в нем всевозможные свойства, характерные для данного тела. Но вот, пока я говорю, его поднесли к огню: его сладкий вкус исчезает, запах улетучивается, цвет меняется, форма теряется, величина возрастает, он становится жидким, горячим, его уже нельзя взять в руки, и когда вы бьете по нему, не слышно никакого звука. Остался ли он тем же воском после этого изменения? Надо признать, что остался. Никто в этом не сомневается, никто не скажет иначе. Но что же мы познали характерного в этом куске воска? Разумеется, не то, что я мог заметить при посредстве чувств, потому что всё, доступное вкусу, обонянию, зрению, осязанию и слуху, изменилось, между тем как он остался тем же воском.

♦ Чувства во многих случаях обманывают нас.

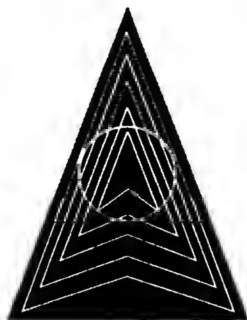
∇ ◐ Тема несовершенства чувств, их зыбкости и подводящей ненадежности станет сквозной для всех последующих философий. Иногда она будет трактоваться мягко, иногда — жестко, но лейтмотив будет один: если уж не всегда верить, то не доверять — всегда.

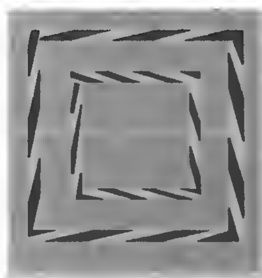
Мне представляется, что здесь оптимистичнее пессимизм. Да и чего спорить! Взгляните на иллюстрации этого раздела:

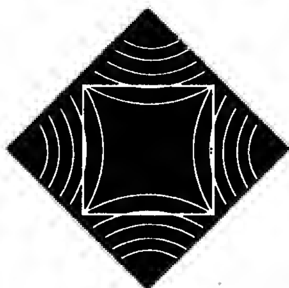
1. Иллюзия «живого» изображения

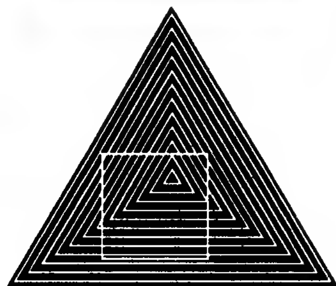

2. Оптические иллюзии

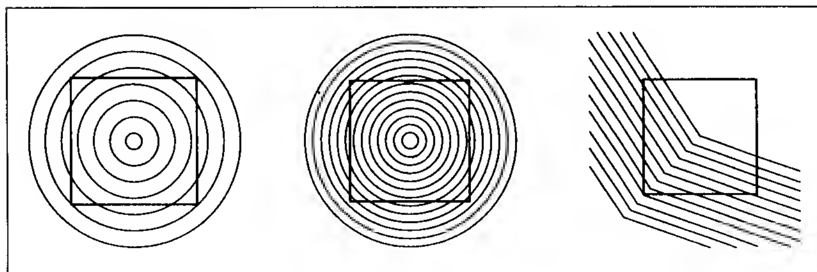

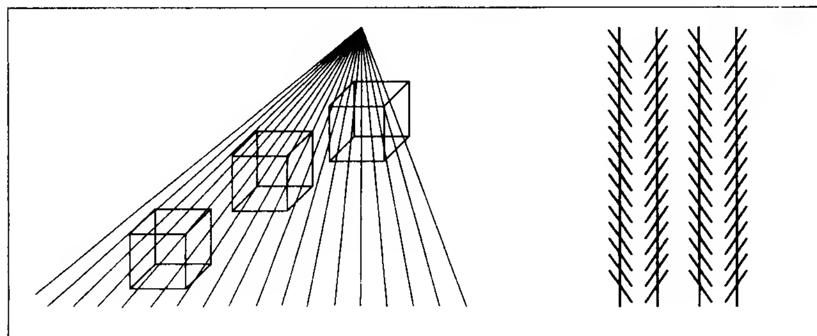

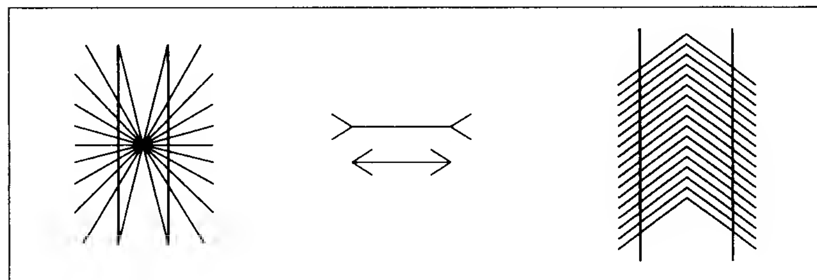

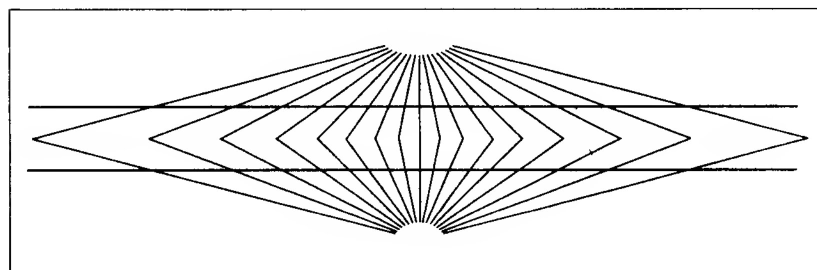

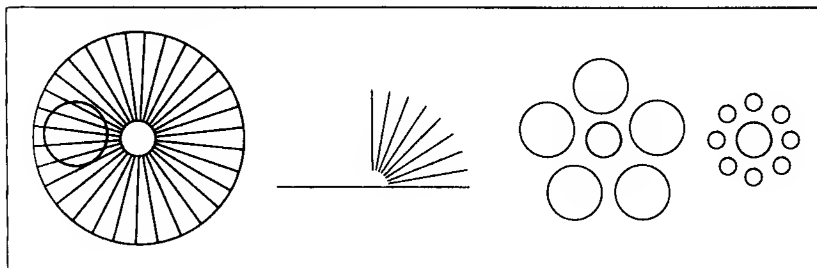
3. Кажущаяся деформация геометрически правильных линий и фигур

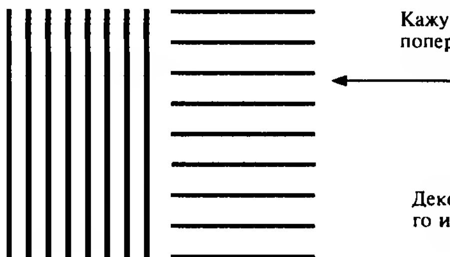

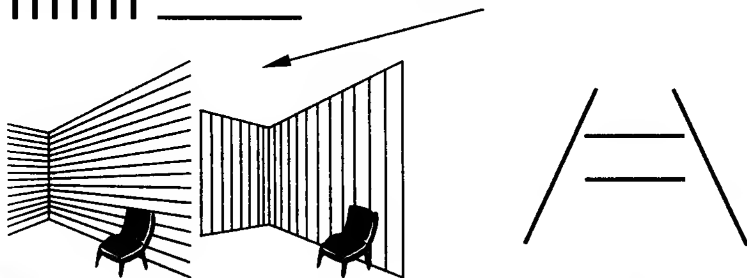

4. Иллюзии пространства

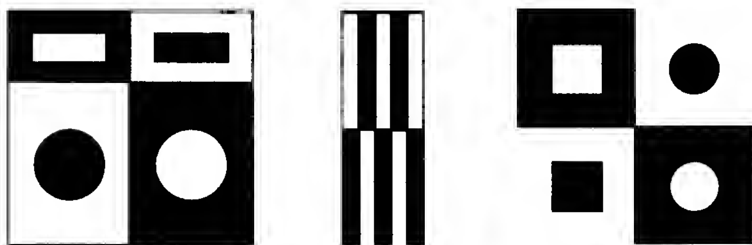

Кажущиеся неравными продольно и поперечно зачерченные пространства

Декоративные приёмы для зрительного изменения пропорции помещения

5. Иллюзии корректировки зрительного изменения равновеликих фигур в зависимости от их цвета окраски и цвета фона

И это только то, что озадачивает нас в зрении. А оно — лишь 1/5 всех ощущений.

Понимая любое из чувств как обычный информационный канал, следует признать, придерживаясь взятой технической аналогии, что он не может быть с самозначением, а истинен (заметьте: не исправен, а истинен!) лишь постольку, поскольку дублируется, контролируется, соотносится и интерпретируется в системе принятых установок и значений.

При этом есть и свои шумы, и деформаторы, и помехи. Как же можно, при таких вмешательствах, наивно доверять сообщению? Как вообще можно вести речь об истинности поступающего от чувств известия, если возможный реестр «исказителей» столь же, по-видимому, бесконечен и столь же бесконечно познаваем, как и весь мир вообще?!

Никому не придет в голову съесть незнакомый плод только потому, что он имеет знакомые очертания, цвет и запах! И узнаётся съедобность только отчаянной смелостью и риском первопроходца.

Так, наверно, и в истории с чувствами. Всякий раз они несут нам свое речение, подобно тому, как зеркало рассказывает нам о нас, но адекватность его столь же проблематична, сколь и очевидна: если нет идеальной поверхности отражения, значит, нет и идеального, идущего от нее, нашего облика.

Так кто же расскажет нам о нас, если зеркало (то же и фотоплёнка, и кинолента, и видеотерминал!) и есть единственный прибор для самоузрения?!

Так кто же расскажет нам о проблемах зрения и степени доверия к нему, если зрение познаётся зрением же!

Так кто же расскажет нам о чувствах, как не те же самые чувства! ◑

4. МЫСЛИ

- Высказывания мудрецов могут быть сведены к очень небольшому числу общих правил.
- Может показаться удивительным, что великие мысли чаще встречаются в произведениях поэтов, чем в трудах философов. Это потому, что поэты пишут, движимые вдохновением, исходящим от воображения. Зародыши знания имеются в нас наподобие огня в кремне. Философы культивируют их с помощью разума, поэты же разжигают их посредством воображения, так что они воспламеняются скорее.
- Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих.
- Я называю пороки болезнями души, которые менее легки для распознавания, чем болезни тела, так как мы часто можем давать себе отчет о состоянии здоровья нашего тела, но в отношении ума — никогда.
- Людям не приходилось бы так легко стыдиться, если бы они, высоко ценя свою личность, считали бы исключенной возможность чьего бы то ни было презрения.
- Надежда — это стремление души убедить себя в том, что желаемое сбудется... Страх же есть склонность души, убеждающая ее в том, что желание не сбудется.

- Великие люди считают, что нет большего зла, чем трусость тех, кто не может переносить беду с твердостью, и хотя они ненавидят пороки, но не ненавидят тех, кто подвержен этим порокам, а питают к ним только жалость.
- Зависть находит себе оправдание, если только злоба относится к распределению благ, а не к тем, которые ими обладают или их распределяют.
- Уединение нужно искать в больших городах.
- Истинное величие души, дающее человеку право уважать себя, больше всего заключается в его сознании того, что нет ничего другого, что ему принадлежало бы по бóльшему праву, чем распоряжение своими собственными желаниями.
- Те, у кого есть сознание и чувство собственного достоинства, не боятся, что другие умнее их, образованнее или красивее. Равным образом они не считают себя значительно выше тех, кого они в свою очередь превосходят, потому что всё это кажется им имеющим очень мало значения в сравнении с доброй волей, за которую они только себя уважают и которую предполагают у каждого человека.
- Люди с сильным и великодушным характером не меняют своего настроения в зависимости от своего благополучия или своих несчастий.
- Стыд есть вид печали, основанной на любви к самому себе, происходящей от страха перед порицанием.
- Нет более плодотворного занятия, как познание самого себя.
- В философии, относительно которой все признают, что она еще недостаточно исследована людьми и может быть еще обогащена многими превосходными открытиями, нет ничего более достойного похвал, чем быть новатором.
- Мало иметь хороший ум, главное — хорошо его применять. В самых великих душах заложена возможность как крупнейших пороков, так и величайших добродетелей, и тот, кто идет очень медленно, может всегда, следуя прямым путем, продвинуться значительно дальше того, кто бежит и удаляется от этого пути.
- Мудрость — это не только благоразумие в делах, но также и совершенное знание всего того, что человек в состоянии познать.
- Разум — это зажигательное стекло, которое, воспламеняя, само остаётся холодным.
- Стремись всегда побеждать скорее самого себя, чем судьбу, и менять скорее свои желания, чем порядок в мире.
- Я еще в школе усвоил, что нельзя выдумать ничего столь оригинального и маловероятного, что не было бы уже высказано кем-либо из философов.
- Лучше совсем не помышлять об отыскании каких бы то ни было истин, чем делать это без всякого метода.
- Можно всюду сохранять свою независимость: не место, где живешь, а жажда отличий при недостатке характера сгибает одного человека перед другим.

- Не желай ничего, чего ты не можешь достигнуть, не можешь достигнуть сам; твое высшее достояние есть свобода, она не может тебя сделать красивым, богатым, уважаемым, сильным и счастливым в глазах всего мира, а может только сделать свободным; она делает тебя не господином вещей, а господином тебя самого.
- Хотя только тупые и глупые люди не способны по природе к удивлению, однако способность к нему не всегда идет рука об руку со степенью духовной даровитости.
- И мы не заблуждаемся, доколе просто утверждаем, что это так кажется.
- Из двух человеческих страстей — «любви» и «ненависти» — бóльшую склонность к чрезмерности имеет именно «любовь». Она пламеннее, а потому сильнее и прочнее. Чем страстней воспламеняется любовь, тем она беспощадней ко всему, что ей препятствует и угрожает, она дает свободу «ненависти» действовать более чем в одном направлении, и тем самым освобождает от оков целую дружину зол; ведь любовь породила те злосчастные семена, из которых впоследствии вышел пожар Трои*.
- Беседовать с писателями других веков — почти то же, что путешествовать.

Занимая в театре места «согласно купленным билетам», мы даже не подозреваем, кто и когда предложил ставший обычным в нашей жизни метод нумерации кресел по рядам и местам. Оказывается, эта идея осенила Декарта — того самого, чьим именем названы прямоугольные координаты. Посещая парижские театры, Декарт не уставал дивиться пýтанице, перебранкам, а подчас и вызовам на дуэль, спровоцированным отсутствием элементарного порядка распределения публики в зрительном зале.

Предложенная этим великим человеком система нумерации, в которой каждое место получило номер ряда и порядковый номер от края, сразу сняла все поводы для раздоров и произвела настоящий фурор в парижском высшем обществе. Аристократы-театралы не переставали осаждать короля просьбами наградить ученого за столь замечательное изобретение. Однако тот упорствовал, и вот по какой причине.

— Вы говорите, что даже у англичан нет ничего подобного? — переспрашивал он. — Да, это замечательно, да, это достойно ордена! Но философу? Нет, это уж слишком.

---

* Здесь намёк на то, что страсть влечения друг к другу, возникшая у юного троянского царевича Париса и ослепительно прекрасной спартанской царицы Елены, как только они остались наедине в огромном доме *(а дело было так: Парис гостил у её мужа Менелая, но тот вынужден был на недельку покинуть свои владения и оставить приехавшего чужеземца на попечение супруги, поскольку ему надлежало отбыть на дальний остров для участия в похоронах деда по материнской линии)*, привела к тому, что «потерявшая голову красавица» презрела и очаг семейный (бросила мужа), и материнский долг (оставила 9-летнюю дочь), и мораль привычных обязательств (прихватила с собой все семейные драгоценности) и отплыла с Парисом из Спарты в далёкий малоазийский город Илион (Трою). Греки же, оскорблённые и бегством изменницы и дерзкой вероломностью пришельца, поклялись отомстить за поруганную честь и отбить беглянку у похитителя. Из-за чего и вспыхнула долгая и кровавая Троянская война.

Бальтасар Грасиан

XVII век

• Испанский философ

Родился: 08.01.1601 г.
Умер: 06.12.1658 г.

Прожил — 57 лет

> **«Жизнь человека — борьба с кознями человека».** *(Грасиан)*

■ **«Я никогда не иду туда, куда идут все... Хочу войти туда, куда не входит никто... Хочу быть человеком».** *(Грасиан)*

■ **«Поступки — плоды помыслов. Будут разумные помыслы — будут хорошие поступки».** *(Грасиан)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Испании в селении Бельмонте около Калатаюда в почтенной, хотя и не знатной, семье лекаря.
• Имел трех братьев и сестру.
• Уже с детства выделялся своими способностями.
• В 1619 г. становится в Таррагоне послушником иезуитского ордена.
• В 1619 – 1623 гг. в родном Калатаюде Грасиан изучает философию.
• В 1623 г. в Сарагосе изучает теологию.
• В молодые его годы в обязательных для членов ордена личных характеристиках отмечается его «тяжелый характер»:

/ Современники Грасиана — и друзья и враги — в один голос твердят о склонности Бальтасара к меланхолии, о желчном характере этого человека и указывают на его постоянную раздраженность, вечное недовольство всем и вся, неумолкаемое язвительное критиканство. /

• Грасиан имел на воспитании незаконнорожденного ребенка своего приятеля.
• Был очень неординарным человеком. Так, для одного военачальника Грасиан придумал эмблему, изображавшую копья, секиры и пушки, связанные в пучок змеёй (символ мудрости). Девиз гласил: «Vincit dum vincit» — «Побеждает, пока связывает» — каламбур, построенный на сближении двух латинских глаголов: *vinco* — «побеждаю» и *vincio* — «связываю»: «Оружие (сила) побеждает, когда разум (благоразумие) связывает».
• **Сочинения Грасиана:**

«Герой» (моральный трактат; начат в 1637 г.):

/ Издан «Герой» был самовольно, вопреки запрету для членов

ордена печатать что-либо без предварительного одобрения начальства, вопреки запрету самого Лойолы, генерала ордена. Формально соблюдая обет скромности, Грасиан пожертвовал авторским тщеславием и приписал свое сочинение двоюродному брату, а потому-то и однофамильцу Лоренсо Грасиану — уловка, никого не вводившая в заблуждение. /;

«Политик» (1640):

/ Сам Грасиан ставил «Политика» рядом с «Государем» Никколо Макиавелли. /;

«Остроумие, или Искусство Изощрённого Ума» — (трактат-антология; 1642):

/◐ Грасиан не был первым, кто писал об остроумии, но он первый написал об остроумии не просто очень умно, а это именно так, но и остроумно. ◑/;

«Благоразумный» (этический трактат; 1646);

«Карманный оракул, или Наука благоразумия» (сборник оригинальных афоризмов, сентенций, максим, изречений; 1647):

/ Названию публикации подыгрывала типографская форма. «Оракул» был издан в «карманном» миниатюрном варианте (12 x 4 см). /

// Начиная с первого французского перевода (1684) темный заголовок оригинала «Карманный оракул» почти во всех изданиях заменялся на более понятный читателю (Homme de cour) — «Придворный». В этой французской (без перевода!) форме заголовок «Оракула» сохраняется и в ранних немецких переводах (1686, 1687, 1711 гг. и др.), в голландских (1696, 1700,1701 гг.) — отсюда и его русский перевод у С. Волчкова — «Придворный человек». //;

«Критикон» (философский роман о пути человека в человеческом обществе):

1-я часть (1651);

2-я часть (1653);

3-я часть (1657):

/ После выхода третьей части «Критикона» (Мадрид, 1657 г.) новый ректор сарагосской коллегии (каталонец, сменивший прежнего, благоволившего к отцу Бальтасару) внял наконец настояниям неуёмного врага Грасиана — генерала ордена Никеля. Грасиану выносят публичный выговор, его лишают кафедры, запрещают преподавать, высылают из Сарагосы в захолустный Граус и приговаривают к строгому покаянию — «на хлебе и воде». /;

«Размышления о причастии» (1655):

/ Это было единственное произведение Грасиана, подписанное его настоящим именем. /

• В июне 1658 г. в Валенсии под **анаграммной формулой** автора был опубликован памфлет на «Критикон»: «Отраженная критика, или Осуждение Осуждения». Аноним использует сильный прием: он пересматривает все сюжетные ходы критикуемой книги — какие-то дописывает, какие-то переписывает, что-то подпраавляет, что-то извращает... Для введения в заблуждение любого из читателей этого препарированного «толкования»

было более чем достаточно. Но нет же: маскирующийся противник готов и к удару «на поражение». Намёками и пооткрытее он показывал, что ему ведомо кое-что и про личность автора: он задаёт Грасиану коварный вопрос насчет чистоты крови («Много ли ты знаешь о своих предках?»), засвечивая еврейские истоки рода Грасианов.

• Последний год жизни Грасиана после отправления (в начале 1658 г.) в ссылку — это сплошные унижения, беды, отчаяние. За ним следят, проверяют, нет ли в его келье рукописей, ему, по указу самого генерала ордена, запрещено иметь бумагу и чернила. И хотя с апреля строгости несколько смягчаются и Грасиана переводят исповедником в Таррагону, о возвращении к любимой преподавательской и проповеднической деятельности не может быть и речи. Отказывают ему и в просьбе о переходе в другой орден... Он рано постарел, хворает. До последнего в его жизни декабря оставалось уже недолго.

• ◐ Классификационно Бальтасар Грасиан открывает собою новую философскую рубрику — «философия нацеленного поведения». ◑

• В России произведения Грасиана выходили лишь в период с 1742 по 1792 год. Следующим был лишь 200-летний перерыв...

• Немецкое издание Грасиана осуществил его страстный и восхищенный поклонник Артур Шопенгауэр. И за столетие, начиная с 1861 г., было 14 переизданий.

2. СУДЬБА

► **Мигель Батльори** (выдающийся новейший знаток Грасиана):

«Удивительно: вечное неблагоразумие этого рьяного апологета благоразумия».

► Виртуозность своего изобретательного остроумия Бальтасар Грасиан часто демонстрирует в форме изысканных аллегорий и притч, дабы скрасить сухость философии игривостью плана. Вот один из наиболее ярких примеров (фрагмент из «Критикона»):

«— Знайте, — говорил Бессмертный, — о любезные мои кандидаты Славы, искатели Бессмертия, что однажды человек не то чтобы пожелал соперничать, но просто позавидовал одной из птиц, а какой — не так-то просто вам угадать.

— Может быть, орлу, его зрению, мощи и парению?

— Разумеется, нет. Ведь орел, роняя свое величие, бросается с солнечных высот на ползучего гада.

— Тогда, наверно, павлину, зоркости его глазков, не говоря уже о щегольском наряде?

— Тоже нет, у павлина ноги некрасивы.

— Не лебедю ли, его белизне и сладкогласию?

— Ничуть — он очень глуп, всю жизнь молчит.

— Цапле, из-за горделивой ее красы?

— Вовсе нет, цапля хоть и возвышенна, но тщеславна.

— А, понятно, фениксу, во всём единственному.

— Отнюдь нет. Мало того что феникс вообще под сомнением, он не может быть счастлив, ибо одинок: ежели это самка, у нее нет самца; ежели самец, нет самки.

— Важная, видно, птица! Но какая же? Уже всех мы перебрали, не осталось кому завидовать.

— Нет, осталось.

— Ума не приложим.

— Скажу — не поверите. Всего только во́рону.

— Ворону? — удивился Андренио. — Какой дурной вкус у человека!

— Вовсе нет, вкус прекрасный, превосходный.

— Но чем же ворон это заслужил? Чёрен, безобразен, голос хриплый, мясо невкусное – ни на что не годен! Что в нем хорошего?

— Есть, есть у него одно качество, которое всё перевешивает.

— Какое же, вот загадка!

— А как ты думаешь, это пустяк — триста лет жить, и еще, и еще?

— Да, пожалуй, это кое-что.

— Кое-что? Очень много и весьма существенно.

— Наверно, свойство это, — сказал Критило, — у ворона оттого, что он зловещий, — всё злое долговечно, невзгоды длятся долгие годы, всё злополучное — вечно.

— Как бы там ни было, ворон того достиг, чего ни орлу, ни лебедю не дано. "Возможно ли, – говорил человек, — чтобы столь гнусная птица жила века, а герой, ученнейший муж, величайший храбрец, красивейшая женщина, беспримерная скромница не доживали и до ста лет, а то и трети века? Чтобы жизнь человеческая так богата была бедами и так бедна днями?" Не смог человек смирить свое недовольство, скрыть его по-хорошему да по-умному, но самым пошлым образом тотчас его высказал, отправившись с жалобой к Верховному Мастеру. Тот, выслушав худо обоснованные доводы его недовольства и пространное изложение обид, ответствовал так: "Но кто же тебе сказал, будто я не даровал тебе жизнь более долгую, чем жизнь во́рона, дуба или пальмы? Пора тебе осознать свое счастье и понять свои преимущества! Знай, в твоей власти жить вечно. Постарайся обрести славу, деятельно трудясь, стремясь отличиться — в ратном ли деле, в словесности или в правлении, — а главное, будь высок в добродетели, будь героичен — и будешь вечен, живи ради славы — и будешь бессмертен. Не придавай цены — о нет! — жизни материальной, в коей тебя превосходят животные; но цени иную жизнь, даруемую честью и славой. И запомни сию истину — люди великие не умирают"».

3. УЧЕНИЕ

• Наука благоразумия

♦ Да будет первым твоим житейским правилом — **пусть в тебе нуждаются:**

Лучше пусть тебя просят, чем благодарят. Полагаться на подлую благодарность — обкрадывать благородную надежду: сколь первая забывчива, столь вторая памятлива. Зависимые полезней любезных: утолив жажду, от источника отвернутся, выжатый апельсин сбросят с золота в болото. Конец нужде — конец дружбе, а с ней и службе.

♦ **Избегай побед над вышестоящим:**

Победить — значит вызвать неприязнь, победить же своего господина — неразумно, а то и опасно. Превосходство ненавистно, тем паче особам

превосходительным. Свои преимущества при старании можно скрыть, как красоту — небрежностью наряда. Многие, особенно же сильные мира сего, охотно согласятся, что уступают другим в удаче, в любых дарованиях, кроме ума: ум царит над всеми дарами, малейшая обида уму — оскорбление его величества. Кто стоит высоко, желает царить в са́мом высоком.

♦ **Меняй приёмы:**

Отвлекай внимание, тем паче враждебное. Не держаться начального способа действия — однообразие позволит разгадать, предупредить и даже расстроить замысел. Легко подстрелить птицу, летящую по прямой; труднее — ту, что кружит. Не держаться до конца и второго способа, ибо по двум ходам разгадают всю игру. Коварство начеку. Чтобы его провести, немалая требуется изощрённость.

♦ **Не начинай с чрезмерных надежд:**

Когда что-либо не в меру восхваляется, оно чаще всего не оправдывает надежд. Действительности не угнаться за воображением, ведь изображать желаемое легко, достигнуть трудно. От брака фантазии с желанием рождается нечто большее, чем дозволяет жизнь.

♦ **Особенно ценно искусство скрывать свои недостатки, обращая их в достоинства:**

Так, Цезарь скрывал свою плешь лавровым венком.

♦ **К каждому подбирай отмычку:**

В этом искусство управлять людьми. Для него нужна не отвага, а сноровка, умение найти подход к человеку. У каждого своя страстишка — они разные, ибо различны природные склонности. Все люди — идолопоклонники: кумир одних — почести, других — корысть, а большинства — наслаждение. Штука в том, чтобы угадать, какой у кого идол, и затем применить надлежащее средство, ключ к страстям ближнего. Ищи перводвигатель: не всегда он возвышенный, чаще низменный, ибо людей порочных больше, чем порядочных. Надо застать натуру врасплох, нащупать уязвимое место и двинуть в атаку ту самую страстишку — победа над своевольной натурой тогда обеспечена.

♦ **Умей уклоняться:**

Есть занятия нелепые... Заниматься ерундой хуже, чем ничего не делать. Разумный никому не надоедает, но надо еще позаботиться, чтобы тебе самому не надоедали. Кто принадлежит всем, не принадлежит себе. Ограничивай себя даже в друзьях, а от них также не требуй большего, чем тебе дают. Излишество всегда дурно, особенно же в общении с людьми.

♦ **Вовремя прекрати удачную игру:**

Умение достойно отступать так же важно, как отважно наступать; когда свершено достаточно, когда достигнуто много, — подведи черту. Непрерывное везение всегда подозрительно; более надежно перемежающееся; кисло-сладкое вернее сплошной сладости. Когда удачи громоздятся одна на другую, есть опасность, что всё рассыплется и рухнет. Порой милости Фортуны бывают кратки, зато велики. Но долго тащить счастливчика на закорках надоедает и Фортуне.

♦ **Будь в мыслях с меньшинством, в речах с большинством:**

Желание плыть против течения столь же чуждо здравомыслию, сколь

опасно. Несогласие воспринимается как оскорбление, ибо отвергает мнение других; число недовольных множится, одни будут хвалить то, что ты осуждаешь, другие будут стоять за тех, кто хвалит. Истина — удел немногих, заблуждение же обычно и повсеместно. По речам на площади не узнаешь мудреца — не своим голосом он там говорит, а голосом людской глупости, хоть бы в душе с нею не соглашался. Благоразумному не менее противно быть оспариваемому, чем спорить.

♦ **Будь благоразумно отважным:**

Мертвого льва даже зайцы лягают. С доблестью не шутят: не решишься, отступишь раз, придется отступить второй раз и так — до последнего: в конце концов перед тобой окажется всё то же препятствие, что и в начале, — не лучше ли было решиться сразу?

♦ **Умей ждать:**

Пока ты разумно медлишь, будущие удачи подрастают, тайные замыслы мужают. С костылем времени уйдешь дальше, чем с окованной палицей Геркулеса. Сам Бог карает не дубиной, а кручиной. Мудро сказано: «Время да я — на любого врага».

♦ **Сдерживай себя:**

Не выставляй напоказ всё, что имеешь, — назавтра уже никого не удивишь. Всегда держи про запас чем бы вновь блеснуть: кто каждый день открывает новое, от того ждут многого — и никогда не доберутся до дна его сокровищницы.

♦ **Знай: преимущество за первым:**

Первые захватывают майорат славы, вторым достаются выклянченные крохи — как ни потей, не смоешь клеймо подражателя. Новизною открытий мудрые снискали себе место в списке героев. Иные предпочитают быть первыми во втором ряду, нежели вторыми — в первом.

♦ **Умей отказывать:**

Не отказывай сразу, пусть разочарование входит по капле; не надо и отказывать наотрез, это значит рвать узы преданности. Пусть остаются крохи надежды, они умерят горечь отказа. Любезность штопает прорехи благоволения, добрые слова заменяют отсутствующие дела.

♦ **Будь решительным:**

Веря в свою звезду, люди должны браться за дело со всей решительностью. Не проточная вода портится, а стоячая...

♦ **Научись ускользать:**

Это прием людей благоразумных. Изящной шуткой они открывают себе выход из сáмого запутанного лабиринта. С улыбкой умеют они выйти целы и невредимы из ожесточенного спора. Учтивый способ, к примеру, не отказывать прямо — переменить разговор; иногда же ничего нет умней, как прикинуться непонимающим.

♦ **Прилаживайся к каждому:**

Велико искусство покорять сердца: подобие порождает благосклонность. Изучать характеры и настраиваться в лад; идти в ногу с серьезным и весельчаком, политично преображаясь, — что особенно важно для подчиненных. Житейское это искусство требует больших знаний,

оно легче дается человеку универсальному с просвещённым умом и прирождённым вкусом.

♦ **Обновляйся!**

И превосходное стареет, а с ним — его слава. Привычка умаляет восторги, и новая посредственность затмевает постаревшую знаменитость. Итак, возрождайся — в доблести, в таланте, в победах, во всём; являй всё новые красоты, показывайся, как солнце, всякий раз в новом блеске, меняя подмостки, дабы в одном месте отсутствие твое сделало тебя желанным, а в другом новизна возбудила восхищение.

♦ **Не упорствуй!**

Без конца жать апельсин — пойдет горечь. Даже в должном не впадай в крайность. Если талант расточать, он быстро иссякнет. Без зазрения совести доить — вместо молока потечет кровь.

♦ **Дозволяй себе мелкие небрежности:**

Иной огрех — лучшая рекомендация достоинствам. Зависть охотно прибегает к остракизму — и чем несправедливей, тем единодушней. Самому совершенству она поставит в упрек его безупречность и, ни в чём не сыскав изъяна, осудит всё. Надо утишить злобу, дабы, переполняясь яду, не лопнула. Ты как бы бросаешь быку зависти плащ — во спасение бессмертия.

♦ **Будь в обхождении терпим:**

Хочешь управлять другими, умей скрывать свои чувства. На многое в делах домочадцев, друзей и особенно врагов смотри сквозь пальцы. Придирчивость всегда неприятна, а как черта характера — несносна. Постоянно возвращаться к неприятному — род мании. И обыкновенно — поведение каждого определяется тем, каково его сердце, сколь оно широко.

♦ **Не жди, пока станешь солнцем заходящим:**

Загодя уйди от скорбей, чтобы не страдать от дерзостей. Не жди, пока повернутся к тебе спиною, похоронят, и, еще живой для огорчения, ты уже труп для почтения. И пусть красавица разумно и вовремя разобьет зеркало — не дожидаясь, когда оно разгневает ее горькой правдой.

♦ **Не ввязывайся в соперничество:**

Жар распрей разжигает, воскрешает погребённый позор, выкапывает вонючие нечистоты, давние и древние.

♦ **Никогда не говори о себе:**

Придется либо себя хвалить — а это тщеславие, либо хулить — а это малодушие; о себе говорить — против благоразумия грешить, да и слушающим докучать.

♦ **Живи, не споря с веком:**

Даже знания хороши, когда в ходу, а где им нет ходу, лучше притвориться невеждой. Меняются годы, меняются суждения и моды; не рассуждай по старинке и во вкусах держись современного. Вкус современного берет верх во всех областях. Надлежит ему следовать.

♦ **Не тот глуп, кто глупость совершил, а кто, совершив, не скрыл:**

Ошибаются все. Промахи людей великих, как затмения светил небесных, всем заметны. Не поверяй и другу ошибок своих, и даже, будь сие возможно, — лучше бы самому о них не знать. Но тут сгодится другое житейское правило — побольше забывать.

♦ **Искусство не вмешиваться:**

При непогоде житейской всего лучше сложить руки и выждать, пока буря уляжется; отступишь сейчас — победишь потом. Ручей и от ветерка замутится, и вода станет прозрачна не твоими стараниями, а когда от нее отойдешь. Нет лучшего средства от неурядиц, чем предоставить им идти своим чередом — всё как-нибудь уладится.

♦ **Начинай на чужой лад, чтобы закончить на свой.**

Это тактика успеха. Тут важно притвориться и вожделённой приманкой завлечь и пленить волю: ей мнится, что она преследует свои виды, а на самом деле ее ведут — к чужой цели. Не начинай опрометчиво, не бросайся очертя голову в омут. С особами, у коих первое слово всегда «нет», следует, дабы они не устрашились трудностей, скрывать подлинную цель, особенно когда знаешь, что цель эта им противна. Совет сей относится к разряду правил второго умысла — к квинтэссенции обхождения.

© Объект изысканий Бальтасара Грасиана — *природа человеческой натуры;* и здесь ему нет равных: объем сделанного им и ракурс подхода столь обширны и нетрадиционны, а наблюдательность столь нова, и остра, и точна, что, пожалуй, следует пойти на констатацию: в лице Грасиана мы имеем дело с зачинанием новой науки о человеке и его публичном поведении в ситуациях регламентированной субординации, взаимозависимости и взаимовлияния — **интригологии**.

∇ © Интригу я понимаю как установочную деятельность, до которой и во время которой человек выстраивает и осуществляет план по противодействию другим в достижении ими их целей. Способ интриги — всегда утаивание своих намерений, а они в целом противоположны чужим. Специфика интриги — пространственная тотализация эгоизма одной из столкнувшихся в коллизии интересов сторон. Согласно **«закону встречного ветра»***, интрига запускается в тот момент, когда каков-то дело по заметности уже пересекает границы равнодушного на него взирания. В интриге торжествует не злоба, но индивидуалитетное право. Что же до индивида, реализующего это право, то он может быть и злым, и безнравственным, и жестокосердным.

Люди живут не просто в обществе, а в сообществе, они постоянно окружены себе подобными, находятся в непрерывном человеческом поле. Энергетическая составляющая этого поля — психопотенциал самоосуществления, т. е., говоря точно, строго и конкретно, — интрига. Последняя состоит из «приёмов» и «влияния». Первое я бы определил как индивидуальный («под случай») набор некоторых стандартных манипуляций, извлекаемых из широкой номенклатуры всевозможных, исчерпывающе достаточных рецептурных рекомендаций, уместный и подходящий для того, чтобы, общаясь с другими людьми, преодолевающе реализовывать свои пла-

* Вот Вы стойте на улице — любуетесь всем вокруг, никуда не рвётесь, ни к чему не тянетесь. Никакой резкости в порывах, никакой тяги вперед. Вы есть: для себя, как корабль в гавани, удовлетворённые довольствием и удовольствиями. Среда — нежная, тихая, спокойная — назадириста по отношению к Вам.

Но попробуйте пойти, позваться каким-то желанием, начать мчаться. Одним словом, позволиться себе. И тут же вам в лицо ударит резкий порыв, Вы почувствуете несогласие с Вашим желанием, противодействие. Оказывается, другие — это вовсе не злобная масса, только и ждущая, как бы нам помешать. Не она — коварное препятствие устремлениям нашей личности, а мы... мы сами порождаем недружелюбие окружения, как только начинаем входить в прорезающее соприкосновение с ним.

Пока мы ничего не хотим, нас не замечают. Ни недоумения, ни гнева, ни отторжения. И только появление планов, рост, жизнь (внешне наблюдаемые как протискивание) дают нам почувствование обжима, ударов, попытки остановить, задержать, опрокинуть и даже смести. Сразу почему-то включается доселе нейтральный механизм отодвинуть нас, перенаправить, з а г а с и т ь. При этом — нет требования сдаться, однако кто же не услышит яростного шёпота: уймись!, не посягай на моё!

ны. Второе, т. е. способность влиять, есть умение своими поступками, своими действиями, своим поведением блокировать, направлять, видоизменять, даже деформировать, переориентировать или пресекать чужой, неприемлемый для нас узор общения. Влиять — это перекраивать, перелицовывать, перерисовывать противодействующий нашим устремлениям злой или недобрый коммуникационный рисунок.

Я рассматриваю интригу как основной посредствующий механизм между намерением и комфортом в его, намерения, осуществлении. Приёмы создают и поддерживают среду, настрой, атмосферу, так ориентируют психологию, внимание и интересы людей, так связывают воедино весь фон социальных компонентов, что, в итоге, заведомо разрозненное, и порой даже разнородное, соединяется, комбинируется и оживляется. То есть, говоря иначе и в чём-то проще, становится фактом новой реальности. В связи с этим, возможно, небесполезно будет знать, что

> **помимо общества, природы, ноосферы есть еще один слой обстоятельств, определяющих нашу жизнь, — это мир многообразных ухищрений, с помощью которых мы отталкиваем или сближаем рядом находящихся, блокируем или стимулируем их, выводим за скобки или возвышаем, уничтожаем или милуем.**

4. МЫСЛИ

- Жизнь — игра.
- Люди — притворщики.
- Дурён лицом — дурён делами.
- Лучше глупцом быть вместе со всеми, чем мудрецом в одиночку.
- Нынче от одного мудреца больше требуется, чем в древности от семерых.
- Натура и культура — два стержня, на коих красуются все достоинства.
- Разум без благоразумия — двойное безумие.
- Мудрый ценит всех, ибо в каждом замечает хорошее.
- Глупец тот, кого губит избыток ума.
- Кто от колкости выходит из себя, даёт повод вновь кольнуть.
- Хорошее хорошо вдвойне, когда оно коротко.
- Уважай себя, если хочешь, чтобы тебя уважали.
- Речи — тени поступков: речи женского пола, поступки — мужского.
- Лучшая месть — забвение, оно похоронит врага в прахе его ничтожества.
- Презрения достоин высокий ум, применённый для низких целей!
- Пошлые мнения весьма стойки, прочно укоренились, и многие люди, не поддаваясь заблуждению необычному, не сумели избежать общепринятых. Пошлость, к примеру, то, что каждый недоволен своей участью, даже блестящей, зато доволен своим умом, даже весьма неблестящим.
- Забывать — это скорее благодать, чем искусство. Что прежде всего надо бы забыть, о том больше всего помнишь.
- Две вещи быстро приканчивают человека: глупость и распутство. Одни потеряли жизнь, потому что хранить ее не умели, и другие — потому что не хотели.
- Надежда — мастерица подделывать истину; пусть же трезвость ее сдерживает, заботясь больше о полезном, чем о желаемом.
- Лучший способ достигнуть желаемого — пренебречь. Когда ищешь чего-то, ни за что не найдешь, а как думать о том забудешь, само идет в руки.
- Желание — мера ценности. Хороший вкус советует даже телесную жажду разжигать, но не утолять; хорошо да мало — вдвойне хорошо. Во второй раз всё кажется куда хуже. Пресыщение вредит удовольствию.
- Когда путь неясен, держись людей мудрых и осторожных — рано или поздно они находят удачный выход.

- В двадцать лет царит чувство, в тридцать — талант, в сорок — разум.
- Штука не в том, чтобы тебя при входе приветствовала толпа — приятно войти всякий сумеет, — но чтобы о твоем уходе жалели. Счастье редко сопутствует уходящим: оно радушно встречает и равнодушно провожает.
- Ежели глупо после сорока взывать к Гиппократу о здоровье, глупей того — взывать к Сенеке о благоразумии.
- Усердием посредственность достигает бо́льшего, чем одаренность без усердия. Слава покупается ценой труда; что легко дается, невысоко ценится.
- За легкое дело берись как за трудное, а за трудное — как за легкое. В первом случае — дабы уверенность не перешла в беспечность; во втором — неуверенность в робость. Вернейший путь не свершить дело — заранее считать его свершённым.
- Страсть окрашивает в свои цвета всё, до чего коснется, — ненавидя, как и любя; главное для нее — произвести впечатление.
- Порицание за неуспех всегда заглушит похвалу за усердие.
- Иной сделает, а потом думает — как будто не удачи ищет, а оправданий.
- Каждый мог бы в чем-то достигнуть больших высот, кабы знал свои преимущества. Большинство людей насилуют свою натуру и потому ни в чем не достигают превосходства. Легкий успех льстит страстям, но время приносит запоздалое разочарование.
- Нет человека, у которого главное достоинство противовесом не имело бы недостаток, и, ежели тому способствуют склонности, недостаток этот забирает власть тираническую.
- Распространяясь только вширь, не выйдешь за пределы посредственности. Беда людей универсальных в том, что, желая познать всё, они толком не знают ничего.
- Не быть чересчур разумным — лучше быть благоразумным. Больше знать, чем положено, значит выделяться утонченностью, а где тонко, там рвется, надежнее общепринятое.
- Не осуждай один то, что нравится всем. Видно, в этом есть что-то хорошее, раз всем любезно и, хоть объяснить этого нельзя, все наслаждаются. Необычное суждение неприятно, а коль ошибочно — смешно; оно скорей осрамит недалекий твой ум, нежели предмет; останешься один со своим дурным вкусом.
- В наш век — в диковинку человек.
- Дорога, по которой идет большинство, сомнительна.
- Чем ста́ре человек, тем больше он — человек.
- Есть смысл оказывать заранее как услугу то, что потом будет выглядеть как награда.
- Слух — черный ход для правды и парадный — для лжи.
- Зрители видят больше, нежели игрок.
- Природа похитила у рассудка всё то, чем одарила талант.
- Не всякое продолжение есть развитие.
- Чем красота является для глаз, а благозвучие — для ушей, тем для ума является остроумие.
- Древние установили правила силлогизма, искусство тропа, но остроумие не трогали... Исследованием остроумия они не занимались.

■ Иные пользуются шуткой, как удобной лазейкой, ибо к неким вещам надлежит относиться шутливо, даже если кто-то принимает их всерьез. Подобное спокойствие духа — приманка для сердец.

■ Говорят, через каждые семь лет меняется характер, пусть же перемена сказывается в улучшении и изощрении вкуса.

■ ...Подошли к лавке с вывеской: «Здесь продается квинтэссенция здоровья».

— Замечательно! — сказал Критило.

Он осведомился, что это. Ответ гласил: слюна врага.

— Ну нет, — сказал Андренио, — я бы назвал ее квинтэссенцией яда, более убийственной, чем яд василиска. Я предпочел бы, чтобы на меня плюнула жаба, чтобы меня ужалил скорпион или укусила гадюка. Слюна врага? Слыхано ли такое? Пусть бы сказали — верного, истинного друга; вот это действительно лекарство ото всех бед.

— Мало вы в этом смыслите, — сказал Эхенио. — Великий вред причиняет лесть друзей, их пристрастие, которому всё в вас мило, их любовь, которая всё прощает, пока бедняга под бременем своих грехов не свалится в могилу погибели. Поверьте, разумному больше пользы от горькой, тщательно перегнанной слюны врага, — ею выводит он пятна на чести своей и следы грязи на своей славе. Боязнь, как бы о твоих изъянах не проведали соперники да не порадовались, многим помогает держаться в рамках разума.

■ — Здесь продается, — кричал другой, — единственное лекарство ото всех бед.

Народ к нему валом валил — еле в лавке умещались, хоть на головы лезь. Нетерпеливый Андренио тоже вошел и попросил дать ему поскорей этого товару.

— Сейчас, сударь, — ответили ему, — сразу видно, что вы в нем очень нуждаетесь. Имейте терпение.

Через минуту Андренио снова попросил подать ему их товар.

— Что вы, сударь? — сказал торговец. — Разве вам его не дали?

— Как так — дали?

— Ну да, сам видел своими глазами, — подтвердил другой торговец.

Андренио, осердясь, стал отрицать.

— Хотя он не прав, но говорит правду, — ответил первый.

— Товар ему дали, да он не взял. Наберитесь терпения.

Народу всё прибывало, и хозяин лавки крикнул:

— Господа, будьте любезны выйти и освободить место для других покупателей — вас ведь уже удовлетворили.

— Да что это такое? — возмутился Андренио. — Издеваетесь над нами, что ли? Вот так расторопность! Дайте нам то, что просим, и мы уйдем.

— Ступайте с богом, сударь, — сказал сиделец, — товар вам уже подали, даже дважды.

— Мне?

— Да, вам.

— Вы мне только сказали — имейте терпение.

— Ох и чудак! — сказал сиделец, расхохотавшись. — Так ведь это,

сударик мой, и есть наш драгоценный товар, его-то мы и ссужаем, оно-то и есть единственное лекарство ото всех бед. А у кого его нет — от короля до пешки, — тому и жить не стоит.

- — Да вы всё равно женщину никогда не узнаете.

Вот подошел один, просит самую красивую. Дали ему такую, и за небольшую цену — всего лишь за головную боль. И сват заметил:

— В первый день она будет нравиться вам, остальные дни — другим.

Другой, наученный этим уроком, потребовал самую уродливую.

— За нее плата — вечная досада.

- Это не одно и то же — *делать* дело и *показывать* дело. Всё ценится не за суть, а за вид. Иметь достоинство и уметь его показать — двойное достоинство: чего не видно, того как бы и нет. Сам разум не встретит почтения, коль вид у него неразумный. Ведь обманывающихся куда больше, чем проницательных; обман преобладает, обо всём судят по наружности, и многое на деле вовсе не то, чем кажется. Благовидная наружность — лучшая рекомендация достоинств внутренних.

- Удваивать опоры жизни — значит удвоить жизнь. Да будет у тебя не один покровитель, никогда не ограничивай себя чем-то одним, пусть и необычным: всего да будет по два, особенно источников выгоды, милостей, наслаждений. На всём сказывается изменчивость луны, символа непостоянства, тем паче на делах, зависящих от бренной человеческой воли. Против превратностей поможет запасливость: помни о важнейшем правиле житейском — иметь по два источника благ и удобств. Как природа удвоила наиболее нужные и увечьям подверженные члены нашего тела, так да поступит благоразумный с покровителями.

- Миром заправляют женщины, а мужчины им подчиняются. Посмотрите, мужчины — существа слабые и изнеженные, а женщины — могучие. Мужчины — не смея слово молвить, только слюну глотают, а женщины орут так зычно, что и глухой услышит.

Ныне мужчины везде пасуют перед женщинами. Слезинка женская добудет больше, чем реки крови, пролитые мужеством. Одна улыбочка женщины достигнет большего, нежели многие заслуги ученого.

Да, с женщинами нет житья, но и без них его нет. Никогда их так не почитали, как ныне: всё в их руках — и всех они доводят до ручки. Не помогает и то, что мудрая природа — то ли ради отличия, то ли чтобы виден был румянец стыда, — не украсила их бородою. Ничто не помогает, нет!

Мужчина уже не властелин, а раб женщины. Нет, он, конечно, природный властелин по-прежнему, но женщину он сделал своим временщиком, потому она и всесильна. Но чтобы вы могли всё же отличить женщину от мужчины, указываю на важный признак: женщины — это те, кому недостает рассудка и доблести именно тогда, когда эти качества больше всего нужны.

- К чему знания, если они нежизненны? В наше время знание жизни — оно-то и есть подлинное знание.

Франсуа де Ларошфуко

XVII век

• Французский философ, мыслитель-моралист

Родился: 15.09.1613 г.
Умер: в ночь на 17.03.1680 г.

Прожил — 66 лет

> **«Легче познать людей вообще, чем одного человека в частности».**
> *(Ларошфуко)*

■ **«Ум всегда в дураках у сердца».** *(Ларошфуко)*

■ **«Беседа с достойными людьми — одно из величайших моих удовольствий. Я люблю, чтобы она велась в серьёзном тоне и чтобы вопросы нравственности составляли ее главное содержание».** *(Ларошфуко)*

■ **«Бывают случаи в жизни, выпутаться из которых может помочь только глупость».** *(Ларошфуко)*

1. ЖИЗНЬ

• Герцог.
• Принадлежал к одному из старинных аристократических родов Франции, связанных родственными узами с королевским домом.
• Детские годы Ларошфуко прошли в провинции Ангумуа, в родовом замке Вертей.
• Как старший сын семейства (а всего детей у родителей было двенадцать) Ларошфуко носил до смерти отца имя **принц Марсийяк.**
• Ларошфуко женился в 15 лет и имел восьмерых детей.
• В 27 лет Ларошфуко появляется в Париже и втягивается в придворные интриги на стороне королевы Анны Австрийской (1601 – 1666) против ее врага кардинала Ришелье (1585 – 1642).

/ **Ларошфуко:**
«...Я объявил кардинала врагом народа, прежде чем я объявил себя его врагом». /

• В 1648 – 1652 гг. Ларошфуко участвует в качестве одного из оппозиционных вождей в мятеже французских аристократов (Фронде*), не желавших подчиниться центральной королевской власти:
• Опыт **Фронды** — бесславный и горький — открыл Ларошфуко новую правду о человеке.

---

* **Фро́нда** — от *фр.* fronde; *букв.* праща́.

• И тем не менее Ларошфуко твёрд в своем жизнеопределении:

♦ Я совершил именно то, что должен был совершить... и чего бы это мне ни стоило, я никогда не буду каяться.

(Из письма графу Гито от 2 мая 1653 г.)

• В 60-е гг. Ларошфуко постоянный посетитель салона госпожи де Сабле. Здесь зародилась его главная книга «Максимы*» (1664).

∇ ◐ Афоризмы Ларошфуко в своих истоках — салонный фольклор. Общение посетителей клуба мадам де Сабле зачастую было интеллектуально-игровым. Накануне очередного собрания всем задавалась некая общая тема из разряда «трудных» или «лукаво-двойственных» в области морали, политики или столько обычных, сколько и мистических ежедневных проделок с каждым человеком его же ума и его же судьбы.

Пропуском-признанием служило точное, меткое, краткое слово и просто эффектная, яркая, сочная мысль в упаковке метафор, намёков, красивых недоговорок и иносказаний. ◑

• **Сочинения Ларошфуко:**

«Апология принца де Марсийяка» (1649);
«Портрет Ларошфуко, написанный им самим» (1658);
«Мемуары» (1662);
«Максимы» («Размышления, или Моральные изречения и максимы»):
/ 1664 г. — общее число максим 188;
1678 г. — общее число максим уже 504. /

• Большинство афоризмов Ларошфуко написано, говоря его же словами, в праздности, вызванной опалой.

• Ларошфуко был меланхолического темперамента, причем до такой степени, что его видели смеющимся едва ли более одного раза в год.

2. СУДЬБА

► ◐ Ларошфуко нередко — при жизни и позже — обвиняли в несамостоятельности его творчества, в заимствованиях и даже в откровенном плагиате. Это тем более странно, что, во-первых, словарный алфавит у людей разных стран и времён инвариантен, а во-вторых, когда двое говорят об одном и том же — это не только не всегда одно и то же, а именно всегда не одно и то же. Сами говорящие, акценты смысла, оттенки отношения обозначения к обусловившему его предмету и великое множество прочих составляющих не могут повториться, как неповторимы мгновения времени, отпечатки пальцев, особенности облика, как неповторимо вообще всё в мире.

Ларошфуко большой мастер внушения словом, его стиль и выстраивание содержательного ряда уникальны по гибкости и пластичности проникновения в сознание. Удивительным является и то, что намерение воспринимать говоримое им не является нашим желанием. Напротив, наше желание подчинено цепкому подтексту его фраз, броской красоте их зна-

---

* **Ма́ксима** (*лат.* maxima [regula, sententia] — основное правило, принцип) — логический или этический принцип, выраженный в краткой формуле; правило, норма поведения.

чения, яркой убедительности и несокрушимой простоте их надежности и всегда юной вечности. ◑

► В первом издании «Максим...» был многозначительный фронтиспис: Амур насмешливо взирает на бюст римского философа Сенеки, с которого он сорвал маску. Под Амуром подпись: «Любовь к истине».

► ◐ Красиво, ёмко и сжато мудрствующие люди высказывались и до Ларошфуко. Вся эта книга тому свидетельство. Но всё равно, **афоризм** как факт, как большое «нечто» и как действительное «то, что» возник именно и только у Ларошфуко. То есть в лице этого остроумного и мило язвительного француза **крылатое слово** осознало свою особенность и зафиксировало свою неподвластную временам индивидуальность.

Афоризмы любят все, но о сущности их говорят не часто. Не очень-то податливы они исследовательскому анализу. И потому сейчас, из нашего далёкого для тогда **теперь**, стало бы задаться вопросом и выяснить: что же такое афоризм со стороны столетий после Ларошфуко? Я бы определил так: он есть мысль, переставшая быть словом.

Может показаться, что буквы и звуки транспортируют содержание передаваемых нам мыслей. Но это не так. Далеко не так. Вовсе ие так. Буквы и звуки лишь **узóрят** наше восприятие. А афоризм рождается в тот момент, когда наши опыт и знания проходят через это обузóривание и демонстрируют нам наше же слепление, но... по искусно задуманному рецепту другого человека. ◑

► **Л. Н. Толстой** (в изданном им сборнике: *«Избранные мысли Лабрюйера, с прибавлением избранных афоризмов и максим Ларошфуко, Вовенарга и Монтескьё»*. 1908 г.):

«Собрание мыслей Ларошфуко было одной из тех книг, которые более всего содействовали образованию вкуса во французском народе и развитию в нем ясного ума и точности его выражений. Хотя во всей книге этой и есть только одна истина, та, что самолюбие есть главный двигатель человеческих поступков, мысль эта представляется со столь разных сторон, что она всегда нова и поразительна. Книга эта была прочитана с жадностью. Она приучила людей не только думать, но и заключать свои мысли в живые, точные, сжатые и утончённые обороты. Со времени Возрождения никто, кроме Ларошфуко, не сделал этого».

4. МЫСЛИ

- Миром правит судьба и прихоть.
- Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией.
- Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор.
- Мудрость для души — то же, что здоровье для тела.
- Ум служит нам порою для того, чтобы смело делать глупости.
- Истинное красноречие — это умение сказать всё, что нужно, и не больше, чем нужно.
- Почти все люди охотно расплачиваются за мелкие одолжения, большинство бывает признательно за немаловажные, но почти никто не испытывает благодарности за крупные.

- Не доброта, а гордость обычно побуждает нас читать наставления людям, совершившим проступки; мы укоряем их не столько для того, чтобы исправить, сколько для того, чтобы убедить в нашей собственной непогрешимости.
- Радости и несчастья, которые мы испытываем, зависят не от размеров случившегося, а от нашей чувствительности.
- Кто слишком усерден в малом, тот обычно становится неспособным к великому.
- Презрение философов к богатству было вызвано их сокровенным желанием отомстить несправедливой судьбе за то, что она не наградила их по достоинству жизненными благами; оно было тайным средством, спасающим от унижений бедности, и окольным путем к почету, обычно доставляемому богатством.
- Все жалуются на свою память, но никто не жалуется на свой разум.
- Если судить о любви по обычным ее проявлениям, то она больше похожа на вражду, чем на дружбу.
- Трудно дать определение любви; о ней можно лишь сказать, что для души — это жажда властвовать, для ума — внутреннее сродство, а для тела — скрытое и утонченное желание обладать, после многих околичностей, тем, что любишь.
- Очарование новизны в любви подобно цветению фруктовых деревьев: оно быстро тускнеет и больше никогда не возвращается.
- К старости недостатки ума становятся всё заметнее, как и недостатки внешности.
- Люди делают добро часто лишь для того, чтобы обрести возможность безнаказанно творить зло.
- У людских достоинств, как и у плодов, есть своя пора.
- Пороки входят в состав добродетелей, как яды входят в состав лекарств.
- Не так благотворна истина, как зловредна ее видимость.
- У большинства людей любовь к справедливости — это просто боязнь подвергнуться несправедливости.
- Страсти — это единственные ораторы, доводы которых всегда убедительны.
- Когда великие люди наконец сгибаются под тяжестью длительных невзгод, они этим показывают, что прежде их поддерживала не столько сила духа, сколько сила честолюбия, и что герои отличаются от обыкновенных людей только бо́льшим тщеславием.
- Как бы ни кичились люди величием своих деяний, последние часто бывают следствием не великих замыслов, а простой случайности.
- На каждого человека, как и на каждый поступок, следует смотреть с определенного расстояния. Иных можно понять, рассматривая их вблизи, другие же становятся понятными только издали.
- Одна из причин того, что умные и приятные собеседники так редки, заключается в обыкновении большинства людей отвечать не на чужие суждения, а на собственные мысли.
- Слава великих людей всегда должна измеряться способами, какими она была достигнута.

- Люди не могли бы жить в обществе, если бы не водили друг друга за нос.
- Только у великих людей бывают великие пороки.
- Тот, кто думает, что может обойтись без других, сильно ошибается; но тот, кто думает, что другие не могут обойтись без него, ошибается еще сильнее.
- Причинять людям зло большей частью не так опасно, как делать им слишком много добра.
- В характере человека больше изъянов, чем в его уме.
- Любовь одна, но подделок под нее — тысячи.
- Изысканность ума сказывается в умении тонко льстить.
- Проявить мудрость в чужих делах куда легче, нежели в своих собственных.
- Вернейший способ быть обманутым — это считать себя хитрее других.
- Предательства совершаются чаще всего не по обдуманному намерению, а по слабости характера.
- Уклонение от похвалы — это просьба повторить ее.
- Нам легче управлять людьми, чем помешать им управлять нами.
- Мы легко забываем свои ошибки, когда они известны лишь нам одним.
- Иные люди похожи на песенки: они быстро выходят из моды.
- Нет ничего глупее желания всегда быть умнее всех.
- Поистине ловок тот, кто умеет скрывать свою ловкость.
- Мы любим больше сам факт дарения, чем тех, кому мы дарим.
- Люди редко бывают довольны теми, кто от их имени вступает в деловые переговоры, так как посредники, стараясь стяжать себе добрую славу, почти всегда жертвуют интересами своих друзей ради успеха самих переговоров.
- Мы не можем вторично полюбить тех, кого однажды действительно разлюбили.
- Есть люди, которым на роду написано быть глупцами: они делают глупости не только по собственному желанию, но и по воле судьбы.
- Восхвалять государей за достоинства, которыми они не обладают, — значит безнаказанно наносить им оскорбление.
- Ум и сердце человека, так же как и его речь, хранят отпечаток страны, в которой он родился.
- Тот, кого разлюбили, обычно сам виноват, что вовремя этого не заметил.
- Всё, что перестаёт удаваться, перестаёт и привлекать.
- Судьбу считают слепой главным образом те, кому она не дарует удачи.
- Каким бы тяжелым позором мы себя ни покрыли, у нас почти всегда остаётся возможность восстановить свое доброе имя.
- Не может долго нравиться тот, кто умен всегда на один лад.
- Суждения наших врагов о нас ближе к истине, чем наши собственные.
- Порою из дурных качеств складываются великие таланты.
- Желание вызвать жалость или восхищение — вот что нередко составляет основу нашей откровенности.
- Людские ссоры не длились бы так долго, если бы вся вина была на одной стороне.

- Крушение всех надежд человека приятно и его друзьям, и недругам.
- Человек никогда не бывает так несчастен, как ему кажется, или так счастлив, как ему хочется.
- Как мы можем требовать, чтобы кто-то сохранил нашу тайну, если мы сами не можем ее сохранить?
- Себялюбие наше таково, что его не перещеголяет никакой льстец.
- Даже самые разумные люди разумны лишь в несущественном; в делах значительных разум обычно им изменяет.
- Нет вернее средства разжечь в другом страсть, чем самому хранить холод.
- Короли чеканят людей, как монету: они назначают им цену, какую заблагорассудится, и все вынуждены принимать этих людей не по их истинной стоимости, а по назначенному курсу.
- Как бы ни был проницателен человек, ему не постигнуть всего зла, которое он творит.
- Мы редко до конца понимаем, что мы в действительности хотим.
- Мы скорее пожертвуем своим состоянием, чем поступимся своим мнением.
- Все добродетели теряются в расчете, как реки в море.
- Нужно иметь большой ум, чтобы уметь не показывать своего умственного превосходства.
- Сильно мешает быть умным усердное стремление выказываться таким.
- Удивление намечает предел наших познаний и доказывает часто не столько совершенство вещей, сколько несовершенство ума нашего.
- Увы, нам дают советы, да вот только не дают разума ими пользоваться.
- В обществе мы часто имеем успех благодаря нашим недостаткам, а не нащим достоинствам.
- Мы все имеем достаточно силы, чтобы переносить чужое несчастие.
- Милосердие сильных мира сего чаще всего лишь хитрая политика, цель которой — завоевать любовь народа.

V ◐ Странно, конечно, что коль эта уловка правителей «засвечена», раскрыта, то почему мы по-прежнему, ве́ка спустя, околдовываемся ею? Не оттого ли, что у мудрости свойство «следов на воде» — они есть, только когда они есть.

Наше восприятие сродни всему земному: Солнце одинаково всходит и заходит, но каждый день это делается по-новому. Не повторяется, а обновляется.

Может быть, это одно из свойств тайн и секретов мира — не впечатываться, а только лишь впечатлять? Да так оно и есть: потому ветер и освежает, что не ловится, потому всё и вкусно, что вкус не остаётся на языке.

Мудрость живет напоминанием, и мы умны умом, т. е. его наличием, а не приобретениями. ◑

Блез Паскаль

XVII век

• Французский математик, физик, мыслитель, мудрец

Родился: 19.06.1623 г.
Умер: 19.08.1662 г.

Прожил — 39 лет

> **«Если человек восхваляет себя, я его уничижаю, если уничижает — восхваляю, и противоречу ему до тех пор, пока он не уразумеет, какое он непостижимое чудовище».**
>
> *(Паскаль)*

■ **«Очевидно, что человек создан для мышления; в этом всё его достоинство; вся его заслуга и весь его долг — мыслить как следует».** *(Паскаль)*

■ **«Правильная мето́да — это доказывать все положения, хотя бы в незначительной степени неясные».** *(Паскаль)*

■ **«Когда на моей стороне истина, я готов в одиночку выступить против тридцати тысяч со мной несогласных».** *(Паскаль)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Клермоне, в семье дворянина, выбранного королевского советника Этьенна Паскаля и дворянки Антуанетты Бегон; отцу было в это время 35 лет, матери — 27 лет.
• Паскаль имел двух сестер: младшую Жаклину и старшую Жильберту.
• Едва маленький Блез начал ходить, с ним произошел очень странный случай — он неожиданно стал чахнуть. Маргарита Перье (племянница Блеза Паскаля) в связи с этим вспоминала впоследствии:

> «Эта слабость сопровождалась двумя совершенно необычными обстоятельствами: одно из них заключалось в том, что он не мог переносить вида воды без вспышек конвульсий; другое, еще более удивительное, состояло в том, что он не мог видеть отца и мать рядом друг с другом: он терпел их ласки по отдельности; но стоило им только приблизиться друг к другу, как он начинал кричать и биться в совершенном исступлении; всё это длилось более года, в течение которого болезнь продолжала увеличиваться; он стал очень плох, и казалось, что вот-вот умрет».

Положение спасло обращение родителей к некоей колдунье, которая якобы сглазила Блеза. Разъярённый отец заставил силой эту женщину произнести необходимые заклинания и провести действия по изгнанию болезни. В результате чего ребенок полностью выздоровел.

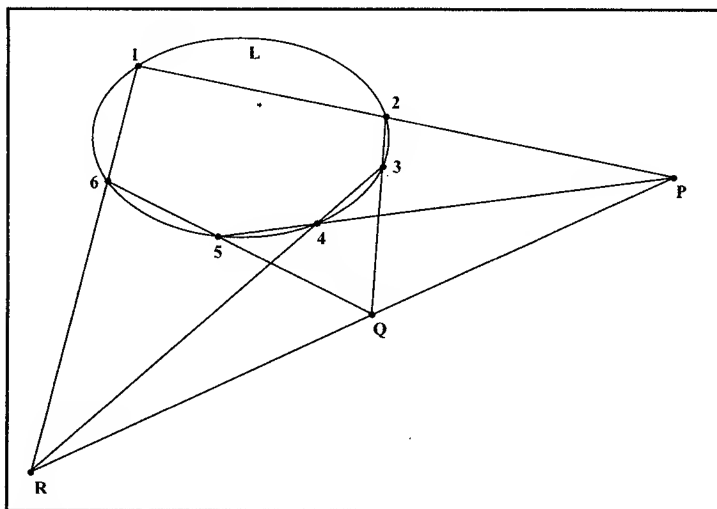
• Паскаль был очень болезненным и в детстве, и во взрослые годы.

• В 1626 г., когда Блезу не было еще и 3-х лет, скончалась его мать, женщина болезненная и хрупкая.

• По воспоминаниям Жильберты, недюжинные способности Блеза Паскаля проявились с раннего возраста: как только он заговорил, так сразу же стали заметны необычные для его возраста признаки ума — вопрошал о природе вещей, на задаваемые вопросы отвечал коротко, ясно и всегда уместно.

• Воспитание и обучение юного Блеза, учитывая болезненность ребенка, были домашними: отец преподал ему основы математики и физики, ввел в курс современного состояния науки.

• В 16 лет Паскаль написал трактат о конических сечениях, поразивший специалистов в этой области и принесший автору всеобщее признание ученых мира. Это небольшое произведение вполне самостоятельно и оригинально. Прежде всего это относится к третьей лемме, согласно которой во всяком шестиугольнике (его Паскаль именует «мистическим шестивершинником»), вписанном в эллипс, гиперболу или параболу, точки пересечения трех пар противоположных сторон лежат на одной прямой, называемой теперь **прямой Паскаля**. Если шесть произвольных точек конического сечения (например, эллипса, как показано на рисунке) принять за вершины шестиугольника и занумеровать их, то противоположные стороны данного шестиугольника (1, 2) и (4, 5); (2, 3) и (5, 6); (3, 4) и (6, 1) пересекутся соответственно в точках P, Q, R, которые лежат на одной прямой — прямой Паскаля.

• В 1642 г. Паскаль начал пробовать строить, а в 1645 г. он построил удовлетворяющую модель арифметической машины. В 1649 г. Паскаль получил от короля «Привилегию на арифметическую машину», согласно

которой за автором закреплялось право на приоритет, а также на ее изготовление и продажу. В 1652 г. Паскаль преподнес свою машину в дар королеве Швеции Христине. Восемь экземпляров машины Паскаля сохранились до наших дней. Один из них находится в Парижском музее искусств и ремёсел:

> / Однако первую в истории счетную машину собрал не Паскаль, ибо она уже существовала в год его рождения. Ее сконструировал профессор Тюбингенского университета Вильгельм Шиккард (1592 — 1635). /

• Весь 1647 г. Паскаль сильно болеет и вынужден был отправиться в Париж для лечения. Здесь произошла его встреча с вернувшимся на родину Рене Декартом. Философ с большим сочувствием отнёсся к болезни Паскаля, дал сму ряд своих «домашних рецептов» для укрепления здоровья. К сожалению, Блез с трудом мог говорить и едва поддерживал разговор. Декарт имел возможность поработать с арифметической машиной и наблюдать лабораторные опыты с вакуумом. Присутствовавшая при встрече ученых сестра Жаклина в письме Жильберте в Клермон сообщала, что на раздумия Паскаля о том, что находится в трубке над ртутью, Декарт ответил: «Тончайшая материя». Паскаль никогда не верил в эту гипотезу, но спорить с высоким гостем не стал...

• В 1654 г. тридцатилетний Паскаль пережил духовный кризис, внезапное мистическое «озарение», религиозное обращение, которое побудило его оставить свет и удалиться в янсенистский монастырь Пор-Рояль.

Меняется характер Блеза; вспыльчивый нрав его сменяется смирением и покорностью. Паскаль забыл о математике, почти не расстаётся с Евангелием... «Сердце чувствует Бога, а не разум», — запишет он впоследствии в «Мыслях».

Записи обуревающих его проницаний в сокровения потустороннего Паскаль делает тайно, датирует их 23 ноября 1654 г. и зашивает под подкладку камзола. Этот «секрет» был обнаружен совершенно случайно, уже после смерти мыслителя, когда слуги приводили в порядок вещи покойного.

• Биографы Паскаля отмечают один эпизод, случившийся в это время с Паскалем и вошедший в его биохроники под названием «Случай на мосту Нейи», в качестве — таково мнение всех исследователей — главной причины событий с Паскалем в 1654-м и последующих годах:

> В середине ноября 1654 г. во время одной из прогулок по окрестностям Парижа Паскаль ехал вместе с друзьями в карете, запряженной четверкой или шестеркой лошадей. И вот на мосту близ деревни Нейи передние лошади, сбитые с толку отсутствием перил, обрушиваются в реку, оборвав постромки. Карета чудом устояла на краю моста.

С тех пор, по словам философа Ламетри, профессионального врача, «в обществе или за столом Паскалю всегда была необходима загородка из стульев или сосед слева, чтобы не видеть страшной пропасти, в которую он боялся упасть, хотя знал цену подобным иллюзиям». 23 ноября 1654 г. с ним происходит первый необычный, очень сильный нервный припадок...

• По свидетельству родственников, Паскаль был гипертрофированно аскетичным человеком и чрезвычайно холоден в чувствах:

/ Он довольствовался са́мой скромной утварью, не позволял себе обращать внимание на вкус пищи, стремился как можно меньше прибегать к помощи слуг и дажс носил специальный пояс с гвоздями, по которому ударял так, что эти гвозди впивались в тело, если находил какую-либо свою мысль «суетной». /

• Паскаль никогда не отличался пиететом к древним авторам, а наиболее чтимыми им философами были Эпиктет и Монтень. Многие мысли самого Паскаля навеяны частым и углублённым чтением Монтеня либо содержат полемику с ним.

• С са́мого детства он мог признавать лишь то, что казалось ему подлинно очевидным; так что, когда ему не сообщали убедительных доводов, он искал их сам, и когда он увлекался исследованием чего-либо, он не оставлял предмет своего увлечения до тех пор, пока не находил в нем того, что могло его удовлетворить.

• **Сочинения Паскаля:**

«Опыт о конических сечениях» (1640);

«Новые опыты, касающиеся пустоты» (1647);

«Трактат о равновесии жидкостей и тяжести воздуха» (1649 – 1654);

«Полный труд о конических сечениях» (1654);

«Трактат об арифметическом треугольнике» (1654);

«О геометрическом уме» (1655):

/ Паскалю принадлежит часть учебника по логике «Логика, или Искусство мыслить» (Париж, 1662), известного также как «Логика Пор-Рояля». Учебник был издан декартианцами Пьером Николем и Антуаном Арно. «О геометрическом уме» Паскаля помещается в VI части этого учебника. /;

«Об искусстве убеждать» (1655 – 1657);

«Провинциалии, или Письма, написанные Луи де Монтальтом одному своему провинциальному другу»* (1656 – 1657; 18 писем):

/ «Письма...» выдержали свыше 60 изданий и с легкой руки Вольтера называются просто «Письма к провинциалу». /;

«Молитва к Богу об обращении во благо болезней» (1659);

«Сочинения о благодати»;

«Краткое описание жизни Иисуса Христа»;

«Рассуждение о любовной страсти»;

«Разговор с Саси об Эпиктете и Монтене»;

«Мысли» (свыше 1000 фрагментов):

/ Паскаль имел обыкновение записывать наиболее ценные мысли, приходившие ему в голову. Эти записи не предназначались для печати и при жизни Паскаля опубликованы не были. Они были найдены друзьями уже после смерти Паскаля. В виде листков бумаги, связанных в отдельные пачки без всякой системы и порядка. Пьер Николь вместе с другими деятелями Пор-Рояля расположил эти листки по своему усмотрению и издал их отдельной книгой в 1670 году. Лишь в 1842 г., благодаря тщательному исследованию

* Имя вымышленное.

французского философа Виктора Кузена (1792 – 1867), удалось установить, что издание Николя крайне искажало Паскаля. Реконструкция текста была произведена заново, и в 1852 г. появилось научное издание «Мыслей...». /

• ◐ С позиций магистрального вклада в дело мудрости Паскаль, пожалуй, должен классифицироваться как «философ человека», его (человека) мировой роли, сущности и места. ◑ Вот несколько красноречивых примеров:

♦ Я потратил много времени на изучение отвлеченных наук и потерял к ним вкус — так мало они дают знаний. Потом, когда я начал изучать человека, мне стало ясно, что отвлеченные науки вообще не имеют к нему никакого отношения и что, занимаясь ими, я еще хуже разумею, каково оно, истинное мое место в этом мире, нежели те, кто ничего в них не смыслит. И я простил людям их невéдение. Однако я полагал, что многие, подобно мне, погружены в изучение человека, да иначе оно и быть не может. Я ошибался: даже геометрией — и той занимаются охотнее. Впрочем, и к ней и к другим наукам обращаются главным образом потому, что не знают, как приступить к изучению самих себя. Но вот о чем стоит задуматься: а нужна ли человеку и эта наука, не будет ли он счастливее, вообще ничего о себе не зная?*

♦ Человек велик, сознавая своё жалкое состояние. Дерево не сознаёт себя жалким. Следовательно, бедствовать — значит сознавать своё бедственное положение, но это сознание — признак величия...

♦ Всё наше достоинство заключается в мысли. Вот чем должны мы возвышаться, а не пространством и временем, которых нам всё равно не заполнить. Будем же стараться хорошо мыслить: вот начало нравственности.

♦ Природа человека состоит в том, чтобы всё время идти вперед...

• Умирал Паскаль тяжело. Казалось, что все боли его слабого тела ждали середины августа 1662 г., чтобы выставить свой счет торжествующему силой духу. Его последние слова были: «Да не покинет меня Бог никогда!»

• После смерти Паскаля его тело досталось врачам. По результатам вскрытия, они нашли желудок и печень увядшими, а кишки гангренозными, но не могли определить, являлось ли это причиной или следствием мучительных колик. Особое впечатление на врачей произвело отсутствие на черепе Паскаля швов, кроме «стрелочного», что, вероятно, являлось причиной сильных головных болей, которым он был подвержен в течение своей жизни, и необычайная величина мозга, вещество которого оказалось удивительно плотным и твердым. Но как самое важное, чему, собственно, приписали смерть и предшествовавшее ей ухудшение здоровья, было отмечено, что на внутренней стороне черепа, против мозговых желудочков, имелось два глубоких следа, словно отпечатки пальцев на воске, наполненных свернувшейся и испорченной кровью, от которой началось гангренозное воспаление мозговой оболочки.

* Перевод Э. Линецкой.

2. СУДЬБА

В сентябре — октябре 1654 г. Паскаль часто навещал свою сестру Жаклину. Он говорил ей, что в душе его происходит какой-то разлад, что усиливается душевное смятение: всё то, что прежде привлекало его в мире, теперь утратило смысл и он безуспешно пытается обрести равновесие.

Как помочь брату, Жаклина не знала, тем более что сам он — она это чувствовала — был не очень откровенен. Ее совет — «встретиться ему с духовником» — Паскаль решительно отверг.

Сколько бы это всё могло длиться, неизвестно, но наконец ночью 23 ноября разразился кризис. Что-то случилось, причем не просто «что-то», а **«Что-то»**. Разница в состояниях Паскаля 2—3 часа, однако спустя полчаса после полуночи он был уже душевно, духовно и умственно совершенно другим человеком.

Трудно поверить — настолько редко такое бывает, — но сохранилась сделанная Паскалем в ту ночь запись, проливающая свет на характер его потрясения и свидетельствующая, что мыслитель пережил *обращение*. Вот текст этой записи:

Год благодати 1654-й

Понедельник 23 ноября, день святого Климента, папы и мученика, и других из мартиролога.
Канун дня святого Хризогона-мученика и других.
Приблизительно от десяти с половиной часов вечера до половины первого ночи.

Огонь

Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, но не философов и учёных.
Уверенность. Уверенность. Чувство, радость, мир.
Бог Иисуса Христа.
«Богу Моему и Богу вашему»*.
Твой Бог будет моим Богом.
Забвение мира и всего, кроме Бога.
Обрести Его можно лишь на путях, указанных Евангелием.
Величие души человеческой.
Отче праведный, мир не познал Тебя, но я Тебя познал.
Радость, радость, радость, слезы радости.
Я разлучился с Ним.
«Оставили Меня, источник воды живой»**.
Боже мой, неужели Ты оставишь меня?
Да не разлучусь с Ним никогда.
Это есть жизнь вечная, и да познáют они Тебя единственно истинного Бога и посланного Тобою И. Х.
Иисус Христос
Иисус Христос
Я разлучился с Ним. Я бежал от Него, отрёкся, распинал Его.
Да не разлучусь с Ним никогда.

* Цитата из Евангелия от Иоанна (20, 17).
** Цитата из Книги пророка Иеремии (2, 13).

Сохранить Его можно лишь на путях, указанных Евангелием.
Отречение полное и сладостное».

/ Этот текст, набросанный наспех, Паскаль повторил на листе пергамента и добавил три строки: «Полная покорность Иисусу Христу и моему духовнику. Навеки в радости за день исполнения долга на земле. «Не забываю слова Твоего»*. Аминь». /

∇ ◐ Мне представляется, что и само событие, и то, как оно протекало и во что результировалось, и скоротечность последующей жизни Паскаля (какие-то неполные восемь лет) — всё это настолько в целом нерядовой факт, что даже беглое размышление над ним сулит нам приоткрывание завесы над еще одной тайной мира.

В ситуации с Паскалем случилось вот что. Это был **«скачок в возраст»**, ибо мудрость (не размышления над ней, а она сама) резко ста́рит человека. В 1654 г. земной путь для Паскаля закончился. И то, что он еще был живой и продолжал жить, уже не имело значения: он перешагнул черту земных вопросов, а увиденные им решения были не ответами, а саморечениями истины. Мировое Начало заговорило через Паскаля и тем самым растворило его. Отныне он перестал быть са́мостью и частью, прекратил быть зеркалом отражающим, а стал светом высвечивающим.

Как прекрасно знать дальше знания! И потому мудрость полна великолепия. Но ведь и горностаевая мантия, покрывая человека, не его делает королем, а себя. Ибо признак вещи важнее вещи: быть «больши́м» — существеннее, чем быть «камнем», если речь идет, скажем, о **большом** камне. Приходящая мудрость делает нас уходящими. Сорванный цветок красивее растущего, ибо он обрамлён уже́ значимостью (ведь его сорвал кто-то, сорвал зачем-то, для чего-то; до этого цветок только ласкал взор и манил запахом, теперь же он дополнился еще одним параметром своей прелестности — **нужностью**). Мудрость — запредельна, и потому с ней мы уже не здесь.

По-видимому, здесь имеет место какой-то очень важный и крайне особенный феномен. На поверхности вещей дело обстоит так, будто мудрость посещает всех нас в конце жизни. В действительности же всё обратно. Это жизнь начинает резко «сворачиваться» тогда, когда наши мысли окрашиваются мудростью.

Можно жить сколько угодно, можно повторять и транслировать *чью-то* мудрость, но при появлении **своей** нужно насторожиться: ибо жить остаётся недолго. ◑

► Многие выражения Паскаля стали крылатыми. Наиболее известное среди них — **«мыслящий тростник»**:

«Человек — всего лишь тростник, самый слабый в природе, но это мыслящий тростник. Не нужно Вселенной ополчаться против него, чтобы его уничтожить: достаточно пара, капли воды, чтобы убить его. Но если бы Вселенная его уничтожила, человек всё же оставался бы более достойным,

* Цитата из Псалтири (118, 16).

чем то, что его убивает, ибо он знает, что умирает, тогда как о преимуществе, которое над ним имеет Вселенная, она ничего не знает».

На эти необычные мысли французского философа столь же необычно откликнулся русский философствующий поэт **Ф. И. Тютчев** /(1803 – 1873); стихотворение «Певучесть есть в морских волнах...», 11 мая 1865 г./:

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всём,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаём.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

И от земли до крайних звезд
Всё безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянной протест?

► Тайна портрета Паскаля:

До середины XX века все твёрдо и уверенно считали, что после смерти знаменитого Блеза Паскаля остался лишь один прижизненный портрет ученого, тот, который сделал отец его товарища Домэ красным карандашом на обороте обложки «Дегестов», свода римских законов. Паскаль всячески избегал портретистов. Янсенист, он с презрением относился к искусству, особенно к живописи. «Она, — говорил Паскаль, — суетна и заслуживает проклятия за то, что вызывает восхищение сходством с оригиналом, отнюдь не заслуживающим уважения». Искусство — ложь, полагали янсенисты, суета, развлечение, недостойное суровых последователей «Доктрины одиноких». После кончины ученого сделали еще посмертную маску, вот и всё.

Посмертная маска Паскаля

Но однажды возникло предположение, что изображенный на картине современного ученому художника Филиппа де Шампеня «Неизвестный мужчина» на самом деле Блез Паскаль. Художник, как считали французские искусствоведы, скрыл правду, опасаясь репрессий со стороны парижского духовенства, которое намеревалось извлечь из могилы и выбросить на свалку труп еретика, умершего без «покаяния».

Но как доказать, что «Неизвестный мужчина» — Паскаль? Был 1950 год, века прошли после смерти Паскаля. И тут на помощь пришла криминалистика. За установление истины взялся тогдашний директор службы идентификации парижской префектуры Шарль Санье. Он решил сравнить портрет «Неизвестного мужчины» с посмертной маской Паскаля. На первый взгляд это самое простое решение. Но для доказательства нужны были веские аргументы. Маску сфотографировали в том же ракурсе, что и на портрете. Сомнений оставалось всё меньше. Затем доктор Санье провел так называемую морфологическую экспертизу: буквально с миллиметром в руках сличал пропорции лица Паскаля на одной и другой работе. Сомнений совсем не осталось. На спорном портрете действительно был изображен Паскаль.

► **И. С. Тургенев** /(1818 – 1883), русский писатель/:

«Паскалевы «Мысли» — это самая ужасная, самая несносная книга из всех, когда-либо напечатанных. Он растаптывает всё, что есть дорогого у человека, и бросает вас на землю, в грязь, а затем, чтобы вас утешить, предлагает вам религию, которую разум (разум самого Паскаля) не может не отвергнуть, но которую сердце должно смиренно принять».

(Из письма Полине Виардо 20 июня 1859 г.)

► **Жоакин Мария Машаду ди Асис** /(1839 – 1908), бразильский писатель/:

«Паскаль назвал человека мыслящим тростником, но он не прав: человек — это мыслящая опечатка».

3. УЧЕНИЕ

♦ Всё, что превышает геометрию, превосходит и нас.

♦ Мы ищем не вещи, но поиск вещей.

♦ Порядок... Ни одна наука, созданная людьми, не смогла его соблюсти.

♦ Я решил записать свои мысли, при этом не соблюдая никакого порядка, и эта чересполосица будет, возможно, намеренной: в ней-то и заложен настоящий порядок, который с помощью этого сáмого беспорядка выявит суть трактуемого мною предмета. Я оказал бы ему слишком много чести, если бы изложил свои мысли в строгом порядке, меж тем как моя цель — доказать, что никакого порядка в нём нет и быть не может.

♦ Я более или менее знаю, каким должен быть порядок и сколь мало на свете людей, обладающих этим знанием.

♦ Я не знаю, кто дал мне место в этом мире, не знаю, что такое я сам. Я нахожусь в страшном неведении всего... Я вижу бесконечные пространства Вселенной, сам же прикован к небольшому уголку этого необъятного протяжения, не ведая, почему именно здесь, а не там мое место, почему данное мне малое время назначено мне в этот, а не в другой момент как всей предшествующей, так и всей последующей вечности.

♦ Будем рассуждать исключительно на основе природного рассудка. Если Бог есть, то он окончательно непостижим, так как он, не имея ни частей, ни пределов, понятно, что не имеет и никакого соотношения с нами. Поэтому мы не способны познать ни чтó он есть, ни éсть ли он. Раз это так, кто осмелится взять на себя решение этого вопроса? Только не мы, не имеющие с ним никакого соотношения.

♦ Мы бессильны проникнуть в суть вещей.

♦ Почти все философы запутываются в сути того, что нас окружает, и применяют к духовному телесные мерки, а к телесному — духовные. Они, не задумываясь, говорят, что тела стремятся упасть, что они влекутся к центру, стараются избежать уничтожения, боятся пустоты, что у них есть стремления, симпатии и антипатии, то есть наделяют очень многим из присущего только миру духовному. А говоря о духе, ограничивают его в пространстве, заставляя перемещаться с места на место, хотя это свойственно только материальным телам.

Вместо того чтобы воспринимать явления в их натуральном виде, мы вкладываем в них наши собственные свойства и наделяем двойной природой то однородное, что нам удается обнаружить.

Так как во всём, что нас окружает, мы усматриваем одновременно и дух и тело, казалось бы, это сочетание вполне понятно людям. Меж тем оно-то им особенно непонятно. Из всех творений природы нет для человека большей загадки, чем он сам, ибо ему трудно уразуметь, что такое материальное тело, еще труднее — что такое дух, и уж вовсе непостижимо — как они могут соединиться.

♦ Я легко могу представить себе человека без рук, без ног, без головы, так как только опыт научает нас, что голова нужнее ног; но я не могу вообразить себе человека без мысли: это был бы камень или животное.

♦ Всякая рассудочная деятельность ограничена подчинением чувству.

♦ Начни человек с изучения самого себя, он понял бы, что ему не дано выйти за собственные пределы. Мыслимо ли, чтобы часть познала целое?

♦ Мы не воспринимаем ни крайне сильного холода, ни крайне сильного жара. Чрезмерность неощутима и тем не менее нам враждебна: даже не воспринимая ее, мы всё равно от нее страдаем. Слишком юный и слишком преклонный возраст держат ум в оковах, равно как слишком большая или малая образованность. Короче говоря, крайности как бы не существуют для нас, а мы не существуем для них: либо они от нас ускользают, либо мы от них.

Таков истинный наш удел. Мы не способны ни к всеобъемлющему знанию, ни к полному неведению. Плывем по безбрежности, не ведая куда, что-то гонит нас, бросает из стороны в сторону. Сто́ит нам поверить, что обрели опору и укрепились на ней, как она начинает колебаться, уходит из-под ног, а если мы кидаемся ей вдогонку, ускользает от нас, не дает приблизиться, и этой погоне нет конца. Вокруг нас нет ничего незыблемого. Да, таков наш удел, но он нам соприроден и вместе с тем противен всем нашим склонностям: мы жаждем устойчивости, жаждем обрести наконец твердую почву и воздвигнуть на ней башню, вершиной уходящую в бесконечность, но заложенное нами основание дает трещину, земля разверзается, а в провале — бездна.

Откажемся же от поисков достоверных и незыблемых знаний. Изменчивая видимость будет всегда вводить в обман наш разум; конечное ни в чём не найдет твердой опоры меж двух бесконечностей, которые охватывают его, но ни на шаг не подпускают к себе.

Кто это усвоит, тот, я думаю, раз и навсегда откажется от попыток переступить границы, поставленные ему природой.

♦ Уясним же себе, что́ мы такое: нечто, но не всё; будучи бытием, мы не способны понять начало начал, возникающее из небытия; будучи бытием кратковременным, мы не способны охватить бесконечность.

♦ Из двух известных науке бесконечностей бесконечность больших величин более доступна человеческому разуму, поэтому лишь немногие ученые притязали на то, что полностью охватили всё сущее. «Я буду судить обо всём», — говорил Демокрит.

Но бесконечность в малом куда менее очевидна. Все философы потерпели в этом вопросе поражение, хотя порою и утверждали, что изучили его. Отсюда и столь обычные названия — «О началах сущего», «Об основных началах философии» и подобные им, такие же напыщенные по сути, хотя и более скромные с виду, нежели сочинение с режущим глаз названием «Обо всём познаваемом».

♦ При вечных отчаянных своих попытках познать начало и конец сущего, что́ улавливает человек, кроме смутной видимости явлений? Всё возникает из небытия и уносится в бесконечность. Кто окинет взглядом столь необозримый путь? Это чудо постижимо лишь его Творцу. И больше никому.

Не давая себе труда задуматься над этими бесконечностями, люди дерзновенно берутся исследовать природу, словно они хоть сколько-нибудь соразмерны с ней. Как не подивиться, когда в самонадеянности, не менее безграничной, чем предмет их исследований, они рассчитывают постичь начало сущего, а затем всё сущее! Ибо подобный замысел может быть порожден лишь самонадеянностью, безграничной, как природа, или столь же безграничным разумом.

♦ Весь зримый мир — лишь едва приметный штрих в необъятном лоне природы. Человеческой мысли не под силу охватить ее. Сколько бы мы ни раздвигали пределы наших пространственных представлений, всё равно в сравнении с сущим мы порождаем только атомы. Вселенная — это не имеющая границ сфера, центр ее всюду, окружность — нигде. И величайшее из доказательств всемогущества Господня в том, что перед этой мыслью в растерянности застывает наше воображение.

♦ Кто познал Бога, но не познал всего своего горестного ничтожества, тот впадает в гордыню. Кто познал всё своё горестное ничтожество, но не познал Бога, тот впадает в отчаяние. Кто познал Иисуса Христа, тот хранит равновесие, ибо в Нём мы явственно видим и Бога, и наше собственное горестное ничтожество.

♦ Природа разнообразит и повторяет, искусство повторяет и разнообразит.

♦ **О различиях...** Они столь многообразны, что и звучание голосов, и походка, и покашливание, и сморкание, и чих... Мы умеем различать сорта винограда, без труда различим среди других, скажем, мускат. Но разве этим вопрос исчерпывается? Хоть раз произвела ли лоза две одинаковые кисти? А в кисти бывают ли две одинаковые виноградины?

Я не способен дважды одинаково судить об одном и том же предмете. Я не судья своему собственному сочинению, пока его пишу: мне, наподобие художника, надобно отойти от него на какое-то расстояние, но не слишком большое. А всё-таки на какое именно? Догадайтесь.

∇ ◐ Когда философы рассуждают о природе и о материи, о Боге, душе и ду́хах, о Началах и Первопричинах, в их рассуждениях есть и усматривается различие.

Но только они начинают говорить о себе и делах, с ними связанных, появляется просто удручающее однообразие. Почему?

Я думаю, что суть дела не в них. И хотя такое умозаключение хоть кому покажется странным, ему привести подобающее объяснение довольно просто.

Эту похожесть всем нам придаёт одна и та же среда пребывания, каковой является человеческое общество. Как бы ни был велик кусок сахара, но, попав в воду, он всё равно растворится. Общество — это конгломерат из индивидов, условием пребывания в котором являются усвоение и воспроизведение его верований, обычаев и образа мыслей.

Поэтому, конечно же, жалки и пусторезультатны были попытки всех тех, кто хотел, стремился или грезил превзойти то сообщество, в котором или рядом с которым протекала их жизнь. Это никогда не могло удасться, как не суждено волнам, как бы они ни вздымались в небо или как бы они ни выкатывались на берег, оторваться от своего морского лона. Когда же это всё же происходило, то это было не победное шествие самоопределения, а всего лишь испарение — в общем-то явление жалкое, ничтожное, незавидное.

Вот и Паскаль говорит стандартные, до банальности, обыкновенности и явно не замечает несоответствия своих слов себе же самому. Так что, поистине, мысль изречённая есть ложь. **Поле общественного тяготения** крепко держит всё своё. Не выпускает. ◑

♦ Богословие — это наука, но сколько в ней одновременно сочетается наук! Человек слагается из множества частей, но, если его расчленить, окажется ли человеком каждая его часть? Голова, сердце, вены, каждая вена, каждый ее отрезок, кровь, каждая ее капля?

Город или деревня издали кажутся городом или деревней, но сто́ит подойти ближе — и мы видим дома, деревья, черепичные крыши, листья, травы, муравьев, муравьиные ножки, и так до бесконечности. И всё это заключено в слове «деревня».

♦ Религия — это не «теория» Бога, человека и их взаимных отношений. Единственный ответ, который мы можем получить от религии, — что такова уж воля Бога — скрывать себя. Итак, поскольку бытие Божие сокрыто от человека, любая религия, которая не говорит, что Бог сокровенен, не истинна, а любая религия, которая не находит доводов в защиту этого, лишена поучительности. Ибо природа такова, что всюду указывает на утрату Бога — и в человеке и вне его. Религия, следовательно, это своего рода логика абсурда — так только и можно схватить абсурдность, внутреннюю противоречивость, химерическое бытие человека. Конечно, ничто не может поразить нас сильнее, чем это учение; и однако же без этой тайны, самой непостижимой из всех, мы непонятны самим себе. В этой бездне узлом стягиваются и вращаются все наши обстоятельства, так что человек в бо́льшей мере непостижим без этой тайны, чем эта тайна непостижима для человека.

♦ Дух человека, этого верховного судии подлунной юдоли, столь сильно зависит от любого пустяка, что малейший шум помрачает его. Отнюдь не только гром пушек мешает ему здраво мыслить: довольно скрипа какой-нибудь флюгарки или блока. Не удивляйтесь, что сейчас он рассуждает не слишком разумно: рядом жужжит муха, вот он и не способен подать вам дельный совет. Хотите, чтобы ему открылась истина? Прогоните насекомое, которое держит в плену это сознание, этот могучий разум, повелевающий городами и державами. Занятное божество, что и говорить!

♦ Почему нас нисколько не сéрдит хромой на ногу, но так сéрдит хромой разумом? Дело просто: хромой на ногу признаёт, что мы не хромоноги, а недоумок считает, что это у нас ум с изъяном, потому он и вызывает в нас не жалость, а злость.

♦ Чтобы судить безошибочно, нужна неподвижная точка отсчёта. Стоящий в порту правильно судит о плывущих на корабле; но где тот порт, откуда мы могли бы правильно судить?..

♦ Все части мира находятся в таком отношении сцепления между собой, что невозможно, думается мне, узнать одну без другой и без целого.

♦ Природа имеет совершенства, поскольку она есть образ Бога, и недостатки, поскольку она есть только его образ.

♦ Эксперимент — это учитель, за которым надо следовать в физике.

♦ Всего же непостижимее для человека то, каким образом тело может соединиться с духом.

♦ Все тела — небо, звезды, земля и ее царства ничто в сравнении с самым обыкновенным умом, потому что он постигает как все эти предметы, так и себя, тело же ничего сознавать не в состоянии.

♦ Мы постигаем истину не только разумом, но и сердцем... У сердца свои резоны и свои законы, их разум — состоящий в опоре на принцип и доказательство — не знает.

♦ Именно сердце чувствует Бога, а не разум. Вот что такое вера.

♦ Человек столь счастливо устроен, что не располагает никаким верным критерием (principe) истины, зато имеет несколько отличных критериев лжи.

♦ Есть три основных источника заблуждений разума: воображение, привычка, самолюбие. Влияя на наши суждения, они делают нас неспособными познать истинную суть вещей.

♦ Величие человека так несомненно, что подтверждения тому содержатся даже в самом его ничтожестве. Ибо присущее животным природное начало мы именуем горестным ничтожеством в человеке, тем самым признавая, что если теперь он мало чем отличается от животного, то некогда, до грехопадения, наша природа была непорочна.

Ибо кто сильнее тоскует по монаршему сану, чем низложенный властелин? Разве считали римского полководца и консула Луция Эмилия Павла (ок. 220 – 160 гг. до н. э.), человека, разгромившего армию македонского царя Персея (годы правления: 179 – 168 до н. э.), несчастным, когда кончился срок его консульства? Напротив, думали: какой он счастливец, всё-таки был консулом, ну а пожизненно это звание никому не даётся. Меж тем монарший сан — пожизненный, поэтому

царя Персея считали таким несчастным, что дивились: как это он не лишил себя жизни?*

Кто страдает из-за того, что у него только один рот? И кто не страдал бы, стань он одноглазым? Никому в голову не придет горевать из-за отсутствия третьего глаза, но безутешен тот, кто ослеп на оба.

Именно этим горестным ничтожеством и подтверждается величие человека. Он горестно ничтожен как властелин, как низложенный король.

♦ Человек познаёт, что́ он такое, с помощью двух наставников: инстинкта и опыта.

♦ Мы жаждем истины, а находим в себе одну лишь неуверенность. Мы ищем счастья, а находим лишь обездоленность и смерть. Мы не в силах не искать истину и счастье, мы не в силах обрести уверенность и счастье. Это желание заложено в нас и чтобы покарать, и чтобы мы всегда помнили, с каких высот пали на землю.

♦ Вопрос о бессмертии души так бесконечно важен, так глубоко нас затрагивает, что быть безразличным к его решению — значит вообще утратить всякое живое чувство. Наши дела и поступки должны целиком зависеть от того, есть ли у нас надежда на вечное блаженство, или ее нет, и любой шаг только тогда станет осмысленным и разумным, когда мы наконец уясним себе то, что просто не может не быть главным содержанием нашей жизни.

♦ Источник всех ересей — в неспособности постичь существование двух прямо противоположных истин и поверить в то, что они и впрямь так несочетаемы. Источник всех ересей — в зачёркивании тех или иных истин.

А источник всех возражений, которые мы слышим от еретиков, — их незнание некоторых истин, служащих им опорой.

Как правило, всё дело в том, что, неспособные понять связь двух противоречащих друг другу истин и убежденные, что вера в одну из них исключает веру в другую, они прилепляются к одной и исключают другую; при этом у них нет ни малейших сомнений, что мы делаем как раз обратный выбор. Меж тем в этом исключении одной из истин как раз и кроется причина их ереси, а в неведении, что мы привержены обеим истинам, — причина их возражений.

♦ Нас распирают желания, влекущие ко всему внешнему.

Некое тайное чувство нашептывает нам, что в самих себе мы счастья не обретём. Страсти толкают нас уйти из внутреннего мира в мир внеш-

* **Персей** — сын македонского царя Филиппа V (вынужденного в результате поражения при Киноскефалах [197 г. до н. э.] признать римское господство). Персей воинственно выступал против римлян, пока наконец Эмилию Павлу не удалось одержать над ним решающую победу при Пидне в 168 г. до н. э. Персея насильственно провели в толпе пленников во время триумфальной процессии его врага. Умер он в заточении. Это был конец Македонского царства.

Что же до Павла, то в Риме в честь его успеха в войне с Персеем была даже воздвигнута конная статуя. То есть это был зенит его славы. В то же время сам он, потеряв двух сыновей, постоянно — в речах своих — высказывал мысль о бренности славы. Из несметных сокровищ, захваченных у противника, он, неподкупно честный человек, не взял себе ничего.

ний, даже когда там нет для них никакой особенной приманки. Предметы этого мира всегда притягивают нас, соблазняют, даже когда мы о них не думаем. Поэтому, сколько бы философы ни твердили: «Замкнись в себе и обретешь счастье», — им верят лишь те люди, у которых пусто и в голове, и в сердце.

♦ Представьте себе, что перед вами скопище людей в оковах, и все они приговорены к смерти, и каждый день кого-нибудь из них убивают на глазах у остальных, и все понимают — им уготована такая же участь, и глядят друг на друга, полные скорби и без проблеска надежды. Вот вам картина условий человеческого существования.

♦ Мы стойки в добродетели не потому, что сильны духом, а потому, что с двух сторон нас поддерживает напор противоборствующих пороков, подобный напору ветров, дующих навстречу друг другу: исчезни один из этих пороков — и мы немедленно подпали бы под власть другого.

♦ Мощь королей равно зиждется на разуме народа и на его неразумии, причем на втором больше, чем на первом. В основе величайшего и неоспоримсйшего могущества лежит слабость, и эта основа поразительно устойчива, ибо каждому ясно, что слабость народа неизменна. А вот основанное на здравом разуме весьма шатко — например, уважение к истинной мудрости.

♦ Привычка видеть короля в окружении охраны, барабанщиков, военных чинов и вообще всего, призванного внушать подданным почтение и страх, ведет к тому, что, даже когда короля никто не сопровождает, один его вид уже вселяет в людей почтительный трепет, ибо в своих мыслях они неизменно связывают особу короля с теснящейся вокруг него свитой. Народ, не понимая, что помянутые чувства вызваны уже сложившейся привычкой, приписывает их особым свойствам королевского сана. Этим и объясняется ходячее выражение: «На его челе — печать Божественного величия» и т. д.

♦ Платон и Аристотель неизменно представляются нам надутыми буквоедами. А в действительности они были благовоспитанными людьми, любили, подобно многим другим, пошутить с друзьями, а когда развлекались сочинением — один «Законов», другой «Политики», — оба писали как бы играючи, потому что сочинительство полагали занятием не слишком почтенным и мудрым, истинную же мудрость видели в умении жить спокойно и просто. За политические писания они брались, как берутся наводить порядок в сумасшедшем доме, и напускали при этом на себя важность только потому, что знали: сумасшедшие, к которым они обращаются, мнят себя королями и императорами. Они становились на точку зрения безумцев, чтобы по возможности безболезненно умерить их безумие.

♦ Народная мудрость. Нет беды страшнее, нежели гражданская смута. Кто захочет всех наградить по заслугам, тот неизбежно ее развяжет, ибо каждый начнет кричать, что именно он заслужил награждения.

♦ Опасно говорить народу, что законы несправедливы, — он повинуется им лишь до тех пор, пока верит в их справедливость. Стало быть, народу следует неустанно внушать: законам до́лжно повиноваться просто пото-

му, что они — законы, равно как власти предержащей — просто потому, что она — власть, независимо от их справедливости. Если народ усвоит всё вышесказанное, опасность бунта будет предотвращена, а это, по сути дела, и есть определение справедливости.

♦ А вообще... ведь если на любой закон или обычай посмотреть под определенным углом зрения — он и впрямь никуда не годится.

4. МЫСЛИ

- Божественные истины не могут быть объектом искусства убеждения, ибо они бесконечно превышают природу.
- Геометрия — прекрасное средство проверки наших интеллектуальных сил, но отнюдь не объект их приложения.
- Людей учат чему угодно, только не порядочности, меж тем всего более они стремятся блеснуть именно порядочностью, то есть как раз тем, чему их никогда не обучали.
- Реки — это дороги, которые и сами движутся, и нас несут туда, куда мы держим путь.
- Что такое «я»? У окна стоит человек и смотрит на прохожих; могу ли я сказать, идучи мимо, что он подошел к окну, только чтобы увидеть меня? Нет, ибо он думает обо мне лишь между прочим. Ну, а если кого-либо любят за красоту, можно ли сказать, что любят именно его? Нет, потому что, если оспа, оставив в живых человека, убьет его красоту, вместе с ней она убьет и любовь к этому человеку. А если любят мое разумение или память, можно ли в этом случае сказать, что любят *меня*? Нет, потому что я могу потерять эти свойства, не теряя в то же время себя. Где же находится это «я», если оно не в теле и не в душе? И за что любить тело или душу, если не за их свойства, хотя они не составляют моего «я», могущего существовать и без них? Возможно ли любить отвлечённую суть человеческой души, независимо от присущих ей свойств? Нет, невозможно, да и было бы несправедливо. Итак, мы любим не человека, а его свойства. Не будем же издеваться над теми, кто требует, чтобы его уважали за чины и должности, ибо мы всегда любим человека за свойства, полученные им в недолгое владение.
- Наиболее философским было бы просто и спокойно жить.
- Насмехаться над философией — это действительно философствовать.
- О чем бы человек ни судил, у него должен быть собственный взгляд на вещи, но говорить при этом следует только общепринятое.
- Пусть не говорят, что я не сказал ничего нового: новизна в расположении материала. Когда играют в лапту, пользуются одним и тем же мячом, но один бьет лучше другого.
- Чем просвещённее люди, тем очевиднее для них и величие, и ничтожество человека.
- Человек по самой своей природе не способен всё время идти в одну сторону: он то движется вперед, то возвращается.
- Человека всегда раздирает междоусобица разума и страстей.
- Чувствительность человека к пустякам и бесчувственность к сáмому важному — это ли не признак чудовищной извращенности!

- Поставьте мудрейшего философа на широкую доску над пропастью, сколько бы разум ни твердил ему, что он в безопасности, всё равно воображение возьмет верх.
- Не могу извинить Декарта: он очень хотел бы в своей философии обойтись без Бога, но это не помешало ему использовать Бога для того, чтобы дать миру первощелчок, приведя его в движение, после чего Бог больше ему не нужен.
- Судить о добродетели человека следует не по его порывам, а по будничным делам.
- Искание истины совершается не с весельем, а с волнением и беспокойством; но всё-таки надо искать ее, потому что, не найдя истины и не полюбив ее, ты погибнешь.
- Замечательная вещь, что ни один из канонических авторов не пользовался природой для доказательства Бога: Давид, Соломон и т. д. — все стремятся возбудить веру в Бога, но никогда вы не встретите подобного выражения: мол, пустоты не существует, значит, есть Бог. А эти люди были помудрее тех, кто прибегает к подобной аргументации.
- Все люди могут заблуждаться, а потому правом на диктат человека наделяет не истина, а сила, перерастающая чаще всего в насилие. А тут уж проблема неразрешимая: насилие и истина ничего не могут поделать друг против друга.
- Совесть — лучшая нравоучительная книга из всех, которыми мы обладаем, в нее следует чаще всего заглядывать.
- Нехорошо быть слишком свободным. Нехорошо ни в чем не знать нужды.
- Вот что я вижу и что меня волнует. Я смотрю во все стороны и всюду вижу один мрак. Природа ничего мне не предлагает, кроме того, что вызывает сомнение и беспокойство. Если бы я не видел в ней никаких признаков божества, то решился бы его отрицать; если бы я повсюду видел следы Творца, то успокоился бы в лоне веры. Но, видя слишком много, чтобы отрицать, и слишком мало, чтобы поверить, я нахожусь в плачевном состоянии, в котором я желал сотни раз, чтобы природа, если ею управляет Бог, указала на него недвусмысленно, или, если ее свидетельства сомнительны, уничтожила бы их совсем; пусть же представит всё или ничто, чтобы я знал, какой стороны мне держаться.
- Каждая вещь в этом мире частью истинна и частью ложна. Подлинная истина не такова, что совершенно чиста и полностью истинна. Такой смеси никогда еще не было и не будет; подобный состав разрушителен и губителен для истины. Ничто не бывает безусловно истинным, и, таким образом, ничто не истинно в смысле чистой истины. Мы только отчасти обладаем истиной и благом вперемежку с ложью и злом.
- Добрые слова оставляют в душах людей прекрасный след. Они смягчают, утешают и исцеляют сердце того, кто их слышит. Они заставляют его устыдиться своих злобных, мрачных, недобрых мыслей. Мы еще не научились использовать добрые слова так часто, как они того заслуживают.
- Что же это за химера — человек? Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Судья всех вещей,

бессмысленный червь земляной, хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор Вселенной.

- При моем нравственном невежестве наука о внешних вещах не утешит меня в момент скорби, тогда как наука о нравственности всегда утешит меня в незнании вещей внешних.
- Справедливость и истина — два столь тонких острия, что наши инструменты слишком грубы, чтобы их касаться с точностью. Прикасаясь к ним, они их сплющивают и опираются на окружающую их плоскость, то есть скорее на ложь, чем на истину.
- Непостоянство, скука, беспокойство — вот условия человеческого бытия.
- Кто не видит суеты мира, тот суетен сам.
- Истинная и единственная добродетель состоит в том, чтобы ненавидеть себя. Мы должны любить только Бога и ненавидеть только себя.
- Есть некая модель приятности и красоты, которая состоит в определенном отношении между нашей натурой, будь она сильной или слабой, и вешью, которая нам нравится: будь то дом, песня, речь, стихи, проза, женщина, птица, реки, покои, одежда.

/© Эти вопросы проблемны и сегодня. Человечество продолжает искать секреты красоты. Любопытную теорию развивает американка Джудит Ланглуа — специалист из университета в Остине (штат Техас). По ее мнению, в основе красоты — стандартность. Доказательство велось на примере человеческого лица. С помощью компьютера из нескольких десятков фотографий были синтезированы «фотороботы». В них ЭВМ вобрала из полученного материала наиболее характерные — стандартные — для данного региона и расы черты лица. То есть получилось что-то среднестатистическое. Снимки фантомов вместе с фото настоящих, считающихся очень привлекательными людей были предложены для сравнения группе из 300 человек. И с большим, как говорится, преимуществом победили «дети» компьютера. ☽/

- У любви не бывает возраста, она вечно нова.
- Выше всех ценятся те благородные поступки, которые остаются неявными.
- Тот, кто избрал своим руководителем истину, а своей целью — долг, может смело довериться Провидению.
- Даже са́мая блестящая речь надоест, если ее затянуть.
- Человек — не ангел и не животное, и чем старательнее, на свое несчастье, разыгрывает он из себя ангела, тем более уподобляется животному.
- Чем умнее человек, тем больше своеобычности он находит во всяком, с кем общается. Для человека заурядного все люди на одно лицо.
- Доводы, до которых человек додумывается сам, обычно убеждают его больше, нежели те, которые пришли в голову другим.
- Хотите, чтобы люди поверили в ваши добродетели? Не хвалитесь ими!
- Что такое наши врожденные понятия, как не понятия привычные? Разве дети не усваивают их от родителей, как животные — умение охотиться?
- Пусть человеку нет никакой выгоды лгать — это сще не значит, что он говорит правду: лгут просто во имя лжи.
- Природа повторяет себя: зерно, посеянное в тучную землю, плодоносит; мысль, посеянная в восприимчивый ум, плодоносит; числа повторяют пространство, хотя так от него отличны.

- Всё создано и определено единым Творцом: корни, ветви, плоды; причины, следствия.
- Нас утешает любой пустяк, потому что любой пустяк приводит нас в уныние.
- Мы беспечно устремляемся к пропасти, заслонив глаза чем попало, чтобы не видеть, куда бежим.
- Сколько держав даже не подозревают о моем существовании!
- Почему знания мои ограничены? Мой рост невелик? Срок на земле сто лет, а не тысяча? Почему природа остановилась на этом числе, а не на другом, хотя их бессчетное множество и нет оснований выбрать это, а не то, и тому предпочесть это?

∇ ◐ Жаль, но как не философично это и все подобные ему **«почему?»**.

Общая конструкция таких вопросов маня́ща и завлекательна. Как же? — круговерть ума представляется вихрем смысла: ощущаются и подъём и натиск, всё видится как под углом большой смелости, так и под углом большого ума. И конечно же, правильности и правомерности. Чего уж там, если уж разглядывать, так только через заглядывать, а коли сметать привычное, то обязательно — через смятение. Конфигурация замысловатости в таких задачках стандартна, неизменна и в схематике своей наипростейша — ну, вот как здесь:

«Каждый раз тронув воду, что в ванну на́лил,
Удивляюсь я в чем же тут разница?
Почему она пальцу блаженство сулит,
А лишь сяду в нее — мерзнет задница?» (*Огден Нэш*)

Пора бы всем понять, что на «почему?» нет ответа. Не бывает!

Сам вопрос создает видимость условий для ответа: преддверие дум → думы → и, наконец, решение.

Увы. Во-первых, это не преддверие, а — будем говорить без всякого лукавства — задверие. А во-вторых, какие могут быть думы, если их основание — вопрос??? И не какой-то, а главный из тех, что бывают.

Незнающий причин разве может причинить пользу знанию?!

Из всего нам не подвластного «почему?» еще и самое опасное: оно ускоряет мысль до встречи с ее тупиками, а это не только больно, но и неустраняемо. А если не больно, то невыносимо...

Конечно, каждый, из спрашивавших про глуби́ны, основы, первопричинное, сознавал бесплодие «почему?», ибо с него начиналась вся предшествовавшая философия, но ею же (вот ведь!) к нему же и сводилась. И сколько людей потеряли себя в невозможных попытках найти несуществующий ответ.

Вообще же, тяга к «почему?» фанатична, а стремление к нему — манипулятивно: им мы смущаем других, чтобы не быть слабыми самим. И даже, когда спрашиваем себя, уже́ ведем у́мобо́й с кем-то.

Проблематика познания в чем-то близка к глажению белья. Пока утюг скользит по поверхности и едва ее касается, в быстроте импульса решая свои цели, — всё еще ничего и нормально; но как только мы надолго задерживаемся на одном месте, дело заканчивается и прожогом и дымом. И если кто-то полагает, что **«о»** в «почему?» — это круглый проход в дали неизвестного, то он ошибается — это пустота от выгоревшего места.

Все активные процессы действительности в своей зрелости не должны переступать некую охранительную черту. Ограничение — базовая константа мира. Любой плод, перележав, гниет, любая вещь, переходя свой срок, ни́кнет,

до ухода навсегда. Как только мы хотим больше, чем наделены́ и правомочны, в этот момент сила сопротивления среды переходит в среду сопротивления силе, обессиливая и испаряя намерение. Никакой вопрос не должен перерастать в ВОПРОС, иначе он из средства разрешения трудности превратится в трудность для самого́ себя. ◑

◪ Почему люди следуют за большинством? Потому ли, что оно право? Нет, потому что сильно.

◪ Только кончая задуманное сочинение, мы уясняем себе, с чего нам следовало его начать.

/◐ Любопытно... Если эту формулу рассматривать как закон, то всплывает парадоксальность: его невозможно использовать позитивно — всякая попытка исправить ситуацию будет лишь воспроизводить ее. ◑/

◪ С какой лёгкостью и самодовольством злодействует человек, когда он верит, что творит благое дело!

◪ Мы пытаемся подражать великим людям чаще в их слабостях, чем в достоинствах. Невежа иногда имеет то преимущество перед культурным человеком, что он не живет идеями умерших.

◪ Все тела, небесная твердь, звезды, земля и ее царства не сто́ят самого ничтожного из умов, ибо он знает всё это и самого себя, а тела не знают ничего. Но все тела, вместе взятые, и всё, что они сотворили, не сто́ят единого порыва милосердия — это явление несравненно более высокого порядка.

◪ Истинное красноречие не нуждается в науке красноречия, так же и истинная нравственность не нуждается в науке о нравственности.

◪ Будем же стараться хорошо мыслить — вот начало нравственности.

◪ Нет несчастья хуже того, когда человек начинает бояться истины, чтобы она не обличила его.

Паскаль.
Худ. Филипп де Шампень

Паскаль выдвинул прелюбопытный аргумент, получивший наименование **«пари Паскаля»**:

«Между нами и Богом — бесконечность хаоса. Где-то на краю этой бесконечности идёт игра — мы решаем для себя: есть Бог или Бога нет (что́ выпадет, орёл или решка...) На что Вы поставите?

Не играть нельзя, хотите Вы того или нет, но Вас уже втянули в эту историю. Если Вы поставите на орла, т. е. на Бога, Вы обретёте всё, проиграв, не потеряете ничего»*.

* Идея здесь такая: «Разум, — считает Паскаль, — говорит о равной вероятности орла и решки, однако когда вмешивается «сердце», становится очевидным, что, ставя «на решку» (означающую отсутствие Бога), мы теряем свою конечную жизнь, которая и так обречена; ставя же «на орла», т. е. на существование Бога, мы можем выиграть бесконечно счастливую бесконечную жизнь».

Пьер Николь

XVII век

• Французский философ и богослов

Родился: 19.10.1625 г.
Умер: 16.11.1695 г.

Прожил — 70 лет

«Чтобы не быть безрассудным, недостаточно говорить истину, необходимо еще знать, что говоришь истину. Тот, кто утверждает, что число песчинок на дне морском чётно, быть может, говорит истину, и тем не менее он, несомненно, повинен в безрассудстве». *(Николь)*

■ **«Разве на Бога можно было бы роптать, если бы люди и впрямь мыслили его таковым, каков он поистине — всемогущ, всеведущ, всеблаг?!»** *(Николь)*

1. ЖИЗНЬ

• Занимался в Париже изучением богословия и еврейского языка.

• Был профессором в монастыре Пор-Рояль, где преподавал философию и логику и где сблизился с философом Антуаном Арно, совместно с которым создал несколько книг и, в частности, самый знаменитый пор-роялевский трактат — «Логика, или Искусство мыслить» (1662).

• Наряду с Арно, Николь был одним из главных янсенистов во Франции:

/ **Янсенисты** — верооппозиционная религиозная партия, названная так по имени своего духовного зачинателя К. Янсения — голландского католического богослова (профессора в Лувене и с 1635 г. епископа в Ипре). /

// Пор-Рояль был центром янсенизма. По этой причине в 1705 г. распоряжением короля Людовика XIV (1638 – 1715) монастырь был закрыт.* //

• Его следует отнести скорее к «кабинетным полемистам», поскольку в жизни он был слабым, робким и сдержанным. Однако в своих произведениях Николь, напротив, смело энергичен, размашисто отчаян и напористо дерзок.

• Долгие годы Николь пользовался покровительством герцогини Лонгельвийской, со смертью которой как вольнонастроенный мыслитель стал очень сильно уязвим.

---

* Во Франции янсенизм потерял значение к середине XVIII века. В Голландии последователи янсенизма создали самостоятельную церковь.

• В 1688 г. из-за начавшихся антиянсенистских преследований Николь бежит сначала в Германию, потом в Голландию.

• **Сочинения Николя:**

«Общая и рациональная грамматика» (1660);

«Вековечность веры католической церкви в отношении евхаристии, отстаиваемая против книги господина Клода» (1664):

/ Сочинение написано в соавторстве с Арно. /

// Жан Клод (1619 – 1687) — признанный глава протестантов во Франции в царствование Людовика XIV. //

/// Протестантизм — от слова «протест». Который случился вот по какому поводу. В XVI в. по всей Европе прокатилась волна широкого антикатолического движения — Реформация. В 1625 г. Шпейерский рейхстаг по требованию немецких князей-лютеран принял постановление о праве каждого немецкого князя выбирать религию для себя и своих подданных. Однако 2-й Шпейерский рейхстаг (1529 г.) отменил это постановление. В ответ от пяти князей ряда имперских городов последовал **протест**. ///;

«Воображаемое и визионеры» (2 тома, 1667);

«Моральные опыты и теологические поучения» (4 тома, 1671 – 1678);

«Трактат о средствах сохранения мира с людьми» (1671);

«Правомерные предубеждения против кальвинистов»;

«Так называемые протестанты, уличённые в раскольничестве»;

«Трактат об истинной и ложной красоте» (1695).

• Эрудиция Николя обширна, его знания вызывают уважение, он наизусть цитирует многих известных философов, писателей, поэтов. Вот лишь некоторое представление об объеме *классической* информации в его памяти:

▣ Фольклорные истины

- Все женщины болтливы.
- Все молодые люди непостоянны.
- Все старики хвалят прошлые времена.
- Глупо слушать льстецов.
- Лучше жить с драконом, чем со сварливой женой.
- Лучше быть брошенным в море с камнем на шее, чем соблазнить самого малого из верующих.
- Мудрость лучше силы.
- Умный человек лучше храброго.
- Смиренный человек лучше гордого.
- Зло для нас — мы же сами.
- Когда злые люди возносятся, это значит, что они уже́ хотят себе наказания.

▣ Знаменитые афоризмы

- Мудрец ничего не мнит (*лат.*).
- Нет ничего в разуме, чего прежде не было бы в чувствах (*лат.*).
- Не всегда умереть — столь большое несчастье (*лат.*).
- Только Богом надлежит наслаждаться, всем остальным — лишь пользоваться (*лат.*).
- Ты есть то, сколько ты имеешь (*лат.*).
- Бывают такие надежды, которые уже́ не надежды (*лат.*).

- Достоверно то, что нет ничего достоверного (*лат.*).
- Мудрость — это не только умение знать, но и умение не знать (*лат.*).
- «Ничто» не бывает причиной «чего-то» (*лат.*).
- Ведь ты не можешь любить человека и при этом его покинуть. (*Евангелие от Иоанна*)
- Все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу. (*Павел*)
- Когда мудрость изрекает бедняк, то она обесценивается. (*Соломон*)
- В один и тот же поток мы не входим дважды; имя потока остаётся, а вода уже утекла. (*Гераклит*)
- Свойство невежды — обходиться своим незнанием. (*Теренций*)
- Любить и быть разумным едва ли доступно даже Богу. (*Публилий Сир*)
- Величайшая из всех утрат — потеря друга. (*Он же*)
- Скупой не делает никакого добра, разве только то, что умирает. (*Он же*)
- Выбрав золотой середины меру,
  Мудрый избежит нищеты и уйдет от величья:
  Ведь известно, что блеск дворцов
  Рождает черную зависть. (*Гораций*)
- Если хочешь, чтобы я плакал, тебе надо скорбеть прежде самому.
  Ибо чувство способно откликаться только на чувство. (*Он же*)
- Лучшая критика — шутка;
  Трудных дел разрешенье — в слове легком, приятном, веселом. (*Он же*)
- Как счастлив тот, кто сумел познать причины вещей! (*Вергилий*)
- Давая — оставляешь навсегда за собой. (*Марциал*)
- Благородство есть единственная добродетель. (*Ювенал*)
- Скажите мне: могла ли здесь, на земле, под этим темным и влажным небом, посеяться и окрепнуть такая могучая сила, как память? (*Цицерон*)
- Что измельчено в пыль, то смутно. (*Сенека*)
- Мнить, а не знать весьма постыдно по двум причинам: ведь не может учиться тот, кто убедил себя, что уже владеет знаниями, да и сама по себе самоуверенность является признаком малоодаренной души. (*Августин*)
- Я мыслю, следовательно, я существую. (*Декарт*)
- Ум, мера, покой, движение, расположение, фигура
  Вместе с материей суть начала вещей. (*Х. Дюруа*)

• В конце жизни Николь вновь поселился в Шартре, городе, где родился и где прошло его детство.

• Последние его годы отмечены тем, что он совершенно отрёкся от янсенизма и рассорился со всеми бывшими приятелями по Пор-Роялю.

3. УЧЕНИЕ

♦ Все мы исполнены невежества и заблуждений, однако же никакими силами не вырвать у людей признания, столь справедливого и столь сообразного с человеческим уделом: «Я не прав» или «Я этого не знаю».

♦ Самая надежная философия — это лишь наука о незнании.

♦ Максимум познания — это познание минимумов нашего ума.

♦ О многом мы можем знать, но знание существования еще не гарантирует знания сущности.

♦ Разум научает нас всеобщему правилу о том, что вещь прекрасна, если она соответствует как своей, так и нашей природе. Таким образом, чтобы вещь была прекрасна, недостаточно, чтобы она соответствовала своей природе, необходимо, чтобы она имела связь с нашей природой.

∇ ◐ Соотнесение с нами. Оно делает вещи не только прекрасными, но и бесконечно открытыми по всё новому и новому пониманию. Примеряя мир на себя, мы очеловечиваем недоступное, а значит, создаём возможность для познания неизвестного.

Может ли быть скорость больше, чем скорость света? Конечно! Когда я перевожу взгляд с одной звезды на другую, я **прохожу** расстояния в миллионы километров за мгновение. Или озирая горизонт слева направо, или от себя до ближайшей звезды и т. д. и т. п.

/◐ Здесь только вопрос: что понимать под «пройти»: проехать, пройти пешком, обежать взором...? ◑/

♦ Полезно утомлять ум... тонкостями для того, чтобы умéрить его самомнение и отучить его от дерзновенного стремления противопоставлять свои слабые знания истинам, предлагаемым нам церковью, на том основании, что он не может их постичь.

♦ Если человеческий ум, насколько простираются его силы, вынужден пасовать перед самым ничтожным атомом материи и признать, что ясно видит, что он бесконечно делим, не будучи в состоянии понять, как это совершается, то не является ли грехом перед разумом отказываться верить в непостижимую саму по себе чудодейственную силу божьего всемогущества лишь на том основании, что наш разум не в состоянии этого понять?

♦ Когда мы думаем о вещах, обычно причиняющих человеку боль, то ведь нам не больно. Это значит, что так называемая телесная боль находится в теле, а не в душе.

♦ Ложную или истинную, ясную или темную идею составит человек о тяжести, о чувственных качествах, о действиях, о чувствах — от этого он не будет счастливее или несчастнее; и если это сделает его немного более или немного менее ученым, то ни более порядочным, ни более порочным человеком он от этого стать не может. Какого бы мнения мы ни придерживались относительно всех этих вещей, они пребудут для нас неизменными; их бытие не зависит от нашего знания, а наша жизнь не зависит от познания их бытия. Поэтому нам позволительно надеяться, что мы познáем их в иной жизни, и во всём, что касается мирового порядка, уповать на благость и мудрость того, кто управляет миром.

♦ Теперь-то, наконец, можно решить известный вопрос древних философов: существуют ли непристойные слова — и опровергнуть доводы стоиков, утверждавших, что можно пользоваться и такими выражениями, которые обычно признаются позорными и бесстыдными.

Они утверждают, говорит Цицерон в письме, написанном по этому поводу, будто вовсе не существует ни скверных, ни позорных слов. Ибо низость, рассуждают они, либо исходит от самих вещей, либо заключена в словах. Но она не исходит от самих вещей, поскольку их можно обозначить другими словами, которые не считаются непристойными. Нет ее

и в словах, если рассматривать их просто как звуки, поскольку, как показывает Цицерон, часто бывает, что один и тот же звук, обозначающий разные вещи, признаётся непристойным в одном значении, но не считается таковым в другом.

Однако всё это не более чем пустое изощрение. Дело в том, что философы не уделили должного внимания тем добавочным идеям, которые ум присоединяет к основным идеям вещей. Ибо отсюда явствует, что одна и та же вещь может быть пристойно обозначена одним звуком и непристойно — другим, если один из этих звуков прибавляет к ней еще какую-то идею, прикрывающую ее низость, а другой, напротив, представляет ее уму без всякого стыда.

♦ **Если церковь сгорела и вновь отстроена, то это та же церковь или уже другая?** Все предложения *такого* рода должны распознаваться по *этой* манере мыслить несколько разных субъектов в одной и той же идее, вследствие чего один и тот же термин обозначает то один, то другой субъект, так что ум не замечает перехода от одного субъекта к другому.

∇ ◐ Вопрос настолько же сложен, насколько занятен, и настолько же прост, насколько может быть понятным.

Мне представляется, что это проблема того, **как** следует понимать «исчезновение». Исчезает ли исчезающее?: если, к примеру, кукушка прокуковала, то в прошлое ушло кукование или кукушка?!

Считая, что кукования нет без кукушки, надо полагать, что вновь кукуюшая кукушка есть вовсе не та, что куковала до того. Но, может быть, кукушка есть **без** кукования?

Строго говоря — нет. Ибо определение кукушки требует, чтобы кукушка куковала: иначе перед нами лишь **якобы** кукушка, а не подлинно она.

А теперь самое главное. Если я задаюсь вопросом, куда делось ушедшее, то это значит, что я был наблюдателем имевшегося, до того, как оно стало ушедшим. И получается, что **уход** ***фактически бывшего*** означает не пропадание его, а всего лишь перемещение. Переход из состояния наличия в состояние памяти о нем. И пока я есть, пока я о нем помню, пишу, говорю, знаково и иным каким (например, рисую) способом фиксирую, до тех пор ***бывшее*** не перестаёт быть, а бытийствует в тех формах, в каких существование не переходит за черту «ничто».

Жизнь (пребывание) — это возможность транслирования своего бытия. Она прекращается, когда этот процесс обессмысливается: т. е. некому его продолжать, поддерживать, воссоздавать, помнить; или он перестаёт обладать для кого бы то ни было той значимостью, при которой внимание еще может считаться помнящим.

Так что церковь, пока она для нас церковь, будет определяться ее местоположенностью в момент первого ее восприятия и будет до тех пор такой, покуда будем мы и то место, что мы под нее отвели.

Кстати, здесь же кроются и причины того, почему нам приходится покидать родные места, когда с нами происходит что-то непоправимое. Знакомые продолжают воспринимать нас других теми, кем мы уже не являемся, и для нас это бывает или в силу стыда, или иной душевной боли невыносимым.

Человечсская жизнь лучше всего показывает, как не проходит то, что уже есть, и как не удается нам **перечеркнуть** ни одно событие, бывшее с нами.

Факт бытия тем любопытен, что, сколько бы ни ослаблялось наличное бытие бытия (вплоть до перехода через нуль), сам факт факта бытия не претерпевает никаких умалений: он неизменно тождествен, однозначен, самодостаточен. ◑

♦ Никакой вздор не бывает настолько несносным, чтобы ни у кого не встретить одобрения. Всякий, кому придёт охота дурачить народ, может быть уверен, что найдет людей, только того и ждущих, чтобы их одурачили, и для самых смехотворных нелепостей всегда сыщется ум, которому они будут под стать. Как посмотришь, скольким вскружили голову бредни астрологии судеб — ведь даже среди степенных людей иные воспринимают этот предмет всерьез, — ничему уже не станешь удивляться. Есть на небе созвездие, которое кому-то заблагорассудилось назвать Весами; оно так же похоже на весы, как и на ветряную мельницу. Весы — символ справедливости и беспристрастия; стало быть, родившиеся под этим созвездием будут справедливыми и беспристрастными. Есть в зодиаке три других знака: Овен, Козерог, Телец; с таким же успехом они могли бы называться Слон, Носорог, Крокодил. Овен, козерог и телец — жвачные животные; стало быть, у того, кто принимает лекарство в период, когда Луна расположена под этими созвездиями, есть основания опасаться, как бы его желудок нс изверг принятое снадобье. При всей нелепости подобных рассуждений находятся и те, кто их преподносит, и тс, кому они кажутся вполне убедительными.

Эта неправильность ума порождает не только те заблуждения, которые проникают в науки. Она является причиной большей части ошибок, совершаемых нами в повседневной жизни: беспочвенных раздоров, безосновательных тяжб, скоропалительных решений, непродуманных начинаний. Всё перечисленное редко имеет иной источник, помимо какой-нибудь погрешности или ошибки в суждении, так что исправить названный недостаток для нас важнее, чем какой-либо другой.

♦ **О неоднозначности терминов...** Если я, к примеру, говорю: «В армию Ма́рия* набирали людей ростом не менее шести футов», то сложный термин «человек ростом не менее шести футов» не может быть неоднозначным вследствие заблуждения, так как нетрудно измерить людям рост, чтобы узнать, достигают ли они шести футов. Но если бы сказали, что надо набирать только храбрых людей, термин «храбрые люди» уже мог бы быть неоднозначным вследствие заблуждения, т. е. его могли бы применять к людям, которых считали бы храбрыми, но которые не были бы такими на деле.

[...]

Так, выраженис *истинная религия* обозначает одну-единственную религию, а имснно католическую, ибо только она является истинной. Но оттого что каждый народ и каждая секта истинной признают только свою

* **Марий Гай** (157 – 86 гг. до н. э.) — римский полководец, консул.

религию, это словосочетание в устах людей весьма многозначно, хотя и вследствие заблуждения. И если мы читаем у историка, что некий государь был ревнителем истинной религии, мы не можем сказать, что́ он под этим понимает, если не знаем, какую религию он исповедовал. Ведь если он протестант, это означало бы протестантизм; если бы так говорил о своем правителе араб-магометанин, это означало бы магометанство; и мы не могли бы сделать вывод, что речь идет о католицизме, если бы не знали, что этот историк был католиком.

[...]

Хотя у Аристотеля была одна-единственная точка зрения по тому или иному вопросу, понимается она по-разному, и поэтому слова *мнение Аристотеля* неоднозначны вследствие заблуждения; ведь каждый называет мнением Аристотеля то, что он сам принимает за его подлинное мнение, и, таким образом, поскольку один разумеет одно, а другой — другое, слова «мнение Аристотеля по такому-то вопросу», сколь бы индивидуальными они ни были сами по себе, могут относиться ко многим вещам, а именно ко всем тем различным мнениям, которые ему приписали, и в устах каждого человека они будут обозначать то, что представляется ему мнением названного философа.

♦ Только торопливостью ума можно объяснить ту медленность, с какой мы приближаемся к истине.

♦ О смутных предметах почему-то судят смелее всего.

♦ Люди нарочно подвергают сомнению истины религии, предпочитая оставаться во мраке: это состояние для них приятно и удобно, ибо оно позволяет им избавиться от угрызений совести и дать волю своим страстям.

♦ Хотя и ясно, что огонь, воздействуя на наше тело, вызывает у нас ощущение тепла, но отнюдь не ясно, что в огне есть нечто подобное тому, что мы ощущаем, находясь вблизи огня; хотя и ясно, что камень, выпущенный из рук, летит вниз, отнюдь не ясно, что он падает сам по себе, без всякого внешнего толчка.

∇ ◐ Задавшись философскими вопросами — а они таковы, что являются показателем сомнения в достоверности суммарно понимаемого человеческого знания в некий момент времени, — люди двигаются дальше; хотя при этом и вынуждены критиковать имеющееся, насмехаться над ним, сдавливать его в тисках анализирующего разума. Это подобно тому как, чтобы прыгнуть вверх или вперед, нам приходится оттолкнуться от земли, т. е. в каком-то смысле причинить ей боль, неудобство.

Мир никогда не ответит на наши вопросы. И не потому, что они сложны или безответны. Просто он, мир, не способен отвечать! Не входит такое свойство в набор присущих ему характеристик! Отвечать — удел людей, так как они способны задавать вопросы.

Вот почему отвага на вопрос есть залог права на ответ. А ответ — это ответы, и их столько, сколько раз мы будем спрашивать, ибо ответ есть функция вопроса, его, вопроса, отражение, его, вопроса, превращение, как — я прибегаю сейчас к эквивалентной аналогии — выстрел

есть поражение*. И то, каким оно будет, зависит исключительно от того, чем и куда стреляли.

Мучая других своими догадками, Николь лишь внешне резвился. На самом же деле он искал успокоения, которого подсознательно страстно желал и жаждал: скептицизм и неверие способны сломить хоть кого. Ведь каким бы ни был ярким день, дым способен затмить свет солнца. Не в природе надо искать загадки: в ней есть только то, что есть. В этом смысле она проста, пряма, откровенна. Путать, темнить, усложнять — можем только мы. Здесь отгадка! ◑

♦ Почему-то происходит так, что уму человеческому более замысловатое представляется и более истинным. Не всегда **очевидность** мы хотим и способны считать таковою.

/■■ Например, те, кто утверждает, что в куске дерева, кроме частиц, их расположения, фигур, движения или покоя и промежутков между частицами, есть еще отличная от всего этого субстанциальная форма, думают, что они говорят истину, однако они говорят то, чего ни они сами, ни кто-либо другой никогда не понимал и не поймет.

И наоборот, если им объясняют действия природы через чувственно не воспринимаемые частицы, из которых состоят тела, — через их различное положение, величину, фигуру, движение или покой и промежутки между ними, открывающие или закрывающие проход другим веществам, они думают, что всё это одни химеры, хотя им не говорят ничего такого, чего нельзя было бы легко себе представить. У них в голове происходит странная путаница: сама легкость, с какой они представляют себе эти вещи, внушает им мысль, что они не являются истинными причинами наблюдаемых в природе действий, что причины эти более таинственны и сокровенны. Поэтому они больше расположены верить тем, кто всё объясняет через начала, которых они не представляют, нежели тем, кто пользуется только такими началами, которые им понятны. ■/

4. МЫСЛИ

◪ Никто не может воздержаться от суждений о хорошем и дурном, ибо на основе таких суждений до́лжно избирать для себя образ действий, подчинять определенным правилам свои поступки, предуготовляя себе вечное блаженство или вечные муки. А так как ложные идеи о хорошем и дурном служат источником превратных суждений, то неизмеримо важнее было бы прилагать усилия к тому, чтобы распознавать их и исправлять, нежели к тому, чтобы пересматривать те идеи, которые мы вследствие поспешных суждений или предубеждений нашего детства образуем о явлениях природы, составляющих предмет одного лишь бесплодного умозрения.

◪ Есть желудки, способные переваривать только легкую и нежную пищу; точно так же иные умы способны усваивать лишь такие истины, которые не представляют трудности, да притом еще облачены в ризы красноречия. И то и другое — изнеженность, достойная порицания, а попросту говоря, слабость. Надо, чтобы ум научился доискиваться до

* Речь идет о поражении цели.

истины, даже когда она глубоко спрятана и скрыта от нашего взора, и воздавать ей должное, в каком бы виде она ни представала. Кто не может побороть в себе неприятия и отвращения, легко вызываемых у всякого из нас теми тонкостями, которые кажутся нам схоластическими, тот незаметно сужает свой умственный кругозор и мало-помалу утрачивает способность понимать такие вещи, для познания которых требуется связать несколько положений. И если какая-то истина следует из трех-четырех принципов, так что ум должен охватить их единым взором, подобные люди чувствуют себя как бы ослеплёнными и в растерянности отступают. Тем самым они лишают себя многих полезных познаний, а это потеря немалая.

- Педантство* — порок ума, а не профессии. Педанты рядятся в самые разные одеяния, они бывают любого звания и сословия. Выпячивать то, что не заслуживает внимания, выставлять свою ученость напоказ; бездумно нагромождать греческий и латынь; распаляться в спорах о порядке месяцев аттического календаря или об одежде македонян и в других пустых словопрениях подобного рода; обкрадывать автора и при этом еще осыпать его бранью; наносить величайшие оскорбления тем, кто расходится с нами в толковании отрывка из Светония или в объяснении этимологии слова, как если бы речь шла о религии и государстве; добиваться, чтобы все ополчились против человека, не питающего должного уважения к Цицерону, словно против какого-нибудь возмутителя общественного спокойствия, как это делал Скалигер в отношении Эразма; заботиться о репутации древнего философа, как будто он приходится нам близким родственником, — вот что по праву можно назвать педантством. Но какое же педантство в том, чтобы знать самому и разъяснять другим искусственные слова, придуманные изобретательными людьми единственно для облегчения памяти? Только употреблять их нужно, как мы уже сказали, с надлежащей осторожностью.
- Обычно, применяя правила, люди редко отдают себе в этом отчет.
- Благоразумие иногда требует сообразовываться с такими суждениями, которые мы считаем несправедливыми.
- Я могу лишь присоединиться к тому мнению, что правила Аристотелевой логики служат лишь затем, чтобы доказать другому то, что уже знаешь сам.
- После грехопадения человек утратил свое истинное величие и истинное совершенство, и, чтобы не возненавидеть себя, ему приходится воображать себя не таким, каков он есть в действительности: он должен избегать всякой мысли о собственной ничтожности и убогости и включать в свою идею о себе самом много такого, что совершенно с нею не связано, дабы она представала более величественной и возвышенной.

---

* **Педáнт** [*итал.* pedante; *букв.* педагог, учитель] — 1) буквоед, формалист; 2) человек, отличающийся чрезмерной, преувеличенной аккуратностью.

С середины XV в. этим словом отмечали любого, кто выставлял напоказ свои знания или гордился схоластической ученостью.

Во Франции XVII в. *педантами* назывались платные учителя, преподававшие в коллежах или частных домах.

87 Спино́за

XVII век

Барух де Спиноза

• Голландский философ

Родился: 24.11.1632 г.
Умер: 21.02.1677 г.

Прожил — 44 года

«Смотри на всё с точки зрения вечности».[8] *(Спиноза)*

■ **«Истинное счастье и блаженство человека состоят только в мудрости и познании истины».** *(Спиноза)*

■ **«Во мне... треволнения не возбуждают ни смеха, ни даже слез, ни тем более ненависти, но побуждают меня к философствованию и к более обстоятельному наблюдению над человеческой природой».** *(Спиноза)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Амстердаме в семье купца.
• Его родители перебрались в Нидерланды из Португалии, и их фамилия звучала на португальский лад «Эспиноса».
• Учился в Амстердаме в семиклассном еврейском училище, предназначенном для подготовки раввинов*.
• Однако завершить учебу ему не пришлось, поскольку отцу его нужен был помощник в ведении торговых дел.
• После смерти отца Спиноза еще некоторое время продолжал заниматься доставшимся ему по наследству делом.
• С юных лет душа Спинозы была устремлена к знаниям и вершине их — философии. Он в совершенстве овладел латинским языком и даже стал именоваться в латинизированной транскрипции — Бенедиктом.
• Спиноза организовал в Амстердаме небольшой философский кружок единомышленников, который посещали и его друзья — молодой купец Ярих Иеллес и амстердамские врачи Шуллер и Мейер.
• Спиноза осуждал иудаизм, не признавал синагогу с ее обрядностью. Он не мог мириться с ограничениями свободы совести и был открыт и откровенен в высказываниях своей точки зрения.
• Спиноза не оправдал возлагавшихся на него училищем надежд и не стал светилом иудейской религии. В своей тяге к наукам молодой мыс-

* **Равви́н** (*др.-евр.* rabbi; *букв.* наставник мой) — служитель культа, духовный руководитель верующих в еврейской религиозной общине.

литель всё более и болсе отчуждался от общины. Пик конфликта вероисповеданий произошел в 1656 г., когда Спиноза был подвергнут общинному остракизму и навеки проклят.

• Активисты синагоги не прощали вероотступников. Однажды при выходе из театра на Спинозу предательски напал один еврей, который нанес ему удар ножом. Рана была легкой, но намерения покушавшегося не оставляли сомнений. Спиноза после этого случая окончательно порвал с евреями.

• Особенно плодотворными для философских занятий Спинозы были утренние часы, причем довольно ранние — он вставал в пять часов и до девяти работал очень интенсивно...

• Спиноза оказался весьма искусен в прикладных сферах физики и математики. Не имея других источников дохода, он зарабатывал на хлеб шлифовкой оптических стекол.

• Любимой забавой Спинозы было смотреть на бои пауков, которых он сажал в специальную, удобную для этих целей банку.

• Следуя «Началам» древнегречсского геометра Евклида, Спиноза, пожалуй, первым, с точки зрения системности и безукоризненности, попробовал применить *«математический» метод изложения материала* в философии и очень наглядно, восходя по ступеням определений, постулатов, аксиом, теорем, лемм*, схолий** и королляриев***, сумсл интересно и даже как-то по-молодецки захватывающе изложить метафизику и этику. Эта **философская работа по геометрическим правилам** выявила в Спинозе оригинальную смелость самостоятельного мыслителя с нестандартной и безудсржно дерзновенной философией:

/■■■ Несколько примеров использованного Спинозой приема:

Определение 1. Бог есть существо, состоящее из бесчисленных атрибутов, из которых каждый бесконечен или в высщей степени совершенен в своем роде.

Определение 2. Под атрибутом или субстанцией я понимаю то, что́ существует в себе и мыслится через себя и в себе, так что понятие о нём (атрибуте) или о ней (субстанции) не заключает в себе понятия какой-нибудь другой вещи.

Определение 3. Под модификацией или акциденцией я разумею то, что́ существует в другом и мыслится через это другое, в котором оно существует.

Аксиома 1. Субстанция по своей природе первичнее своих акциденций.

Аксиома 2. Кроме субстанций и акциденций ничего не существует в реальности или вне ума.

Аксиома 3. Вещи, обладающие различными атрибутами, не имеют между собой ничего общего.

Аксиома 4. Вещи, не имеющис ничего общего между собой, не могут быть одна причиною другой.

---

* **Ле́мма** (*греч.* λεμμα) — вспомогательная теорема, которая в цепи логических умозаключений служит для доказательства других теорем.

** **Схо́лия** (*греч.* σχολιον) — примечание, пояснение к тексту.

*** **Королла́рий** (*лат.* corollarium) — добавление, следствие, вывод.

Теорема 1. В природе не может существовать двух субстанций, имеющих один и тот же атрибут.

Теорема 2. Субстанция не может быть произведена ничем, даже и другой субстанцией, но существование принадлежит к сущности субстанции.

Теорема 3. Каждая субстанция по природе своей бесконечна или в высшей степени совершенна в своём роде.

Схолия. Существование атрибута или субстанции следует из их определения. Ибо всякое определение или всякая ясная и отчетливая идея истинны.

Теорема 5. Существование субстанции, так же как и ее сущность, есть вечная истина.

Теорема 14. Кроме Бога, никакая субстанция не может ни существовать, ни быть представляема. ■/

• То, что Спиноза сказал о Боге, до него не говорил никто. Или не додумались бы, или побоялись...:

♦ В природе Бога не имеют места ни ум, ни воля. Из высочайшего могущества Бога, иными словами, из бесконечной природы его необходимо и всегда всё следует — бесконечное в бесконечном многообразии — точно так же, как из природы треугольника от вечности до вечности следует, что три угла его равны двум прямым. Поэтому всемогущество Бога от вечности было действующим (актуально) и навеки останется в той же самой действенности (актуальности).

• ◐ На мой взгляд, ключ к Спинозе, т. е. ко всем его взглядам, выводам и построениям, следующий:

если, по Фейербаху, *каждый человек в известной степени атеист*, то на примере Спинозы видно более конкретное и точное понимание существа дела: к а ж д ы й ч е л о в е к а т е и с т в с т е п е н и и з в е с т н о г о. ◑

• **Сочинения Спинозы:**

«Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье»:

/ Латинский оригинал этого самого раннего произведения Спинозы утерян. Составленное в 1658 – 1660 гг., оно было впервые опубликовано лишь в 1862 г. /;

«Основы философии Рене Декарта» (1663):

/ Финансирование издания этого текста осуществил Иеллес. Это единственное произведение Спинозы, вышедшее при его жизни под его именем. /;

«Трактат об усовершенствовании разума»:

/ Труд этот, начатый в 1661 г., остался незаконченным; он был подготовлен к печати и опубликован после смерти Спинозы. /;

«Богословско-политический трактат» (1670):

/ Издание вышло анонимно, с ложно обозначенным местом издания (Гамбург вместо Амстердама). /;

«Этика»:

/ Произведение написано в 1675 г., но издать его Спинозе не удалось.

■■■ Есть легенда, будто Спиноза в «Этике» первоначально употребил слово «природа», а не «Бог», но по предложению своего друга Людовика Мейера (1630 — 1681) наконец поставил вместо слова «природа» имя «Бог». ■/;

«Политический трактат»:

/ Произведение не окончено... /

• Переписка Спинозы насчитывает 86 писем (49 писем его собственных и 37 писем к нему).

• Всю жизнь Спиноза страдал от болезни легких.

• Сохранился портрет Спинозы, написанный анонимным художником. Но наиболее интересно образ Спинозы передан русским скульптором М. М. Антокольским (1843 — 1902). Более 10 лет, с 1872 по 1883 г., продолжалась работа: были и бесчисленные эскизы, и лепка головы философа в натуральную величину, и поездка Антокольского в Амстердам, чтобы «заглянуть в ту среду, откуда вышел Спиноза, и подышать тамошним воздухом».

Любопытна была и задача, поставленная перед скульптором заказчиком Г. Гинцбургом: выявить внутреннюю жизнь философа, изобразив его в состоянии покоя.

Статуя (*см.* с. 224) передаёт сложный духовный мир Спинозы. Психологическое состояние показывается главным образом через индивидуально-харáктерную трактовку лица и рук. Именно лицу, его выражению, а также форме рук уделено чрезвычайное внимание. В образе Спинозы преобладают грустная задумчивость, усталость, тихое внутреннее страдание.

• В 1676 г. Спинозу посетил 30-летний Готфрид Лейбниц, считавшийся тогда одним из самых знаменитых философов-рационалистов. Между ними состоялись продолжительные беседы.

• Предпоследний год жизни оказался немилосердным для философа. Казалось, что из судьбы вырвалась вся злоба, которую она долгое время бессильно (а может быть, коварно щадя) таила против Спинозы. У него началась скоротечная чахотка, обострённая вдыханием в легкие стеклянной пыли во время полирования линз.

• Умер Спиноза в ужасающей бедности, лежа на голой деревянной кровати в крошечной комнатке, обобранный чуть ли не до нитки своими же собственными сестрами. Чувствуя, что конец его близок, Спиноза позвал хозяйку и попросил ее позаботиться о том, чтобы никакой священник не был допущен к его смертному одру. Он поступил так потому, что боялся проявить слабость в последние непроизвольные минуты жизни и дать повод противникам своим извлечь выгоду из его уступок своим принципам.

2. СУДЬБА

► **Формула отлучения, которому раввины еврейской общины подвергли Спинозу:**

«По произволению ангелов и приговору святых мы отлучаем, изгоняем и предаём осуждению и проклятию Баруха д'Эспинозу с согласия святого Бога и всей этой святой общины...

Да будет он проклят и днем и ночью. Да будет проклят, когда ложится и когда встает ото сна. Да будет проклят при выходе и при входе! Да не

простит ему Господь Бог, да разразятся его гнев и его мщенис над человеком сим, и да тяготят над ним все проклятия, написанные в книге законов. Да сотрёт Господь Бог имя его под небом и да предаст его злу, отделив от всех колен израилевых, со всеми небесными проклятиями, написанными в книге законов. Вы же, твердо держащиеся Господа вашего Бога, все вы ныне да здравствуете.

Предупреждаем вас, что никто не должен говорить с ним ни устно, ни письменно, ни оказывать ему какую-либо услугу, ни проживать с ним под одной кровлей, ни стоять от него ближе чем на четыре локтя, ни читать ничего им составленного или написанного».

► **Джон Толанд:**

«Вся система Спинозы не только ошибочна, но в корне неверна и лишена всякого основания».

► **Пьер Бейль** (*Исторический и критический словарь*, статья «Спиноза»):

⊙ «Спинозисты, может быть, единственные, кто свел божество к убожеству. И к какому убожеству? Порой столь великому, что Бог впадает в отчаяние и готов уничтожить себя, если бы только это было в его силах...»

⊙ «Спинозизм — самая чудовищная и самая абсурдная гипотеза, которую только можно себе представить».

► **Джордж Сантаяна** /(1863 – 1952), американский писатель и философ/. Ему по прочтении спинозовской «Этики» пришла в голову такая мысль:

«Единственным истинным достоинством человека является способность презирать себя».

► **Бертран Рассел** /(1872 – 1970), английский математик, логик, социолог и философ/:

«Мне нравится математика, так как она внечеловечна и не имеет ничего общего ни с этой планетой, ни со случайностью существования Вселенной — подобно спинозовскому Богу, который и не собирается любить нас в ответ на наше чувство».

3. УЧЕНИЕ

♦ Я вовсс не претендую на то, что открыл наилучшую философию, но я знаю, что постигаю истинную. Если же меня спросят: каким образом я знаю это? — то я отвечу: таким же образом, каким мы знаем, что три угла треугольника равняются двум прямым.

♦ Я не так отделяю Бога от природы, как это делали все известные мне мыслители:

/■■ Конечно же, ведь мысль Спинозы сводится к тому, что всё внимание Бога обращено к природе, в ней Он выражает Себя; человек же часть природы (Вселенной), поэтому-то и нелепо говорить и думать, что Бог делает что-то специально только для человека. А ведь это общее место всех религий — зацикливать Бога на человеке.

Выходит, что Спиноза вынимает из здания церковной догматики фундамснтный камень... ■/

♦ Бог, или субстанция, или природа (Deus sive substantia sive natura).
♦ Итак, прежде всего скажу, что Бог есть абсолютно и действительно причина всего, обладающего сущностью, что бы это ни было.
♦ Бог есть вещь мыслящая... Бог есть вещь протяжённая...
♦ Истина есть сам Бог.
♦ ...Бог, скажем о его атрибутах... из них нам известны лишь два: **мышление** и **протяжение**.
♦ ...Бог — важнейшая причина своих творений, которые он непосредственно создал, как, например, движение в материи и т. д.
♦ Природа и боги сумасбродствуют не менее людей.
♦ Что касается философии и теологии, то ни та, ни другая не прислуживают одна другой... но каждая владеет своим царством без всякого сопротивления со стороны другой...
♦ Мы действительно слуги, даже рабы Бога... и наше высшее совершенство состоит в том, чтобы необходимо быть ими...

Ибо единственное совершенство и последняя цель раба и орудия состоит в том, чтобы надлежащим образом исполнять возложенную на них службу. Если, **например**, плотник при какой-нибудь работе находит большую помощь в своем топоре, то этот топор достиг своей цели и своего совершенства. Если же он подумал бы: этот топор хорошо послужил мне, поэтому я оставлю его в покое и не буду им пользоваться, то именно тогда этот топор был бы чужд своей цели и не был бы уже топором. **Так и человек**, пока он составляет часть природы, он должен следовать ее законам. Это и есть богослужение. Пока он делает это, он счастлив. Если же Бог (так сказать) захотел бы, чтобы человек более не служил ему, то это было бы то же самое, что лишить его счастья и уничтожить, так как всё, что он есть, состоит в том, что он служит Богу.
♦ Люди неизвиняемы перед лицом Бога только по той причине, что они находятся во власти самого́ Бога, подобно тому как глина находится во власти горшечника, который из одной и той же массы делает различные сосуды — одни для почетного, другие для низкого употребления.[9]
♦ В философии же мы ясно сознаём, что атрибуты, делающие человека совершенным, так же мало могут быть применены к Богу, как к человеку те атрибуты, которые делают совершенным слона или осла.
♦ Есть природа порождающая (natura naturans), т. е. существующее само в себе, и есть природа порождённая (natura naturata), т. е. нечто, вытекающее из, з а в и с и м о е.
♦ Я считаю непозволительным для себя смеяться над природой, а еще менее позволительным оплакивать ее, имея в виду, что люди, как и всё остальное, суть только часть природы и что мне неизвестно, каким образом каждая отдельная часть природы согласуется с ее целым и как она сцеплена с остальными частями. И я нахожу, что только этот недостаток знания и был причиною того, что некоторые вещи, воспринимаемые мною лишь частично и как бы в изувеченном виде и расходящиеся с нашими философскими воззрениями, казались мне прежде ничтожными, беспорядочными и нелепыми. Теперь же я предоставляю каждому жить по своему праву...
♦ О совершенстве вещей до́лжно судить не по их приемлемости или полезности для человека, а исключительно по их природе и способности.

♦ Когда люди говорят, что то или другое действие тела берёт свое начало от души, имеющей власть над телом, они не знают, что говорят, и лишь в красивых словах сознаются, что истинная причина этого действия им неизвестна.

♦ В природе нет ничего, что можно было бы приписать ее недостатку.

♦ В природе вещей нет ни одной отдельной вещи, могущественнее и сильнее которой не было бы никакой другой. Но для всякой данной вещи существует другая, более могущественная, которой первая может быть разрушена.

♦ Случайной же какая-либо вещь называется единственно по несовершенству нашего знания.

♦ Законы и правила природы везде и всегда одни и те же.

♦ Для всякой вещи должна быть причина или основание (causa seu ratio) как ее существования, так и несуществования.

♦ Природа не предназначает никаких целей, и все так называемые «конечные причины» составляют только человеческие вымыслы.

♦ Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей.

♦ Вы спрашиваете меня, можно ли из одного понятия протяжения доказать разнообразие вещей. Полагаю, что я уже достаточно ясно показал, что это невозможно и что поэтому материя плохо определена Декартом через протяжение, но что она необходимо должна быть объясняема через атрибут, который выражал бы вечную и бесконечную сущность. Но об этом я, быть может, когда-нибудь, если буду жив, поговорю с вами более ясно. Ибо до сих пор я не имел возможности привести в надлежащий порядок то, что имеет отношение к этому вопросу.

(*Из письма Спинозы Эренфриду Вальтеру фон Чирнгаусу.* Через семь месяцев после написания этого письма Спиноза скончался.)

♦ Представьте себе, пожалуйста, что камень, продолжая свое движение, мыслит и сознаёт, что он изо всех сил стремится не прекращать этого движения. Этот камень, так как он сознаёт только свое собственное стремление и так как он отнюдь не индифферентен, будет думать, что он в высшей степени свободен и продолжает движение не по какой иной причине, кроме той, что он этого желает. Такова же та человеческая свобода, обладанием которой все хвалятся и которая состоит только в том, что люди сознают свои желания, но не знают причин, коими они детерминируются.

♦ Бытие — это всё то, что при ясном и отчетливом восприятии необходимо существует или по крайней мере может существовать.

♦ Философы впадают в ошибки, когда судят о вещах по их именам, а не об именах по вещам.

♦ Химера — это словесное существо.

♦ Отличается ли сущность от существования? У Бога сущность не отличается от существования. В других же вещах сущность отличается от существования; так она может быть представлена без последнего, как это бывает у ваятелей, которые сначала представляют себе еще не существующую статую, а затем преподносят ее существующей.

♦ К природе вещи относится то, без чего она не может ни существовать, ни быть понята; но этого недостаточно; нужно, чтобы это предложение всегда могло быть обращено, то есть чтобы сказуемое также не могло без вещи ни существовать, ни быть понято.

♦ Сущность вещей, поскольку они все существуют в божественной сущности, вечна.

♦ Сущность вещей, произведённых Богом, не заключает в себе существования.

♦ Каждое мгновение Бог своим содействием продолжает порождение всего. Все вещи существуют не своей, а его силой...

♦ Если иметь в виду, что все вещи зависимы от Бога, то в природе нет ничего случайного.

♦ Каждый человек хочет или поступает так, как это Бог от вечности решил, чтобы он именно этого хотел и именно так поступал. Но как это можно согласовать с человеческой свободой, превосходит нашу способность понимания.

♦ Время — не состояние вещей, а только модус мышления, или, иначе, мысленное бытие.

♦ Многие из сегодня приписываемых Богу атрибутов (как, например, «добро» и «зло») до сотворения мира подходили ему только в возможности.

♦ Поскольку бытие Бога вечно, то в нем не может быть никакой длительности, т. е. ни раньше, ни позже...

♦ Человек есть часть природы, связанная с остальными частями, телом своим и душой ежемгновенно воспроизводимый Богом, предопределён к тому, чтобы познать вещи такими, какими Бог их сотворил.

♦ То, что знает Бог, так же мало походит на то, что знает человек, как созвездие Пса — на лающее животное, и, может быть, еще меньше.

♦ Философ спрашивает не о том, что Бог может сделать в своём всемогуществе, но он судит о природе вещей по законам, которые Бог им дал; поэтому он считает прочным и незыблемым то, что он может вывести из этих законов как прочное и незыблемое.

♦ Бог — это несотворённая субстанция.

♦ Субстанция мыслящая и субстанция протяжённая составляют одну и ту же субстанцию, понимаемую в одном случае под одним атрибутом, в другом — под другим.

♦ Природа субстанции такова, что каждый из ее атрибутов... выражает реальность или бытие субстанции.

♦ Душа — мыслящая вещь, она побуждается (а не принуждается!) внешними вещами к действиям и по своей природе имеет власть и могущество хотеть и не хотеть, утверждать или отрицать. Хотения души есть ее воля... Равновесие воль — в примере Буридана с его ослом — напрочь забывает, что человек есть существо мыслящее... а если продолжать иметь в виду опять же осла, то у осла не может быть воли...

♦ Между волением и отдельными хотениями такая же разница, как между белизной и отдельными предметами белого цвета.

♦ Под волей я разумею способность утверждения или отрицания, а не желание...

♦ *Королларий.* Воля и разум — одно и то же.

Доказательство. Воля и ум не составляют ничего, помимо отдельных волевых явлений и идей. Отдельное же волевое явление и идея — одно и то же. Следовательно, воля и разум (intellectus) — одно и то же; что и требовалось доказать.

♦ Природу и силу аффектов и то, насколько душа способна умерять их, никто, насколько я знаю, не определил. С моей же точки зрения, аффекты — ненависть, гнев, зависть и т. д. — вытекают из той же необходимости и могущества природы, как и все остальные единичные вещи, и, следовательно, они имеют известные причины, через которые они могут быть понятны...

♦ Чтобы я знал, что знаю, я по необходимости должен сначала знать.

∇ ◐ Это замечание Спиноза бросает мимоходом, с той же наивной щедростью, с какой бы, скажем, миллиардер мог бы обронить золотую запонку.

Но это высказывание еще не цитировал никто, в то время как сократовское — «Я знаю, что я ничего не знаю» — на разные лады повторяют все. Видимо, в натуре человека есть неистребимая тяга к ложным формулам. Лишь бы красиво! Лишь бы непонятно! А еще лучше, в парадоксальной манере, чтобы для мозга позадиристее было.

А ведь указанная мысль Сократа сродни Эпименидову «Лжецу». Она броска и эффектна, но она совершенно неправомерна в истоках. Конечно же, это речевая небрежность, конечно же, это двусмысленность непродуманного словоупотребления: если «знаю», то откуда «не знаю»?; если «не знаю», то зачем же говорить «знаю»?!

Подход же Спинозы куда интереснее: оказывается, разум, не зная себя и впервые увидев, может не узнать себя. То есть относительно себя думать, как о чужом...

Но тогда как к проявляющемуся эффекту относиться? Как к проблеме с бабочкой Чжуан-цзы? Или воспользоваться советом Конфуция по исправлению имен?

В любом случае, даже если бы Спиноза ничего больше не сказал, кроме вышеупомянутого суждения, одного этого было бы достаточно, чтобы имя этого глубокомысленного еврея попало на философские скрижали. ◑

♦ Есть сторонники учения, исповедывающего лукавую аргументацию — приведение не к невозможному, а к незнанию.

Так, если бы, например, с какой-либо кровли упал камень на чью-нибудь голову и убил его, они будут доказывать — храня приверженность своему доводу, — что камень упал именно для того, чтобы убить человека; так как если бы он упал не с этой целью по воле Бога, то каким же образом могло бы случайно соединиться столько обстоятельств (так как часто их соединяется весьма много)? Вы ответите, может быть, что это случилось потому, что подул ветер, а человек шел по этой дороге. Однако они будут стоять на своём: почему ветер подул в это время? почему человек шел по этой дороге именно в это же самое время? Если вы опять

ответите, что ветер поднялся тогда потому, что море накануне начало волноваться при спокойной до тех пор погоде, а человек был приглашен другом, они опять будут настаивать, так как вопросам нет конца: почему же море волновалось? почему человек был приглашен в это время? И, таким образом, не перестанут спрашивать о причинах причин до тех пор, пока вы не прибегнете к воле Бога, т. е. к asylum ignorantiae (убежище незнания).

♦ Дух вечен, так как он воспринимает вещи в форме вечности.

♦ Вещи не могли быть произведены Богом никаким другим образом и ни в каком другом порядке, чем произведены.

♦ То вечное и бесконечное существо, которое мы называем Богом, или природой, действует по такой же необходимости, по какой оно существует.

♦ Люди не творятся из ничего, а только порождаются и... тела их существовали уже раньше, хотя и в другой форме.

♦ Интеллект, даже и бесконечный, принадлежит к природе созданной, а не создающей.

♦ Я, как и апостолы, не отрицаю того, что Христос воскрес из мертвых и действительно вознёсся на небо. Но я заключаю, что воскресение Христа из мертвых было в действительности **духовным** и было открыто лишь верующим, сообразно с их пониманием...

♦ Для того чтобы люди могли жить согласно и приходить друг другу на помощь, необходимо, чтобы они поступились своим естественным правом и обязались друг другу не делать ничего, что может служить во вред другому.

♦ Люди не рождаются гражданами, но становятся.

/■■ Люди по природе стремятся к гражданскому состоянию, и такого не может быть, чтобы они когда-нибудь совершенно из него вышли. И причина здесь — страх. Страх одиночества, который присущ всем людям. В одиночестве ведь никто не обладает силами, достаточными для самозащиты и для снискания всего необходимого к жизни. ■/

4. МЫСЛИ

- Как свет обнаруживает и самого себя, и окружающую тьму, так и истина есть мерило и самой себя, и лжи.
- Конечно, для людей было бы гораздо лучше, если бы во власти человека одинаково было как молчать, так и говорить. Но опыт более чем достаточно учит, что язык всего менее находится во власти людей.
- Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни.
- Наши страсти не в нашей власти. Мы различным способом возбуждаемся внешними причинами и волнуемся, как волны моря, гонимые противоположными ветрами, не зная о нашем исходе и судьбе.
- Всякое определение есть ограничение.
- Если бы с человеческой природой дело обстояло таким образом, что люди жили бы по предписанию разума и не уклонялись бы в сторону, то право природы, поскольку оно рассматривается как свойственное человеческому роду, определялось бы одной мощью разума. Но люди скорее следуют руководству слепого желания, чем разума...

- Философы смотрят на... аффекты как на пороки, в которые люди впадают по своей вине. Поэтому они имеют обыкновение высмеивать их, порицать или клясть (последним занимаются те, кто не прочь надеть личину святости). Превознося, таким образом, на все лады ту человеческую природу, которой нигде нет, и позоря ту, которая существует на самом деле, они убеждены, что предаются самому возвышенному делу и достигают вершины мудрости. Ибо людей они берут не такими, каковы те суть, а какими они хотели бы их видеть.
- Бог дал нам ограниченный разум и неограниченную волю, однако так, что мы не знаем, ради какой цели он нас создал.
- Человеческие поступки и стремления я рассматриваю точно так, как если бы речь шла о линиях, поверхностях и телах.
- Немало разницы между удовольствием, которым увлекается, например, пьяница, и удовольствием, которым обладает философ...
- Души побеждаются не оружием, а любовью и великодушием.
- Никто не бывает так склонен к зависти, как люди самоуниженные.
- Страх возникает вследствие бессилия духа.
- Наказание нечестивцев так же предопределено божественным решением, как заложено Богом в нас истребление ядовитых змей, которые тоже грешат по своей природе и не могут иначе.
- Понимание — начало согласия.
- Мы деятельны, лишь поскольку мы познаём.
- Для человека нет ничего полезнее человека.
- Невежество не есть аргумент.
- Лучше беседовать с человеком о его свободе, чем о его рабстве.
- Тот, кто хочет всё регулировать законами, тот скорее возбудит пороки, нежели исправит их...
- Бегство вовремя до́лжно приписать такому же мужеству свободного человека, как и битву; иными словами — человек свободный выбирает бегство с тем же мужеством или присутствием духа, как и сражение.
- В природе нигде не существует *должного*: есть только *необходимое.*
- Всякое чудо есть не более чем чистый абсурд.
- Не следует воображать природу до того ограниченной, что такая ее часть, как человек, и есть самая главная ее часть.
- Субстанция не может быть делима. Части материи — которая повсюду одна и та же — различаются только модально, а не реально. Так, например, мы представляем, что вода, поскольку она есть вода, делится и ее части отделяются друг от друга. Но это невозможно для нее, поскольку она есть телесная субстанция: вода как вода возникает и исчезает, а как субстанция она не возникает и не исчезает.
- Тот, кто ищет истинных причин чудес и старается смотреть на естественные вещи как ученый, а не удивляться им как глупец, того повсюду считают и провозглашают еретиком и нечестивцем те, перед кем толпа (vulgus) преклоняется как перед истолкователями природы и богов. Они ведь знают, что при уничтожении невежества уничтожается также и изумление, т. е. единственное доступное для них средство для доказательства и охранения их авторитета.

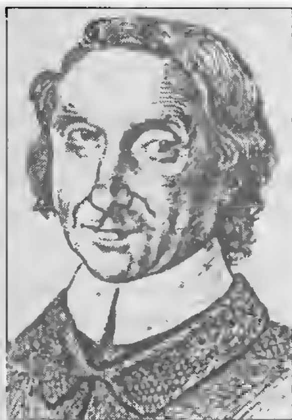
- Иные думают, что Бог есть свободная причина, потому что Он может, по их мнению, сделать так, чтобы то, что вытекает из его природы, т. е. находится в его власти, не происходило, иными словами, не производилось бы им. Но это то же самое, как если бы они сказали, что Бог может сделать так, чтобы из природы треугольника не вытекало равенство трех углов его двум прямым или чтобы из данной причины не следовало следствие; а это нелепо.
- Между верой, или богословием, и философией нет никакой связи или никакого родства. Цель философии — истина, вера же требует только повиновения и благочестия. Основание философии — природа, база же веры — Священное Писание и Откровения.
- В желании выражается сущность человека.
- Если человеческое тело подверглось однажды действию одновременно со стороны двух или нескольких тел, то душа, воображая впоследствии одно из них, тотчас будет вспоминать и о других. Солдат, например, при виде следов коня на песке, тотчас переходит от мысли о коне к мысли о всаднике, а отсюда — к мысли о войне и т. д.
- Как только вы вообразите, что не в состоянии выполнить определённое дело, с этого момента его осуществление становится для вас невозможным.
- Редко бывает, чтобы люди жили по руководству разума; напротив, всё у них сложилось таким образом, что они бывают большей частью ненавистны и тягостны друг для друга.
- Мысленно обращаясь к политике, я не имел в виду высказать что-либо новое или неслыханное, но лишь доказать верными и неоспоримыми доводами или вывести из самого строя человеческой природы то, что наилучшим образом согласуется с практикой. И для того, чтобы относящееся к этой науке исследовать с тою же свободой духа, с какой мы относимся обыкновенно к предметам математики, я постоянно старался не осмеивать человеческих поступков, не огорчаться ими и не клясть их, а понимать.

> «Всё то, что когда-либо почиталось из ложного благочестия, ничего, кроме фантазий и бреда подавленной и робкой души, не представляло».
>
> *(Спиноза)*

> «Non indignari, non admirari, sed intellegere» — (*лат.* «Не негодовать, не удивляться, но понимать»).
>
> (*Спиноза*. Политический трактат)

Мальбра́нш

XVII – XVIII вв.

Никола́ Мальбранш

• Французский философ, теолог (отец Мальбранш)

Родился: 06.08.1638 г.
Умер: 13.10.1715 г.

Прожил — 77 лет

«Чтобы быть философом, надо яснее видеть...» *(Мальбранш)*

■ **«Я верю, что тела существуют, однако считаю это хорошо показанным, но плохо доказанным».** *(Мальбранш)*

■ **«Не желать быть счастливым находится не во власти человеческой воли».** *(Мальбранш)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Париже, в семье королевского секретаря и знатной дамы; был последним из шести детей.
• Имел весьма слабое и даже уродливое тело, у него был искривленный позвоночник и очень вдавленная грудь.
• Всю свою жизнь не испытывал ни малейшей тяги к чему бы то ни было чувственному, к чему бы то ни было телесному.
• По манере публичного поведения Мальбранш был крайне необщителен, а в годы юности вообще избегал общества людей и предавался только наукам и обучению.
• Изучал философию в коллеже Ла Марша и теологию в Сорбонне.
• В 1660 г. Мальбранш поступил в конгрегацию Оратории Иисуса в Париже:

/ Здесь 22-летний Мальбранш изучал историю церкви и критику Библии. Но оба этих курса, составлявшие в те времена предмет **теологии**, его совершенно не удовлетворили. /

• В 1664 г. он принял сан священника.
• В 26 лет Мальбранш случайно достал и прочитал «Размышление о первой философии» Рене Декарта. Знакомство с учением Декарта стало поворотным событием в жизни молодого философа.
• В 1672 г. в Париже Мальбранш лично познакомился с немецким философом Готфридом Лейбницем. В последующее время, с 1692 г., они переписывались, и их эпистолярное общение, состоящее из 30 посланий друг другу, продолжалось до 1711 года.
• Мальбранш задал весьма интересный вопрос, который характеризует

начало совершенно иной интеллектуальной позиции в осмыслении соотношения достигнутого знания и подлинного знания сфер запредельных:

♦ Бог есть все-бытие, потому что он бесконечен и содержит всё, но он не есть какое-либо бытие в частности. Между тем то, что мы видим, есть лишь одно или несколько отдельных существ, и мы не понимаем этой совершенной простоты Бога, содержащего в себе все существа. И весь наш вопрос в том, а понимаем ли мы понимаемое? Знание вещается или возвещается? ♦

∇ ◐ Озадаченность, которой предался Мальбранш, по-моему, достойна быть включена в общую подборку **знаменитых вопросов**, которыми человечество себя смущало, смущает и, по всей видимости, еще долго будет это делать и далее:

Формулы знаменитых вопросов

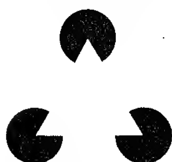
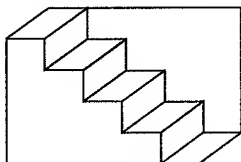
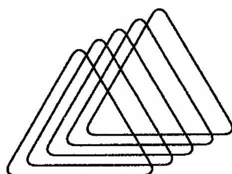
- Кто может предвидеть грядущее, у которого нет какой-либо причины или какого-нибудь признака, предвещающего, что оно будет? (*Цицерон.* О девинации)
- И что, неужели невинный может быть несчастным у такого правителя, как Бог? *(Лейбниц)*
- Создала ли природа вещей или провидение, сотворившее мир и род человеческий, также и болезни, каким подвержены люди? (*Хрисипп.* О провидении)
- Что есть истина? (Библия, *Иоанн*)
- Что делать?
- Кто виноват?
- В чём моя вера?
- Как мы дошли до жизни такой?
- Когда же придет настоящий день?

  } «Проклятые вопросы» русской интеллигенции XIX века (Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен, Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов, Н. А. Добролюбов)
- Почему на земле царит несправедливость? *(Сальвиан)*
- Чему смеетесь? (Н. В. Гоголь. *Ревизор.* 1836 г.)
- Что он Гекубе, что она ему? (*Шекспир.* Гамлет. 1601 г.)
- Быть или не быть? — вот в чём вопрос. (Там же)
- Что наша жизнь? (Ариозо Германа в опере *П. И. Чайковского* «Пиковая дама». 1890 г. По сюжету *А. С. Пушкина*)
- Кто же будет отрицать, что Бог телесен, хотя он и дух? *(Тертуллиан)*
- Если вы такой умный, то почему вы тогда бедный?
- Молилась ли ты на ночь, Дездемона? (*Шекспир.* Отелло. 1604 г.)
- Любовь — наказанье, а может — награда, а может быть, вместе и то и другое? *(Р. И. Рождественский)*
- Видя разное глазами, причем одно из этого *разного* ошибочно, в чем следует усомниться — в глазах? Или в разном?!
- Кто кого больше портит: власть — людей или люди — власть?
- Когда бублик съедается, куда дырка девается?
- Могут ли быть красивыми деяния некрасивого человека?
- Будет ли благодетельной доброта злого человека?
- Что лучше: потерять или найти?
- Является ли трагедией то, что Пушкин не знал Достоевского?
- Я победил себя.
  Но боже мой!
  В каком я оказался положенье?!
  Я победил себя в борьбе с собой.
  Победа это
  или пораженье? *(Александр Жуков)*
- Отчего же это: человек знает, чтó хорошо, а делает то, что плохо? *(Сократ)*
- Может ли безобразное быть прекрасно изображено?

- Может ли нетворческая личность воспитать личность творческую?
- Когда в неправильности поступают очень правильно, это может считаться правильным?
- Изобретатель оружия изобрёл только оружие или еще, дополнительно, беду от него?
- Почему уменьшительная конструкция слова увеличивает его? (Например: кошка — кошечка, Коля — Колечка и т. д.)
- Ну так как же будем собирать, — по чертежу или чтобы работало?
- Чтобы иметь детей, кому ума недоставало? *(А. С. Грибоедов)*
- Дует ли в степи ветер, когда там нет человека?
- Человек — он кто, зверь или ангел?
- Если людоед ест ножом и вилкой, это прогресс? *(Станислав Ежи Лец)*
- Если мышь смотрит на Вселенную, изменяется ли от этого состояние Вселенной? *(А. Эйнштейн)*
- Какой король лучше — миролюбивый или победоносный?
- Может ли Бог своим могуществом создать камень, который сам же и не поднимет?
- Если мне снится бабочка, не может ли это означать ее сон, в котором ей снюсь я? *(Чжуан-цзы)*
- Как бы стрелой меня пронзили глупые обольстители, спрашивая: ограничивается ли Бог телесными очертаниями и есть ли у него волосы и ногти? *(Августин)*
- Кто более несчастен из двух влюбленных: тот, у которого умерла возлюбленная, или тот, кто ухаживает без надежд на взаимность?
- И кого ты хочешь удивить своим малодушием? *(А. П. Чехов)*
- Кому это выгодно? *(Цицерон)*
- Кому живется весело, вольготно на Руси? *(Н. А. Некрасов)*
- А судьи кто? *(А. С. Грибоедов)*
- Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни? *(А. С. Пушкин)*
- — Почему вы всегда отвечаете вопросом на вопрос? — А что?
- Все знают звук хлопка двух ладоней. А как звучит одна? (*Хакуин Осё*; 1685 – 1768 гг., дзэнский поэт)
- Я вопрошал себя о смысле бытия,
О цели и пути всего, что вижу я,
О будущем души, о благе жизни бренной.
И я постичь хотел, зачем Творец Вселенной
Так нераздельно слил, отняв у нас покой,
Природы вечный гимн и вопль души людской? *(Виктóр Гюго)*
- Я твердо знаю — мне 15. Но вот у ж е или е щ ё? *(Девочка-подросток, наша современница)*
- Всадник, слезающий с лошади, — он еще всадник или уже пеший?
- Справедливо ли, если высокий человек, имеющий короткий плащ, отнимет длинный плащ у другого, маленького роста, у котóрого по иронии судьбы оказался не его размер?
- Может ли человек не желать своих желаний? *(Хосе Ортега-и-Гассет)*
- Живет ли человек тогда, когда предаётся размышлениям о смерти?
- Что лучше: помешать выиграть или помочь проиграть? *(А. П. Гайдар)*
- Могут ли радости быть чреваты огорчениями?
- Что приятнее: сразу осушить чашу жизни или согласиться на удовольствие в неудовольствии — тянуть по глоточку?
- Может быть, действительно мы ангелы об одном крыле и оттого л е т а т ь можем только в объятиях друг друга?
- Если есть смех сквозь слёзы, то могут ли быть слёзы сквозь смех?
- И разве возможна дружба дерева с огнем? *(И. А. Крылов)*

- Куда?, как долго?, что́ потом? — в эти три вопроса укладывается вся проблема прогресса. *(Освальд Шпенглер)*
- Человечество спрашивало, спрашивает и будет спрашивать: откуда мы?, куда идём?, в чём смысл жизни?
- Может ли недотрога быть тронутой?
- Есть ли хоть одна самая низкая, самая гнусная человеческая страсть, которая бы не эксплуатировалась во время выборов? *(П. А. Кропоткин)*
- Поглощая убитых животных, не потому ли мы умираем, что питаемся мертвечиной?
- Можно ли для спасения жизни матери применять такое лекарство, которое может оказаться смертельным для ее потомства? (*лат.*)
- Где причина возвышения людей — в глубоком уме, в выдающихся талантах или в удачном стечении обстоятельств? *(Жан Лабрюйер)*
- Может ли не быть то, что есть?

  / К примеру, реальны ли здесь треугольник или изменение вертикальной ориентации лестницы Шредера и горизонтальный поворот влево правостороннего набора фигур:

/

- Так кто же я такой, творенье чьих я рук,
  Предмет и не предмет, и точечка и круг? *(Ангелус Силезиус)*
- Кто из богатых и власть имущих не барахтается в грязи разврата? Кто не тонет в клоаке самых отвратительных нечистот? *(Сальвиан)*
- Вот что смущает, когда наблюдаешь мир: и отчего это прекрасные мысли, суждения и идеалы не всегда бывают у хороших и благородных людей? *(Герман Гессе)*
- Если придется вдруг выбирать, то к выбору какой из позиций склоняться следовало бы — стать самоме жертвой несправедливости или совершить несправедливое дело? *(Сократ)*
- Если бы всё прошедшее было настоящим, а настоящее продолжало существовать наряду с будущим, кто был бы в силах разобрать: где причины и где последствия? *(Козьма Прутков)*
- Нанимая осла и беря его в дорогу, нужно ли платить дополнительную плату его владельцу, если в жару, в местности, где нет растительности, спрячешься от палящего солнца, присев в тени этого вьючного животного? *(Демосфен)*
- Что собой представляет правда, о которой говорит лжец?
- Что будет, когда меня не будет? Неужели так же будут куда-то торопиться люди, и трамваи будут звенеть? *(М. А. Булгаков)*
- По своей ли воле грешил Адам?
- Кто же он есть, у ч е н и к - т о: сосуд, который надо заполнить, или факел, который надлежит зажечь?
- Кто я: тварь ли дрожащая или право имею? (Вопрос Родиона Раскольникова в романе *Ф. М. Достоевского* «Преступление и наказание»)
- Сто́ит ли свобода того, чтобы за нее умирал тот, кто ее жаждет?
- Может ли человек поступать бесчеловечно?
- — А разве можно придать слову какой угодно смысл? — спросила Алиса.
  — А разве я своим словам не хозяин? — ответил Пустик-Дутик.
  Озадаченной Алисе нечего было возразить. *(Льюис Кэрролл)*
- Реальность может уничтожить мечту; так почему же мечта не может уничтожить реальность? *(Джордж Мур)*
- Что же придаёт стихам красоту: талант или мастерство? Вечный вопрос. *(Гораций)*

- Возможно ли невозможное?
- За что я страдаю?
- Почему меня не любят?
- Всё ли дозволено? (Вопрос, мучавший Ивана Карамазова в романе *Ф. М. Достоевского* «Братья Карамазовы»)
- Как же мне молчать, если я не могу не говорить?
- Есть ли поступки против скромности и умеренности, разрешимые, непример, для блага отечества?
- Если самолёт, ведомый «на автопилоте», потерпит авиакатастрофу, то кого следует отдать под суд — пилота, механика, конструктора?
- Если в самом Боге (Едином, Вечном, Всемогущем) нет множественности и если всё — от Бога, то откуда же множественность? *(Изумлённая озадаченность всей древней и средневековой метафизики)*
- Как же быть, если жизнь короче времени, когда нужно молчать? *(Атааллах Аррани)*
- Является ли наша жизнь жизнью или же жизнь есть то, что мы называем смертью? *(Еврипид)*
- Если никто не будет знать, если никто даже не заподозрит, что ты совершаешь какое-нибудь деяние ради богатства, ради могущества, ради господства, ради страсти, если ни богам, ни людям о нём никогда не будет известно, то совершил ли ты его? *(Лоренцо Валла)*
- Не есть ли единение с десятками — разъединением с тысячами и миллионами? *(Л. Н. Толстой)*
- Если среди многих и разнообразных камней один только род камней, называемый магнитом, притягивает железо; если также один только янтарь способен притягивать мякину и если квадрат числа четыре является единственным квадратом, периметр которого равняется площади, то на каком основании мы будем утверждать, что не существует какого-нибудь единственного рода людей, который не умирает после пронзения сердца? (*Дионисий из Кирены*, стоик)
- Земля мягкая, а из неё вырастает очень твёрдое. Как же это?!
- У одного ужель достанет сил
  Водить стада бесчисленных светил?
  Прости мне мысли грешные, о, Боже!
  Но разве нам Ты думать запретил? *(Атааллах Аррани)*
- Неужели вы думаете, что, будь Лаура женой Петрарки, он бы всю жизнь писал сонеты? *(Джордж Байрон)*
- Если между нами и миром стена, важно ли, с какой мы стороны? *(Гилберт Честертон)*
- Возможна ли в жизни радость, когда денно и нощно приходится размышлять, что тебя ожидает смерть? *(Цицерон)*
- А ведь действительно любопытно, кто же в любви получает большее наслаждение: женщина или мужчина? *(Овидий)*
- В чём источник чувстве щекотки — в нас или в пёрышке? *(Галилео Галилей)*
- Одни нас ненавидят, потому что нас знают, другие — потому что нас не знают. Которые же из них предпочтительнее? *(Андре Жид)*
- Распространяется ли искупительная миссия Иисуса Христа на тех людей, кто умерли до его пришествия? И ещё: в кекого человека воплотился Иисус Христос — в Адема, до вкушения последним яблок, или в Адама, уже преступника? *(Боэций)*
- Изобретать самому прекрасно, но то, что другими найдено, знать и ценить — меньше ли, чем создавать? *(И. В. Гёте)*
- Что сильнее: соблазны порока или притягательность добродетели?
- Жизнь коротка, это понятно; но по сравнению с чем? *(Андре Моруа)*
- Если бы ты был другим человеком, хотел бы ты быть своим другом?
- А что если наша Земля — ад какой-то другой планеты? *(Олдос Хаксли)*
- Небес равнина, взлёт раздумий:
  Жива ли тень от мёртвых мумий? *(Ангелус Силезиус)*

- Может ли совершенно здоровый человек жить в этом мире и не рехнуться? *(Урсула Ле Гуин)*
- Если люди низки по природе,
  Можно ль недобро считать грехом? *(аль-Маарри)*
- Мудрец вопросы миру задаёт,
  Дурак ответы точные даёт.
  Но для того ли мудрый вопрошает,
  Чтоб отвечал последний идиот? *(Н. Н. Матвеева)*

/◐ Я думаю, что этот одновременно и впечатляющий и занятный ряд можно было бы продолжить, тем более что для озадачивания всегда имеется достаточный повод, поскольку всё, что есть, было и будет, может заявить себя и о себе только через проблему, а именно: через такое самопреподнесение, когда «заметить» эквивалентно и равно — вопросно пометить.

После такого предварения, надеюсь вряд ли кого уже удивит далеко *не короткая* череда такого списка:

- И отчего это упасть легче, чем устоять?
- Может ли ненормальный человек жить нормально?
- Разве у нас нет права ничего не оставлять от своих прав?
- Последовательность в заблуждении... не означает ли она верности избранному направлению?
- Что будет после того, как уже ничего не будет?
- Я сложил монеты в столбик. Какая монета должна считаться первой: та, что сверху, та, которая внизу, или та, что первая подвернулась моему взгляду?
- Будет ли ненавидящий всё ненавидеть и свою ненависть?
- А как Бог относится к пирожному? Ведь он же не ест, значит, никак не может и относиться. Но как Бог *не может* к чему-то относиться, если он Бог?
- Можно ли воспитать у зайца чувство орла?
- Тень... она одета светом или раздета им?
- Если конь прискакал не туда, какая из его ног начала ошибаться?
- Разве не является хотением нехотение думать?
- Является ли подпрыгнувший землянином?
- Путь — это препятствие или часть цели?
- Чтобы войти в другого, разве не нужно сначала выйти из себя?
- Победа над собой — это победа или поражение?
- Когда ударяешь по барабану, то что звучит: удар или поверхность?
- Может ли быть полным пустой сосуд?*
- Куда исчезают узоры калейдоскопа при повороте тубуса?
- Есть ли то, чего нет?
- Были ли человеческие недостатки у Иисуса Христа? / ◑

• Мальбранш отстаивал ОККАЗИОНАЛИЗМ и выдвинул понятие «побочной причины» («cause occasionnelle» — т. е. причина вторичная или случайная).

/ Основания *окказионализма* {«окказионализм» от *лат.* occasio — случай} заложил голландский философ **Арнольд Гейлинкс** (1624 – 1669). Согласно этому учению душевный процесс является поводом, побудительным случаем (occasion) для наступления соответствующего телесного процесса, а телесный процесс — поводом для наступления соответствующего психического процесса. Само наступление какого-либо из этих процессов вызывается Богом. Поскольку мы являемся просто зрителями этого события (ибо о теле мы знаем мало, о душе — ещё меньше, а о взаимодействии их — меньше всего), то нам не остаётся ничего другого, как безропотно следовать неизбежному ходу вещей: «Ita est, ergo ita sit» («Это так, следовательно, пусть будет так!»). /

* Ответ: ◐ Да, это мудрец на пороге смерти.

• Мальбранш был человеком спокойного, уравновешенного ума, признающим все основные реалии мира. Его дальновидность более чем практична и граничит с проницательностью, потому что он сам составил и оставил потомкам как бы «паспорт» своей вполне здравой рассудительности и совсем не деформированной рациональности:

♦ Я допускаю, что некоторые разумные люди не похожи на меня, но не могу допустить, что есть такие разумные существа, которые признают *другие законы* и *истины*, чем я, потому что каждый разумный человек *непременно* должен понимать, что дважды два — четыре и что нельзя предпочитать собаку своему другу.

• Мальбранш внес в **теорию причиииости** такие уточняющис нюансы, которые можно рассматривать и как развитие предшествующих взглядов самых свéдущих в этих вопросах мыслителей, так и полное их перечёркивание:

♦ Как я понимаю, истинная причина есть причина, между которой и ее действием разум усматривает необходимую связь. Но только в бесконечно совершенном существе разум усматривает необходимую связь между его волей и ее действиями. Следовательно, только один Бог есть истинная причина и лишь Он действительно обладает силой двигать тела, изменять объекты, воздействовать на всё, вокруг имеющееся.

♦ Есть только один истинный Бог и только одна причина, которая поистине есть причина, и не следует воображать, что то, что предшествует явлению, есть его истинная причина. Бог не может даже передать своего могущества творениям, если следовать свету разума; он не может сделать из них истинные причины; он не может сделать из них богов.

♦ Если, как я понимаю, Бог есть сверхчувственный мир, или место дýхов, так же как мир материальный есть место тел; что от его могущества получают они все свои модификации; в его мудрости находят все свои идеи; его любовью волнуются они во всех своих праведных движениях; и так как его могущество и любовь — это лишь он сам, то будем верить вместе со св. Павлом, что он не далёк от каждого из нас и что в нем мы живем, движемся и существуем.

/◐ То есть вся *теория причинности* с ее полярностями «причина — следствие» теряет смысл или, вернее, даже не возникает какая бы то ни было в ней необходимость, если все вещи в мире есть сами творцы своего творения. Разве капля росинки, сверкающая на солнце, **причииа** своего блеска? Отнюдь! Ведь она сама и блестит. (И если кого-то потянуло поспорить, то задумайтесь, почему не блестят камни, хотя они тоже освещаются солнцем.) Разве одуванчик — **следствие** земли, в которой он вырос? Вовсе нет! Он — это и есть она, но по-другому себя явившая. ◑/

• **Сочииеиия Мальбранша:**

«Об изыскании истины, где речь идет о природе ума человека и употреблении, которое он должен делать из него, чтобы избегать заблуждений в науках» (1674):

/ Этот трехтомный труд еще при жизни автора выдержал шесть изданий.

Мальбранш:

«Предмет этого сочинения — весь человеческий дух в целом; он рассматривается в нем самом, в отношении к телам и в отношении к Богу; исследуется природа всех его способностей и указывается, как ими следует пользоваться, чтобы избежать заблуждений; наконец, объяснено многое, что считали полезным для того, чтобы продвинуться вперед в познании человека». /;

«Разъяснения к первой книге “Об изыскании истины...”» (1678);

«Трактат о природе и благодати» (1680);

«Размышления христианские и метафизические» (1683):

/ Эта книга являет собой извлечения по конкретной проблематике (**политика и мораль**) из сочинения Мальбранша *«Об изыскании истины...»* /;

«Трактат о морали» (1684);

«Беседы о метафизике и религии» (1688):

/ **Мальбранш здесь:**

«Когда я говорю, что Бог всегда следует предписанным им самим общим законам, то я говорю лишь об общем и обычном провидении. Я вовсе не исключаю чудес или следствий, которые совершенно не вытекают из его общих законов. Но [...] когда Бог творит чудо и когда он не действует в соответствии с общими законами, которые нам известны, я утверждаю, что Бог действует или в соответствии с другими общими законами, которые нам не известны, или совершаемое им тогда предопределено некоторыми обстоятельствами, которые он предвидел извечно, производя этот простой, вечный, неизменный акт, который включает в себя и общие законы его обычного провидения, и исключения из этих самых законов». /;

«Трактат о законах передачи движения» (1692);

«Трактат о любви Бога» (1697):

/ ♦ В здешней нашей жизни, где душа соединена с телом, совершенство нашей души от нас намеренно скрыто, дабы мы не слишком много занимались совершенством нашего существа и не возгордились вследствие этого. /;

«Беседы философа христианского и философа китайского о природе Бога» (1708);

«Дополнение к оптике»;

«Размышления о физическом содействии Божием».

• Мальбранш — первый из философов, пустивший в оборот «животных духов», но лишь в качестве гипотезы, так как он нигде не доказывает неопровержимо их существование. Он благоразумно предоставил сделать это врачам, и главным образом знаменитому Герману Бургаве, самому крупному теоретику из всех:

♦ Мы не можем быть внимательными к какой-нибудь вещи, если не вообразим ее или живо не представим ее в мозгу своем. Для того же, чтобы мы могли вообразить предметы, нам необходимо заставить какую-нибудь часть мозга приспособиться к этому, т. е. нам надо

сообщить ей некоторое движение, чтобы образовать в мозгу отпечатки, с которыми связаны идеи, представляющие нам эти предметы. Стало быть, если мозговые фибры несколько затвердели, то они будут способны лишь к таким движениям, которыми обладали раньше; так что душа не может вообразить, а следовательно, быть внимательной к тому, к чему она хотела бы, а только к тому, что ей привычно.

Отсюда следует заключить, что очень полезно упражняться в размышлении над всякого рода предметами, чтобы приобрести известный навык думать, о чем хочешь. Ибо подобно тому как благодаря постоянному упражнению в игре на музыкальных инструментах мы приобретаем большую легкость во всевозможных движениях пальцев наших рук и большую беглость, так и части нашего мозга, движения которых необходимы для того, чтобы вообразить то, что мы желаем, приобретают путем навыка способность легко сгибаться, в силу чего мы воображаем желаемое с большой легкостью, скоростью и даже отчетливостью.

Если воображение состоит не в чем ином, как в способности души создавать образы предметов, оттискивая их, так сказать, в фибрах своего мозга, то чем крупнее и отчетливее будут отпечатки (vestiges) животных духов, составляющие эти образы, тем ярче и отчетливее вообразит душа эти предметы. Подобно тому как размеры, глубина и отчетливость какой-нибудь гравюры зависят от силы, с какой действует резец, и от того, как поддается ему медь, так и глубина и отчетливость отпечатков воображения зависят от силы, с какой движутся животные дýхи, и от устройства мозговых фибров; к существующему здесь разнообразию и сводится почти вся та громадная разница, какую мы замечаем между умами.

• Все рассуждения Мальбранша — это сплошная цепочка оригинальностей, как, например, вот этот занятный оксюморон об *«акте бездействия»*:

♦ Когда душа определяет направление движения, получаемого ею от Бога, то это не значит, что она делает что-либо; это значит, что она останавливается, отдыхает и не поддается всему тому давлению, какое на нее оказывает это движение. В ней совершается некоторый акт, но акт совершенно особенной природы. Это имманентный акт, не производящий ничего физического в нашей субстанции; акт, не требующий в этом случае даже от истинной причины ни какого-нибудь физического действия в нас, ни новых идей и ощущений, — одним словом, акт, не делающий ничего и не побуждающий что-либо делать общую причину как таковую. [...]

Движение души не прекращается даже во время отдыха, при обладании благом, в то время как движение тела прекращается во время отдыха. [...]

Признаюсь, что мы не обладаем ни ясной идеей, ни даже внутренним чувством этого постоянства естественного стремления или движения души к благу.

∇ ◐ Вот это, собственно, и есть философия, когда мыслитель сам что-то придумывает, сам об этом всем сообщает и сам же узаконивает **факт** своего озарения как объективную данность.

Но повода для оспаривания здесь нет, ибо в какой, скажите, вразумительности может быть несогласие с человеком и его взглядами, если то, что он утверждает, касается сфер, где компетентность любого в них вошедшего удостоверяется не документом на *право*, а определяется исключительно намерением на включенность в дела превозвышенные, запредельные, недоступные? ◑

/ ◐ Что мне хочется в связи с этим специально и особенно сказать? А то, что **факт не есть, факт появляется**. Мы носим в себе мир тем, что вносим себя в него.

Человековедческий аспект становится всё более конкретным и целенаправленным. Его заметность уже глобальнее и полифоничнее. И эта принципиальная двуплановость столь же неотъемлема, как двумоментность в полёте стрелы — мы её не только видим, но и слышим...

На примере Мальбранша видно, как философии стало тесно быть в рамках чисто греческой философии. Ведь что наблюдается в античности? — а то, что она призывала «Познать себя», а на самом деле *больше* учила проблемам мироздания и природоустройства.

Мальбранш явно чувствует уже наметившиеся «белые пятна», он их конкретно отмечает. И казалось бы, остаётся один шаг до *устранить*. Однако весь вопрос в КАК. Философии не возбраняется занимать незанятый участок. Но идти туда, куда может рано или поздно прийти наука, ей-то зачем?! Умение определить свое место — главное в существовании явления.

Древние правильного хотели. Но они не осознавали своего хотения. И не ведали, что хотеть — это и есть философствовать. Ибо алкают лишь отсутствующего, и сила такого желания пропорциональна степени небывания предмета устремления.

Наша природа — больший мир, нежели Вселенная. Ибо последняя есть, а что до первой, то её еще надо выстроить.

Это действительно важно и интересно, а теоретически даже грандиозно. В человеке мы постигаем не имеющееся, а образующееся. Каждый наш шаг, который мы анализируем как объектный факт, как предмет внешней данности, на самом деле есть объективируемая сущность, творимая и вносимая в уже существующий космос.

Удивляться тут нечему: в конце концов и художник увеличивает бытийность видов. То есть видимое глазами просторится еще далее, за счет видимого разумом и умением рук, держащих кисть, рисующую красками.

Психологический аспект весомее всех остальных, и Мальбранш, осуществитель философии, это чувствует. Он одаренностью своей ощущает, что поле его исследования — срезы не действительности, ибо это скучно, это рутина для естественников, а... раскрытие появляющегося. Я бы сказал — останавливание мгновения.

Есть то, что небывающе есть: театральные постановки, книги, события. Есть и то, что бывающе не есть: планы, надежды, намерения. И есть то, что никогда не есть: называние отсутствующего. Философия позволяет нам посещать мир закрытого доступа.

Наша природа — это новокоординатная п р и р о д а. И последняя не метафора, а обозначение второй реалии. Реальности еще большего плана, чем та, что схватываема чувствами.

Бесследовые процессы. Они вокруг нас, но мы их не замечаем. Не ведаем, не знаем. Ну, почти как болезнь, которой еще никто не заболел. Но сегодня ведь уже никто не усомнится в том, что она будет.

О человеческом, реализуемом в действиях, поступках и поведении людей, знать надо. Подобно открытию новых земель, это расширяет пространство нашей жизни. Но главное даже не это, а то, что подобное знание — вот уж удивительнейшее дело! — есть *единственно питательная* пища нашего интеллекта.

Ум огибает сферу души, чтобы очертить круг своей необходимости. Мы узнаём себя, чтобы узнать* себя. И эта идентификация столь же безусловна, как вращение Земли есть условие всецелого опекания ее Солнцем.

Мы заданы. Не важно **кем** или **чем**. Мы таковы, каковы. Мы стремительны и *развёртываемы*. Но если есть интерес к направлению наших целей, то и звук открывания не должен сокрыться. Ведь явление — это тоже чья-то постановка. Так, может быть, прислушиваясь к этому голосу, мы скорее воспримем Режиссера? А философия пусть пока накопит материал об Актерах!

Резюмирую:

Есть факты, суть существования которых — указывание на них. Как реальность летящего самолета: он есть в воздухе только пока летит. Все открытия в человеке принципиально двойственные. Их метафизика в том, что их нет, но, будучи названными, они фактизируются, как обзывание человека поступковым именем самостоятельно рисует нового человека. Нам бы призадуматься: сейчас, здесь, в этих строчках, по сути дела, заключены истоки нашего судьбоопределения — ведь и книга меняется с каждым новым мнением о себе, и прожитый день отныне и уже навсегда весóм не «дневностью», а произошедшим в нём.

◑/

2. СУДЬБА

► ◐ Мальбранш сформулировал закон «верхнего фундамента», или, что ближе к сути дела, **«фундамента сверху»** ◑:

♦ Бог ничего не делает напрасно и без основания.

► ◐ Своими сочинениями Мальбранш породил просто-таки изнуряющую ум ситуацию, которую можно уверенно и смело назвать **«парадоксом Мальбранша»** ◑:

> Если я знаю, каков Бог, то я тем самым претендую на Божественность и противоречу самомý понятию Бога, ибо перечёркиваю исходный постулат о дистанции между Творцом и тварью. Следовательно, я могу претендовать только на **предположительное** представление о возможном проявлении сущности Бога.

∇ ◐ Даже в половинном показе это уже достаточно вразумляет. А вот каким должно быть ожидаемое сальто-мортале мысли:

> Но все предположения в отсутствие критерия — неопровержимы. А неопровержимость указывает на доподлинность знания. Выходит, что все знания о Боге — истинны, независимо от своей истинности.

Кто не согласится, что с этой вершины запредельное не видится недоступным?! И кто так переоценит свои силы, чтобы бросить открытый вызов Мальбраншу?! ◑

► ◐ По эпатажности и утонченной казуистичности система преподобного отца Мальбранша вряд ли имеет аналог. Даже отдаленно никто из философов не вышел на ту находку, которая пришла ему в голову. Он

---

* Отметим имеющиеся два главных значения этого слова как факта, действия и процесса: первое — познакомиться, изучить и второе — вспомнить, увидеть себя в зеркале.

первым показал, как смела может быть мысль в своих предположениях о действующих в мире законосообразностях, как неукротим бывает разум, который ищет причины мироустройства.

Метафизика потому и «мета», что она не физика. От философии совсем не требуется истинность типа 3 х 3 = 9. Любомудрие имеет изначальной задачей простое заполнение «белых пятен» на карте познания, в ситуациях, когда вопрос *уже* есть, а адекватного ответа *еще* нет или не скоро предвидится.

Голодному человеку — всё в пользу его сытости. Это значит, что в условиях незнания **знанием** выступает всё, что созвучно смыслу и направленности вопроса. Никто не может отвергать любой из ответов, потому что попытка объяснения есть единственно приемлемая для людей форма приближения окончательного ответа за счет сужения проблемного поля. Это очень похоже на то, как каждый шаг на земле уменьшает расстояние до желанной точки, даже если он и в обратную сторону. Так как в условиях круглости Земли любое выдержанное по курсу перемещение рано или поздно приводит к месту устремления.

Мальбранш не изрекал истину. Человеку это не дано, ибо неведомо. Мальбранш **искал** истину. У него хватило смелости круто и неординарно повернуть тубус мыслительного калейдоскопа. Узор, который он увидел и о котором рассказал нам, действительно неожиданен и, без сомнения, изящен ◑:

♦ Наш дух и наша душа непосредстеенно и прямо связаны только с Богом; с нашим телом душа связана только благодаря всемогущей воле Бога; но эта воля является лишь слепым выражением фактического соединения души с телом, несмотря на их несовместимость по существу. Да, соединение души с телом, по крайней мере с теперешним, действительным, а не с воображаемым, прошлым или будущим, находится в такой степени в противоречии с сущностью божества и души, что оно находит свое объяснение лишь в основании всякого зла, то есть в отпадении от Бога. Меня укололи в палец, и я страдаю, я несчастен; я не способен мыслить о действительных благах; моя душа может заниматься только моим раненым пальцем, она вся пронизана болью. Какая жалость! Дух зависит от тела и теряет истину из глаз вследствие своей связи с ним. Быть разделенным — что говорю я! заниматься больше своим пальцем, чем своим настоящим благом! За этим кроется какая-то тайнв. Тайна — грехопадение, которое сделало душу столь зависимой от тела, столь чувственной, даже как бы телесной, что она из-за телесных страданий и наслаждений забывает даже о Боге и о самой себе, смешивает даже себя со своим телом. Душа смешивает себя со своим жалким телом — душа, которая, если бы имела о себе ясную идею, до такой степени была бы восхищена своей красотой, величием и совершенством, что она не думала бы ни о чем другом, кроме себя, и таким образом доказала бы, что различие между душой и телом имеет свое основание лишь в неясных и запутанных головах.

► **Джон Локк:**

«Мальбранш считает, что мы видим все вещи в Боге. Но тогда получается, что Солнце бесполезно».

/◐ Но что мешает Богу быть Солнцем? — мог бы ответно возразить Локку Мальбранш. ◑/

► **Готфрид Лейбниц** (в письме к Николаю Ремону 26.08.1714 г.):

«По-моему, взгляды Мальбранша не так уж расходятся с моими. Переход от окказиональных причин к предустановленной гармонии представляется мне не особенно затруднительным».

► Положения Мальбранша о том, что всё существующее имеет своё бытие в Боге и что всякое познание есть ви́дение в Боге, приводили вопреки совершенно другим намерениям их автора к религиозному пантеизму (*греч.* pan — всё и theos — бог), когда Бог и природа понимаются как

одно и то же. Это явилось причиной внесения сочинений Мальбранша в «Индекс запрещенных книг». Хотя в целом в религиозных кругах к мыслям Мальбранша относились довольно-таки сочувственно и они были весьма широко распространены.

Этьенн Кондильяк:

«Мальбранщ — это один из метафизиков, наиболее прославившихся возвышенностью своего ума. Но, к несчастью, его воображение имело над ним слишком большую власть. Он видел лишь через его призму, и ему казалось, что он слышит ответы несотворённой мудрости, всеобщего разума, Сло́ва».

3. УЧЕНИЕ

• «Философский набор» основополагающих теоретических выкладок Никола Мальбранша:

1. Не Бог заключён в своём творении, но оно в нём.
2. Бог творит все вещи самыми простыми и легкими способами.
3. Всё, что заключается в Боге, есть Бог.
4. Бог сотворил все вещи для себя, поэтому мы видим все вещи в нём.
5. То, что способен постичь дух, должно быть с ним непосредственно соединено.
6. Наши тела соединены с нашими душами.
7. Душа узнаёт о соединении с телом не одним каким-то способом.
8. Дух и материя изначально и принципиально противоположны.
9. Причиной связи тела и души может быть только *Божественная воля.*
10. Материальные тела не могут быть соединены с душой так, как это обычно изображают: дело в том, что существа эти протяжённы, а душа не протяжённа, и потому между ними нет соразмерности. Только через Бога они имеют необходимую связь.
11. Нет другой субстанции, постигаемой чисто рассудочно, кроме Бога.
12. Бог есть местопребывание ду́хов, как пространство есть местопребывание тел.
13. Идеи — это представительные сущности.
14. Идея бесконечного предшествует идее конечного.
15. Только Бог, будучи конечной целью ду́хов, является одновременно их единственным объектом.
16. Мы познаём нашу душу благодаря внутреннему чувству сознания, и поэтому познание нашей души более несовершенно, нежели вещей, кои мы познаём в Боге.
17. Мы видим сущность вещей в совершенствах Бога.
18. Нас просвещает вселенский разум.
19. Сущность материи состоит в *протяжённости.*
20. Чувства людей *всегда обманчивы.*

• Предваряющие постулаты главного системного положения

♦ Нам необходимо во всякое время действительно иметь в самих себе идеи всех вещей.

♦ Все существа представлены нашим душам.

♦ У нас есть общие идеи, предшествующие частным.

♦ Возможно, мы не можем видеть сами вещи, а только идеи.
♦ Мы видим все существа, потому что Богу угодно открыть нам то, что представляют в Нём эти существа.
♦ Несомненно, что мы не можем желать увидеть отдельный предмет, если мы не видим его уже хотя бы смутно и в общих чертах.
♦ Все существа являются нашей душе; и они могут это делать, потому что душе является Бог, т. е. тот, кто всё содержит в простоте своего существа.
♦ Бог не мог бы создать душу для познания своих творений, если бы душа не созерцала некоторым образом Бога, созерцая его творения.
♦ Ощущения (sentiment) есть видоизменение нашей души.
♦ Ощущения вызывает в нас Бог, и хотя сам Он их не имеет, Он может вызвать их в нас, т. к. имеющаяся у Него идея нашей души говорит Ему о том, что душа способна испытывать их.
♦ Идеи всех вещей, находящиеся в Боге, содержат все их свойства.
♦ Материальные вещи не могут непосредственно проникнуть в душу и открыть себя ей: поэтому Бога только одного мы познаём через него самого, а всё остальное только через идеи, т. е. через нечто отличное от вещей, и оттого тела и их свойства видны и постигаются в Боге.

● Утверждения и выводы

♦ Есть 4 вида познания:

<u>1) непосредственное</u>

/ ■■ *Только одного Бога* мы познаём *через него самого*, ибо хотя вне его есть еще другие духовные сущности, которые также кажутся познаваемыми по своей природе, но только один Бог может действовать в духе и открываться ему. Поэтому мы имеем *непосредственное* и *прямое созерцание одного только Бога*, ибо лишь один он может просвещать дух через свою собственную субстанцию, и потому в этой жизни лишь наше единство с Богом является причиной того, что мы способны познавать то, что мы познаём. Невозможно думать, что нечто *сотворённое* может *представлять* бесконечное, что сущность *без ограничения, бесконечная, всеобщая* сущность может быть представлена через *идею*, т. е. *особенную* сущность, отличную от всеобщей и бесконечной сущности. Что же касается особенных сущностей, то не трудно понять, что они могут быть представлены через бесконечную сущность, которая содержит их в своей в высшей степени действенной и, следовательно, в высшей степени интеллигибельной субстанции. Поэтому мы должны утверждать, что мы познаём *Бога через него самого*, хотя наше познание его в этой жизни весьма несовершенно. ■ /;

<u>2) через идеи</u>

/ ■■ *Объекты* вне нас мы воспринимаем *не через них самих.* Мы видим солнце, звезды и бесчисленные другие объекты вне нас; и невероятно, что душа выходит из тела и как бы гуляет по небу, чтобы там созерцать все объекты. Таким образом, она видит их не через них самих, и непосредственный объект нашего духа, когда он, например, видит солнце, есть не солнце, а *предмет, самым тесным образом связанный с на-*

шей душой, называемый *идеей*. Таким образом, идея не что иное, как *непосредственный* или *ближайший объект* духа, когда он представляет себе какой-нибудь объект, и душа может видеть лишь то солнце, с которым она соединена теснейшим образом, то солнце, которое, как и душа, не занимает места. Для представления объекта абсолютно необходимо действительное присутствие идеи этого объекта, но не требуется, чтобы существовало нечто внешнее, подобное этой идее. Однако идеи имеют весьма реальное существование. Конечно, люди, весьма склонные к вере, что существуют лишь телесные объекты, ни о чем не судят превра́тнее, чем о реальности и существовании вещей. Ибо если они ощущают нечто, то считают достоверным не только существование последнего, хотя часто ничего не существует вне их, но и думают, что оно таково, как они ощущают его. ■ /;

3) с участием сознания или внутренних чувств

/ ■■ Мы познаём нашу душу благодаря внутреннему чувству сознания, поэтому познание нашей души более совершенно, нежели вещей, кои мы познаём в Боге. ■ /;

4) через предположение

/ ■■ Души *других людей* и чистые ду́хи мы познаём только путем *предположений*. Мы не познаём их ни в них самих, ни через их идеи, и так как они отличны от нас, то мы не можем познать их также путем сознания. Мы только предполагаем, что души других людей таковы же, как наши. Мы утверждаем, что они имеют те же чувства, как мы, и даже когда эти чувства не имеют никакого отношения к телу, мы уверены, что мы не заблуждаемся, ибо мы видим в Боге известные неизменные идеи и законы, из которых мы с уверенностью познаём, что Бог действует на другие ду́хи так же, как на нас. ■ /.

♦ Простая и весьма плодотворная система более соответствует божественной мудрости, чем система сложная и относительно менее плодотворная, хотя и более способная избежать неправильностей.

♦ Так как законы движения зависят от божественного произвола, то Бог может устанавливать и неправильные законы.

♦ Очевидно, что все тела, большие и малые, не имеют возможности двигаться сами собой. Гора, дом, камень, песчинка, словом, самое незначительное и самое большое, какое только можно представить себе, тело лишено подобной силы. Движущая сила тел, значит, не находится в движущихся телах, ибо эта движущая сила не что иное, как воля Божья.

♦ Из всех человеческих наук наука о человеке наиболее достойна человека. Между тем эта наука не является из всех наук ни наиболее разрабатываемой, ни наиболее законченной: большинство людей ею пренебрегают.

♦ Воля Божия определяет природу каждой вещи.

♦ Мы видим творения только в Боге, только через него, только как его, я хочу сказать, в тех же идеях, что и его самого. Так что мы мыслим, как он. Благодаря тем же идеям мы имеем некоторое общение с ним.

♦ Бог имеет два вида законов, регулирующих его поведение. Один — вечный и необходимый, это — порядок; другие — произвольные, и это суть

законы природы и благодати. Но Бог установил последние только потому, что порядок требует, чтобы он действовал именно так.

♦ Нельзя даже представить, чтобы Бог мог передать людям или ангелам свою способность двигать тела: допуская, что возможность двигать рукою будет действительной силой в нас, мы должны будем также признать, что Бог может дать ду́хам силу творить, уничтожать, делать всё что угодно, словом, что он может сделать их всемогущими.

♦ ◐ Фундаментальный теоретический конструкт у Мальбранша — аксиома «**увязывающего посредника**» ◑:

/ ▪▪ **Тело протяжённо, душа — нет, поэтому между ними отсутствует соразмерность. И оттого связь души с телом познаётся лишь с помощью веры. Союз души с телом необъясним, однако он устроен так, что совместные действия души и тела тем не менее возможны.**

▪▪ **Так как душа и тело не в состоянии влиять друг на друга, то следует думать, что Бог (ибо жизненные начала дают Ему для этого повод или случай) изменяет ход и направление животных духов сообразно с желаниями души и тела.**

▪▪ **Движущая сила тел... не находится в движущихся телах, ибо эта движущая сила не что иное, как воля Божья... Естественная причина не есть реальная и истинная причина, а причина случайная (causa occasionalis), определяющая решение Творца природы действовать тем или иным образом в том или ином случае. Всё способно только хотеть и заявлять о своем этом хотении; право же исполнять все мирские действия принадлежит исключительно Богу.** ▪ /

∇ ◐ Идея этой концепции по плодотворности опережает её любопытность. Какая занятность и смелость в блестящей новизне мысли! Давайте поймём:

Ноги идут не потому, что они этого хотят, а потому, что они это могут. Но... такое ви́дение совершенно меняет взгляд на проблему. Очевидным становится простейшее дело: *результат* и *намерение* вообще-то разделены, однако в принципе они [связаны], ибо смысловое движение ног («смысловое», потому что можно шевелить ногами, скажем, в воздухе или в постели, — только нашего перемещения это никак не даст) и моё хотение куда-то пешком отправиться [единит] (позволяет, осуществляет, обеспечивает и гарантирует) ДОРОГА.

Именно она — тот общий базис, которым, в котором и на котором могут быть и делаться совместные процессы ПОБУЖДЕНИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ.

Беря суть заявимого Мальбраншем обобщённо, допустимо сказать, что науке представлена **новая теория причинности**. Нам объяснено, что начала импульсации лежат одновременно в разных местах — в начале и в конце, т. е., говоря в иновыражении, стрела летит не только потому, что выпущена, и оттого, что есть цель, которая её вытянула, но ещё и в силу того, что есть тот, кому всё это нужно — **человек**, выбирающий и мишень стрельбы и адекватное средство. Или по-другому: не будь пространства расстояния, стрельба из лука не стала бы возможной.

Говоря кратко, идущую от Мальбранша формулу вклада в анналы философии следует, на мой взгляд, обозначить так: ***Причина*** это не то, что *действует*, а то, что *позволяет*; или иначе: не будь её — не происходило бы!

◑

♦ Как неосмысленны и достойны осмеяния философы. Они воображают, будто творение невозможно, потому что им непонятно такое всемогущество

Бога, которое могло бы создать что-либо из ничего. Но разве им более понятно могущество Бога, которое приводит в движение соломинку?

♦ Если бы материя была несотворённой, то Бог не мог бы ни приводить её в движение, ни формировать из неё какую-либо вещь. Ибо Бог не мог бы премудро приводить в движение и упорядочивать материю, не зная её.

● Принципы основных положений

♦ *Мы видим все вещи в Боге.* Бог содержит в себе идеи всех сотворённых существ, ибо без познания и идеи он не мог бы создать мир, поэтому он содержит все существа, даже самые материальные и земные, **в высшей степени духовным и непонятным для нас образом**. Поэтому Бог и видит в себе самом все сущности, созерцая свои собственные совершенства, которые они представляют ему. Но он видит в себе не только их сущность, но и их существование, ибо они существуют только через его волю. Затем Бог своим присутствием соединен с нашей душой самым тесным образом, так что его можно назвать *местом дýхов*, как пространство называется местом тел. Поэтому человеческий дух может созерцать в Боге то, чтó в нем представляют сотворённые сущности, так как оно в высшей степени духовно, в высшей степени познаваемо (идеально) и непосредственно близко и присуще самому духу. В пользу этого воззрения говорит вся экономия природы. Бог никогда не творит трудными и запутанными способами то, что он может создать легкими и простыми средствами, ибо Бог ничего не делает напрасно и без основания. Так, с помощью одного протяжения Бог производит в природе все удивительные действия, даже жизнь и движения животных. Но так как Бог может дать дýхам знание о всех вещах лишь тем, что он застàвляет их видеть то, что в нем *имеет отношение* к этим вещам, и изображает их, то **невероятно, чтобы Бог действовал иначе и произвел такое бесчисленное множество идей, сколько сотворённых дýхов**. Впрочем, оттого что дýхи созерцают все вещи в Боге, не следует, что они видят также сущность Бога, ибо Бог совершенен.

♦ Ничто не может действовать непосредственно на дух, если оно не стоит над ним, так что один Бог может действовать на него, и потому все наши идеи необходимо должны находиться в деятельной субстанции божества, которая одна может действовать на умы и определять их.

♦ Все силы природы на самом деле лишь воля Бога. Все тела, малые или большие, не имеют силы или способности двигаться. Но так же, как тела лишены способности двигаться, и духи не имеют силы двигать их. Их воля не в состоянии привести в движение даже малейшего тела в мире, ибо, очевидно, *нет необходимой связи между нашей волей, например, двигать рукой и самим движением этой руки.* Во всяком случае верно, что рука двигается, когда мы хотим этого, и, таким образом, мы являемся естественной причиной этого движения. Но естественные причины не истинные причины, а лишь случайные или побудительные, которые сами действуют лишь посредством силы и деятельности Бога. Истинная причина лишь та, с которой действие находится в необходимой связи. Но между волей Бога, т. е. бесконечно совершенного и всемогущего суще-

ства, и движением тел дух может признать необходимую связь, притом такую, что было бы противоречием, если бы по его воле и приказанию не последовало движения тел. Таким образом, один Бог есть истинная причина и действительно имеет способность двигать тела.

♦ Разум — это пассивная способность души воспринимать различные идеи и различные модификации.

♦ Воля способна стать причиной всей греховности, уводящей нашу природную склонность от блага и истины к дурным целям.

♦ Дух человека — есть простая, неделимая, не состоящая из частей субстанция. Тем не менее в нём обыкновенно различают две способности, именно *разум* и *волю*.

♦ К нашим ощущениям примешиваются суждения. Однако не наша душа образует суждения о расстоянии, величине и т. д. предметов... а Бог вследствие законов связи души с телом. Поэтому я называю суждения этого рода естественными, желая этим указать, что они совершаются в нас без нас и вопреки нам... Один только Бог может сообщить нам в одно мгновение величину, фигуру, движение и цвета́ окружающих нас предметов.

♦ А теперь о способе, каким человеческий дух воспринимает все вещи. Известно, что, когда мы хотим представить себе какой-нибудь особенный предмет, мы сначала бросаем взгляд на все вещи и лишь тогда представляем себе объект, о котором хотим думать. Но мы не могли бы желать видеть или рассматривать особенную сущность, если бы она уже не была для нас предметом, хотя бы лишь общим и тёмным. Такое же желание рассматривать все вещи друг за другом есть верное доказательство, что все сущности присутствуют в нашем духе. Но как могли бы все вещи присутствовать в нашем духе, если бы в нём не пребывал Бог, т. е. сущность, содержащая все сущности в своем простом существе? Всеобщие идеи, как род, вид, дух не мог бы себе представить, даже если бы не видел все сущности в одной. Ибо так как всякая сотворённая сущность лишь отдельная сущность, то нельзя сказать, что мы имеем своим объектом нечто сотворённое, если видим, например, треугольник вообще, именно не единичный и отдельный, но содержащий в своем понятии все треугольники. Наконец, самое возвышенное, прекрасное, сильное, первое и независимое доказательство *существования Бога* есть *идея бесконечного*. Ибо хотя мы не имеем понятия о бесконечном, однако мы, бесспорно, имеем весьма ясную идею о Боге, и притом лишь благодаря нашей *связи* с ним, ибо идея бесконечно совершенной сущности не может быть чем-то *сотворённым*. Но дух имеет не только идею бесконечного, он имеет ее даже *раньше* идеи *конечного*. Идею бесконечной сущности мы получаем только оттого, что мы мыслим только о сущности, независимо от того, конечна она или бесконечна. Но чтобы получить идею конечного, мы должны необходимо отнять нечто от этого *общего понятия сущности*; следовательно, оно предшествует понятию конечной сущности.

♦ Бог имеет всю сущность тела, но не ограничен телом, он имеет всю сущность духа, но не ограничен духом. Он до такой степени весь сущность, что он имеет всю сущность каждого из своих созданий, за исключением тех пределов, которые ограничивают это создание.

Так как бесконечное существо не может быть ограничено каким-либо видом существа, то отсюда следует, что Бог не в большей степени дух, чем тело, не в большей степени тело, чем дух, так что, собственно говоря, он ни то, ни другое. Почему Священное Писание говорит, что Бог есть дух? Для того, чтобы сделать для невежественного человека понятным, что Бог бестелесен и не ограничен пределами материальной природы, что он разумен (intelligent), как ду́хи, что он имеет всё положительное, что есть в мысли, то есть всё совершенство ее, без ее границ.

♦ Дух и тело не имеют друг с другом существенной связи, но они имеют необходимую связь с Богом. Дух может мыслить без тела, но он может познавать что-либо лишь в божественном разуме. Тело может быть протяжённым без духа, но оно может им быть лишь в безмерности Бога. Устройство тела не имеет ничего общего с устройством духа, ибо тело не может мыслить, а дух не может быть протяжённым. Но оба сопричастны к божественной сущности. Протяжённость есть деятельность, или реальность (réalité), а в бесконечном находятся все реальности. Бог протяжён, как тела, потому что Бог обладает всеми сущностями или совершенствами, но он протяжён не по тому же способу, как тела, ибо он не имеет ограничений и несовершенств, свойственных его созданиям. Бог познаёт, как ду́хи, но он мыслит иным образом, чем они. В нем мысли не следуют друг за другом и не различаются друг от друга. Он всегда един и бесконечен. Он не есть существо *определенное так или иначе, он безоговорочно есть существо без ограничений.*

♦ Я считаю нужным предупредить, что не наша душа образует суждения о расстоянии, величине и т. д. предметов, а Бог вследствие законов связи души с телом. Поэтому я называю суждения этого рода естественными, желая тем самым указать, что они совершаются в нас без нас и вопреки нам. Один только Бог может сообщить нам в одно мгновение величину, фигуру, движение и цвета окружающих нас предметов.

/◐ То, что здесь есть и аналитика, и глубина, — несомненно. Эвристичность мыслительных конструктов Мальбранша переполняет даже наше настоящее, очевидно уходя в будущее. И пример тому — явление кинопроекции с пленки видеомагнитофона. Действительно, в один миг, цельно, без растяжек во времени нам даётся полное представление о каких угодно предметах. Причем на пленке никаких **видимых** изображений нет, и она — только в этом смысле — может быть уподоблена таинственности и неизъяснимой полноте божественной сущности. ◑/

♦ Идея есть идеальный нематериальный объект, самый близкий духу и непосредственно тождественный с ним. Объект, который, как и сам дух, не занимает места.

♦ Душа есть род особенной сущности; она лишь такая-то сущность, весьма ограниченная и весьма несовершенная.

♦ Как можно видеть в одном виде существ все виды их и в одном частном и конечном существе треугольник или круг вообще и бесконечные треугольники? Никакая модификация частной сущности не может быть общей.

■■ Если бы Бог сотворил дух и сделал для него идеей или непосредственным объектом его познаний солнце, то он создал бы его для

солнца, а не для себя. Поэтому Бог может делать познание своих творений целью духа лишь постольку, поскольку это познание в то же время есть каким-либо образом познание Бога. Поэтому мы не могли бы ничего созерцать, если бы мы не созерцали каким-либо образом Бога, как мы не могли бы любить особенного блага, если бы мы не любили общего блага.

■■ Всеми признаётся, что все люди способны познавать истину; и даже наименее просвещенные философы допускают, что человек причастен некоему разуму, которого они не могут точнее определить, поэтому они определяют человека как существо, причастное разуму. Ибо все знают, по крайней мере смутно, что *существенное отличие* человека состоит в его *единстве со всеобщим разумом*, хотя обыкновенно никто не знает, что содержит в себе этот разум, и потому старается открыть это. Я знаю, например, что дважды два — четыре и что своего друга надо предпочесть своей собаке, и я уверен, что на свете нет человека, который не знал бы этого так же хорошо, как я. Но я не познаю этих истин в умè других, как и они не познают их в моем. Таким образом, необходимо есть *всеобщий разум*, который просвещает меня и все умы. Ибо если тот ум, который я запрашиваю, был бы не *тот самый*, который отвечает китайцам на их вопросы, то я, очевидно, не мог бы знать этого так определенно, как я знаю, что китайцы понимают те же истины, что и я. Поэтому **разум, вопрошаемый нами, когда мы *сосредоточиваемся в себе*, есть *всеобщий разум*.** Я сказал *сосредоточиваемся*, так как я разумею не разум, которому следует страстный человек. Когда кто-либо предпочитает жизнь своей лошади жизни кучера, то, конечно, он имеет к тому основание, но это лишь особенные основания, от которых всякий разумный человек отворачивается с ужасом и которые в действительности неразумны, так как противоречат высшему или всеобщему разуму, который люди вопрошают. ■

◐ В соответствии с «**феноменом квадранала**» (о квадрате аналогий — квадранале — см.: *Таранов П. С.* Приемы влияния на людей. — Симферополь: Таврия, 1995.) только та высокоуровневая теория может быть зачислена в разряд философских, в которой доказательства необходимо опираются на уподобительный и аналогизационные механизмы. Отвечает ли этому требованию то, что предлагает нам Мальбранш? Увы... По крайней мере, в представленном миру варианте.

Система Мальбранша **очень** красива. Но почему-то она обходится без явных уподоблений. Может быть, она не философия?!

Давайте разберёмся: уподобления всегда закладывают принципы, а на принципах уже можно построить **<u>разно</u>***видные* системы. Как в калейдоскопе, где постоянство набора цветных стеклышек опирает на себя все возможные узоры.

Точно такова и система Мальбранша, который, по существу, лишь паразитирует на Декарте: он подобен цветку, который сорван и поставлен в вазу с водой: этот цветок продолжает пахнуть и даже распускаться, но он **не имеет корня**: он уже не умирает в жизни, а, напротив, живет в смерти.

Но именно эта же линия анализа подсказывает, что без Мальбранша непóлон и не до конца осуществлен Декарт. Только складывая вместе системы этих двух мыслителей, можно выйти на магистраль вопросов, которые последующее человечество и до сих пор силится решить как **проблему *духа и тела*.** Мальбранш настолько «декартен», что становится наконец понятным, почему он Мальбранш.

Так философ Мальбранш или нет? В данном случае, а в истории философии такая (рискнем назвать ее обобщённо — «мальбраншная») ситуация встречается только один раз, — это равносильно, что поинтересоваться: а самолет ли бабочка? Летает-то она сама, и с этой точки зрения неотличима от «стальной птицы», но ведь последняя не только **летает**.

Как во вкусе есть *предвкусие*, когда желание восполняет отсутствие, и *послевкусие*, когда наличествует след, замещающий исчерпанное, устранённое или устранившееся присутствие, так и в философии есть **до** и **после**-мудрие.

Мальбранш — мудрец на готовой мудрости. Но ведь мудрости! Потому он философ. Но эта философия явно «вторична», и потому она не использует «квадранал», как, к примеру, свечка, зажженная в темноте ввиду отключения электроэнергии, обходится в своем горении без электричества. ◑

♦ Мы должны точно соблюдать правило: никогда не судить по чувствам о том, что такое вещи сами в себе, но только о том, какое отношение имеют они к нашему телу, так как на самом деле они даны нам только для поддержания тела, а не ради познания сущности вещей самих в себе.

♦ Сотворённые дýхи не могут созерцать в самих себе ни сущности вещей, ни их бытия.

♦ Абсолютно необходимо, чтобы Бог имел в самом себе идеи всех сотворённых им существ, потому что иначе он не мог бы создать их; поэтому он созерцает все эти существа, рассматривая совершенства, которые он заключает в себе и к которым они имеют отношение. Следует также знать, что своим присутствием Бог теснейшим образом связан с нашими душами, так что можно сказать, что он есть место дýхов, подобно тому как пространство в известном смысле есть место тел. Если мы сделаем эти два предположения, станет несомненным, что дух может созерцать то, что есть в Боге, который представляет сотворённые существа, потому что это в высшей степени духовно, сверхчувственно и налично в духе. Таким образом, дух может созерцать в Боге творения Бога, если предположить, что Бог соблаговолит открыть ему то, что в нём есть и что представляет их.

♦ Пространство — это реальность, а все бесконечные реальности находятся в Боге. Бог, следовательно, протяжён, как тела, потому что он обладает всеми абсолютными реальностями или всеми совершенствами; однако Бог протяжен не так, как тела, ибо у него нет ограниченностей и несовершенств своих творений. Бог познаёт столь же хорошо, как дýхи, но он не мыслит так, как они. Он является для самого себя

непосредственным объектом своих знаний. В нём вовсе нет следования или разнообразия мыслей. Одна из его мыслей не означает, как у нас, небытия всех других. Они не исключают друг друга. Точно так же Бог протяжён, подобно телам; но в его субстанции нет частей. Одна часть не означает, как в телах, небытия всякой другой части, и место его субстанции есть лишь сама субстанция. Он всегда един и всегда бесконечен, совершенно прост и составлен, так сказать, из всех реальностей или всех совершенств. Потому что истинный Бог — это бытие без ограничения, а не ограниченное бытие; бытие, состоящее, так сказать, из бытия и небытия. Приписывайте же Богу, которого мы почитаем, лишь то, что вы постигаете в бесконечном совершенном бытии. Отбрасывайте в нём всё конечное, то, что исходит от небытия. И хотя вы не понимаете ясно того, что я вам говорю, так же как я сам не понимаю этого, вы поймете по крайней мере, что Бог таков, каким я вам его представил; так как вы должны знать, что для того, чтобы достойно судить о Боге, ему надо приписывать только непостижимые атрибуты. Это очевидно, потому что Бог бесконечен во всех смыслах; ничто конечное ему не подходит, а всё, что бесконечно во всех смыслах, является со всех сторон непостижимым для человеческого разума.

∇ ◐ Все эти изыскания *о Боге* есть не что иное, как исследование некоей природы — Другой. Не той, что нам дана, а той, которая соответствует силам и возможностям нашего слагающего о ней представление разума.

Насколько правомерен такой энтузиазм и есть ли оправдание вызываемому им настрою? А кто, скажите, может воспрепятствовать возможности воды, обычно и обязательно текущей ниспадая, для бо́льшего ощущения этого своего права сначала течь вверх и потом, вот тогда уже!, во весь имеющийся в ней размах устремляться вниз?! Собственно, вода, попадая в такую ситуацию на гидроэлектростанциях, узнаёт о себе, что она не только способна издавать шум и рассыпаться в брызги, но может еще и **работать**.

Так и познание нами себя через исследовательскую матрицу восхождения к Богу помогает уяснить и предмет знания, и диапазон тех сил, которые за изучением стоя́т и за всепроникновенное вникание берутся. ◑

♦ Предметы, которые видит душа, находятся или в душе, или вне ее; первые отражаются в зеркале наших чувств, а вторые — в их *идеях*; иначе говоря, внешние тела представляются нам не сами по себе, не в идеях или образах, возникающих у нас при помощи чувств, но в чём-то, что тесно связано с нашей душой. Это что-то есть Бог. Он тесно связан с нашими душами благодаря своему присутствию; это несомненное, близкое и необходимое присутствие Бога сильно действует на дух. Нельзя обойтись без идеи о Боге. Когда душа рассматривает какое-нибудь бытие в отдельности, она приближается к некоторым из божественных совершенств, удаляясь от других, к которым она может стремиться в следующий момент.

♦ Тела видны́ только благодаря своей протяжённости. Эта протяжённость бесконечна, духовна, необходима и неподвижна; она — один из атрибу-

тов Бога. Всё же, что заключается в Боге, есть Бог; поэтому я могу видеть тела только в Боге. Я ясно вижу бесконечность в том смысле, что я ясно вижу, что она не имеет конца. Я не могу видеть бесконечности в конечных существах, следовательно, и т. д. Значит, представление о Боге может появиться в моей душе только благодаря своему внутреннему союзу с ней. Следовательно, только Бога можно познать через него самого, как нельзя ничего познать иначе, как только через него.

Всё, что содержится в Боге, в высшей степени духовно, разумно и непрестанно занимает наш ум; отсюда происходит то, что мы без труда видим тела в той идее, которую заключает в себе Бог и которую я называю *протяжённостью* или *умопостигаемым миром*.

4. МЫСЛИ

- Без сомнения, самое прекрасное, приятное и наиболее необходимое из всех наших знаний — это знание самих себя.
- Мы слишком охотно готовы судить по себе самим о Боге, а заодно и о плане его творения, между тем как не знаем об этом почти ничего.
- Люди родились не для того, чтобы стать астрономами или химиками...
- Сам Бог просвещает философов теми знаниями, которые неблагодарные люди называют естественными, хотя они приходят к ним лишь свыше. Это он, собственно, свет разума и отец светов. Это он дает знание людям. Словом, это истинный свет, просвещающий всякого человека, приходящего в мир.
- Человеческая душа есть, так сказать, определенное количество мышления, или доля мышления, имеющая границы, которые она не может перейти; душа не может стать больше или обширнее, чем она есть.
- Все естественные причины отнюдь не истинные причины, но только причины окказиональные.
- Чувства даны нам для поддержания тела, а не для того, чтобы открыть нам истину.

  / В ареале этого суждения Мальбранша более чем странным выглядит одно из утверждений Гельвеция, обнаруженное в записных книжках последнего: «Возьмите впечатления ненависти. Мальбранш говорит, что они не могут быть сообщены при помощи чувств... Это ошибочно, ибо при виде врага... случается, что память о голосе этого человека... представляет нам то зло и то горе, которые этот человек мог бы нам причинить. Отсюда — ненависть. А ведь эта картина пришла к нам через чувства».

  ◐ Но разве не о том же говорит Мальбранш, когда приписывает чувствам служение телу?! Нельзя ли предположить отсюда, что когда философы вступают в полемику друг с другом, то они перестают быть философами?!! Ибо подлинная философия подобна рекам, которые никогда не текут так, чтобы пересекать собой любую другую. ◑ /

- Наши чувства, воображение и страсти нам совершенно бесполезны для познания истины и нашего блага.
- Солнце есть общая причина бесконечного множества благ, которые нам оказывает Бог, так как посредством его теплоты Бог сообщает

плодородие земле и всем животным, а посредством его света он приводит нас в состояние, когда мы оказываемся способными пользоваться тысячью различных способов окружающими нас предметами. Но оно в самом себе не имеет никакой силы. Это лишь материя, обладающая силой только через оживляющее её движение, и один Бог есть истинная причина этого движения. Солнце является причиной тысяч и тысяч восхитительных следствий, но причиной окказиональной, или причиной естественной, *в соответствии с естественными законами передачи движения.* Запомните же хорошенько: БОГ СООБЩАЕТ СВОЕ МОГУЩЕСТВО ТВОРЕНИЯМ, ЛИШЬ ВВОДЯ В НИХ ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ, ЧТОБЫ ПРОИЗВОДИТЬ ОПРЕДЕЛЁННЫЕ СЛЕДСТВИЯ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНАМИ, КОТОРЫЕ ОН СОЗДАЕТ ДЛЯ ИСПОЛНЕНИЯ СВОИХ ПЛАНОВ ЕДИНООБРАЗНЫМ И ПОСТОЯННЫМ ОБРАЗОМ, ПУТЯМИ САМЫМИ ПРОСТЫМИ, САМЫМИ ДОСТОЙНЫМИ ЕГО МУДРОСТИ И ДРУГИХ ЕГО АТРИБУТОВ.

- Если вы меня спросите, где был Бог до того, как появился мир и Бог стал в нем действовать?, — то я скажу вам, что до творения мира Бог был там, где он находится в настоящее время и где он будет, когда мир станет превращаться в небытие. Он находился в себе самом. Когда я говорю вам, что Бог находится в мире и бесконечно за его пределами, вы не улавливаете моей мысли, если вы думаете, что мир и вображаемые пространства являются, так сказать, местом, занимаемым бесконечной субстанцией божества. Бог находится в мире только потому, что мир находится в Боге, так как Бог находится только в самом себе в своей безграничности.
- Две протяжённые вещи, могущие быть разделёнными, подвижны. Это, на мой взгляд, очевидно. Ибо если предположить, что протяжённость, разделяющая две части протяжённости, начнет бесконечно расти, или увеличиваться, то обе эти части будут бесконечно отдаляться друг от друга, следовательно, окажутся в движении. И если между двумя частями протяжённости можно поместить протяжённость размером с блоху, то я не вижу причины, почему это расстояние не может быть с фут, с туаз и т. д.
- Говорят, — к примеру, как г-н Пьер Бейль, — что Бог, мол, предвидел грехопадение человека и все его последствия, что он-де, мог предотвратить это, и т. д.

  Да, но Бог не должен был этого делать. Ибо, оставаясь безучастным к падению человека, Бог хочет сказать этим, что почитание даже самого превосходного из его созданий ничто по сравнению с ним самим и его неизменность несет характер его божественности и бесконечности, которым он изменил бы, если бы явил снисходительность к любому из своих созданий, сколь бы великолепным оно ни было.
- Я убежден, что Бог делает для своих созданий всё хорошее, что он может для них сделать, и что из всех планов творения Бог избрал наилучший...
- Словом «воля» я обозначаю влечение или природное стремление, влекущее нас к неопределенному благу, к благу вообще; а под словом «свобода» мною понимается не что иное, как сила, которой обладает

дух, чтобы обратить это стремление на предметы, нам нравящиеся, и сделать так, чтобы наши природные наклонности были определены каким-нибудь отдельным предметом, наклонности, бывшие сначала смутными и неопределенными влечениями ко благу вообще, или всеобщему, т. е. Богу, который один есть общее благо, потому что он один заключает в себе все блага.

- Не следует воображать вместе с антропоморфистами, что у Бога должна быть человеческая фигура (так как она кажется самой совершенной), если бы даже мы считали его телесным, — точно так же не следует думать, что божественный разум имеет человеческие мысли и его дух подобен нашему в силу того, что нам не известно ничего совершеннее нашего духа. Его истинное имя — тот, кто есть, т. е. бытие без ограничения, все-бытие, бытие бесконечное и универсальное.
- Новая философия уничтожает все доводы вольнодумцев, установив свой самый высший принцип, совершенно согласный с первым принципом христианской религии, а именно: что следует любить и бояться только одного Бога, потому что только Бог может сделать нас счастливыми.
- Умы. То, чем обладают обычно великие мира сего, придворные, богатые люди, молодые люди и даже бóльшая часть остряков.
- Свобода есть тайна. Когда меня заставляют говорить об этом вопросе, я бываю вынужден немедленно замолкнуть.
- Когда однажды кто-то в присутствии Мальбранша заявил, что животные подвержены страданиям, то философ довольно остроумно пошутил: «Очевидно, они отведали запрещённого плода».

∇ ◐ Конечно же, Мальбранш есть представитель религиозно ориентированной части человечества. Но в этом его стоянии нет ни вины, ни беды. Религия не является ни иновыражением, ни альтернативой привычно понимаемого познания. Здесь тоже идет узнавание сведений о мире, извлечение не сразу дающегося смысла. Однако синтезирующий опорный образ — Бог, и категориальный строй усвоенных ценностей в теовекторных предпочтениях людей не совпадает с языком высоколобой гносеологии. Так, о цветах на лугу мы можем сказать, что они по отношению друг к другу красивее и пахучее, но никак не истиннее.

Бог — это не тайное влечение — как думалось и поныне думается завзятым *атеистам* — раздавленного тяготами жизни сознания человека, а выплавка и кристаллизация в минимизационной форме действительных достижений науки и знания.

Бог — это реальное естествознание, ибо степень веры показывает не более чем величину уверенности, а число верующих говорит о разочарованности гласом учености, ее живой и практической бесполезностью или недостаточностью. ◑

- Представление большой высоты, на которой мы находимся и с которой нам грозит опасность упасть, или представление какого-нибудь большого тела, готового упасть и раздавить, естественно связаны с представлением смерти, с эмоцией дýхов, побуждающей нас к бегству или к желанию убежать. Эта связь не изменяется никогда, потому что

ей необходимо всегда оставаться одною и тою же: поэтому она покоится на устройстве мозговых фибр, какое мы имеем от рождения.

Точно так же, как материя существенно изменяется, теряя конфигурацию, к примеру, свойственную частицам воска, чтобы принять конфигурацию частиц огня и дыма, когда воск превращается в огонь и дым, так же можно сказать, что и душа существенно изменяется, меняя свои модификации, и страдает от боли, после того как чувствовала удовольствие.

Общей причиной всех движений, существующих в материи, является творец природы; он же есть общая причина всех природных наклонностей, какие существуют в ду́хах; как все движения совершаются по прямой линии, если они не встречают каких-либо особых посторонних причин, которые определяют их направление (les déterminent) и своим противодействием превращают их в криволинейные, так и все наклонности, данные нам Богом, хороши (прямы) и не могли бы иметь иной цели, кроме обладания благом и истиной, если бы не было посторонней причины, уводящей природную склонность к дурным целям.

Не будучи материальным и протяженным, дух человека есть, без сомнения, простая, неделимая, не состоящая из частей субстанция. Тем не менее в нем обыкновенно различают две способности, именно *разум* и *волю*.

Есть весьма большое различие между стремлением или движением, производимым творцом природы в материи, и стремлением или движением ко благу вообще, которое тот же творец непрестанно сообщает духу. Материя абсолютно недеятельна; она не обладает силой, которая могла бы остановить ее движение, определить его и направить его в ту, а не в другую сторону. Ее движение всегда совершается по прямой линии, и, если что-либо препятствует ему продолжаться таким образом, оно описывает кривую, наибольшую из всех возможных, а следовательно, наиболее приближающуюся к прямой линии; ибо ее движение сообщает ей Бог и он определяет направление. Не то с волей. Можно сказать в известном смысле, что она деятельна и что она в себе самой имеет силу определять различным образом наклонность или стремление, данное ей Богом; ибо, хотя она не может подавить этого стремления, зато она может в известном смысле направить его в ту сторону, в какую пожелает, и таким образом стать причиной всей греховности, обнаруживающейся в ее наклонностях, и всех бедствий, которые являются неизбежными и верными последствиями греха.

Так как я уверен в том, что каждый знает свою душу только посредством мысли или внутреннего чувства обо всём, что происходит в его духе, то я уверен в том, что, если кто хочет судить о природе своей души, он должен спросить совета только у этого внутреннего чувства, которое всегда представляет человека для него самого таким, каким он является, а не должен вообразить себе вопреки своему собственному сознанию, что он есть какой-то невидимый огонь, какой-то нежный воздух или гармония.

- Природные вещи бесконечно разнообразны, в особенности же материальные.
- Вы хотите научиться распознавать очевидность и не поддаваться соблазнительным искушениям предрассудков? Нет ничего проще! Достаточно каждому из нас спрашивать своего внутреннего учителя и давать свое согласие ощущаемому вами признаку истинности лишь тогда, когда вы не сможете отказать в этом своем согласии, не чувствуя какой-то внутренней тяжести и тайных упреков совести, ибо именно таким образом вам отвечает этот учитель.
- Всё сотворено для человека, человек для Христа. Христос для Бога. Бог создал мир для избранных; Бог при сотворении мира не имел другой цели, кроме учреждения церкви.
- Не всё ли равно, вне меня или во мне находится червь, который меня гложет? Всё равно я от него независим.
- Со строго философской точки зрения телá не заслуживают названия субстанций. Этого мнения, кажется, держался уже Платон; он заметил, что тело есть нечто преходящее, существующее не более мгновения.

∇ ◐ Чужая философия открывается вполне только тому, кто имеет свою, причем уже получившую признание. Спокойствие своего духа — залог восприимчивого восприятия чужого мнения. ◑

- Хотя мы едины с самими собой, но мы остаёмся и останемся непостижимы нам самим, пока не увидим себя в Боге.
- За годы своей жизни я обнаружил в поведении людей три странных момента:

  1. Самые очевидные и возвышенные метафизические истины непонятны большинству людей, даже смешны.

  2. Первыми и прежде всего, причем без всяких там дальнейших околичностей, осуждаются именно те книги, в которых оспариваются всеобщие предрассудки.

  3. Удел любой истины — сначала казаться смешным химерическим фантомом, а затем, со временем, подтвердиться и обнаружиться.
- Так как мы созданы для Бога, для бесконечного блага, включающего в себя все блага, то лишь обладание этим благом может утолить стремление, влечение нашей природы.
- Наша врожденная, или *естественная*, любовь имеет своим *объектом* Бога, ибо она исходит от Бога; и ничто не в состоянии отвратить эту склонность к Богу от него, кроме самого Бога, который внушает ее нам.
- Когда мы видим вещи в нас, то мы видим лишь наши чувства, а не вещи.
- Идеи принадлежат всеобщему, а не человеческому отдельному существу. Они в Боге, но именно потому, что Бог есть всеобщее существо, они в то же время идеи человека, общие для Бога и человека.
- Но главная и *основная идея*, в которой мы созерцаем все вещи, есть протяжение, ибо все вещи вне нас, т. е. все тела протяжённы, и эта идея не отвлечена от восприятия особенных, протяжённых вещей и не образована из смутного сопоставления их в одной идее. Напротив, для того чтобы я видел нечто, представляющее тело, чтобы восприни-

мал его *как* тело или *как* нечто *протяжённое, предполагается идея протяжения.* Видеть — значит лишь воспринимать протяжённое как таковое, и потому в самом чувственном восприятии — видении — предполагается идея протяжения. Я могу видеть вещи лишь в пространстве, т. е. в протяжении, они являются для меня объектом лишь в нем и через него; так что пространство, *протяжение* или их идея, находится *во мне* ранее, чем идея *определённых* протяжённых вещей. Поэтому все особенные вещи я могу созерцать, познавать и мыслить лишь во всеобщей и бесконечной идее протяжения.

- Все тела присутствуют в душе смутно и вообще, потому что они заключены в идее протяжения.
- Творение материи произвольно и зависит от воли Творца. Если наши идеи представляют нечто, то это только потому, что Богу угодно было создать существа, соответствующие им. Хотя бы Бог не сотворил тел, ду́хи могли бы иметь о них идеи.
- Человек рождён не для себя, но для других.
- Различная манера держать себя, замечаемая у людей различного звания, есть лишь естественное следствие уважения, которое каждый питает к самому себе по сравнению с другими; это положение легко признать, если немного подумать о нём.
- С учеными случается то, что с путешественниками. Если путешественник, по несчастью, собьется с дороги, то чем дальше продвигается он, тем больше удаляется от места назначения.
- Человек, проникнутый тем, что он говорит, заставляет обыкновенно проникаться этим других: охваченный страстью всегда способен взволновать других, и хотя бы риторика его была часто неправильна, это не мешает ей быть очень убительной.
- Удовольствие всегда благо, и страдание всегда зло, но не всегда полезно наслаждаться удовольствием, полезно порою и испытывать страдание.
- Уж лучше допустить существование страданий и чудищ-уродцев, чем предположить, что их наличие может быть следствием нарушения общих законов.
- Ничто сотворённое не может представлять бесконечное.
- Ещё вовсе не доказано, будто существуют материя и тела, и одна лишь вера учит нас этим великим тайнам, о которых мы не имели бы без неё никакого понятия.

Локк

XVII – XVIII вв.

Джон Локк

• Английский философ

Родился: 29.08.1632 г.
Умер: 28.10.1704 г.

Прожил — 72 года

> **«Если спросят, когда же человек начинает иметь идеи, то верный ответ, на мой взгляд, будет: “Когда он впервые получает ощущение”».**
> *(Локк)*

■ **«Есть высшая вероятность того, что мыслящая субстанция в нас нематериальна. Только ведь вряд ли одной вероятности достаточно».** *(Локк)*

■ **«Когда вера доведена до достоверности, она разрушается. Тогда это уже более не вера, а знание».** *(Локк)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Рингтоне, небольшом городке графства Сомерсет на юго-западе Англии.

• Отец Локка — провинциальный адвокат, командовал конным эскадроном парламентской армии Кромвеля, сражавшейся против роялистов.

• Локку было 10 лет, когда отец принял участие в военных сражениях под Бристолем[10].

• В период диктатуры Кромвеля учился в колледже Христовой церкви Оксфордского университета. Успехи Джона Локка были настолько хороши, что как лучшего ученика его приняли на казенный счет.

• Молодой Локк увлекался медициной, совершенствование в которой он стремился увязать с экспериментальным изучением человеческих заболеваний.

• В 1656 г. получил в Оксфорде степень бакалавра, а в 1658 г. — магистра.

• Был дружен с химиком Робертом Бойлем; последний возбудил интерес Локка к философиям Декарта и Гассенди. Оба, Локк и Бойль, начиная со студенческих лет вместе проводили естественнонаучные эксперименты:

/ Вот характерный отрывок из письма Локка Бойлю (конец 1667 г.): «...Я чувствую, что у меня руки чешутся, чтобы позаниматься химическими экспериментами». /

• С 1667 г. — Локку в это время было 35 лет — он в семье лорда Антони Эшли Купера, в 1672 г. ставшего графом Шефтсбери, лидера партии ви-

гов, оппозиционной Карлу II. Локк переезжает в Лондон и выполняет функции домашнего врача и воспитателя внука графа.

• 1668 год. Локк — член Лондонского естественнонаучного общества.

• Локк стал первым философом, подвергшим познавательные способности человека пристрастной аналитике и тщательнейшей систематизации. Высказанные им при этом суждения составляют до сих пор верные опоры и вехи всем ищущим на этом же поприще:

- Нет принципов, которые бы пользовались признанием всего человечества.
- Я ищу истину и ей всегда буду рад, когда бы и откуда она ни пришла.
- Не будем отрицать всякое знание на том основании, что некоторые вещи непознаваемы.
- Полезно знать протяжение нашего познания.
- Знание своих способностей предохраняет от скептицизма.

◐ Скорее наоборот! ◑

- Ограниченное познание — это всё-таки познание, а не скептицизм.
- Наши умы не созданы такими же обширными, как истина, и не соответствуют полному объему вещей. Состояние наших умов далеко от того совершенства, о котором мы составили себе идею. Тем не менее не следует обескураживаться в наших попытках поиска истины...

• Благодаря протекции Шефтсбери, который продвинулся по служебной лестнице вплоть до поста лорд-канцлера Англии, Локк занимает крупные должности в высших правительственных учреждениях.

• Локку было 39 лет, когда его окончательно увлекли философские проблемы. В 1671 г. в кружке своих друзей он самый активный диспутант по вопросам морали, религии, естественного права. Друзья советуют сформировавшемуся мыслителю взяться за перо...

• С 1672 по 1679 г. Локк во Фрации, где поправляет здоровье и участвует в философских дискуссиях с учениками Декарта и Гассенди. Здесь же Локк окончательно утвердился в мысли, что схоластическая философия отжила свой век.

• Когда политическая обстановка в отношении к оппозиции, а последняя придерживалась того взгляда, что «чем меньше прав у короля, тем лучше король», резко осложнилась (тут и слежка за Локком, и заточение в Тауэр графа Шефтсбери), Локк вынужден был эмигрировать из Англии и с осени 1682 г. шесть лет живет в Нидерландах.

• В начале 1689 г. он возвращается на родину, где одно за другим выпускает свои произведения, задуманные и написанные в годы пребывания за границей.

• Собрание творений Джона Локка, к примеру английское издание 1982 г. по случаю 350-летия со дня рождения философа, составляет 30 томов.

• **Сочинения Локка:**

«Опыты о законах природы» (1662 – 1664);
«Опыт о веротерпимости» (1667);
«О медицинском искусстве» (1669);

«Два трактата о государственном правлении (1679) — издание анонимное:

/ Здесь Локк выдвинул тезисы, ставшие основой всех последующих гуманистических трансформаций и революций:

- ♦ Все люди созданы равными.
- ♦ Ни для одного человека, находящегося в гражданском обществе, не может быть сделано исключений из законов этого общества. /;

«Письма о веротерпимости» (1685 — 1692) — издание анонимное;

«Опыт о человеческом разумении» (1689) — над этим трудом Локк работал более 20 лет;

«Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения стоимости денег государством» (1691);

«Некоторые мысли о воспитании» (1693);

«Разумность христианства, каким оно передано Священным Писанием» (1695) — издание анонимное;

«Элементы натуральной философии» (1697 — 1700);

«О пользовании разумением»:

/ Трактат этот остался незаконченным, а издан был лишь посмертно. /

• Трудные годы жизни и борьбы дали себя знать. У Локка развилась тяжелая болезнь легких (по одним данным, это был туберкулез, по другим — астма). Он оставляет все административные посты. А 28 октября 1704 г. Локка не стало.

• Для своего надгробия Локк сочинил эпитафию:

«Остановись, путник: здесь покоится Джон Локк. Если ты спросишь, что за человек он был, то знай — он был доволен своим скромным уделом. Он был воспитан как ученый, все свои дни и труды он посвятил постижению истины. Это ты сможешь узнать из его сочинений».

• В довольно большой иконографии Локка среди его прижизненных портретов особое место занимает тот, что исполнен в 1697 г. сэром Годфри Неллером (1646 — 1723), талантливым английским художником. Копия с этого портрета помещена в заставочной части нашего рассказа о Локке. Картина необыкновенно сильна своей психологичностью: от образа Локка прямо-таки веет мощной мыслительной одаренностью, нетривиальностью натуры, неординарностью личности. Он весь, как стрела, глубоко вонзается в созерцающего, приковывая взгляд и внимание к себе и через себя дальше... в знание, которое он раздобыл, ...в тайну, которую он еще не прошел...

2. СУДЬБА

► **Джон Локк:**

«Если позволишь, читатель, я побеспокою тебя историей «Опыта о человеческом разумении». И тогда я должен рассказать тебе, как 5 — 6 моих друзей, встретившись у меня в доме и рассуждая друг с другом о предметах, весьма далеких от сиюминутного, скоро должны были остановиться перед затруднениями, встававшими со всех сторон. После того как некоторое время мы пробыли в замешательстве, ни на шаг не приблизившись к разрешению смутивших нас сомнений, пришло

мне на ум, что мы пошли по ложному пути и что, прежде чем предаться такого рода исследованиям, необходимо было изучить свои собственные способности и посмотреть, какими предметами наш разум способен заниматься, а какими нет. Это я и предложил своим друзьям, которые охотно согласились со мной; затем было решено, что это и должно стать предметом нашего первого исследования».

► **Джон Локк:**

«Однако тёмные и спутанные идеи никогда не ведут к ясному и отчетливому знанию, ибо, поскольку идеи таковы, ум никогда не сумеет ясно усмотреть, согласны или нет они друг с другом».

/ Английский комментатор «Опыта...» А. К. Фрезер указывает, что на это место ссылались те, кто обвинял Локка в отрицании таинств веры. /

► Локку выпала в жизни удача стать участником решения весьма интересной познавательной задачи, которую в письме к нему от 02.03.1693 г. поставил ирландский математик, основатель Дублинского философского общества, автор «Трактата по диоптрике» Уильям Молинё (1656 – 1698).

Вопросы формулировались необычные, явно рассчитанные на интерес умного собеседника:

«Представим себе слепорожденного, уже взрослого и научившегося посредством осязания отличать куб от шара одного и того же металла и почти одной и той же величины, так что, ощупав тот и другой, он сможет сказать, который куб и который шар. Предположим теперь, что куб и шар находятся на столе, а слепой прозрел. Спрашивается, может ли он теперь одним зрением, без прикосновения к ним, различить их и сказать, который шар и который куб?.. Нет. Ибо хотя он и знал по опыту, как действуют на осязание шар и куб, но он еше не узнал из опыта, что то, что таким или иным образом действует на его осязание, должно таким или иным образом действовать и на его зрение — или что выступающий угол в кубе, неравно давивший на его руку, покажется его глазу таким, как он есть в кубе».

Процитировав в «Опыте о человеческом разумении» приведенный выше отрывок из письма Молинё, Локк высказывает и свое мнение по этой любопытной проблеме:

♦ Я тоже думаю, что слепой, прозрев, сразу не может сказать с достоверностью, который шар и который куб, если он только видит их, хотя бы он мог безошибочно назвать их при помощи осязания и верно различить благодаря разнице в форме.

◐ Ответ Локка вполне можно считать мужественным, поскольку являет собой занятный пример, когда сторонник исключительно опытного знания делает рискованный вывод по формуле «уверенного предположения»: это так, ибо а как же иначе? ◑

► **Вольтер** (*«Философские письма»*):

«В то время как множество резонёров создавали роман о душе, явился мудрец, скромно написавший ее историю. Локк развернул перед че-

ловеком картину человеческого разума, как превосходный анатом объясняет механизм человеческого тела. Всюду он пользовался светочем физики, иногда он осмеливается утверждать, но осмеливается также и сомневаться; вместо того чтобы сразу же дать определение всему тому, чего мы не знаем, он шаг за шагом исследует то, что мы хотели бы знать. Он исследует ребенка с момента его рождения, постепенно прослеживает историю его сознания, усматривает, что общего у него с животными и в чём он их превосходит, особенно беря в свидетели самого себя, показания собственной сознательной мысли».

3. УЧЕНИЕ

♦ Натуральная философия есть познание начал, свойств и действий вещей, каковы они сами по себе.

♦ На опыте основывается всё наше знание, от него оно в конце концов происходит.

♦ Великий источник наших идей — опыт, зависящий вполне от наших чувств и передаваемый ими разуму, я называю ощущениями.

♦ Разум во всём должен быть нашим последним судьей и руководителем.

♦ Познание никогда не будет в состоянии преодолеть все трудности и разрешить все вопросы.

♦ Я думаю, что не только философской скромности прилично не говорить учительским тоном там, где у нас нет очевидности, способной произвести знание, но и что полезно различать, как далеко простирается наше познание...

♦ На мой взгляд, вопрос о материальности или нематериальности души лежит за пределами нашего познания.

♦ Ничто не пользуется таким общим признанием, как то, что есть некоторые принципы, с которыми согласны все люди. Отсюда заключают, что эти принципы небходимо должны быть постоянными отпечатками, которые душа людей получает при начале своего бытия и приносит с собой на свет... Но люди могут достигнуть всего своего знания и без всякого содействия со стороны врожденных запечатлений, и это говорит о ложности представления о «врожденных представлениях...». Дерзко предполагать врожденные идеи цвета, если человеческое существо наделено Богом способностью видеть цвет глазами.

♦ Я допускаю, что мы не в состоянии постигнуть, как материя может мыслить. Но заключать отсюда, что поэтому Бог не мог дать материи способность мышления, — значит утверждать, что всемогущество Бога ограничено...*

♦ Если не предполагать мир тел бесконечным, чего, я думаю, никто не станет утверждать, я бы спросил: если бы Бог поместил человека на краю мира телесных вещей, то не мог ли бы человек протянуть свою руку за пределы своего тела?

♦ То, что открыл Бог, есть достоверная истина, по отношению к которой не может быть места никаким сомнениям. Это есть собственный предмет веры. Но *разум* должен судить о том, есть ли это божественное открове-

* ◐ Типичный интриго-аргумент! ◑

ние или нет: разум никогда не позволит отбросить бóльшую очевидность в пользу меньшей или поддержать вероятность против достоверности.

♦ Никто, я думаю, не может быть серьезно таким скептиком, чтобы не иметь уверенности в существовании вещей, которые он видит и осязает. Что касается меня, то я думаю, что Бог дал мне достаточную уверенность в существовании внешних вещей: посредством различного их приложения я могу вызывать у себя удовольствие и страдание, что единственно важно для меня в моем настоящем положении.

♦ Озаряя ум сверхъестественным светом, Бог не гасит естественного света.

♦ Материя собственной силой не в состоянии произвести в себе даже движения... Но предположим, что движение так же вечно; всё же материя — немыслящая материя вместе с движением — никогда не могла бы произвести мысли, какие бы ни производила она изменения в форме и объеме: движение и материя так же не способны произвести познание, как ничто, или небытие, не способно произвести материю.

♦ Если вы не понимаете деятельности вашей собственной конечной души, мыслящей внутри вас вещи, то не считайте странным того, что вы не можете понять деятельность вечной бесконечной души, которою созданы и управляются все вещи, которой не могут вместить небеса небес.

♦ Ум воспринимает истину, как глаз воспринимает свет: только благодаря тому, что он на него направлен. Таким образом ум воспринимает, что белое не есть черное, что круг не есть треугольник, что три больше двух.

∇ ◐ Наверное, у Локка можно было бы спросить, а что мешает нам считать эту его формулировку как бы неким ориентиром, уверенно направляющим нашу мысль к идее наличия в нас «врожденного знания»?! ◑

♦ Если глаз одарён зрением, он с первого взгляда, без колебаний, заметит, что слова, отпечатанные на бумаге, отличаются по цвету от бумаги. Точно так же и душа, сохраняющая способность раздельного восприятия, воспринимает соответствие или несоответствие идей, производящих интуитивное познание.

♦ Все наши идеи различного рода субстанций суть не что иное, как собрания простых идей вместе с предположением чего-то, чему они принадлежат и в чем существуют, хотя мы не имеем никакой ясной и раздельной идеи этого предполагаемого «нечто».

[...] Не представляя себе, как простые идеи могут существовать самостоятельно, мы привыкаем предполагать некоторый субстрат, общую основу, носитель, на котором они существуют и от которого проистекают, а потому мы этот субстрат называем «субстанцией».

[...] Кто попробует испытать себя насчет своего понятия о чистой субстанции вообще, тот в своей идее ее не найдет ничего, кроме предположения о неизвестной подпорке (support) тех качеств, которые способны производить в нас простые идеи и которые обыкновенно зовутся «акциденциями». На вопрос: «Что является субъектом, которому присущи цвета или вес?» нельзя дать другого ответа, кроме следующего: «Плотные протяжённые части».

Если же спросят: «А чему присуща плотность и протяженность», то мы очутимся в таком же положении, как тот индеец, который утверждал, что мир стоит на большом слоне и на вопрос: «На чём же стоит

слон?» — отвечал: «На большой черепахе»; но когда от него опять пожелали узнать, что дает поддержку широкоспинной черепахе, он ответил: «Что-то, не знаю что».

Таким образом, здесь, как и во всех других случаях, где мы употребляем слова, не имея ясных и раздельных идей, мы говорим, как дети, которые, если их спросят о чем-нибудь таком, чего они не знают, «что это такое?», сейчас же дают вполне удовлетворительный ответ, что это есть что-то.

∇ ◐ Тема эта в философии сквозная, во многих известных системах категория «субстанция» играет роль ключевой. И в такой книге, как эта, ее не обойти никак стороной. По-видимому, и мне тоже:

Ударяясь об объект пристрастия, внимание, подобно струе воды, столкнувшейся с препятствием, разбивается на мириады брызг-ощущений. И как брызги уже более не возвращаются в лоно струи, так и чувства рассеиваются от предмета без возвращения в исходную целостность. Что же тогда порождает впечатление «схватывания» объекта? — Сознание? Или субстанция?!

Мне ближе тот подход, что процесс этот скорее напоминает блокнот высокого должностного лица правительственного ранга, где все страницы выполнены из бумаги с водяными знаками, а последние содержат сведения об инстанции и должности и так размещены по писчему полю, что, как и какой бы листочек мы ни взяли или какой бы обрывок от него ни имели, всегда можно установить принадлежность листа или клочка конкретному владельцу.

Субстанция — это такое свойство каждого предмета, которое выражается в любой акциденции так и таким образом, что отдельные свойства несут в себе информацию об индивидуально-**предметной** специфике данного свойства. То есть на крыльях части пилотируется общее. Это как вода: на какие бы мелкие части она ни дробилась, мокрость ее от этого не теряется.

Вы говорите, к примеру, что яблоко «твердое». И произносите слово «твердое» с той же, в общем-то, содержательностью, как если бы сказали о корабле: его бортовое железо твердое. А ведь стоило бы задуматься вот над чем: твердость яблока на ощупь иная, чем твердость сковородки; парафинная жирность свечи отличается от жирности куска сала и т. д.

Свойства яблока: цвет, запах, вкус, форма, осязательные характеристики и всё остальное — это не просто цвет, запах, вкус и т. д., а цвет яблока, запах яблока, вкус яблока и т. д. яблока.

Отсюда непреложно следует, что субстанция — это порядок и свойство **сохранения смысла предмета** через элиминацию свойственной человеку познавательной аналитики, а именно расчленительного — через сито и каналы отдельных ощущений — восприятия.

Природа породила чувства, но она же предусмотрела и компенсационное средство! А если идти дальше, то, по-видимому, упредила всю познавательную ситуацию, дав ее участникам — объектам и людям — состыковочные возможности, обеспечивающие необходимые адекватность и ориентирную уверенность. ◑

♦ Я уверен в том, что существует духовная нематериальная субстанция.

♦ Так как у души во всех ее мыслях и рассуждениях нет непосредственного объекта, кроме ее собственных идей, которые лишь одна она созерцает и может созерцать, то наше познание, очевидно, относится только к ним.

♦ Я обозначаю термином «идея» то, чем может быть занята душа во время мышления.

♦ Качества, порождающие в нас простые идеи, т. е. плотность, протяженность, форму, движение или покой, число, я называю **первоначальными или первичными**. Вторичные же качества суть не что иное, как только силы. Ибо цвет и вкус опиума, как и его снотворное, болеутоляющее свойство, — это только силы, зависящие от его первичных качеств, которыми он способен производить различные воздействия на различные части нашего тела. ...Вторичные качества тел исчезли бы, если бы мы могли обнаружить первичные качества их мельчайших частиц.

/■■■ Локку предшествует Галилей. «Никогда не стану я, — пишет он в «Пробирных весах», — от внешних тел требовать чего-либо иного, чем величина, фигура, количество и более или менее быстрые движения, для того чтобы объяснить возникновение ощущений вкуса, запаха и звука; я думаю, что если бы мы устранили уши, языки, носы, то остались только фигуры, числа, движения, но не запахи, вкусы и звуки, которые, по моему мнению, вне живого существа являются не чем иным, как только пустыми именами. ...Чувство щекотки имеет своим источником нас, а не пёрышко».

◐ Но оба они ошибаются. Во-первых, проблему вторичных качеств не решить через «углубление» в качества первичные. Во-вторых, получается несколько нелогично: употребляется слово — «вторичные», а контекст его таков, что складывается впечатление о «пустом» понятии. Однако сама проблема эта очень интересна и, думаю, не ошибаюсь, — столь же «очень» важна. Вопрос, по существу, формулируется традиционно философски: например, вкус мёда — это вкус самого мёда или это некое субъективное ощущение, свойственное только человеку и называемое им, человеком, «вкусом мёда»?

На мой взгляд, то, что Локк называет вторичными качествами, это вовсе никакие не «вторичные» качества, ибо они совсем не соотносятся с теми проявлениями предметов, которые получили у того же Локка название «первичных». Действительно, разве хруст раздавливаемого его весом тонкого стеклянного листа составляет какое-либо качество массивного железного шара, по этому листу катящегося?

Смысловое поле, обозначаемое названием «вторичные качества», — это область **«качеств контакта»**, **«качеств взаимодействия»**, и их специфика не в воздействующем объекте, где пытается искать решение проблемы Локк, и не в предмете, принимающем воздействие: мол, брызжет вода, а не прыгающий в нее человек, а в предмете, возникающем во взаимодействии? Легко рвущиеся нити образуют нечто новое — **предмет: крепкий канат**, хотя известно, что кроме них в нем ничего нет. Вкус мёда — не в мёде, и вкус мёда — не в человеке. Вкус «мёда» понятен только межпредметью — «вкусу». Если у человека есть «вкус» и этому вкусу достаётся на пробу мёд, то для «вкуса» мёд всегда только сладкий. ◑ ■/

♦ Ничего нет достовернее того, что идея, получаемая нами от внешнего объекта, находится в нашем уме. [...] Но некоторые полагают, что можно сомневаться, существует ли что-нибудь, кроме данной идеи в нашем уме, и можем ли мы отсюда заключить с достоверностью о существовании какого-нибудь предмета вне нас, соответствующего данной идее, ибо в уме можно иметь такие идеи и тогда, когда таких предметов нет и никакой объект не воздействует на наши чувства. Но я думаю, что здесь у нас есть чувство очевидности, устраняющее всякое сомнение. Я спрашиваю любого, разве нет у него непоколебимой уверенности в том, что он по-разному воспринимает, когда смотрит на солнце днем и думает о нем ночью?

♦ Познание есть восприятие соответствия или несоответствия идей.

♦ Действия, в которых ум проявляет свои способности в отношении своих простых идей, суть главным образом следующие три: 1) соединение нескольких простых идей в одну сложную; так образовались все сложные идеи; 2) сведéние вместе двух идей, всё равно, простых или сложных, и сопоставление их друг с другом так, чтобы обозревать их сразу, но не соединять в одну; так ум приобретает все свои идеи отношений; 3) обособление идей от всех других идей, сопутствующих им в их реальной действительности; это действие называется «абстрагированием», и при его помощи образованы все общие идеи в уме.

♦ Ясно, что общее и универсальное не относятся к действительному существованию вещей, а изобретены и созданы разумом, для собственного употребления, и касаются только знаков — слов или идей.

♦ Всеобщность не относится к самим вещам, которые по своему существованию все единичны, не исключая тех слов и идей, которые являются общими по своему значению.

♦ Мы не знаем, в чём состоит мышление и какого рода субстанциям Всемогущий соизволил дать эту способность.

♦ Возможно, что мы никогда не будем в состоянии узнать, мыслит ли какой-нибудь чисто материальный предмет или нет.

♦ В моем понимании, мыслящая субстанция и есть духовная. Если мышление есть наличие того, что мыслит, значит, у мышления есть подпорка и эта подпорка — субстанция.

♦ Так как общая идея субстанции везде одинакова, то, если ей сообщить модификацию мышления, она превращается в духовную субстанцию.

♦ Дух — это не только дух как чисто нематериальная субстанция (вспомним: «Бог есть дух» /Священное Писание/).

Если Бог, этот бесконечный, всемогущий и совершенно нематериальный дух, пожелал бы дать нам систему, состоящую из очень тонкой материи, чувства и движения, ее можно было бы с полным основанием назвать духом, хотя материальность не была бы исключена из ее сложной идеи.

♦ Чувственное познание более ограничено, чем другие виды познания.

♦ Интуиция и доказательства суть две ступени (degrees) нашего познания. То, что не достигается тем или другим, с какою бы ни принималось уверенностью, есть лишь вера или мнение, а не знание, по крайней мере для всех общих истин. Есть, правда, и другое восприятие в уме, касающееся единичного существования конечных предметов вне нас; простираясь дальше простой вероятности, но не достигая вполне указанных степеней до-

стоверности, оно слывет за «познание». Ничего нет достовернее того, что идея, получаемая нами от внешнего объекта, находится в нашем уме; это — интуитивное познание. Но некоторые считают, что можно сомневаться, существует ли что-нибудь, кроме данной идеи в нашем уме, и можем ли мы отсюда заключить с достоверностью о существовании какого-нибудь предмета вне нас, соответствующего данной идее, ибо в уме можно иметь такие идеи и тогда, когда таких предметов нет и никакой объект не воздействует на наши чувства. Но я думаю, что здесь у нас есть чувство очевидности, устраняющее всякое сомнение. Я спрашиваю любого, разве нет у него непоколебимой уверенности в том, что он по-разному воспринимает, когда смотрит на солнце днем и думает о нем ночью, когда действительно пробует полынь и нюхает розу и когда только думает об этом вкусе или запахе? Разницу между идеей, восстановленной в нашем уме нашей собственной памятью, и между идеей, в данный момент приходящей в наш ум через наши чувства, мы сознаём так же ясно, как разницу между любыми двумя отличными друг от друга идеями. Если кто-нибудь скажет: «Сон может сделать то же самое, и все эти идеи могут быть вызваны у нас без всяких внешних объектов», тому, быть может, будет угодно услышать во сне, что я отвечаю ему: 1) неважно, устраню ли я его недоумения или нет: где всё лишь сон, там рассуждения и доказательства не нужны, истина и познание — ничто; 2) я думаю, что он признаёт очень большую разницу, снится ли ему, что он находится в огне, или он находится в огне наяву. Но если бы кто решился быть таким скептиком, чтобы утверждать, что то, что я называю «находится в огне наяву», есть лишь сон и что мы не можем тем самым узнать с достоверностью о существовании вне нас такой вещи, как огонь, я отвечаю следующее: если мы знаем достоверно, что удовольствие или страдание происходит от прикосновения к нам определенных предметов, существование которых мы воспринимаем своими чувствами или видим во сне, что воспринимаем, то эта достоверность так же велика, как наше благополучие или несчастье, и сверх этого нам безразлично, идет ли речь о знании или сущестовании.

♦ Восприятие идей — не есть сущность души, это — одна из ее деятельностей, которые суть: соединение идей, сопоставление их и обособление.

♦ Как только душа хочет бросить взгляд за пределы первоначальных идей, получаемых нами от ощущения или рефлексии, и вникнуть в их природу и способ их образования, мы находим, что она не открывает ничего, кроме своей собственной близорукости.

♦ Если мы приписываем человеку свободу в том смысле, что делаем функцию хотения зависимой от его воли, то мы должны принять тогда еще одну, предшествующую волю, которая определяла бы акты первой воли, затем третью волю, которая определяла бы вторую, и так далее, без конца; и если одной из них не будет, то действия последней воли не смогут быть свободными. Кроме того, насколько я могу себе представить высшее существо, никакое из них не располагало бы такого рода свободой воли, чтобы оно могло захотеть хотения, то есть захотеть предпочтения бытия или же небытия чего-либо, что содержится в границах своей возможности, когда как таковое уже взято им во внимание.

♦ Объекты, средства и т. д. суть тяжесть, человек составляет весы, по-

нимание удобства и неудобства есть давление этих тяжестей, которое наклоняет чаши весов то туда, то сюда, а самоё наклонение есть воля.

♦ Спрашивать, свободна ли человеческая воля, так же бессмысленно, как спрашивать, квадратна ли добродетель; свобода так же мало приложима к воле, как квадратность к добродетели.

♦ Воля, конечно, есть... Но свободен ли человек в своих поступках? Нет. У нас вроде бы и есть способность что-то начать или прекратить, однако воля человека определяется целым рядом предшествовавших влияний на него.

♦ Ни в нравственности, ни в разуме вообще прирожденных идей не существует. Где та практическая истина, которая была бы общепринята, без всяких сомнений, как подобало бы прирожденной истине?

♦ Да и рискнет ли кто утверждать, что люди, живущие грабежом и обманом, имеют врожденные правила нравственности и справедливости?

♦ Ни о какой наследственной передаче понятий нравственности не может быть и речи. Действительно, скажите человеку, который раньше этого не слыхал, что надо поступать с другими так, как он желает, чтобы с ним поступали, и он спросит: «Почему?» На это христианство ответит, что так велит Бог, а последователь Гоббса скажет, что того требует общество, и что Левиафан, т. е. государство, накажет, если этого не исполнить.

♦ Слова приобретают общий характер оттого, что их делают знаками общих идей. А идеи становятся общими оттого, что от них отделяют обстоятельства времени и места и все другие идеи, которые могут быть отнесены лишь к тому или другому отдельному предмету.

♦ Там, где нет собственности, нет справедливости, — это утверждение так же достоверно, как любое доказательство у Евклида.

♦ Все люди созданы равными.

/◐ Вряд ли это верно. И надо ли доказывать, что люди не равны по заслугам, по общественному влиянию, по способностям, по количеству стартового имущества, по плодородности и географической комфортности места проживания, по разумности доставшейся формы государственного правления и т. д.

Возьмем аналогию. Неравность создателей вещей определяет — даже при **одинаковости** вещей — неравенство самих вещей.

Борьба за равенство и есть бессмысленный смысл жизни: ибо оставляя уготованное нам место, мы предлагаем его кому-то другому. А чтобы укрепиться в чужом месте, нам приходится его владельца сделать безместным.

В обществе царит закон «определенного места», т. е. некоторого и уготованного. Его составляющие твердят нам: не мы выбираем себе занятия и, следовательно, вес в обществе и соответствующие ему (ве́су) блага, а занятия ищут своего исполнителя. И здесь особенно существенно то, что они, занятия, удовольствуются обычно первым встречным.

Равность в неравенстве — такой более подобает быть формуле социального партнерства. ◑/

4. МЫСЛИ

◪ Из рассмотрения нашей собственной личности и того, что мы безошибочно находим в своем собственном строении, наш разум приводит нас к познанию той достоверной и очевид-

ной истины, что есть вечное, всемогущее и всеведущее существо. Не важно, будут ли его называть «богом», очевидно само бытие его.

- Значительную часть этики можно было бы построить с такой ясностью, которая мыслящему человеку оставляла бы так же мало оснований для сомнений, как мало их для сомнений в истинности доказанных ему математических предложений.
- Нам не может не нравиться гуманное, дружеское, вежливое обхождение, где бы мы ни встречали его. Натура свободная и владеющая собой, не низменная и узкая, не надменная и дерзкая, не запятнанная какимнибудь крупным недостатком, действует на каждого обаятельно.
- Обучение наукам способствует развитию добродетели в людях с хорошими духовными задатками; в людях, не имеющих таких задатков, оно ведет лишь к тому, что они становятся еще более глупыми и дурными.
- Хитрость есть только отсутствие разума: не будучи в состоянии достигнуть своих целей прямыми путями, она пытается их добиться плутовскими и окольными путями; и ее беда заключается в том, что хитрость помогает лишь один раз, а потом всегда лишь мешает.
- Зависть есть беспокойство души, вызванное сознанием того, что желательным нам благом завладел другой человек, который, по нашему мнению, не должен обладать им раньше нас.
- Дурные примеры, несомненно, действуют сильнее хороших правил.
- Порок не в том, чтобы иметь желания, а в неумении подчинить их правилам разума; дело не в том, испытываете ли вы или не испытываете самих влечений, а в способности управлять ими и отказываться от них.
- Волю и желание нельзя смешивать... Я хочу действия, которое тянет в одну сторону, в то время как мое желание тянет в другую, прямо противоположную.
- Насмешка — это наиболее утонченный способ выставить недостатки других.
- Действия людей — лучшие переводчики их мыслей.

  / Говорят, что это изречение было любимым присловьем Локка. /
- Мужество — страж и опора всех остальных добродетелей, и тот, кто лишен мужества, вряд ли может быть твердым в исполнении долга и проявить все качества истинно достойного человека.
- Ничто не проникает так незаметно и глубоко в душу человека, как пример: какую бы дурную черту люди ни проглядели в себе и ни прощали себе самим, она может внушать им только отвращение и стыд, когда выступает перед ними в других людях.
- Девять десятых тех людей, с которыми мы встречаемся, являются тем, что они есть — добрыми или злыми, полезными или бесполезными, — благодаря воспитанию.
- В человеке плохо воспитанном отвага становится грубостью, ученость — педантизмом, остроумие — шутовством, простота — неотёсанностью, добродушие — лестью.
- Может ли кто-нибудь по природе быть счастливым в этой жизни? — Нет, не может.
- Привычка к окружающим вещам уничтожает наше удивление, но не излечивает нашего невежества.

- Истина, подобно золоту, не бывает хуже от того, что ее недавно вынесли из рудника.
- Вероятность восполняет недостаток познания.
- Может ли быть вероятным, что беспорядочная смесь типографского шрифта часто будет падать в таком стройном порядке, который даст на бумаге связанное рассуждение, или что слепое случайное сцепление атомов, не руководимое разумным деятелем, часто будет создавать тела каких-нибудь животных?
- Мы все — своего рода хамелеоны, принимающие окраску от вещей, находящихся около нас.
- Разум, подобно глазу, доставляя нам возможность видеть и воспринимать все остальные вещи, не дает никаких знаний о себе самом: необходимы искусство и труд, чтобы поставить его на некотором расстоянии и сделать своим собственным объектом.
- Основной целью вступления людей в общество является стремление мирно и безопасно пользоваться своей собственностью, а основным орудием и средством для этого служат законы, установленные в этом обществе.
- Обладать авторитетом диктатора и заставлять других на веру принимать за врожденный принцип всё, что может служить целям учителя, — это немалая власть человека над человеком.
- Добродетель по большей части одобряют не потому, что она врождена, а потому, что она полезна.
- Среди людей одинакового воспитания существует большое неравенство способностей.
- Привычка закаляет тело и делает его более выносливым к холоду. К примеру, когда мы появляемся на свет, наше лицо не менее чувствительно, чем любая другая часть тела. В связи с этим очень выразителен ответ одного скифского философа некоему афинянину, который всё удивлялся, как тот может ходить голым в мороз и снег. «А как ты можешь выносить, — сказал скиф, — чтобы твое лицо подвергалось действию холодного зимнего воздуха?» — «Но мое лицо приучено к этому», — ответил афинянин. «Вообрази же себе, что я весь лицо», — заметил скиф.
- И что, спрошу я вас, если не привычка, создает для других людей такую большую разницу между руками и ногами? Я не сомневаюсь, что если бы человек привыкал с детства ходить всегда босиком, а руки держать закутанными в теплые рукавицы, то промачивание рук было бы для него столь же опасно, как опасно теперь для весьма многих людей промачивать ноги.
- Никому еще не удавалось быть настолько хитрым, чтобы скрыть это свое качество.
- Великое искусство научиться многому — это браться сразу за немногое.
- Двадцать проступков можно простить скорее, чем одно нарушение правды.
- От правильного воспитания детей зависит благосостояние всего народа.

Лабрюйе́р

Жан де Лабрюйер

XVII век

- Французский мыслитель, писатель-моралист

Родился: 16.08.1645 г.
Умер: 10.05.1696 г.

Прожил — 50 лет

> **«Не льстить никому, не ждать, чтобы кто-нибудь оказал вам внимание, — чудесное положение, золотой век, наиболее естественное состояние человека».** *(Лабрюйер)*

■ **«Сто́ит ли возмущаться тем, что люди чёрствы, неблагодарны, надменны, себялюбивы и равнодушны к ближнему? Такими они родились, такова их природа, и не мириться с этим — всё равно что негодовать, зачем камень падает, а пламя тянется вверх».** *(Лабрюйер)*

1. ЖИЗНЬ

- Родился в Париже.
- Происходил из семьи небогатых горожан.
- Получил образование сначала в коллеже, а затем на юридическом факультете Орлеанского университета, который закончил в возрасте 20 лет.
- Лабрюйер никогда не был женат, но бывал влюблён:
  - ♦ Чтобы чувствовать себя счастливым, нам довольно быть с теми, кого мы любим: мечтать, беседовать с ними, хранить молчание, думать о них, думать о чём угодно — только бы не разлучаться с ними; остальное безразлично.
  - ♦ На свете нет зрелища прекраснее, чем прекрасное лицо, и нет музыки слаще, чем звук любимого голоса.
- Все, кто знал его, отзывались о нем как о философе, который не думает ни о чём, кроме спокойной жизни в кругу друзей и книг, отбирая лучших из тех и других; который не жаждет и не ищет никаких наслаждений; предпочитает скромные радости и умеет их извлекать; вежлив в манерах и умён в рассуждениях; лишён всякого честолюбия, желания показать свой ум.
- В 1673 г. Лабрюйер купил должность генерального казначея в финансовом бюро округа Кан.
- В 1684 г., по рекомендации знаменитого в то время религиозного оратора, крупного церковного деятеля и писателя Боссюэ, Лабрюйер получил должность воспитателя внука принца Конде. Когда мальчик подрос,

Лабрюйер был оставлен в доме на постоянное проживание, получив пенсию в 1000 экю и выполняя обязанности секретаря и библиотекаря.

- **Основное сочинение Лабрюйера:**

  «Характеры, или Нравы нашего века» (1688):

  / Здесь помещены очерки, афоризмы, интеллектуальные эскизы, размышления о духовном складе человека, о страстях, которые им правят, о состязаниях ума и сердца. /

- С 1693 г. — член Французской академии.
- Умер Лабрюйер на 51-м году жизни, в Париже, от кровоизлияния в мозг.

2. СУДЬБА ► Первоначально «Характеры...» Лабрюйера задумывались им как приложение к сделанному им французскому переводу «Характеров» древнегреческого писателя IV в. до н. э. Теофраста. Лабрюйеровы наблюдения должны были по замыслу издателей как бы освежить новейщими наблюдениями и добавлениями почтенную книгу.

Но при переизданиях, а их при жизни Лабрюйера вышло девять, привнесённый текст всё разрастался и разрастался, так что вскоре Теофраст по объему стал более похож на приложение к самому Лабрюйеру.

Всего же, по подсчетам самого Лабрюйера, он привел за всё время 1120 оригинальных характеристик человеческих нравов и характеров.

► **Андре Моруа** /(1885 – 1967), французский писатель, создатель коротких эссе-биографий знаменитых людей Франции/:

⊙ «Поскольку Лабрюйера ничто не подстрекало, он, может быть, никогда не стал бы писателем [◐ и философом, добавим мы! ◑], если бы не перевёл с греческого “Характеры” Теофраста».

⊙ «Искусство Лабрюйера состоит в том, чтобы держать человека в вечном напряжении. Он не напищет: «Ясный ум встречается реже, чем брильянты и жемчуга», но: «После ясности ума самое редкое в мире — это брильянты и жемчуга».

⊙ «Я не знаю, какими будут люди, которым придется жить через две тысячи лет; я не знаю, будут ли они прозябать в условиях ужасающего варварства или же благодаря чудесному развитию науки овладеют другими планетами и заставят служить себе силы, заключённые в материи. Я не могу предугадать, изберут ли они свободу или рабство, будет ли процветание их всеобщим или только уделом отдельных лиц. Но я предсказываю, не боясь ошибиться, что эти люди будут походить на тех, о которых пишет Лабрюйер. Среди них мы увидим и униженных, и надменных, людей высокого ума и смиренномудрых, легкомысленных и тщеславных, скрытных и рассеянных, завистливых, злобных, но и благородных. Ибо все они — люди».

⊙ «Книги сохраняются в потомстве только благодаря совершенству формы и глубокой правдивости в описании человеческой природы. Именно это умение Лабрюйера сделать из каждой фразы истинное произведение искусства и дать правильное изображение неискоренимых человеческих страстей продлит жизнь его творениям на долгие годы. Он пребудет, пока существуют французы, пока они способны мыслить».

3. УЧЕНИЕ

♦ Невозможность доказать, что Бога нет, убеждает меня в том, что он существует.

♦ Предположим, что всё материально, и мысль моя, равно как и мысль других людей, представляет собой лишь следствие особого расположения частиц материи. Кто же тогда привнёс в мир мысль о вещах нематериальных? Разве способна материя содержать в себе такую чистую, простую и нематериальную идею, как представление о духе? В состоянии ли она породить то, что отрицает и даже исключает ее самоё? Как может материя быть мыслящим началом в человеке, если оно и есть доказательство того, что человек нематериален?

◐ Это суждение вполне заслуживает быть обозначенным как **«ФЕНОМЕН ЛАБРЮЙЕРА»** и должно быть включено в анналы философии в качестве **«парадокса нематериальности»**. ◑

♦ Всё давно сказано, и мы опоздали родиться, ибо уже более семи тысяч лет на земле живут и мыслят люди. Урожай самых мудрых и прекрасных наблюдений над человеческими нравами снят, и нам остается лишь подбирать колосья, оставленные древними философами и мудрейшими из наших современников.

♦ О, тщеславный и самонадеянный человек! Сумей создать хотя бы того червяка, которого ты попираешь ногой и презираешь.

♦ Душа отнюдь не то, что она видит цвет или слышит звук, а только то, что мыслит.

♦ Мысль нетленна.

♦ Проезжая иные места, мы приходим в восхищение; проезжая другие — умиляемся, и нам хочется там поселиться.

Мне кажется, что ум, расположение духа, пристрастия, вкусы и чувства человека зависят от места, в котором он живет.

♦ Если вы тщательно присмотритесь к людям, которые никого не могут хвалить, всякого порицают и никем не довольны, то вы узнáете, что это те самые люди и есть, которыми никто не доволен.

♦ Где причина возвышения людей? В глубоком уме, выдающихся талантах или в удачном стечении обстоятельств?

♦ Я беру на себя смелость утверждать, что люди лучше умеют составлять планы, нежели выполнять их, им легче решить, что нужно сказать или сделать, чем сказать или сделать то, что нужно. Часто, обсуждая какое-нибудь дело, мы решаем о чем-то умолчать, но затем — то ли по горячности, то ли из-за несдержанности в речах, то ли в пылу разговора — первым делом разглашаем наш секрет.

♦ Ничто так не похоже на искреннюю убежденность, как злобное упрямство, отсюда — партии, заговоры, ереси.

♦ Мы не можем относиться к одним и тем же вещам всегда одинаково: вслед за увлечением неизменно приходит отвращение.

♦ Участь человека так безотрадна, что может отбить охоту к жизни! Сколько приходится ему потеть, недосыпать, кланяться и унижаться перед другими, прежде чем он составит себе скромное состояние или получит его благодаря смерти близких!

♦ Не ждите искренности, откровенности, справедливости, помощи, услуг, благожелательности, великодушия и постоянства от человека, который недавно явился ко двору с тайным намерением возвыситься. Узнаете вы его по речам, по выражению лица? Он уже перестал называть вещи своими именами, для него нет больше плутов, мошенников, глупцов и нахалов — он боится, как бы человек, о котором он невольно выскажет свое истинное мнение, не помешал ему выдвинуться... он не только чужд искренности, но и не терпит ее в других, ибо правда режет ему ухо; с холодным и безразличным видом уклоняется он от разговоров о дворе и придворных, ибо опасается прослыть соучастником говорящего и понести ответственность.

♦ У народа мáло ума, у вельмож — души́; у первого — хорошие задатки и нет лоска, у второго — всё показное и нет ничего, кроме лоска. Если меня спросят, кем я предпочитаю быть, я не колеблясь отвечу: «Народом».

♦ Мы, столь современные теперь, будем казаться устаревшими спустя несколько столетий.

/ «Лабрюйер спрашивал себя, что будут говорить последующие поколения о вымогательстве налогов в эпоху «золотого века», о роскоши финансистов, об игорных домах, о толпах воинственных приживал, состоявших на содержании у фаворитов. Но мы, для кого Лабрюйер — старинный классик, читаем его, не удивляясь. В людях, нас окружающих, мы находим те же черты характера, а сверх того и другие, еще более поразительные. И в свою очередь опасаемся лишь того, как бы наши внуки не были шокированы нашими нравами. История покажет им людей нашего времени, уничтожающих с высоты быстрокрылых машин в течение нескольких минут целые цивилизации, создававшиеся на протяжении веков. Она продемонстрирует алогичную экономику, в условиях которой одни народы вымирают с голоду на глазах у других, которые не знают, где найти применение их силам. Она покажет им нашу денежную систему, настолько извращённую, что одни оказываются вынужденными долбить африканскую землю в поисках богатств, другие — вгрызаться в американскую почву, чтобы закопать их; и наш товарообмен, не урегулированный из-за недостатка судов, поскольку мы безрассудно топили целые флоты, созданные ценою огромных затрат.

Потомки узнают, что наши улицы были столь тесными, что передвижение в экипажах нам казалось более затруднительным и медленным, чем пешком; что наши дома в течение зимы не отапливались; что мужчины и женщины расшатывали свое здоровье и ум отвратительными опьяняющими напитками; что огромные средства шли на выращивание растения, листьями которого дымят все народы земли; что наше представление об удовольствии сводилось к ночному разгулу в переполненных людьми местах, к созерцанию, как столь же печальные существа, как мы сами, пьют, танцуют и курят. Будут ли шокированы этим наши потомки? Откажутся ли следовать привычкам этого безумного мира? Отнюдь нет. Они будут предаваться су-

масбродствам еще худшим, чем наши. Они будут так же читать Лабрюйера, как тот читал Теофраста».

(**Андре Моруа.** *Литературные портреты.* 1963 – 1967 гг.) /

4. МЫСЛИ

- Быть философом — хорошо, слыть им — не слишком полезно. Не вздумайте называть кого-нибудь философом: это слово почитается у нас чуть ли не бранным, и так будет до тех пор, пока люди, переменив свои взгляды, не возвратят ему первоначальный, возвышенный смысл и не окружат его должным уважением.
- У иного довольно ума, чтобы преуспевать в своей области и даже поучать в ней других, но слишком мало, чтобы не рассуждать о том, чего он не понимает: он смело выходит за пределы своих знаний, но тут же сбивается с пути и при всей своей одарённости начинает говорить как глупец.
- У благоразумия две точки опоры — прошлое и будущее: человек, наделённый острой памятью и дальновидностью, никогда не станет бранить ближних за то, что, может быть, делал он сам, или осуждать их за поступки, совершённые при таких обстоятельствах, которые когда-нибудь принудят и его поступить точно так же.
- Чем больше наши ближние похожи на нас, тем больше они нам нравятся; уважать кого-то — это, по-видимому, то же самое, что приравнивать его к себе.
- Тот, кто влюбляется в дурнушку, влюбляется со всей силой страсти, потому что такая любовь свидетельствует или о странной прихоти его вкуса, или о тайных чарах любимой, более сильных, чем чары красоты.
- Даже самый лучший совет нередко вызывает в нас неудовольствие: достаточно уже того, что он исходит не от нас самих; высокомерие и прихоть подстрекают нас пренебречь им, а если мы всё же следуем ему, то лишь по размышлении и в силу прямой необходимости.
- Прийти к заключению, что иные люди не способны мыслить здраво, и заранее отвергнуть всё, что они говорят, сказали и скажут, — значит избавить себя от множества бесполезных споров.
- Выше великого политика я ставлю только того, кто не жаждет им стать, ибо с каждым днем всё больше убеждается, что этот мир не стóит того, чтобы тратить на него силы.
- Чем меньше человек говорит, тем больше он выигрывает: люди начинают думать, что он не лишен ума, а если к тому же он действительно неглуп, все верят, что он весьма умен.
- Ставьте людей на такие посты, которые можно защищать с риском для жизни, но с надеждой ее сохранить: человек любит и славу, и жизнь.
- Успех всегда располагает нас к тому, кто его добился: будь этот человек вельможей или простолюдином — мы восхищаемся им, приходим от него в восторг; безнаказанное преступление превозносится чуть ли не так же, как добродетельное деяние, а удача заменяет чуть ли не все добродетели вместе. Если поступок не может быть оправдан даже успехом, — значит, это черное, низкое, мерзостное злодейство.
- Ораторы в одном отношении похожи на военных: они идут на бóльший риск, чем люди других профессий, зато быстрее возвышаются.

- Человек от природы лжив, а истина же проста и нага; он жаждет прикрас и выдумок, поэтому истина не для него: она нисходит с неба в готовом, так сказать, виде и во всём своём совершенстве, а человек любит только то, что создал сам, — небылицы и басни.
- К высокому положению ведут два пути: проторённая прямая дорога и окольная тропа в обход, которая гораздо короче.
- Трудно сказать, чего больше заслуживает нерешительность — жалости или презрения, и неизвестно, что опаснее — принять ошибочное решение или не принимать никакого.
- Вера либо истинна, либо ложна. Если она вымысел, значит, добродетельный человек, монах или отшельник зря потеряли шестьдесят лет жизни, и только, — больше им ничто не угрожает. Но если она основана на истине, то человека порочного ожидает страшная участь: одна мысль о муках, которые он себе готовит, приводит в трепет мое воображение; ум бессилен постичь их, слова — выразить. Поэтому, даже допуская, что вера менее истинна, чем это считается, человек всё равно не может избрать путь более спасительный, нежели стезя добродетели.
- Крайности всегда порочны, ибо исходят от человека; равновесие всегда справедливо, ибо исходит от Бога.
- Люди в большинстве случаев сперва гневаются, потом наносят обиду; некоторые же поступают наоборот: сначала оскорбляют, потом сердятся. Удивление, в которое вас это повергает, не оставляет места для злопамятства.
- Сказать о человеке, который вспыльчив, непостоянен, сварлив, угрюм, вздорен, капризен: «Такой уж у него нрав» — значит не извинить его, как полагают многие, а необдуманно объявить эти больши́е недостатки неисправимыми.
- Кончина наступает однажды, а ждем мы ее всю жизнь: боязнь смерти мучительней, чем сама смерть.
- Взгляните на часы: колёсики, пружины — словом, весь механизм — скрыты; мы видим только стрелку, которая незаметно свершает свой круг и начинает новый. В точности такова и жизнь придворного: нередко, продвинувшись довольно далеко, он оказывается у отправной точки.
- Прямая противоположность тому, что говорят о делах и людях, часто и есть истинная правда о них.
- Резкость, грубость, неотёсанность — это пороки, от которых иной раз не свободны даже умные люди.
- О сильных мира сего лучше молчать: говорить о них хорошо — почти всегда значит льстить им; говорить о них дурно — опасно, пока они живы, и подло, когда они мертвы.
- Когда народ охвачен волнением, никто не может сказать, как восстановить спокойствие, когда он умиротворён, никто не знает, что может нарушить его спокойствие.
- Одно из несчастий государя заключается в том, что он всегда боится выдать тайны, которых у него так много. Счастье для него, если на-

ходится верный человек, способный переложить это бремя на свои плечи!

- Монарх, окруженный роскошью и пышностью, — это пастух в одежде, усыпанной золотом и каменьями, с золотым посохом в руке, с овчаркой в золотом ошейнике, на парчовой или шелковой сворке. Какая польза стаду от этого золота? Разве оно защитит его от волков?
- Часто люди падают с большой высоты из-за тех же недостатков, которые помогли им ее достичь.
- «Две трети своей жизни я уже прожил, зачем же так беспокоиться о том, как пройдет остаток моих дней? Самая блестящая карьера не сто́ит ни тех мучений, которым я себя обрекаю, ни тех низостей, на которых себя ловлю, ни тех унижений и обид, которые претерпеваю. Еще каких-нибудь тридцать лет — и рухнут могучие колоссы, на которых я сейчас смотрю снизу вверх; исчезнут все — и я, такой маленький и ничтожный, и те, на кого я так жадно взираю, связывая с ними свои заветные надежды на возвышение. Самое лучшее в жизни, — если в ней и вправду есть что-нибудь хорошее, — это покой, уединение и место, где ты сам себе хозяин».

  Так думал Н., пребывая в опале: он забыл об этих мыслях, как только снова вошел в милость.
- Человек, некоторое время занимавшийся интригами, уже не может без них обойтись: всё остальное ему кажется скучным.
- Для интриг нужен ум, но когда его много, человек сто́ит настолько выше интриг и происков, что уже не снисходит до них; в этом случае он идет к успеху и славе совсем иными путями.
- Фаворит должен всегда следить за собой. Ведь если он протомит меня в приемной меньше, чем обычно; если лицо его будет приветливей, а брови не так насуплены; если он любезно выслушает меня и проводит чуть дальше к двери, я решу, что ему грозит падение, — и не ошибусь.
- Не слишком хороший характер у того, кто нетерпим к дурному характеру ближнего: будем помнить, что в обращении требуются и золото, и разменная монета.
- В разглашении тайны всегда повинен тот, кто доверил ее другому.
- Человек может возвыситься лишь двумя путями — с помощью собственной ловкости или благодаря чужой глупости.
- Есть ли при дворе что-нибудь более презренное и недостойное, нежели человек, не способный помочь нашему возвышению? Не понимаю, как это он дерзает там показываться!
- Неужели нельзя изобрести средство, которое заставило бы женщин любить своих мужей?
- На ученую женщину мы смотрим как на драгоценную шпагу: она тщательно отделана, искусно отполирована, покрыта тонкой гравировкой. Это стенное украшение показывают знатокам, но его не берут с собой ни на войну, ни на охоту, ибо оно так же не годится в дело, как манежная лошадь, даже отлично выезженная.

- Щедрость состоит не столько в том, чтобы давать много, сколько в том, чтобы давать своевременно.
- Как трудно быть вполне довольным кем-то!
- Все страсти лживы: они стараются надеть маску, они прячутся даже от самих себя. Нет такого порока, который не рядился бы под какую-нибудь добродетель или не прибегал бы к ее помощи.
- Справедливость по отношению к ближнему следует воздавать безотлагательно; медлить в таких случаях — значит быть несправедливым.
- Не столько ум, сколько сердце помогает человеку сближаться с людьми и быть им приятным.
- Скромность так же нужна достоинствам, как фигурам на картине нужен фон: она придаёт им силу и рельефность.
- Люди, когда хотят, сдаются на милость того, на кого надеются. Правы ли они? Они медлят, обсуждают... и сдаются.
- Благородно только то, что бескорыстно.
- Ум всех людей, вместе взятых, не поможет тому, у кого нет своего: слепому не в пользу чужая зоркость.
- И при зарождении и на закате любви люди всегда испытывают замешательство, оставаясь наедине друг с другом.
- Тосковать о том, кого любишь, много легче, чем жить с тем, кого ненавидишь.
- Большинство людей тратит половину своей жизни на то, чтобы другую половину сделать несчастной.
- Нам следует искать расположения тех, кому мы хотим помочь, а не тех, от кого мы ждем помощи.
- Мы преисполнены нежности к тем, кому делаем добро, и страстно ненавидим тех, кому нанесли много обид.
- Логика — это, видимо, умение доказать какую-либо истину, а красноречие — это дар, позволяющий нам овладеть умом и сердцем собеседника, способность втолковать или внушить ему всё, что нам угодно.
- Суть учтивости состоит в стремлении говорить и вести себя так, чтобы наши ближние были довольны и нами, и самими собой.
- Талантом собеседника отличается не тот, кто охотно говорит сам, а тот, с кем охотно говорят другие; если после беседы с вами человек доволен собой и своим остроумием, значит, он вполне доволен и вами.
- Подчас легче и полезнее приладиться к чужому нраву, чем приладить чужой нрав к своему.
- Кто идет медленно и не спеша, тому не длинна никакая дорога; кто терпеливо готовится в путь, тот непременно приходит к цели.
- Будем смеяться, не дожидаясь минуты, когда почувствуем себя счастливыми, — иначе мы рискуем умереть, так ни разу и не засмеявшись.

XVII – XVIII вв.

Готфрид Вильгельм Лейбниц

• Немецкий философ

Родился: 01.07.1646 г.
Умер: 14.11.1716 г.

Прожил — 70 лет

> **«Неужели наша душа сама по себе столь пуста, что без заимствования извне образов она не представляет ровно ничего?»** *(Лейбниц)*

■ **«Бог есть последнее основание вещей».** *(Лейбниц)*

■ **«Любить — это находить в счастье другого своё собственное счастье».** *(Лейбниц)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Лейпциге.
• Его отец Фридрих Лейбниц был профессором нравственной философии в Лейпцигском университете и одновременно практиковал в качестве нотариуса.
• В возрасте шести лет Лейбниц лишился отца.
• В студенческие годы потерял и мать.
• Ему было около 13 лет, когда его потрясла Аристотелева логика. До этого была погруженность в историю и поэзию:

/ **Лейбниц:** «Но когда я начал изучать логику, то был сильно поражен разделением и порядком мыслей, о чем я узнал из нее. Я тотчас же осознал, что тут кроется нечто значительное». /

• В 15 лет Лейбниц поступил на юридический факультет Лейпцигского университета.
• 5 ноября 1666 г. двадцатилетний Лейбниц блестяще защитил докторскую диссертацию «О запутанных судебных случаях» в университете города Альтдорф в Нюрнбергской республике. В этой работе развивались идеи его магисте́рской диссертации: в качестве изначальных оснований юриспруденции устанавливались принципы естественного и общенародного права:

/ Диссертация имела такой успех, что новоиспеченному доктору тут же предложили университетскую кафедру. Но Лейбниц уже чувствовал тогда, что преподавательская деятельность не сможет удовлетворить его пытливый и энергичный разум, он жаждал живой продуктивной деятельности; поэтому от предложения отказался и вскоре уехал в Нюрнберг. /

// **О докторе наук:**

В русском языке слово *доктор* не как ученая степень, а как синоним слова «врач» впервые встречается в 1387 г. в «Грамоте Владислава» (там говорится: *Докторъ Стославъ).* В 1499 г. отмечается народная форма *дохтор*, в 1576 г. — *дохтур.* И русское слово, и аналогичные слова в западных языках заимствованы из латыни, где *doctor* обозначало отнюдь не врача, а учителя, преподавателя, наставника. Глагол *doceo* — учить, обучать, извещать, уведомлять, объяснять, излагать дело, готовить к театральной постановке. Корень этого слова *do* (или *da*) — давать, дарить (здесь прямое родство), передавать знания.

В русском языке слово *доктор* как обозначение ученой степени впервые отмечается в Энциклопедическом словаре 1835 г.; там сказано, что это ученое заимствование из латыни. А ввел его в обиход знаменитый естествоиспытатель Парацельс (1493 – 1541).

Латинское слово *doceo* в близкой связи с греческим *dokeo* — «думаю». Вот несколько важных отпрысков обоих корней: *догма, документ, парадокс, ортодоксальность.* Еще один родственник — топоним *Багдад*, что значит «богом данный». //

/// **О магистре:**

Было время, *когда магистр* стоял *выше министра*; по крайней мере об этом говорит этимология. *Магистр* (от *лат.* magis*)* означает выше, больше, в высшей степени, а министр (сравните со словом *минимум*) — меньший.

Слово *министр* первоначально означало всего лишь слугу владыки, то есть меньшего по сравнению с владыкой. А *magister* в Древнем Риме — это глава, начальник, правитель, диктатор, капитан корабля, командир конницы, учитель, руководитель.

Древнерусское *магистръ* (также *магистрь*) восходит к латыни, но пришло через немецкий язык. В родстве с магистром *магистраль* — главная дорога и *магистрат* — городское управление (не путать с *магистрантом* — тем, кто готовится стать магистром). ///

• Четыре года, с 1668 по 1672-й, Лейбниц жил в Париже, где познакомился с Арно, Мальбраншем, Гюйгенсом.

• В 26 лет он уже обладатель двух докторских степеней — юридической и философской.

• **Лейбниц о себе:**

«Две вещи принесли мне огромную пользу, хотя обыкновенно они приносят вред. Во-первых, я был, собственно говоря, самоучкой, во-вторых, во всякой науке, как только я приобретал о ней первые понятия, я всегда искал нового, часто просто потому, что не успевал достаточно усвоить обыкновенное».

• Известно, что Лейбниц бывал в Лондоне, Амстердаме, Гааге.

• Он несколько раз встречался со Спинозой и даже заказал у последнего для себя монокль.

• Лейбниц был среднего роста, худощав, бледнолиц. Он носил черный как смоль парик. Любил душевное возбуждение и был энергичен. Гово-

рят, что был вспыльчив, но гнев его легко прекращался. Лейбниц чрезвычайно любил рассказывать анекдоты из своего детства, желая доказать, что еще ребенком он был уже существом необыкновенным.

• Свою фамилию Лейбниц производил от славянского «Лубенец».

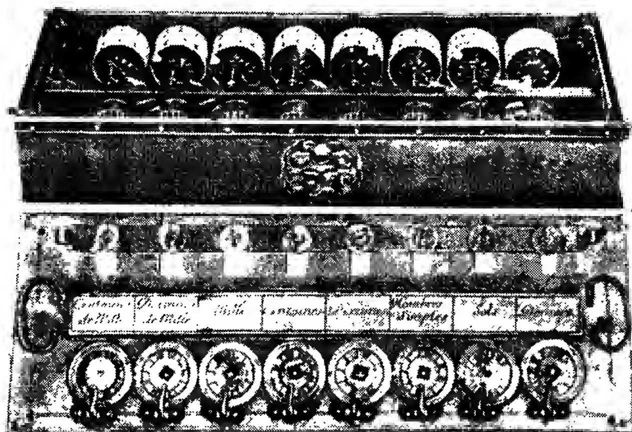
• С 1676 г. и до конца жизни Лейбниц находился на службе при Брауншвейг-Люнебургском герцогстве, где числился заведующим придворной библиотекой.

• С биографической точки зрения любопытны его встречи с прусской королевой Софией-Шарлоттой:

/ Той сáмой Сереной, которой писал свои знаменитые письма английский философ Джон Толанд. /

• Лейбниц был подлинный учёный-энциклопедист. Он — математик и физик, правовед и историограф, археолог и лингвист, политик и экономист.

• В 1674 г. он изобрел и сам сконструировал вычислительную машину, которая умела выполнять четыре основных арифметических действия, возводить в степень и извлекать квадратный корень.

Механический компьютер Готфрида Лейбница

• Лейбниц ввел в научный оборот термины: «алгоритм», «дифференциальное исчисление».

• Ему же принадлежит богооправдательный термин «теодицея» (древнегреческие слова «theos» — бог и «dike» — право). Смысл этого понятия такой: Бог не несет ответственности за зло, творимое не им в сотворённом им мире.

• Он ввел ◐ аксиому **самообнаружения новизны** ◑:

♦ Из двух любых предметов, взятых вместе, всегда детерминируется нечто новое, так как больше будет, если взять их сразу, чем по отдельности.

• Лейбниц объявил о присущем миру «**законе непрерывности**»:

♦ На покой надо смотреть как на прекращающееся, последовательно уменьшающееся движение: точно так же на равенство надо смотреть как на прекращающееся неравенство, как это бывает при непрерывном уменьшении наибольшего из двух неравных тел, когда меньшее сохраняет свою величину.

• Он выдвинул принцип «совершеннейшей связи»:

♦ Всякое изменение затрагивает все субстанции. [...] Всё существующее взаимосвязано. [...] Всё находится в связи в каждом из возможных миров; Вселенная, какова бы она ни была, в своей совокупности есть как бы океан; малейшее движение в нем распространяет свое действие на самое отдаленное расстояние, хотя, конечно, с убылью силы.* [...] Все тела во Вселенной, так сказать, сочувствуют друг другу, взаимно способствуют, каждое каждому. [...] Всё дышит взаимным согласием. [...] В природе нет ничего бесполезного, и всё спутанное должно развернуться.

• Он обогатил науку ◐ «законом присутствия краёв в середине», или феноменом *процессирующей динамики в любом факте бытия* ◑:

♦ Всё во Вселенной находится в такой связи, что настоящее всегда скрывает в своих недрах будущее и всякое данное состояние объяснимо естественным образом только из непосредственно предшествовавшего ему.

• Он был корифеем оптимистического взгляда на мир (**«всё в мире хорошо»**):

♦ Бог создал совершеннейший из всех возможных миров.

♦ Так как Бог выбрал этот мир таким, каков он есть, то он лучший.

• К знаменитому, восходящему к Аристотелю, сенсуалистическому тезису **«Нет ничего в разуме, чего ранее не было в чувстве»** Лейбниц сделал не менее знаменитое добавление: ***«Кроме самого́ разума»***.

• Своими мыслями Лейбниц сильно раздражал церковников:

♦ У животных тоже есть ду́ши, и к тому же бессмертные.

♦ Всякий дух есть как бы маленькое божество.

♦ Люди — это малые боги.

• Лейбниц — автор теории «предустановленной гармонии»:

♦ У души свои законы, у тела свои, причем телесные законы не нарушаются от действий души, тела́ же не находят путей воздействия на ду́ши. Тогда возникает вопрос: откуда же происходит согласие души с телом. Приверженцы *случайных причин* (т. е. случающихся поводов к контакту субстанций — см. теорию окказионализма, с. 171) хотят, чтобы Бог то и дело приспосабливал душу к телу, а тело к душе. Но такое предположение равносильно *чуду* и мало вяжется с философией, долг которой — объяснить ход вещей в природе, ведь в таком случае пришлось бы допустить, что Бог постоянно нарушает естественные законы тел, беспрерывно вмешиваясь в их существование и функционирование.

---

* Идея такого подхода очень удачно и даже прелестно выражена английским поэтом Джеймсом Томсоном (1700–1748):

И связь всеобщую вещей
Открыв, легко мы подытожим:
Когда касаемся цветка,
Звезду далёкую тревожим!

Поэтому мое мнение такое: создав телá и дýши, Бог с самого начала всё предусмотрел и всё сгармонизировал, установил *взаимодействие* между всем и вся, так что со стороны кажется, будто одно хочет, а другое исполняет, на сáмом деле одному потому настала пора «хотеть», что другое уже созрело для «исполнять».

• Философская платформа Лейбница — это некоторый выдвинутый им обязательный набор главных требований и постулатных утверждений, мóгущих быть сведёнными — если брать системно и сущностно — к следующему перечню:

1. «Не следует загружать свой ум тем бесполезным и заслуживающим забвения, что принято скорее в силу авторитета учителей, чем в силу доказательств».

2. «Слова, содержащие противоречия, бессмысленны и лишены какой-либо силы».

3. «Частные действия природы можно и дóлжно объяснять механическими причинами, но при этом нельзя упускать из виду их величественные цели и предначертания, которые предусмотрело провидéние, памятуя, что общие принципы физики и самой механики подчинены управлению Верховного разума и их невозможно было бы объяснить, не принимая во внимание этот разум».

4. «Не следует без нужды предполагать в созданиях наличие того, что не отвечает нашему опыту».

5. «Я определяю *организм*, или естественную машину, как такую машину, в которой каждая часть опять есть машина, и, следовательно, тонкость устройства доходит в ней до бесконечности, ибо ни одна мелочь не упущена, тогда как у наших искусственных машин части не являются машинами. В этом состоит существенная разница между *природой* и *искусством*».

6. «Что может быть яснее идей геометрии? А между тем и здесь некоторые вопросы остаются до сих пор нерешенными».

7. «Я не раз убеждался, что многие ошибочные умозаключения возникают именно из-за несоблюдения формальных предписаний логиков».

8. «Чем выше совершенство, тем более оно детерминировано привязанностью к добру и в то же время более свободно».

9. «Жизнь и смерть — это всего лишь свёртывание и развёртывание: посмотрите на то, как растение вырастает из семени и переходит в него, как составные части бабочки существуют уже в свёрнутом виде у гусеницы».

10. «Природа единообразна в том, что касается сути вещей: свойства вещей всегда и повсюду являются такими же, каковы они сейчас и здесь».

•◐ Профессиональная эрудиция Лейбница просто-таки потрясает: тематика проблем, имена, многочисленные исторические факты и свидетельства — всё это преподносится в таком неимоверном количестве, что чувство уважения к нему невольно перерастает в искреннюю и податливую предрасположенность. Кстати, отсюда следует важный тезис аргументалистики: «Хочешь поразить противника — порази*!»

* Обращаю внимание на *игру слов:* в первом случае слово *поразить* берётся в значении «разбить в пух и прах», во втором — «удивить».

•◐ Установочная основа в теоретическом мироотношении у Лейбница — ПРЕЛОМЛЕНИЕ. Он не просто видит, он видит по-новому. Но и в этом есть специфика — ОН ОДАРИВАЕТ НОВИЗНОЙ. Такая щедрость мышления присуща только великому уму. Вот хотя бы вопрос о первородном грехе ◑:

♦ Причины падения прародителей (т. е. того, почему человек пал с ведома Бога, при его допущении и содействии) не следует искать в каком-то деспотическом могуществе Бога, как будто бы справедливость и святость не были его атрибутами... Точно так же не следует искать причины падения в некоем безразличии Бога по отношению к добру и злу. И не было здесь умысла жестокого милосердия, что-де по извращённой справедливости Бог желал существования грешников, для того, чтобы иметь возможность их наказывать.

Всё это не так, и истинный корень падения заключается в исконном несовершенстве и слабости тварей, вследствие чего грех должен был входить в наилучший возможный порядок вещей... Отсюда следует, что падение по справедливости было допущено, несмотря на совершенство и мудрость Бога, и даже не могло не быть допущено без нарушения последних.

Природу *греха* не следует понимать в том смысле, будто Бог в наказание за грех Адама осудил его вместе с его потомством на дальнейшие грехи и для того, чтобы исполнить своё решение, внушил ему склонность ко греху; напротив, эта склонность произошла как бы по естественной связи, в силу самого́ первого греха, подобно тому, как пьянство есть источник многих других пороков.

/ ◐ Удивительно это доказательство, ибо аргументация настолько мощна́ нестандартностью, что традиционная проблема вдруг разом потеряла былые признаки абсурдности и заиграла многоцветьем истинной серьёзности и вполне поддающегося разумению смысла. Буквально *две стро́чки* (я их для удобства заметности пометил боковой чертой), но они — более чем чудесны: они создали (и обозначили, и вызвали к жизни, и убедительно обосновали) объект понимания. /

• Через тысячи лет Лейбниц вступил в спор с тайной тайн «атомистического» воззрения (◐ вспомним: «атом» означает «неделимый» ◑):

♦ В природе нет материальных атомов, ибо малейшая частица материи состоит далее из частей.

• В 1696 г. Лейбниц ввел в науку понятие «монады» («монада» от *греч.* monas — единица) — некоего «живого нуля», «энтелехии», «субстанциальной формы», «формального атома», «подлинного атома»:

♦ Монады суть истинные элементы мира.

/◐ Нечто вроде сперматозоида вселенского ранга, передающего жизни «жизнь», творящего и хранящего. Он невидим, но он есть. Он не тело (и потому при чём здесь **неделимость**?), он — животворящее. ◑/

• ◐ Лейбниц первым рискнул поставить вопрос о, так сказать, технологии божественного творения. Его беспокоит такой нюанс: что было бы, если бы было? ◑:

/ Лейбниц выдвинул логические основания, по которым совершенство

мира может состоять только в *процессе* его совершенствования. 2 декабря 1676 г. он записал, что если бы всё возможное для нашего мира было полностью реализовано, то мир погрузился бы в пучину абсурда. Ведь тогда всё логически в себе непротиворечивое было бы одновременной реальностью, так что, например, было бы истиной, что у некоторого человека и двое, и пятеро детей, и все из них мальчики, и, наоборот, все девочки и т. д. Значит, не всё возможное совместимо реально. /

• Лейбниц дополнил Аристотелеву логику законом **«достаточного основания»**[11]:

♦ Любая истина может быть доказана из абсолютно первых истин.

♦ Ничто не должно утверждаться без основания.

♦ Ничего не случается без того, чтобы не было основания, почему это случается так, а не иначе.

• **Сочинения Лейбница:**

«Новые опыты о человеческом разуме» (1704):

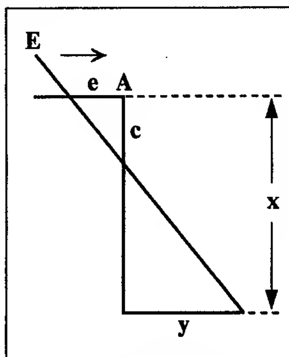
/ Это было полемическое сочинение, направленное против «Опытов о человеческом разумении» (1689) Джона Локка. Но уже в следующем году Локк умер, и Лейбниц не стал публиковать свой труд. Здесь была еще и та причина, что с английской общественностью у Лейбница были довольно натянутые отношения. Поэтому *«Новые опыты...»* увидели свет лишь полвека спустя после смерти Лейбница, в 1765 году. /;

«Исповедание природы против атеистов» (1668);

«Новый метод максимумов и минимумов, а также касательных, для которых не являются препятствием ни дробные, ни иррациональные величины, и особый для этого род исчисления» (1684):

/ Любопытен подход Лейбница к смыслу дроби $\frac{0}{0}$:

На рисунке приводится чертеж Лейбница. Он предполагает, что отрезок *E*, на котором лежат гипотенузы подобных треугольников, перемещается параллельно самому себе по направлению к точке *A*. Хотя при этом *y* растет, отношение $\frac{x-c}{y}$ всё время равняется отношению $\frac{c}{e}$. Что произойдет в момент, когда отрезок *E* пройдет через точку *A*? Конечно, катеты *c* и *e* обращаются в нули, это бесспорно, но как эти нули понимать? Лейбниц говорит: «Если бы *c* и *e* были нулями в абсолютном смысле, то, так как все нули равны между собой, получилось бы $\frac{x}{y} = \frac{0}{0} = 1$, т. е. $x = y$, что нелепо». Лейбниц указывает выход из этого положения: *c* и *e* должны считаться нулями лишь по отношению к конечным величинам (в этой задаче) *x* и *y*, т. е. нулями относительными, а не абсолютными. /;

Чертеж Лейбница для пояснения $\frac{0}{0}$

«Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душой и телом» (1693);

«Об усовершенствовании первой философии и понятии субстанции» (1694);

«Опыты Теодицеи о благости Божией, свободе человека и первопричине зла» (1710):

/ *«Теодицея»* выросла из переписки Лейбница с королевой Софией-Шарлоттой /;

«Критика основоположений отца Мальбранша» (1711);

«Монадология» (1714);

«Абсолютно первые истины...»;

«О необходимости и случайности»;

«О свободе».

• Эпистолярное наследие Лейбница составляет 15 000 писем.

• В Ганноверском архиве Лейбница хранится 75 000 рукописей Лейбница.

• Последние годы жизни Лейбница прошли в одиночестве. Подагра приковала его к креслу. Ганновер перестал играть роль крупного политического и научного центра, каким он был в годы, когда Лейбниц был в расцвете сил и творчества. Покровители философа умерли, переписка постепенно угасала. Обстоятельства его смерти не свободны от некоторых неясностей. 14 ноября 1716 г. с утра Лейбниц чувствовал себя хуже обыкновенного. У него был друг иезуит, который предложил «домашнее средство», приготовленное им самим. Лейбниц выпил предложенный состав и сейчас же почувствовал жестокие боли в животе. Пока разыскивали врача, Лейбниц скончался, примерно через час после принятия «лекарства». За гробом человека, бывшего гордостью нации, шел один-единственный провожатый — его секретарь.

• ◐ Если бы надо было обозначить кратко, буквально в одном девизе все устремления Лейбница, то ничего лучшего, чем его же собственные слова, не найти ◑:

> «Чего я особенно желаю — это усовершенствовать искусство открытий».

2. СУДЬБА

► При третьем правителе — курфюрсте* Георге Людвиге Лейбницу приходилось плохо. Неоднократные выговоры за «нерадивость», нелепые подозрения, прекращение выплаты денежного содержания — так был вознагражден престарелый философ за долголетнюю службу. Ему то и дело давали понять, что он больше не нужен и даром ест свой хлеб.

► Горьким был личный итог жизни и деятельности Лейбница: непонятый и презираемый, притесняемый и гонимый невежественной и спесивой придворной кликой, он пережил крушение своих надежд. С горечью, но со свойственным ему глубоким пониманием действительности он пи-

* **Курфюрст** (*нем.* Kurfürst) — германский владетельный князь, имеющий право участвовать в выборе императора (в так называемой «Священной Римской империи германской нации», формально существовавшей до 1806 г.).

сал: «Не будь войн, раздирающих Европу со времени основания первых королевских обществ или академий, было бы сделано очень многое, и можно было бы уже воспользоваться нашими трудами. Но сильные мира сего большею частью не знают ни значения их, ни того, что они теряют, пренебрегая прогрессом серьезных знаний».

➨ Последнее десятилетие жизни Лейбница было омрачено рядом глубоко тронувших его неприятных эпизодов. Еще в конце 90-х гг. начался знаменитый спор Лейбница и Ньютона о приоритете в открытии дифференциального и интегрального исчисления. Спор всё обострялся из-за печатных обвинительных выступлений сторонников как Лейбница, так и Ньютона. Сторонники первого (среди которых были такие выдающиеся математики, как братья Бернулли и Лопиталь) ссылались на то, что Лейбниц в 1684 г. первым опубликовал соответствующие результаты и что Ньютон лишь отчасти воспроизвел их спустя три года в своих «Началах». Защитники Ньютона (в основном английские математики и его близкие друзья) заявляли, что Ньютон открыл исчисление уже в 1665 – 1666 гг. и Лейбниц заимствовал его идеи через анаграммы, полученные им в 1676 г. через Коллинза. Постепенно спор приобретал характер обвинения в плагиате. После того как в 1705 г. появилась анонимная рецензия на одну из работ Ньютона, которую все посчитали написанной Лейбницем и в которой Ньютон обвинялся в приписывании себе чужого открытия, нападки на Лейбница стали очень резкими. Тогда он потребовал от английского Королевского общества разъяснений. Общество назначило комиссию для расследования дела, которая 24 апреля 1712 г. присудила пальму первенства Ньютону. Это сильно травмировало Лейбница, хотя и не заставило его уступить Ньютону приоритет.

➨ Пренебрежение и вражда власть имущих и церковников к великому мыслителю преследовали его и после смерти. Целый месяц тело философа лежало в церковном подвале без погребения. Лютеранские пасторы, почти открыто называвшие Лейбница «безбожником», ставили под сомнение саму возможность захоронения его на христианском кладбище. Когда в конце концов скромный кортеж направился к могиле, за гробом шло только несколько человек, почти все из них случайные лица, а от двора не присутствовал никто. И один из немногих свидетелей церемонии (Д. Кер), понимавший подлинное значение того, что произошло, заметил: «Этот человек составлял славу Германии, а его похоронили как разбойника». Только Парижская академия торжественно почтила память Лейбница.

➨ Лейбниц проявлял большой интерес к России. Его первая встреча с Петром I состоялась в июле 1697 г. в Ганновере, где русский царь останавливался во время своего путешествия в Голландию с целью изучения морского дела. В октябре 1711 г. Лейбниц сопровождал в Россию брауншвейгскую принцессу Софью-Христину, невесту царевича Алексея. Во время своих продолжительных бесед с царем Лейбниц выдвинул много проектов, в частности проекты законодательной реформы, реформы учебного дела и создания Петербургской академии наук. Осенью 1712 г. Лейбниц вновь встретился с Петром I и сопровождал его затем в поездках в

Теплиц и Дрезден. Во время этой поездки были продолжены переговоры о создании Российской академии наук. Планы, проекты и письма Лейбница по этому вопросу хранятся в Московском государственном архиве.

В это же время Петр I принял Лейбница на русскую службу и назначил ему пенсию в размере 2000 гульденов. Лейбниц, не оценённый по достоинству на родине, чрезвычайно гордился своими отношениями с Петром I. «Покровительство наукам всегда было моей главной целью, — писал он. — Только недоставало великого монарха, который достаточно интересовался бы этим делом». Последнее свидание с Петром I состоялось незадолго до смерти Лейбница, в 1716 году. Оно произвело на немецкого мыслителя неизгладимое впечатление. «Я воспользовался несколькими днями, — писал Лейбниц, — чтобы провести их с великим русским монархом; затем я поехал с ним в Герренгаузен, подле Ганновера, и был с ним там два дня. Удивляюсь в этом государе столько же его гуманности, сколько познаниям и острому суждению».

➡ В 1748 г. в Берлине вышла книга немецкого юриста Иоганна Юсти (1720 – 1778) «Опровержение учения о монадах». Работа получила премию Прусской академии наук: хотя большинство ее членов и были лейбницианцами, решающую роль сыграла позиция главы академии, абсолютно непримиримо настроенного против Лейбница французского физика и философа Пьера Луи Моро де Мопертюи.

➡ **Вольтер:**

«Философская система Лейбница — дерзкое сооружение, возведенное на фундаменте, которого совершенно не видно».

➡ **Денн Дидро о Лейбнице:**

«Один этот человек доставил столько чести Германии, сколько Платон, Аристотель и Архимед, вместе взятые, доставили Греции».

3. УЧЕНИЕ

♦ Бог создал мир ради своей славы.

♦ Души существуют в человеческом зачатке до его оплодотворения.

♦ Ощущение и мысль не есть нечто естественное для материи, и они могут возникнуть в ней лишь двояким способом. Один из них заключается в том, что Бог присоединяет к материи некую субстанцию, которой по природе свойственно мыслить; а другой — в том, что Бог вкладывает чудесным образом в материю мышление.

♦ Если природа вещей в целом такова, что их совершенство всегда равномерно возрастает, то мир этих вещей должен иметь начало.

♦ Всякий раз, когда какая-либо вещь среди творений Господа кажется нам достойною порицания, мы должны заключить, что она недостаточно нами познана.

♦ Нам всем следует знать, что настоящее чревато будущим и обременено прошедшим, что даже в ничтожнейшей из субстанций пытливый взор может прочитать всю историю Вселенной... ибо Бог имел в виду всё, принимая решение о каждой части.

♦ Решительно нигде не бывает совершенного сходства (**это одно из основных и важнейших моих положений**).

♦ Ничто не происходит сразу, и одно из моих основных и наиболее достоверных положений — это то, что *природа никогда не делает скачков*. Я назвал это **законом непрерывности**. В силу этого закона всякий переход от малого к большому и наоборот совершается через промежуточные величины как по отношению к степеням, так и по отношению к частям.

♦ Вещи восходят вверх по степени совершенства незаметными переходами.

♦ Существует бесконечное число ступеней между каким угодно движением и полным покоем, между твердостью и совершенно жидким состоянием, которое не представляет никакого сопротивления, между Богом и ничто. Точно так же существует бесконечное число переходных ступеней между каким угодно деятельным и чисто страдательным началом.

♦ Всякую часть материи можно представить **наподобие** сада, полного растений, и пруда, полного рыб. Но каждая ветвь растения, каждый член животного, каждая капля его соков — есть опять такой же сад или такой же пруд.

♦ Всякая монада есть живое зеркало...

♦ Монады вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло бы войти в них или из них выйти. Акциденции не могут отделяться или двигаться вне субстанций, как это некогда делали у схоластиков чувственные виды. Итак, ни субстанция, ни акциденция не могут извне проникнуть в монаду.

♦ Каждая индивидуальная субстанция (а именно так, подлинно, надо понимать монаду) есть как бы целый мир и зеркало Бога или всей Вселенной, которых каждая субстанция — монада выражает по-своему, **вроде того как** один и тот же город представляет различные виды, в зависимости от положения наблюдателя.

♦ **Субстанция...** ничто не определяет ее, кроме Бога.

♦ Я предпочитаю сравнивать душу с глыбой мрамора, по которому проходят жилы, чем с мрамором безо всяких жил или с чистой доской, т. е. с тем, что философы называют tabula rasa; так как если бы душа походила на эту чистую доску, то «истины» столько же существовали бы в нас, сколько существует в глыбе мрамора фигура Геркулеса, в том случае, когда мрамор может принять безразлично ту или другую форму. Но если бы в камне были жилы, намечавшие фигуру Геркулеса предпочтительно перед другими фигурами, то камень был бы предрасположен к обработке в этой форме и Геркулес был бы в известном смысле как бы врождён камню.

♦ Душа содержит первоначально (изначально) принципы различных понятий и теорий, для пробуждения которых внешние предметы являются только поводом. Это думаю я вместе с Платоном.

♦ Понятия «сущность», «субстанция», «тождество», затем понятия «истины» и «добра» и многие другие врождены нам потому, что дух **врождён сам себе**, т. е. выполняет врождённые функции, и в известном смысле сам в себе открывает все эти понятия. Таким образом, можно действительно сказать: в мышлении не может возникнуть ничего, что не было ранее дано в чувствах, кроме самого мышления.

♦ Идеи и истины врождены нам подобно склонностям, предрасположениям, привычкам и естественным потенциям.

♦ Правда, не следует думать, будто эти вечные законы разума, т. е. внутренние принципы, определяемые мною понятием «врождённые», можно прочесть в душе прямо, без всякого труда.

♦ Чистые эмпирики — животные, они как раз и руководствуются только примерами.

♦ Только разум даёт возможность зачастую **предвидеть** хоть какое событие... не обращаясь к опыту. Чего совершенно не могут делать животные.

♦ Природа щедра в своих действиях и бережлива в применяемых ею причинах. Я называю это открытие **принцип «mini-max»**.

♦ Все ли истины зависят от опыта, т. е. от индукции и примеров, или же имеются истины, базирующиеся на другой основе?

♦ Хотя чувства необходимы для всех наших действительных знаний, но они недостаточны для того, чтобы сообщить их нам полностью (так как чувства дают лишь примеры...) ...ведь из того, что нечто произошло, не следует вовсе, что оно всегда будет происходить таким же образом.

♦ По моему мнению, всякий дух представляет себе этот чувственный мир, но с тем бесконечным отличием от божественного духа, что Бог познаёт всё сразу адекватно, а мы ясно познаём лишь очень немногое.

♦ Но семя всего, что мы познаём, лежит в нас.

♦ Мы поступаем чисто эмпирически, когда ожидаем, что завтра наступит день, потому что до сих пор так происходило всегда. И только астроном судит в этом случае при помощи разума.

♦ Наш дух — это разумная душа в нас.

♦ Через познание необходимых истин и через их отвлечения мы возвышаемся до рефлективных актов, которые дают нам мыслить о том, что называется **Я**, и усматривать ***в себе*** существование того или другого; а мысля о себе, мы мыслим также и о бытии, о субстанции, о простом и сложном, о невещественном и о самом Боге, постигая, что то, что в нас ограничено, в нем беспредельно. И эти-то рефлективные акты доставляют нам главные предметы для наших рассуждений.

♦ Каждому человеку присуща свобода совершения любого поступка, т. е. того, что он сочтет наилучшим.

♦ Если бы магнит обладал сознанием, то он считал бы свое направление к северу определением своей воли, законом своей свободы.

♦ Природу следует объяснять математическим и механическим способами.

♦ Возможно, что есть другая природа вещей, в которой имеются и другие законы.

♦ **Сущность** есть на самом деле не что иное, как возможность того, что полагают. Кентавр — сущность (потому что он — конкретная определенность: «человеконь»), но он не существование, ибо есть фантазия.

♦ Что мыслимо — то возможно, что возможно — то мыслимо.

♦ Раньше всего существует существо, совершеннейшее из всех возможных.

♦ Хотя я убеждён, что всё совершается детерминированным путем, но и у случайности, по-моему, есть свои права.

♦ Если субстанция бездеятельна, то какая же она тогда **субстанция**?!

♦ Мне кажется, что чувства не могут убедить нас без помощи разума в существовании чувственных вещей. Поэтому я готов думать, что идея бытия происходит из рефлексии.

♦ Не необходимо, чтобы то, что мы узнаём о вещах вне нас, было совершенно подобно им, нужно только, чтобы оно *выражало* их, как эллипс выражает круг, если рассматривать круг под углом, так что каждой точке круга соответствует в этом отношении точка эллипса, и обратно, согласно определённому закону отношения. Ибо, как это мне уже приходилось говорить, каждая субстанция выражает мир своим способом.

♦ Каждое действие **выражает** свою причину, а причина каждой субстанции есть решение, которое Бог принял, чтобы ее создать.

♦ *Пространство* есть сущее через совокупность, примерно так же, как мы это видим на примере, скажем, государства.

♦ *Время*, строго говоря, никогда не существует, ибо оно никогда не существует как целое, вследствие того, что его части не сосуществуют друг с другом.

♦ Я не сознаю необходимости принятия первоначального момента времени. Тем не менее я не осмеливаюсь открыто отрицать, что имелся первоначальный момент. Здесь возможны два предположения: что природа всегда одинаково совершенна, другое — что ее совершенство постоянно возрастает. Если имеет место первое, вероятно, что нет начала мира. Если совершенство постоянно возрастало бы, то это также было бы совместимо с двумя различными взглядами и выразимо как ординатами гиперболы, так и ординатами треугольника.

В соответствии с гипотезой, обозначенной гиперболой, не было бы первого начала, и мгновенные состояния универсума усовершенствовались бы от вечности; согласно гипотезе треугольника, напротив, существовало бы начало мира. Гипотезу равномерного совершенства следовало бы передать прямоугольником. Пока я не вижу средства, как точно установить, на какое из трех предположений надо решиться согласно чистому разуму.

♦ Я утверждаю, что понятие сил (vires) или силы (virtus), которое германцы называют Kraft, галлы la force и для объяснения которого я предназначил особую науку, динамику, проливает много света на постижение истинного понятия субстанции.

♦ Принцип дальнодействия, или действия без посредника, как это излагает Ньютонова теория тяготения, есть схоластическая выдумка.

♦ Я очень одобряю исследование аналогий...

♦ Искусство открывать причины явлений, или истинные гипотезы, похоже на искусство дешифрирования, где часто остроумная догадка сберегает массу труда.

♦ **По поводу «общего»...** Представляя себе сходство вещей, вы представляете нечто сверх того, и всеобщность заключается только в этом.

♦ Случай, действительная фортуна могли бы существовать только в том случае, если бы, как это справедливо заметил Цицерон в своей книге «О дивинации», *причина* могла производить *следствие*, по отношению к которому она была бы совершенно безразличной.

♦ Бог — это Высший разум и Высочайшее могущество, поэтому посредником между субстанциями Он выбрал не себя, а *предустановленную гармонию*. Суть здесь такая: все вещи находятся как бы в сговоре друг с

другом и их ведёт одна рука первоначального установления. И подобие тому не корабль, который сам собой идёт в порт, а паро́м, который пересекает реку, будучи прикреплён к канату: со стороны кажется, что он *сам* взаимодействует с водой, чтобы плыть, но на деле-то весь ход его действий заранее предусмотрен и потому предопределён. Это как на ска́чках: и лошади кажется, что она бежит сама по себе, и наезднику дело видится как всецело задаваемое им, а суть-то та, что над обоими властвует *закон ипподрома* — и место, и время, и количество кругов, и скорость... Это как двое часов, которые совершенно различны по устройству (скажем, каминные и башенные), но показывающие время в лад, поскольку поставлены в полное соответствие.

♦ Воля души не влияет на тело, но тем не менее соо́бщна в действиях с ним, напоминая в этом плане зеркало, которое повторяет все движения отражаемого и даже модулируется им, однако не подчиняется ему, а делая так лишь в силу своей (отражать — это суть зеркала, и для того оно только и сделано!) функции. И что особенно важно, — объект отражения **никак** не влияет на оптические законы в зеркале.

♦ Все вещи в мире — это своеобразные живые «зеркала́», которые и сами по себе, и не независимы от Бога, поскольку отражают Его, и потому пребывают в постоянном запечатлении Им и с Ним.

♦ Любое движение, в ком бы и в чём бы оно ни происходило, уже заранее предусмотрено Творцом и Им вложено во всё *действующее*.

♦ Всякая душа знает бесконечное, знает всё, но смутно. Когда я прогуливаюсь по берегу моря и слышу сильный шум, который оно производит, я слышу отдельные шумы каждой волны, из которых слагается этот общий шум, но не различаю их; так и наши смутные восприятия суть результат впечатлений, производимых на нас всем Универсумом. То же самое и в каждой монаде. Один Бог имеет отчётливое познание всего, ибо Он источник всему. Очень хорошо было сказано, когда-то давно, что Бог — это как бы вездесущий центр, окружности которого нет нигде, всё для него существует непосредственно, без всякого удаления от центра.

♦ Я не представляю себе неделимых физических величин (если оставить в стороне чудеса) и полагаю, что природа может достичь любой степени ма́лости, какую предусматривает геометрия.

♦ Что касается вопроса о том, существует ли протяжение вне нас и не является ли оно лишь феноменом, подобным цвету, то здесь есть над чем задуматься. Понятие протяжения не такое уж простое, как это кажется. Предстоит ещё решить, является ли пространство чем-то реальным, заключает ли материя в себе что-либо иное, кроме протяжённости, является ли сама материя субстанцией и если да, то в каком смысле; словом, это тема долгая, хотя я уверен, что вопросы эти разрещить можно.

4. МЫСЛИ

◪ Мы созданы, чтобы мыслить. Нет необходимости, чтобы мы жили, но необходимо, чтобы мы мыслили.

◪ Действие должно соответствовать своей причине, и даже оно лучше всего познаётся из познания причины; поэтому было бы неразумным ввести высший разум — управитель вещей, — а затем пользоваться для

объяснения явлений одними свойствами материи, вместо того чтобы прибегать для этого к его мудрости. **Это совершенно похоже на то, как если бы** историк, объясняя какое-либо завоевание, которое совершил великий государь, взявши некоторое важное укрепление, — стал бы говорить, что это произошло потому, что маленькие тельца пороха, будучи освобождены при прикосновении искры, вырвались со скоростью, способною выбросить тяжелое и твердое тело в стены укрепления, в то время как ветви маленьких телец, из которых состоит пушечная медь, были так крепко перепутаны, что не разъединились от этой скорости, — вместо того чтобы показать, как предусмотрительность завоевателя заставила его выбрать подходящее время и средства и как могущество его преодолело все препятствия.

- Поистине есть два лабиринта в человеческом духе: один — касающийся строения континуума и другой — относительно природы свободы, и оба они проистекают из совершенно одного и того же источника — бесконечности.
- Я прошел бы 20 миль, чтобы выслущать моего худшего врага, если бы я мог что-либо узнать у него.
- Моральная необходимость мало мешает свободе, ибо кто выбирает наилучшее, то он от этого не становится менее свободен; наоборот, самая совершенная свобода скорее состоит именно в том, чтобы ничто не мешало действовать наилучшим образом.
- Люди презирают не столько порок, сколько слабость и несчастье.
- Скромные люди, будучи только свидетелями неприличного поступка, испытывают ощущения, похожие на ощущения стыда.
- **Завнсть** есть беспокойство (неудовольствие) души, вытекающее из того, что желательным нам благом обладает другой человек, которого мы не считаем более нас достойным владеть им.
- *Абсолюты* не что иное, как атрибуты Бога.
- Без полустраданий разве есть удовольствие? Кто не пробовал горького, тот не заслуживает сладкого и даже не сможет оценить его.
- Не следует пренебрегать никакой истиной.
- Принуждение — это зависимость от того, что вовне.
- Я считаю доказанным, что для субстанции существенно, чтобы настоящее ее состояние включало в себя будущие состояния, и обратно, и негде больше искать силы или основания перехода к новым восприятиям.

  /■■ Говоря, что индивидуальное понятие Адама заключает в себе всё то, что с ним (Адамом) когда-либо случится, я не хочу ничего утверждать, кроме того, что подразумевают все философы, когда говорят, что предикат заключен в субъекте **истинного** предложения. ■/

- Идеи — это как бы материя мыслей.
- Доказанное примерами никогда нельзя считать полностью доказанным.
- *Бог должен* — означает, что, действуя иначе, он нанесет ущерб своим совершенствам.
- Нащи явления суть следствие нашего существа. И одинаково верно, что в моем духе существует образ золотой горы или кентавра, если это

сновидение, как и то, что существую я сам, находясь во сне: ведь и то, и другое содержится в одной и той же истине, именно, что кентавр мне является.

- Языки — это лучшее зеркало человеческого духа, и путем тщательного анализа значения слов мы лучше всего могли бы понять деятельность разума.
- Существует определённость между телом и всеми разумными и неразумными мыслями души. Я думаю, что в душе происходит нечто, соответствующее кровообрашению и всем движениям наших внутренних органов, чего мы, однако, не сознаём, подобно тому как люди, живущие возле водяной мельницы, перестают со временем ощущать ее шум.
- Абстракция сама по себе не является ошибкой, лишь бы только помнили, что то, от чего отвлекаются, всё же существует.
- Чем кто мудрее, тем более взаимно согласованы у того намерения.
- Яков Бёме может служить примером того, какие чудовищные взгляды обнаруживаются, если полуобразованные люди отдаются умозрению, предоставляя полный простор своей фантазии. Яков Бёме, прочитав на отечественном языке, т. е. не в подлиннике, некоторые книги по метафизике, мистике и химии, измышляет удивительный вздор, представляющийся великой тайной многим поверхностным мыслителям.
- Я не презираю мистиков: их мысли по большей части смутны, но так как они обыкновенно пользуются прекрасными аллегориями и трогательными образами, то это может содействовать доступности истины.
- Я не презираю почти ничего... Никто не обладает менее критическим духом, чем я. Это звучит странно, но я соглашаюсь почти со всем, что я читаю. Я слишком хорошо знаю, как многообразны вещи, и поэтому при чтении я всегда сразу наталкиваюсь на то, что объясняет и оправдывает автора.
- Как-то Лейбниц встретился в Лейпциге с приятелем, и они пили вдвоем кофе с молоком, который философ очень любил. И здесь Лейбниц между прочим вдруг сказал, что он не может решить, не содержатся ли в стоящей перед ним чашке с горячим напитком монады, которые в своё время будут человеческими душами.
- Я совершенно согласен с Мальбраншем и Цицероном, когда они говорят, что человек рождён не для себя, но для других.
- Световые лучи, исходящие от бесконечного множества предметов и проходящие сквозь небольшую щель, не смешиваясь между собой, как это можно наблюдать в темной комнате, служат прообразом утонченного духовного мира.
- На вопрос, для чего существует актуально бесконечное число монад, отвечаю: чтобы они были в состоянии раскрыть всё богатство божественного творения.
- Что касается наших мыслей, как они должны отображать процессы нашего тела, то они не могут быть отчетливыми, если следы в нашем мозгу спутаны... Но несомненно, что телесные образы скрещиваются и смешиваются наподобие того, что происходит, если мы сразу броса-

ем в воду несколько камней. Ведь каждый камень образовал бы свои собственные круги, которые *в действительности* не смешивались бы, для зрителей же *кажутся смешанными*, потому что им трудно их расчленить.

- Так как *природа* всякой простой субстанции такова, что ее последующее состояние есть результат ее предшествующего состояния, то в *этом* и *заключается причина* всякой гармонии.
- Кто не составляет с собою единства, тот не свободен.
- Мудрому не свойственно тратить силы сверх надобности.
- Настоящее грандиозно вместе с будущим.
- Правда более распространена, чем полагают, но очень часто она приукрашена, прикрыта и даже умалена, извращена наслоениями, которые портят ее и делают менее полезной.
- Вообще, когда существо свободно? Когда оно соответствует своему бытию.
- Я стою́ на том, что плохая голова, обладая вспомогательными преимуществами и упражняя их, может перещеголять самую лучшую, подобно тому как ребенок может провести по линейке линию лучше, чем величайший мастер от руки.
- Наше счастье вовсе не состоит и не должно состоять в полном удовлетворении, при котором не оставалось бы больше ничего желать, что способствовало бы только отупению нашего ума. Вечное стремление к новым наслаждениям и новым совершенствам — это и есть счастье.
- Относительно *феноменa взаимодействия*, или ПРОБЛЕМЫ МАЛЬБРАНША. Я полностью согласен с отцом Мальбраншем относительно невозможности понять, как это субстанция, которая имеет только лишённое мысли протяжение, могла бы действовать на субстанцию, которая имеет только мысль без протяжения. Однако я бы добавил здесь следующее: то, что Бог производит в А, соответственно с тем, что он производит в В, кроме того, согласно полностью с собственными законами, которые он установил для А.

∇ ◐ Да уж... Парадокс взаимодействия, пожалуй, самый крепкий из философских орешков. Разница тел, в момент их соприкасания, сразу же ставит вопрос о том, чем эта самая «разница» преодолевается. Получается, что изолированность не изолирует. Но тогда откуда, зачем и для чего индивидуализация?

Применительно к субстанциям (т. е. к тому, что самодостаточно и ни в чём другом совершенно не нуждается) аспекты этой темы становятся ещё острее. «Параллельными» сущностями субстанции быть не могут, ибо мы бы о них тогда никогда не узнали, но и совместный контакт для них (по определению, конечно!) совершенно исключён. Как же тогда осуществляется единство духа и тела и любое моё «хочу!» вызывает адекватное ему действие??

Мальбранш и Лейбниц решали эту весьма специфическую проблему введением координатора, т. е. *третьего* — Бога. Однако, на мой взгляд, более перспективным будет — ставить вопрос о **ПЕРЕДАТОЧНЫХ МЕХАНИЗМАХ**. Тела́ и процессы должны оставаться самими собой, но

их поведение по отношению друг к другу может сопровождаться ПОЛЕВЫМ ЭФФЕКТОМ (к примеру, магнит — железные опилки), ДИСТАНТНЫМ ВЛИЯНИЕМ (скажем, видя зевающего, мы также начинаем зевать), ПРОБУЖДАЮЩИМ ПОБУЖДЕНИЕМ (заметьте: как огонь поджигает другой материал? — он его согревает... до воспламеняемости), НЕЙТРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТЬЮ (вспомним: вода в море при Луне становится серебристой и как бы рту́теподо́бной — тяжелеет, светится, величественеет, т. е. явно преображается, но при этом ни в чём собой не поступаясь) и НАВЕВАНИЕМ (представьте: в осеннем парке кружит, падая, одинокий лист — тоскливый, пожухлый, никчемный — и этого достаточно, чтобы мы вошли в *резонанс* общего с ним ощущения судьбы — загрустили, забеспокоились, сжались...). ◑

◪ Главной ошибкой исследователей, от которой не был свободен даже Евклид, было то, что они принимали за аксиомы предложения, которые можно было бы ещё доказывать.

◪ Конечно, из истин можно вывести только истины; но порой и мнимости бывают полезны для отыскания истины.

◪ Те, кто любит углубляться в детали научных знаний, пренебрегают абстракциями и обобщениями; те же, кто углубляет основы науки, редко вдаются в подробности. Что до меня, то я равно дорожу и тем и другим, ибо я убедился, что анализ общих принципов помогает разработке частных вопросов.

◪ Всегда следует исходить из некоторых достоверных истин, иначе придётся вообще отказаться от надежды что-либо доказать, ибо нельзя же бесконечно приводить всё новые и новые доказательства. Не следует требовать невозможного; это значило бы, что поиски истины ведутся просто несерьёзно.

◪ Нет ничего важнее и плодотворнее всеобщих истин метафизики, я люблю их сильнее, чем можно себе представить.

◪ Кто не изучил красноречия, тот даже и хорошие мысли будет излагать плохо и наверняка не получит славы у потомства.

◪ Часто люди, когда они предпринимают нечто справедливое, поступают несправедливо, не ведая, каким образом действия, исходящие из справедливого намерения, достигают блага.

◪ Сегодня *среди других значительных причин атеизма* всё бо́льшее место занимает пренебрежение образованием.

◪ Даже если читать без разбора и без цели или вообще чем-то заниматься из «просто так», то это всё равно полезно, как прогуливающиеся на солнцепеке, даже будучи заняты чем-то другим, *загорают*.

◪ Всегда нужно стараться продвигать наши знания вперед, и пусть даже мы будем воздвигать многое на немногих предположениях, всё равно это окажется очень полезным.

◪ В конце концов прогресс возобладает и восторжествует.

Пьер Бейль

XVII – XVIII вв.

• Французский философ

Родился: 18.11.1647 г.
Умер: 28.12.1706 г.

Прожил — 59 лет

> **«Человек — орешек, который всего труднее раскусить всем создателям философских систем. Он представляет собой камень преткиовеиия и для вериых и для ложиых взглядов».**
>
> *(Бейль)*

■ **«Страх перед Богом ие исправил иикакую из человеческих испорчеииостей».**

(Бейль)

■ **«Нет бессмыслицы, в которой иельзя было бы ие заподозрить ум человеческий».**

(Бейль)

1. ЖИЗНЬ

• Родился в деревушке Карлá у Пиренейских гор в семье протестантского пастора.
• До 19 лет учился у отца.
• В 1668 г. Бейль отправился в протестантский университет в Пюилоране. Но от чрезмерных занятий серьезно заболевает почти на два года.
• Ревностным христианином, видимо, Бейль никогда не был, и потому голос разума был для него превыше всего.
• Однажды молодой Бейль отважился, говоря сегодняшним социологическим языком, на «включённое исследование». Он уехал в Тулузу и влился (включился) в полемическую среду существовавших тогда разногласий гугенотов и католиков. Юноша не хотел строить свои представления, основываясь на чужих пересказах различных суждений. Ему надо было опробовать всё самому. Бейль принимает католицизм...
• Через 18 месяцев он возвращается к вере своих отцов. Пьер уже знает, что поиск **истиииой** религии, вполне допустимо, может оказаться безрезультатным.
• С 23 лет Бейль — в Женеве. Он работает домашним учителем в домах знати, углубленно знакомится с философией.
• В 28 лет Бейль становится профессором протестантского университета в Седане и в течение шести лет читает лекции по философии.
• В 1681 г. власти под воздействием антигугенотских настроений закры-

ли Седанский университет. Вместе с массой гугенотов Бейль покидает Францию. А вскоре он получает место профессора философии и истории в Роттердамском университете. Отныне и до конца дней он станет жить в Голландии:

/ Название «гугеноты» происходит от немецкого слова Eidgenossen — объединенные клятвенным союзом. Гугеноты были приверженцами кальвинизма, одного из трех направлений протестантизма (наряду с лютеранством и англиканством), принявшего идеи деятеля Реформации Жана Кальвина (1509 — 1564).

Центральное место в кальвинистской теологии, основанной на принципе «оправдания верой», занимает учение о *предопределении*, согласно которому судьбы людей предопределены Богом и никакие «добрые дела» не могут этого изменить. С точки зрения кальвинизма, политические цели должны быть подчинены задаче осуществления «царства Божьего» на земле. Основой веры признаётся «слово Божье», выраженное через Священное Писание. Культ в кальвинизме упрощен. Почитание креста, икон отвергается. Из семи христианских таинств (крещения, причащения, священства, покаяния [исповеди], миропомазания, елееосвящения [соборования освященным елеем], брака) сохраняются лишь *крещение* и *причащение*, которые рассматривались как символические обряды. Пасторы и проповедники в общинах избирались верующими. /

• ◐ Натура Бейля была богата внутренней жизнью. Все известные факты, события, явления обкатывались этим человеком, как камушки морем. Сито Бейлевого мозга сортировало эти сделанные пригодными к анализу события, в результате чего у Бейля можно найти много весьма полезных для жизни обобщений и ◐ системизмов ◑, если под последними понимать своеобразные «настои» из подборок и выписок. Пряный аромат этого концентрата и пьянит, и усла́живает. А отчего бы и нет! Ведь зная, каковы бывают или могут быть другие, сам о себе судишь уже куда спокойнее ◑:

♦ Люди слабо руководствуются своими принципами. Вот турки, которые терпят всевозможные религии, хотя Коран предписывает им преследовать неверных, а вот христиане, занятые одними лишь преследованиями, хотя Евангелие им это запрещает.

♦ Из того, что мы считаем нечто очевидным, отнюдь не следует с необходимостью, что наш ближний тоже считает это очевидным. Ведь другой человек не рассматривает вещи так, как мы.

♦ Существует различие между тем, во что люди верят, и тем, что они делают. Овидий, вложивший в уста Медеи слова: «Я вижу добро и соглашаюсь с ним, но делаю зло», совершенно верно представил разницу между светом совести и действительным побуждением к действию.

♦ А кто не знает о природном стремлении к удовольствию, каковое всем нам доставляет то, что удалось превзойти наших соперников и отомстить тем, кто осуждает наше поведение?

• ◐ Бейль — весьма проницательный и тонкий диалектик. Он обладал удивительным даром входить в резонанс, в совпадение настроев мыслей

с любым философом — что древним, что современным ему. В истории философии это единственный случай. Второго такого нет:

/ Посмотрите, как всеохватно подмечен, аутентично преподнесен и адекватно адаптирован под понимательное восприятие сущностный стиль мудрствований Зенона Элейского. Разве есть еще аналоги такому великолепному сочетанию простоты, ясности и глубины? Приобщающаяся душа аж вибрирует от удовольствия, вчитываясь и вникая в нижеследующие строчки:

♦ Метод рассуждения Зенона был таков: если есть сущность, то она неделима, ибо единство не может быть разделено; неделимое же — ничто, ибо нельзя считать существующим то, что по своей природе, будучи прибавлено к другому, не производит увеличения и, будучи отнято от другого, не производит уменьшения; следовательно, сущности нет. / ◑

• Вполне правомерным было бы считать, что Бейль первым попытался выяснить вопрос о том, что бóльшее зло: атеизм или ложная религия?

• **Сочинения Бейля:**

«Философские тезисы» (1676);

«Диссертация о сущности тем» (1680);

«Разные мысли, изложенные в письме к доктору Сорбонны по случаю кометы, появившейся в декабре 1680 года» (1680):

/ Эта работа Бейля стала первой его книгой, предназначенной для печати. Антирелигиозная дерзость автора была в ней безграничной. «Суевериям бой!» — так можно было бы определить общий настрой этого сочинения. Те, кто его читал, совсем не удивлялись тому, что издание анонимное и на обложке отсутствует какое бы то ни было указание на возможного автора. /;

«Общая критика “Истории кальвинизма” Мембурга» (1682);

«Что представляет всецело католическая Франция в царствование Людовика Великого» (1686);

«Философский комментарий на слова Иисуса Христа: “Заставь их войти”» (1686);

«Добавление к философскому комментарию» (1688);

«Ответ только что обращенного на письмо изгнанника» (1689);

«Исторический и критический словарь» (1697):

/ Это первое сочинение, на титуле которого Бейль поставил свое имя.

В словаре 2044 статьи, философам посвящены 104: 48 — об античных мыслителях, 25 — о философах Возрождения, 18 — о философах XVII в., 13 — о философах средневековья.

«Словарь...» был задуман и исполнен как беспристрастная энциклопедия многих ошибок многих людей. Бейль хотел бы вмешаться в не всегда притягательную судьбу своих персоналий, но у него всё же хватило выдержки быть объективным:

♦ Мой «Словарь» есть произведение историческое, и я не имею никакого права представлять в нем людей как угодно. /

• В жизни Бейля был период, когда он издавал журнал «Новости литературной республики». Эта деятельность философа имела началом 1685 год.

• Бейль был дружен с Готфридом Лейбницем, с которым переписывался с 1687 года.

• ◐ Большинство рассуждений Бейля носят **извлекательный** характер. И чтобы объяснить это явление, я не могу не прибегнуть к обязательной образности, т. е. к уподоблению. Задумаемся. Крупинки алмазной жилы не могут быть прекрасными, находясь в земле, но становятся таковыми, будучи извлечёнными, огранёнными, преподнесёнными в ансамбле. Опять же, многие красóты, пребывая внутри облекающих их стихий и только там и только этим красивые, вытянутые на поверхность, сразу блекнут и чахнут. Это касается и камней, и водорослей, поднятых из морских глубин. Первые мгновенно сереют, теряя имевшееся у них в воде и на дне очарование, а вторые быстро превращаются в непривлекательную слизь. Такова и участь утверждений мыслителей. И то, что делает Бейль с этими доктринами ума, порой одновременно и интересно, и как-то колко потрясательно.

Одним словом, любопытно вкусить оригинальный почерк уникального мастера. А примером тому пусть будет такой его вывод (кстати сказать, один из важнейших по серьезности предмета рассмотрения) ◑:

♦ Те, кто утверждает, что Бог допустил **грех**, так как он не мог этого избежать, не нанося ущерба свободе воли, которую он дал человеку и которая явилась самым прекрасным даром, какой Бог вручил человеку, подвергаются большой опасности. Приводимый ими довод прекрасен, в нем есть нечто обольстительное, нечто величественное. Но в конце концов его можно опровергнуть доводами, более понятными всем людям и более основанными на здравом смысле и логике. Даже тот, кто не читал прекрасный трактат Сенеки о благодеяниях, знает посредством естественного света, что сама природа благодетеля состоит в том, чтобы не оказывать милостей, о которых благодетель знает, что если ими злоупотребят, то они приведут к гибели того, кому эти милости оказываются... Это идеи, столь же известные простому народу, как и философам... Не существует доброй матери, которая, разрешив дочерям пойти на бал, не отменит это разрешение, убедившись, что на этом балу ее дочери не устоят перед домогательствами и потеряют свою невинность. И всякая мать, которая, зная достоверно, что это обязательно произойдет, отпустит дочерей на бал, ограничившись перед этим увещеванием быть мудрыми и угрозой немилости, если они придут с бала женщинами, навлечет на себя по меньшей мере справедливое осуждение за то, что она не любит своих дочерей и не оберегает их целомудрие... Это показывает безрассудство тех, кто выдвигает в качестве довода то, что Бог-де берёг свободу воли первого человека.

• ◐ Бейлю были свойственны безапелляционность и максимализм. Его напористая правота воинственна. Он не убеждает, а **втягивает** в убеждение ◑:

♦ Я утверждаю, что если бы движение существовало, то оно было бы одинаково во всех телах: не было бы Ахиллесов и черепах, гончая никогда не догнала бы зайца. Зенон утверждал это, но мне кажется,

что он исходил лишь из бесконечной делимости континуума. Мне могут возразить, что он, возможно, отказался бы от этого примера, если бы имел дело с противниками, допускающими математические точки или атомы. Я отвечаю, что этот пример относится в одинаковой мере ко всем трем системам. Представьте себе дорогу, состоящую из неделимых частиц, поместите черепаху на сто точек впереди Ахиллеса, он никогда не догонит ее, если она движется. Ахиллес в каждый момент будет проходить только одну точку, ибо если бы он проходил две, то был бы в двух местах одновременно. Черепаха будет проходить в каждое мгновение одну точку — это наименьшее, что она может сделать, ибо нет ничего меньше одной точки.

♦ Формальная причина скорости движения необъяснима: наиболее удачной мыслью в этой связи надо считать утверждение, что нет непрерывного движения и что все тела, которые кажутся нам движущимися, останавливаются через известные интервалы. То тело, которое движется в десять раз быстрее другого, останавливается десять раз, когда другое останавливается сто раз. Но сколь бы удачной ни казалась эта уловка, она ничего не сто́ит и опровергается солидными доводами, которые можно найти в любом курсе философии...

Я удовлетворюсь приведением лишь одного примера, основанного на движении колеса. Можно колесо сделать таким бо́льшим, что части спиц, наиболее удаленные от центра, будут двигаться в десять раз быстрее, нежели те, которые находятся во втулке. Несмотря на это, спицы остаются прямолинейными — очевидное доказательство того, что нижняя часть не может находиться в покое, в то время как верхняя движется.

• ◐ Несогласие с другими не было ни частью его натуры, ни целиком ею. Несогласие было **душой** его естества и даже душой его души. Ему, несомненно, была известна заявленная еще Декартом проблемность «целого», его броская парадоксальность, особенно с позиций множественности и бесконечности:

«Наибо́льшее число тождественно числу всех единиц. Число же всех единиц тождественно числу всех чисел (так как любая единица, добавленная к предыдущим, всегда создаёт новое число). Число же всех чисел подразумевает то, что для любого числа имеется соответствующее число, которое равно удвоенному данному. Следовательно, число всех чисел не больше числа четных чисел, т. е. целое не больше части».

Но Бейль, если видит свое, то враз перестаёт замечать чужое. Истиной для него в эти мгновения является только, исключительно и сплошь его яйность. Он превращается в **покорность** перед своим мозгом. Кстати, это очень любопытная сама по себе ситуация: разум, беря верх над разумением, лишает мышление силы: ум оребячивается, впадает в детство. Себяумие завершается бледноумием:

♦ Есть аксиомы, против которых ничего не смогут сделать самые решительные и самые очевидные слова Писания. Таковы положения: *целое больше части; если отнять от равных величин равные, то остатки будут равны; невозможно, чтобы сразу были истинными оба проти-*

воречащих друг другу суждения или чтобы сущность объекта существовала после разрушения этого объекта. Пусть сто раз покажут в Писании высказывания, противоречащие этим предложениям; пусть, чтобы установить учение, противоречащее этим всеобщим максимам здравого смысла, совершат тысячи и тысячи чудес — больше, чем совершили Моисей и апостолы, — человек, такой, каков он есть, не поверит этому. ♦

/◐ По определению, «целое» не может быть больше «части», ибо «часть» ссть долька от «целого»; но «часть» не может быть меньшс «целого», опять же по определению: чтобы что-то могло выделиться в «часть», оно должно осознать себя как эта и только эта «часть», следовательно, представляться себе «целым». Не случайно есть обиходное выражение «целая часть!»

Противоречивость «в себе самом» есть наказание любому **понятию** за претензию в понимательной манере выражать уверенность и пафос познания, которое хотело бы **понимать**, но... пока еще только пребывает в надежде на это. ◑/ ◑

• Гордая независимость и антиклерикализм Бейля медленно, но верно завершились победой над ним мракобесов. Церковные власти Роттердама потребовали от городских властей, чтобы они расправились с «нечестивцем». В октябре 1693 г. бургомистры Роттердама, не вызвав Бейля, не дав ему ни слова сказать в свою защиту, даже не сообщив ему мотивы своего решения, постановили лишить его пенсии и права преподавания:

/ Бейль стойко встречает этот удар, не отступая от убеждений, за которые подвергается гонениям. Он, подобно Спинозе, гордо отвергает самые выгодные предложения (сделанные ему роттердамскими богачами графом Гискаром и герцогом Шревсберном): он оберегает свою независимость. Но будучи научен горьким опытом, Бейль решает в дальнейшем быть осторожнее и, не прекращая отстаивать свои идеи, облечь их в менее уязвимую форму. /

• В последние шесть месяцев своей жизни Бейль тяжко страдал от заболевания легких. Бейлю шел только 59-й год, но он уже чувствовал, что закат неизбежен и близок. Потому от лекарств отказывался и не принимал их, несмотря на наставления и уговоры друзей.

• Бейль скончался 28 декабря 1706 года. Накануне своей смерти, проработав всё утро, он сказал находившемуся здесь корректору книгоиздательства Леерса, что чувствует себя очень плохо. На следующий день в 9 часов утра, когда хозяйка вошла в его комнату, Бейль только успел спросить ее, растоплен ли его камин, и тут же умер.

2. СУДЬБА

► ◐ Была в душе Бейля какая-то особая проблема. Он сочувствовал людям яркого ума, и в этом сочувствии была жалость к их бедственному положению. Но что-то неизъяснимо побуждало его возражать этой странной мистике мира, когда умный человек влачит нищету. Это уже не какой-то там развлекающий или щекочущий мысль философский парадокс, это — убийственная реальность жизненного ада. И всё же тайная страсть Бейля возражать, возражать всем, воз-

ражать всегда, возражать всему, берет верх над принудительной силой бытия, заставляюшей любого склониться перед неотвратимостью наличия данного факта. Бейль, может быть, и чувствует, что он одинок в такой и так выражаемой своей точке зрения, но ему хочется показать всем, что компания ему всё же возможна и есть кому ее составить.

И дабы подтвердить это, он берет в свои единомышленники Мишеля Монтеня. Я считаю, что акцент именно на нижеследующий фрагмент из «Опытов» указывает на серьезный разлад в душевном миронастрое у Бейля и вообще действительной признавательности им мироудобства и мирогуманности. Вот они, слова Монтеня, извлеченные Бейлем и приведенные перстоуказующе:

> «Мне известно, что, к величайшему стыду нашего века, у нас на глазах умерли два человека выдающихся знаний: ученнейший итальянец Лилио Грегорио Джиральди (1479 – 1552), мифолог, поэт и имевший высокий ранний взлет и внезапное недоброе падение немец Себастиан Касталион (1515 – 1563). Полагаю, что есть много людей, которые предложили бы им работу на весьма хороших условиях или, во всяком случае, оказали бы им помощь, где бы они ни жили, если бы знали об их бедственном положении. Люди не столь еще испорчены, чтобы не нашлось человека — и я знаю такого, — который пожелал бы от всего сердца расходовать находящиеся в его распоряжении средства, пока судьбе будет угодно, на избавление от нищеты людей редкостных и выдающихся в какой-либо имеющей значение области, которых судьба нередко преследует и доводит до крайности. Этот человек обеспечил бы им по меньшей мере такие условия, что если бы среди них и нашелся кто-нибудь, кто не был бы ими доволен, то это могло бы произойти лишь по причине его собственного неразумия».

Бейль непрекращающе со всеми спорил. Не было такого философского взгляда, которого бы ему не захотелось положить перед собой и «кулачно» обработать каждую строчку. В этом его стремлении следует усмотреть скорее всего какую-то присущую его уму акцентуацию. И разве сам Бейль смог бы оспорить такой довод: ***если я со всеми спорю, значит, я или прав, или не прав. Если прав, то спор бессмыслен, ибо кому не ясно, что лучшее — враг хорошего и потому негоже высокому укорять низкое, ибо в этом высокомерии есть что-то постыдное. Если не прав, то тем более должна быть заблокирована дорога к полемике, ибо это будет уже неправомерная претенциозность приписывать своему мнению бóльшую правоту, чем это ситуационно допустимо и оправданно.***

Обрáзчик здесь обозначенной Бейлевой контрпозиции, по-моему, особенно и искать не нужно. Подойдет любой. Даже такой. Нет, не «даже», а «и даже» такой:

> ♦ Эпикур и Лукреций предполагают, что смерть — вещь, которая к нам не относится, и нас совершенно не интересует смертность души и то, что, следовательно, человек ничего не чувствует после отделения тела от души... Но они впадают в софизм в двух местах. Они не могут отрицать, что смерть приходит, когда человек еще ощущает. Это значит: из того, что человек состоит из элементов и что разде-

лённые части не ощущают, нельзя делать вывод, что сам процесс разделения не ощущается. Вот их первая непоследовательность: они заключают на основе разделённых частей о самом разделении, а так как оно может быть болезненным и сопровождаться множеством неприятных ощущений, то оно является злом реальным и прямо относящимся к человеку, и это соответствует их же принципу, согласно которому если мертвые не интересуются своим состоянием, то это потому, что они ничего не ощущают. Вторая ошибка в рассуждении указанных философов состоит в том, что они предполагают, что человек боится смерти только потому, что за ней неоспоримо следует некое большое несчастье. Они ошибаются и не дают никакого утешения тем, кто рассматривает как большое зло лишь утрату жизни. Любовь к жизни настолько укоренилась в сердце человека, что жизнь рассматривается сама по себе как очень большое благо, откуда следует, что, поскольку смерть отнимает это благо, она внушает страх как очень большое зло. К чему же пытаться устранить этот страх словами: *вы ничего не будете чувствовать после смерти.* ◑

► ◐ Иногда скрупулёзность Бейля заносчива и занудна. Но это, видимо, не вина, а преимущество. Рыба ведь тоже имеет, с точки зрения «ловителя», неудобство — она скользкая. Ее трудно схватить. Но в воде это ее свойство способствует облегчению плавания. Философия — специфическая область знания. Здесь **уверенность** является и инструментарием, и результатом, а въедливость — это необходимый, почти обязательный механизм. Ибо философия только к тому и стремится, чтобы пройти в дверь мира, но не замечает того, что она сама этой дверью и бывает. ◑

► Пьер Бейль оказал большое влияние на Вольтера. К примеру, «Исторический и критический словарь» послужил образцом для «Философского словаря» Вольтера.

► **Джон Толанд:**

«Пьер Бейль — величайший ум нашего времени».

► **Вольтер:**

«Книги Бейля навсегда останутся библиотекой народов, и благородные умы будут чтить его вечно».

► **Дени Дидро:**

«Если вы хотите написать хорошую книгу и избежать преследования, то самый верный способ достигнуть цели, никого не раздражая, — это сочинить длинный исторический, догматический и критический трактат, которого никто не станет читать и который суеверы могут оставить без ответа. Тогда вы удостоились бы чести красоваться на одной полке вместе с Яном Гусом, Социном[12], Цвингли, Лютером и Кальвином, и через год едва ли кто-нибудь вспомнил бы, что вы написали книгу. Наоборот, если вы усвоите себе манеру Бейля, Монтеня, Вольтера, Барклая[13], Вулстона[14], Свифта, Монтескьё, у вас, конечно, будут шансы оказаться более долговечным, но как дорого вы заплатите за это преимущество!»

3. УЧЕНИЕ

♦ Религия произошла от впечатления, которое сам Бог вложил в ум человека.

♦ Истинная мера абсолютной величины вешей как в отношении их протяжённости, так и в отношении времени их существования находится в понятиях Бога. Человек об этом ничего не знает, он знает лишь относительную величину. Одно и то же время кажется ему коротким или длительным в зависимости от того, развлекается ли он или скучает. В то время как один час кажется Пьеру коротким, Жану он кажется долгим.

♦ Воззрение, будто взгляд, переходящий из века в век, от поколения к поколению, не может быть всецело ложным, — чистейшая иллюзия.

♦ Мне кажется, что нет такой системы взглядов, которая могла бы гарантировать длительное существование этого мира.

♦ Наш разум пригоден лишь для того, чтобы всё запутать и вызвать сомнение во всём. Едва он возведёт свое строение, как уже показывает вам средства его разрушения. Это подлинная Пенелопа, распускающая за ночь холст, который она наткала за день. Таким образом, самое лучшее, что можно извлечь из философии, изучая ее, — это признание того, что она ведет к заблуждению и что мы должны искать иного путеводителя, каким является свет откровения.

♦ Считать, что поскольку душа человека мыслит, то она нематериальна, по-моему, значит правильно рассуждать и, кроме того, значит установить весьма основательный фундамент для бессмертия нашей души, догмата, который нужно считать одной из важнейших основ хорошей философии.

♦ Все известные нам состояния прекращают свое существование лишь таким образом, что их место занимают другие состояния того же рода, откуда следует, что тело, обладавшее в каких-то случаях мышлением, никогда его не лишится.

♦ Нужно непременно выбрать между философией и Евангелием: если вы хотите верить в то, что очевидно и соответствует обычным представлениям, обратитесь к философии и откажитесь от христианства; если вы хотите верить в непостижимые таинства религии, обратитесь к христианству и откажитесь от философии, ибо невозможно обладать одновременно очевидностью и непостижимостью; сочетание этих двух вещей еще более невозможно, чем сочетание свойств четырехугольной и круглой фигуры.

♦ В конце концов всё сводится к следующему: по своей ли воле грешил Адам? Если вы ответите «да», то вам скажут, что его падение не было предопределено; если вы ответите «нет», то вам скажут, что он невиновен в своем грехе. Вы напишете сотни томов против и того и другого утверждения и, однако, признáете: либо безошибочное предвидение возможного события является непостижимой тайной, либо совершенно непостижим образ действия создания, которое, будучи лишено свободы, тем не менее грешит. Я не хочу больше говорить об этом: какой смысл столько писать по этому вопросу, раз необходимо признать либо одну непостижимость, либо другую?

♦ Ответьте, пожалуйста, довольны ли боги своим управлением или недовольны? Учтите, что возникает следующая дилемма: если они довольны

тем, что осуществляется благодаря их провидению, то им доставляет удовольствие зло; если же они этим недовольны, то они несчастны. Но считать, что боги любят зло или что они несчастны, — значит вступать в противоречие с общепринятыми понятиями о богах.

♦ Никакое превращение в ничто невозможно.

♦ Всякая догма, выдвигается ли она как содержащаяся в Писании или как-нибудь иначе, ложна, если ее опровергают ясные и отчетливые понятия естественного света.

♦ Все без исключения законы морали необходимо подчинить естественной идее справедливости, которая точно так же, как и метафизический свет, озаряет каждого человека, рождающегося на свет.

♦ Склонность творить зло коренится в природе человека. Она укрепляется страстями, которые проистекают из темперамента, а затем преобразуются различным образом в зависимости от тех или иных обстоятельств жизни.

♦ Я не отрицаю, что в «Логике» и «Физике» Аристотеля есть много такого, что указывает на возвышенность и глубину его гения. Можно с этим соглашаться и в то же время считать преувеличенными его восхваления. В «Физике» есть ряд весьма возвышенных вопросов, которые он развивает и освещает как большой мастер. Но в конечном счете в основном, в целом это произведение ничего не стоит: суммарно оно должно быть определено как неудачное. Главная причина этого заключается в том, что Аристотель сошел с пути, которого держались самые превосходные физики, занимавшиеся философией до него. Они полагали, что изменения, совершающиеся в природе, представляют собой лишь новое расположение частиц материи. Они не признавали возникновения в строгом смысле слова. Это учение Аристотель отверг, и из-за этого он сбился с пути.

♦ Пусть делают, что хотят, пусть создают систему лучше, чем Платон в «Государстве», Мор в «Утопии» и Кампанелла в «Городе Солнца» и т. д.; все эти прекрасные идеи окажутся ограниченными и полными недостатков, как только их захотят применить на практике. Человеческие страсти, порождающие друг друга с поразительным разнообразием, сразу бы разрушили надежды, возлагаемые на эти прекрасные системы.

♦ Я предполагаю, что среди возможных сущностей, которые Бог знал до того, как он дал повеление о сотворении, следует поместить последовательную длительность, которая не имеет ни начала, ни конца, но части которой так же отличны друг от друга, как части возможной протяжённости, которую Бог тоже знал до этих повелений как бесконечные в трех измерениях. Он оставил в состоянии возможных вещей часть этой бесконечной длительности и дал повеление о существовании другой ее части. В этой идеальной длительности он избрал какой ему было угодно момент в качестве первого момента существования и с ним связал акт, посредством которого распорядился создать мир. Вот почему вечность этого акта еще не доказывает вечности мира. Вот почему неделимость реальной длительности Бога еще не доказывает, что мир не имеет начала. В этой идеальной или возможной длительно-

сти мы имеем истинную меру времени. Иные тщетно ищут эту меру в движениях небес. Иные утверждают еще нечто более неправдоподобное, а именно: время — нечто присущее разуму, способ постижения вещей и без движения или без мысли человека не было бы времени. Это грубая бессмыслица: когда погибнут все сотворённые умы, когда все тела перестанут двигаться, в мире будет тем не менее последовательное время, незыблемое и упорядоченное, время, которое будет соответствовать моментам возможной длительности, известной Богу, с которой он сообразуется, сохраняя дольше или меньше, столько-то или столько-то лет каждую вещь. Протяжённость, пребывающая в покое, нуждается в том, чтобы в каждый момент ее длительности ее создавали не в меньшей мере, чем протяжённость, которая движется. Сохранение сотворённых вещей есть всегда сохранение непрерывное, находятся ли эти творения в движении или же пребывают в одном и том же положении.

♦ Я утверждаю, что то, что присуще понедельнику и вторнику в смысле последовательности, присуще каждому отрезку времени, каков бы он ни был. Подобно тому как невозможно, чтобы понедельник и вторник существовали одновременно, не может быть никакого отрезка времени, каков бы он ни был, который мог бы сосуществовать с другим; каждый должен существовать отдельно, каждый должен начать существовать, когда предшествующий кончает свое существование. Из этого следует, что время не бесконечно делимо и что длительность вещей во времени состоит из моментов в собственном смысле слова, из которых каждый прост и неделим, строго отличен от прошлого и будущего и содержит лишь настоящее. Те, кто отрицает этот вывод, должны быть предоставлены собственной глупости или недобросовестности или непреодолимой силе предубеждения. Если же вы признаетс, что настоящее время неделимо, то будете вынуждены согласиться с аргументом «Летящая стрела» Зенона Элейского. Вы не сможете найти момента, в который стрела покидает свое место, ибо если вы таковой найдёте, то стрела одновременно будет и не будет находиться в этом месте.

♦ Необходимо помнить о трех основных свойствах движения: 1) движущееся тело не может два раза подряд касаться одной и той же части пространства; 2) оно никогда не может касаться одновременно двух частей пространства; 3) оно никогда не может попасть в третью часть раньше, чем во вторую, в четвертую раньше, чем в третью, и т. д.

♦ Пусть нам говорят, что Бог всё может, но если даже самые набожные богословы решаются утверждать, что Бог не может сделать так, чтобы в прямой линии длиной в двенадцать дюймов первый дюйм непосредственно соприкасался с третьим, то я имею право сказать, что он не может заставить соприкасаться непосредствснно две части протяжённости, когда их разделяет бесконечное число других частей.

♦ Я иногда показываю, что в самых сокровенных вопросах Евангелия разум даёт осечку, и в таких случаях следует вполне удовлетворяться верой.

♦ Тот, кто признаёт исходное положение, должен признать вытекающие из него следствия.

/◐ Следствия никогда ни из чего не **вы**текают. Они могут только **в**текать. То, что «Сократ смертен», — вовсе не структурный элемент утверждения, что «Все люди смертны». Ведь взгляды людей имеют по отношению к ним (людям) лишь послесмертную силу. Для живущих — они только повод для споров и несогласий. Поэтому еще живой Сократ вправе опровергнуть любой тезис относительно себя, а уже не живой — хоть ничего и не оспаривает, но и не может... ни под что подпасть.

Признание **принципов** — расхожее *предписание* в философии. За эту опору держатся все мыслители и мудрецы. Однако полемика их всех *между собой и по поводу одного и того же* должна была бы давно привести их к пониманию, что корень всех философских несогласий заключается именно в преклонении перед обязательностью согласия с первыми строками чьих бы то ни было исповеданий, т. е. принципами.

Всякая мысль — безумна. И это не парадокс, не игра в чудачество или в эпатаж. Это факт. Обрывок газеты — не газета; оторванная от медузы слизь — не медуза; солнечный зайчик — не солнце. Увы, любая мысль есть всегда как бы обрывок, ибо «целым» будет голова, которая имеет **систему** взглядов, где — как какая-то ее часть — и присутствует наша *отдельная* мысль. Знакомясь с взятым от кого-то **вы́рывком** (идеей, цитатой, тезисом), мы должны *вливать* в него всю совокупность всех наших знаний, представлений, обнаружений, пониманий, чтобы, условно говоря, как бы бросить рыбу опять в воду, ибо на песке, вытащенная на берег, она не рыба (если, конечно, всё же считать ее сущностью *возможность плавания*), хотя другого (не «вытаскивательного», безызвлекательного!) способа показать ее нам и нам посмотреть на нее (посмотреть руками!) не было и не будет. Вот почему мысль без ума, в отрыве от ума — безумна.

Но разве не таковы все мысли без исключения?! Разве, вчитываясь в чьи-то теоретические краеположения («принципы», по Бейлю), мы можем одновременно, так сказать, кооптировать и того человека, чьим достижением и умением эти «положения» являются? Нет. А если «нет», то и «вытекать» в таком случае «следствие» будет не из «принципов»-мыслей, а из нашего понимания их. Что, понятно, не одно и то же. **Далеко** не одно и то же!

Оттого-то философы и не понимают друг друга, ибо, читая сотоварища по занятию, они вычитывают из него лишь и только, сплошь и всегда — любой и каждый исключительно **себя**, еще раз себя, никого, кроме себя! ◑/

♦ **Случай** не может произвести такую совокупность вещей, как наш мир, в котором существует столько вещей, так долго устойчиво сохраняющих свою правильность, и столько одушевленных механизмов, в тысячу раз более искусно построенных, чем те, какие создаёт человеческое мастерство, — всё это необходимо требует существования разумного руководства...

♦ Чтобы правильно рассуждать о том, как был создан мир, нужно рассматривать Бога как творца материи и как первое и единственное начало движения.

∇ ◐ Философская пластичность Бейля не может не восхищать. Он просто виртуоз. Его подстройка под лейтмотив чужой мысли всегда очень органична, уверенно це́пка, необыкновенно грациозна. Если об особенно вкусных вещах говорят, что они ну прямо «тают во рту», то здесь тот же случай, только уже относительно продуктов **ума** и их усвоения сознанием. Бейль — подлинный чемпион мира по философии. Ему не надо входить в мудрость: он из нее никогда не выходил. ◑

О Движении

◘ С точки зрения Зенона Элейского, если бы движение существовало, то движущееся тело должно было бы переходить из одного места в другое, ибо всякое движение заключает в себе два конца, terminum à quo, terminum ad quem — место, из которого исходят, и место, куда приходят. Эти же два конечных пункта разделимы пространствами, содержащими бесконечное множество частей, так как материя бесконечно делима. Поэтому представляется невозможным, чтобы движущееся тело могло перейти из одного конечного пункта в другой. Промежуток состоит из бесконечного числа частей, которые надо пройти одну за другой так, чтобы никогда не касаться передней, в то время как прикасаешься к той, которая находится позади. Таким образом, чтобы пройти один фут материи, я хочу сказать, чтобы пройти от начала первого дюйма до конца двенадцатого, необходимо бесконечное время, ибо пространства, которые должны быть последовательно пройдены между этими двумя конечными пунктами, бесконечны по своему числу; следовательно, очевидно, что их можно пройти лишь за бесконечное число моментов времени, если только мы не будем готовы признать, что движущееся тело находится одновременно в нескольких местах, что неверно и невозможно. Ответ Аристотеля жалок: он говорит, что фут материи бесконечен лишь потенциально и поэтому может быть пройден в конечный промежуток времени... Аристотель утверждает две вещи: 1) что каждая часть времени делима до бесконечности, а это было нами самым очевидным образом опровергнуто выше; 2) что континуум бесконечен лишь потенциально. Это означает, что бесконечность одного фута материи заключается в том, что он может быть без конца делим на более мелкие части, но не в том, что он действительно делится на эти части. Пользоваться этим учением — значит издеваться над людьми; ибо если материя делима до бесконечности, то она действительно заключает бесконечное число частей, т. е. это не потенциальная бесконечность, а бесконечность, существующая реально и актуально. Непрерывность частей не противоречит их действительному различию, следовательно, их актуальная бесконечность не зависит от деления: она одинаково присуща непрерывному количеству и количеству, которое называется *дискретным*. Но, даже допуская существование потенциальной бесконечности, которая может быть превращена в актуальную действительным делением, мы не уменьшили бы силы возражения, ибо движение есть явление, обладающее тем же свойством, что и деление. Оно касается одной части пространства, не касаясь

другой, и касается последовательно их всех; не есть ли это их действительное различие? Не есть ли это то, что сделал бы геометр на столе, проводя линии, указывающие каждые полдюйма? Он не ломает стола на куски величиной в полдюйма, но, несмотря на это, делает метки, указывающие на действительное разделение частей. Я не думаю, чтобы Аристотель мог отрицать, что, проводя бесконечное число линий на дюйме материи, мы вводим разделение, которое превращает в актуальную бесконечность то, что было, по его мнению, лишь потенциальной бесконечностью. То, что мы делаем для глаз, проводя эти линии на дюйме материи, движение, безусловно, делает для рассудка. Мы можем себе представить, что движущееся тело, последовательно касаясь частей пространства, отмечает их и определяет как бы с мелом в руках. Но более того, когда можно утверждать, что деление бесконечного закончено, не имеем ли мы актуальной бесконечности? Разве не говорят Аристотель и его ученики, что час содержит бесконечное число частей? Следовательно, когда час прошел, следует сказать, что бесконечное число частей актуально существовали одни вслед за другими. Разве это потенциальная, а не актуальная бесконечность? Итак, скажем, что различение Аристотеля недействительно и что возражение Зенона сохраняет всю свою силу. Час, год, столетие — это конечное время, фут материи есть бесконечное пространство, следовательно, нет движущегося тела, которое могло бы пройти один фут от начала до конца.

▣ Мне думается, что мы вполне можем говорить о невозможности существования протяжения, т. е. утверждать, что оно существует только в уме. К примеру, сторонники «геометрической позиции» настаивают, что материя составлена из математических точек. Мои контрдоводы такие. Во-первых, тогда пришлось бы признать, что стороны квадрата равны диагонали и среди концентрических кругов даже самый маленький равен любому большому. Доказательство: возьмем квадрат (рис. 1)

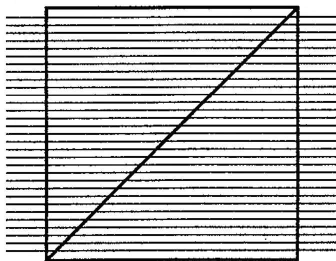

Рис. 1

и через все точки противоположных сторон проведём параллельные линии, пересекающие диагональ. Естественно, что количество точек на «диагонали» и на «стороне» совпадет. Из чего следует, что равноточечные линии равны по длине. То же и в кругах (рис. 2): здесь все радиусы, которые можно провести к окружности большого круга, пересекают окружность самого малого круга.

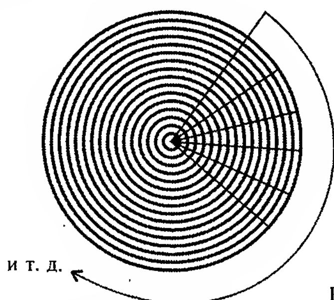

Рис. 2

Разве не ясно, что позиция, считающая, будто протяжённость дискретна, т. е. составлена из точек, не более убедительна, чем ничем не подтверждаемое убеждение, что существует бесконечно делимая протяжённость. Ибо если части некоторой протяжённости не находятся в большем числе в диагонали, нежели в сторонах, или в окружности малого концентрического круга, нежели в окружности большого, то ясно, что стороны квадрата равны диагонали и меньший концентрический круг равен большему. Между тем все поперечные прямые линии, которые можно провести от одной стороны квадрата к другой, или (во втором случае) радиусы большого круга равны между собой, значит, их необходимо рассматривать как равно делящиеся части, я хочу сказать, как части известной величины и одного наименования. Несомненно, что две протяжённости, в которых части *равноделящиеся* и одного наименования, как, например, *дюйм, фут, шаг*, находятся в равных количествах, не превосходят одна другую; следовательно, несомненно, что если диагональ нельзя пересечь бо́льшим числом линий, чем стороны, то стороны квадрата равны по величине диагонали. То же относится и к двум концентрическим кругам. Во-вторых, я утверждаю: так как вполне правильно, что если бы круги существовали и от окружности к центру можно было провести столько линий, сколько частей на окружности, то из этого вытекает, что существование круга невозможно. Я уверен, что не встречу возражений, если скажу, что существование вещи невозможно, если это существование зависит от условий, удовлетворение которых невозможно. Круглая протяжённость не может существовать, не имея центра, в котором сходится столько прямых линий, сколько есть частей на окружности. Несомненно, что существование такого центра невозможно, следовательно, надо признать, что существование такой круглой протяжённости немыслимо. Я докажу с очевидностью невозможность существования такого центра. Представим себе круглую протяжённость, имеющую четыре фута в окружности; она будет содержать сорок восемь дюймов, из которых каждый содержит двенадцать линий, следовательно, она содержит 576 линий; это есть число прямых линий, могущих быть проведенными от этой окружности к центру. Начертим круг очень близко от центра. Он может быть столь малым, что будет содержать всего пятьдесят линий, следовательно, 576 прямых линий, проведенных от окружности этой круглой протя-

жённости, не смогут быть доведены до центра. И однако, если бы эта круглая протяжённость существовала, то было бы необходимо, чтобы 576 линий достигали центра. Что же остаётся, как не утверждать, что такая протяжённость не может существовать и что все свойства кругов, квадратов и пр. основаны на линиях, не имеющих ширины, которые могут существовать лишь идеально? Заметьте, что в этом вопросе одинаково обманутыми оказываются и наш разум, и наше зрение. Наш разум ясно представляет себе: 1) что концентрический круг, расположенный ближе к центру, меньше круга, окружающего его; 2) что диагональ квадрата больше его стороны. Наши глаза видят это без помощи циркуля и еще яснее с циркулем. Несмотря на это, математики учат, что от окружности к центру может быть проведено столько прямых линий, сколько есть точек на этой окружности, и от одной стороны к другой — столько прямых линий, сколько есть точек в этой стороне. Кроме того, наши глаза показывают нам, что на окружности малого концентрического круга нет точки, которая не являлась бы частью прямой линии, проведенной от окружности большого круга, и что диагональ квадрата не имеет ни одной точки, которая не была бы частью прямой линии, проведенной от одной стороны квадрата к другой. Каким же образом эта диагональ больше стороны?

◘ Если протяжённость бесконечно делима, как это несомненно должно было бы быть в том случае, если бы она существовала, то движение никогда не может начаться. Если движение никогда не может начаться, то оно не существует, а оно никогда не может начаться, следовательно... Я доказываю малую посылку следующим образом. Тело никогда не может быть одновременно в двух местах; однако оно никогда не смогло бы двигаться, не находясь одновременно в бесконечном количестве мест, ибо, сколь мало оно ни подвинулось бы, оно войдет в соприкосновение с делимой до бесконечности частью, которая, следовательно, соответствует бесконечным частям пространства, следовательно... Кроме того, несомненно, что бесконечное число частей не заключает ни одной, которую можно было бы назвать первой, и тем не менее движущееся тело никогда не сможет коснуться второй раньше, чем первой, ибо движение это по существу нечто последовательное во времени, две части которого не могут существовать одновременно. Поэтому если протяжённость бесконечно делима, как это, несомненно, должно было бы быть в том случае, если бы она существовала, то движение никогда не может начаться. При помощи того же довода можно доказать, что движущееся тело, катящееся по столу, никогда не может упасть со стола, ибо, перед тем как упасть, оно необходимо должно будет коснуться последней части этого стола. А как это возможно, если всякая часть, которую вы захотите считать последней, содержит бесконечное число частей и бесконечное число не содержит последней части? ■/

♦ Я согласен с тем, что протяжённость существует независимо от нашего ума. Примите это за постулат. Но я всё же продолжаю утверждать, что она неподвижна. Движение ей не присуще, оно не заключено в ее идее, ибо множество тел иногда находится в покое. Следовательно, движение —

это акциденция. Но отлично ли оно от материи? Если оно от нее отлично, то откуда оно появилось? Наверное, из ничего, и когда оно перестанет существовать, то превратится в ничто. Но разве вы не знаете, что ничто не происходит из ничего и ничто в ничто не превращается.

Кроме того, должно ли движение быть разлито по поверхности и внутри движущегося тела? Следовательно, оно будет так же протяжённо и будет иметь ту же форму. Следовательно, в одном пространстве будут находиться две одинаковые протяжённости и будет иметь место взаимное проникновение объемов. Но в том случае, когда тело движимо тремя или четырьмя причинами, не должна ли каждая из них порождать свое движение? И не должны ли эти три или четыре движения проникать и в тело, и друг в друга? Каким же образом каждая из них произведёт своё действие? Корабль, движимый ветром, течением и гребцами, описывает линию, в большей или меньшей степени определяемую этими тремя причинами, в зависимости от того, какая из них оказывается сильнее. Осмеливаетесь ли вы утверждать, что сущности, бесчувственные и взаимопроникающие, перекрещивающиеся между собой, а также с кораблем, до такой степени не будут мешать друг другу, что не столкнутся? Если вы скажете, что движение есть модус, неотличимый от материи, вы должны будете сказать, что тот, кто вызывает движение, создаёт материю, ибо, не создавая материю, невозможно создать сущность, которая есть то же самое, что материя. И не будет ли абсурдом утверждать, что ветер, двигающий корабль, производит корабль? Невозможно ответить на эти возражения, не предполагая вместе с картезианцами, что Бог является единственной и непосредственной причиной движения.

♦ Достоверно то, что до сих пор определение движения не было найдено.

♦ И вообще, что касается движения, то задача заключается в объяснении самой природы находящихся вне нас вещей, и поскольку с этой точки зрения движение необъяснимо, то можно сказать, что оно не существует вне нашего ума.

4. МЫСЛИ

- Человек — существо разумное, не спорю, но не менее верно, что он почти никогда не поступает сообразно своим принципам.
- Если всё взвесить, то окажется, что утверждать, будто не существует истины, то же самое, что утверждать, будто **она существует, но мы вовсе не обладаем** средством отличить ее от заблуждения.
- Я знаю, и атомисты не отрицают этого, что два атома отделимы друг от друга, так как представляют собой две разные сущности. Отсюда я заключаю с полной определённостью, что, поскольку правая сторона атома не является той же сущностью, что и левая, она может быть отделена от левой. Следовательно, неделимость атома есть химера.
- Существование протяжённой субстанции необходимо требует допущения непосредственного контакта между ее частями. Гипотеза пустоты допускает как тела, отделенные друг от друга, так и тела, непосредственно соприкасающиеся. Аристотель, отвергавший подобного рода гипотезу, вынужден был признать, что не существует такой части про-

тяжённости, которая не соприкасалась бы всей своей внешней поверхностью с какими-нибудь другими частями. Это несовместимо с бесконечной делимостью, ибо если нет тел, не содержащих бесконечного числа частей, то очевидно, что каждая отдельная часть протяжённости отделена от всякой другой бесконечным числом частей и что непосредственный контакт двух частей невозможен. Если какая-нибудь вещь не может получить всего необходимого для ее существования, то можно сказать с уверенностью, что ее существование невозможно. Следовательно, поскольку для существования протяжённости необходим непосредственный контакт ее частей, а такой контакт невозможен при бесконечно делимой протяжённости, то очевидно, что существование такой протяжённости невозможно и, таким образом, эта протяжённость существует лишь в нашем уме.

Проникновение объемов есть вешь невозможная, и, однако, она была бы неизбежна в случае существования протяжённости; следовательно, неверно, что протяжённость может существовать. Положите пушечное ядро на стол, ядро покрасьте какой-нибудь жидкой краской; пусть оно катится по столу, вы увидите, что в своем движении оно начертит линию; следовательно, вы будете иметь два трудно опровержимых доказательства непосредственного контакта между этим ядром и этим столом. Тяжесть ядра покажет вам, что оно непосредственно касается стола, ибо если бы этого не было, то ядро повисло бы в воздухе, а значит, оставляемый им след является наглядным доказательством противоположного. Так вот, я утверждаю, что этот контакт представляет собой проникновение объемов в собственном смысле этого слова. Часть ядра, касающаяся стола, является определенным телом, реально отличным от остальных частей ядра, не касающихся стола. Это же относится и к части стола, соприкасающейся с ядром. Обе эти соприкасающиеся части бесконечно делимы в длину, ширину и глубину; следовательно, они касаются взаимно по их глубине и, значит, взаимно проникают друг в друга... Таким образом, мы имеем весьма удивительный факт: если бы протяжённость существовала, то соприкосновение ее частей было бы невозможно, а также было бы невозможно, чтобы они не проникали друг в друга. Не показывает ли это, что существование протяжённости заключает в себе два весьма очевидных противоречия?

Присовокупим к этому, что все доказательства, выдвинутые в наше время против реальности телесных свойств, опровергают реальность протяжённости. Из того факта, что одни и те же тела сладки с точки зрения одних людей и горьки с точки зрения других, правильно заключают, что по своей природе, абсолютно, они не сладки и не горьки. Новые философы, хотя они и не являются скептиками, настолько хорошо поняли современные представления о природе звуков, запахов, холода и тепла, твердости и мягкости, тяжести и легкости, вкуса и цвета и т. д., что учат, что все эти свойства суть лишь восприятия нашей души и не существуют как объекты наших чувств. Почему же не сказать того же относительно протяжённости? Если сущность, не имеющая никакого цвета, кажется нам, однако, обладающей цветом, определенным по виду,

форме и положению, то почему же сущность, не имеющая никакого протяжения, не может представиться нам под видом определенной протяжённости, обладающей известной формой и занимающей известное положение? И заметьте, что одно и то же тело кажется нам маленьким или большим, круглым или квадратным в зависимости от того, откуда мы на него смотрим, и будьте уверены, что тело, кажущееся нам очень малым, кажется мухе очень большим. Следовательно, наш разум воспринимает не реальную или абсолютную протяжённость предметов; но из этого можно заключить, что сами по себе они не протяжённы.

- Если мне снится, что я не должен верить снам, то я попадаю в ловушку. Ведь если после этого я не буду верить снам, то окажется, что я поверю сну. А если я буду верить снам, то окажется, что я не верю сну. Кому же не ясно, что в этом случае нужно исключить из числа всех снов тот, который меня предостерегает, чтобы я в сны не верил?
- Ведь верно, что те, кто пренебрежительнейшим образом критикует мысли ближнего, весьма снисходительно относятся к собственным мыслям.
- Человеческая жизнь не что иное, как бесконечная борьба страстей с совестью, борьба, в которой последняя всегда оказывается побеждённой.
- Такова болезнь великих умов: они неохотно признают, что обязаны своими знаниями ближним; они хотят, чтобы думали, что они всё почерпнули в глубинах своего духа и что у них не было другого учителя, кроме собственного гения.
- Философы не лучше могут судить о механизме мира, чем крестьянин о башенных часах. Они знают лишь маленькую часть этого мира, но они не знают замысла его создателя, его намерения, его цели, они не знают, в чем состоят взаимные отношения между частями мира. Скажите кому-нибудь, что Земля должна быть круглой для того, чтобы легче обращаться вокруг своей оси. Он вам ответит, что было бы лучше, если бы она была квадратной и вращалась медленнее. Это дало бы нам более продолжительные дни.
- Лучший путь, по которому можно идти в философских спорах, это путь логики.

∇ ◐ Если дорога ведет к цели, то нет сомнений в значимости дороги. Если же цель оправдывает дорогу, тогда дорога — часть цели. Но может ли часть ожидания быть до ожидания? И если возражение этому справедливо, то упование на логику или несерьезно, или вообще тщетно. ◑

- Зло и величайшая из неурядиц жизни заключаются в том, что в любом веке, какой бы мы ни избрали, среди ста тысяч читателей найдется едва ли трое, способных к здравому суждению, какое необходимо иметь, когда речь идет о книге, где точное и метафизическое рассуждение противопоставляется общепринятым мнениям.
- Существуют благородные дела, совершать которые прекрасно и похвально не по причине пользы, каковая от этих дел последует, а потому, что дела эти согласны с разумом.
- Те, кто знает, что такое философия, будут вечно изумляться, видя, как

в течение веков авторитет Аристотеля до того почитался, что если один из участников диспута цитировал отрывок из этого философа, то человек, отстаивавший противоположный тезис, не осмеливался сказать transeat (опровергаю)! Необходимо было, чтобы он либо отрицал подлинность цитаты, либо по-своему ее истолковывал.

- Мне представляется вполне возможным, чтобы, оказавшись в большой опасности, обращались к Богу с обещаниями и просьбами даже люди, ничего положительного не решившие ни относительно существования Бога, ни относительно его несуществования. Однако это состояние почти всех неверующих. Они сомневаются, существует ли Бог; они не знают ясно, существует ли он на самом деле; но они не знают ясно и того, что он не существует.
- Большинство метафор надлежит применять лишь до известного предела.
- Хотелось бы поразмышлять об одном из самых странных предубеждений. Основатели языческой религии пичкали умы людей бесконечным количеством историй в течение многих веков и не терпели, когда кто-либо стремился проверить эти истории. Но когда им предложили христианские чудеса, они стали философами, они стали утверждать, что эти чудеса невозможны, стали прикрываться всякими рассуждениями, рассчитанными на глупое легковерие, и смеяться над теми, кто верил в эти чудеса. Какое несоответствие! Какая непоследовательность! Сколь неодинаковое отношение и какое странное поведение! Все знают, с какой легкостью римские католики позволили убедить себя в подлинности бесконечного числа чудес. Они свято верят в тысячи и тысячи сказок, которые ежедневно им рассказываются, и рассматривают как кляузы упрямых еретиков наиболее обоснованные доводы тех, кто заявляет о подлоге. Но если они узнают, что протестантская партия распространяет новое чудо, они действуют в совсем ином духе. Они прибегают ко всем средствам, которыми пользуются неверующие. Они отрицают факты, они бранят свидетелей, они обвиняют их или во лжи, или в безумии. Если они не в силах отрицать факт, они объясняют его природными причинами и приводят тысячи сходных примеров, заимствуя их из высказываний натуралистов и путешественников. Такова человеческая жизнь, в ней почти неизбежно сказываются результаты предубеждения, когда к одному и тому же факту подходят с различной мерой. Если нет возможности избежать этого зла, избавившись от предрассудков, то лекарство от него будет, возможно, хуже, чем оно само.
- Невежественные люди считают самым правдоподобным предположение, согласно которому те, кто желал господствовать, изобрели религию, чтобы легче было держать народы в порабощении. Но как неразумно так думать! Ибо нельзя ведь предвидеть все те неудобства, какие в будущем может породить хоть какое изобретение! Ну так как же быть? И разве не сами тираны насмехаются над религией и не они ли не оказывают ей никакого почтения?
- Я не знаю, можно ли утверждать, что вовсе не существует дерзости, как бы бессмысленна она ни была, которая не учила бы нас истине.

- Наиболее очевидна в человеческой истории смена подъёмов и падений. Даже средней продолжительности жизни достаточно, чтобы мы могли видеть людей, поднявшихся до высокого положения в результате стремительно следующих одна за другой больших удач и падающих в безвестность вследствие такого же ряда неудач.
- Человеку свойственно слишком мало учитывать одни обстоятельства и чрезмерно учитывать другие. Если рано умирает дурной человек, плохой муж, на это вначале обращают внимание, но затем забывают. Если смерть скашивает, как траву, очень порядочного человека, доброго мужа, к этому относятся с бо́льшим вниманисм, этого не забывают, память в этом случае является хорошим реестром. Быть может, умирает столько же детей в соответствии с желаниями их отцов и матерей, сколько единственных, обожаемых сыновей. Смерть первых не вызывает никакого шума, об этом думают мало, а смерть вторых вызывает тысячи воплей, тысячи размышлений. Кроме того, надо знать, что люди более склонны жаловаться на свою судьбу, чем восхвалять ее, и что они ошибочно воображают в тысяче случаев, что ближние более благоденствуют, чем они...
- Бесчувствие мертвых скорее выигрыш, чем потеря, ибо таким образом достигается освобождение от несчастий этой жизни. Независимо от того, превосходят ли несчастья этой жизни ее блага, как думали многие, или они только равны друг другу, быть бесчувственным — преимущество, так как нет ни одного человека, достаточно понимающего свои интересы, который не предпочел бы четыре часа хорошего сна двум часам, заполненным удовольствиями, и двум часам, заполненным неприятностями.
- Чем в меньшей степени вечное блаженство будет являться вознаграждением, тем более будет оно отмечено печатью бесконечной доброты.
- Если предположить, что перводвигатель отсутствует, то создание Вселенной невозможно.
- Мне кажется, не ошибаются те, кто считает, что Спиноза запутался в бездне противоречий, так как он не смог понять ни того, что материя вечна и отлична от Бога, ни того, что она создана из ничего, ни того, что бесконечный и совершенно свободный дух, создатель всех вещей, смог создать такое произведение, как мир.

  Мало тех, кто изучил бы учение Спинозы, а среди изучивших мало тех, кто понял бы его и не отверг. Спиноза всё время противоречит самому себе, плохо доказывает то, что он должен доказать, не даёт доказательств там, где они требуются. Он непоследователен в своих заключениях, он, может быть, единственный, кто свел божество к убожеству.

∇ ◐ Отношение Бейля к философии Спинозы поистине наиболее интересно в его воззрениях. Бейль откровенно считает всю теорию этого философа абсурдной, причем от начала и до конца.

Спрашивается, что же здесь «интересного», если хулителей Спинозы хватало и до Бейля? А всё дело в том, что в этой критике философ Бейль **совсем не философичен**! Бейль не ведал, что с философской точки зрения правота взглядов другого мыслителя заключается не в его

соответствии моим или современным представлениям, а в том, сколько новых постановок вопросов и как длительно он (т. е. тот другой философ) своими построениями импульсирует в тех, кто с ними знакомится. **Живое всегда право**, даже если его не приемлет сам Пьер Бейль! ◑

- Нечто истинно лишь постольку, поскольку оно согласно с первоначальным и всеобщим светом, которым Бог наделил души всех людей, светом, который безошибочно и непреодолимо вызывает в людях убеждённость в тот же момснт, как они вниматсльно прислушаются к его голосу. Именно посредством этого первоначального и метафизического света проникают в истинный смысл бесчисленного множества цитат из Писания, которые, будучи поняты в буквальном и обычном смысле слова, привели бы нас к самым низменным идеям о божестве, какие только можно вообразить.
- Существуют правила рассуждения, нс зависящие от воли человека. Правила силлогизма справедливы и истинны не по той причине, что людям понравилось установить их. Правила силлогизма справедливы и истинны сами по себе, и всякая попытка ума человеческого выступить против сущности этих правил и их атрибутов была бы тщетной и смешной. Софист может сколько угодно путать эти правила и нарушать их, его всё равно принудят подчиниться законам рассуждения, он не сумеет отклонить решение их суда. И если его доказательства не согласуются с правилами силлогизма, он будет без всякого снисхождения осуждён и покрыт позором.
- Каждый располагает словарем по своей прихоти, начиная с того, что выдвигает положение: *я прав, а вы заблуждаетесь.*
- Даже для величайших философов вопрос о природе Бога был тёмным.
- Пункт, в котором совпадают мнения всех людей, можно найти без труда при условии, что мы удовлетворимся общим утверждением: *Бог существует, Бог создал мир, Бог управляет миром и определяет исход событий...* Но начните расширять перечень утверждений о Боге и вы увидите, как начнет разрастаться несогласие.
- Истинное средство победить разум есть познание того, что если он способен изобрести возражения, то он не способен найти их разрешенис, и, коротко говоря, не разумом утвердилось Евангелие...
- В мире больше зла, чем добра.
- Лучшие доказательства, приводимые в пользу свободы, — это те, которые утверждают, что без нее человек не мог бы грешить.
- Мораль даёт общие принципы поведения, оставляя без внимания конкретные обстоятельства.
- Во многих случаях человек выглядит еретиком лишь из-за его манеры выражаться. Уберите некоторые слова, выглядящие чересчур одиозно, употребите вместо них другие слова, имеющие то же самое значение, но не такие резкие, и ваша репутация еретика превратится в репутацию истинно верующего. Печатание вашего труда больше не будет запрещаться, будет разрешено его распространять.

Джон Толанд

XVII – XVIII вв.

• Английский философ

Родился: 30.11.1670 г.
Умер: 11.03.1722 г.

Прожил — 51 год

> **«Открывание истины грозит ей презрением».** *(Толанд)*

■ **«Поскольку вероятность не является знанием, я изгоняю все гипотезы из своей философии».** *(Толанд)*

■ **«Чем древнее ложь, тем опаснее. Значит, она глубоко пустила корни...»** *(Толанд)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Северной Ирландии близ Лондондерри.
• При крещении Толанд был наречен именем Ян (Janus), которое он впоследствии заменил на Джон.
• С 17 до 20 лет учился в университетах Глазго и Эдинбурга.
• Первое свое творение Толанд опубликовал, когда ему шел 21-й год.
• На протяжении двух лет ему довелось стажироваться в Голландии в Лейденском университете; кроме того, некоторое время он учился в Оксфорде.
• Путешествия были особенно необходимы натуре Толанда. В 1701 – 1702 гг. он в Германии: посещает Ганновер, потом Берлин, куда его пригласила прусская королева София-Шарлотта. Затем, в 1707 – 1710 гг., это Вена и Прага и снова Голландия и Германия (Гаага и Берлин).
• ◐ Любимыми, можно даже сказать настольными, книгами Толанда были сочинения Цицерона. А одна фраза Цицерона из 1-й книги «О законах» стала исповедально созвучной взглядам и познавательному настроению Толанда ◑:

> «Наши чувства развращают не родители, не кормилицы, не наставники, не поэты и не театры; и не мнение толпы сбивает их с пути. Но вот уму нашему угрожают со всех сторон западни, расставленные либо теми, которых я только что перечислил и которые влияют на нас и направляют нас по своему усмотрению, покуда мы нежны и неразвиты, либо глубоко коренящимся в каждом из нас мнимым влечением к добру, на самом деле являющимся источником всех наших пороков; развращенные его соблазнами, мы уже не различаем с достаточной ясностью вещей, по природе своей хороших, не находим в них больше сладости и ласкающего наши чувства раздражения».

• Толанд дал жизнь термину *пантеизм*, впервые употребив это слово в 1705 г. (от *греч.* pan — всё, theos — Бог), означающее отождествление Бога с природой.

• Толанд был первый, кто напрочь и непримиримо категорически исключил «покой» (и как слово, и как понятие!) из своего учения:

♦ Материя не может быть неподвижной и пребывать в состоянии абсолютного покоя.[15]

• ◐ Жизнеопределяющей критической мишенью стали для Толанда (вот уж поистине загадки философского мозга!) сочинения Спинозы — «Этика» и «Основы философии Декарта, доказанные геометрическим способом». Один из ходивших по рукам рукописных текстов Толанда был сымитирован под якобы письмо и имел название с подчеркнуто выделенной позицией его писавшего — «Опровержение Спинозы» ◑:

♦ Вся система Спинозы не только ошибочна, но в корне неверна и лишена всякого основания. Я лично склонен предположить, что его главным недостатком было неумеренное стремление сделаться главою направления, иметь учеников и дать свое имя новой философской системе. В этом он хотел походить на своего учителя Декарта и усматривал в удаче последнего пример для подражания. Я думаю так не потому, что Спиноза употребляет выражения «моя философия», «наша система» и иные, им подобные, — это пусть!, а потому, что человек строит целую философскую систему без всякого основополагающего принципа, на непрочном основании.

♦ *Спиноза придерживается того взгляда, что материя по природе своей бездейственна.**

♦ *Спиноза нигде не сделал попытки определить понятия движения и покоя.***

• В 1710 г. Толанд, по возвращении в Англию, приобретает дом в местечке Ипсом в Суррее, где прожил до 1718 г., занимаясь литсратурной деятельностью.

• **Сочииеиия Толанда:**

«Племя левитов» (1691):

/ Этот несохранившийся стихотворный памфлет подвергал острой критике духовенство и церковь. Священнослужители (левиты) уподоблялись Толандом страшной язве, разъедающей человеческое тело. /;

«Христианство без тайн, или Трактат, показывающий, что в Евангелии нет ничего сверхразумного или противоразумного и что ни одно христианское учение не может быть названо тайным в собственном смысле слова» (1697):

/ Книга вызвала негодование церковников и по специальному

---

* ***Спиноза***: ▣ «Все тела или движутся, или покоятся».
▣ «Все тела могут быть или в абсолютном движении или в абсолютном покое».
▣ «Движение и покой суть причины всякого разнообразия в телах».

** ***Спиноза***: ▣ «Что касается движения, то вопрос о том, что́ оно такое, я оставляю для более удобного случая».

постановлению ирландского парламента была сожжена палачом в Дублине (Ирландия) в сентябре 1697 года. Сам Толанд, спасаясь от преследований, был вынужден бежать в Лондон. /;

«Свободная Англия» (1701);

«Письма к Серене» (1704):

/ Здесь пять писем, три из которых адресованы непосредственно прусской королеве Софии-Шарлотте (Серене). София-Шарлотта интересовалась философскими вопросами, была знакома с Лейбницем и другими видными мыслителями своего времени, со многими из них находилась в переписке. Во время пребывания в Берлине (1701 г.) Толанд принимал активное участие в диспутах, которые велись в салоне королевы, неоднократно беседовал с ней. В результате такого любомудрого общения и возникли «Письма к Серене», опубликованные на английском языке в Лондоне.

Псевдоним Серена был раскрыт самим Толандом в 1708 г. в его произведении «Адеисидемон», вышедшем через несколько лет после смерти Софии-Шарлотты. /;

«Адеисидемон» (1708):

/ Название трактата искусственно сконструировано Толандом из древнегреческого слова «деисидемон» («суеверный») и отрицательной приставки «а», что вместе означает «несуеверный». Написана книга на латинском языке. /;

«Иудейские древности, или История Страбона о Моисее и иудейской религии»:

/ Это сочинение было напечатано в одной книге с «Адеисидемоном». /;

«Письмо против духовенства» (1712);

«Соображения в пользу натурализации евреев» (1714);

«Назарянин, или Иудейское, языческое и магометанское христианство» (1718):

/ Здесь Толанд выясняет то, что заимствовано мусульманами из раннего христианства. Он считает, что христианские элементы в исламе берут свое начало от так называемого евангелия Варнавы, проповедника в I в. н. э., спутника и некоторое время сподвижника апостола Павла. Евангелие Варнавы упоминается в произведениях христианских писателей, однако до нас текст его не дошел.

Многосодержательна тематика этого сочинения. Толанд, к примеру, останавливается на споре апостолов Петра и Павла, нашедшем отражение в христианской традиции. Петр, по преданию, был проповедником среди иудеев, которые, уверовав в Христа, продолжали исполнять иудейский закон (праздновали субботу, совершали обрезание и т. д.). Павел же учил среди язычников и отвергал предписания иудаизма. /

// Выражение «**язычники**» означает, собственно, идолопоклонников, верующих во многих богов и претендующих на особые откровения от них, а также практикующих разнообразные обряды, установленные в их честь. Евреи относили всех, *кроме себя*, к

категории язычников и называли их обычно «народы», откуда и произошло слово gentiles («язычники»). //;

«Тетрадимус» (1720):

/ *«Тетра»* по-гречески означает «четыре». В «Тетрадимус» входили такие сочинения:

- *«Клидофорус**, или Об экзотерической и эзотерической философии»*;

  Толанд: «У большинства философов было (как мы узнаём из источников) два учения: эзотерическое и экзотерическое, или тайное и открытое; последнее они сообщали всем без различия, а первое — в весьма осторожной форме — лишь своим лучшим друзьям, да еще немногим другим, кто был способен его понять и не злоупотреблял бы им».
- *«Ходегус»*;
- *«Ипатия»*:

  // Сочинение посвящено Ипатии, ученой женщине древности, известной своими работами по астрономии и математике, зверски убитой в 415 г. в Александрии христианскими фанатиками. //;
- *«Ответ критикам Назарянина»*. /;

«Пантеистикон» (1720):

/ Книга была издана анонимно с ложным указанием места издания — *Cosmopoli*. В действительности же она была напечатана в Лондоне. /

• В последние годы своей жизни Толанд сильно нуждался. Продав за долги дом, он переселяется в Путней, близ Лондона, и находит приют в семье сельского плотника. Умер Толанд 11 марта 1722 г. на 52-м году жизни. На своей гробнице он завещал начертать следующую им самим сочиненную эпитафию:

«Здесь похоронен Джон Толанд,
Который, родившись в Ирландии, близ Лондондерри,
Учился в Шотландии и Ирландии, а в юности также в Оксфорде
И не раз ездил в Германию,
Зрелый же возраст провел близ Лондона.
Поклонник всех наук, со знанием больше десяти языков,
Борец за истину, защитник свободы,
Но ничей ни последователь, ни приверженец,
Которого ни угрозы, ни бедствия не заставили
Запятнать данную ему жизнь
Предпочтением выгодного честному.
Дух его соединяется с отцом-эфиром,
От которого некогда произошел,
А тело, повинуясь природе, опускается в материнское лоно,
Сам же он будет вечно воскресать,
Никогда, однако, не становясь тем самым Толандом,
Который родился 30 ноября.
Остальное ищи в сочинениях».

---

* **Клидофо́рус** — *букв.* «ключарь».

2. СУДЬБА

► ◐ Образ каменного покрывала на мраморной статуе египетской богини истины Изиды был для Толанда каким-то **определяюще значимым**. Понимание здесь затруднено, ибо очень личностен и аллюзивен смысл. Но платформа проблемы чувствуется без каких бы то ни было ускользаний: **Как нельзя заглянуть под камень накидки в скульптуре, так, может быть, не надлежит открываться истине в обществе?** Ведь всех, кто рискнул это сделать, общество не ценило, а карало и преследовало. Делая это грубо, жестоко, хищно. В Толанде боролись два начала — человеческое (самосохранение) и предначертанное (бесшабашность оракульства). Он основался в середине, делая иногда вылазки то в один, то в другой стан. Но быть в этой *середине* ему было неуютно. Похоже, что он сильно, как-то по-особенному, мучился, страдал, изводился... Его частые ссылки на исторические примеры спихотехничны и красивы собой, но мало, ощутимо мало, способны быть для кого-то украшением. Тем более для него, Толанда:

♦ После того как невежественными людьми Сократу была уготована чаша с ядом, Платон мудро обеспечил себе безопасность тем, что писал скорее поэтическим, чем философским стилем.

♦ Сам Иисус Христос поучал большей частью притчами, советуя ученикам в чисто философской манере не метать жемчуга перед свиньями, поскольку эти животные топчут такие ненужные им дары.

♦ Древнегреческий поэт Симонид (VI–V вв. до н. э.) на вопрос Гиерона Сиракузского, **что́** есть Бог и каков он, попросил сутки на размышление; на другой день, будучи опять спрошен, потребовал два дня; и так далее каждый раз удваивал срок. Наконец, удивляясь сему, Гиерон спросил его, зачем он так делает, на что Симонид отвечал: чем больше я рассуждаю, тем меньше надеюсь ответить на этот вопрос. ♦

У рассудительного немецкого социал-демократа Вильгельма Либкнехта (1826 – 1900) есть такое высказывание: «Я могу не говорить того, что я думаю, но это вовсе не значит, что я должен говорить то, чего я не думаю. В первом случае это благоразумие, во втором — лицемерие».

Этим, по-моему, сказано всё. Хотя я мимоходом отметил бы, что благоразумие тоже немало лицемерно.

Ожидания, которые проповедует Толанд, возвышенны, но недостижимы. Смелость и мужество — это категории социализации, т. е. взращённой совести, а отнюдь не следствие правительственных установлений. Истина-то без людей обойдется, а вот каково им без нее? И потому то, что говорит Толанд, если оценивать его слова и «засвечиваемые» ими его установки *объективно*, всё всего лишь навсего **лживо правдиво**, потому что в намерениях оно **правдиво ложно**:

♦ Пусть все свободно высказывают то, что они думают, не опасаясь того, что их заклеймят позором или накажут за что-либо, кроме безнравственных поступков; пусть их мысли опровергаются или одобряются теми, кому это заблагорассудится, тогда вы наверняка услышите всю истину, а до тех пор (◐и каковы же временны́е рамки этого химерического «*до тех пор*»?!?! ◑) ее будут высказывать туманно и с недомолвками. ♦

Любого человека можно понять. Но как понять понимание?! «Недомолвленная истина» более похожа на недожёванный кусок. Его можно держать во рту, но нельзя проглотить. Ум умного человека очень часто его беда. Потому что беда — это когда имеющегося достаточно, чтобы больше ничего уже не хотеть. ◑

► **Поль Гольбах:**

«То, что всё во Вселенной находится в движении, что поэтому абсолютного покоя нет и быть не может, — эта истина, в которой как будто еще сомневаются столько мыслителей, была доказана в одном из сочинений знаменитого Толанда, появившемся на английском языке в начале этого века под названием «Letters to Serena» («Письма к Серене»)».

► Странная судьба у «Писем к Серене». Они словно были приговорены к забвению: ни одного **пере**издания на английском языке, французский перевод появился лишь в 1768 г., немецкое издание — только в 1959 г., на русском языке «Письма к Серене» были опубликованы лишь в годы советской власти.

3. УЧЕНИЕ

♦ Природа находится в бесконечном и непрерывном круговороте.

♦ Ничто не остаётся тождественным хотя бы в течение часа.

♦ Я утверждаю, что движение есть существенное свойство материи, которое так же неотделимо от ее природы, как неотделимы от нее непроницаемость и протяжение.

♦ От движения зависят все формы всех телесных предметов, их возникновение, развитие и гибель. Без движения материя представляла бы собой нечто, лишенное всякой формы и цвета, не тяжелое и не легкое, не шероховатое и не гладкое, не сладкое и не кислое, не горячее и не холодное, — словом, лишенное всяких чувственных качеств, лишенное частей, соразмерности и каких бы то ни было отношений.

♦ Я хотел бы движение целого называть **активностью** (action), а пространственное движение, будь оно прямое или круговое, быстрое или медленное, простое или сложное, по-прежнему называть **движением** (motion). Это последнее является лишь некоторым изменчивым определением активности, которая всегда, в целом и в каждой части, одна и та же и без которой движение не может принимать никаких модификаций. Я отрицаю, что материя есть или когда-либо была бездейственной, мёртвой глыбой, находящейся в состоянии абсолютного покоя, чем-то косным и неповоротливым.

♦ Что касается меня, то я не могу поверить в абсолютное пространство, существующее якобы отдельно от материи и вмещающее ее в себя, как не могу поверить и тому, что есть абсолютное время, оторванное от вещей, о длительности которых идет речь.

∇ ◐ Данное утверждение Толанда совсем не философично. Время не есть форма существования материи. Скорее уместно обратное: материя есть форма существования времени. Но более верным было бы следующее. Человек, допустим, подпрыгнул. Его данное пре-

бывание выше поверхности земли — это постоянная для него форма существования или есть нечто вре́менное, случайное, даже отклоняющееся?

Считающие, что верно последнее, будут, по-видимому, в коллизии с истиной. Ну, действительно: если я могу прыгать, значит, мне это свойственно. Если свойственно, то может повторно воспроизводиться, а коль скоро так, то почему бы этим эпизодам не быть достаточно частыми? И кто будет спорить, что есть люди-прыгуны и есть люди, к примеру, в цирке, для которых «прыгать» подразумевает именно так жить и именно прыжками зарабатывать себе деньги.

Хождение по земле, стояние и прыганье вместе составляют векторы *свойств* людей, которые есть потому, что есть мы, и в то же время мы таковы, потому что мы можем всё это.

Понятие материи закрепляет в теории наличие *родительского* начала по отношению к возникающим вещам. Но! Но всякое *порождение* заимствует свою правоту **у времени**. Оно просит как бы его (времени) печати на документ, разрешающий ему (этому порождению) быть. Но **время** своеобразно. Оно не делегирует свои полномочия, а, подобно огню, вливается в жизненную потенцию оформляющейся вещи. И как огонь свойством выгорания проверяет горючесть вещи и вообще своим прикосновением отмеряет предметам новый срок их жизни в себе (т. е. в огне) и с собой (т. е. с огнем), так и **время** *заражает* ***ВРЕМЕННОСТЬЮ*** каждого, кто испрашивает у него (у времени) пра́ва на бытие. Собственно, время тем и живет, что беспрерывно *купается* в своей всем нужности и радуется тому, что еще никому не удалось уйти от него, не будучи им (временем) *помазанным* на существование.

Время есть, так сказать, налоговый инспектор мира. Нет такого вещества и явления в мире, которое бы было и совершало действие и не заплатило *за это предоставленное в очерёдности мировых предметных судеб* ***предпочтение*** налог за строго оговоренный срок *пра́ва пользования* вещи или явлению быть собой. Но! Ох, как важно и как трагично это «но»! Но... быть собой только **СТОЛЬКО-ТО**...

Время — это компонента смерти в любой жизни. Но смерть — это не жизнь, а ее неумолимо ревностный счетчик.

То, что формирует материю, то и включает для всех ее форм часы. Так что есть «материя», если она есть, и ничуть не менее есть и «время». Отдельное, независимое, равноправное.

Время никак не связано с движением. Продолжительность и право на осуществление этой продолжительности не есть одно и то же. Пусть что-то перемещается, движется, переструктурируется. Даже пусть трансформируется. Всё это обычное изменение, то есть процессирование саморазвития. Но это не время. Совсем не время! Никак не время!!

У возникающего предмета есть его основа, есть его творец, есть его хранитель, есть реставратор, есть и преобразователь. Не обходится и без того, кто задаёт предмету направление существования и импульсирует его межпредметные контакты и занимаемые места и, так сказать, состояния и должности.

Но есть у предметов помимо тех, кто их движет и растягивает им их

проявляющуюся самость, еще один опекун. Он вовсе не из разряда ангелов-хранителей. Напротив! Он печётся, но печётся о том, чтобы перекрёсток жизни проскочили **все** возможные формы, на которые способна материя. Суров этот, скажем так, светофор, но он вносит порядок в Универсум. Его зеленый свет — и есть **ВРЕМЯ**. ◑

♦ Положение о том, что каждая часть и частица материи всегда мыслит, есть положение, противное разуму и опыту.

♦ Мы мыслим при помощи мозга. А это значит, что всё, лишенное мозга, не мыслит.

♦ Мышление есть особенное движение мозга, специального органа этой способности; вернее сказать, оно — некая часть мозга, переходящая в спинной мозг и нервы с их разветвлениями. Здесь средоточие души, здесь происходит движение мыслей и ощущений.

♦ Надо думать, что людям очень рано были внушены такие же представления о самом Боге, какие у них сложились до того об их земных государях.

♦ Величайшей нелепостью представляется мне обожествление случайности, этой прямой противоположности всякому порядку, разуму и плану.

♦ Кто касается вопроса о многообразии материи, должен полагать причиною этого многообразия активность, или движение.

♦ Любые преобразования материи не увеличивают и не уменьшают ее общее количество, как ни одна буква не прибавляется к алфавиту и не убавляется от него из-за бесчисленных сочетаний и перестановок букв в великом множестве слов и языков.

♦ То, что все боги имеют человеческое происхождение, это несомненно. Как и люди, божества прикреплены к определенным местам, где каждый занимается своим особым ремеслом. Так, Аполлон имел справочную контору и предсказывал судьбу в Дельфах; Эскулап открыл аптекарскую лавку в Пергаме; Венера содержала знаменитый дом свиданий в Пафосе; у Вулкана была кузница на Лемноне.

♦ В мире нет дряхлости и упадка. В своих частях и видах он пребывает во все времена в одном и том же состоянии.

♦ На всей земной поверхности нет ни одной материи, которая не была бы в свое время частью человека. И это справедливо также и по отношению вообще ко всякой вещи.

♦ Во многих крупных странах простое учение Иисуса Христа выродилось в самые нелепые догматы, в непонятный жаргон, смешные обряды и непостижимые таинства, и почти во всех уголках мира религия и истина были превращены в суеверие и поповские хитрости. То, что я говорю, прекрасно выражено в следующих четырех строчках, сегодня повторяемых всеми:

Ту религию, которой учит нас сама природа,
Басни в тайну превратили, дары — в выгодный обман;
Духовенство в дни закланий на глазах всего народа
Пьет вино и ест жаркое, а народ ни сыт, ни пьян.

♦ Есть люди, которые смешивают причину и действие, иначе говоря,

движущую силу (moving force) с пространственным движением (local motion); и когда они думают, будто дают верное определение движению, они на самом деле говорят только, что движение есть движение, лишь слегка разнообразя свои термины. Если, указав на мяч, катящийся по лужайке, попросить их определить, что такое движение, они важно ответят, что это есть удаление некоего тела от других тел и т. п., а это знают не хуже философов и игроки в крокет, которые ежедневно видят это собственными глазами. Объяснение причины этого удаления — вот что они хотели бы услышать, но в этом вопросе философ обыкновенно такой же невежда, как и они сами.

♦ Даже те философы, которые тщательно различают причину и действие, приходят в великое смущение, когда дело касается «движущей силы», как таковой. Что это за сила, где она пребывает — в материи или вне ее, каким способом она движет материю, каким образом переходит из одного тела в другое, как разделяется между многими телами, пока остальные пребывают в покое? Подобных загадок тысячи. Поэтому, будучи не в состоянии отыскать в природе такую реальность, определить, является ли она телом или духом, а тем более принять ее за модус; поскольку (не говоря уже об иных возражениях) никакая акциденция не может переходить от одного субъекта к другому и в каждом данном субъекте быть без свойственной ей причины и поскольку, с другой стороны, акциденция может быть полностью уничтожена при сохранении субъекта, — поэтому эти философы бывают вынуждены в конце концов прибегнуть к Богу и утверждают, что он, первоначально сообщивший материи движение, и поныне порождает и сохраняет его (до тех пор, пока для этого имеются предпосылки) и что он фактически соучаствует в каждом движении во Вселенной.

♦ Нет ничего более достоверного, чем то, что из двух противоречивых суждений одно необходимо должно быть истинным, а другое ложным.

♦ Тепло, холод, вкус и запахи не существуют в самих вещах, которым мы их приписываем.

♦ Незаметность движения не означает, что оно отсутствует (вспомним движение часовой стрелки!).

♦ Покой не субстанциален и не сущностен. Он — результат взаимного сопротивления двух равных движений.

/■■■ К примеру, пассажир участвует в движении плывущего корабля (не говоря уже о движениях внутри его собственного организма), хотя он и представляется покоящимся относительно того места, на котором он сидит, и остальных частей корабля, которые, невзирая на движение целого, сохраняют по отношению к нему одни и те же расстояния и положения. ■

∇ ◐ И тем не менее **покой** есть. Сравните. Что такое день? — Промежуток между двумя ночами, когда одна уже убыла до незаметности, а другая еще только начинается, приближаясь далеко не сразу заметной поступью. Есть ли в этом смысле день? — **Нет!**

Что такое день? — Промежуток, разделяющий две ночи и упорядочивающий их неслитное следование. «День» обозначает момент окончания одного бессветного периода и световое веселье мира перед приближением другого. Есть ли теперь, уже в этом смысле, день? — **Да!**

Рассуждение **о покое** можно было бы построить аналогично. Из чего пускающимся в аналитические рассуждения дóлжно заметить себе, что в философии *отрицание* чего-либо тем более бессмысленно и бесславно, чем более оно активно. Ибо переливаемость смысла в словах есть главное занятие в философии, поскольку ее предназначение увязывать всё к единству, на каком бы разделении всего она временами ни настаивала.

Философия не может ничто считать лишним, ибо ее задача выстроить целое, и здесь ей не обойтись даже без сáмой, казалось бы, малости. Вот отчего философия — наýка без остатка, искусство без упрёка, занятие без страха. Когда она что-то опровергает или отвергает, то хвастает скорее морщинами и сединой. А вот прислушиваясь к неслышному и приглядываясь к разумному в ненравящемся — она румянеет, молодеет, окрасавливается. ◑ /

♦ Бесконечная материя и есть реальное пространство и вместилище, а также реальный субъект своих собственных частей и модификаций.

∇ ◐ Можно, конечно, сказать, что часы и есть время, ибо циферблатный объем указаний стрелок исчерпывает весь его (времени) объём. Но *время* есть всё же нечто большее, чем часы: ведь как ни строй, так сказать, будильниковый образ времени, сам будильник, хоть и показывает время, тем не менее как предмет необходимо живет во времени.

Можно, разумеется, сказать — возьмем еще один образ-пример, — что пожар исчерпывается объёмом того огня, который им порождается и его (пожар) как пожар реализует. Но... пожар есть всё же нечто большее, чем огонь, ибо **пожар** — это еще и *событие*. Какое? — Да кто ж не знает: он — явление порождающего уничтожения, он — олицетворение насильственной смены.

Так и тема «пространства». Понятийная чистота в познании требует его самостоятельного конструирования, ибо с ним, с «пространством» как самостоятельным фактором, постижение мира и эвристичнее, и более сродни канве *человеческого* способа освоения действительности. ◑

♦ Пустоты нет. Бесконечная материя непрерывна.

∇ ◐ Толанд хочет быть точным. Однако требование точности — не философично. Конечному существу, каковым является человек, с его недостаточным познавательным инструментарием негóже категорично судить о мире, судить о нем с безапелляционностью Бога. Пустота есть. Как есть лёд, хотя известно, что и пар, и он — всего лишь модификации воды.

В мире есть **всё**. Философия не должна отвергать некоторого примитивизма взглядов. Она должна уметь опираться на *простое*, ибо оно не только база столь нужной для понимания любого существа дела образности, но и уравниватель потенциалов романтических потуг смертного существа постигнуть бессмертное. Девиз философии: О человек, только тебе подвластно перестать быть человеком! ◑

♦ Не просите меня определить, *что такое движение*. Я не могу этого сделать, как не сможет ни один человек, хотя бы и самый способный.

♦ Мы не можем дать понятийное определение **движению** не потому, что мы плохо знаем движение, а потому, наоборот, что мы знаем его лучше всего того, что доступно определению. Такие простые идеи, как движение, протяжение, цвет, звук, самоочевидны и никоим образом не могут быть определены; только термины, обозначающие сложные идеи, или, иначе говоря, комплексы самоочевидных идей, могут быть объектами определений, ибо термины, обозначающие простые идеи, будучи соединены вместе, вскрывают связь, предпосылку и характер целого. Так, никакими словами в мире нельзя объяснить, что такое синева, и дать о ней ясное представление человеку, никогда не видавшему этого цвета. Но предположите, что тот же человек никогда не видал золота, хотя хорошо знако́м с другими металлами, он, конечно, сможет составить себе о нем отчетливое представление на основании сообщений о его желтизне и весе, ковкости, плавкости, твердости и т. д. Поэтому, когда определяются простые идеи, не следует думать, что определяются сами предметы, ибо равносильные термины не объясняют природу вещи, а только передают значение слова в других, более понятных выражениях.

♦ Вы, Серена, говорите, что ***раз допущена активность материи, то, по-видимому, исчезает необходимость в верховном уме***. Позвольте же вам сказать, что это наиболее необдуманное и легковесное замечание, какое я когда-либо слышал из ваших уст, ибо вы никогда не согласитесь делать одиозные выводы, противные вашему собственному убеждению, как это делают слишком многие. Не говоря уже о том, что **Бог так же мог создать материю активной, как и протяжённой, что он одинаково мог дать ей как одно, так и другое свойство**, что нельзя указать никаких оснований, почему бы он не мог наделить ее первым свойством в такой же мере, как вторым; не говоря обо всём этом, разве нет необходимости, чтобы Бог в известные моменты или, вернее, всегда направлял ее движения? Разве образование животных и растений может быть объяснено одной активностью материи в большей мере, чем одним ее протяжением? И разве вы можете представить себе, что действие и противодействие тел, взаимодействие всех частиц материи могло в самом себе заключать столько изобретательности, чтобы создать хотя бы одну из этих изумительных растительных или животных машин? При всех ваших познаниях в механике вы не сумеете, как не сумел и Декарт, изобрести правила и средства для построения человека или мыши. Никакие столкновения атомов ни при каких, даже самых благоприятных, условиях не могли бы объединить части Вселенной в существующий порядок и сохранить их в нем, не могли бы создать организацию цветка или мухи, как нельзя себе представить, чтобы типографские знаки, даже будучи миллионы раз смешиваемы друг с другом, расположились наконец в таком порядке, при котором получилась бы «Энеида» Вергилия или «Илиада» Гомера, или вообще какая бы то ни было книга.

♦ Часто в совершенно одном и том же явлении одни видят величайшее чудо, а другие — чисто естественное явление.

♦ Всё противоречащее разуму не может быть чудом. Чудесное действие должно само по себе быть понятным и возможным. Чудеса совершаются в соответствии с законами природы, хотя они выше ее обычных действий.

∇ ◐ Я понимаю Толанда. Он познавательно заангажирован — непрестанно хочет всё объяснять и непременно объяснить. Но такое *чересчурство* — не уместная дотошность, а непозволительное излишество: это всё равно что пытаться в естественнонаучном угаре помолекульно пить воду. Нам всем следует помнить, что чудо чудесно; в этом его суть. Чудо — это степень нашей причастности к основам Универсума. Оно (чудо) показывает полноту нащего права на единение со всем окружающим миром. Оно — компенсационное явление. Оно уравнивает неполноту части по отношению к целому. С «чудом» мы всегда **всё**, а не осколок, обломок, обрывок. Чудо начинается с нас, оно гнездится в нас, оно даровано нам как козырь и как титул.

Да и о чём тут говорить, если чудо всегда у нас, как говорится, под рукой. ◑

◐ Если есть чудо, то это, без сомнения, великодушие. Если есть Бог, то первое, что на него указывает, — это, безусловно, великодушие. В великодушии проявляется **внечеловеческое** в человеке. Для нужд нашего тела и привычной всем нам жизни людям вполне достаточно душй. Но то, что душа способна быть выше и больше бытоопределимых значений и состояний, показывает, что мы носим в себе частицу великой **тайны** Универсума — ее творца, ее начала, ее самотяги к себе и самозащиты. Благодаря великодушию мы способны к самопожертвованию, а это и есть алтарь **Бога**, что бы и кто бы под этим извечным **зовом в нас** ни понимал.

> «Люди более всего приближаются к богам именно тогда, когда даруют людям спасение».
>
> *(Цицерон)*

◑

◐ Чудо есть чудо. Его не следует путать с загадочными явлениями. Последние вовсе не чудесны. Они всего лишь проблемны. Чудо не объяснимо, ибо оно само основание объяснения. А вот всякие открываемые по накоплении опыта заморочки имеют оттенок таинственности. Но сам контекст, в котором они найдены или ассимилируются, уверенно сигналит: ответ есть, но ухо к нему пока не повёрнуто.

Откуда, скажем, в древнем Багдаде за сотни лет до нашей эры знали, как делать сухие электрические батареи? Здесь объяснение не спешит нам навстречу. Но последовательно соединённые батареи, найденные при раскопках, давным-давно лежат под стеклом в музее. Так в чьих же руках это неизвестное, если их и лицезрели, и трогали, но долгое время принимали просто за непонятные ритуальные предметы? Кстати, какие могут быть вообще претензии к истолкованию (я бы даже его олицетворил — Истолкованию), если всегда есть место явительному предзнаменовательному нюансу?! Так, случайно зашедщий в музей инженер обнаружил истинную сущность этих столбиков из металлов и смолы. ◑

♦ Я не хочу сказать, что материя не имеет других существенных свойств, кроме этих вот трех — протяжения, плотности и **активности**; но я убежден, что при надлежащем совмещённом рассмотрении этих свойств мир материальных явлений может быть объяснён гораздо лучше, чем это было сделано до сих пор.

♦ Я, хотя считаю суеверие более вредным для государства, чем атеизм, всё же полагаю, что первое иногда может быть терпимо, второй же — никогда.

♦ У каждого философа две философии: одна обращена вовне, другая — для себя.

4. МЫСЛИ

◪ Я скромный истолкователь Бога и природы.

◪ Суеверие и атеизм — это Сцилла и Харибда. И если отдавать чему предпочтение, то, наверное, всё же истинной религии, которая находится посередине между этими двумя крайностями.

◪ Религия и разум — ненавистные помехи для суеверия и заблуждения.

◪ Безопасность народа должна заключаться в стоящем над любой государственной должностью высшем законе.

◪ Я не могу не признать верности того наблюдения, что к каждому из доступных людям наслаждений подмешана доза горечи, которую мы ощущаем, либо ожидая, либо испытывая их, либо переживая их последствия.

◪ Философия Декарта лишь остроумный философский роман.

◪ Все мудрецы, изложив нечто достойное внимания и похвалы, более изумляются тому, что их никто не порицает (что, впрочем, случается редко), нежели сыплющимся на них злобным нападкам, которых они ожидали. Молчание они склонны рассматривать как осуждение своей деятельности, а всеобщего одобрения боятся как свидетельства о том, что в их сочинениях нет истины.

◪ Все мы приобрели слишком многое от наклонностей тех, кто дал нам жизнь, и от страстей, которые преобладают в крови нашего рода.

◪ Тотчас после рождения нас вручают кормилицам, невежественным женщинам самого низкого рода, которые вместе со своим молоком передают нам свои заблуждения.

Затем нас посылают в школу, куда все дети являются одинаково отравленные суевериями... и то, что можно скрыть от ребенка в разумной семье, он наверняка услышит в школе, где собрано вместе множество детей.

Мы становимся немногим умнее, но гораздо тщеславнее и самонадеяннее в университетах, где едва ли можно научиться чему-нибудь, кроме вещей, которые всякий должен забыть как можно скорее.

◪ Университет — самый обильный рассадник предрассудков, наибольший из которых заключается в том, что мы воображаем, будто научаемся там всему, тогда как на деле не узнаём ничего. Мы только с великой самоуверенностью повторяем затверженные нами положения сомнительных систем, а когда кто-нибудь их оспаривает, мы не можем найти ни одного нового слова, ни одного довода, который удовлетворил бы нашего противника или нас самих. Но мы утешаем себя тем, что знаем столько же, сколько наши учителя, которые любят выражаться на варварском жаргоне, лишенном обычно всякого смысла.

◪ Главное же искусство, при помощи которого нынче достигают науч-

ных степеней, — это умение говорить об обыкновенных вещах весьма необыкновенными словами.

- Мы часто переносим ненависть к лицам на их мнения и не менее часто — ненависть к мнениям — на лица.
- Я думаю, что погребальные обряды у разных народов и способы увековечения выдающихся людей могли явиться причиной, породившей веру в бессмертие. К примеру, египтяне бальзамировали своих покойников и в таком виде помещали их в подземные склепы, где они сохранялись в целости в течение тысяч лет. Таким образом, еще до возникновения всякого понятия о бессмертной душе уже было принято говорить, что такой-то находится под землей, что он перевезен *хароном* (титул должностного перевозчика при похоронах) через реку Ахерон и доставлен к месту блаженного отдохновения в *Елисейских полях*, как называлось общее кладбище близ Мемфиса.
- Очень немногие способны примириться с мыслью о конце своей жизни, и большинство людей скорее предпочтут быть несчастными, чем не существовать вовсе.
- Самые простые вещи в мире были величайшими загадками для многих поколений; и мы знаем, что весьма трудно найти что-нибудь там, где никому не приходит в голову искать.
- Каждое существо живет разрушением другого.
- Одно дело — знать *истину* и другое дело — сообщать ее другим.

/■■ Невозможно было распространять истину иначе как ценой человеческой жизни или по крайней мере ценой потери достоинства и положения в обществе, о чем свидетельствуют многочисленные примеры. Поэтому философы и другие благодетели человечества в большинстве стран под давлением этой святой тирании были вынуждены использовать двойственное учение: одно — общедоступное, приспособленное к предрассудкам толпы и к усвоенным обычаям и религиям, а другое — философское, соответствующее природе вещей и, следовательно, истине. Последнее за накрепко закрытыми дверями и со всеми другими предосторожностями они сообщают только друзьям, отличающимся честностью, благоразумием и глубокомыслием. Эти учения они обычно называют экзотерическое и эзотерическое, или явное и скрытое. ■/

- Платон изгонял из своего идеального государства Гомера, справедливо полагая, что в изображении Гомером жизни богов люди не столько уверовали в последних, сколько искали в образе их жизни оправданий своему поведению.
- Люди, особенно в наше время, больше всего шумят о том, что они, по их собственному откровенному признанию, менее всего понимают.
- Если для одних вы будете ортодоксом, то для других — еретиком.
- Опыт учит, что многочисленность противников отнюдь ничего не доказывает, когда речь идет об истинности тех или иных положений.
- Человечество во все времена одно и то же.

Антони Эшли Купер Шефтсбери

XVII — XVIII вв.

• Английский философ, мыслитель-моралист

Родился: 26.02.1671 г.
Умер: 15.02.1713 г.

Прожил — 41 год

> **«Трудио вообразить, какая же в том честь Богу, еслн его славят создаиия, не способные различнть, что достойио хвалы и что превосходно в самом роде человеческом».**
>
> *(Шефтсбери)*

■ **«Я принял за правило всё говорить не иначе как скрыто нли нзящно, с иасмешкой над самим собой, нли косвенио, в форме “мыслей о разиом”».**

(Шефтсбери)

■ **«Мы иикогда не будем придавать себе слишком важного вида, если сможем быть уверены, что мы иа самом деле то самое, что о себе думаем».**

(Шефтсбери)

1. ЖИЗНЬ

• Граф.
• После смерти отца унаследовал титул лорда.
• Одним из первых в Великобритании ввел в философский оборот понятие **«здравый смысл»**:

♦ Если под словом **«смысл»** мы понимаем мнение или суждение, а под словом **«здравый»** — всеобщность его принятия большим числом, то будет трудно показать, кто же является законодателем здравого смысла... Определить здравый смысл так же сложно, как и понятие истинной веры или ортодоксии.

• Шефтсбери широко пользуется выражением «часовой механизм»* в качестве фундаментального концептуального образа для философской метафоры и для построения принципиальных уподобительных аналогий.

---

* **«Часовой механизм»** — вообще излюбленное «сравнительное» представление XVII в. (*Uhr-wèrck, clock-work*): человек как винтик универсального механизма Вселенной; миру присуща сложность того же упорядоченного плана, что и в часах, и столь же сокрытая от глаз, как и внутреннее устройство часов, заданное глазу не шестеренками и их сцепленностью, а всего лишь стрелками с их — если строго — только **оговорённым** значением.

• Страдал тяжелой болезнью — астмой.

• Был остроумно-находчив и осторожно-осмотрителен:

■■■ **Джон Толанд:**

«Мне вспоминается разговор, о котором я узнал от близкого родственника старого лорда Шефтсбери. Последний беседовал с майором Уильдманом о многочисленных религиозных течениях в мире. Собеседники пришли к заключению, что, несмотря на то что невежество народа и стремление священников к выгоде привели к бесконечной раздробленности, всё же **у всех умных людей есть одна религия.** Находившаяся в комнате леди, которую занимало больше ее шитье, чем их разговор, несколько встревоженная, спросила, что же это за религия, на что лорд Шефтсбери прямо ответил: "Мадам, умные люди никогда этого не говорят"». ■

• **Сочинения Шефтсбери:**

«Исследование о добродетели, или достоинстве» (1699);

«Письмо об энтузиазме» (1708);

«Sensus communis, или Опыт о свободе острого ума и доброго расположения духа» (1709);

«Моралисты, философская рапсодия, представляющая передачу некоторых разговоров о естественных и нравственных предметах» (1709);

«Солилоквия, или Совет автору» (1710);

«Характеристики людей, нравов, мнений, эпох» (1711);

«Философский образ жизни»:

/ Первоначально это произведение вышло под названием *«Общественный энтузиаст»* (1705). /

• Свой нравственно-эстетический идеал Шефтсбери выражал двумя словами, служившими ему и лозунгом и принципом: «Прекрасное и честное».

2. СУДЬБА

► **Гилберт Честертон:**

«Исключительно точной характеристикой Шефтсбери было бы такое определение из классической английской литературы: "...Он лезет на рожон, чтоб выказать свой ум"».

3. УЧЕНИЕ

• Сокровенное

♦ Сегодня дела мои шли успешно, в итоге представления мои восхищены до небес: «Мир превосходен! Всё великолепно! Каждая вещь мила и привлекательна — люди, слова, компания, общество, можно ли желать лучшего?» Назавтра приходят разочарования, неудачи, огорчения. И что же следом? «О, жалкое человечество! О, испорченность! Кто бы стал жить среди людей? Кто — писать и творить для такого мира!»

♦ Как известно, областью философии является учить нас, что мы такое, хранить нас в нашем тождестве с нами самими и так направлять господствующие над нами образы, страсти и умонастроения, чтобы мы были постижимы для самих себя и узнавались не только по чертам лица и внешнему виду. Ибо, конечно, не через одно лицо свое мы — это сами **мы**. Когда фигура наша и вид претерпевают изменения, то тут не **мы** меняемся. Но есть нечто такое, чему сто́ит полностью преобразить-

ся и видоизмениться, — вот и мы уже превратились и перестали быть самими собою.

♦ Была у древних знаменитая надпись в Дельфах — «Познай себя», что означало: раздели себя, будь двумя. Ибо коль скоро разделение произведено правильно, то, думали они, всё, что есть в душе, будет понято правильно и будет устроено с благоразумием. Такое доверие испытывали они к этому внутреннему слову солилоквии. Ибо как особая черта философов и мудрецов рассматривалась их способность поддерживать свою внутреннюю беседу. И они гордились здесь тем, что никогда не бывали менее одиноки, как оставаясь наедине с собою. Ибо человек низкий, полагали они, никогда не бывает с собою и при себе. И не потому, что его совесть не может не волновать и не возмущать его постоянно, — но они думали, что у такого человека в нем самом недостаточно внутреннего интереса к себе, чтобы он мог пользоваться такой великодушной способностью и возвыситься до того, чтобы стать другим себе самому: честно допущенный в товарищество, он поспешит обмануть своих друзей и позаботиться о них так, как то ему свойственно.

♦ Я не могу не оплакивать философию, поскольку мне приходится заниматься ею в такое время, когда авторитет ее пал необычайно низко. Философия не является более силой деятельной в этом мире, и ее нельзя с какой-либо пользой вывести на публичную сцену. Мы замуровали ее — бедную госпожу! — в колледжах и кельях и обрекли ее на рабский труд рудокопа. Эмпиризм и педантичная софистика — теперь ее главные ученики. Школьный силлогизм и жизненный эликсир — избраннейшие произведения ее. И столь далека она от того, чтобы производить на свет государственных мужей, как то было в древности, что едва ли какой-либо человек, известный своим общественным положением, снизойдет до того, чтобы признаться, что обязан ей хотя бы в самом малом. И если некоторые и поддерживают еще знакомство с нею и иногда посещают ее в ее уединении, то бывает это «тайком и ночью», — так важный ученик приходил к учителю и господу своему.

♦ Я отчетливо ощущаю, что во всех значительных проектах есть, на первый взгляд, некий налет химерической фантазии и самомнения, ввиду чего сами прожектёры являются, скорее, в каком-то смешном свете.

♦ Все мы бываем в замешательстве, когда бежим вслед за тенью, забывая о субстанции. Ибо если доверять тому, чему учит нас рассуждение, то всё, что прекрасно или прелестно в природе, — лишь бледная тень изначальной красоты.

♦ О ветхая Первопричина, ты времени древнее, но вечно юная — в цветении, как вечность!

♦ Напрасно трудимся над тем, чтобы понять это начало Чувства и Мысли, начало, кажущееся нам столь близким к движению, однако столь отличное от него и от самой материи, — оно поэтому не терпит, чтобы мы постигли, как мысль в материи рождается, но не терпит и того, чтобы мы уразумели, как материя рождается из мысли.

♦ Ибо, помимо бесконечного, нет ничего, что могло бы видеть связи и сопряженности в бесконечном.

♦ Вы говорите — природа. А что такое природа? Что это — некий смысл? Некое лицо? Есть ли у нее разум и разумение? Нет? Кто же тогда разумеет за нее, кто печется и заботится о ней? Никто, ни единая душа, но каждый — сам о себе.

♦ Ибо будь в природе два или больше начал, так они должны были бы согласоваться друг с другом или бы остались в несогласии. Если бы остались в несогласии, то всё было бы в замешательстве, пока одно из начал не взяло бы верх. А если бы они согласовались, то должна была бы наличествовать какая-то естественная причина, чтобы им согласоваться, и такая причина не могла бы уже идти от какого-то особого и частного замысла, плана или мысли, — что вернуло бы нас назад к признанию одного начала и к подчинению ему двух остальных. И поэтому, когда мы сравним каждое из этих трех **мнений**, то есть что нет никакого направляющего деятельного начала, что есть более чем одно начало, и что может быть только одно начало, и что может быть только одно такое начало, — мы поймем, что последнее мнение единственно состоятельное.

♦ **◐ Манера полемики ◑:**

«— Но что бы ни полагать, — заметил Теокл, — о несложной и несоставной материи — вещь в лучшем случае весьма трудная для уразумения, — материя, будучи сложной и совмещенной в известном числе таких частей, как те, что единятся и сговариваются между собой в этих наших каркасах и телах и в других, подобных нашим, — если она способна представить нам столь много бесчисленных примеров частных форм, разделяющих ее простой принцип, посредством которого они живут, действуют и обладают некоей натурой или гением, особо им приданным и пекущимся об их благополучии, — как же можем мы не замечать этого в целом и отрицать это великое и всеобщее Одно в самом мире? Как быть столь противоестественным, чтобы отрекаться от божественной Природы, общей нашей родительницы, и отказываться признать всеобщего верховного правящего Гения?

— Правители, — возразил я [Филокл, другой участник беседы], — когда ездят инкогнито, то не требуют, чтобы их замечали, и не требуют, чтобы оказывали им почести, если являются одетыми не по чину. И у нас даже могут быть причины предполагать, что они будут недовольны, если мы будем слишком старательны в своих попытках раскрыть их инкогнито, — коль скоро сами они или стремятся остаться незримыми, или же переодеты до неузнаваемости. А что касается внимания, которое мы уделяем этим незримым силам, следуя принятому нашей религией, то тут у нас есть зримые правители, чтобы отвечать за нас. Наши законные начальники учат нас, что мы должны признавать и что совершать в своём почитании. И мы исполняем свои обязанности, подчиняясь их наставлениям и следуя их примеру. Но если следовать философии, то я не нахожу, что бы принуждало нас столь убежденно признавать оспариваемый титул. Как бы то ни было, вы по меньшей мере должны понять, в чем тут спор, и знать, как описать эти силы. Разве нельзя зада-

ваться вопросом — какова субстанция этих сил — материальная или нематериальная?»

♦ При бесконечности вещей не может видеть всё с полнотой ум, у которого нет бесконечного видения. А коль скоро каждая отдельная вещь соотносится со всем вообще, то ум не может знать совершенной и истинной связи какой бы то ни было вещи в мире, который неизвестен ему во всей полноте и совершенстве.

♦ Давайте представим человека, совершенно чуждого мореплаванию и не знающего природы моря и вод; пусть он внезапно очутится на борту какого-нибудь судна, бросившего якорь посреди океана, вдалеке от всякой суши, — пока стоит безветрие, — пусть человек этот осмотрит всю эту громоздкую, непоколебимую и неподвижную машину среди глади морской, пусть сначала увидит он всё, что находится внизу, а потом весь такелаж, мачты и паруса над головой. Легко ли будет ему видеть, что всё это — одно целое и правильное устройство, что все вещи зависят одна от другой, как сможет догадаться он о предназначении помещений внизу, кают и складов! Но, не зная предназначения и замысла всего перечисленного, неужели он заявит, что мачты и такелаж — бесполезны и обременительны, и по этой причине вынесет свой приговор всему сооружению и станет презирать его строителя? Мой друг, не будем выдавать своего невежества, но подумаем, где мы находимся, в каком всебытии. Подумайте о многих частях этой громадной машины, в которых мы так мало разбираемся и от которых невозможно нам найти все концы и применения, — когда, вместо того чтобы смотреть на самую вершину, мы видим только какую-нибудь нижнюю палубу и сами находимся в этой темной клети, заключенные в своей плоти, ограниченные трюмами и самыми нижними помещениями судна.

Теперь же, рассмотрев всё это согласованное единосообразное сооружение и признав универсальную систему всебытия, мы, чтобы быть последовательными, должны признать универсальный ум; и ни один здравомыслящий человек не должен отнимать у него престол его.

♦ Ни человека, ни другое животное, какими бы полными по своему составу ни были они — по отношению к себе самим внутри себя, нельзя признать столь же полными — по отношению ко всему вне их, но их нужно рассматривать как находящихся в связях — каждый с системой своего рода. Так, система человека находится в связи с системой животного мира, эта последняя — в связи с нашим миром, землей, а земля, в свою очередь, — с еще большим миром и с универсальным всебытием.

Все вещи этого мира связаны в единство. Как ветвь связана с деревом, так и дерево непосредственно связано с землей, воздухом и водой, питающими его. И как плодородная почва соответствует дереву, так же точно сильный и прямой ствол дуба или ильма отвечает вьющимся ветвям плюща или винограда; точно так же самые листья, семена и плоды этих деревьев согласованы с различными живыми существами; а из этих последних — одни с другими и со стихиями, в которых они живут и к которым

они известным образом приспособлены и подогнаны, как некое добавление к ним: так, с помощью крыльев — к воздуху, с помощью плавников — к воде, с помощью ног — к земле, равно как и другими соответствующими внутренними частями более замысловатого состава и устройства. Так, созерцая всё на земле, мы по необходимости должны видеть всё в одном, как бы всё слагая в одно единосогласие. Такова же система и большого мира. Посмотрите на эту взаимозависимость вещей!, на связь между ними — между Солнцем и этой населенной Землей, и между Землей и другими планетами и Солнцем! Порядок, союз и согласие целого! И знайте, мой друг, что, следуя этим путем, вы должны будете признать Универсальную систему и согласный план всех вещей.

♦ Как говорят мудрые, Природа столь тонко связала концы, что одно переходит в другое и неразличимо.

♦ Нам следовало бы воздерживаться от смеха, слыша, что индийские философы, желая успокоить народ, спрашивающий, на чём держится это гигантское сооружение мира, отвечают — держится на слоне. А на чём слон? — Щекотливый вопрос! Но на него никоим образом нельзя отвечать. Вот только тут и можно упрекнуть наших индийских философов. Им следовало бы довольствоваться слоном и не идти дальше. Но у них еще в запасе черепаха, спина ее достаточно широкая, как им кажется. И вот черепаха вынуждена нести новую тяжесть, а дело обстоит хуже, чем прежде.

♦ Есть нечто такое, что предшествует откровению, некоторое предварительное доказательство разума, уверяющее нас в том, что Бог есть.

♦ Так как человек создан для общества, то он и должен родиться с чувством любви к тому целому, частью которого он является, и от рождения обладать предрасположенностью к тому, чтобы стремиться к его благосостоянию.

♦ Добродетельно только то, что имеет в виду общее благо.

● Просто важное

♦ Как бы воля ни была свободна, мы видим, что настроение и каприз управляют ею.

♦ Общество было для человека естественным состоянием и иначе как обществами он никогда не жил и не мог жить.

♦ «Человек человеку волк»... Ученые любят толковать об этом воображаемом состоянии вражды. Но утверждать так — чтобы унизить человека — до некоторой степени нелепо, поскольку волки по отношению к волкам очень ласковые животные. У них оба пола принимают участие в заботах о своих малышах, и этот союз продолжается между взрослыми: они воют, чтобы сзывать других, когда они охотятся или когда хотят окружить добычу, а также если открыли хорошую падаль. Даже среди животных свиной породы нет недостатка во взаимной привязанности, и они спасают товарищей в нужде.

♦ Будучи по отношению к добродетели реалистом, я стремлюсь доказать, что действительно есть нечто, само по себе существующее в природе вещей, непроизвольное и неискусственное, если можно так выразиться,

но данное извне, или не зависящее от обычая, моды или воли; даже не от самой Верховной воли, которая не может управлять ею, но сама, будучи необходимо доброю, управляется или даже тождественна с нею.

♦ Ни страх ада, ни тысячи страхов перед божеством не ведут за собой появления совести там, где нет понятия о том, что *нехорошо*, что отвратительно, что представляет нравственное уродство или что похвально. Там же, где это есть, там уже действует *совесть* и необходимо появляется боязнь наказания, даже если ничто не угрожает им.

♦ Кто не слышал ходячее утверждение, что миром управляет личная выгода? Но я думаю, что тот, кто поближе присмотрится, увидит, что страсть, настроение, каприз, усердие, партия и тысячи других побуждений, идущих вразрез с личной выгодой, имеют бо́льшее значение в движении этой машины.

4. МЫСЛИ

- Если люди терпят разговоры о своих пороках, — это лучший признак того, что они исправляются.
- Единственный способ спасти человеческое здравомыслие и сохранить разумность в мире — это дать свободу острому уму. Однако никогда не будет свободен острый ум там, где отнята свобода для насмешки.
- Если людям запретить серьезно говорить о некоторых предметах, они будут говорить о них иронически. Если им вообще запретить говорить о таких предметах или если они действительно почувствуют опасность таких разговоров, то они станут вдвойне маскироваться, облекаться в одежды таинственности и говорить так, что трудно будет понимать или ясно истолковывать их тем, кто склонен причинять им вред. И вот тогда насмешка входит в моду и достигает своих крайностей. Дух преследования породил дух иронии, а отсутствие свободы несет ответственность за отсутствие подлинных нравов, за порчу или дурное употребление изящной шутки и юмористического умонастроения.
- Чем больше давление, тем резче сатира. Чем ужаснее рабство, тем она тоньше.
- Художник, если он не лишен гения, понимает правду и единство в замысле, он понимает, что перестанет быть естественным, если будет слишком тесно следовать за природой и во всём воспроизводить ее.
- Педантизм и ханжество — это такие жернова, которые способны утопить любую книгу, несущую на себе хотя бы малую толику их мертвого веса. Дух педанта не отвечает требованиям века — мир хочет, чтобы его учили, но не хочет, чтобы его опекали.
- Единственный яд для разума — страсть. Ибо ложное рассуждение быстро переменится, если пройдет страсть.
- Никакие мысли не покажутся правильными, если они не были использованы для надлежащего направления самих себя, если они не получили должную строгую форму еще прежде, чем были высказаны. Самое трудное, что есть в мире, — быть хорошим мыслителем, не будучи строгим критиком самого себя, и проверенным собеседником — в разговорах с самим собою.

- Кто имеет дело с характерами, не может не знать характер свой собственный — или же он вообще ничего не будет знать. А кто пожелает развлечь человечество чем-то полезным в таком роде, должен сначала сам быть уверен, что извлечет пользу для себя. Ибо в этом смысле совершенно справедливо сказать, что мудрость и милосердие должны начинаться с нас самих.
- Тот, кто уверен в жизни после смерти, не нуждается в чрезмерных заботах о судьбе добродетели в этом мире.
- Нет ничего глупее и обманчивее половинчатого скептицизма. Ибо пока сомнение прилагается только в одной стороне, на другой тем сильнее растёт достоверность. Одна сторона глупости кажется смехотворной, а другая всё более раздувается и всё больше лжёт.
- Если добродетель сама по себе не ценна и не почтенна, то я не вижу, какой почет может быть в том, чтобы следовать ей ради выгодной сделки. Если любовь к совершению добра сама по себе не есть склонность добрая и истинная, то я не знаю, возможна ли вообще доброта или добродетель.
- Странно представить, чтобы война, самое дикое, что только есть, была страстью наиболее героических душ.
- Всё превосходно, всё заслуживает любви, всё радует и веселит — всё, кроме человека и его жизненных обстоятельств, которые не кажутся столь совершенными.
- Отсутствие свободы несет ответственность за отсутствие подлинных нравов.
- Ни в чём человек так вполне не проявляет *себя*, как в своем *расположении духа* (temper) и в характере своих страстей и наклонностей. Если он теряет то, что в них есть мужественного и достойного, он настолько утрачивает себя, как если бы он потерял память и разум.
- Утверждать, что естественным состоянием людей было жить врозь друг от друга, нельзя, не впадая в нелепость, потому что лучше отнять у живого существа всякое другое чувство и привязанность, чем привязанность к обществу и себе подобным.
- Для дурного выбора нет извинений.
- Мнительное себялюбие и низость — вечные спутники нашего страха.
- Тот, кто оказывается настоящим другом, — тот и настоящий человек, тот не остаётся в долгу и перед обществом.
- Что для одних — нелепость, для других — доказательство.
- Все бесспорно ищут счастья, но вопрос в том, находим ли мы его, *следуя природе* и уступая своим *обычным* наклонностям или же подавляя эти наклонности и со страстью отдаваясь *личной* выгоде, узкому *эгоизму* или даже только сохранению жизни.
- Человек альтруист по натуре, и истинная мораль не нуждается в поддержке религией. В человеке, который стал нравственным под влиянием религии, нет правды, истинной набожности и святости больше, чем бывает доброты и ласковости в тигре, посаженном на цепь.

- Героизм и человеколюбие — почти одно и то же. Но стóит чувству этому хотя бы немного сбиться с пути, и любящий человечество герой превращается в свирепого безумца: освободитель и хранитель делается притеснителем и разрушителем.
- Нашим мыслям в целом присущ такой темный и неясный язык, что самое трудное на свете — заставить их сказаться со всей отчетливостью.
- В одном только можно быть более чем уверенным — коль скоро у нас есть ум и мы не утратили желаний и чувств, всевозможные фантазии и капризы будут трудиться изо всех сил и, в обществе ли мы или наедине с собою, — они оттого не прервутся и не прервут своей деятельности. У них в любом случае будет поле деятельности.
- Может ли что-нибудь, кроме дурного настроения, порождать атеистов?
- Многие добродетельные люди стали бы спокойнее душой, если бы получили уверенность в том, что они зависят только от слепого рока: мысль о том, что Бог существует, вызывает у них бóльший трепет, чем мысль о том, что Он не существует.
- Энтузиазм — заразительная болезнь, передающаяся жестами, взглядом, звуками голоса и т. д.
- Нравственное чувство, подобно половой зрелости, развивается у нас к определённому возрасту.

«Человек альтруист по натуре...»

/ **Альтруи́зм** (*фр.* altruisme < *лат.* alter другой) — бескорыстная забота о благе других и готовность жертвовать для других своими личными интересами. /

Бе́ркли

XVII – XVIII вв.

Джордж Беркли

• Английский философ

Родился: 12.03.1685 г.
Умер: 14.01.1753 г.

Прожил — 67 лет

> **«Единственное преимущество, на которое я претендую, — это то, что я всегда мыслил и судил самостоятельно».** *(Беркли)*

■ **«Вопрос: что становится с Вечными истинами? Ответ: они исчезают».**
(Беркли)

■ **«Если будет хорошо принято мое учение, я имею в виду имматериализм, рушится вся эта философия Эпикура, Гоббса, Спинозы и т. п., показавшая себя отъявленной противницей религии».**
(Беркли)

■ **«Я более, чем другие философы, придерживаюсь *реальности*... Пусть не говорят, что я отбрасываю *существование*. Ибо я только устанавливаю смысл этого слова, насколько я его понимаю».**
(Беркли)

1. ЖИЗНЬ

• Родился на юге Ирландии, в Килкрине, неподалеку от Килкенни, в семье мелкопоместного дворянина Уильяма Беркли.
• Был старшим из семи детей у родителей.
• В 11 лет он учился в Килкенни.
• В 15 лет он студент колледжа Троицы в Дублине.
• В 19 лет Беркли получил степень «бакалавра искусств».
• В 24 года он произведен в сан священнослужителя.
• С 28-ми до 43-х лет Беркли много путешествует, работает, пишет... В 1715 г. он в Париже встретился с Мальбраншем, с произведениями которого познакомился ещё в студенческие годы. Бытует легенда, будто этот контакт привёл Мальбранша в такое возбуждение, что он вскоре умер.
• Беркли был среднего роста, имел приятную и импонирующую наружность.
• В сентябре 1728 г. Беркли с женой и несколькими друзьями, наняв 250-тонное судно, отправился в миссионерство на новые земли для реализации своего проекта, который был представлен им и сплотившейся вокруг него группой королю и парламенту. Проект назывался «Как улуч-

шить обеспечение церквей в наших зарубежных владениях и обратить диких американцев в христианство при посредстве колледжа, который следует организовать на Летних островах, иначе называемых островами Бермуды» и после обсуждения получил одобрение. Была даже утверждена правительственная субсидия на открытие заявленного учебного заведения в размере 20 000 фунтов стерлингов.

- В январе 1729 г. экспедиция высадилась на берег Рой-Айленда в Нью-Порте.
- Беркли пробыл в Америке три года и в полном соответствии с поговоркой, что «обещанного три года ждут», так и не дождался денег, якобы выделенных на колледж. Весной 1731 г. он отправляется в обратный путь в Лондон.
- Пословица утверждает, что «нет худа без добра». Беркли имел все основания на себе убедиться в справедливости народной мудрости. В далекой Америке он обрёл своего первого ученика и последователя Сэмюеля Джонсона, который положил проект Беркли в учебный план Королевского колледжа, став его президентом.
- Беркли, вероятно, самый счастливый из философов, да, наверное, и из людей: три года вынужденного простоя в далекой стране — и его именем впоследствии называют тамошний приморский город, где сейчас расположен Калифорнийский университет.
- В 1734 г. Беркли был рукоположен в духовный сан епископа Клойнского. Он возвращается в Ирландию и поселяется в небольшом южном местечке Клойн. В этой бедной, отсталой епархии Беркли провел 18 лет.
- В 1752 г. второй сын Беркли Джордж поступает учиться в Оксфордский университет. Беркли покидает своих прихожан и в августе 1752 г. переезжает в Оксфорд.
- 14 января 1753 г. Беркли умирает от апоплексического удара. Смерть настигла его мгновенно и неожиданно в кругу семьи в момент чаепития.
- **Сочинения Беркли:**

  «Опыт новой теории зрения» (1709);

  «Трактат о началах человеческого знания, в котором исследуются основные причины заблуждений и трудностей естественных наук, а также основания скептицизма, атеизма и безверия» (1710);

  «Три разговора между Гиласом и Филонусом» (1713);

  «Алсифрон» (1732);

  «Аналитик, или Рассуждение, адресованное неверующему математику» (1734);

  «Сейфис» (1744).

2. СУДЬБА

► В 1705 г. восемь студентов колледжа Троицы в Дублине организовали тайный кружок по изучению «новой философии». Для обсуждения интересовавших их вопросов они собирались каждую пятницу в 5 часов пополудни не менее чем на три часа, как гласил выработанный ими устав, определявший регламент и распределение обязанностей. Отсутствовавшие и опоздавшие на заседание подвергались штрафу. Вдохновителем кружка был 20-летний Джордж Беркли.

► ◐ В историю познания Беркли вошел как ниспровергатель материи:

> ♦ Бог мне свидетель, что я был и всё еще остаюсь при полном убеждении в несуществовании материи.

Свое понимание «материи» не сокрыл ни один из философов. Но никто из них не отважился сказать о ней **то** и **так**, **что́** рискнул породить в своих недрах оригинальный ум Джорджа Беркли.

> ♦ У меня нет разумного основания верить в существование материи. У меня нет непосредственной интуиции ее; и не могу я непосредственно, на основании своих ощущений, идей, понятий, действий и страстей, заключать о существовании немыслящей, невоспринимающей, недеятельной субстанции — ни с помощью правильной дедукции, ни с помощью обязательного заключения.

С точки зрения сторонней, когда я, к примеру, копаю землю, может показаться, что здесь взаимодействуют два природных объекта: земля и я. Это действительно так. Но! Но это еще и не только так. Мое взаимодействие с природой есть мой след в ней и в неё, т. е. я ее так овлия́ю собой, что она теперь не чисто природа, а обмнóенная природа. И последнее рассуждение есть не игра ума или теоретическое баловство, а самый что ни на есть философский подход и принцип философской аналитики.

Беркли не волнует, как видится другим людям его взаимодействие с внешней средой. Ему хочется постичь, каков окружающий мир **по отношению к нему**, к Беркли.

Этот момент важен. Он не праздный! Когда я объект лицезрения кого-то извне, то он на меня смотрит как на обычное смертное образование. Зная, что я родился и сейчас живу, он уже мысленно примеряет чёрточку справа к первой дате и как-то вполне естественно ждет, когда моя смерть даст ему вторую, итоговую цифру. Для него это обычное дело — смерть другого.

Но для меня-то моя смерть — это не просто уход из жизни еще одного живого существа. Это **мой** уход. Мой уход **навсегда**. Это мой уход навсегда **из жизни**! И хотя я «про смерть» всё понимаю, но смириться **со своей** смертью не хочу и никогда не смогу. Вот с этого-то всплеска волнующейся живым беспокойством человеческой индивидуальности по поводу привычного, тривиального и обычного **начинается философия**.

Но если это так, а это неоспоримо так, то Беркли философ, и философ глубокий. Он обратил свой взор на то, что для других уже стало неким общим местом, настолько общим, что его, подобно привычке к музыке небесных сфер в пифагорейском космическом оркестре, перестали воспринимать и, соответственно, чувствовать.

Беркли оспорил «материю», опровергнув ее жёстко, бескомпромиссно, хлёстко. Но он же вернул ее снова к жизни, ибо материя будет жива

до тех пор, пока жив будет последний человек, которому, в его думах о мироздании, без нее не обойтись.

Беркли всколыхнул всю последующую философию. Без ссылок на него сегодня невозможно представить ни одну дискуссию о материи. Завидная судьба! Он стал гигантом, потому что не побоялся быть первым.

Не согласившись с расхожими воззрениями на материю, Беркли в свой век повторил философский подвиг Зенона Элейского, подставившись под критику и несогласие с ним каждого, кто знакомится с учением Беркли и его аргументами.

Но как бы то ни было, формулировке «Нет познанного без познавшего», а именно в ней следовало бы резюмировать совершённую Беркли познавательную революцию, жить во славу гордой смелости духа и во славу философии, которая тем только и живет, что выбирает себе местом остриё проблем. ◑

► **Джордж Ноэл Гордон Байрон** /(1788 – 1824), английский поэт/:

Епископ Беркли говорил когда-то:
«Материя — пустой и праздный бред».
Его система столь замысловата,
Что спорить с ней у мудрых силы нет,
Но и поверить, право, трудновато...

► **Сэмюель Джонсон** (1696 – 1772; ученик, последователь и друг Беркли в воспоминаниях его биографа Джеймса Босвелла):

«Как-то, выйдя из церкви, мы некоторое время постояли вместе, беседуя об искусной софистике епископа Беркли, использованной им для доказательства несуществования материи и того, что любая вещь во Вселенной является идеальной. Я заметил, что, хотя мы согласны в том, что это учение неверно, невозможно опровергнуть его. Я никогда не забуду страстность, с которой Джонсон ответил, ударив с огромной силой большой камень, пока не отпрянул от него: “Я так его опровергаю”».

► **Поль Гольбах:**

«...Самая сумасбродная из всех систем — система Беркли...»

► **Джордж Беркли:**

«Во всех вопросах я разделяю взгляды толпы».

3. УЧЕНИЕ

♦ Нам нужно только отдёрнуть завесу слов, чтобы ясно увидеть великолепнейшее древо познания, плоды которого прекрасны и доступны нашей руке.

♦ Те препятствия и затруднения, которые задерживают и отягощают дух в его поисках истины, проистекают не от темноты или запутанности предметов или от природного недостатка ума, а скорее от ложных начал...

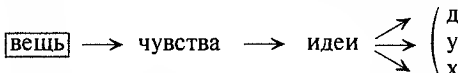
■■ **Странным образом среди людей господствует мнение, будто дома, горы, реки — одним словом, все чувственные предметы имеют существование, естественное или действительное, отличное от факта восприятия их нашим разумом. Ибо что такое эти предметы, как не вещи, воспринимаемые нами в ощущениях? И что же мы воспринимаем, как не наши собственные идеи или ощущения? И не будет ли полным**

противоречием допустить, что какое-либо из них или какое-либо их сочетание существует, не будучи воспринимаемым?

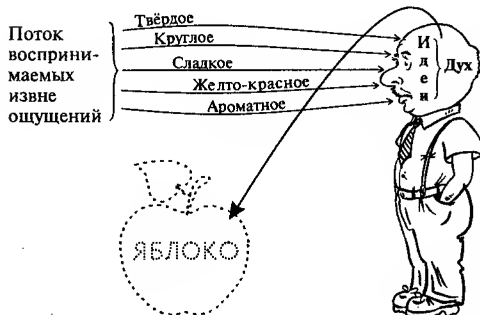
■■ Существовать — значит быть воспринимаемым (esse est percipi). ■

♦ Ничто не может быть более очевидным, нежели существование Бога.
♦ Не воспринимается ничего, кроме идей.
♦ Под идеей я подразумеваю любую ощущаемую или воображаемую вещь.
♦ Существуют врождённые идеи, т. е. идеи, сотворённые вместе с нами.
♦ Существование, протяжение и т. д. абстрактны, т. е. они не есть идеи: они только неизвестные и не нужные простонародью слова.
♦ Всё наше знание и размышление ограничивается одними нашими идеями.
♦ Все познаваемые нами вещи есть, во-первых, мысли, во-вторых, способности воспринимать мысли, в-третьих, способности вызывать мысли.
♦ Не может быть никакого рассуждения о вещах, о которых у нас нет идей.
♦ В соответствии с моими принципами существует реальность, существуют вещи, ве́щная природа.
♦ Различение между идеей и восприятием ее было одной из главных причин воображения материальных субстанций.
♦ Предположение о том, что вещи отличны от идей, уводит от истины...

/◐ **Раньше** (наивный реализм) выстраивал такую концептуальную схему:

Версия Беркли иная: «дух» через идеи компонует из чувств «вещь»:

По-видимому, мы имеем дело с **парадоксом эмпиризма**, выявленным и выраженным Беркли:

Обо всём существующем мы судим по тем воздействиям, которые или части его, или аспекты его (качества, характеристики, признаки), или оно самоё (как комплекс, набор этих аспектов) оказывают на наши анализаторы. Так что если мы нечто называем «существующим», то оно только и лишь продукт нашего восприятия — сиюминутного, вспомненного или сообщенного нам другими людьми.

Невоспринимаемого существования нет, ибо знать о нём ничего нельзя, поскольку «знать» — это значит усвоить через органы чувств.

То есть «яблоко» как «вещь» не **вне** нас, а... в нас, ибо мы за́дали этот *комплекс* из множества разрозненных ощущений. ◑/

♦ Я более уверен в существовании и реальности тел, чем г-н Локк, поскольку он претендует только на то, что он называет чувственным познанием, в то время как я считаю, что, представляя тела комбинациями сил в неизвестном субстрате, обладаю демонстративным познанием их.

♦ Отбросьте материальную субстанцию... и понимайте под телом то, что непосредственно видится и осязается.

♦ Я отрицаю... чтобы я мог образовать общее понятие, отвлекая его от частных.

♦ Для меня очевидно, что различные ощущения или идеи не могут иначе существовать, как в духе, который их воспринимает.

♦ Тела существуют вне сознания, т. е. они не сознание (mind), но от него отличаются.

♦ Что касается тел, то в моей системе они сохраняются.

♦ Я одобряю аксиому схоластиков: нет ничего в интеллекте, чего бы не было раньше в чувствах.

♦ Что пища питает нас, сон укрепляет, огонь греет, что посев весною есть средство собрать жатву осенью и что вообще такие-то средства служат для достижения таких-то целей — всё это мы узнаём не через открытие необходимой связи между нашими идеями, а только через наблюдение законов природы.

♦ Субстанцию тела мы знаем. Субстанции духа мы не знаем, она не познаваема.

♦ Я не отрицаю существования ни одной вещи, которую мы можем воспринять посредством ощущения или рефлексии.

♦ В том, что вещи, которые я вижу моими глазами или осязаю моими руками, действительно существуют, я отнюдь не сомневаюсь.

♦ Внешний мир действительно существует и пребывает вне наших умов, но только как система идей, сотворённых и непрестанно воспринимаемых универсальным духом — Богом.

♦ Глаз, или, если выражаться правильно, дух, воспринимает...

♦ **Материи нет:**

- ◘ Единственная вещь, существование которой мы отрицаем, есть то, что философы называют материей, или телесной субстанцией.
- ◘ Очевидно, что самоё понятие о том, что называется материей, или телесной субстанцией, заключает в себе противоречие.

Парадоксы материи

① ♦ Материя определяется через объективно существующее протяжение. Но протяжение характеризуется мерой расстояния. Расстояние же не существует, ибо заключает в себе противоречие: с одной стороны, мы говорим о нем и тем самым оно как бы есть, а с другой, если подумать о нем и попытаться разобраться с ним, то его нет, ибо и быть не может:

▪▪ ***Филонус***: Не есть ли **расстояние** линия, направляющаяся прямо к глазу?

Гилас: Конечно.

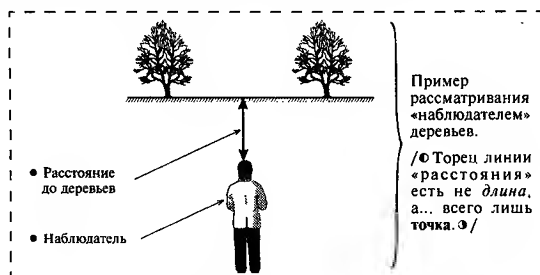
Филонус[16]: А может ли линия, таким образом расположенная, быть воспринята зрением?

Гилас: Нет, не может.

Филонус: Не следует ли из этого, что расстояние собственно и непосредственно не воспринимается зрением?

Гилас: Казалось бы, так.

■■ Я не вижу расстояния самого по себе, и ничто из того, что я воспринимаю, не находится на расстоянии.

■■ Очевидно, что ни одна идея, которая не воспринимается сама по себе, не может служить мне средством восприятия другой какой-либо идеи. ■

♦ Но если нет расстояния, а следом за ним и протяжения, то нет и материи, ибо как же может быть непротяжённым телесное? Или иначе: как можно знать то, что в знании не реализуется и знанием не подтверждается?

② ♦ У нас нет идеи материи.

■■ Как нельзя образовать абстрактную идею треугольника вообще, который не будет ни равносторонним, ни неравносторонним, ни равнобедренным, так нельзя помыслить себе и материю вообще, отвлечённую материю философов.

■■ Я не отказываюсь от субстанций. Философский же nec quid nec quantum nec quale (ни что, ни сколько, ни как), о котором у меня нет идей, я отбрасываю, если только можно отбрасывать что-либо, что никогда не существовало, а было не более чем воображаемым и выдуманным.

■■ Я отрицаю абсолютное существование не общих идей, а лишь отвлеченных общих идей. ■

③ ♦ Самоё понятие материи с приписываемым ей абсолютным внешним существованием заключает в себе противоречие, а ничто противоречивое существовать не может.

■■ Весь небесный хор и всё убранство земли, одним словом, все вещи, составляющие Вселенную, не имеют существования вне духа, поскольку они в действительности не восприняты мною или не существуют в уме моем или какого-либо другого сотворённого духа, они либо вовсе не имеют существования, либо существуют в уме какого-либо вечного духа.

■■ То, что говорится о безусловном существовании вещей без какого-либо отношения к их воспринимаемости, для меня совершенно **непонятно**. ■

∇ ◐ По сути дела, Беркли говорит: если я с рождения сижу на дне моря и мне бросают **сухие** куски сахара, которые, дойдя до дна, превращаются в мокрую кашицу, то <u>как</u> я могу выйти из этих условий и знать о ***немокром*** сахаре?!

Скажут: Земля была до человека, следовательно, Беркли не прав, привязывая существование к восприятию.

Отвечу: а кто, может сказать, **какой?** была Земля до человека? Каков, следовательно, статус этого «была»??!!

Дрова тоже были до огня, но появившийся огонь окрасил их, обуглил их, нагрел их. Если мы видим дрова с эпохи огня, **как** узнать, *каковы* они были **до** огня?!

Нельзя быть в воде, не будучи мокрым! И если кто-то возразит: «А водолаз?», я отвечу: водолаз сухой, находясь не в воде, а в скафандре. И еще. Роза не пахнет, если ее никто не нюхает. Нет, конечно, она источает аромат, как и прежде. Но он теряет смысл именно как запах, если не реализуется в процессе взаимодействия со своим пользователем.

Понятие *существования* изначально предполагает правоту Беркли, ибо содержит в себе слово **существо**: существо-вать. А раз так, то воспринимаемость всего окружающего **существом** придаёт всему этому окружению статус существующего, т. е. принятие его как способного быть познанным именно данным живым образованием.

Пуля в снарядном ящике — не пуля, джинн в бутылке — не джинн, невзлетевший самолет — не самолет, а всего лишь некоторое, покоящееся на земле металлическое сооружение причудливой конфигурации.

Есть только то, что взаимодействует. Именно тогда реализуются его функция и название, которое даётся телам и явлениям по функциям и действиям их.

Удивительно вовсе не то, **чтó** отважился сказать Беркли, а то, что высказанное им было встречено с таким дружным непониманием. Ну нет топора без коления, ножниц без резания, нет огня без сжигания! Нет, нет и нет! И что же тут поделаешь, коль скоро всё именно так и есть...

Когда один известный автор, особенно прославившийся полемическим уничижением суждений Беркли, утверждал в своей книге[17], вышедшей в 1908 г., наличие материи как «объективной реальности, пребывающей вне и независимо от сознания», он был совершенно прав. Пусть себе пребывает объективно, вне нас, хоть до скончания веков! К нам, к существам, это имеет столь же далёкое отношение, как, возможно, вынашиваемый каким-нибудь комариком замысел убить меня как человека. Пока это *его замысел*, он не есть факт мой. Он есть его факт, факт его, так сказать, личной биографии. Собственно, с таким подходом согласны были и все философы, которые (надо отдать им должное) никогда не пытались выяснять, **каким?** является то, что Бог еще не явил миру, т. е. какова не развёрнутая часть Божественной сущности. Явленную — в результате творения Им — мы видим и постигаем, а вот что собой представляет неявленное?

Хорошо на этот вопрос ответил один египтянин. Когда некто его спросил: «Что несёшь ты там под полой?» — он довольно остроумно парировал: «Потому и под полой, чтобы ты не знал что».

Когда же материя начинает «даваться человеку в ощущениях его» (я продолжаю цитировать источник 1908 г.), тогда она для человека становится реальностью и с этого мига наделяется свойством **«существовать»**. ◑

Монтескьё

XVII – XVIII вв.

Шарль-Луи Секонда /барон де Ла-Бред/

• Французский философ

Родился: 18.01.1689 г.
Умер: 10.02.1755 г.

Прожил — 66 лет

> **«Известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет предела».**
> *(Монтескьё)*

■ **«Многие вещи управляют людьми — климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа».** *(Монтескьё)*

■ **«Мне кажется, что наиболее совершенно то, что достигает своих целей с наименьшими издержками».** *(Монтескьё)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в семье знатного дворянина.
• Отец его был не богат, но выгодно женился, получив вместе с приданым жены за́мок Ла-Бред.
• Мать Монтескьё происходила из английского рода Пенель, который остался во Франции после окончания Столетней войны[18]. Это была умная, очень религиозная, склонная к мистицизму женщина. Она умерла, когда Шарлю-Луи исполнилось 7 лет.
• В 10 лет он начал обучаться в коллеже при монастыре в Жюльи. Здесь Монтескьё, по его собственным словам, прекрасно изучил классическую литературу, увлекся классической философией, проникся уважением к древности.
• Окончив учебу, Монтескьё вернулся в за́мок отца и стал самостоятельно изучать юриспруденцию.
• Шарль-Луи Секонда принял фамилию Монтескьё от своего бездетного дяди, который завещал ему всё свое состояние, состоящее из дома, обширных земель и должности президента Бордоского парламента, являвшегося в то время судебным учреждением.
• С 1716 г. Монтескьё — президент парламента в Бордо.
• В 20-е гг. он начинает интенсивно заниматься естественными науками (ботаникой, физикой) и общественными (историей, правом). Монтескьё

отходит от политической деятельности и переключается на научно-литературную работу.

• С 1725 г. Монтескьё поселяется в Париже. Он слагает с себя обязанности президента парламента и президента академии в Бордо.

• Был членом Французской академии:

/ Однако на заседаниях ученого собрания Монтескьё бывал редко, так как целиком отдался сбору материалов для своего сочинения «О духе законов». Чтобы иметь полноту сведений, он едет в заграничное путешествие, где знакомится с политическим строем других народов. /

• Основной концептуальный посыл, который отличает Монтескьё от остальных «социальных» мыслителей:

◆ Не «война всех против всех», как это считает Томас Гоббс, а мир был естественным законом первичного состояния общества. Особенность этой фазы та, что каждый чувствует себя неполноценным, едва ли кто чувствует себя равным другому. Поэтому и речи нет о нападении.

◆ Весь мир, включая Англию, согласен с тем, что никто лучше не сражался с Гоббсом, чем я и Спиноза.

◆ Признаки взаимного страха, скука быть одинокими и влечение, которое испытывают все животные к животным того же рода, способствовали объединению людей.

◆ Мне никогда не приходилось слышать разговор о публичном праве, чтобы при этом собеседники не начинали тщательно доискиваться, как возникло общество. Мне это кажется смешным. Вот если бы люди не создали общество, если бы они избегали друг друга и рассеивались в разные стороны, тогда следовало бы спросить о причине такого явления и искать причину отчуждённости. Но люди с самого рождения связаны между собою; сын родился подле отца и подле него остался: вот вам и общество и причина его возникновения.

• Монтескьё был приятным и остроумным собеседником, необыкновенно находчив, а порой и просто изящен. Как поговорка вошла в языки всех народов его крылатая фраза **«Буря в стакане воды»**, которой Монтескьё отозвался о политической сумятице в карликовой республике Сан-Марино.*

• ◐ Иногда в суждениях Монтескьё ощущается некоторый перехлёст. Однако каковы бы ни были побудительные мотивы такой манеры изъяснения, психологически это очень верно: внимание любого случайного собеседника — а откуда мы знаем кто?, и когда?, и зачем? нас услышит — в общем-то похоже на решето, и потому много надо исходно набрать в него, чтобы хоть часть донести. Я беру примером случайную, можно даже сказать проходную, фразу, но и она тем не менее показательна: ведь для

---

* Однажды, в свою бытность президентом в суде города Бордо, Монтескьё столкнулся с одним судьей, очень самолюбивым человеком. В разговоре Монтескьё ловко осадил юриста, на что тот воскликнул:

— Если дело происходило не так, как я его изложил, месье президент, то я отдаю вам свою голову!

— Что ж, я принимаю ее, — ответил философ. — Маленькие подарки не являются взятками.

того, чтобы узнать вкус соли, нужна не вся солонка — достаточно маханькой крупинки ◑:

♦ Чтобы стряхнуть с себя назойливые и несносные мысли, мне достаточно взяться за чтение. Чтение всегда было для меня наилучшим средством против неприятностей в жизни; не было такого горя, которого час чтения не рассеял.

• Монтескьё объездил всю Европу, был в Англии:

/ Любопытная деталь: в английском парламенте ему довелось присутствовать на дебатах правительства и оппозиции, которые длились 12 (!) часов. В Англии начали зреть его мысли по теории *разделения властей*. /

• С апреля 1731 г. Монтескьё снова в Париже.

• **Сочинения Монтескьё:**

«Персидские письма» (1721):

/ Вышли анонимно с ложным обозначением места издания. Книга произвела всеобщую сенсацию и, несмотря на ее запрещение, расходилась в громадном количестве экземпляров — за 1 год 8 изданий! /;

«Сулла и Эвкрат»:

/ Этот диалог был написан Монтескьё в качестве реферата при вступлении в члены Парижского клуба «Антресоль», участники которого изучали политические науки. /;

«Об обязанностях» (1725);

«Путешествие на Пафос» (1727);

«Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734);

«Этюд о причинах, определяющих дух и характер» (1736);

«О духе законов»:

/ Сразу же после выхода в свет этот трактат был подвергнут ожесточённой критике со стороны официальных идеологов и попал в «Индекс запрещённых книг». /;

«Защита “О духе законов”» (1750);

«Общие рассуждения об обязанностях человека»;

«Различные мысли»;

«О различии между уважением и известностью»;

«Книдский храм»;

«О политике римлян в области религии»;

«Замечания о естественной истории»;

«Рассуждения о системе идей»;

«Опыт о вкусе в произведениях природы и искусства» (статья для «Энциклопедии» Дени Дидро);

«Исследование о сущности болезней»;

«О прозрачности тел»;

«О причинах эха»;

«О тяжести»;

«О приливах и отливах».

• Последние годы жизни Монтескьё проводит в своем за́мке. Он готовит к печати свои заметки о путешествии по Европе, начал писать большой исторический труд. Он популярен, знаменит, почитаем. Поэты посвящают ему свои стихи, выходит несколько книг с комментарием на трактат

«О духе законов». В зáмок приходили толпы паломников, жаждавших поговорить с Монтескьё или хотя бы увидеть его.

• В 1754 г. Монтескьё выехал в Париж. Причиной тому был арест профессора Ла-Бомеля, который одним из первых открыто выступил с горячей защитой «О духе законов». Ла-Бомель по требованию французского правительства был арестован в Пруссии, выдан Франции и заключен в Бастилию как человек политически неблагонадёжный. Получив об этом известие, Монтескьё спешит на выручку. Он энергично хлопочет за несчастного профессора и добивается, задействовав свои влиятельные связи, его освобождения.

• Во время всех этих забот Монтескьё простудился и заболел воспалением легких. 10 февраля 1755 г. его не стало. Его похороны — у церкви святой Женевьевы — не отличались какой-либо торжественностью.

• В настоящее время могила Монтескьё считается затерянной.

3. УЧЕНИЕ

♦ Миром управляет не фортуна. Доказательством этому служат римляне, дела которых всегда кончались благополучно, пока они управлялись по известному плану, но которые стали непрерывно терпеть поражения, когда начали поступать другим образом. Существуют общие причины как морального, так и физического порядка, которые действуют в каждой монархии, возвышают ее, поддерживают или низвергают; все случайности подчинены этим причинам.

♦ Если люди установили общества, то потому, что существуют принципы справедливости.

♦ Справедливость — это соотношение между вещами: оно всегда одно и то же, какое бы существо его ни рассматривало, будь то Бог, будь то ангел или, наконец, человек.

♦ Законам, созданным людьми, должна была предшествовать возможность справедливых отношений. Говорить, что вне того, что предписано или запрещено положительным законом, нет ничего ни справедливого, ни несправедливого, — значит утверждать, что до того, как был начерчен круг, его радиусы не были равны между собою.

♦ Если бы Бога не было, мы всё же должны были бы всегда любить справедливость, то есть напрягать все усилия к тому, чтобы походить на то существо, которое мы представляем себе столь совершенным и которое, если бы существовало, было бы по необходимости справедливым.

♦ Справедливость возвышает свой голос, но он заглушается шумом страстей. Люди могут совершать несправедливости, потому что они извлекают из этого выгоду и потому что свое собственное благополучие предпочитают благополучию других.

♦ Во всех обществах, которые есть не что иное, как объединения духа, создаётся всеобщий характер. Это всеобщая душа, имеющая свойственный лишь ей склад мышления, который является бесчисленной цепью причин, умножающихся и переплетающихся между собой из века в век.

♦ Не Полтава погубила шведского короля Карла XII, он всё равно погиб бы, если не в этом, так в другом месте. Случайности фортуны можно легко исправить, но нельзя отразить события, постоянно порождаемые природой вещей.

♦ Моральные причины более влияют на общий дух, общий характер нации и должны более учитываться при выяснении общего духа по сравнению с физическими причинами.

♦ Народ назначил государя в силу договора, и этот договор должен исполняться; государь представляет народ только так, как угодно народу. К тому же неверно, чтобы уполномоченный имел столько же власти, сколько уполномочивший, и не зависел бы от него.

♦ Чем меньше число носителей власти, тем больше их власть и тем меньше их безопасность.

♦ В деспотическом государстве всякий тиран в то же время и раб.

♦ Демократия должна избегать двух крайностей: духа неравенства, который ведет ее к аристократии или правлению одного, и доведённого до крайности духа равенства, который ведет к деспотизму одного так же неминуемо, как деспотизм одного заканчивается завоеванием.

♦ Именно с помощью законов надо сделать так, чтобы богатство было столь же тягостно, как и бедность.

♦ Монархия погибает, когда государь, всё относя единственно к самому себе, сводит государство к своей столице, столицу — к своему двору, а двор — к своей особе.

♦ Реки стремятся слиться с морем; монархии стремятся раствориться в деспотизме.

♦ Человеческая природа будет постоянно возмущаться против деспотического правления.

♦ Обширные размеры империи — предпосылка для деспотического правления.

♦ Республика по своей природе требует небольшой территории, иначе она не удержится.

♦ Холодный воздух производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу. Он вызывает сокращение этих мышц и таким образом еще более увеличивает их силу. Наоборот, теплый воздух ослабляет наружные волокна, растягивает их и, следовательно, уменьшает их силу и упругость.

Поэтому в холодных климатах люди крепче. Деятельность сердца и реакция окончаний волокон там совершаются лучше, жидкости находятся в большом равновесии, кровь энергичнее стремится к сердцу, и сердце в свою очередь обладает большей силой. Эта большая сила должна иметь немало последствий, каковы, например, большее доверие к самому себе, т. е. большее мужество, большее сознание своего превосходства, т. е. меньшее желание мстить, большая уверенность в своей безопасности, т. е. больше прямоты, меньше подозрительности, политиканства и хитрости. Поставьте человека в жаркое замкнутое помещение, и он по вышеуказанным причинам ощутит очень сильное расслабление сердца. И если бы при таких обстоятельствах ему предложили совершить какой-нибудь отважный поступок, то, полагаю, он выказал бы очень мало расположения к этому. Расслабление лишит его душевной бодрости, он будет бояться всего, потому что будет чувствовать себя ни к чему не способным.

Народы жарких климатов робки, как старики; народы холодных климатов отважны, как юноши.

♦ В странах умеренного климата вы увидите народы, непостоянные в своем поведении и даже в своих пороках и добродетелях, так как недостаточно определенные свойства этого климата не в состоянии дать им устойчивость.

♦ В климате чрезмерно жарком тело совершенно лишается силы. Тогда расслабление тела переходит на душу: такой человек ко всему равнодушен, не любопытен, не способен ни на какой благородный подвиг, ни на какое проявление великодушия, все его склонности приобретают пассивный характер, лень становится счастьем, там предпочитают переносить наказания, чем принуждать себя к деятельности духа, и рабство кажется более легким, чем усилия разума, необходимые для того, чтобы самому управлять собою.

♦ В стране с подходящей для земледелия почвой, естественно, устанавливается дух зависимости. Крестьяне, составляющие главную часть ее населения, менее ревнивы к своей свободе; они слишком заняты работой, слишком поглощены своими частными делами. Деревня, которая изобилует всеми благами, боится грабежей, боится войска.[...]

Таким образом, в странах плодородных всего чаще встречается правление одного, а в странах неплодородных — правление нескольких, что является иногда как бы возмещением за неблагоприятные природные условия.

Бесплодная почва Аттики породила там народное правление, а на плодородной почве Лакедемона возникло аристократическое правление как более близкое к правлению одного — правлению, которого в те времена совсем не желала Греция.

♦ Как для республики нужна *добродетель*, а для монархии *честь*, так для деспотического правительства нужен *страх*. В добродетели оно не нуждается, а честь была бы для него опасна.

♦ Политическая свобода состоит совсем не в том, чтобы делать то, что хочется. В государстве, т. е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего до́лжно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не до́лжно хотеть.

Необходимо уяснить себе, что такое свобода и что такое независимость. Свобода есть право делать всё, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане.

♦ Островитяне более склонны к свободе, чем жители континента.

♦ В каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная и власть судебная.

♦ Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы так же тиранически применять их.

♦ Если судья станет законодателем, то свобода граждан окажется во власти произвола.

♦ Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем.

♦ У турок, где все три власти соединены в лице султана, царствует ужасный деспотизм.

♦ Если исполнительная власть не будет иметь права останавливать действия законодательного собрания, то последнее станет деспотическим, так как, имея возможность предоставить себе любую власть, какую оно только пожелает, оно уничтожит все прочие власти.

♦ Законодательная власть не должна иметь права останавливать действия исполнительной власти. Зачем ограничивать то, что ограничено по своей природе? Кроме того, предметом деятельности исполнительной власти являются вопросы, требующие быстрого решения.

4. МЫСЛИ

- Свобода личности и свобода гражданина не всегда совпадают.
- Любая величина, любая сила, любая власть относительны.
- В избытке даже разум не всегда желателен, и люди почти всегда лучше приспосабливаются к середине, чем к крайностям.
- Сила религии покоится главным образом на вере в нее, а сила человеческих законов — на страхе перед ними. Древность существования благоприятствует религии; степень веры часто соразмеряется с отдалённостью предмета, в который мы верим, ибо наш ум при этом бывает свободен от побочных понятий той отдалённой эпохи, которые могли бы противоречить нашим верованиям. Человеческим законам, напротив, даёт преимущество новизна их происхождения. Она указывает на особое, живое внимание законодателя, направленное на то, чтобы добиться их исполнения.
- Когда дикари Луизианы хотят сорвать плод с дерева, они срубают дерево под корень и срывают плод. Таково деспотическое правление.
- Самая жестокая тирания — та, которая выступает под сенью законности и под флагом справедливости.
- Свобода есть право делать всё, что дозволено законами.
- Мир разумных существ далеко еще не управляется с таким совершенством, как мир физический, так как, хотя у него и есть законы, по своей природе неизменные, он не следует им с тем постоянством, с которым физический мир следует своим законам.
- Бургундский король Гундобад постановил, что жена или сын вора, которые не донесут о совершённом им преступлении, должны быть обращены в рабство. Закон этот противоречил природе. Могла ли жена быть обвинительницей мужа? Мог ли сын сделаться обвинителем отца? Чтобы наказать одно преступное действие, он предписывал другое, еще более преступное.
- Люди рождены добродетельными, и справедливость — качество, присущее им так же, как и самоё существование.
- Воспитание создаёт идеи в нас, содержит в себе такой канал, через который идеи приходят в головы. Наше воспитание — мануфактура идей.
- Надо жить в мире — таков первый естественный закон человека.
- Надо много учиться, чтобы знать хоть немного.

- Во времена невежества люди не ведают сомнений, даже когда творят величайшее зло, а в эпоху просвещения они трепещут даже при совершении величайшего блага. Они чувствуют старое зло, видят средства к его исправлению, но вместе с тем видят и новое зло, проистекающее от этого исправления.
- Завистник сам себе враг, потому что страдает от зла, созданного им самим.
- Если характер в целом хорош, то не беда, если в нем сказываются и некоторые недостатки.
- Лучшее средство привить детям любовь к отечеству состоит в том, чтобы эта любовь была у отцов.
- Праздность больше всех пороков ослабляет мужество.
- У женщины есть только одна возможность быть красивой, но быть привлекательной есть сто тысяч возможностей.
- Авторы — актёры.
- Жестокость законов препятствует их соблюдению.
- Не следует законами достигать того, что можно достигнуть улучшением нравов.
- Несправедливость, допущенная по отношению к одному, — это уже угроза для всех.
- Существуют истины, в которых недостаточно убедить кого-либо, но которые надо дать почувствовать; именно таковы истины морали.
- Есть пороки, которые происходят от недостатка самоуважения. Есть и такие, которые происходят от избытка его.
- Закон, о котором я хочу говорить здесь, заключается в следующей клятве, сохранённой Эсхином: «Клянусь никогда не разрушать го́рода, принадлежащего к союзу амфиктионов, и не отводить от него проточную воду. Если какой-либо народ осмелится сделать что-нибудь подобное, я объявлю ему войну и разрушу его города». Последний пункт этого закона, по-видимому, подтверждающий его, в действительности ему противоречит. Амфиктион хочет, чтобы никогда не разрушали греческих городов, а между тем его закон отворяет дверь к разрушению этих городов. Чтобы установить между греками истинные понятия о международном праве, следовало приучить их к мысли, что уничтожение греческого города есть нечто ужасное и что нельзя разрушать даже города разрушителей. Амфиктионов закон был справедлив, но не разумен.
- То, что в одно время является правдой, то в другое время бывает заблуждением.
- Иногда молчание выразительнее всяких речей.
- Переводы книг — всё равно что те медные монеты, которые имеют ту же ценность, что и золотые, и даже имеют большее хождение в народе, но они всегда неполновесны и низкопробны.
- Кто может сказать всё и не показаться при этом смертельно скучным?
- Большинство авторов похожи на поэтов, которые безропотно вынесут целый град палочных ударов, но, будучи малоревнивы к своим плечам, до такой степени ревнивы к своим произведениям, что не выносят ни малейшей критики.

- Недостающую глубину мысли обычно компенсируют ее длиной.
- Так как у людей во все времена одни и те же страсти, то, хотя поводы великих переворотов различны, причины их всегда бывают одни и те же.
- Сами по себе вещи не чисты и не нечисты; я не могу усмотреть ни одного качества, присущего предмету, которое могло бы их делать такими. Грязь кажется нам грязной только потому, что оскорбляет наше зрение или какое-нибудь другое из наших чувств, но сама по себе она не грязнее ни золота, ни алмазов.
- Обыкновенно боятся отступления в речи, а я думаю, что те, которые умело делают отступления, подобны длинноруким, — они больше могут захватить.
- Природа действует всегда медленно и, если можно так выразиться, бережно: ее действия никогда не бывают насильственны. Даже в своих продуктах она требует умеренности; поступает по правилам и соразмерно; если ее понуждают, она скоро истощается и всю оставшуюся силу употребляет на то, чтобы сохранить себя, совершенно теряя при этом свою продуктивную способность и творческую мощь.
- Обаяние чаще заключается в уме, чем в лице, так как красота лица обнаруживается сразу и не таит ничего неожиданного; но ум раскрывается лишь понемногу, когда сам человек этого желает, и в той мере, в какой он этого желает.
- Если бы желать только быть счастливым, то этого скоро можно достигнуть. Но люди желают обыкновенно быть счастливее других, а это почти невозможно, потому что мы считаем других всегда более счастливыми, чем они есть на самом деле.
- В природе разумных существ заложена способность чувствовать свои несовершенства; поэтому-то природа и дала нам стыдливость, т. е. чувство стыда перед этими несовершенствами.
- Мне совершенно безразлично, если кто-нибудь упрям; но если он дерзок, то это имеет уже для меня большое значение. Первый защищает свои взгляды, а это — его достояние. Второй нападает на мнения других, а это — уж достояние общее.
- Мы так слепы, что не знаем, когда нам огорчаться и когда радоваться; мы почти всегда переживаем или ложную печаль, или ложную радость.
- Кажется, сама природа наслаждений заключается в их краткой длительности; воображение с трудом представляет их себе иными.
- Что ни делай, а истина всегда прорывается и всегда пронизывает потёмки, окружающие ее.
- Ничто не должно быть столь неизменным, как то, что предназначено служить всему мерой.
- Жизнь дарована мне как милость, следовательно, я могу вернуть ее, когда она перестанет быть благодеянием: если прекращается причина, должно прекратиться и действие.
- Сколько всего нужно, чтобы сделать счастливым только одного человека!
- Моя болезнь состоит в том, что я пишу книги, а написав, стыжусь их.
- Следовало бы непрерывную праздность поместить среди мучений ада, а ее поместили в число блаженств рая.

Франсуа-Мари Аруэ /Вольтер/

XVII – XVIII вв.

• Французский философ

Родился: 21.11.1694 г.
Умер: 30.05.1778 г.

Прожил — 83 года

> **«Философия учит нас, что мир этот устроен непонятным, вечным существом, но философия не может нам ничего сообщить об его свойствах и принадлежностях; природа этого существа для нас совершенно непостижима».**
>
> *(Вольтер)*

■ **«Мы оставим этот мир столь же глупым и столь же злым, каким застали его».**

(Вольтер)

■ **«Мы ничего о самих себе не знаем, не знаем, что такое движение, жизнь, чувство и мысль; элементы материи нам так же неизвестны, как и всё остальное; мы слепцы, которые ходят и рассуждают ощупью».**

(Вольтер)

1. ЖИЗНЬ

• Подлинное имя Франсуа-Мари Аруэ; Вольтер — псевдоним.

• Родился в семье нотариуса Франсуа Аруэ.

• Мать Маргарита Донар, происходившая из мелких дворян, умерла через несколько лет после рождения сына.

• Наставником юного Аруэ стал родственник Франсуа де Шатонеф, аббат, никогда не занимавший духовных должностей и воспитывавший ученика в антиклерикальном духе.

• С 10 лет Франсуа-Мари постигает основы наук в престижном иезуитском коллеже Людовика Великого, где он провел 4 года.

• Уже в 5 лет мальчик сочинял стихи, в коллеже учился отлично и получал награды, а в любом обществе на молодого человека сразу же обращали внимание за остроумие, выдумку, неистощимый кладезь всевозможных историй и озорное веселье.

• Пылкая натура Франсуа-Мари не могла обойтись без романтических историй и без светских скандалов, обусловленных его неукротимым язвительным творчеством, затрагивающим высшие власти. Их начало относится к 1714 году...

• В 1717 г. беспечный Аруэ по доносу провокатора попал в Бастилию, где провел одиннадцать месяцев.

• Пребывание в крепости не прервало литературных упражнений Франсуа-Мари. Он пишет трагедию «Эдип» и поэму «Генриада».

• По выходе из заключения, желая примириться с задетым им ранее регентом, Аруэ посвящает «Эдипа» его супруге и впервые подписывается именем Аруэ де Вольтер, очевидно, от видоизмененного названия местечка Эр-Во(льт), родины матери:

/ Правда, есть и другая версия. Настоящее имя Вольтера было Francois-Mari Arouet. Фамилия «Вольтер» (Voltaire) получилась как анаграмма прирождённой фамилии с присоединением к ней букв «l» и «j» (i) — начальных букв слов «le jeune» (младший).

(См.: *История французской литературы.* — Т. I. — М.; Л., 1946.) /

• При всей веселости и ироничности своей натуры Вольтер чаще бывал печальным. Он глубоко чувствовал и понимал, что человек не только смешон, но и очень зол.

• Что касается женщин, то Вольтер уважал их не слишком:

/ Если верить ему, они только и мечтают, что о любви красивого, молодого, щедрого человека, но, будучи по натуре продажными и боязливыми, уступают — стремясь разбогатеть или спасти жизнь — и дряхлому инквизитору, и солдату. Они непостоянны и водят мужа за нос; оплакивают его самыми горькими слезами, чтобы заполучить себе нового любовника. /

• Вольтер был «пронырливым и смелым» (А. С. Пушкин). Редкий в его дни решался на отчаянную схватку с предрассудками, укоренившимися веками. Вольтер решился. Он действовал смело, иногда даже дерзко, но и лукаво. «Мечите стрелы, не показывая руки», — поучал он своих соратников.

• Известна его колоссальная работоспособность. Вольтер проявил себя во всех областях литературного творчества, его философские изыскания многообразны и всеобъемлющи, его теоретический подход всегда свеж, неожидан, оригинален. Коронованные особы ухаживают за Вольтером. С ним осторожничает Людовик XV, папа Бенедикт XIV шлёт ему лестное послание, Екатерина II вступает с ним в длительную переписку, но особенно его чтит прусский король Фридрих II (1712 — 1786):

/■■■ Их первая встреча произошла 11 сентября 1740 года. Это было в замке Мойланд близ г. Клева. Вольтер искренне восхищался Фридрихом и называл его не «Ваше Величество», а «Ваше Человечество». Похоже, что король испытывал восторженные чувства к необыкновенному французу: «Если я когда-нибудь прибуду во Францию, первое, что я спрошу: «Где господин Вольтер?» Ни король, ни двор, ни Париж, ни Версаль, ни женщины, ни развлечения не будут интересовать меня. Только Вы». Вот какого комплимента удостоился Вольтер, и от кого — от монарха! ■/

• Во второй половине 40-х гг. Людовик XV назначает Вольтера своим историографом.

• В 1746 г. Вольтера избирают в Академию наук Франции.

• Он дает жизнь новому термину — «философия истории».

• С 1751 по 1753 г. у Вольтера «метафизический» роман с Фридрихом II.

Восторженный поклонник французской культуры король Фридрих II Великий (на троне с 1740 г.) пригласил Вольтера ко двору. *На гравюре: посещение королём философа в рабочем кабинете.*

Почести, ключ камергера[19], богатые дары и самые преувеличенные хвалы из уст короля ждали его в Сан-Суси. Но иллюзии длились недолго: просвещённая монархия вблизи предстала диким и беспощадным деспотизмом; а сам Вольтер вряд ли может кого-то боготворить, пусть даже это будет его покровитель. Острый ум и язвительный язык обрекают его на вечные гонения, скитания, опалу.*

---

* ◐ Общение с философами, а особенно с философами-мудрецами, ни для кого не обходится бесследно. Каждый такой человек как бы вырастает из себя, наподобие цветастой макушки растения-стебелька под лучами зрелого весеннего солнца. Вот и Фридрих, тесно контактировавший с Вольтером, стал другим, более универсным, что ли: не случайно же маятниковые часы Фридриха в Сан-Суси сами остановились в тот момент, когда король умер.

Подлинно **про**жить жизнь означает полноценно, разумно, ответно жить. Не знающие подоплёк появления жизни, мы могли бы, я думаю, подметить необходимую надежность понимания своих перспектив, если утвердимся вот в чём: да, мы растем и бываем (как зерно в земле), но, только пробившись ввысь, мы попадаем в среду возможностей, но и там мы незаметно зачахнем, если не попадем на свет, — это и есть наш шанс раскрыться полностью, т. е. подпасть под соответствие (не только явиться и стать, но и, впитав, взять).

При*рода* и есть **при**знак *рода*. И, видимо, это факт, что для тех, кто с не́й, для тех она родне́й. И как только полностью испарившаяся вода может вновь целиком пролиться, так и прорвавшийся разумом в бытие человек обретает своё состояние на продолжение. ◑

• В 1758 г. Вольтер наконец обосновался своим домом, купив неподалёку от швейцарской границы (не без умысла — ради безопасности!) зàмок Ферней. Здесь, во французском департаменте Эн, он проводит последние 20 лет своей жизни. Проводит в трудах и затворничестве...

• Некоторые свои романы Вольтер писал очень быстро — буквально в течение дня.

• **Сочинения Вольтера:**

«За и против» (1722; философская поэма);

«Философские письма» (1727 – 1733):

/ В интересах конспирации на титульном листе книги в качестве места издания был указан ложный город и подставное книгоиздательство, а автор обозначен лишь начальной буквой — «В». Парижская судебная палата («парламент») незамедлительно осудила «Философские письма» на сожжение как книгу «соблазнительную, противную религии, добрым нравам и почтению к властям». Был отдан приказ об аресте Вольтера, но он, предупреждённый друзьями, успел бежать в Голландию.

Летом 1734 г. «Письма» были сожжены рукой палача. И как тут не вспомнить Оноре де Бальзака (1799 – 1850): «Мы добываем свет, а у нас его отнимают, чтобы зажечь костёр для нашей казни». /;

«Орлеанская девственница» (1735);

«Метафизический трактат»:

/ Эмилия дю Шатле (1706 – 1749), с которой в 1733 г. Вольтер связал свою жизнь, опасалась издавать это сочинение и хранила рукопись среди своих бумаг, подлежащих уничтожению после ее смерти. При исполнении воли покойной секретарь Вольтера Лоншан узнал документ и буквально вытащил его из костра.

Впервые это произведение было издано в 80-е гг. XVIII в. в посмертном 70-томном собрании сочинений Вольтера. /;

«Основания философии Ньютона» (1736 – 1738);

«Мир, каков он есть, или Видение Бабука» (1746);

«Задиг, или Судьба» (1747);

«Мемнон, или Благоразумие людское» (1750);

«Опыт о нравах и духе народов и об основных фактах истории от Карла Великого до Людовика XIII» (издан в 1756 г.);

«О гибели Лиссабона, или Проверка аксиомы "Всё — благо"» (1756):

/ Это был период самых тяжелых впечатлений для Вольтера: лиссабонское землетрясение 1 ноября 1755 г. (около 25 000 жертв) и начавшаяся в августе 1756 г. Семилетняя война. Так ли уж «всё к лучшему в лучшем из миров», как это утверждает данной формулой немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц? — вот основная проблема, занимающая Вольтера. /;

«Марк Аврелий и францисканский монах» (1757);

«История Российской империи при Петре Великом» (1757 – 1763);

«Сократ» (1759);

«Кандид, или Оптимизм» (1759):

/ Носителем лейбницианской *предустановленной гармонии* в этой повести становится тупой и ограниченный учитель Кандида уче-

ный Панглос (*др.-греч.* — всезнающий), «последователь метафизико-теолого-космолого-нигалогии», постоянно твердящий заученную фразу о том, что всё прекрасно в этом лучшем из миров.

«Что такое оптимизм?» — «Увы, — сказал Кандид, — это страсть утверждать, что всё хорошо, когда в действительности всё плохо».

Жестокая и несправедливая действительность на каждом шагу опровергает догмы Панглоса. Он оказывается свидетелем гибели за́мка и всех его обитателей, его само́го избивают, он заболевает сифилисом, чуть не гибнет во время землетрясения, становится кривым, теряет ухо, его вешают, но он упрямо продолжает твердить, что все испытания — необходимые звенья причин и следствий.

«— ...Мой дорогой Панглос, — сказал ему Кандид, — когда вас вешали, резали, нещадно били, когда вы гребли на галерах, неужели вы продолжали считать, что всё в мире к лучшему?

— Я всегда был верен своему прежнему убеждению, — отвечал Панглос. — В конце концов я ведь философ...»

В повести Панглосу противостоит ученый-пессимист Мартэн, утверждающий, что мир несовершенен и в нем всё плохо. В бесконечных спорах между двумя философами Кандид, разуверившись в учении Панглоса, сохраняет нейтралитет. В конце произведения старый турок-садовод поясняет Кандиду, что «труд избавляет человека от трех главных зол — скуки, порока и нужды».

«— Я знаю также, — сказал Кандид, — что надо возделывать свой сад...

— Будем работать без рассуждений, — сказал Мартэн, — это единственное средство сделать жизнь сносною». /;

«Беседы дикаря и бакалавра» (1761);

«Карманный философский словарь (1764):

/ Аббат Шодон, стремившийся своим «Анти-философским словарём» (1767) создать противоядие вольтеровскому произведению, с ненавистью писал о последнем: «Из всех сочинений, которые извергла на свет ярость безбожия, нет ни одного отмеченного более мрачными чертами, чем «Философский словарь»... Его все читают, все его цитируют — военные, магистры, женщины, аббаты; это чаша, из которой все состояния и все возрасты отравляются ядом безбожия...» /

// Один из читателей, почти мальчик, девятнадцатилетний Де ла Бар, в 1766 г. был казнен за безбожие: уликой послужил найденный у него «Философский словарь» Вольтера. //;

«Несведущий философ» (1766);

«Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в Лондоне в 1765 году» (1767);

«Человек с сорока экю» (1767):

/ Здесь обсуждались экономические вопросы и материальное положение Франции. Это произведение, вскрывающее злоупотребления «старого режима», сыграло в XVIII в. революционизирующую роль. /;

«Простодушный» (1767);
«Скифы» (1767; трагедия);
«О феноменах природы» (1768);
«Век Людовика XIV» (1768);
«Письма Меммия к Цицерону» (1771);
«Надо сделать выбор, или Принцип действия» (1772);
«О душе» (1774);
«Вопль невинно пролитой крови» (1775);
«Диалоги Эвгемера» (1777);
«Ирина» (1778; трагедия);
«Философия истории»;
«Микромегас» (1752):

/ Герой повести Микромегас («микро» — (*гр.* mikros) малый, «мега» — (*гр.* megas) большой) — высокоразумное существо гигантских размеров, обитающее на Сириусе, посетил Землю. Встретившись с людьми, он воспринял их как «разумные атомы» и, естественно, поинтересовался уровнем их умственного развития. Как убедился Микромегас, знания землян оказались весьма обширными: они могли определять расстояние от Сириуса до звезды Кастор в созвездии Близнецов, вычислить, сколько земных диаметров укладывается в расстояние от Земли до Луны или же вес объёма воздуха по сравнению с тем же объёмом чистой воды и червонного золота. Пораженный этой впечатляющей эрудицией, Микромегас наконец спросил: «Поскольку вы обладаете столь обширными знаниями о том, что вне вас, несомненно, должны быть осведомлены о том, что внутри вас. Скажите, что такое душа и как образуются у вас мысли?» Ответы землян на этот вопрос оказались противоречивыми, примитивными и столь нелепыми, что, слушая их, Микромегас покатывался со смеху.

Да и ответы о материи оказались не лучше:

♦ — Но знаешь ли ты, по крайней мере, что такое материя?

— Еще бы не знать! — ответил человек. — Вот, к примеру, этот камень: он серый и такой-то формы, у него три измерения, он ве́сом и делим.

— Ну, хорошо! — сказал житель Сириуса. — Этот предмет кажется тебе делимым, весомым и серым, но не объяснишь ли ты мне, что он всё-таки собой представляет? Ты перечислил некоторые его свойства, но знаешь ли ты, в чём его суть?

— Нет, — ответил тот.

— Значит, ты вовсе не знаешь, что такое материя.

С помощью «фантастического» приёма Вольтер в этой притчевой миниатюре со свойственной ему сатирической остротой попытался показать односторонность, а порой и убогость, современной ему науки, проявлявшей неоправданное равнодушие к проблемам человека и отдавшей предпочтение знанию холодного мира.

Надо признать, что со времён Вольтера ситуация изменилась незначительно. /

• Помимо Фернея, у Вольтера было живописное поместье «Делис» («Délices» — «Отрада») в окрестностях Женевы, усадьба Монрион в ок-

рестностях Лозанны и еще одно имение на французской территории близ швейцарской границы — Турне:

/ В минуты откровения Вольтер любил приговаривать:

♦ Философы должны иметь две или три норы, чтобы прятаться от собак, которые преследуют их. /

• Не ослабевает с годами и антиклерикализм Вольтера. Свои письма к друзьям он непременно заканчивал фразой «**Раздавите гадину!**», имея в виду церковь «за растление ею духовной жизни общества».

• Вольтер — творец, обновитель или инициатор знаменитых афоризмов:

✓ Лучшее — враг хорошего.
✓ Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать.
✓ Великие умы сходятся.
✓ Боже, спаси меня от друзей — с врагами я сам справлюсь.
✓ Только первый шаг труден.
✓ Всё, что становится обыденным, мало ценится.
✓ Все жанры хороши, кроме скучного.
✓ Книги делаются из книг.

• В 1778 г., через 4 года после вступления на престол Людовика XVI, Вольтер по настоянию друзей приехал в Париж. Его прибытие превратилось в подлинный триумф. Массы парижан с цветами встречали защитника простых людей. На представлении последней трагедии «Ирина» Вольтер и его бюст на сцене были увенчаны лавровыми венками. Однако торжества, утомительное пребывание в шумном Париже подорвали силы Вольтера.

• Вечером 30 мая 1778 г. Вольтера не стало. Его племянник аббат Миньо, зная о намерениях церковников расправиться с мёртвым философом, поскольку они ничего не могли сделать с ним живым, сразу же после смерти отнёс тело в карету и увёз в своё Сельерское аббатство в Шампани, где и похоронил. А вслед за этим пришел запрет Парижского епископа на погребение.

• У Вольтера как-то спросили: где бы он хотел быть после смерти — в раю или в аду? Он сказал: «В раю климат лучше, но в аду компания намного приятнее».

• В июле 1791 г. гробница с прахом Вольтера была перевезена в Париж и поставлена на площади Бастилии на постамент, сложенный из камней поверженной крепости, а затем торжественно перенесена в Пантеон и захоронена рядом с могилой Руссо.

2. СУДЬБА

► В 18 лет Вольтер верил, что он оставит по себе память как большой трагический актер; в 30 — как крупный историк; в 40 — как эпический поэт.

► О философии Вольтера современники говорили: это — полный хаос ясных мыслей, в целом бессвязных. И до сих пор среди исследователей устойчиво мнение, что, всё изучив и рассмотрев, он ничего не углубил.

► Вольтер был очень ироничным человеком, и у него была слава великого насмешника. Несколько примеров в подтверждение:

⊙ Один посредственный поэт прочел Вольтеру свою оду. Она называлась «К потомству!». Затем он спросил у мэтра его мнение. «Надеюсь, что ода по адресу не дойдет», — сказал Вольтер.

⊙ Один француз, вернувшись из России, встретился с Вольтером и стал говорить ему, что его похвалы России явно преувеличены. «Друг мой, я не люблю холод, а русская царица дарит такие чудесные шубы», — ответил Вольтер.

⊙ Как-то Вольтер присутствовал при осаде одной крепости и с любопытством осматривал осадные приспособления. Увидев Вольтера, военачальник пригласил его в траншеи. «Нет, сударь, — стал отказываться Вольтер. — Я охотно возьму на себя обязанность воспеть ваши подвиги, но разделить их с вами не польщусь».

► Их ссора с Фридрихом, судя по всему, произошла не по вине короля:

/ Живя долгое время при дворе государя, Вольтер пользовался немалым его расположением.

Но однажды — и дело было в присутствии немецкого генерала — Вольтеру принесли очередные творения Фридриха. Король обычно передавал их с просьбой поправить. Вольтер по-свойски сказал генералу:

— Король прислал мне в стирку грязное белье.

Правителю передали слова Вольтера, и это послужило причиной разрыва. /[20]

► Еше в юности астрологи предсказали Вольтеру, что в 32 года он умрёт. Но, отпраздновав свое шестидесятилетие, Вольтер высмеял этих предсказателей в острейшем памфлете. И, как выяснилось впоследствии, совершенно напрасно. Биографы мыслителя сумели установить, что однажды 32-летний Вольтер был оскорблён известным в те времена дуэлянтом, виртуозным фехтовальщиком графом де Роган[21] и вызвал его на дуэль. Граф вызов принял и, по сути, смерть Вольтера была предрешена, поскольку в отличие от пера, шпагой он владел едва-едва. Но вдруг накануне дуэли Вольтер был арестован и посажен в тюрьму.

Так что предсказание было верным и не сбылось по счастливой случайности. Собственно, это не противоречит и основному постулату приверженцев астральных сил: «Звезды предсказывают, а не предписывают».

► Поместье Ферней сохранено. В наши дни особняк открывает свои двери и для посетителей. Правда, всего два месяца в году и только по субботам. Остальное время он поставлен на сигнализацию в соседнем полицейском управлении. В честь знаменитого земляка городок теперь именуется Ферней-Вольтер.

За каменной стеной, окружающей парк особняка, сохранилась ферма, принадлежавшая когда-то Вольтеру. С другой стороны ограды шумела пышной листвой аллея столетних богатырей. Ее история любопытна. Неуживчивый Вольтер был взбешён появлением нового соседа — банкира Моле. Он решил отгородиться от него живой стеной. Тот, со своей стороны, невзлюбивший вольнодумца, также высадил ряд деревьев. Так возникла аллея, которую называют с тех пор «Каш-Моле», что означает «отгородиться от Моле». От самых ворот особняка выстроились в два ряда, как солдаты-гвардейцы, пирамидальные тополя. Аллея растянулась на километры. По этой аллее Вольтер, спасаясь от незваных па-

рижских гостей, уходил прямиком в Швейцарию. Граница — совсем рядом. Центральная улица городка прямо упирается в погранично-пропускной пункт, за которым сразу же раскинулись женевский аэродром и пригороды Женевы.

➤ В Женеве на улице Делис, названной так по имени здесь же расположенного особняка «Делис» (первого убежища Вольтера и откуда он переехал в Ферней), в 1956 г. был открыт музей Вольтера. Экспозиция музея занимает четыре комнаты особняка. Остальные — институт Вольтера. Здесь большинство рукописей Вольтера, его библиотека, многочисленная переписка (15000 писем).*

В связи с фондами института любопытная деталь. В числе других экспонатов хранится альбом с коллекцией сургучных печатей. Ее происхождение таково. Вольтер получал много анонимных писем от своих недругов с оскорблениями и угрозами. При получении приходилось платить за доставку. Вольтера это бесило. Он стал вырезать сургучные печати неугодных писем и наклеивал их в свою «черную книгу». Если приходили «рецидивисты»[22], он возвращал такие письма на почту. В этой «черной книге» собрано 199 сургучных печатей.

➤ Существует крылатая фраза: «Сердце Вольтера принадлежит Франции, а его идеи — всему миру». Это не только красивый оборот. В Национальной библиотеке в Париже установлена статуя Вольтера работы Гудона. На ее цоколе помещена табличка, где извещается, что именно в нем, в цоколе, хранится урна с сердцем Вольтера.

➤ В 1812 г. французский офицер Анри Бейль (мы его знаем как писателя и философа Стендаля) находил повсюду в дворянских особняках Москвы сочинения Вольтера. Покидая вместе с армией Наполеона пылающий город, он прихватил с собой один томик, но, устыдившись, выронил его в снег.

➤ **Антуан Ривароль** /(1753 – 1801), французский писатель/:

«Вольтер учил: «Чем люди просвещённей, тем они свободней». Его преемники сказали народу: «Чем ты свободней, тем просвещённей». В этом и таилась погибель».

3. УЧЕНИЕ

♦ О, мои товарищи по бесконечному ничтожеству, как и я рождённые, чтобы всё выносить и ничего не знать, есть ли среди вас настолько безумные, чтобы верить, будто они всё это знают? Нет, таких не существует. Нет, в глубине души вы чувствуете свое ничтожество, как я сознаю свое. Но вы настолько честолюбивы, что требуете от нас постижения ваших ненужных систем.

♦ Я умею только сомневаться.

♦ Есть, быть может, одно только утешение: природа одарила нас примерно всем, что нам нужно, и, если мы некоторых вещей не постигаем, стало быть, по-видимому, такое положение и не требуется. Если бы необходимо

* Особенная примечательность музея — выставленная здесь великолепная скульптура Гудона, изобразившего Вольтера-старика в кресле. Гудон сделал маску живого Вольтера буквально за пять дней до его смерти и использовал этот гипсовый слепок при работе над скульптурой.

нужны были некоторые вещи, все люди их бы имели, как, например, у всех лошадей имеются ноги. Можно быть приблизительно уверенным, что не являющееся абсолютной необходимостью для всех людей, во всех местах, не является ни для кого необходимым. Истина эта — пуховик, на котором можно предаваться отдохновению. Всё остальное представляет собою постоянную тему для дискуссий «за» и «против».

♦ Материя Вселенной есть такая же принадлежность Бога, как и идеи, а идеи — такая же принадлежность его, как и материя.

♦ Все люди рождаются на свет с носом и пятью пальцами на руке, и ни один из них не появляется на свет с понятием о Боге.

♦ Мыши, живущие в маленьких норах огромного здания, не знают, вечно ли оно, кто его построил и зачем. Они лишь стараются сохранить свою жизнь, заселить свои норы и избегать зверей-разрушителей. Мы — мыши, и божественный архитектор, построивший Вселенную, не сообщил, насколько я знаю, своего секрета никому из нас.

♦ Человек жалуется, видя мир плохо устроенным. Но для кого плохо? Для человека, который в необъятном плане Вселенной — лишь незначительное пятнышко, плесень. Очевидно, всё в этом плане нам кажется ничтожеством, упущением или ошибкой, в другом плане имеет глубокое основание. И ведь не иначе!: да, плесень немного страдает, но где-то во Вселенной великаны ведут жизнь почти божественную.

♦ В человеке и в любом животном существует принцип деятельности, как и во всякой машине. Этот первый двигатель, эта изначальная движущая сила необходимо и вечно управляется волей Верховного Существа, без чего всё было бы хаосом, без чего не существовало бы самого мира.

♦ Случай — это ничто. Случая не существует. Мы назвали так действие, причину которого мы не понимаем. Нет действия без причины, нет существования без основания существовать. Это первый принцип всех истинных философов.[23]

♦ Ничто не может поколебать во мне следующей аксиомы: всякое творение свидетельствует о творце.

♦ Очень вероятно, что природа дала мысли мозгам, как произрастание деревьям, и что мы мыслим при помощи мозга, как мы ходим при помощи ног.

♦ */Из разговоров Микромегаса с карликом, секретарем Сатурнийской академии/*:

«— Надо признать, что природа очень многообразна. — Да, — сказал сатурниец, — природа — это клумба, чьи цветы... — Бросьте вы вашу клумбу, — прервал его Микромегас. — Природа, — снова начал секретарь, — это сборище блондинок и брюнеток, чьи уборы... — Какое мне дело до ваших брюнеток! Природа — это природа. Зачем искать для нее сравнений? — Чтобы доставить вам удовольствие, — ответил секретарь».

♦ Каждое событие в настоящем рождается из прошлого и является отцом будущего... вечная цепь причин не может быть ни порвана, ни запутана... — неизбежная судьба является законом всей природы.

♦ Зачем Паскаль в своих «Мыслях» делает из нашего существования цепь горя и бедствий? Представлять себе белый свет тюрьмой и всех людей осуждёнными преступниками — это мысль мизантропа; думать, что есть место вечному веселью, — это заблуждение мечтателя; знать, что земля,

люди, звери таковы, каковы они должны быть по порядку провидения, есть признак мудреца.

♦ */Из разговора Задига с ангелом/*:

«— Нет, — говорит ангел Задигу, — такого зла, которое не порождало бы добра. — А что, — сказал Задиг, — если бы совсем не было зла и было одно только добро? — Тогда, — отвечал Иезрад, — этот мир был бы другим миром; связь событий определила бы другой премудрый порядок. Но этот другой, совершенный порядок возможен только там, где вечно пребывает верховное существо».

/■■■ Данный аргумент, понятное дело, не бесспорен. А если сказать откровеннее, — что многие в отношении этой мысли Вольтера и делали, — то очень и очень уязвим. Ведь: если Бог добр, то почему он не создал мир по этому бессмертному и совершенному образцу? Если Он всемогущ, то почему, создавая мир, Он столь щедро наградил его страданием? /

♦ Несомненно, что наши первые идеи — это ощущения.

♦ Тот, кто желает лишить человека страстей на том основании, что они опасны, уподобляется тому, кто пожелал бы выпустить из человека всю кровь, исходя из того, что она является причиной апоплексического удара.

♦ Я смотрю на истинных философов как на апостолов божества. Такие апостолы нужны для разного рода людей. Приходский учитель катехизиса говорит детям, что есть Бог; Ньютон доказывает это мудрецам.

♦ Первым провидцем, первым пророком стал первый плут, который встретил глупца.

♦ Суеверие — самый страшный враг человеческого рода.

♦ Растёт новое поколение, которое ненавидит фанатизм. Наступит день, когда у руководства встанут философы. Готовится царство разума.

4. МЫСЛИ

- Я потратил около 40 лет на паломничество в два-три уголка этого света, целью которого были поиски философского камня, именуемого *истиной*. Я советовался со всеми поклонниками античности, с Эпикуром и Августином, Платоном и Мальбраншем, но остался при своей бедности.
- Следует признать, что изобретатели в области искусства механики оказались значительно полезнее людям, чем изобретатели силлогизмов: тот, кто изобрел ткацкий челнок, имеет несказа́нное преимущество перед тем, кто придумал врождённые идеи.
- Случайности не существует — всё на этом свете либо испытание, либо наказание, либо награда, либо предвестие.
- Когда-нибудь я, быть может, набреду на планету, где царит полная гармония, но пока что мне никто не указал, где такая планета находится.
- Человек от рождения стремится к действию, как огонь стремится ввысь, а камень — вниз.
- Наша любовь к самим себе помогает любви к другим.
- Для того чтобы познать Бога, надо быть им самим.
- Успех науки — дело времени и смелости ума.
- Судите художника по законам, им самим над собой признаваемым.
- Необходимо, чтобы были преступления и бедствия и чтобы они составляли удел хороших людей.

- Не бойтесь высмеивать суеверия, друзья мои. Я не знаю лучшего способа убить суеверие, чем выставление его в смешном виде. Что сделалось смешным, не может быть опасным.
- Иной бесполезен в первом ряду, зато во втором блистает.
- Если чернь принимается рассуждать — всё погибло!
- Начинателям всегда надлежит быть первыми в памяти людей. Но с каким бы почтением мы ни относились к этим первым гениям, их преемники часто доставляют гораздо больше удовольствия. [...] Мы чтим гениев, создавших первый набросок искусств, однако ближе нам умы, усовершенствовавшие эти искусства.
- Постоянная важность является лишь маскою посредственности.
- Надежда выздороветь — половина выздоровления.
- Старость создана для того, чтобы получать огорчения, но она должна быть довольно благоразумна для того, чтобы переносить их безропотно.
- Социальное равенство — это и наиболее естественная и наиболее химерическая идея. На нашей несчастной планете люди, живущие в обществе, не могут не разделяться на два класса — на богатых, которые распоряжаются, и бедных, которые служат.
- Несомненно, в интересах общества, чтобы существовало некое божество, которое карает то, что не может быть пресечено человеческим правосудием.
- Делать то, что доставляет удовольствие, — значит быть свободным.
- Когда я смогу сделать то, что хочу, это значит, что я свободен; но то, что я хочу, я хочу в силу необходимости.
- Для великих дел необходимо неутомимое постоянство.
- Многочисленность законов в государстве есть то же, что большое число лекарей: признак болезни и бессилия.
- Только слабые совершают преступления: сильному и счастливому они не нужны.
- Честного человека можно подвергнуть преследованию, но не обесчестить.
- Подобно тому как самым большим физическим злом является смерть, так самым большим моральным злом является, конечно, война.
- Ненависть в сочетании с презрением способна стряхнуть любое ярмо.
- Кто не обладает духом своего возраста, тот несёт на себе всё горе этого возраста.
- И нет такого зла, которое не порождало бы добро.
- Случай делать зло представляется сто раз на дню, а случай делать добро — лишь единожды в год...
- Живем мы в мире два мгновенья — одно рассудку отдадим.
- Пользуйтесь, но не злоупотребляйте — таково правило мудрости. Ни воздержание, ни излишества не дают счастья.
- Истинное и прекрасное одинаково во все времена и у всех народов.
- Если мы дорожим счастьем, то еще больше дорожим разумом.
- Всегда наслаждаться — значит вовсе не наслаждаться.
- Нас увещевают: довольствуйтесь тем, что имеете, не желайте ничего лучшего, обуздывайте ваше любопытство, смиряйте ваш беспокойный

дух. Это прекрасные поучения, но, если бы мы всегда следовали им, мы до сих пор питались бы желудями и спали под открытым небом.

- Я всё еще люблю жизнь. Эта нелепая слабость, может быть, один из самых роковых наших недостатков: ведь ничего не может быть глупее, чем желание беспрерывно нести ношу, которую хочется сбросить на землю; быть в ужасе от своего существования и влачить его.
- Зачем философствовать, зачем волноваться? Разве вы не знаете, что миром управляет рок? Пейте горячее, когда холодно, пейте прохладное в летний зной; соблюдайте умеренность во всём, следите за пищеварением, отдыхайте, наслаждайтесь и смейтесь над всем прочим.
- Страсти — это ветры, надувающие паруса корабля. Иногда они его топят, но без них он не мог бы плавать. Всё на свете опасно — и всё необходимо.
- Люди легко верят тому, чего страстно желают.
- Люби истину, но будь снисходителен к заблуждениям.
- Во все времена и во всех странах и во всех жанрах дурное кишмя кишит, а хорошее редко. В любой профессии всё самое недостойное предстаёт особенно нагло.
- Читая в первый раз хорошую книгу, мы испытываем то же чувство, как при приобретении нового друга. Вновь прочитать уже читанную книгу — значит снова увидеть старого друга.
- Ни в каком возрасте нельзя приобрести талант, которого мы лишены, но в любом возрасте можно исправлять свои ошибки.
- Именно потуги на остроумие и убивают остроумие!
- Прекрасно только то, что естественно.
- Моя любовь к отечеству не заставляет меня закрывать глаза на заслуги иностранцев. Напротив, чем более я люблю отечество, тем более и стремлюсь обогатить мою страну сокровищами, извлеченными не из его недр.
- Сатиры никого не исправляют, а только озлобляют дураков, и те становятся еще злее.
- Если люди долго спорят, то это доказывает то, что то, о чем они спорят, неясно для них самих.
- Прекрасное, когда оно не к месту, перестаёт быть прекрасным.
- Если источник всякого воображения — богатая и развитая память, то память перегруженная для него губительна. Так, человек, набивший себе голову именами и датами, располагает не тем запасом, который необходим для создания образов. Воображение людей, занятых расчетами и каверзами, как правило, бесплодно.
- Многочисленность фактов и сочинений растет так быстро, что в недалеком будущем придется сводить всё к извлечениям и словарям.
- Никогда не бывает больших дел без больших трудностей.
- Прекрасно быть скромным, но не следует быть равнодушным.
- Когда сказать нечего, всегда говорят плохо.
- Я всегда, по мере возможности, свожу свою метафизику к морали.
- На этом свете успеха достигают только остриём шпаги и умирают с оружием в руках.
- Я могу быть несогласным с вашими суждениями, но я готов отдать жизнь за ваше право их высказывать.

Фра́нклин

XVIII век

Бенджамин Франклин

• Американский философ

Родился: 17.01.1706 г.
Умер: 17.04.1790 г.

Прожил — 84 года

«Если ты хочешь, чтобы тебе всегда угождали, прислуживай себе сам». *(Франклин)*

■ **«Человек живет не тем, что он съедает, а тем, что переваривает. Положение это одинаково справедливо относится к уму, как и к телу».** *(Франклин)*

■ **«Трудно вообразить, какую силу над материей может приобрести человек».** *(Франклин)*

1. ЖИЗНЬ

• Был восьмым ребенком в большой семье (17 детей) эмигранта из Англии Жозефа Франклина — ремесленника, занимавшегося изготовлением мыла и свечей.
• Образование получил путем самообразования.
• Изобрел кресло-качалку и получил патент на его конструкцию.
• В 1746 г., случайно попав на сеанс «чудес физического кабинета» доктора Спенса, Франклин впервые познакомился с электрической машиной и увлёкся электрическими опытами.
• В 1776 г. был направлен в качестве посла во Францию, с целью добиться союза с ней против Англии и получить займ.
• Один из авторов американской Конституции (1787 г.).
• Изобрел громоотвод:

/ Это самое прекрасное и великое изобретение в истории человечества. Франклин отказался патентовать его и свое поведение объяснил тем, что патентование замедлило бы широкое распространение громоотвода. /

• За открытия в области электричества и многие практические совершенствования Франклин приобрел мировую известность и славу. Он был избран членом академий многих стран, в том числе и Российской академии наук (1789 г.).
• На собственном примере исследовал сложнейшую проблему человеческого общения и оставил много полезных практических рекомендаций.
• Автор афоризма «Время — деньги»:

/ Из *«Советов молодому купцу»* (1748). /

- **Сочинения Франклина:**

  «Рассуждение о свободе и необходимости, наслаждении и страдании» (1725);

  «Опыты и наблюдения над электричеством» (1750; статья);

  «Необходимые советы тем, кто хотел бы стать богатым»;

  «Путь к изобилию...» (1758);

  «Свисток» (10.11.1779 г.; письмо-рассказ).

- Америка XVIII в. не знала человека, столь всесторонне одарённого и деятельного, как Б. Франклин. Писателя и издателя, ученого, изобретателя, общественного деятеля и дипломата, его называли «первым среди цивилизованных американцев».

2. СУДЬБА

► Франклину принадлежит фраза «Свобода, равенство, братство», ставшая лозунгом Великой французской революции. Принятие французами этого девиза письменно зафиксировано в постановлении парижского Клуба кордильеров 30 июня 1793 года.

► **Максимильен Робеспьер** /(1758 – 1794), деятель Великой французской революции (из его письма, адресованного Франклину)/:

«Вы знаменитейший ученый мира...»

► **Дейл Карнеги** /(1888 – 1955), американский коммуникалист, ◐ теоретик «общения и благоразумного поведения» ◑ /:

«Если вы хотите получить превосходные советы о том, как обращаться с людьми, управлять самим собой и совершенствовать свои личные качества, прочтите автобиографию Бенджамина Франклина — одну из самых увлекательных историй жизни, когда-либо написанных, одно из классических произведений американской литературы. Возьмите эту книгу в публичной библиотеке или купите в книжном магазине.

В своей биографии Бен Франклин рассказывает, как он поборол ужасную привычку спорить и превратился в одного из самых компетентных, учтивых и дипломатичных людей в истории Америки.

Однажды, когда Бенджамин был еще неопытным юношей, один его старый друг квакер* отвел его в сторону и нещадно его отругал, сказав ему несколько горьких истин вроде следующих: «Бен, ты невозможен. Твои мнения носят оскорбительный характер для каждого, кто с тобой не согласен. Они стали обходиться так дорого, что ими никто уже не интересуется. Твои друзья считают, что они приятнее проводят время, когда тебя нет. Ты столько знаешь, что никто не может сообщить тебе ничего нового. Да никто и пробовать не станет, потому что это приведет лишь к неловкости и потребует больших усилий. А поэтому ты вряд ли когда-нибудь узнаешь больше, чем знаешь сейчас, а знаешь ты очень мало».

То, как Бен Франклин воспринял этот жестокий нагоняй, — одна из самых замечательных вещей, известных мне о нём. Он уже был достаточно взрослым и умным, чтобы понять всю справедливость услышанного и почувствовать, что его могут ожидать неудачи и потеря престижа.

---

* **Ква́керы** (от *англ.* quaker — трясун) — христианская протестантская секта, возникшая в XVII в. в Англии и широко распространившаяся в Сев. Америке.

И он сделал поворот на 180 градусов. Он немедленно же изменил свою высокомерную, нетерпимую манеру обращения с людьми».

➡ Франклин умер в возрасте 84 лет. Траур по выдающемуся ученому продолжался в США 30 дней. Решением Всемирного Совета Мира имя Бенджамина Франклина, «которого гений был красой человеческой природы и различные стремления которого послужили на пользу науке, свободе и отечеству», включено в список наиболее выдающихся представителей Человечества.

3. УЧЕНИЕ

♦ Для нас наиболее важным является не знание способа, которым природа осуществляет свои законы; достаточно знать сами эти законы. Реальную пользу представляет знание того, что если отпустить в воздухе ничем не поддерживаемое фарфоровое изделие, то оно упадет и неминуемо разобьется. Знать же, как оно упадет и почему разобьется, это уже чисто умозрительный вопрос. Приятно, конечно, знать истину, однако обеспечить целость фарфорового изделия мы можем и без этого.

♦ С малых лет я страстно любил читать и все те небольшие деньги, которые попадали мне в руки, откладывал на покупку книг. Я очень любил читать про путешествия. [...] Среди любимых мною книг были и «Жизнеописания» Плутарха*, которыми я зачитывался; и сейчас еще я считаю, что это очень пошло мне на пользу. Была там и книга Дефо «Опыт о проектах»**, и сочинение доктора богословия Мезера «Опыты о том, как делать добро»***. Эти книги, возможно, повлияли на мой образ мышления, что отразилось на некоторых важнейших событиях моей жизни...

Я прочел сочинение Локка «Опыт о человеческом разуме» и «Искусство мышления», написанное господами из Пор-Рояля****.

Начитавшись Шефтсбери и Коллинза, сделался скептиком, — а я и без того уже скептически относился ко многому в наших религиозных учениях...

Мне очень хотелось улучшить свою речь, и я читал очерки об искусстве риторики и логики. А вскоре я достал «Воспоминания о Сократе» Ксенофонта и был очарован совершенно сократическим методом. Став применять его, я перестал прекословить и больше не прибегал к положительным доводам, а принял вид смиренного вопрошателя.

Моя вера такова. Я верю в единого Бога — Творца Вселенной, в то, что Он правит ею с помощью провидения, что Ему следует поклоняться, что самое угодное служение Ему — это делать добро другим Его детям, что душа человека бессмертна и к ней отнесутся справедливо на том свете, соответственно ее поведению в этом.

* «Жизнеописания» Плутарха — 50 (дошедших до нас) биографий древнегреческих и древнеримских деятелей.

** Эта книга английского писателя Даниеля Дефо (ок. 1661 — 1731) вышла в 1697 г. (за 22 года до знаменитого романа «Робинзон Крузо» этого же автора).

*** Данный труд Коттона Мезера (1663 — 1728), массачусетского теолога, увидел свет в 1710 г.

**** Имеется в виду «Логика, или Искусство мыслить» (1662 г.), написанная французскими философами Антуаном Арно (1612 — 1694) и Пьером Николем (1625 — 1695).

♦ Быстрый прогресс **истинной** науки иногда вызывает у меня сожаление, что я родился так рано. Невозможно представить себе той высоты, которой достигнет власть человека над материей через тысячу лет. Мы, возможно, научимся лишать огромные массы их тяжести и придавать им абсолютную легкость для более удобной перевозки. Наша жизнь будет по желанию продлена даже за пределы глубокой старости. Наука нравственности пойдет по верному пути усовершенствования, так что уже не будет, как теперь, ***«человек человеку волк»***, и люди, наконец, узнают то, что они сейчас неверно называют человеколюбием.

♦ Что могут сделать законы в политике без морали?

♦ Как мал наш прогресс в философии.

♦ Если люди так слабы, имея религию, то что они будут делать, когда окажутся без нее?

♦ Думаю, что о мнениях следует судить по их влиянию и результатам.

♦ Всякое существо ограничено в своих действиях и способно делать только то, что ему предназначил Бог, и не способно отказываться совершать то, что совершил бы Бог. Поэтому у него не может быть ни свободы, ни свободной воли, ни способности совершить или не совершить какое-либо действие.

Иногда под свободой понимается отсутствие помех; и в этом смысле можно поистине сказать, что все наши действия суть следствия нашей свободы. Но это свобода того же свойства, что и падение твердого тела на землю. Оно обладает свободой падения — это значит, что оно не встречает ничего, что воспрепятствовало бы его падению. Но вместе с тем оно неизбежно должно падать, оно не в состоянии и не свободно оставаться парящим.

Рассмотрим, однако, довод с другой точки зрения. Предположим, что мы свободные деятельные существа. Поскольку человек составляет часть большого механизма — Вселенной, его обычные действия — необходимая часть правильного движения целого. Так как он свободен и на его выбор не оказывают никакого влияния (именно так должно быть, иначе он не свободен), то он может среди многих вещей, которые он должен делать, выбрать что-то одно и отвергнуть остальное. Далее, в каждый данный момент имеется нечто лучшее из всего, что должно быть сделано, и одно только это в тот момент есть благо, и по отношению к нему любая другая вещь в данное время есть зло. Для того чтобы знать, что из того, что должно быть сделано, лучшее, а что нет, необходимо, чтобы мы имели представление о всех сложных последствиях каждого действия по отношению к общему порядку и плану Вселенной, как настоящему, так и будущему, но они неисчислимы и постижимы только всеведением. И поскольку мы не можем знать их, у нас есть всего лишь один шанс из десяти тысяч, чтобы найти правильное действие. Мы, стало быть, постоянно блуждаем в темноте и приводим план в беспорядок, так как каждое неправильное действие части представляет собой изъян или недостаток в общем порядке целого. Не необходимо ли в таком случае, чтобы наши действия управлялись и определялись всемудрым провидением? Как точна и правильна каждая вещь в мире природы! Как мудро устроена каждая

задуманная часть! Мы не найдем здесь ни малейшего недостатка! Те, кто изучал простых животных и растения, показали, что ничто не может быть более гармоничным и прекрасным! Все небесные тела, звезды и планеты управляются глубочайшей мудростью! И можем ли мы предположить, что в порядок моральной системы вложено меньше заботы, чем в порядок естественный? Это было бы так, как если бы искусный изобретатель, построивший замысловатую машину или часы и поставивший их многочисленные сложные колеса и силу в такую зависимость друг от друга, чтобы целое могло двигаться наиболее точно и правильно, вопреки этому включил бы в них некоторые другие колеса, наделенные независимым самодвижением, безразличным к общему ходу часового механизма; и они могли бы время от времени двигаться неправильно, нарушая нормальное движение и давая постоянную работу ремонтному мастеру, что можно было предотвратить, лишив их этой силы самодвижения и поставив в зависимость от правильно действующей части часов.

Поскольку такой вещи, как свободная воля, у созданий не имеется, у них не может быть ни заслуг, ни недостатков.

И поэтому каждое существо должно иметь одинаковую ценность для творца.

Эти положения представляются необходимыми следствиями предшествующих. И действительно, нельзя указать, на каком основании творец должен предпочесть в своей оценке одну часть своего творения другой, если он замыслил и создал их всех с равной мудростью и благостью, поскольку всякое зло или недостаток, как противоположные его природе, исключены его могуществом.

♦ ○ Великие мировые события, войны, революции и так далее совершаются и ведутся партиями...

○ Взгляды этих партий определяются их текущими общими интересами или тем, что они принимают за таковые...

○ Различие взглядов этих различных партий вызывает всю неразбериху...

○ В то время как партия осуществляет общие цели, каждый человек преследует свои особые, частные интересы...

○ Как только партия достигает своей основной цели, каждый ее член начинает заботиться о своих частных интересах; тем самым он вступает в противоречие с другими, и в партии происходит раскол, что вызывает еще большую неразбериху...

♦ Постепенно я начал убеждаться, что истина, искренность и честность в отношениях между людьми имеют огромное значение для счастья жизни, и я написал ма́ксимы поведения.

4. МЫСЛИ

- Подражай Иисусу и Сократу.
- Опыт — это дорогая школа, но что делать, если для дураков нет другой школы.
- Если ты не внемлешь благоразумию, то оно тебе обязательно отомстит.
- Легче построить две печи, чем запастись топливом на одну.
- Легче подавить в себе первое желание, чем удовлетворить все последующие.

- И прежде чем советоваться с прихотью, посоветуйся со своим кошельком.
- Кот в перчатках мышь не поймает.
- Ключ, которым пользуются, всегда блестит.
- Будь вежлив со всеми, общителен со многими, фамильярен с некоторыми.
- Лень подобна ржавчине: она разъедает быстрее, чем частое употребление изнашивает.
- Видеть легко; трудно предвидеть.
- Мастер находи́ть оправдания редко бывает мастером в чем-нибудь еще.
- Хозяйский глаз сделает больше, чем обе руки.
- Не наблюдать за работниками — значит оставить им открытым свой кошелек.
- Три переезда равны одному пожару.
- Гнев всегда имеет основания, но редко — достаточно веские.
- Го́рдецы ненавидят гордость в других людях.
- Отсутствующие всегда остаются виноватыми; присутствующие всегда имеют возможность оправдаться.
- Одно сегодня стоит двух завтра.

/◐ По отношению к предлагаемым нам суммам (если иметь в виду самые разные деловые контакты) данное замечание может быть переведено в закон «житейской гарантии»:

> Лучше в определённости согласиться на *половину*, чем в неопределенности надеяться на обещаемое всё. ◑/

- Поскольку ты не уверен даже в одной минуте, не трать попусту ни одного часа.
- Трое могут сохранить секрет, если двое из них мертвы.
- Брат может не быть другом, но друг — всегда брат.
- Не исправление ошибки, а упорство в ней роняет честь любого человека или организации людей.
- Труд — отец счастья.
- Способный терпеть способен добиться всего, чего он хочет.
- Понуждай сам свою работу; не жди, чтобы она тебя понуждала.
- Землепашец, стоящий на своих ногах, гораздо выше джентльмена*, стоящего на коленях.
- Из всех лекарств лучшие — отдых и воздержание.
- Если ты хочешь продлить свою жизнь, укороти свои трапезы.
- Лень делает всякое дело трудным.
- Если хочешь крепко спать, возьми с собой в постель чистую совесть.
- Все философы — мудрецы в своих сентенциях и глупцы в своём поведении.
- Среди тех, кто занимается общественными делами, лишь немногие думают только о благе своей страны, что бы они при этом ни говорили;

---

* **Дже́нтльмен** (*англ.* gentleman) — в английском обществе — «вполне порядочный человек», строго следующий кодексу сословной морали.

и, хотя их действия приносят подлинное благо их стране, однако люди вначале не отделяли свои интересы от интересов их страны, поэтому они действовали не из принципа благотворительности.

Я взял за правило избегать прямого противоречия мнениям других, а также самоуверенного отстаивания своей точки зрения. Я даже запретил себе употреблять какие бы то ни было слова или выражения, передающие твердое мнение, например «конечно», «несомненно» и т. д.; вместо них я употреблял такие выражения, как «полагаю», «опасаюсь», «думаю» или «мне так кажется». Когда другие утверждали что-либо, казавшееся мне ошибочным, я отказывал себе в удовольствии резко противоречить и немедленно показать абсурдность их утверждений, а начинал свой ответ с замечания, что в определенных условиях и при известных обстоятельствах это мнение было бы правильным, но в данном случае мне кажется или представляется, что дело обстоит иначе, и т. д. Вскоре я убедился в преимуществах этой новой манеры: мои беседы с другими людьми стали протекать более приятно. Скромная манера выражать свои мнения приводила к тому, что их скорее принимали и они вызывали меньше возражений; если выяснялось, что я ошибался, это доставляло мне меньше огорчений; если я оказывался прав, мне было легче убедить других отказаться от ошибок и присоединиться к моей точке зрения.

И эта манера поведения, к которой я сначала насильственно приучал себя вопреки своей естественной склонности, стала, наконец, легкой для меня и столь привычной, что за последние пятьдесят лет никто не слышал, чтобы у меня вырвалось какое-либо догматическое /*/ утверждение.

Думаю, что этой своей привычке (после моей отличительной черты — честности) я больше всего обязан тем, что мои соотечественники столь рано стали считаться с моим мнением, когда я предлагал ввести новые учреждения или изменить старые, а также своим большим влиянием в общественных советах, когда я стал их членом. Ибо я был плохим, некрасноречивым оратором, затруднялся в выборе слов, говорил не очень правильно и, несмотря на всё это, обычно проводил свою точку зрения.

Если вы спорите, горячитесь и опровергаете, вы можете порой одержать победу, но это будет бесполезная победа, потому что вы никогда не завоюете доброй воли вашего оппонента.

Поучительная алгебра благоразумия:

«В деле, столь для Вас важном, в коем Вы испрашиваете моего совета, я не в силах, за отсутствием достаточного знания обстоятельств, рекомендовать Вам, какое решение принять. Однако, если угодно, я укажу Вам, как его принять. Подобные обременительные ситуации

* / «Философы разделяются на догматиков и скептиков. Догматики — это все те, которые рассуждают о предметах, считая их постижимыми; скептики — это те, которые воздерживаются от суждений, считая предметы непостижимыми» (**Диоген Лаэртский.** *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*). /

являют собой трудность потому, что при размышлении о них в сознании нашем не присутствуют вдруг все резоны «за» и «против», но порой предстают одни, а порой — иные, и тогда первые исчезают из виду. Посему ум наш попеременно захватывают разные намерения и устремления, а также порождающая замешательство неопределенность.

Дабы покончить с этим, я имею обыкновение, разделив пол-листа бумаги чертой на две колонки, заносить в одну резоны «за», а в другую — резоны «против». Затем, после трех или четырех дней размышления, я коротко записываю под нужными заголовками разные мысли «за» и «против», которые пришли ко мне в разное время. Собрав их таким образом воедино перед глазами, я отваживаюсь начать судить о присущей им весомости. Когда попадаются мне два резона (по одному с каждой стороны), кои представляются равными, я вычёркиваю их оба. Если попадается один резон «за», равнозначный двум резонам «против», я вычёркиваю все три. Если, по моему разумению, два резона «против» уравновешиваются тремя резонами «за», я вычёркиваю все пять и, двигаясь так, отыскиваю, что́ может иметь решающее значение. И если по прошествии одного или двух дней дальнейших размышлений ничего нового не появляется, значительность имеющегося ни к одной стороне не присовокупляется, я прихожу к соответственному решению. И хотя весомость резона не может быть измерена с точностью, присущей алгебраическим величинам, всё же, когда размышляешь о каждом отдельно и сравниваешь его со всеми прочими, лежащими перед глазами, я полагаю, что могу вынести более разумное суждение и менее склонен предпринять неверный шаг. Я обнаружил огромные достоинства в составлении таких уравнений, в занятии, кое назвать позволительно будет поучительной алгеброй благоразумия».

(**Бенджамин Франклин** *в письме одному молодому человеку, попросившему совета в решении трудной проблемы*)

∇ ◐ Итак, благоразумие, и как вариант, и как концепция. Отчего же учёного, политика, философа заботят именно благо и разумие, причём не по отдельности, а в слитости, вместе, в соувязке и, по-видимому, в сплаве?

Я думаю, что Франклин нащупал не только какие-то свои личные подходы в межличностных отношениях людей — это все мы делаем каждый день и каждый час, — но и вышел на пласты принципиальнейшей новизны. В категориальном обилии свойств, черт, оттенков поведения — «хладнокровии», «умеренности», «прозорливости», «здравости» и «рассудительности», он увидел дорогу к ещё одной группе сдерживающих наши порывы установок. Это: «выдержка», «терпение», «предусмотрительность».

Благоразумие — это польза от разума в делах житейских? или это благо, оказывающее сдабривающее и одобривающее влияние на разум, смягчая его в сторону то ли доброты, то ли упреждающего почувствования к другим людям??

Кто знает! Может быть, как раз третье. Мы ведь всегда осознаём

мир по схеме «или — или», даже если это и «и — и». Т. е. есть «я» и «внешняя среда вокруг меня». Франклин же осуществил особый растворительный синтез — он вставил в жёсткую диадную конструкцию третий элемент. Его душа, его мыслительное естество, его действующее начало заметило, да-да!, заметило ещё и себя среди «я» и «других», между множеством других я. И сразу же обнаружился закон зависимости человека от человека:

> Хочешь быть самим собой*, не забудь этого никогда не делать! Всё время имей в виду того, кто рядом, и как опасность для тебя и как проблему от тебя.

Остальные — это совсем не такой объект *отношения*, как все прочие предметы и вещи природы. Здесь та же ситуация, что и с ударом кулаком по скале: то, что руке больно, — это вовсе не недоучёт того, что можно, а... совсем не тот учёт того, чего нельзя. Прочувствуйте этот нюанс: вроде бы мелочь, крохотненький донельзя акцент, ну, просто ничтожный, я бы сказал, ракурс, но! это как бросание камушка в воду — не его размер определяет появление и всплеска и брызг, а само его встревание в воду.

Среди людей сдерживать себя и беспокоиться собой-вне себя-о себе ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЕЕ, чем ожидать и надеяться, что твой контакт с другими будет ориентирован на взаимность и согласие. «Выдержка» гарантирует нам удачность «терпения», а результативность этого последнего прямо выводит на «предусмотрительность». Тут целая достаточность обязательности: и «Осмотрись перед!» и «Всё, что впереди, обозри!». С таким упредительным набором никогда не пропадёшь, ибо даже если во что-то и попадёшь, то по крайней мере от него ничего не дождёшься... ◑

◪ Мне думается, что многие соблазны этого мира — не более чем детский свисток. Вы спросите, что я имею в виду? Расскажу:

> Когда мне было семь лет, как-то в праздник мои друзья подарили мне полную горсть медяков. Я сразу отправился в магазин игрушек и, будучи очарован звуком *свистка*, который я видел по дороге в руках одного мальчика, охотно отдал все свои деньги за свисток. Затем я пришел домой и начал свистеть на весь дом, раздражая родных, но страшно довольный своим *свистком*. Мои братья, сестры, кузины, узнав о моей покупке, сказали мне, что я заплатил за него в четыре раза больше, чем он стоит, и объяснили мне, какие хорошие вещи я мог бы купить на остальные деньги, и так долго смеялись надо мной, над моей глупостью, что я плакал от досады; и это переживание доставило мне огорчения больше, чем *свисток* — удовольствия.

* Вообще, «быть самими собой» — это очень странная претензия для нас, рождающихся, завися от других!

Этот урок детства запечатлелся в моей памяти, и знаете — пригодился. Всякий раз, наблюдая себя и других, я теперь мысленно интересуюсь: а не слишком ли много ты или кто-то другой отдаёте за *свисток*, т. е. за чушь, ерунду, непотребность?

Когда я видел человека, слишком честолюбивого, жертвующего своим временем для посещения утренних приемов при дворе, своим отдыхом, своей свободой, своей добродетелью и, возможно, своими друзьями, чтобы добиться этого, я говорил себе: *этот человек даёт слишком много за свой свисток.*

Когда я видел человека, который слишком любит славу, постоянно занят в политической суете, пренебрегая своими собственными делами и этим губя их, я говорил: *действительно, он платит слишком много за свой свисток.*

Когда я видел скрягу, который отказывается от всяких удобств, от удовольствия делать добро другим, от всякого уважения со стороны своих сограждан и от радостей чистой дружбы, и всё это для того, чтобы копить деньги, я говорил: *несчастный, ты слишком много платишь за свой свисток.*

Когда я встречал сластолюбца, который приносил в жертву ум, состояние только ради чувственных наслаждений и подрывал этим свое здоровье, я говорил: *ты заблуждаешься*, ты получаешь не удовольствие, а боль; ты *даёшь слишком много за свой свисток.*

Если я вижу человека, который следит за своей наружностью, любит красивые наряды, красивые дома, красивую обстановку, красивые экипажи, а всё это ему не по средствам, он влезает в долги и кончает жизнь в тюрьме, то, увы, я говорю: *он заплатил дорого, очень дорого за свой свисток.*

Когда я вижу, что милая, красивая девушка выходит замуж за отвратительного негодяя, я говорю себе: *как жаль, что ей пришлось заплатить так много за свой свисток!* *

∇ ◐ Что ж, общий подход Франклина понятен. Мы действительно и легкомысленны, и ветренны и просто глупы́, нас можно и упрекнуть и неодобрить. Однако подвох всего этого, если вдруг случится!, неприятия в том, что! тот, кто судит, находится *и сам* совсем не в лучшей ситуации. Есть природа натуры, и не считаться с этим даже смешно. Мудрецы, конечно, высказывали привлекательные мысли. И что возразишь!: пожалуйста, сколько угодно учи́те меня, что чемодан в дороге желательно иметь поменьше и полегче, да только, я, беря пожитки в дорогу, руководствуюсь-то не весовы́м параметром, а необходимым.

В мудрости, при всём изумлении ею, есть и что-то удручающее: она действительно *не от мира сего.* И, видимо, должны пройти века и века, пока поймётся: то, что есть, не бывает, потому что то, что есть, — не есть. Исчезание наличия при приближении к нему давно не но-

* Из письма Франклина мадам Брийон; дата написания письма — 10.11.1779 г.

вость (вспомните хотя бы про *горизонт*), а испаряемость его при взгляде на него вообще ничего другого не означает, как принятие существования «времени». Мы же, любим обобщения и берём себе в водители *выводы*. Увы, опираться на опыт *некоего предшествующего своего* или *какого-то там окружающего чужого* — это всегда пытка: и больно, и противно, и унизительно. Дело ведь не в том, чтобы не ошибаться, но в том, что́ считать за ошибку. Лягушке (чего уж там, давайте говорить начистоту) никогда не будет нравиться крокодил — ни размерами, ни хваткостью. Только... что, от этого крокодил перестанет раззевать свою пасть и проглатывать попадаюшийся на его пути квакаюший зелёный комочек?

◐ Мотивы нашего поведения предельно парадоксальны. И это не от глупости нашей и не случайно. Дело в том, что общество, социализируя нас, взрастило колебательный поцесс — мы ему нужны и мы ему не нужны.

◐ Да, конечно, мы беспрерывно дуэлируем. С одним, с другим, с многими. Только вот зачем? Чтобы в итоге остаться в правоте своего одиночества?! Или чтобы летящие от нас стрелы никого не пододвинули к нам?

А то — кто мешает так думать? — и такое мнение имеет право на жизнь: не соглашаясь, мы всего лишь проявляем страх? Боязнь раствориться (потеряться, исчезнуть, забыться) индивидуализирует порыв идентификации, и тогда моё перечеркивает любое их. *Наше* становится заложником эгоистических атак «я» на «ты».

«Как же, как же? — поспешит возразить кто-то. — А истина? Она ведь одна!». Действительно, одна. Но опять же, — не для одного!!

◐ Наша общественная жизнь протекает в беспрерывном **парадоксе общения**:

Чтобы раскрыть свою индивидуальность человеку, надо вступить в общение с другими людьми. Но именно для того, чтобы вступить в общение с другими людьми, свою индивидуальность следует ограничить.

Жюльен-Офре де Ламетри

XVIII век

• Французский философ

Родился: 25.12.1709 г.
Умер: 11.11.1751 г.

Прожил — 41 год

> **«Будем видеть только то, что есть в действительности, и не будем прибегать к вымыслам».**
> *(Ламетри)*

■ **«Умник выдвигает проблемы, дурак и невежда решают их, но все трудности остаются для философа».** *(Ламетри)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в небольшом городе Сан-Мало на западном побережье Франции в семье торговца тканями; учился в коллеже д'Аркур (Париж) — лучшем среднем учебном заведении Франции.

• Окончил медицинский факультет Парижского университета; имел звание сначала бакалавра медицины, а затем и доктора медицины:

/ О бакалавре:

В некоторых странах это первая ученая степень, а во Франции так называют просто-напросто абитуриентов. В средневековой латыни *baccalarius* или *baccalaureus* означало собственник поместья, подвассал, бедный или молодой рыцарь. Слово это трактовалось по-разному. Одна из версий гласит: *baccalaureus* — украшенный лаврами (*laurea* — лавровая ветвь). Однако некоторые исследователи указывают на то, что здесь, вероятно, народная этимология, что звук «*u*» в корне слова появился по неверной ассоциации с лавром.

Поскольку вторая часть слова остаётся спорной, обратимся к первой: что означает *bacca*? Плод. Сплошная запутанность: плод лавра — бедный рыцарь — начинающий ученый... В общем, ясной трактовки этого слова нет. Остаётся лишь добавить, что в русский язык слово *бакалавр* вошло в XVIII в. — в форме *бакалаврей* оно появилось в «Московских ведомостях» 1758 г., а в современной форме — в 1776 г. /.

• В 24 года он совершил поездку в город Лейден для пополнения знаний, где 2 года учился у крупнейшего медицинского светила мира — голландца по происхождению профессора Германа Бургаве (1668 – 1738).

• В 1735 г. Ламетри возвращается в родной город, где в течение 8 лет работает врачом.

• В 1842 г., благодаря возросшей репутации, Ламетри переезжает в Париж и сразу получает высокий пост — должность домашнего врача герцога де Граммона.
• Как врач гвардейского полка, Ламетри в 1743 – 1745 гг. принимает участие в военных кампаниях.
• К своим основным выводам Ламетри пришел, наблюдая за собственным состоянием во время болезни. В период осады Фрайбурга он был в лагере французских войск и заболел лихорадкой.
• Скрываясь от преследований духовенства, Ламетри вынужден был скитаться, переезжая из одной страны в другую.
• **Сочинения Ламетри:**

«Естественная история души» (1745):

/ В последующих изданиях этого произведения Ламетри давал ему название «Трактат о душе». /

// Решением парижского парламента от 07.07.1746 г. книга была осуждена на сожжение, и через 6 дней на Гревской площади «богопротивное произведение» было предано огню. //

/// Чтобы избежать преследований за смелость формулировок и мыслей, Ламетри прибег к уловке. Он представил свою книгу как некий реферат якобы недавно вышедшего сочинения какого-то (ясное дело, вымышленного!) англичанина Д. Черпа. Но шило в мешке разве долго утаишь? Очень скоро все уже знали *кто есть кто*, и авторство Ламетри раскрылось. ///;

«Политика врача Макиавелли, или Путь к успеху, открытый перед врачами» (1747);

«Человек-растение» (1747);

«Человек-машина» (1748):

/ Выпустить книгу взялся лейденский издатель Эли Люзак. Он предпослал трактату «Предуведомление издателя», где говорилось, что имя автора неизвестно издателю, решившемуся опубликовать аргументы против религии (которых сам издатель, разумеется, не разделяет) только для того, чтобы дать возможность защитникам религии показать свое превосходство над атеистами: «тогда теология в жарком споре одержит верх над столь слабым противником». И содержание этого «Предуведомления», и очевидная для острого глаза его подспудная неискренность дают достаточно оснований заподозрить во всём этом «хитром ходе» *руку Ламетри*, а вовсе не Люзака. /

// Даже в Нидерландах, где печать пользовалась такой свободой, какую не предоставляли ей ни в какой другой европейской стране, блюстители религии, порядка и нравственности всех вероисповеданий единодушно признали издание *«Человека-машины»* неслыханной дерзостью. Пока не узнали, кто автор книги, взялись за ее издателя. «Предуведомление», в котором он отмежевался от взглядов автора трактата, не помогло — Люзак был оштрафован на 400 дукатов. Консистория Валлонской церкви Лейдена вызвала его и потребовала (как говорится в записи, поныне

хранящейся в архиве Консистории): «1) чтобы он представил все экземпляры книги, какие у него есть и какие он сможет найти, с тем чтобы они были сожжены; 2) чтобы он назвал автора книги; 3) чтобы он выразил раскаяние в том, что, напечатав эту скверную книгу, он содействовал ее распространению, и чтобы он торжественно обещал никогда больше не печатать и не распродавать никаких книг, нападающих на Бога, религию или добрые нравы. Г-н Эли Люзак принял первый пункт требований Консистории, прося разрешить ему ответить относительно остальных пунктов в ближайшую среду, на что Консистория согласилась». Два дня спустя Люзак представил Консистории еще не проданные экземпляры книги. «Он заявил сверх того, что не в состоянии назвать автора. После чего он выразил горячее раскаяние в том, что напечатал столь скверную книгу, и дал торжественное обещание, что ничего подобного и даже близкого к ней никогда не выйдет больше из его типографии».

/ Тем не менее тайком он продолжал распродавать книгу, поскольку она шла хорошо и спрос на нее рос из месяца в месяц. / //

• ◐ Люди дают жизнь книгам, а книги дают судьбу людям ◑. Сначала Ламетри эмигрировал из Франции, а теперь, после смелых книг, отрицавших какое-либо сородство человеческой души с Богом и сводивших ее функции к механическому автоматизму, он должен бежать и из Нидерландов. Ярость церковников и небезосновательные опасения за свою жизнь гонят его в Германию.

• Ламетри принимает приглашение прусского короля Фридриха II и 7 февраля 1748 г. появляется в Берлине. Здесь он в безопасности:

/ В Фридрихе II (Великом) было много необычного. Ум этого короля и направленность его забот отличали этого откровенно нестандартного монарха от других правителей. Острота суждений Фридриха II нередко обращалась и против той страны, в которой он властвовал. Достаточно вспомнить его высказывание: «На гербе Пруссии должна быть изображена обезьяна, ибо Пруссия лишь подражает другим *великим* державам, сама не будучи таковой». /

• **Сочинения Ламетри берлинского периода:**

«Анти-Сенека, или Рассуждение о счастье»:

/ В этом произведении есть великолепный фрагмент, в котором Ламетри являет себя как человека, достойного быть представленным нам, потомкам:

♦ Итак, ты можешь наслаждаться, жестокий и трусливый государь, пока тебе это позволяет неблагодарная природа, и медленными глотками вкушать тиранию... изощряйся в изобретении пыток, как человек с большим состоянием изощряется в изобретении наслаждений... Единственное благо, находящееся в твоей власти, — это причинять зло: делать добро было бы для тебя мучением... Медведи, львы, тигры любят разрывать на части других животных; если ты столь же свиреп, как они, то

вполне естественно, чтобы ты следовал таким же наклонностям. Я жалею тебя за то, что ты питаешься общественными бедствиями, но как не пожалеть в гораздо большей степени государство, в котором не нашлось человека достаточно добродетельного, чтобы он решился освободить страну, хотя бы ценой своей жизни, от чудовища, подобного тебе! /;

«Краткое изложение философских систем»;

«Животные — больше, чем машины»;

«Система Эпикура» (1750);

«Опыт о свободе высказывания мнений»:

/ Ламетри говорит здесь:

♦ Народ способен добровольно и безропотно повиноваться в том случае, если он убежден, что им хорошо управляют и что те, кому поручена забота о нем, стремятся только к его благу.

Но разве не позволительно людям восстать против несправедливости? /

• Как-то Ламетри был приглашен на обед к французскому посланнику. И тут судьбой философа завладел злой рок. Ламетри отравился трюфельным паштетом, приготовленным на испорченном сале. Три дня болезни, и ученого, утверждавшего, что человек — машина, не стало:

/ Трюфели — это грибы из класса сумчатых грибов с клубневидным съедобным плодовым телом, развивающимся под землей. И отравление ими, как и вообще грибами, — явление обычное. Прими Ламетри *рвотное*, и он бы наверняка выздоровел. Но Ламетри считал иначе и выбрал себе метод лечения — кровопускание... /

2. СУДЬБА

► **Г. В. Плеханов** (1856 – 1918):

«Ламетри своей смелостью пугал даже самых смелых».

► Выход книги «Естественная история души» круто изменил судьбу Ламетри. На него обрушивается град ударов. Его принудили уйти с должности врача в гвардии. Более того, назначенный на должность инспектора военных лазаретов в Лилле, Брюсселе, Антверпене и Вормсе, он вскоре должен был покинуть и этот пост. Угроза быть посаженным в тюрьму заставила Ламетри бежать сначала в Гент, затем в Лейден. Возмущение святош было тем больше, что книга имела очевидный успех; весь ее тираж был вскоре распродан, а спрос на нее и ее цена продолжали расти, вследствие чего вскоре потребовалось новое ее издание. Но в печати ни один голос, хотя бы отчасти поддерживающий или извиняющий автора книги, не прозвучал. Зато одно за другим стали публиковаться возмущенные выступления против книги. Аббат Франсуа Тандо опровергал ее в специально посвященной ей брошюре «Письмо г-ну... магистру хирургии, относительно естественной истории души» (1745).

► Опубликование «Человека-машины» породило целый поток всевозможной литературы (книг, статей), выходившей и при жизни Ламетри, и после его смерти в течение длительного времени. И ни одна из этих работ не встала на защиту Ламетри и его идей: все нападали на него, либо утверждая, что это злодей, для которого никакая кара не будет достаточно суро-

вой, либо объявляя его идеи бредом сумасшедшего. Было и так, что, осыпая Ламетри оскорблениями и пытаясь побольше уязвить, его именовали господином Машиной. Противники изощрялись как могли.

Выглядело это порой довольно жестоко, если не сказать *кощунственно*. К примеру, 3 декабря 1751 г., через 20 дней после смерти философа, гамбургская газета «Непредвзятое мнение» опубликовала эпитафию (надпись для надгробия), в которой, между прочим, говорится: «Здесь покоится де Ламетри, галльского происхождения; здесь осталось всё его машинное заведение (◐ дословно: машинная начинка ◑). Горячку он схватил при дворе; она его изъяла из мира, где после себя он оставил глупостей немало. Ныне, раз распалось его машинное тело, сумеет он на покое разумный вывод сделать. Разумный же вывод один: человек не состоит из машин».

➼ Ревнители веры и добрых нравов не преминули распространить весть о том, что автор «Человека-машины» отказался на смертном одре от своих убеждений, покаялся и вернулся к вере отцов. Однако они выдавали желаемое за действительность. Когда страдания исторгли у Ламетри восклицание «Иисус — Мария!», проникший в дом посла ирландский священник Мак-Магон обрадовался: «Наконец-то вы хотите возвратиться к этим священным именам!» В ответ он услышал: «Отец мой, это всего лишь манера выражаться». Мопертюи, относившийся, несмотря на свой деизм, весьма примирительно к христианству, тоже предпринял попытку вернуть умирающего в лоно церкви. Как ни плох был в этот момент Ламетри, он нашел в себе силы возразить: «А что скажут обо мне, если я выздоровлю?» Даже Вольтер, который из личной неприязни к автору «Человека-машины» часто отзывался о нем очень необъективно, вынужден был признать, что «он умер как философ», что разговоры о его покаянии на смертном одре — «гнусная клевета», ибо Ламетри умер так же, как и жил, «не признавая ни Бога, ни врачей».

➼ В биолетописи Ламетри уже долго бытует версия, что он при дворе германского венценосца играл-де роль шута. Но это едва ли:

/ В действительности же философ, избежав благодаря Фридриху II почти верной гибели, естественно, чувствовал себя обязанным, но, попав ко двору, сразу же ощутил унизительность королевских милостей. В *«Работе Пенелопы»*, вышедшей через год после его приезда в Берлин, он пишет: «Честь быть приближенным великого короля не избавляет от грустной мысли, что находишься подле хозяина, каким бы любезным он ни был... При дворе требуется больше услужливости и льстивости, чем философии, а я до сих пор прилежно занимался лишь последней... и нечего, конечно, в тридцатидевятилетнем возрасте начинать учиться низкопоклонству». Это горькое чувство, испытываемое философом, находило выражение в бравадах, в нарушении придворного этикета. Здесь мы надежно располагаем свидетельством современника, сообщающего: в присутствии короля «он в любое время усаживался, развалившись на диване. Когда становилось жарко, он снимал воротник, расстегивал камзол и бросал парик на пол.

Одним словом, Ламетри во всём держал себя так, словно относился к королю как к товарищу». Полная зависимость от покровителя — доля несладкая, но упрёка в том, что он был шутом короля, Ламетри никак не заслужил.

//◐ Вообще, эпатаж (а поведение Ламетри скорее должно быть **так** охарактеризовано) и несколько *скандальное* поведение очень часто являются формами непроизвольной психологической компенсации: человек стремится ***уравновесить*** себя «в своем о себе представлении» с собой «в вынужденной реальности». Даже когда два камня трутся друг об друга, бывают искры, а тут человек, сложнейшее существо... да еще терзаемое беспрерывно противоположными страстями... когда тяжелыми, когда просто горькими, а когда... невыносимыми... ◑///

➨ **Дезорме** (актер при дворе Фридриха II. Этот человек сблизился с Ламетри, был дружен с ним, находился рядом в последние дни жизни): «Не было такого круга людей, которого бы Ламетри не оживлял, не было обеда, на который не желали бы его заполучить. Благородный, человечный, охотно творящий добро, искренний, он был честным человеком и ученым врачом».

➨ **Вольтер:**

«Ламетри был самый безумный, но и самый чистосердечный человек. Он совершал глупости и писал скверные книги, но в его дыме были языки пламени. Это был очень хороший врач и очень славный малый».

3. УЧЕНИЕ

● Точки над «i»

♦ Наша душа всё получает из чувств и восприятий, и вне вещества, подчиненного механическим законам, ничего нет в природе.

♦ Мы не имеем никакого представления о сущности материи.

♦ Есть протяжённость, есть движущая сила, есть и третий атрибут — способность чувствовать.

♦ Животные — простые машины.

♦ Ощущения вовсе не передают вещей таковыми, каковы они сами по себе, так как сами ощущения целиком зависят от частей тела, открывающих им доступ к душе.

♦ Бог не дал нашим душам никакой идеи о них самих.

♦ Послушаешь метафизиков — и можно подумать, будто они лично присутствовали при сотворении мира и рассеянии хаоса.

♦ Если все способности души настолько зависят от особой организации, мозга и всего тела, что, в сущности, они представляют собой не что иное, как результат этой организации, то человека следует считать не только машиной, но ещё можно считать и **просвещённой** машиной.

♦ Если то, что мыслит в моем мозгу, не составляет его части, т. е. части всего тела, то почему же, когда я, спокойно лежа в постели, разрабатываю план какого-нибудь сочинения или занимаюсь абстрактными размышлениями, моя кровь начинает нагреваться и волнение моего духа переходит в мои вены?

♦ Основные пружины всех тел, в том числе и нашего собственного тела,

скрыты и, вероятно, всегда останутся скрытыми от нас. Но не трудно найти утешение в том, что мы лишены знания, которое не может сделать нас ни лучше, ни счастливее.

♦ Известен случай с художником, который никак не мог изобразить покрытую пеной лошадь; цель была достигнута, когда он в отчаянии бросил свою кисть на полотно и получил необыкновенно удачное изображение пены.

♦ Каким образом образовалась Земля, на которой я живу? Является ли она единственной населенной планетой? Откуда я происхожу? Где я нахожусь? Какова природа того, что я вижу? Какова природа всех этих блестящих фантомов, зрелище которых меня прельщает? Был ли я прежде, чем начал свое существование? Буду ли, когда меня больше не будет на свете? Какое состояние предшествовало ощущению моего существования? Какое состояние наступит вслед за исчезновением этого ощущения? Всего этого никогда не будут знать величайшие гении; они будут с философским видом молоть вздор, как это делал и я...

• Специфическое

♦ Философия — тигель, в котором испаряется всё, что отрицает природу.

♦ Нет более надежных руководителей, чем наши чувства. Только они могут просветить разум в поисках истины.

♦ Мои чувства — мои философы.

♦ Сущность души человека и животных есть и останется всегда столь же неизвестной, как и сущность материи и тел.

♦ Я решил в своих писаниях изобразить самого себя, как это сделал в своих «Опытах» Монтень. Почему бы не рассмотреть самого себя? Этот предмет стоит многих других, о которых можно говорить с меньшею достоверностью. И если ты уже признался в том, что намерен говорить о себе, то тем самым ты уже извинился или, вернее, тебе не в чем извиняться.

♦ Если всё может быть объяснено тем, что нам открывают в мозговой ткани анатомия и физиология, то к чему мне еще строить какое-то идеальное существо? Если я отождествляю душу с телесными органами, то потому только, что все явления приводят меня к этому.

♦ Посмотрите на *полипа*: разве не в нем самом заложены причины его регенерации? Что же в таком случае абсурдного в мысли, что существуют физические причины, которыми всё порождено, с которыми настолько связана и которым настолько подчинена вся цепь обширной Вселенной, что ничто из того, что происходит, не могло бы не произойти?!!

♦ Я считаю **мысль** столь мало противоречащей понятию организованной материи, что она мне представляется основным ее свойством, подобным электричеству, способности к движению, непроницаемости, протяжённости и т. п.

♦ Я вижу в мозгу только материю...

♦ **Материализм...** Он — очевидный результат всех наблюдений и опытов величайших философов и врачей.

♦ Философия подчинена природе, как дочь своей матери.

♦ ...Материя, или пассивное начало субстанции тел...

♦ ...Существует активное начало, активная форма, или движущая сила...

♦ Материя содержит в себе оживляющую и движущую силу.

♦ Мы говорили о двух необходимых атрибутах материи, от которых зависит большинство ее свойств, а именно о протяженности и движущей силе. Нам остается теперь доказать существование третьего атрибута: я имею в виду способность чувствовать.

♦ Вопрос о том, способна ли материя, рассматриваемая сама по себе, к мышлению, равносилен вопросу о том, способна ли она отмечать время.

♦ Все способности души, вплоть до сознания, зависят от тела.

♦ В сущности говоря, душа, сведенная к тому, чем она обладает сама по себе, есть лишь акцидентальное бытие. Доказательством этому служит то, что душа не знает себя и теряет себя, будучи лишена ощущений.

♦ Итак, душа — это лишенный содержания термин, за которым не кроется никакой идеи и которым здравый ум может пользоваться лишь для обозначения той части нашего организма, которая мыслит.

♦ Как, будучи слепой, природа создала глаза, которые видят, так, не обладая мыслью, она создала мыслящую машину.

♦ Человек не рождается разумным, он от природы глупее многих животных...

♦ Человек — настолько сложная машина, что совершенно невозможно составить себе о ней ясную идею, а следовательно, дать точное определение. Вот почему оказались тщетными все исследования **a priori*** самых крупных философов, желавших, так сказать, воспарить на крыльях разума. Поэтому только путем исследования **a posteriori****, то есть пытаясь найти душу как бы внутри органов тела, можно, не скажу открыть с полной очевидностью саму природу человека, но достигнуть в этой области максимальной степени вероятности.

♦ Мозг — матка духа.

♦ У мозга так же существуют мышцы для того, чтобы мыслить, как существуют у человека ноги, чтобы ходить.

Многие авторы считают, что душа пребывает почти только в одной точке мозга, а именно в мозолистом его веществе, откуда она, как с трона, управляет всеми частями тела.

Они отличают помещенное таким образом и поставленное в столь тесные границы чувствующее существо, во-первых, от всех одушевленных тел, различные органы которых служат только для того, чтобы доставлять ему ощущения, и, во-вторых, от самих ду́хов, которые с ним соприкасаются, приводят его в движение, пронизывают его той или иной силой своего толчка, заставляя его столь различно чувствовать.

Чтобы сделать свою мысль более понятной, они сравнивают душу с колокольчиком у часов, потому что действительно душа в теле до известной степени играет ту же роль, что и колокольчик в часах. Весь механизм

* **Априо́ри** (*лат.* a priori — изначально) — независимо от опыта, до опыта /противоположность апостериори/.

** **Апостерио́ри** (*лат.* a posteriori — из последующего) — из опыта, на основании опыта.

последних — пружины, и колёса являются только орудиями, которые все вместе своим движением содействуют регулированию действия молотка на колокольчик, ждущий, так сказать, этого действия и служащий только для того, чтобы воспринимать последнее: ибо, когда молоточек перестаёт ударять по колокольчику, он как бы изолируется от всего механизма часов и перестаёт принимать участие в его движениях.

Такова и душа во время глубокого сна. Лишенная всяких ощущений и сознания всего того, что происходит вовне и внутри тела, в котором она живет, она как бы ждет пробуждения, чтобы получить своего рода удар молоточком по своему колокольчику со стороны ду́хов. В самом деле, только бодрствуя, она испытывает различные ощущения, которые позволяют ей узнать природу впечатлений, сообщаемых органам внешними предметами.

♦ Мы должны допустить существование **животных ду́хов**.

■■ Новейшие опыты дают подтверждение этой теории. Приложите ухо к подножию прямого и высокого дерева в то время, когда его тихо скребут ногтем на другом конце. Столь незначительная причина должна вызвать так мало шума, что он, казалось бы, должен был бы заглохнуть или затеряться на всём протяжении дерева. И действительно, он пропадет для всех других, и только вы одни услышите глухой, еле слышный звук. То же самое происходит в миниатюре в глазном нерве, так как он бесконечно слабее. Впечатление, полученное на одной оконечности цилиндрической трубки, наполненной неэластичной жидкостью, неизбежно должно дойти до другой оконечности, как это происходит в дереве, о котором я только что говорил, и в столь известном опыте с бильярдными шарами. Нервы же представляют собой как раз цилиндрические трубки — по крайней мере каждое отдельное чувствительное нервное волокно явно обнаруживает перед глазами такое строение. ■

♦ Существует ли опыт, убеждающий нас в том, что только человек просвещен светом разума, в котором отказано всем другим животным?

♦ Человек — это машина, которой властно управляет безусловный фатализм.

♦ Последим за действиями обезьяны, бобра, слона и т. д. Ведь ясно, что они не могут обходиться без ума; так почему нам отказать в нем этим животным?

♦ Никогда самая даровитая из гусениц не может себе вообразить, что ей предстоит стать бабочкой. То же самое можно сказать и о нас. Можем ли мы знать о нашей судьбе больше, чем о нашем происхождении? Поэтому покоримся неизбежному неведению, от которого зависит наше счастье.

♦ Для меня, интересующегося только философией и досадующего на невозможность расширить ее границы, единственной сферой всегда останется только деятельная природа в целом.

♦ Было бы напрасной тратой времени доискиваться сущности механизма движения. Природа движения нам столь же неизвестна, как и природа материи.

♦ Материальное начало, или та субстанциальная форма, которая у животных чувствует, различает и познаёт, обыкновенно называлась древними чувствующей душой.

♦ В самом деле, где находится ваша душа, когда ваше обоняние сообщает ей запахи, если не в тех слоях, откуда берут начало обонятельные нервы?
♦ И как следует понимать, что материя может чувствовать и думать? Признаюсь, я не понимаю этого...
♦ Удел лучших умов — переходить из колыбели невежества, в которой мы все рождаемся, в колыбель пирронизма, в которой большинство умирает.

4. МЫСЛИ

- Эпикур, Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий и Монтень — вот мои врачи в несчастье: их мужество — лекарство в беде.
- Если утверждение не основано на опыте, философ вправе его отвергнуть.
- Все философские системы, рассматривающие человеческую душу, могут быть сведены к двум основным: первая, более древнего происхождения, есть система материализма, вторая — система спиритуализма*.
- Мудрец не может ограничиться изучением природы и истины; он должен осмелиться высказать последнюю в интересах небольшого кружка лиц, которые хотят и умеют мыслить. Ибо другим, по доброй воле являющимся рабами предрассудков, столь же невозможно постичь истину, сколь лягушкам научиться летать.
- Грубая пища создаёт тяжелый и неповоротливый ум, характерными свойствами которого являются леность и бесстрастность.
- Когда я вижу четырехугольник, я не замечаю в нем с первого взгляда ничего, чего бы не видели даже животные.
- Для объяснения союза души и тела нет необходимости столько ломать себе голову, как это делали великие умы: Аристотель, Платон, Декарт, Мальбранш, Лейбниц. Достаточно спокойно идти своим прямым путем, не оглядываясь назад и по сторонам, когда имеешь истину перед собой.
- Религия необходима только для тех, кто не способен испытывать чувства гуманности. Она бесполезна в отношениях честных людей.
- То, что связано с законом, дает право. Но само по себе это право не является ни правом разума, ни правом справедливости; это право силы.
- Когда мы уже более не в состоянии вкушать наслаждения, мы начинаем их порочить.
- Счастье увеличивается оттого, что им делишься с другими. Словно сам обогащаешься тем добром, которое делаешь, как бы участвуешь в доставленной тобой радости.
- Не будем бояться ненависти людей, будем только остерегаться заслужить ее.
- Человек в само́м себе носит самого страшного из своих врагов.
- Всё различие между дурными и хорошими людьми состоит в том, что у первых частный интерес преобладает над общим, тогда как вторые жертвуют своим собственным благом ради друга или ради общества.

---

* **Спиритуали́зм** (от *лат.* spiritualis духовный) — система миропонимания, признающая сущностью Универсума духовное первоначало.

- Есть люди, у которых столько предрассудков, что они не наклонятся даже для того, чтобы подобрать истину, если найдут ее там, где не хотят ее видеть.
- Природа большинству людей повелевает жить для себя, а не для других, заботиться о своем счастье, а не о счастье ближних — таков порок человеческого устройства. Если бы люди могли жить порознь, в одиночку, никакой нравственности не существовало бы. Но люди могут жить только в обществе, для существования которого необходимо, чтобы каждый ставил общее благо выше личного. Поэтому те, кому люди (решив жить сообща) предоставили руководить собой, оказались перед задачей: подавить себялюбие, заложенное в людях природой, и заставить их ставить интересы общества выше личных интересов. Для решения этой задачи были разработаны правила поведения, определяющие одни поступки как добродетельные, нравственные (те, которые служат благу общества), а другие как порочные, безнравственные (те, которые наносят обществу ущерб). Таково происхождение нравственности — совокупности оценок поведения, общепринятость которых крайне важна, ибо без них, без этого прочного, хотя бы и воображаемого основания, общественная постройка не смогла бы удержаться и рассыпалась бы в прах.
- *Исследовать* значит не что иное, как более точно и отчетливо ощущать.
- Сумма добра и сумма зла равны.
- Всё, что я хочу, — это чтобы держащие кормило правления были немножко философами.
- Будем же свободны в наших писаниях, как и в наших поступках.
- Мне кажется, что было бы интересно и полезно проследить, каким путем величайшие гении попадали в лабиринт заблуждений, из которого тщетно искали выхода. Только знание того места, с которого они начинали заблуждаться, расходиться и сходиться друг с другом, может помочь нам избежать заблуждения и открыть истину, которая очень часто бывает настолько близка к заблуждению, что они почти касаются друг друга. Ошибки других — как бы тень, усиливающая свет; следовательно, при отыскании истины нет ничего важнее, как убедиться в происхождении наших заблуждений. Лучшее противоядие — это знание свойств яда.
- Когда я вижу детей, забавляющихся выдуванием при помощи трубки и разведённого в воде мыла красивых цветных пузырей, чудесно растягивающихся от малейшего дуновения, я невольно сравниваю их с природой. Мне кажется, что, подобно детям, она в своем творчестве бессознательно употребляет самые простые средства. В самом деле, чтобы дать земле государя, который должен привести ее в трепет, она затрачивает не больше средств, чем чтобы взрастить траву, которую топчут ногами. Комок грязи, капля слизи образуют человека и насекомое, и достаточно небольшого движения, чтобы пустить в ход машину мира.
- При помощи разума редко удаётся сделать что-нибудь разумное. Разум — это пружина, которая портится так же легко, как и всякая другая, и даже легче.

- Мы так же подчинены природе, как часы — часовому мастеру.
- Разум сделал из человека безумца.
- Только философ сохраняет мужество там, где большинство храбрецов его теряют.
- Чем рискуем мы, умирая? И сколько риска, напротив, представляет собою жизнь!
- Смерть есть конец всего. После нее пропасть, вечное небытие; всё сказано, всё сделано; нет больше забот, затруднений; нет больше нужды разыгрывать роль: «фарс окончен».
- Если я прав, если я доказал новую истину, отвергающую прежнее заблуждение, углубляющую предмет, который до тех пор обсуждался поверхностно, то я расширил границы своего знания и ума; и что важнее, я увеличил просвещение в обществе и распространил в нем свет знания, сообщая о своих исследованиях и осмеливаясь разглашать то, что всякий робкий или осторожный философ решается говорить только на ухо.
- Философия во всех отношениях, даже своими ошибками, как и своими истинами, оказывает на общественное благо влияние, большей частью непропорциональное ее истинности, но настолько значительное, что можно сказать, что, будучи ключом к познанию природы и наук и славой ума, она в то же время является светочем разума, законов и гуманности.
- Да, я решаюсь открыто говорить то, что думаю. И если, подобно Монтеню, я выступлю перед лицом Вселенной, как перед самим собою, то истинные знатоки вещей найдут, что в самых смелых своих мыслях я более невинен, чем виновен, и, может быть, признáют меня добродетельным даже после того, как я исповедаюсь в моих пороках.

Давид Юм

XVIII век

- Английский философ, психолог, историк

Родился: 07.05.1711 г.
Умер: 25.08.1776 г.

Прожил — 65 лет

> **«Для причины необходимо одно — чтобы у нее было следствие».** *(Юм)*

■ **«Прежде всего меня приводит в ужас и смущение то безнадёжное одиночество, на которое обрекает меня моя философская система».** *(Юм)*

■ **«Будь философом, но, предаваясь философии, оставайся человеком».** *(Юм)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в городе Эдинбурге, столице Шотландии, в семье небогатого дворянина, занимавшегося юридической практикой.

• Учился в Эдинбургском университете и во французском коллеже Ла-Флеш, где когда-то приобщался к наукам Рене Декарт.

• Первым по-настоящему и очень серьезно занялся «причиной» как явлением и понятием. Его рассуждения и выводы в связи с **«причинностью»** стали основополагающими завоеваниями философии:

/♦ На основании только лишь примеров мы никогда не бываем в состоянии открыть необходимую связь между явлениями природы...

♦ То, что принято называть «причиной», — это не более чем присущая душе человека привычка наблюдать одно явление после другого и заключать из этого, что явление более позднее во времени *зависит* происхождением от более раннего. /

• Придумал и ввел в научный оборот термин «философская интоксикация», имеющий большое значение в психотерапевтической диагностике.

• **Сочинения Юма:**

«Трактат о человеческой природе» (1739):

/ Главное философское сочинение Юма. Впоследствии первая книга этого трактата была переделана в «Исследования о человеческом познании» (1748):

Давид Юм:

«...Читатель легко поймет, что философия, которая содержится в этой книге, является весьма скептической и стремится дать нам

представление о несовершенствах и узких пределах человеческого познания. Почти все рассуждения сводятся к опыту, и вера, которая сопровождает опыт, объясняется лишь посредством специфического чувства или яркого представления, порождаемого привычкой». /;

«О норме вкуса» (1739 – 1740);

«Моральные и политические очерки» (1741 – 1742);

«О бессмертии души»;

«Исследование о принципах морали» (1751);

«Диалоги о естественной религии» (1751):

/ По мнению издателя «Диалогов...» Уильяма Страхана, — он издал их через два с половиной года после смерти Юма, — «"Диалоги о естественной религии", быть может, самое совершенное из творений Юма». /;

«История Англии» (1755);

«Опыт о чудесах».

• В 1763 г. Юм приехал в Париж и прожил там около трех лет. Он был принят с большим радушием и почетом литературным миром Парижа и, в частности, «философами», сгруппировавшимися вокруг «Энциклопедии»:

/ Юм занимал тогда престижный пост секретаря британского посольства во Франции. Революционность настроя и деизм (мол, Бог сотворил мир и далее уже ни во что не вмешивается) снискали ему благосклонный интерес передовых умов континента — Вольтера, Руссо, Гольбаха, Гельвеция. Им казалось, что Юм — на пути к атеизму. Однако здесь их надежды были иллюзорными, хотя что-то такое в их пользу и было:

♦ Мать благочестия — невежество. /

• Наиболее дружеские отношения установились с Руссо. Последний даже посетил (1766 г.) его поместье, когда гостил в Англии:

/ Правда, надо признать, что характер их отношений друг к другу был двойствен: Руссо почему-то думал, что Юм — агент его врагов, пытающихся похитить и присвоить его рукописи, и подозревал английского собрата в высокомерии и в пренебрежении к его сочинениям. Юму же импонировало свободомыслие коллеги, однако отпугивала та резкость, с которой Руссо отрицал блага цивилизации, науки и искусства. /

• В 1769 г. Юм вышел в отставку и оставшиеся годы провел в своем родном Эдинбурге:

/ Он был секретарем местного философского общества и около него собрался кружок просветителей, из которых наиболее известны экономист Адам Смит и профессор моральной философии Адам Фергюсон.

Считается, что в учении обоих заметно влияние Юма... /

• В канве исторической аналитики и теории общественной мысли Юм остался одним из первых представителей психологизма и вместе с тем критиком революционного пути развития, считающим, что революции как вид «массового психоза» неизбежно сменяются единственно правильным и выправляющим их ошибки реформистским путем. /

2. СУДЬБА

► **Д. В. Макдоналд** (1899 г.):

«Аль-Газали за семь веков до Юма разорвал путы причинности лезвием своей диалектики и провозгласил, что мы не знаем ни причины, ни следствия, а лишь то, что одно следует за другим».

► **Эрнест Ренан** (1903 г.):

«После Газали Юму больше нечего сказать».

► **Иммануил Кант:**

«Давид Юм разбудил меня от догматического сна».

3. УЧЕНИЕ

● Философия причинности

♦ Для философии до некоторой степени оскорбительна необходимость постоянно извиняться за свои заключения и оправдываться перед каждым отдельным искусством, перед каждой отдельной наукой, которые могут считать себя обиженными ею. Это похоже на то, как если бы король обвинялся в государственной измене по отношению к подданным.

♦ Здравая метафизика учит нас, что представление о субстанции вполне смутно и несовершенно.

♦ Материя и дух в основе своей равно не известны, и мы не можем определить, какие свойства присущи тому или другому.

♦ Мы не в состоянии узнать... может ли материя... быть причиной мышления.

♦ Всякий раз, когда люди попытаются обсуждать вопросы, лежащие совершенно вне пределов человеческого понимания, как, например, вопросы о происхождении миров, об устройстве интеллектуального мира или царства ду́хов, они, бесплодно споря, будут толочь воду и никогда не придут к определённому заключению.

♦ Силы, управляющие порядком природы, нам совершенно неизвестны... Весь хор Природы сливается в гимне во славу ее Творца.

♦ Вы спрашиваете меня: что за причина этой причины? Я не знаю, я не забочусь об этом, это меня не касается. Я нашел Божество, и здесь я останавливаю своё исследование. Пусть идут дальше те, кто более мудры и прозорливы.

♦ Причины порядка во Вселенной, вероятно, имеют некоторую отдаленную аналогию с человеческим разумом.

♦ Уму никогда не дано реально ничего, кроме его восприятий или впечатлений и идей.

♦ Мы не можем представить себе что-то или образовать идею чего-то специфически отличного от идей и впечатлений.

♦ Люди не в состоянии изменить свою природу.

♦ Я решаюсь утверждать относительно остальных людей, что они суть не что иное, как связка, или пучок, различных восприятий.

♦ Все явления, по-видимому, совершенно отделены и изолированы друг от друга; одно явление следует за другим, но мы никогда не можем заметить между ними связи; они, по-видимому, **соединены**, но никогда не бывают **связаны** друг с другом.

♦ Практика, скажете вы, опровергает мои сомнения, но тогда вы ошибаетесь относительно моего вопроса: как деятель я вполне довольствуюсь этим (то есть верой в объективность существования внешнего мира и в необходимость закона причинности), но как философ, у которого есть некоторый запас любопытства, я не хочу сказать — скептицизма, я желал бы узнать основания этого вывода.

♦ **Предположим**, что человек, наделённый в высшей степени сильным разумом и способностью к размышлению, внезапно был бы перенесён в наш мир; он действительно тотчас же заметил бы постоянное следование друг за другом объектов и событий, но он не был бы в состоянии открыть что-нибудь помимо этого. Он не мог бы сразу с помощью рассуждений дойти до идеи причины и действия, раз единичные силы, производящие все действия в природе, никогда не открываются чувствам, а из того, что одно явление в единичном случае следует за другим, неразумно выводить заключение, что одно из них причина, другое — действие.

Предположим далее, что человек этот приобрел бо́льший опыт и прожил на свете достаточно долго для того, чтобы заметить, что сходные объекты или явления постоянно связываются друг с другом.

Каков же результат этого опыта? Весь его опыт не дал ему идеи или знания той скрытой силы, с помощью которой один объект производит другой.

Существует какой-то иной принцип, заставляющий человека приходить к данному заключению.

Принцип этот есть привычка, или навык.

♦ Мы должны удовлетворяться привычкой как последним принципом всех наших опытных заключений.

♦ Природа всегда сильнее принципов.

♦ Вся творческая сила ума сводится лишь к способности соединять, перемещать, увеличивать или уменьшать материал, доставляемый нам внешними чувствами и опытом.

♦ Если моя философия ничего не прибавляет к аргументам, защищающим религию, то она ничего от них и не отнимает, и всё остается совершенно в том же положении, как и раньше.

♦ После постоянного соединения мы ощущаем легкий переход от одной идеи к другой и связь в воображении. И так как для нас является обычным делом переносить наши собственные ощущения на объекты, от которых они зависят, то мы прилагаем это внутреннее чувство к внешним объектам.

♦ Единственный способ сразу освободить науку от множества темных вопросов — это серьезно исследовать природу человеческого разумения и доказать на основании точного анализа его сил и способностей, что оно вовсе не приспособлено к столь далеким и отвлечённым темам.

♦ Люди не подозревают, что внешние объекты не что иное, как представления чувств.

Видимый нами стол кажется меньше по мере того, как мы удаляемся от него; но реальный стол, существующий независимо от нас, не подвергается изменениям; следовательно, душа наша восприняла только его образ.

♦ С помощью какого аргумента можем мы доказать, что наши представ-

ления должны быть вызываемы внешними объектами, а не могут быть порождаемы **или** деятельностью самой души, **или** какой-нибудь иной, еще более незнакомой нам причиной?

Конечно, с помощью опыта... Но... опыт ничего не отвечает на него...

∇ ◐ Почему Давид Юм один из героев данной книги? Да потому, что вопросы, которыми он задавался, были проверкой на прочность имевшегося на тот период у человечества знания.

А из этого следует, что без Юма, его вопросов и обязательного обответивания их, знания нет, нет и всегда вновь и вновь нет, нет, нет... А то, что есть, — может быть, просто суррогат, а может быть, даже — продолжение гибельных искушений....

Уже в XX в. бельгийский психолог А. Мишотт провел интересный лабораторный эксперимент с целью выяснения условий восприятия физической причинности.

Он брал непрозрачный экран с горизонтальной прямоугольной узкой щелью с левой стороны, за которым на оси вращался картонный диск с двумя линиями причудливой конфигурации — сплошной жирно-черной и серой, образованной частыми наклонными штришками. Экран и диск совмещались таким образом, чтобы проекции обеих линий были видны в прорезь (рис. 1).

Эффект от вращения диска был прелюбопытный. В прорезь можно было увидеть такую картину: стремительно двигающийся слева направо черный квадратик достигал середины щели и толкал находящийся там с момента начала его разгона серый (штриховой) квадратик. Черный, совершив удар, тут же замирал, а серый начинал стремительное движение от середины вправо (рис. 2):

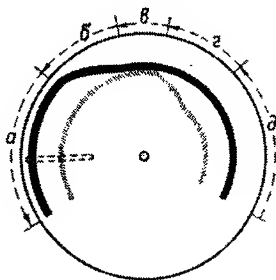

Рис. 1

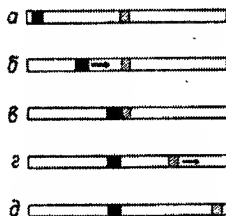

Рис. 2

Спрашивается: так есть ли на самом деле то, что мы столь очевидно видим? И не является ли наше представление о причинах движения квадратиков ошибочным?

И если вы, читатель, скажете, что мы имеем здесь дело с иллюзией, то я замечу лишь одно: а в жизни, то есть за пределами лаборатории, всегда ли мы имеем возможность заглядывать за экран?! И не следует ли нам быть скорее осторожными в уверенности, чем уверенными в неосторожности?!

Юм не пессимист в познании. Нет! Он вполне нормально и здраво

рассуждаст. Он предостерегает нас вот от чего: многие стереотипы представления о мире и усвоенные догмы восприятия внешних объектов не должны канонизироваться теми, для кого познание — единственное ремесло. Задаваться им следует вопросами а-ля Юм именно в тот момент, когда кажется, что ответ наконец-то найден. Или по-другому: юмничанье — полезно! ◑

♦ В душе налицо одни только представления, и она никогда не сможет узнать по опыту связь их с объектами.

♦ Когда я самым интимным образом вникаю в нечто, именуемое мной своим *я*, я всегда наталкиваюсь на то или иное единичное восприятие тепла или холода, света или тени, любви или ненависти, страдания или наслаждения. Я никак не могу уловить свое *я* как нечто существующее помимо восприятий и никак не могу подметить ничего, кроме какого-либо восприятия. Следовательно, «Я» и есть простая совокупность этих восприятий, следующих друг за другом с непостижимой быстротой и находящихся в постоянном течении.

♦ Душа может воспринимать только образы или представления, и внешние чувства не что иное, как отверстия, через которые проникают эти образы, не устанавливая непосредственного сообщения между душой и объектом.

♦ Существует одно явление, с помощью которого можно, пожалуй, доказать, что идеи не безусловно лишены возможности возникать независимо от соответствующих впечатлений. Я думаю, всякий охотно согласится с тем, что разнообразные идеи цвета и звука, проникающие через глаз и ухо, действительно различны — каждый оттенок цвета, например, порождает отдельную идею, независимую от остальных.

Предположим теперь, что какой-нибудь человек пользовался своим зрением в течение 30 лет и превосходно ознакомился со всевозможными цветами, за исключением, например, какого-нибудь оттенка голубого цвета, который ему не пришлось ни разу воспринять. **Пусть** все различные оттенки этого цвета, за исключением упомянутого, будут показаны ему, причем будет соблюдён постепенный переход от самого темного к самому светлому; очевидно, что это лицо заметит пропуск там, где недостает оттенка, и почувствует, что в этом месте бóльшая разница между смежными цветами, чем в остальных местах. И вот я спрашиваю, может ли человек своим собственным воображением заполнить этот пробел? Я думаю... может! **И это служит доказательством** того, что идеи не всегда, не каждый раз вызываются соответствующим впечатлением.

♦ Нам может показаться очень странным, что скептики пытаются подорвать авторитет Разума, а между тем Разум видит яркий свет, освещающий некоторые пункты, но свет этот граничит с самой глубокой тьмой; а сам он, находясь посредине, так ослеплён и смущён, что уже не может судить о чем-либо с уверенностью и достоверностью.

♦ Вся геометрия основана на понятиях равенства и неравенства, и, следовательно, соответственно тому, имеем мы или нет точное мерило этих отношений, сама наука будет или не будет допускать значительную точ-

ность. Но точное мерило равенства существует, если мы допускаем, что количество состоит из неделимых точек. Но линии равны, когда числа точек, составляющих их, равны и когда существует точка на одной линии, соответствующая точке на другой. Но хотя это мерило и точно, оно бесполезно, поскольку мы никогда не можем вычислить число точек в какой-либо линии. Кроме того, оно основано на предположении о бесконечной делимости и, следовательно, никогда не может привести к заключению, направленному против этого предположения. Если мы отвергнем указанное мерило равенства, мы нс обладаем никаким мерилом, которое имело бы претензии на точность.

♦ Я не намерен соглашаться с тем, чтобы одна часть образовывала правило для другой, если их разделяет значительное расстояние. Имеем ли мы какое-либо разумное основание заключать, что обитатели других планет обладают мышлением, разумом, интеллигенцией или чем-либо сходным с этими способностями людей?

Если природа до такой степени разнообразила свой образ действия на этом маленьком шаре, то можем ли мы воображать, что она беспрестанно повторяет себя на всём протяжении безмерной Вселенной? И если мышление, как мы можем с правом предположить, ограничено этим тесным уголком, да и здесь имеет столь ограниченное поле действия, то с какой правильностью можем мы приписать его изначальной причине всех вещей? Узкие взгляды крестьянина, который своё домохозяйство делает правилом для управлсния государством, являются, по сравнению с этим, извинительным заблуждением.

♦ Математики заметили, что сумма цифр в таблице умножения «на девять» всегда равна девяти (см. таблицу):

1 x 9 = 09	0	9	→ 0 + 9 = 9
2 x 9 = 18	1	8	→ 1 + 8 = 9
3 x 9 = 27	2	7	→ 2 + 7 = 9
4 x 9 = 36	3	6	→ 3 + 6 = 9
5 x 9 = 45	4	5	→ 4 + 5 = 9
6 x 9 = 54	5	4	→ 5 + 4 = 9
7 x 9 = 63	6	3	→ 6 + 3 = 9
8 x 9 = 72	7	2	→ 7 + 2 = 9
9 x 9 = 81	8	1	→ 8 + 1 = 9

Поверхностный наблюдатель, может быть, стал бы дивиться столь чудесной закономерности, как действию случая или умысла; но опытный алгебраист тотчас же заключит, что это есть результат необходимости, и воочию докажет, что так должно происходить всегда в силу природы этих чисел. Не вероятно ли, спрашиваю я, что весь уклад Вселенной направляется подобной необходимостью, хотя никакая человеческая алгебра не может дать ключа, который разрешил бы трудность? И не могло ли случиться, что, будь мы в состоянии проникнуть во внутреннюю природу тела, мы, вместо того чтобы дивиться порядку естествснных существ,

ясно увидели бы, почему было безусловно невозможно для них допустить какое-либо другое расположение? Так опасно вводить в настоящий вопрос эту идею необходимости, и так естественно приводит она к заключению, прямо противоположному религиозной гипотезе!..

♦ Я заметил, что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным способом, устанавливает существование Бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих: и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно *есть* или *не есть*, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки **должно́** или **не должно́**. Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. Раз это *должно́* или *не должно́* выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее необходимо принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от него.

◐ И сегодня вопрос о «причинности», ее природе, сущности, формах и пределах понимания не стал прозрачнее, чем был при Юме, хотя большинство людей считают, что принципы причинно-следственной связи им совершенно ясны и понятны.

Но разве не из глубины веков нам досталась в наследство столь же занимательная, сколь и трудная история:

На состязаниях кто-то нечаянно убил дротиком человека. Перикл и Протагор проспорили целый день, выясняя, кто же виноват в случившемся: распорядители состязаний, тот, кто бросил дротик, или же сам дротик?

Видимо, чтобы не снижать накал интереса к проблеме, специалисты по теории причинности придумали головоломку о путешественнике, который «на полпути вышел из автобуса, пересекавшего пустыню, решив закончить путешествие пешком. Но у него было два недруга, каждый из которых поклялся расправиться с ним. Первый из злодеев еще в автобусе умудрился незаметно подсыпать нашему путешественнику цианистый калий во фляжку с водой. Второй же, ничего не зная об этом, долго подкарауливал его в пустыне, а потом метким выстрелом пробил фляжку. Вода из фляжки вытекла — и путешественник принял медленную смерть от жажды.

Со временем обоих его врагов привлекли к суду и признали виновными в попытке убийства. Что же касается самой формулировки обвинения, то тут суд оказался в затруднении. Враг № 1 доказывал, что все возможные последствия его поступка были аннулированы, поскольку отравленная вода вытекла из фляжки. В то же время враг № 2 настаивал на том, что его действия не только не привели к смерти потерпевшего, но и даже продлили ему жизнь. В конце концов суду пришлось признать правильной логику обоих рассуждений».

(Д. Мичи, Р. Джонстон. *Компьютер-творец.* 1987 г.)

Любопытным элементом этого парадокса являются его возможные выводы:

1. Если нет других примеров, то есть хотя бы один — вот этот, что *наличествуют следствия, не имеющие причин.* Да, да, именно так!
2. Есть причины, не имеющие следствий, а потому эти *причины, будучи причинами, не могут быть названы причинами.*
3. Есть причины, вызывающие следствия, которые в реализованном виде являются следствиями вовсе не этих причин, а совершенно других.

Одним словом, дело Юма живет и побеждает!

Не случайно вышеназванная история завершается тем, что «по настоянию присяжных было вынесено и частное определение, в котором отмечалось, что здесь что-то не совсем так». Что же? ◑

4. МЫСЛИ

- Ничто не свободно так, как мысль человека.
- Если какой-нибудь поступок добродетелен или порочен, это является лишь признаком определенного душевного качества или характера; он должен проистекать из постоянных принципов нашего духа, распространяющихся на всё поведение человека и входящих в его личный характер.
- Всё, что мы называем *героической доблестью* и чем восхищаемся как величием и возвышенностью духа, есть не что иное, как спокойная и твердо обоснованная гордость и самоуважение...
- Человеку, который долго говорит о себе, трудно избежать тщеславия.
- Если храбрость и честолюбие не регулируются благожелательностью, они могут сделать из человека только тирана или разбойника.
- В жалости всегда есть примесь любви или нежности, а в злорадстве — примесь ненависти или гнева.
- Что можно сказать, обозрев историю религии? — Сомнение, недостоверность, отказ от всякого суждения — вот, по-видимому, единственный результат самого тщательного исследования данного вопроса.
- Молодого человека, чьи чувства горячи, больше тронут любовные и нежные образы, чем человека более зрелого возраста, который находит удовольствие в мудрых философских размышлениях о поведении в жизни и воздержании от страстей. В 20 лет любимым писателем может быть Овидий, в 40 — Гораций и в 50, — быть может, Тацит. В таких случаях мы напрасно бы пытались проникнуться чувствами других, лишая себя склонностей, свойственных нам по природе. Мы выбираем себе любимого писателя так, как выбираем друга, исходя из склонности и расположения.
- Цивилизованная нация может легко ошибиться в выборе своего философа...
- Злорадство... есть ничем не вызванное желание причинить зло другому лицу, чтобы путем сравнения с собственным положением испытать удовольствие.
- ...Себялюбие ...порождает правила справедливости и является *первым* мотивом соблюдения последних.
- Мы порицаем всякий обман, всякое нарушение слова, потому что счи-

таем, что свобода и широта общения между людьми находятся в полной зависимости от верности обещаниям.

- Народ без религии, если такой найдется, стоит лишь немногим выше животных.
- Хотя природные способности и нравственные качества в общем находятся на одном уровне, однако между ними существует то различие, что первые почти не меняются посредством искусственного воздействия, тогда как вторые, или по крайней мере поступки, проистекающие из них, могут быть изменены при помощи таких мотивов, как награды и наказания, одобрение и порицание.
- Ничто не может быть более похвальным, чем сознание собственного достоинства в тех случаях, когда мы действительно обладаем ценными качествами.
- Любовь есть не что иное, как желание счастья другому лицу.
- Если единственным мотивом наших действий является желание показать свою свободу, значит, мы никак не можем освободиться от уз необходимости.
- Благая цель может сообщить ценность только таким средствам, которые достаточны и действительно ведут к цели.
- Тот счастлив, кто живет в условиях, соответствующих его темпераменту, но тот более совершенен, кто умеет приспосабливать свой темперамент к любым условиям.
- Руководителем в жизни является не разум, а привычка. Лишь она понуждает ум во всех случаях предполагать, что будущее соответствует прошлому.
- Чем больше образ жизни человека зависит от случайностей, тем сильнее он предаётся суеверию...
- Люди обладают общей склонностью представлять всё существующее подобным себе и приписывать каждому объекту те качества, с которыми они близко знакомы и которые они непосредственно осознают.
- Истинный скептик так же недоверчиво относится к своим сомнениям, как и к философским сочинениям.
- Мрак противен уму не меньше, чем зрению; ничто не может доставить нам такого наслаждения, как возможность превратить мрак в свет, каких бы трудов это ни стоило.
- Моё высшее счастье, моё полное удовлетворение состоит в том, чтобы читать, гулять, мечтать, думать.
- У меня всё есть, и чего же мне еще не хватает?!. — Независимости? Я обладаю ею в высшей степени. Славы? Но она совсем нежелательна. Хорошего приёма? Он придет со временем. Жены? Это не есть необходимая жизненная потребность. Книг? Вот они действительно необходимы...

Михаил Васильевич Ломоносов

XVIII век

• Русский ◐ философ естествознания ◐

Родился: 08.11.1711 г.
Умер: 04.04.1765 г.

Прожил — 53 года

> **«Ошибки замечать не многого стóит; дать нечто лучшее — вот что приличествует достойному человеку».**
> *(Ломоносов)*

■ **«Может собственных Платонов**
И быстрых разумом Ньютонов
Российская земля рождать».
(Ломоносов)

■ **«За общую пользу, а особливо за утверждение науки в Отечестве, и против отца своего родного восстать за грех не ставлю».**
(Ломоносов)

1. ЖИЗНЬ

• Родился в зажиточной семье:

/ По происхождению Ломоносов был не «крестьянин», а «мещанин». Государственные холмогорские крестьяне имели вольный промысел в море, деловые отношения с иностранными моряками и купцами. Отец Ломоносова на собственном галиоте плавал по Белому морю и Северному Ледовитому океану и брал с собой сына. Был человеком среднего достатка по местным условиям. /

• Изучал науки в Славяно-греко-латинской академии в Москве.
• Обучался в Киевской духовной академии.
• Прослушал курс в университете при Академии наук в Петербурге.
• Получил систематизированное научное образование в Германии (с 1736 по 1741 г.).
• В течение трех лет стажировался по философии у немецкого философа Христиана Вольфа (1679 – 1754):

/ Книга Х. Вольфа «Логика, или Разумные мысли о силах человеческого рассудка» вышла в те дни, когда младенцу Ломоносову исполнился год.

Вольф ввел в немецкий философский лексикон им же впервые придуманные термины-понятия для обозначения вещей и предметов **самих по себе** (an sich — *нем.* перевод с *лат.* in se — в себе): «идеализм», «материализм», «сознание», «эгоизм». /

// Вольф — автор знаменитой миниатюры:

«**Теорема.** Ширина окна должна быть такая, чтобы двум человекам смотреть можно было.

Доказательство. Причина сего состоит в удобности, что двум веселее смотреть ради беседы, нежели одному». //

• Ломоносов хорошо знал сочинения Декарта и Лейбница.

• Ломоносову принадлежит историческая заслуга быть основателем Московского университета (1755 г.).

• Нрав Михайло Ломоносов имел гордый, а суждения — независимые:

♦ Не только у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но даже у самого Господа Бога, который дал мне смысл, пока разве отнимет.

■■■ Случилось так, что Ломоносову однажды пригрозили отставить его от Академии наук. На что он веско и с достоинством возразил: «Это не можно. Разве что Академию наук отставить от меня». ■

• Главное в Ломоносове — стремление быть полезным Отчизне:

/ **М. В. Ломоносов:**

«Я спрашивал и испытал свою советь. Она мне ни в чём не зазрит сказать вам ныне всю истинную правду. Я бы охотно молчал и жил в покое, да боюсь наказания от правосудия и всемогущего промысла, который не лишил меня дарования и прилежания в учении и ныне дозволил случай, дал терпение и благородную упрямку и смелость к преодолению всех препятствий к распространению всех наук в отечестве, что мне всего в жизни моей дороже. [...]

Что ж до меня надлежит, то я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятельми наук российских бороться, как уже борюсь двадцать лет; стоял за них смолода, на старость не покину».

(*Из письма Г. Н. Теплову,* 30 января 1761 г.) /

• Ломоносов сформулировал **закон сохранения вещества и движения**:

/ Источник этого факта — его письмо к Леонарду Эйлеру от 5 июля 1748 г.:

♦ Все встречающиеся в природе изменения происходят так, что если к чему-либо нечто прибавилось, то это отнимается у чего-то другого. Так, сколько материи прибавляется какому-либо телу, столько же теряется у другого, сколько часов я затрачиваю на сон, столько же отнимаю от бодрствования и т. д. Так как это всеобщий закон природы, то он распространяется и на правила движения: тело, которое своим толчком возбуждает другое к движению, столько же теряет от своего движения, сколько сообщает другому, им двинутому. /

• Он исключил ФЛОГИСТОН из числа химических агентов. Заложил основы физической химии. Исследовал атмосферное электричество и силу тяжести. Выдвинул учение о цвете, создал ряд оптических приборов. Открыл атмосферу на Венере. Описал строение Земли, объяснил происхождение многих полезных ископаемых и минералов, опубликовал руководство по металлургии.

• **Сочинения Ломоносова:**

«Опыт теории о нечувствительных частицах тел и вообще о причинах частных качеств» (1743 — 1744);

«Размышления о причинах теплоты и холода» (1749);

«Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенное для поддержания свободы философии» (1755);
«О слоях земных» (1763).

• Существует довольно много портретов Ломоносова. Его личность интересовала и интересует художников и двух прошлых, и нынешнего веков. Но при этом все живописцы и графики «отталкиваются» от четырех прижизненных изображений Ломоносова. Это гравюры Э. Фессара 1757 г., Х. Вортмана 1758 г., два живописных портрета работы австрийского художника Г. Преннера, написанные в 1750-е годы. К сожалению, сохранились только репродукции этих портретов, а местонахождение их неизвестно. Другие же изображения, написанные уже после смерти ученого многочисленными художниками, стали как бы модификациями этих четырех иконографических (**иконография** — от *греч.* eikōn — «изображение» + graphō — «пишу») первоисточников.

Значительное влияние на многих живописцев, писавших Ломоносова, оказали работы знаменитого русского скульптора Ф. Шубина — земляка и друга Ломоносова. Свое доброе отношение к этому человеку и мыслителю он выразил в созданных им в 1792 – 1793 гг. бюстах Ломоносова. Один — гипсовый — хранится сейчас в Русском музее, другой — из мрамора — в здании президиума РАН в Москве и третий — бронзовый — в Пушкине, в Камероновой галерее. Хотя это и посмертные изображения, но к ним можно отнестись с большим доверием — и потому, что Шубин хорошо знал Ломоносова, и потому, что это был художник огромного таланта. О нем говорили, что в своих скульптурных портретах он не только схватывал характеры, но и провидел судьбы.

• 1 марта 1753 г. по Указу императрицы Елизаветы Петровны Ломоносову были присвоены права дворянства. В Копорском уезде ему отвели 9 тысяч десятин земли и 212 душ крепостных крестьян, они ему были нужны для работы на мозаичной фабрике.

• 4 апреля 1765 г. Ломоносов скончался. Он умер в собственном доме, не оставив продолжения рода по мужской линии. Супруга его Елизавета Андреевна умерла 6 октября 1766 года. Дочь Елена вышла замуж за киевского священнослужителя Константинова, ее жизнь продолжалась с 1749 по 1772 год.

2. СУДЬБА

► Сегодня Московский университет носит имя М.В. Ломоносова. У входов в старое (на ул. Моховой) и новое (на Воробьевых горах) здания «храма российского образования» установлены памятники рыцарю русской науки.

► Даже при беглом ознакомлении с так сказать «общественной» биографией Ломоносова невозможно не поразиться его странному и противоречивому положению в петербургском «высшем свете». Выучившийся на академика «крестьянский сын», он безнаказанно колачивал палкой коллег-акедемиков, в том числе и иноземных, и драл за уши малолетнего наследника престола Павла Петровича.

Однако всё становится на свои места и легко объясняется, если иметь в виду бытующую среди поморов легенду о том, что Михайло Ломоносов является внебрачным сыном российского царя Петра I (1672 – 1725; на престоле с 1689 г.).

Как известно, у Петра I другого наследника, кроме хилого, идущего против отца царевича Алексея, не было. Екатерина рожала ему лишь дочерей. А между

Петр I

тем, доносит предание, во хмелю царь не раз говорил: «Пусть любая красавица родит мне сына — любую царицей сделаю». Воспользоваться таким заманчивым призывом решили не без корысти для себя богатые архангельские старообрядцы, имевшие прямой выход на царя. В период с 17 января по 15 февраля 1711 г., когда венценосец отдыхал в Усть-Тосно, они свели его с холмогорской сиротой красавицей Еленой. Вскоре после этого по личному указу Петра Елену повенчали с племянником двинского земского старосты Луки Ломоносова, тоже сиротой, Василием Дорофеевым. Царь якобы так повелел тогда своим сводникам: «При рождении сына дать ему имя Михайло в честь деда своего. Сыну моему и нареченному отцу Василию носить фамилию Ломоносова и жить а этой семье под надзором Луки Ломоносова, помнить о сохранении тайны. Одарение и материально, и денежно мной не забудется».

С рождением Михайлы действительно стала поступать помощь от казны. Дополнительно семье отвели хорошие земельные угодья.

В декабре 1722 г. Мишу Ломоносова увезли в школу на Выг для обучения грамоте. Михайло Ломоносов пребывает в школе у старообрядцев на реке Выг. А в это время дома случается беда — умирает мать.

Надо полагать, Петр I был извещён о смерти Елены. Не стало единственной свидетельницы тяжкого греха царя. Чтобы раз и навсегда отсечь поползновения староверов спекулировать незаконнорожденным сыном, Петр I 7 мая 1724 г. коронует Екатерину Алексеевну. Этим государственным актом закрепляется право престолонаследия.

Уже не смертном одре Петр I поаедал главе Синода Феофану Прокоповичу о своём прегрешении. Судьба незаконнорожденного сына не давала ему покоя. И по молве, идущей от старцев, он повелел изъять Михайлу из школы староверов. А еще повелел Феофану так: «Обучи, владыка, его в московских школах и приобщи его к сану священника или государстаенного служащего, на что он будет способен».

...Когда Петербургская академия намеревалась послать трех студентов для обучения за границей наукам и горному делу, Феофан добился, чтобы Михайло Ломоносов тоже был туда направлен.

В 1736 г. тайный покровитель Михайлы Феофан Прокопович умер. Предчувствуя приближение смерти, глава Синода призвал дочь Петра I Елизавету (ей в то аремя было 26 лет) и поведал тейну отца.

Феофан Прокопович

Наследники родословной Петра I ожидали смерти императрицы, чтобы взойти на престол. Огласка о Михайле Ломоносове, что он есть незаконнорожденный сын Петра I, Елизавете была очень нежелательна, она приняла контрмеры для задержания Ломоносова за границей.

Сюжет последующих четырех лет дворцовыми интриганами был закручен столь лихо, что смахивает на детектив. Но сейчас и здесь речь не об этом...

8 июня 1741 г. Ломоносов вернулся на родину. По прибытии в Петербург ему предоставили занятия в Академии. Ломоносов стал частью петербургской публики. Его стартовое место в истории определилось. Но и прошлое навсегда осталось с ним. А может быть, вернее было бы сказать — в нём?..

➤ Ломоносов — первый российский учёный-естествоиспытатель мирового значения, поэт, заложивший основы русского литературного языка, художник, историк, поборник развития отечественного просвещения, науки и экономики. Он установил, что теплота — обусловлена движением корпускул.

3. УЧЕНИЕ

♦ Несказанная премудрость дел Божиих хотя из размышления о всех тварях явствует, к чему предводительствует физическое учение, но величества и могущества его понятие больше всех подаёт астрономия, показывая порядок течения светил небесных. Воображаем себе тем явственнее создателя, чем точнее сходствуют наблюдения с нашими предсказаниями; и чем больше постигаем новых откровений, тем громче его прославляем. [...]

Правда и вера суть две сестры родные, дщери одного всевышнего родителя; никогда между собою в распрю прийти не могут, разве кто из некоторого тщеславия и показания своего мудрования на них вражду всклеплет.

♦ Пусть философы подумают, как им взяться за дело, чтобы ничего не доказывать и в то же время всё-таки доказывать.

♦ **О вы, которые все...**
Обыкли случаю приписывать слепому,
Уверьтесь...
Что Промысел Вышнего господствует во всём.

♦ Напрасно многие думают, что всё, как видим, с начала Творцом создано, будто не токмо горы, долы и воды, но и разные роды минералов произошли вместе со всем светом и потому-де не надобно исследовать причин, для чего они внутренними свойствами и положением мест разнятся. Таковые рассуждения весьма вредны приращению всех наук, следовательно, и натуральному знанию шара земного, а особливо искусству рудного дела, хотя оным умникам и легко быть философами, выучась наизусть три слова: «Бог так сотворил» — и сие дая в ответ вместо всех причин.

♦ Наука есть ясное познание истины, просвещение разума, непорочное увеселение жизни, похвала юности, старости подпора, строительница градов, полков, крепость успеха в несчастии, в счастии украшение, везде верный и безотлучный спутник.

♦ Нет сомнения, что науки наукам много весьма взаимно способствуют, как физика химии, физике математика, нравоучительная наука и история стихотворству, однако же не каждая каждой. Что помогут хорошие рифмы в доказательстве пифагоровой теоремы? Или что пользует знание причины возвышения и падения Римской империи в изъяснении обращения крови в животном теле? Таким же образом Уложение и Кормчая книга ничего не служат учащемуся астрономии, равно как одно другому не препятствует. Посмеяния достойны таковые люди, кои сего требуют, подобно как некоторые католицкие философы дерзают по физике изъяснять непонятные чудеса Божии и самые страшные таинства христианские. Сему излишеству есть с другой стороны подобное, но и притом приращению наук помешательное некоторых поведение, кои осмехают науки, а особливо новые откровения в натуре, разглашая, будто бы они были противны закону, коим самим мнимым защищением действитель-

но его поносят, представляя оный неприятелем натуре, не меньше от Бога происшедшей, и называя всё то соблазном, чего не понимают. Но всяк из таковых ведай, что он ссорщик, что старается произвести вражду между божиею дщерию натурою и между невестою христовою церковью. Сверх того препятствует изысканиям, полезным человеческому обществу, кои, кроме благоговения, происходящего к Творцу от размышления о твари, подают нам способы к умножению временного блаженства и сильные споможения государям к приращению благосостояния народов, свыше им порученных.

♦ Неверно рассуждает математик, если хочет циркулем измерить Божью волю, но не прав и богослов, если он думает, что на Псалтирье можно научиться астрономии или химии.

♦ Декарту мы особливо благодарны за то, что он ободрил ученых людей против Аристотеля и прочих философов — в их праве спорить и тем открыл дорогу к *вольному философствованию.*

♦ Опыт я ставлю выше, чем тысячу мнений, рожденных только воображением.

♦ Закон опыта нужно восполнять философским познанием.

♦ Исследование природы трудно, однако приятно, полезно, *свято.*

♦ Природа весьма проста; что этому противоречит должно быть отвергнуто.

♦ Частные качества тел могут быть объяснены законами механики.

♦ Неимоверно трудно высказывать основоположения. Ведь мы должны как бы одним взором охватить совокупность всех вещей, да так, чтобы соблюсти единство подхода. Я, однако, отважился на это, опираясь на формулу: природа крепко держится своих законов и всюду одинакова.

♦ Аналитик не должен спешить с осуждением гипотез. Они дозволены в философских предметах и даже представляют собой единственный путь, которым величайшие люди дошли до открытия самых важных истин.

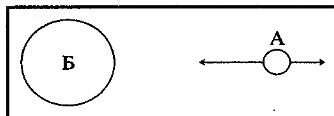
♦ Истинный химик должен быть теоретиком и практиком, должен быть также и философом.

♦ Сущность тел состоит в протяжении и силе инерции.

♦ Непрерывное образование и распад тел достаточно говорят о движении корпускул — шарообразных, неделимых, нечувствительных физических частиц.

♦ Железо, нагретое почти до накаливания, кажется на глаз находящимся в покое; однако оно одни тела, придвинутые к нему, плавит, другие — превращает в пар; т. е., приводя частички их в движение, оно тем самым показывает, что и в нем имеется движение какой-то материи.

♦ Если истинное **притяжение** производит движение в телах, то толчок будет причиною покоя; так как это — абсурд, ибо толчок в действительности вызывает движение, то, следовательно, **притяжение не возбуждает движения и не существует**.

∇ ◐ То есть Ломоносов рассуждает так: есть какое-то тело **Б** (*см. рисунок*), обладающее способностью притягивания предмета А. Но что будет, если мы *толкнём* предмет А? Тогда силы уравновесятся и пред-

мет останется в покое. Но было ли когда, чтобы при толчке тело не двигалось?!

Такая *постановка вопроса* совершенно правильна.

Но как отвечает Ломоносов? Он говорит: нет, не было! Здесь он перестаёт быть строгим ученым, ибо употребляет слово «толчок», не оговаривая, какой он по величине и к какому телу.

Если на это всё же обратить внимание, то нетрудно будет вспомнить, что бывают случаи, когда определённый (т. е. не учитывающий силу покоя, т. е. притяжения) толчок не приводит тело в движение и, чтобы достичь результата, приходится менять силу толчка.

С другой стороны, во время взлёта космической ракеты всё то, что Ломоносов отрицает, проявляется ярко и убедительно. ◑

/◐ Вообще, этот фрагмент в суждениях Ломоносова какой-то не такой, особый, что ли. Ну не вяжется с личностью и величиной Ломоносова то, что он может не понимать или оспаривать нечто, вот такое, как это, — вполне и безусловно очевидное! И всё же...

Я допускаю, что здесь есть некий существенный знак. Всем — и современникам, тем, и нам, и потомкам.

Одна из приходящих мне на ум расшифровок представляется са́мой, пожалуй, убедительной.

Может быть, Ломоносова следовало бы считать основоположником «философии практицизма»? И рассуждение вести так: как бы ни был гостеприимен и приветлив хозяин дома, но вход в свою квартиру он защищает дверью, да и от запора с замками не откажется. То же и в естествознании: *колебание в неуверенности лучше склонять к сомнению в уверенности*. Это всегда защитит результат от «познавательного романтизма» и «метафизических переоценок» в характеристике достижений. ◑ /

♦ Идолопоклонническое суеверие держало астрономическую землю в своих челюстях, не давая ей двигаться.

♦ Кто малого не может, тому и бо́льшее невозможно.

4. МЫСЛИ

◪ Я не презираю Аристотеля, сего славного и в своё время отменитого от других философа, но тем не без сожаления удивляюсь, которые про смертного человека думали, будто бы он в своих мнениях не имел никакого погрешения, что было главным препятствием к приращению философии и прочих наук, которые от ней много зависят. Чрез сие отнято было благородное рвение, чтобы в науках упражняющиеся один перед другим старались о новых и полезных изобретениях.

◪ У многих глубоко укоренилось убеждение, что метод философствования, опирающийся на атомы, либо не может объяснить происхождения вещей, либо, поскольку может, отвергает Бога-творца. И в том, и в другом они, конечно, глубоко ошибаются, ибо нет никаких природных начал, которые могли бы яснее и полнее объяснить сущность материи и всеобщего движения, и никаких, которые с большей настоятельностью требовали бы существования всемогущего двигателя.

- Если бы я захотел читать, еще не зная букв, это было бы бессмыслицей. Точно так же, если бы я захотел судить о явлениях природы, не имея никакого представления о началах вещей, это было бы такой же бессмыслицей.
- Всё, что есть в природе, математически точно и определённо; хотя мы иногда сомневаемся в этой точности, но наше незнание нисколько не умаляет ее: если бы даже весь мир сомневался в том, что дважды два четыре, всё-таки дважды два у всех сомневающихся дадут четыре.
- Те, кто, намереваясь извлечь из опыта истины, не берут с собой ничего, кроме собственных чувств, по большей части должны остаться ни с чем, ибо они **или не замечают** лучшего и необходимейшего, **или не умеют** воспользоваться тем, что видят или постигают с помощью остальных чувств.
- Уподобления не доказывают, а лишь объясняют доказанное.
- Почетнее признать правильные чужие положения, чем поддерживать свои ложные.
- А вдохновение — это такая девка, которую завсегда изнасильничать можно.
- Любовь сильна, как молния, но без грому проницает, и самые сильные ее удары приятны.
- Только в бодром горячем порыве, в страстной любви к своей родной стране, смелости и энергии родится победа. И не только и не столько в отдельном порыве, сколько в упорной мобилизации всех сил, в том постоянном горении, которое медленно и неуклонно сдвигает горы, открывает неведомые глубины и выводит их на солнечную ясность.
- Дерзайте Отчизну мужеством прославить!
- Иногда промедление смерти подобно.

◐ Закономерный миропорядок от истоков своих таков, что обнаруженый Ломоносовым «закон сохранения материи» — лишь частичка той огромной сути, а именно: появление чего бы то ни было неизменно влечёт следом за собой возникновение своей противоположности, столь же правомерной и жизненной, как и породившие её процессы.

> А это значит, что чем больше сладости, тем не меньше горечи, что рядом со славой столь же много позора, что богатству была и будет противостоять равная ему бедность, что без роста числа хулителей не увеличить тиража никакой книги.

Выражение, взятое в обвод, заявляет суть ещё одного всеобщего закона — закона СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОТИВОПОЛОЖНЫМ. ◑

Жан-Жак Руссо

XVIII век

• Французско-швейцарский философ

Родился: 28.06.1712 г.
Умер: 03.07.1778 г.

Прожил — 66 лет

«Человек, не бесчесть в себе человека!» *(Руссо)*

■ **«Моё самое большое безумие — это доверие разуму и желание говорить только истину».** *(Руссо)*

■ **«Не найдя истины в книгах, надо искать ее внутри себя».** *(Руссо)*

■ **«Назад к природе!»** *(Руссо)*

1. ЖИЗНЬ

• Отец Руссо был французом по происхождению.
• Свою семью, детские и подростковые годы Руссо описал для нас сам:

«Я родился в Женеве в 1712 году, от гражданина Исаака Руссо и гражданки Сюзанны Бернар. Так как из весьма незначительного состояния, разделённого между пятнадцатью детьми, отец мой получил ничтожную долю, то существовал он исключительно ремеслом часовщика, в котором был очень искусен. Богаче была моя мать, дочь пастора Бернара. Она была одарена умом и красотой. Не без труда добился отец мой ее руки.

[...]

Я стоил жизни моей матери, и мое рождение было первым из моих несчастий.

Мне осталось неизвестным, как отец мой перенес эту потерю, но я знаю, что он остался безутешен. Он думал снова увидеть ее во мне, будучи не в силах забыть, что я отнял ее у него; когда он целовал меня, то по его вздохам, по его судорожным объятьям я чувствовал, что к его ласкам примешивается горькое сожаление, но от этого они становились еще нежней. Когда он говорил мне: «Жан-Жак, поговорим о твоей матери», я отвечал ему: «Значит, мы будем плакать, отец», и эти слова вызывали у него слезы.

[...]

Чувствовать я стал прежде, чем мыслить; это общий удел человечества. Я испытал его в большей мере, чем всякий другой. Не знаю, как я научился читать; помню только свои первые чтения и то впечатление, которое они на меня производили; с этого времени тянется непрерывная

нить моих воспоминаний. От моей матери остались романы. Мы с отцом стали читать их после ужина. Сначала речь шла о том, чтобы мне поупражняться в чтении по занимательным книжкам; но вскоре интерес стал таким живым, что мы читали по очереди без перерыва и проводили за этим занятием ночи напролёт. Мы никогда не могли оставить книгу, не дочитав ее до конца. Иногда мой отец, услышав утренний щебет ласточек, говорил смущенно: «Идем спать. Я больше ребенок, чем ты».

В короткое время при помощи такого опасного метода я не только с чрезвычайной легкостью научился читать и понимать прочитанное, но и приобрел исключительное для своего возраста знание страстей. У меня еще не было ни малейшего представления о вещах, а уже все чувства были мне знакомы. Я еще ничего не постиг — и уже всё перечувствовал. Волнения, испытываемые мною одно за другим, не извращали разума, которого у меня еще не было; но они образовали его на особый лад и дали мне о человеческой жизни понятия самые странные и романтические; ни опыт, ни размышления никогда не могли как следует излечить меня от них.

Романы кончились вместе с летом 1719 года. Следующей зимой пошло другое. Исчерпав библиотеку моей матери, мы прибегли к доставшейся нам части библиотеки ее отца.

[...]

Любимым моим автором стал Плутарх. Удовольствие, которое я испытывал, постоянно перечитывая его, немного излечило меня от моей страсти к романам; скоро я стал предпочитать Агесилая, Брута, Аристида — Орондату, Артамену и Юбе. Интересное чтение, разговоры, которые оно порождало между отцом и мной, воспитали тот свободный и республиканский дух, тот неукротимый и гордый характер, не терпящий ярма и рабства, который мучил меня в продолжение всей моей жизни, проявляясь в положениях, менее всего подходящих для этого. Беспрестанно занятый Римом и Афинами, живя как бы одной жизнью с их великими людьми, сам родившись гражданином республики и сыном отца, самою сильною страстью которого была любовь к родине, — я пламенел ею по его примеру, воображая себя греком или римлянином, становился лицом, жизнеописание которого читал; рассказы о проявлениях стойкости и бесстрашия захватывали меня, глаза мои сверкали, и голос мой звучал громко. Однажды, когда я рассказывал за столом историю Сцеволы, все перепугались, видя, как я подошел к жаровне и протянул над нею руку, чтобы воспроизвести его подвиг».

• На шестнадцатом году жизни Руссо начал странствовать. По Швейцарии, Италии, Франции. Он приобрел большой жизненный опыт, испытал всю тяжесть положения простолюдина, бесправие человека «третьего сословия».

• Далее идут многолетние и многочисленные поиски очередного — ненадолго — куска хлеба, попытки по-человечески согреться возле родных, поначалу отвечающих взаимностью женщин, надежды — хрупкие и всегда ненадежные — «бросить якорь», закрепиться, наконец-то начать более или менее нормальную жизнь:

/ Сколько же надо было Руссо испытать всего, чтобы в итоге сказать:

♦ Я чувствую в самом себе, так сказать, противовес моей же судьбе. /
• В 1749 г. Руссо вместе с Дидро затеял издание периодического листка «Насмешник». Но в свет вышел лишь один номер.
• Руссо писал стихи. Их особенно было много в период 1736 — 1747 годов:

Гораций, и Ламот, и ты, Расин мой нежный,
Вам посвятил досуг читатель ваш прилежный.
И ты, Вольтер, всегда люб сердцу моему!
Но тот, кто хочет дать забаву лишь уму,
Не привлечет мой вкус, напрасны все заботы.
Блестящий острый слог, цветисты обороты
Обманут только ум, но сердца строг закон —
Оно отвергнет всё, чем я не умилён.

(Пер. А. И. Исаевой)

Стихи все лгут, и ложь прощается поэту,
Хотя б им был воспет, как новый Меценат,
Как столп отечсства, иной богатый фат.
Но я, республики приверженец упорный,
Не гнувший головы пред кликою придворной,
Перенимать устав парижский не хочу,
Ни льстить, ни кланяться не стану богачу,
А если я хвалю тебя, так по заслугам.
Тщеславному глупцу не назовусь я другом:
Он злит меня. Богач презреньем платит мне,
И с ним взаимностью сквитались мы вполне.

(Пер. В. В. Левина)

Нет, слава не кумир души моей недаром:
Божественным она едва ли пышет жаром,
Который гения способен оживить
И силы все его на благо устремить!
Но для меня теперь — ничто людское мненье,
Не трогают меня восторги и презренье!
Ужели, коль нас ждет безвестности стезя,
То к благоденствию стремиться нам нельзя!
Червь честолюбия людские души гложет,
В сердечных радостях философ счастье множит,
Блажен, кто смог его вкусить от сих простых отрад,
Кто ими, чистыми, довольствоваться рад.
В покое истинном вкушать плоды познанья —
Единое мое заветное желанье!
Свобода, друг, покой, страницы мудрых книг,
К чему бы мне мечтать о радостях иных?

(Пер. А. С. Голембы)

• Художественные таланты Руссо проявились не только в области поэзии (а еще были успехи и в создании драматических произведений), но и в музыке. К ней он питал сильнейшее влечение. В 1781 г., уже после смерти Руссо, вышел в свет сборник из девяноста пяти романсов, озаглавленный «Утешения в невзгодах моей жизни». Среди этих романсов, полных наивной свежести, есть, по свидетельству знатоков музыки, шедевры грации и чувства:

/ Вместе с романсами, предназначенными для исполнения в домашней обстановке, Руссо сочинял арии, дуэты, хоры. У него это получалось довольно хорошо, потому что даже довольно осторожный в поло-

жительных оценках Вольтер с похвалой отмечал, что у Руссо объединились два таланта, всегда существующие порознь: дарования стихотворца и композитора. /

// В наших сегодняшних оценках оперной музыки Руссо, поскольку многое из сочиненного им почти не сохранилось, приходится прибегать, по большей части, к отзывам людей XVIII века. Музыкант Давид, прослушавший наброски оперы «Открытие Нового Света», выразил мнение, что «там есть отрывки, достойные Буонончини» — популярного итальянского композитора. По данным Тьерсо, кроме итальянских влияний, Жан-Жак испытал также влияние Люлли. Свои «Галантные музы» сам Руссо оценил как местами превосходные, местами бесцветные, и так как сложности оперной композиции ему не давались, их дорабатывал музыкант Филидор, после чего это произведение публике нравилось, и только Рамо с его злобной антипатией к Руссо отрицательно отзывался о «Галантных музах». В порывах самокритики Руссо беспощадно уничтожал свои оперы, пощадив лишь одну — «Деревенского колдуна», легко понять почему. В этой «непринужденной крестьянской пасторали», как рекомендовал ее Руссо, доминируют задушевные арии, чем была очарована пресыщенная громоздкими оперными спектаклями публика.

Оперу Руссо слушал король вместе со своей фавориткой г-жой Помпадур; присутствовал весь двор. Трогательная наивность арий вызывала шепот похвал, затем бурное волнение всего зала. Опера настолько понравилась королю, что можно было впоследствии слышать, как он «голосом самым фальшивым в его королевстве» напевает песенку Колетты: «Мне не видать счастливых дней, не слышать ласковых речей». //

• В переписке Руссо (1762 г.) встречается его фраза: «Я слишком люблю говорить о себе»:

/ Это действительно так, и слова, сказанные Руссо о себе, — что вообще в философии не редко, хотя и не часто, — позволяют при чтении его текстов не переставая чувствовать присутствие автора:

♦ Я всегда считал и теперь считаю, что я, в общем, лучший из людей.

♦ Я человек скорее без злобы, чем добрый; душа здоровая, но слабая; почитающая добродетель, не умея воплотить ее в практику; душа, пылко любящая добро и никогда его не делавшая.

♦ Я создан для размышлений, а не для действий. /

• Руссо, как он сам однажды написал, «был на земле скитальцем». Его книгу «О воспитании» сожгли рукой палача по решению парижского парламента, а его самого́ начиная с 9 июня 1762 г., когда вышел указ французского правительства об аресте Руссо, и во всё последующее время преследует злая молва и недоброжелательство людей. Власти усмотрели в книге дух бунтарства и желание автора выдать себя за «оракула века». Кроме того, очень неодобрительно воспринималась позиция Руссо «стоять на природе, а не на вере»:

/ Да и на что, спрашивается, мог рассчитывать человек, в котором всегда клокотала правда и кипело желание жить?!

Любого, кто знакомится с его жизнью, озадачивает такой момент биографии Руссо, когда он пытается найти покровительство у прусского короля Фридриха II. И дело не в самóм этом факте — он зауряден и обыден, — а в том, что человек, всегда критиковавший деспота:

♦ Фридрих своими принципами и поступками попирает всякое уважение к естественному закону и человеческим обязанностям. ♦,

вдруг у этого же деспота просит защиты, и не для кого-то, а лично для себя, и слова́ просьбы выражает в сочетаниях, далеко не склонённо-уважительных:

♦ Сир, я много говорю о Вас дурного и буду, вероятно, говорить впредь. Однако, изгнанный из Франции, из Женевы, из кантона Берн, прошу убежища в Ваших владениях. Моя ошибка, возможно, что я не с этого начал. Эта похвала — одна из тех, которых Вы достойны. Сир, я не заслужил от Вас никакой милости и не выпрашиваю ее. Но я считал себя обязанным сообщить Вашему Величеству, что оказался под Вашей властью и что желаю здесь остаться, Вы можете сделать со мной всё, что захотите. /

• У Руссо было пятеро детей, но дать им собственное воспитание он не смог: неблагоприятные семейно-бытовые условия вынудили его поместить детей в воспитательный дом.

• Психика Руссо была в постоянном и более чем причудливом напряжении. Это вело к набору различных нервных патологий и, в частности, к психогенной дизурии:

/ Страдавший чуть ли не всю свою жизнь ипохондрической депрессией, Руссо постоянно ощущал «при малейшей разгорячённости» частые позывы к мочеиспусканию в сочетании с болью в поясничной области. Его воображение рисовало ему «лишь цепь страданий: уремию, песок, камни и в конце концов — смерть».

Приглашенный однажды на прием к королю (свидание, имевшее необычайно важное значение для всего его будущего), Руссо испытал лишь мучительный страх:

■■ При мысли о предстоящей аудиенции я прежде всего подумал о своей потребности часто выходить, заставившей меня очень страдать. Этот недуг был главной причиной, мешавшей мне посещать собрания и задерживаться у женщин. Мне делалось дурно от одной лишь мысли о том положении, в какое эта потребность поставила бы меня. ■/

• Психовыбросы Руссо были довольно странны, даже изломны, что ли: ему нравилось блефовать своей откровенностью: преодоление стыда шокирующе бодрило его... Руссо сам верил в свою искренность и абсолютную честность:

/ Он хотел быть таким, даже вызывая отвращение к себе, когда признавался в рано развившейся склонности к удовольствиям наедине, в счастье, которое он испытывал, получая оплеухи мадемуазель Ламберсье, в застенчивости с женщинами из-за своей чрезмерной чув-

ствительности, которая иногда приводила к импотенции, в почти кровосмесительной связи с мадам де Варанс и в других афишируемых странностях. /

• Открытость Руссо в отношении себя довольно просторно дополнялась прямотой в суждениях о других. При этом оценки были без всякой принятой в таких случаях сдержанности, не говоря уже о почитательной учтивости:

◘ **Руссо об «Опытах» Мишеля Монтеня:**

♦ Наиболее искренние правдивы са́мое большее в том, что́ они говорят. Но они лгут своими умалчиваниями. А то, о чём они умалчивают, так изменяет то, в чём они как будто признаю́тся, что, говоря лишь часть правды, они, в сущности, не говорят ничего. Я ставлю Монтеня во главе этих мнимо откровенных людей, которые хотят обмануть, говоря правду. Он показывает себя со всеми недостатками, но выбирает из них только привлекательные...

◘ **Руссо об «Исповеди» Августина:**

♦ Я не захожу так далеко, как блаженный Августин, который, будь он осуждён на вечные муки, утешался бы мыслью, что такова воля Божья.

◘ **Руссо об «Автобиографии» Джироламо Кардано:**

♦ Кардано здесь более тщеславный, чем Монтескьё, зато искреннее последнего. /

• Руссо — творец словосочетания «общественное мнение»; оно впервые им употреблено в его романе «Юлия, или Новая Элоиза» (1759).

• Формулу, указывающую на все истоки своей философии, Руссо дал сам:

♦ Я не совершаю нападения на науку, но я отстаиваю добродетель.

• По настрою ума и складу характера Руссо был из тех, кого принято называть *инакомыслящими*:

♦ Мое смертельное отвращение ко всему, что называется сговором, кликой, интригой, сохранило мне свободу и независимость. Одинокий, всюду чужой, живущий в уединении, без опоры, без семьи, не признавая ничего, кроме своих принципов и обязанностей, я бесстрашно следовал путями правды, ни перед кем не заискивая и никого не щадя в ущерб истине и справедливости.

■■■ Натуре Руссо было свойственно ниспровергательное начало. Особенно показательно в этом отношении «Послание г-ну де Л'Этан» (1749) — викарию прихода в Маркусси, где однажды гостил Руссо. Благодатный покой этого местечка Руссо сравнивает с парижским гомоном и шумом, а главное — с моральной атмосферой этого большого города. Развратных сеньоров там почитают; добродетельный бедняк — объект насмешек; человек талантливый — жертва бездарных критиканов; выскочки занимают посты судей и политиков; невежд выдают за ученых; фальшивый блеск высшего света — ловушка для дураков; льстецы угождают знати; безродные дворянчики придумывают себе родословные; заносчивые вояки хвастают своим ремеслом убивать. И все эти канальи, все эти тунеядцы пожирают народное добро.

Париж — надменности обитель,
Где подпадает каждый житель
Под власть мошенников таких,
Что Франция боится их;
Где честность — лишь предмет издёвки,
Где шарлатанские уловки,
Высокомерье, наглый тон
Талант несмелый гонят вон,
Тираня пасынков фортуны.
Париж, где автор «Родогюны»
Сгибал перед Шапленом стан,
Где худшую из обезьян
Любовь дарит венцом героя,
Где шавке суждено порою
Политиком известным стать,
Где фата* пошлого печать —
Судейскому юнцу под стать,
Парик — его заслуг замена.
Париж, где паразит презренный
Продаст научной мысли цвет
У Фрин, Аспазий** — за обед!
Париж! Несчастлив, кто над Сеной
Жить осуждён...

(Пер. М. М. Замаховской)

Лет эдак двадцать спустя, в «Новой Элоизе», Руссо скажет по адресу Парижа, что этот город следовало бы бичевать. Разить не смешное в нём, а порочное. И если в Париже это мало кто делает, то причина здесь та, что «в столицах сатира вообще не в ходу, а зло там столь обычно, что о нём не стоит и говорить».

∇ ◐ Руссо был человеком из породы **диссидентов**. Я под таковыми разумею интеллигентский слой **людей** — ***носителей кризиса*** в переломные моменты развития общества. Обострённое апеллирование к «справедливости», неумолкный акцент на «правду», саморекрутирование в волонтёры «истины», усмотрение в сложившемся положении дел *злого* зла и непримиримое отношение к перспективам развития того, что есть, коль скоро оно такое, какое есть, — вот некоторые из тенденцных черт во взглядах тех, кто не согласен с фазой уклада и политики того строя, который им, этим людям, современен.

Диссиденты всегда опережают время. Но такой самовыброс вперед не только не противоречит существу их намерений, но, напротив, предполагается, диктуется, принуждается ими. Это станет понятным, если представить себе (и таким путем убедиться), что, пытаясь вытащить что-то из трясины, мы непременно должны стать впереди этого «что-то» и начать тянуть, подтягивать его к себе.

Правота Руссо совсем не в том, **что** он говорил, а в том, что он **говорил**. Для *спасителя* важны не личные его черты, а присущность смелости и упорства. Всем этим Руссо был одарён изрядно. Но как трудна и изматывающа жизнь того, у кого всё это есть! Непонимание и нелюбовь, брезгливость к его странной неуёмности, высокомерие «постов» к неуживчивости этого «отброса».

Такие, как Руссо, — они как бы поленья того костра, который собирает людей к себе, потому что греет и светит. Но собирая их вокруг себя, он незаметно для них собирает их для них же. Создаётся новое общество, общество данного костра. И чем огонь ярче, а пламя шире, тем оно, общество, люднее, больше, плотнее.

Революции — не патологии и не аномалии. Они были и будут. От

* **Фат** (*фр.* fat < *лат.* fatuus глупый) — самодовольный, пошлый франт; хлыщ, щёголь.

** **Фрина** и **Аспазия** — известные древнегреческие куртизанки.

старого не избавиться, если его не сломать или не спалить. Уничтожение — компонента развития. Другое дело, что нельзя ничто жечь, пока оно живое... Момент *слома* не должен быть моментом убийства. Иначе нет оправдания задумкам по преобразованию.

Ведь если говорят о свободе и заявляется «естественное право» всего на существование, то насильничанье над этим «правом» есть уже фактическая непоследовательность заявителя и его *неправота* в связи с выдвигаемым им правом.

Изучая Руссо, нужно вглядеться не в энергию одного, пусть и очень увлечённого и активного в своих мыслях человека, а в условия заражаемости этим «одним» других. Что это? Вирусизация, когда «подхватываешь» от кого-то, так сказать, невзирая?! Или прикладывание истомлённых жаждой к источнику?

Ополчаясь на некую неугодную нам помеху, может быть, сто́ит помнить, что на Земле она не менее правомерна, чем мы?!. А вдруг даже более??!!.. ◑

/ Руссо не просто клеймит и обвиняет существующий цивилизационный порядок, но, формулируя основоположенный его недостаток, он выносит ему еще и приговор, указывая, что тупика своего тогдашнее общество уже достигло:

♦ Наши души развратились по мере того, как шли к совершенству наши науки и искусства. И вот теперь [Руссо в это время — 44 года], кому уже не ясно, что личности не находится места в структуре человеческой самости; человек оказывается вне самого себя. Такая потеря — следствие общественной бездуховности, когда права индивида попраны, растрачены, обесценены. / ■

• Среди беспокойных вопросов, занимавших Руссо, постоянно был такой — может быть, даже центральный в нравственной позиции философа: «Какой же должна быть природа государственного устройства, способного создать народ самый добродетельный, самый просвещенный, самый мудрый — словом, самый лучший, понимая это в широком смысле?»

∇ ◐ Здесь, видимо, происходит самое удивительное. Мыслитель, в теории не признающий прогресса, на практике исходит из ситуаций, как раз-то без прогресса и не возможных. Руссо употребляет выражение «создать». Но **созидание** есть процесс накапливаемого роста с движением в сторону, противоположную распаду и потере приобретённых частей, признаков, возможностей.

Что же это? Неосознаваемая полемика с самим собой?! А почему бы и нет! В природе мы это наблюдаем беспрерывно. День спорит с ночью, дождь — с солнцем, ветер — с тишиной и т. д. И ничего! Стабильности Универсума всё это никак не угрожает.

Руссо не противоречит сам себе. Он просто циклически противоположен. Это позволяет ему **быть разным**, пребывая неизменно в единстве точки зрения, которая может колебаться относительно себя самой, но места своего никогда не покинет, тем более не станет пятиться или еще как-то отступать. ◑

• **Сочинения Руссо:**

«Рассуждение о науках и искусствах» (1750);

«Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства среди людей» (1755):

/ Именно здесь впервые появились слова горького, пронзительного и очень проницательного признания:

♦ ...Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли — для всех, а сама она — ничья!» Но очень похоже на то, что дела уже пришли тогда в такое состояние, что не могли больше оставаться в том же положении. Ибо это понятие — «собственность», зависящее от многих понятий, ему предшествовавших, которые могли возникать лишь постепенно, не сразу сложилось в человеческом уме. Нужно было достигнуть немалых успехов, приобрести множество навыков и познаний, передавать и увеличивать их из поколения в поколение, прежде чем был достигнут этот последний предел естественного состояния... /;

«Юлия, или Новая Элоиза. Письма двух любовников, жителей маленького городка у подножия Альп» (1761):

/ Семейная драма в доме барона д'Этанж в поселке Кларан сначала воспринимается как избитый мотив совращения невинной девушки Юлии, дочери уважаемых родителей.

Действие романа относится к 30-м годам XVIII века. Скромного двадцатичетырехлетнего учителя, бедняка и скитальца, г-жа д'Этанж пригласила к своей дочери. Имя домашнего учителя — Сен-Пре, что означает: храбрец, доблестный человек, добродетельный и отважный. В Юлии Сен-Пре нашел восхитившие его достоинства: чуткость, ум, эстетический вкус, к тому же она хороша собой. И произошло то, что нередко в подобных случаях происходит: Сен-Пре влюбился в Юлию. По натуре своей мечтатель, Сен-Пре идеализирует предмет своей любви, открыв в Юлии «признаки божества». Вздохи, подавляемые Сен-Пре, служат для Юлии доказательством его волнений. От сдержанного тона Юлии Сен-Пре приходит в отчаяние и не в шутку решает покончить с собой. Ослеплённый Сен-Пре не видит своего счастья: ведь Юлия отвечает ему взаимностью, и если, оставаясь наедине с ним, она обращается к нему ледяным тоном, а в присутствии других людей — игриво, то делает это из-за трудности положения: чем больше она ему даст свободы, тем большей необходимостью станет его удаление, а вернее, изгнание из ее дома...

Руссо и в этом романе (который, конечно же, есть закамуфлированный очередной его философский трактат) верен себе:

♦ Да, Сен-Пре безвестный бродяга, нищий, живущий на подая-

ния, но такие, как он, люди более достойны уважения, чем все дворянчики Европы, вместе взятые... Как нестерпимо это противоречие между возвышенным духом и низким общественным положением!.. А чем, собственно, может похвастаться сословие дворян? Что совершило оно ради славы отечества или счастья человеческого рода?.. Дворянство породило тиранию и угнетение народов, уничтожило добродетели и человечность... Оно похваляется ещё и институтом рабства... ♦

◐ ...В книге много по-человечески *болевых* точек, и то, что Руссо не отворачивает от них, а, напротив, подмечает и внимательно исследует, говорит об истоковом гуманизме и мудром величии автора. ◑ Взять хотя бы тот эпизод, когда моральная гнилость парижской атмосферы коснулась самого́ Сен-Пре, чего, собственно, в своем предвидении боялась Юлия, опасаясь за друга, как бы не повлияли на него «соблазны и ложные умствования пороков». Казалось бы, кто больше вооружен против соблазнов и пороков, чем ее милый Сен-Пре? Ведь у него есть «философия сердца»! Но даже Сен-Пре угодил лицом в грязь.

Однажды группе офицеров-приятелей, уверивших Сен-Пре, что они едут к жене полковника, удалось обмануть бдительность молодого человека и завлечь его в притон разврата. Ложный стыд помещал Сен-Пре немедленно покинуть дом, хотя он смутно догадывался, что попал в дурное место. Короче, опьяневший Сен-Пре проснулся в объятиях девицы легкого поведения... Трудно представить себе его ужас. Слезы Сен-Пре «орошали бумагу», на которой он покаянно писал Юлии об этом происшествии.

И вся нежность, доброта, терпимость Юлии сказались в том, что, отчитав Сен-Пре, она тут же ему простила, ибо сердцу её известно, что проступок совершен им в тот момент, когда его «я» отсутствовало — то самое «я», которое она так любит и в котором не разочаровалась и теперь. /

//◐ Знаменательно второе, символическое имя Юлии — Элоиза. Оно намекает на известную историю любви Пьера Абеляра и его ученицы Элоизы. Но почему «**новая** Элоиза»?

Да потому, что принцип Сен-Пре: «Если я существую, то я люблю тебя, Юлия» выражает тягу Руссо к реанимации и восстановлению естественности в «чувственности». Подлинность чувств должна быть асоциальной. Интимные порывы красивы и чисты, когда они не имеют табуированных плотин для своих токов. Но это только одна сторона дела. Другая — сложная индивидуальная эротика исповедных чувств Руссо, осязаемость им в себе «комплекса Абеляра». Он, Руссо, — тоже учитель, но уже всего человечества. И не настигает ли его тоже печальная участь Абеляра? Того оскопили разъярённые родственники его ученицы, и из-за такого позорного окалечивания все и повсюду над несчастным философом, поддавшимся зову необоримой природной страсти, жестоко глумились. А чем легче Руссо, если его взглядам не дают признания, а всё опуб-

ликованное — повод для разногласий с людьми? Неужели **любовь к природе**, как и любовь Абеляра к его Элоизе, тоже кем-то запрещена?! Но почему? Вот подсознательный вопрос **в** Руссо, ответ на который вылился в большое, сложное и довольно интересное художественное произведение. ◑ //;

«Эмиль, или О воспитании» (1762):

/ По существу, это философско-педагогический роман. В центре повествования — история мальчика-сироты, наследника богатых дворян, которому посчастливилось оказаться объектом педагогического эксперимента. Имя этого ребенка — Эмиль, и он как бы модель воображаемого «воспитанника». А его учитель — сам Руссо, предположивший в себе возраст, здоровье, познания и все таланты, нужные для воспитателя.

▣ Свое детство Эмиль проводит в деревне, и так как его не опекают ни лакей, ни гувернантка, то он чужд мысли о своем дворянском превосходстве. Не зная, что такое насилие над волей, Эмиль сохраняет врождённую доброту характера. Чувство внутренней свободы сочетается в нем с ровным, послушным, терпеливым нравом. Крепкий, редко вспыльчивый, чаще нежный, чувствительный мальчик, Эмиль таким останется и впоследствии.

▣ Из всей художественной литературы Эмилю рекомендован лишь «Робинзон Крузо» (1719) Даниеля Дефо (ок. 1660 — 1731), и то не ради эстетических достоинств этого романа, а ради полезной идеи: герой усердным трудом и в полнейшем одиночестве создал себе на необитаемом острове благоустроенную жизнь.

◐ Кстати сказать, было что-то уж очень затаённо-потаённое в фундаменте души и натуры Руссо, связанное с книгой «Робинзон Крузо» и ей подобными. Его восклицание в «Новой Элоизе»: «О, Тиниан, о, Хуан Фернандес!»* выдаёт какой-то очень глубоко спрятанный секрет Руссо, его, видимо, самый сильный из «комплексов». Я даже уверен, что здесь и только здесь надо искать все ключи к умонастроениям Руссо. ◑

▣ Отрок Эмиль шаг за шагом осваивает законы общественной действительности. К примеру: незыблемость частной собственности. Однажды Эмиль посеял в саду бобы. Через некоторое время увидел, что бобы вырваны и грядки перекопаны. Садовник Робер еще раньше его посеял на принадлежащем ему участке мальтийские

---

* *Остров Тиниан*, иначе Буэнависта, находится в южной части Океании. В его описании, так же как и в передаче других путевых впечатлений Сен-Пре, Руссо основывается на книге Р. Вальтера о кругосветном плавании адмирала Ансона, изданной в 1745 г. в Лондоне и переведенной на французский язык в 1750 году.

Хуан Фернандес — группа островов в Тихом океане в 565 км от берегов Чили, получившая название по самому крупному из них. Остров Хуан Фернандес, так же как и Тиниан, упоминается в книге о путешествиях адмирала Ансона. На одном из необитаемых островов Хуан Фернандес с 1704 по 1709 г. проживал моряк Александр Селькирк, прототип Робинзона Крузо.

дыни — то была *его* земля, был *его* труд. И то был первый урок, преподанный Эмилю сложившимся в обществе порядком вещей. // В книге много поучений, свежих и даже отличных афоризмов:

♦ Если король позовет тебя, иди служи, будь гражданином.

♦ У вас будет всё, если вы воспитаете граждан. Без этого все, начиная с правителей государств, будут лишь жалкими рабами. Однако воспитать граждан — дело не одного дня, и чтобы иметь граждан-мужей, следует наставлять их с детского возраста.

♦ Всё хорошо, выходя из рук Творца вещей, всё вырождается в руках человека.

♦ Прежде чем жениться, надо знать, каким человеком вы хотите быть, чему хотите посвятить свою жизнь, какие меры хотите принять, чтобы обеспечить хлеб себе и своей семье.

♦ Мой учитель! Вы думали, что знали эту очаровательную девушку. Как вы ошибаетесь! Вы знали мою возлюбленную, мою жену, но вы не знали Софью.

♦ В больших городах развращение начинается вместе с жизнью, а в маленьких — вместе с разумом. Юные провинциалы, научившись презирать счастливую простоту своих нравов, спешат в Париж разделить испорченность тамошних; пороки, украшенные прекрасным названием талантов, единственная цель их приезда; и, сконфуженные по прибытии сознанием, что так отстали в благородной распущенности от парижских женщин, они спешат заслужить репутацию столичных // /;

«Об общественном договоре, или Принципы политического права» (1762):

/ В этом сочинении ставится, формулируется и обстоятельно исследуется тема общества, его основ, закономерностей развития:

♦ Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах. Как совершилась эта перемена? /;

«Чувственная мораль, или Материализм мудреца»:

/ В 1764 г. Руссо намеревался в этом, так и не написанном, произведении разработать идею, могущую оказаться важным подспорьем для людей добродетельных, но не очень уверенных в себе. Мысль его, взятая концептуально, в сути своих намёток была такой (кстати сказать, совсем не пустой и вовсе не бесперспективной):

♦ Климат, времена года, звуки, цвета, мрак, свет, стихии, пища, шум, тишина, движение, покой — всё воздействует на наш организм и, следовательно, на нашу душу; всё это даёт тысячи почти безошибочных способов управлять чувствами, обращаясь к их источнику, и не позволять им господствовать над нами... /;

«Пигмалион» (1770; пьеса):

/ Сюжет для своего «Пигмалиона» Руссо нашел в «Метаморфозах» Овидия. Французский театр уже имел в своем репертуаре одноактную оперу Рамо под тем же названием, где ожившая статуя возвещает о своем вступлении в жизнь, танцуя сарабанду. У Руссо этот сюжет — повод не для балета, а для глубоких раздумий о художественном творчестве.

Одноактная лирическая сцена Руссо представляет собой сплошной прерывистый монолог, произносимый героем известного мифа.*

И самое примечательное: речитатив вместо пения, а диалог слышен на фоне оркестра. Хотя Руссо написал к своему сценарию всего два ритурнеля**, а двадцать три сочинил лионский купец Орас Куанье, малодаровитый композитор-дилетант, хотя текст сценария по уровню неизмеримо выше своего музыкального сопровождения, «Пигмалион» буквально ошеломил публику. Этот небывалый жанр мелодрамы произвел огромное впечатление на всех смотревших и слушавших его во Франции, в Германии, в Италии. Велико открытие, что оркестр способен как бы комментировать и дополнять переживания действующих лиц, причем глубже их самых страстных речей. Своим «Пигмалионом» Руссо внес в драматургию музыку, подчинив ей слово, впервые художник стал героем драмы, и впервые искусство заявило о себе, что логика его неуловима для рассудка. /;

«Мечтания одинокого любителя прогулок»;

«Исповедь» (1770):

/ «Исповедь» написана в 1764 – 1770 гг., опубликована лишь после смерти Руссо — частично в 1781-м и полностью в 1788 году.

◐ Это очень мужественный (и одновременно обта́йненно искренний!) роман о самом себе для самого себя, чтобы на этом материале понимать, иллюстрировать и обобщать то, что делал с личностью, во что превращал и во что не смог превратить ее век XVIII ◑:

♦ Я предпринимаю дело беспримерное, которое не найдет подражателя. Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы, — и этим человеком буду я.

Я один. Я знаю свое сердце и знаю людей. Я создан иначе, чем кто-нибудь из виденных мною; осмеливаюсь думать, что я не похож

---

* Статуя Галатеи, созданная Пигмалионом, оказалась таким дивом красоты, что скульптору захотелось вдохнуть в мрамор жизнь, душу, превратить холодное изваяние в горячую плоть, заставить ее двигаться, ощущать, говорить, любить. Пигмалион впадает в отчаяние. Не в силах он понять противоречие: мощь гения способна приблизить образ к божеству, одухотворить мертвый камень, однако сильнейшее его желание разбивается о материю действительности. Не значит ли это, что между красотой и жизнью пропасть? Или совершенство статуи является ее изъяном — будь она менее прекрасна, тогда была бы реальной? Долго умоляет Пигмалион богиню любви Венеру сделать то, чего не в силах он — смертный. И богиня снизошла к мольбе художника; статуя ожила, в ней появился цвет плоти, огонь в глазах, она начинает двигаться, сходит с пьедестала, приближается к Пигмалиону. Неужели он бредит, сошел с ума? Нет, он слышит отчетливо слово: «Я» — символ высшей ступени самосознания. Затем, тронув мрамор своей фигуры: «Это уже не я».

Наконец, приложив руку к груди Пигмалиона и ощутив биение его сердца, заключает: «Ах, это тоже я». Обнимая и страстно целуя Галатею — теперь называть ее по имени оправдано, — Пигмалион отвечает в экстазе: «Да, дорогое и волшебное создание, да, совершенное творение моих рук, моего сердца и богов, — это ты, ты сама: я отдал тебе всё своё существо, я буду жить теперь только в тебе».

** **Ритурне́ль** (*фр.* ritournelle < *итал.* ritornello < ritorno возвращение) — повторяющаяся как припев краткая музыкальная фраза в аккомпанементе; находится в начале, в конце или между куплетами вокальной пьесы.

ни на кого на свете. Если я не лучше других, то по крайней мере не такой, как они. Хорошо или дурно сделала природа, разбив форму, в которую меня отлила, об этом можно судить, только прочтя мою исповедь.

Пусть трубный глас Страшного суда раздастся когда угодно, я предстану пред Верховным судиёй с этой книгой в руках. Я громко скажу: «Вот что я делал, что думал, чем был. С одинаковой откровенностью рассказал я о хорошем и о дурном. Дурного ничего не утаил, хорошего ничего не прибавил; и если что-либо слегка приукрасил, то лишь для того, чтобы заполнить пробелы моей памяти. Может быть, мне случилось выдавать за правду то, что мне казалось правдой, но никогда не выдавал я за правду заведомую ложь. Я показал себя таким, каким был в действительности: презренным и низким, когда им был, добрым, благородным, возвышенным, когда был им. Я обнажил всю свою душу и показал ее такою, какою ты видел ее сам, всемогущий. Собери вокруг меня неисчислимую толпу подобных мне: пусть они слушают мою исповедь, пусть краснеют за мою низость, пусть сокрушаются о моих злополучиях. Пусть каждый из них у подножия твоего престола в свою очередь с такой же искренностью раскроет сердце свое, и пусть потом хоть один из них, если осмелится, скажет тебе: «Я был лучше этого человека».

◐ Руссо — его дело, жизнь, взгляды и «Исповедь» — это как бы зеркало, в которое философия, смотрясь, одновременно и **смотрится**!

Заслуга Руссо и вечное место в философском сонме — это безоглядная искренняя честность и честная искренность. Чтобы показать философию, Руссо показывает Философа и делает это через анатомирование своей личности, своей са́мости, своей я́йности ◑:

♦ У меня есть только один верный проводник, и я могу на него рассчитывать, — это цепь переживаний, которыми отмечено развитие моего существа, а через них — последовательность событий, являвшихся их причиной или следствием.

Я могу пропустить факты, изменить их последовательность, перепутать числа, но не могу ошибиться ни в том, что я почувствовал, ни в том, как мое чувство заставило меня поступить; а в этом-то главным образом всё дело. Дать историю своей души обещал я, и, чтобы верно написать ее, мне не нужно документов, — мне достаточно, как я делал это до сих пор, заглянуть поглубже в самого себя. /;

«Диалоги: Руссо судит Жан-Жака» (1775 — 1776):

/ Это тоже еще одна книга Руссо о самом себе. Составлялась она в каком-то лихорадочном состоянии. А написав ее, философ 24 февраля 1776 г. направился к собору Парижской богоматери с целью возложить свое сочинение на алтарь, как бы вручая его самому Всевышнему. И вот тут-то... С ужасом видит Руссо, что вход к алтарю преградила обычно не запиравшаяся решетка, и в этом он тотчас усмотрел роковую примету — «даже Бог от него отвернулся»...

Спустя некоторое время Руссо отнес рукопись философу Этьенну Кондильяку, и тот по прошествии двух недель сообщил ему свое мнение о «Диалогах». Оно было таким, что никак не устроило Руссо, и он решил обратиться к «французской нации». Сделав несколько копий с надписью: «Всем французам, еще сохранившим любовь к истине и справедливости», он раздавал их на улице прохожим. Увы... Его рукопись никто не хотел брать. /

// Написанные в состоянии нервном, со многими признаками душевного недуга, «Диалоги» производят тяжелое впечатление. Их лейтмотив странен и более чем неожиданен. Руссо уже не пытается представить себе мир, каким он должен быть; тот, что есть, безнадёжно плох и вряд ли исправи́м когда-нибудь. //

• Удручённо и даже как-то беспросветно подводил постаревший Руссо итог своим жизненным делам и стараниям в них:

♦ Если кто-либо, не будучи интриганом, хочет посвятить свои сочинения истинному благу родины, тот не должен сочинять их в ее пределах.

♦ Если полагать цель жизни в успехе, то гораздо естественнее быть подлецом, чем порядочным человеком.

• Жизнь Руссо в последние годы была распределена точно и равномерно. С утра это были ботанические занятия и изготовление подарочных гербариев для знакомых, затем музицирование с сочинением песенок для сборника, названного им «Песни утешения в горестях моей жизни», потом обед... дальше какое-нибудь кафе, где он читал газеты и играл в шахматы... и, конечно же, любимые им всегда и неизменно пешие прогулки в окрестностях Парижа. А вечерами его ждало уединение в парковом домике Эрменонвиля.

• 2 июля 1778 г., вернувшись домой после продолжительной прогулки, Руссо почувствовал острую боль в сердце и прилег отдохнуть, но вскоре тяжело застонал и упал на пол. Подбежавшая жена (Тереза, или, как он ее называл, «г-жа Рену», именем своего скитальческого псевдонима, когда ему, французу, пришлось жить изгнанником на французской земле) помогла Руссо подняться, но он снова упал и, не приходя в сознание, скончался. Скоропостижная смерть и обнаружение кровоточащей раны на лбу дали пищу для ошеломительной сенсации: быстро распространился слух, что Жан-Жак Руссо покончил жизнь самоубийством.

• На маленьком острове («Острове тополей»), расположенном посреди красивого озера в живописном парке, тело Руссо было предано земле; на надгробном камне были высечены слова: «Человек истины и природы».

Гробница Ж.-Ж. Руссо ► на тополином острове в Эрменонвиле

• В 1794 г., во времена революции, его прах торжественно перевезли в Пантеон.

• Нам же, потомкам, Руссо завещал свою надежду, что мы окажемся достойны понимания необходимости обратиться в конце концов к небу с такой молитвой:

♦ Всемогущий Боже! Ты, в чьих руках наши души, избавь нас от наук и пагубных искусств наших отцов и возврати нам неведение, невинность и бедность — единственные блага, которые могут сделать нас счастливыми и которые в твоих глазах всего драгоценнее.

• ◐ Может быть, самым выстраданным для Руссо стало признание:

♦ Нельзя быть добродетельным, не имея религии; я слишком долго держался того ошибочного взгляда, что «можно», но уже отрешился от него. ♦

В этих дорогих для себя словах Руссо успокоился, завершился, нашел опору своей безудержной внутренней мятежности. Он не стал религиозным, не офанáтился. Он — нашёлся; сам для себя. Религия — это не вера в Бога. Религия — это почувствование Бога, усмотрение его необходимости, когда начинаешь осознавать себя частью великого целого. Без эгоизма и напыщенного самомнения.

Мы все когда-то уйдем из жизни. И весь вопрос для любого из нас: «Куда?» Того, кто не озаботится этим, трудно, я полагаю, назвать человеком. Руссо посчастливилось узнать и вопрос, и не пройти мимо ответа. ◑

2. СУДЬБА

► Уже в отрочестве Руссо стал самоопределяться в характере гордом, неукротимом, свободолюбивом. Один из эпизодов его жизни в этом смысле очень показателен, даже, может быть, главенствующ. Рассказывая о семейном совете на тему, кем ему, юному Жан-Жаку, быть, чем заниматься, Руссо сам биографизирует особенность тех на него воздействий, которые формировали последующий настрой его души:

«После долгого обсуждения моих природных склонностей остановились наконец на том, к чему я меньше всего был способен, и устроили меня к Массерону, городскому протоколисту, чтобы я научился под его руководством полезному ремеслу *судебного крючкотвора*, как говорил г-н Бернар. Прозвище это очень не нравилось мне; надежда заработать кучу денег неблагородным путем мало льстила моему гордому нраву; занятие казалось мне скучным, невыносимым; кропотливость работы, подчинение окончательно меня от него отвратили, и я всегда входил в канцелярию с тайным ужасом, возраставшим день ото дня. Массерон, со своей стороны, не слишком мною довольный, относился ко мне презрительно, непрерывно упрекал за вялость, глупость и повторял ежедневно, что дядя уверял его, *будто я знаю, будто я знаю*, а на деле я ровно ничего не знаю; что ему обещали славного мальчика, а дали просто осла. Наконец я был с позором изгнан из канцелярии за неспособность, и конторщики Массерона решили, что я гожусь только на то, чтобы орудовать напильником.

Когда, таким образом, мое призвание определилось, меня отдали в учение — однако не к часовщику, а к граверу. [...]

Ремесло само по себе нравилось мне; я очень любил рисовать, работа гравировальным резцом меня занимала, а так как в часовом деле от гравёра не требуется слишком многого, я надеялся скоро достигнуть и в этом искусстве совершенства. Быть может, я добился бы этого, если бы грубость моего хозяина и чрезвычайное притеснение не отвратили меня от работы. Я крал у нее время для занятий того же рода, но имевших для меня прелесть свободы. Я гравировал нечто вроде медалей, которые должны были служить мне и моим товарищам рыцарскими орденами. Застав меня за этой контрабандной работой, хозяин исколотил меня, говоря, что я упражняюсь в ремесле фальшивомонетчика, так как на наших медалях был герб республики. Могу поклясться, что у меня не было ни малейшего представления о фальшивых деньгах и очень слабое о настоящих. Я лучше знал, как делаются римские ассы*, чем наши монеты в три су**.

Тирания хозяина в конце концов сделала работу, которую я мог бы полюбить, невыносимой и породила во мне пороки, которые могли бы стать для меня ненавистными: ложь, безделье, воровство. Ничто так ясно не показало мне разницу между сыновней зависимостью и рабским подчинением, как воспоминание о происшедших во мне за это время переменах. От природы робкий и застенчивый, я из всех недостатков всего более был далек от бесстыдства. Но ведь я наслаждался разумной свободой, которая с тех пор ограничивалась и наконец совсем исчезла. Я был смел у своего отца, свободен у г-на Ламберсье, скромен у своего дяди; я сделался запуганным у своего хозяина и стал потерянным ребенком. [...]

Так достиг я шестнадцати лет, беспокойный, недовольный всем и собой, без расположения к своему ремеслу, без развлечений, свойственных юности, снедаемый смутными желаниями, плача без причины, вздыхая неведомо отчего и нежно лелея свои химеры, ибо вокруг я не видел ничего равноценного им. По воскресеньям, после проповеди, товарищи приходили за мной и звали порезвиться с ними. Я с удовольствием скрылся бы от них, если б мог, но, вовлеченный в игру, играл с большей горячностью и заходил дальше всякого другого, так что меня трудно было утихомирить и сдержать. Таков был мой характер всегда. Во время прогулок за город я постоянно шел впереди всех и не думал о возвращении, если только другие не думали об этом за меня. Из-за этого я два раза попался: городские ворота оказались запертыми, прежде чем я успел вернуться. Можно себе представить, как досталось мне на другой день; а во второй раз мне был обещан такой приём, если я опоздаю и в третий, что я решил больше не рисковать. Но этот третий раз, которого я так боялся, всё-таки наступил. Моя бдительность была обманута одним проклятым капитаном по фамилии Минутоли, который, когда бывал в карауле, закрывал ворота всегда на полчаса раньше других. Я возвращался с двумя товарищами. В полумиле от города слышу вечернюю зорю; ускоряю шаг; слышу, как бьют в барабан; пускаюсь бежать со всех ног; прибегаю, запыхавшись, весь в поту; мое сердце

---

* **Асс** [*лат.* as (assis)] — древнеримская денежно-весовая единица, первоначально равнявшаяся римскому весовому фунту (327,45 г).

** **Су** (*фр.* sou) — разменная монета Франции. Ныне изъята из обращения.

колотится; издали вижу часовых, — я бегу, кричу сдавленным голосом. Но слишком поздно. Мне оставалось еще сделать двадцать шагов, как подняли первый мост. Я содрогнулся, увидев в воздухе его ужасные рога — мрачное и роковое знамение неотвратимой судьбы, которую открывало передо мной это мгновение.

В первом порыве горя я бросился на откос, кусая землю. Мои товарищи, смеясь над моим несчастьем, тотчас же приняли решение. Я тоже принял своё, но оно было иным. Тут же на месте я поклялся больше никогда не возвращаться к хозяину; и когда на следующий день, в час открытия ворот, мои товарищи вернулись в город, я простился с ними навсегда, прося их только предупредить потихоньку моего двоюродного брата Бернара о принятом мною решении».

► 1749 год... Летом прекращается печатание *«Энциклопедии...»*. Оно было прервано арестом Дидро, отправленного в Венсеннскую башню, куда обычно заключали за политическую крамолу; из башни он перешел в за́мок, где хотя бы мог видеться с друзьями и гулять в парке. Однажды Руссо, идя лесом навестить своего друга и случайно имея при себе газету «Меркюр де Франс», прочитал объявление о том, что научное общество в городе Дижоне, именуемое, как тогда принято было, Дижонской академией, выдвинуло тему для сочинения — «Способствовало ли развитие наук и искусств порче нравов или улучшению их?» Альтернативная формулировка темы поразила Руссо. В уме его молнией сверкнул ответ на поставленный вопрос. Будто ослепленный потоками света, лежал он под дубом без сознания, и, когда очнулся весь в слезах, перед ним открылся новый мир. В состоянии крайнего возбуждения, здесь же, под дубом, Руссо делает наброски ошеломляющих своей непривычностью тезисов... А через некоторое время миру было представлено сочинение «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства среди людей» (1755).

► Руссо всегда остро сочувствовал и сопереживал людям. Ему были ненавистны рабство, угнетение, любое попрание человеческого достоинства.

✓ Однажды, будучи у философа Поля Гольбаха, автора книги «Система природы», где аббат Лепти читал свою бездарную трагедию «Давид и Вирсавия», а слушавшие его чтение Дюкло, Мармонтель, Гельвеций, Рейналь отпускали ему фальшивые комплименты, Жан-Жак, не переносивший, когда даже глупца унижали, вырвал из рук автора рукопись, швырнул ее на пол и закричал: «Уходите, разве вы не видите, что над вами смеются?..»

✓ Или вот такой случай. У вольнодумной актрисы Кино, чьи гости вели разговоры против религии, Руссо прервал эти разговоры гневным восклицанием: «Отсутствующего друга поносить мерзко, а вы поносите вездесущего Бога», — вскочил и, хлопнув дверью, ушел.

Неудивительно, что вследствие такой переамплитудной манеры поведения за Руссо закрепились клички: «маленький хам», «босяк» и тому подобные.

► В мае 1778 г. маркиз Рене Луи де Жирарден представил в распоряжение Руссо особняк в Эрменонвиле, вблизи Парижа. Переселившись в

это прекрасное предместье, Руссо продолжал вести прежний образ жизни: совершал утренние прогулки, встречался со знакомыми и почитателями. У старого, ослабевшего Руссо, ушедшего в глубь своих переживаний, состоялась памятная встреча с человеком, которому через десять с небольшим лет предстояло стать знаменитым политическим деятелем Франции, вождем Великой французской революции. В Эрменонвиле его сумел разыскать невзрачный на вид юноша в потрёпанном платье, с умными выразительными глазами, излучавшими глубокое благоговение. Это был Максимильен Мари Изидор де Робеспьер (1758 – 1794).

Робеспьер в юности

► Хотя Руссо не дожил всего десяти лет до Великой французской революции (1789 – 1794 гг.), он был и стал ее прямой теоретической предтечей, ибо провозгласил и обосновал право народов на восстание против тирании, деспотизма и угнетения:

♦ Пока народ вынужден повиноваться и повинуется, он поступает хорошо; но если народ, как только получает возможность сбросить с себя ярмо, сбрасывает его, — он поступает еще лучше, ибо, возвращая себе свободу по тому же праву, по какому ее у него похитили, он либо имеет все основания вернуть ее, либо же вовсе не было оснований ее у него отнимать.

/ Во Франции в своё время не без основания говорили, что если бы не было Руссо, не было бы и революции.

А какой была Франция в то время, можно узнать от автора комедии «Недоросль» русского писателя Дениса Ивановича Фонвизина (1745 – 1792), который посетил страну за десять лет до народного взрыва. Фонвизин рассказывал, что на каждой станции его окружали нищие и просили хлеба. Положение здешних крестьян, по его мнению, было даже более тяжелым, чем в России. В городах Франции тысячи ремесленников, не принадлежавших к цехам, прозябали. Отчаяние и бедность толкали людей к крайним формам проявления недовольства. /

► **Байрон:**

Он стал вещать, и дрогнули короны,
И мир таким заполыхал огнём,
Что королевства, рушась, гибли в нём.
Не так ли было с Францией, веками
Униженной, стонавшей под ярмом,
Пока не поднял ярой мести знамя
Народ, разбуженный Руссо с его друзьями?

► **Робеспьер:**

«Бессмертный Жан-Жак! Ты научил меня познать себя. Старое зда-

ние рушилось; на развалинах его поднялся портик нового здания, для построения которого я, благодаря тебе, принёс и свой камень».

► **Вольтер:**

«Руссо можно сравнить с Диогеном Синопским, но иногда он выражает свои мысли, как Платон».

► **Екатерина II:**

«Особенно не люблю я эмильевского воспитания: не так думали в наше доброе старое время... я и держусь этого опыта и никогда не подвергну никого из своих драгоценных отпрысков этим сомнительным и неубедительным опытам».

► **Л. Н. Толстой:**

«Руссо был моим учителем с 15-летнего возраста. Руссо и Евангелие — два самые сильные и благотворные влияния на всю мою жизнь».

► **Андре Моруа** (биографический этюд «Жан-Жак Руссо»; 1964 г.):

«Скромный, несчастный, неизвестный, оригинальный к 40 годам Руссо достиг прочного положения. Светские дамы гордились тем, что открыли новый талант. Затем к нему пришел и успех — то, что люди меньше всего прощают. Гримм, Дидро, которых Руссо считал самыми верными друзьями, вынуждены были выслушивать похвалы в его адрес. Мельхиор Гримм (1723 – 1807; немецкий литературный критик. — *П. Т.*), живший тогда в Париже, стращно злился; Дени Дидро, совсем не злой, не мог простить автору «Эмиля» его христианства. Тот факт, что длительное знакомство с энциклопедистами укрепило веру Руссо, вместо того чтобы ее поколебать, мешал всему их кругу в успешной пропаганде атеизма. Но что значило для «женевского гражданина» христианство, когда сам он следовал то той, то другой религии! Протестант, затем католик, потом снова протестант, Руссо предпочитал исповедовать свою собственную веру — «веру савойского викария», освобождённую «от пустословия». Ее независимость, достойная уважения, хотя и опасная, вооружила против него и иезуитов, и пасторов».

3. УЧЕНИЕ

♦ Я всегда восхищался могуществом природы, умиротворяющей самые неистовые страсти, и презирал философию за то, что она не может оказать на человеческую душу то влияние, какое оказывает череда неодушевлённых предметов.

♦ Взгляните на книги философов со всей их высокопарностью — они ничтожны по сравнению с Евангелием.

О, мудрость, милая химера,
Ты обольстительный обман.
Твоей божественною мерой
Нам жребий заблуждаться дан.
Одев тебя по нашей моде,
Под маской, свойственной природе
Людских блаженнейших утех,
Мы слабость нашу покрываем
И словом «мудрость» называем
Своих влечений сладкий грех.

(Пер. М. М. Замаховской)

♦ Я вижу в мире ту цельность замысла, которая подсказывает мне Единое начало.

♦ Некая воля приводит в движение Вселенную и одушевляет природу. Я думаю, что мир управляется могущественной и мудрой силой.

♦ Вечна ли материя, или сотворена, есть ли в ней пассивное начало, или нет, во всяком случае, несомненно, что целое едино и возвещает о едином разуме; так как я не вижу ничего, что не было бы упорядочено в той же системе и не содействовало бы той же цели, именно сохранению целого в установленном порядке... это бытие, активное через самого себя... словом, которое движет Вселенной и управляет всеми вещами, я называю Богом.

♦ Наши истинные учителя — опыт и чувство.

♦ Существовать — значит чувствовать, ибо чувства стоя́т несравненно выше разума.

♦ Смешно ли думать, что всё создано для меня, если я — единственное существо, которое знает, что всё имеет отношение ко мне?

♦ Причина, определяющая суждения, — в само́м человеке.

♦ Во всяком животном я вижу лишь хитроумную машину, которую природа наделила чувствами, чтобы она могла себя сама заводить и ограждать себя, до некоторой степени, от того, что могло бы ее уничтожить...

♦ Культ, которого требует Бог, есть культ сердца.

♦ Бога нельзя ни слышать, ни видеть, ни осязать; его можно познать лишь из его дел.

♦ Если бы я не имел иного доказательства нематериальности души, кроме торжества злого и угнетения справедливого в этом мире, то уже это одно не позволило бы мне сомневаться в ней... Я слишком хорошо чувствую по милости своих пороков, что человек живет лишь наполовину в течение своей жизни и что жизнь души начинается только со смертью тела.

♦ Добродетельная и честная жизнь... Вот истинная религия, единственная, не допускающая ни злоупотреблений, ни нечестия, ни фанатизма. Пусть себе проповедуют еще более возвышенные религии, я не признаю никакой другой.

♦ По удивительной диалектике истории религия бедных и страдающих стала религией тех, кто считает нищету и страдания вечным божественным порядком.

♦ Христианство проповедует лишь рабство и зависимость. Его дух слишком благоприятен для тирании, чтобы она постоянно этим не пользовалась. Истинные христиане созданы, чтобы быть рабами; они это знают, и это их почти не тревожит; сия краткая жизнь имеет в их глазах слишком мало цены.

♦ Но почему... стало выгоднее притворяться и быть не таким, каков ты есть на самом деле?

♦ Природа желала предохранить человека от науки, и трудности образования — не наименьшее из ее благодеяний.

♦ Сомнительно, чтобы даже при усиленных занятиях можно было бы воспитать разумного человека.

♦ **Из письма Руссо Дешану:**

...Предположение ваше о том, будто в вашем труде заключается исти-

на, свойственно не вам одному, — оно присуще всем философам. Именно поэтому они публикуют свои книги, а между тем Истина* всё еще не открыта.

♦ Истина, которую я люблю, не столько метафизична, сколько моральна. Я люблю истину, ибо ненавижу ложь, — в этом я не могу быть непоследовательным, не будучи недобросовестным. Я бы любил также и истину метафизическую, если бы полагал, что она доступна; но мне никогда не приходилоеь встречать ее в книгах, и, разочаровавшись в возможности отыскать ее в них, я пренебрегаю их поучениями, будучи убежден, что истина, полезная для нас, много ближе к нам и что для отыскания ее вовсе не требуется столь сложный научный аппарат.

♦ Истина не ведёт к богатству, а народ не даёт ни кафедр, ни пенсий.

♦ Отказаться от своей свободы — это значит отказаться от своего человеческого достоинства, даже от его обязанностей.

♦ Что бы там ни говорили моралисты, а разум человеческий всё же многим обязан страстям, которые, по общему признанию, также во многом ему обязаны.

♦ ... Дикий человек, который, блуждая в лесах, не обладал трудолюбием, не знал речи, не имел жилища, не вёл ни с кем войны и ни с кем не общался, не нуждался в себе подобных, как и не чувствовал никакого желания им вредить, даже, может быть, не знал никого из них в отдельности, был подвержен лишь немногим страстям и, довольствуясь самим собою, обладал лишь теми чувствами и познаниями, которые соответствовали такому его состоянию; ощущал только действительные свои потребности, смотрел лишь на то, что, как он думал, представляло для него интерес, и его интеллект делал не бóльшие успехи, чем его тщеславие. Если случайно делал он какое-нибудь открытие, то тем менее мог он кому-нибудь о нём сообщить, что не знал даже собственных детей. Искусство погибало с изобразителем. Не было ни образования, ни прогресса, бесполезно множились поколения; и так как каждое из них отправлялось от той же точки, то целые столетия протекали в той же первобытной грубости; род был уже стар, а человек всё еще оставался ребенком...

♦ Но с той минуты, как один человек стал нуждаться в помощи другого, как только люди заметили, что одному полезно иметь запас пищи на двоих, исчезло равенство, появилась собственность, труд стал необходимостью; и обширные леса превратились в радующие глаза нивы, которые надо было орошать человеческим потом и на которых вскоре были посеяны и выросли вместе с урожаем рабство и нищета.

[...] Положение и участь каждого человека определяются не только размерами его имущества и его способностью приносить пользу или наносить вред, но его умом, красотою, силою или ловкостью, заслугами или дарованиями; а так как одни только эти качества могли принести уважение, то вскоре потребовалось иметь эти качества или делать вид, что ими обладаешь.

*** Написанная Дешаном книга, рукопись которой он прислал для ознакомления Руссо, называлась «Истина, или Истинная система».**

[...] Ненасытное честолюбие, страсть к увеличению относительных размеров своего состояния, не так в силу действительной потребности, как для того, чтобы поставить себя выше других, внушает всем людям низкую склонность взаимно вредить друг другу, тайную зависть, тем более опасную, что, желая вернее нанести удар, она часто рядится в личину благожелательности, словом, состязание и соперничество, с одной стороны, противоположность интересов — с другой, и повсюду — скрытое желание выгадать за счет других. Все эти бедствия — первое действие собственности и неотделимая свита нарождающегося неравенства.

[...] Остальные люди, оставшиеся ни с чем, так как слабость или беспечность помешали им, в свою очередь, приобрести земельные участки, стали бедняками, ничего не потеряв; всё изменилось вокруг них, но сами они не изменились и оказались вынужденными получать или похищать средства к существованию из рук богатых; и отсюда начали возникать, в зависимости от различий в характерных особенностях тех и других, господство и порабощение или насилие и грабежи. Богатые, со своей стороны, едва успев познать наслаждение властью, стали вскоре презирать всех остальных, и, используя своих прежних рабов, чтобы подчинить себе новых, они только и помышляли о покорении и о порабощении своих соседей, подобно тем голодным волкам, которые, раз отведав человеческого мяса, отвергают всякую другую пищу и бросаются только на людей.

Таким образом, самые могущественные или самые бедствующие обратили свою силу или свои нужды в своего рода право на чужое имущество, равносильное в их глазах праву собственности, и за уничтожением равенства последовали ужаснейшие смуты; так несправедливые захваты богатых, разбои бедных и разнузданные страсти и тех и других, заглушая естественную сострадательность и еще слабый голос справедливости, сделали людей скупыми, честолюбивыми и злыми. Начались постоянные столкновения права сильного с правом того, кто пришел первым, которые могли заканчиваться лишь сражениями и убийствами. Нарождающееся общество пришло в состояние самой страшной войны: человеческий род, погрязший в пороках и отчаявшийся, не мог уже ни вернуться назад, ни отказаться от злосчастных приобретений, им сделанных; он только опозорил себя, употребляя во зло способности, делающие ему честь, и сам привёл себя на край гибели.

♦ До тех пор пока люди довольствовались своими убогими хижинами, пока они ограничивались тем, что шили себе одежды из звериных шкур с помощью древесных шипов или рыбьих костей, украшали себя перьями и раковинами, расписывали своё тело в различные цвета, совершенствовали или украшали свои луки и стрелы, выдалбливали с помощью острых камней какие-нибудь рыбачьи лодки или грубые музыкальные инструменты, словом, пока они были заняты лишь таким трудом, который под силу одному человеку, и только такими промыслами, которые не требовали участия многих рук, они жили, свободные, здоровые, добрые и счастливые, насколько они могли быть такими по своей природе и продолжали в отношениях между собой наслаждаться всеми радостями общения, не нарушавшими их независимость.

∇ ◐ Что ж, Руссо трудно не поддержать, может быть, не столько в его мыслях, сколько в их пафосе и обеспокоенной направленности. Люди, созидая свой прогресс, действительно отдаляются от природы. Уже сегодня мы можем купить аудиокассету или компакт-диск с трелями птиц, а в магазине обстановки интерьера приобрести электронного попугая. Но ведь именно это когда-то прозорливо и предостерегающе предвидел Руссо:

♦ Я убежден, что в недалёком времени в садах не захотят иметь ничего такого, что бывает в природе, не пожелают видеть в них ни травы, ни кустов, ни деревьев, а лишь фарфоровые цветы, фарфоровые мандарины, трельяжи, песочек разных цветов и прекрасные, ничем не наполненные вазы. ♦

И потому вряд ли так уж прав Вольтер, которому эта сторона в мыслях Руссо почему-то показалась чрезмерной и даже неправомерной:

Вольтер:

«Когда читаешь написанное вами, то трудно отказаться от желания встать на четвереньки...»

И еще из переписки Вольтера с Руссо, относящейся к 1755 году:

«Вы единственный, кто употребил столько ума, чтобы постараться сделать нас животными...»

Заявляя принцип «назад к природе», «назад к первобытной идиллии», Руссо вовсе не буквален, как это может кому-то показаться, а только и исключительно **иносказателен**. Привлечь внимание людей можно басней, как это делал Эзоп; притчей, как это было у Лао-цзы, Конфуция, Будды, Иисуса Христа; парадоксальной логикой, что особенно заметно у Зенона Элейского и Горгия из Леонтин.

Руссо же выбирает другой путь. Его излюбленный приём влияния на людей — эпатаж. Может быть, близкий к «скандалу», но всё же достаточно умеренный и осторожный, чтобы не вылиться в шокирующую вычурность.

Педалируя свою взывательность, резко вычерчивая акцентность, философ хочет пробудить в остальных присущий людям гуманизм, учитывая и не заблуждаясь относительно того, что последнему больше присуще замирать, чем пробуждаться. ◑

♦ Хотя в состоянии общественном человек и лишается многих преимуществ, которыми он обладает в естественном состоянии, но зато он приобретает гораздо бóльшие преимущества — его способности упражняются и развиваются, мысль его расширяется, чувства его облагораживаются, и вся его душа возвышается до такой степени, что, если бы злоупотребления новыми условиями жизни не низводили его часто до состояния более низкого, чем то, из которого он вышел, он должен был бы беспрестанно благословлять счастливый момент, вырвавший его навсегда из прежнего состояния и превративший его из тупого и ограниченного животного в существо мыслящее, в человека.

♦ Народы поставили над собою правителей, чтобы защитить свою свободу, а не для того, чтобы обратить себя в рабов.

♦ *Об общественном договоре...* Он сводится к следующим положениям:

➚ Каждый из нас передаёт в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого.

➚ Люди все вместе соглашаются подпасть под такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всею общею силою личность и имущество каждого из членов ассоциации и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остаётся столь же свободным, как и прежде.

➚ Немедленно вместо отдельных лиц, вступающих в договорные ассоциации отношения, этот акт создаёт условное коллективное Целое, состоящее из стольких членов, сколько голосов насчитывает общее собрание. Это целое получает в результате такого акта своё единство, свое общее **Я**, свою жизнь и волю. Это лицо юридическое, образующееся, следовательно, в результате объединения всех других, некогда именовалось *Гражданскою общиной*, ныне же именуется *Республикою*, или *Политическим организмом:* его члены называют этот Политический организм *Государством*, когда он пассивен, *Сувереном*, когда он активен, *Державою* — при сопоставлении его с ему подобными. Что до членов ассоциации, то они в совокупности получают имя *народа*, а в отдельности называются *гражданами* как участвующие в верховной власти и *подданными* как подчиняющиеся законам Государства.

♦ Политический организм, так же как организм человека, начинает умирать с самого своего рождения и несёт в себе самом причины разрушения.

♦ **Об «общем праве»:**

Люди могут избавиться от рабства, объединившись с другими людьми, образовав «сумму сил», подчинив их одному движителю, который заставит их действовать согласно.

Этот единый движитель — общая воля (volonté général). Каждый из нас обязан подчиняться общей воле, которой он вручил свою свободу. Выполнение условий заключенного договора настолько серьезно и важно, что ежели кто-то отказывается подчиниться, то ему придется считаться с тем, что он будет **принуждён** к этому всеми силами, имеющимися в распоряжении общества. И это будет не что иное, как то, что его силою принудят быть свободным.

◐ Я бы добавил: силою принудят быть свободным *от самого себя.* ◑

«Общая воля» воплощает в себе суверенитет народа. Она производит законы. Цель законов — достижение общего блага. В различении добра и зла, в определении «блага» общая воля не ошибается. Царит общественная гармония: действуя по закону, каждый действует на пользу всем другим людям и в то же время благодаря посредству общей воли на пользу самому себе.

Воля народа воплощается в законодательной власти, сила его — в исполнительной. Исполнительная власть, т. е. *правительство*, — это посредующий организм для связи между подданными и сувереном, т. е.

общей волей. Дело правительства — исполнение законов, поддержание свободы как гражданской, так и политической.

Особое внимание должно быть обращено на то, что правительство не суверенно. Суверен — народ, общая воля которого воплощена в законодательстве. Правительство — рабочий аппарат общей воли, орудие исполнения законов. В ту минуту, когда правительство узурпирует суверенитет, общественное соглашение разорвано, и все простые граждане уже **принуждены**, а не обязаны повиноваться.

♦ **О равенстве...** Под этим словом не следует понимать, что все должны обладать властью и богатством в совершенно одинаковой мере.

■■ Говорят, что такое равенство — химера, плод мудрствования, не могущие осуществиться на практике. Но если зло неизбежно, то разве из этого следует, что его не надо по меньшей мере ограничивать?! ■

◐ То есть, по мысли Руссо, уж если равенство не достижимо, то пусть хотя бы неравенство людей не будет тотальным и абсолютным. ◑

♦ Основным законом государственного устройства должно быть равенство. Всё должно подчиняться равенству, вплоть до самóй власти, которая устанавливается лишь для того, чтобы его защищать.

♦ Нужно, чтобы все имели средства к существованию.

♦ Благодаря изучению истории нравов я увидел, что всё коренным образом связано с политикой и, как бы ни старались это изменить, каждый народ будет только таким, каким его заставляет быть природа его государственного устройства.

♦ Народы поставили над собою правителей, чтобы защитить свою свободу, а не для того, чтобы обратить себя в рабов.

♦ Давая законы отечеству, правитель должен оставить власть: если тот, кто властвует над законами, не должен властвовать над людьми, то и тот, кто повелевает людьми, не должен властвовать над законами.

♦ Если бы существовал народ, состоящий из богов, то он управлялся бы демократически. Такое совершенное правительство не годится для людей.

♦ Нынешнее общество... Каждый беспрестанно противоречит себе, но никто не находит это дурным. Есть принципы для разговоров, а другие для применения в жизни; противоречие между ними никого не возмущает, — по общему убеждению, они не должны согласовываться между собою; даже от писателя, особенно же от моралиста, не требуют, чтобы он говорил то же, что пишет в своих книгах, и действовал так, как говорит.

♦ Если бы у народа были отняты все короли и философы, то это осталось бы незаметным и дела бы не пошли от этого хуже.

♦ Знатные сословия, заявляющие о своей пользе для остальных, полезны только для самих себя в ущерб остальным.

♦ Мы приближаемся к кризису и веку революций. Кто может ответить на вопрос о судьбе правителей и их окружения? Всё, что сделано людьми, люди могут разрушить: нет неизгладимых свойств, кроме тех, которыми наделяет природа, а природа не создаёт ни государей, ни богачей, ни вельмож. Что же будет делать в унижении какой-нибудь сатрап, который воспитан только для величия? Что же будет делать в нищете и любой наугад взятый мытарь, умеющий жить только золотом?.. Счастлив тот,

кто сумеет во времена потрясений расстаться с состоянием, которое расталось с ним, и остаться человеком наперекор судьбе!

♦ Народы! Знайте раз и навсегда, что природа хотела сберечь вас от наук, подобно тому, как мать вырывает из рук своего ребенка опасное оружие. Все скрываемые ею от вас тайны являются злом, от которого она вас охраняет, и трудность изучения составляет одно из немалых ее благодеяний. Люди испорчены, но они были бы еще хуже, если бы имели несчастье родиться учеными.

♦ Помочь разуму восторжествовать над предрассудками — безумная надежда...

♦ Науки и искусства обязаны своим происхождением нашим порокам.

♦ Все культурные народы всегда развращены, все невежественные — добродетельны...

♦ Искусство и литературу необходимо использовать в качестве средств излечения от болезней, ими же причиняемых.

♦ Правда выше лжи, и лучше уважать человека, чем обожать его.

♦ Самым близким к естественному состоянию из всех тех занятий, которые способны обеспечить существование человека, является труд его рук. Из всех общественных положений самое независимое от судьбы и от людей — положение ремесленника. Когда руки работают больше, чем голова, то пусть это и не приведет к богатству, зато гарантированно даст возможность обойтись без него.

♦ Великий секрет воспитания — в умении добиться того, чтобы телесные и умственные упражнения всегда служили отдыхом одни для других.

♦ Знаете ли вы самое верное средство сделать вашего ребенка несчастным? Это приучить его ни в чём не знать отказа... Сначала он потребует трость, которую вы держите; потом ваши часы; потом птицу, которая летает; потом звезду, которая сияет на небе; он будет требовать всё, что увидит; не будучи богом, как вы его удовлетворите?

♦ Важно знать не то, что есть, а то, что полезно, и в первую очередь те предметы, которые развивают внимание и **любовь к природе**.

♦ Из доступных нам знаний одни ложны, другие бесполезны, третьи служат пищей для гордости того, кто ими обладает. Лишь незначительное есть число тех, которые действительно способствуют нашему благополучию.

♦ Суеверие — один из ужаснейших бичей рода человеческого.

/◐ Что тут скажешь, разве что повторить известнейшее — «В каждом веке своё средневековье». Люди были и будут людьми, незнание чего-то будет сопровождать их, и это значит, что *иллюзорные возлагания* неискоренимы.

Вопрос в другом. Отчего философы так настойчиво хотят очистить и освободить нас от всего, что и есть в нас *сущность человеческая*? Почему они скоры в приговорах и столь нетерпеливы в наставлениях?

Я полагаю, что здесь имеет место один весьма существенный момент. Скажем, острота́ есть в любом предмете: обстругайте кончик карандаша или краешек веточки и вы убедитесь в этом. У острого есть важное свойство — оно легко входимо. Если так, то огрубление смысла мысли до утончения и заострения ее подсмысла — обязательный и необходимый атрибут доходчивости сказанного.

Но не следует ли из этого, что должен быть некий вид обратности? Механизм восстановления прочитанного и услышанного в первоначало исходного содержания и соответственного значения.

Приняв подобное, мы, очевидно, должны пойти и дальше. То есть сказать: философы правы не тем, что говорят, а тем, что в говорении не открывают. Неосознанно, непроизвольно они, путая нас акцентами, главное всё же оставляют себе. Плавающая рыба прекрасна, но вкус ее — а что она без него?! — скрыт в сковородке. По всей вероятности, в этом образе есть нечто важное для понимания философии: наше проникновение в представляемое нуждается в препарировании. Это как в случае со спиральной пружиной: она видна не тогда, когда на нее смотришь, а когда растягиваешь в ленту — бóльшая полнота взора здесь еще больше дополняется почувствованием упругости, ее сопротивляемости нам и нашим преодолением ее.

Отсюда прямо и однозначно вытекает: кто хочет философствовать, не может и не должен смотреть на философа его глазами. Это во-первых. А во-вторых, универсальным приёмом, приближающим усвоение к адекватности, должна быть инверсия — параллельная, последовательная, смешанная. А еще лучше — хаотичная: сколько бы ни дотрагивался кто до клубка, всё равно нитка под пальцем ведёт в обе стороны и... под непредсказуемым углом.

Ну, а теперь о Руссо. Что же он хотел сказать своим высказыванием? Да ничего, кроме как обозначить в некий миг времени одну из черт в своих почувствованиях. Конечно, он против суеверия. Это так. Теперь это и мы знаем. Только что до того суеверию? И потом: как широко ни раскрывай глаза, глядя на всё вокруг, день-то всё равно закончится...

Деяния философа похожи на ветер от веера: ведь этот есть не то, что он должен быть, а то, что бывает, когда быть не может. ◑/

♦ Странно мы живём... Мои братья хотят построить своё счастье на моей беде... Самая дикая пустыня для меня милее общества злых, которое питается ненавистью и предательствами.

♦ Теперь разврат повсюду одинаков; по всей Европе нет ни нравственности, ни добродетели.

♦ Не будь людской несправедливости, зачем понадобилась бы нам юриспруденция?

♦ Производя и питая детей, отец исполняет этим только третью часть своей задачи. Он должен роду человеческому дать людей, обществу — общественных людей, государству — граждан. Всякий человек, который может платить этот тройной долг и не делает этого, виновен и, может быть, более виновен, если платит его наполовину. Кто не может выполнить обязанности отца, тот не имеет права быть им.

♦ Один только урок нравственности годен для детства и в высшей степени важен для всякого возраста — это не делать никому зла.

4. МЫСЛИ

◪ Тысячи путей ведут к заблуждению, к истине только один.

◪ Жить — это не значит дышать, это значит действовать. Не тот человек

больше всего жил, который может насчитать больше лет, а тот, который больше всего чувствовал жизнь.

- От покойного господина де Фонтенеля мне пришлось слышать, что никогда книга не приносила своему автору столько радости, сколько горя. До сорока лет я был благоразумен. В сорок лет я взялся за перо, но откладываю его, не достигши пятидесяти и проклиная каждодневно тот злополучный день, когда неразумная гордость заставила меня взяться за перо, когда прахом пошли мое благополучие, мой покой, мое здоровье...
- Уединение пробуждает любовь к людям, неназойливый интерес к ним.
- Никогда незнание не делает зла; пагубно только заблуждение. Заблуждаются же люди не потому, что не знают, а потому, что воображают себя знающими.
- Мне известны только три орудия, при помощи которых можно влиять на нравы народа: сила закона, власть общественного мнения и привлекательность наслаждения.
- Час работы научит больше, чем день объяснения.
- Вся нравственность человека заключается в его намерениях.
- Доброе — это прекрасное в действии.
- Единственное искусство быть счастливым — сознавать, что счастье твое в твоих руках.
- Нельзя обесчестить того, кто не страшится смерти.
- Самые большие подвиги добродетели были совершены из любви к отечеству.
- Иногда удар не попадает в цель, но намерение не может промахнуться.
- Мы рождаемся слабыми — нам нужна сила; мы рождаемся беспомощными — нам нужна помощь; мы рождаемся бессмысленными — нам нужен рассудок. Всё, чего мы не имеем при рождении и без чего не можем обойтись, ставши взрослыми, дано нам воспитанием.
- Обращайтесь с вашим воспитанником соответственно возрасту... Не допускайте у него даже мысли, что вы претендуете на какую-то власть над ним.
- Первое правило: сердцу человеческому свойственно ставить себя на место не тех людей, которые счастливее нас, но только тех, которые больше нас заслуживают жалости.
- Страдать — это первое, чему должен научиться ребенок, это то, что ему нужнее всего будет знать.
- Счастье — это неизменное состояние, не созданное для человека в этом мире. Всё на земле — в непрерывном течении, которое не позволяет ничему принять постоянную форму. Всё изменяется вокруг нас. Мы изменяемся сами, и никто не может быть уверен, что завтра будет любить то же, что любит сегодня. Поэтому все наши мысли о счастье в этой жизни оказываются химерами.
- Так как шаг к добру — это не делать зла, то первый шаг к счастью — это не страдать.
- Если истинное счастье принадлежит мудрецу, то это потому, что из всех людей он один, у которого судьба меньше всего может отнять.
- Самым счастливым бывает тот, кто наименее терпит горе; самым несчастным — тот, кто меньше всего испытывает удовольствия.

◪ Чистый горный воздух — истинная причина перемены в моем душевном состоянии, причина возврата моего давно утраченного спокойствия. В самом деле, на горных высотах, где воздух чист и прозрачен, все испытывают одно и то же чувство, хотя и не всегда могут объяснить его, — здесь дышится привольнее: тело становится как бы легче, мысль яснее; страсти не так жгучи, желания спокойнее. Размышления принимают какой-то значительный и возвышенный характер, под стать величественному пейзажу, и порождают блаженную умиротворённость, свободную от всего злого, всего чувственного. Как будто, поднимаясь над человеческим жильем, оставляешь все низменные побуждения; душа, приближаясь к эфирным высотам, заимствует у них долю незапятнанной чистоты. Делаешься серьезным, но не печальным; спокойным, но не равнодушным; радуешься, что существуешь и мыслишь; все слишком пылкие желания притупляются, теряют мучительную остроту, и в сердце остаётся лишь легкое и приятное волнение, — вот как благодатный климат обращает на счастье человека те страсти, которые обычно лишь терзают его. Право, любое сильное волнение, любая хандра улетучатся, если поживёшь в здешних местах; и я поражаюсь, отчего подобные омовения горным воздухом, столь целительные и благотворные, не прописываются как всесильное лекарство против телесных и душевных недугов:

Qui non palazzi, non teatro o loggia,
Ma'n lor vece un'abete, un faggio, un pino
Trá l'erba verde e'l bel monte vicino
Levan di terra al Ciel nostr'intelletto.*

◪ Весьма опасаюсь, как бы тот, кто с первого знакомства обходится со мною так, будто мы дружны двадцать лет, не обошелся бы со мною двадцать лет спустя, как с незнакомцем, попроси я его о важной услуге.

◪ Все страсти хороши, когда мы владеем ими; все дурны, когда мы им подчиняемся.

◪ Больше всего следует опасаться тех страстей, которые обманывают, вместо того чтобы неволить, и побуждают нас без нашего ведома делать не то, чего мы желаем.

◪ Первая награда справедливости — это сознание, что мы поступили справедливо.

◪ Если общественная польза не сделала правилом нравственную справедливость, она может сделать из закона орудие политического тиранства, как это часто и бывало.

◪ Благо ли спокойствие? В темнице, к примеру, живут спокойно, но

* «Здесь не дворцы, не театр или лоджия, но вместо них ель, бук, сосна — между зеленой травой и ближней красивой горою возносят нашу мысль от земли к небесам» *(итал.)*. Это подстрочник, а художественный перевод, на мой взгляд, мог бы быть таким:

◐ Здесь нет цивильных выкрутас... Кругом блаженство.
Всё искренне — что трели птиц, что лес.
Трава, деревья, склоны гор... В душе младенство.
И мысль, как дух тепла, несётся в верх небес. ◑

разве из этого следует, что там хорошо? Греки, запертые в пещере циклопа, жили там спокойно в ожидании, когда придет их очередь быть съеденными.

- Совесть! Совесть! Божественный инстинкт, бессмертный голос, верный руководитель существа невежественного и ограниченного, равно разумного и свободного; непогрешимый судья добра и зла, делающий человека подобным Богу! Без тебя не чувствую в себе ничего, что возвышало бы меня над животными.
- Тот лжёт, кто утверждает, что не боится смерти. Всякий человек страшится умереть; это великий закон чувствующих существ, без которого все смертные организмы вскоре подверглись бы уничтожению.
- Человек очень силён, когда довольствуется тем, что он есть, и очень слаб, когда хочет подняться выше человечества.
- Кто хочет быть свободным, тот действительно свободен.
- Пусть лучше бурная свобода, чем безмятежное порабощение.

∇ ◐ И почему это люди любят говорить о свободе?! Причем не только закованные или находящиеся под тем или иным игом, но и насильники, и тираны, и деспоты. Вот даже фанатичный защитник единоличия — Джироламо Савонарола (1452 – 1498) тоже не остался в стороне и известен своим афоризмом: «Истинная свобода дороже золота и серебра».

Конечно же, не дороже! Ибо это эквиваленты. Да такие, которые неотрывно взаимозависимы. Свобода обеспечивает человеку дорогу к богатствам, а они, богатства, умеют прокладывать путь к свободе.

Так что же тогда **свобода**? Свобода — это гарантия Жизни моей жизни. Потому-то мы, пока живы, должны и вынуждены говорить о том, без чего нас сразу не станет, если его не будет.

Несвобода — это всё еще свобода: просто ограничения начинают быть заметными. И вот только **не свобода** нам опасна. Не свободное не может жить, ибо ему запрещены проявления.

Кстати, ***порабощение*** вовсе не есть средство подавления активности человека. Скорее, наоборот. И тому есть немало примеров. Я думаю, что сжатие пружины не столько сдавливает ее, сколько освобождает: она тогда-то по-настоящему и является пружиной. ◑

- Отказаться от свободы — значит отказаться от человеческого достоинства, от прав человечества, даже от его обязанностей.

∇ ◐ Вряд ли. Понятие «свободы» — порождение пребывания в совокупности, в среде, в чёмтости. Поэтому широкое, зарамочное, толкование свободы более направлено на самовыталкивание человека из среды себе подобных, нежели вовлечение его туда. К общению в обществе более приспособлен тот, кто менее ориентирован на «свободу» как «не хочу» и более нацелен на «свободу» как «согласен».

Требующий свободы, видимо, требует не столько ее, сколько тех или иных прав, то ли лично для себя, то ли для тех, кто, опять же, получив права для себя, поделится ими с ним.

Так не следует ли отсюда, что свобода — это не то, что соотно-

сится с необходимостью, ибо необходимость потому и необходимость, что необходима, в смысле, что ее не обойдешь, а то, **чтó** измеряет и оценивает степень нашего (для каждого из нас в каждый данный момент времени) /нами усвоенного или нами присвоенного/ общественного потенциала.

«Не моё» во «мне», его величина, полнота, продолжительность и отданность в мою подконтрольность и есть для меня (и для других касательно меня) моя свобода.

Человек тем свободнее, чем меньше в нём претензий на свободу. И пусть ни для кого не будет, не станет откровением, что каждый наш шаг в сторону свободы — это, по-другому, прыжок в сторону конфликтности, враждебности.

Люди уходят и люди приходят. Их личностные границы в социальной среде непрерывно подвижны. Но узор взаимосвязи задаётся не нами, а **задан** нам. В момент же волевого перераспределения, т. е. в час свободы, мы реализуем торжество своей беды и ничего иного не находим, кроме как несчастий на свою голову. ◑

- Роскошь, может быть, необходима для того, чтобы дать кусок хлеба нищим; но если бы не было роскоши, то не было бы и нищих.
- Самолюбие — вот источник и начало всех наших страстей; оно рождается вместе с нами и не оставляет нас до последней минуты жизни.
- Самолюбие очень похоже на наполненный ветром воздушный шар, из которого вырывается буря, лишь только уколешь его.
- Чрезмерная радость вызывает скорее слезы, чем смех.
- Везде, где приятное заменяют полезным, приятное почти всегда на этом выигрывает.
- Никогда, говорят философы, правда не вредит людям: это есть сильное доказательство того, что они говорят неправду.
- Если бы мы ненавидели порок столько же, сколько любим наслаждения, мы так же воздерживались бы легко от соблазняющего нас греха, как и от смертельного яда в любимом блюде.
- Воображение не украшает более ничего из того, чем мы овладели; ослепление прекращается, как только начинается наслаждение.
- Кто осторожнее в своих обещаниях, тот точнее в их исполнении.
- Я не знаю бóльшего недруга людей, чем «всеобщий друг», который, будучи всегда в восторге от всего, постоянно поощряет злых и своей преступной снисходительностью льстит порокам, порождающим неурядицы в обществе.
- Ничто так неизменно не влечет за собой неблагодарности, как одолжения, за которые никакая благодарность не была бы достаточно велика.
- Вся наша мудрость состоит из рабских предрассудков, все наши обычаи — не более как подчинение, стеснение, принуждение.
- Вообще люди малознающие много говорят, а те, которые много знают, говорят мало.
- Влияние красноречия живое, но моментальное. Люди, редко поддающиеся возбуждению, так же легко и успокаиваются. Холодное и твердое рассуждение не вызывает никакого брожения, но оно захватывает глубоко, и производимое им действие не изглаживается.

- Злополучие, несомненно, великий учитель; но уроки этого учителя сто́ят очень дорого, так что польза, извлекаемая из них, часто сто́ит меньше платы за них.
- Тягостными делает труды законодательства не столько то, что́ надо установить, сколько то, что́ надо уничтожить.
- Зависимость от вещей, не имея никакого нравственного характера, нисколько не вредит свободе и не порождает порока; зависимость же от людей, будучи необузданной, порождает всё.
- Искусство усиливать наслаждение заключается в умении быть скупым на него.
- Похвала развращает тех, кому она нравится.
- Чтобы жить в добродетели, мы всегда должны вести борьбу сами с собой.
- Вам никогда не удастся создать мудрецов, если будете убивать в детях шалунов.
- Имейте в виду, что никогда незнание не делает зла; пагубно только заблуждение. Заблуждаются же люди не потому, что не знают, а потому, что считают себя знающими.
- Хула есть очень удобная вещь: напасть можно с помощью одного слова, а нужны целые страницы для защиты.
- Дайте детству созреть в детстве.
- Величайшая ошибка при воспитании — это чрезмерная торопливость.
- Воспитание человека начинается с его рождения; он еще не говорит, еще не слушает, но уже учится. Опыт предшествует обучению.
- Чем меньше люди знают, тем обширнее кажется им их знание.
- Видеть несправедливость и молчать — это значит самому участвовать в ней.
- Иной сходит в могилу ста лет, а умер, едва родившись.
- Терпение горько, но его плод сладок.
- Печаль, тоска, сожаления, отчаяние — это невзгоды преходящие, не укореняющиеся в душе; и опыт нас учит, как обманчиво горькое чувство, под влиянием которого мы думаем, что наши беды вечны.
- Сама по себе жизнь ничего не значит; цена ее зависит от ее употребления.
- Доброта, выказанная нам каким-нибудь человеком, привязывает нас к нему.
- Не будем перемещать возрастов, как и времена года: нужно быть самим собою во все времена и не бороться против природы, ибо тщетные усилия растрачивают жизнь и мешают нам ею пользоваться.
- Дурной поступок мучает нас не тогда, когда он только что совершён, а когда, спустя долгое время, вспоминаешь его, потому что память о нём не угасает.
- Знать хорошее важнее, чем знать многое.
- Молодость — вот время для усвоения мудрости, старость — время для ее применения.
- Язык ума будет услышан, если он проходит через сердце.
- Если Высшее существо не сделало мир лучшим, значит, оно не могло его сделать таковым.

103 Дидро́

XVIII век

Дени́ Дидро

• Французский философ

Родился: 05.10.1713 г.
Умер: 31.07.1784 г.

Прожил — 70 лет

«Я беру тела такими, каковы они в природе, а не в моей голове; для меня они существующие, разнообразные тела, наделённые свойствами и деятельностью». *(Дидро)*

■ **«Мой читатель, читая меня, неизменно помни, что чувства составляют источник всех наших знаний, что природа — не Бог, человек — не машина, гипотеза — не факт; и будь уверен, что если ты усмотришь в любой моей книге что-нибудь противоречащее этим принципам, значит, ты меня совсем не понял во всех этих местах».** *(Дидро)*

■ **«Стараться оставить после себя больше знаний и счастья, чем их было раньше, улучшать и умножать полученное нами наследство — вот над чем мы должны трудиться».** *(Дидро)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в небольшом городке Лангр, в северо-восточной части Франции (провинция Шампань), в семье ремесленника-ножовщика.
• В возрасте 8 – 9 лет получил первоначальное образование в Лангрском иезуитском коллеже.
• В 12 лет как будущая слава ордена иезуитов был отправлен для последующего обучения в Париж, в иезуитский коллеж д'Аркур. В 1732 г. Дидро окончил его, получив звание **магистра искусств.**
• Мечту отца о богословской стезе для сына Дени так и не осуществил, но зато очень долго и непросто искал себя и свой путь в жизни: работает около двух лет помощником какого-то прокурора, пребывает в малообеспеченности, а в период с 1733 по 1743 г. он вообще живет впроголодь, перебиваясь случайными заработками то как преподаватель, то как переводчик. Что до отца, так он наотрез отказался помогать «бездельнику», ночующему нередко где и как попало, скитающемуся ночи напролет по улицам и бульварам Парижа.

/■■■ Дидро действительно представлял собой в этот период довольно жалкую фигуру. В летнюю жару ходил в сером плюшевом сюртуке, который был попорчен с одного бока и имел оторванный обшлаг.

Добавьте сюда разорванные черные шерстяные чулки, заштопанные сзади белой ниткой... и картина удручающей беспризорности молодого человека будет завершена. ■/

• Любимым произведением Дидро в этот период был роман аббата Прево «Английский философ, или История Кливленда, побочного сына Кромвеля» (1732).

• В 1743 г. Дидро тайно обвенчался с дочерью купеческой вдовы Шампьон. От брака родилось несколько детей и среди них — Мария-Анжелика, ставшая впоследствии первым биографом своего отца.

• В 1745 г. Дидро окунается в английскую моралистику и переводит книгу лорда Шефтсбери «Исследование добродетели, или заслуг», находит друзей в лице Кондильяка и Руссо, подсказывая будущему автору «Эмиля» (да, есть такие сведения!) основные мысли первой работы Руссо «Рассуждение на тему: “Способствовало ли развитие наук и искусств порче нравов или улучшению их?”» (1750), за которую, а точнее за отрицательный ответ на поставленный вопрос, 37-летний Руссо получил премию Дижонской академии, а также имя и славу большого философа.

• В 1746 г. Дидро выпускает свое первое оригинальное произведение — «Философские мысли», осуждённое парламентом на сожжение:

/■■■ Небольшой отрывок из этого сочинения даёт, по-моему, полное и яркое представление о ходе мыслей автора:

♦ Один человек был предан своими детьми, женой и друзьями; его неверные сотоварищи разорили его и ввергли в нищету. Проникнутый ненавистью и глубоким презрением к человеческому роду, он покинул общество и удалился в пещеру. Там, закрыв лицо руками и погрузившись в размышления, как утолить свою жажду мести, он восклицал: «Нечестивцы! Что предпринять, чтобы наказать их за их беззакония и сделать их до такой степени несчастными, как они того заслуживают? О, если бы я мог измыслить... если бы я мог вбить им в голову какую-нибудь небылицу, которой бы они стали придавать больше значения, чем собственной жизни, и относительно которой никогда не могли бы сговориться!..» И вдруг он бросается вон из пещеры, восклицая: «Бог! Бог!» Тысячеустое эхо повторяет за ним: «Бог! Бог!» Это грозное имя проносится от одного полюса до другого, поражая всех, кто его слышит. Сначала люди падают ниц, затем поднимаются, вопрошают друг друга, спорят, ожесточаются, предают друг друга анафеме, ненавидят и убивают один другого; роковое желание человеконенавистника исполнилось, ибо такова была в прошлом и таковой останется на будущие времена роль существа, всегда в равной мере важного и непостижимого для нас. ■/

В 1748 г. по заказу всевластного временщика́ Филиппа Морепа́, наерсника любовных похождений короля Людовика XV (1723 – 1774), ;идро в течение двух недель написал скабрезный роман «Нескромные окровища»:

/ Через много лет Дидро говорил, что готов скупить и сжечь все, какие можно найти, экземпляры этого своего творения. /

• 24 июля 1749 г. Дидро был за свою литературную деятельность арестован. Больше трех месяцев он просидел в Венсеннском замке, из них месяц — в одиночном заключении. Общественное сочувствие было на стороне Дидро. Среди многочисленных посетителей тюремной камеры — его единомышленники: Жан-Жак Руссо и Этьенн Кондильяк.

• Освобождён Дидро был с триумфом: помогли (и в немалой степени!) придворные знакомства. Он регулярно посещает салон ученого барона Поля Гольбаха, где собираются виднейшие умы — философ Гельвеций, академик-математик Д'Аламбер, американский просветитель Франклин, английский писатель Стерн.

• 7 февраля 1752 г. постановлением Королевского совета были запрещены только что вышедшие первые два тома «Энциклопедии», большого, просто огромного по своей информационной насыщенности словаря всех известных на то время наук:

> /■■■ «Его величество признало, — говорилось в документе, — что в этих книгах излагаются многие положения, стремящиеся уничтожить королевский авторитет, укрепить дух независимости и возмущения и своими темными и двусмысленными выражениями заложить основы заблуждений, порчи нравов и неверия». ■ /

• В 1767 г. (через 5 лет после вступления на престол) русская императрица Екатерина II пригласила Дидро в Россию и предложила перенести печатание запрещённой во Франции «Энциклопедии» в Россию. Она выкупила у Дидро его личную библиотеку и сделала философа ее библиотекарем, установив ему солидный оклад, который выплатила на 50 лет вперед. Не сразу, а лишь через 6 лет, в мае 1773 г., Дидро выехал в Россию через Голландию и уже в сентябре был в Петербурге.

• 5 марта 1774 г. Дидро отбыл из России на родину, получив в подарок от венценосицы соболиную шубу.

• Дидро был не чужд поэзии, любил стихи и сам писал их. Вот только одно стихотворение для примера. Посвящено оно женщинам и датировано 1771 годом:

♦ Любую глупость ради вас
Легко свершали наши предки;
Из-за прекрасных ваших глаз
Безумства и у нас нередки.

И наблюдал я сам порой,
Что может из-за вас случиться:
Один надумал утопиться,
Лишился разума другой.

Судья, как ни был бы он важен,
Выслушивает ваш приказ;
Один герой французский даже
Свой долг нарушил из-за вас.

Был Крёз богаче всех на свете;
Однажды он пришел на бал
И на балу Темиру встретил
И вскоре в госпиталь попал.

Тот скромный дар, что от природы
С рожденья мной получен был,
Я растерял. Потратив годы
На ту, которую любил.

Ах, женщины, вся наша слава
Вам покоряется сама...
О восхитительное право
Пленять нас и сводить с ума!

(Пер. М. Кудинова)

• Осенью 1769 г. Дидро встретился с философом Дешаном, и этот последний познакомил его со своим учением. Неординарные мысли соотечественника, их любопытное системное изложение вызвали у Дидро восхищение.

• 19 февраля 1784 г. у Дидро обнаружилось кровохарканье. Считается (с этим мнением согласны и врачи), что таким образом сказалась напряжённая работа, подорвавшая силы зачинателя *энциклопедического*, я бы сказал, направления в философии.

• 31 июля 1784 г. Дени Дидро не стало. Последние дошедшие до нас его слова были такие: **«Первый шаг к философии — неверие»**:

∇ ◐ Дидро постоянно пронизывали два начала — убеждение и страсть. Он чувствовал свою правоту, но ощущал неопровержимость и противоположных аргументов:

↕ ♦ Я говорю вам, что никакого Бога нет, что сотворение мира — пустая фантазия.
♦ Крыло бабочки, глаз мошки представляют наглядное опровержение атеизма.

Может быть, поэтому две его особенно знаменитые фразы звучат столь озадачивающе двусмысленно, если поразмыслить над ними и глубоко задуматься:

↕ ♦ Только честному человеку подобает быть атеистом.
♦ Требуется больше мужества, нежели принято думать, чтобы назвать себя своим настоящим именем. ◑

• **Сочинения Дидро:**

«Философские мысли» (1746):

/ Эта книга вышла анонимно, была осуждена на сожжение постановлением парижского парламента от 07.07.1746 г. /;

«О достаточности натуральной религии» (1747);

«Прогулки скептика, или Аллеи» (1747);

«Письмо о слепых в назидание зрячим» (1750);

«Энциклопедия» (1751 – 1780; 35 томов французского перевода английского энциклопедического словаря Эфраима Чомберса):

/ Дидро был привлечён к этой работе издателями, но очень скоро убедился, что английская основа энциклопедии уже сильно устарела, и тогда он предлагает, участвует и создаёт, по сути дела, новую «Энциклопедию», или, как он ее называет вместе с единомышленниками — Д'Аламбером, Гольбахом, Гельвецием, Вольтером, Монтескьё, Руссо, Тюрго, Бюффоном, Дюкло, Мармонте-

лем и многими другими, — «Толковый словарь наук, искусств и ремесел». /;

«Мысли к объяснению природы» (1753);

«Салоны» (1759 – 1781);

«Монахиня» (произведение написано в 1760 г., впервые опубликовано в 1796 г.):

/ Побудительным толчком к написанию «Монахини» послужила история некоей Маргариты Деламар, которая попала в монастырь после скандального расторжения брака, под угрозой исправительного дома для женщин легкого поведения. Оставшись единственной наследницей родительского состояния, она возбудила судебное дело о расторжении обета бедности и выходе из монастыря. Суд отказал в иске, Маргарита пожизненно осталась в обители...

// Роман наполнен жизненной достоверностью описанного. Родная сестра Дидро была монахиней и сошла с ума; у брата, надевшего священническую сутану, резко изменился приветливый прежде характер; возлюбленная Д'Аламбера, мадемуазель Леспинас, бежала из монастыря. //

«*Сначала увидеть, потом писать*», — любимое присловье Дидро. Его антиклерикальный пафос искренен и воинствен. Всё человеческое естество Дидро противится веронасильственному закабалению людей, манипулированию ими через такие (достойные разве что первобытного, может быть, этапа развития общества) рычаги, как мракобесие и фанатизм:

♦ Мне кажется, что в хорошо управляемом государстве следовало бы затруднить вступление в монастырь и облегчить выход оттуда. И почему бы не приравнять этот случай к множеству других, когда малейшее несоблюдение формальностей делает недействительной судебную процедуру, даже если она правильна во всём остальном? Разве монастыри так уж существенно необходимы для всякого государственного устройства? Разве это Иисус Христос учредил институт монахов и монахинь? Разве церковь не может обойтись без них совершенно? Зачем нужно небесному жениху столько неразумных дев, а роду человеческому — столько жертв? Неужели люди никогда не поймут, что необходимо сузить жерло той бездны, где гибнут будущие поколения? Сто́ят ли все избитые молитвы одного обола, подаваемого бедняку из сострадания? Может ли Бог, сотворивший человека существом общественным, допустить, чтобы его запирали в келье? Может ли Бог, создавший его столь непостоянным, столь слабым, узаконивать опрометчивые его обеты? И разве могут эти обеты, идущие вразрез со склонностями, заложенными в нас самой природой, строго соблюдаться кем-либо, кроме немногих бессильных созданий, у которых зародыши страстей уже зачахли и которых по праву можно было бы отнести к разряду уродов, если бы наши познания позволяли нам так же легко и ясно разбираться в духовном

строении человека, как в его телесной структуре? Разве мрачные обряды, соблюдаемые при принятии послушничества и при пострижении, когда мужчину или женщину обрекают на монашество и на несчастье, — разве они искореняют в нас животные инстинкты? И, напротив, не пробуждаются ли эти инстинкты, благодаря молчанию, принуждению и праздности, с такою силой, какая неведома мирянам, отвлекаемым множеством развлечений? Где можно встретить умы, одержимые нечистыми видениями, которые неотступно преследуют их и волнуют? Где можно встретить глубокое уныние, бледность, худобу — все эти признаки чахнущей и изнуряющей себя человеческой природы? Где слышатся по ночам тревожные стоны, а днем льются беспричинные слезы, которым предшествует беспредметная грусть? Где природа, возмущённая принуждением, ломает все поставленные перед нею преграды, приходит в неистовство и ввергает человека в такую бездну разврата, от которой нет исцеления? В каком другом месте и печаль и злоба уничтожили все общественные инстинкты? Где нет ни отца, ни брата, ни сестры, ни родных, ни друга? Где человек, считая себя явлением временным и быстропреходящим, относится к самым нежным узам в мире, как путник относится к встреченным в пути предметам, — без всякой привязанности к ним? Где обитают ненависть, отвращение и истерия? Где живут рабство и деспотизм? Где царит неутолимая злоба? Где тлеют созревшие в тиши страсти? Где развиваются жестокость и любопытство? Никто не знает истории этих убежищ, никто не знает ее. Дать обет бедности — значит поклясться быть лентяем и вором. Дать обет целомудрия — значит обещать Богу постоянно нарушать самый мудрый и самый важный из его законов. Дать обет послушания — значит отречься от неотъемлемого права человека — от свободы. Если человек соблюдает свой обет — он преступник, если он нарушает его — он клятвопреступник. Жизнь в монастыре — это жизнь фанатика или лицемера. /;

«Племянник Рамо» (1762);

«Разговор Д'Аламбера и Дидро. — Сон Д'Аламбера. — Продолжение разговора» (1769):

/ Философская трилогия. Дидро сам уничтожил ее и был в полной уверенности, что от произведения ничего не осталось. Однако впоследствии были обнаружены копии этих работ. В 1830 г. они были опубликованы. О своём отношении к данным текстам Дидро как-то обмолвился в одном из писем Д'Аламберу: «Эти диалоги вместе с некоторыми записками по математике, которые я, может быть, когда-нибудь решусь опубликовать, были единственными из всех произведений, которыми я любовался». /;

«Философские основания материи и движения» (1770);

«Парадокс об актёре» (1773);

«Речь философа, обращённая к королю» (1773 – 1774);

«Жак-фаталист и его Хозяин» (1773 – 1774);

«Систематическое опровержение книги Гельвеция о человеке» (1774):
/ Написано во время пребывания Дидро в России. /;
«Элементы физиологии» (1774 – 1780);
«Прибавление к письму о слепых» (1782 – 1783).

2. СУДЬБА

► В 1759 г. была начата тайная работа по дальнейшему выпуску «Энциклопедии», и вся она в течение долгих семи лет лежала своей тяжестью на плечах одного Дидро, написавшего лично 1259 статей. В 1765 г. были выпущены сразу последние десять томов печатного текста; а гравюры и рисунки к ним вышли несколько позже — в 1772 году. Но по окончании работы Дидро ждал совершенно неожиданный удар. Для какой-то справки ему понадобилось заглянуть в одну из статей на букву «S». И тут-то обнаружилось, что статья искажена. Это не могло не обеспокоить Дидро. Он перечитал в отпечатанном виде все статьи, над которыми больше всего трудился и которые считал самыми важными. И нашел в них опустошение и хаос.

Друг Дидро Гримм был рядом с ним в это время. Гримм описал потрясение, испытанное Дидро, в своей «Корреспонденции» в январе 1771 г.: «Это открытие повергло его в такое отчаяние и бешенство, что я никогда их не позабуду. Он от скорби рыдал, причем прямо на глазах жены, детей и сочувствовавшей ему прислуги».

► **Дени Дидро** (из предисловия к 8-му тому «Энциклопедии», который Дидро выпустил один, уже без Д'Аламбера):

«В течение 20 лет подряд мы едва ли имели хоть несколько минут покоя. После дней, поглощённых непрерывным неблагодарным трудом, сколько было ночей ожидания тех бедствий, которые стремилась навлечь на нас злоба! Сколько раз поднимались мы с ложа, мучимые тревогой, что нам придётся отступить перед воплями клеветы, разлучиться со своими родными, друзьями и соотечественниками, дабы под небом чужбины искать необходимый для нас покой и покровительство, которые нам предлагали! Но отечество было нам дорого, и мы постоянно надеялись, что предубеждение уступит место справедливости. О соотечественники и современники наши! Сколь бы быстро вы ни судили этот труд, вспомните, что он был предпринят, продолжен и завершён небольшой горсточкой людей одиноких, стеснённых препятствиями в своих планах, выставляемых в самом омерзительном свете, осыпаемых самой ужасной клеветой и оскорблениями, поощряемых только любовью к благу, одобряемых только немногими голосами и не имеющих других средств, кроме тех, которые предоставило им доверие трех или четырех коммерсантов».

► **Екатерина II** (1729 – 1796; по поводу «Замечаний» Дидро на ее «Наказ», где философ называет русскую императрицу «деспотом», ставит диагноз, что «русское общество сгнило еще не созрев», и констатирует, что «Россия обречена быть управляемой дурно в 19 случаях из 20», «что естественная свобода россиян сведена к нулю, а верховная власть не ограничена»):

⊙ «Это сущая болтовня, в которой нет ни знания обстоятельств, ни благоразумия, ни предусмотрительности. Если бы мой наказ был в духе Дидро, он должен был бы перевернуть в России всё вверх дном».

⊙ «Я много и часто разговариваю с Дидро, но не столько с пользой для себя, сколько из любопытства. Если бы я послушалась его, мне пришлось бы совершенно преобразовать и законодательство, и администрацию, и финансы для того, чтобы очистить место для невозможных теорий».

► До конца жизни Дидро не прекращал нападок на религию и церковь, о чём свидетельствует его знаменитая «Молитва» (1754), проникнутая тотальным неверием и безапелляционной иронией:

Молитва

Я начал с природы, которая была названа людьми твоим творением, кончу же я мыслью о тебе, чье имя на земле — Бог.

О Боже! Я не знаю, существуешь ли ты; но я буду отдаваться своим мыслям, как если бы ты видел мою душу; я буду действовать так, как будто бы я находился перед тобой.

Если я когда-нибудь согрешал против своего разума или твоего закона, то я буду менее удовлетворён своей прошлой жизнью, но всё же я буду спокоен насчет моей будущей судьбы, потому что ты забыл мою вину, как только я ее осознал.

Я ни о чём тебя не прошу в этом мире, ведь течение событий само по себе необходимо, если тебя нет; а если ты существуешь, то оно необходимо по установленным тобою законам.

На том свете я жду от тебя награды, если существует тот свет; но, вместе с тем, всё, что я делаю на этом свете, я делаю для себя.

Если я следую благому пути, то это делается без усилий; если я покидаю злое, то без мысли о тебе.

Я бы не мог помешать себе любить истину и добродетель и ненавидеть ложь и порок, если бы даже я знал, что тебя не существует, или если бы я верил, что ты существуешь и оскорбляешься этим.

Вот таков я в настоящем своём виде, необходимо организованная часть вечной и необходимой материи, а может быть, и твое создание.

Но если я хорош и добр, какое дело ближним до того, происходит ли это вследствие счастливой организации, вследствие свободного действия моей воли или при помощи благодати?

► **А. С. Пушкин** (1799 – 1837):

Народ мы русский позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

/■■■ «Удавим последнего короля кишкой последнего попа» — возглас французских крестьян во время Великой революции во Франции. Из стихотворения Дени Дидро «Дифирамб ко дню рождения королей»: «И кишками последнего попа затянем шею последнего короля». Полагают, что Дидро использовал фразу из завещания священника Жана Мелье (1664 – 1729): «Я хотел бы, чтобы последний король был удавлен кишкой последнего попа». Не подлежит сомнению, что Пушкин почерпнул свою мысль у Дидро. ■/

3. УЧЕНИЕ

♦ Невозможно предположение чего-либо, что существует вне материальной Вселенной; никогда не следует делать подобных предположений, потому что из этого нельзя сделать никаких выводов.

♦ Сколько бы различных гипотез пришлось нам выдвинуть, чтоб отгадать тайну природы? Поскольку все эти гипотезы одинаково ложны, они бы нам казались все одинаково правдоподобными. Вопрос: почему **нечто существует** — самый трудный из всех, предлагаемых философией; на него отвечает только откровение.

♦ В самом деле, что мы знаем? Знаем ли мы, что такое материя? Нет. А что такое дух и мысль? Еще того меньше.

♦ Природой я называю общий реальный результат или общие последовательные результаты сочетания элементов.

♦ Чувствительность — общее и существенное свойство материи, из чего следует, что и камень чувствует. А почему нет?

♦ Я иногда сравниваю нервные волокна наших органов с чувствительными, вибрирующими струнами. Чувствительная, вибрирующая струна приходит в колебание и звучит еще долго спустя после удара. Вот это-то дрожание, этот своеобразный и необходимый резонанс не позволяет объекту исчезать в то время, как ум занят соответствующим свойством. Но у дрожащих струн есть еще одна особенность, заключающаяся в том, что струна заставляет дрожать соседние; таким образом одно явление вызывает другое; эти оба представления — третье; все три представления — четвертое и так далее, без того, чтобы можно было определить границу идей, которые возникают и связываются у философа, погружённого в думы или занятого размышлениями в тиши и темноте. Этому инструменту свойственны удивительные скачки, и порой возникшее представление вызывает созвучное представление, отделённое от первого непостижимым расстоянием. Если мы можем наблюдать это явление у звучащих струн, инертных и друг от друга отделённых, то это явление непременно встретится среди живых и связанных точек, среди непрерывных и чувствительных нервных волокон.

♦ Живое образуется из неживого. Чтобы сделать мрамор съедобным, достаточно истолочь его (к примеру, мраморную статуэтку) в порошок, примешать этот порошок к перегною, а на перегное, смешанном с землей, вырастить горох, бобы, капусту и другие овощи. Овощи питаются землей, а мы питаемся овощами.

♦ После того как я наблюдал, как пассивная материя принимает состояние, способное к ощущению, уже ничто не должно вызывать моего удивления... Какая разница между умещающимся в моей руке небольшим количеством элементов, находящихся в состоянии брожения, и этим грандиозным резервуаром различных элементов, раскинувшихся в недрах земли, на поверхности, в глубине морей и в воздушных пространствах!.. Однако при одинаковых причинах, почему действия различны, почему же мы больше не видим быка, который пронзает землю своим рогом, опираясь об нее ногами и усиленно стараясь освободить свое грузное тело?.. Дайте окончиться теперешней породе наших животных; дайте подействовать огромному неподвижному осадку нескольких миллионов ве-

ков. Быть может, чтобы видам животных возродиться, нужно в десять раз больше времени, чем продолжительность их века.

♦ Если вас смущает вопрос о том, что первоначальнее — яйцо или курица, то, значит, вы предполагаете, что животные с самого начала были таковы, какими они являются сейчас. Какое безумие!

♦ Кому известны породы животных, нам предшествовавших? Кому известны породы животных, которые воспоследуют? Всё меняется, всё проходит, остаётся только целое. Вселенная непрестанно вновь начинается и кончается; каждое мгновение она зарождается и умирает. Никогда не было другой Вселенной и никогда другой не будет.

♦ Если бы вера не учила нас, что животные вышли из рук Творца в таком виде, какими мы их видим, если бы позволительно было малейшее сомнение в вопросе их возникновения и конца, то предоставленный своим догадкам философ не мог ли бы предположить, что от века мир животных обладал своими особенностями, рассеянными и смешанными в массе веществ; что с этими элементами случилось то, что они соединились, раз это было возможно, что эмбрион, сформировавшийся из этих элементов, прошел через бесконечное число органических ступеней и этапов развития, что у него последовательно были движения, ощущения, понятия, мысли, размышления, сознание, чувства, страсти, знаки, жесты, звуки, членораздельные звуки, язык, законы, науки, искусства; что между каждой из этих стадий протекли тысячелетия, что, может быть, существуют другие пути развития и другие стадии роста, которые мы не знаем, что была или предстоит остановка; что он удаляется или что он удалится от этого состояния вследствие вечного разрушения, во время которого его способности покинут его, как они некогда в него внедрились, что когда-нибудь он совсем исчезнет из природы или, вернее, что он будет продолжать в ней своё существование, но в совершенно другой форме и с совсем другими способностями, чем наблюдаемые в нем в данный момент времени? Религия не даёт нам уклоняться и сберегает наши силы.

♦ Предположите, что фортепиано обладает способностью ощущения и памятью, и скажите, разве бы оно не стало тогда само повторять те арии, которые вы исполняли бы на его клавишах? Мы — инструменты, одарённые способностью ощущать и памятью. Наши чувства — клавиши, по которым ударяет окружающая нас природа и которые часто сами по себе ударяют...

∇ ◐ На первый взгляд, после таких высказываний Дидро представляется плоским и пошлым «механицистом». Мол, он не видит специфики *живого*: оно-де из элементов, но (!) не является этими элементами, не сводится к ним, обладает дополнительным, в них не содержащимся, новым свойством. Мне же, в свою очередь, хочется не столько защитить Дидро от этой претензии, сколько побудить задуматься его критиков, спросить у них: а разве вы не видите странной и иронической слабости своей аргументации?! Ведь, по сути дела, вы не возражаете Дидро, а подтверждаете правоту его исходной аргументации.

Ну смотрите сами: конгломераты — это очень хорошие (яркие и ёмкие, а главное — всем понятные!) образы **в подходах** к специфике

живого. Часы из шестерёнок, но шестерёнки — не Время; суп, сваренный из овощей, вкусен и ароматен, но у самих этих ингридиентов ни такого вкуса, ни таких аппетитных запахов отродясь не было.

Выходит, что смелые экстраполяции (при таких основанных на поясняющих примерах *наводках*) в сторону **чувствующих организмов** допустимы и вполне уместны, а очевидные аналогии напрашиваются чуть ли не сами.

Так что же тогда нарушает Дидро, коль скоро он, живший более двух веков назад, давал свои ответы на вопросы, которые для нас, людей сегодняшних, всё еще камень преткновения?

Как бы мы ни хотели мыслить иначе и рассуждать по-другому, нам не выйти за пределы данности, которая потому и данность, что дана и **задана** нам. ◑

♦ ***Д'Аламбер*:** На мой взгляд, чувствующее существо еще не есть существо мыслящее, и потому мне было бы интересно знать, каким образом чувствительная материя получила способность мыслить?

***Дидро*:** Расскажу вам историю одного из величайших математиков Европы, историю г-на Д'Аламбера*, который родителями был подброшен на ступеньки церкви.

Еще до того как его мать, прекраснейшая и преступная канониса Тансэн, достигла зрелого возраста, еще до того как военный Латуш достиг возраста юноши, молекулы, долженствовавшие сформировать первоначальные зачатки моего математика, были рассеяны в молодых и хрупких организмах того и другого, просачиваясь вместе с лимфой, циркулировали с кровью, пока, наконец, они не попали во вместилище, предназначенное для их соединения, в половые яички и железы его отца и матери. Но вот редкостное яйцо сформировалось; по фаллопиевым трубам оно, по общему мнению, было введено в матку; вот оно прикрепилось к ней длинным стеблем; вот, постепенно увеличиваясь, оно приближается к состоянию зародыша, вот подходит момент его выхода из мрачной темницы; вот он родился и брошен на ступеньки храма св. Иоанна Круглого, от которого он получил свое имя; вот он взят из воспитательного дома, вот он у груди доброй стекольщицы г-жи Руссо, вскормлен, сделался сильным телом и духом, вот он литератор, механик, математик. Как это произошло? При помощи еды и других чисто механических процессов.

---

* Два слова о **Д'Аламбере** (1717 – 1783). Однажды к нему заявился некий изобретатель, держа в руках машину, которая, по его словам, могла сама себя приводить в движение без всякой опоры на другие тела.

— Стало быть, вы утверждаете, что ваша машина будет двигаться в избранном вами направлении даже в мире, лишенном всех других тел, которые ей просто не нужны? — уточнил Д'Аламбер.

И, получив утвердительный ответ, спросил:

— А как ваша машина угадает, где «вперед», а где «назад», если, кроме нее, вообще ничего нет на свете?

На это изобретатель ответить не смог, а Д'Аламбер тут же записал в рукопись своего знаменитого трактата «Динамика»: «Тело не может само себя привести в движение, ибо нет никакого основания к тому, чтобы оно двигалось предпочтительнее в одну сторону, чем в другую».

/ Маркиза де Тансэн (1681 – 1749) — писательница, возглавлявшая литературный салон; в прошлом монахиня, славилась своими любовными похождениями и финансовыми авантюрами, пользовалась огромным влиянием при дворе. Математик Д'Аламбер, соредактор Дидро по «Энциклопедии», был ее внебрачным сыном. /

♦ Мы располагаем тремя главными средствами исследования: наблюдением природы, размышлением и экспериментом. Наблюдение собирает факты; размышление их комбинирует; опыт проверяет результаты комбинаций.

♦ Мы различаем два вида философий: философию экспериментальную и рациональную. У одной глаза завязаны, она всегда идет спотыкаясь, она берется за всё, что ей попадается в руки, и, в конце концов, натыкается на драгоценные вещи. Другая подхватывает этот драгоценный материал и старается разжечь из него факел; но до настоящего времени этот мнимый факел служил ей хуже, чем ее сопернице искание на ощупь; это и естественно. Опыт бесконечно умножает свои поиски, он действует непрерывно; он неизменно ищет явления, в то время как разум идет путём аналогий. Экспериментальная философия не знает, что ей попадётся в работе и чего не окажется; но она работает без устали. Наоборот, рациональная философия взвешивает возможности, произносит свой суд и умолкает; она самоуверенно заявляет: **свет нельзя разложить**; экспериментальная философия прислушивается и молчит перед рациональной целыми веками, затем она вдруг показывает призму и заявляет: **свет разложи́м**.

♦ Истинный метод философствования был и будет заключаться в том, чтобы умом проверять ум, чтобы умом и экспериментом контролировать чувства, чувствами познавать природу, изучать природу для изобретения различных орудий, пользоваться орудиями для изыскания и усовершенствования знаний, которые необходимо предоставить народу, чтобы научить его относиться с уважением к философии.

♦ Невозможность объяснить образование растения или животного при помощи притяжения, инерции, подвижности, непроницаемости, движения, материи или протяжённости заставила философа Баумана предположить существование еще других свойств природы. Каких же это? *Желание, отвращение, память, ум* — словом, все свойства, которые мы приписываем животным, которые древними мыслителями разумелись под названием *чувственной души* и существование которых допускает доктор Бауман в соответствии с формой и массой как в мельчайшей частице материи, так и в са́мом крупном животном.

♦ Что такое истина? Соответствие наших суждений явлениям.

♦ ***Д'Аламбер***: А что такое аналогия?

Дидро: В самых сложных случаях аналогия есть простое тройное правило, осуществляемое в чувствительном инструменте. Если определенное явление в природе сопровождается другим известным явлением природы, то каково четвертое явление, сопровождающее третье, данное природой или представленное в подражание природе? Если копье обычного воина длиною в десять футов, каково будет копье Аякса[24]?

Если я могу бросить камень в четыре фунта, то Диомед[25] будет в состоянии свернуть каменную глыбу. Длина шагов богов и прыжки их коней будут находиться в воображаемом соотнощении роста богов к человеку. Аналогия — это четвертая струна, согласованная и пропорциональная трем другим струнам; животное ожидает этот резонанс, и в нем он всегда имеется, но не всегда бывает в природе. Поэту это не важно, для него резонанс всегда имеет силу. Иначе обстоит дело с философом; ему необходимо вслед за появлением резонанса спросить у природы, а она часто доставляет ему явление, совершенно отличное от предположённого им, тогда он замечает, что аналогия ввела его в заблуждение.

♦ Все существа превращаются одно в другое... Всё беспрестанно меняется... Любое животное есть более или менее человек; всякий минерал есть более или менее растение; всякое растение есть более или менее животное. В природе нет ничего определенного.

♦ Я могу, например, спросить у Лейбница, Кларка[26], Ньютона, откуда они знают, что животные при первоначальном своем образовании не были одни без головы, а другие без ног. Я могу утверждать, что некоторые из них не имели желудка, а другие не имели кишок, что животные, которым наличность желудка, нёба и зубов обещала, как будто, длительное существование, вымерли из-за какого-нибудь недостатка в сердце или легких, что постепенно вывелись чудовища, что исчезли все неудачные комбинации материи и что сохранились лишь те из них, строение которых не заключало в себе серьезного противоречия и которые могли существовать самостоятельно и продолжать свой род.

♦ ***Д'Аламбер***: Мне не совсем ясно и потому я хотел бы узнать: как мы составляем силлогизм и как мы делаем выводы?

Дидро: Дело в том, что мы их вовсе не делаем; они все извлекаются из природы. Мы только изъясняем связанные явления, связь которых или необходима, или случайна; эти явления нам известны из опыта; они необходимы в математике, физике и в других точных науках; они случайны в этике, в политике и в других неточных науках.

♦ Поскольку вещи даны лишь нашему уму, они составляют наше мнение; это — наши понятия, которые могут быть истинными или ложными, бесспорными или противоречивыми; они становятся устойчивыми, если оказываются связанными с внешним бытием. Эта связь устанавливается или непрерывной цепью доводов, опирающейся, с одной стороны, на наблюдения, с другой стороны — на опыт; или цепью опытов, рассеянных по разным местам среди рассуждений, подобно грузу на нитке, подвешенной на своих концах. Без этого груза нитка стала бы игрушкой малейших воздушных колебаний.

♦ В природе пожирают друг друга виды; в обществе пожирают друг друга сословия.

♦ Люди жили бы довольно спокойно в этом мире, если бы были вполне уверены, что им нечего бояться в другом; мысль, что Бога нет, не испугала еще никого, но скольких ужасала мысль, что существует такой Бог, какого мне изображают!

♦ Перечитайте историю всех народов земли: везде религия превращает невинность в преступление, а преступление объявляет невинным.

♦ Если разум — дар неба и если то же самое можно сказать о вере, значит, небо ниспослало нам два дара, которые несовместимы и противоречат друг другу. Чтобы устранить эту трудность, надо признать, что вера есть химерический принцип, не существующий в природе.

♦ Вот говорят, что надо-де защищать отечество. Ерунда! Больше нет родины: от одного полюса до другого я вижу только тиранов и рабов.

♦ Наши добродетели зависят от нашего способа ощущать и от того, с какой силой действуют на нас внешние предметы.

♦ Всё кончается там, где мы больше не можем наблюдать.

4. МЫСЛИ

- Умный человек видит перед собой неизмеримую область возможного, глупец же считает возможным только то, что есть.
- Люди, выдающиеся своими талантами, должны тратить свое время так, как этого требует уважение самих к себе и к потомству. Что подумало бы о нас потомство, если бы мы ничего не оставили ему.
- Если нет цели, не делаешь ничего, и не делаешь ничего великого, если цель ничтожна.
- Правдивость не лишена пикантных черт, которые можно уловить, если обладаешь гениальностью.
- Неудобство не в том, что имеешь взгляды, а в том, что ими ослепляешься, предпринимая опыт.
- Излагать истину некоторым людям — это всё равно что направить луч света в совиное гнездо. Свет только попортит совам глаза, и они поднимут крик. Если бы люди были невежественны только потому, что ничему не учились, то их, пожалуй, еще можно было бы просветить; но нет, в их ослеплении есть система. [...] Можно образумить человека, который заблуждается невольно; но с какой стороны атаковать того, кто стоит на страже против здравого смысла?
- Нет ничего более противоречащего природе живого, одушевленного и чувствующего существа, чем покой.
- Неправда, что нападать на того, кто не может за себя отомстить, — трусость. Достаточно, чтобы он этого заслуживал. И вовсе не безумие нападать на того, кто отомстит за себя. Когда дело касается добродетели, невинности истины, не бояться мести — это акт благородства. Не все, которые подвергают себя гневу негодяя, — безумцы.
- Если и существует свобода, то вследствие незнания. Когда перед нами две возможности и у нас нет причины для предпочтения одной из них, тогда лишь мы выбираем ту из них, которую хотим.
- Если хотите поколебать гипотезу, предоставьте ей полный простор.
- Гении читают мало, делают много и сами создают себя.
- Правда, добро и красота имеют свои права; их оспаривают, но в конце концов ими восхищаются; то, что не отмечено их печатью, может некоторое время вызывать восхищение, но в конце концов вызовет зевоту.
- В литературе говорится: «О вкусах не спорят»; если подразумевается,

что никогда не стóит спорить с человеком о том, каков его вкус, то это глупость; если же под этим подразумевается, что среди вкусов нет ни хорошего, ни дурного, то это ложь.

- Гораздо легче обойтись без обедни и проповеди, чем без башмаков.
- Я заблудился ночью в дремучем лесу, и слабый огонек в моих руках — мой единственный путеводитель. Вдруг предо мной появляется незнакомец и говорит мне: «Мой друг, задуй свою свечу, чтобы верней найти дорогу». Этот незнакомец — богослов.
- Таланты — не дворянство, чтобы передаваться от поколения к поколению.
- Лица, столь сильно ненавидящие гениев... считают себя гениальными.
- Книга, над которой зеваешь, не вредит никому.
- Награждая хороших, мы тем самым наказываем дурных.
- Глубокие мысли — это железные гвозди, вогнанные в ум так, что ничем не вырвать их.
- Природа напоминает женщину, любящую переодеваться, — ее разнообразные наряды, от которых ускользает то одна часть тела, то другая, дают надежду настойчивым поклонникам некогда узнать ее всю.
- Знание того, какими вещи должны быть, характеризует человека умного; знание того, каковы вещи на самом деле, характеризует человека опытного; знание же того, как их изменить к лучшему, характеризует человека гениального.
- Мне иногда приходится слышать, что «если природа так же могущественна, как и мудра, то почему она не создала гениев столь же добродетельными, как и великими»? На что я отвечаю: «Да разве вы не видите, что подобным рассуждением вы опрокидываете весь мировой порядок. Если бы на земле всё было превосходно, то и не было бы ничего превосходного».
- Разве тот, кто вас слушает, обладает лучшими данными, чем тот, кто говорит? Отнюдь нет. А потому едва ли и два раза на день во всём большом городе вас понимают так, как вы говорите.
- Кто сомневается потому, что не знает оснований достоверности, тот простой невежда. Настоящий скептик тот, кто подсчитал и взвесил основания.
- Если обладать умом — не добродетель, то не обладать им — не порок.
- Когда мужчины неуважительно относятся к женщине, это почти всегда показывает, что она первая забылась в своем обращении с ними.
- Умён лишь тот, кто так же глуп, как мы.
- **Предмет** математики не больше существует в природе, чем **предмет** игры. И здесь, и там — это условная вещь. Когда математики обесславливали метафизиков, они вовсе не предполагали, что вся их собственная наука — не что иное, как метафизика. У математика однажды спросили: «Что такое метафизик?» Математик ответил: «Это человек, который ничего не знает».
- **Идеалистами** называют философов, которые, признавая известным только своё существование и существование ощущений, сменяющихся внутри нас, не допускают ничего другого. Экстравагантная система, которую,

на мой взгляд, могли бы создать только слепые! И эту систему, к стыду человеческого ума, к стыду философии, всего труднее опровергнуть, хотя она всех абсурднее. Она изложена с полной откровенностью и ясностью в трех диалогах доктора Беркли, епископа Клойнского.

- Умный человек видит перед собой неизмеримую область возможного, глупый же считает возможным только то, что есть. Вследствие этого один может сделаться робким, а другой — дерзким.
- Верх безумия — ставить себе целью уничтожение страстей.
- Страсти без конца осуждают, им приписывают все человеческие несчастья и при этом забывают, что они являются также источником всех наших радостей.
- Для истины — достаточный триумф, когда ее принимают немногие, но достойные: быть угодной всем — не ее удел.
- Умный человек есть сочетание безумнейших молекул.
- У всякой формы своё счастье и своё несчастье. От слона до тли... и от тли до чувствительной и живой молекулы, источника всего, — во всей природе нет ни одной точки, которая бы не страдала и которая бы не наслаждалась.
- Нужно стремиться к тому, чтобы сделать философию популярной. Если мы хотим, чтобы философия прогрессировала, приблизим народ к уровню философов.
- Всё определяется полезностью.
- Напрасно трус бьет себя кулаком в грудь, чтобы набраться храбрости; ее нужно иметь прежде того и лишь укреплять в общении с теми, кто ею обладает.
- Даже у самых решительных скептиков имеется надежда, что они ошибаются.
- Свободно сознающийся в незнании того, чего он не знает, побуждает меня верить тому, что он берётся мне объяснить.
- Без идеи целого нет философии.
- Природа упряма и медлительна в своих действиях. Происходит ли удаление, приближение, соединение, разделение, размягчение, уплотнение, затвердение, разжижение, растворение, ассимиляция, — природа идет к своей цели самыми незаметными шагами. Искусство, наоборот, спешит, утомляется и ослабевает. Природе нужны века, чтобы в грубом виде образовать металлы; искусство же берётся в один день их обработать. Природе нужны века, чтобы сформировать драгоценные камни; искусство берётся моментально их подделать.

∇ ◐ В этом месте уместно прервать Дидро и сделать паузу. Перед нами типичный афоризм —эффектный, броский. Чувствуется энергия всеохватности и торжество уверенности.

А как насчет **правильности**?

Совершенно не оспаривая ни право каждого человека на какое угодно мнение, ни авторитет великого сына Франции, учтем и задумаемся: да, природа долго шла к своим творениям, которые якобы (речь идет о логике вышеприведенной мысли) так легко отдались

человеку. Но разве и сам человек **сразу** сравнялся по силе с природой?! Разве появление *искусства* было мгновенным?!

Выходит, — а что еще может проситься в итог? — выходит, что их (природы и искусства) встреча, о которой говорит Дидро, это не случайный дисбалансно-проблемный контакт неравных сторон, а партнёрский альянс непохожих, но одинаковых по целеполаганию взаимодействующих факторов, примерно так соотносящихся, как это можно увидеть на связке «врач — больной».

Хотя... Может быть, *правильность* (ведь «правильности» еще никто не давал и вряд ли даст однозначное единоприемлемое определение) для афоризма совсем не обязательное условие? Подобно тому, как любовь вовсе не всегда предполагает взаимность? Может быть!

Но тогда... А что, скажи́те, еще остаётся от любого философа, как не афоризм?! И получается, что жизненность высказанной мысли, ее энергия и близкость к истине есть определяющий момент в последующей памяти людей о конкретном человеке. О мощи его ума, кинжальной остроте его рассудительности, глубине проникательности в мудрости. ◑

- Вообще, всякий язык беден для писателя с живым воображением.
- Счастье и несчастье не относятся друг к другу так, как мрак и свет; одно не является просто отсутствием другого.
- Мы не знаем почти ничего. Однако сколько написано сочинений, авторы которых утверждают, что они что-то знают!
- Счастлив тот философ-систематик, которого, как некогда Эпикура, Лукреция, Аристотеля, Платона, природа наделила сильным воображением, выдающимся красноречием, искусством представлять свои идеи в ярких и возвышенных образах! Здание, им сооруженное, когда-нибудь рухнет, но его статуя сохранится...
- Если чудеса мира физического обнаруживают некий ум, то безобразия в нравственном мире уничтожают всякое провидение. Если бы даже было доказано (чего на самом деле нет), что всякое зло служит источником какого-нибудь блага, что ко благу привела гибель Британика, лучшего из государей, и власть Нерона, наинегоднейшего из людей, — то как доказать, что нельзя было достигнуть той же цели, не прибегая к тем средствам? Допускать пороки, чтобы усилить блеск добродетелей, — это значит компенсировать очень легковесным преимуществом весьма тяжелое бедствие.
- Не может быть добродетель без Бога и счастье без добродетели.
- У моего знакомого, слепого человека, в молодости была стычка с одним из его братьев, окончившаяся довольно плачевно для последнего. Раздосадованный на него из-за каких-то неприятных замечаний, он схватил первый попавшийся ему под руку предмет, бросил его в брата, попал ему в лоб, и тот упал.

После этой истории и нескольких других таких же его привлекли к суду полиции. Внешние признаки власти, оказывающие такое действие на нас, нисколько не смущают слепых. Наш слепой явился к полицейскому чиновнику, как к равному. Угрозы не напугали его. «Что

можете вы сделать со мной?» — спросил он. «Я брошу вас в тюремный карцер», — ответил чиновник. «О, сударь, — возразил ему слепой, — вот уже двадцать пять лет, как я сижу в нем». Что за изумительный ответ и что за тема для человека, любящего так морализировать, как я! Мы покидаем жизнь, как волшебное зрелище, слепой покидает ее, как темницу; если мы имеем в жизни больше наслаждений, чем он, то, надо признать и это, он умирает с гораздо меньшими сожалениями.

- Когда я обращаю свои взоры на созданное руками человеческими, когда я со всех сторон вижу воздвигнутые города, вижу употребление элементов, наблюдаю определённые языки, цивилизованные народы, сооруженные порты, смотрю, как пересекаются моря, узнаю, что земля и небо измерены, — мне мир представляется очень древним. Когда же я наблюдаю, как люди сомневаются в самых основах медицины и сельского хозяйства, как они сомневаются в самых обычных свойствах веществ, сомневаются в болезнях, которым они подвергнуты, не знают, как обделывать дерево, не знают формы плуга, мне кажется, что жизнь на земле началась только вчера.
- Согласимся же принять всякую вещь такою, как она есть, посмотрим, чего она нам сто́ит и что нам приносит, и оставим в покое целое, которое мы знаем недостаточно, чтобы хвалить его или бранить, и которое, быть может, ни плохо, ни хорошо, если оно необходимо; так полагают многие порядочные люди.
- По моему мнению, наилучший порядок вещей — тот, при котором мне предназначено быть, и к чёрту лучший из миров, если меня в нем нет. Я предпочитаю быть наглым болтуном, чем не быть вовсе. А люди, порицающие существующий порядок, сами при этом не замечают, что отказываются от собственного бытия.
- Чернь говорит: «Сначала жить, затем философствовать». Но тот, кто надел плащ Сократа и кто любит истину и добродетель больше жизни, скажет ей: «Сначала философствовать, а затем жить». Если можно...
- **Из полемики Дидро с Клодом Гельвецием:**

***Гельвеций*:** Все люди с обыкновенной нормальной организацией обладают одинаковыми умственными способностями.

***Дидро*:** Господин Гельвеций, ответьте на маленький вопрос. Вот пятьсот только что родившихся детей. Их готовы отдать вам на воспитание по вашей системе. Скажи́те мне, скольких из них вы сделаете гениальными людьми? Почему не все пятьсот?

Когда двое спорят об одном и том же — это совсем уже́ не об одном и том же. Спор раскалывает тему и растягивает из неё в стороны истину. Спор бессмыслен по определению, ибо, как ветру договориться с солнцем или огню с водой? Правота одной из сторон определена не её разумом, а исключительно несогласием с другой.

Спор — более временно́е понятие, чем состязательное: он длится ***с*** пор ***до*** пор. Почему победа бесспорна? Да потому, что время ожидания её завершено. Завершено подчинением другой стороны.

- Если бояться смерти, ничего хорошего не сделаешь; если всё равно умираешь из-за какого-нибудь камешка в мочевом пузыре, от приступа подагры или по другой столь же нелепой причине, то уж лучше умереть за какое-нибудь великое дело.

Кондилья́к

XVIII век

Этьенн Бонно де Кондильяк

• Французский философ

Родился: 30.09.1714 г.
Умер: 03.08.1780 г.

Прожил — 65 лет

> **«В сущности, есть только одна наука — история природы».**
> *(Кондильяк)*

▪ **«Хотя Бог и обрёк нас на неведение, он не обрёк нас на заблуждение».** *(Кондильяк)*

▪ **«Труднее всего — быть уверенным в привычной очевидности».** *(Кондильяк)*

1. ЖИЗНЬ

• Его отец был сборщиком податей, затем королевским советником. Был период, когда он занимал пост секретаря парламента в Гренобле. Титул отца был — виконт* Мабли.
• Этьенн был младшим из четырех сыновей.
• Имя «Кондильяк» мальчик получил в 1720 г., когда отец приобрел поместья Кондильяк и Банье.
• В 12 лет Этьенн осиротел.
• Он окончил в Париже семинарию, получил духовное звание аббата**.
• Был лично знаком и дружен с Дидро и Руссо. По воспоминаниям Руссо мы знаем, в каких стеснённых материальных обстоятельствах жили они с Этьенном. Достаточно сказать, что девизом молодых людей был лозунг, высказанный приятелем Дидро Жаном Д'Аламбером: «Свобода, Истина, Бедность».
• Первая книга Кондильяка была опубликована благодаря содействию Дидро, которого об этом попросил Руссо.
• Дидро познакомил Кондильяка с Гельвецием, Гольбахом, Вольтером.
• В 34 года Кондильяк избирается членом Берлинской академии наук.
• В 1758 г. 43-летний философ был приглашен в Парму для воспитания инфанта дона Фердинанда /внука короля Людовика XV (1715 – 1774)/, наследника престола герцогства Пармского. Девять лет отдал Кондильяк своей надежде воспитать просвещенного монарха.

---

* **Викóнт** [*фр.* vicomte] — дворянский титул; занимает среднее положение между бароном и графом (во Франции, Англии).

** **Аббáт** [*лат.* abbas (abbatis) < *сир.* abba отец] — 1) настоятель мужского католического монастыря; 2) во Франции — католический священник.

• В 1768 г. Кондильяк возвратился в Париж. Его избирают во Французскую академию.

• Умер Кондильяк на 66-м году жизни в ночь на 3-й день августа 1780 года.

• **Сочинения Кондильяка:**

«Трактат о философских и физических системах, где вскрываются их недостатки и достоинства, написанный автором "Опыта о происхождении человеческих знаний"» (1749);

«Трактат об ощущениях» (1754):

/ Сочинение посвящено графине де Вассе и имеет эпиграф из «Тускуланских бесед» Цицерона:

«Исполню твое желание и разъясню, если сумею, то, что ты хочешь, однако не так, как это делает Аполлон Пифийский, твердо и непреложно, а так, как обыкновенный смертный, который ◐ оказался в правдонастроенном состоянии и следует за ним ◑». /

// В «Трактате об ощущениях» Кондильяк использует ◐ новый познавательный приём (мысленный эксперимент в сочетании с идеальным объектом и концентрирующей мишенью) ◑ — постепенно очеловечиваемую **статую**:

♦ Мы должны рассмотреть в отдельности наши чувства, в точности различить идеи, какими мы обязаны каждому из них, и исследовать, в какой последовательности они обучают друг друга и оказывают друг другу помощь.

Для выполнения этой задачи мы вообразили себе статую, внутренне организованную подобно нам и обладающую духом, лишённым каких бы то ни было идей. Мы предположили, далее, что, сделанная снаружи из мрамора, она не способна пользоваться ни одним из своих чувств, и мы оставили за собой право пускать их в ход по нашему выбору, открывая их для различных впечатлений, которые они способны испытывать.

Мы решили начать с обоняния, ибо из всех чувств оно, кажется, меньше всего содействует росту познания человеческого духа. Затем мы исследовали другие чувства и, рассмотрев их порознь и вместе, увидели, как статуя стала животным, способным заботиться о самосохранении.

Принцип, определяющий развитие ее способностей, очень прост; он содержится в самих ощущениях; действительно, так как все ощущения по необходимости либо приятны, либо неприятны, то статуя заинтересована в том, чтобы испытывать первые и избегать вторых. Легко убедиться, что достаточно этого интереса, чтобы дать начало операциям разума и воли. Суждение, размышление, желание, страсти и т. д. представляют собой не что иное, как само ощущение в его различных превращениях. Вот почему нам казалось бесполезным предполагать, что душа получает непосредственно от природы все те способности, которыми она наделена. Природа дает нам органы, чтобы предупредить нас при помощи удовольствия о том, к чему мы должны стремиться, а при помощи страдания — о том, чего мы должны избегать. Но она ограничивается

этим, предоставляя опыту научить нас приобретать привычки и закончить начатую ею работу.

Наш предмет исследования нов и показывает всю простоту средств, какие использует творец природы. Разве можно не восхищаться тем, что достаточно было сделать человека чувствительным к удовольствию и страданию, чтобы породить в нем идеи, желания, привычки и таланты всякого рода. ♦

А вывод, который делает Кондильяк в конце своего произведения, получается следующий:

♦ Все наши знания происходят из чувств, и в частности из осязания, ибо именно оно обучает другие чувства. //;

«Трактат о животных» (1755);

«Курс занятий по обучению принца Пармского» (1758 – 1768):

/ Курс состоит из 16 томов, печатался в период с 1769 по 1775 год. Здесь были и свои перипетии, связанные с содержащимися в работе критическими оценками церкви, из-за чего против публикации решительно выступил епископ Пармский. Хорошо, что в дело вмешался друг Кондильяка, ученый-экономист, министр финансов Людовика XVI Анн-Робер-Жак Тюрго (1727 – 1781). Благодаря его заступничеству «Курс...» увидел свет. /

// Один из разделов этого большого сводного сочинения — трактат *«Об искусстве рассуждения»*. //;

«Опыт о происхождении человеческих знаний»;

«Логика, или Начала искусства мыслить» (1779):

/ Работа написана по заказу правительства Польши, переданного через графа Потоцкого. Опубликована в год смерти Кондильяка. На титуле первого издания было сопровождение: «Сочинение для начинающих, которому оказал честь своим одобрением Совет, надзирающий за школами воеводств». /;

«Язык исчислений»:

/ Работа писалась в последний период жизни философа. Осталась незавершённой. Опубликована через 18 лет после смерти Кондильяка. /;

«Торговля и правительство, рассмотренные относительно друг друга» (1776).

2. СУДЬБА

► ◐ Быть философом — это значит быть обречённым на вечное своенравие других людей в их оценках и отслеживании.

Смотрите сами. Вот что утверждал Кондильяк:

♦ Нужно ли, чтобы мы судили о сущности вещей? Творец нашей природы не требует этого. Он знает, что он сделал эти сущности недоступными для нас, и хочет только, чтобы мы судили об отношениях, в которых эти вещи находятся к нам, и об отношениях, в которых они находятся между собой, когда знание этих последних может принести нам какую-нибудь пользу. ♦

А вот что «думает» по поводу этих более чем понятных (и куда уж

прозрачнее!) строк комментатор из примечаний к 3-му тому собрания сочинений Кондильяка (М.: Мысль, 1983):

> «На первый взгляд, то, что утверждает здесь Кондильяк, сходно с утверждением Мальбранша о том, что мы не познаём сущности вещей. Но, согласно Мальбраншу, «наши чувства верны и точны, когда они говорят нам об отношениях, какие имеют окружающие тела к нашему телу, но они не могут сказать нам, что такое эти тела сами по себе... наши чувства нам даны лишь для поддержания нашего существования» (*Разыскания истины.* Спб., 1903. Т. 1. С. 131 – 132.). Кондильяк же, признавая, что органы чувств служат нам для поддержания нашего существования, делает отсюда иной вывод: что нашему познанию доступны не только отношения познаваемых объектов к нашему телу, но и отношения, существующие между самими этими объектами».

Но разве **отношение к нам** не подпадает под смысл слов **отношение вещей друг к другу**, если только помнить и не игнорировать ту простую очевидность, что и мы, в отношении вещей к нам, есть **другие**, в связке такого пáрного соотнесения? Следовательно, любое знание о вещах есть для нас знание о них в свете нашего взаимодействия с ними. Ибо как даже отвлечься от того, что, наблюдая вещи, наблюдаем-то их мы, а не они, сами себя, для нас наблюдаются. Вещи молчаливы, а если и издают звуки, то это всегда эхо. То есть наш голос, возвращённый ими нам.

А это значит, что о вещах *самих по себе* мы, действительно, сказать ничего не можем. По крайней мере в рамках только что показанного концептуального облачения. А раз так, то при чём здесь Мальбранш, не говоря уже о том, в чём усмотрена правота Кондильяка, если сказанное Мальбраншем по поводу вещей *самих по себе* столь же общо для философии, как аксиоматично для геометров утверждение, что тела состоят из точек? ◑

► ◐ Вообще, чего только не бывает. Кондильяк, критикуя Никола Мальбранша, незаметно для себя многим позаразился от него. Строгое прочтение «Трактата об ощущениях» (в 1947 г. это осуществил французский философ Э. Леруа) показывает, что в ряде основополагающих воззрений Кондильяка есть, как бы это сказать вернее, **подспудный** слой ◑:

Кондильяк:

«Все наши знания и все наши способности происходят от органов чувств, или, что будет ближе к истине, из ощущений, ибо на самом деле органы чувств лишь окказиональная (случайная, опосредованная) причина ощущений. Они не чувствуют — чувствует только душа, повод к чему ей дают органы чувств, и из модифицирующих ее ощущений душа извлекает все свои знания и способности».

Э. Леруа отмечает, что «у Кондильяка чувства (sens) — это в действительности телесные органы, тогда как ощущения (sensations) — это модификации души». (Oeuvres philosophiques de Condillac. Paris, 1947. V. I. P. 323.) По Кондильяку, органы чувств под воздействием внешних предметов претерпевают определенные изменения. Вследствие этих изменений в материальных органах чувствует, ощущает, переходит из одних со-

стояний (модификаций) в другие нематериальная душа. Но первое изменение, по Кондильяку, не естественная, а «окказиональная» причина второго, т. е. только **повод** (как учил Мальбранш), — мысль, вовсе не следующая из рассуждений Кондильяка и нигде у него не обоснованная, но упорно им повторяемая.

► В жизни Кондильяка всё было ро́вно — ни драмы, ни героизма, ни трагического конфликта. ◐ Для философии случай просто исключительный! ◑ Но кое-что, конечно же, коснулось философа. В частности, обвинение в плагиате из «Всеобщей и частной естественной истории» Жоржа Луи Леклерка де Бюффона (1707 – 1788). Кондильяку тогда было 39 лет.

3. УЧЕНИЕ

♦ Я понимаю под философией знание природы в вещах, доступных нам. А вещи доступны нам благодаря наблюдению...

♦ Обратите внимание на человека, который прогуливается, на все повороты, совершённые им во время прогулки в саду, и спросите его, почему он прошел по одной аллее, а не по другой. Он может с уверенностью ответить Вам: «Я чувствую, что был свободен выбрать, и если я предпочел эту аллею, то исключительно потому, что я этого хотел».

Однако возможно, что движение именно по данной аллее не было со стороны этого человека актом свободы; возможно, что он предоставил своему телу двигаться по ней, подчиняясь такой же необходимости, какой подчинился бы предмет, который толкнула бы в данном направлении внешняя сила. Но у него есть чувство своей свободы, он распространяет его на все свои действия; и так как он нередко чувствует, что свободен, он верит, что ощущает себя свободным всегда.

♦ При всех усилиях, на которые мы способны, нам не пролить света на предметы, которые верховная первопричина — единственная инстанция, способная их объяснить, — не позволяет нам познать.

♦ Из всех средств, какие у нас есть для приобретения знаний, нет ни одного, которое не могло бы нас обмануть. В метафизике нас вводит в заблуждение чувство, в физике — наблюдение, в математике — исчисление.

♦ Мы либо наблюдаем факты, либо комбинируем абстрактные идеи.

♦ Первое свойство любой вещи, являющееся причиной всех других свойств, есть истинная сущность данной вещи.

♦ Если я спрошу вас, почему тело протяжённо и почему душа чувствует, то чем больше вы будете над этим размышлять, тем яснее увидите, что вам нечего ответить. Следовательно, вы не знаете истинной сущности этих двух субстанций.

♦ Когда мы исходим из идеи протяжённой субстанции, у нас нет средства, позволяющего показать, что это та же самая субстанция, которая мыслит.

♦ Душа не может быть протяжённой. Вот доказательство этого.

Сказать, что субстанция сравнивает два ощущения, — значит сказать, что она имеет два ощущения одновременно.

Сказать, что она имеет одновременно два ощущения, — значит сказать, что два ощущения объединяются в ней.

Сказать, что два ощущения объединяются в одной субстанции, — значит сказать, что либо они объединяются в одной субстанции в собствен-

ном смысле этого слова, субстанции, которая не состоит из частей, либо они объединяются в субстанции не в собственном смысле слова, субстанции, которая действительно состоит из частей, каждая из коих тоже субстанция.

Сказать, что два ощущения объединяются в одной субстанции в собственном смысле слова, не состоящей из частей, — значит сказать, что они соединяются в одной простой субстанции, в непротяжённой субстанции. В этом случае доказано тождество субстанции, которую мы сравниваем с непротяжённой субстанцией: доказано, что душа есть простая субстанция.

♦ Доказательство — это ряд предложений, в которых одни и те же идеи, переходя из одного предложения в другое, различаются лишь тем, что они по-разному выражены, а очевидность рассуждения состоит исключительно в тождественности.

■■ Тождественность распознаётся тем, что все выражения, объясняющие исходное предложение, сводятся к формуле *то же сáмое есть то же сáмое.* Так выражение **Целое больше, чем одна из его частей** обладает свойством очевидности, ибо оно тождественно, то есть в иновыражении, причем неизменном самому себе, оно не означает ничего, кроме того, что целое больше, чем то, что меньше его.

Тождественность — единственный способ доказательства истины, и, если оно не достижимо, значит, искомая истина или еще не найдена или полностью отсутствует там, где мы ее пытаемся найти. К примеру, высказывание: *Тело есть протяжённая субстанция* не может никогда, при любых его смысловых вариациях, стать тождественным себе в такой по поводу себя интерпретации: *субстанция, которая ощущает.* Давайте осуществим полный перебор имеющихся у нас на этот счет возможностей:

Сказать, что душа есть субстанция, которая ощущает, — значит сказать, что она есть субстанция, которая имеет ощущения.

Сказать, что она имеет ощущения, — значит сказать, что она имеет либо одно-единственное ощущение, либо два сразу, либо больше.

Сказать, что она имеет либо одно ощущение, либо два и т. д., — значит сказать или что эти ощущения производят на нее приблизительно одинаковое впечатления, или что одно или два производят на нее особенное впечатление.

Сказать, что одно или два ощущения производят на нее особенное впечатление, — значит сказать, что она особенно их замечает, что она выделяет их из всех других.

Сказать, что она особенно замечает одно или два ощущения, — значит сказать, что она обращает на них внимание.

Сказать, что она обращает внимание на два ощущения, — значит сказать, что она их сравнивает.

Сказать, что она их сравнивает, — значит сказать, что она замечает между ними некоторое отношение различия или сходства.

Сказать, что она замечает некоторое отношение различия или сходства, — значит сказать, что она судит.

Сказать, что она судит, — значит сказать, что она выносит одно суждение или последовательно выносит несколько суждений.

Сказать, что она последовательно выносит несколько суждений, — значит сказать, что она размышляет.

Сказать, что она размышляет, — значит сказать, имея в виду исчерпанным один из слоёв проявлений души, что весь ряд предыдущих действий совершался в целостном виде, не выходя за пределы одного и того же действующего начала, при совершенной ненужности каких-либо еще частей или сущностей, кроме одного этого начала.

Но сказать, что нечто, не имеющее частей, действует в самóм себе, — это значит признать его, во-первых, субстанцией, а во-вторых, субстанцией простой и непротяжённой.

Мы вернулись к началу, не уйдя ни на йоту в сторону. Следовательно, доказано, что при безукоризненном рассуждении, опирающемся на метод тождественных преобразований, переход от тела к душе невозможен, поскольку тождество постоянно держит мысль, пусть и в разнообразии значений, но в рамках строгой привязки к неизменному и властно обязательному исходному смыслу. ■

♦ Разве не нелепость — думать, что душа родилась обладающей всеми своими идеями и всеми своими способностями? Не достаточно ли наблюдать, чтобы увидеть, что развитие ее способностей и приобретение ее идей имеют начало?

♦ Чувство свидетельствует, что части тела кажутся чувствительными. Но когда дело касается знания того, действительно ли они чувствительны, то чувство больше ни о чем не свидетельствует, так как и в том и в другом случае признаки одинаковы. Стало быть, этот вопрос не принадлежит к числу вопросов, которые можно решить при помощи очевидности чувства.

∇ ◐ Это, пожалуй, один из самых интересных вопросов. По существу, это выяснение того, насколько действительным может быть недействительное, или иначе: присутствие отсутствия является ли отсутствием присутствия? Если я отрицаю наличие округлости у треугольника, то что более реально: «треугольник», о котором я говорю, или «округлость», которую я подразумеваю?! И вообще: *кажимость* — это факт сомнения или сомнение факта? Я полагаю, что то, что есть, не может не быть. В этом смысле по меньшей мере странны утверждения людей, считающих, что фантазии — химеричны. Ведь строгость рассуждения должна была бы озадачить нас и в такой позиции: сидящий в комнате на 20-м этаже небоскрёба и думающий о море — где находится? Как ни крути, придётся ответить, что он находится и там, где находится, и там, где он не находится. Скажут: второе место пребывания — иллюзорно. Так ли?! А разве не иллюзорен взмах крыла ласточки (пока он есть, его уже и нету, ибо его *настоящее* одномоментно с его *прошлым*. Взмах ни во что не фиксируется, он **есть** в **отсутствии**)? Или сама наша жизнь, когда мы утверждаем, что мы живем, в то время как неопровержимо сами же знаем, что беспрерывно умираем? **Падающая** вода **поднимает** брызги. Это значит, что *неимеющееся* сопровождает всё таким

образом, что наличествующее потому только и наличествует, что отсутствием своим может указывать на себя и тем самым быть. ◑

♦ **Всякое следствие предполагает причину.**

∇ ◐ Правильнее было бы сказать, что следствие предполагает не причину, а следствие. Ибо логика **заставляет** нас признать, что все причины порождают следствия, которые, в свою очередь, выступают причинами для последующих следствий. Но это, конечно же, логика для первоклассников. Причина, понимаемая как следствие, таким пониманием опошляется как причина. Не может быть множество причин. Причина, если она есть, может быть только одна. Та самая, которая явилась для всего протекторатом его («всего») бытия. Остальное же — круги по воде. Отголоски и разлёт первоначальной уставной и установочной мóщи. Именно обусловленность следствий следствиями и есть подоплёка того, что в мире царит непредсказуемость, случайность. Что правит бал некое «вдруг» и неожидаемые неожиданности. Только ниспадание имеет запутанность, поскольку, пока идет процесс эманации, **узор** начала превращается в **хаос** завершения.

Если бы следствие могло уповать на внимание причины! Той причины, что не причина, а ПРИЧИНА!!! Но мир зая́тен, и в нем наряду с протяженностью, движением и душой есть еще и такая составляющая, как **невозможность**: невозможно заставить стоять пустой мешок, невозможно сесть на пол свесив ноги, не полетит рождённый ползать, не может один предмет занимать два разных места, нельзя отмыть добела эфиопа, нельзя мужчине забеременеть, нельзя построить коммунизм, нельзя всем стать верующими, нельзя выдавленную пасту загнать назад в тюбик, нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка, нельзя увидеть свою смерть и укусить свое ухо. Точно так же тщетны желания следствий.

Мы живем не в мире причинно-следственных связей, а исключительно в среде только следственных последствий. Это и есть истинная основа мира. И потому он безумен, и потому он прекрасен. Прекрасен, потому что оценивается безумными. А ведь само то безумие — от восхищения красотой. ◑

♦ Но что такое время и пространство? Это две вещи, о которых философы наговорили массу нелепостей. Протяжённость, материя, тело, пространство, время, сила, движение, скорость — это такие сферы, природа которых от нас совершенно скрыта.

♦ Мы не знаем, как действует то, что называется движущей силой. Спрашивается, является ли движущая сила мгновенной, действует ли она лишь в первый момент или ее действие продолжается и повторяется в каждое мгновение? Это вопрос, на который мы не смогли бы ответить. Если сила действует лишь в первое мгновение, то почему тело еще движется во второе мгновение, третье и т. д.? Мы совсем не понимаем, в чём заключается связь между движением во второе мгновение, в третье и т. д. и силой, которая действует лишь в первое мгновение. Напротив, кажется, что в каждое мгновение тело как бы начинает двигаться и то, куда оно приходит в какое-либо мгновение, вовсе не зависит от того, куда оно

пришло в предыдущие мгновения, и совсем не влияет на то, куда оно придет в последующие мгновения.

Повторяется ли, таким образом, действие силы в каждое мгновение? Но если ей нужно повториться во второе мгновение, что же она произвела в первое? Разве в первое мгновение она не привела тело в движение? А раз так, она повторяется во второе мгновение, в третье, во все последующие мгновения — целую вечность, хотя в течение всего этого времени тело ничем новым не будет приводиться в движение. Разве первоначально сила не привела его в движение? Следовательно, она заставила его пройти пространство. Но пространство может быть пройдено лишь в несколько мгновений, а это противоположно предположению, что сила, которая двигала тело в первое мгновение, должна повторяться, чтобы двигать его в следующие мгновения. Мы не смогли бы выйти из этого затруднения. Если сила является мгновенной, нам непонятно, каким образом движение может длиться дольше одного мгновения; а если нужно, чтобы оно повторялось, мы впадаем в противоречие: мы предполагаем, что в первое мгновение тело прошло пространство, тогда как пространство может быть пройдено лишь в несколько мгновений.

Оставим же все эти вопросы и ограничимся тем, что скажем: существуют движение и сила, т. е. причина, которая его производит, но о которой у нас нет никакой идеи.

/◐ Согласитесь, хороший ум надо иметь, чтобы выйти на такую логику! ◑/

♦ Мы можем идти только от известного к неизвестному — это банальный принцип в теории и почти неизвестный на практике. По-видимому, его понимают только люди, которые совсем не учились. Когда они хотят объяснить вам вещь, которой вы не знаете, они сравнивают ее с другой, которую вы знаете; и если они не всегда удачно выбирают сравнения, то по крайней мере показывают, что они понимают то, что нужно сделать для того, чтобы их поняли.

Не так обстоит дело с учеными. Хотя они желают наставлять, они легко забывают о том, что идти следует от известного к неизвестному. Однако если вы хотите, чтобы я понял идеи, которых у меня нет, мне нужно придерживаться идей, которые у меня есть.

∇ ◐ Идти от известного к неизвестному — это всё равно что идти от воды к суше. Увы, но на деле всё обратно. Мы не можем начинать от известного, ибо не обладаем ничем известным. И не можем идти к неизвестному, поскольку неустранимо в нем находимся. Познание потому и *проблема*, и *явление уникальное*, что оно складывает **знание** из незнания. Движение в незнании превращает пройденное незнание в освоенное незнание. Будучи освоенным — оно как бы **знание**. Но оставаясь всё-таки незнанием, оно непрерывно веками корректируется, уточняется, исправляется. И отвергается! И отбрасывается! Таков наш земной сизифов труд. Таков удел исследователей. ◑

♦ Наблюдая чувственные предметы, естественно восходят к предметам, которые недоступны чувствам, так как по тем следствиям, которые видны, судят о причинах, которых не видят.

♦ Движение тела — это следствие, значит, есть и причина. Несомненно, что эта причина существует, хотя ни один из моих органов чувств не позволяет мне ее заметить: я называю ее силой. Это название не позволяет мне лучше знать ее; я знаю только то, что знал до этого, — что движение имеет причину, которая мне неизвестна. Не я могу о ней говорить; я считаю ее более сильной или более слабой — в зависимости от того, сильнее или слабее само движение; и я до некоторой степени измеряю ее, измеряя движение.

♦ Органы чувств не могут раскрыть, каковы вещи сами по себе: они показывают только некоторые из отношений между ними и некоторые из отношений, в которых они находятся к нам.

♦ Поскольку мы даём названия вещам, идеи которых имеем, предполагается, что мы имеем идеи всех вещей, которым даём названия. Это заблуждение, от которого нужно себя уберечь. Возможно, название было дано вещи лишь потому, что мы уверены в ее существовании; слово *сила* — доказательство тому.

♦ Хотя во Вселенной всё чувственно воспринимаемо, мы видим не всё, и хотя искусство приходит на помощь органам чувств, они всегда слишком слабы. Тем не менее, если мы наблюдаем хорошо, мы раскрываем явления, мы видим, что они, как ряд причин и следствий, образуют различные системы, и составляем себе точные идеи о некоторых частях великого целого.

♦ Движение имеет причину, поскольку оно является следствием, мы будем считать, что Вселенная также представляет собой причину, потому что она сама — следствие; эту причину мы назовем *Богом.* С этим словом дело обстоит не так, как со словом *сила*, идеи которой мы совсем не имеем. Правда, Бог не доступен чувствам; но он запечатлел свои черты в чувственных вещах; мы видим в них Бога, и наши чувства поднимают нас до него.

Действительно, когда я замечаю, что явления рождаются друг из друга, как ряд следствий и причин, я непременно вижу первую причину; и именно с идеи первой причины начинается идея, которую я создаю себе о Боге.

Так как эта причина является первой, она независима, необходима, она есть всегда и охватывает в своей безграничности и в своей вечности всё, что существует.

Я вижу порядок во Вселенной; я замечаю этот порядок повсюду в частях, которые я знаю лучше всего. Если я сам обладаю разумом, я приобрел его лишь постольку, поскольку идеи в моем уме соответствуют порядку вещей вне меня; а мой разум является лишь копией, и очень слабой копией, разума, устроившего вещи, которые я постигаю, и вещи, которых я не постигаю. Значит, первая причина разумна; она целиком упорядочена повсюду и всегда, и ее разумность, как ее безграничность и ее вечность, охватывает все времена и все пространства.

Так как первая причина независима, она может то, чего она желает; и так как она разумна, она желает со знанием и, следовательно, с выбором — она свободна.

♦ **Суждение.** Замечать сходство или различие — значит судить.

Размышление. Например, если я хочу знать, в чём различаются два дерева,

я буду последовательно наблюдать их форму, ствол, ветви, листья, плоды и т. д. Я буду последовательно сравнивать всё это; я составлю ряд суждений; и, так как мое внимание отражается, так сказать, от одного предмета на другой, я скажу, что я размышляю. Таким образом, размышление является не чем иным, как рядом суждений, который создаётся рядом сравнений.

Рассуждение. Суждение, которое я произношу, может неявно заключать в себе другое суждение, которое я не произношу. Можно сказать, например: «Этот свод очень тяжёл; значит, если он недостаточно поддерживается, он упадёт». Вот это-то и подразумевается под словом *рассуждать*; это не что иное, как произносить два суждения именно такого рода.

Мышление. Оно обозначает все способности рассудка и все способности воли. Ибо мыслить — это значит ощущать, обращать внимание, сравнивать, судить, размышлять, воображать, рассуждать, желать, иметь страсти, надеяться, бояться и т. д.

♦ Мы испытываем ощущения почти так же, как клавесин издаёт звуки. Внешние органы человеческого тела — как клавиши; предметы, воздействующие на них, подобны пальцам, ударяющим по клавиатуре; внутренние óрганы тела — как корпус клавесина; ощущения или идеи — как звуки; а память имеет место, когда идеи, порождённые действием предметов на органы чувств, воспроизводятся движениями, к которым мозг приобрел привычку.

♦ Идеи, о которых совсем не думают, нигде не существуют.

♦ Я часто слышал, как спрашивают: «Чем становятся идеи, которыми перестают заниматься? Где они хранятся? Откуда они возвращаются, когда снова предстают перед нами? В душе ли существуют они в течение тех долгих промежутков времени, когда мы совсем о них не думаем, или в теле?»

Исходя из вопросов и из ответов, которые дают метафизики, можно было бы подумать, что идеи подобны всем вещам, запасы которых мы делаем, и что память — не что иное, как огромная кладовая. Столь же резонно придать существование различным формам, какие тело последовательно принимало, и спросить: «Чем становится круглость тела, когда оно принимает другую форму? Где она хранится? И когда это тело вновь становится круглым, откуда к нему приходит круглость?»

Идеи, так же как и ощущения, представляют собой состояния души. Они существуют постольку, поскольку модифицируют ее; они перестают существовать, как только перестают ее модифицировать. Искать в душе идеи, о которых я совсем не думаю, — значит искать их там, где их больше нет; искать их в теле — значит искать там, где их никогда не было. Где же они находятся? Нигде.

Разве не абсурдно было бы спрашивать, где находятся звуки клавесина, когда этот инструмент перестаёт звучать. И разве не ответили бы: «Они нигде не находятся, но, если пальцы ударяют по клавишам и двигаются, как они двигались тогда, они снова производят те же самые звуки»?

Итак, я отвечу, что мои идеи нигде не находятся, когда моя душа перестаёт о них думать, но что они вспоминаются мне, как только возобновляются движения, способные производить их вновь.

∇ ◐ Задаться вопросом, куда девается прозвучавший гудок парохода и мелькнувшая в сознании мысль, более чем правомерно. Если есть материя, принимающая многоразличные из себя оформления, и есть формы, которые видоизменяют исходный субстрат всех тел, то, наверное, уместно будет и знать, а что же случается с потоком тех видов, которые в каждый момент времени и есть для нас то, что мы называем мир, природа, Универсум.

Согласиться с тем, что всё имеющееся исчезает, уходит навсегда, прячется в небытие, было бы не по-философски. Слишком много недоуменных следствий это порождает. А ответить пока никак (по крайней мере, вразумительно) не удаётся.

И всё же. Во-первых, то, что мы знаем (а то, чего мы не знаем, для нас нет: наличествовать, по существу, означает **быть упоминаемым** нами), уже никогда не может исчезнуть, ибо оно мгновенно фиксируется нашей памятью. Во-вторых, я бы предложил полагать, что природа являет собой огромный трансформатор, где все являемые формы есть преобразованное то, что было до них. Это может быть однократное или сто раз кратное преобразование. Суть от этого не меняется.

В-третьих, засохшие листья опад**ают**, но не пропад**ают**. Они **дают** собой возможность повторения процесса и потому через сезон или еще какое-то там время мы увидим такие же сухие листья на том же самом месте.

Здесь сразу же вопрос: «такие же» ли? Я говорю: да! Ибо вариации разнообразия есть не отличие, а способ обеспечения подобия. Мы потому узнаём, т. е. встречаем как знакомое, всё имеющееся, что оно не монотонно однообразно; из-за чего ощутимо.

И еще. Спрашивать, куда деваются узоры калейдоскопа при поворотах тубуса, неверно. И даже — несколько софистично. Задавание такого вопроса предполагает интересоваться *частью*, а иметь в виду *целое*. Узор — не результат, производимый калейдоскопом как прибором, а есть составной момент (не элемент!) существования калейдоскопа. Поэтому можно спрашивать, куда девается калейдоскоп (а это, согласитесь, уже понятнее и посильнее для нас), и должно отвергаться поинтересóвывание относительно «узоров».

Куда девается жизнь живущего, двигающегося, пока он живет, к смерти? А никуда: ведь это и есть то, что мы называем жизнью. Непохожесть мгновений — это и есть образ времени, а он неустраним. И вообще, в философии перспективнее и плодотворнее было бы вести речь о вечности времени, чем раздельно о времени и о вечности. Мокрость воды есть мокрость воды, а не отдельно — вот мокрость, а вот-де вода.

Куда девается перемещение ног после того, как они остановились, куда исчезает звук, как только прекращается стрекотание кузнечика? А туда, куда же исчезает и *обдув* от вентилятора после того, как этот аппарат выключают, — не явления уходят, а процесс замирает. А куда «уходит» ощущаемая нами тяжесть пудовой гири после того, как мы ее поставили после гимнастических упражнений на пол? Переместилась вслед за гирей. Все процессы, протекая, складируются самими собою в самих себя. Не накапливаясь, а живя и существуя этим. ◑

♦ Так же как пальцы сохраняют привычку к ряду движений и могут по малейшему поводу двигаться, как они двигались прежде, так и мозг сохраняет свои привычки; и, будучи однажды возбужден действием чувств, он самостоятельно производит привычные ему движения и вспоминает идеи.

Но как совершаются эти движения? Как они следуют различным побуждениям? Это-то и невозможно изучить. Если бы даже этот вопрос поставили в отношении привычек, приобретаемых пальцами, я не смог бы на него ответить. Не буду же теряться в догадках по этому вопросу. Для меня достаточно судить о привычках мозга по привычкам каждого чувства; нужно удовлетвориться знанием того, что один и тот же механизм, каков бы он ни был, дает идеи, сохраняет и воспроизводит их.

♦ Я легко могу объяснить сновидения. Ибо идеи, которые мы имеем во сне, достаточно похожи на то, что исполняет органист, когда в момент рассеянности он предоставляет своим пальцам действовать наугад. Конечно, его пальцы делают лишь то, что они научены были делать, но они не делают этого в том же самом порядке; они соединяют различные пассажи, извлеченные из различных пьес, которые они разучили.

Давайте же судить о том, что происходит в мозгу, по аналогии с тем, что мы наблюдаем в привычках руки, упражнявшейся на музыкальном инструменте, и мы придем к выводу, что сновидения являются результатом воздействия этого главного органа на чувства, когда во время отдыха всех частей тела он сохраняет достаточно активности для того, чтобы подчиняться некоторым из своих привычек. Ведь поскольку он движется так же, как он двигался, когда мы имели ощущения, он воздействует на чувства, и тотчас же мы слышим и видим; так, например, однорукий думает, что чувствует руку, которой у него больше нет. Но в подобном случае мозг обычно изображает вещи в большом беспорядке, потому что привычки, действие которых приостановлено сном, преграждают путь большому количеству идей.

♦ Аналогия позволяет нам предположить, что в органах, которые мы не можем наблюдать, происходит нечто похожее на то, что мы наблюдаем в других органах. Я не знаю, благодаря какому механизму моя рука обладает достаточной гибкостью и подвижностью, чтобы приобретать навык к определенному порядку движений, но я знаю, что в ней есть гибкость, подвижность, упражнение, привычки, и полагаю, что всё это находится в мозгу и в органах, которые также являются местонахождением памяти.

Таким образом, у меня, несомненно, есть лишь весьма несовершенная идея физических и окказиональных причин чувствительности и памяти; я совсем не знаю их первопричины. Я знаю, что в нас есть движение, но не могу понять, какой силой оно производится. Я знаю, что это движение может быть связано с различными побуждениями, но мне не под силу раскрыть механизм, который ими управляет. Следовательно, мое преимущество в том, что я освободил от всех произвольных гипотез то скудное знание, которое мы имеем по самому неясному вопросу. Я думаю, что именно этим должны ограничиваться физики каждый раз, когда они хотят создавать системы относительно вещей, первые причины которых невозможно наблюдать.

♦ О всех природных вещах я могу иметь лишь весьма неполные знания; собственно, я их не знаю, но опыт учит меня употреблению вещей, которые мне совершенно необходимы. Для меня было бы бесполезно знать о них больше, и природа ограничила этим свои уроки.

♦ Мои знания невелики, но они образуют систему, соответствующую той системе, которой следовал творец моей природы, создавая меня. И это неудивительно, ибо если даны мои потребности и мои способности, то тем самым даны мои исследования и мои знания.

♦ Чему учит нас наше устройство? Избегать вредного и отыскивать полезное. Но нужно ли для этого, чтобы мы судили о сущности вещей? Творец нашей природы не требует этого. Он сделал эти сущности недоступными для нас.

∇ ◐ «Эманационная» тенденция присуща всему многовековому историческому знанию. Ладно, если бы *выливалось* из полного сосуда. Но всё-то как раз по-другому. Через край льётся **неполное**! Наверное, это оттого, что мы проецируем во внешний мир нашу собственную жизнь. Каждый из нас, говоря, к примеру, «моя жизнь», понимает, что для живого употребить фразу, имеющую оконеченный смысл, невозможно, ибо для этого надо умереть. Говоря же о жизни, как о всегдашней части целого, мы всё равно имеем в виду это целое. Так и суждения о мире. Сколько бы мы его ни знали, мы всё равно ощущаем процессирующее продолжение накопления сведений. И это выводит нас в сферу представлений о том, что, безусловно, есть, но в сей миг, да и в ближайший тоже, не дано. Я вижу птичку на ветке, знаю, что она полетит, если ее спугнуть, но вот куда — бог весть.

Так вот, «переполняться в пустом» означает еще и то, что в нас есть психологический механизм «защиты от неполноты». «Достраивание до целого» — есть особенность нашей психики. Вот почему мы любим всё полное — **от** налитых до краёв стаканов и исчерпывающих энциклопедий **до**, если правды, то всей, а если какого-то перечня, то исключительно в режиме полного перебора. Нам претит понятие «части»! Хотя мы сами как комок живого вещества — часть мира; наш прожитый отрезок — всего часть; то, что мы узнаём частью себя — мозгом, есть лишь **часть**. Да-да, именно **часть,** из того, что он (мозг) понимает и успевает охватить и схватить. Мы — часть, живущая по-целому. Но если это так (а почему бы этому и не быть **так**?), то справедливым (для баланса смысла!) должно быть и обратное: мы — целое, живущее по-части. Или отчасти. Но тогда мы получаем парадоксальную формулу противоестественности нашего естественного бытия. Неустранимость этой контраверзы в жизни преломляется такой же непонятной понятностью и в теориях. Наш мозг может породить только то, что он может — несбыточную надежду на сбываемость своих надежд. ◑

♦ Если вы хотите знать дурные привычки человеческого ума, рассмотрите различные мнения людей. Посмотрите на ложные, противоречивые, нелепые идеи, которые повсюду распространило суеверие, и вы сможете судить о значении привычек для страсти, которая заставляет уважать заблуждение гораздо больше, чем истину.

Рассмотрите нации с самого их возникновения вплоть до их распада, и вы увидите, что предрассудки множатся вместе с беспорядками; вы будете удивлены тем, как мало света вы найдете даже в те эпохи, которые называются просвещёнными. Вообще, какое законодательство! какие формы правления! какая юриспруденция! Как мало народов имели хорошие законы и как недолго держатся эти законы!

Наконец, если вы исследуете философский ум у греков, римлян и у тех народов, которые за ними следовали, то по воззрениям, передававшимся из века в век, вы увидите, насколько мало было известно во все века искусство управлять мыслью, и будете удивлены невежеством, в котором мы и поныне пребываем в этом отношении, если учтете, что мы следуем за гениальными людьми, раздвинувшими границы наших знаний. Таков в общем характер философских школ: стремящиеся к исключительному господству, они редко ищут только истину, больше всего они хотят быть оригинальными. Они рассматривают пустые вопросы, говорят на невразумительном жаргоне, наблюдают мало, выдают свои грезы за истолкования природы. Наконец, занятые тем, чтобы нанести друг другу вред, а себе создать новых приверженцев, школы используют для этого всякие средства и всё приносят в жертву взглядам, которые хотят распространить.

Очень трудно распознать истину среди стольких чудовищных систем, поддерживаемых породившими их причинами, т. е. суевериями, правительствами и плохой философией. Заблуждения, тесно связанные друг с другом, друг друга питают. Тщетно было бы бороться с некоторыми из них; следовало бы их уничтожить все сразу, т. е. внезапно изменить все привычки человеческого ума. Но эти привычки слишком укоренились, их поддерживают страсти, ослепляющие нас; и если случайно находится несколько человек, способных открыть глаза, они слишком слабы, чтобы что-нибудь исправить; власть имущие хотят, чтобы заблуждения и предрассудки сохранились.

♦ Так как в детстве мы думаем, следуя другим, мы заимствуем все их предрассудки; достигнув возраста, когда, как нам кажется, мы думаем самостоятельно, мы продолжаем думать по примеру других, потому что думаем, следуя предрассудкам, которые мы от них усвоили. Тогда чем сильнее видимость, что ум развивается, тем больше он заблуждается, и из поколения в поколение накапливают заблуждения. Когда дело дошло до этого предела, есть только один путь восстановить порядок в способности мыслить: забыть всё, чему мы научились, снова вернуть наши идеи к их источнику, проследить их возникновение и переделать, как говорит Бэкон, человеческий разум.

Всё это тем труднее осуществить, чем более образованными люди себя считают.

♦ В течение веков люди предпринимали тщетные усилия, чтобы открыть правила искусства рассуждать. Они не знали, откуда их взять, и искали их в механизме речи — механизме, допускающем все пороки, свойственные языкам. Чтобы найти эти правила, имелось лишь одно средство — рассмотреть, каким способом мы достигаем понимания, и исследовать этот способ в тех задатках, которыми наделила нас природа. Необходимо было

заметить, что языки являются в действительности лишь аналитическими методами, методами, которые теперь стали весьма порочными, но которые были точными и могли бы вновь стать точными. Этого не видели, потому что, не заметив, насколько необходимы нам слова для образования идей всякого рода, думали, что от слов нет другой пользы, кроме того, что они служат нам средством сообщения своих мыслей.

Впрочем, так как во многих отношениях языки показались грамматикам и философам произвольными, то стали предполагать, что правила, принятые в языках, — лишь каприз употребления языков, т. е. что они часто совсем не имеют правил. Однако всякий метод всегда имеет правила и должен их иметь. Значит, не следует удивляться, если до сих пор никто не подозревал, что языки также являются аналитическими методами.

♦ **Об общих идеях.** Например, идея человека составляет часть полных идей Петра и Павла, поскольку равным образом мы находим ее и в Петре, и в Павле.

Нет человека вообще. Значит, эта частная идея совсем не имеет реальности вне нас, а имеет ее только в нашем уме, где существует отдельно от полных, или индивидуальных, идей, часть которых она составляет.

«Общее» не есть синоним «обобщения», «целостности», «законченности», а есть лишь поименование одинаковой принадлежности некоторой подмеченной нами «части» (из набора признаков) к каждому элементу выделенного сознанием класса предметов или группы явлений. То, что здесь нет «общности», так же очевидно, как нет общности в том, что все колёсики часов — круглые. Общим для них будет не какой бы то ни было частный признак (и вообще, не надо путать слова «общий» и «повторяющийся»!) их состава или их бытия, а их всех объединяющее функциональное назначение — уметь в спарке и в сборке с другими (колёсико к колёсику) показывать время. Так и понятие «человека», коль скоро оно абстрагирует признак или значение, означает, что оно не обобщает, а отделяет и выделяет, то есть выпячивает часть, а не подчеркивает целое.

♦ Все общие идеи являются также абстрактными идеями, и мы образуем их, когда берём в каждой индивидуальной идее то, что присуще всем.

Но какова, в сущности, та реальность, которую имеет общая и абстрактная идея в нашем уме? Эта идея есть лишь имя (nom), а если она представляет собой нечто иное, она с необходимостью перестаёт быть абстрактной и общей.

♦ **Анализ и синтез.** В чём же различаются эти два метода? В том, что анализ всегда начинает хорошо, а синтез всегда начинает плохо. Первый, не нарушая порядка, обладает им естественно, так как является методом природы; второй, не знающий естественного порядка потому, что он метод философов, во многом его нарушает и утомляет ум, не просвещая его. Именно синтез стал причиной мании дефиниций, этот неясный метод, который всегда начинает с того, чем нужно кончать.

♦ Философам свойственна системомания. В их трудах можно найти три вида систем:

1. Системы, опирающиеся на общие, или абстрактные, ма́ксимы.
2. Системы, основанные на надуманных или чрезмерно применённых предположениях (догадках).
3. Системы как плод наблюдения природы.

♦ Отвлеченные понятия абсолютно необходимы для внесения порядка в наши знания, так как они указывают каждой идее ее место. Вот каково должно быть их назначение. Но воображать, что они созданы для того, чтобы получать конкретные знания, — заблуждение.

♦ Хотя гипотезы непригодны ни для объяснения механизма Вселенной, ни для того, чтобы дать нам знание первоначал вещей, они не лишены достоинств. Физики с большой пользой применяли бы их, если бы они выяснили те случаи, где гипотезами можно пользоваться.

♦ **Силлогизм Кондильяка:**

Носитель мысли должен быть ***один.***
Материальное тело не есть одно, а множество.

Следовательно, тело, будучи единением и собранием, не может быть носителем мысли.

♦ Сообразно тому, как воздействуют на нас внешние предметы, мы получаем различные идеи через наши органы чувств, а сообразно тому, как мы размышляем о действиях, которые ощущения вызывают в нашей душе, мы приобретаем все идеи, которые мы не смогли бы получить от внешних вещей.

♦ Поднимемся ли мы, выражаясь метафорически, до небес, спустимся ли в бездну, мы нисколько не выходим за пределы самих себя; и мы замечаем всегда только свою собственную мысль.

4. МЫСЛИ

- Начало всему в нас положила природа.
- Если верно, что мы чувствуем всё, что происходит в нас, то столь же верно, что мы замечаем не всё, что чувствуем.
- Бесполезно спрашивать чувство о том, что происходило с нами в детстве.
- Мы представляем собой лишь привычку, но так как мы не знаем, каким образом приобретаются привычки, то считаем, что одна лишь природа сделала нас теми, чем мы являемся.
- Ища истину, мы блуждаем от предположений к ошибкам и от ошибок к предположениям, пока наконец не находим то, что ищем. Именно так обыкновенно и делаются открытия.
- Философы всегда занимаются спорами о том, о чём у них нет никаких идей.
- Если вы желаете соблюдать предосторожность, необходимую для того, чтобы овладеть истинными знаниями, — не доверяйте самому себе.
- Помните, что наилучшим образом доказанные, самые достоверные истины подчас оказываются в противоречии с тем, что мы считаем убедительным.
- Нам удобнее рассуждать, следуя предрассудку, нежели выносить приговор самому предрассудку.
- Не верьте видимости, приучитесь сомневаться даже в тех вещах, которые всегда казались вам несомненными.
- Все наши потребности зависят друг от друга.
- Философы не придумали систему идей, соответствующую системе наших потребностей; они нашли ее, наблюдая природу, и, если бы они наблюдали лучше, они и объяснили бы ее гораздо лучше, чем они это

сделали. Но они думали, что она принадлежит им, и обращались с ней так, как будто она на самом деле принадлежала им. Они внесли в нее произвол, абсурд и чрезвычайно злоупотребляли общими идеями.

К сожалению, мы думали, что узнали эту систему от них, тогда как мы узнали ее от лучшего учителя. Но так как природа не дала нам заметить, что именно она обучила нас этой системе, мы считали, что мы обязаны знанием ее тем людям, которые не упускали случая показать, что нашими учителями были они. Таким образом, мы смешали уроки философов с уроками природы и плохо рассуждали.

- Нередко самые простые вещи ускользают как раз потому, что они просты.
- В природе всё отчётливо; но наш ум слишком ограничен, чтобы отчётливо видеть ее в подробностях. Тщетно мы анализируем: всегда остаются вещи, которых мы не можем подвергнуть анализу и которые по этой причине представляются нам лишь неясно. Искусство классифицировать, столь необходимое для того, чтобы составлять точные идеи, освещает только основные пункты; промежутки остаются в тени, и в этих промежутках смешиваются срединные классы. Например, *дерево* и *куст* — два вполне различных вида. Но дерево может быть меньше, а куст — больше, и можно найти растение, которое не есть ни дерево, ни куст или одновременно есть и то и другое, т. е. такое растение, которое мы затрудняемся отнести к какому-либо классу.
- Мы относимся с пренебрежением к наблюдению вещей, а это одна из основных причин наших неправильных рассуждений и наших заблуждений.
- Чем более невежественны люди, тем больше им не терпится судить.
- Действия тела представляют действия души и порой разоблачают даже самые тайные мысли. Этот язык — язык природы; он — первый, самый выразительный, самый правдивый.
- Является ли нравственность действий чем-то таким, что доступно чувствам? Почему же она им недоступна? Я утверждаю, что добродетель заключается в привычке к хорошим действиям, тогда как порок состоит в привычке к плохим. А ведь эти привычки и эти действия можно видеть.
- Не в нашей власти быть неспособными делать то, к чему мы предназначены, и если мы этого не делаем, то бываем наказаны.
- Чувств, которые мы имеем, нам достаточно для самосохранения; они даже становятся сокровищницей знаний для тех, кто умеет ими пользоваться; и если другие не черпают в них таких же богатств, они не подозревают о том, чего лишены. Как представят они себе, что в обычных для них ощущениях можно увидеть то, чего они сами там не видят?
- Если бы Бог создал в нашем теле новый óрган, способный вызвать новые побуждения, мы стали бы испытывать ощущения, отличные от тех ощущений, которые у нас были до сих пор. Этот óрган раскрыл бы нам в предметах свойства, о которых сейчас мы не смогли бы составить никаких идей. Он был бы источником новых удовольствий, новых страданий и, следовательно, новых потребностей.

То же нужно сказать и о седьмом, и о восьмом, и обо всех чувствах, сколько бы мы их ни предположили. Несомненно, новый óрган в на-

шем теле произвел бы движение, которое вызывает его прозябание, способность к множеству модификаций, какие мы только могли бы вообразить.

Эти чувства возбуждались бы корпускулами определенной формы: они обучались бы так же, как и другие чувства, у осязания и научились бы у него передавать свои ощущения о предметах.

- Философы не могут еще дать хорошую дефиницию (определение) *анализу*. Видя усилия, которые они прилагают к тому, чтобы объяснить этот метод познания, можно сказать, что есть много таинственного в расчленении целого на части и в соединении его вновь.
- Геометры часто делают напрасные усилия и ищут дефиниции, которых не находят. Такова, например, дефиниция прямой линии, ибо сказать вместе с ними, что она есть наикратчайшее расстояние между двумя точками, — значит не показать, что́ она собой представляет, а только предположить, что это известно. Однако, поскольку в языке геометров дефиниция составляет принцип, она не должна предполагать, что вещь известна. Вот подводный камень, из-за которого садятся на мель все создающие основы, к великому возмущению некоторых геометров, сетующих на то, что еще не дана хорошая дефиниция прямой линии, и, по-видимому, не знающих, что не следует определять то, что неопределимо.
- Для тех, которые считают себя учеными, видеть в лучших книгах лишь то, что они знают, и, следовательно, читать их, ничему не учась, — весьма обычное явление; они не видят ничего нового в сочетании, где для них ново всё.
- Аналогия — вот к чему сводится всё искусство рассуждать, так же, как и всё искусство говорить; и в этом одном слове мы видим, как мы можем обучаться, усваивая открытия других, и как мы можем их делать сами. Дети учатся языку у своих родителей лишь потому, что с самых ранних лет чувствуют заключенную в нем аналогию; они естественно руководствуются этим методом, который доступен им гораздо больше, чем все другие. Если мы будем поступать, как они, обучаться аналогии, то все науки станут для нас настолько легкими, насколько это возможно.
- Люди лишь в редких случаях не довольствуются первым попавшимся ответом. Можно сказать, что их любознательность побуждает их не столько осведомляться о какой-либо одной вещи, сколько задавать вопросы по поводу нескольких. Самоуверенность философа импонирует им. Они опасаются показаться слишком малопонятливыми, если будут интересоваться одним и тем же вопросом. Если изречение оракула составлено из привычных им выражений, им уже стыдно сознаться в непонимании его, а если они не могут скрыть своего непонимания, то одного взгляда их учителя, кажется, довольно для устранения этого.
- Установленные факты — вот, собственно, единственные принципы наук.
- Что же до предположений, то они представляют собой такую благодать для невежд, столь удобны; воображение изобретает их с таким удовольствием, так легко; лёжа в постели, буквально не шевеля паль-

цем, творишь, управляешь Вселенной! Всё это не более чем пустые грёзы, однако философ легко предаётся грёзам.

◪ Для того чтобы добиться репутации хорошего министра или хорошего полководца — не в пример тому, чтобы прослыть хорошим философом, — недостаточно парить в области пустых умозрений. Но неужели у нас меньше оснований требовать от философа, чтобы он правильно рассуждал, чем от полководца или министра, чтобы они правильно действовали?

◪ Что может быть нелепее зрелища людей, которые, увидя себя при пробуждении от глубокого сна среди лабиринта, начали бы, с целью найти выход из него, устанавливать общие принципы? Однако так ведут себя философы. Мы рождаемся в лабиринте, в котором тысячи поворотов способны лишь ввести нас в заблуждение, и если есть путь, ведущий нас к истине, то его сначала не видно. Поэтому никакие меры предосторожности с нашей стороны не будут излишними. Будем продвигаться вперед медленно, тщательно исследуя все места, через которые мы проходим, и постараемся узнать их настолько хорошо, чтобы всегда иметь возможность вернуться по своим следам. Для нас важнее очутиться там, где мы были с самого начала, нежели слишком легкомысленно воображать, будто мы вышли из лабиринта.

∇ ◐ Родившемуся в яме бессмысленно и бесполезно ощупывать ее дно с целью выбраться наверх. Хорошее же (смелое, безоглядное, даже нелепое с точки зрения стандартной здравости) предположение (скажем, такое: а что если попробовать устремиться вверх?) в такой истории куда более и перспективное, и ускоряющее отход от бесплодных поисков.

Кто только не пинал философию, кто только не глумился над ней. И унижали ее, отводя ей место безродной прислуги, и отодвигали на задворки науки, считая ее не более чем суммой досужих и бесполезных для практики взглядов. Клеймили суесловием, завиральностью, бредом, агонией угасающего ума и маразмом разума. А некоторые вообще двурушничали, мнимо славя ее «золотым крестом на храме познания» и называя «царицей наук», а на деле вместе с другими, полузнайками, мракобесами и волюнтаристами, топили саму идею любомудрия в скепсисе нищеты духа и бесплодности попыток вырваться из пут приземлённой обыденщины.

А философия была и есть. И не потому, что живуча, а потому, что бессмертна. Тому, кто смотрит вперед, это оттого только и удаётся делать, что он стоит на стезе философии, опирается на ее посох, мани́м просветляемыми ею далями. Философия — это вовсе не способ дополнять или обеспечивать разум и разумение. Философия — это они, т. е. и разум и разумение, в их непрерывном позитивном действии, когда человек тем полноценно очеловечивается, что безоговорочно осознаёт себя и венцом творения, и неограниченным волевым устремлением, и всеправным партнёром мирового «начала».

Философия неутомимо ведёт тех, кто устремлён продолжаться, и великодушно тащит того, чье хотение обретено в оптимизме и веробретённой надежде. Она талисманит любого, в ком тепло желаний еще превалирует над замораживающим пессимизмом.

Любой наш порыв — это уже философия или заявка на нее. Импульсы движения, роста, подъёма — насквозь философичны. И если философов и их дело кто-то не любит, охаивает, третирует, давит, то только потому, что она мешает — не даёт, не позволяет — стоять. ◑

- Есть один приём, часто удававшийся астрологам, именно обычай излагать свои предсказания тёмным, двусмысленным образом, предоставив заботу об их объяснении дальнейшему ходу событий. Но астрологи не всегда нуждаются в подобных уловках; иногда они ожидают исполнения своих пророчеств лишь в воображении лиц, заинтересованных в этом. Прорицания, угрожающие какими-либо бедствиями, сбываются чаще прочих, ибо страх более властен над нами, чем надежда. Примеры этого нередки.
- Метафизика на языке философов означает науку о первых истинах, о первых принципах вещей. Но надо признать, что этой науки в их трудах нет.
- Любопытно, но большинство наших суждений испытывают на себе влияние величины и строятся по принципу: «Ведь муха должна занимать в голове натуралиста не больше места, чем она занимает в природе».
- Обозрев века истории, каждый из нас утвердится в той ма́ксиме, что мнение правит миром. Но чем же является мнение, как не предрассудком? Вот что руководит верховной властью.
- Сильные страсти способны отнять у нас власть над собой, точно так же, как при сильной буре руль перестаёт повиноваться руке кормчего.
- Суеверия проповедуются жрецами алтарей, а главы правительств используют суеверия в своих целях. Законодатели приписывают богам речи, освящающие их законы; философы приспосабливают свои воззрения к предрассудкам, которых они не отваживаются оспаривать, которых они не могут уничтожить и которые иногда они сами разделяют. Так, суеверие, законодательство и философия суть не что иное, как единый свод доктрины, в которой большое количество заблуждений, смешанных с небольшим количеством истин, погружают народы в мрак, и к тому же создаётся видимость просвещения этих народов.
- Часть того, что в нас происходит, ускользает от нас. Сколько в страстях тайных побудительных причин, влияющих на наше поведение? Однако на этот счет мы не сомневаемся: в глубине души мы уверены, что они не участвуют в том, что определяет наше поведение, и принимаем иллюзии за очевидность.
- Даже обладая всеми органами чувств, Вы сможете в достаточной мере постичь абстрактную идею, замечая при этом только свою мысль. Ваше тело на это мгновение ускользнуло бы от Вас, идея его совсем не предстала бы перед Вами — не потому, что оно перестало бы воздействовать на Вашу душу, а потому, что Вы сами перестали бы замечать впечатления, которые Вы от него получаете.

Вот это-то и ввело философов в заблуждение. Занятые одной идеей, они забывают то, чем их душа обязана телу; они вообразили, будто она ему ничем не обязана, и приняли за врождённые те идеи, которые происходят из чувств.

Клод Адриан Гельвеций

XVIII век

• Французский философ

Родился: 31.01.1715 г.
Умер: 26.12.1771 г.

Прожил — 56 лет

> **«Чтобы любить людей, надо от них мало ожидать».** *(Гельвеций)*

■ **«С заблуждением будет покончено лишь тогда, когда обломки мира будут блуждать в пространстве».** *(Гельвеций)*

■ **«Каждая общественная эпоха нуждается в своих великих людях, и, если их нет, она их изобретает».** *(Гельвеций)*

■ **«Философия, как это доказывает этимология самого слова, состоит в любви к мудрости и в поисках истины. Но всякая любовь есть страсть».** *(Гельвеций)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Париже, в семье придворного врача.
• Учился в коллеже Людовика Великого, который находился в ве́дении иезуитского ордена.
• Был живым по натуре, одарённым и очень впечатлительным.
• Любимыми авторами Гельвеция были Корнель, Расин, Лафонтен, Монтень, Лабрюйер, Ларошфуко, Мольер.
• Знакомство молодого Гельвеция с сочинениями Джона Локка было пылким и по-юношески преувеличенным:

♦ Метафизики приписывали себе заслугу открытия неведомого края души. Они, так же как и все путешественники (и здесь вполне к месту такая аналогия), много налгали. Вместо того чтобы дать точную карту души и ее историю, они дали вымышленные и феерические сказки. Это продолжалось до тех пор, пока не явился путешественник англичанин Локк, который сумел увидеть то, что якобы видели метафизики, по их собственным заверениям. Никто их не мог опровергнуть, потому что никто их не понимал, как не понимали они сами себя. Правдивый путешественник открыл наши глаза на ложь метафизиков.

• По завершении обучения в коллеже и в соответствии с волей отца Гельвеций стал готовить себя к занятиям в финансовой сфере. С этой целью он переехал в город Кан, где его дядя занимал пост директора ферм, и вошел в коммерческие круги.

• В 1738 г. королева Мария Лещинская, желая облагодетельствовать своего личного врача, предоставила его сыну, молодому Гельвецию, должность генерального откупщика с годовой рентой 300 тысяч ливров. Будущий философ неожиданно стал богатейшим человеком.

• Гельвеций был знако́м со знаменитым Жоржем Луи Бюффоном (1707 – 1788), автором известной работы «Естественная история». Он дружил и переписывался с Вольтером. Во время своих служебных поездок Гельвеций гостил у Монтескьё в Ла Бреде.

• В 50-е гг. Гельвеций оставляет службу, женится и переезжает жить в свое поместье Воре́. Здесь, в деревенской тиши, за рабочим столом, он формируется как пишущий мыслитель. Правда, есть сведения, что так же сильно, как книжные занятия, Гельвеция влекла *охота*...

• В 1764 г. Гельвеций посетил Англию, был представлен королевской семье, установил личные связи со многими видными деятелями науки и культуры, в частности с Давидом Юмом.

• Гельвеций был справедливым, снисходительным человеком. Современники отмечали его беззлобливость и очень ровный тон в общении. Создавалось впечатление, что для него сердиться на другого человека, встретившегося на его пути, не более разумно, чем сердиться на камень, не убранный с дороги.

• Гельвеций умел не только подмечать необычное и схватывать его в оригинальности сущности. Ему еще было свойственно очень заинтересованно и крайне привлекательно настраивать взор чужого внимания на себя, на свои мысли, на сообщаемые сведения. Да и кто оспорит, что это так, пробежав глазами нижеследующий этюд:

♦ Из того, что человек общителен, сделали вывод, что он добр. Это — заблуждение. Волки живут обществом и не добры. Я прибавлю к этому даже, что если человек создал, как выражается Фонтенель, Бога по своему образу и подобию, то нарисованный им ужасающий портрет божества должен вызвать сильные сомнения относительно доброты человека. Гоббса упрекают за следующий афоризм: «Сильный ребенок есть злой ребенок». Между тем он повторил лишь в других словах следующие прославленные стихи Корнеля:

Кто может сделать всё, чего желает, —
Желает большего, чем должен...

и следующий стих Лафонтена:

Довод более сильного — всегда лучший довод.

Люди, рассматривающие человека как материал для романа, порицают этот афоризм Гоббса, но люди, пишущие историю человека, восхищаются этим афоризмом, и необходимость законов доказывает всю его истинность.

• ◐ Многие высказанные Гельвецием мысли могут нас озадачить. Но что в них пробле́мит больше — их **высказанная** мысль или высказанная **мысль**, я, помня тютчевское: «Мысль изреченная есть ло́жь», признаться, не знаю. Для примера — два положения ◑:

↗ ♦ Отвлечённые системы, касающиеся мира, следует строить толь-

ко на опыте. Философ должен остановиться там, где ему недостает наблюдения.

◐ В том-то и дело, что именно здесь и отсюда философ **начинает**, а не останавливается! Философия всегда шла после физики*. И если физика есть *наука об известном*, то философия, по определению, — **наука о неизвестном****. Какой же «опыт» может быть ей поводырём?! ◑

↗ ♦ Лишь переходя от фактов к фактам, можно прийти к великим открытиям. Надо двигаться вперед, следуя за опытом и никогда не предваряя его.

◐ Вряд ли! Это всё равно что пытаться войти в комнату, предварительно не открыв дверь. Шишка на лбу — вот награда.

В каждую эпоху философы исторически правы: ибо если бы естественники (те самые творцы «опыта»!) могли бы опровергнуть философов, системы которых потом будут объявлены ложными (а философия всегда не права правотой; поистине, ею не умели толком пользоваться и часто — если взять уподоблением бинокль — смотрели не туда, путая местоположение окуляра, обвиняя — надменно и незаслуженно! — создателей теорий в том, что близкое и отчётливое у них-де представлено мелким и отдалённым), то философии, **как таковой**, никогда бы и не было, ибо *зачем* бы она была нужна?! ◑

• В 1765 г. король Пруссии Фридрих II пригласил Гельвеция обосноваться в Пруссии или хотя бы посетить ее. Гельвеций предпочёл второе.

• В 1769 г. Гельвеций закончил работу над своей новой книгой *«О человеке...»*. Однако с публикацией ее он спешить не стал:

/ В письме к Юму, датированном 1770 г., есть объяснение самим Гельвецием его позиции, обусловленной, как можно видеть из содержания послания, набирающими обороты гонениями на передовых мыслителей: «Влияние священников возрастает. И хотя они являются врагами парламентов, последние охотно готовы доставить им

---

* Намек на происхождение слова метафизика.

** ◐ Философия — это наука о неизвестном. Не о том неизвестном, о котором мы сегодня, так сказать, еще не знаем, и которым достраиваем науку до целостности.

Философия — это наука о действительном неизвестном, которое не может быть известно как известное. Неизвестное как таковое, как параллельный мир. Столь же имеющий право на быть, как и всё остальное. И до тех пор, пока не знаем ПОЧЕМУ? есть живое и как оно возникло или произошло, до тех пор неизвестное будет для нас тем известным, о котором следует знать то, чего никто не расскажет, кроме тех, кто им занимается. ФИЛОСОФИЯ — как раз и есть наука об этом.

Философия есть проникание туда, куда попасть невозможно и о чем поведать получается, только будучи там, где побывать нельзя. Реальность Неизвестного очевидна (согласитесь: разбившийся самолет никогда не узнает о пассажирах, которые могли бы еще на нем полетать, а эти последние вряд ли будут иметь представление о розе, которая вдруг да распустится в году эдак 4000-ом где-нибудь в старом парке наверно уже заброшенного южного города...). И вряд ли оспоримо то, что у Неизвестного (т. е. того, откуда всё?, куда всё? и всё ли?, и отчего так? и так ли уж отчего?) должно быть представительство (свое посольство) в нашем здешнем Универсуме. Имя ему — философия. ◑

удовольствие пролитием крови нескольких философов, не дожидаясь даже каких-нибудь доказательств». /

• В последние годы жизни Гельвеций сильно страдал от подагры. Она же и окончательно подточила его силы. 26 декабря 1771 г. Гельвеция не стало. Оставаясь верным своим философским убеждениям, он и перед смертью отказался от примирения с церковью.

• **Сочинения Гельвеция:**

«Послание о любви к знанию» (1738);

«Послание об удовольствии» (1738):

/ Здесь Гельвеций очень отчетливо и даже непримиримо воинственно формулирует свои социальные ориентации:

♦ Нет собственности, которая не была бы результатом кровавого насилия.

♦ Если сила есть право деспота, то бессилие есть его вина. /;

«Послание о надменности и лени ума» (1740);

«Счастье» (1741 – 1751):

/ Эта поэма, признанно считающаяся одним из основных произведений Гельвеция, увидела свет лишь в 1772 г., т. е. после смерти автора. /;

«Об уме» (1758):

/ Сразу же после выхода в свет этого произведения начались самые злобные нападки защитников явно отживающего свой век режима на Гельвеция и его мятежную книгу. Гельвеций был просто ошеломлён угрожающим тоном направленных против него статей. Он был охвачен мыслью поскорее бежать из Франции, следуя примеру Вольтера и Ламетри. Но под давлением близких он отказался от задуманного намерения и стал подписывать одно отречение от своей книги за другим.

1 сентября 1758 г. книга была осуждена Сорбонной[27], которая выдвинула против работы Гельвеция свыше ста обвинений. Книга была предана анафеме со стороны парижского архиепископа Кристофа де Бомона, а затем и папы римского Климента XIII. Парижский парламент приговорил к сожжению книгу Гельвеция рукой палача. Что и было исполнено в 1770 г. вместе с другими просветительскими работами, в частности с книгой Вольтера «Естественная религия».

Неприязненный настрой к сочинению *«Об уме»* вряд ли может вызывать недоумение. А на какой еще, скажите, приём должен был рассчитывать писатель, дерзающий ставить вопрос о вооружённом восстании как средстве уничтожения деспотизма?! Ведь это же очевидная смелость — безоглядная, броская, открытая:

♦ Если какое-нибудь правительство становится чрезмерно жестоким, беспорядки носят тогда благотворный характер. Освобождение народа от рабства стóит иногда государству меньше людей, чем их погибает на каком-нибудь плохо организованном публичном празднестве.

♦ Деспоты сами над собственной головой вешают меч, который должен их поразить. /;

«О человеке, его умственных способностях и его воспитании» (1769):

/ В этой работе Гельвеций предельно откровенен в своих философских взглядах. Свои позиция он обозначает выпукло, уверенно, безапелляционно:

♦ Люди не рождаются, а становятся теми, кто они есть.

♦ У человека всё сводится к ощущению... следовательно, физическая чувствительность есть первоисточник его потребностей, его страстей, его общительности, его идей, его суждений, его желаний, его поступков... наконец, если всё можно объяснить физической чувствительностью, то бесполезно допускать наличие у нас еще других способностей.

♦ Схоласты уверяют, будто они могут без помощи чувств проникнуть в царство разума. Но эти горделивые Сизифы катят в гору камень, который непрерывно скатывается на них обратно. Каковы плоды их пустых словоизвержений и вечных споров? Что можно найти в их огромных фолиантах? Поток слов и пустых идей.

♦ Человек рождается невежественным, но он не рождается глупым.

♦ Одно достоверно, что в настоящее время мы не знаем истинных принципов воспитания.

2. СУДЬБА

► Сен-Ламбер, первый биограф Гельвеция, передаёт интересный эпизод из жизни Гельвеция — генерального откупщика:

Находясь как-то в Бордо, он узнал о новом налоге на вино, грозившем разорить провинцию и город. Гельвеций попытался добиться отмены этого налога, но тщетно. С юношеской горячностью он обратился к гражданам Бордо со следующими словами: «До тех пор, пока вы ограничиваетесь жалобами, никто не удовлетворит ваши просьбы. Вы можете собраться в количестве свыше десяти тысяч человек. Нападите на наших чиновников. Их не более 200. Я встану во главе их, и мы будем защищаться, но в конце концов вы нас одолеете, и вам будет воздана справедливость». По возвращении в Париж Гельвеций добился отмены налога.

► ◐ Кажется, никто не выпустил в Гельвеция столько критических стрел, сколько его же друзья — Вольтер, Руссо, Д'Аламбер, Тюрго, Мармонтель, Морелли, Дидро. К примеру, Дидро. Я привожу здесь два его отзыва (в последовательности) на книгу «Об уме» и «О человеке». Оба наотмащь категоричны и заносчиво бестактны. Видимо, в любом человеке его «человечность», как и следует из самого́ состава слова, рассчитана на вечность, а потому в единицу текущего времени ее будет $\frac{1}{\infty}$ (одна бесконечная) часть ◑:

Денн Дидро:

✓ «Книга «Об уме» — произведение, в котором много ложных общих принципов. Доказательства автора часто слишком слабы. Оно не отличается гениальностью».

✓ «Никогда еще ни один мыслитель не высказал столько верных положений и вместе с тем не сделал столько ложных выводов, не обна-

ружил так много ума и так мало логики. Автор до смешного зачарован собственным мнением...»

► Среди добрых жестов по отношению к гонимому всеми философу была и «рука России». В письме к Гельвецию президент Петербургской академии художеств И. И. Шувалов отнёс книгу «Об уме» к выдающимся произведениям человеческой мысли.

► ◐ Высказывания Гельвеция по большей части просто великолепны. Они насыщенно-упруги, ёмки, афористичны. Порой кажется, что даже одной любой отдельно взятой мысли его достаточно, чтобы войти в плеяду великих мыслителей. Как вот этой, которая ну чем не о нас? ◑:

♦ У каждого народа бывают такие моменты, когда граждане, не зная, чью сторону принять, и колеблясь между хорошим и дурным правительствами, испытывают жажду просвещения, когда умы, так сказать разрыхленные и подготовленные, представляют почву, легко впитывающую в себя росу истины. Пусть в такой момент появится хорошее произведение — оно сможет произвести благодатные реформы. Но достаточно упустить этот момент, как граждане, сделавшись уже нечувствительными к зову славы, непреодолимо будут увлечены формой своего правления на путь невежества и отупения. Тогда умы представляют собой как бы затеердевшую почву. Вода истины падает на нее, течет по ней, но не оплодотворяет ее.

► Один из князей Волконских однажды сказал отцу Алексея Михайловича Пушкина:

— Не понимаю, почему так много говорят о книге Гельвеция? Я прочёл её от доски до доски и ничего особенного не нашёл.

На что тот ответил:

— Верю, но здесь, может быть, не только Гельвеций виноват.

3. УЧЕНИЕ

♦ Философы имеют лишь искажённые сведения о системе мира. При всём своём остроумии и даре комбинирования они могут рассказывать лишь сказки.

♦ Имя Бога написано на каждой звезде.

♦ Если бы Бог не управлял Вселенной, она заблудилась бы в пространстве, как судно в море без мачт, без паруса и без лоцмана.

♦ Человек находится посредине между животным и ангелом.

♦ Из лона Бога проливаются в пространство сущности вещей, которые наполняют его часть.

♦ Бог хочет, чтобы мы находились в заблуждении и неведении относительно некоторых вещей, так как мы их не понимаем. Ибо что касается всех вещей, необходимых нам для жизни, то Бог запечатлел их как в самых низменных, так и в самых благородных умах.

♦ **Интерес** управляет всеми нашими суждениями. Эта точка зрения, с которой я исследую ум, есть, я думаю, единственная, с которой его следует рассматривать. Если физический мир подчиняется закону движения, то мир духовный не менее подчинён закону интереса. На земле интерес есть всесильный волшебник.

♦ Гуманный человек — это человек, для которого вид чужого несчастья невыносим и который, чтобы избавить себя от этого зрелища, так сказать, вынужден помочь ближнему.

♦ Никто не знает, родилась душа до или после тела.

♦ Разум и душа следуют за развитием тела. Слабее всего разум в детстве и в старости, так же как и тело. Вполне возможно, что он является материей.

♦ В наших чувствах находятся матрицы наших идей.

♦ Существуют истины, которые представляются пределами ума и за которые мысль якобы не может выйти. Так, в море две горы кажутся слившимися и замыкающими морское пространство. Но те, кто осмеливаются подойти к ним вплотную, часто обнаруживают пролив, ведущий в новые необъятные моря.

♦ Метафизика, которая могла бы руководить мной там, где ощущения не могут вести меня, — это разум, это точное исследование развития идей и наблюдения, сделанные душой над самой собой.

♦ Правильное исследование нашей природы должно исходить из той непреложной позиции, что **всё проходит через чувства**.

♦ Две способности присущи человеку. Одна — способность получать различные впечатления, производимые на нас внешними предметами; она называется *физической чувствительностью.* Другая — способность сохранять впечатление, произведённое на нас внешними предметами. Она называется памятью, которая есть не что иное, как длящееся, но ослабленное ощущение.

♦ Род наших идей и наших картин не зависит вовсе от природы ума — одинакового у всех людей, а от того вида предметов, который случай запечатлевает в нашей памяти.

♦ Если бы наш сосед видел квадрат там, где мы видим круг; если бы молоко казалось белым одному и красным другому; и, наконец, если бы некоторые люди видели вместо розы репейник, а вместо красавицы уродину, то люди не могли бы понимать друг друга и взаимно сообщать друг другу свои мысли. Но фактически они понимают друг друга и взаимно сообщают свои идеи. Следовательно, одни и те же предметы вызывают в них приблизительно одни и те же впечатления.

♦ Все люди наделены, в сущности, правильным умом. Так что ложные суждения являются следствием случайных причин.

♦ Ум является сыном нужды и интереса.

♦ Если мы во сне переживаем те же ощущения, какие мы испытывали бы в присутствии предметов, то как доказать, что наша жизнь не есть лишь длительный сон?

♦ Движение есть причина всего существующего.

♦ В животном царстве организация может произвести то особенное качество, которое называют способностью ощущать. Эта способность является у животных результатом строения их тела. Она возникает вместе с образованием их органов, сохраняется, пока они существуют, и, наконец, утрачивается вследствие разложения этих органов.

♦ Что означает слово «Бог»? — Неизвестную еще причину порядка и движения. Если же словом «Бог» связывают некоторые другие идеи, то, как доказывает Робинэ, мы становимся жертвой тысячи противоречий.

♦ Создание Бога является лишь обожествлением человеческого невежества.

♦ Любовь к счастью, вызвав жадное любопытство и любовь к чудесному, породила у различных народов сверхъестественные существа.

♦ Нравственность большинства народов является в настоящее время лишь собранием способов, которые употребляют власть имущие, и правил, которые они диктуют для того, чтобы укрепить свой авторитет и иметь возможность безнаказанно быть несправедливыми.

♦ Я доказал, что одни и те же поступки, то полезные, то вредные, в зависимости от времени и страны, были то почитаемы, то презираемы. То же самое относится и к идеям. Различие в интересах народов и изменения, вносимые в эти интересы временем, вызывают перемены во вкусах, внезапное появление и внезапное же исчезновение некоторых проявлений ума и обусловливают то незаслуженное, то справедливое презрение, которое взаимно питают друг к другу в вопросах ума различные эпохи и народы.

Спрашивается, почему романы, особенно ценимые 300 лет тому назад, теперь кажутся скучными и смешными? Потому что достоинство большинства этих произведений зависит главным образом от точности, с которой в них изображены пороки, добродетели, страсти, нравы и смешные стороны какого-либо народа.

Но нравы этого народа обычно в другом веке уже не те, что были в предшествовавшем; это изменение вызывает изменение в жанре романов данного народа и в его вкусах; поэтому народ в интересах своего развлечения почти всегда принужден презирать в данном веке то, чем он восхищался в предшествовавшем.

♦ Мы видим, что в разные времена известные проявления ума производят весьма различное впечатление, однако всегда пропорциональное выгоде, связанной с их признанием. Эта общественная выгода весьма различна в различные эпохи и поэтому вызывает, как я это докажу, внезапное появление и исчезновение некоторых родов идей и произведений; таковы все религиозно-полемические произведения, пользовавшиеся в своё время известностью и успехом, а в настоящее время позабытые.

В самом деле, в эпоху, когда люди, разделённые различием верований, были проникнуты фанатическим духом, когда каждое вероисповедание, пылая желанием поддержать свои догматы, стремилось, при помощи оружия и доказательств, их распространить и заставить весь мир принять их, тогда полемические сочинения представляли общий интерес уже одним своим содержанием и потому были всеми ценимы; к тому же некоторые из них были написаны еретиками с чрезвычайным искусством и умом.

♦ Причины нравственного порядка объясняют нам все различные, относящиеся к уму явления и показывают, что, подобно частичкам огня, скрытым в порохе и бездеятельным, пока искра не оживит их, ум остаётся бездействующим, пока страсти не приведут его в движение. Страсти способны превратить глупца в умного человека, и всем, что мы имеем, мы обязаны воспитанию.

♦ Гениальные люди являются продуктом условий, в которых они находились. Если бы гениальность была, как утверждают, даром природы, то почему же среди людей, исполняющих какую-либо должность, или среди людей, родившихся либо долго живших в провинции, нет ни одного прославившегося в искусствах — в поэзии, в музыке или живописи? Почему гениальность не могла бы заменить у должностных лиц потерю некоторого времени, требуемого для выполнения служебных обязанностей, а у провинциалов — беседы с образованными людьми, которых встречаешь только в столице? Почему великий человек обладает гениальностью лишь в той отрасли, которую он долгое время изучал? Разве не видно из этого, что если он не обладает превосходством в других отраслях, то, значит, он и не имеет другого преимущества над остальными людьми, кроме привычки к прилежанию и научных методов? Почему, наконец, среди великих людей реже встречаются великие министры? Потому что ко множеству обстоятельств, необходимых для создания гения, нужно еще присоединить такие обстоятельства, которые помогли бы этому гениальному человеку подняться до должности министра. Но комбинация стечения обстоятельств обоего рода, весьма редкая у всех народов, является почти невозможной в странах, где заслуги сами по себе не приводят к высоким местам. Поэтому если исключить таких людей, как Ксенофонт, Сципион, Конфуций, Цезарь, Ганнибал, Ликург и, может быть, еще каких-нибудь пятьдесят государственных мужей, чей ум мог бы вы-

держать строгий экзамен, то все остальные — и среди них даже несколько весьма известных в истории и ознаменовавших себя громкими деяниями лиц — всё же были, как бы ни восхваляли их ум, людьми весьма обыкновенными. Своей известностью они больше обязаны силе своего характера, чем силе ума.

♦ Пять чувств — это пять ворот, через которые к душе приходят идеи. Знания человека никогда не достигают большего, чем дают его чувства.

♦ Ум есть продукт души или способности ощущать.

♦ Ум никогда не может отгадать языка чувства. Благодаря размышлениям и припоминанию умный человек может более или менее угадать, что должен делать или говорить любовник в данном положении; он может, если я осмелюсь так выразиться, подменить чувство *прочувствованное* чувством *продуманным*; он подобен живописцу, который хотел бы написать портрет прекрасной женщины, руководствуясь лишь описанием и составленным им себе образом; возможно, что эта картина будет хороша, но в ней никогда не будет сходства с оригиналом.

Что может быть более скучным для старика, чем разговор двух влюбленных? Человек умный, но лишенный чувства, находится в положении такого старца: простой язык чувства кажется ему плоским; он невольно постарается возвысить его каким-нибудь остроумным оборотом, который всегда обнаружит в нем недостаток чувства.

♦ Представление о страхе всегда ассоциируется в памяти с представлением о силе и могуществе. Оно соединяется с последним подобно тому, как мысль о следствии соединяется с мыслью о причине.

Если я любимец какого-нибудь короля или феи, то к моей нежной, почтительной дружбе всегда примешивается некоторая боязнь, и в добре, которое они мне оказывают, я предвижу всегда зло, которое они могут мне сделать. Таким образом, чувство страдания, как мной уже не раз говорилось, наиболее сильное чувство; а мы называем возвышенным самое сильное впечатление, когда оно не слишком тягостно. Поэтому ощущение возвышенного, как доказывает опыт, должно всегда заключать в себе ощущение начинающегося страха.

Это обстоятельство отличает самым ясным образом возвышенное от прекрасного.

♦ Те, кто управляют людьми, часто не знают их. Между тем, чтобы управлять движениями человеческой куклы, надо знать нити, приводящие ее в движение. Поскольку этого не знают, неудивительно, что ее движения часто противоречат тому, чего ждет законодатель.

♦ Я говорю, что каждое частное лицо называет *честностью* в другом лице лишь привычку к полезным для него поступкам.

♦ Поступок почти никогда не бывает следствием одного чувства; часто мы сами не знаем мотивов, которые нами движут. Вот состоятельный человек, снабдивший крупной суммой достойного уважения, но бедного человека; он, конечно, поступил хорошо, но продиктован ли этот поступок одним желанием осчастливить человека? Разве жалость, надежда на признательность, даже тщеславие — все эти разнообразные мотивы, взятые отдельно или вместе, не могли бы бессознательно побудить его к этому похвальному поступку? И если по большей части сам человек не знает мотивов своего благодеяния, как может их заметить общество? Следовательно, лишь по поступкам людей общество может судить об их добродетели.

♦ Самый многочисленный род людей, составляющий сам по себе почти всё человечество, — это люди, занятые исключительно своими интересами и никогда не думавшие об общем интересе. Сосредоточенные, так сказать, на собственном благополучии, эти люди называют честными лишь те поступки, которые лично им полезны. Судья оправдывает преступника, министр осыпает почестями недостойного подданного: и тот, и другой неизменно справедливы в глазах покровительствуемых ими лиц; но пусть судья осудит, а министр откажет: они всегда окажутся несправедливыми в глазах преступника и человека, лишенного милостей.

♦ При дворе совсем не любят умных людей. Кардинал Ришелье назначал на должность лишь людей услужливых и расположенных довольствоваться славой подчинения. Он назначил министром юстиции президента Сегье, который стал впоследствии канцлером лишь благодаря характеристике, которую дал ему настоятель де Роша, его секретарь, сказавший ему, что Сегье — человек уступчивый и рождённый для рабства.

/ Эта тема, видимо, всерьёз волновала Гельвеция. Потому что однажды в нем созрело разъяснение этой «придворовой» тенденции:

■■ Для великих мира сего все предметы — это зеркала, в которых отражается их величие. Вот почему они нередко любят тех, кто им подчинён. ■/

♦ Коль скоро материя огня не может существовать без движения, то из этого следует, что движение присуще материи. Следовательно, нет никакой необходимости в действующей силе, которая сообщила бы ей движение.

♦ В природе всё подготавливается и приходит само собой. Возможно, что совершенство искусств и наук является делом не столько гения, сколько времени и необходимости. Единообразный прогресс наук во всех странах подтверждает эту точку зрения. В столь постоянном продвижении человеческого разума мне представлялось бы возможным видеть результат некоторой общей и скрытой причины.

♦ ***Вспомнить*** — значит ***ощущать***. Любое суждение также есть не более чем ощущение. Всякое суждение может быть лишь ***выражением испытанных ощущений.***

/◐ Эта логика побуждает к раздумьям. Причем многое отвращает от согласия. Ну, действительно: если, сочиняя что-либо, я всегда пишу (записываю), то это не значит вовсе, что сочинение есть писание. ◑/

♦ Но скажут мне, предположим, мы хотим узнать, что предпочтительнее — сила или величина тела; можно ли утверждать при этом, что судить — то же самое, что ощущать? Да, отвечу я: действительно, чтобы судить об этом предмете, моя память должна нарисовать мне в последовательном порядке картины различных положений, в которых я могу находиться чаще всего в течение своей жизни. И судить — означает узреть в этих различных картинах, что мне чаще более полезна сила, чем величина тела. Но, возразят мне, если дело идет о решении вопроса: что предпочтительнее в короле — справедливость или доброта, то можно ли утверждать и в этом случае, что суждение есть только ощущение?

Такое утверждение должно, несомненно, сперва показаться парадок-

сом. Однако, чтобы доказать его истинность, предположим, что у человека есть знание того, что называется добром и злом, и что человек, кроме того, знает, что поступок более или менее дурен в зависимости от того, насколько он вреден для счастья общества. Предположив это, спросим: к какому искусству должен прибегнуть поэт или оратор, чтобы заставить наиболее живо почувствовать, что справедливость предпочтительнее в короле, чем доброта, справедливость сохраняет государству большее число граждан?

Оратор представит воображению предполагаемого нами человека три картины: в одной он нарисует справедливого короля, который произносит приговор и велит казнить преступника; во второй — доброго короля, освобождающего из тюрьмы того же преступника и снимающего с него кандалы; в третьей картине он покажет этого же преступника, вооружившегося по выходе из тюрьмы кинжалом и убивающего пятьдесят граждан; кто же при созерцании этих трёх картин не почувствует, что смертью одного справедливость предупреждает смерть пятидесяти и что в короле она предпочтительнее, чем доброта. Между тем это суждение есть в действительности только ощущение. В самом деле, если благодаря привычке связывать определённые идеи с определёнными словами можно, как показывает опыт, поражая слух определёнными звуками, возбудить в нас приблизительно те же ощущения, которые мы испытывали бы в присутствии самих предметов, то ясно, что при представлении этих трёх картин судить о том, что в короле справедливость предпочтительнее доброты, — значит чувствовать и видеть, что в первой картине приносится в жертву один гражданин, а в третьей гибнут пятьдесят, — откуда я заключаю, что всякое суждение есть ощущение.

∇ ◐ Я бы здесь так возразил Гельвецию: чтобы крутилась мельница, нужен ветер, но мельница не есть ветер. ◑

♦ В нашей способности замечать сходства и различия, соответствия и несоответствия различных предметов и заключаются все операции нашего ума.

♦ Истина есть нечто неделимое, и нельзя сказать о какой-нибудь истине, что она *более или менее* истинна.

♦ Случай есть сцепление следствий, причин которых мы не знаем.

♦ Я придаю большое значение случаю.

♦ Невозможно, чтобы появление великого человека не предвозвещалось всегда другим великим человеком.

♦ *Природа* есть та вечная и всеобщая связь, которая соединяет все мировые события и в которую входит и сама идея случая.

♦ Единственно в свойствах нравственного порядка нужно искать истинную причину умственного неравенства. И чтобы понять недостаток или обилие великих людей в разные века и в разных странах, не нужно более искать причин этого во влиянии воздуха, в различных климатических условиях и тому подобных объяснениях, которые всегда приводились и всегда опровергались опытом и историей.

Если температура различных климатов имеет такое влияние на души и

на умы, то почему же римляне, столь великодушные, столь мужественные при республиканском правлении, стали теперь такими слабыми и изнеженными? Почему греки и египтяне, некогда славные своим умом и доблестью и возбуждавшие восхищение всего мира, теперь вызывают его презрение? Почему азиаты, бывшие мужественными, когда они назывались элеамитами, трусливыми и ничтожными при Александре, когда они назывались персами, стали под именем парфян наводить ужас на Рим в тот век, когда римляне еще ничего не потеряли из своей прежней храбрости и дисциплины? Почему лакедемоняне, бывшие наиболее храбрыми и добродетельными из греков, до тех пор пока они были ревностными последователями законов Ликурга, потеряли эти оба качества, когда после Пелопоннесской войны допустили у себя золото и роскошь? Почему древние катты, столь страшные галлам, не сохранили прежнего мужества? Почему евреи, так часто терпевшие поражение, выказали под предводительством Маккавеев храбрость, достойную самых воинственных народов? Почему науки и искусства, то культивируемые, то презираемые у различных народов, постепенно обошли почти все страны?

В одном диалоге Лукиана философия говорит: «Не в Греции была моя первая обитель. Прежде всего я направила свои шаги к Инду, и индус покорно сошел со своего слона, чтобы внимать мне. Из Индии я направилась в Эфиопию; затем я перешла в Египет; из Египта я перешла в Вавилон; я остановилась в Скифии; я вернулась через Фракию. Я беседовала с Орфеем, и Орфей перенёс меня в Грецию».

Почему из Греции философия перешла на Запад, с Запада в Константинополь и в Аравию? И почему, снова переходя из Аравии в Италию, она нашла приют во Франции, в Англии и даже в северной Европе? Почему в Афинах мы не встречаем больше Фокиона, в Фивах — Пелопида и в Риме — Деция? Температура в этих странах не изменилась; чему же приписать переселение искусств и наук, мужества и добродетели, если не причинам духовного порядка?

Этими причинами мы можем объяснить множество тех политических явлений, которые тщетно пытаются объяснить причинами физическими. Таковы завоевания, осуществлённые северными народами, рабство народов восточных, склонность этих же народов к аллегориям, превосходство некоторых народов в известных отраслях науки, превосходство, которое перестанут, наконец, приписывать различию климатических условий.

♦ Подобно фейерверку, который, быстро взлетая в воздух, на мгновение озаряет горизонт и затем снова гаснет, погружая природу в еще бóльшую тьму, искусства и науки во множестве различных стран лишь вспыхивают и исчезают, оставляя затем эти страны во мраке невежества.

♦ Ученые слишком часто бывают вынуждены отрываться от своих занятий и вращаться в свете. Они распространяют в нем просвещение, создают в нем умственные интересы, но неизбежно теряют то время, которое в уединениях и размышлениях они могли бы употребить на развитие своего таланта. Человек науки подобен телу, брошенному в середину других тел; оно утрачивает, сталкиваясь с ними, силу, которую оно отдаёт им.

♦ Под *страстью* мы понимаем непрерывное течение однородных чувств.

♦ Воображение, старающееся всегда облечь в конкретные образы отвле-

ченные идеи и научные принципы, бесконечно способствует ясности и изяществу философии.

♦ Если поручить десяти умным людям, каждому независимо, отметить в произведении, еще не напечатанном и, следовательно, относительно которого еще не составлено никаких предубеждений, те места, которые произвели на них самое сильное впечатление, то я убежден, что каждый из них укажет на различные места и что затем, если сравнить одобренные места с умом и характером одобрившего их, увидим, что каждый похвалил то, что сходно с его способом видеть и понимать вещи, и что ум, если можно так выразиться, есть струна, звучащая только в унисон.

♦ Разница между учеными, или умными, людьми и людьми обыкновенными состоит в том, что для первых сфера аналогий обширнее вследствие того, что они обладают бо́льшим числом идей.

♦ Всё искусство воспитания состоит в том, чтобы ставить молодых людей в условия, способные развить в них зачатки ума и добродетели. Я понял, насколько хорошее воспитание может распространить просвещение, добродетели и, следовательно, счастье в обществе и насколько уверенность в том, что талант и добродетель суть простые дары природы, мешает успехам науки о воспитании и поощряет леность и небрежность. Исследуя с этой точки зрения власть природы и воспитания над нами, я заметил, что тем, чем мы являемся, мы обязаны воспитанию.

♦ Если бы мы добрались до общих и простых принципов, то наука о фактах, приведших нас к ним, сделалась бы ненужной.

∇ ◐ По-моему, это очень глубокое заблуждение. Гельвеций не видит, что «общее» заключено в самих «фактах».

Простое замечание. Человеческий мозг — это всего лишь зеркало, некий безразличный оценщик-измеритель (к примеру, линейка) или **изобразитель-партнер**? Он пассивный восприниматель или самообучающийся прибор?? Он знание без знания, знание **до** знания или знание в процессе получения знания???

Мне думается, что наш мозг может быть уподоблён пишущей машинке, в литерах которой (а они и есть она!) заключены все возможные написания. Да, буквы и цифры еще не текст, но текст-то всегда — буквы и цифры. В этом их единство, при очевидной разнице и даже противоположности. ◑

♦ Я охотно признаю, что мы не слишком скоро будем приведены к печальной необходимости быть только учеными и что вследствие людского невежества надолго будет позволено обладать умом.

/◐ Здесь вместо «не слишком скоро» и «надолго» правильнее и точнее было бы употребить — **никогда**. ◑/

♦ Фонтенель однажды заметил: «Когда я писал, я всегда старался понимать самого себя». Не многие, действительно, понимают это изречение. Лишь единицы сознают, подобно ему, всю важность правила, которому так трудно следовать. Не говоря уже об умах обыкновенных, как много даже среди мыслителей такого уровня, как Мальбранш и Лейбниц, людей, которые, не применив к себе изречение Фонтенеля,

не стремились к пониманию себя самих, к разложению своих принципов на составные части, к сведению их к простым и всегда ясным положениям, чего нельзя достигнуть, не зная хорошенько, понимаешь ли самого себя. Они опирались на те принципы, неясность которых всегда подозрительна тому, кто помнит вышеприведённую мысль Фонтенеля. Так как они не докопались до, если можно так выразиться, твердого грунта, то всё громадное здание их системы оседало по мере того, как они его воздвигали.

∇ ◐ Гельвеций, конечно же, красиво полемизирует, не без изыска аргументируя свою критическую устремленность. Но здесь, как раз-то здесь, стóило бы иметь в виду ему и всем, кто находился и находится в той же, что и он, позиции: **понимание себя**, о котором так настойчиво ведется речь, **абсолютно излишне**. Скажу сильнее — оно неосуществимо!

Разве ветер спрашивает себя, куда ему дуть, разве волны морские советуются со своей силой, прежде чем обрушиться на берега и корабли?

Так и мыслители. Они и **не должны** понимать себя. Потому что говорят, понятно, их голоса, а глаголет в них — Универсум.

Следствие зависит от причины, но оно ей не указ и не ровня. Между ними всегда подчинение, а не диалог или доверительная беседа. Это не зеркало светит отраженным лучом солнца. Это солнце через предметы (следовательно, и через зеркало) продолжает свое свечение.

Такова, увы, раскладка смысла по этому вопросу; ее и надо придерживаться. ◑

♦ Когда Аристотель сказал: «Nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu» («Нет в уме ничего, чего не было бы раньше в чувстве»), то, конечно, он не связывал с этой аксиомой тех же идей, что и Локк. У греческого философа эта идея была в лучшем случае лишь предчувствием грядущего открытия, честь которого всецело принадлежит философу английскому. Одна лишь зависть заставляет нас находить у древних все современные открытия. Достаточно фразы, лишённой смысла или по меньшей мере непонятной до данного открытия, чтобы заставить кричать о плагиате. Эти люди не понимают, что *заметить в произведении принцип, никем доныне не замеченный, и является, собственно говоря, открытием*; что такое открытие предполагает у сделавшего его множество наблюдений, ведущих к этому принципу, и что, наконец, человек, объединяющий большое число идей в одном фокусе, — это человек гениальный и изобретательный.

♦ Различие между умом и здравым смыслом заключается в различии причин, их порождающих. Первый является следствием сильных страстей, второй — следствием отсутствия их. Человек, обладающий здравым смыслом, обыкновенно не впадает ни в одно из тех заблуждений, в которые нас вовлекают страсти, но зато он лишён и тех просветлений ума, которыми мы обязаны лишь сильным страстям. В обычном течении жизни и в тех вещах, для которых достаточно равнодушного созерцания, чтобы хорошо рассмотреть их, человек здравомыслящий никогда не ошибается. Но если дело идет о вопросах несколько более сложных, для рассмотрения которых нужно некоторое усилие и напряжение внимания,

то здесь здравомыслящий человек является слепцом; лишённый страстей, он оказывается лишённым и того мужества, той деятельности души и того непрерывного внимания, которые единственно могли бы просветить его. Словом, **здравый смысл** не предполагает никакой изобретательности и, следовательно, никакого ума; ум, если можно так выразиться, начинается там, где кончается здравый смысл.

♦ Причины, определяющие, к примеру, решение султана, почти всегда скрыты: историки приводят лишь видимые мотивы, истинные же мотивы остаются им неизвестными; по этому поводу мы можем сказать вместе с Фонтенелем, что «история есть лишь принятая всеми басня».

♦ Страсти не только заставляют нас видеть лишь известные стороны предмета, но они еще и обманывают нас, часто показывая нам эти самые предметы там, где их нет. Рассказывают историю про одного священника и даму легкого поведения: они слышали, что Луна населена, и верили в это; при помощи телескопа оба старались разглядеть обитателей Луны. «Если я не ошибаюсь, — сказала сперва дама, — я вижу две тени; они склоняются одна к другой: нет никакого сомнения — это два счастливых любовника...» — «О, что вы, сударыня, — возражает священник, — две тени, которые вы видите, — это две соборные колокольни». Так и в нашем случае: мы замечаем в вещах чаще всего то, что желаем в них найти; на Земле так же, как и на Луне, наши страсти заставляют нас видеть или любовников, или колокольни.

∇ ◐ Люди обычно видят только то, что хотят. А потому любое высказывание, по сути дела, есть не фактологическое свидетельство, а лишь наше собственное самоописание или самопересказ. ◑

♦ Иллюзия — непременное следствие страстей, глубина которых измеряется степенью ослепления, в которое они нас погружают. Это прекрасно почувствовала одна женщина: застигнутая своим возлюбленным в объятиях его соперника, она смело отрицала факт, свидетелем которого он был. «Как, — сказал он ей, — ваше бесстыдство заходит так далеко?.. » — «О, коварный, — воскликнула она, — ты разлюбил меня: ты веришь больше своим глазам, чем моим словам!» Эти слова можно применить не к одной лишь любовной страсти, но и ко всем страстям. Все они разят нас полным ослеплением.

∇ ◐ Доводы возражения всегда сильнее... на величину страсти! ◑

♦ Из всего исследованного мной об уме я делаю следующее заключение: ум есть собрание идей, интересных для отдельного лица или потому, что они поучительны, или потому, что они приятны; откуда следует, что личный интерес есть в этом случае единственный критерий достоинств человека.

♦ Нельзя внимательно изучать религии, не испытывая крайнего презрения к человеческому роду вообще и к самому себе, в частности. Неужели, говоришь себе, нужны были тысячи лет, чтобы раскрыть таким умным людям, как я, глаза ныа нелепости языческих сказок? Неужели евреи пребывают еще в своих заблуждениях? Неужели мусульмане верят еще в Магомета и, может быть, тысячи лет будут признавать истинность Корана? Человек, очевидно, очень неразумное и легковерное живот-

ное, а наша планета, как выразился один философ, — это бедлам, сумасшедший дом мира.

♦ К стыду для Франции, Жан-Жака Руссо преследовали в Париже не меньше, чем в Невшателе. Ученые мужи Сорбонны не могли простить ему его диалога о философе и энтузиасте. Этот диалог, говорили они, слишком сильно написан. Что ответить на это? Рассуждения Руссо были либо истинными, либо ложными. Опровергать правильные рассуждения указанием на их силу несправедливо; опровергать ложные рассуждения насилием бессмысленно — это значит признаваться в собственном невежестве, что значит умалять свое собственное дело. Софизмы опровергаются сами собою. Истину не трудно защитить.

∇ ◐ Гельвеций не учитывает, а скорее всего *еще не знал*, что ло́жь — это не неправда и антипод истины, а просто и коротко — **другая правда**.

Но двум правдам, тем более встречным, в одном месте никогда не ужиться. Так что Руссо старадал не по злобе или глупости отдельных лиц, а исключительно из-за невписываемости своих взглядов в контекст (интеллектуальный, правовой, ситуационный, бытийный контекст) того отрезка времени, когда торжествовали взгляды, отличные от взглядов, исповедуемых им. Что такое тепло и холод? — Родные дети одной матери — температуры! И правда тепла может, разумеется, в момент почувствования избытка сил оспорить правду холода. Но кто не знает, что без потерь это не обходится?! ◑

4. МЫСЛИ

◪ Истину можно найти только в запрещённых книгах, в остальных — лгут.

◪ В философских сочинениях на первом месте должно стоять содержание. Чтобы поучать людей, нужно или предложить им новую истину, или показать им соотношение, связующее истины, которые казались им разъединёнными.

◪ Степень ума, необходимая, чтобы нам понравиться, является точной мерой степени нашего собственного ума.

◪ Заблуждения порой таковы, что их построение требует больше соображения и ума, чем открытие истины.

◪ В мире совсем нет доказательства, ибо то, что называют доказательством, имеет место только при вычислении, а ведь вычисление — это не что иное, как **изложенная** истина. Ибо, когда я говорю, что 2 x 2 = 4, я не говорю ничего, кроме того, что 4 = 4, а вся геометрия и учение об отношениях заключены в этом. У нас всегда есть только неправдоподобие, чтобы им руководствоваться и т. д. Этот аргумент может служить религии.

◪ Впечатления ненависти. Мальбранш говорит, что они не могут быть сообщены при помощи чувств, из чего он выводит доказательство существования души. Это **ошибочно**, ибо при виде врага или мерзавца... случается, что память о голосе этого человека и о его разговоре представляет нам то зло и то горе, которое этот человек мог бы нам причинить, и отсюда — ненависть. А ведь эта картина пришла к нам через чувства.

/◐ Ошибается не Мальбранш, а Гельвеций. Да и как иначе! Если вода налилась в сосуд, а от мороза его разорвало на куски, то «разрывательность» очевидно не вошла в сосуд вместе с водой, а заключена в свойствах этого сдвоенного соединения, соприкоснувшегося с холодом. Ненависть — это не силы внешнего мира во мне, а моя установка по отношению к внешнему миру. Моя! И в этом всё дело. Не случайно же то, что не нравится мне, другими людьми и любится, и принимается. Хотя входит оно в них, как и в меня, через такие же, как у меня, чувства. ◑/

- Говорят, что всякий удар злобен и плох. Но почему тогда, скажите, мы смеёмся над гневом и ударами ребенка?
- Иногда из двух людей более честен в своих поступках тот, кто охвачен меньшей страстью к добродетели.
- Нет ни скупца, который бы раз в жизни не оказался щедрым, ни человека щедрого, который раз в жизни не поступил бы как скупец, ни негодяя, не совершившего хоть одно доброе дело, ни дурака, не обмолвившегося остроумным словом, и, наконец, нет человека, который, если объединить некоторые из совершённых им в жизни поступков, не оказался бы полным самых противоречивых добродетелей и пороков.
- Почти все философские точки зрения ни к чему не приводят, как бы они ни были превосходны.
- Самые великие умы делают самые большие ошибки. Так тучи переходят в бурю.
- Те, кто хотят знать и слушать все различные мнения, гораздо более способны к познанию истины: подобно тому как лошадь, которая прошла страну во всех направлениях, знает ее лучше, чем лошадь, привязанная к колесу и всегда идущая лишь по небольшому кругу.
- Окруженный карликами более высокий карлик считает себя гигантом, которого видно отовсюду.
- Я бы советовал занимать место в центре колеса фортуны: если вы и не сможете подняться достаточно высоко, то по крайней мере не сможете опуститься слишком низко.
- Прекрасное в мысли лишь редкое.
- Сильная мысль выражается сильно.
- Когда глупец занимает должность, с ним обращаются как с гением. Когда стволу дерева придана форма бога и оно поставлено на алтарь, забывают, что из того же дерева делают поленья, и Ваала на алтаре принимают за бога.
- Если хочешь поступать честно, принимай в расчет и верь только общественному интересу.
- Надо брать людей такими, как они есть; раздражаться следствиями их себялюбия — значит жаловаться на весенние бури, летнюю жару, осенние дожди и зимние стужи.
- Кто доступен сильным страстям, способен на самые великие поступки.
- Не подлежит сомнению, что каждый человек имеет необходимым образом самое высокое мнение о себе, и поэтому в других мы уважаем только наш образ и сходство с нами.

- Привычка к какому-нибудь впечатлению притупляет его яркость. Я холодно смотрю на то, что я всегда вижу, и одна и та же красота в конце концов для меня перестаёт быть красотой.
- Идеи, которые мы с трудом схватываем, никогда не ощущаются нами сильно. Картина, перегруженная фигурами, слишком сложное построение, например, книги вызывают в нас, если можно так выразиться, притупленное и слабое впечатление. Таково ощущение, испытываемое при виде тех готических храмов, которые архитектор перегрузил скульптурными изображениями. Рассеянный взор, утомлённый множеством орнаментов, не может ни на чём остановиться, и это оставляет тягостное впечатление.
- Слишком много ощущений сразу воспринимается как хаос; их обилие уничтожает их действие. При равной величине меня особенно поражает то здание, которое мой глаз легко охватывает в его целом, каждая часть которого производит на меня наиболее ясное и отчётливое впечатление. Поэтому благородная, простая и величественная архитектура греков всегда будет пользоваться предпочтением перед легкой, хаотической и непропорциональной готической архитектурой.
- Тот, кто изобразил бы на сцене трагическое действие так, как оно действительно происходило, сильно рисковал бы нагнать скуку на зрителей. Что же должен сделать поэт? Устранить из этого действия всё то, что не может произвести яркого и сильного впечатления.
- Ты хочешь нравиться людям? Цени их ум.
- Будь гражданином, ибо родина нужна для твоей безопасности, для твоих удовольствий, для твоего благополучия.
- Человек является воспитанником всех окружающих его предметов, всех тех положений, в которые его ставит случай.
- Очень трудно хвалить того, кто столь заслуживает похвалы.
- Любовь к славе есть лишь желание нравиться себе подобным.
- Удовольствие должно быть наградой за труд.
- Если хочешь быть богатым, не помышляй увеличить свое имущество, а только уменьши свою жадность.
- Слово *добродетель*, одинаково применимое к *благоразумию*, к *мужеству*, к *милосердию*, имеет неопределённое, расплывчатое значение. Однако оно всегда вызывает в уме смутную идею о некоем качестве, полезном для общества.
- Если добродетель не становится страстью, мы ее не соблюдаем. Мы всегда лишь пытаемся ее соблюдать, поддаваясь порыву.
- После храбрости нет ничего более прекрасного, чем признание в трусости.
- Часто жертвуют величайшими радостями жизни, чтобы гордиться тем, что они принесены в жертву.
- Только тот может считать себя свободным от зависти, кто никогда не изучал себя.
- Знание некоторых принципов легко возмещает незнание некоторых фактов.

- Дорога к гуманизму — отождествление себя с несчастными.
- Что такое нравственность? Наука о соглашениях, придуманных людьми для того, чтобы совместно жить наиболее счастливым образом. Подлинная цель этой науки — счастье наибольшего числа людей.
- Искусство политики — это искусство делать так, чтобы каждому было выгодно быть добродетельным.
- Какой результат имели до сих пор самые прекрасные предписания этики? Они исправили несколько отдельных лиц от недостатков, в которых они, может быть, себя упрекали, но в нравах наций они не произвели никакого изменения.
- Если посмотреть на человеческую натуру изнутри, то схема становления нашего естества будет такой: сначала физическая чувствительность вызвала у нас любовь к удовольствию и отвращение к страданию, затем чувства удовольствия и страдания посеяли и взрастили во всех сердцах семена себялюбия, которые, развиваясь, породили страсти, из коих проистекли все наши пороки и добродетели.
- Счастье людей заключается в том, чтобы любить делать то, что они должны делать.
- Одинаковое счастье — быть победителем или побежденным в битвах любви.
- Счастье заключается не столько в обладании, сколько в процессе овладения предметом наших желаний.
- Охотно назову четыре причины несчастья людей:
  - незнание того, как мало им нужно, чтобы быть счастливыми;
  - мнимые потребности и безграничные желания;
  - самовосприятие себя несчастными, хотя на са́мом деле этого нет;
  - постоянное сдерживание себя **всегда** из страха быть несчастным **иногда**.
- Справедливость наших суждений и поступков есть всегда только счастливое совпадение наших интересов с интересами общественными.
- Море не выходит из предписанных границ. На это отваживается только человек.
- Разум дан нам, чтобы служить страстям, а не бороться с ними. Это их советник, а не тиран.
- Увы, для знания предел положен вечно;
  Конечен разум наш, но гордость — бесконечна.
- Успех шуток зависит не столько от тонкости ума их автора, сколько от того, что его внимание направлено на то, чтобы поднимать на смех идеи, неприятные его обществу. О шутках можно сказать то же, что о литературных произведениях какой-нибудь партии: они всегда вызывают восторг своей клики.
- Гений похож на те обширные земли, где встречаются места малоухоженные и плохо обработанные: на столь обширном пространстве нельзя всё тщательно обработать. Только люди небольшого ума присматривают за всем: маленький садик легко держать в порядке.
- Требуется гораздо больше ума, чтобы передать свои идеи, чем чтобы иметь их. Это доказано тем, что существует много людей, которые считаются умными, но пишут очень плохие сочинения.
- Нередко человек бывает слишком благоразумным, чтобы быть вели-

ким. Надо немного фанатизма, чтобы добиться славы и в литературе, и в государственных делах.

- Истина рождается из различных споров. Следовательно, напрасно не осмеливаются спорить и говорить обо всём.
- Даже самые малые предметы имеют бесчисленное множество отношений. Ограниченный человеческий ум их не может понять, так как охотно полагает, будто отношения, которых он не замечает, вовсе не существуют.
- **Так гордые умы, что якобы всё знают,**
  В самовлюбленности системы порождают.
  Так нации ведут бессмысленнейший спор
  Под смех обменщиков, — какой им выбрать вздор,
  И часто отдают глупейшим предпочтенье.
- Предрассудки для ума то же, что министры для королей. Министры лишают соперников доступа к королям, предрассудки таким же образом лишают добродетели доступа к уму, боясь потерять власть, которую они у них узурпировали.
- Наслаждение — это единственное применение жизни.
- Великие люди — это те, кто изобретают и делают то, что кажется другим невозможным. Но для этого нужно, чтобы счастливый случай ставил людей на такое место, где они могли бы осуществлять то, что ими задумано; в противном случае их обычно считают мечтателями.
- В мире нет ничего абсолютного, кроме существования и несуществования. Всё остальное поддается вычислению и является относительным.
- **Воспитанник среды, которой окружён,**
  С рожденья человек невежеством пленён,
  Коль подрастеет он, не упражняя разум,
  И коль, на мудрецов смотря враждебным глазом,
  Созреет, гордостью ревнивою блестя,
  То телом он — старик, а разумом — дитя.
- Человеческий ум настолько ограничен, что ему нужна привычка даже для того, чтобы приучить себя воспринимать доказанные истины и верить в них. Что касается истин новых, то нужно, чтобы ум был некоторым образом приучен внимательно рассматривать их в течение какого-то времени, чтобы поверить в них.
- Опасно давать советы глупым королям. Они всегда приносят в жертву советчика льстецам.
- Большие заслуги и большой ум — опасное оружие. Лучше быть изворотливым и низким. Испанский кардинал Диего Эспиноза (1502 –1572), попавший в немилость при Филиппе II, отличался от кардинала Хименеса и потому умер в опале, а принц Рии Гомез де Сильва Эболи (умер в 1573 г.) — испанский политик, советник Филиппа II, точно был посредственным человеком, но умер фаворитом.

/© Есть мир общения — среда необходимых контактов людей друг с другом живущих рядом, соседствующих, состыкующихся по работе, делам, заботам. А есть мир коммуникалистики. Здесь общение ведётся не вслепую, на авось или как придётся. Напротив, включаются опыт, знание, разумение. Даже исследование и экспериментирование. Коммуникалистика запрещает бездумное вбрасывание нас в сообщество. Она говорит: «прикинь что и как», «подготовь себя», «настрой других»;

«если знаешь свои недостатки и острые углы — сгладь их, отполируй, смягчи», «выпяченность чуть-чуть сожми», «старайся идти в ногу», «не грохочи своим "я" — чтобы слушающие тебя не оглохли, не утомились, не отвратились». ◑/

- Земля не даёт фруктов деревьям, пока они не отдадут ей свои цветы. Бог не давал миру Ньютона, пока не были отброшены химеры древних философов.
- Истинность вещей зависит от точки зрения, с которой их рассматривают. Так, небесные светила нам кажутся точками огня, когда рассматриваются в выпуклое зеркало. Звезды кажутся гораздо более удалёнными друг от друга, чем они есть на самом деле, и, кто знает, не видим ли мы всё при помощи этого зеркала.
- Люди недалекие называют людей большого ума безумными. Так человек с прекрасным зрением, находящийся на марсе корабля, кричит своим товарищам: «Я вижу землю!» Все взбираются на марс, но никто ее не видит, и все называют его безумным, подобно тому как он их — близорукими. Нужно, чтобы опыт убедил его товарищей, и если бы судно попало в штиль, то они продолжали бы обращаться с ним таким же образом.
- Мои ассоциации по поводу мудрецов:

  ■■ Буря испытывает свою неистовую силу против дуба. Она срывает его убор, его ветви, и дуб лишается этой шевелюры, которая задерживала ветры, делая его более сильным и устойчивым. Подобным образом несчастье, свалившееся на мудреца, — потеря того, за что ему часто воздавались почести, или потеря богатств, — заставляет его собраться с силами против этого несчастья и делает его непоколебимым. ■
- Локк не произвёл такого шума, как древние философы, которые имели учеников, отражавших их взгляды, и были подобны светильникам, находящимся в середине зеркального кабинета, свет которых многократно отражается вдали и кажется очень ярким; сто́ит убрать зеркала, как становится видно, что всё это было делом не столько светильников, сколько зеркал.
- Если, читая мои книги, вы почувствуете, что я брался за предметы, превышающие мои силы, то в свое оправдание я замечу следующее: но кто же знает себя настолько, чтобы верно их (эти силы) оценить!
- Я продолжаю еще учиться, мое воспитание еще не закончено. Когда же оно закончится? Когда я не буду способен к нему: после моей смерти. Вся моя жизнь есть, собственно говоря, лишь одно длинное воспитание.
- Общество признаёт и уважает только те достоинства, которые доказаны на деле... Кто хочет точно знать, чего он сто́ит, может узнать это только от народа и, следовательно, должен отдать себя на его суд.
- Всякий повторяет за Аристотелем, что друзей вообще нет, и каждый, в частности, уверяет, что он «хороший друг». В действительности же главное очарование дружеского общения состоит в удовольствии говорить о себе.

  /◐ Если успех разговора зависит от полноты знания, то как достичь высот в любом разговоре иначе, чем говоря о себе? И с чего бы *дружбе* быть при этом исключением? ◑/

Вовена́рг

XVIII век

Люк де Клапье Вовенарг

• Французский мыслитель, эссеист, моралист

Родился: 05.08.1715 г.
Умер: 28.05.1747 г.

Прожил — 31 год

> **«Влияние на людей дороже богатства».**
> *(Вовенарг)*

■ **«Философов читают не очень охотно, и вот почему: они слишком мало говорят о том, что нам знакомо».**
(Вовенарг)

■ **«Мы слишком мало пользуемся мудростью стариков».**
(Вовенарг)

1. ЖИЗНЬ

• Родился в городе Эксе (Прованс).
• Был старшим ребенком в семье, имел брата.
• Отец, Жозеф де Клапье, принадлежал к старинному дворянскому роду, еще в XVI в. получившему во владенье поместье Вовенарг.
• Был в чине капитана французской армии.
• Во время военной кампании 1741 г. обморозил ноги.
• В 1744 г. заразился оспой, болезнь обезобразила его лицо, почти лишила зрения.
• Переписывался с Вольтером.
• **Сочинения Вовенарга:**

«Рассуждение о свободе» (1737):

/ Позднее это произведение было переработано в *«Трактат о свободе воли»* /;

«Рассуждение о неравенстве богатств»:

/ Сочинение на конкурсную тему, объявленную Французской академией. /;

«Введение в познание человеческого разума, сопровождённое размышлениями и максимами на разные темы» (1746):

/ ***Вольтер***: «Это одна из лучших книг, написанных на французском языке». /;

«Парадоксы, новые размышления и максимы» (1746).

• Вовенарг был весьма чуток к остроумию и парадоксальной свежести мысли:

/ Вот один из характерных эпизодов, рассказанный им самим:

«У меня был молоденький слуга. Как-то, путешествуя, я отужинал с одним знакомцем, и мой слуга заявил, что это очень умный человек. Я спросил, по каким признакам он судит об уме человека.

— Умный человек всегда говорит правду.

— То есть никого не обманывает?

— Нет, сударь, не обманывает сам себя.

Я тут же заключил, что ни один остроумец не ответил бы лучше». /

• По сообщению французского ученого и политического деятеля Жана Кондорсе (1743 – 1794), умирающий Вовенарг отказался принять иезуита, явившегося напутствовать его на смертном одре, и успел рассказать об этом друзьям, воспользовавшись цитатой из «Баязета» Расина: «Этот раб явился, предъявил свой приказ и ушел ни с чем».

3. УЧЕНИЕ

♦ Иные полагают, что в основе физических явлений лежат одно первичное начало и одна общая причина, но это не так: мне, а я — существо свободное, довольно дыхнуть на снег, чтобы изменить картину Вселенной. Какое забавное заблуждение — думать, будто природой управляет единый закон, в то время как Земля кишит мириадами крошечных деятелей, которые по своей прихоти сводят на нет его власть!

♦ Источник наших чувствований лежит вне нас: их порождаем не мы сами; следовательно, вне нас должно быть нечто, порождающее их.

♦ Несовершенство наших познаний отнюдь не более очевидно, чем их подлинность, и если их недостаточно для доказательства с помощью рассудка, этот недостаток с лихвой восполняется чутьём.

♦ Нет идей врождённых в том смысле, в каком это понимали картезианцы, но любая истина существует независимо от нашего согласия с ней, и притом существует вечно.

♦ Разуму не дано исправить то, что по своей природе несовершенно.

♦ Опыт, показывающий, насколько ограничен наш разум, учит нас покоряться предрассудкам.

♦ Как знать, может быть, именно страстям обязан разум самыми блистательными своими завоеваниями.

♦ Природе легче создать человека с блестящим умом: он ведь не нуждается в таком наборе способностей, какой требуется для таланта.

♦ Из двух чувств — сознания своей силы и сознания своего ничтожества — родятся самые великие страсти: сознание своего ничтожества побуждает нас вырваться за рамки собственной личности, а чувство своей силы поощряет в этом и ободряет надеждой.

♦ Нет философии более ошибочной, нежели та, которая, якобы стремясь освободить человека от бремени страстей, наставляет его на путь праздности, небрежения, безразличия к себе.

♦ Те, что придут после нас, будут, может быть, знать больше и считать себя умнее, но станут ли они счастливей и мудрей? Разве мы сами, знающие так много, лучше наших отцов, знавших так мало?

4. МЫСЛИ

- Только тот способен на великие деяния, кто живет так, словно он бессмертен.
- Чем больше в человеке сильных, но разноречивых страстей, тем меньше он способен первенствовать в чём бы то ни было.
- Честолюбие — примета дарования, мужество — мудрости, страсти — ума, а ум — знаний, или наоборот, потому что от случая и обстоятельств любое явление то хорошо, то дурно, то полезно, то вредно.
- Польза, приносимая пороками, всегда смешана с великим вредом.
- То, что остаётся в нас от первоначальной натуры, неукротимей и сильней того, что приобретается учением, опытом и размышлением, ибо всякое искусство ослабляет даже тогда, когда исправляет и отделывает.
- Людям нравятся подчас даже те похвалы, в искренность которых они сами не верят.
- Мысль о смерти вероломна: захваченные ею, мы забываем жить.
- Красноречие сто́ит предпочесть знанию.
- Образы украшают разум, чувство убеждает его.
- Человек не настолько ценит себе подобных, чтобы признавать за другими способность отправлять высокую должность. Признать посмертно заслуги того, кто с нею успешно справился, — вот и всё, на что мы способны.
- Небольшое преимущество — иметь живой ум, если не имеешь верности суждения: совершенство часов не в быстром ходе, а в верном ходе.
- Дураков меньше, чем думают: люди просто не понимают друг друга.
- Трусу приходится глотать меньше оскорблений, нежели тому, кто честолюбив.
- Нет обиды, которой мы не простили бы, отомстив за нее.
- Как живо ни интересуйся политикой, вряд ли найдётся чтение скучней и утомительней, нежели договор между государями.
- Тщеславные люди — плохие дипломаты: они не умеют молчать.
- Для того, чтобы стать ловким, нужно меньше усилий, чем для того, чтобы им казаться.
- Есть люди, которые относятся к нравственности, как некоторые архитекторы к домам: на первый план ставится удобство.
- Дерзну сказать прямо: философом делает разум, героем — славолюбие, мудрецом — только добродетель.
- Не следует высмеивать общепринятые взгляды — это лишь раздражает, но вовсе не обескураживает их защитников.
- Как мало полезны наилучшие советы, если даже собственный опыт так редко учит нас!
- Отчаяние — величайшее из наших заблуждений.
- Ум не спасает нас от глупостей, совершаемых под влиянием настроения.
- Ненависть слабых менее опасна, нежели их дружба.
- Нет человека, который, прочитав прозаическое произведение, не подумал бы: «Постараюсь — напишу и получше».
- Чем умнее человек, тем больше он склонен к непонятному безрассудству.

- Многие дерзкие замыслы не удалось воплотить в жизнь из-за слишком робкого их исполнения.
- Дураков всегда удивляет, что одарённый человек способен блюсти свой интерес.
- Надежда — самое полезное или самое губительное из всех жизненных благ?
- Мужество — светоч в превратной судьбе. Верно ли это?
- Великие философы — гении в области разума.
- Не следует бояться ни повторения давно известной истины, если благодаря счастливому изложению удалось сделать ее более понятной, ни соединения ее с другой истиной, которая, проясняя первую, образует с нею новое звено доказательств. Изобретательность как раз и состоит в умении сопоставлять вещи и распознавать их связь: открытия древних авторов принадлежат не столько им, сколько тем, кто сделал эти открытия полезными.
- Приходится признать, что зло иногда неизбежно: чтобы пресечь дезертирство в армии, человека расстреливают под звуки труб и барабанов, и без подобного варварства не обойтись.
- Любовь сильнее самолюбия: женщину можно любить, даже когда она презирает вас.
- Если афоризм нуждается в пояснениях, значит, он неудачен.
- Не иметь ни одного достоинства так же невозможно, как не иметь ни одного недостатка.
- Отваживаясь на великое, неизбежно рискуешь добрым именем.
- Новизна — единственная неоспоримая примета гения.
- Если некое новшество трудно приживается, это означает, что в нем нет необходимости.
- Перемены, необходимые государству, обычно происходят независимо от чьей-то воли.
- Уму только порывами дано взлетать к вершинам великого.
- Лабрюйер был великий художник, но, пожалуй, не слишком великий философ; герцог де Ларошфуко был философ, но не художник.
- Локк был великий философ, но слишком умозрительный или расплывчатый, а порою и малопонятный.
- Искусство нравиться — это умение обманывать.
- Кто способен всё претерпеть, тому дано на всё дерзнуть.
- Иные оскорбления лучше проглотить молча, дабы не покрыть себя бесчестием.
- Любая страсть, владеющая человеком, как бы открывает прямой доступ к нему.
- Нравы портятся легче, чем исправляются.
- Самая новая и самая оригинальная книга та, которая заставляет любить старые истины.
- Великие мысли идут из сердца.

Сковорода́

XVIII век

Григорий Саввич Сковорода

- Украинский мудрец, мыслитель

Родился: 03.12.1722 г.
Умер: 09.11.1794 г.

Прожил — 71 год

> **«Если хотим измерить небо, землю и моря, должны, во-первых, измерить себя».**
> *(Сковорода)*

- **«О, сердце, бездна всех вод и небес ширшая! Сколь ты глубока! Всё объемлешь и содержишь, а тебя ничто не вмещает».** *(Сковорода)*

- **«Что такое жизнь? Это странствие: прокладывать себе дорогу, не зная, куда идти, зачем идти».** *(Сковорода)*

- **«Мы измерили море, землю, воздух и небеса; мы обеспокоили недра земные ради металлов, нашли несчётное множество миров, строим непонятные машины. Что ни день, то новые опыты и дивные изобретения. Чего только мы не умеем, чего не можем! Но то горе, что при всём том чего-то великого недостаёт.**

  Математика, медицина, физика, механика, музыка со своими буйными сестрами; чем изобильнее их вкушаем, тем пуще палит сердце наше голод и жажда». *(Сковорода)*

1. ЖИЗНЬ

- Родился в Полтавской губернии в семье простого казака.
- Шести лет он обнаружил влечение к наукам и музыке.
- Первый его учитель — дьяк — сроднил его с Церковью.
- В 16 лет поступил в Киевскую академию.
- В 1741 г. его забирают за прекрасный голос в Петербург, ко двору императрицы Елизаветы.
- В 1750 г. Сковорода уезжает за границу; в Германии у философа Вольфа знакомится с тогдашней немецкой философией и богословием.
- Он побывал в Венгрии, Австрии, Польше, Италии. В каждой из стран перво-наперво он спешил в здешние университеты — послушать лекции... Заграничный период Сковороды длился три года.
- Владел латинским, греческим, немецким, еврейским языками.
- Был сведущ во всех высших на то время науках. Изучил многих свет-

ских классиков, а также классиков церковных — Августина, Афанасия Великого (293 – 373), Василия Великого (329 – 378), Кирилла Александрийского (ок. 315 – ок. 386).

• Его знание античных авторов для России XVIII в. было совершенно исключительно.

• О себе Сковорода говорил без всяких экивоков и околичностей, что «замыслил умом и пожелал волею быть Сократом на Руси».

• Григорий Саввич практически **никого** не цитирует и ни на кого не ссылается.

• Резкость и прямота суждений, конфликтность натуры, независимость ума превратили его в отовсюду гонимого и всеми оклеветанного.

• В 1759 г. Сковорода принял приглашение быть учителем в Харьковском Коллегиуме. Здесь 37-летний мыслитель встретил юношу М. И. Коваленского, с которым всю жизнь потом был духовно сближен и который, в свою очередь, отблагодарил наставника за своё духовное с ним счастье, написав о нем замечательную биографию.

• 10 лет пробыл Сковорода в Коллегиуме. Дважды от него избавлялись*, дважды он возвращался. Третьего раза он не осилил. Сковорода навсегда оставляет службу и с 1769 г. начинает свои странствия. Он бродяжничает, приживальничает, отшельничает:

> ♦ Если не могу ни в чём любезному отечеству услужить, то, по крайней мере, всеми силами стараться стану не быть никому ни в чём вредным.

• Нищенство и аскетизм сгладили его мятежную неуспокоенность и уравняли парадоксальность его ума с извечной неоднозначностью мира. Начался этап плодотворнейшего творчества в жизни Г. С. Сковороды, на которое судьба отвела ему долгую четверть века:

> ♦ Не прикасайся ко мне, тотчас меня сряшешь. Не обретай меня извне, тотчас обрящешь.
>
> ♦ Нужнейшее тебе найдёшь то сам в себе. Глянь, пожалуй, внутрь тебя: сыщешь друга внутрь себя.
>
> ♦ Я презираю Крёзов, не завидую Юлиям, равнодушен к Демосфенам, жалею богатых: пусть приобретают себе, что хотят! Я же, если у меня имеются друзья, чувствую себя не только счастливым, но и счастливейшим.

• Периодически он испытывал состояния особого духовного подъема и мистического экстаза. Вот описание одного из таких высоких почувствований:

> ♦ ...Я пошел прогуляться по саду. Первое ощущение, которое я осязал сердцем моим, была некая развязность, свобода, бодрость... Я почувствовал внутри себя чрезвычайное движение, которое преисполнило меня силы непонятной. Некое сладчайшее мгновенное излияние наполнило мою душу, от чего всё внутри меня загорелось

* В Харькове Сковорода был профессором благонравия, и уже первые его лекции напугали школьное начальство. «Весь мир спит, — рассуждал с кафедры Григорий Саввич, — спит глубоко, протянувшись, будто ушиблен, и наставники, пасущие Израиля, не только не пробуждают, но еще поглаживают, глаголюще: "Спи, не бойся: место хорошее, чего опасаться..."»

огнём. Весь мир исчез предо мною, одно чувство любви, спокойствия, вечности оживляло меня. Слёзы полились из очей моих и разлили некую умилительную гармонию во весь мой состав...

• У него было два кумира — Сенека и Марк Аврелий.

• **Сочинения Сковороды:**

«Нарцисс»;
«Разглагол о древнем мире»;
«О святой вечере, или О вечности»;
«Симфония, нареченная книга Асхань, о познании самого себя»;
«Букварь мира»;
«Беседа, нареченная двое, о том, что блаженным быть легко»;
«Басня Эзопова» (1760):

/■■■ «Эзопов язык» был особенно присущ и органичен Сковороде. Басни, написанные им, охватывают множество житейских и общественных тем. В вышеобозначенной он рассказывает историю о Волке, который, увлёкшись исполнением на флейте минавета, стал жертвой собак. Намек же был в том, что среди учеников Харьковского Коллегиума есть студиозы, неспособные к учению. Руководитель Коллегиума епископ Иоасаф Миткевич укоризну услышал и на подсказку отреагировал: более 40 человек были немедленно отчислены. ■/;

«Сад божественных песен»;
«Разговор пяти путников об истинном счастии в жизни» (1772);
«Кольцо»;
«Икона Алкивиадская»;
«Пря беса с Варсавою»;
«Басни Харьковские» (1774);
«Дружеский разговор о душевном мире» (1775);
«Начальная дверь к христианскому добронравию» (1769 — 1780);
«Потоп змиин» (1791).

• Рукописи свои Сковорода носил с собой в походной торбе. Здесь же всегда была и Библия на еврейском языке.

• Ни одного своего сочинения он не увидел опубликованным.

• Однажды у него, умудренного и много испытавшего, вырвались такие слова: «О, Отче мой! Трудно вырвать сердце из клейкой стихийности мира!»

• ◐ Любопытен открытый им закон **элиминации трудности** — своеобразная «бритва Сковороды»[28]:

♦ Нужность не трудна, трудность не нужна. ◑

/ В своем прекрасном, легко и ясно, емко и точно написанном исследовании о Сковороде Юрий Барабаш оказывает нам еще одну услугу. Он сумел обнаружить предтечу сформулированного Сковородой закона. Это — Эпикур. И хотя у древнего грека и в мыслях не было того, что высказывает Сковорода, тем не менее всё равно интересно: «Всё естественное легко добывается, а пустое и излишнее трудно добывается». /

• За два месяца до смерти Сковорода отправляется в Орловскую губер-

нию, чтобы свидеться с Коваленским и отдать ему на сохранение все свои рукописи.

• На могиле Г. С. Сковороды по его завещанию помещена сочинённая им эпитафия:

«Мир ловил меня, но не поймал».

2. СУДЬБА

► Харьковский генерал-губернатор Е. А. Щербинин как-то спросил Г. С. Сковороду: «Человек добрый! Почто не займёшься ты делом каким-нибудь?» На что тот ответил: «Глубокочтимый пан! Мир подобен театру. А чтобы сыграть на сцене любое действо успешно и с похвалою, актеры должны брать роли по способностям: ведь их ценят не за знатность воплощаемого образа, а только за умелость и мастерство. Я долго размышлял над этим предметом и после многочисленных испытаний себя в разных применениях увидел, что не смогу сыграть на подмостках сцены мира никакой иной роли, если говорить об удачном результате, кроме как лица низкого, простого, беспечного, уединённого: я сию роль выбрал, взял и пока не жалею».

Щербинин внимательно посмотрел на Сковороду и, обращаясь к присутствовавшим в этот момент людям, произнес: «Вот действительно умный человек! Он заслуживает быть названным счастливым. И если бы все мыслили, как он, меньше было бы на свете неудачников и недовольных».

► Доро́гой жизни Г. С. Сковороды стало его удивительное учительство. Он сделался народным учителем в самом чистом и глубоком смысле этого слова. Григорий Саввич проповедует на ярмарках, в сёлах, поет на полях, играет на флейте у озер, делается дорогим гостем всех любящих поэзию и правду, любит подолгу бывать в украинских монастырях, чтит своих друзей — архимандритов* и среди них имеет своих почитателей.

► Разуверившись в возможности обрести истину в «Критике чистого разума» Иммануила Канта, русский поэт Борис Николаевич Бугаев (Андрей Белый; 1880 — 1934) подарил миру такие строчки:

Ответьте... В этом фолианте
Мы все утонем без следа!..
Не говорите мне о Канте!!
Что Кант?.. Вот... есть... Сковорода.
Философ русский, а не немец!!!

3. УЧЕНИЕ

♦ У истины простая речь.

♦ Вся Вселенная сотворена.

♦ Бог есть бытие всему: в дереве Он есть истинное дерево, в траве — трава...

♦ Бог богатому подобен фонтану, наполняющему различные сосуды по их вместимости. Льются из разных трубок разные струи в разные сосуды, вокруг фонтана стоящие. Меньший сосуд менее имеет, но в том равен есть большему, что равно есть полный.

---

* **Архимандри́т** (*греч.* archimandritēs) — высшее звание священника, монаха (обычно настоятель мужского монастыря, ректор духовных учебных заведений).

♦ Мир сей являет вид благолепный,
Но в нём таится червь неусыпный;
Горе ти мире! Смех мне являешь,
Внутрь же душой тайно рыдаешь.

♦ Не хочу я наук новых, кроме здравого ума,
Кроме умностей Христовых, в коих сладостна душа.

♦ О, свобода! В тебе я начал мудреть...
До тебя моя природа, в тебе хочу и умереть.

♦ Одного места граница есть она же и дверь, открывающая поле новых пространностей, и тогда же зачинается цыплёнок, когда портится яйцо. Всё исполняющее **начало**, и мир сей, находясь тенью его, границ не имеет.

♦ Если хочешь что-либо узнать в истине, усмотри сначала во плоти, т. е. в наружности, и увидишь на ней следы Божии, обличающие безвестную и тайную премудрость.

♦ Всяк, обóживший свою волю, враг есть Божией воле и не может войти в Царствие Божие.

♦ Знаешь, что есть змий, — знай, что он же и Бог есть.

♦ Суть же три миры. Первый есть всеобщий и мир обительный, где всё рождённое обитает. Сей составлен из бесчисленных мир-миров и есть великий мир. Другие два суть частные и малые миры. Первый микрокосм, сиречь — мирык, мирок, или человек. Второй мир символичный. ...В обительном коем либо мире солнце есть оком его, и око убо есть солнцем. А как солнце есть глава мира, тогда не дивно, что человек назван микрокосмом, сиречь маленький мир... [В символическом мире] собранные небесных, земных и преисподних тварей фигуры, дабы они были монументами, ведущими мысль нашу в понятие вечные натуры, утаенные в тленной так, **как** рисунок в красках своих. Мертва совсем душа человеческая, отрешённая к природному своему делу.

♦ Итак, познать себя самого, и сыскать себя самого, и найти человека — всё сие одно значит.

♦ Знай, что так видим людей, как если бы кто показывал тебе одну человеческую ногу или пяту, закрыв прочее тело и голову; без оной же никак узнать человека невозможно.

♦ Кто скрыт, тот остаётся; что является, то сон и тень.
Итак, то, что скрыто, есть вещь: то, что является, ничто.
Является эта великая машина мира, но она сновидение и тень.
Вещь и истинно сущее то, что скрыто под этим звуком.
Так при закате солнца, когда дуб отбрасывает тень,
Тень хотя и велика, однако она не дерево.

♦ Бывал ли ты когда в царских палатах? Стоял ли посреди чертога, имеющего все четыре стены и двери, покрытые, будто лаком, зеркалами? ...Увидишь, один твой телесный болван владеет сотнями видов, от единого его зависящих. А как только отнять зеркала, вдруг все копии скрываются во всей исконности, или оригинале... Однако же телесный наш болван и сам есть одна только тень истинного **человека**.

♦ Всё наше внешнее тело само собою ничего не действует и ни в чем. Но всё оно порабощено мыслям нашим. Мысль, владычица его, находится в непрерывном волнении день и ночь. Она то рассуждает, советует, определение делает, понуждает. А крайняя наша плоть, как обузданный скот или хвост, поневоле ей последует... Итак, не внешняя наша плоть, но наша мысль — то главный наш **человек.**

♦ Если видишь на старой в Ахтырке церкви кирпич и известь, а плана ее не понимаешь, как думаешь — усмотрел или узнал ее?

♦ Хотя бы ты все Коперниканские миры перемерил, не узнав плана их, который всю внешность содержит, то бы ничего из того не было.

♦ Планом всё-на-всё создано и слеплено, и ничто держаться не может без него. Он всему материалу есть цепь и веревка.

♦ Истинный человек и Бог есть то же.

♦ Весь мир состоит из двух натур: одна видимая, другая невидимая. Видимая называется тварь, а невидимая — Бог.

♦ А ты одно старайся: узнать себя. Как ты сделаешься местом Богу, не слушая нетленного гласа его? Как можешь слышать, не узнав Бога? Как узнаешь, не сыскав его? Как же сыщсшь, нс распознав себя самого?

♦ Взгляни на волнующееся море, на многомятежную во всяком веке, стороне и ста́тьи толпу людей, так называемую мир или свет; чего он не делает? Воюет, тяжбы водит, коварничает, печётся, затевает, строит, разоряет, кручинится, тенит... Есть ли свет? Смотрят — ничего нет.

♦ Что было бы, если бы счастье, пренужнейшее и любезнейшее для всех, зависело от места, от времени, от плоти и крови? Скажу яснее: что было бы, если бы счастье заключил Бог в Америке, или в Канарских островах, или в азиатском Иерусалиме, или в царских чертогах, или в Соломоновом веке, или в богатствах, или в пустыне, или в чине, или в науках, или в здравии? Тогда бы и счастье наше и мы с ним были бедные. Кто б мог добраться к тем местам? Как можно всем родиться в одном коем-то времени? Как же и поместиться в одном месте и ста́ти? Да и какое это счастье, утверждённое на песке плоти, на ограниченном месте и времени, на смертном человеке? Не сие ли есть трудное? Конечно! Трудное и невозможное. Благодарение же блаженному Богу, что трудное сделал ненужным.

♦ Нельзя бездны океана горстью персти забросать,
Нельзя огненного стана скудной капле прохлаждать.
Возможет ли в темной пещере гулять орел?
Так, как в поднебесный край вылетев он отсель?
Так не будет сыт плотским дух.
Бездна дух есть в человеке, вод всех ширший и небес.
Не насытишь тем вовеки, что пленяет зрак очес.

♦ Что может быть вреднее человека, обладающего знанием самых сложных наук, но не имеющего доброго сердца? Он все свои знания употребит во зло.

♦ Тот может предписывать другим законы, как им поступать, кому не надобно самому их предписывать.

4. МЫСЛИ

- Святость жизни только в делах.
- Весьма немалое дело узнать себя.
- Без зерна орех ничто же есть, а без сердца — человек.
- Всех наук семена сокрыты внутри человека, тут их тайный источник.
- Не любит сердце, не видя красоты.
- Воля, несытый ад!
- Какое мучение трудиться в несродном деле.
- Для того нам внушается тьма, чтобы открылся свет.
- Любовь есть Софиина дочь.
- Не горит сено, не касаясь огня.
- И что глупее, как равное равенство, которое глупцы в мир ввести зря покушаются.
- Узнать не трудно, а трудно привыкнуть.
- Если кто попал в ров или бездну водяную, не должен думать о трудности, но об избавлении.
- Кто не любит хлопот, должен научиться просто и убого жить.
- Чем лучшее добро, тем бо́льшим трудом окопалось, как рвом.
- Многие, что сами сделать не в силах, в том прочим верить не могут.
- По разным природным склонностям и путь жития разный.

/◐ Этот вывод навеян Г. С. Сковороде его наблюдениями за механизмом часов, где колесики потому только обеспечивают нормальный ход, что вращаются в разные стороны. И что интересно: это нисколько не мешает каждому из колесиков быть самим собой и нужным другим.

Я бы добавил в этот образ, развивая его потенциал, долю беспокойства: но разве не есть тема для мысли то, что вращение одних колес — принуждение к замедлению оборотов у других, а балансир, который есть инициатор в этом механическом единении всякой поступательности, сам получает всё время отнимаемое, и эта колебательная его жизнь и есть **его жизнь**? ◑/

- Не тот глуп, кто не знает, но тот, кто знать не хочет.
- Кто стыдится признать недостатки свои, тот со временем будет бесстыдно оправдывать свое невежество, которое есть наибольший порок.

Поль-Анри Гольбах
/Пауль Генрих Дитрих/

XVIII век

• Французский философ

Родился: 08.12.1723 г.
Умер: 21.06.1789 г.

Прожил — 65 лет

> **«Счастье человека всегда заключается в соответствии его желаний окружающей обстановке».**
> *(Гольбах)*

■ **«Слова БОГ и ТВОРЕНИЕ не содержат в себе никакого реального смысла и должны быть исключены из употребления».** *(Гольбах)*

■ **«Совесть — наш внутренний судья, безошибочно свидетельствующий о том, насколько наши поступки заслуживают уважения или порицания наших близких».** *(Гольбах)*

1. ЖИЗНЬ

• По происхождению немецкий барон.
• Родился в городе Гейдельсгейме (Пфальц) в семье коммерсанта.
• После окончания Лейденского университета переехал во Францию и навсегда поселился в Париже.
• Дом Гольбаха в Париже на улице Сен-Рош стал своеобразной штаб-квартирой известнейших французских просветителей:

/ Вот любопытная оценка этого салона, данная Дени Дидро:
«Здесь собираются наиболее честные и дельные люди столицы. Чтобы переступить порог этого дома, недостаточно иметь титулы или быть ученым, нужно еще обладать добротой. Вот где устанавливаются надежные связи! Здесь обсуждаются вопросы истории, политики, финансов, литературы, философии. Люди достаточно уважают друг друга, чтобы вступить в открытые споры. Хозяин дома — подлинный гражданин мира. Он знает, как с толком использовать свое состояние. Он является хорошим отцом, другом, супругом. Всякий иностранец, который сколько-нибудь известен и обладает некоторыми заслугами, может рассчитывать на доступ в этот дом, на самый сердечный и учтивый приём». /

• **Сочинения Гольбаха:**
«Разоблачённое христианство» (1761);
«Священная зараза» (1768);

«Письма к Евгении» (1768);
«Карманное богословие» (1768);
«Система природы, или О законах мира физического и мира духовного» (1770):

/ В кругу самых близких друзей Гольбах называл «Систему природы» своим завещанием.

Эпиграфом к «Системе природы» Гольбах взял слова из «Естественной истории» римского писателя и ученого Плиния Старшего (ок. 24 – 79): «Познание силы и величия природы всегда лишено достоверности, если обращают внимание только на ее части, а не рассматривают ее в целом». /

// Из конспиративных соображений на титульном листе этого главного сочинения Гольбаха было намеренно неправильно указано место издания — Лондон вместо Амстердама и автор — покойный постоянный секретарь Французской академии Жан Мирабо (1675 – 1760) вместо Гольбаха. Лишь во французском издании 1822 г. автором «Системы природы» впервые был указан Гольбах. //;

«Галерея святых» (1770);
«Здравый смысл» (1772);
«Социальная система» (1773);
«Естественная политика» (1773);
«Естественная мораль» (1776);
«Этократия, или Правительство, основанное на морали» (1776).

- Гольбах не только писал, но тщательно собирал и бережно хранил любимые книги. В его личной библиотеке насчитывалось 2777 томов.
- 19 сентября 1780 г. он был избран почетным членом Российской императорской академии наук.
- Девиз Гольбаха: **«Убедить, чтобы победить!»**

2. СУДЬБА ► Книги Гольбаха «Система природы», «Разоблачённое христианство» и «Священная зараза» были приговорены парижским парламентом к публичному сожжению, что и произошло 18 августа 1770 года.

Политическая атмосфера Франции уже накалялась грядущей революцией, и это отразилось в речи генерального прокурора парламента Сегье, потребовавшего безусловного осуждения социально опасной литературы:

«Философы сделались наставниками человеческого рода. Свобода мыслить — вот их возглас. Одной рукой они стремятся пошатнуть престол, а другой хотят опрокинуть алтарь».

/■■ Что же касается поводов и оснований для прокурорского державного гнева, то они, вне всякого сомнения, были. Вот только по одной выдержке из каждой преданной огню книги:

♦ Религия — это искусство одурманивать людей с целью отвлечь их мысли от того зла, которое причиняют им в этом мире власть имущие.

♦ Каждый человек, который разумно рассуждает, скоро станет атеи-

стом, ибо при помощи рассуждений он придёт к тому, что теология является набором небылиц, что религия противоречит всем принципам здравого смысла и вносит неисправности в человеческое познание.

♦ В мастерской печали несчастный человек создаёт призрак, из которого он делает себе Бога. ■/

► **Вольтер:**

«Дьявольский человек, вдохновлённый Вельзевулом, только что опубликовал книгу «Система природы», на каждой странице которой он думает доказать, что Бога вовсе нет. Эта книга ужасает всех, и все хотят ее прочитать... Ее пожирают. В ней много соблазнительного, в ней есть красноречие, и в этом отношении она превосходит Спинозу...»

(Вольтер в письме мадам дю Деффан 8 августа 1770 г.)

► **Жозеф-Мари де Местр** /(1754 — 1821), граф, французский политический деятель, писатель, католик, монархист, один из наиболее образованных людей XVIII в./:

«Ни разу в жизни я не встречал более ученого, и притом универсально ученого, человека, чем Гольбах».

► **Жан Д'Аламбер** (в письме Вольтеру от 24 января 1778 г.):

«Гольбах своими произведениями сделал величайшую глупость, объединяя против философии государей и священников, весьма некстати убеждая их, что у них общий кошелек и общее дело».

► **Дени Дидро** (запись, датированная 1773 годом):

«Я предпочитаю ясную, свободную философию, как она изложена, например, в «Системе природы»... Автор этой книги не является атеистом на одной странице и деистом на другой: его философия монолитна».

3. УЧЕНИЕ

♦ Человек несчастен лишь потому, что отрёкся от природы. Его ум заражён предрассудками... Человек, на свое несчастье, захотел... быть метафизиком прежде, чем стать физиком.

♦ Руководимый опытом, разум должен, наконец, поразить предрассудки, жертвой которых так долго был человеческий род, в их источнике.

♦ Именно заблуждению мы обязаны тяжелыми цепями, которые повсюду куют народам тираны и жрецы. Именно заблуждению мы обязаны рабством, до которого доведены почти во всех странах народы, предназначавшиеся природой для свободного труда ради своего счастья.

♦ Незнание естественных причин заставило человека создать богов; обман превратил их во что-то грозное.

♦ Все религии, какие мы только видим на земле, дают нам лишь клубок вымыслов и бредней, возмущающих ум.

♦ Ложь и несправедливость — лишь в интересах врагов общества. Истина — друг всех разумных людей. Истина — мать счастья.

♦ Будем смотреть на природу как на колоссальную мастерскую.

♦ Природа есть причина всего; она существует благодаря самой себе; она будет существовать и действовать вечно...

♦ Природа есть совокупность всех тел и всех движений, которые мы

знаем, а также массы других, которых мы не можем познать, ибо они недоступны нашим чувствам.

♦ Мы понимаем под собирательным названием **природа** совокупность веществ, действующих в силу собственной энергии.

♦ Всё во Вселенной находится в движении.

♦ Если нас спросят: откуда природа получила свое движение?, мы ответим: «От себя самой».

♦ Я вовсе не думаю олицетворять природу, являющуюся абстрактным бытием...

♦ Всё связано во Вселенной: последняя есть лишь необъятная цепь причин и следствий, непрерывно вытекающих друг из друга.

♦ Природа, или Вселенная...

♦ Природа... Ее законы неизменны.

♦ Строго говоря, ничто не рождается и не умирает в природе.

♦ Всё существующее вынуждено описывать вечный круг.

♦ Вселенная повсюду являет нам лишь материю и движение.

♦ До сих пор не было дано удовлетворительного определения материи.

♦ По отношению к нам материя вообще есть всё то, что действует каким-нибудь образом на наши чувства.

♦ Природа, или материя...

∇ ◐ Соотношение пониманий «природы» и «материи» у Гольбаха достаточно своеобразно. Природа у него тождественна материи. Но «материя» — это как бы подвижный, изменчивый субстрат, а природа — это его окантовка. Кстати, в разговорном языке такой подход уже давно прижился, о чём свидетельствует множество привычных до неосознаваемости выражений: «ветер в воздухе», «волны в море» и др. ◑

♦ Если нас спросят, откуда явилась материя, мы ответим, что она существовала всегда.

♦ Всё, что действует на наши чувства, есть материя...

♦ Всё не являющееся материей не существует.

♦ Так как человек, материальное существо, фактически мыслит, то и материя обладает способностью мыслить.

♦ Под **сущностью** я понимаю то, что делает данное тело или существо тем, чем оно является, то есть сумму его свойств и качеств, согласно которым оно существует и действует так, а не иначе.

∇ ◐ Из этого определения особенно заметна «однобокость» мыслителей, которых по некоторым классификациям относят к «материалистам». Утверждая, что *сущность находится в предмете*, они не замечали, что только тешат себя иллюзией якобы наличия у них познавательного заклинания или некоей, раскрывающей нам глаза на мир, магической формулы.

Можно ли здесь что-то возразить? Думаю, что да! И для большей понятности другого подхода прибегнем к уподоблению, взяв в качестве поясняющего примера феномен телевидения.

Если кто думает, что сущность телевизора в само́м телевизоре, то он ошибается, и ошибается уже хотя бы потому, что включение телевизора при неработающей телевизионной станции делает этот радиоаппа-

рат, несмотря на его полную исправность и наличие всех — вспомним из Гольбаха — «качеств и свойств», неработоспособным.

Сущность телевизора — это видеосигнал, который хотя и внешен по отношению к телевизору, тем не менее императивно, однозначно и полностью определяет условия и последовательность работы узлов телеприёмника, причем так и таким образом, что безжизненный, без сигнала, ящик теперь начинает и говорить, и показывать.

Надо признать, что «сущность» есть первейшее и главнейшее из философских понятий. Оно вовсе не из разряда объединяющих, комбинирующих или структурирующих словоформ. Категорией **сущность** мы обозначаем опосредующее **гарантирование** предмета или явления.

Мало того! Сущностей у предмета несколько. И эта множественность постигнутых сущностей и есть то, что делает для нас видимый предмет я́вленным. Скажем, сущностей камня две: одна — твердость, а другая — тяжесть; первая обусловлена реагированием контактирующих тел, вторая — законом притяжения.

Сущность, к примеру, огня — не огонь и не в огне, а в законах окисления тел в атмосфере кислорода. Последнее, и без философов (!), хорошо знают пожарные, когда при тушении возгораний лишают — водой или хлопьями углекислотной пены — огонь его сущности.

Поэтому, когда Гольбах высказывает свое мнение, что «в сущности камня заключается то, что он падает» и что это равносильно утверждению, что падение камня «есть необходимое следствие веса камня», он говорит совсем не то, что надо было бы: не падение есть следствие веса, а вес есть следствие падения.

В целом же, суммируя сказанное, выходит, что представление о **сущности** есть фиксирование степени нашего знания и его полноты, а также правильности избранного направления познания. ◑

♦ Элементарнейшее размышление о природе нашей души должно было бы убедить нас, что мысль о ее бессмертии является простой иллюзией.
♦ Истина — это правильная и точная ассоциация идей.
♦ Пусть физики, анатомы, врачи объединят свои опыты и наблюдения и покажут нам, что нам следует думать о субстанции, которую хотели сделать непознаваемой.
♦ Человек есть продукт природы.
♦ У человека нет никаких оснований считать себя привилегированным существом природы; он подвержен тем же превратностям, как и все другие ее произведения. Его мнимые преимущества основываются лишь на заблуждении. Пусть человек мысленно поднимется над земным шаром, на котором обитает, и он сумеет посмотреть на человеческий род так, как и на все другие существа. Он увидит, что, подобно тому как каждое дерево приносит соответствующие его виду плоды, так и каждый человек, действуя в соответствии со своей особой энергией, производит столь же необходимые плоды — поступки или действия. Он поймет, что иллюзия, предрасполагающая его переоценивать свою роль, происходит оттого, что он одновременно и наблюдатель Вселенной, и ее часть.
♦ Человек не может видеть самого себя. Действительно, чтобы он мог

видеть себя, ему нужно быть одновременно и внутри и вне себя. Его можно сравнить с чувствительной арфой, которая сама по себе издаёт звуки и спрашивает саму себя, что заставляет ее издавать их. Она не видит, что, будучи чувствительной, сама задевает свои струны и что их заставляют звучать всякие прикосновения к ним.

♦ Природа наделила человека сознанием.

♦ Человека следует рассматривать как машину...

♦ Всякое **ощущение** представляет собой лишь сотрясение, полученное нашими органами; всякое **восприятие** представляет собой это сотрясение; всякая **идея** — это образ предмета, от которого происходят ощущение и восприятие.

♦ Механизм восприятий и ощущений и тот способ, каким идеи запечатлеваются в нашем мозгу, не известны нам...

♦ Мы охотно согласимся, что даже величайшие гении не знают сущности камней, растений, животных и тайных сил, составляющих их, заставляющих их покоиться или действовать; но во всяком случае эти тела можно видеть, они хоть в некоторых отношениях доступны нашим чувствам.

♦ В ответ на жалобы, что имеющихся объяснений недостаточно для раскрытия принципа движений или способностей нашей души, мы скажем, что то же самое относится ко всем телам природы, в которых наипростейшие движения, обычнейшие явления и способы действия являются необъяснимыми тайнами, первых принципов которых мы никогда не познаем.

♦ Наш мозг, или наша душа...

♦ Для человека свобода есть не что иное, как заключённая в нём самом необходимость.

♦ Ничто не случайно...

♦ **Фатальность** — это вечный, незыблемый, необходимый, установленный в природе порядок...

♦ Достаточно немного поразмыслить, чтобы понять, что всё наблюдаемое нами **необходимо**, то есть не может быть иным, чем оно есть...

♦ Мы называем **случайными** явления, причины которых нам не известны и которые из-за своего невежества и неопытности мы не можем предвидеть.

♦ Случай — это лишённое смысла слово...

∇ ◐ Кто из философов не отваживался на штурм «случайности»! Но обилие попыток не дало разнообразия в результатах. Вот и Гольбах утверждает то же, что и все: мол, случай — «миражное» понятие, фатаморгана, наличие отсутствующего.

Тем не менее у Гольбаха есть всё, чтобы решить вопрос по-другому. Он сам акцентирует внимание на закон всеобщей взаимосвязи вещей. И как тут можно было не увидеть, что коль всё связано, то всё не только действует на другое, отстоящее от него, но и само подвергается **о́тблесковому** воздействию результата взаимодействия?

«Всё связано во Вселенной: последняя есть лишь необъятная цепь причин и следствий», — учит Гольбах. И на этом... останавливается. А действительно, что еще можно сказать в рамках его взглядов?!

Но мы давайте пойдем дальше. На мой взгляд, есть еще один закон природы — **ЗЕРКАЛИЗАЦИЯ**, или эффект обратного действия.

Да, цепь причин не прерывается. Но причина производит не только следствие, но вызывает и последствия, то есть воздействие следствия на всё окружающее. Порождает своеобра́зную, если пользоваться оружейной терминологией, «отдачу». «Отдача» оживляет одну из «цепочных» причин, и та, обновлённая привнесением, оказывает всей предшествующей цепочке взаимодействия сопротивление сообразием своего поведения своей складывающейся сущности, о которой цепь причин, образующих закономерность, выражаясь антропоморфно, понятия не имеет.

Пока изменения попадут в систему всеобщей связи — а для этого должно пройти время, чтобы утряска возникшего возмущения сбалансировалась, — в природе царит некий **произвол**, который есть, был и как явление всегда будет. Имя ему — **случайность**. ◑

♦ Было бы верхом нелепости отказывать животным в умственных способностях; они ощущают, обладают идеями, производят суждения и сравнения, выбирают и обдумывают.

♦ Человеку не дано знать всё: ему не дано познать свое происхождение, проникнуть в сущность вещей и добраться до первоначальных причин.

♦ Невежество — первая предпосылка веры, и поэтому церковь так высоко ее ценит.

♦ При отсутствии опытных данных человеческой любознательности, всегда устремляющейся за предписанные нашему духу границы, приходится обращаться к гипотезе.

♦ Человеческая воля испытывает воздействие извне и скрытым образом определяется внешними причинами, производящими изменения в человеке. А мы ошибочно воображаем, что эта воля действует сама собой.

♦ Говорить, что нравственные идеалы врождены или представляются результатом инстинкта, — это всё равно что утверждать, будто человек способен читать, не зная еще букв и алфавита.

♦ Подобно живым организмам, общества переживают кризисы, моменты безумия, революции, изменения форм своей жизни; они рождаются, растут, умирают, переходят от здоровья к болезни, а от болезни — к здоровью, наконец, как и все существа человеческого рода, они имеют детство, юность, зрелый возраст, дряхлость и смерть.

♦ Необходимо, чтобы власть монарха всегда оставалась подчинённой власти представителей народа и чтобы эти представители сами постоянно зависели от воли уполномочивших их людей, от которых они получили все свои права и по отношению к которым они являются исполнителями, доверенными лицами, а отнюдь не хозяевами.

♦ Революции и революционные потрясения, конечно, являются для общества бедствиями, и потому оно может прибегать к ним только для достижения достаточно значительного, прочного и продолжительного благополучия, возмещающего временное нарушение спокойствия.

4. МЫСЛИ

◪ Поклоняться Богу — значит поклоняться вымыслу, созданному человеческим воображением, или попросту поклоняться тому, чего нет.

◪ Можно подумать, что религиозная мораль только для того и приду-

мана, чтобы разрушить общество, превратить людей в первобытных дикарей.

- Если трон является источником блеска дворянского сословия, то он же скоро становится и орудием его разложения и порабощения.
- Природное неравенство людей делает невозможным и равенство их имуществ. Напрасны бы были все попытки сделать общей собственность существ, неравных по силе и уму, по предприимчивости и активности натуры.
- Силой удерживается правительство, установленное силой.
- Побуждения, лежащие в основе самых крупных событий этого мира, в глазах разума кажутся ничтожными! Споры о морали, ребяческие побуждения, раздоры, плохое настроение министра такого-то или госпожи такой-то, наглость посла, грубость пирата, неправильно понятое слово — этого достаточно, чтобы разжечь в стране огонь войны!
- О если бы разные государства, из которых состоит земной шар, были бы маленькими и если бы они были пропорциональны таланту тех, кто ими управляет!
- Редко можно увидеть, чтобы приобретения и завоевания компенсировали затраченные на них расходы; политика государей ограничивается обыкновенно приобретением мелочей ценой больших затрат. Самые блестящие успехи обычно только сокращают реальные силы.
- Даже самые счастливые войны отнюдь не приводят к миру.
- Недостаточно быть богатым, чтобы быть счастливым, надо еще уметь пользоваться богатством.
- Если бы в этом мире не было зла, человек никогда не помышлял бы о божестве.
- Всякий, кто серьезно задумается над религией и ее сверхъестественной моралью, кто трезво взвесит все ее преимущества и недостатки, сможет убедиться, что религия и ее мораль вредны человечеству и, во всяком случае, противоречат природе человека.
- Авторитет церкви заключается в способности служителей Бога с помощью тюрем, солдат и костров убеждать в правильности своих постановлений, в подлинности своих прав, в мудрости своих мнений.

  / По свидетельству Хуана-Антонио Льоренте, бывшего в 1789 – 1791 гг. секретарем мадридской инквизиции, число жертв одной только испанской инквизиции доходило до 350 тысяч человек. Из них 31912 человек были заживо сожжены. /
- Мудрец на троне был бы счастливейшим из смертных.
- Человек не свободен ни одну минуту своей жизни.
- В мире царит несправедливость...
- Если мы рассмотрим взаимоотношения человека с природой, то убедимся, что связывающие их обязательства не были ни добровольны, ни взаимны. Воля человека не играет никакой роли при его рождении. Обычно он вынужден умереть вопреки своему желанию, а его поступки являются необходимыми следствиями неизвестных причин, определяющих его волю. В руках природы он то же самое, что шпага в его собственной руке: если бы последняя выпала из его рук, то было бы

странным обвинять ее в том, что она нарушила принятые на себя обязательства или выказала неблагодарность по отношению к ее владельцу. Человек может любить бытие только в том случае, если он счастлив. Но если вся природа отказывает ему в счастье, он вправе покинуть место, где не находит для себя никакой опоры.

- Находясь с детства во власти своих предубеждений, люди, коснеющие в предрассудках, считают необходимым во что бы то ни стало сохранять повязку, покрывающую их глаза, и бороться со всеми теми, кто пытается ее сорвать. Если их глаза, привыкшие к мраку, на мгновение открываются, то свет причиняет им боль, и они с яростью набрасываются на того, кто подошел к ним с ослепляющим их факелом.
- Религия по существу своему враг человеческих радостей и человеческого благоденствия. Что такое святой с точки зрения всех религий? Это человек, который молится, постится, занимается самоистязанием, бежит от мира; которому, как сове, хорошо только в полном одиночестве.
- Чтобы счастье наше было полно, мы нуждаемся в привязанности и помощи окружающих нас людей, последние же согласятся любить и уважать нас, помогать нам в наших планах, работать для нашего счастья лишь в той мере, в какой мы готовы работать для их благополучия, — эту необходимую связь называют нравственным долгом, нравственной обязанностью.
- Друг, бесполезный для своего друга, становится для него чужим человеком.
- Правосудие есть основание всех общественных добродетелей.
- Мораль была бы пустой наукой, если бы она не могла показать человеку, что его величайший интерес заключается в том, чтобы быть добродетельным.

Кант

XVIII – XIX вв.

Иммануил Кант

• Немецкий философ

Родился: 22.04.1724 г.
Умер: 12.02.1804 г.

Прожил — 79 лет

> **«Не мыслям надобно учить, а мыслить».** *(Кант)*

■ **«Склонность к удобствам в человеке хуже любого другого зла в жизни».** *(Кант)*

■ **«И чем более я размышляю, тем более две вещи наполняют душу мою всё новым удивлением и нарастающим благоговением: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне».** *(Кант)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Пруссии, в Кёнигсберге, в семье ремесленника.
• Был четвертым по счету ребенком в семье; всего у его родителей было девять детей. Зрелого возраста достигли лишь три сестры и один брат.
• В детстве и юности часто болел. Был слаб телосложением, подвержен нервным припадкам и имел склонность к ипохондрии.
• Родители сумели дать ему основательное классическое образование.
• В 1740 – 1746 гг. он учился на теологическом факультете Кёнигсбергского университета, после окончания которого целое десятилетие служил домашним учителем.
• В 1755 г. стал приват-доцентом Кёнигсбергского университета. Через 15 лет здесь же получил профессуру.
• Преподавал с 1755 по 1797 г. метафизику, логику, моральную философию, физику, математику.
• Всю жизнь был холост.
• На Канта повлияли и стали предтечей его размышлений и трудов два мыслителя — Юм и Руссо, а именно знакомство с критикой понятия причинности и «Эмиль».
• Ему было 57 лет, когда он написал своё главное сочинение — «Критика чистого разума».
• **Сочинения Канта:**

«Общая естественная история и теория неба» (1755);
«Критика чистого разума» (1781):

/ Название «Критика чистого разума» встречается впервые в письме

к Марку Герцу 21 февраля 1772 г. как заглавие сочинения, которое Кант надеялся вскоре издать. /;

«Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784);
«Метафизические начала естествознания» (1786);
«Критика практического разума» (1788);
«Логика» (1800);
«Критика способности суждения» (1790);
«Антропология» (1798).

• 28.07.1794 г. он стал иностранным членом Петербургской академии наук, возглавляемой Е. Дашковой.

• В частной жизни Кант неохотно беседовал о философских вопросах, вероятно сознавая, что способен только учить, а не слушать.

• Вся его жизнь была размерена, высчитана и уподоблена точнейшему хронометру. Ровно в 10 часов вечера он ложился в постель, ровно в 5 утра он вставал. И в продолжение 30 лет он ни разу не встал не вовремя. Ровно в 19 часов он выходил на прогулку. Жители Кёнигсберга проверяли по нему свои часы.

• Констатация житейских наблюдений Канта откровенна и сурова: «Человек по природе зол».

• 12 февраля 1804 г., в день смерти, последнее слово, которое услышали окружающие от него, было благодарное отклонение услуг — «Хорошо».

2. СУДЬБА

► Мозг Канта весил 1650 граммов.

► В последние годы жизни Кант говорил с посетителями не о философских предметах, а о лучших новейших средствах уничтожения клопов.

► **Георг Гегель:**

«Кант сделал бесконечно важный шаг... Диалектика вновь была признана необходимой для разума: мы ушли от того понимания, что она-де некоторое *искусство*, будто она основывается на каком-то субъективном *таланте*, а не принадлежит к объективности понятия. В исследовании мысли Кант идёт по пути триадичности: в его таблице категорий третья категория возникает всегда из соединения второй и первой категорий того же класса.

Но истина тем не менее на пути, обратном тому выводу, который сделал Кант...»

► **Генрих Гейне** /(1797 – 1856), немецкий поэт и публицист/:

«Изложить историю жизни Иммануила Канта трудно. Ибо не было у него ни жизни, ни истории».

► **Кант о Фихте:**

«...Заявляю, что считаю **Наукоучение** Фихте совершенно несостоятельной системой».

3. УЧЕНИЕ

• Принципы

♦ Коль есть высшее благо, то стремление к нему обязательно. Но без свободы такое стремление невозможно. Из этого вытекает наличие в человеке души — носительницы свободы. Душа же должна

быть бессмертной, иначе благо окажется побежденным смертью. Гарант свободы и бессмертия — Бог.

♦ Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своём лице, и в лице также всякого другого как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству.

♦ Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства.

♦ В каждой естественной науке заключено столько истины, сколько в ней есть математики.

♦ Быть опровергнутым — этого опасаться нечего; опасаться следует другого — *быть непонятым.*

♦ ***Мне удалось разрешить юмовскую проблему.***

♦ Я выставляю предлагаемое в моей критике и аналогичное гипотезе Коперника изменение в способе мышления только как гипотезу.

♦ Поприще философии в широком значении можно подвести под следующие вопросы:

1. Что я могу знать?
2. Что я должен делать?
3. На что я могу надеяться?
4. Что такое человек?

На первый вопрос отвечает метафизика, на второй — мораль, на третий — религия и на четвертый — антропология. В сущности, всё это можно было свести к антропологии, ибо три первых вопроса сводятся к последнему.

♦ Можно, в крайнем случае, согласиться с гордым притязанием богословского факультета на то, что философский факультет — его служанка (при этом всё же остаётся открытым вопрос: *несёт* ли эта служанка перед милостивой госпожой *факел* или шлейф *позади* нее), лишь бы не закрыли философский факультет и не зажали ему рот.

♦ Физика, в самом широком значении этого слова, — наука познания разумом всех предметов возможного опыта...

♦ Никогда не возникла бы мысль о метафизике как особой науке, если бы у разума не было более высокого интереса...

♦ Название этой науки — метафизика — само уже указывает на род познания, к которому стремятся в ней. Посредством ее желают выйти за пределы всех предметов возможного опыта *(trans physicam),* чтобы, если можно, познать то, что никак не может быть предметом опыта...

♦ Задача метафизики, а именно: поиски критерия для понятия о том, что находится вне сферы возможного опыта...

♦ Даже понятие сверхчувственного, к которому разум проявляет такой интерес, что из-за него вообще существует, всегда существовала и будет существовать метафизика, по крайней мере как попытка, даже это понятие... не дает никакой возможности каким-либо способом теоретически точно доказать, имеет ли оно объективную реальность или оно не более как выдумка.

♦ Под чистым разумом какого-либо существа подразумевается способность познавать вещи независимо от опыта, стало быть, от чувственных представлений...

♦ Итак, три стадии должна была пройти философия для целей метафизи-

ки. Первой стадией был догматизм, второй — скептицизм, третьей — критицизм чистого разума.

♦ Мы постигаем... непостижимость.

♦ Деятельность есть наше определение.

♦ Философия есть только идея возможной науки, которая нигде не дана *in concreto*, но к которой мы пытаемся приблизиться различными путями.

Пока этого не случится, нельзя обучать философии; в самом деле, где она, кто обладает ею и по какому признаку можно ее узнать? Теперь можно обучать только философствованию, то есть упражнять талант разума на некоторых имеющихся примерах в следовании общим принципам его, однако всегда сохраняя право разума исследовать самые источники этих принципов и подтвердить эти принципы или отвергнуть их.

♦ Если бы я удалил мыслящий субъект, то весь телесный мир должен был бы пасть, ибо он есть лишь явление в чувственности нашего субъекта и один из видов его представления.

♦ Философию вообще нельзя выучить. Математике, истории, физике можно обучиться, а философии нельзя, можно только научиться философствовать. Философии нельзя обучиться уже потому, что она еще не существует в форме готовой, признанной науки. Всякий философ строит свою систему на обломках предыдущей, но никогда не была построена еще система, которая сохранилась бы во всех своих частях. Итак, философии нельзя обучиться уже потому, что ее еще нет до сих пор.

♦ То, с чем я имею дело в «Критике чистого разума», это совсем не метафизика, а совершенно новая и неизвестная до сих пор наука, а именно **критика разума, рассуждающего априорно**.

♦ Слабые люди, вы воображаете, что вас заботит истина и развитие познания, а на самом деле вас занимает одно только тщеславие!

♦ Душа обладает тремя способностями: способностью познания чувства удовольствия, неудовольствия и способностью желания. Для первой я нашел принципы *a priori* в «Критике чистого (теоретического) разума», для третьей — в «Критике практического разума».

♦ Предметы — это не суть только вещи сами по себе, но и явления с присущей им формой, в которой они нам даны, они также зависят от нас в том, что касается их субъективного, то есть специфики нашего вида созерцания.

♦ Мы можем судить о любом рассудке с помощью нашего рассудка и о любом созерцании — только с помощью нашего созерцания.

♦ Необходимым дополнением к разуму является нечто, выходящее за пределы спекуляции, лежащее всё-таки в разуме, которое мы, пожалуй, можем назвать (под именем свободы, сверхчувственной способности постигать причинность в нас), однако не можем понять.

♦ Не исследование Бытия Божьего, бессмертия и тому подобного было моей отправной точкой, но антиномии чистого разума. «Мир имеет начало» — «Он не имеет начала» etc. — до четвертой антиномии: «Человеку присуща свобода» — «У него нет никакой свободы, а всё в нем происходит по природной необходимости». Вот что пробудило меня от дремоты

и повлекло к критике разума, как такового, дабы устранить скандал противоречия разума с самим с собой.*

♦ Идеализм состоит в утверждении, что существуют только мыслящие существа, а остальные вещи, которые мы думаем воспринимать в созерцании, суть только представления в мыслящих существах, представления, которым на самом деле не соответствует никакой вне их находящийся предмет. Я же, напротив, говорю: нам даны вещи как вне нас находящиеся предметы наших чувств... Следовательно, я, конечно, признаю, что вне нас существуют тела, то есть вещи, относительно которых нам совершенно неизвестно, каковы они сами по себе, но о которых мы знаем по представлениям, доставляемым нам их влиянием на нашу чувственность и получающим от нас название тел... Разве можно назвать это идеализмом? Это его прямая противоположность.

♦ До тех пор пока нет созерцания, неизвестно, мыслим ли мы посредством категорий какой-нибудь объект и может ли им вообще быть присущ какой бы то ни было объект; так подтверждается, что сами по себе категории вовсе не *знания*, а только ***формы мышления*** для того, чтобы из данных созерцаний порождать знания.

♦ Природа — то есть чувственно воспринимаемый мир, за вычетом всех объектов, не воспринимаемых чувствами.

♦ Во всех явлениях постоянное есть сам предмет, то есть субстанция.

♦ В понятии материи отвлекаются от всякой формы (фигуры и строения) и мыслят при этом только некоторое вещество... способное принимать любую форму.

♦ То в явлении, что соответствует ощущениям, я называю его материей...

♦ Природа организует материю не только по роду, но и по ступеням.

♦ Но слово ***природа*** употребляется и в ***материальном*** значении, не как свойство той или иной вещи, а как совокупность всех вещей...

♦ ...Материализм никогда нельзя применить в качестве принципа, объясняющего природу нашей души.

♦ До сих пор считали, что всякие наши знания должны сообразовываться с предметами. При этом, однако, кончались неудачей все попытки через понятия что-то априорно установить относительно предметов, что рас-

* Надо отметить, что проблему антиномий, т. е. противоречия между двумя положениями, каждое из которых признаётся доказуемым (например, прерывность и непрерывность материи), в своё время ставил уже Августин. В своём обозрении философских систем в книге «О граде Божием» он писал: «Одни утверждали, что мир один, другие — что миров существует бесчисленное множество; одни — что этот единственный мир имеет начало, другие — что он его не имеет; одни — что он будет иметь конец, другие — что будет существовать вечно; одни — что им управляет божественный ум, другие — случай; одни говорили, что души бессмертны, другие — смертны; а из тех, кто признавал души бессмертными, одни доказывали, что они переселяются в животных, другие — что это совершенно невозможно; среди тех, кто называл души смертными, одни учили, что они погибают после смерти тела, другие — что они продолжают жить еще более или менее долго, но не вечно; одни полагали высшее благо в теле, другие — в духе, третьи — в том и другом, а некоторые добавляли к духу и телу еще и внешние блага; одни считали, что телесным чувствам нужно верить всегда, другие — что не всегда, третьи — что никогда».

ширяло бы наше знание о них. Поэтому следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразовываться с нашим познанием... Здесь повторяется то же, что с первоначальной мыслью Коперника: когда оказалось, что гипотеза о вращении всех звезд вокруг наблюдателя недостаточно хорошо объясняет движения небесных тел, то он попытался установить, не достигнет ли он бóльшего успеха, если предположить, что движется наблюдатель, а звезды находятся в состоянии покоя.

♦ ...Наш разум, рассматриваемый субъективно как познавательная способность человека, содержит в себе основные правила и принципы своего применения, имеющие вид вполне объективных основоположений; это обстоятельство и приводит к тому, что субъективная необходимость соединения наших понятий в пользу рассудка принимается нами за объективную необходимость определения вещей в себе. Этой иллюзии никак нельзя избежать, *точно так же как* нельзя избежать того, что море кажется посредине более высоким, чем у берега...

♦ Внешнее спокойствие существует лишь по-видимому. Зародыш сомнений, лежащий в природе человека, должен быть искоренён, однако мы можем искоренить его, лишь дав ему свободу и даже пищу, растение тогда разовьётся и покажется на свете, и его можно будет уничтожить с корнем.

♦ Каждому человеку нужно иметь особо устроенный как бы второй глаз, а не быть, хотя и имея два глаза, похожим на циклопа. Медик нуждается в критике нашего познания природы, юрист — в критике нашего познания права и нравственности, теолог — в критике нашей метафизики, а геометру нужна критика познаний нашего разума вообще. Итак, второй глаз есть не что иное, как самопознание человеческого разума, без которого у нас не было бы никакого масштаба для измерения величины наших знаний.

♦ Я счел весьма вероятным, что так называемые неподвижные звезды — это в сущности медленно движущиеся планеты высшего порядка.

♦ Можно ли сказать с той же уверенностью, как мы говорим «дайте мне материю, и я построю из нее мир», сказать, что «дайте мне материю, и я покажу вам, как можно создать гусеницу»?

♦ Природа неисчерпаема в новых проявлениях...

♦ Я сам в силу личных склонностей исследователь. Я испытываю жажду познания и беспокойное стремление идти дальше в этой области. Было время, когда я думал, что эта деятельность доставляет честь человечеству, и презирал чернь, ничего не знающую о ней. Руссо вернул меня на правильный путь. Это мнимое преимущество потеряло значение в моих глазах. Я научился уважать людей...

♦ Давид Юм разбудил меня от догматического сна.

♦ Мне пришлось ужать знание, чтобы освободилось место и для веры.

● Основоположения

♦ «Трансцендентное» обозначает то, что существует вне сознания, недоступно ему и непознаваемо.

♦ Понятием «трансцендентальное» охватывается всё, имманентное сознанию, то, что может быть познано и действительно познаётся.
♦ Я называю «трансцендентальным» всякое познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным априори.
♦ Всякое наше знание начинается с чувств, переходит затем к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления.
♦ Разум никогда не направлен прямо на опыт или на какой-нибудь предмет, а всегда направлен на рассудок.
♦ Все теоретические науки, основанные на разуме, содержат априорные синтетические суждения как принципы.
♦ Под «аналитикой понятий» я разумею расчленение самой способности рассудка с целью изучить возможность априорных понятий, отыскивая их исключительно в рассудке как месте их происхождения.
♦ Рассудок можно вообще представить как способность составлять суждения.
♦ Разум ограничивает рассудок применением в опыте.
♦ Но применение в опыте не выполняет всего назначения разума. Каждый отдельный опыт есть только часть всей сферы опыта; но само абсолютное целое всего возможного опыта не есть опыт. Это составляет проблему для разума.
♦ Для одного лишь представления об этой проблеме разуму требуются совершенно иные понятия, чем те чистые рассудочные понятия (или категории), применение которых только имманентно, т. е. направлено на опыт, поскольку он может быть дан.
♦ Понятия же разума имеют в виду полноту, т. е. собирательное единство всего возможного опыта; тем самым они выходят за пределы всякого данного опыта и становятся трансцендентными.
♦ Как рассудок нуждается для опыта в категориях, так разум содержит в себе основание для идей, а под идеями я разумею необходимые понятия, предмет которых тем не менее не может быть дан ни в каком опыте.
♦ Идеи — Бог, душа, мир, «вещь в себе».
♦ Идеи никогда не могут быть даны в опыте, и их положения никогда не могут быть ни подтверждены, ни опровергнуты опытом.
♦ Без разграничения идей и категорий метафизика просто невозможна.
♦ Разум никогда не удовлетворит себя, если не решит вопроса: как возможна метафизика вообще?
♦ «Опыт» — это продукт «рассудка» из материалов «чувственности».
♦ Опыт должен содержать в себе все предметы для наших понятий, но вне опыта понятия лишены значения, так как под них не может быть подведено никакое созерцание.
♦ «Умопостигаемый мир» — мир ноуменов (noumena), мир «вещей в себе» *(«Ding-an-sich»)* — суть не что иное, как представления о некоей задаче, предмет которой, конечно, возможен, но решение которой — согласно природе нашего рассудка — **совершенно невозможно**: наш рассудок есть способность не созерцания, а только соединения данных созерцаний в *опыт*.

♦ Наши «чистые рассудочные понятия» действительно заманчивы для трансцендентного применения (так я называю применение, выходящее за пределы всякого опыта).

♦ Наши понятия «субстанции», «реальности», «силы», «действия» и т. д. **не только** совершенно независимы от опыта и совершенно не содержат никакого явления чувств, и, следовательно, кажутся на самом деле относящимися к «вещам в себе» (noumena), **но**, — что еще больше подкрепляет это положение, — они заключают в себе **необходимость** определения, которой опыт никогда не соответствует.

Понятие «причины» содержит правило, по которому из одного состояния необходимо вытекает другое; опыт же может нам показать только то, что часто или, самое большее, **обыкновенно** за одним состоянием вещей следует другое, и, таким образом, он не может сообщить ни строгой всеобщности, ни необходимости.

♦ Поэтому и кажется, что рассудочные понятия имеют слишком большое значение и содержание, чтобы исчерпываться одним применением в опыте; и вот рассудок незаметно пристраивает к зданию опыта гораздо более обширное помещение, которое он наполняет одними лишь умопостигаемыми сущностями, не замечая даже, что он со своими вообще-то правильными понятиями **вышел за пределы их применения.**

♦ Существование предметов чувств нельзя познать совершенно a priori, а можно познать лишь до некоторой степени a priori.

♦ *Априорные законы природы суть:*

✓ Ничто не происходит по слепому случаю; всякое событие предполагает причину.

✓ Необходимость в природе никогда не бывает слепой, а всегда бывает обусловленной, стало быть, понятной.

✓ Следует отрицать всякие скачки́ в ряду явлений.

✓ Никакой опыт не способен доказать наличие пустоты.

♦ То, что возможно лишь при условиях, которые сами только возможны, возможно не *во всех отношениях.*

♦ В познании есть свои тонкости, и о них стоило бы помнить... Понятие кубического фута пространства, где бы и сколько бы раз я его ни мыслил, само по себе совершенно одно и то же. Но два кубических фута в пространстве отличаются друг от друга уже своим местом; эти места суть условия созерцания, в котором даётся объект этого понятия, и, не входя в понятие, они тем не менее относятся к нашей чувственности в целом.

♦ Изменение есть соединение противоречаще-противоположных определений в существовании одной и той же вещи. Каким образом из данного состояния следует противоположное ему состояние той же самой вещи — это разум не только не может объяснить без примера, но не может даже понять без созерцания; таким созерцанием служит созерцание движения точки в пространстве, лишь пребывание которой в различных местах (как следствие противоположных определений) делает для нас наглядным изменение.

♦ Больше ли область возможного, чем область всего действительного, и больше ли в свою очередь область действительного, чем сумма того, что необходимо, — это вопросы серьёзные... и они подлежат только суду разума.

/■■ Всё действительное возможно; отсюда естественно, по логическим правилам обращения, следует лишь частное суждение: некоторые возможные вещи действительны, и это суждение как будто равнозначно суждению *возможно многое такое, что недействительно.* На первый взгляд в сáмом деле кажется, что количество возможного превышает количество действительного, так как к возможности должно еще что-то прибавиться, чтобы получилось действительное. Однако я не знаю этого прибавления к возможному... ■/

♦ Всё, что происходит, гипотетически необходимо — таково основоположение, подчиняющее изменения в мире з а к о н у, т. е. правилу необходимого существования.

♦ Основоположение о причинности — одна из аналогий опыта.

♦ Здесь как раз уместно окончательно разрешить сомнения Юма. Юм справедливо утверждал, что разумом мы никак не постигаем возможности *причинности*, то есть отношения существования одной вещи к существованию чего-то другого, необходимо полагаемого первым.

К этому я прибавлю еще, что мы также мало усматриваем понятие **субстанции**, то есть необходимости в том, что в основе существования вещей лежит субъект, который сам не может быть предикатом какой бы то ни было другой вещи;

более того, я прибавлю, что мы не можем составить себе какое-нибудь понятие о возможности такой (то есть субстанции) вещи, а также, что мы не можем понять и **взаимоотношения** вещей, так как нельзя постичь, как из состояния одной вещи можно заключить о состоянии совершенно других вещей вне ее, следовательно, об их взаимодействии, и как субстанции, из которых ведь каждая имеет свое собственное обособленное существование, могут зависеть друг от друга, и притом необходимо.

Тем не менее я отнюдь не считаю эти понятия взятыми просто из опыта и не считаю представленную в них необходимость — вымыслом и видимостью, которая вызвана долгой привычкой;

напротив, я в достаточной мере показал, что эти понятия и исходящие из них основоположения установлены *a priori* до всякого опыта и имеют, несомненно, свою объективную *правильность, но, конечно, только в отношении опыта.*

Возьмем для примера проблематическое понятие Юма, а именно понятие **причины.**

Во-первых, посредством логики мне *a priori* дана форма обусловленного суждения вообще, то есть применение одного данного познания как основания, а другого — как следствия.

Но возможно, что в восприятии имеется правило отношения, гласящее, что за определённым явлением постоянно следует другое (но не наоборот), и это есть случай, когда я пользуюсь гипотетическим суждением;

я могу, например, сказать: когда тело достаточно долго освещается солнцем, оно нагревается. Но здесь, конечно, еще нет необходимости связи, стало быть, нет понятия **причины**.

Однако я продолжаю и говорю: чтобы это положение, которое есть

лишь субъективная связь восприятий, было *положением опыта*, оно должно рассматриваться как необходимое и общезначимое.

А такое положение выражает формула: *своими лучами солнце служит причиной теплоты.*

Отныне вышеуказанное эмпирическое правило рассматривается как закон, и притом как применимое не только к явлениям, а к явлениям ради возможного опыта, нуждающегося во всеобъемлющих и, следовательно, необходимо действующих правилах.

Вот почему чистые рассудочные понятия теряют всякое значение, если их отделить от предметов опыта и соотнести с «вещами в себе» (noumena).

Они служат лишь, так сказать, для разбора явлений по складам, чтобы их можно было читать как опыт; основоположения, вытекающие из отношения этих понятий к чувственно воспринимаемому миру, служат нашему рассудку только для применения в опыте, *а за его пределами — они произвольные сочетания без объективной реальности,*

возможность которых нельзя познать и отношение которых к предметам нельзя подтвердить или даже пояснить никакими примерами,

так как все примеры могут быть взяты только из возможного опыта, стало быть, и предметы этих понятий могут находиться только в опыте.

Это полное, хотя и против ожидания Юма, решение юмовской проблемы оставляет, следовательно, за чистыми рассудочными понятиями их априорное происхождение и за всеобщими законами природы — их силу как законов рассудка, однако таким образом, что оно ограничивает их применение сферой опыта.

Причем **не** эти законы выводятся из опыта, **а, наоборот**, опыт выводится из них,

такая, совершенно обратная, связь Юму не приходила в голову.

♦ Мышление само по себе не есть продукт чувств, и в этом смысле оно не ограничено ими.

♦ Понятие ноумена (вещи в себе) — проблематическое понятие: оно есть представление о вещи, о которой мы не можем сказать ни то, что она возможна, ни то, что она невозможна, так как мы не знаем иного способа созерцания, кроме своего чувственного созерцания, и не знаем иного вида понятий, кроме категорий; между тем ни наши категории, ни наши созерцания не подходят ни к какому внечувственному предмету.

♦ Понятие ноумена не есть понятие объекта; оно представляет собой только неизбежно связанный с ограничением нашей чувственности вопрос, не существуют ли предметы, совершенно независимые от наших чувственных созерцаний.

♦ Мысля внечувственность, т. е. трансцендентный объект, который составляет причину явления, мы не можем его мыслить ни как величину, ни как реальность, ни как субстанцию, ни как то, что в нас, ни как то, что вне нас. Это пустое представление, и оно служит лишь для того, чтобы обозначить границы нашего чувственного познания и оставить место, которое мы не можем заполнить ни с помощью возможного опыта, ни посредством чистого рассудка.

↑ ∇ ◐ Философия Канта — это, так сказать, религия познания. Сам Кант — это гносеологический Иисус Христос. Он не показывает нам наличие запредельного и даже как бы открещивается от эмпирического понимания его. Однако взахлёб расписывает некоторое нечто, без которого, по его мнению, познанию только потому и не обойтись, что оно без него... не обходится. «Вещь в себе» — Бог смысла вещи — есть гарант понимания того, что мир — это нечто большее, чем потуги лицезрения, и ум нам дан вовсе не для того, чтобы скользить по явлениям, гладя их, а проникать... А на вопрос: зачем нам всё это? — кёнигсбергец неговоримо отвечает: устремление к **чему-то** всё равно лучше, тем движение в никуда. Он подразумевающе намекает на очевидно-несомненное — на то, что мы и сами знаем, но так и не можем (потому что не готовы?, потому что не хотим??, потому что не знаем про это «потому что»???) понять: ведь это же странно до естественности — *волнующая загадка* целиком и полностью сродни и равносовпадаема с *загадывающим волнением*. ↑

Кант по-своему заявил: в цветке, кроме его запаха и красоты, есть еще и... цветок. И если это кого-то не изумляет, то зачем мы тогда имеем дело с цветком. Мир задачлив не явлениями, а тем, что он **мир**.

Всем нам надо нечто бо́льшее, чем мы имеем. Нам и к объяснению надо пояснение. Может быть, кто-то сочтёт это мистикой, но опять же: разве деньги не являются значимее, когда есть где их хранить? Кошелек так же способен дополнять ценность средств в нашем кармане, как представление о Верховном существе хранит обрамлением единство самого представления как самоценного представления о чём бы то ни было.

Ясно же и бесспорно, что у познания цель — наука. Но в цель, чтобы ее обозначить и обозначать, надо метить. Вот отчего мы выбираем высшую над ней точку, — чтобы разглядеть то, что не положено видеть.

Вообще, здесь есть бесконечно важный момент: солнце для нас особенно не только тем, что светит, а тем, что оно выше досягаемости попытки заглядывания **В** него и **ЗА** него. Искать в отсутствии представления закон существа дела столь же безнадёжно, как интересоваться цветом пустоты, однако и противоречия бессмыслицы здесь нет, поскольку в отсутствии знания содержится (а что, есть желающие не согласиться??!!) ВСЁ знание. ◑

♦ **Космологическое доказательство бытия Бога...** Оно гласит: если нечто существует, то должна существовать также и безусловно необходимая сущность. Или иначе: допустив существование чего-то, нельзя избежать вывода, что нечто существует необходимо.

/■■ Попытка извлечь из совершенно произвольно построенной идеи существование самого́ соответствующего ей предмета настолько про-

тивоестественно, что о ней следует говорить только как о моменте школьного остроумия.

■■ В космологическом доказательстве сосредоточено столько софистических основоположений, что кажется, будто спекулятивный* разум пустил здесь в ход всё своё диалектическое искусство, дабы вызвать возможно бо́льшую трансцендентальную видимость.

■■ Путь этого обоснования ошибочен и не может не заслуживать упрёка. ■/

// ♦ Конечно, понятие Высшей сущности способно объяснить всё, но на вопрос о своём собственном существовании оно удовлетворительного ответа дать не может. Нельзя нам заходить так далеко, чтобы от *допускания* существования сущности безоговорочно переходить к утверждению, что такая сущность существует необходимо. //

∇ ◐ Кант поучающе считает, что такие притязания дерзки. Однако его робость и осторожности вызывают недоумение. Если я вижу, как стрекоза машет крылышками, то всё, что я способен высказать по поводу этих крылышек, не возможно, а именно необходимо: [не] обходимо, поскольку я обязан перечислить всё, что я об этом знаю.

Вот и о Боге я говорю всё то, чего не могу не сказать. Всё говоримое всегда к чему-то приложимо, это значит, что имеется **субстанция** заявляемого мною смысла. А там, где очерчена сфера объективирования предмета рассуждения, там есть и сущность. Вопрос: разве, когда звучит мой голос о чём-то, я говорю о возможном? «Возможное» находилось бы в потенции речевого аппарата. А коль скоро я реализую овеществление дум моего ума, то, стало быть, имеет место фактизация и, значит, — необходимость.

Видимо, Канта заботит реальность Бога. Но тут как философ он должен быть последователен: точка бытия — он! — не знающая откуда она и зачем, разве может сомневаться в чём бы то ни было столь несомненно, чтобы забыть про неустранимость своего сомнения? Вводимость Бога в канву любого рассуждения гарантированнее его отрицания: проведя ладонью по поверхности воды, мы воду не изменили, но ладонь намочили. О чём это говорит? Да о том, что как бы ни были произвольны наши действия, то, что в их результате порождается, представляет собой зна́чимую для интеллектуализирующего воззрения ситуацию: всегда есть то, что бывает, раз уж указывающе показано на «бывает».

И вовсе не мы вызываем Бога к той или иной потребности нашего миропонимания или мироориентирования. Так же точно, как, глядя в небо, мы видим бо́льшую глубину, чем это для нас достижимо, так и

* **Спекуля́ция** (от *лат.* speculor — наблюдаю, созерцаю) — согласно Канту, догматический способ познания, при котором оперируют понятиями и суждениями, а также предметами, которые не могут быть даны ни в каком возможном опыте.

Правда, не всякие спекуляции бесплодны: спекулятивное познание приобретает реальный смысл и плодотворность, если оно ставится на платформу критической философии, т. е. когда при познании пытаются установить связь между возможным опытом и теми понятиями и категориями, которыми оперирует философ.

Бог, понятие о нём, есть объём познания, о котором мы знаем более знающе, чем знаем о более.

Бог не мифичен, он отдалённее. И не надо идти ногами туда, где не ими достигается результат: в море и в воздухе нужна та же уверенность, только другие гарантии. Но, не имея крыльев, разве мы сомневаемся, что при надобности полетим? И если так, то и называя, не станем впадать в высокомерие унижения и отрицать у права право на право. *Существо*вание предполагает **существо**, а *су***щ**ество неотделимо от **сущ**ности. А сущность — это вычерпывание нами из неизвестного его способности к постижению. Что же выходит? А то: предполагая необходимость чего-то, мы, далее, хотим того или нет — такова специфика результативного вникания, — обязаны обходиться **без** предположения: я хожу в обуви, но... хожу я, а не обувь. В кругу смысла не надо доводить дело до бессмыслицы, и оттого укол рассудка не менее болезнен, чем укол ста́листой иглой.

Существование Бога необходимо, ибо нам его существование необходимо. На́м, та́м, где выстраивание ума замыкающе определяет то, в чём ум нуждается, когда он вынужденно и потому намеренно чего-то хочет. У намерения нету меры — и это важнейший как практический, так и философский постулат: нельзя ограничивать прыжок, так как он, прыжок, и есть — сам по себе — снятие ограничения на него; и крик против крика кричаще настойчив — ведь запрет показа неотделим от показа запрета, и из этого водоворота одинаковости не выйти, не введя разность; и когда я включаю телевизор, я могу сдерживать только своё усилие, но не свою несдержанность — ведь хотение устраняет регулирование хотения, его *есть* сильнее, чем есть это есть; хотение всегда хочет больше хотения, ибо ему нужно еще и самоусилие самоподдержания. Повод, который пробудил интеллектуализацию, соединил так сферы этих реальностей, что отныне они отвечающе реализуют всё недостающее в запросах практики. И сон ведь тоже во время сна реальнее самого сна, ибо его бывание обусловливает все факты наличия. А это значит, что бытийность может одариваться бытием и есть то, что такую функцию осуществляет. Выходит, что и Высшее наличествующее допустимо и... мало того, оно наше и из нас, нас же допускает к тому, чтобы мы об этом прознали. Зачем? Но... если вы так ставите вопрос, то получается, что несогласия на рассмотренную до того проблему вы сняли. Но если сняли, тогда разбор «зачем?» — это уже разговор единомышленников, и, следовательно, здесь нет места отклоняющей дискуссии... ◑

♦ **Физико-теологическое доказательство бытия Бога:**

Разум... не может быть подавлен сомнениями утончённой и отвлечённой спекуляции; ему достаточно одного взгляда на чудеса природы и величие мироздания, чтобы избавиться, как от сновидения, от всякой мудрствующей нерешительности и подниматься от великого к великому до высочайшего, от обусловленного к условиям до высшего и необусловленного Творца.

/■■ Это доказательство заслуживает того, чтобы о нем всегда говорили с уважением, потому что это доказательство наиболее древнее,

наиболее ясное и лучше всего отвечающее обычному человеческому разуму, так что не только прискорбно, но и совершенно напрасно пытаться возражать против авторитета этого доказательства. ■/

И тем не менее я не могу одобрить притязания этого метода доказательства на аподиктическую* достоверность. Я утверждаю, что одно лишь физико-теологическое доказательство само никогда не может подтвердить существование Высшей сущности. В его основе лежит космологическое доказательство, а в основе этого — онтологическое доказательство существования единой первосущности как высшей сущности, и так как для спекулятивного разума нет более путей, кроме этих трех, то онтологическое доказательство, исходящее из одних лишь чистых понятий разума, есть единственно возможное доказательство, если вообще только возможно доказательство положения, столь превосходящего всякое эмпирическое применение рассудка.

4. МЫСЛИ

- Отречение от своего внутреннего убеждения есть поступок низменный.
- Всё, что мы говорим, должно быть истинным, но из этого не следует, что мы обязаны публично высказывать всякую истину.
- Что темперамент, а также талант нуждаются в некоторых отношениях в дисциплине, с этим всякий легко согласится. Но мысль, что разум, который, естественно, обязан предписывать свою дисциплину всем другим стремлениям, сам нуждается еще в дисциплине, может, конечно, показаться странной; и в самом деле, он до сих пор избегал такого унижения именно потому, что, видя торжественную и серьезную осанку, с какой он выступает, никто не подозревал, что он легкомысленно играет порождениями воображения вместо понятий и словами вместо вещей.
- Постоянно давать детям награды не годится. Через это они становятся себялюбивыми, и отсюда развивается продажный образ мыслей.
- Глупость — это недостаток, и против него нет лекарства.
- Гений — это талант *изобретения* того, чему нельзя учить или научиться.
- Этика есть философия убеждения.
- В брачной жизни соединённая пара должна образовать как бы единую моральную личность.
- Закон, живущий в нас, называется совестью. Совесть есть, собственно, применение наших поступков к этому закону.
- Когда стыдливость исчезает, то не остаётся ничего, что могло бы придать ценность жизни людей.
- Красота поступка состоит прежде всего в том, что его совершают легко и как бы безо всякого напряжения.
- Страдание — это побуждение к деятельности.
- Моральную ценность до́лжно усматривать только в том, что поступок совершают из чувства долга.

---

* **Аподикти́ческий** (от *греч.* apodeiktike [episteme] — наука, служащая доказательству) — неопровержимый, безусловно правильный.

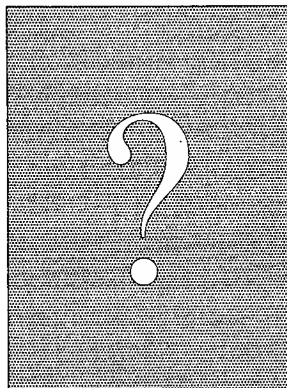
- Обязанность по отношению к самому себе состоит в том, чтобы человек соблюдал человеческое достоинство в самом себе.
- Не поддерживает ли честного человека в огромном несчастье, которого он мог бы избежать, если бы только мог пренебречь своим долгом, сознание того, что в своём лице он сохранил достоинство человечества и оказал ему честь и что у него нет основания стыдиться себя и бояться внутреннего взора самоиспытания?
- Величайшее чувственное наслаждение, которое не содержит в себе никакой примеси отвращения, — это, в здоровом состоянии, отдых после работы.
- Кто избавился от излишеств, тот избавился от лишений.
- Люди бы бежали друг от друга, если бы они видели один другого в полнейшей откровенности.
- Жизнь людей, преданных только наслаждению без рассудка и без нравственности, не имеет никакой цены.
- Всего долее живут в том случае, если менее всего заботятся о продлении жизни.
- *Добродетель* обозначает мужество и храбрость и, следовательно, предполагает врага.
- Взывать к мужеству — это уже наполовину значит внушить его.
- Краска на лице выдаёт нас, когда мы лжём, но она не всегда служит доказательством лжи. Мы часто краснеем за бесстыдство того, кто обвиняет нас в чём-либо.
- Вся культура и искусство, украшающие человечество, самое лучшее общественное устройство — это всё плоды необщительности.
- Долг! Ты возвышенное, великое слово, в тебе нет ничего приятного, что льстило бы людям.
- Если надо помочь науке, то следует **вскрывать** трудности и даже искать те, которые тайно ей мешают...
- Работа — лучший способ наслаждаться жизнью.
- Смерти меньше всего боятся те люди, чья жизнь имеет наибольшую ценность.
- Нет в мире, а также и вне его ничего такого, о чем было бы можно думать, что оно может быть рассмотрено как абсолютно хорошее, кроме одной доброй воли.

Поль де Сен-Виктор /(1825 — 1881), французский писатель и литературный критик/:

«Вспомним Канта. Почувствовав, что все системы, все верования, которые он старался возвести, рассыпаются у него в руках и в мыслях, он пришел к выводу, что существует только нравственное начало, только чувство долга... Да, но это очень холодно, очень сухо. Почему всё это — именно на этой Земле? Почему — смерть? А что потом, после смерти? Вот великая мысль...»

Жан Батист Рене Робинэ

XVIII – XIX вв.

• Французский философ

Родился: 23.06.1735 г.
Умер: 24.03.1820 г.

Прожил — 84 года

> **«Сколько нстин, прнзнаваемых иамн в настоящее время бесспорными, в момент провозглашення нх казались лншь парадоксамн нлн даже ересями!»** *(Робинэ)*

■ **«Добро и зло находятся в мире в однинаковом количестве. Отсюда следует необходимое равновесне добра и зла в прнроде, равновесне, обусловливающее гармонию ее».** *(Робинэ)*

■ **«Все вещн служат взанмно пищей друг другу».** *(Робинэ)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в городе Ренне, столице Бретани, в обедневшей дворянской семье.
• Отец Робинэ — парламентский типограф.
• Поскольку родители готовили мальчика к духовной карьере, то отдали его на учение в иезуитский коллеж.
• Учился Жан блестяще, а окончив школу, он вступает в общину и становится на некоторое время монахом.
• Молодость его проходит в изучении естествознания, увлечении философией Локка, Лейбница, Юма.
• Робинэ сформулировал универсальный закон равенства добра и зла:

/ С приоритетом тут, ясное дело, есть проблема, потому что и *Ламетри* считал, что «сумма добра и сумма зла равны», и *Гольбах* утверждал, что «в природе существует постоянная смесь добра и зла» и приводил на этот счёт весьма впечатляющие примеры: за бурями следует ясная погода, за здоровьем — болезнь, за войной — мир. Однако никто, кроме Робинэ, не привнёс в данную идею именно Вселенский аспект. /

• В 1760 г. Робинэ эмигрировал в Голландию.
• **Сочинення Робннэ:**

«De la nature» (4 vol. 1761 – 1766):

/ Т. 1 — 1761 г., т. 2 — 1763 г., т. 3 — 1766 г., т. 4 — 1766 г. /;

«О градации существ в природе» (*«Considérations philosophiques sur la gradation naturelle des formes de l'être», ou les essais de la nature qui ap prend à faire l'homme*, 1768):

/ Этот труд вышел одновременно в Париже и Амстердаме, но на амстердамском издании имеется указание, что это пятый том сочинения «О природе». /;

«Parallèle de la condition et des facultés de l'homme avec la condition et les facultés des autres animaux» (1769);

«О добродетелях» (*«Des verius, rèflex ons morales en vers»*, 1814).

• В 1769 г. Робинэ оставил Голландию и поселился во Франции в г. Бульоне. Он занимался выпуском последнего тома «О природе».

• В 1778 г. Робинэ из Бульона переселяется в Париж, и, чтобы иметь хоть какой-то источник дохода, определяется на государственную службу. Сначала это должность королевского цензора, затем работа секретарём при одном из министров Людовика XVI.

• В период революции (1789 г.) он выпускает от своего имени листовки на политические темы. Они выходят под общим названием «Письма о дебатах Национального собрания по поводу конституции» и посвящаются различным злободневным вопросам: прениям Национального собрания о конституции, экономическим затруднениям Франции, вопросу о новом административном делении страны и т. д.

• В 1792 г., живя уже в Ренне, совместно с группой других писателей Робинэ предпринимает издание своеобразного справочника — переводит с английского «Универсальную историю от основания мира до настоящего времени». После данной работы его личная литературная деятельность надолго прекращается и начинается многочисленная — мелкая и совсем нетворческая подёнщина.

• Он был крепок здоровьем и познал долголетие, пережив и рассвет деятельности энциклопедистов, и Великую французскую революцию, и якобинскую диктатуру, и термидор, и директорию, и империю Наполеона.

• Умер в городе Ренне.

2. СУДЬБА

► Нужда душила Робинэ, он отчаянно нуждался в средствах к существованию. Ведь Робинэ не был королевским пенсионарием и владельцем предприятий, как Вольтер. Он не был помещиком, как Гольбах, или откупщиком, как Гельвеций. Он не был учёным академиком и воспитателем инфанта Пармского, как Кондильяк. Он, наконец, не сумел так выйти из затруднений, как это удалось Дидро, воспользовавшемуся благотворительностью Екатерины II. Робинэ нечего было есть, и он вынужден был поступить на службу к издателю своего труда «О природе» ван Гарревельту в Амстердаме. Робинэ знал английский язык и перевёл с английского несколько романов, изданных ван Гарревельтом. Он составил и издал французскую грамматику, участвовал в выпуске многочисленных словарей, энциклопедий, справочников. Вся его литературная деятельность свелась теперь к редактированию *чужих* статей и написанию бессчётных аннотаций. Ничего вполне самостоятельного после выхода «О природе» Робинэ уже не дал.

► 24 января 1820 г., перед смертью, Робинэ по настоянию церкви подписал отречение от своих взглядов. Отречение было опубликовано в этом же году в одном из теологических журналов. Его текст гласит: «Это мое отречение вверяется мною пастырю М. Леону, кюре Сан-Обен, дабы его опубликовали немедленно после моей смерти. Готовый представить отчет Богу о моих мыслях, словах и действиях, я отрекаюсь чистосердечно и публично от всего, что есть неправильного и заслуживающего порицания в нескольких книгах, которые я написал по незнанию, неразумию, недосмотру или по чему-либо иному как во время моей молодости, так и во время революции, и смиренно прошу прощения у Бога и у людей».

3. УЧЕНИЕ

♦ По-моему, большое преувеличение утверждать, что нет места для философии, если природа не находится в неизменном состоянии. Естествознание — это познание природы такой, какова она есть. Если природа находится в беспрерывном колебании, то можно наблюдать ее изменения, можно познать их, и это познание есть естествознание. Если природа находится еще за работой, то можно изучить ее операции, проследить ход и связь их, наблюдать и познать их, и это познание есть естествознание. Знание вещей должно необходимым образом быть столь же преходящим, как и сами вещи.

♦ Между конечным и бесконечным нет ничего общего.

♦ Существует Бог, то есть причина явлений, совокупность которых составляет природу. Каков он? Мы этого не знаем, и мы обречены никогда не знать этого.

♦ Бесконечное не постижимо для нас. Мы не только не можем составить себе о нём чувственного образа, но мы напрасно старались бы получить вразумительную идею его. Не существует никакого ощущения, никакого числа, никакой величины, которые помогли бы нам вообразить себе бесконечное, а человеческий разум, ограниченный по своей сущности, не в состоянии его понять.

♦ Понятие о Боге — это понятие о человеке, увеличенное до фантастических размеров...

♦ Нечто было создано; значит, нечто другое не было создано; значит, последнее создало первое. Вот к чему должна была бы сводиться вся естественная теология.

♦ Вселенная держится взаимным соответствием своих частей. Если бы какая-нибудь одна из этих частей, сорванная насильно со своего места, нарушила непрерывность, то от этого пострадала бы безусловно вся организация природы. Это как в своде, камни которого уравновешивают друг друга: достаточно выпасть одному из них, чтобы вся постройка рухнула.

♦ Материи свойственны самопроизвольность (спонтанность) и непрерывность движения.

♦ Органическая, активная и живая сама по себе материя является принципом, достаточным для создания всех форм и всех явлений материального мира.

♦ Если материя живая, значит, она способна к организации и не нуждается в руководящем разуме.

♦ Я считаю организацию существенным качеством материи, качеством столь же существенным, что и протяжённость.

♦ **Силлогизм Робинэ:**

Растение есть животное.
Минерал есть растение.
Следовательно, минерал есть животное.

♦ Свойства духа противоположны материи.

♦ Дух — субстанция нематериальная, непротяжённая, бестелесная.

♦ Ощущать — это значит познавать.

♦ Реальная истина очень конкретна и не содержит ничего всеобщего.

♦ Идеи не являются моделями, архетипами, а лишь копиями или умственными представлениями вещей.

♦ Идеи разума — это лишь образ, понятие или представление какой-нибудь вещи.

♦ Идея — это верная копия вещи, передающая все черты оригинала, не искажая их, не прибавляя к ним ничего и не отнимая от них ничего.

♦ Допустим, что нам дана идея золотой горы. В мозгу имеются волокна, движение которых соединено с идеей горы, и имеются другие волокна, соответствующие идее золота. Разумеется, движение первого пучка умственных волокон вызовет всегда лишь ту идею, которой оно соответствует; то же самое можно сказать и о втором пучке умственных волокон. Но так как колебание одного пучка сочетается с колебаниями другого, то в результате получится сочетание обеих идей или сложенная из них идея, ибо сложная идея есть не что иное, как соединение нескольких других идей, подобно тому как сложное движение вытекает из соединения других движений.

[...]

Отсюда следует, что в организме нет вовсе пучка волокон, соответствующего какой-нибудь сложной идее, и что сложная идея всегда является результатом колебаний стольких связок волокон, сколько имеется слагаемых идей.

♦ Слово *бесконечный* в наших устах означает нечто, превосходящее конечное, находящееся в нашей мысли, и не понимая этого нечто, мы можем обозначить его, лишь противопоставляя его тому, что мы понимаем, при помощи противоречащего ему отрицания.

♦ Мы не только не в состоянии возвыситься до созерцания божественной сущности и ее атрибутов, но мы не знаем даже сущностей и субстанций видимого мира. Точно так же мы не можем представить себе сил, свойств и условий существования чистых ду́хов.

♦ Наш опыт распространяется только на естественные вещи.

♦ Правило наших поступков должно быть внутри нас, должно объясняться из самого себя, без всякого переводчика.

♦ Мы чувствуем справедливое и несправедливое благодаря естественному импульсу, подобно тому как мы судим о вкусах до всякого размышления.

♦ Первые основы политического общества заложил не сильный дикарь, который огородил участок земли, свирепо воскликнув: *это принадлежит мне, пусть никто не трогает этого*; не хитрый политик, который, заметив, что сила может отнять у него то, что он похитил хитростью, пожелал убедить угнетённых им людей поддержать его несправедливые притязания; и не честолюбец, который вознамерился ради своей личной выгоды обречь весь человеческий род на страдания, рабство и нищету. Это был мудрец, который, увидев с прискорбием, как распущенность злых стесняет свободу добрых и как доброта последних едва осмеливается сопротивляться злобе первых, и который, столь же тронутый бедствиями одной части человечества, как возмущенный жестокостью другой, замыслил смирить буйствующих и обеспечить невинных. Предложенные им с этой целью законы были не новым игом, а простым выражением

нравственных чувств. Не следует судить о первичном законодательстве по кодексам законов цивилизованных народов, где слишком часто разум хочет властвовать над природой, хотя обязанность его заключается лишь в том, чтобы показать нам, как важно никогда не противоречить добродетельным порывам, рождающимся из природы нашего существа.

Природа вывела наружу закон, который она содержала внутри и который внушила людям посредством нежного голоса чувства; намерение ее заключалось не в том, чтобы сделать из людей рабов, но в том, чтобы напомнить им, в чем заключается их свобода.

С тех пор даны законы, чтобы сильный не мог делать всего, что ему угодно, и стали почитаться святые предания; дикость уничтожена, и справедливость стала сильнее оружия, и стыдно стало сражаться с согражданином.

Естественная свобода заключается лищь в праве делать то, что позволяет природа, что соответствует нравственным чувствам, полученным нами от нее. Таким же образом гражданская свобода — это право делать то, что разрешает закон, и поскольку законы являются лишь выражением нравственных чувств, гражданская свобода ничем не отличается от естественной свободы.

♦ Общество есть дело рук природы, поскольку оно является естественным результатом человеческой способности к совершенствованию, столь же способной на зло, как и на добро. Искусства и науки, законы и различные формы управления, война и торговля — словом, всё есть продукт развития. Семена всего были заключены в природе, они распустились каждый в свое время. Возможно, что природа скрывает еще в своем лоне другие, более медленно развивающиеся зачатки, плоды которых соберут грядущие поколения.

♦ Ощущает ли свое существование всё сущее? У нас никогда не будет необходимых опытных данных, чтобы ответить на этот метафизический вопрос.

♦ Среди сотворённых существ, взятых как таковых, — все равны, здесь нет превосходства.

♦ Подобно тому как при ударе происходит сообщение движения одним телом другому, так жизнь переходит от живых, но угасающих зачатков, к новым, распускающимся зачаткам.

♦ Не существует такой истины, против которой не спорили бы и которая не была бы доказана столькими же способами, сколькими ее опровергали.

♦ Я не придерживаюсь взгляда тех мыслителей, которые сделали из истины удел одного лишь божества.

♦ **О добре и зле:**

Если признать равенство этих двух склонностей, то ясно, что в целом ни одна из них не может преобладать. Правда, благодаря стечению особых обстоятельств, как я уже сказал, в известных случаях одна, бывает, проявляет себя сильнее, чем другая. Климат, форма правления, принципы законодательства, национальные предрассудки способны склонять какой-нибудь народ скорее к добродетели, чем к пороку, скорее к какимнибудь определенным добродетелям или порокам, чем к другим. Устройство органов, характер профессии, принятые в обществе взгляды, примеры и сила привычки будут у отдельных индивидов давать перевес их

природной доброте над их способностью делать зло, или наоборот. Это даст начало большим и малым переворотам в нравах, переворотам столь же регулярным, как смена времен года, смена дня и ночи или чередование плохой и хорошей погоды.

Но если равновесие нарушается в отдельных частях, то тем не менее оно остается в целом: потерянное одной стороной приобретается другой стороной. Можно установить очень полное равновесие между двумя системами тел, однако нет ни одной частицы, хоть в этой, хоть в другой из этих двух систем, которая, взятая в отдельности, могла бы уравновесить какую-нибудь частицу другой системы, взятую тоже в отдельности. Жидкости (например, столб ртути в 28 дюймов) приходят сами собой в равновесие со столбом воздуха высотой в атмосферу, хотя ни одна из частиц воздуха не может уравновесить и малейшей составной части ртути; для наличия равновесия между столбом ртути и столбом воздуха достаточно, чтобы высоты их были обратно пропорциональны удельным весам. Таким образом, если бы оказалось, что порок и добродетель не уравновешивают друг друга ни в одном из индивидов, то это нисколько не нарушило бы общего равновесия. Для последнего достаточно, если пороки какого-нибудь человека, какого-нибудь народа, какой-нибудь эпохи относятся к порокам последнего, как добродетели его относятся к добродетелям первого. Закон этот носит, по-видимому, постоянный характер во Вселенной. Каждое поколение сызнова начинает доказательство его, а весь человеческий вид предназначен доказать его окончательно.

Всемирная история заставляет нас думать, что, согласно требованиям природы и присущему ей разнообразию, порок и добродетель соединяются между собой во всех степенях, доступных человеку. Человеку присуще ровно столько же добродетели, сколько порока; поэтому в результате их сочетаний получается полное равенство между обоими этими качествами.

♦ Возможно, что человечество еще не познало всех видов страстей. Возможно, что чувствительность, этот инстинкт, заставляющий нас испытывать удовольствие и страдание, не был еще применен ко всем объектам, способным возбуждать его. Изобретение наук и искусств вызвало множество приятных и неприятных ощущений, неизвестных грубым дикарям. Не будем воображать себе, что мы исчерпали всю сумму предметов, способных вызвать в нас страсти...

♦ Я думаю, что мир, лучший, чем наш, был бы хуже нашего мира; из более удачного сочетания элементов получились бы и более значительные невыгоды; ...если бы движение небесных светил было бы более торжественным и величественным, то порождаемые ими метеоры были бы более грозными; ...большая проницательность вызвала бы новые открытия, а с другой стороны, прибавила бы новые заблуждения к старым...

♦ Таков неизбежный закон, что ошибка идет всегда следом за истиной.

♦ Чтобы дать представление о возникновении животных из подобных органических частей, прибегают к сравнению с солями. «Крупинка морской соли представляет собою куб, составленный из бесконечного множества других кубов, которые можно различить под микроскопом; эти маленькие

кубы в свою очередь составлены из других кубов, которые можно увидеть под более сильным микроскопом, и нельзя сомневаться в том, что первичные составные части этой соли также будут представлять собою кубы такой малости, что они будут всегда недоступны нашему взору и даже нашему воображению (*«Histoire naturelle des animaux»*)». Это совершенно правильно. Но это сравнение доказывает, если я не ошибаюсь, что **подобно тому, как** последние частицы соли представляют собой кубы, такие же реальные и того же вида, что и самые большие крупинки морской соли, так и первичные составные молекулы животных должны быть небольшими животными, такими же реальными и того же вида, что и самые большие, составленные из них животные; что подобно тому, как крупинки морской соли кубичны, в силу того, что зачатки этой соли представляют собой подобные кубы, так и животные таковы тоже в силу того, что их зачатки представляют собой подобных животных; и наконец, что подобно тому, как мельчайшие частицы призматической соли дали бы призматические крупинки соли, так и органические молекулы какого-нибудь определенного вида животности дадут животных того же вида. Вот и всё.

Пример полипа также убедительно доказывает животность самых малых органических частей: действительно, полип представляет собою группу полипов, соединенных вместе, и таких же подлинных полипов, как и он сам.

С этой точки зрения можно утверждать, что живое может быть составлено лишь из живого, животное — из маленьких животных...

♦ Что такое истина? Соответствие мысли с ее объектом.*

∇ ◐ Робинэ не замечает, что даёт определение, исполнение которого невозможно.

Ведь, чтобы эта дефиниция состоялась, нам надо уравнять два знания — знание познающего и знание о себе объекта познания. То, что объект себя знает, я не сомневаюсь. А вот как быть нам: если мы знаем, каков объект, и сравниваем с ним свою мысль, то к чему нам вся эта процедура? Если же мы не знаем, каков объект, то всякое сравнение становится невозможным. ◑

♦ Природа нашего познания такова, что возможности нашего познавательного любопытства ограничены необходимостью нашего самосохранения.

♦ Естествоиспытатель должен отказаться от вопроса **«для чего?»** и заняться лишь вопросом **«как?»**. **«Как?»** исходит из наблюдений, **«для чего?»** — из нашего разума и зависит от прогресса наших знаний.

♦ Всё гибнет только внешним образом, в действительности же всё остаётся и меняет лишь форму.

♦ Сущность моей души и то, что составляет в ней ее способности, для меня неизвестны.

♦ Мы не знаем того, что такое мысль.

♦ Я искал план духовной системы во внутренней структуре головного мозга и его придатков. Найдя здесь лишь пучки волокон, я связал одни из

* В XVIII в. эта формула была обиходной для материалистически мыслящих философов. К примеру, почти дословно она встречается у Дидро.

них с чувствительностью, другие — с разумом, третьи — с волей. Повторение их движений должно составлять память. Различные виды волокон, движущихся различным образом и с различной силой, сообщают душе ощущения.

♦ Материя не мыслит. Я не обязан заставить ее мыслить, чтобы иметь право утверждать, что чистый дух не мыслит. Если же я мог бы отрицать мысль у чистого духа лишь при условии приписать ее материи, то я отказался скорее бы от этого взгляда, чем настаивал на гипотезе, лишённой, по-моему, достаточных доказательств.

♦ Только человек обладает средством мыслить.

♦ Тело действует на дух, дух воздействует на тело.

♦ Если мы хотим приписать мудрость, разум, доброту или какое-нибудь другое качество какому-нибудь существу, то до какой бы степени мы ни довели идею об этих качествах, в основе ее по существу всегда будет лежать идея о мудрости, разуме, доброте, справедливости в том виде, в каком мы по существу встречаем эти качества у людей. Мы никогда не сумеем создать себе о них какой-нибудь другой идеи. Их размеры и их длительность ничего не меняют в их сущности. И так как вся разница, которую мы можем себе представить между качествами такого существа и нашими, сводится к различию в размерах и длительности, то наш разум ничего не меняет в природе их, преувеличивая их; качества эти, доведённые до какого угодно размера, всё же остаются человеческими качествами.

Мы способны увеличивать наши идеи, но мы не обладаем способностью менять их сущность. Наше воображение по отношению к ним *похоже на те стёкла*, которые увеличивают предмет, не меняя его формы. И *подобно тому* как лупа и микроскоп не могут увеличить предмета, которого под ними нет, так и наш разум не может себе никогда представить сам, несмотря на все свои усилия, качества, о котором у него нет никакого опытного представления и от которого у него не осталось следа.

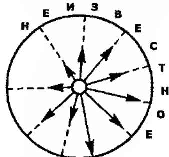
4. МЫСЛИ

◪ Разобьем пустых идолов, которых неосторожно принимают за священную статую истины.

◪ Я позволю себе смелость спорить с Платоном. Его идеальный мир — прекрасная фантазия, придуманная так себе, без всякой необходимости.

∇◐ Может быть, Робинэ этого и не подозревает, но им затрагивается важнейший и существеннейший вопрос. Речь идёт о природе и специфике ***ФИЛОСОФИИ***. Дело в том, что сама история познания (хоть во времена античности, хоть в период Просвещения, хоть в эпоху покорения космоса — без разницы!) выдвигает ряд проблем, которыми ни одна наука не в состоянии заняться, но в решении которых каждая так или иначе заинтересована.

Чем же занята философия? А вот чем: представьте себе все науки в виде устремлённых в неизвестное стрел.

Здесь существенны и важны два момента:

1) длина окружности всегда исторична;

2) иногда пунктиры философии были и химерами.

Каждая проникает в каждый данный момент на свою глубину. Философия же создаёт всегда идеал знания (пусть это будет в нашем примере **круг**). Так вот, она всегда строит этот «круг» по наибольшему радиусу, задавая тем самым всем остальным наукам через уподобления и аналогизации цель и направление.

Интеллектуальное соотнесение можно, конечно, назвать фантазией, но тут бы не растерять главное: оттого, что соль похожа на сахар, вовсе не следует (здесь-то как раз корень, смысл и суть!), что она сладкая... ◑

- Свобода заключается в возможности делать то, что желаешь. Без желаний нет свободы.
- Зрелище природы представляет для нашей мысли хаос загадок. Каждый из нас обладает одинаковым правом иметь об этом свое суждение.
- Нельзя объяснять одну тайну посредством другой, бóльшей тайны.
- Мой подход: сначала понимать и уже лишь потóм истолковывать.
- Как построить аналогии *a posteriori*?
- Следствие случайно, причина необходима; следствие конечно, причина бесконечна.
- Я не боюсь утверждать, что если бы в природе была хоть одна действительно бесполезная вещь, то было бы более вероятно, что она обязана своим происхождением случаю, чем совершенному разуму. Действительно, было бы более странно, если бы бесконечный разум действовал без плана, чем если бы слепое начало порождало чисто случайным образом порядок.
- Из всех преимуществ человека разум и воля — самые ценные и самые пагубные.
- У нас, где золото является всеобщим эквивалентом, нет также ничего, чего бы оно не испортило. Оно придаёт прелесть преступлению. Достаточно засверкать ему, — и добродетель исчезает.
- Если у вас есть враг, которого вы ненавидите, то пожелайте ему полноты наслаждения, блеска величия, множества молодых и прекрасных любовниц, колоссального богатства, неограниченной власти, — пожелайте, и вы увидите, как он погибнет под бременем бедствий.
- Только легкомысленные люди способны желать вечной весны.

  /■■ Начнем со смены времен года, которая так смущает невежественных людей. Среди них есть, однако, достаточно порядочных людей, и это обязывает нас отнестись бережно к их взглядам. Ради них поэты придумали золотой век, первым преимуществом которого была вечная весна. Уничтожим же наклон оси мира к плоскости эклиптики (между прочим, английский церковник и проповедник при королевском дворе Фома Бернет (1635 – 1715) утверждал, что наклон этот существовал не всегда). Превратим эллипсы в правильные круги и сделаем все орбиты планет концентрическими, как это было в системе древних. Не обращая внимания на все трудности и неудобства подобной гипотезы, поместим Землю в таком благоприятном и неизменном месте и на таком расстоянии от Солнца, что это светило будет всегда оставаться в одном и том же созвездии зодиака, под знаком которого имеют место самые прекрасные дни в году. Безумцы, теперь вы должны быть удовлетворены. Небо будет всегда чистым и ясным. Вы не сможете больше жаловаться ни на длительное отсутствие Солнца, порождающее суровую зиму, ни на его страшный мучительный зной. Теперь будет дуть только один зефир. Не бойтесь, чтобы несущая молнию туча обрушила ее на ваши головы. Земля будет вечно покрыта цветущей зеленью. Вы будете наслаждаться все-

ми чарами удовольствий. Однако вы должны помнить, что время, когда распускаются цветы, не есть время посева или жатвы. Земля, которая, не дряхлея, обновлялась раньше каждый год, видимым образом начинает вянуть. Ей не хватает увлажнявших ее дождей. Слабогреющее Солнце не поднимает в воздух достаточно паров. Светило это, находясь всегда на одинаковом расстоянии от земли, непрестанно приглашая ее производить, не позволяет ей в то же время отдохнуть и набраться новых сил. Она истощается. Ее сила тратится в тщетных усилиях. Всё, что она производит, остаётся в состоянии выкидыша, и завтра она окажется лишь бесплодной пылью. ■/

- Моряк, застигнутый упорным штилем, умирает от жажды среди воды. Лишим морскую воду соли, — он утоляет свою жажду и оживает. Но надолго ли? Через несколько дней его судно окутано зараженной атмосферой, которую предохраняли от порчи соляные испарения, поднимавшиеся с моря. Напрасно станем мы возобновлять в трюме воздух, ибо каждая новая порция его не чище предыдущей. Добившись известного добра, мы получили и новое, следующее за ним, зло.
- Дело естествознания — решить самые трудные проблемы метафизики.
- Министр, стоящий во главе правительства, лишён первой вещи, необходимой для счастья: он не принадлежит самому себе.
- Обратите внимание на то, что деспоту знакомы все радости и все горести. Он может всё сделать, но он должен всего бояться. Сегодня все падают ниц перед ним, завтра все поднимут против него бунт. В своем лице он соединил всю свободу своих подданных, всё их достояние, все их жизни. Но он соединил в себе в том же смысле и все их бедствия. Рабы его, видя в нём лишь похитителя, лишившего их всего, восстают против него, лишь только они почувствуют себя слишком несчастными.
- Чтобы устранить всё существующее в природе зло, нужно было бы прежде всего преобразовать физический мир так, чтобы в нём не встречалось ни одного повода для страдания чувствующих существ.
- Только бесконечное не способно ни изменяться, ни уменьшаться. Но так как Бог, при всём своём всемогуществе, не способен создать бесконечное, то он не мог создать совершенно хороший и лишённый недостатков мир.
- Сущность моей души и то, что́ составляет в ней ее способности, для меня неизвестны.
- Ведь всё, что́ растет, должно затем убывать. Всё, что́ рождается, должно затем умирать.
- Высшее превосходство философии заключается не только в знании всего того, что ей доступно, но и в сознании, что то, чего она не знает, превосходит ее силы.
- Нравственная сторона поступков невидима, неосязаема... Но она всё же ощущается благодаря впечатлению, оказываемому поведением людей на особый у нас орган — *нравственное чувство.* Правда, здесь есть то неясное обстоятельство, что никто не в состоянии указать в точности, како́в этот орган.
- В деле познания необходимы и сила и мужество.

Никола Себастиан Рок Шамфор

XVIII век

• Французский философ-моралист

Родился: 1741 г.
Умер: 13.04.1794 г.

Прожил — 53 года

> **«Сочетать снисходительное презрение с сарказмом веселья — вот лучшая философия для этого мира».**
> *(Шамфор)*

■ **«Я уже не знаю того, чему научился, а то немногое, что еще знаю, просто угадал».** *(Шамфор)*

■ **«Философ — это человек, который знает цену каждому; стóит ли удивляться, что его суждения не нравятся никому?»** *(Шамфор)*

■ **«Счастье — вещь нелёгкая: его очень трудно найти внутри себя и невозможно найти где-либо в ином месте».** *(Шамфор)*

1. ЖИЗНЬ

• Внебрачный сын священника из Клермона.
• Уже во время учебы в коллеже, где он воспитывался, все подмечали его остроумие.
• Из стен этого учебного заведения вышел в сане аббата, но без радости призвания.
• Рано познал нужду. С 1761 г. работал домашним учителем в графских семьях сначала в Кёльне, позднее в Париже.
• И хотя начатая работа имела смысл для карьеры священника, Шамфор ее очень скоро окончательно оставил, чтобы стать писателем.
• Сочинения-оды, веселые пьесы, трагедии открывают ему двери в знатное общество.
• ◐ Его натура была притягательна особыми знаками щедрой человечности, рядом с ним можно было и почувствовать величие души, и всерьез задуматься над отпущенным нам днями на земле предназначением. Шамфор не был пророком, и он не был светóчем, но у него не отнять той роли и того значения, которые имеет маяк, — светить в ночи́. Вот почему «его личностное» так отражательно и так запоминательно в нас: оно спасает. Прислушайтесь. Чем не камертон! ◑:

♦ Если мне удаётся сделать доброе дело и это становится известным, я чувствую себя не вознагражденным, а наказанным.

♦ Кто не обладает возвышенной душой, тот не способен на доброту: ему доступно только добродушие.

• На него обращают свое благосклонное внимание французский король и королева, ему назначается жалованье в виде пенсии, ему сам принц предлагает место своего секретаря.

• Шамфор был ироничен и язвителен; как и всех умных людей, надломы мира его раздражали, вызывая протест и ядовитое реагирование:

/ Однажды кто-то из друзей Шамфора доверительно сообщил ему:

— В жизни я сделал только один плохой поступок.

— И когда же он кончится? — спросил философ. /

• В 1781 г. Шамфор получает место во Французской академии. Он стал своим человеком в светском обществе. Ему благоволят влиятельные люди двора, у него — престижные знакомства, у него — полоса счастливой, относительно беззаботной жизни.

• И тем не менее революционные веяния Франции настигают и его. Критическое начало берет в нем верх, и ничто не может устоять перед его острым умом — ни общество с его порядками, ни люди с их взглядами и занятиями.

• **Главное сочинение Шамфора:**

«Максимы и мысли, афоризмы и анекдоты».

• Свободомыслие и горькое остроумие оставили его без работы и привели в тюрьму.

• От второго ареста его спасла собственная смерть, наступившая вследствие ранения.

• За гробом Шамфора шли три человека.

2. СУДЬБА

► Последним днем жизни Шамфора стало 13 апреля 1794 года. {А как раз за год до этого, в день, когда жандармы пришли его арестовывать, он попросил позволения выйти в другую комнату и там выстрелил себе в голову. Он рассчитывал на смерть. Причем на мгновенную. Но... не получилось; пуля застряла в черепе.} И вот теперь, в несчастливую дату, рок не побоялся взять реванш — одна из нагноившихся ран навечно успокоила этого мятущегося человека.

Умирая, Шамфор слово в слово повторил ключевое значение услышанной им однажды мысли*, сказав причащающему его аббату: «Мой

---

* **Шамфор:**

«Вчера я присутствовал при философском разговоре Д. с Л., и вот что мне особенно запомнилось.

— Я интересуюсь немногим и немногими, а меньше всего собственной особой, — сказал Д.

— Не объясняется ли всё это одной причиной? — заметил Л. — Не потому ли вы равнодушны к себе, что равнодушны к другим?

— Вероятно, вы правы, — холодно согласился Д. — Как бы там ни было, я просто говорю вам то, что есть. Равнодушие это развилось во мне постепенно: у каждого, кто живет с людьми и общается с ними, сердце рано или поздно должно либо разорваться, либо оледенеть».

друг, я ухожу наконец из этого мира, где человеческое сердце должно или разорваться, или оледенеть».

► Шамфора часто упрекали за склонность к уединению.
— Я более привык к своим недостаткам, чем к чужим, — отвечал он.

3. УЧЕНИЕ

♦ Природа устроила так, что питать иллюзии свойственно не только безумцам, но и мудрецам: в противном случае последние слишком сильно страдали бы от собственной мудрости.

♦ Постигая зло, заложенное в природе, преисполняешься презрением к смерти; постигая пороки общества, научаешься презирать жизнь.

♦ Природа не говорит мне: «Будь беден» — и уж подавно: «Будь богат», но она взывает: «Будь независим!»

♦ Сто́ит ли исправлять человека, чьи пороки невыносимы для общества? Не проще ли излечить от слабодушия тех, кто его терпит?

♦ Чтобы простить разуму все горести, которые он приносит большинству людей, достаточно только представить себе, чем стал бы человек, будь он его лишен. Разум — зло, но зло необходимое.

♦ Тот, кто хочет, чтобы его счастье целиком зависело от разума, кто слишком пристально вглядывается в это счастье, подвергая его, так сказать, допросу с пристрастием, кто согласен лишь на самые высокие радости, тот в конце концов совсем их лищается. Он подобен человеку, который так рьяно взбивал пух в перине, что от нее ничего не осталось и он принуждён спать на досках.

♦ Слишком большие достоинства подчас делают человека непригодным для общества: на рынок не ходят с золотыми слитками — там нужна разменная монета, в особенности мелочь.

♦ У человека должно хватать ума на то, чтобы ненавидеть своих врагов.

♦ Философ, который силится подавить в себе страсти, подобен химику, который вздумал бы потушить огонь под своими ретортами.

♦ Род человеческий, дрянной уже по своей натуре, стал еше хуже под влиянием цивилизованной жизни. Каждый человек вносит в эту жизнь недостатки, присущие, во-первых, всем людям, во-вторых, ему самому, в-третьих, тому сословию, к которому он принадлежит. С возрастом недостатки эти возрастают, и чем старше становится человек, чем больше он уязвлен пороками ближних, чем несчастнее из-за собственных пороков, тем сильнее его презрение к человечеству и обществу, на которые он и готов обрушить свой гнев.

♦ Воспитание должно опираться на две основы: нравственность и благоразумие; первая поддерживает добродетель, вторая защищает от чужих пороков. Если опорой окажется только нравственность, вы воспитаете одних простофиль или мучеников, если только благоразумие — одних расчетливых эгоистов.

♦ Философы насчитывают четыре основные добродетели и уж из них выводят все остальные. Это — справедливость, умеренность, сила характера и благоразумие. Последняя, думается, заключает в себе две первые — справедливость и умеренность — и в известной степени заменяет силу ха-

рактера, ибо во многих случаях спасти человека, лишенного этой силы, может только благоразумие.

♦ Люди так развращены, что не только надежду, но даже простое желание исправить их, сделать разумными и добрыми, следует считать нелепостью, пустыми мечтами, которые можно простить лишь простодушным зеленым юнцам.

♦ Почти все люди рабы, и это объясняется той же причиной, какой спартанцы объясняли приниженность персов: они не в силах произнести слово «нет». Умение произносить его и умение жить уединённо — вот способы, какими только и можно отстоять свою независимость и свою личность.

♦ Бывают времена, когда нет мнения зловреднее, чем общественное мнение.

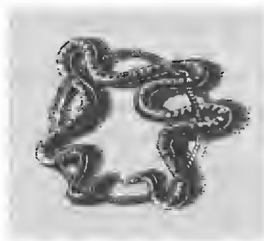
♦ У людей всё суетно — радости и печали; но уж лучше мыльный пузырь будет золотистый или лазурный, чем черный или грязно-серый.

4. МЫСЛИ

- Было бы очень хорошо, если бы люди умели совмещать в себе такие противоположные свойства, как любовь к добродетели и равнодушие к общественному мнению, рвение к труду и равнодушие к славе.
- Общественное мнение — это судебная инстанция такого рода, что порядочному человеку не подобает ни слепо верить его приговорам, ни бесповоротно их отвергать.
- Вот превосходное правило, которым следует руководствоваться в искусстве насмешки и шутки: осмеивать и вышучивать надо так, чтобы осмеянный не мог рассердиться; в противном случае считайте, что шутка не удалась.
- В серьезных делах люди выказывают себя такими, какими им подобает выглядеть; в мелочах — такими, какие они есть.
- И дурные люди совершают иногда хорошие поступки: они словно хотят проверить, впрямь ли это так приятно, как утверждают люди порядочные.
- Убеждение — это совесть разума.
- Мой вам совет: больше действуйте, меньше думайте и не будьте сторонними свидетелями собственной жизни.
- Из всех разновидностей лицемерия самая пристойная — это ложная скромность.
- Клевета похожа на докучную осу: если у вас нет уверенности, что вы тут же на месте убьете ее, то и отгонять ее не пытайтесь, не то она вновь нападет на вас с еще большей яростью.
- Чувство, которое человек в большинстве случаев испытывает к своему благодетелю, похоже на его признательность зубодёру. Он говорит себе, что ему сделали добро, избавили от страданий, но тут же вспоминает, как это было больно, и уже не питает к своему спасителю особой нежности.
- Когда нам платят за благородный поступок, его у нас отнимают.
- Считается признанным, что люди привязываются к тем, кому они помогли. Это говорит о доброте природы: способность любить — вот поистине заслуженная награда за благое дело.

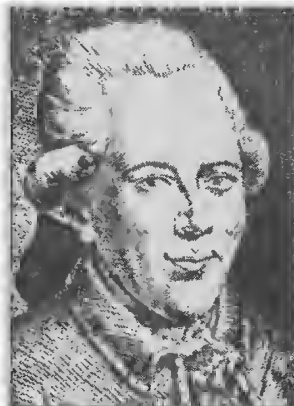
- В уединении мы счастливей, чем в обществе. И не потому ли, что наедине с собой мы думаем о предметах неодушевленных, а среди людей — о людях?
- Умение нравиться обычно считают отличным способом преуспеть, однако умением скучать можно добиться еще большего успеха: к нему, в общем, и сводится всё искусство преуспевать, равно как и кружить головы женщинам.
- Для души и разума нерешительность и колебания — то же, что допрос с пристрастием для тела.
- Созерцательная жизнь часто очень безрадостна. Нужно больше действовать, меньше думать и не быть сторонним свидетелем собственной жизни.
- Наша беда — в отсутствии у нас твердого и ясного представления о том, что мы такое; поэтому самое разумное — быть поскромнее, то есть по-настоящему быть самим собой.
- Тщеславие — свойство натур слабых и порочных, тогда как разумное самолюбие присуще людям вполне порядочным.
- Великодушие — это не что иное, как сострадание благородного сердца.
- Иной раз довольно не примириться с высокомерием и чванством, чтобы обратить их в ничто; порой их достаточно не заметить, чтобы они стали безвредны.
- Людей безрассудных больше, чем мудрецов, и даже в мудреце больше безрассудства, чем мудрости.
- Мы и не представляем себе, сколько нужно ума, чтобы не казаться смешным!
- Глупость не была бы подлинной глупостью, если бы не боялась ума.
- Любовь не ищет подлинных совершенств; более того, она их как бы побаивается: ей нужны лишь те совершенства, которые творит и придумывает она сама.
- Беда тому, кто умён, но не наделён при этом сильным характером.
- Слабовольные люди — это легкая кавалерия армии дурных людей: они приносят больше вреда, чем сама армия, потому что всё разоряют и опустошают.
- Человек бедный, но независимый состоит на побегушках только у собственной нужды; человек богатый, но зависимый — на побегушках у другого человека, а то и у нескольких сразу.
- Мужчина охладевает к женщине, которая слишком сильно его любит. Видимо, с сердечными чувствами дело обстоит как с благодеяниями: кто не в состоянии отплатить за них, тот становится неблагодарным.
- Честолюбие легче овладевает мелкой душой, чем великой, подобно тому как пожар легче вспыхивает в избе, чем во дворце.
- В «Риторике» у Аристотеля есть отличная мысль о том, что всякая метафора, основанная на аналогии, должна быть убедительной и в том случае, если ее перевернуть. Так, мы говорим, что старость — это зима жизни. Переверните метафору, сказав, что зима — это старость года, и она прозвучит столь же убедительно.

- Перемены моды — это налог, который промыслы бедных взимают с тщеславия богатых.
- Люди извращают свой ум, свою совесть, свой рассудок подобно тому, как они портят свой желудок.
- Любая страсть всегда всё преувеличивает, иначе она не была бы страстью.
- Брак следует за любовью, так же как дым за пламенем.
- Жизнь по книгам не узнаешь — об этом уже не раз говорили; умалчивали лишь об одном — о причине этого. Она же такова: знание жизни складывается из множества разрозненных наблюдений, но самолюбие не позволяет нам делиться ими с кем бы то ни было, даже с лучшим другом, — мы боимся, как бы нас не сочли людьми, чье внимание поглощено одними лишь мелочами, хотя мелочи эти очень важны для успеха в больших делах.
- Выслушать чужую тайну — это всё равно что принять вещь в заклад.
- Как бы плохо мужчины ни думали о женщинах, любая женщина думает о них еще хуже.
- Одно из великих несчастий человека состоит в том, что порою даже его достоинства не идут ему впрок, а искусство управлять и разумно пользоваться ими даётся лишь опытом, нередко запоздалым.

Георг Кристоф Лихтенберг

XVIII век

- Немецкий философ, физик, знаток искусств

Родился: 01.07.1742 г.
Умер: 24.02.1799 г.

Прожил — 56 лет

> **«Старайся не быть инже своей эпохи».** *(Лихтенберг)*

■ **«Как много могут навредить правила, едва только наведёшь во всём строгий порядок».** *(Лихтенберг)*

■ **«Если при столкновении книги с головой раздаётся пустой звук, — то всегда ли виновата книга?»** *(Лихтенберг)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в местечке Оберрамштадт под Дармштадтом, в семье немецкого пастора; был 17-м ребенком в семье, к моменту его рождения в живых были только его четыре сестры.
• В 9 лет остался без отца.
• Вследствие заболевания рахитом с 9 лет от роду стал горбатым.
• Учился сначала в Дармштадтской гимназии, а затем обучался физике, математике и астрономии в только что основанном — в 1737 г. — Гёттингенском университете.
• Профессор физики в Гёттингене.
• Первая публикация Лихтенберга относится к 1766 г. и появилась в сборнике *«Hannoverischen Magazin»*.
• Лихтенберг — автор множества философских афоризмов*.
• **Сочинения Лихтенберга:**
«О физиогномике» (1778);
«Речь цифры 8...»;
«Афоризмы».
• В 1794 г. Лихтенберг избран иностранным членом Петербургской академии наук.
• ◐ Всю свою жизнь Лихтенберг изучал самого себя — искал *человека.* А

---

* **Афори́зм** (*греч.* «отдельный отрывок», фрагмент) развился из научного суждения. У древних греков (для примера можно сослаться на «Афоризмы» Гиппократа) и в средние века афоризмы — краткие советы, рецепты или выводы, связанные с медициной и естествознанием.

найдя, стремился познать и понять. Вот некоторые из его выводов, глубоких, неоспоримых, непреходящих ◑:

♦ Золотое правило: о людях следует судить не по их воззрениям, а по тому, что́ делают из них эти воззрения...

♦ Как мало друзей остались бы друзьями, если бы они могли полностью узнать мысли друг друга.

♦ Ни о чём не судят так поверхностно, как о характере человека, а ведь нигде так не требуется осмотрительность, как именно в этом. Ни в одном деле не оценивают *целого* менее, чем здесь, а ведь именно в этом и заключается суть характера.

♦ Из безумия людей, заключенных в сумасшедшие дома, можно бы, пожалуй, сделать более глубокие выводы о том, что такое человек.

♦ Нет, пожалуй, ни одного человека в мире, который, если бы ему представился случай стать мошенником за тысячу талеров, не предпочел бы остаться честным человеком за половину этой суммы.

♦ Именно на этом я и настаиваю: человек в собственном смысле слова — это не наш современник. Мы должны теперь разыскать его в истории.

♦ Быть человеком — значит не только обладать знаниями, но и делать для будущих поколений то, что предшествовавшие делали для нас.

• Познавательная страсть двигала Лихтенбергом и превратила его жизнь в поиск истины и в служение этому поиску. Однако по отношению к религии он был непримирим и неизменно ироничен:

♦ Я отдал бы часть своей жизни за то, чтобы узнать, какое среднее барометрическое давление было в раю.

♦ Наш мир, чего доброго, станет когда-нибудь так хорош, что верить в Бога будет так же смешно, как теперь — верить в привидения.

• ◐ Острота́ наблюдательности и осторожность благоразумия были нескрываемо, очень аккуратно и, главное, спокойно переплетены в душе и в натуре Лихтенберга. Именно поэтому он по праву дал самое яркое и свежее определение того, что человека достойно то, что ему доступно ◑:

♦ Если моя философия недостаточно сильна для того, чтобы сказать нечто новое, то в ней всё-таки достаточно мужества для того, чтобы считать не вполне достоверным то, во что уже так давно верят.

• ◐ Ряд мыслей, высказанных Лихтенбергом, не имеют аналогов и никогда не будут превзойдены. Этот человек был настроен на сущностные волны мироздания, если не сказать только, что **они** были настроены на него ◑:

♦ Если кто-нибудь весьма охотно что-либо делает, то почти всегда он видит в этой вещи нечто такое, чего на самом деле в ней нет...

♦ Бывает состояние (по крайней мере, у меня не очень редкое), когда присутствие и отсутствие любимого человека одинаково трудно вынести; во всяком случае, в его присутствии не испытываешь того удовольствия, которого можно было бы ожидать, страдая от его отсутствия.

• ◐ Высота высказываний Лихтенберга определяется их глубиной. И среди таковых есть одно из самых пронзительно-верных ◑:

♦ Более странный товар, чем книги, едва ли сыщется на свете. Их

печатают и продают люди, которые их не понимают, их переплетают, критикуют и читают люди, которые их тоже не понимают, да, пожалуй, они и написаны людьми, которые их не понимают.

2. СУДЬБА ► ◐ Познал ли Лихтенберг человека? Конечно, познал! Но лучше бы он этого не делал. Всякое стремление сопряжено со стремительностью, а скорость — быстро приближает, но и столь же быстро удаляет. Оптимизм находок почему-то преисполнен горечью разочарования: философствующий мудрец столь же необычен и противоречив себе, как поющий пла́чем, — он окрыляет... к падению. ◑

► **Лихтенберг:**

▣ «Я не требую пощады, но и того, кто меня несправедливо затронет, не пощажу, кем бы он ни был».

▣ «В то время как о тайных пороках пишут публично, я задумал писать о публичных пороках тайно».

▣ «Я часто придерживался той точки зрения и глубоко верил в то, что для признания у потомства нужно быть ненавистным современникам. Поэтому я был склонен нападать на всё».

▣ «Ах, боже мой, сколько раз у меня возникала мысль, относительно которой я мог быть уверен, что она понравилась бы самым лучшим людям, если бы они только прочли ее. Но я не использовал ее, да и не особенно жаждал ее использовать. И из-за этого какой-нибудь плоский литератор или компилятор или пишущий эпиграммы путаник смотре́ли на меня свысока, и я должен признаться, что, при моем поведении, эти люди были не так уж не правы; ибо как же они могли знать то, что я по своей лени утаил даже от черновой тетради...»

▣ «Я уже давно начал писать историю своего духа и своего жалкого тела, и притом с такой откровенностью, которая, вероятно, способна пробудить в другом человеке своего рода стыд за меня; эта история должна быть рассказана настолько откровенно, что, может быть, кто-нибудь из моих читателей ей не поверит. Это почти еще непроторённая дорога к бессмертию (лишь кардинал де Рец* вступал на нее). Свет слишком зол, и она выйдет только после моей смерти».

▣ «Меня всегда печалит, когда я подумаю, что в исследовании некоторых вещей можно зайти слишком далеко, я полагаю, что эти исследования могут быть вредны для нашего счастья. Пример этого — я сам. Мне хотелось бы быть менее удачливым в своих стараниях изучить человеческое сердце. Я прощаю людям их злобные выходки охотней, чем прежде, это верно: когда кто-нибудь говорит обо мне плохо в обществе, особенно если он делает это, желая посмешить, то я ни в малейшей степени на него не обижаюсь и не обращаю на это внимания в самом точном смысле слова, но только это не должно говориться с яростью и раздражением или быть грубой клеветой, которой, как мне кажется, я не заслуживаю. Напротив, до людских похвал мне мало дела; зависть, пожа-

---

* **Кардинал де Рец,** Жан Франсуа Поль де Гонди (1613 – 1679) — парижский архиепископ, французский политический деятель периода Фронды, автор мемуаров.

луй, единственное, что меня еще порадовало бы. Но лучше бы всего этого не было. Следовательно, и здесь необходимо гармоническое развитие всей системы познания. Когда одна часть разрабатывается с излишней тщательностью, это всегда приводит в конце концов к малой или даже большой беде».

◘ «Любой удивится, что у меня еще есть охота писать такие вещи в последние дни одряхлевшего мира».

◘ «Я совершенно не знаю, что вы, добрые люди, хотите. Я вовсе не намерен стать великим человеком, и вы могли меня хотя бы предварительно спросить об этом. Вы думаете, чтобы огреть грешника бичом по спине, необходимо обладать львиной силой? Для того чтобы кому-нибудь сказать правду, вовсе не нужно быть великим человеком, и счастье для нас, что говорить правду может даже и последний бедняк».

◘ «Все мои произведения помечены знаком FF... Это начальные буквы моих домашних идолов, которым я ежедневно приношу жертву, — Fama (*лат.* слава) и Fames (*лат.* голод)».

► ◐ Лихтенбергу принадлежит заслуга в составлении ВЫВОРАЧИВАЮЩЕГО АРГУМЕНТА. Матрица этой интригологической конструкции ума предполагает превращение любой мысленной (или мыслимой) позиции в ее же собственную проблему. Во время спора подобное оппонирование становится прочнее прочного и делается поистине убийственным ◑:

♦ Лукреций уверен, что разделался с проблемой веры, когда заявил, что «страх создал богов». Однако он не заметил, что уязвимость затронутой им трудности от этого его мнения лишь возросла, ибо допустимо спросить: «Если страх создал богов, то кто же создал этот всемогущий страх?»

♦ Было бы неплохо, если бы какой-нибудь ребенок написал книгу для стариков, потому что сегодня все пишут для детей.

► ◐ Лихтенберг всё время в какой-то странной двойственности. Его суждения категоричны и безапелляционны и в то же время от них веет сомневательностью. Вот он твёрд относительно чего-то, а вот... твёрд относительно нетвёрдости прежней твёрдости. Ему красиво и увлекательно свойствен весьма занятный и эффектный приём вброса «тезиса оставления в недоумении» *(Л. Фейербах)* ◑:

♦ Разве то, что человек может знать, и есть именно то, что он должен знать?

♦ Порядок ведет ко всем добродетелям! Но что ведет к порядку?

♦ Не приносит ли больше пользы в конечном итоге дух противоречия, чем дух единства?

► ◐ Каким должно быть завещание философа? Видимо, хотение чтобы его читали, изучали, понимали. Чтобы издавали, преподавали, восхищались законченностью и истинностью подходов, превозносили совершенство и строгость построений, изумлялись ажурной вязи мысли и узорчатой стройности логики, удивлялись смелой тонкости ума и вечной непреходящести сделанных находок, открытий и привнесений. Не то и очень даже не то у Лихтенберга! Он как истый кудесник разума оставляет

не изделия, а... алгоритм профессии, не образцы-монолиты, а... загадки и загадки, или, что точнее, вопросы и вопросы ◑:

♦ Если мысль *рождается*, то что здесь самец, а что самка?

♦ Почему я верю в это? Разве это достоверно?

♦ Что проистекает от причин, а что от случая?

♦ Почему человек спит? Сон представляется мне скорее отдыхом для органов мышления... Что же такое человек во сне? Он — растение и ничего больше и, следовательно, «венец творения» должен иногда становиться растением, чтобы днем в течение нескольких часов выступать как венец творения. Рассматривал ли кто-нибудь сон как состояние, связывающее нас с растениями?

♦ В конце концов, так ли уж важно, что кто-нибудь преклоняет колена перед деревянным Христом, лишь бы этим путем он шел к добру?...

♦ Неужели вы полагаете, что Бог католик?

3. УЧЕНИЕ

♦ Что я такое? Что я должен делать? Во что должен верить и на что полагаться? К этому сводится вся философия.

♦ Философия — всегда искусство анализа, как бы к ней ни относились.

♦ Будь внимательным, не воспринимай ничего бесплодно, соизмеряй и сравнивай — в этом основной закон философии.

♦ Величайшие дела в мире совершаются через другие, которые мы считаем ничтожными, через малые причины, не замечаемые нами, но в конце концов накапливающиеся.

♦ Доказывая бытие некоторых вещей, следует остерегаться апелляций к совершенному существу. Ибо сто́ит, например, предположить, что Бог создал материю мыслящей, как уже невозможно доказать, что Бог находится вне материи.

♦ Умы, не признающие мира вне нас, должно быть, странные существа; и так как обоснование любой мысли, по их мнению, находится в них самих, то самые необычайные связи идей для них всегда истинны. Мы называем людей безумными, если система их представлений не определяется последовательностью явлений и порядком окружающего нас мира. Поэтому тщательное наблюдение природы, а также и математика — вернейшие средства против безумия. Природа является, так сказать, поводьями, которые ведут наши мысли, чтобы они не отклонялись в сторону.

♦ Становиться мудрей — значит всё более познавать возможные ошибки того инструмента, с помощью которого мы чувствуем и судим. Осмотрительность в суждениях — вот что следует рекомендовать сегодня всем и каждому.

♦ Гипотезы некоторых новаторов еще не противоречат опыту. Но я опасаюсь, что опыт когда-нибудь будет им противоречить.

♦ Человек может быть великим государственным деятелем, солдатом, богословом, но у него может отсутствовать способность мужественно противодействовать предрассудкам и суевериям при изучении материального мира. Судить об этом может лишь тот, кто изучил историю человеческих заблуждений, тот, кто знает, как иногда человек не преднамеренно обманывает себя и других и как часто мудрейшие люди должны затыкать себе рот, объясняя явления природы...

♦ Нам следовало бы стремиться познавать факты, а не мнения, и, напротив, находить место этим фактам в системе наших мнений.

♦ В мире не всё благополучно, потому что людьми еще управляют при помощи мошенничества.

♦ Два всадника, сидя на одном коне, дерутся друг с другом — прекрасная аллегория государственного устройства!

♦ Если бы когда-нибудь в мире начали совершать только необходимые дела, то миллионы умерли бы с голоду.

♦ Если немец изобретет машину, разве кто-нибудь его за это наградит? Уже хорошо, если милостивый камердинер пообещает всеподданнейше показать князю ее модель, которая впоследствии разделит судьбу рождественской игрушки для детей камердинера. Книги расходятся еще довольно хорошо, но продукты нашей технической мысли мы пока не в состоянии выгодно вывозить за границу.

♦ Быть свободным? Каким образом? Вне закона, вероятно?

♦ Заставить папу римского отрастить бороду — разве это значит провести реформу?

♦ Скажите, есть ли на свете страна, кроме Германии, где задирать нос научаются раньше, чем его прочищать?

♦ Тот факт, что многие ищут истину и не находят ее, объясняется, вероятно, тем, что пути к истине, подобно дорогам в ногайской степи, ведущим от одного места к другому, столь же широки, как и длинны.

♦ У большинства господ руки длинные[29], а у их камердинеров — короткие. Большие господа своими длинными руками причинили обществу меньше вреда, чем камердинеры своими короткими.

♦ Обычно говорят, что человек обеспечивает должность, тогда как на самом деле должность обеспечивает человека.

♦ Мы, правда, уже не сжигаем ведьм, но зато сжигаем каждое письмо, в котором содержится голая правда.

♦ Проветривание нации, по моему мнению, безусловно необходимо для ее просвещения. Что такое люди, как не старое платье? Их надо проветривать. Каждый может представлять себе это дело как угодно. Но я представляю себе каждое государство в виде платяного шкафа, а людей — как платье в шкафу. Правители — это те господа, которые его носят, иногда чистят и выбивают, а когда платье износилось и галуны выгорели — его выбрасывают. Но его не проветривают; а по-моему, его надо бы развесить на чердаке...

♦ Если бы путешественник встретил на каком-нибудь отдаленном острове народ, вокруг домов которого стояли бы заряженные орудия, а ночью постоянно ходили бы часовые, он подумал бы, что на острове живут одни разбойники. А разве в европейских государствах дело обстоит иначе? Отсюда видно, как мало влияния имеет религия на людей, не признающих никаких законов, или, по меньшей мере, как мы далеки еще от истинной религии! То, что сама религия была даже источником войн, — отвратительно! И создателям религиозных систем безусловно придется за это поплатиться. Если бы сильные мира сего и их министры придерживались истинной религии, а подданные имели разумные законы и разумное государственное устройство, это пошло бы всем на пользу.

♦ ...Не разрушайте слишком поспешно здание, в чём-то неудобное, чтобы не подвергнуться новым неудобствам! Вводите улучшения понемногу!

♦ Я где-то читал, что размышлять о государствах легче, если представлять их себе как живых людей. Они, следовательно, бывают и детьми, и пока они в этом возрасте, монархическая форма правления для них лучше всего. Но когда дети становятся взрослыми, они уже не позволяют так обращаться с собой, потому что нередко бывают умней отцов.

♦ Кроме *времени* есть еще одно средство вызывать великие перемены, и это — *насилие*. Если первое действие слишком медленно, то второе зачастую берется за дело слишком поспешно.

♦ Прекрасно говорит Гердер, и это можно признать за аксиому истории: угнетают лишь тот народ, который позволяет себя угнетать.

♦ Среднее состояние всегда непрочно и встречается очень редко.

♦ Если бы явился величайший учитель человечества и основал бы школу для воспитания совершенных людей, а все школьные наставники, из боязни потерять клиентов, сговорившись, начали бы жаловаться на него, пытались бы совратить его детей, усердно посылали ему отвратительных типов и среди них даже переодетых женщин с венерическими болезнями, приказывали бы доставлять им водку, вкусные яды и т. д., — как могло бы существовать подобное заведение? И если бы действительно там пошло всё вкривь и вкось, какое право имели бы тогда завистливые наставники писать на весь мир: Quid dignum tanto tulit hic promissor hiatu? [*лат.* Что достойного вещает хвастун своей большой пастью?] Виноват не его план, а они, наставники, со своими кознями.

♦ Я отдал бы многое, чтобы точно узнать, для кого, собственно, были свершены подвиги, о которых официально говорят, что они-де свершены «на благо отечества»?

♦ Построить республику из материала свергнутой монархии, конечно, трудная проблема. Дело не пойдет до тех пор, пока каждый камень не будет вытесан по-иному, а для этого требуется время.

♦ Всё, что говорится о пользе и вреде просвещения, можно бы очень хорошо представить себе на примере огня. Он является душой неорганической природы, умеренное пользование им делает жизнь приятной, он согревает нас зимой и освещает наши ночи. Но для этого необходимы светильники и факелы. Освешение же улиц путем поджога домов — весьма скверное освещение. Да и детям не следует разрешать играть с ним.

♦ Великие завоеватели всегда будут вызывать удивление, а всеобщая история определять по ним периоды. Это печально, но это заложено в человеческой натуре. По сравнению с громадным и сильным телом дурака слабое тело величайшего мыслителя, а, следовательно, тем самым и его великий ум будут казаться достойными презрения, по меньшей мере для большинства, и это будет до тех пор, пока люди останутся людьми. Предпочесть великий ум в слабом теле — это требует размышления, а до него могут подняться лишь немногие. На скотном рынке глаза всех постоянно устремлены на самого крупного и упитанного быка.

♦ Не удивительно ли, что высшие почетные должности (например, королевская) достаются без экзамена, который требуется от любого городского врача?

♦ Там, где все люди хотят прийти по возможности раньше, там большинство их непременно должно прийти слишком поздно.

4. МЫСЛИ

- То, что кажется странным, редко остаётся необъяснённым.
- Мы знаем только существование наших ощущений, представлений и мыслей. Надо было бы говорить: «думается», как говорят: «гремит»; сказать *«cogito»* уже слишком много, раз это переводят через «я мыслю».
- Впечатление из десяти изречений, действующих на ум, легче изгладить, чем впечатление от одного, подействовавшего на сердце.
- Не совершаем ли мы, колесуя убийцу, ошибку ребенка, который бьет тот стул, на который наткнулся?
- Книга — это зеркало. И если в него смотрится обезьяна, то из него не может выглянуть лик апостола.
- Кто не понимает ничего, кроме химии, тот и ее понимает недостаточно.
- Очень печально, что стремление людей уменьшить зло порождает так много нового зла.
- Величайшее счастье, о котором я ежедневно прошу небо: пусть превосходят меня в силах и знаниях лишь разумные и добродетельные люди.
- Научиться достаточно наглядно представлять себе, что никто не является вполне счастливым, есть, возможно, ближайший путь к полному счастью.
- Истинную свободу и истинное ее применение лучше всего характеризуют злоупотребления свободой.
- Жить против воли отвратительно; но еще ужасней было бы стать бессмертным, если этого не желаешь.
- При отсутствии других средств характер человека никогда нельзя понять вернее, чем по той шутке, на которую он обижается.
- Многие скорее считают добродетелью раскаяние в ошибках, чем старание их избежать.
- Скромник для меня более невыносим, чем хвастун. Хвастун признаёт за каждым его достоинство, излишне же скромный человек, по-видимому, презирает того, перед кем скромничает.
- Ум человека можно определить по тщательности, с которой он учитывает будущее или исход дела.
- Пытаться сделать всё сразу — значит ничего не сделать.
- Заурядный человек всегда приспосабливается к господствующему мнению и господствующей моде, он считает современное состояние вещей единственно возможным и относится ко всему пассивно.
- Отыскивать маленькие недостатки — издавна свойство умов, которые мало или вовсе не возвышались над посредственностью. Возвышенные умы молчат или же возражают против целого, а великие умы творят сами, никого не осуждая.
- Пусть тебя слишком не огорчает незаслуженное порицание; зато ведь и хвалят тебя иной раз ни за что.
- Видя себя в других, не только любишь себя, но и ненавидишь.
- Ощущение совместного стыда — чувство всегда искреннее. Его испытываешь, когда человек, высоко ценимый, недостаточно зная тех, перед кем он хочет порисоваться, становится смешным.

- Краснеют ли от стыда в темноте? Что от испуга в темноте бледнеют, в это я верю, но в первое — нет. Потому что бледнеют только из-за себя, а краснеют и за себя, и за других.
- Сочувствие — неважная милостыня.
- У человека, влюбленного в себя, есть то преимущество, что у него мало соперников.

/ ◐ Однако, это очень немало — не быть соперником самому себе. Это всё раено как попытаться выяснить, глядя на маленький в небе диск солнца, а пропорционально ли тому и уменьшение его жары? Дрейф ответа здесь соизмерим с длительностью беспокойства. ◑/

- Уединение нужно искать в больших городах.
- Рабский поступок — не всегда поступок раба.
- Не создавай себе слишком мудрёного представления о человеке, суди о нем просто; не считай его ни слишком хорошим, ни слишком дурным..
- Плохие люди выигрывают, когда их лучше узнаёшь, а хорошие теряют.
- Люди, которым всегда некогда, обыкновенно ничего не делают.
- Ни на один день не уклоняться от своей цели — вот средство продлить время, и притом очень верное средство, хотя пользоваться им нелегко.
- Скрывая свои недостатки, лучше не станешь; наш авторитет выигрывает от той искренности, с которой мы признаём их.
- Прежде чем осудить, всегда надо подумать, нельзя ли найти извинение.
- Мир существует не для того, чтобы мы его познавали, а для того, чтобы мы воспитывали себя в нем.
- Воспитание есть своего рода рождение.
- Я, конечно, не могу сказать, будет ли лучше, если всё будет по-иному, но вот что я могу утверждать: всё должно быть по-иному, если всё должно стать лучше.
- О том, чем должен быть человек, даже лучшие люди не знают почти ничего достоверного; о том же, каков он есть, кое-что можно узнать на примере каждого!
- Кто имеет меньше, чем желает, должен знать, что он имеет больше, чем заслуживает.
- Наши навыки всё более возрастают, и, в конце концов, вероятно, человек будет выполнять всё, ничего не сознавая, и превратится в мыслящее животное. Разумность приближает нас к животному состоянию.
- В слове «ученый» иногда заключено лишь понятие того, что человека многому учили, но не то, что он сам чему-то научился.
- Превратить глупца в гения столь же трудно, как свинец в золото.
- Усомнись во всём, по крайней мере, один раз, и пусть не будет исключением из этого и аксиома «дважды два — четыре».
- Всеобщий источник нашего несчастья в том, что мы верим, будто вещи действительно являются тем, чем мы их считаем.
- Мы живем в мире, где один дурак создает много дураков, а один мудрый — очень мало мудрых.
- Лезвие ножа образует рукоятка.
- Сомнение должно быть не более чем бдительностью, иначе оно может стать опасным.

- Не удивительно ли, что люди так часто воюют за религию и так редко живут по ее предписаниям?
- Странно ведь: дождь идёт всегда во время ярмарки или когда мы хотим сушить белье, а то, что мы ищем, находится непременно в самом дальнем кармане.
- Человек, который наводит порядок *на* своей голове, пользуется у студентов Гёттингена бóльшим доверием, чем тот, кто наводит его *в* голове.
- Наши слабости нам уже не вредят, когда мы их знаем.
- От людей следует требовать услуг по их возможностям, а не по нашему желанию.
- ...И я благодарю Бога тысячу раз за то, что он сделал меня атеистом.
- Каждый человек имеет свою особенную манеру ошибаться; тем более что ошибки заключаются часто в неправильно понятой точности.
- Первый шаг мудрости — нападать на всё, последний — переносить всё.
- Чтобы *увидеть* новое, необходимо *сделать* нечто новое.
- Всё же самая лучшая крепость против ударов судьбы — могила.
- Я знаю минуту показного внимания: это самая глубокая степень рассеянности.
- Быстрое накопление знаний, приобретаемых при слишком малом самостоятельном участии, не очень плодотворно. Ученость также может родить лишь листья, не давая плодов.
- Перемудрить — это один из самых позорных видов глупости.
- Не следует ложиться спать прежде, чем не скажешь себе, что за день ты чему-то научился. То, что понимаю я под словом «научился», это стремление раздвинуть границы нашего научного и какого-либо иного полезного знания.
- Несомненный признак всякой хорошей книги — это тот, что она нравится тем больше, чем человек становится старше.
- Там, где прежде были границы науки, там теперь ее центр.
- Чем, спрашивается, не девиз: стремиться найти истину это всегда заслуга, даже если на этом пути и блуждаешь.
- В настоящее время повсюду стремятся распространить знания, но кто знает, не появятся ли через два-три столетия университеты для того, чтобы восстановить былое невежество.
- Ах, если бы сказать что-нибудь действительно парадоксальное, над чем еще ни один человек не задумывался даже вскользь!
- Относительно войн различают причины их, предлог и начало. Обычно известны лишь два последних обстоятельства. То же самое и в других вещах.
- Человек любит общество, будь это даже общество одиноко горящей свечки.
- Как счастливо жил бы каждый, если бы он заботился о делах других людей столь же мало, как и о своих собственных!

Иоганн Готлиб Фихте

XVIII — XIX вв.

• Немецкий философ

Родился: 19.05.1762 г.
Умер: 29.01.1814 г.

Прожил — 51 год

> **«Человек может то, что он должен».**
> *(Фихте)*

■ **«Моя система — это первая система свободы; как французская нация освободила человека от внешних оков, так и моя система освобождает от вещей самих по себе».** *(Фихте)*

■ **«Выбор философской системы определяется тем, что ты сам за человек, ибо философская система не мертвая утварь, которую можно было бы откладывать или брать по желанию; она одушевлена душой человека, обладающего ею».** *(Фихте)*

■ **«Вникни в самого себя; отврати свой взор от всего, что тебя окружает, и направь его внутрь себя — таково первое требование, которое ставит философия своему ученику. Речь идет не о чём-либо вне тебя, а только о тебе самом».** *(Фихте)*

■ **«Я противополагаю в Я делимому «Я» делимое «не-Я». За пределы этого познания не заходит никакая философия; добраться же до него должна каждая основательная философия; и поскольку она это делает, она становится наукоучением».** *(Фихте)*

1. ЖИЗНЬ

• Родом из Рамменау, в Саксонском Лаузице.
• Родился в семье бедного ремесленника по выделке лент и уже мальчиком должен был работать у станка.
• Образование Фихте получил благодаря случаю — его способности заметил барон Мильтиц и решил помочь:

/ Семья Фихте вела вполне крестьянский образ жизни, и юный Иоганн в деревне пас гусей.

Но он рано проявил поразительную способность к усвоению и запоминанию, а также любовь к проповедям и проповеднической манере (в ее духе, кстати сказать, и будут написаны его основные труды). Однажды фон Мильтиц опоздал на воскресную проповедь в Рамменау, и крестьяне сказали ему, что, если позвать «гусятника Фихте»,

тот повторит ему всю проповедь наизусть. Пораженный Мильтиц предложил родителям мальчугана свое участие в его воспитании. /

• В 1774 г. Фихте был принят в училище в Шульпфорте. Однако, так как его покровитель в том же году умер, учеба Фихте сопровождалась постоянной нуждой.

• Нужда заставила Фихте прервать обучение, на некоторое время он становится домашним учителем в Цюрихе, где знакомится с Лафатером и Песталоцци.

• Фихте слушал лекции по теологии и праву в Йене, Лейпциге, Виттенберге.

• В 1790 г. Фихте взялся обучать одного студента философии Канта и в процессе передачи этого знания неожиданно сам прозрел. В его душе случился полный переворот:

♦ Поскольку я не смог изменить то, что вне меня, постольку я решил изменить то, что во мне. Я набросился на философию, и именно, само собой разумеется, на кантовскую.

♦ Я усвоил себе высшую мораль и, вместо того чтобы заниматься вещами вне меня, занимаюсь больше собою.

♦ Я верю теперь от всего сердца в свободу человека, и для меня вполне ясно, что лишь при ее допущении вообще возможны долг и добродетель.

♦ Я живу в новом мире с тех пор, как я прочел «Критику практического разума» Иммануила Канта. Вещи, о которых я думал, что они никогда мне не могут быть доказаны, например, *понятие абсолютной свободы* и *долга*, теперь мне доказаны, и тем более радуюсь я этому. Непостижимо, какое уважение к человечеству, какую силу дает нам эта философия, какое благославение дает она нашему веку, который разрушил мораль в ее последних оплотах и вычеркнул из всех словарей понятие долга!*

♦ Действовать! Действовать! Это то, ради чего мы существуем.

• Судьба свела Фихте с Кантом. По дороге в Варшаву, куда его привлекла возможность получить место гофмейстера, Фихте нанес визит Канту в Кёнигсберге и даже отважился показать ему свое первое, наскоро написанное сочинение «Универсальная критика откровения».

• Опус юного почитателя нашел у Канта неожиданное признание. Он рекомендует Фихте издателю, помогает устроиться домашним учителем в Данциге.

• Случай делает Фихте известным: его сочинение печаталось весной 1792 года... по недосмотру ли, из-за спешки, или еще из-за чего предисловие в типографию пришло с опозданием, а все сведения об авторе были там. В итоге книга получилась анонимной.

Зная о стараниях Канта, все решили, что труд принадлежит ему, тем более что от него ожидалось нечто подобное. Вскоре недоразумение было выяснено, но на популярность Фихте соседство со славой Канта сработа-

* Полагаю здесь уместным вот какое замечание. Несмотря на то что Фихте называл Канта «гордостью немецкого духа», сам он далеко не боготворил своего кумира: во-первых, он не принял идею «вещи в себе», а во-вторых, опять же вопреки Канту признавал за разумом способность к интуиции.

ло необыкновенно... Собственно, этого потенциала признания его, начинающего мыслителя, философским патриархом хватило Фихте на всю последующую жизнь.

• В одном из частных писем 1793 г. Фихте заявляет:

> «Я открыл новый фундамент, из которого очень легко можно развить всю философию целиком, и мне думается, что через пару лет мы будем иметь такую философию, которая по очевидности будет подобна геометрии».

• С 1794 г. Фихте — профессор Йенского университета. На эту должность, ставшую вакантной в результате отъезда Рейнгольда в Киль, он был рекомендован самим И. В. Гёте, бывшим в то время министром правительства Саксен-Веймарского герцогства.

• В 1798 г. Фихте увольняется из университета, протестуя против огульных обвинений его в идеологическом своемыслии и из-за создавшихся для него невыносимых условий проживания: студенты неоднократно били ему окна в квартире:

> / А история здесь такая. В 1798 г. в редактируемом Фихте «Философском журнале» была опубликована статья немецкого мыслителя Фридриха Карла Форберга, который сводил религию к нравственному поведению людей и с этой точки зрения отвергал бытие Бога. Хотя этой статье Фихте предпослал выражение своего убеждения в существовании Бога (доказываемого, по его мнению, реальностью «морального миропорядка»), его стали обвинять в поддержке атеизма. Веймарские власти, поставленные перед необходимостью реагировать на эти обвинения, собирались ограничиться негласным «внушением» Фихте. Однако он при свойственной ему бескомпромиссности не пожелал признать себя ни в малейшей степени виновным. Поборник свободы слова, Фихте, несмотря на угрозу публичного выговора, публикацией двух своих резких статей сделал инцидент достоянием гласности, вдобавок придав ему политическую остроту. Фихте заявил, что посредством несправедливых обвинений в атеизме его преследуют, в сущности, за свойственные ему демократизм и «якобинство». На последовавший за этим выговор Фихте ответил уходом в отставку. В отличие от Канта, оказавшегося пятью годами ранее в сходной ситуации, Фихте отказался признать за властями право осуждать неугодные теологам воззрения философов. /

• Фихте к тому времени уже знали, он достаточно известен, и одним из первых «предложений со стороны» было приглашение занять кафедру философии создававшегося тогда Харьковского университета. Возникла даже конкуренция: его звали Ландсгурт (Бавария) и ряд других университетских центров.

• В 1805 г. Фихте занимает кафедру в принадлежавшем тогда Пруссии Эрлангене.

• В октябре 1806 г. Пруссия терпит поражение в войне с Францией: в результате разгрома ее армии под Йеной и Ауэрштадтом она оккупируется наполеоновскими войсками. По этой причине сразу же временно закрываются все немецкие университеты. Пренебрегая опасностью, Фихте появляется в Берлине и выступает с публичными «Речами к не-

мецкой нации», в которых страстно призывает соотечественников к духовному возрождению, политическому объединению и обретению независимости.

- В 1810 г. Фихте становится первым выборным ректором только что основанной в Берлине Высшей школы.
- Умер Фихте в результате нервной горячки, заразившись тифом от своей жены, которая добровольно ухаживала за ранеными солдатами.
- На могильном памятнике Фихте написаны прекрасные библейские слова:

> «Учителя будут сиять подобно небесному свету, а те, кто указывает путь к добродетели, — подобно звёздам всегда и навеки».

- Биографию Фихте написал его сын Иммануил Герман Фихте, а полное собрание произведений философа насчитывает восемь увесистых томов.
- **Сочинения Фихте:**

«Система учения о нравственности» (1794);
«Лекции о назначении ученого» (1794);
«Дух и буква в философии» (1794; статья);
«Основы общего наукоучения» (1794 — 1795);
«О понятии наукоучения или так называемой философии»;
«Очерк своеобразного в наукоучении с учетом теоретической способности»;
«О способности к языку и происхождении языка» (1795);
«Основы естественного права в соответствии с принципами наукоучения» (1797);
«Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии. (Попытка принудить читателей к пониманию)» (1800);
«Закрытое торговое государство» (1800);
«Система учения о праве» (1812);
«История и критика принципов новейшей философии с точки зрения наукоучения» (1830).

- ◐ Я бы определил Фихте как философа «второй природы», или «новой реальности», той, что создана обществом вследствие его творческой и преобразовательной деятельности. Его рассуждения касаются активности людей, но преподносятся в аллегорических образах единственно понятной нам реалии и живого примера мысли Фихте — самосознания человека. ◑

2. СУДЬБА ► **Фихте:**
«Формула наукоучения:

Я полагает «Я» (Первое основоположение):

Я должно быть рассматриваемо не как чистый субъект, как его до сих пор почти везде рассматривали, а как субъект — объект.

Я полагает «не-Я» (Второе основоположение):

Я может развить всё, что только должно происходить в нём когда-либо, исключительно из себя самого, ни самомалейшим образом не выходя при этом за свои пределы и не разрывая свой круг.

Я полагает «Я» и «не-Я» (Третье основоположение):

Поскольку *Я* рассматривается как охватывающее в себе весь и всецело определённый круг всяческих реальностей, оно есть субстанция».

➡ **В. Н. Кузнецов** (автор учебника *«Немецкая классическая философия второй половины XVIII — начала XIX века»*. 1989 г.):

«Интеллектуальная драма Фихте состояла в том, что сам он не осознавал наличия в «наукоучении» двух существенно разнородных идеалистических тенденций и не усматривал отсутствия убедительного обоснования перехода к третьему основоположению. Указания же многих вдумчивых слушателей фихтевских лекций и читателей его произведений на эту необоснованность повергли его в крайнее раздражение. Попытки Фихте свести несогласие с его ходом мысли к их «непонятливости» и настаивание на том, что названный переход «ясен, как солнце», вызывали сильное ответное раздражение. Ансельм Фейербах (отец Людвига Фейербаха), возмушенный фихтевским авторитаризмом при утверждении своего «наукоучения», писал: «Я заклятый враг Фихте, как безнравственного человека, и его философии, как отвратительнейшего исчадия суемудрия, изувечивающего разум и выдающего за философию вымыслы разнузданной фантазии... С Фихте опасно не соглашаться. Это неукротимый зверь, не выносящий никакого сопротивления и считающий каждого врага своего безумия врагом своей личности. Я убежден, что он был способен разыграть из себя Магомета, если бы еще были Магометовы времена, и вводить свое наукоучение мечом и темницами, если бы его кафедра была королевским троном».

∇ ◐ Я не могу не возразить В. Н. Кузнецову. Слушатели Фихте не поняли, что были свидетелями рождения нового взгляда на действительность, куда более глубокого, чем все предыдущие философские системы, даже вместе взятые.

Фихте явился **философом культуры**, т. е. аналитиком той реальности, которая не до человека (а именно она была объектом рассмотрения его предшественников), но **после** человека, т. е. благодаря ему.

Такой философии мира, мира, отмеченного человеческим присутствием и оставленных им следов, до Фихте не было. И что удивительно, ведь мысль этого славного немца сама по себе проста и очевидна. Но чтобы «спуститься» к этой простоте, разуму надо подняться над своим обычным притязанием: «Мол, чего еще искать, если всё ясно и понятно». Нет, уважаемый разум, именно в понятном содержится непонятное многим **понятного неверность**.

Во время своих лекций, а мне довелось некоторое время преподавать в вузах, я задавал студентам в разных городах, на разных факультетах, на разных курсах, в разные годы один и тот же вопрос: «Сколько лет Вашему отцу?» И 17—19-летние ребята — будь то девушки или юноши — отвечали всегда одинаково: «Сорок лет», «Пятьдесят два года», «Сорок семь лет» и т. д., т. е. в полном соответствии с анкетными данными родителей.

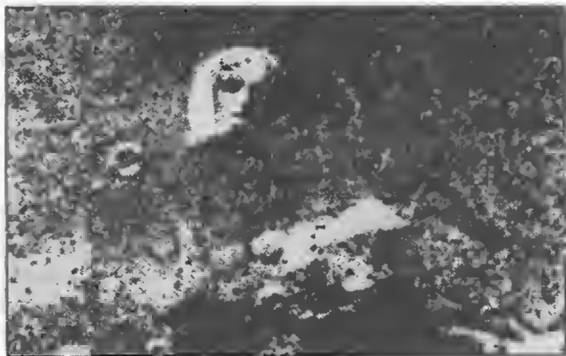
Я настойчиво повторял свой вопрос, надеясь, что они догадаются задуматься над моим вопросом: ну действительно, не станет же пре-

подаватель задавать столь вроде бы никчемный вопрос и тратить на него — да так долго — драгоценное аудиторное время. Не догадывались!

Приходилось подсказывать. И удивлению молодых людей не было предела. Оказывается, их отцам столько лет, сколько и им самим!!! «Отец» рождается в мужчине тогда, когда у него появляется его ребенок.

Точно та же логика у Фихте. Помимо мира от Бога есть еще и мир от человека. Да, собственно, весь мир вокруг нас — это давно уже мир, созданный людьми: и теми, кто нам современники, и теми, кто составлял предшествующие поколения: мы говорим их словами, думаем их мыслями, обсуждаем завещанные ими проблемы, видим то из узретого, что они назвали и объяснили, живем оставленным нам их бытом, окружены природой, которая далеко уже не та, где не ступала нога человека. Всё тронуто, овлиянено или переделано сынами человеческими.

Идеализм Фихте оригинален и чрезвычайно плодотворен. Он утверждает в деяниях людей сотворчество, аналогичное деятельной активности Бога, дает простор новым смелым начинаниям в изучении и постижении мира. А дело-то всего лишь в небольшом сдвиге от проторённого, где «не-Я» было вещным миром... и только. То есть в «не-Я» не увидели «Я».

И не в подтверждение ли Фихте в наши, сегодняшние годы глянуло на нас человеческое лицо планеты Марс?*

Сенсация 1989 года. Фотография марсианской поверхности. *Газетный снимок* ◑

3. УЧЕНИЕ

♦ ...И вот в потоке времени плывут разбитые обломки существовавших когда-то наук. Вы слыщали, что они имеют ценность, и стремитесь выловить оттуда, сколько вы в состоянии, и показываете это любопытным. Вы тщательно обходитесь с этими обломками, чтобы не разбить их, не раздавить или каким-либо иным образом не испортить их формы, чтобы передать их в неповрежденном виде вашим наследникам и наследникам ваших наследников, чтобы они, в свою очередь, могли показать их любознательному потомству. В лучшем случае вы иногда тщательно чистите их.

* ◐ И хотя ныне ученый мир склонен рассматривать «лик» как «якобы», как всего лишь некий «фантом», игру света и тени, от нас пусть всё же не ускользнет, что речь идет не о той или иной эмпирии факта, а о замечаемости в факте его *замечательности*, т. е. очеловеченности: ведь видеться опознаваемым может только узнаваемое. ◑

Я очутился среди вас, и вы мне оказали честь считать меня своим товарищем. Вы пытались оказывать мне товарищеские услуги, хотели привлечь меня, остеречь меня, помочь мне советами...

Сначала вы считали то, что я излагал, за историю, сперва за кусочки из кантовского потока, и тогда вы хотели сравнить их с вашими коллекциями; когда же из этого ничего не вышло, то, по крайней мере, за кусочки из потока эмпирической жизни. Что бы я ни говорил, в чём бы ни уверял и чего бы торжественно ни утверждал, как бы я ни пытался протестовать, вы всё же не могли отказаться превращать мои научные положения в положения опыта, мои созерцания — в восприятия, мою философию — в психологию...

...Далее, вы всякий кусочек считали за целый, существующий сам по себе кусок, как это обстоит с вашими коллекциями, полагали, что каждый может быть унесен отдельно и сохранен в памяти, и вы пытались произвести эту работу. Но отдельные части в том виде, как вы их охватывали, не подходили друг к другу, и вы подняли крик: «Противоречие!» Это произошло с вами оттого, что у вас нет никакого понятия о синтетически-систематическом изложении, но вам известно только собрание изречений мудрецов.

♦ Вся философия не имеет в виду никакой иной цели, как только ответ на поставленные вопросы, и в особенности на последний, высший: каково назначение человека вообще и какими средствами он может вернее всего его достигнуть.

♦ Мир сотворен с трансцендентальной точки зрения, он дан с обычной точки зрения; с эстетической точки зрения он дан, но исходя из того, как он сотворён. Мир, действительный данный мир, *природа*... имеет две стороны: она продукт нашего ограничения, она же — продукт нашего свободного, разумеется, *идеального действия*, а не нашей реальной действительности. При первом воззрении она сама повсюду ограниченна, при последнем — она сама повсюду свободна. Первое воззрение является обычным, второе — эстетическим. Например, каждую фигуру в пространстве можно рассматривать как ограничение соседними телами; ее можно рассматривать как выражение внутренней полноты и силы самого тела, обладающего ею. Кто следует первому воззрению, тот видит только искаженные, сплющенные, жалкие формы, он видит безобразное; кто следует последнему воззрению, тот видит могучую полноту природы, видит жизнь и устремление, он видит прекрасное... Дух прекрасного видит всё с прекрасной стороны; он видит всё свободным и живым.

♦ Все попытки мыслить «связь в себе», «вещь в себе», которая была бы связана с «Я в себе», являются лишь вследствие игнорирования нашего мышления, вследствие странного забвения того, что мы не можем иметь мыслей, не мысля их. Эта «вещь в себе» есть мысль, которая должна быть мыслью в настоящем значении этого слова, но которой в то же время не должен мыслить никто.

♦ Что же касается... тех то́лков, будто нас не поняли по поводу этого пункта, то это абсолютно непостижимо; ибо каждый ребенок, который только перестал говорить о себе в третьем лице и называет себя **Я**, совершил уже то, о чём идет речь, и может нас понять.

...Помысли себе нечто, например вот эту книгу, которую ты держишь в руке. Ты, без сомнения, можешь осознать эту книгу как то, о чём ты мыслишь, и себя самого как мыслящего эту книгу.

...А теперь мысли «Я». Ты можешь, без сомнения, и здесь осознать мыслящее и мыслимое.

♦ Следует признать, что в сознании субъективное и объективное суть, безусловно, одно и то же, иначе сознание абсолютно непостижимо.

♦ В том, что мы называем познанием и рассмотрением вещей, мы познаём и рассматриваем всегда только самих себя; во всём нашем сознании мы не знаем ничего, кроме нас самих и наших собственных определений.

♦ **Я духовное**, чистый разум и я — это **тело в телесном мире** совершенно одно и то же, только рассматриваемое с двух сторон и рассматриваемое двумя различными способностями: первое — чистым мышлением, второе — внешним созерцанием.

♦ Нет вообще ничего пребывающего ни вне меня, ни во мне; существует лишь непрестанная смена. Я ни в чём не знаю бытия, не знаю и своего собственного бытия. Нет бытия. **Я сам** вообще не знаю и не существую. Существуют **образы**: это единственное, что существует, — образы, которые проносятся мимо, хотя нет ничего, перед чем они проносились бы... Я сам — один из этих образов.

♦ Само наукоучение есть наука. Оно должно иметь обосновывающее его основоположение, имеющее заранее данную достоверность. Где же должно быть доказано это основоположение? Без сомнения, в той науке, которая должна обосновывать все возможные науки.

♦ Должно быть высшее абсолютно-первое основоположение.

♦ Пусть наукоучитель будет мастером, который строит механизм сознания; последний, однако, уже существует, как он сам утверждает, — следовательно, он его лишь изобретает вторично; он, однако, начисто изобретает его, не обращаясь к уже существующему механизму во время своей работы.

Но великое различие заключается в том, что изготовитель механического изделия имеет дело с мертвой материей, которую он приводит в движение, философ же — с живой, которая движет себя сама. Он не столько порождает сознание, сколько дает ему возможность порождать самого себя у него на глазах. «Я» определяется через «не-Я», «не-Я» определяется через «Я».

∇ ◐ Когда Фихте говорит, что без «Я» нет «не-Я», то он в определенном аспекте прав: без **меня** для **меня** нет «мира». Мое сознание, «натыкаясь» на «вещи», модулируется этими препятствиями и тем самым реализует ДЛЯ МЕНЯ внешний мир: ведь я, строго говоря, соприкасаюсь не с внешним миром, а с сознанием; ибо «Я» это не только тело, которое имеет мысль, сколько **мысль**, имеющая тело. ◑

♦ Абсолютно-первое, совершенно-безусловное основоположение всего человеческого разума именно потому, что оно абсолютно-первое, доказано быть не может. По этой же причине оно не может быть и определено.

♦ Последним основанием всякой действительности для **Я** является, та-

ким образом, согласно наукоучению, некоторое первоначальное взаимодействие между **Я** и некоторым нечто вне его, о котором больше ничего нельзя сказать, как только то, что оно должно быть совершенно противоположно **Я**. В этом взаимодействии в **Я** ничего не вкладывается, не привносится ничего чуждого; всё, что бы только ни развивалось в нём до бесконечности, развивается исключительно из него самого согласно его собственным законам; упомянутым противоположным **Я** только приводится в движение только для того, чтобы действовать, и без такого перводвигателя вне его оно никогда бы не начало действовать; и так как его существование состоит единственно лишь в действовании, то без него оно никогда и не существовало бы. Упомянутому же двигателю соответственно этому не присуще ничего, кроме того, что он является двигателем — некоторой противоположной силой, которую, как таковую, можно только почувствовать.

♦ Как может объективное стать субъективным, бытие для себя представляемым — в этом я вижу главную проблему всякой философии. Это странное превращение останется необъяснимым до тех пор, пока не будет найден пункт, в котором объективное и субъективное вообще не разделены, но совершенно суть единое. Наша система указывает на такой пункт и исходит из него. Яйность (Ichheit), Интеллект (Intelligenz), Разум (Vernunft) — или пусть называют его как хотят — есть этот пункт.

Абсолютное тождество субъекта и объекта в **Я** нельзя доказать непосредственно как факт действительного сознания, о нём можно только умозаключить, ибо, как только возникает действительное сознание, пусть даже только наше самосознание, следует разделение. Я сознаю себя самого лишь постольку, поскольку отделяю себя как сознающего от себя как предмета этого сознания. *Различные виды этого разделения субъективного и объективного и их последующего объединения лежат в основе всего механизма сознания.*

♦ Первый вопрос, как мы можем прийти к тому, чтобы утверждать согласование наших представлений с вещами, которые должны быть независимыми от них, всегда был в центре внимания. Что же касается того, как можно некоторые наши понятия мыслить представляемыми и частично представленными в существующей без нашего содействия природе, — в этом предшествующая философия не видела никакой проблемы. Находили вполне естественным, что мы можем действовать на мир.

♦ Я нахожу себя действующим в чувственном мире. Отсюда начинается всякое сознание. И без этого сознания моей активности нет никакого самосознания, без самосознания, в свою очередь, не может быть сознания того, что не есть **Я**.

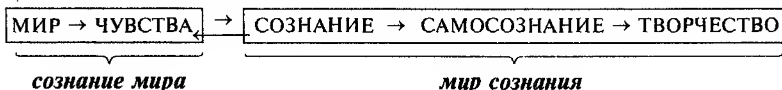
∇ ◐ Если взять схематически познавательную цепочку и выразить ее в такой последовательности:

| МИР → ЧУВСТВА → СОЗНАНИЕ → САМОСОЗНАНИЕ → ТВОРЧЕСТВО |,

то предмет внимания Фихте сосредоточен на фрагменте:

| СОЗНАНИЕ → САМОСОЗНАНИЕ → ТВОРЧЕСТВО |,

и тогда становятся различимыми два встречных и пограничных процесса — **сознание мира *и* мир сознания**:

♦ Какое многообразие должно содержаться в представлении моей активности и как я могу прийти к этому многообразию? Как бы ни предполагали представление *вещества*, продолжающегося в моей активности и не подлежащего изменению, представление *свойств* его, изменяемых моей активностью, представление самого *прогрессирующего изменения* до той формы, которую я проектирую; как бы ни утверждали, что содержащееся в представлении о моей активности представления даны извне (этого выражения, впрочем, я не понимаю) и что это есть опыт, или как бы ни называли подобную чушь, всё же нельзя не признать в представлении моей активности наличие того, что не может прийти извне и должно быть во мне самом. [...] Это значит, что последним основанием происходящих изменений должен быть я сам.

«Я есть основание этого изменения» означает не что иное, как то, что субъект сознания и принцип активности суть одно и то же; тот, кто *знает* об изменении, является одновременно и деятелем. То, что у истоков всякого знания мы сталкиваемся с самим субъектом познания и что я ничего определенного не могу знать, не обладая соответствующей познавательной способностью, — этого я не могу вывести ни из какого-то другого знания, я знаю это непосредственно, я просто полагаю это.

♦ Я не знаю, если не знаю *нечто*; я не знаю о себе ничего, не становясь через знание чем-то, т. е. я знаю о себе, лишь разделяя в себе субъективное и объективное. Если имеется сознание, то происходит и разделение, без которого невозможно никакое сознание. Благодаря данному разделению оказывается положенным взаимоотношение субъективного и объективного. Объективное должно существовать через себя без содействия субъективного и независимо от него; субъективное должно быть, по-видимому, зависимым от объективного и получать материальную определенность только из него. Бытие существует через себя самого, знание же зависит от бытия — только так следует их представлять, только в подобной определенности может являться нам нечто, только при этом условии мы имеем сознание.

♦ Знание и бытие, вероятно, не разделены вне сознания и не зависимы от него и разделяются только в сознании, так как это разделение есть условие возможности всякого сознания, и только благодаря ему возникает и знание, и бытие. Нет никакого бытия, не опосредованного сознанием, так же как нет и никакого чисто субъективного знания, приходящего к бытию извне. Уже для того, чтобы иметь возможность сказать «я», я должен отделить себя от объекта; и только потому, что называю себя «я» и когда я так называю, и происходит разделение. Подлежащее раздвоению единое, которое, согласно вышеуказанному, лежит в основе всякого сознания и вследствие которого субъективное и

объективное полагаются в сознании как одно, есть абсолют-*X*, никоим образом не осознаваемый нами как что-то простое и обычное. Мы находим здесь непосредственное согласование между субъективным и объективным: я знаю о себе благодаря тому, что существую; я существую благодаря тому, что о себе знаю...

♦ **Только деятельность является необходимой.** Из понятия следует, что субъект должен выбрать в сфере возможных действий одно из них через свободное самоопределение. Он может действовать только *одним* способом, его способность ощущения, выступающая здесь в качестве чувственной возможности этого действия, также определяется однообразно. Следовательно, поскольку субъект действует, он тем самым выбирает единый образ действий через абсолютное самоопределение и выступает постольку абсолютно свободным и разумным существом, творя себя (setztsich) в качестве такового.

Реализация активности через недеяние также является свободной, ибо она как нечто необходимое и привлекающее субъекта должна, согласно нашим предпосылкам, охватываться общим понятием активности. Поступая вопреки склонности воздерживаться от действий, субъект тем самым выбирает одинаково свободно между деятельностью и бездействием (Nichthandeln). Установленное понятие есть понятие *свободного взаимодействия* в самом точном смысле слова. Я могу примыслить к какому-нибудь свободному действию свободное противодействие как *случайное,* однако это не будет соответствовать истине. Точность определения требует, чтобы *действие и противодействие* мыслились нераздельно. Должно быть так, чтобы оба они являлись «интегральными частями» целостного события. Так постулируется нечто как необходимое условие человеческого самосознания.

♦ Разумное существо, однако, не может понять своей активности, *не познав объекта этой активности.* Дело в том, что нельзя решиться действовать (имеется в виду действие с сознанием решения, ибо только благодаря ему действие становится свободным), не полагая деятельности как преодоления препятствий. Но то, что представляется в определенной деятельности препятствием, есть внешний ей объект. Поэтому как бы ни приписывали природе интеллект и свободу [...], природе отнюдь не может быть приписана способность образовать понятие цели (именно поэтому природе должно быть отказано и в разуме и в свободе), потому что вне природы нет ничего, на что она могла бы действовать. Всё, на что можно воздействовать, есть сама природа.

♦ Идеализм не может опровергнуть догматизма... Всякий последовательный догматик — неизбежно фаталист; он не отрицает того факта сознания, что мы считаем себя свободными: ибо это было бы противно разуму, но он доказывает из своего принципа ложность этого мнения. — Он совершенно отрицает самостоятельность **Я**, на которой строит своё учение идеалист, и делает его простым продуктом вещи, случайной принадлежностью (accidens) мира; последовательный догматик — неизбежно материалист. Он может быть опровергнут только из постулата свободы и самостоятельности **Я**; но это — то самое, что он отрицает.

♦ Мы не можем отречься от законов действия разумных существ, чтобы

мир для нас и мы вместе с ним не потонули в абсолютном ничто, но мы поднимаемся над этим ничто и держимся над ним лишь благодаря нашей моральности.

♦ В отношении добра человек может только *сеять*, т. е. творить добро в предположении некоторого морального миропорядка; он не знает, удастся ли ему его дело, будет ли оно успешным; он может только действовать в предположении, что добро содействует успеху в себе и для себя, что оно есть не только нечто положенное, но объективно по своей природе.

♦ А теперь внесем ясность в притязания наукоучения на значимость в действительном сознании. Подобно тому, как в конструкции треугольника третья сторона определена двумя другими и заключенным между ними углом, точно так же, согласно наукоучению, известное сознание определено другим сознанием. Но это лишь образованные посредством свободной фантазии, но ни в коем случае не действительные определения сознания, подобно тому как линии геометра не являются линиями в поле.

И вот образованное в фантазии определение сознания теперь действительно осуществляется, подобно тому как мы в поле находим угол и две стороны, свободная конструкция которых была возможна. Ты можешь быть столь же твердо убежден, что вместе с оказавшимся налицо действительным определением одновременно окажутся налицо в действительности и те определения, которые в отображении были неразрывно связаны с первым, и как раз такими, какими они там были описаны, и так найдешь это, если действительно проведешь наблюдение.

Каждый, кто возвысится до этой спекуляции, настолько же твердо убежден в этом, насколько геометр убежден в том, что измерение действительной линии подтвердит его расчет.

♦ Через возвращающуюся на себя деятельность у нас возникает **Я**.

♦ Природа определила людей для свободы, т. е. для деятельности.

♦ Пусть ученый забудет, что он сделал, как только это уже сделано, и пусть думает постоянно о том, что он еще должен сделать.

♦ Не знание само по себе, но деяние, сообразное своему знанию, есть твое назначение... Не для праздного самосозерцания и размышления над самим собой и не для самоуслаждения своими благочестивыми чувствами, нет, для деятельности существуешь ты, твое действование, и только оно одно определяет твою ценность.

4. МЫСЛИ

- Наличное бытие Бога изначально, как и его внутреннее бытие: они неразрывны и равны друг другу, а это божественное наличное бытие есть по своему содержанию знание, только в нём содержится мир и всё сущее.
- Вряд ли найдутся и полдюжины таких, которые знали бы, что такое собственно философия.
- Существует одна-единственная философия, подобно одной лишь единственной математике.
- Человек **предназначен** для жизни в обществе, он **должен** жить в обществе; он не полный законченный человек и противоречит самому себе, если он живет изолированно.

- Важно общество вообше не смешивать с особым, эмпирически обусловленным родом общества, называемым государством. Жизнь в государстве не принадлежит к абсолютным целям человека.
- Государственное устройство известной эпохи есть результат ее прежних судеб.
- Государство и все человеческие установления, являющиеся голым средством, стремятся к своему собственному уничтожению: цель всякого правительства — сделать правительство излишним.
- Всякая реальность действенна, и всё действенное есть реальность.
- Мы не потому действуем, что познаём, а познаём потому, что предназначены действовать.
- В человеке имеются различные стремления и задатки, и назначение каждого — развить свои задатки по мере возможности.
- Все индивидуумы, принадлежащие к человеческому роду, отличны друг от друга; только в одном они вполне сходятся, это их последняя цель — совершенство.
- Совершенствование самого себя посредством свободно использованного влияния на нас других и совершенствование других путем обратного воздействия на них как на свободных существ — вот наше назначение в обществе.
- Я хотел бы лучше считать горох, чем изучать историю.
- На *a priori* предначертанном пути рода человеческого предусмотрено время, когда вместо силы или хитрости всюду будет признан как высший судья один только разум. Но никто не знает, через сколько мириад лет.
- Не в моей власти, чтобы я чувствовал или не чувствовал определенное побуждение. В моей власти, однако, удовлетворяю ли я его или нет.
- Всё, что было когда-либо среди людей великое, мудрое и благородное, — эти благочинные человеческие поколения, которых имена чтутся в мировой истории, и те многочисленные мужи, заслуги которых лишь известны, но не имена, — все они работали для меня... Могу продолжать оттуда, где они должны были остановиться, могу дальше строить этот возвышенный храм, который они должны были оставить незаконченным. Мне может кто-то сказать: «Будешь, однако, должен остановиться, как и они». Это наиболее возвышенная идея из всего. Если я перенимаю их возвышенную задачу, то никогда ее не закончу, но могу так же... никогда не прекратить действовать, никогда не перестать быть. То, что мы называем смертью, не должно прерывать мое дело, ибо оно должно быть завершено, но не может быть завершено в определенное время, тем самым мое бытие не определено во времени, а я вечен. Тем, что я перенял эту великую задачу, я обрел вечность. Я смело поднимаю голову к грозным скалистым горам, к бешеному потоку вод, к бурным тучам, плывущим в огненном море, и кричу: «Я вечен и противлюсь вашей силе. Пусть на меня обрушится всё, а ты, земля, и ты, небо, смешаетесь в сумасшедшем хаосе, вы, стихии, воспеньтесь бешенством и раздерите в лютой битве последнюю пылинку тела, которое я называю своим, — моя воля, самоединая со своим определенным планом, будет смело и хладно возноситься над руинами юдоли мира, ибо я понял свое призвание, а это более долговечно, чем вы. Оно вечно, и я также вечен».

Ге́гель

XVIII – XIX *вв.*

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

• Немецкий философ

Родился: 27.08.1770 г.
Умер: 14.11.1831 г.

Прожил — 61 год

«История философии должна быть сравниваема в своём результате не с галереей заблуждений человеческого духа, а скорее с паитеоном божественных образов, которые суть различные ступени идеи, как они выступают друг за другом в диалектическом развитии». *(Гегель)*

■ **«Ответ на вопросы, которые оставляет без ответа философия, заключается в том, что они должиы быть иначе поставлеиы».** *(Гегель)*

■ **«Философия нуждается в том, чтобы содержать в себе единую живую идею, ибо мир подобеи цветку, вырастающему из одиого зериа».** *(Гегель)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Штутгарте, столице Вюртембергского княжества.
• Его отец, секретарь казначейства, входил в состав высшего чиновничества.
• Получил полное университетское образование.
• Имел степень кандидата теологии и магистра философии.
• С 1793 по 1800 г. вынужден был трудиться домашним учителем и воспитателем.
• В 1801 г. приезжает в Йену, где после защиты двух диссертаций получает право преподавать в местном университете как приват-доцент философии.
• Собственно как лектор Гегель не прославился. Вот мнение одного из слушателей:

> «Он говорит неразборчиво, кашляет при каждом слове, проглатывает половину говоримого, а вторую половину едва выговаривает дрожащим плаксивым голосом».

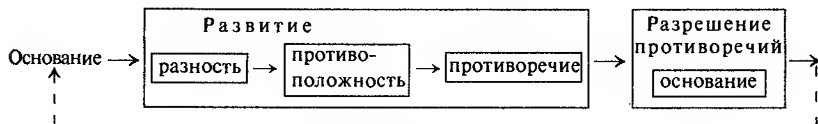
• Первым подверг пересмотру традиционную логику, идущую от Аристотеля, и выдвинул самый смелый за всю историю философии принцип:

♦ Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия есть критерий заблуждения.

• Сформулировал оригинальное понимание метафизики: не как высшей философской мудрости, а как способа мышления, всегда выбирающего «одно из двух», или по принципу «или-или»:

/ ♦ Мышление прежней метафизики было конечным мышлением, ибо она двигалась в таких определениях мышления, предел которых признавался ею чем-то незыблемым, не могущим в свою очередь подвергнуться отрицанию. /

• Прогрессирующая цепочка, по Гегелю, состоит:

/ ♦ Любое снятие противоречий, обнаружившись основанием, является, следовательно, как новое противоречие. /

• Положил начало новому пониманию *диалектики*:

/ ♦ Всё действительное содержит внутри себя противоположные определения и, следовательно, познание, а точнее, определение предмета в понятиях означает познание его как конкретного единства противоположных определений. /

• ◐ «Открыв» диалектику, Гегель всего лишь навсего преувеличил (абсолютизировал, переоценил) одну мыслительную операцию: если есть нечто, то на самом деле его нет, ибо, если бы оно было, оно должно было бы исключить всякое другое «есть», но это «другое» и есть то, что определяет есть, а значит, без него нет и «быть». То есть всё индивидуализируется отличием, но зависимо от самого действия по индивидуализации.

Серьёзно это означает, что мы имеем дело с камуфляжем принципа «всеобщей связи», где любому «находится» противостоит право чужого дрейфа туда же. ◑

• Отмечен в истории не только как мыслитель, создавший обширную собственную философскую систему, но и как автор, придумавший для нее особый язык:

/ Система основных значимых категорий в философии и учении Гегеля:

1) «абсолютная идея»;
2) «абсолютный дух»;
3) «для-себя-бытие»;
4) «в-себе-и-для-себя-сущее»;
5) «инобытие себя в себе самом»;
6) «отчуждение» (*нем.* Entäußerung, *букв.* — «овнéшнение»);
7) «снятие» (*нем.* aufheben, *букв.* — «отрицать, оставляя»). /

• ◐ Гегель был не чужд натяжек — это общее свойство всех систематиков: им кажется, что то, что им пришло в голову, имеет не головную ценность, а главную. Такого рода претензию можно было бы считать заблуждением, но их выручает это самое «за», согласно которому на са-

мом деле они вовсе не там, где, как им (то ли по наивности, то ли по простоте, то ли по неискушённости) представляется, они есть:

♦ Прошлое превращается в настоящее.

/■■ Астрономы утверждают, что существуют небесные явления, которые, хотя и воспринимаются нами в настоящее время, в действительности произошли больше чем 500 лет назад. ■/

• Гегель отдал должное «этимологическому флирту». Привязываясь к непереводимой игре слов, он с помощью подсмысла расширял объем смысла и вкладывал — вот уж парадокс так парадокс! — большее в меньшее.

/ Так, выражение zu Grunde gehen — *нем.*: «идти ко дну», исчезать, гибнуть — он употребляет то в прямом значении, то в вариации — «исчезать в своём основании», полагая, что сам язык на стороне его диалектической методы (Grund — *нем.*: почва, основание): всё исчезает через разрешение собственных противоречий в себе и этим возвратом к основанию осуществляется, реализуется, ставится развитие. /

• Эпидемия холеры скоропостижно оборвала его жизнь на 62-м году.

• **Сочинения Гегеля:**

«Народная религия и христианство» (1793);

«Различие между системами Фихте и Шеллинга» (1801);

«Критический журнал философии» (этот журнал Гегель издавал вместе с Шеллингом);

«Феноменология духа» (1807);

«Наука логики» (Т. 1, 1812; Т. 2, 1816):

/ Это главное философское произведение Гегеля было написано им в период, когда он работал директором Нюрнбергской гимназии и читал ученикам «Введение в философию». /;

«Энциклопедия философских наук» (1817):

/ Этот фундаментальный свод включает в себя *«Науку логики»*, *«Философию природы»* и *«Философию духа»* /;

«Основоположения философии права» (1821);

«Философия права» (1826).

Произведения, синтезированные учениками Гегеля по его лекционным курсам, планам, черновым записям, наброскам:

«Лекции по истории философии»;

«Лекции по философии истории»;

«Лекции по эстетике»;

«Лекции по философии религии».

2. СУДЬБА

► ◐ Некоторые его фразы столь замысловато оригинальны, что вызывают оторопь. Естественно, что это породило легендное представление о Гегеле — велик, но тёмен, даже по-другому: потому и велик, что тёмен. Или нет — потому и тёмен, что велик. Один только пример — и не надо уже больше никаких комментариев (да и что пояснять, если, чтобы увидеть вершину, нужна другая вершина, а дело обстоит так, что данная нам вершина есть единственная) ◑:

♦ Сущность есть сначала видимость, отражение и опосредствование *внутри себя.* Но, завершив круг опосредствований и развившись в

целостность опосредствования, ее единство с собою оказывается *положенным* как снятие различий и поэтому опосредствования. Это, следовательно, восстановление *непосредственности*, или *бытия*, но это — восстановление бытия, поскольку оно *опосредствовано снятием опосредствования*. Это — существование.

► ◐ Представляется интересным обратить внимание на общность истоковых моментов в гегелевской философии и взглядов французских историков конца XVIII в. Рабо и Вольнея. Эта удивительная однопорядковость подхода сама собой наводит на мысль о *заимствовании*. Но, как говорится, судите сами:

Этьенн Рабо (Rabaut de Jaint-Étienne)

- Французский историк.
- Его статьи печатались в журнале «Минерва» — любимом журнале 22-летнего Гегеля.
- Состоял депутатом Конвента.
- Был осуждён, а затем казнён (отрублена голова).
- В лекциях Гегеля по «Философии истории» часто встречаются выражения, почти дословно воспроизводящие тексты Рабо.

Из письма историка Иоганна Мюллера своему другу Бонштеттену (август 1791 г.) относительно манеры Рабо как писателя (это письмо было известно Гегелю, оно было опубликовано в 1802 г. /Цит. по: **Д'Ондт**. *Секрет Гегеля.* Париж, 1968 г./):

«То, что существует тысячи лет, не существует; то, что есть, возможно, не есть; чему кладётся запрет, тому ничто не препятствует».

Константен Франсуа Вольней (1757 – 1820)

- Французский философ, историк.
- Образование получил благодаря протекции философа Гольбаха.
- Был в приятельских отношениях с супругой Гельвеция.
- Дружил с Рабо.

«Руины, или Исследования о революциях в государстве» (1791):

/ Эта книга, вероятно, была известна Гегелю. Во всяком случае, он упоминает имя Вольнея в «Лекциях по философии религии». Вторая глава этой книги была опубликована в переводе в №1 «Минервы». /:

«И что осталось теперь от этого могучего некогда города? — Жалкий скелет! Что осталось от великого царства?.. Дворцы королей заселили дикие звери; [...] — **ТАКОВ** исход дел человеческих? **ТАК** сходят на нет государства и народы?»

(Цит. по: **Д'Ондт**. *Секрет Гегеля.* Париж, 1968 г.) ◑

► **Гегель** (в письме своему другу Фридриху Нитхаммеру от 08.08.1807 г.):

✓ «Но почему же жалованье должно быть худосочным? Худосочность ведь не является необходимым предикатом жалованья!? Жалованье может ведь быть и жирным! Я непременно найду способ в моей будущей «Логике» обсудить этот интересный вопрос».

✓ «Русские женщины жалуются, если мужья не бьют их, — значит, они их не любят. Это и есть мировая история. Народы так же хотят кнута».

✓ «Великий человек осуждает людей на то, чтобы они его объясняли».

► **Карл Маркс** /(1818 – 1883), немецкий мыслитель, философ и политэконом; «Святое семейство, или Критика “критической критики”» (1845; работа написана совместно с Фридрихом Энгельсом)/:

«В системе *Гегеля* существуют *три* элемента: *спинозовская субстанция, фихтевское самосознание* и *гегелевское* необходимо-противоречивое *единство* обоих элементов — *абсолютный дух*. Первый элемент есть метафизически переряженная *природа* в ее *оторванности* от человека, второй — метафизически переряженный *дух* в его *оторванности* от природы, третий — метафизически переряженное *единство* обоих факторов, *действительный человек* и действительный *человеческий род*».

► **Готфрид Бенн** /(1886 – 1956), немецкий писатель/:

«Гегель, Дарвин, Ницше — вот кто стал действительной причиной гибели многих миллионов людей. Слова преступнее любого убийства, за мысли расплачиваются герои и то́лпы».

► **Бертран Рассел** («История западной философии» /1946/):

«Почти всё учение Гегеля ложно».

3. УЧЕНИЕ

● Терминологическая нюансировка

♦ Я очень хорошо помню, как, изучая науки, я метался, честно полагая, что сказанное прямо — это еще не всё. Из оборотов речи, из формы изложения я заключал, что сущность скрыта где-то за текстом, и все знают гораздо больше, чем говорят, а именно дух и основания, исходя из которых они и высказываются. Я долго и тщетно искал того, о чём всегда говорится так, как будто это нечто общеизвестное, правильное, такое, что вызывает к жизни обыкновенное. Но я так и не мог найти этого и наконец понял, что на самом деле ничего и нет, кроме того, что я уже прекрасно понял. Сверх того лишь самоуверенный тон, произвол и дерзость.

♦ Самосохранение духа основывается на диалектике *отрицания* — отрицания, понимаемого отнюдь не как абсолютного, чистого, г о л о г о, а как... относительного отрицания — с сохранением жизнеспособных элементов отрицаемого. Эти оттенки есть в слове aufheben (снимать). «Снятое» не исчезло, не есть нечто *только прошедшее*: дух обращает своё внимание не только на то, что прошедшее, взятое в своей непосредственности, прошло, но также и на то, что оно еще сохраняется в духе. Ближайший пример — черты облика родителей, запечатлеемые в детях.

♦ И вот еще на что до́лжно обратить внимание. Содержание слова aufheben — его двойственность: одновременное «сохранение» и «упразднение». Это противоречивое единство в одном слове, невидимое глазу при взгляде на слово, а извлекаемое лишь... разумом, — есть ИДЕАЛЬНОСТЬ.*

♦ ◐ Игра словами принимает у Гегеля форму «этимологического театра» ◑:

---

* ◐ Значение «задушить», «удавить» во фразе «души прекрасные порывы» (А. С. Пушкин) тоже извлекается разумом и тоже есть ИДЕАЛЬНОЕ в ней.

Кстати, что касается слова aufheben (снимать): хороший аналог его *идеального* ядра — момент процесса карьеры; мы, снятые с одной должности, снимаемся не затем, чтобы выбыть из гонки служебного роста, а, наоборот, чтобы этим снятием освободившиеся могли переместиться «в повышение». ◑

Взять слово erinnern (вспоминать). Но ведь на него можно посмотреть и со стороны его структуры — inner (внутренний). Значит, — применительно к высшему вниканию философии, — абсолютный дух на завершающих ступенях своего развития «вспоминает» о своих прежних формообразованиях, «углубляется» в самое себя. И это углубление в себя, которое есть в о с п о м и н а н и е, оказывается вместе с тем *снятием* чуждой предметности и возвращением духа к самому себе.

♦ *Зло* есть отчуждение (Entfremdung) от Бога, коль скоро в силу своей свободы единичное отделяется от всеобщего и, отрываясь от него, стремится существовать абсолютно для себя. Если природа конечного свободного существа состоит в том, чтобы рефлектировать себя в эту единичность, природу этого существа нужно рассматривать как злую.

♦ В то время как интеллект старается лишь брать мир, каков он *есть*, воля, напротив, стремится к тому, чтобы сделать мир тем, чем он *должен* быть.

♦ Если люди утверждают, что нельзя познать истину, то это злейшая клевета. Люди сами не знают при этом, чтó они говорят. Знай они это, они заслужили бы того, чтобы истина была отнята у них.

♦ Истина — это вовсе не последний этап в цепочке становления явления, истина — это результат вместе со всей обеспечившей его цепочкой. Последнее не заканчивает, а... накопившись, н а ч и н а е т.

/■■ Огонь — это не *воспламенение* дров, а способные к горению зажжённые горящие дрова. ■/

♦ Мы знаем, что всё конечное, вместо того чтобы быть неподвижным и окончательным, наоборот, изменчиво и преходяще, а это и есть не что иное, как диалектика конечного, благодаря которой последнее, будучи в себе иным самогó себя, должно выйти за пределы того, что оно есть непосредственно, и перейти в свою противоположность.

● Концепции подсмыслов

♦ Со своей природной стороны человек, правда, конечен и смертен, но он бесконечен в познании.

♦ То, что Бог и человек вообще не так чужды и далеки друг от друга и что на дух следует смотреть как на подобие Бога, как на божественное в человеке, эта идея пришла в мир благодаря христианству. В прежних учениях ничего подобного не было — ни у греков, ни у римлян, ни у Платона, ни у Аристотеля, ни у стоиков. Согласно христианству, индивидуум, *как* таковой, имеет *бесконечную* ценность, поскольку он является предметом и целью любви Бога и тем самым предназначен к тому, чтобы установить к Богу как к духу своё абсолютное отношение, дать этому духу поселиться в себе.

♦ Прогресс духа — *прогресс в его развитии.*

♦ Дух есть всегда идея, но первоначально он есть лишь *понятие* идеи, или идея в ее неопределенности, в абстрактнейшем виде реальности, т. е. в форме бытия; развитие этой реальности завершается лишь всей философией духа в целом. Дух лишь на последней ступени лестницы форм духа — на ступени «абсолютного духа» — достигает полного тождества с абсолютной идеей.

♦ Развитие форм духа есть процесс, причём это касается не только духа в целом. Каждая ступень является сама по себе таким процессом, то есть чем-то таким, что не предполагается как нечто готовое, заранее данное, а как нечто возникающее и развивающееся из зерна в зрелую форму, как нечто, себя *образующее и воспитывающее*, смыкающееся с самим собой согласно диалектическому принципу двойного отрицания — отрицания отрицания, двойного перехода; так что конец загибается назад в *начало*, и в результате это смыкание начала с концом образует центральную ось того процесса выступления форм духа, итогом коего служит приход духа к своей высшей форме *абсолютного духа*, в каковой человеческий дух оказывается тождественным исходной субстанции всего процесса разворачивания «себя — через себя — к себе» — абсолютной идее.

♦ Дух есть существующая истина материи, истина, состоящая в том, что сама материя не имеет никакой истины.

♦ Спецификация материи в форме стихий еще лишена своего облика, так как она есть лишь особенность. Подступая к форме облика вообще и к индивидуальности вообще, необходимо прежде всего устранить представление о нём как о чём-то внешне механическом и составленном из частей. Бесполезно пытаться понять определённость облика с помощью внешнего деления или внешнего сложения частей. Сущностью этой определённости всегда будет специфическое различение, которое обнаруживается в этих частях и составляет определённое самотождественное единство их соотношения.

♦ Сама по себе свобода единичного существа дополнительно состоит и в равенстве этого существа самому себе, другими словами, сама по себе она божественной природы. Это знание о том, что человеческая природа на самом деле не чужда божественной природе, удостоверяет человека в божественной *милости* и позволяет ему воспользоваться ею, благодаря чему и осуществляется *примирение* Бога с миром, иначе говоря, исчезает отчужденность мира от Бога.

♦ Как субстанцией материи является тяжесть, так, мы должны сказать, субстанцией, сущностью духа, является свобода.

♦ В силу природы диалектического метода наука являет себя как некоторый завитый в себя *круг*, в начало которого (в простое основание) опосредствование вплетает обратно его конец.

/■■ На каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения, не только ничего не оставляет позади себя, но уносит с собой всё приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя. ■

◐ Нечто подобное, по-видимому, можно заметить в замерзающей воде. ◑/

//◐ Начало потому начинает своё окончание, чтобы оно завершением не прекратило его, а лишь выделяюще выделило. Переход в своё другое трансформирует явление, однако не прерывает. Если я на деньги могу что-то купить, то продажа в дальнейшем (вдруг придётся или нужда заставит) покупки вновь принесет мне мои же деньги.

Развитие мира и всего в нем можно понимать как некую пульсацию, где действие предпринимается не для уничтожения себя, а есть как бы специфическая игра собственных сил, в которой и можно узнать, что́ есть то, что есть.

Но если так, то Гегель, не называя этого, а может быть, и не зная, и... не догадываясь об этом, уподобляет действительность [книге], которая своеобразно входит в сговор с самой собой и так исхо́дится в самоподаче (содержание, обложка, заголовок), что побуждает кого-то прочитать себя, что для неё означает *раскрыться, перелистаться, переплавиться* через чьё-то сознание в пометки на себе. ◑ //

♦ Всеобщее (первичное полагание себя) конкретизируется тем, что, выходя вовне себя, оно наполняется определениями этого знания и по сути начинает быть *углублением-в-себя*. Самое богатое (т. е. узнавшее и познавшее себя) есть в то же время и самое конкретное. Движение вперёд начинается с простых определённостей, которые, в процессе саморазворачивания, становятся всё *богаче* и конкретнее.

/■■■ Это как пускание монеты в оборот: сначала это лишь кусочек металла и простая математическая величина. Но то, что мы на неё покупаем, как к ней относятся другие, беря её в обмен на даваемое нам, раскрывает нам в ней ценность и необходимость. Монета как бы узнаёт, что́ она есть, и бездушная цифра ее номинала вдруг становится небезразличным количеством реальных и действительных удовольствий, которые можно благодаря ей получить. ■/

♦ Всякий предмет есть единство бытия и небытия — небытия в том смысле, что он содержит в самом себе источник своего изменения. Предметы, вещи, все, какие бывают, события и явления существуют, но истиной этого бытия служит их *конец*, их отталкивания самих себя от самих себя в... своё иное.

♦ В психологии основным противоречием принимается противоречие субъективности и объективности. Но развитие интеллигенции (Intelligenz)* идёт от противопоставления их к их единству, к выводу, что то, что мы *мыслим*, также и есть, — также имеет свою *объективность*.

● Основания системы

♦ Бог, согласно моментам его сущности, 1) абсолютно *свят*, так как он есть внутри себя совершенно всеобщая сущность. Он есть 2) абсолютное *могущество*, так как он осуществляет всеобщее и во всеобщем сохраняет единичное, т. е. является вечным *творцом Вселенной*. Он есть 3) *мудрость*, так как его могущество — только святое могущество, 4) *доброта*, так как единичное в своей действительности получает от него полную свободу действий, и 5) *справедливость*, так как он вечно возвращает единичное ко всеобщему.

***Intelligenz** (от *лат.* intelligere — постигать, схватывать) — философское понятие, которое характеризует духовную способность человека, заключающуюся в постижении существа дела. Этот термин трудно переводи́м на русский язык. Наиболее адекватный перевод — «интеллект».

♦ Обыкновенная логика ошибается, думая, что дух есть нечто, всецело исключающее из себя противоречие. На самом деле противоречивость и противоположность, самоотрицательность, зло и страдание суть формы внутренней диалектики и смены форм духа. Дух не гибнет от этого, а развивается, меняет и улучшает, совершенствует свои формы: ступень раздвоения тоже должна быть снята и дух должен посредством себя возвратиться к единству. Это единство есть теперь духовное единство, и принцип этого возврата содержится в самом мышлении. Последнее наносит рану, и оно же ее исцеляет. Дух столь силён, что может переносить противоречие, но он же и умеет разрешать его, что, однако же, не приводит к тому, что дух свободен хоть где-нибудь от противоречия.

♦ Противоположности не форма видимости, а субстанциальны.

♦ Именно через снятие своего инобытия логическая идея, или в-себе-сущий дух, и становится как раз тем, чем дух есть для себя, т. е. дух открывается самому себе.

♦ *Всё содержится в ощущении*, и, если угодно, всё выступающее в сознании духа и в разуме имеет в ощущении свой *источник* и своё *первоначало*.

♦ *Идея* есть адекватное понятие, т. е. единство понятия и объективности.

♦ Предмет, объективный и субъективный мир не только *должны* вообще *совпадать* с идеей, но сами суть совпадение понятия и реальности; реальность, не соответствующая понятию, есть просто *явление*, нечто субъективное, случайное, произвольное, что́ не есть истина.

♦ Бытие постольку достигает значения *истины*, поскольку идея есть единство понятия и реальности.

♦ Во всемирной истории, благодаря действиям людей, вообще получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся.

♦ Тем хуже для фактов:

/ Так Гегель ответил однажды на замечание, что его теории не согласуются с фактами. /

♦ Сфера истории выше сферы морали.

♦ Всё действительное разумно, всё разумное действительно.

♦ Все действительно всемирно-исторические события происходят дважды: первый раз в виде великой трагедии, во второй — в виде жалкого фарса.

♦ У философии и религии общее содержание, общие потребности и интересы.

♦ Философия не есть мирская премудрость, но познание немирского.

♦ Философия тождественна с религией.

♦ Спекулятивно мыслить означает разложить действительное и противопоставить его себе таким образом, чтобы различия были противоположны друг другу по их мыслительным определениям, а предмет постигался как единство обоих.

♦ Религия — вообще последняя и наивысшая сфера человеческого сознания, она есть та область, в которую человек вступает, как в область абсолютной истины.

♦ В философии высшее называется абсолютным, идеей.

♦ И эпоха, и ее философия несут в себе одно и то же движение.

♦ В созерцании мы погружаемся в предметы, они наполняют нас. По-

добная погружённость в предметы — относительно низкая ступень сознания. Если же мы рассуждаем о них, выносим свои суждения о них, то это уже не созерцание как таковое.

♦ Взгляд мой состоит в том, что идея может быть выражена и постигнута только как процесс в ней самой (пример — становление) и как движение. Ибо истинное не есть нечто только покоящееся, сущее, но есть только нечто самодвижущееся и живое.

♦ Всемирные события и надежды, равно как и то, что происходит в более узком кругу, всё это склоняет меня к общим размышлениям, которые отодвигают на задний план частные происшествия, как бы ни занимали они мои чувства. Я считаю, что *мировой дух* скомандовал времени вперед. Этой команде противятся, но целое движется, неодолимо и неприметно для глаз, как бронированная и сомкнутая фаланга, как движется солнце, всё преодолевая и сметая на своём пути. Бесчисленные легковооруженные отряды бьются где-то на флангах, выступая «за» и «против», бóльшая часть их вообще не подозревает, в чем дело, и только получает удары по голове как бы незримой дланью. И ничто не поможет им: ни пускание пыли в глаза, ни хитроумные выходки и выкрутасы. Можно достать до ремней на башмаках этого колосса, немного замарать их дёгтем или грязью, но не развязать их, тем более стащить с него сандалии бога.

♦ Почка исчезает, когда распускается цветок, и можно было бы сказать, что она опровергается цветком; точно так же при появлении плода цветок признаётся ложным наличным бытием **растения**, а в качестве его истины вместо цветка выступает плод. Этим формы не только различаются между собой, но и **вытесняют** друг друга как несовместимые. Однако их текучая природа делает их в то же самое время моментами **органического** единства, в котором они не только не противоречат друг другу, но один так же необходим, как и другой; и только эта одинаковая необходимость и составляет **жизнь целого**.

/◐ Что же на сáмом деле подметил Гегель, когда в образе смены фаз жизни растения увидел глубинный смысл метаморфоза действительности? Ровным счётом ничего! Ну действительно, если процессу: **почка** ⟶ **цвет** ⟶ **плод** поставить впараллель цепочку: **земля** ⟶ **овощи** ⟶ **суп**, то первое, что бросится в глаза, — одинаковость глубины смысла. А это значит, что заметился Гегелю не **закон развития мира**, а всего лишь некоторый вид связи, когда окончание *лестнично*, или цепóчково, связано с началом.

Последовательность становления вовсе не противоречива, шаги пóступи дела не отрицают друг друга, сохраняя предыдущее в себе, заменяя его собой, а — и вот это-то и есть суть и самое замечательное! — потенциал начала ёмок и способами, и характерами, и возможностями своего вычерпывания.

Лишь по недоразумению можно считать ряд (из элементов развёртывания некоего свершения) периодизацией поглощения — первого вторым, второго третьим и т. д. Разве в огне метаморфоз дров? Разве в жаркóм есть метаморфоз усилий повара?! Отнюдь! Каждое случившееся базируется на своём основании, исходит из некоего начала.

Да, так. Конечно. Но... кто ж отважится сказать, что клубок развёртывается в иное себя?! Ведь нитка и в клубке и вне его — нитка, и не более того. Мóгущее поэлементно мóжется, но оно лишь — и это главное! главное! главное! — панорамируется всматривающемуся взору, потому что как нечто живое и допустимое подчинено запускающему «Да будет!»

Гегель искал суть процесса, и оттого мысль его сакцентировалась на содержании. Но это всё равно, как если бы... дышать на зеркало. Запотевание видно, оно конкретно, оно факт. Безусловно, факт. Однако ж, кто нас похвалит, если сделаем мы вывод, будто влага выступила из стекла?!

Увы, всем ищущим закон закономерности надо уже понять вот что: заглядывая вовнутрь, мы всего лишь порождаем... парадокс намерения: все извлечения состоят **из влечения**. Разум, це́лящийся на «значение», рикошетит только своё назначение. И не более того. Так Природа возвращает человеческой гордыне ее же пищу. Зачем? Кто знает? Может быть, чтобы нам скучно не было. Или чтобы неповадно было...

Когда за дело берутся попусту, то и результат пустой. И пусть это предостережет остальных: посыл от незнания правомерен, и активность его заражающа, но находки от него не продвигают нас вперед и чем-то сродни шуму ветра — ну, хорошо, дует себе он и пусть дует, да вот только... зачем *шумит*? ◑/

♦ Я вижу, как Ньютон и весь сонм физиков после него хватаются за какое-нибудь сложное явление, упираются в него как в стену и начинают взнуздывать клячу с хвоста, если воспользоваться таким оборотом речи. И при этом часто бывало с ними, что какие-нибудь не важные **для изначального состояния вещи** обстоятельства — даже если таковыми оказывались только их неприятности при взнуздывании с хвоста — они выдают за условия явления и всякими хитростями, выдумками и ложью вдавливают, просовывают и вгоняют в явление всё то, что лежит перед ним и за ним. При этом у них не обходится без «изначальности»; они *привносят* метафизический абстракт, будучи сотворенными духами, они *вкладывают* в явление некое рукотворное, достойное их самих нутро и, находясь в таком *«centro»*, столь же ликуют о мудрости и величии, оказываются столь же серьезными тружениками, что и каменщики в храме Соломоновом.

♦ Если зло есть то же, что добро, то именно зло не есть зло, а добро не есть добро, а и то и другое.

♦ Моя наука — философия, а именно новая философия — не встретит неблагоприятного приёма. Люди, возвышающиеся над отдельными науками, несомненно, убеждены в том, что философия — душа всех наук, что она возвышает их и побуждает к дальнейшему развитию, что науки без такого движения угаснут, а жизненность свою они приобретают в понятии, понятие же в конечном счете исходит от философии. Наука применяет философию в собственной области так же, как сама философия получает в науке свою пищу, свой материал, свое богатство, реальность которого философия не может игнорировать и, таким образом, испытывает побуждение к тому, чтобы распространиться шире. Филосо-

фия побуждает науки к тому, чтобы они приобрели недостающее им понятие точно так же, как она побуждается ими к устранению недостатка своей полноты.

♦ Северный полюс в магните не может быть без южного, и южный не может быть без северного. Если разрежем магнит на две половины, то у нас не окажется в одном куске северный полюс, а в другом южный. Точно так же и в электричестве положительное и отрицательное электричества не суть два различных, отдельно существующих флюида. **Вообще в противоположности различное имеет, в качестве противостоящего себе, не только некое иное,** *но свое иное.*

♦ Философия управляет представлениями, а они управляют миром. Дух господствует над миром при помощи сознания. Это его инструмент, а потом уже штыки, пушки и мускулы. Знамя и душа полководца — дух. Главенствуют не штыки и не золото, не интриги и хитрости. Они существуют подобно шестеренкам в часовом механизме, но его душа — дух, подчиняющий время и материю своему закону. «Илиада» не возникла случайно, ничто великое не создавалось штыками и пушками; композитор — всегда дух.

● Определение позиции

♦ Относительно философии в настоящее время, видимо, господствует предрассудок, что — хотя из того, что у каждого есть глаза и руки, не следует, что он сумеет сшить сапоги, если ему дадут кожу и инструменты, — тем не менее каждый умеет философствовать и рассуждать о философии, потому что обладает для этого меркой в виде своего природного разума, как будто он не обладает точно такой же меркой для сапога в виде своей ноги.

♦ Если в других науках предметом мышления является пространство, число и так далее, то философия должна сделать предметом мышления само мышление.

♦ Настоящая форма, в которой существует истина, может быть только ее научной системой. Я поставил себе целью поработать над тем, чтобы философия приняла форму науки, чтобы она могла покинуть имя любви к знанию и стать действительным знанием.

♦ Ибо всё, что в науках основано на разуме, зависит от философии.

♦ Философия есть нечто уединённое. Она, конечно, не дело улиц или рынков; она также далека от тех дел людей, в которые они вкладывают свои практические интересы, и от такого знания, в котором заключена их суетность.

♦ Мне было бы, вообще говоря, интересно работать над философскими произведениями, которые имеют скорее спекулятивный, метафизический характер, над произведениями по логике, метафизике, так называемой натурфилософии, естественному праву, пожалуй, также по теории нравственности и эстетике.

♦ Я школьный работник, который обязан учить философии и, может быть, еще и поэтому придерживаюсь того мнения, что философия в такой же степени, как и геометрия, должна быть закономерным построением, ко-

торому можно обучать так же, как геометрии. Но всё же одно дело знание математики и философии, другое — математически изобретательный творческий талант, каким является философское дарование. Моя сфера деятельности — найти эту научную форму или попытаться ее разработать.

♦ Всякая философия есть постижение абсолютного.

♦ У нас, философов, общий враг, а именно *метафизика.*

♦ Мой взгляд состоит в том (причем это для меня один из важнейших пунктов), что религия, конечно, могла обманывать индивидов, но не народы и не поколения, и что философия до тех пор не завершена, по крайней мере в изложении своём, пока ей не удастся осуществить примирение и гармонию веры и знания.

♦ Я отнюдь не забываю о заслугах кантовской философии — на ней я сам воспитан — для прогресса и даже в особенности для революции в философском образе мысли.

♦ Я взял на себя труд способствовать возвышению философии до уровня науки.

♦ Другие науки, сколько бы они ни пытались рассуждать, не обращаясь к философии, они без нее не могут обладать ни жизнью, ни духом, ни истиной.

♦ Философия есть современная ей эпоха, постигнутая в мышлении.

♦ Когда какая-либо форма жизни стареет, философия начинает воспроизводить ее седину в серых тонах и тогда ее уже нельзя помолодить, а можно только познать; сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек.

♦ Те, кто так много говорит против философской системы, упускают из виду, разбирая **определённую** систему, то обстоятельство, что это философия. Обстоятельство решающее, подобно тому, что дуб — это дерево.

♦ Логика есть наука о чистом рассудке и чистом разуме, о присущих им определениях и законах. Соответственно этому всё логическое имеет три стороны: 1) абстрактную, или рассудочную; 2) диалектическую, или негативно-разумную; 3) спекулятивную, или позитивно-разумную. **Рассудочность** не идёт дальше понятий в их твердой определённости и различии; **диалектичность** показывает эти понятия в их переходе и в их превращении друг в друга; **спекулятивность**, или **разумность**, схватывает единство понятий в их противоположности или же позитивное — в его разложении и переходе.

♦ Понятие — это всеобщее, которое вместе с тем определено и остаётся в своём определении тем же самым целым и тем же самым всеобщим, то есть такая определённость, в которой различные определения вещи содержатся как единство.

♦ Моменты понятия суть всеобщность, особенность и единичность. Понятие есть их единство.

♦ Мы создаём понятия. Последние суть нечто **положенное** нами, но именно понятие-то и содержит вещь такой, какова она сама по себе и для себя. Понятие отчасти **субъективно**, отчасти **объективно**. Идея представляет собой соединение субъективного и объективного. Если мы говорим: это всего лишь понятие, значит, мы не находим в нем реальности. Голая

объективность, напротив, есть нечто лишённое понятия. Идея же показывает, как реальность определена понятием. Всё действительное есть некоторая идея.

♦ При всём бесконечном многообразии изменений, совершающихся в природе, в них обнаруживается лишь круговращение, которое вечно повторяется; в природе ничего не ново под Луной, и в этом отношении многообразная игра ее форм вызывает скуку. Лишь в изменениях, совершающихся в духовной сфере, появляется новое.

♦ Правильно, однако, что категории не содержатся в непосредственном ощущении. Рассмотрим, например, кусок сахара; он — твердый, белый, сладкий и т. д. Мы говорим, что все эти свойства объединены в **одном** предмете, но это **единство** не является предметом ощущения.

♦ Идея есть нечто объективно истинное или адекватное понятие. Идеей является та действительность, которая соответствует не какому-то вне ее находящемуся представлению или понятию, а своему собственному понятию. Эта действительность поэтому такова, какой она должна быть в себе и для себя, и сама содержит внутри себя это своё понятие.

♦ Идея в высшем ее значении, Бог, есть истинно истинное.

♦ Отчаяние, приведшее к утверждению, что наше познание лишь субъективное познание и что никакое другое познание нам не доступно, есть болезнь нашего времени.

♦ Доказано, что многие изречения, взятые Иисусом Христом из Ветхого Завета, приведены им неправильно. Так что то, что он говорил, вытекающе не основано на непосредственном понимании слов...

♦ Бог в себе и для себя есть жизненный процесс, триединство, в котором всеобщее противопоставляет себя самому себе и в этом противопоставлении тождественно с собой. В этом элементе вечности Бог есть совпадение с самим собой, смыкание с самим собой. Только вера постигает и сознаёт то, что в Христе эта в себе и для себя сущая истина созерцается в своём процессе и что только через него эта истина впервые открылась.

♦ Церковь объявила личность Иисуса Христа Сыном Божьим. Но мы... полностью оставляем в стороне эмпирический образ, церковное определение, соборы и т. д. Вопрос в том, что такое содержание в себе и для себя. Истинное содержание христианской веры должно быть засвидетельствовано философией, а не историей. Совершаемое духом — это не история; ему важно только то, что есть в себе и для себя, не прошлое, а только настоящее.

♦ Абстракциями или формальными мыслями философия вообще нимало не занимается; она занимается лишь конкретными мыслями, т. е. той самой конкретикой, где имеет место единство многообра́зного.

♦ Истина не есть отчеканенная монета, которая может быть дана в готовом виде и в таком же виде спрятана в карман.

♦ Истинное и ложное вовсе не есть две крайности, которые исключают друг друга. Напротив, ложное есть неравенство знания с его субстанцией. Это неравенство составляет существенный момент, есть и м п у л ь с, заставляющий снять неравенство и достигнуть истинного знания. Данное равенство, возникшее в связи с неравенством, и есть истина.

♦ Субъективное лишь тогда может быть всецело собой, когда оно объективируется.

/■■ Это как в часах: последние только потому и имеют смысл как необходимый и полезный прибор, что их маятник непрекращающе колеблется; он постоянно уходит, чтоб, выйдя из себя, прийти к себе. ■/

♦ **Обоснование натурфилософии:**

Естествознание как форма теоретического отношения к природе стремится познать природу так, как она существует в действительности, однако при этом превращает природу в нечто совершенно иное. Мысля предметы, оно наделяет их всеобщностью, веши же в действительности единичны. Тем самым первоначальное намерение постичь внешний мир оказывается невыполнимым с самого начала. Способом выхода из затруднения может быть только «философия природы».

♦ В философии нет места для представлений. Повсюду образ. За него цепляются люди. Tabula rasa — это выражение было употреблено Аристотелем случайно, но в силу возникшей потребности. В такой мере каждый знает Аристотеля: Tabula rasa не выражает существенное содержание его понятия о душе.

♦ Тот, кто не обладает мужеством рискнуть жизнью для достижения своей свободы, тот заслуживает быть рабом.

♦ Только посредством борьбы может быть завоёвана свобода.

♦ Себялюбие — это свобода, которая остаётся еще внутри рабства. Дисциплина же учит повелевать, и потому она есть начало всякой мудрости.

● Новизна суждений

♦ Начало и основание всякой философии в том, чтобы прежде *реального* познания, то есть прежде *конкретного* познания всякого предмета, исследовать природу самого́ познания.

♦ Конечно, философия имеет дело с единством. Но это единство не должно опустошать Бога. Мы не должны отождествлять Бога и мир на манер плоского представления пантеизма (де, Бог это совокупность всех вещей, а вся совокупность вещей это Бог). Ее единство — не абстрактное, не простое тождество; не пустой абсолют **«всё** — и всё (мол, а что еще?)». Ее единство — это *конкретное* единство.

/■■ Бог как абстракция не есть истинный Бог, а истинным Богом он является лишь как живой процесс полагания своего другого — мира; этот мир, постигаемый в божественной форме, есть Сын Божий, и лишь в единстве со своим иным, лишь в духе Бог есть субъект. ■/

♦ Чтобы мертвые кости логики оживотворились, ее методом должен стать тот, который единственно только и способен сделать ее чистой наукой. Этот метод — диалектика.

♦ Диалектика есть столь же вид и способ познания, *субъективно* знающего себя понятия, сколь и *объективный* вид и способ (или, вернее, *субстанциальность*) *вещей*.

♦ **Суть диалектики:**

Это такая точка зрения, согласно которой всеобщее первое, *рассматриваемое само по себе*, оказывается иным по отношению к самому себе.

Взятое совершенно обще, это определение может быть понято так, что тем самым первоначально *непосредственное* дано здесь как *опосредствованное, соотнесённое* с чем-то иным, или что всеобщее дано как особенное. *Второе*, возникшее в силу этого, есть тем самым *отрицательное* первого и, поскольку мы заранее примем в соображение дальнейшее развитие, *первое отрицательное.* С этой отрицательной стороны непосредственное *исчезло* в ином, но это иное есть по существу своему не *пустое отрицательное*, не *ничто*, признаваемое обычным результатом диалектики, а *иное первого, отрицательное непосредственного*; оно, следовательно, определено как *опосредствованное*, — вообще *содержит* внутри себя *определение первого.* Тем самым первое по существу своему также *удержано* и *сохранено* в ином. — Удержать положительное в *его* отрицательном, содержание предпосылки — в ее результате, это — самое важное в основанном на разуме познании; в то же время достаточно лишь простейшего размышления, чтобы убедиться в абсолютной истинности и необходимости этого требования, а что касается *примеров* для доказательства этого, то вся логика состоит из них.

♦ Абстракция возводит конкретное во всеобщность, всеобщее же она понимает лишь как определенную всеобщность, т. е. а б с т р а к т н о.

♦ Спекулятивное (т. е. разумное) познание есть именно то, что содержит в себе снятыми те противоположности, дальше которых рассудок не идет... и именно этим обнаруживает себя как конкретное и целостность.

♦ Каждое определение, каждое конкретное, каждое понятие есть по существу единство различных и могущих быть различёнными моментов, которые через *определенное существенное различие* переходят в *противоречащие.*

♦ Конечное познание потому конечно, что оно пребывает в конечных понятиях, а конечное, в том числе и конечное познание, сопрягается *только* с самим собою, останавливается на самом себе, потому что конечное — это только *своё* бытие, не бытие чего-либо иного, и менее всего бытие *своего* иного.

♦ Причина является п р и ч и н о й только в действии и только *в течение своего действия.* Причину и действие вообще невозможно отделить друг от друга; и у нее и у него смысл и бытие есть лишь постольку, поскольку они сопряжены друг с другом, и, однако, они не могут не быть совершенно различны. Но причина неотделима от действия и опосредована в действии, лишь в действии и через посредство действия причина — это причина.

♦ Взаимодействие состоит в том, что то, что есть действие, с противоположной стороны есть причина, а то, что причина, с противоположной стороны есть также и действие. Иными словами, взаимодействие есть... опосредование вещью самой себя.

♦ Всё дело в том, чтобы понять и выразить единое не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект.*

♦ Всё носит в себе своё собственное отрицание.

♦ Все вещи противоречивы в самих себе.

♦ Переход *идеальности в реальность* с очевидностью встречается нам в известных метанических явлениях, в том именно факте, что идеальность может занять место реальности и обратно, и это уже вина лишь безмыс-

лия представления и рассудка, если для них из возможности замещения идеальности реальностью и обратно не вытекает их тождество. Так, например, в рычаге *расстояние* может заменить *массу* и наоборот. Сам по себе кирпич не убивает человека, а производит это действие лишь благодаря достигнутой им (в падении или броске́) скорости, т. е. убивают человека *пространство* и *время*.

♦ На ступени чувственного сознания человек как бы выносит из себя, из своего сознания предмет во внешность, овне́шнивает его и тем самым отчуждает его от себя. Чувственное сознание само по себе не знает еще, что предмет в себе тождествен духу и лишь через саморазделение духа приобретает вид как будто полной независимости, из-за чего в сознании возникает то *противоречие*, что предмет, с одной стороны, находится *внутри меня*, а с другой стороны, имеет столь же самостоятельное существование и *вне меня*, как *темнота* вне света.

♦ Поступательное движение мира происходит только благодаря деятельности огромных масс и становится заметным только при весьма значительной сумме сделанного.

♦ Я, разумеется, не могу полагать, что метод, которому я следовал в этой системе логики, или, вернее, которому следовала в самой себе эта система, не допускает еще значительного усовершенствования, многочисленных улучшений в частностях, но в то же время я знаю, что он единственно истинный.

♦ Относительно диалектики господствовало, можно сказать, полное непонимание.

♦ Кант отвёл диалектике более высокое место. Диалектические рассуждения Канта в разделе об антиномиях чистого разума не заслуживают, правда, большой похвалы.

♦ В этом диалектическом, как мы его берём здесь, и, следовательно, в постижении противоположностей в их единстве, или, иначе говоря, в постижении положительного в отрицательном, состоит **спекулятивное**.

♦ Кантовская философия составляет основу и исходный пункт новейшей немецкой философии, и эту ее заслугу не могут умалить имеющиеся в ней недостатки.

♦ ***Логика*** **есть чистая наука**, то есть чистое знание во всём объеме своего развития. Но эта идея определилась в указанном результате как достоверность, ставшая истиной, достоверность, которая, с одной стороны, уже больше не противостоит предмету, а вобрала его внутрь себя, знает его в качестве самой себя и которая, с другой стороны, отказалась от знания о себе как о чём-то таком, что противостоит предметному и что есть лишь его уничтожение, отчуждена от этой субъективности и есть единство со своим отчуждением.

♦ Так, в еще большей мере, абсолютный дух, оказывающийся конкретной и последней высшей истиной всякого бытия, познаётся как свободно отчуждающий себя в *конце* развития и отпускающий себя, чтобы принять образ *непосредственного* бытия, познаётся как решающийся сотворить мир, в котором содержится всё то, что заключалось в развитии, предшествовавшем этому результату, и что благодаря этому обратному положению превращается вместе со своим началом в нечто зависящее

от результата как от принципа. Главное для науки не столько то, что началом служит нечто исключительно непосредственное, а то, что вся наука в целом есть в самом себе круговорот, в котором первое становится также и последним, а последнее — также и первым.

♦ Поскольку положение «**бытие и ничто — одно и то же**» высказывает тождество этих определений, но на самом деле также содержит эти два определения как различные, постольку оно противоречиво в самом себе и разлагает себя. Если выразиться более точно, то здесь дано положение, которое, как обнаруживается при более тщательном рассмотрении, устремлено к тому, чтобы заставить само себя исчезнуть. Но тем самым в нем самом совершается то, что должно составить его настоящее содержание, а именно **становление**.

♦ **Предполагают**, что бытие есть скорее всецело иное, чем ничто, и ничего нет яснее того, что они абсолютно различны, и, кажется, ничего нет легче, чем указать их различие. Но столь же легко убедиться в том, что это невозможно, что это различие невыразимо. Пусть те, **кто настаивает на различии между бытием и ничто**, возьмут на себя труд указать, **в чем оно состоит**.

♦ Бытие и ничто суть на самом деле одно и то же или нет ничего такого, что не было бы **промежуточным состоянием между бытием и ничто**. К примеру, математика обязана своими самыми блестящими успехами тому, что она приняла это определение, которое не признаёт рассудок.

♦ Диалектикой же мы называем высшее разумное движение, в котором такие, кажущиеся безусловно раздельными, моменты переходят друг в друга благодаря самим себе, благодаря тому, что они суть, и предположение об их раздельности снимается. Диалектическая имманентная природа самого **бытия** и **ничто** в том и состоит, что они свое единство — становление — обнаруживают как свою истину.

♦ Они не снимают друг друга, одно внешне не снимает другое, каждое из них снимает себя в себе самом *(an sich selbst)* и есть в самом себе самому себе *(an ihm selbst)* своя противоположность.

● Логика аналитики

♦ Бог открывается нам двояким образом: как природа и как дух. Оба этих лика суть его храмы, которые он наполняет и в которых он присутствует.

♦ Задачей философии является познать, каким образом дух только через то существует *для самого себя*, что он *материальное* противопоставляет себе — частью, как свою *собственную* телесность, частью, как внешний мир вообще, — и эти таким образом различённые стороны снова приводит к единству с самим собой, опосредованному этой противоположностью и ее снятием.

♦ **Диалектика...** Нечто занимает своё место, оно изменяет последнее, делая его собой д р у г и м. Но это нечто, как до, так и после этого, занимает *своё* место и из него не выходит. Эту диалектику, которую место имеет в самом себе (т. е. быть тем, что всегда указывает на другое место и таким образом само себя упраздняет, становится другим местом; и это различие как различие есть в то же время и снятое (aufheben) различие) выразил Зенон Элейский, доказывая отсутствие движения: двигаться означало бы

менять своё место, но стрела не оставляет своего места. Эта диалектика и есть как раз бесконечное понятие, которое означает «здесь», так как время положено в нём самом. Сущностью движения является то, что оно есть непосредственное единство пространства и времени, оно есть существующее благодаря пространству реальное время, или, иначе говоря, только благодаря времени подлинно различённое пространство.

♦ Беда всяких вводных и предварительных рассуждений, в которых всё же есть потребность, состоит, помимо многого и разного прочего, еще и в том, что подлинная разработка предмета делает их совершенно излишними.

♦ Вальтер Скотт в «Жизни Наполеона» говорит о причинах и цели французской революции: «В наказание за грехи Франции и Европы и чтобы дать роду человеческому великий урок, небо передало власть в руки таких людей, которые были лишь орудиями его мести и его тайных планов». Как? Если грехи Франции и Европы были так велики, что *справедливый Бог* наложил ужаснейшее наказание на целую часть света, то революция была *необходимостью*, не новым преступлением, а лишь справедливой карой за старые преступления; высокопарные фразы, которые вряд ли можно было бы простить даже капуцину, пытающемуся скрыть своё невежество. Кажется, что ему так же неизвестны основные моменты, характеризующие сущность революции, благодаря которым она приобретает почти неизмеримую власть над настроениями. «Остроумнейший народ Европы, — говорится в т. 1, с. 47, — дал себя совратить при помощи грубейших обманов в самые гибельные принципы». Плоский ум.

♦ Продвигаясь со ступеньки на ступеньку по пути самоосвобождения, дух возвышается до *знания абсолютного духа* как вечно действительной истины, в которой знающий разум является свободным для себя, а необходимость, природа и история только служат к его раскрытию и представляют собой только сосуды его чести.

♦ Форма диалектического метода *троичность*. То есть это умозаключение, в котором первые два определения, будучи разными, могут находиться в единстве только как *снятые*.

♦ Средство *в себе* тождественно цели. Результат есть не только внешнее отношение цели, но и истина этого отношения.

♦ Члены и органы живого тела должны рассматриваться не только как его части, так как они представляют собою то, что они представляют собою, лишь в их единстве и отнюдь не относятся безразлично к последнему. Простыми частями становятся эти члены и органы лишь под рукой анатома, но он тогда имеет дело уже не с живыми телами, а с трупами.

♦ «Средство» вовсе не второстепенно по отношению к «цели»: если средство понимать как «орудие», а «цель» как достижение чего-то с его помощью, то величественность средства очевидна — достижения желания преходящи, а орудие продолжает свои применения.

♦ Индивид так *усваивает* себе объект, что лишает его своеобразного характера, делает его своим средством и дает ему в субстанцию свою субъективность.

♦ *Ложное* образует некоторый момент или даже некоторую составную часть истинного.

♦ Человек *как таковой*, как духовное существо, имеет право на свободу. Но люди в то же время суть *природные, телесные* субъекты, существующие «в виде вещи»...

♦ Господин, противостоящий рабу, не был еще истинно свободным, ибо он еще не видел в другом с полной ясностью самого себя. Только через освобождение раба становится, следовательно, совершенно свободным также и господин.

♦ Раз субстанцией мира является круговозвратный процесс

| идея → разум → мысль → познание → понятие |,

то ясно же, что разговоры о пределах разума еще более нелепы, чем разговоры о деревянном железе.

♦ «Единственное право» и «естественное состояние» есть состояние насильственности и нарушения права, состояние произвола, о котором нельзя сказать чего-либо более истинного, как только то, что *из него необходимо выйти* и именно... ради свободы человека.

♦ Государство есть мир, созданный для себя духом.

♦ Для лакея нет героя; но не потому, что последний не герой, а потому, что тот — лакей, с которым герой имеет дело не как герой, а как человек, который ест, пьёт, одевается, т. е. вообще имеет с ним дело со стороны единичности потребностей и представлений.

• О природе

♦ Идея, сущая для себя, рассматриваемая со стороны своего единства с собой, есть созерцание, и **созерцающая идея есть природа**. Но как созерцание идея положена внешней рефлексией в одностороннем определении непосредственности или отрицания. Но абсолютная свобода идеи состоит в том, что она не только переходит в жизнь, и также не только в том, что она как конечное познание позволяет жизни отражаться в ней, а в том, что она в своей абсолютной истине решается свободно произвести из себя момент своей особенности или первого определения и инобытия, непосредственную идею как свое отражение (*Wiederschein*), решается из самоё себя свободно отпустить себя в качестве природы.

Прибавление. Мы теперь возвратились к понятию идеи, с которой мы начали. И вместе с тем это возвращение назад есть движение вперед. Мы начали с бытия, с абстрактного бытия. На том этапе нашего пути, на который мы теперь вступили, мы имеем идею как бытие. Но эта идея, обладающая бытием, есть природа.

Предшествующее размышление привело нас к заключению, что природа есть идея в форме инобытия. Так как идея, таким образом, существует как отрицание самой себя или, иначе говоря, как внешняя себе, то природа не только есть внешнее по отношению к этой идее и к ее субъективному существованию, к духу, а характер внешности составляет определение, в котором она существует как природа.

Природа есть отчужденный от себя дух, который в ней лишь резвится; он в ней вакхический бог, не обуздывающий и не постигающий самого себя, в природе единство понятия прячется.

Мыслительное рассмотрение природы должно постичь, **каким образом природа есть в самой себе процесс становления духом, снятия своего инобытия**, оно должно постичь, **как** в каждой ступени самой же природы наличествует дух; отчуждённая от идеи природа есть лишь труп, которым занимается рассудок.

∇ ◐ Поскольку понятие «трупа» приложимо только к телесному, небезынтересно было бы вернуться к Платону и вспомнить вот что: в диалоге «Кратил» слово «тело» по-гречески — σῶμα (сома) производится, со ссылкой на орфиков, от слова «гробница», по-гречески — σῆμα (сэма). ◑

♦ Мы должны рассматривать природу как ***систему ступеней,*** каждая из которых необходимо вытекает из другой и является ближайшей истиной той, из которой она проистекала, причем, однако, здесь нет ***естественного***, физического процесса порождения, а есть лишь порождение в лоне внутренней идеи, составляющей основу природы. ***Метаморфозе*** подвергается лишь понятие как таковое, так как лишь его изменения представляют собой развитие. Понятие же представляет собой в природе отчасти лишь некое внутреннее, отчасти же существует лишь в качестве живого индивидуума. ***Существующую*** метаморфозу мы находим поэтому лишь в области живых существ.

∇ ◐ Гегель этим рассуждением вводит довольно необычный подход, а именно: **«метаморфоз определений»**. Например, рубль, определяемый 100 копейками, можно и тасовать, и класть, и перекладывать. Но рубль остаётся при этом ***тем же*** рублем — одноцелостной единичностью. Изменяется же способ его превращений, или форм его иновыражения, а не номинал, т. е. не **РУБЛЬ.** Но ведь формы реализаций (бытийных разнообразий основного) — это ***определения***, а не **бытие**: ибо как ни «разменивай» или ни разнообразь формы дробления, **РУБЛЬ**, даже будучи подразумеваемым, всегда будет в приоритете, ибо он — начало и цель бытийной определенности не своих форм, а самого себя в обилии своих отображений. В конце концов сколько бы ни было изображений в зеркале, но наличием «данности» и «естества» обладает только то, что вызывает эти зеркальные повторы. Или еще пример — узоры калейдоскопа. Здесь бытие стекол **постоянно**, а узоры бесконечны. В калейдоскопе ведь **метаморфоз** «узоров», а не стекол. ◑

● О мышлении

♦ Мышление есть *разум.*

♦ Мыслить — это значит... постигать и выражать <u>многообразие в единстве</u>.

♦ Непосредственное постижение многообразного мы называем чувствованием или ощущением.

/ ■■ *Чувственное сознание* по содержанию является самым богатым, но по мыслям оно самое бедное. ■ /

♦ Вопрос об *общении души и тела* есть *непостижимая тайна.*

♦ Чувство, становясь в пространственном и временно́м отношении определённым, становится созерцанием.

♦ И чувственное и рассудочное понимание исчезают при рассмотрении магнетизма, ибо для рассудка действует схема «или — или»: т. е. коль, к примеру, вещи тождественны, то они уже никак не могут быть различны. Рассудок легче всего понимает абстрактное, одностороннее, мёртвое, т. к. оно — наиболее простое.

♦ Взаимоотношение между мной и предметом — сознание.

/ ■■■◐ Das Bewußtsein ist das bewußte Sein (*нем.*: «Сознание — это сóзнанное бытие»)

Весьма интересно это определение, т. к. в нём левая часть целиком выражена через правую: во-первых, общность Sein, а во-вторых — bewußt. Это последнее тоже прелюбопытно, ибо представляет собой прокатку немецкого глагола wissen (знать) по временны́м формам: *wissen — wußte — bewußt.* В итоге — тавтология; но вроде бы как с самораскрытием сути. Самое трудное философское слово — «сознание» — преподнесено более чем легко. **Но**... если хочешь во что-то наверняка, да ещё и результативно попасть, то, наверное, будешь бросать камень или железяку *потяжелее*, а не пушинку... ◑■ /

♦ Сознание имеет три ступени: 1) сознание вообще, 2) самосознание, 3) разум.

♦ Самосознание имеет своим предметом сознание.

♦ Разум — это высшее соединение сознания и самосознания, т. е. знания о предмете и знания о себе.

♦ *Разум* есть синтез, снимающий в себе односторонность как сознания, так и самосознания.

♦ Разумность — это мыслить тождество в сохраняющемся различии. Борьба разума состоит в том, чтобы преодолеть то, что фиксировано рассудком.

♦ Благодаря занятиям логикой научаются также более правильно мыслить, ибо если мы мыслим мышление о мышлении, дух достигает тем самым своей силы.

♦ Человек обладает *духом* — даром мысли и понятия.

♦ Истина души и сознания — *дух.* В нём обе его стороны взяты тотально, а не абстрактно, раздельно.

Свободный дух, или дух *как таковой*, есть разум.

∇ ◐ Последняя дефиниция столь загадочна, что кого хочешь вгонит в ступор. Становится ясно, что чёткости в понимании мышления, его фаз и сути, у Гегеля нет. Правда, остаётся вопросом: *уже* нет или *ещё*?

Я полагаю, что уже́. И это весьма симптоматично для философа, который в своей системе начал ниспровержение чуть ли не всех устоев прежнего ви́дения мира. Правоты в этом было не больше, чем считать падающий древесный ли́стик бабочкой (ведь можно взглянуть, как говорится, и так, и сяк).

Гегелю же показалось, что он обновил фундамент. Если бы! К сожалению, постройка сначала достраивается и перестраивается, прежде чем возникает необходимость коренного подхода, т. е. сноса и замены основания.

Нарушив соразмерность уже сложившихся пропорций в философии, пренебрежительно отнесясь к труду предшественников, перевозгордившись собой, Гегель задел жизненно важные соки *философического* в

себе, и как результат — растерял идентификацию. Из-за чего даже стандартное — обычное, привычное, традиционное, банальное — стало у него вычурным, покалеченным, извращённым.

То, за что так долго боролась философия и чего она уважительно и лелейно держалась, разъялось, выпало, исчезло. «Суть» деформировалась в «суд», этот потянул за собой «категоричность», а она, как известно, родная сестра «ошибочности».

Конечно, Гегель мощный ум. Тем более грустно, что молот его возможностей со всей силой ударил... даже не впустую, скажем, по наковальне, а по... собственному пальцу.

Философствование — сродни ходьбе по канату. Держать равновесие, вот что главное! И если забудешь, что ты всего лишь продолжатель того дела, что начато отнюдь не тобой, да ещё перестанешь помнить, что новационность есть не ниспровержение чужого, а воздвигание своего, т. е. не критика и разрушение, а исключительно поиск и созидание, то тогда покоробленный неучтивостью к нему баланс идёт вразнос и бросает слишком самоуверенного смельчака оземь.

В философии пример Гегеля особенный. Он знаменит преимущественно несогласием с ним. Плохо ли это? А что, хорошо чем-то лучше?! ◑

4. МЫСЛИ

- Есть какое-то великое упрямство, упрямство, которое делает честь человеку, в решении не признавать никакого нравственного убеждения, пока оно не получит оправдания посредством мысли.
- Разум без рассудка — это ничто, а рассудок и без разума — нечто.
- Люди, обладающие глубоким умом и блестящим воображением, часто оказываются плохими игроками — и не просто потому, что игра их не интересует, а потому, что их способность суждения не столь натренирована в применении правил в повседневной жизни.
- Страх впасть в заблуждение из-за своей активности — удобство и спутник заблуждения, проистекающего от абсолютной активности.
- В наше время мы должны неустанно напоминать, что человек отличается от животного именно тем, что он мыслит.
- Суть дела исчерпывается не своей ***целью***, а своим ***осуществлением***, и не ***результат*** есть ***действительное*** целое, а результат вместе со своим становлением; цель сама по себе есть безжизненное всеобщее, подобно тому как тенденция есть простое влечение, которое не претворилось еще в действительность; а голый результат есть труп, оставивший позади себя тенденцию.
- Изучить — значит понять правильность того, что думали другие. Но нельзя познать вещи, если изначально исходить из их ложности.
- Дураки на ошибках учатся, а люди неглупые вопреки всем своим ошибкам не умнеют.
- Вера — это тоже знание, только в своеобразной форме.
- Просвещение рассудка делает человека умнее, но не делает его лучше. Хотя добродетель и выводят из мудрости, хотя и подсчитывают, что без добродетели человек не сможет стать счастливым, всё же такой расчет

слишком изворотлив и слишком холоден, чтобы быть действенным в момент совершения поступка, чтобы вообще иметь влияние на жизнь.

- Действие является самым ясным и выразительным раскрытием человека. Что человек делает, таков он и есть.
- Людям вообще трудно возвыситься до такого состояния, при котором необходимость познания и мышления становится привычкой. Между событиями и свободным их восприятием они ведь ставят множество понятий и целей, требуя, чтобы всё происходящее было соразмерно им. И если, что вполне естественно, обычно всё происходит по-иному, они чванятся своими понятиями, будто именно в них заключена необходимость, а всё происходящее — лишь результат случайности.
- Кто мыслит абстрактно? — Необразованный человек, а вовсе не просвещённый. «Мыслить абстрактно» — это видеть в убийце только одно абстрактное — что он убийца, называнием такого качества уничтожать в нем всё остальное, что составляет человеческое существо.
- Счастлив тот, кто устроил своё существование так, что оно соответствует особенностям его характера.
- Подлинное сострадание есть сопереживание нравственной оправданности страдающего.
- Из всех обязанностей по отношению к другим первейшей является правдивость в словах и делах.
- Кто разумно смотрит на мир, на того и мир смотрит разумно.
- Человек есть столь многосторонняя вещь, что из него можно делать всё; у столь разнообразно переплетённой ткани его чувств так много разных концов, что можно цепляться за разные — не за один, так за другой.
- Свобода, которая не имела бы внутри себя никакой необходимости, и одна лишь необходимость без свободы суть абстрактные и, следовательно, неистинные определения. Свобода существенно конкретна, вечным образом определена внутри себя и, следовательно, вместе с тем необходима.
- Лучшее облегчение боли в том, чтобы ее выкричать, высказать ее целиком. Выражение делает боль объективной и восстанавливает равновесие между тем, что только и существует субъективно, и объективным, в боли не существующим. Только в выражении она осознаётся, а то, что осознаётся, потом уходит.
- Разумным образом можно ставить своим интересом лишь то, чего можешь добиться своей собственной деятельностью. Далее, если человек, испытывая превратности судьбы, *теряет терпение*, значит, свои собственные интересы считает самым важным делом, чем-то таким, к чему, по его мнению, должны приноравливаться и люди, и обстоятельства.
- Поскольку учение Христа было революционным, он был обвинён и казнён; истину своего учения он скрепил своей смертью. Эту историю в общем принимают также и неверующие; она вполне сходна с историей Сократа, только происходит на иной почве. Сократ тоже привёл внутреннее к осознанию, ибо его даймон является не чем иным, как внутренним миром. Он тоже учил, что человек не должен руководствоваться обычным авторитетом, но должен сам вырабатывать свои

убеждения и поступать в соответствии с ними. Это сходные индивидуальности и сходные судьбы. Внутреннее Сократа шло вразрез с религиозной верой его народа, так же как и вразрез с государственным устройством греков, и поэтому Сократ был казнён — он тоже умер за истину. Христос жил среди другого народа, и поэтому его учение носит другую окраску; но Царство небесное и чистота сердца здесь бесконечно глубже, чем внутреннее Сократа.

- Нравственность — это разум воли.
- Применительно к нравственности единственно истинны только следующие слова мудрецов древности: быть нравственным означает жить согласно нравам своей страны.
- Совесть в отличие от законов бесправна в государстве; ведь если человек взывает к своей совести, то у одного может быть одна совесть, а у другого — другая. Чтобы совесть была правой, необходимо, чтобы то, что она признаёт правым, было таковым объективно.
- Нравственность должна выступать в форме красоты.
- Благоразумие состоит в том, чтобы не разрушать расположения других и сохранять его ради его самого.
- Правда бывает сказана к месту и ко времени, когда она служит осуществлению дела.
- Речь — удивительно сильное средство, но нужно иметь много ума, чтобы пользоваться им.
- По отношению к своим друзьям необходимо быть как можно менее тягостным. Деликатнее всего — не требовать от своих друзей никаких услуг.
- Истинную вежливость необходимо рассматривать именно как долг, ибо мы вообще должны питать благосклонность к другим.
- Свободный человек не бывает завистливым, а охотно признаёт великое и возвышенное и радуется, что оно есть.
- Применительно к воспитанию единственно правилен ответ пифагорейца на вопрос некоего человека — какое воспитание было бы наилучшим для его сына? Ответ этот гласит: «Если ты сделаешь его гражданином народа, имеющего наилучшую организацию».

  / Пифагореец Ксенофил на вопрос, как лучше всего воспитать сына, ответил: «Родить его в благозаконном государстве». /
- Не то, что есть, вызывает в нас чувство нетерпения и страдания, а то, что оно не таково, каким оно должно быть.
- Идеалом является всякая действительность в своей наивысшей истине.
- Обязанности человека делятся на четыре рода:
  1) на обязанности перед самим собой;
  2) перед семьей;
  3) перед государством;
  4) перед другими людьми.
- Одним из основных определений принципа чести является то, что никто не должен своими поступками давать кому бы то ни было преимущества над собой.
- Человек не станет господином природы, пока он не стал господином самого себя.

- Человек бессмертен благодаря познанию. Познание, мышление — это корень его жизни, его бессмертия.
- Для того, кто сам не свободен, не свободны и другие.
- Человек вынужден бороться с необходимостью, установленной природой. Его нравственный долг — завоевать самостоятельность посредством своей деятельности и рассудка.
- Только через осуществление великих целей человек обнаруживает в себе великий характер, делающий его маяком для других.
- Насколько необходимо, чтобы *силой* воли обладал тот, кто упорен в достижении разумной цели, настолько же отвратительно упрямство.
- Неблагородно не говорить правды, когда уместно ее сказать, ибо это унижает и самого себя, и других. Однако следует также не говорить правду, если к этому не имеют призвания или права.
- Судьба народа, стремительно приближающегося к политическому упадку, может быть предотвращена только гением.
- Если вопрос: что есть истина?, заданный логике и получивший ее ответ, составляет для Канта «смешную картину того, как один доит козла, а другой подставляет решето», то вопрос: что есть право и обязанность?, заданный практическому разуму и получивший его ответ, разделяет судьбу первого.
- Смотреть следует глазами духа, ибо телесными глазами это невозможно — *ведать* истину.
- Я знаю много прекрасных наук, но науки прекраснее философии не знаю.
- Мир, находящийся вне человека, имеет свои нити в нём так, что то, что человек действительно есть *для себя*, состоит *из них*.
- Силу и мужество духа не стоит преуменьшать. Ведь скрытая сущность Вселенной вовсе не обладает силой, чтобы противостоять мужеству познания; Вселенная предназначена открыться ему, позволить его взорам проникнуть в её богатство и глубины, разрешить наслаждаться им.
- Это, конечно же, неверно, что религия должна удовлетвориться верой, чувством и интуицией и не стремиться к разумному познанию.
- Метаморфоз... к примеру, насекомого... личинка, куколка и бабочка представляют собой один и тот же индивидуум.
- Составляющие государственного правления — следующие виды власти: исполнительная, законодательная, судебная, духовная, административная.
- Религия и совесть — внутренние глубины человеческого духа.
- Отказываться от познания истины — это испокон веку считалось недостойным!
- Царство истины и есть обитель философии, которую она создала и к которой мы становимся причастны, занимаясь философией. Мужественное принятие истины, вера в силу духа — первое условие занятий философией. Человек должен уважать самого себя и считать себя достойным наивысшего.

XVIII – XIX *вв.*

Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг

• Немецкий философ

Родился: 27.01.1775 г.
Умер: 20.08.1854 г.

Прожил — 79 лет

> **«Философия является наукой, т. е. имеет определённое содержание и определённую форму».**
> *(Шеллинг)*

■ **«Дух навсегда останется островом, на который из области материи нельзя попасть без прыжка».**
(Шеллинг)

■ **«Я не учу философии, я только побуждаю философствовать».**
(Шеллинг)

1. ЖИЗНЬ

• Родился в вюртембергском городке Леонберге, в семье учителя богословия.

• Отец его имел магистéрскую степень, был знатоком древних языков и состоял дьяконом в местной церкви.

• Имя Фридрих (по-домашнему, Фриц) он получил в честь отца, имя Вильгельм — в честь крестной матери, Вильгельмины, имя Йозеф — в честь деда.

• Фриц был старшим ребенком в семье (но не был первенцем, перед ним родился мальчик, который вскоре умер). Кроме него была Беата — младшая сестра, и было три брата — Готлиб, Август, Карл.

• Шеллинг имел рано созревший ум.

• В 15 лет (на 3 года раньше, чем это полагается по закону) он поступил в Тюбингенский теологический институт.

• В период учебы участвовал в студенческом кружке, сочувствовавшем идеалам французской революции (1789—1794 гг.).

• В тюбингенский период Фридрих Шеллинг подружился с будущим философом Георгом Гегелем, с которым ему довелось жить вместе в одной комнате:

/ Это совместное проживание оказалось для Шеллинга чреватым бедой. Генрих Гейне, учившийся у Гегеля и хорошо знавший Шеллинга, рассказывал: «Как сапожник говорит о другом сапожнике, обвиняя его в том, что тот украл у него кожу и сшил из нее сапоги, так, случайно встретив г-на Шеллинга, я слышал, как он говорил о

Гегеле — о Гегеле, который «взял его идеи». «Это мои идеи он взял», и снова: «мои идеи» — таков был постоянный припев этого бедного человека». /

• В 16 лет он уже прочитал «Критику чистого разума» Иммануила Канта.

• В 1794 г. на одном из дарственных экземпляров своей первой статьи 19-летний (19-летний!) Шеллинг записал формулу пантеизма *эн кай пан* («всё — единое»).

• 26 сентября 1792 г. Шеллинг защитил магистéрскую диссертацию по философии.

• Шеллинг был среднего роста, голубоглаз.

• В ноябре 1795 г. он стал домашним учителем у барона Ридезеля.

• В октябре 1798 г. Шеллинг стал профессором Йенского университета и начал здесь читать натурфилософию.

• В июне 1802 г. университет в Ландсгуте присудил ему степень доктора медицины.

• В 1812 г. на 37-м году жизни Шеллинг женился. Ему было 39 лет, когда родился сын Пауль, и 49 лет, когда родился шестой ребенок — сын Герман.

• Шеллинг — основоположник **философии тождества**:

♦ Тождество духа и природы есть цель философии

♦ **Я** есть чистое единство. **Я** содержит всё бытие, всю реальность.

♦ Высший закон бытия разума (а так как вне разума ничего нет, то всего бытия, поскольку оно заключается в разуме) есть закон тождества, который в отношении ко всему бытию выражается посредством **А = А**.

♦ Всеобщий закон конечных явлений материи — это закон полярности, или двойственности, и тождественности; закон тождественности полярных сил.

• Он вводит в философский оборот понятие **индифференции**:

♦ То, что я называл натурфилософией и трансцендентальной философией, я всегда представлял как противоположные полюсы философствования; при этом сам я стою на точке зрения индифференции, вполне твердо и уверенно стать на которую может только тот, кто конструировал ее прежде из совершенно противоположных направлений. ♦

/ Термин «индифференция» (неразличённость, безразличие) был употреблен Шеллингом в его работе *«Изложение моей системы философии»* (1801) для обозначения «абсолютного тождества» субъекта и объекта. Вот дословная фраза оттуда: «Совершенная неразличённость (totale Indifferenz) субъективного и объективного». /

• Главным аналогизационным и уподобительным образом, поясняющим и объясняющим суть его идей, был магнит:

♦ Дух и природа суть как бы два полюса магнита, которые не существуют отдельно один от другого, но есть два противоположные направления одной и той же силы, и сущность этой последней надо искать в точке, где эти силы взаимно уничтожают одна другую; это и есть точка тождества, это безусловное.

• **Сочинения Шеллинга:**

«О мифах, исторических сказаниях и философемах древности» (1793);
«О возможности какой-либо формы философии вообще» (1794);

«О Я как принципе философии, или О безусловном в человеческом знании» (1795);
«Философские письма о догматизме и критицизме» (1795);
«Идеи к философии природы» (1797);
«О мировой душе» (1798);
«Лекции (1799 – 1800) по философии искусства»;
«Система трансцендентального идеализма» (1800):

/ Именно здесь, впервые, за 7 лет до выхода гегелевской «Феноменологии духа» открыто и четко сказано:

♦ Философия является историей самосознания, проходящего различные эпохи.

Философия вообще есть не что иное, как свободное воспроизведение, свободное повторение изначального ряда действий, в которых развертывается единый акт самосознания.

Талант философа заключается не только в том, чтобы свободно повторить этот ряд изначальных действий, но прежде всего в том, чтобы в этом свободном повторении сознавать изначальную необходимость этих действий. /;

«Дальнейшие очерки системы философии» (1802);
«Философия искусства» (1802 – 1805);
«Об отношении изобразительных искусств к природе» (1807);
«Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах» (1809);
«Философия и мифологии» (написана в середине 20-х гг. XIX в.):

/ Этот курс был издан только после смерти Шеллинга, в 1857 г. /;

«К истории новой философии» (1827; курс лекций);
«Мировые эпохи».

• Шеллинг был лично знаком с молодым М. А. Бакуниным, братьями И. В. и П. В. Киреевскими, В. Ф. Одоевским, Ф. И. Тютчевым.

• Летом 1825 г. Шеллинг встретился с П. Я. Чаадаевым, и этого единственного раза их общения оказалось достаточно, чтобы немецкий философ отзывался о своем русском коллеге неизменно в превосходной степени:

♦ Чаадаев — самая замечательная личность из всех, кого мне пришлось знать.

• С 1827 г. Шеллинг являлся президентом Баварской академии наук.

• Философская система Шеллинга состояла их трех блоков:

1) положительная философия;
2) философия мифологии;
3) философия откровения.

По каждой из перечисленных философий он читал в университетах лекции.

• Умер Шеллинг в городе Рагаце (курорт в Швейцарии). Сокровенный смысл последних своих философских размышлений Шеллинг записал в такой форме:

♦ В негативной философии, то есть в науке разума, первоначальным является сущее, а содержание сущего (Бог) — вторичным. Конец негативной философии наступает тогда, когда **Я** требует перестановки,

которая вначале представляет собой простой акт воли (по аналогии с кантовским постулатом практического разума с той только разницей, что не разум, а практическое **Я** в качестве личности выставляет требование и говорит: «Я хочу», — что выше сущего). Эта воля только начало. Воля, поднявшаяся над сущим, и наука о ней (положительная философия) оказываются новым сущим, которое теперь выступает уже как вторичное и производное.

• Через два года после смерти Шеллинга нáчало выходить (и было быстро завершено) полное собрание его сочинений в 14-ти томах. Больше половины объема составляли произведения, не опубликованные при жизни философа. Руководил изданием сын Шеллинга Фридрих (родился в 1815 году).

2. СУДЬБА

► ◐ У Шеллинга старость наступила раньше юности. ◑

► ◐ Формула, составленная им самим, может служить общим психографическим иероглифом этого так до конца и не понятого человека — ни его современниками, ни нами:

«Блажен, кто выбрал цель и путь
И видит в этом жизни суть». ◑

► ◐ Историческая философская роль Шеллинга может быть отображена в следующей смысло-уподобительной графике:

1. **Кант** построил сооружение...

Иммануил Кант:

«Вещь является, но субъект познаёт лишь явления, а не вещь в себе».

2. **Фихте** вскочил на одну сторону...

Иоганн Готлиб Фихте:

«Кто сознаёт свою самостоятельность и независимость от всего, что вне его, — а чтобы прийти к такому сознанию, надо действительно сделать себя чем-нибудь независимо ни от чего, через самого себя, — тот не нуждается уже в вещах, как в опоре для своего **Я**».

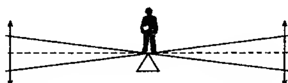
3. **Шеллинг** — на другую...

Фридрих Шеллинг:

«То, что Фихте называет природой, для нас есть ничто; не потому, что мы ее знаем, а скорее потому, что мы ясно осознаём ее как призрак его рефлексии, творение его лишь опосредованного познания. Наоборот, то, что мы называем природой, для него есть, конечно, также ничто, но не вследствие познания, а из недостатка в познании и явного невежества».

4. **Гегель** же заметил, что «сооружение» есть **КАЧЕЛИ.**

То есть Гегель сформулировал позицию, обозначившую, что мысль сделала шаг вперед: ***всё конечное чревато самоуничтожением:***

{ в жизни есть смерть
в малом содержится большое
в ярком пребывает тёмное и т. д.

Гегель возвёл «качание», диалектику его постоянства, необходимость постоянства «качания» **в принцип.** ◑

► ◐ Шеллинг удивительно своеобразен: ведь только он весьма специфически и очень по-особенному очертил Фихте, дав в кристаллизационном охвате — *спрашивается, зачем мне единство, если из-за этого теряется различие?* — единомоментное опломбирование его системы ◑:

♦ Но если Фихте мог полагать, что избежал тех трудностей, с которыми встречается философский дух при объяснении мира в условиях объективного существования вещей, благодаря тому, что он всё объяснение перенес в **Я**, то тем более он должен был признать себя обязанным *подробно* показать, каким образом вместе с одним лишь **Я** *есть* для каждого положен весь так называемый внешний мир со всеми его как необходимыми, так и случайными определениями. Он мог показать вещи, положенные вне непосредственного сознания, по крайней мере как переходный пункт, как опосредование акта самополагания. Однако кажется, что Фихте не увидел во внешнем мире никаких различий. Природа для него существует в абстрактном, обозначающем одну лишь преграду понятия **Не-Я**, совершенно пустого объекта, в котором ничего нельзя воспринять, кроме того, что он противоположен субъекту, — вся природа для него настолько растворилась в этом понятии, что дедукцию, которая простирается дальше этого понятия, он не считает необходимой.

► Шеллинг всегда и непрекращаемо считал, что Гегель украл у него основное его философское открытие — учение о тождестве противоположностей. И даже на закате своих дней (тогда ему было за 65!), когда он читал последние свои лекции в Берлине, Шеллинг не откажется от переполнявших его подозрений и в переполненной аудитории университета всем, в том числе и рьяным гегельянцам, он скажет обиженно и злорадно:

♦ Только Гегель спас для будущего времени основную мысль моей философии... и сохранил ее в чистоте. ♦

∇ ◐ Приоритет... Зачем он нам? Сколько трудов и стараний из-за него! И отчего это нас тянет метить собой историю? Но, быть может, это не ради славы, а для ответственности?! Ведь, зная кто придумал, можно и справедливо взыскать! Кто знает?..

Кто?.. ◑

/ Говорят, правда, что Гегель-де перед смертью признался, что никакой философской системы у него, Гегеля, нет и никогда не было, и сознавать это ему, Гегелю, крайне безрадостно.

◐ Что ж, есть один очень простой закон, жаль, что его нет в гегелевской «Науке логики»: *«Не могут два разных предмета занимать одно и то же место»*. И эти два человека, Гегель и Шеллинг, своей судьбой подтвердили суровую справедливость данной констатации. ◑ /

► **Георг Гегель:**

«Что можно сказать о Шеллинге... Вместо серьезного отношения, свойственного постижению, вместо спокойной обдуманности, характеризующей мысль, у него — игра со взбредшими на ум нелепыми выдумками, которые считаются глубокими созерцаниями, высокими предчувствиями. Сплошь — полнейший произвол воображения и вульгарнейших рассуждений по аналогии, причем эта смесь выдаётся за идею, разум, науку,

божественное познание, высочайшую вершину научности. А что же на деле? — на деле отсутствие всякого метода и надувательство».

► ◐ Конечно, Шеллинг был из породы «оракулов». Такими восхищаются, но понимают их, увы, не все, не всегда, не до конца. Но разве любой оракул не променял бы хоть чуточку «ещё понимания» на всё имеющееся восхищение?!!

Философская миссия Шеллинга очевидна. Но реализоваться он, судя по всему, не успел. Не смог или не захотел — бог весть. Но факты рисуют нам человека боговдохновленного, яркого, дерзновенного. ◑

Шеллинг любил рассказывать студентам историю художника, который на вопрос, что он рисует, неизменно отвечал: «Что получится». У художника всегда, что бы он ни писал — церковь или домашнюю обстановку, героическое деяние или базарную сценку, — получается одно — красота. Так и у истинной философии одно название — нравственность. Философия означает любовь к мудрости. Следовательно, не всякое знание без различия к его содержанию нужно философу, но знание, содержащее мудрость. Мудрость не припишешь тому, что направлено к безнравственному или стремится достичь благие цели, используя безнравственные средства.

► **Людвиг Фейербах** /(1804 – 1872), немецкий философ/:

«У Шеллинга объект выскользнул из пределов субъективного идеализма, будучи положен в качестве объекта *особой* науки. Природа перестала быть чем-то выведенным, положенным, но предстала как нечто первичное, самостоятельное, — пусть не сама по себе, но, во всяком случае, *для* натурфилософии».

► ◐ Думаю, что в начале 40-х гг. в Шеллинге завершился процесс философского творчества. Экзистенциальное самопочувствование этого факта (а ведь Шеллингу жить еще целых десять лет!) не прошло мимо самоѓо философа, и как «свежесть разлома» выплеснулась из него душевно чистая, но очень безрадостная констатация ◑:

♦ Время охладило мою любовь к собственным идеям, да и современники постарались мне в этом помочь. То, что случилось более чем 30 лет назад, принадлежит истории. Ступень, на которую я поднял философию, была необходима. Позднее я передал свои первые идеи как эстафету другим... У каждого человека свое призвание: один изобретает, другой систематизирует. Последнее не требует ничего, кроме добросовестного усердия. Потомки сумеют оценить и то и другое.

► **В. Ф. Одоевский** /(1803 или 1804? – 1869), русский писатель, музыкальный критик/:

«Познакомился с Шеллингом — исполин по мысли, но лекции читает без воодушевления, словно диктует...»

(*Из письма к А. А. Краевскому из Берлина.* 29.06.1842 г.)

3. УЧЕНИЕ

♦ Философия, по существу, исследует те же предметы, что и остальные науки, но она видит их в свете более высоких отношений и понимает отдельные предметы этих наук, систему мира, растительные и животные царства, государство, всемирную историю, искус-

ство лишь как члены **одного** великого организма, который из пропасти природы, где находятся его корни, возвышается на степень мира дýхов.

♦ Природа трансцендентального способа рассмотрения должна состоять в том, что при нем то, что не осознаётся во всяком ином мышлении, знании или действовании и является абсолютно не объективным, доводится до сознания и становится объективным, короче, в *постоянном становлении субъективного объектом для себя самогó.*

♦ Я не могу упразднить субъект, не упраздняя одновременно объект как таковой, а тем самым всякое самосознание; и я не могу упразднить объект, не упраздняя одновременно субъект как таковой, т. е. всю индивидуальность последнего. Но эта предпосылка абсолютно неизбежна.

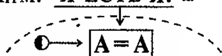
♦ Догматизм... так же мало, как и критицизм, может достичь абсолюта как объекта посредством теоретического знания, так как абсолютный объект не терпит наряду с собой никакого субъекта, а теоретическая философия основана именно на этом противоречии между субъектом и объектом. Для обеих систем не остается, следовательно, ничего иного, как сделать абсолют, так как он не может быть предметом знания, предметом *действия*, или требовать действие, посредством которого реализуется абсолют. В этом необходимом действии объединяются обе системы.

♦ Только интеллектуальное созерцание может постичь абсолют в его бесконечности.

♦ Субъект и объект не мыслимы друг без друга, ни один из обоих не может содержать безусловное; они оба взаимообусловлены, и оба положены равными друг другу.

∇ ◐ Когда я стою у плиты и варю суп, это вовсе не значит, что в данном процессе задействована только часть меня, какая-то кроха моей бесконечной сáмости. Нет. Поскольку суп варю «я», а не часть меня, то объектирование моих потенций есть величина, равная моей субъективности. Природа от Бога и в наимельчайшей своей части божественна. Полнота атрибута есть атрибут полноты! ◑

■■ Если содержание высшего принципа обосновывает одновременно его форму, а форма обосновывает его содержание, то форма может быть дана только через **Я**, а само **Я** — только через форму. Теперь **Я** дано лишь как **Я**, следовательно, принцип может быть таким: **Я ЕСТЬ Я.** ■

♦ Природа должна быть видимым духом, а дух — невидимой природой. Здесь, следовательно, в абсолютном тождестве духа в нас и природы вне нас, должна разрешаться проблема, как возможна природа вне нас.

♦ Абсолютное знание есть лишь такое, в котором субъективное и объективное объединены не как противоположные, а как абсолютно субъективное является абсолютно объективным, и наоборот.

♦ *Философия* есть наука об абсолюте, но как абсолют в своем вечном действовании необходимо заключает две стороны, идеальное и реальное, как единое, так и философия, рассматриваемая со стороны формы, необходимо должна разделяться на две стороны, хотя ее сущность состоит

именно в том, чтобы обе стороны рассматривать как единое в абсолютном акте познания.

♦ Развитие природы — видимый аналог развития духа. Так своими собственными продуктами она указывает **незаметно для обычного глаза**, *но ясно и определённо для философа*, путь, по которому она постепенно приходит к самосознанию. Внешний мир лежит раскрытый перед нами, чтобы в нем снова отыскать историю нашего духа.

♦ В том, что совершается ежедневно и перед нашими глазами, невозможно никакое сомнение. В вещах вне нас есть продуктивная сила. Но такая сила есть лишь сила *духа*. Следовательно, эти вещи не могут быть вещами в себе, не могут быть единственными благодаря самим себе. Они могут быть только *творениями*, только *продуктами духа*. Последовательность организации и переход от живой к неживой природе ясно обнаруживает продуктивную силу, которая постепенно развивается до полной свободы.

♦ Развитие природы есть развитие духа, восхождение от бессознательного к сознательному.

♦ Философствовать о природе — значит *творить* природу. Но всякая деятельность замирает в ее продукте, так как она направлена только на этот продукт. *Природу как продукт* мы, следовательно, не знаем. Мы знаем природу только как деятельную, так как нельзя философствовать ни о каком предмете, который нельзя приводить в деятельность.

◐ Изжёванное яблоко — это яблоко, но уже как **яблоко** мы его не знаем. ◑

♦ Абсолют есть Бог.

♦ Бог есть всё.

♦ Конечное не может быть истинным от века, существует только бесконечное полагание абсолютным самого себя.

♦ Всякая противоположность души и тела покоится на одной лишь видимости, порожденной отношением; душа и тело являются, во всех вещах, необходимо одной и той же сущностью.

♦ Формула бытия абсолютного тождества в общем может быть представлена в образе линии

$$\overleftarrow{\quad} \overset{+}{A}=B \qquad\qquad A=\overset{+}{B} \overrightarrow{\quad}$$
$$\overline{\qquad\qquad\qquad\qquad\qquad}\,,$$
$$A=A$$

где в каждом направлении положено то же самое тождество, но с перевесом **A** или **B** в противоположных направлениях, а к точке равновесия относится само A=A.

/ В этой основной формуле системы тождества $\overset{+}{A}=B$ выражает потенции природы с перевесом реального, $A=\overset{+}{B}$ — потенции духа с перевесом идеального. Совокупность же всех потенций природы и духа, образующих абсолютную целостность, выражается посредством A=A. /

//■■ Между субъектом и объектом (иначе: Богом и природой) вообще невозможно никакое иное различие, кроме количественного.

⊡ Каждое отдельное бытие, как таковое, есть определенная форма бытия абсолютного тождества, а не само его бытие, которое существует лишь в целостности.

▣ Единственно безусловное познание есть познание абсолютного тождества. ■//

♦ Если же высшее есть не что иное, как основание тождества абсолютно субъективного и абсолютно объективного, сознательного и бессознательного, которое распадается именно с целью обнаружения в свободной деятельности, то само это высшее не может быть ни субъектом, ни объектом, ни обоими одновременно, а только *абсолютным тождеством*, в котором нет никакой двойственности и которое именно потому, что двойственность есть условие для всякого сознания, никогда не может доходить до сознания.

♦ **Природой** надлежит называть всё, что находится по ту сторону абсолютного бытия абсолютного тождества.

♦ Противоположные единства (сущность и форма) существуют в абсолюте не вне друг друга, а друг в друге, и потому абсолют есть абсолютная индифференция формы и сущности.

♦ От абсолюта к действительности нет никакого непрерывного перехода, происхождение чувственного мира мыслимо лишь как совершенное отпадение от абсолюта посредством скачка.

♦ В самом Боге зарождается внутреннее рефлективное представление, благодаря которому, так как оно не может иметь никакого иного предмета, кроме Бога, Бог созерцает себя самого в некотором своем подобии. Это представление есть первое, в чём Бог, рассматриваемый абсолютно, становится осуществленным, хотя только в себе самом; первоначально оно находится при Боге и есть сам Бог, рожденный в Боге.

♦ Каждое существо, возникшее в природе, имеет в себе двойственный принцип, который по сути дела есть одно и то же, только рассматриваемое с двух возможных сторон. Откровение Бога нуждается в противоположности, так как каждая сущность обнаруживается своим отражением в ей полярной: любовь — в ненависти, единство — только в борьбе.

♦ Переход от единства к противоречию непостижим.

♦ Абсолютный субъект существует лишь постольку, поскольку я не делаю его объектом, т. е. не знаю, отказываюсь от знания; но как только это незнание хочет снова подняться до знания, абсолютный субъект вновь исчезает, так как он не может быть объектом.

♦ Акт самооткровения Бога не может быть выражен посредством понятий. Мышление лишь доходит до этого. То, что является только актом, не поддается понятию.

♦ Всякий, размышлявший об идеализме и реализме, этих двух наиболее противоречивых теоретических системах, сам собою находил, что обе они могут иметь место лишь в приближении к абсолюту, но что обе они соединяются в абсолюте, т. е. отменяются как противоречащие системы. Обыкновенно говорилось: **Бог созерцает вещи в себе**. Чтобы слова эти имели разумный смысл, они должны были бы означать, что в Боге имеет место наисовершеннейший реализм (der vollendetste Realismus). Но реализм в своей совершенной форме необходимо, и **именно потому что он** — совершенный **реализм**, становится идеализмом. Ибо совершенный реализм имеет место лишь там, где объекты перестают быть объектами, т. е. в чём-то

противоположными субъекту (явлениями), короче, где представление и представленные объекты, т. е. субъект и объект, абсолютно тождественны. Таким образом, реализм в божестве, в силу которого оно содержит вещи в себе, есть не что иное, как наисовершеннейший идеализм, в силу которого оно созерцает лишь себя самого и свою собственную реальность.

♦ Очень часто переход от тождества к различию рассматривали как *упразднение тождества*, но это... совсем не так.

♦ Высшей целью для всякого разумного существа является тождество с Богом.

♦ Учение о происхождении материи относится к высочайшим таинствам философии.

♦ Материю нельзя, как у Аристотеля, полагать в качестве начала, она сама есть нечто ставшее.

■■ Сущее должно стать материей, если суждено ему не остаться бескачественным, пустынным и пустым бытием... ■

Материя есть не что иное, как бессознательная часть Бога.

/ С темой **материи** связана одна занятная история.* /

♦ Субстанция, рассматриваемая абсолютно, не движется.

♦ Субстанция в себе и для себя не есть бытие и инобытие, а лишь одно и то же бытие. И всё, что существует по самому́ бытию, может быть лишь в субстанции и равным субстанции.

♦ Всякая действительность предполагает уже развитие.

♦ Где есть явления, там есть уже противоположные силы. Следовательно, наука о природе предполагает в качестве непосредственного принципа *всеобщую двойственность* и, чтобы это было понятно, *всеобщее тождество* материи. Ни принцип абсолютного различия, ни принцип абсолютного тождества не являются истинными. Истина лежит в объединении обоих.

♦ *Сводить всю природу к полярности и дуализму* есть первый принцип философского учения о природе.

♦ Не жизнь есть свойство или продукт животной материи, а, наоборот, ***материя есть продукт жизни.*** Не организм есть свойство отдельных вещей природы, а, наоборот, ***отдельные вещи природы суть столь же многообразные ограничения или отдельные способы созерцания всеобщего организма.***

♦ Тайна природы состоит в том, что она содержит в себе противоположные силы. Природа не терпит и того, чтобы нечто существовало независимо от всеобщей связи. Каждая наличествующая сила ограничивается противоположной и существует лишь в этом противоречии. Каждый про-

---

* Полагаю уместным привести такой факт, связанный с темой **материи** и вписывающийся в рамки довольно-таки занятной истории:

Немецкому философу Фридриху Генриху Якоби (1743 – 1819) как-то довелось быть в Париже, и его в числе других ученых представили Наполеону (1769 – 1821), тогда еще первому консулу. У генерала была привычка спрашивать «влёт», т. е. выяснять сразу самое главное. Но и став политиком, Наполеон не сменил своих военных привычек, а требовал быстрых и четких ответов, как в бою, не давая собеседнику никакого времени на «размышления». У Якоби он спросил: «Что такое материя?» Философ от неожиданности смутился, не зная что сказать, и недовольный диктатор — а разговор был «на ходу» — проследовал дальше.

дукт нашего мира возникает благодаря взаимодействию. Это является великим искусным приёмом природы, единственно благодаря которому она обеспечивает постоянный круговорот, в котором она пребывает, а этим свою собственную вечность. Ничто из того, что существует и что возникает, не может быть или возникнуть без того, чтобы одновременно не было или не возникло нечто другое, и даже гибель продукта природы есть не что иное, как уплата долга, который он взял на себя по отношению ко всей остальной природе; поэтому внутри природы нет ничего первоначального, ничего абсолютного, ничего самостоятельно существующего. Начало природы существует повсюду и нигде, и пытливый дух в движении назад точно так же, как и в движении вперед, находит ту же самую бесконечность ее явлений. Чтобы поддерживать это постоянное изменение, природа должна была всё разложить на *противоположности*, установить *крайности*, единственно внутри которых было возможно бесконечное многообразие ее явлений.

♦ Материя *инертна.* Движение материи без внешней причины невозможно.

♦ Материя, рассматриваемая абсолютно, есть не что иное, как реальная сторона абсолютного познания и, как таковая, едина с самой вечной природой, в которой дух Бога вечным образом творит бесконечное в конечном.

♦ В действительности материя есть дух, созерцаемый в равновесии его деятельности.

♦ Жизнь есть автономия в явлении, есть схема свободы, поскольку она обнаруживается в природе.

♦ Только свободный человек *знает*, что мир существует вне его; для иного мир есть только *сон*, от которого он никогда не пробуждается.

♦ Последний принцип философии не может быть ни явлением, ни вещью в себе, он может быть только абсолютным **Я**.

♦ Сущность **Я** есть свобода, ибо оно свободно полагает себя самого.

♦ Начало и конец всякой философии есть проблема свободы.

♦ Созерцание есть не самое низкое (как полагают многие мнимые философы), а *первая ступень* познания, *высшее* в человеческом духе, то самое, что по сути дела составляет его духовность, так как дух есть то, что из первоначальной борьбы своего самосознания может создавать объективный мир и в самой этой борьбе сообщать продукту устойчивость.

♦ Система завершена, если она возвратилась к своему исходному пункту. Но именно это происходит, с точки зрения моих философских взглядов, при учете и рассмотрении мира искусства. Ведь первоначальное основание всякой гармонии субъективного и объективного, которое в своем первоначальном тождестве могло быть представлено только посредством интеллектуального созерцания, благодаря произведению искусства, совершенно выведено из сферы субъективного и стало всецело объективным.

■■ Сила воображения оказывается высшим тождеством субъективного и объективного, свободы и необходимости. Мир искусства является истинным выражением искусства мира. ■

♦ Одному лишь искусству дано превращать в объективно значимое то, что философ в состоянии излагать исключительно в субъективной фор-

ме. Искусство делает философию, находящуюся за пределами обычного сознания, общедоступной. В то время как философия увлекает к высотам лишь частицу человека, искусство позволяет сделать это целостному человеку.

♦ Мифология — материал всего поэтического в искусстве; универсум в высшей форме. Она — сама поэзия.

♦ Каждый индивид создает себе собственную мифологию.

4. МЫСЛИ

◪ Наука вообще, каково бы ни было ее содержание, — есть целое, которое стоит под формой единства. Это возможно лишь потому, что все части этого целого подчинены единому условию, а каждая часть определяет другую лишь потому, что она сама определена этим единым условием. Части науки называются положениями, а это условие, следовательно, принципом. Наука возможна, таким образом, только благодаря принципу.

◪ Платоновская идея, что всякая философия есть припоминание, несомненно истинная; всякое философствование состоит в припоминании состояния, в котором мы были едины с природой.

◪ Противоположность есть уничтожение тождества. Но природа есть *первоначальное* тождество. Следовательно, в этой противоположности должно быть снова стремление к тождеству. Это стремление непосредственно обусловлено противоположностью; так как если бы не было никакой противоположности, то было бы тождество, абсолютный покой, не было бы *стремления* к тождеству. С другой стороны, если бы в противоположности не было бы снова тождества, то сама противоположность не могла бы сохраняться.

◪ Так как если в каждом человеческом целом всё взаимно обусловливает и поддерживает друг друга, то эта организация как целое должна была предшествовать своим частям, не целое могло возникнуть из частей, а части должны были возникнуть из целого. Следовательно, не мы познаём природу *a priori*, а природа **существует** *a priori*, т. е. всё отдельное в ней предопределено целым или идеей природы вообще. Но если природа существует *a priori*, то должно быть возможным также **познание** ее как чего-то, что существует *a priori*.

◪ Так как интеллект является одновременно идеальной и реальной деятельностью, то посредством высшего акта рефлексии он, наконец, постигает *одновременно объект и себя самого*.

◪ Наступило время не пробуждать снова ветхие противоположности, а искать то, что находится вне и выше всякой противоположности.

◪ Никакое исследование не может, вероятно, представляться более важным, чем исследование об отношении конечного существования к бесконечному или к Богу.

◪ От Бога ничего нельзя отделить, так как он является абсолютным именно потому, что от него нельзя абстрагироваться; из Бога ничего нельзя вывести как становящееся или возникающее, так как он есть Бог именно потому, что он есть всё. Спекуляция есть всё, т. е. созерцание, рассмотрение того, что существует в Боге. Сама наука имеет значение

лишь постольку, поскольку она спекулятивна, т. е. является созерцанием Бога, как он есть.

- Искусство есть единственный подлинный и вечный органон, а одновременно и документ философии, всегда и беспрерывно удостоверяющий то, что философия не может выразить, а именно — бессознательное в действии и в продуцировании и его первоначальную тождественность сознаваемому.

- **Одну религию считаю я правдивой,**
  Ту, что живет в камнях и мхах, в красивой
  Расцветности дерев; повсюду и всегда
  Стремится к свету, ввысь, и вечно молода,
  В провалах бездн и в высотах бескрайних
  Нам открывает лик в извечных знаках тайных.
  Она подъемлется до силы размышленья,
  Где мир родится вновь, где духа воскресенье.
  Всё, всё — единый пульс, единое дыханье,
  Игра препятствий, пляска порыванья...

- История как целое есть продолжающееся, постепенно обнаруживающееся откровение абсолюта.
- **Я** мыслю, **Я** существую — является, со времени Картезия, основной ошибкой во всём познании; мышление не есть моё мышление, и бытие не есть мое бытие, так как всякое бытие есть бытие Бога, или Всего.
- Разве не очевидно, что должно бы быть объяснено именно то, *почему вещи до сих пор следовали друг за другом именно в этом порядке.* К примеру, Юм мог сказать, что это **так есть**. Но это не значит философствовать.
- Если бы растение обладало сознанием, оно поклонялось бы свету, как своему богу.
- В случае с электричеством одно и то же тело не определяется в самом себе как полярное, как это имеет место в магнетизме, отчего электричество следует считать разломанным магнетизмом.
- Каждый чистый металл имеет свой особый цвет. В частности, о золоте можно сказать, что оно есть застывший свет.
- В философии именно те понятия, которые являются самыми обыденными и известными, должны быть обоснованы более всего.
- В ком нет ни сил, ни материала для зла, бессилен и для добра.
- Счастье есть состояние пассивности. Чем мы счастливее, тем мы пассивнее по отношению к объективному миру. Чем свободнее мы становимся, чем более приближаемся к разумности, тем меньше мы нуждаемся в счастье.
- Чем старше становишься, тем больше жизненный опыт, и раздумья учат тебя, тем труднее найти человека, вместе с которым хотелось бы жить.
- Лессинг в свое время сказал: «Всё — единое, я не знаю ничего лучше». **Я** тоже не знаю ничего лучшего.
- Я категорически отрицаю, что на этом свете может быть идеальное государство.
- Превращение первоначального бытия в знание было бы понятно лишь в том случае, если бы можно было показать, что также и представление является родом бытия: такое объяснение во всяком случае выдвигается материализмом, системой, которую философу осталось бы толь-

ко приветствовать в том случае, если бы она действительно выполняла взятые на себя обещания. Однако материализм в том виде, как он до сих пор существовал, характеризуется полной непонятностью; в той же мере, в какой он пригоден для уразумения, ничем на деле не отличается от трансцендентального идеализма. Объяснение мышления в качестве трансцендентального явления возможно лишь тем путем, что самоё материю мы превращаем в призрак, в простую модификацию интеллигенции, которая обладает сообща функциями и мышления, и материи. В силу этого материализм сам заставляет нас вернуться к материи как первоначальному. Правда, с другой стороны, не может быть и речи о таком объяснении бытия из мышления, будто бы первое получается в силу действия последнего: между тем и другим невозможна вообще какая-либо причинная зависимость, и никогда они не могли бы сочетаться вместе, если бы не были изначально едины в **Я**.

- Вся реальность познания опирается на ощущение, и поэтому приходится признать ублюдочной всякую такую философию, которая не в состоянии объяснить ощущение.
- Традиционный эмпиризм предписывает философии *основываться на опытных данных*. С этим никто не спорит, если добавить сюда и *опыт самонаблюдения*. Выходит, что **факты сознания** из круга философских предметов не исключить!
- Мифология — не аллегорична, ибо иначе это была бы философия. В философии сознание правит представлением, а в мифологии сознанием управляет миф. Омифизация сознания — **неизбежный процесс** подчинения себя духовному процессу внутреннего опыта, пришедшего из недр сознания.
- Истина, которая одновременно не является красотой, не есть абсолютная истина, и наоборот.
- Зло не есть сущность, а нечто, лишенное сущности, являющееся реальностью не само по себе, а лишь в противоположность чему-то другому.
- Дух и сердце... Зло состоит в разладе этих начал, добро же — в совершенном их единении, и связь, соединяющая их, должна быть божественной.
- На что может надеяться философ, ищущий философию в логике? — Ни на что.
- Человек в известной степени вырастает, когда он познаёт самого себя и свою мощь. Внушите человеку сознание того, что он есть, и он скоро научится быть тем, чем он должен быть.
- Уже давно замечено, что в искусстве не всё исполнено сознания, что вместе с осознанною деятельностью должна быть связана известная бессознательная сила.
- Истинная бесконечность — это не такая бесконечность, которая исключает всякое время, а такая, которая содержит в самой себе время (вечное время) подчинённым. Подлинная бесконечность есть преодоление времени.
- Философия со всеми науками, может быть, со временем вольётся в океан поэзии, как во младенчестве знания из неё вытекали.

Стенда́ль

XVIII – XIX вв.

Анри-Мари Бейль

• Французский писатель, мыслитель, теоретик человеческих страстей

Родился: 23.01.1783 г.
Умер: 23.03.1842 г.

Прожил — 59 лет

> **«Я хочу говорить о том, что происходит в глубине души».**
> *(Стендаль)*

■ **«Я трепещу всё время от мысли, что, желая высказать истину, я записываю только вздох».** *(Стендаль)*

1. ЖИЗНЬ

• Настоящее имя Анри-Мари Бейль.
• Родился в городе Гренобле.
• Отец его, Шерюбен Бейль, был человек, терявшийся в женском обществе, малолюбезный и больше всего интересовавшийся денежными делами.
• Служил в 1800 – 1812 гг. в армии Бонапарта.
• После падения Наполеона уехал в Италию:

/ Он уже был здесь раньше... Милан, освобождённый от австрийцев... Пылкие и наивные любовные страсти... От этого периода на всю жизнь сохранятся упоительные воспоминания./

• В 1821 г. вернулся во Францию.
• В 1831 г. поселился в качестве французского консула в итальянском городке Чивитавеккья.
• Впервые имя Стендаля появилось на титульном листе книги «Рим, Неаполь и Флоренция» (1817). Подпись тогда гласила: «барон де Сендаль, кавалерийский офицер»:

/ До этого книги Стендаля шли под криптонимом М. Б. А. А. Свою первую работу «Жизнеописания Гайдна, Моцарта и Метастазио» (1814) Стендаль подписал псевдонимом Луи Александр-Сезар Бомбе. /

• Особенность Стендаля как писателя — заимствование сюжетов из чужих романов. Его часто обвиняли в отсутствии воображения.
• Стендаль первым увидел и сформулировал отличительную черту XIX в. — всё возрастающую жажду сильных чувств.
• Одна из ведущих тем Стендаля-романиста — неспособность современного человека любить.
• Психоаналитическая компонента творчества Стендаля — попытка разрешить дилемму: «Описывать ли одежду героев, пейзаж, черты их лица? Или лучше описывать страсти, различные чувства, волнующие их души?»

• Стендаль был свидетелем Бородинского сражения.

• Был творцом нового способа постижения сложнейших общественных процессов, в частности изображения войны:

/ Вот мнение Оноре де Бальзака, французского писателя:

«В последнем своем шедевре г-н Бейль не взялся за полное описание битвы при Ватерлоо, он прошелся по арьергарду[30] и дал два-три эпизода, рисующие поражение наполеоновской армии, но столь мóщен был удар его кисти, что мысль наша идет дальше: глаз охватывает всё поле битвы и картину великого разгрома». /

• Самое поразительное, что Стендаль по-настоящему войны не видел, то есть не участвовал ни в одном сражении, и изобразил ее только раз — на страницах «Пармского монастыря».

• **Сочинения Стендаля:**

«История живописи в Италии» (1817);

«О любви» (1822; трактат):

/ Эта книга не имела никакого успеха, хотя эпизоды особенностей любви, вошедшие в исследование, Стендаль собирал в течение многих лет, записывая обуревавшие его мысли и озарения карандашом на клочках бумаги. /;

«Арманс, или Сцены из жизни парижского салона 1827 года» (1827):

/ Этот первый роман Стендаля остался незамеченным. /;

«Трансцендентальная философия» (1829; статья);

«Красное и черное» (1831; роман);

«Люсьен Левен» (*«Красное и белое»*. 1836; роман);

«Пармский монастырь» (*«Пармская обитель»*. 1839; роман);

«Жизнь Анри Брюлара» (1842):

/ Это биографическая книга. /

• Схема всех романов Стендаля относительно проста. Его волновали люди образованные, бедные и честолюбивые. Это всегда история молодого человека, который приобретает жизненный опыт и ощущает трагический разрыв между волшебным миром детства и миром реальной действительности. Своего юного и великодушного героя автор сталкивает с двумя женщинами, принадлежащими к противоположным типам, и душа юноши разрывается между ними; у молодого человека всегда находится могущественный покровитель, и ему постоянно вредит враг, отпетый негодяй.

• Что бы им ни писалось, Стендаль постоянно ссылается на Лафатера. Проблема взаимосвязи характера и внешности человека занимала его постоянно.*

• Умер Стендаль от апоплексического удара, не успев закончить свой последний роман «Ламьель».

---

* Здесь надо иметь в виду еще и тот аспект, что Лафатер был ведь не только, так сказать, метафизиком физиогномики. Он привлекал и своим умом, и великолепной — кстати сказать, крайне нужной для романиста — психологической наблюдательностью. Кто пройдёт мимо такого, к примеру, замечания:

«Не доверяйте человеку, который всё находит хорошим, который всё считает дурным, а еще больше человеку, который безразлично относится ко всему».

2. СУДЬБА

► В биографии Стендаля есть один момент, могущий, наверное, заитересовать психоаналитика.

Была у него тётушка Серафи. Старая лицемерка, всегда рассуждающая о благе семейной жизни и всегда готовая превратить эту же семейную жизнь в сущий ад.

Она всё время твердила, что маленький Бейль — изверг. Однажды, когда мальчику было семь или восемь лет, он находился на балконе и играл, как свойственно всем детям в его возрасте: вооружившись небольшим ножом, он сажал зёрна в цветочный горшок. Нож выскользнул из его рук и упал на улицу, едва не задев какую-то старушку, жительницу Гренобля. Тётушка Серафи божилась, что маленький Анри хотел убить эту старую даму.

Можно только представить себе тот след, который подобное ложное обвинение должно было оставить в сознании ребёнка! В него проникла идея несправедливости. Для того чтобы отомстить своей старой тётке, он готов был уничтожить всё общество. Ненависть ко всей родне по отцовой линии так и не отпускала его...

► Однажды (это ещё в юные годы) Стендаля поразила задачка, принадлежащая математику Леонарду Эйлеру. Это было в период отроческой учебы, а книга Эйлера оказалась у педагога, обучавшего детвору математике:

> / ♦ Задача была о числе яиц, которые крестьянка несла на рынок. Это было для меня открытием. Я понял, что значит пользоваться орудием, называемым алгеброй. /

Условие этой задачи выглядит так:

Две крестьянки принесли на рынок вместе 100 яиц, одна больше, нежели другая. Обе выручили за яйца одинаковые суммы денег. Первая сказала второй: «Будь у меня твои яйца, я бы выручила 15 крейцеров». Вторая ответила: «А будь твои яйца у меня, я выручила бы за них 6 и 2/3 крейцера».

Вопрос: Сколько яиц было у каждой крестьянки?*

► **Жюль Амеде Барбе д'Оревилли** /(1808 – 1889), французский писатель и литературный критик/:

«Стендаль любил естественное так же, как римские императоры любили невозможное».

---

* Наверное, кому-то интересным будет решение этой задачи. Вот оно:

Пусть у первой крестьянки было x яиц, тогда у второй — $100 - x$.

Если бы первая имела $100 - x$ яиц, она бы выручила 15 крейцеров. Значит, она продавала яйца по цене $15 : (100 - x)$ за штуку.

Вторая крестьянка продавала яйца по цене $6\,{}^2/_3 : x = 20 : (3x)$ за штуку.

Найдём действительную выручку за яйца, проданные первой и второй крестьянками:

первой: $x \cdot [15 : (100 - x)] = 15x : (100 - x)$,

второй: $(100 - x) \cdot [20 : 3x] = 20(100 - x) : 3x$.

Так как их выручки равны, то

$$15x : (100 - x) = 20(100 - x) : 3x.$$

После выполнения преобразований получим:

$$x^2 + 160x - 8000 = 0,$$

откуда $x_1 = 40$, а $x_2 = -200$.

В итоге **ответ**: первая крестьянка принесла *40* яиц, а вторая — *60*.

► **Л. Н. Толстой:**

«Я больше, чем кто-либо другой, многим обязан Стендалю. Он научил меня понимать войну. Кто до него описал войну такою, какова она есть на самом деле?»

► **Эрнест Миллер Хемингуэй** /(1899– 1961), американский писатель/:

«Стендаль видел войну, и Наполеон научил его писать. Он учил тогда всех, но больше никто не научился».

► ◐ Если создавать сегодня классификацию новых наук, то сфера интересов Стендаля и его теоретический вклад как раз могли бы составить доселе неизвестную дисциплину — *интимологию*, науку о внутреннем мире человека, компендиум учёта и истолкования страстей, подлинную философию «тончайших чувств». ◑

Опыт о любви

Я стараюсь освободиться от великого пристрастия и быть всего лишь хладнокровным философом.

...Это добросовестное и точное описание последовательных стадий болезни, именуемой любовью.

Есть четыре рода любви:

1) **любовь — страсть...**;

2) **любовь — влечение:**

...В то время как любовь-страсть заставляет нас жертвовать всеми нашими интересами, любовь-влечение всегда умеет приноравливаться к ним;

3) **физическая любовь:**

...Какой бы сухой и несчастный характер ни был у человека, в шестнадцать лет он начинает с этого;

4) **любовь — тщеславие:**

...Покинутый испытывает укол самолюбия и грусть; образы, встающие из романов, волнуют его, и он воображает себя влюбленным и тоскующим, ибо тщеславие жаждет казаться великой страстью.

Впрочем, вместо того чтобы различать четыре рода любви, вполне возможно допустить восемь или десять разновидностей ее.

Всякая любовь, которую случается наблюдать на земле, рождается, живет и умирает или возвышается до бессмертия, следуя одним и тем же законам.

[...] ...Я предлагаю принять новое слово — *КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ* — с целью образно определить ту совокупность странных фантазий, которые представляются правдивыми и даже не подлежащими сомнению относительно любимого существа.

То, что я называю кристаллизацией, есть особая деятельность ума, который из всего, с чем он сталкивается, извлекает открытие, что любимый предмет обладает новыми совершенствами.

Вот что происходит в душе:

1. **Восхищение.**

2. **Человек думает:** «Какое наслаждение целовать ее, получать от нее поцелуи!» и т. д.

3. **Надежда.**

Начинается изучение совершенства...

4. **Любовь зародилась.**

[...]

5. **Начинается первая кристаллизация.**

...Это сводится к тому, что мы преувеличиваем великолепное достояние, которое упало нам с неба, которого мы еще не знаем и в обладании которым мы уверены.

[...]

6. **Рождается сомнение.**

[...]

Влюбленный начинает сомневаться в счастье, казавщемся ему близким; он строго пересматривает основания для надежды, которые ему чудились.

[...]

7. **Вторая кристаллизация.**

...Бедный влюбленный живо чувствует: «Она дала бы мне наслаждение, которое может дать только она одна во всем мире!»

[...]

Влюбленный непрерывно блуждает между тремя мыслями:

1. В ней все совершенства.
2. Она меня любит...
3. Как добиться от нее величайщего доказательства любви, какое только возможно?

Длительность любви обеспечивается второй кристаллизацией...

...Слово *КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ* употребляется для обозначения акта безумия, открывающего нам все красоты и все виды совершенства в женщине, которую мы начинаем любить...

...Я назвал этот опыт идеологической книгой. Моею целью было указать, что, хотя она и называется «Любовь», это не роман, и особенно, что она лишена занимательности романа. Прошу прощения у философов за употребление слова «идеология»: в мои намерения, конечно, не входило присваивать термин, на который имеют право другие. Если идеология представляет собою подробное описание идей и всего того, что может входить в их состав, то настоящая книга есть подробное и тщательное описание всех чувств, входящих в состав страсти, именуемой *ЛЮБОВЬЮ.* К тому же я извлекаю из того описания несколько выводов, например способ исцелиться от любви. Я не знаю слова, означающего по-гречески «рассуждение о чувствах», подобно тому, как идеология означает рассуждение об идеях. Я мог бы попросить моих ученых друзей выдумать подходящее слово, но мне уже в достаточной мере неприятно, что я вынужден был прибегнуть к новому слову *КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ*... Без этого слова, выражающего, по-моему, основную сущность безумия, именуемого любовью, безумия, которое всё же доставляет человеку величайшее наслаждение, какое только дано испытать на земле существам его породы, без употребления этого слова, которое постоянно пришлось заменять весьма длинной перифразой, мое описание того,

что происходит в уме и сердце влюбленного, сделалось бы неясным, тяжелым...

Любовь подобна лихорадке, она родится и гаснет без малейшего участия воли.

...Любовь свойственна всем возрастам...

Кристаллизация в любви почти никогда не прекращается.

В игре есть тоже своя кристаллизация, вызванная предполагаемым употреблением денег, которые вы выиграете.

[...]

Дайте поработать уму влюбленного в течение двадцати четырех часов, и вот что вы увидите.

В соляных копях Зальцбурга в заброшенные глубины этих копей кидают ветку дерева, оголившуюся за зиму; два или три месяца спустя ее извлекают оттуда, покрытую блестящими кристаллами; даже самые маленькие веточки, которые не больше лапки синицы, украшены бесчисленным множеством подвижных и ослепительных алмазов; прежнюю ветку невозможно узнать.

Кристаллизация есть даже в математике, и даже в умах людей, которые не в состоянии в любой момент представить себе всех звеньев доказательства того, во что они верят. Чтобы убедиться в этом, проследите судьбу великих немецких философов, бессмертие которых, провозглашавшееся столько раз, никогда не длилось больше тридцати или сорока лет.

...Любовь заставляет сомневаться в вещах вполне доказанных...

...Та самая женщина, которая до близости была вполне уверена, что ее возлюбленный выше пошлых побуждений, начинает бояться, что он лишь стремился увеличить еще одним именем список своих побед...

[...]

Женщины предпочитают чувства разуму; это очень просто: так как в силу наших глупых обычаев на них не возлагается в семье никакого дела, разум никогда не бывает им полезен и они никогда не убеждаются в его пригодности для чего-либо.

Напротив, он всегда вреден им, так как выступает на сцену только для того, чтобы пожурить их за вчерашнее наслаждение или повелеть им не наслаждаться завтра.

[...]

Как только женщины пускаются в рассуждения общего характера, они предаются любви, не замечая этого.

...В любви мы наслаждаемся лишь иллюзией, порождаемой нами самими...

В любви мужчины подвергаются риску тайного мучения души...

Мужчину унижает долгая осада; женщину, наоборот, она покрывает славой.

[...]

...Некоторая резкость и равнодушие в начале знакомства — если это лекарство подается естественно — почти безошибочный способ добиться уважения умной женщины.

[...]

Задетое самолюбие царит в любви-влечении, определяя ее судьбы.

[...]

Ужасным признаком потери соображения является то, что, думая о каком-нибудь мелком факте, с трудом поддающемся наблюдению, вы видите его белым и толкуете его в пользу вашей любви; минуту спустя вы замечаете, что в действительности он чёрен, и опять-таки делаете из него вывод, благоприятствующий вашей любви.

[...]

Красота есть лишь обещание счастья.

[...]

Для рождения любви красота необходима как *вывеска*...

Амур, развязывающий пояс Венеры.
Худ. Джошуа Рейнолдс. 1788 г. Санкт-Петербург. Государственный Эрмитаж

3. УЧЕНИЕ

Общие вопросы

♦ Человек живёт на земле не для того, чтобы стать богатым, но для того, чтобы стать счастливым.

♦ Жизнь слишком коротка, и не следует проводить её, пресмыкаясь перед жалкими негодяями.

♦ Чтобы быть хорошим философом, нужно быть сухим, ясным и не иметь иллюзий.

♦ Что сегодня понимают под философией. Самые различные вещи, а именно:

1) науку *о Боге*, т. е. положительный ответ на следующие вопросы: существует ли Бог? вмешивается ли он в наши дела?

2) науку о душе, т. е. ответ на следующие вопросы: существует ли душа? материальна ли её природа? бессмертна ли она?

3) науку о происхождении понятий: происходят ли они от ощущений? все ли они происходят от них или, может быть, некоторые представления, как, например, инстинкт маленького цыплёнка, который, вылупившись из скорлупы, уже начинает клевать хлебное зерно, рождаются в мозгу без помощи ощущений?

4) искусство избегать ошибок, рассуждая о каком-нибудь предмете, или логику;

5) исследование вопроса: каковы мотивы человеческих поступков? стремление к удовольствию, как говорит Вергилий, или симпатия?

6) исследование вопроса: что́ такое угрызения совести? возникают ли они в результате слышанных нами разговоров или рождаются в мозгу, как побуждение клевать у цыплёнка?

Это всё очень трудные вопросы, но некоторые нынешние философы пытаются запутать дело, смешивая их между собой и часто ссылаясь на 30 или 40 нелепых объяснений, предложенных греческими или немецкими философами.

♦ Подъём общественного мнения порождает лицемерие и претензию на нравственность. Что ж: вот вам одно из очевиднейших неудобств свободы.

♦ Если красноречие и работа, то всё же она полегче, чем проникновение в глубины человеческого сердца.

♦ Ф. Бэкон был мошенником, который торговал правосудием, однако же он один из величайших людей Нового времени.

♦ Всякое произведение искусства есть п р е к р а с н а я л о ж ь.

♦ Если бы мне пришлось давать кому-то дельный совет относительно полезного и весьма результативного поведения, я бы порекомендовал следующее: *делайте как раз обратное тому, чего от вас ожидают.*

♦ Мы не смотрим трезвыми глазами на любимую женщину, мы украшаем её многими достоинствами, которыми она на самом деле не обладает.

♦ ◐ Стендаля глубоко и, я бы сказал даже, заангажированно волновали вопросы подоплёк нравственности. Свои размышления на этот счёт он закомпоновал в совершенно вымышленную (но от этого вовсе не нереальную!) историю некоего лейтенанта Жюстена Луо, который якобы отвечает Стендалю на поинтересование «Как вы сделали это?» в связи с героическим поступком Луо — спасением тонущего человека ◑:

«Родился я в поселке на берегу моря. Мой отец был рыбак. Нас, мальчиков, в семье было трое. Я умею плавать как рыба.

В последние дни Империи был призван в армию, из которой возвратился почти без денег. Но у меня объявился богатый родственник. В индийских владениях Англии он нажил миллионы, из которых назначил мне пенсию в 3000 франков в год.

Сейчас я один. Живу в Париже. Веду отшельническую жизнь. Правда, много читаю.

Третьего дня я прогуливался возле Иенского моста, со стороны Марсова поля; был сильный ветер, Сена волновалась и напоминала мне море. Я следил взором за лодочкой, до краёв наполненной песком; она старалась пройти под последней аркой моста с другой стороны Сены, у набережной Бонзом. Вдруг лодочка опрокидывается: я вижу, как хозяин её пытается плыть, но это ему плохо удается. «Этот увалень сейчас утонет», — подумал я. Я хотел было броситься в воду; но мне сорок семь лет и у меня ревматизм; а было очень холодно. «Кто-нибудь бросится с той стороны», — подумал я. Против воли я продолжал смотреть. Человек снова появился над водой и закричал. Я быстро пошёл прочь. «Это было бы безумием с моей стороны, — думал я. — Когда я буду пригвожден к постели острым ревматизмом, кто навестит меня? Кто вспомнит обо мне? Я буду умирать от скуки один, как в прошлом году. Почему он стал моряком, если не умеет плавать? Да и лодка его была перегружена...» Я был уже, может быть, в пятидесяти щагах от Сены; я ещё раз услышал крик утопавшего лодочника, молившего о помощи. Я ускорил шаги. «Чёрт бы тебя побрал!» — пробормотал я и стал думать о чём-то другом. Вдруг я сказал себе: «Лейтенант Луо (так зовут меня), ты негодяй; через четверть часа этот человек утонет, и ты всю жизнь будешь вспоминать его крик». — «Негодяй! Негодяй! — сказал голос благоразумия. — Это сказать легко; а шестьдесят семь дней, которые я пролежал в прошлом году в постели из-за ревматизма?.. Чёрт бы его побрал! Если ты моряк, так должен уметь плавать». Я быстро щёл по направлению к Военной школе. Вдруг я услышал голос: «Лейтенант Луо, вы подлец!» Я вздрогнул. «О, это серьёзно», — подумал я и бросился бежать к Сене. Добежав до берега, я в одно мгновение сбросил сюртук, сапоги и брюки. Я был счастливейшим из людей. «Нет, Луо не подлец. Нет, нет!» — повторял я себе вслух. Словом, я без труда спас этого человека, который без меня утонул бы. Я велел уложить его в теплую постель, и он вскоре заговорил. Тогда я начал бояться за себя. Я тоже улёгся в хорошо согретую постель и попросил растереть мне всё тело водкой и фланелью. Но напрасно, ничто не помогло, ревматизм начался снова, правда, не такой острый, как в прошлом году. Я не сильно страдаю; но дело в том, что никто меня не навещает и мне очень скучно. Подумав о браке, что я обычно делаю, когда скучаю, я стал размышлять о мотивах, побудивших меня совершить «этот героический поступок», как выражается «Constitutionnel», поместивший об этом заметку (№ 350 от 16 декабря 1829 года, с. 3, вверху).

Что побудило меня совершить мой похвальный поступок? Ибо сказать «героический» — это слишком много. Право же, то была боязнь презрения; её голос и сказал мне: «Лейтенант Луо, вы подлец!» Поразило меня то, что голос на этот раз не обращался ко мне на ты. «Вы подлец!» Как только я понял, что могу спасти этого увальня, я счёл это своим долгом, я стал бы презирать себя, если бы не бросился в воду, — так же, как если бы в Бриенне (в 1814 году), когда мой капитан сказал: «Вперёд, Луо! *Поднимись на насыпь*», — я остался бы внизу. Вот, сударь, рассказ, которого вы у меня просили, или, как вы выражаетесь, *анализ*, и т. д., и т. д., и т. д.

Жюстен Луо».

4. МЫСЛИ

- Воспоминание об утраченном всегда кажется выше того, чего мы можем ждать от будущего.
- Каждый человек, если только он дает себе труд изучить себя, устанавливает свой идеал прекрасного, и мне кажется, что желание обратить соседа в свою веру всегда бывает немножко смешным.
- Писатель не должен думать о критике, так же как солдат — о госпитале.
- Нельзя называться политиком, если не обладаешь терпением и способностью сдерживать гнев.
- Мое счастье было бы полным, если бы оно не являлось победой — в чём единственно заключается счастье глупца.
- В мире чувства есть лишь один закон — составить счастье того, кого любишь.
- Умереть за друга при каких-нибудь исключительных обстоятельствах менее возвышенно, чем ежедневно и втайне жертвовать собой ради него.
- Участь глубокой старости у обоих полов зависит от того, на что потрачена молодость.
- Угрызения совести, как и *вера в привидения*, есть лишь следствие слышанных нами разговоров. Угрызения совести и присяга — единственная польза от религий.
- Умение вести разговор — это талант.
- Естественным называется то, что не отклоняется от обычного образа действий. Само собою разумеется, что никогда не следует не только лгать любимому существу, но даже хоть сколько-нибудь приукрашивать или искажать чистоту правдивости.
- На свете есть два несчастья: несчастье неудовлетворенной страсти и несчастье смертельной тоски.
- Для искусства нужны люди немного меланхоличные и достаточно несчастные.
- Любовь! В каких только безумствах не заставляешь ты нас обретать радость.

∇ ◐ Стендаль, несомненно, классик философского анализа темы любви. Это значит, что замеченное, осмысленное и высказанное им или было явлено миру впервые, или в таком ракурсе, что привычная проблема — пусть даже и вопросно-пунктирно — стала отчетливее нам и ближе.

Контекст подходов у Стендаля — смелый, творческий, целевой; и одно это уже есть залог того, что отношение непонимания к пониманию любви стало менее напряжённым.

О любви писали многие. О любви писали все. Не обошли ее стороной и мудрые. Приводимый ниже свод их суждений показывает, что Стендаль один не уступает им всем, настолько прозорливы и глубоки его мысли:

▶ Восторги любви

Любви все возрасты покорны,
Ее порывы благотворны.
(А. С. Пушкин)

Любовь есть только отражаемое другими людьми самоуважение человека.
(Ралф Эмерсон)

Когда нам кажется, что мы знаем другого, — это всякий раз означает конец любви. *(Макс Фриш)*

Та и красавица, которую сердце полюбит. *(Пословица)*

Любовь — это когда тебя одолевает желание... но такое... хоть подыхай... чтобы тебя пожелали... *(Анри де Тулуз-Лотрек)*

Тот, кто любит по-настоящему какого-то одного человека, любит весь мир. *(Эрих Фромм)*

Любовь не заслуживают, любовь — это просто милость. *(Виктор Франкл)*

Нет истины, где нет любви.

Чтобы любить друг друга, нужно бороться с собой. *(Ф. М. Достоевский)*

Тот человек, которого ты любишь во мне, конечно, лучше меня: я не такой. Но ты люби, и я постараюсь быть лучше себя... *(М. М. Пришвин)*

Если я испытываю радость и мне хорошо от того, что тебе хорошо, и я хочу, чтобы было еще лучше, то, значит, люблю. *(Юрий Орлов)*

Человек, которого любят, не может не быть своеобразным и неповторимым, то есть ценность его личности реализуется. *(Виктор Франкл)*

Любить — это желание быть любимым. *(Платон)*

Любить — это значит смотреть не друг на друга, а смотреть вместе в одном направлении. *(Антуан де Сент-Экзюпери)*

Любовь отточила карандаш первого художника. *(Клод Гельвеций)*

Счастье любви заключается в том, чтобы любить; люди счастливее, когда сами испытывают страсть, чем когда ее внушают. *(Франсуа Ларошфуко)*

Тот пуст, в ком нет любви нисколько.
Любовь ярка, как солнца свет.
Лазурно небо днем, но только
Закат настал — как мир ослеп.
(Виктор Гюго)

Любовь видит человека таким, каким его «предполагал» при создании Бог. *(фон Хаттинберг)*

Для того, кто любит, любовь накладывает чары на весь мир, окутывает мир дополнительными ценностями. Любовь значительно увеличивает полноту восприятия ценностей. *(Виктор Франкл)*

Будь хоть бедой в моей судьбе,
Но кто б нас ни судил,
Я сам пожизненно к тебе
Себя приговорил. *(К. М. Симонов)*

Все влюбленные талантливы. *(М. Горький)*

Только влюбленный имеет право на звание человека. *(А. А. Блок)*

«Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...
(Ф. И. Тютчев)

Любовь — это удвоение жизни, то есть за одну жизнь человек проживает как бы две жизни — свою собственную и жизнь любимого.

Верь в великую силу любви!..
Свято верь в ее крест побеждающий,
В ее свет лучезарный, спасающий
Мир, погрязший в крови...
Верь в великую силу любви!..
(С. Я. Надсон)

Если любовь не может защитить от смерти, то, по крайней мере, примиряет с жизнью. *(Генрик Сенкевич)*

Разумный человек любит не потому, что это ему выгодно, а потому, что он в самой любви находит счастье. *(Блез Паскаль)*

...Любовь есть не что иное, как желание счастья другому лицу... *(Давид Юм)*

Любовь — это находить в счастье другого своё собственное счастье. *(Готфрид Лейбниц)*

Жить без любви, быть может, проще,
Но как на свете без любви прожить?
(Из песни)

Всеобщая взаимная любовь — это

научиться смотреть на чужие владения как на свои, смотреть на чужие дома как на свои, смотреть на других как на себя.

(Мо-цзы)

◗ В мире зла, глупости, неуверенности и сомнений, называемых существованием, есть одна вещь, для которой еще стоит жить и которая, несомненно, сильна, как смерть: это — любовь.

(Генрик Сенкевич)

◗ Кто не испытывал, как возбуждает любовь все силы человека, тот не знает, что такое любовь.

(Н. Г. Чернышевский)

◗ Тайны человеческой жизни велики, а любовь — самая недоступная из этих тайн.

(И. С. Тургенев)

◗ Любовь — как дерево; она вырастает сама собой, пускает глубоко корни во всё наше существо и нередко продолжает зеленеть и цвести даже на развалинах нашего сердца.

(Виктор Гюго)

◗ Любовь может дать в один момент то, чего труд не всегда может достигнуть за целый век.

(И. В. Гёте)

◗ Любовь сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

(И. С. Тургенев)

◗ Любовь смотрит через очки, в которых медь кажется золотом, бедность — богатством, гноящиеся глаза — жемчужинами.

(Мигель Сервантес)

◗ Любовь не какое-нибудь полевое растение, пробивающееся среди утесов, несмотря на бурю и снег; это — редкий куст, это — тепличное растение, это — цветок роскоши.

(Викторьен Сарду)

◗ Любовь прекрасна и трудна.
Но нам с тобою ясно:
Трудна для третьего она,
А для двоих — прекрасна!

(Из песни)

➤ Раздумья умудрённых

◗ Клясться женщине в вечной любви столь же нелепо, как утверждать, что всегда будешь здоров или всегда будешь счастлив.

(Шарль Монтескьё)

◗ Самый умный мужчина становится глупцом, когда он любит; самая пустая девушка, полюбив, становится умной.

(Моисей Сафир)

◗ Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей.

(А. С. Пушкин)

◗ Что для пламени ветер, то для любви препятствие.

(Лопе де Вега)

◗ При первой любви душу берут раньше тела; позже его берут прежде души, а иногда и совсем не берут души.

(Виктор Гюго)

◗ Сопротивляться любви — значит снабжать ее новым оружием.

(Жорж Санд)

◗ От любви лекарств много, но верного средства нет ни одного.

(Франсуа Ларошфуко)

◗ Страдавшим нужно жить для новых испытаний, а тем, кто уже любил, любить еще вновь.

(Альфред Мюссе)

◗ Уметь высказать, насколько любишь, — значит мало любить.

(Франческо Петрарка)

◗ Любовников на свете гораздо больше, нежели влюбленных.

(Моисей Сафир)

◗ ...Возвышенная любовь требует досуга.

(Андре Моруа)

◗ Одним взглядом можно убить любовь, одним же взглядом можно воскресить ее.

(Вильям Шекспир)

◗ Мы выбираем, нас выбирают,
Как это часто не совпадает!

(Из песни)

◗ Любить — жалкая привычка сердца. Слово того, кого любишь, сильнее влияет на душу, чем выражение чувств.

(Жорж Санд)

◗ В ответ на любовь добродетельная женщина говорит: нет, страстная — да, капризная — да и нет, кокетливая — ни да, ни нет.

(Фредерик Сулье)

◗ Я хочу быть любимой или быть понятой, — что одно и то же.

(Беттина Арним)

◗ Тоска по любви есть сама любовь.

(Жан Поль)

◗ Мужчина непременно хочет быть первой любовью женщины; в этом вид-

но его неуклюжее тщеславие. Женщины во всём гораздо тоньше и более чутки. Им нравится быть предметом последней страсти мужчины.

(Оскар Уайльд)

☽.Не преступление любить несколько раз в жизни и не заслуга любить только один раз: упрекать себя за первое и хвастаться вторым — равно нелепо.

(В. Г. Белинский)

☽ Одинаковое счастье — быть победителем или побеждённым в битвах любви.

(Клод Гельвеций)

☽ Не вечная ли это насмешка любви, что женщина не может любить того, кто любит её?

(Вильям Шекспир)

☽ Мужчина, который умно говорит о любви, не очень влюблён.

(Жорж Санд)

☽ Любовь, желающая быть только духовной, становится тенью; если же она лишена духовного начала, то она пошлость.

(Генрик Сенкевич)

☽ В любви надо действовать смело,
Задачи решать самому,
И это серьёзное дело
Нельзя поручать никому.

(Из песни)

☽ Разум не должен вмешиваться в любовные дела. Правильно рассуждает любимая женщина или неправильно — это безразлично. Любовь выше разума.

(Джек Лондон)

☽ Как на противоположность между обоими видами первичных позывов мы можем указать на полярность любви и ненависти... Но клиническое наблюдение учит нас тому, что ненависть не только неожиданным образом постоянный спутник любви (амбивалентность), не только частный ее предшественник в человеческих отношениях, но и что ненависть при различных условиях превращается в любовь, а любовь — в ненависть.

(Зигмунд Фрейд)

☽ Любовь нечаянно нагрянет,
Когда ее совсем не ждешь...

(Из песни)

☽ Любовь, для того чтобы быть действительно любовью, должна основываться на следующей предпосылке: надо любить, исходя из своей сущности, и переживать, исходя из сущности другого.

(Эрих Фромм)

☽ ◐ Мужчина любит не столько женщину, сколько продолжение в ней своих желаний. ◑

☽ Любовь — величина переменная. Даже у самых любящих возникают периоды неприязни друг к другу. Это естественно.

(Юрий Орлов)

☽ Не смейтесь над первой любовью, не смейтесь, иначе она посмеётся над вами.

(Р. И. Рождественский)

☽ Любовь на всякий возраст имеет свои страдания.

(И. С. Тургенев)

☽ Любовь не справляется никогда с метрической записью: никто не любит женщину потому, что она в том или другом возрасте, что она красива или дурна, что глупа или умна, но любит потому, что любит.

(Оноре де Бальзак)

☽ Любовь не признаёт другого врача, кроме себя самой.

(Проперций)

☽ Только последняя любовь женщины может сравниться с первой любовью мужчины.

(Оноре де Бальзак)

☽ Любовь ослабляет женскую нежность и усиливает мужскую.

(Жан Поль)

☽ Любовь официальная, скреплённая законом, освящённая церковью, — разве это любовь? Законный поцелуй никогда не может сравниться с поцелуем украдкой.

(Ги де Мопассан)

☽ Любовь — как губка; когда губка насыщена водой, целое море может пролиться над ней, не прибавив к ее содержимому ни одной капли.

(Виктор Гюго)

☽ Любовь без уважения далеко не идёт и высоко не поднимается: это ангел с одним крылом.

(Александр Дюма-сын)

☽ Любовь бежит от тех, кто гонится за нею, //а тем, кто прочь бегут, кидается на шею.

(Вильям Шекспир)

☽ Женская любовь — как уголь: когда горит — греет, когда остывает — пачкает.

➲ Любовь зла — полюбишь и козла!

➢ Скальпель ума

➲ Любовь наказание, а может, награда, а может быть, вместе и то, и другое.
(Р. И. Рождественский)

➲ Человек любит другого, покуда не может судить о нем, и любовная тоска — следствие недостаточного знания.
(Томас Манн)

➲ Любовь не ищет подлинных совершенств; более того, она их как бы побаивается: ей нужны лишь те совершенства, которые творит и придумывает она сама.
(Никола Шамфор)

➲ Любовь никогда не бывает без грусти...
(Из песни)

➲ И ненавидим мы, и любим мы случайно.
(М. Ю. Лермонтов)

➲ Любовь — неистовое влечение к тому, что убегает от нас.
(Мишель Монтень)

➲ В любви всегда есть немного безумства, но и в безумстве всегда имеется немного здравого смысла.
(Фридрих Ницше)

➲ Женщины в любви подобны смерти: они являются незваными и не приходят, когда их зовут.
(Рамон Кампоамор)

➲ При зарождении любви влюбленные говорят о будущем, при ее закате — о прошлом.
(Андре Моруа)

➲ В любви одно лицо — раб, а другое — властелин, и недаром толкуют поэты о цепях, налагаемых любовью. Да, любовь — цепь, и самая тяжёлая.
(И. С. Тургенев)

➲ Единственное средство побороть любовь — бежать от нее.
(Мигель Сервантес)

➲ Можно найти женщин, которые никогда не имели любовников, но трудно найти таких, которые имели бы только одного.
(Франсуа Ларошфуко)

➲ Если любовь и придаёт ума дуракам, то умных людей она делает очень глупыми.
(Пьер Буаст)

➲ В любви теряют рассудок, в браке же замечают эту потерю.
(Моисей Сафир)

➲ Рассуждать о любви — это терять рассудок.
(Станислав Буффлер)

➲ Женщина всегда ненавидит того, кто ее любит, и любит того, кто ненавидит ее.
(Мигель Сервантес)

➲ Ангелы зовут это небесной отрадой, черти — адской мукой, люди — любовью.
(Генрих Гейне)

➲ Если кто хочет вполне познать пустоту человека, то стоит ему рассмотреть причины и последствия любви... Если бы нос Клеопатры был немного короче, то вся поверхность земли имела бы другой вид.
(Блез Паскаль)

➲ Хорошо говоришь только о той любви, которой не чувствуешь.
(Альфонс Карр)

➲ Продлить молодость зрелому мужчине может только счастливая любовь. Любая другая мгновенно превращает его в старика.
(Альбер Камю)

➲ Сперва любовь, потом брак: сперва пламя, потом дым.
(Никола Шамфор)

➲ Любовь — большая помеха в жизни. С ее помощью заполняются тюрьмы и дома для умалишенных. Хроника любовных страстей легко прослеживается в протоколах комиссара полиции.
(Артур Шопенгауэр)

➲ Любят больше всего тех, кого боятся.

➲ Наверно, так устроен мир.
Он как большой стрелковый тир,
Где мы друг друга — в сердце
или в глаз,
А нам всё кажется, что целят
только в нас.
(Альберт Гареев)

➲ Любовь — это грубое преувеличение различия между одним человеком и всеми остальными.
(Бернард Шоу)

➲ Счастливая любовь — расслабляет волю, несчастная — разбивает сердце, где же ее блага?
(Ромен Роллан)

➲ С точки зрения социальной, в любви разумно, быть может, только одно — только то, что она безумна.
(Антуан де Ривароль)

➲ Поверхностными людьми я считаю

как раз тех, кто любит только раз в жизни. Их так называемая верность, постоянство — лишь летаргия привычки или отсутствие воображения. Верность в любви, как и последовательность и неизменность мысли, — это попросту доказательство бессилия...

(Оскар Уайльд)

➲ Истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто ее видел. *(Франсуа Ларошфуко)*

➲ Любовь, любовь, когда ты овладеваешь нами, можно сказать: прости, благоразумие. *(Жан Лафонтен)*

➲ Бывают люди, которые никогда сами по себе не любили бы, если бы не слышали постоянно разговоров о любви.

(Франсуа Ларошфуко)

➲ Страдания неразлучны с любовью, бесчисленны, как раковины на морском берегу. *(Овидий)*

➲ Без глаз и без ума,
Любовь летит, не ведая сама,
Куда и как.
Она, точь-в-точь как дети,
Легко попасть в свои же может сети.
Равно других способна обмануть
Любовь всегда... *(Вильям Шекспир)*

➲ Что жемчужина для раковины, то и любовь для иного женского сердца — единственное его сокровище, но также и неизлечимый недуг. *(Йожеф Этвёш)*

➲ ...О, любовь, любовь! Ты дух! Ты дьявол! Ты падший ангел! Но ведь был ею побеждён Самсон, несмотря на всю крепость своих мышц! Соломон тоже не избежал ее сетей при всей своей мудрости. *(Вильям Шекспир)*

➲ Любовь — одно из зол, которые нельзя скрыть; одно слово, один нескромный взгляд, иногда даже молчание выдают ее. *(Пьер Абеляр)*

➲ Любовь к женщине острее крюка, которым укрощают диких слонов; горячее пламени; она подобна стреле, вонзающейся в душу человека. *(Будда)*

➲ Любовь можно заслуженно назвать трижды вором — она не спит, смела и раздевает людей догола.

(Диоген Синопский)

➲ Любовь еще больше, чем увеличительное стекло, преувеличивает всё.

(Филип Сидни)

➲ Любовь — битва двух полов. Женщине надо защищаться сперва, мужчине надо защищаться после, и горе побежденным! *(Александр Дюма-сын)*

➲ Любовь — игра, в которой всегда плутуют. *(Оноре де Бальзак)*

➲ Любовь — история в жизни женщины и эпизод в жизни мужчины.

(Жан Поль)

➲ Женишься ты или не женишься, — в любом случае пострадаешь. *(Сократ)*

➲ Первая любовь требует лишь немного глупости и много любопытства.

(Бернард Шоу)

➲ Любовь тщеславна и себялюбива от начвла до конца. *(Джордж Байрон)*

➲ Любовь входит в сердце, бьёт по карману и выходит боком.

(И. Ильф. Записные книжки)

➲ Любовь для праздного человека — занятие, для воина — развлечение, для государя — подводный камень.

(Наполеон)

➲ Бойтесь разбить оригинал, снимая копию; ибо само богословие учит нас, что любовь к самому себе есть оригинал, а любовь к ближнему — копия с него.

(Фрэнсис Бэкон)

➲ От любви одно спасение: поспешное бегство. *(Вильям Шекспир)*

➲ Отдать тебе любовь?
— Отдай...
Она в грязи...
— Отдай в грязи...
Я погадать хочу...
— Гадай...
Еще хочу спросить...
— Спроси...
Скажу тебе: убей!
— Убью!
Скажу тебе: умри!
— Умру!
А если захлебнусь?

— Спасу...
А если будет боль?
— Стерплю...
Допустим, постучусь...
— Впущу...
Допустим, позову...
— Пойду...
А если там беда?..
— В беду...
А если обману?
— Прощу...
Спой — прикажу тебе...
— Спою...
Запри для друга дверь...
— Запру...
А если вдруг стена?
— Снесу...
А если узел?
— Разрублю...
А если сто узлов?
— И сто...
Любовь тебе отдвть?
— Любовь...
Не будет этого!!!
— За что?!
За то, что не люблю рабов.
(Р. И. Рождественский) ◑

Созвездие Близнецов.
Рисунок Перино дель Вага. Лувр

Как бы продолжая дело «Характеров» Теофраста и Лабрюйера, Стендаль великолепно (ярко, проницательно, мастерски) описал такую человеческую черту, как надменность:

«Однажды вечером, осенью 1816 года, возвратясь с прогулки на озеро Комо, я вошел в ложу г-на ди Бреме; я почувствовал в обществе что-то торжественное и натянутое; все молчали; я слушал музыку, когда г-н ди Бреме сказал мне, указывая на моего соседа: «Господин Бейль, вот лорд Байрон». Он повторил ту же фразу в обратном порядке лорду Байрону. Я увидел молодого человека с изумительными глазами, в которых было нечто великодушное; он был не велик ростом. Я тогда сходил с ума от «Лары». Со второго взгляда я уже видел лорда Байрона не таким, каков он был в действительности, но таким, каким, мне казалось, должен был быть автор «Лары». Так как беседа не клеилась, г-н ди Бреме старался заставить меня говорить; но это было для меня невозможно: я был полон робости и нежности. Если бы я посмел, я поцеловал бы руку лорду Байрону, заливаясь слезами. Побуждаемый вопросами г-на ди Бреме, я решил заговорить, но высказывал только банальные мысли, не рассеявшие молчания, которое в этот вечер царило в обществе. Наконец лорд Байрон попросил меня, так как один только я знал английский язык, указать улицы, по которым ему нужно было пройти, чтобы вернуться в свою гостиницу; она находилась на другом конце города, неподалеку от крепости. Я знал, что он непременно заблудится: в этой части Милана в полночь все лавки уже за-

крыты; ему пришлось бы блуждать по пустынным, плохо освещенным улицам, к тому же совершенно не зная языка. Из заботливости я имел глупость посоветовать ему нанять фиакр. Тотчас же его лицо приняло несколько высокомерное выражение; он дал мне понять с должной вежливостью, что он просил меня указать улицы, а не советовать, каким способом добраться до места. Он вышел из ложи, и я понял, почему с его приходом воцарилось молчание».*

Портрет Байрона.
Худ. Филлипс (1770 – 1845). Гравюра Р. Гревса. 1836 г.

- Почти все несчастья в жизни происходят от ложного представления о том, что с нами случается. Следовательно, глубокое знание людей и здравое суждение о событиях приближает нас к счастью.
- Корабль жизни поддаётся всем ветрам и бурям, если не имеет трудового балласта.
- Велико искусство прививать людям прекрасные идеи, которые учат жертвовать всем для счастья рода людского.
- Твёрдость женщины, борющейся со своей любовью, — самое великолепное из всего, что только существует на свете.
- Да, половина, и притом прекраснейшая половина, жизни остаётся скрытой для человека, не любившего со страстью.
- Любовь — восхитительный цветок, но требуется отвага, чтобы подойти и сорвать его на краю ужасной про́пасти.
- Характером человека я называю совокупность его моральных привычек.
- Одному человеку не дано соединять в себе все таланты.
- Не пренебрегайте ничем из всего, что может вас сделать великим.
- Юность — время отваги.

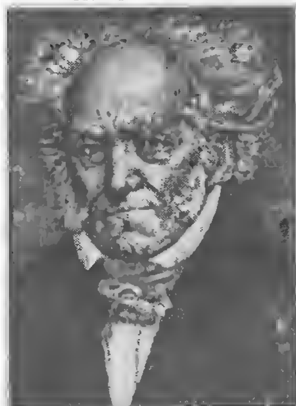
---

* Любопытно: Байрона постоянно сопровождала молва, будто бы он совершил некоторое таинственное преступление во время своего путешествия по Востоку. Особенно широко был распространён слух, будто бы поэт убил какую-то изменившую ему восточную рабыню и сделал из ее черепа кубок, из которого постоянно пил вино.

Повод для сплетен есть и сегодня и, по-видимому, не исчезнет никогда: Томас Мур, друг и душеприказчик Байрона, по настоянию семьи Байрона, боявшейся скандальных разоблачений о жизни их знаменитого родственника, уничтожил мемуары Байрона, а также бо́льшую часть находившихся в его распоряжении писем поэта.

Артур Шопенгауэр

XVIII – XIX вв.

• Немецкий философ

Родился: 22.02.1788 г.
Умер: 21.09.1860 г.

Прожил — 72 года

> **«Не удивление, а недоумение и печаль суть начало философии».**
> *(Шопенгауэр)*

■ **«Чем более человек имеет в самом себе, тем менее для него могут значить другие».** *(Шопенгауэр)*

■ **«Ну, куда это годится? Гегелевская белиберда выдерживает по нескольку изданий, а для меня проблема найти издателя. Что ж, тогда пусть мои труды появятся в посмертном издании, когда народится то поколение, которое радостно встретит каждую мою строчку. А время это когда-нибудь да наступит».** *(Шопенгауэр)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в обеспеченной семье данцигского (ныне польский город Гданьск) купца, обучался коммерции, медицине и затем философии.
• С 1809 г. учился в Гёттингене, в самом знаменитом из германских университетов. Изучал медицину, физику, зоологию, астрономию, естественную историю, психологию, логику, анатомию человеческого мозга. С 1811 г. в Берлинском университете изучал философию, слушая Фихте и Шлейермахера.
• В 1812 г. Йенский университет на основании присланной Шопенгауэром диссертации заочно провозгласил его доктором философии.
• С юности в Шопенгауэре зрел пессимизм. «Жизнь — очень сомнительная вещь, и я решил посвятить свою жизнь размышлениям о ней» — так философ сформулировал свое целевое кредо.
• Был весьма самонадеян, и до сих пор биографов удивляет его преподавательская выходка. Будучи приват-доцентом в Берлинском университете, он поставил в расписание свои лекции в те же часы, что и лекции Гегеля. При этом Шопенгауэра неподдельно сердило то, что к нему — великому мыслителю — почти никто из студентов не приходил.
• Был закоренелым холостяком, славился своей скупостью, резкостью суждений и нетерпимостью. Коллеги отмечали его честолюбие и прямо-таки маниакальную мнительность — ему казалось, что все его замалчивают и плетут против него заговоры.

• Преподавательская карьера Шопенгауэра не заладилась. В 1820 г. он всего лишь один семестр читал свои лекции «Об основаниях философии, или О теории познания, включая логику». Следующая малоуспешная попытка была предпринята им в 1825 году. Лекторским стилем Шопенгауэра было то, что он уничижительно упоминал или совсем не упоминал других философов.

• Оставив преподавание, Шопенгауэр большую часть жизни прожил во Франкфурте-на-Майне.

• В совершенстве владел английским, французским, итальянским и испанским языками. Любимого своего Сенеку, особенно 105-е письмо, он читал в подлиннике.

• В 30 лет написал свое главное произведение «Мир как воля и представление».

• Многие афоризмы (и житейские, и научные) — вот ведь как бывает! — у Шопенгауэра родились вследствие бытового конфликта между ним и швеей Каролиной Маркет, знакомой его квартирной хозяйки г-жи Беккер. Маркет в августе 1821 г. подала на философа в суд за якобы оскорбление ее словом и делом — она бесцеремонно вторглась на метры, которые он снимал, за что, не подчинившись уйти, была вытолкана за дверь. При этом она вроде как упала и будто бы сильно побилась...

/ Шопенгауэр обвинение не признал, но суд (в 1826 г.) его всё же оштрафовал на 20 талеров и приговорил к ежегодной, в 60 талеров годовых, пожизненной пенсии потерпевшей. Канитель эта, обидная и нервная, длилась 20 лет — до самой смерти (в 1846 г.) столь некстати прославившейся в философии женщины. /

• Считается, что Шопенгауэр, наряду с английским поэтом Колриджем, стал автором термина *«пессимизм»* (от *лат.* pessimus, т. е. наихудший).

• Впервые употребил выражение «духовное наслаждение» *(«geistige Genüsse»)* — «Наивысшее, разнообразнейшее, продолжительнейшее наслаждение — это наслаждение духовное...»

• Пожалуй, первым всесторонне исследовал человеческий эгоизм и, стремясь выразить глубину этого людского порока, однажды придумал гиперболу: «Иные люди были бы в состоянии убить своего ближнего просто для того, чтобы смазать себе сапоги»; а потом — Шопенгауэр пишет об этом исповедально откровенно — сам же и усомнился: да точно ли это преувеличение?

• Он был несколько ниже среднего роста, крепок телосложением, стройный, с громадной головой. Но на что обращали внимание все — так это на его светлые, блестящие, голубые глаза.

• Вставал рано, между 7-ю и 8-ю часами утра, пил кофе, а потом начиналось мыслительство. Усидчивая работа длилась до 12.30, затем полчаса играл на флейте...

• Бо́льшую часть дня проводил в кабинете своей двухкомнатной квартиры. Его окружали бюст Канта, портрет Гёте, бронзовая тибетская статуя Будды, шестнадцать гравюр на стенах с изображением собак.*

---

* Здесь были также портреты Канта, Декарта, Шекспира, несколько семейных портретов и его собственные повозрастные портреты.

• Любимое занятие — чтение. «Не будь на свете книг, я давно пришел бы в отчаяние...» — признавался Шопенгауэр. В библиотеке философа хранилось 1375 книг. Наибольшее удовольствие доставляло философу чтение *упанишад** в переводе с персидского на латинский издания 1809 года.

• Шопенгауэр придерживался строгого режима. Надев старомодный фрак и аккуратно повязав шею белым бантом, он в установленный час (13.00) шел обедать в ближайший ресторан. Совершал длительные прогулки, на ходу разговаривая с самим собой. Его сожителем и постоянным спутником был белый пудель Атма (*брахманское*: духовное первоначало, «самость»).

• После смерти своей собаки Шопенгауэр установил у себя в комнате гипсовое изображение Атмы и завел себе новую собаку.

• Отличался недоверием к людям и был крайне подозрителен. Перед сном Шопенгауэр перепрятывал свои ценности в самые потаённые уголки комнаты — боялся грабежей. Спать ложился с оружием.

• Панически боялся умереть от заразной болезни, из-за чего, чуть прознав о возможной или начавшейся эпидемии (оспы или холеры — а эти болезни тогда действительно мириадами косили людей), тут же менял место жительства.

• **Сочинения Шопенгауэра:**

«О четверояком корне закона достаточного основания» (1813):

/ Эту книгу Шопенгауэр издал за свой счет — сыграло свою роль наследство отца, позволявшее жить довольно безбедно. /;

«О зрении и цветах» (1816);

«Мир как воля и представление» (1819);

«О свободе воли»;

«О воле в природе» (1836);

«Об основе морали» (1841);

«Две основные проблемы этики» (1841);

«О религии» (1851);

«Метафизика любви»;

«Парерга и Паралипомена» (1851) — в двух томах:

/ «Парерга» — *по-греч.* «дополнительное произведение». Именно здесь, помимо главного произведения «Мир как воля и представление», были опубликованы знаменитые «Афоризмы житейской мудрости». «Паралипомена» (*греч.* — выпущенное) — том «житейских» хроник из 31 главы. /

• Только на закате жизни он ощутил подлинный вкус ее смысла:

♦ Если прежде я желал возможно долгих лет для победоносной борьбы с моими врагами, то теперь я охотно пожил бы еще для того, чтобы хоть под старость насладиться столь долго заставившим ждать себя, но зато доносящимся теперь до меня отовсюду признанием моих научных заслуг.

---

* **Упанишáды** (*санскр.* — сокровенное знание) — заключительная часть вед, их окончание; основа всех ортодоксальных (принимающих авторитет вед) религиозно-философских систем Индии.

• Когда — незадолго до смерти — друзья спросили угасавшего философа, где бы он желал покоиться после смерти, Шопенгауэр ответил: «Всё равно. *Они* уже сумеют отыскать меня».
• Умер он спокойно, во время утреннего кофе, от паралича лёгких.
• Как было установлено впоследствии, череп его отличался необыкновенными размерами, превосходя черепа Канта, Шиллера, Наполеона, Талейрана...
• На его могиле самая простая надпись: «Артур Шопенгауэр».

2. СУДЬБА

► Из 800 экземпляров изданной в 1818 г. книги Шопенгауэра «Мир как воля и представление» за полтора года было продано лишь 100 экземпляров. Оставив для продажи 50 экземпляров, издатель превратил всё остальное в макулатуру.

► Однажды Гёте записал в альбом Шопенгауэру:

Чтоб быть достойным человеком,
Признай достоинство других!

И Шопенгауэр, как ни дулся он на Гёте, понял мудрость этих строчек. Он с такой благоговейной почтительностью относился к особе Гёте, что выдрал из своего альбома все листы, за исключением этого одного, и берег до са́мой своей смерти.

► «По отношению к философии Шопенгауэра я ощущаю совершенно такую же победоносную уверенность, какая дается нам каким-нибудь глубокомысленным *произведением искусства*: вовсе не *логическое* убеждение в его неоспоримости, но уверенность, что оспаривать подобное *произведение искусства* было бы то же самое, как если бы я захотел разрезать ножом воду на куски. Сознание того, что еще многие другие произведения искусства, повествуя о сущности мира, могли бы быть истинными, и от этого *данное* произведение не становилось бы *менее истинным*. Словом, эта истина в основе отлична от всякой “научной истины”».

(Эрвин Роде)

► **Артур Шопенгауэр:**

↗ «Моя философия не дала мне совершенно никаких доходов, но зато избавила меня от очень многих трат».

↗ «Вот меня пытаются критиковать, но разве брань и ругань, обрушившиеся на здорового человека, случайно оказавшегося в сумасшедшем доме, со стороны больных способны его огорчить или взволновать? Нет, конечно».

3. УЧЕНИЕ

• Основное

♦ Посмотрите на лесную улитку: без всяких орудий для бегства, для обороны, для обмана, для укрывательства она представляет собою готовую добычу для всех желающих. Посмотрите, как рыба беспечно играет в еще открытой сети, как лень удерживает лягушку от бегства, которое могло бы ее спасти, как птица не замечает сокола, который кружит над нею, как волк из-за кустарника зорко высматривает овец. Все они, малозаботливые и осторожные, простодушно бродят

среди опасностей, которые каждую минуту грозят их существованию. Таким образом, природа, без всякого раздумья отдавая свои невыразимо искусные организмы не только в добычу более сильным существам, но и предоставляя их произволу слепого случая, капризу всякого дурака, шаловливости всякого ребенка, — природа говорит этим, что гибель индивидуумов для нее безразлична, ей не вредит, не имеет для нее никакого значения и что в указанных случаях беспомощности животных результат столь же ничтожен, как и его причина. Она весьма ясно выражает это, и она никогда не лжет, но только она не комментирует своих вещаний, а говорит скорее в лаконическом стиле оракула. И вот, если наша общая всемать так беспечно посылает своих детей навстречу тысяче грозящих опасностей, без всякого покрова и защиты, то это возможно лишь потому, что она знает, что если они падают, то падают только обратно в ее же лоно, где и находят свое спасение, так что это падение — простая шутка. С человеком она поступает не иначе, чем с животными; и на него, следовательно, тоже распространяется ее девиз: жизнь или смерть индивидуума для нее безразличны. Поэтому, в известном смысле, они должны быть безразличны и для нас, так как ведь мы сами — тоже природа. И действительно, если бы только наш взгляд проникал достаточно глубоко, мы согласились бы с природой и на смерть или жизнь смотрели бы так же равнодушно, как она.

♦ «Нет объекта без субъекта» — вот положение, которое навсегда делает невозможным всякий материализм. Солнца и планеты без глаза, который их видит, и рассудка, который их познаёт; их можно назвать словами, но эти слова для представления — кимвал звенящий. С другой стороны, однако, закон причинности и идущие по его следам наблюдение и изыскание природы неизбежно приводят нас к достоверной гипотезе, что каждое высокоорганизованное состояние материи следовало во времени лишь за более грубым, что животные были раньше людей, рыбы — раньше животных суши, растения — раньше последних, неорганическое существовало раньше всего органического; что, следовательно, первоначальная масса должна была пройти длинный ряд изменений, прежде чем мог раскрыться первый глаз. И всё же от этого первого раскрывшегося глаза, хотя бы он принадлежал насекомому, зависит бытие всего мира, как от необходимого посредника знания — знания, для которого и в котором мир только и существует и без которого его нельзя даже мыслить, ибо он всецело — представление, и в качестве такого нуждается в познающем субъекте как носителе своего бытия.

♦ Если каждому из нас воочию показать те ужасные страдания и муки, которым во всякое время подвержена вся наша жизнь, то нас объял бы трепет; и если провести самого закоренелого оптимиста по больницам, лазаретам и камерам хирургических истязаний, по тюрьмам, застенкам, логовищам невольников, через поля битвы и места казни; если открыть перед ним все темные обители нищеты, в которых она прячется от взоров холодного любопытства, то в конце концов и он, наверное, понял бы, что это за *meilleur des mondes possibles* («наилучший из возможных

миров» (*фр.* — формула Г. В. Лейбница, немецкого философа*). Да и откуда взял Данте материал для своего ада, как не из нашего действительного мира? И тем не менее получился весьма порядочный ад. Когда же, наоборот, перед ним возникла задача изобразить небеса и их блаженство, то он оказался в неодолимом затруднении, именно потому, что наш мир не дает материала ни для чего подобного.

♦ Кто боится смерти как абсолютного уничтожения, не должен пренебрегать безусловной уверенностью, что сокровеннейшее начало его жизни этому уничтожению не подлежит. И можно даже высказать парадокс, что и то второе начало, которое, подобно силам природы, остается чуждо вечной смене состояний, протекающей по нити причинного сцепления, то есть материя, сулит нам своей абсолютной устойчивостью такую неразрушимость, в силу которой человек, не способный понять никакой иной вечности, всё-таки может уповать на известного рода бессмертие. «Как? — возразят мне, — на устойчивость простого праха, грубой материи, надо смотреть как на продолжение нашего существа?» Ого! Разве вы знаете этот прах? Разве вы знаете, что он такое и к чему он способен? Узнайте его, прежде чем презирать его. Материя, которая лежит теперь перед вами как прах и пепел, сейчас, растворившись в воде, осядет кристаллом, засверкает в металле, рассыплет электрические искры, в своем гальваническом напряжении проявит силу, которая, разложив самые крепкие соединения, обратит земные массы в металл; и мало того: она сама собою воплотится в растение и животное и из своего таинственного лона породит ту самую жизнь, утраты которой вы так боитесь в своей ограниченности. Неужели продолжать свое существование в виде такой материи совсем уже ничего не стóит? Нет, я серьезно утверждаю, что даже эта устойчивость материи свидетельствует о бессмертии нашего истинного существа.

Чистая, бесформенная материя — это основа эмпирического мира, сама по себе никогда не восприемлемая, но всегда неизменно предполагаемая, — представляет собою непосредственное отражение, вообще — зримый образ вещи в себе, то есть воли; поэтому к ней, в условиях опыта, применимо всё то, что безусловно присуще самой воле, и в образе временной неразрушимости она, материя, воспроизводит истинную вечность воли. А ввиду того, что природа не лжет, ни одно наше воззрение, зародившееся из чисто объективного восприятия ее и прошедшее через правильное логическое мышление, не может быть совершенно ложно: нет, в худшем случае оно страдает большой односторонностью и неполнотой. Именно таким воззрением, бесспорно, и является последовательный материализм, например *эпикуровский*, как и противоположный ему абсолютный идеализм, например *берклиевский*, — как и вообще всякий философский принцип, зародившийся из верного понимания и добросовестно разработанный. Но только всё это — в высшей степени односторонние

---

* «В Теодицее» Лейбниц формулирует это положение так: «*...nisi inter omnes possibiles mundos optimus esset, Deus nullum produxisset*» («...Бог не создал бы мир, если бы этот мир не был бы лучшим из всех возможных миров»). Точка зрения же Шопенгауэра в корне противоположна: «Этот мир — наилучший из всех возможных».

миросозерцания, и поэтому, при всей их противоположности, все они *одновременно* истинны, — каждое со своей определенной точки зрения; а сто́ит лишь над этой точкой подняться, как истинность их сейчас же оказывается относительной и условной. Высшей же точкой, с которой можно бы обозреть их все, увидеть их истинными только относительно, понять их несостоятельность за данными пределами, — может быть точка абсолютной истины, насколько она вообще достижима.

♦ Как брызги и струи бушующего водопада сменяются с молниеносной быстротою, между тем как радуга, которая повисла на них, непоколебимая в своем покое, остается чужда этой беспрерывной смене, — так и всякая *идея*, то есть *род* живущих существ, остается совершенно недоступна для беспрестанной смены его индивидуумов. А именно в идее, или роде, и лежат настоящие корни воли к жизни; именно в ней она находит свое выражение, и поэтому воля действительно заинтересована только в сохранении идеи. Например, львы, которые рождаются и умирают, — это всё равно что брызги в струе водопада; львиность же, *идея* или форма льва, подобна непоколебимой радуге над ним. Вот почему Платон только *идеям*, то есть родам, приписывал настоящее бытие, индивидуумам же — лишь беспрестанное возникновение и уничтожение. Из глубоко сокровенного сознания собственной нетленности и вытекают те уверенность и душевный покой, с какими всякий животный, а равно и человеческий индивидуум беспечно проходит свой жизненный путь среди бесчисленных случайностей, всякое мгновение которых могут его уничтожить, и проходит, кроме того, по направлению к смерти, — а в глазах его между тем светится покой рода, которого это грядущее уничтожение не касается и не интересует. Да и человеку этого покоя не могли бы дать шаткие и изменчивые догмы. Но, как я уже сказал, вид всякого животного учит нас, что ядру жизни, воле в ее обнаружениях смерть не мешает. Какая непостижимая тайна кроется во всяком животном! Посмотрите на первое встречное из них, — посмотрите на вашу собаку: как спокойно и благодушно стоит она перед вами! Многие тысячи собак должны были умереть, прежде чем для этой собаки настала очередь жить. Но гибель этих тысяч не нанесла урона *идее* собаки: ее нисколько не омрачила вся эта полоса смертей. И оттого собака стоит перед нами такая свежая и стихийно могучая, как будто бы нынче ее первый день и никогда не может наступить для нее день последний, — и в глазах ее светится ее неразрушимое начало, архе. Что же умирало здесь в продолжение тысячелетий? Не собака — вот она стоит цела и невредима, а только ее тень, ее отражение в характере нашей познавательной способности, приуроченной ко времени. И как только можно думать, будто погибает то, что существует во веки веков и заполняет собою все времена? Конечно, эмпирически это понятно; именно, по мере того как смерть уничтожала одни индивидуумы, рождение создавало новые. Но это эмпирическое объяснение только кажется объяснением, на самом же деле оно вместо одной загадки ставит другую. Метафизическое понимание этого факта, хотя оно покупается и не столь дешевой ценою, всё-таки представляет собою единственно правильное и удовлетворительное.

Кант, своим субъективным приемом, выяснил ту великую, хотя и отрицательную истину, что *«вещи в себе»* не может быть присуще время, так как оно заложено априорной формой в нашем восприятии. А смерть — это временный конец временного явления; поэтому, стóит только отрешиться от формы времени, и сейчас же не окажется больше никакого конца, и даже слово это потеряет всякий смысл. Я же, здесь, на своем объективном пути, стараюсь теперь выяснить положительную сторону дела — именно то, что *«вещь в себе»* остается неприкосновенной для времени и того процесса, который возможен только в силу него, то есть для возникновения и исчезновения, и что явления, протекающие во времени, не могли бы иметь даже своего беспрерывно исчезающего, близкого к небытию существования, если бы в них не было зерна вечности. Конечно, вечность — это такое понятие, в основе которого не лежит никакой интуиции; поэтому и содержание его чисто отрицательно, — оно означает, именно, вневременное бытие. Время же всё-таки — это лишь образ вечности, как учил Плотин; оттого и наше временное бытие не что иное, как образ, или символ, нашей внутренней сущности. Последняя должна иметь свои корни в вечности, потому что время — это лишь форма нашего познания; между тем только в силу времени мы познаём, что наша сущность и сущность всех вещей преходяща, конечна и обречена на уничтожение.

● Нужное

♦ Философия — это альпийская вершина, к которой ведёт лишь крутая тропинка, пролегающая по камням и терниям. Чем выше человек взбирается, тем становится пустыннее, и идти по этой тропинке может только человек вполне бесстрашный. Часто человек этот пробирается над пропастью, и он должен обладать здоровой головою, чтобы не подвергнуться головокружению. Но зато мир, на который он взирает сверху, представляется ему гладким и ровным, пустыни и болота исчезают, неровности сглаживаются, диссонансы не доносятся до него, он окружён чистым воздухом и солнечным светом, между тем как у ног его расстилается глубокая мгла.

♦ Если кто хочет исчерпывающее и всеобъемлющее воззрение на моё понимание «воли», то скажу: воля видится мною как энергия жизни мира.

♦ Вне воли и разумения не только ничто нам не известно, но даже ничто не может быть мыслимо. Невозможно искать в чём-либо другом реальности для применения ее к телесному миру. Эту волю, это хотение нужно строго отличать от сопровождающего его сознания и от определяющего его мотива. Всё это — не сущность воли, а лишь проявление ее. Так, например, если я говорю, что сила, заставляющая камень тяготеть к земле, по существу своему, сама по себе и вне всякого представления есть воля, то это не значит, что камень движется в силу известного ему сознательного мотива, так как в этой последней форме воля проявляется только у человека.

♦ Для меня вечным, неразрушимым в человеке является не душа, а, прибегая к химическому термину, — основание души, т. е. воля.

/■■ Лавуазье разложил воду (H_2O) на водород (H) и кислород (O) и тем создал новую ситуацию в физике и химии; я же разложил душу, или дух, на два, весьма различных, составных элемента: *волю* и *представление*. Все существовавшие до сих пор метафизические системы исходили или из *материи* или из духа, образуя лагеря материализма и спиритуализма, оба ведшие в выводах к нелепостям. Я же отвожу одной из составляющих души, или духа, — воле — первое место, тому же, что должно быть познаваемо, — второе место; а материя является неизбежным соотносительным понятием субъекта познаваемого, так как материя не мыслима без представления, но и последнее не мыслимо без неё: материя как таковая (als solche) существует лишь в представлении, способность же представления не мыслима иначе, как одно из свойств организма. ■/

♦ Единственная хорошая сторона жизни заключается в том, что рядом с волей существует и познавание; это обеспечивает воле конечное освобождение.

♦ Разница между философами и историками заключается в том, что первые желают постигнуть, а последние желают перечислить.

♦ Верно переданная жизнь отдельной личности изображает собою, в более суженной сфере, деятельность людей во всех оттенках и образах; к тому же, в смысле внутреннего значения случившегося, — что одно и имеет важность — совершенно безразлично, мелки или крупны события, происходят ли они в крестьянских избах или в королевских дворцах: всё это, само по себе, не имеет значения, а получает таковое лишь благодаря отношению своему к воле. Подобно тому как круг диаметром в дюйм и круг диаметром в 40 миллионов миль обладают одинаковыми геометрическими свойствами, так и события и дела какого-нибудь селения и обширного государства в сущности одинаковы, и человечество можно изучить и познать, как на первом, так и на последнем.

♦ В то время как природа положила самое резкое различие между людьми и в умственном, и в нравственном отношении, общество, пренебрегая этим, ставит всех на одну доску или, и того более, ставит искусственное различие по ступеням сословия и ранга, которое весьма часто диаметрально противоположно табели о рангах природы. При таком порядке вещей положение тех, кого природа поставила низко, очень хорошее; но те немногие, кого она поставила высоко, остаются внакладе, почему они обыкновенно и избегают общества. Да и в каждом обществе, коль скоро оно многолюдно, преобладает пошлость. Что особенно отваживает великие умы от общества, так это равенство прав, а стало быть, и претензий при неравенстве способностей.

♦ Что касается великих умов, то вполне естественно, что эти истинные воспитатели всего человеческого рода имеют так же мало склонности сходиться с остальными, как педагоги вмешиваться в игры шумящих вокруг них детей. Ибо они, пришедшие в мир, чтобы в море заблуждений направлять его к истине и из мрачной грубости и пошлости вести его к свету, образованию и облагорожению, — хотя они и обречены жить среди всех прочих, но, однако, не принадлежать к массе.

♦ Что делает людей общительными, так это их неспособность переносить одиночество, а в одиночестве — самих себя. Внутренняя пустота и недовольство — вот что гонит их в общество, в странствие и на чужбину.

♦ «Все наши беды проистекают от невозможности быть одинокими», — сказал Лабрюйер. Общительность принадлежит к опасным, даже пагубным, наклонностям, так как она приводит нас в соприкосновение с существами, большинство которых нравственно — скверно, а умственно — тупо и извращено. Иметь в себе самом столько содержания, чтобы не нуждаться в обществе, есть уже потому большое счастье, что почти все наши страдания проистекают из общества, и спокойствие духа, составляющее после здоровья самый существенный элемент нашего счастья, в каждом обществе подвергается опасности, а потому и невозможно без известной меры одиночества.

♦ Обыкновенно общество можно сравнить с русским роговым оркестром, в котором каждый рог имел только один звук, и лишь через точное совпадение их получалась музыка. Чувства и дух большинства людей монотонны, как такой рог; ведь и смотрят из них многие так, будто они постоянно заняты одною и тою же мыслью, а какой-либо иной не способны и мыслить.

Однообразие своего собственного существа — вот что́ невыносимо для каждого: как говорили римляне, «всякая глупость страдает отвращением к себе»; только гуртом и сообща представляют они нечто, как тот роговой хор. Напротив, человек, одарённый умом и духом, подобен виртуозу, в одиночку исполняющему свой концерт или играющему на фортепьяно. Как последний сам по себе есть маленький оркестр, так и он представляет собою маленький мир.

♦ Человек, прибегающий к самоубийству, доказывает только то, что он не понимает шутки, — что он, как плохой игрок, не умеет спокойно проигрывать и, когда к нему приходит дурная карта, предпочитает бросить игру и в досаде встать из-за стола.

♦ Люди, которые, вместо того чтобы изучать мысли философа, стараются ознакомиться с его биографией, походят на тех, которые, вместо того чтобы заниматься картиной, стали бы заниматься рамой картины, оценивая достоинства резьбы ее и стоимость позолоты. Но это еще полбеды; а вот беда, когда биографы начнут копаться в вашей частной жизни и вылавливать в ней разные мелочи, не имеющие ни малейшего отношения к научной деятельности человека.

♦ Даже там, где причина очевидна, всё же существует таинственное нечто, какой-то «Х», составляющий самую суть, мотив явления, которое тем не менее доступно нам, правда, лишь в виде представления. Этот-то «Икс» во всех замечаемых нами явлениях тождествен с тем, что при действиях нашего тела мы разумеем под словом «воля».

/© Итак, наряду с апейроном и гомеомериями, водой, землёй, воздухом и огнём, враждой и любовью, материей и формой, Богом, атомом, монадой, энергией и силой, духом и сознанием, теперь вот еще и **воля** введена в ранг *начал* мира. В данном аспекте Шопенгауэр выступает чистым философом, поскольку безапелляционно говорит

о том, о чём даже в гипотетическом плане можно говорить лишь гипотетически.

Любая попытка вложения *сущности* в объект называния офилософствывает и самое дело и того, кто им занимается: во-первых, неизвестному даётся объяснение, причём в двух порядках — «впервые» и «наконец-то тайна открыта»; во-вторых, присутствует системный момент, ибо все пояснения опираются на «великие аксиомы» и «неопровержимые законы»; в-третьих, наличествует неустранимый субъективный компонент: «я» того человека, кто любезно и великодушно открыл нам на всё глаза, вещательность и мессия.

Вот почему любомудрие — искусство. Оно индивидно и индивидуально; без своего носителя оно так же невозможно, как цвет без света или стук без соударения. Вот почему любомудрие — наука. Оно растолковывает и истолковывает. И потому наша попытка следующего шага в миродвижении получает еще одно подкрепление к уверенности.

Заметьте: здесь не говорится, **куда** мы ступим и **как сильно** надавим. Идущий может и оступиться и провалиться, он может и *не туда*, где есть «то, что надо», пойти. Философия всего лишь нейтрализует в нас пассивность и, может быть, чуть-чуть ослабляет страх и тревожные ожидания. Но скажите, разве, прыгая с вышки, так уж мало знать, что есть разумоприемлемый шанс не разбиться? В жизни важна вовсе не жизнь, мы ведь, хотим того или нет, осознаём, что она от нас не зависит. Главное — смотреть вперёд, тогда только включаются защитные и берегущие нас механизмы; это как шпага — она ведь тоже имеет смысл, когда прокалывает противника, а не когда вытаскивается. Проблема не в том, чтобы не оборачиваться — как без этого ?!, — проблема в том, чтобы не смотреть н а з а д. Не станем подменять осмотрительность сворачиванием шеи! ◑ /

● Важное

♦ Гегель — человек с посредственным умом, он хотел всеми известными средствами прослыть великим философом и, действительно, успел сделаться идолом нескольких весьма молодых, но ограниченного ума людей. Но такие покушения против человеческого разума не остаются безнаказанными.

♦ Одно искусство действительно понимал этот Гегель, именно искусство водить немцев за нос. Но это не великое искусство. На каждой странице, в каждой строчке сквозит старание обморочить и обмануть читателя.

♦ Гегель не только не имеет никаких заслуг перед философией, но оказал на нее крайне пагубное, поистине отупляющее, можно сказать, тлетворное влияние. Кто может читать его наиболее прославленное произведение, так называемую «Феноменологию духа», не испытывая в то же время такого чувства, как если бы он был в доме умалишенных, — того надо считать достойным этого местожительства.

♦ Гегелевская философия состоит из 3/4 **чистой бессмыслицы** и 1/4 **нелепых выдумок**.

♦ Из каждой страницы Давида Юма можно почерпнуть больше, чем из полного собрания философских сочинений Гегеля, Гербарта и Шлейермахера, вместе взятых.

♦ Величайшая заслуга Канта заключается в различении *явления* и *«вещи в себе»* на основании доказательства, что между нами и вешами стоит интеллект, вследствие чего их нельзя познать такими, как они существуют в себе.

♦ Философ не должен преследовать «почему». Осмысленная им *«вещь в себе» находится вне пределов* ***закона основания*** и тем самым всякой закономерности. Заблуждение всех философов состояло в том, что они считали философию *наукой* и искали ее, руководствуясь законом основания.

♦ Мир — это моё представление.

♦ Величайшая нелепость материализма состоит в том, что он исходит из *объективного,* принимает за крайнюю основу *объективное.* Между тем в действительности всё объективное, как таковое, многоразлично обусловливается познающим субъектом с формами его познания и таковые предполагает, следовательно, с устранением субъекта тоже совершенно исчезает.

♦ Я должен напомнить здесь доказательство недопустимости материализма, поскольку он является философией субъекта, который при своем счете забывает о самом себе. А все эти истины основываются на том, что всё *объективное,* всё внешнее, будучи постоянно только восприемлемым, познаваемым, всегда и остается только косвенным и производным и поэтому решительно никогда не может сделаться последним основанием для объяснения вещей, или исходным пунктом философии. Ибо последняя необходимо требует, чтобы ее исходным пунктом было нечто совершенно непосредственное, а таким непосредственным, очевидно, является только то, что дано *самосознанию,* внутреннее, *субъективное.*

♦ Всякий объект, как вещь в себе, есть воля, а как явление — материя.

♦ Полная идеальность телесного мира, существующего лишь в нашем представлении, — одно из основоположений моего учения.

♦ Весь мир представлений есть только лишь объективация воли.

♦ Под **объективацией** я понимаю воплощение в реальном физическом мире. Но самый этот мир всецело обусловлен познающим субъектом, то есть интеллектом, и, следовательно, вне познания совершенно немыслим как таковой.

♦ Каждый организм, в том числе и человеческий, жизнь, как таковая, представляет собой не что иное, как обнаружение воли. Что такое зубы, глотка, кишечный канал, как не «объективированный голод»? Что такое половые органы, как не «объективированное половое влечение»?

♦ Воля, будучи рассматриваема сама в себе, бессознательна и есть лишь слепое, неудержимое стремление, каким она в наших глазах проявляется еще в неорганической и растительной природе и ее законах, равно как и в растительной части нашего собственного тела.

♦ Все биологические понятия не более как понятийные объективации проявлений *воли,* непостижимого начала, которые обозначают именами: *vitalitas* (жизненность), архе, *spiritus animalis* (животный дух), жизненная сила, творческий инстинкт; и все эти имена говорят не более, чем Икс.

♦ Я принял одну составную часть *psiches* (духа), *волю*, как нечто первое и первичное, другую же, именно познающую, или *субъект*, как второе, вторичное, а *материю* — как необходимый коррелят этого вторичного.

♦ Нервы, *мозг*, подобно другим частям органического существа, суть только выражения ***воли*** на этой ступени ее объективации.

♦ Моя философия в первый раз полагает истинную сущность человека не в сознании, а в воле, которая не связана по существу с сознанием, а относится к *сознанию, то есть к познанию*, как субстанция к акциденции.

♦ Всю мою философию можно сформулировать в одном выражении: *мир — это самопознание воли.*

♦ Подобно тому как желудок переваривает, печень выделяет желчь, почки — мочу, *testiculi* — семя, так и мозг представляет, выделяет представления. Таким образом, весь интеллект, все представления, всё мышление являются физиологической функцией большого мозга.

♦ Весь мир был бы уничтожен, если бы уничтожить интеллект или удалить мозг из всех черепов. Я прошу вас не думать, что это — шутка: я говорю совершенно серьезно, ибо мир существует лишь как наше (и всех животных) представление, и помимо этого представления мира нет.

♦ Я держался истины, а не Господа Бога.

♦ Кто любит истину, тот ненавидит богов, как в единственном, так и во множественном числе.

♦ Религия в течение 1900 лет держала разум в наморднике.

♦ Вера и знание — это две чаши весов: чем выше одна, тем ниже другая.

♦ Как только распространяется свет астрономии, естествоиспытания, геологии, истории, географии и народоведения, а затем, наконец, возвышает голос и философия, всякая вера, основанная на чудесах и откровении, должна исчезнуть, уступив свое место философии.

♦ Всё, что совершается от величайшего до последней мелочи, совершается необходимо.

♦ Издревле говорили о человеке, как о микрокосме. Я перевернул это положение и выяснил, что мир — это макроантропос.

♦ Но не суть ли объекты, знакомые индивидууму лишь как представления, тем не менее, подобно его телу, проявления воли? Вот настоящий смысл вопроса о реальности внешнего мира.

♦ Допускать существование вещей, как таковых, еще и вне нашего сознания и независимо от него — поистине нелепо.

♦ ***«Почему»*** можно назвать матерью всех наук.

♦ Философия до сих пор терпела неудачи главным образом потому, что ее искали по пути науки, а не искусства. Философ никогда не должен забывать, что философия есть искусство, а не наука.

♦ Изучение *упанишад* было утешением моей жизни и будет утешением, когда я буду умирать.

♦ Я никогда не претендовал, чтобы моя философия всё исчерпывала и не оставляла более вопросов. В этом смысле философия действительно невозможна, — это была бы наука всезнания.

♦ Моя метафизика — это изложенное в отчетливых понятиях знание, почерпнутое из интуиции.

♦ Мой труд — «Мир как воля и представление» — представляет собою новую философскую систему, притом новую в полном смысле слова: не новое изложение уже существующего, а в высшей степени взаимосвязанный новый ряд мыслей, которые до сих пор еше никогда не приходили в голову ни одного человека. Работа эта в равной мере далека как от высокопарного, пустопорожнего и бессмысленного словоблудия новой философской школы, так и от многословной плоской болтовни докантовского периода.

♦ Я шире распахнул завесу истины, чем кто-либо из смертных до меня. Но я хотел бы видеть того, кто мог бы похвалиться более ничтожными современниками, чем те, среди которых я жил.

♦ Кто умеет мыслить, для того движение от толчка нисколько не понятнее, чем движение от притяжения: в основе того и другого явления лежат неведомые нам силы природы.

♦ Свободное — значит ни в каком отношении не подлежашее необходимости, то есть независимое ни от какого основания.

♦ Государство — это «намордник».

♦ Чтобы основать совершенное государство, надо прежде всего создать такие существа, природа коих допускает, чтобы они всюду жертвовали собственным благом во имя общественного благополучия.

♦ Государство — это всего лишь средство, с помощью коего вооруженный разумом эгоизм старается избежать своих же собственных, на него же обращенных дурных последствий, причем каждый споспешествует благополучию всех, потому что видит в нем залог своего собственного благоденствия.

♦ Что до «принципа власти», то следует отрицать право какого-либо смертного властвовать над народом против его воли, однако народ, носитель власти, — это вечно несовершеннолетний державец, и ему нужна опека, и ему нельзя предоставить самостоятельное правление, так как он, подобно всем несовершеннолетним, легко становится игрушкой в руках ловких плутов, называемых демагогами.

♦ Ты из себя должен понять природу, а не себя из природы. Это мой революционный принцип.

♦ Каждый истинный мыслитель в известном смысле подобен монарху: он непосредствен и никого не признаёт над собой.

♦ Мое время и я — не соответствуют друг другу; это ясно.

♦ **Из полемики с современниками:**

- ⊙ Ведь я же не профессор философии, которому необходимо расшаркиваться перед чужим бессмыслием.
- ⊙ Что ж, они правы: ведь они призваны к философии министерством, а я — только природой.
- ⊙ Мне предложили выбирать: факультет или моя философия. Я выбрал философию.

4. МЫСЛИ

◪ Каждое ограничение способствует счастью. Чем у́же круг нашего зрения, наших действий и сомнений, тем мы счастливее; чем шире он — тем чаще мы страдаем или тревожимся. Ведь вместе с ним растут и множатся заботы, желания и тревоги.

- Если подозреваешь кого-нибудь во лжи — притворись, что веришь ему; тогда он лжет грубее и попадается. Если же в его словах проскользнула истина, которую он хотел бы скрыть, — притворись неверящим; он выскажет и остальную часть истины.
- В одиночестве каждый видит в себе то, что он есть на самом деле.
- Истинная дружба — одна из тех вещей, о которых, как о гигантских морских змеях, неизвестно, являются ли они вымышленными или где-то существуют.
- Обыватель — это человек, постоянно и с большой серьезностью занятый реальностью, которая в самом деле не реальна.
- То, что людьми принято называть судьбою, является, в сущности, лишь совокупностью учинённых ими глупостей.
- Нет лучшего утешения в старости, чем сознание того, что удалось всю силу молодости воплотить в творения, которые не стареют.
- С точки зрения молодости жизнь есть бесконечно долгое будущее; с точки зрения старости — очень короткое прошлое.
- Каждый человек имеет в другом человеке зеркало, в котором он может ясно разглядеть свои собственные пороки. Однако он большею частью поступает при этом как собака, которая лает на зеркало в том предположении, что видит там не себя, а другую собаку.
- Ставить кому-либо памятник при жизни — значит объявить, что нет надежды на то, что потомство его не забудет.
- Глупец гоняется за наслаждениями и находит разочарование, мудрец же только избегает горя.
- Самоубийца именно потому и перестает жить, что не может перестать хотеть.
- Из личных качеств непосредственнее всего способствует нашему счастью веселый нрав.
- То, что есть *в* человеке, несомненно важнее того, что есть *у* человека.
- Объективно — честь есть мнение других о нашей ценности, а субъективно — наша боязнь перед этим мнением.
- Жениться — это значит наполовину уменьшить свои права и вдвое увеличить свои обязанности.
- Истинный характер человека сказывается именно в мелочах, когда он перестает следить за собою.
- Гордость есть внутреннее убеждение человека в своей высокой ценности, тогда как тщеславие есть желание вызвать это убеждение в других, с тайной надеждой усвоить его впоследствии самому.
- Лучше обнаруживать свой ум в молчании, нежели в разговорах.
- Великое стадо человеческого рода всегда и повсюду необходимо нуждается в вожде, руководителе и советнике, смотря по обстоятельствам, в той или иной форме. Таковы: судья, правитель, полководец, священнослужитель, чиновник, доктора, ученые, философы и так далее. Весьма естественно, что такие вожди, по справедливости, должны быть освобождены как от телесной работы, так и от житейской нужды и неудобств, а также, по мере своих гораздо высших услуг, больше иметь и наслаждаться, чем обыкновенный, заурядный человек. К этому привилегированному классу вождей должны быть причислены даже опто-

вые торговцы, поскольку они заблаговременно предусматривают народные потребности и способствуют их удовлетворению.

- Мы знаем, что смерть неизбежна, и всё равно ставим перед собой какие-то цели, стараясь выдуть мыльный пузырь как можно больше, хотя отлично знаем, что он лопнет.
- Есть ли счастье в мире? Нет. Если цель, которую ставит человек, не достигнута, если желание не осуществлено, — человек несчастен. Но если достигнуты — человек пресыщен, наступает неизбежное разочарование и неумолимо возникает вопрос: а что же дальше?
- Перо для мышления — всё равно что палка для ходьбы. Но как для самой легкой походки не требуется палки, так самое совершенное мышление происходит без пера. И только когда начинаешь стареть, охотно берешься и за палку, и за перо.
- Нет лучшего средства для освежения ума, как чтение древних классиков; стóит взять какого-нибудь из них в руки, хотя б на полчаса, — сейчас же чувствуешь себя освежённым, облегчённым и очищенным, поднятым и укреплённым,— как будто бы освежился купанием в чистом источнике.
- Бóльшая часть человеческого знания во всех отраслях существует лишь на бумаге, в книгах, — этой бумажной памяти человечества. Поэтому лишь собрание книг, библиотека, является единственной надеждой и неуничтожаемой памятью человеческого рода.
- Что нас так восхищает созерцание животных, это основывается на том, что нам приятно видеть перед собой собственную сущность, доведенную до такого упрощения.
- Аффектирование какого-либо качества, хвастовство им — это признание самому себе, что не обладаешь им. Хвастается ли человек храбростью, ученостью, умом, богатством, успехом у женщин, остроумием, знатностью рождения или еще чем-нибудь, — всё это свидетельствует, что именно этого-то ему и не хватает: кто действительно обладает каким-либо достоинством, тому и в голову не придет выказывать его — он совершенно спокоен на этот счет. Именно таков смысл испанской пословицы: «Раз подкова бренчит, значит, в ней не хватает гвоздя».
- Люди, одаренные великими и блестящими качествами, не особенно стесняются сознаться в своих недостатках и слабостях или обнаруживать их перед другими. Они смотрят на них, как на нечто, за что они заплатили, и даже думают, что скорее они делают честь этим слабостям, чем слабости — им бесчестие.
- Люди, живущие стремлениями и надеждами, то есть будущим, смотрящие всегда вперед и с нетерпением спешащие всегда вперед, навстречу грядущим событиям, — будто эти события принесут им истинное счастье, — и пропускающие тем временем настоящее, не успев им насладиться, — эти люди, несмотря на написанную на их лицах серьезность, подобны тем ослам, которых в Италии заставляют идти быстрее, привешивая к концу палки, укрепленной на их голове, охапку сена, которую они видят близко перед собой и вот-вот надеются достать. Итак, вместо того чтобы исключительно и постоянно заниматься планами и заботами о будущем или предаваться сожалению о про-

шлом, мы должны помнить, что лишь настоящее реально, лишь оно одно достоверно.

Мы пропускаем с кислым лицом тысячи часов, не наслаждаясь ими, чтобы потом с тщетной грустью вздыхать по ним. Вместо этого следует по достоинству ценить сносное настоящее, хотя бы самое обыденное, которое обычно мы равнодушно пропускаем мимо себя.

◪ Читать — значит думать чужой головой вместо своей собственной.

◪ Цитатами следует пользоваться только тогда, когда действительно не обойтись без чужого авторитета.

◪ Наш мир — худший из возможных миров. Если бы в подтверждение этого своего взгляда я захотел бы привести изречения великих умов всех времен во враждебном оптимизму духе, то цитатам не было бы конца.

◪ Знамениты прекрасные стихи Феогнида: «Лучший жребий человека — это совсем не родиться, не видеть дня и солнечных лучей, а если уж родился человек, то лучше всего тотчас же низринуться ему в Аид и скрыть свое угнетенное тело во глубине земли». Да и Байрон, наконец, сказал так: «Сосчитай те часы радости, которые ты имел в жизни; сосчитай те дни, в которые ты был свободен от тревоги, и пойми, что какова бы ни была твоя жизнь, лучше было бы тебе не жить».

∇ ◐ Шопенгауэр дал толчок многим раздумьям в этом направлении, что и завершилось прекрасной формулировкой одного из героев Альбера Камю: «Этот мир лишен смысла, и тот, кто осознал это, обретает свободу». ◑

◪ Едва ли люди стали бы философствовать, если бы не было смерти.

∇ ◐ Именно «смерть», постигнутая как последняя мистерия природы и раскрытая нам как последнее благо и последнейшая надежда, становится Верховным Координатором всех поисков смысла и цели жизни: она из страха лепит нас, она нам дарит третий глаз, чтоб дальше видеть то сейчас, что, может, будет через час. И, конечно же, это глубоко справедливо, что человек,

Так Истину узнав, беседуя со Смертью
И грезя без конца все ночи напролёт,
Таинственную Смерть сестрою милосердья
Всем существом своим впервые назовёт.

(**Артюр Рембо.** *Сёстры милосердия*) ◑

◪ Человеческую жизнь нельзя назвать ни долгой, ни краткой, так как, в сущности, она служит меркой, по которой мы оцениваем все остальные периоды времени. В ведических упанишадах *естественной продолжительностью жизни* признаётся 100 лет. Мне кажется, это верно, ибо мною замечено, что только те, кто переступил за 90-й год, получают себе в удел *эвтаназию*, то есть умирают без всяких болезней, а также без апоплексии, без судорог, без хрипения, иногда даже не побледнев, большей частью сидя, и притом после еды, — лучше сказать, они совсем **не умирают, а только перестают жить.**

◪ *Упреждать время* надлежит лишь теоретически, предвидя его действие, а не практически, то есть не следует торопить его, требуя раньше времени того, что может принести с собой лишь время. Ибо делаю-

щий это узнаёт на опыте, что нет более жестокого, неумолимого ростовщика, чем время, и что оно, когда его вынуждают давать авансы, берет за это более тяжкие проценты, чем любой еврей.

- Обозреть то, что *может случиться*, — для этого нужен ум, а для обзора того, что *уже случилось*, требуются только внешние чувства.
- В своих мероприятиях мы не должны забираться слишком далеко в будущее, а оставлять также кое-что на долю случая и смело смотреть навстречу многим опасностям в надежде, что они минуют нас, как это часто бывает с черными грозовыми тучами.
- Молчаливость самым настоятельным образом и с помощью самых разнообразных аргументов рекомендовалась всеми наставниками житейской мудрости. Прибавлю только две-три арабские максимы, которые особенно удачны и малоизвестны: «Чего не должен знать твой враг, того не говори своему другу»; «Если я скрою свою тайну, она — моя пленница; если я ее выпущу, я — ее пленник»; «На древе молчания растет его плод — мир».
- Не оспаривай ничьих мнений, помни, что если бы мы захотели разубедить кого-либо во всех нелепостях, в какие он верит, то можно было бы дожить до Мафусаиловых лет[31], не покончив с этим.
- Вежливость для человека то же, что для воска тепло. Как для воска, от природы твердого и упорного, достаточно немного теплоты, чтобы он стал мягок и принял какую угодно форму, так даже людей сварливых и злобных немного вежливости и дружелюбия способны сделать уступчивыми и услужливыми.
- Нет такого характера, который мог бы обходиться собственными силами и быть всецело предоставлен самому себе: каждый нуждается в руководстве со стороны понятий и ма́ксим.
- Чтобы пройти свой путь в мире, полезно взять с собой большой запас предусмотрительности и снисходительности: первая предохранит нас от убытков и потерь, вторая — от споров и ссор.
- Относительно многих самое умное будет думать: «Изменить я его не изменю, постараюсь поэтому его использовать».
- Общественные связи каждого человека стоят как бы в обратном отношении к его интеллектуальной ценности, и слова «он очень необщителен» почти равносильны похвале: «это человек с большим достоинством».
- Известно, что беды становятся легче, когда их переносят сообща; к ним люди причисляют, по-видимому, и скуку, — вот почему они устраивают собрания, чтобы скучать вместе.
- Подобно тому как наше тело покрыто одеждой, так наш дух облечен в ложь. Наши слова, поступки, всё наше существо проникнуто ложью, и лишь сквозь эту оболочку можно иногда отгадать наш истинный образ мыслей, как одежда позволяет иной раз уловить формы тела.
- С такой же неизменностью, как мурлычет кошка, если ее погладить, сладкое блаженство отражается на лице человека, которого хвалят, особенно за то, в чём он считает себя знатоком, хотя бы похвала эта была явной ложью.
- Каждый имеет для другого лишь то значение, какое тот имеет для него.
- Каждый усматривает в другом лишь то, что содержится в нем самом,

ибо он может постичь его и понимать его лишь в меру своего собственного интеллекта.

◐ Можно и проще: «Каждый понимает другого в меру своего ума». ◑

- Если же кто-то действительно для нас очень дорог, мы должны скрывать это от него, как будто бы это было преступление. Такой совет не особенно-то отраден, зато он верен. Даже собакам трудно не испортиться от больших ласк, не говоря уже о людях.
- Если бы нам захотелось узнать, как поступит человек в положении, в какое мы собираемся его поставить, мы не должны в таком случае основываться на его обещаниях и уверениях. Ибо допустим даже, он говорит искренно, тогда он говорит о том, чего не знает. Нам надлежит, стало быть, определять его поведение, опираясь исключительно на разбор обстоятельств, в какие ему придется попасть, и столкновения их с его характером.
- И вместе с Петраркой давайте же неутомимо повторять: тот, кто ищет спокойствия, должен избегать женщин — этого вечного источника споров и треволнений.
- Когда люди вступают в тесное общение между собой, то их поведение напоминает дикобразов, пытающихся согреться в холодную зимнюю ночь. Им холодно, они прижимаются друг к другу, но чем сильнее они это делают, тем больнее они колют друг друга своими длинными иглами. Вынужденные из-за боли уколов разойтись, они вновь сближаются из-за холода, и так — все ночи напролёт.
- Тысячи наслаждений не окупают одного страдания.
- Иной бы удивился, увидев, из чего, собственно, слагается его совесть, которая кажется ему вполне благоразумной: приблизительно — 1/5 страха перед людьми, 1/5 дезидемонии (страха перед верховными силами), 1/5 предрассудка, 1/5 тщеславия и 1/5 привычки, так что он в основе не лучше того англичанина, который прямо заявил: «Мне не по средствам содержать совесть».
- Сострадание есть вполне единственная и действительная основа всякой свободной справедливости и всякого истинного человеколюбия, и лишь, — поскольку деяние истекает из него, — имеет оно нравственную ценность.
- Каждое деяние человека есть необходимое произведение его характера и наступающего мотива.
- Характер — неизменен.
- Если всё читать и читать без конца, не обдумывая затем прочитанного, то оно не пускает корней и по большей части гибнет.
- Честь — это внешняя совесть, а совесть — это внутренняя честь.
- Тщеславие делает человека болтливым.
- 9/10 нашего счастья зависят от здоровья.
- Средний человек озабочен тем, как бы ему убить время, человек же талантливый стремится его использовать.
- Как лекарство не достигает своей цели, если доза слишком велика, так и порицание и критика — когда они переходят меру справедливости.
- Отдельный человек слаб, как покинутый Робинзон; лишь в сообществе с другими он может сделать многое.

- Жизнь — коротка, а правда действует далеко и живет долго; будем же говорить правду!
- Мое отечество обширнее, чем Германия, и я призван служить человечеству не кулаком, а головою.

  / Шопенгауэр здесь обосновывает свое неучастие в революции 1848 г. в Германии. /
- Уединение избавляет нас от необходимости жить постоянно на глазах у других и, следовательно, считаться с их мнениями.
- Ценить высоко мнение людей будет для них слишком много чести.
- Довольствоваться самим собою, быть для себя всем и иметь право сказать: «*Omnia mea mecum porto*» («Всё свое ношу с собой»[32]) — это, бесспорно, важнейшее данное для счастья.
- Философские системы такой же неуживчивой натуры, как пауки или хищные животные, истребляющие друг друга. Борьба эта длится более двух тысячелетий.
- Прогресс — это сновидение XIX века, подобно тому, как воскресение из мертвых было сновидением X века; у каждого времени свои сны.
- Какой прок от просветителей, реформаторов, гуманистов? Чего добились на самом деле Вольтер, Юм, Кант? Все их старания — тщетные и бесплодные усилия, ибо мир — это госпиталь неизлечимых.
- Всякое страдание есть не что иное, как неисполненное и пресечённое хотение.
- Для меня **оптимизм**, если он только не бессмысленные речи тех, под плоскими лбами которых ничего не гостит, исключая слов, является не только нелепым, но также и истинно **безнравственным** образом мыслей, как горькая насмешка над несказáнными страданиями человечества.
- Люди подобны часовым механизмам, которые заводятся и идут, не зная зачем.
- Кто не любит одиночества — тот не любит свободы, ибо лишь в одиночестве можно быть свободным.
- Философия далеко не то, что алгебраическая задача, и Вовенарг безусловно прав, утверждая, что великие мысли исходят из сердца.
- Ручательством прочности и верности моей философии для меня служит то, что я вовсе не создал ее, а она сама себя создала. Я просто в качестве зрителя и очевидца записал то, что представлялось мне пониманием, чуждым всякого участия воли.
- Если кто с предубеждением относится к парадоксальности какого-либо труда, то это происходит, очевидно, вследствие убеждения, что в обращении находится уже достаточное количество истины, что человечество вообще достигло уже очень многого и что ему разве только остаётся исправлять и дополнять частности. Но тот, кто, подобно Платону и Гёте, убеждён в том, что мир преисполнен нелепостей, всегда увидит в парадоксальности какого-либо произведения симптом благоприятный, хотя, впрочем, и не решающий. Мир, конечно, был бы прекрасен, если бы истина в нём могла быть не парадоксальна, если бы добродетели в нём не приходилось страдать, если бы всё прекрасное заслуживало всеобщее одобрение. Но где его возьмёшь — такой мир!

Людвиг Фейербах

XIX в.

• Немецкий философ

Родился: 28.05.1804 г.
Умер: 13.09.1872 г.

Прожил — 68 лет

> **«Я отрицаю Бога — это значит у меня: я отрицаю отрицание человека».**
> *(Фейербах)*

■ **«Вопрос о том, сотворил ли Бог мир... есть вопрос об отношении духовного к чувственному,.. Этот вопрос принадлежит к числу важнейших и в то же время труднейших вопросов... философии, что явствует уже из того, что вся история философии вращается, в сущности говоря, вокруг этого вопроса».** *(Фейербах)*

■ **«Если вы хотите улучшить людей, то сделайте их счастливыми».** *(Фейербах)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Ландсгуте, в Баварии, в семье известного криминалиста Ансельма Фейербаха.
• У него было три брата, один из которых стал математиком, другой — юристом, третий — археологом и искусствоведом.
• В 19 лет Фейербах окончил местную гимназию и поступил в Гейдельбергский университет, избрав своей специальностью — богословие.
• Однако замеченная им догматическая ортодоксия преподавателей сразу же вызывает у него неприязнь.
• Со второго курса Фейербах учился уже в Берлинском университете, где слушает лекции по логике, метафизике, философии, религии Георга Фридриха Гегеля.

/ «Это совершенно другое образовательное учреждение, — пишет Людвиг отцу, — здесь студенческие попойки, дуэли, пикники абсолютно немыслимы».

«Благодаря Гегелю, — говорил впоследствии Фейербах, — я пришел к самосознанию и приобрел миропонимание. Для меня он стал вторым отцом, а Берлин — моей духовной родиной. Он был единственным человеком, который дал мне почувствовать и понять что такое учитель...

В течение двух лет я был его слушателем — безраздельным, внимательным, вдохновенным. Но уже вначале, через каких-то полгода,

он совершил в моих уме и сердце перемену: я знал, чего я хотел и что я должен делать, — не *богословие*, а *философия*. Не велеречивость и экзальтация, а изучение! Не вера, а мышление!». /

• И Фейербах-студент бежит из «грязных рук попов» к новым друзьям — Аристотелю, Спинозе, Канту.

• 13 декабря 1828 г. он защитил в Эрлангенском университете написанную по-латыни диссертацию «О едином, всеобщем и бесконечном разуме».

• В 25 лет Фейербах становится приват-доцентом и начинает читать курс гегелевской философии в Эрлангенском университете. С 1829 по 1832 г. он преподает логику, метафизику, историю новой философии.

• Поначалу Фейербах не выходит за круг гегелизма и гегельянства:

♦ Вещи сами по себе вовсе не существуют вне мышления; мышление всеобъемлюще, оно есть подлинное всеобщее пространство всех вещей и субъектов.

/◐ Однако, со временем, его как человека думающего, творческого, новаторского, начинают одолевать мысли: ведь если верен принцип причинности, то как же мог Гегель не высказаться относительно своего места в паре «причина — следствие»? Но быть на месте первой, очевидно, чрезмерная претензия. А находиться вблизи второго — не велика заслуга. От чьего имени происходит глас глашатаев истины — вот вопрос! И круг сомнений закручивает Фейербаха в спираль прозревающего скептика ◑:

♦ Как мышление относится к бытию, как логика относится к природе? <...> Но что такое отрицательное в абсолютной совершенной идее? *Только* то, что она находится лишь в стихии мышления? Однако откуда тебе известно, что существует еще другая стихия? Из логики? Отнюдь; ведь... логика сама по себе знает лишь о себе, лишь о мышлении. Итак, «другое» логики дедуцируется не из логики, не логическим, а алогическим путем, другими словами, логика только потому переходит в природу, что мыслящий субъект вне логики натыкается на непосредственное бытие, на природу, и вынуждается к признанию ее... Не было бы природы, никогда логика, эта непорочная дева, не произвела бы ее из себя. /

∇ ◐ Мне думается, что в становлении Фейербаха был и, так сказать, психографический аспект, доступный только психоаналитике. Гегель, несмотря на всё восхищение им со стороны ученика, задевал Фейербаха. Именно своей претензией на абсолютность. Выставляя свою философию «высочайшей, последней», он зарождал в душе тщеславного последователя «протест развития»: ибо росток может не понимать, что над ним асфальт, но на «не сопротивляться» он не рассчитан. Живое жестоко — оно взламывает любые покровы, включая и те, что его хранили.

• Его расцвет и явление себя как самостоятельного мыслителя начинается знаменательными утверждениями:

♦ Существующие религии заключают бесконечно много отвратительного и несовместимого с истиной.

♦ Тайна спекулятивной философии — в теологии.

• ◐ Фейербах ставит себе задачей вернуть человеку человековое. По его мысли, в е р а утверждает себя за счет ей не принадлежащего. Поглощая чужие сущностные силы, она паразитирует, ибо не только берет, но и отбирает.

Здесь бы испытать пафос радости, да только что-то мешает. И ведь же! Когда мы в театре отдаем бурный каскад собственных эмоций в ответ на совершенно чужую аффектацию, потоком льющуюся на нас со сцены, разве в этот момент реализуется в нас или для нас какое-либо умаление. Чтó бывает, если не бывает? И почему можно не желать того, что взбаламучивает, тормошит, перетряхивает?! Сладость лжи и иллюзии обмана — они что, только тягость??!! А что тогда сторожит вожделение, если ни к чему быть тому, что быть не должно???!!!

Однако послушаем Фейербаха. И пусть не пройдет мимо нас: дело не в том, чтобы искать недостатки или ошибки: найти их не сложно — только вот что потóм с ними делать?: вдруг они как те бактерии, без которых жить нельзя.

Заслуга философа не обязательно в приумножении или исключительно в призывах. Знание столь многокомпонентно, что иногда и напоминание более чем уместно.

Так вот Фейербах нас возвратил. Нет, не к себе, и не к природе, хотя внешне всё вроде бы именно в этом и состоит. Он вернул нам потенциал позабытого интереса и косвенно сказал почти что оракульское: никто не знает даже того, что знает, и всемирно великое есть только и всегда — просто неимоверно раздутое небольшое.

Всемирные религии, эпохальные философии — всё меркнет само собой, если на него распространить его же собственные мерки. Кто зáрится на большое, соберет лишь куцый урожай ◑:

♦ Чтобы обогатить Бога, надо разорить человека; чтобы Бог был всем, человек должен сделаться ничем.

♦ Человек приписывает Богу то, что он отрицает в себе.

♦ Чем субъективнее, чем человечнее Бог, тем более отказывается человек от своей субъективности, от своей человечности.

♦ Вера во всемогущего Бога неразрывно связана с убеждением в бессилии людей, вера в бесконечную Божественную мудрость — с убеждением в неспособности человеческого разума к познанию, вера во всеблагость Бога — с убеждением в невозможности для людей творить добро.

• ◐ Гегелевскую философию Фейербах преодолел как-то очень уж быстро. Почти что одномоментно.

На мой взгляд, он никогда не был ее приверженцем. Так, — всего лишь поклонником. И здесь произошло то же, что бывает и с первой любовью: юность делает новый шаг вперед, и жизнь тут же заявляет свои права ◑:

♦ Я прихожу в ужас, ну прямо как жизнь перед лицом смерти, при встрече с гегелевской философией, с гегелевской логикой. Это ужас бабочки перед своим пребыванием в виде куколки и гусеницы.

• ◐ Как и все талантливые люди, Фейербах скор на теоретическую экзальтацию и воодушевляющую чрезмерность. Его энтузиазм находится

непрерывно в режиме перехлёста. Это очень интересный процесс, потому что необыкновенно важны его последствия. Тут возможно даже любопытное сравнение с огнем: ведь жжет-то не вся масса пламени, а лишь окантовка, верхушка. Жар, превышая необходимое, уравновешивает нужное: балансируя тепло и свет в цель передачи поджигания. И если посмотреть на Фейербаха именно с этой точки зрения, то мы увидим за́лповый выброс экстаза ума, способный передаваться причастно и возбуждающе.

Мыслители, как правило, не многое успевают. Но их животворная импульсация хранит последующее от опасной увлеченности прошлым. Они открывают постоянную перспективу переднего плана, тем исчерпывают вознадеживание прежними источниками. Нам ими завещано движение, а это не только «перемещение в», но и «сдвиг от». То есть «толкание к» ◑:

♦ Метод преобразующей критики спекулятивной философии в ц е л о м ничем не отличается от метода, который уже был применен в *философии религии.* Достаточно повсюду подставить **предикат** на место **субъекта** и **субъект** на место **объекта и принципа**, то есть *п е р е в е р н у т ь* спекулятивную философию, и мы получим истину.

• Сохранились письма Фейербаха к жене, в которых он чистосердечно рассказывает о том, как напряженно он готовился к своим лекциям и как их читал. Целую неделю он работал, готовясь к своим трем лекционным часам. Фейербах, оказывается, предварительно составлял письменный текст предстоящей лекции, но читал их потом свободно, не глядя в текст. С волнением подымался он каждый раз на кафедру, «подобно бедному грешнику, идущему на эшафот». Но, взойдя на кафедру, он обретал уверенность. «Ты должен! — придавало мне силы».

• Вскоре за антирелигиозные мысли, изложенные печатно, Фейербах закрывает себе путь к университетской карьере. И как оказывается, навсегда. За ним закрепляется репутация атеиста, «антихриста».

• ◐ В 1839 г. Фейербах окончательно порывает с гегелевской философией и становится — нет, не материалистом, поскольку он никогда не исходил из «материи», — а, я бы сказал, хомои́стом (от homo — человек), т. е. основателем учения, стягивающего воедино и к человеку все предикаты его мыслительной деятельности и вводящего «принцип одноканальности» для всех моментов нашего психопроявления ◑:

♦ Теперь человек для меня субъект мышления. А раньше я само мышление принимал за субъект и рассматривал его как нечто самодовлеющее (из себя — собой — себе же отмеренное, исчерпанное, законченное и достаточное).

♦ Новая философия превращает человека, включая и природу как базис человека, в единственный, универсальный и высший предмет философии, превращая, следовательно, антропологию, в том числе и физиологию, в универсальную науку.

♦ «Я — человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Это высказывание Теренция*, если его взять в его *всеобщем и высшем смысле*, является *лозунгом современного философа.*

---

* **Теренций** — римский писатель (185 – 159 гг. до н. э.). Изречение одного из действующих лиц в комедии «Самоистязатель».

♦ ...Новая философия, как философия человеческая, по существу есть также философия для человека...

• Склонный к научным занятиям, к духовному развитию, и не найдя других возможностей к заработку и применению себя, Фейербах выбирает стезю писательства. Идет 30-й год его жизни:

♦ Я по натуре гораздо менее предназначен быть учителем, чем мыслителем, исследователем.

• В этот период, 1834-й год и далее, Фейербах переселяется на местожительство в деревню Брукберг.Здесь он увлекается минералогией, геологией, биологическими науками; интересуется физиологией и ботаникой, энтомологией и анатомией мозга.

• В 1843 г. между ним и Карлом Марксом состоялся мимолетный обмен письмами. Маркс, будучи тогда редактором «Немецко-французских ежегодников», заказывает Фейербаху статью против Фридриха Шеллинга (Маркс: «Я считаю Вас необходимым, естественным, призванным их величествами природой и историей противником Шеллинга. Ваша борьба с ним — это борьба подлинной философии против философии мнимой».), а Фейербах вежливо «съезжает» с предложения ссылкой на то, что нет-де «никакой необходимости тратить время и силы на такое пустое, ничтожное и преходящее явление, как Шеллинг». В это время автору «Сущности христианства» уже 39 лет, а будущему творцу эпопеи о «Капитале»* — 25 лет.

• ◐ Фейербах весьма щепетилен в вопросе о философской идентификации. Никто не должен сомневаться в том, что он на стезе только первичного, природного, начала. И это заявляется прямо, решительно, громко.

Правда, есть нюанс. Что-то его беспокоит, мучает, гложет. У Фейербаха нет понятия, термина, обозначения, соответствующего его мировоззренческому настроению. Разлом сознания, похоже, неизбежен...

Действительно: исходящий из примата материи, ты должен вроде бы называться материалистом, но когда знаешь силу и роль самосознания, когда закалён диалектикой ума и казуистикой разума, если ценишь и исповедуешь дух человеческого предназначения, если интеллект не в состоянии сконцентрироваться, а зыбко и всплесково колеблется на острие смерти, то даже, казалось бы, обычной здравости уже достаточно, чтобы отторгнуть от себя опрометчивость ◑:

♦ Для меня материализм есть основа здания человеческой сущности и человеческого знания; но он для меня не то, чем он является для физиолога, для естествоиспытателя в тесном смысле, например, для Якоба Молешотта, и чем он не может не быть для них сообразно их точке зрения и их специальности...

Идя назад, я целиком с материалистами; идя вперед, я не с ними.

• В 1861 г. Фейербах познакомился с этикой Шопенгауэра и подверг ее резкой критике:

♦ Что бы ни говорил Шопенгауэр, всё же стремление к счастью — конечная цель и смысл всякого человеческого деяния и мышления.

---

* Имеется в виду главный труд К. Маркса «Капитал» (т. 1, 1867 г.); работу над последующими томами Маркс не завершил, их подготовил к изданию его друг и соратник Ф. Энгельс (т. 2, 1885 г.; т. 3, 1894 г.).

/ Шопенгауэр же не оставался в долгу и запальчиво возражал:

«Девизом Фейербаха может быть только: после смерти — никаких наслаждений; ешьте и пейте!»/

• ◐ Есть у Фейербаха и своя метафизика. Волнующая его тема сущностно воплощается в основу мира, имплантируется в определяющую среду нашего *Я*, кладется в опору базисов и фундаментов ◑:

♦ Интимнейшую сущность человека выражает не положение: «Я мыслю, следовательно, я существую», а положение: «Я хочу, следовательно, я существую».

♦ Ни один вопрос не является таким головоломным и не подается в такой мере решительному утверждению и отрицанию, как вопрос о свободе воли.

♦ Стремление к счастью — это стремление стремлений. Ведь счастье «субъективно», как слишком хорошо знают и говорят моралисты, и оно таково на самом деле. Мое счастье неотделимо от моей индивидуальности.

♦ Какова страна, каков народ и человек, таково и его счастье.

∇ ◐ Разумеется, всё признаваемо, и Фейербаху не откажешь строить свои, т. е. его, башни. Но высóты опасны: и если с земли не видны вершины, то откуда уверенность, что, взобравшись на них, потом сумеешь разглядеть землю. Мы легки́ на воспарение, однако даже для самолета — труднее всего посадка.

• **Сочинения Фейербаха:**

«Мысли о смерти и бессмертии, по рукописям одного мыслителя с приложением богословско-сатирических эпиграмм» (1830 г.):

/ Этот анонимный труд в виде небольшой книжки — первое печатное выступление Фейербаха. /;

«История новой философии от Бэкона Веруламского до Бенедикта Спинозы» (1833 г.):

/ А. И. Герцен, русский мыслитель, талантливейший писатель, вообще передовой человек, со своим местом и ролью в мировой науке и социальной истории, в 1844 г. работал над произведением о натурфилософии, которое впоследствии, опубликованное в «Отечественных записках», получит название «Письма об изучении природы». Так вот 4 июля в тот год он помечает в «Дневнике»:

«Сейчас по ходу дела прочитал, или лучше, пробежал Шиллера историю натурфилософии от Бэкона до Лейбница; скучная книга... Какая необъятная разница с фейербаховской «Историей...»!» /;

«Абеляр и Элоиза. Писатель и человек» (1834 г.):

/ Один из тех, кому Фейербах послал экземпляр своей книги, выразил недоумение по поводу ее заглавия: ведь в книге ничего не говорится о французском философе Пьере Абеляре и его подруге Элоизе?

Но, похоже, этот человек мало вник в текст и потому ничего не понял в написанном, где главная мысль — безграничная привязанность, безраздельная любовь средневекового мыслителя служит символом неразлучности писателя и человека, разума и чувства. /

// По мнению Фейербаха: «Быть без религии — значит думать только о себе, иметь религию — значит думать о других».

{ Интересно то представление Фейербаха, когда он, утверждая, что «всякая взаимная связь двух людей есть религия», доказывает такой свой вывод ссылкой на то, что слово «религия» происходит от *лат.* «religare» и его первоначальное значение — связь. } //

«Рецензия на книгу Шта́ля "Христианское учение о праве и государстве"» (1835 г.);

«Изложение, развитие и критика философии Лейбница» (1837 г.);

«Пьер Бейль» (1838 г.);

«К критике философии Гегеля» (1839 г.);

«Сущность христианства» (1841 г.):

/ Разъясняя суть и смысл этой книги одному из своих приверженцев в Финляндии, Фейербах писал следующее:

♦ «Сущность христианства» является в равной мере критикой религии и критикой идеалистической философии. Это произведение направлено не только против христианства, но и против философии Гегеля, против меня самого, поскольку я перешел от одной философии к другой. /

// Первоначально книга мыслилась быть изданной под другими названиями: первый вариант заголовка — «Познай самого себя, или Тайны религии и иллюзии теологии»; второй — «Критика чистого неразумения».* //;

«Основные положения философии будущего» (1843 г.);

«Сущность веры в понимании Лютера» (1844 г.);

«Сущность религии» (1846 г.);

«Рецензия на книгу Якоба Молешотта «Популярное учение о питательных продуктах» [другой перевод: «Физиология пищевых продуктов»] (1850 г.);

«Теогония» (1857 г.);

«Тайна жертвы» (1866 г.);

«Божество, свобода и бессмертие» (1866 г.);

«О спиритуализме и материализме, в особенности в отношении к свободе воли» (1866 г.);

«Эвдемонизм» (1867 – 1869 гг.):

/ В этой работе постулирующее, отправное положение гласит:

♦ Гусеница, после долгих неудачных поисков и напряженного странствования, успокаивается, наконец, на желанном растении, соответствующем ей. Что привело ее в движение? Что заставило ее мускулы попеременно сжиматься и разжиматься? Только воля, только боязнь не захиреть и не истомиться от голода самым жалким образом или, точнее говоря, только любовь к жизни, стремление к самосохранению, стремление к счастью. /

• Умонастрой Фейербаха редко был солнечным. Что-то угрюмое, тяжелое, давящее не покидало его, а наваливалось и щемило...:

♦ Разница между свободным и заключенным — чисто количествен-

---

* Здесь трудно не почувствовать аллюзию на книгу И. Канта «Критика чистого разума».

ная, она заключается лишь в том, что первый из них находится в несколько более просторной тюрьме. Я, во всяком случае, всегда чувствую себя заключенным.

• Последние годы жизни Фейербаха были омрачены невзгодами и лишениями. В 1859 г. зять Фейербаха обанкротился и его фарфоровая фабрика была продана с аукциона. Философ лишился основного средства к существованию и был на старости лет изгнан из своего жилища в Брукберге, где он прожил последние несколько десятилетий:

/ «Я теперь, — писал он, — как цветок без цветочного горшка, как река без русла, как картина без рамы». /

• Если бы не Шиллеровский фонд, который с 1862 г. взял на себя денежную поддержку Фейербаха, помогая ему ежегодными выплатами в 300 талеров, философ вообще бы не смог сводить концы с концами.

• Умер Фейербах в деревне Рехенберге, неподалеку от Нюрнберга, после нескольких мозговых кровоизлияний и последовавшего за ними паралича.

• Через почти 60 лет на могиле был воздвигнут памятник с цитатами-эпитафиями: «Человек создал Бога по своему образу и подобию» и «Твори добро из любви к человеку».

/ А через два года этот монумент стал первой жертвой рвущегося к власти фашизма... /

• ◐ В плане оценки фейербахианство может быть определено как «“подстановочное” мышление», как «философия психологизированного углубления». Автор ее ищет свои решения в витиеватостях духа, в паутине души, в лабиринтах сознания. Мало что зная об этой сфере, он тем не менее довольно активно нацелен на проницательность ◑:

♦ Природа составляет основу духа.

♦ Природа есть объективно обоснованное начало, есть *подлинное начало философии.*

♦ Главное — это научиться разделять действительность и представление о ней.

♦ *Религия есть торжественное раскрытие тайных сокровищ человека,* признание его сокровенных помыслов, открытое *исповедание его тайн любви.*

♦ Внутренняя жизнь человека тесно связана с его родом, с его сущностью. В мышлении человек может стать на место другого именно потому, что объектом его сознания служит не только его индивидуальность, но и его род, его сущность.

♦ Сущность человека составляет не только основу, но и предмет религии.

2. СУДЬБА

► **Людвиг Фейербах:**

♦ Когда-то целью жизни для меня было мышление, теперь же жизнь для меня является целью мышления.

♦ Я первый, кто выступил против новейшей шеллинговской профанации философии. Это честь *Гегеля, Фихте, Спинозы* и др., ради которой я мщу фальшивому, вероломному, тщеславному клеветнику Шеллингу.

♦ Я читал и изучал грандиозную критику политической экономии Карла Маркса.

♦ Я ни идеалист, ни материалист! Для меня Бог, дух, душа, *Я* — пустые абстракции, но такие же пустые абстракции для него тело, материя, вещество. Истина, сущность, действительность для меня только в чувственности. Разве кто

когда-нибудь воспринимал, разве видел тело, материю? Ведь любой видел и воспринимал только вот эту воду, вот этот огонь, вот эти звезды, эти камни, эти деревья, этих животных, этих людей — всегда лишь вполне определенные *чувственные индивидуальные* вещи и существа, но никогда не видел ни тела и ни души, ни духа и ни вещества, как таковых. Но в еще меньшей степени являюсь я приверженцем философии абсолютного тождества, которая объединяет обе абстракции в третьей. Стало быть, ни материалистом, ни идеалистом, ни философом тождества меня назвать нельзя. Что же я такое? Я в мыслях то же, что и в действительности, в духе то же, что и во плоти, в чувственном своем существе: *я человек* или, вернее, — ибо существо человека мною полагается только в общественности, — я общественный человек, *Коммунист.*

► ◐ Философское кредо Фейербаха, его новационность, сущностно главное и важнейшее из внесенного им в философию, то, за что его всегда будут ценить последующие поколения, выражено им в следующем истинопредставленном и формулоположенном изъяснении ◑:

♦ *Тождество мышления и бытия, центральный пункт философии тождества*, есть *неизбежное следствие и реализация понятия Бога* как существа, смысл и сущность которого содержит бытие. Спекулятивная философия лишь *обобщила* то, что теология превратила в *исключительное свойство понятия Бога*; это свойство спекулятивная философия представила в виде свойства мышления, свойства *понятия вообще.* Поэтому тождество мышления и бытия есть лишь выражение *божественности разума*, выражением того, что мышление, или *разум*, представляет собою *абсолютную* сущность, средоточие *всяческой истинности* и реальности. С этой точки зрения *нет ничего противоположного* разуму, наоборот, скорее разум составляет всё, подобно тому, как в строгой теологии Бог есть всё, то есть существенное и воистину существующее. Между тем бытие, *не отличенное от мышления*, бытие, составляющее лишь *предикат*, или определение разума, есть только *мысленное абстрактное* бытие, в действительности же *совсем не* бытие. Итак, тождество мышления и бытия выражает только *тождество мышления с самим собой.* Другими словами: абсолютное мышление не может *отмежеваться от самого себя*, оно из *себя не может проникнуть к бытию.* Бытие остается чем-то потусторонним. Нужно признать, что абсолютная философия сумела превратить *потустороннее теологии в посюстороннее, но* зато она из *посюстороннего действительного мира* сделала *потустороннее.*

♦ Идеалист и в природе усматривал жизнь и разум, но как свою собственную жизнь, как свой собственный разум; то, что он усматривал в природе, он сам же в нее вкладывал; поэтому то, что он доставлял природе, он вновь обратно присваивал себе: природа есть объективированное *Я*, есть дух, который созерцается как нечто вне себя созерцаемое. Поэтому и идеализм был уже тождеством субъекта и объекта, духа и природы, но при этом так, что природа в этом единстве имела лишь смысл объекта, чего-то положенного духом. Чтобы дать природе *тот* смысл, который она позднее получила в натурфилософии, нужно было освободить ее для самостоятельного бытия из тех оков, в которые ее заключил идеалист, приковав к своему *Я.* Идеалист говорил природе: ты мое alter «ego», мое другое *Я*, но он подчеркивал только *Я*, так что смысл его речи был таков: ты — проявление, отблеск меня самого, не составляя для себя ничего особого. Натурфилософ говорил то же самое, но подчеркивал *другое*: природа, разумеется, твое *Я*, но твое *другое*, поэтому реальное для себя *Я*, от тебя отличное. Итак, первоначально и в натурфилософии тождество духа и природы было чисто идеалистическим. [...] Для на-

турфилософии существует *только* природа, для идеализма — *только дух.* Для идеализма природа — простой объект, простая акциденция, а для натурфилософии — это субстанция, субъект-объект, то, что в пределах идеализма интеллект присваивает лишь *себе.*

♦ Я различаю мышление от мозгового акта и мыслю его самостоятельным. Но из того, что мышление для меня не мозговой акт, а акт, отличный и независимый от мозга, не следует, что и *само по себе* оно не мозговой акт. Нет! Напротив: что *для меня*, или *субъективно*, есть чисто духовный, нематериальный, нечувственный акт, то *само по себе*, или *объективно*, есть материальный, чувственный акт.

♦ *Я*, на котором психолог обосновывает существование нематериальной души, есть всего меньше наше истинное, объективное существо; оно — только *мысленное существо*, только копия, которую психолог, однако, принимает за оригинал, только *толкование* нашего существа, которое он, однако, вставляет в самый *текст.*

♦ Мы до сих пор не понимали, что у всего, что проявляется, есть внутреннее, то, что скрыто проявлением, но если хорошо и правильно подумать, может быть и выявлено именно благодаря этому скрывающему суть дела проявлению. Базис всего круга человеческого — разума и души, *Я* и божественного, всех наших абстракций и заумий — есть человек. Поэтому наука о нем, о человеке, — антропология — и должна переместиться в центр философских исканий. Хватит идти туда, где ничего нет! Давайте быть там, где всё!

> ◐ Человекоцентризм Фейербаха заметен сильно, бросается в глаза, просто-таки очерчивает свободу разума. Но... как голос из радиоприемника сводим к приемнику, но не выводим только из него, так и *человеческое* куда многоплановее, чем то, что нам пока в нем видится. И первое, что для нас проблема проблем, — наши истоки.

➡ В 1837 г. Фейербах женился, найдя в супруге — Берте Лёв свое семейное счастье. Она к тому же была совладелицей небольшой сельской фарфоровой фабрики, которой заведовал ее брат. Под производственное помещение использовался усадебного типа бывший господский охотничий домик. Здесь всё сошлось в удачном для молодоженов варианте, поскольку во флигеле этого домика чета Фейербахов нашла себе квартирный приют.

Поселились вроде бы ненадолго, но, как это обычно бывает, время рассудило по-своему. И прожил Фейербах в затишье деревенского своего уединения (безвыездно, скучно, не публично) долгие и по-затяжному бесконечные почти что 25 лет.

Первое время жизнь в сельском уединении способствовала расцвету философского творчества и подъему писательского самоощущения:

♦ Я лучшую часть моей жизни провел не на кафедре, а в деревне, не в университетских аудиториях, а в храме природы.

Но в дальнейшем стали проявляться отрицательные результаты длительной оторванности от городских центров духовной культуры:

♦ Время, когда я навсегда сказал «прости» официально академической карьере и поселился в деревне, было такое страшно печальное и мрачное время.

► **А. И. Герцен** /Автобиографическое сочинение «Былое и думы» (1852–1868 гг.)/:

«Это было 31мая 1841 г. Н. П. Огарёв заехал в Новгород, отправляясь за границу. Он привез мне «Das Wesen des Christentums»* Людвига Фейербаха.

Прочитав первые страницы, я вспрыгнул от радости. Долой маскарадное платье, прочь косноязычье и иносказания, мы свободные люди, а не рабы Ксанфа, не нужно нам облекать истину в мифы».

► **Фридрих Энгельс:**

«...И вот появилось сочинение Фейербаха «Сущность христианства». Одним ударом рассеяло оно противоречие между идеализмом и действительностью, снова и без обиняков провозглащено торжество материализма. ...Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом. Воодушевление было всеобщим: все мы стали сразу фейербахианцами».

► **Иосиф Дицген** (1828–1888; немецкий социалист, философ-самоучка):

⊙ «То, что упущено и не доделано Гегелем, было доделано его учеником Фейербахом».

⊙ «Я благодарен Людвигу Фейербаху. Он указал мне дорогу».

► **Вильгельм Виндельбанд** (1848–1915; немецкий философ, лидер Ба́денской школы неокантианства):

«Следует показать трагедию развития Фейербаха. Она в том, что он из панлогиста сделался материалистом. А это — падение в бездонную пропасть».

► **Карл Лёвит** (1897–1977; немецкий философ, ученик экзистенциалиста Мартина Хайдеггера):

«Переход Фейербаха от идеализма к материализму есть движение назад, есть варваризация мышления».

► **Отто Виганд** (издатель собрания сочинений Фейербаха):

«Грядущие поколения несомненно будут произносить в его честь хвалебные речи и воздвигать ему памятники».

► **Из романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?»** (1863 г.; гл. III, ч. XXIX; здесь Людвиг Фейербах назван замаскированно, потому что цензурой было запрещено упоминать имя мыслителя в печати):

[...] «Был еще слух, что молодой русский, бывший помещик, явился к величайшему из европейских мыслителей XIX века, отцу новой философии, немцу, и сказал ему так: «У меня 30 000 талеров; мне нужно только 5000; остальные я прошу взять у меня» (философ живет очень бедно). — «Зачем же?» — «На издание ваших сочинений». — Философ, натурально, не взял; но русский будто бы все-таки положил у банкира деньги на его имя и написал ему так: «Деньгами распоряжайтесь, как хотите, хоть бросьте в воду, а мне их уже не можете возвратить, меня вы не отыщете», — и будто б эти деньги так и теперь лежат у банкира.

---

* *Нем.*: «Сущность христианства».

Если этот слух справедлив, то нет никакого сомнения, что к философу являлся именно Рахметов*».

3. УЧЕНИЕ

♦ Я могу, пожалуй, дедуцировать человека из животного, но не наоборот: животное из человека. Минус требует плюс, но плюс не требует минуса. Только ограниченное, несовершенное существо обладает творческой способностью, потому что оно стремится к свободе и совершенству, и только желание обладает творческой силой. Но совершенное существо удовлетворено в себе, следовательно, оно ни к чему не стремится и не имеет творческого или созидательного стимула, во всяком случае к сотворению другого, несовершенного, существа.

♦ В отличие от спекулятивной философии, которая хотела быть во всех отношениях чисто рациональной, моя философия есть откровенно чувственная, ибо признает лишь то, что ощущаемо и созерцаемо.

♦ Кто мыслит ничто, тот именно ничего не мыслит.

♦ Какова философия, таков и философ, и обратно...

♦ Подлинная философия состоит не в том, чтобы творить книги, а в том, чтобы творить людей.

♦ Так называемые спекулятивные философы — это *те* философы, которые не свои понятия сообразуют с вещами, а, наоборот, скорее вещи с понятиями.

♦ Философия Гегеля — рациональная мистика.

♦ К философии Гегеля относится... упрек в непосредственном разрыве с чувственным созерцанием, упрек в том, что философия оказывается непосредственной предпосылкой всего остального:

/ ■■ Ум... выдвигается вперед, как нечто от головы независимое.

■■ «Феноменология» начинает не с инобытия мыли, но с мысли об инобытии мысли. ■ /

♦ Схоластики, отцы церкви и еще раньше их языческие философы говорили, что Бог — существо бестелесное, дух, чистый рассудок. Образ Бога, как такового, нельзя себе представить, но ведь ты не можешь представить себе и образ рассудка, разума. Какой у него вид? Разве можно постичь и представить себе его деятельность? Бог непостижим, но постигаешь ли ты сущность разума? Исследовал ли ты таинственные функции мышления, сокровенную сущность самосознания? Разве самосознание не есть величайшая из тайн? Даже древние мистики, схоластики и отцы церкви сравнивали непостижимость существа божия с непостижимостью человеческого духа.

♦ *Бог*, как Бог, как духовная или абстрактная сущность, есть не что иное, как сущность самого разума. Он беспредметен. И являет собой нашу же сущность, оторванную от нас и нам же противопоставленную. Порождение мысли, гипертрофированный ее продукт, вдруг поменял местами порождение и порождённое. Спекулятивная конструкция взяла верх и

---

* **Рахме́тов** — герой романа «Что делать?». Ему 22 года, он окончил университет; из породы «особенных людей», экземпляр «высшей натуры». По мнению автора, именно таким, как он, людям, являющим собой «соль соли земли», суждено сдвинуть Россию с места. Если отбросить экивоки, то это — образ революционера.

субъективное, вторичное, сделало объективное своим производным. Мир головы стал творить мир. Не продолжил, а на́чал.

◐ В вопросе о Боге Фейербах довольно говорлив, но, по сути, или, вернее, по существу сути, предельно категоричен. Аналогизация Коперниканского переворота в естествознании давит на его рассудочную акупунктуру. Всем, кто его слушает, Фейербах предлагает один и тот же вразумляющий рецепт: бери там, где имеешь, но не имей то, что́ берешь. Понятно, что желающих воспользоваться — много. Только вот, что в руках?

Это общая черта всех мыслителей: они сеют в воздухе, поливают мечтой, сдабривают иллюзией. И потому жнут они небывалые* урожаи. Несбыточные**.

∇ ◐ В лабиринтах знания мысли полагалось бы свернуться***. Но здесь философ не более самостоятелен, чем сорванный ветром лист. И уберегать мудрствующего от неуклюжести в специфике сфер им постигаемых так же, видимо, безнадежно, как запретить разлитой воде растекаться: тяга к обилию выражения иссушает ее надежды испарением самоналичия.

Захват площади обессиливает. Увеличивающаяся поверхность отупляет проникновение.

Ничего не остается там, где рьяность полемики фанатизирует выводы. Не затопить дождю землю: солнце на страже.

♦ Я хочу полюбить человека, но всего человека, которого может понять не богослов, не анатом или юрист, а только философ.

♦ Сущность человека заключается только в общности, в единстве человека с человеком — единстве, которое, однако, основано на реальности различий между *Я* и *Ты*.

♦ Бог есть стремление человека к счастью, нашедшее удовлетворение в фантазии. В Боге он дополняет себя; в Боге он впервые является совершенным человеком.

♦ Религия абстрагирует от человека его силы, свойства, существенные определения и обожествляет их как самостоятельные существа. Основу религии составляет чувство зависимости человека; в первоначальном смысле природа и есть предмет этого чувства зависимости, то, от чего человек зависит и чувствует себя зависимым. Если бы человек не умирал, если бы он жил вечно, если бы, таким образом, не было смерти, не было бы и религии.

♦ Религия, вот наш вывод, возникает лишь во тьме невежества, нужды, беспомощности, некультурности, в условиях, когда всевластие психики, сила воображения господствуют над всеми другими силами.

/ ■■ Экзальтация душевных настроений есть первичная, грубая, вульгарная форма образованности человеческого общества; потому-то каждая эпоха, каждая важная глава в истории культуры человечества начинается с религии. ■ /

---

* Небывалые — не бывающие.

** Несбыточные — не имеющие сбыта.

*** Свернуться — сжаться.

♦ Человек — и в этом заключается тайна религии — объективирует свою сущность и делает себя предметом этой *объективированной* сущности.
♦ Философия есть познание того, что есть. Высший закон, высшая задача философии заключается в том, чтобы помыслить вещи и сущности так, познать их такими, каковы они есть.
♦ Вне философии нет спасения.
♦ Философия должна будить, должна возбуждать мысль.
♦ *Величайшим* и последним принципом философии является единство человека с человеком.
♦ Задачей философии является познание **всеобщего и необходимого**.
♦ Истинная образованность и истинная задача человека заключается в том, чтобы брать вещи и трактовать их так, как они есть, и делать из них *не больше*, но и *не меньше* того, что они есть. Естественная же религия, пантеизм*, делает из природы *слишком много*, как, наоборот, идеализм, теизм, христианство делают из нее *слишком мало*, сводя на нет.

Наша задача состоит в том, чтобы избежать крайностей, превосходных степеней или преувеличений религиозного чувства и рассматривать природу, обращаться с ней и почитать ее такой, какова она есть, — как нашу мать.
♦ Любовь есть подлинное онтологическое доказательство наличности предмета вне головы.
♦ Любовь есть сам Бог. И вне любви нет Бога. Любовь делает человека Богом и Бога — человеком.

/ ■■ Любовь укрепляет слабое и ослабляет сильное, унижает высокое и возвышает низкое, идеализирует материю и материализует дух.

Любовь есть подлинное единство Бога и человека, духа и природы. ■ /

♦ Гегель считает, что он в своей философии достиг познания абсолютной истины. Это неверно. И мы отвечаем ему словами Гёте: «Только люди *в совокупности* познают природу».
♦ Гегель ставит человека на *голову*, я — на *ноги*.
♦ *Кто не отказывается от философии Гегеля, тот не отказывается и от теологии*. Учение Гегеля, что природа, реальность *положена* идеей, есть лишь *рациональное* выражение теологического учения, что природа сотворена Богом, что материальное существо создано нематериальным, то есть абстрактным, существом. В конце «логики» это даже приводит абсолютную идею к фантастическому «*решению*»**, чтобы собственноручно подтвердить свое происхождение из *теологического неба*.
♦ Философия Гегеля есть устранение противоречия между мышлением и бытием, как оно было высказано в особенности *Кантом*, но — заметьте

* Вспомним спинозовское: «Бог, или природа».

** Говоря о «фантастическом "*решении*"», Фейербах имеет в виду следующее место из «Логики» Гегеля («Энциклопедия философских наук», § 244): «Абсолютная *свобода* идеи состоит в том, что она не только переходит в *жизнь*, и также не только в том, что она, как конечное познание, позволяет жизни *отражаться* в ней, а в том, что она в своей абсолютной истине *решается* свободно произвести из себя момент ысвоей особенности или первого определения и инобытия, *непосредственную идею*, как свое отражение (Wiederschein), *решается из самоё себя* свободно *отпустить* себя в качестве *природы*».

себе! — это только устранение данного противоречия *в пределах самого противоречия*, в пределах *одного* элемента, в *пределах мышления*. У Гегеля *мысль* — это *бытие*; т. е. в мысли есть и *природа* мысли и *дух* мысли.

♦ Логика Гегеля — это *теология*, превращенная в *логику* в приемлемом для *ума* и *современности* виде. *Божественная сущность теологии есть идеальная или абстрактная совокупность всех реальностей, иначе говоря, всяческой определенности, всего конечного; такова же и логика*. Всё, что есть на земле, мы вновь находим в небе теологии; так же точно всё, что *есть в природе*, налицо и в *небесах божественной логики*: качество, количество, мера, сущность, химизм, механизм, организм. В теологии у нас всё имеется в *двойном* виде, то в абстрактном, то в конкретном. Точно так же и в философии Гегеля всё *удвоено*; оно дается как предмет логики, а потом опять-таки как предмет философии природы и философии духа.

♦ Все спекулятивные рассуждения о праве, о воле, о свободе, о личности помимо человека, вне его или даже поверх него — всё это рассуждения *без единства, без необходимости, без субстанции, без основания, без реальности*. Человек есть бытие свободы, бытие личности, бытие права. Только в человеке *коренится Я* Фихте, монада Лейбница, коренится абсолют. /

♦ В природе управляют не боги, а только естественные силы, естественные элементы и существа.

♦ Первая из нужд человека — физическое существование. Поэтому первое из определений Бога — Бог есть существо физическое.

/ ■■ То есть старейший первый Бог — Бог, *предшествующий* моральному и духовному Богу, есть *физический* Бог: ибо как святой дух есть не что иное, как обожествленное существо морали, а Бог-сын не что иное, как обожествленное существо логики, так и Бог-отец не что иное, как обожествленное существо физики, природы, и из нее одной человек вывел абстрактное понятие и выражение бытия. ■ /

♦ *Те* сомнения, которых не разрешает теория, разрешит тебе практика.

♦ Что такое воля, лишь застревающая в мысли? Она подобна мечу, остающемуся в ножнах.

♦ Мое ощущение субъективно, но его основание объективно.

/ ■■ Так называемый объект в такой же степени является объектом-субъектом (ведь его нет для меня, если он не предмет моих желаний иметь его или моего разума, о нем думающего!), как и так называемый субъект есть по существу и неразрывно субъект-объект (ибо всё полагаемое не может быть ничем иным, как полагаемым тем, что в итоге сводимо к природе, а от нее к человеку и к тайне тайн — антропологии), то есть *Я* — это *Ты-Я*, человек — это человек *мира или природы*. ■ /

♦ Путь, которым до сих пор шла спекулятивная философия от абстрактного к конкретному, от идеального к реальному, — извращённый путь. По этому пути мы никогда не придем к *подлинной, объективной* реальности, но всегда только к *реальности своих собственных абстракций*, именно поэтому мы таким путем никогда не достигнем действительной *свободы* духа; ведь *человека делает свободным и освобождает от всех предрассудков только созерцание вещей и сущности в их объективной действительности*. Переход от идеального к реальному происходит только в практической философии.

♦ Философия, могущая удовлетворить теологов, всегда будет ложной философией, не будет *вообще* философией.

/ ■■ Как-то патер Канай, обращаясь к маршалу Окинкуру, произнес фразу просто знаменательную, выражающую отношение философии к религии в форме, лучше которой и не придумаешь. Его слова не печать. Его слова — клеймо: «Никакого разума — вот истинная религия; никакого разума!» ■ /

♦ Природа — это всё, что мы видим и что не является делом человеческих рук и мыслей.

♦ Нет субстанциальных Добра, Красоты, Мудрости, а есть мудрые, добрые, красивые индивидуумы. Преодолеть теологию и спекулятивную философию — значит перестать наконец персонифицировать те или иные свойства человека.

♦ Тех чувств, что мы имеем, вполне достаточно. Их как раз столько, сколько именно необходимо, чтобы воспринимать мир в его целостности, в его совокупности.

♦ Я хочу прижать к своему сердцу природу, перед глубинами которой отступает в ужас трусливый богослов.

♦ Коль существует тот в нас механизм, что мы составляем себе образ Бога, то беря глубже, если всё это так, то ясно само собой, и тем самым уже доказано, что природа произошла не от Бога.

♦ Вывод из моего учения: Бога нет. То есть нет абстрактного, нечувственного существа, отличного от природы и людей и вершащего судьбы мира и людей по своему собственному благоусмотрению.

/ ■■ Но это отрицание есть лишь вывод из познания существа Бога, из познания, что это существо выражает не что иное, как, с одной стороны, существо природы, а с другой — существо человека. ■ /

♦ И вот ведь что любопытно: в Боге человек уважает самого себя.

/ ■■ Именно поэтому является ныне нашей задачей превратить это бессознательное, извращенное, фантастическое почитание в почитание сознательное, честное, разумное. ■ /

♦ Несомненно, непосредственно, достоверно только то, что является чувственным, созерцаемым объектом, объектом ощущаемым. Природа телесна, материальна, чувственна. Действительное, чувственное бытие... само меня определяет помимо моей воли...

♦ Началом философии является не Бог, не абсолют, не бытие в качестве предиката абсолюта или идеи, — началом философии является конечное, определенное, реальное.

/ ∇ ◐ В своей философии Фейербах делал упор на ощущения. Такой подход допустим и не может быть ни возбраняем, ни запрещён. Однако это всё равно что изучать птичку по ее лапкам. Да, она действительно перемещается с их помощью, но летает она не ими.

Разум может уважать чувственность, но не должен ею ограничиваться. Продукты имеют вкус, но вкусные они, лишь когда они сварены.

Философия не придумывает Бога, не иллюзируется им, не младенчится, забавляясь. Нет! Бог, Начало, Универсальное, То-из-чего-

всё, Единое, Вечное, Беспричинное, Идея, Абсолют — всё это не штрих, временно или по незнанию отсутствующий на нашей картине, а холст, основание, базис, на которые кладутся краски выражающей себя мысли.

Пора согласиться, принять и признать, что и наука и естествознание не исчерпывают собой познание. Бисеринки фактов должны быть сложены в ожерелье смысла. И для этого нужна нить предположения целостности. Трогая пальцем воду возле берега, мы только философически, вероятностно можем предполагать о всей температуре в море.

Но это не гадательное мнение. Просто есть непреодолимый для нас ракурс: в круге знания как судить о нем? Для позиции нужно внешнее расположение, которое для нас имманентно исключено: своим глазом мы видим всё, кроме него самого; и так в остальном прочем.

Получается, что достраивать нам приходится не дом, хотя и его поколения людей слагают из века в век по кирпичику, а место наблюдения. И если сегодня мы видим звезды, то утверждать (не что-либо, а сущностное!) о них мы можем лишь косвенно.

Формой проникновения в недостающее неизвестное, без того, чтобы превращать его в знание, является философия. Последняя почему-то этого толком не осознавала (разве что иногда, да и то пугливо, крадучись, осторожно!!), из-за чего дело брало в свои руки богословие. Не случайно все отцы церкви записаны — по праву, бесспорно, признанно — в великие мужи человечества.

Фейербах ополчается против религии. Обскурантизм, невежество, темное суеверие — ему не по духу. Так кто же спорит. Церковь исповедовала культ, а достижениями ума лишь пользовалась. Но вероучителя и проповедники имели контактное взаимодействие с огромными массами народа. Их общение с паствой было не бесстным, а коммуникационным.

Здесь не было мимоходной фатичности, а имели место вынужденность завлечения и гарантированность вовлечения. Без интеллектуальной интригологии, т. е. без убеждения и психологической аргументалистики, этого не сделаешь.

Спор обязательного согласия отличается от спора на победу. Если второе основано на иссякательности доводов оппонента, то первое вкладывает принципы склонения, притягивания. И это, как сон — с ним можно бороться, но нельзя одолеть.

Правота ведь не в уверенности уверяющего. Она должна быть внутренним позывом и самопризывом соглашающегося. И горделивость индивидуальности кабинетного мыслителя здесь как поможет? Он хочет *опираться* на знание и не замечает, что опирающийся всегда неубедителен: его твердость опровергается его же действием: устойчивость не может нуждаться в устойчивости. Или ты — это она, или она — не ты.

Полагая Бога ответственным за сценопостановку театра мира, мы спокойно можем занимать места в зрительном зале — у нас и без

того хватает забот, чтобы не иметь права на отдых. И то ж, в конце концов мы приходим на драму, а не на водевиль.

Фейербах отсек у знания его поддержку, пытаясь быть принципиальным. Он, ратуя за непосредственность очевидности функции, скажем, колёс в железнодорожном составе, временно запаркованного на крутом склоне, возмутился против приставленного кем-то стóпорного «башмака»... /

♦ Непосредственное единство противоположных определений имеет место только в абстракции.

♦ Истинность чувственных восприятий основывается у меня на достоверности, на истинности **другого Я** (т. е. человека вне меня), на истинности любви, жизни и практики, а вовсе не на Локке и Кондильяке, не на теоретическом значении чувственных восприятий.

♦ Выводить природу из Бога — всё равно что желать вывести оригинал из изображения, из копии, вещь из мысли об этой вещи.

♦ Мышление исходит из бытия, а не бытие из мышления.

♦ Действительное отношение мышления к бытию таково: бытие — субъект, мышление — предикат.

♦ Не Спинозово «deus sive natura» (Бог, *то есть* природа), а «aut deus aut natura» (*либо* Бог, *либо* природа) — вот пароль истины. Там, где Бог отождествляется или смешивается с природой или, наоборот, природа с Богом, там нет ни Бога, ни природы, но есть мистическая амфиболическая смесь.

♦ Истина, действительность, чувственность — тождественны.

♦ Истина не в мышлении и не в знании, как таковом. *Истина — в полноте человеческой жизни и существа.*

♦ «Чувствами читаем мы книгу природы, но понимаем ее не чувствами». Совершенно верно. Но рассудком мы не вкладываем в природу какой-либо смысл впервые; мы только переводим и истолковываем книгу природы.

♦ Разум возникает только там, где человек говорит с человеком; он зарождается только в речи, акте общественном.

♦ Христианство больше не удовлетворяет ни теоретика, ни человека практики; оно больше не удовлетворяет духа, не удовлетворяет оно больше и сердца, потому что наше сердце имеется совершенно иные интересы, чем вечное небесное блаженство.

♦ Потусторонний мир есть не что иное, как чувственный действительный мир, но мир в фантазии.

♦ Ценность Бога не превышает ценности человека. О человеке можно судить по Богу и о Боге — по человеку.

♦ В религии человек *раздваивается в самом себе.*

♦ Человек есть начало, человек есть середина, человек есть конец религии.

♦ Бог, рассматриваемый как причина природы, — не выражает ничего другого, как обожествленное, олицетворенное существо природы, так что тайна физико-теологии есть лишь физика и физиология.

♦ Дух не может *сам себя отрицать и отвергать*; материалист может восставать против духа и противостоять ему сколько угодно, — он опровергает лишь ложное.

Когда материалист утверждает, что реальна только материя, он выска-

зывает *суждение*, утверждает *мысль, истину*, т. е. осуществляет реальную духовную деятельность. Поэтому, поскольку дух при этом действует, т. е. думает, он не может думать о себе как о *ничто*, ибо это значило бы отрицать себя в то время, когда ты себя утверждаешь.

♦ Современный философский спиритуализм, называющий себя идеализмом, делает материализму следующий, уничтожающий, по его мнению, упрек: материализм-де есть догматизм, т. е. он исходит из чувственного мира, как из бесспорной, объективной истины, считает ее миром в себе, т. е. существующим без нас, тогда как на самом деле мир есть лишь продукт духа. Материализм поэтому, согласно идеализму, имеет своим исходным пунктом совершенно извращенное созерцание, раз он выведенное и вторичное делает первым, исходит из объекта, вместо того чтобы исходить из субъекта, исходит из предмета, вместо того чтобы исходить из *Я*, которое, однако, есть единственное достоверное.

Я согласен с идеализмом в том, что нужно исходить из субъекта, из *Я*, так как совершенно очевидно, что сущность мира, какой и *как* она для меня является, зависит только от моей собственной сущности, от моей собственной способности познания и моих собственных свойств вообще. Следовательно, мир, поскольку и *как* он является предметом для меня, есть мое объективированное *Я*, без вреда для своей самостоятельности. Но я утверждаю, что то *Я*, из которого исходит идеалист и которое отрицает существование чувственных вещей, само не имеет существования и есть лишь мыслимое, а не действительное *Я*. Действительное *Я* — это только такое *Я*, которому противостоит *Ты* и которое само является объектом для другого *Я*, представляет собой по отношению к нему *Ты*; но так как для идеалистического *Я* не существует объекта вообще, то не существует также и *Ты*.

/ ■■ Идеализм, конечно, знает и утверждает также — как мог бы он отказаться от столь очевидной истины? — что без объекта нет субъекта, без *Ты* нет *Я*; но эта точка зрения, при которой существуют и *Я*, и *Ты*, есть для него лишь *эмпирическая*, не трансцендентальная, то есть не истинная точка зрения; не первая и не основная точка зрения, а лишь подчиненная, выведенная, в себе отрицаемая для *Я*; это точка зрения, годная только для жизни, а не для спекуляции. Но спекуляция, становящаяся в противоречие с жизнью, делающая точкой зрения истины точку зрения смерти, души, отделенной от тела, — такая спекуляция есть мертвая, фальшивая спекуляция, философия, которую человек осуждает на смерть уже первым своим вздохом, первым криком вне чрева матери. Ибо тем же самым криком, с помощью которого он заявляет о своем существовании, человек заявляет одновременно, хотя бы и бессознательно, о существовании отличного от него мира. Каким образом может человек вообще обнаружить свои ощущения, если нет ничего вне его; как может он объективировать что-либо, если не существует вообще ничего другого, ничего объективного? ■ /

♦ У природы нет ни начала ни конца. Всё в ней находится во взаимодействии, всё относительно, всё одновременно является действием и причиной.

♦ Природа, говорим мы вслед за Спинозой, есть причина самой себя.

/ ■■ Природа не существо, сделанное или созданное из ничего, а существо самостоятельное, объяснимое лишь из себя и производимое лишь из себя. ■ /

∇ ◐ Конечно, и здесь это сразу видно, у Фейербаха не *системная* философия. Он уходит от действительно философских вопросов — откуда?, как?, из чего? И вращается лишь в кругу тех категорий, которые применимы для избранного им места толковательных предложений. В этом смысле он похож на кондуктора с билетиками, который одаривает пассажиров поездкой, но не осуществляет ее.

Не помогло бы и уподобление с водителем. И с мотором. И с бензином. Цель растекается, если средства не под нее. ◑

♦ Тот, кто любит Бога, не может более любить человека, он потерял понимание человеческого; но и наоборот: если кто любит человека, поистине от всего сердца любит, тот не может более любить Бога...

♦ Вера в «царствие небесное» вредоносна и консервативна. Она препятствует улучшению условий жизни здесь, в реальном мире. Всё оставить таким, каково оно есть, — вот необходимый вывод из воззрения о том, что Бог правит миром.

Земная жизнь теряет свою цену для того, кто верит в вечную, небесную жизнь.

♦ Отрицание того света имеет своим следствием утверждение этого; упразднение лучшей жизни на небесах заключает в себе требование: необходимо должно стать лучше на земле. Причем оно превращает лучшее будущее из предмета праздной, бездейственной веры в предмет обязанности, в предмет человеческой самодеятельности.

♦ Вера по *существу партийна*. Кто не *за* Христа, тот *против* Христа. Либо *за* меня, либо *против* меня. Вера знает только *врагов* или *друзей*; она не может быть беспристрастной; она имеет в виду только себя. Вера по существу *нетерпима* — по существу потому, что вера тесно связана с *иллюзией, будто ее дело есть дело Бога, ее честь есть честь Бога.*

♦ С точки зрения языка, название «человек» есть особое название, а с точки зрения истины, — это есть название всех названий.

♦ Все спекуляции о праве, воле, свободе, личности без человека, вне, а тем более над человеком есть спекуляция без реальности.

♦ Тайны теологии и метафизики находят свое объяснение в психологии... Метафизика не что иное, как «эзотерическая психология».

♦ В том-то и состоит коренная ошибка идеализма, что он ставит и разрешает вопрос об объективности и субъективности, о действительности и недействительности мира только с теоретической точки зрения, в то время как мир, первоначально и прежде всего, есть объект разума только потому, что он есть объект желания — быть и иметь.

♦ То именно, что человек называет целесообразностью природы и как таковую постигает, есть в действительности не что иное, как единство мира, гармония причин и следствий, вообще та взаимная связь, в которой всё в природе существует и действует.

♦ Человеческая сущность налицо только в общении.

♦ Высшие понятия не могут быть выведены из отдельного *Я* без чувственно данного *Ты*.

♦ *Я* и *Ты*, субъект и объект, различные и неразделимо связанные, есть истинный принцип мышления и жизни, философии и физиологии.

♦ Там, где нет следования друг за другом, где нет движения, изменения и развития, там нет и жизни, нет и природы. Что развивается, то существует, но оно теперь не таково, каким некогда было и каким когда-нибудь будет.

/ ■■ О факторе времени... Отрицание пространства и времени в метафизике, в сущности вещей, влечет за собой пагубные практические последствия. Народ, исключающий время из своей метафизики, обожествляющий вечное, то есть *абстрактное* бытие, отрешенное от времени, последовательно исключает время и из своей политики, обожествляет принцип неподвижности, противный праву и уму, антиисторический принцип. ■ /

♦ Материализм есть единственный солидный базис морали.

♦ Нравственная воля — это такая воля, которая не хочет причинять зла, потому что она не хочет терпеть зла.

♦ Если всякая этика имеет своим предметом человеческую волю и ее отношения, то к этому надо тут же прибавить, что не может быть воли там, где нет побуждения. А где нет побуждения к счастью, там нет вообще никакого побуждения.

Побуждение к счастью — это побуждение всех побуждений; повсюду, где бытие связано с волей, желание и *желание быть счастливым* неразделимы. В сущности, даже тождественны. Я желаю, значит, я не желаю страдать, я не хочу быть уничтоженным, я хочу сохраниться и преуспевать.

Нравственность без блаженства — это слово без смысла.

♦ Нет морали для особнякового индивидуума, мораль — из взаимодействия людей и — во взаимодействии людей.

/ ■■ Хорошо и нравственно — это одно и то же. Но хорош только тот, кто хорош для других. ■ /

∇ ◐ Правда, здесь могут быть вопросы. Если желать быть хорошим для всех, то это не выполнимо. Если же приниматься только частью людей, то тогда — если максимализировать утверждение Фейербаха — и главарь разбойничьей шайки должен считаться нравственным. ◑

♦ Задача морали: возвести с помощью знаний и воли единство собственного и чужого счастья — счастья, которое заложено в природе вещей, в самой общности воздуха и света, воды и земли — до уровня закона человеческого мышления и действия.

♦ Первоначальный признак и клеймо совести заключается в том, что она в отличие от обыкновенного дневного света знания является потайным фонарем собственного злого действия и характера. Иметь совесть первоначально значит: иметь нечистую совесть. Тот, кто из своих злодейств ничего не извлекает, кто имеет о них только теоретическое или историческое знание, как о каких-нибудь других безразличных действиях и происшествиях, стало быть, не имеет нечистой совести или даже совсем ее не имеет, тот является нравственным чудовищем. И, наоборот, то, что у меня чистая совесть, не значит первоначально ничего иного, кроме того, что я не чувствую за собой никакой вины, не знаю за собой никакого злого поступка, никакого действия, которое должно было бы бояться дневного света.

♦ Если в настоящее время природа не может порождать или не порождает организмов при помощи самопроизвольного зарождения, то из этого не следует, что и раньше она не была на это способна.

♦ Тщетно всякое умозрение, которое хочет выйти за пределы природы и человека.

♦ Материализм так же стар и так же широко распространен, как и человечество; он так же ясен, как свет, так же необходим, как хлеб и вода, так же неизбежен, непреложен, неминуем, как воздух.

♦ Когда Георг Лихтенберг в своих высказываниях по поводу Лукреция с философской язвительностью вбросил «тезис оставления в недоумении»: «Если страх создал богов, то кто же создал этот всемогущий страх?», то Фейербах не замедлил с ответом — исчерпывающим и четким: «Гневные или милостивые боги возникли из тьмы наших вожделений, из хаоса человеческих потребностей».

♦ Живое состоит из тех же веществ, что и так называемые неживые тела. Но это настолько своеобразное, имманентное, оригинальное сочетание этих веществ, что оно выходит за пределы тех понятий, которые мы выводим из неорганических тел и веществ.

♦ Возникновение сознания является такой же видимостью, как и движение Солнца вокруг Земли, хотя эта иллюзия — *необходимая* иллюзия. А именно: история развития индивидуума не является историей разума, сознания; первое по времени не есть первоначальное. Человек только тогда приходит к своей *первопричине*, когда он становится духовным существом, приходит к сознанию. И подобно тому как вращение Земли вокруг своей собственной оси кажется порождающим движение Солнца, так и возникновение индивидуума порождает видимость того, будто возникло и самоё сознание. Но думать, что сознание возникает вместе с каждым индивидуумом, который становится сознающим, в такой же мере ошибочно, как думать, будто свет возникает вместе с каждым вновь рождающимся существом, становящимся зрячим, ибо история развития индивидуума имеет лишь то значение, что сознание, представляющее собой некоторую независимую от него силу, вечную сущность, в себе и для себя сущее существование, становится *его* сознанием, сознанием *этого* индивидуума; следовательно, история развития индивидуума не имеет никакого другого значения, кроме значения процесса присвоения, ассимиляции. Ведь если бы она имела значение *объективного, действительного* возникновения сознания, то сознание, точно так же как и сам индивидуум, представляло бы собой какое-то чувственное, конкретное бытие, какой-то чисто эмпирический, осязаемый и весомый факт, и тогда существовало бы столько же разумов и сознаний, сколько имеется индивидуумов, что является абсолютной бессмыслицей. Природа света обусловливает то, что духовный свет, так же как и чувственный, и даже несравненно в большей мере, чем он, является сам по себе *универсальной* сущностью и потому стоит выше смены сна и бодрствования, рождения и смерти.

Сам опыт учит тому, что индивидуум созревает до сознания в общении с другими, уже достигшими сознания людьми и с их помощью, что, следовательно, становление сознания индивидуума само является уже *дей-*

ствием сознания. Отсюда — сознание предпослано индивидууму как предшествующее ему.

♦ Необходимость вообще есть не что иное, как выражение свободы.

♦ Природа истины такова, что ей свойственно быть познанной.

♦ Мы в своем мышлении произносим и слышим свои мысли.

♦ Изучение истории философии является изучением самой философии.

/ ◐ И да, и нет! /

♦ Прежняя философия утверждала: только *разумное есть истинное и действительное*; новая философия между тем говорит: *только человеческое есть истинное и действительное*; в самом деле, только человеческое может быть разумным; *человек есть мера разума.*

♦ Если что-то и надо удержать у Гегеля, так это вот это:

✓ «Целое само в себе является как бы некоторым движением по кругу, где первое есть в то же время и последнее, а *последнее* — вместе с тем и *первое*».

✓ «Движение вперед всегда является вместе с тем и некоторым движением назад к *основе* и к *первоисточнику*, от которого зависит начало движения».

♦ Истинная свобода лишь там, где человек также свободен и от своих религиозных предрассудков.*

/ ◐ Я бы добавил: ... и от свободы тоже. /

♦ В действительности не разум, а любовь есть то, что предполагает сущность вне себя, и притом предполагает не только в представлении, но действительно, поистине, телесно.

♦ Разве каждый прогресс в философии, в естествознании не является *отрицанием, бунтом* против религиозного чувства?

♦ Мы не допускаем, чтобы другие планеты были населены *иными* существами, чем мы; мы полагаем, что там живут еще другие существа, *более или менее* подобные нам.

♦ Не должна быть отменена собственность вообще — нет! Но недопустимо, чтобы немногие имели собственность, а другие ничего не имели; собственность должна быть у всех.

♦ Я не делаю заключений, подобно историкам, от прошлого к настоящему, а заключаю от настоящего к прошлому. Я считаю настоящее ключом к прошлому,** а не наоборот, на том простом основании, что ведь я, хотя и бессознательно и непроизвольно, но постоянно измеряю, оцениваю, познаю прошлое исключительно со своей нынешней точки зрения.

4. МЫСЛИ

◪ Я схож с английским философом Томасом Гоббсом, который читал только очень хорошие книги и именно потому в очень небольшом количестве и утверждал о самом себе, что если бы он читал столько же, сколько другие ученые, то остался бы таким же невежественным, как и они. Я, безусловно, подписываюсь под словами Георга Лих-

---

* По-видимому, именно в пику подобным заявлениям существует прелестный афоризм: «Свобода — это когда разрешено ошибаться».

** Впоследствии К. Маркс выразит эту же мысль точённо и образно: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны».

тенберга, который говорит: «Я думаю, что некоторые из величайших умов, какие когда-либо жили, не знали даже половины того, что знают иные из наших посредственных ученых. А иной из наших весьма посредственных ученых мог бы стать великим человеком, если бы он не читал так много».

■ Каждое существо должно быть схвачено в его особенности, т. е. в той особенности, которая составляет его природу.

■ Первой моей мыслью был Бог, второй — разум, третьей и последней — человек.

■ Философские системы изживают свой век по той же самой причине, по которой меняются люди и времена.

■ Подлинная философия есть отрицание философии, вовсе не есть философия.

■ Если философия должна заменить религию, то философия, оставаясь философией, должна стать *религией*, она должна включить в себя в соответствующей форме то, что составляет сущность религии, должна включить преимущества религии.

■ Ты меня спрашиваешь, что я такое? Подожди, когда меня не будет.

■ Упразднение лучшей жизни на небесах заключает в себе требование: необходимо должно стать лучше на земле; оно превращает лучшее будущее из предмета праздной, бездейственной веры в предмет обязанности, в предмет человеческой самодеятельности. Необходимым выводом из существующих несправедливостей и бедствий человеческой жизни является единственно лишь стремление их устранить, а отнюдь не вера в потусторонний мир, вера, которая складывает руки на груди и предоставляет злу беспрепятственно существовать.

■ Птица свободна в воздухе, рыба — в воде; каждое существо свободно там, где оно находится и действует в гармонии со своей сущностью; так и человек.

■ На чем основан ореол величия земных владык? Исключительно на ложном мнении, будто носитель власти есть совсем *особенная* существо, стоит мне поставить — в мыслях или, еще лучше, в наглядном представлении — личность владыки на одну доску с самим собой, стоит мне понять, что он такой же человек, как всякий другой, и всё его величие тотчас исчезает.

■ Всё новое проявляет несправедливость к старому.

◐ Это неизбежно, потому что для новатора, выразителя передовых убеждений, всякое заигрывание с прошлым парализовало бы полет его деятельной силы.

Поэтому человечество должно изредка, так сказать, хватать через край. Оно должно становиться несправедливым, пристрастным. ◑

■ Истина является в мир не в блеске декорации, не в сиянии тронов, не под звуки труб и литавр, а в тишине и неизвестности, среди слез и стона.

■ Не принимай решения раньше времени. Несвоевременные решения — плод твоего произвольного существа, мечущегося в разные стороны, поэтому допускающего ошибки, между тем решения, которые ты принимаешь под давлением нужды, обусловлены твоим необходимым и, во всяком случае, относительно непогрешимым существом.

■ Настоящие свойства человека обнаруживаются лишь тогда, когда наступило время проявить, доказать их на деле. Кто, будучи студентом,

играл роль германского императора, тот, наверное, будучи императором, стал бы играть роль студента.

◪ Новая философия делает человека вместе с природой, как его основой, высшим и единственным предметом философии, а вследствие этого **антропологию** — универсальной наукой.

◪ Но в чем же заключается сущность человека, сознаваемая им? Каковы отличительные признаки истинно человеческого в человеке? Мой ответ: они — разум, воля и сердце. В воле, мышлении и чувстве заключается высшая, *абсолютная сущность* человека как такового.*

◪ Нигде так не прогрессируешь, как в мышлении. Если мысль однажды освободилась от своих границ, то это — поток, неудержимо увлекающий нас вперед.

◪ Где нет случая проявить талант, там и нет талантов.

◪ Несомненно, принцип нравственности — это блаженство, сосредоточенное не на одном и том же лице, а распространяющееся на разных лиц, обнимающее «меня» и «тебя», т. е. блаженство не одностороннее, а двустороннее или многостороннее; но это еще не ответ. Задача нравственной философии заключается в том, чтобы найти объяснение, *отчего* чувства и мысли людей слагаются так, что они способны чувствовать и мыслить благо других или даже всех близких и дальних как *свое* благо? Прирожденный ли это инстинкт, суждение ли это нашего разума, взвешивающего их с выгодами других и затем переходящего в привычку? Или же это — бессознательное чувство, с которым следует бороться, как утверждают индивидуалисты? И откуда, наконец, зародилось какое-то странное не то сознание, не то ощущение обязательности долга, отождествление своего блага с благом всех?

◪ Настоящие писатели — это укоры совести человечества. Совесть представляет вещи иначе, чем они кажутся; она микроскоп, который увеличивает их для того, чтобы сделать их отчетливыми и заметными для наших притупившихся чувств. Она метафизика сердца. Жалкое человечество, если ты потеряло свою чистую совесть, если ты с целью заглушить голос совести рассматриваешь упреки, которые она тебе делает, лишь как простые хитросплетения и преувеличения болезненной, чрезмерно напряженной души!

◪ Скажу тебе: величайшей ошибкой твоей жизни было то, что ты никогда не ошибался, никогда не грешил.

◪ Если ты сам счастлив, то ты сделаешь счастливыми и других. Счастливый может видеть только счастливых кругом себя.

◪ Жизнь — это поэт, книга — это философ. Первый созерцает единство во множестве, второй — множество в единстве. Поэзия, чтобы увеличить прелесть и усилить эффект, рассматривает издалека дерево, как оно стоит в полном цвету и как играют на нем эти тысячи и тысячи цветов, и ограничивается магической силой этого созерцания. Но философия подходит вплотную к дереву, отламывает один или самое большее два цвет-

---

* В предварительных набросках к так и не вышедшей при их жизни книге «Немецкая идеология» (1845 г.) К. Маркс и Ф. Энгельс тему, волнующую Фейербаха, выражали иначе и, надо думать, эвристичнее: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. Напротив, в своей действительности она есть ансамбль (совокупность, связь, итог) всех общественных отношений».

ка, ибо она обходится немногим и их уже достаточно для нее, рассматривает их очень подробно, берет спокойно с собой домой, высушивает затем на солнце разума и сохраняет их в книге. Поэзия превращает каплю росы, сверкающей на дереве всеми красками, в бриллиант; но философия, для того чтобы отличить сущность от видимости, касается водяной капли указательным пальцем рассудка и, размазывая ее, кладет таким образом конец блестящей иллюзии.

/ ◐ Выходит, что она «касается» иллюзии, а не **капли**! А надо бы!!! капли. /

◪ Где мораль утверждается на теологии, а право — на божьих постановлениях, там можно оправдать и обосновать самые безнравственные, несправедливые и позорные вещи.

◪ Мир жалок лишь для жалкого человека, мир пуст лишь для пустого человека.

◪ Только тот имеет силу созидать новое, у кого есть смелость быть абсолютно отрицательным.

◪ Нужно различать совесть, предшествующую действию, совесть, сопровождающую его, и совесть, следующую за ним. Только последняя заслуживает называться истинно совестью. Ибо перед действием и во время его человек видит только свой интерес, только удовлетворение своей страсти, своего вожделения, но только после совершения действия он приходит к обдумыванию, к познанию и нравственной критике.

◪ Любовь есть универсальный закон разума и природы, она есть не что иное, как осуществление единства рода через единомыслие.

◪ Когда ты наталкиваешься на непостижимости, то потрудись возвратиться к началу, т. е. начать испытание твоих основных принципов, признать их односторонность и отказаться от них и всей твоей точки зрения; если ты этого не можешь, то будь по крайней мере так скромен, чтобы признать твою ограниченность **твоей**, и не делать **твоих** границ границами **других** или даже самого **разума**.

◪ Во дворце мыслят иначе, чем в хижине, низкий потолок которой как бы давит на мозг.

◪ Если бы кто-либо, взглянув на картину, сделал заключение: «Как хороша эта картина! Но как красив должен быть тот, кто ее создал!», то мы бы громко рассмеялись.

◪ Религия, Бог основываются только на негодности человека или столь же никудышных человеческих условий и отношений.

/ ■■ Именно потому, что добродетель не всегда вознаграждается и не приносит счастья, именно потому, что в человеческой жизни так много противоречий, зла и нужды, — нужно небо, нужен Бог. ■ /

◪ Мемуарист Мирабо как-то признался в своем несогласии с поэтом Байроном, утверждающим вместе со многими другими, что о людях надо судить лишь по собственному опыту, а не по книгам, ибо как узок круг наших собственных опытов.

Но я бы предложил здесь свое развитие темы. А если бы этот круг был даже широк, то разве личность, приобретающая этот опыт, не остается всегда одной и той же? Не имеет ли ее опыт, как бы разнообразен он ни был, всегда один и тот же, следовательно, ограниченный и однообраз-

ный вид? Почему нам не воспользоваться с помощью исключительно книг опытом и взглядами других для завершения, исправления и расширения нашего собственного опыта?

◪ Добро — это то, что отвечает эгоизму всех людей.

◪ Зло — это то, что выгодно эгоизму отдельных человеческих классов, и что, стало быть, идет за счет других.

◪ Мир относится неблагосклонно к появлению хороших писателей, ибо хорошими писателями бывают всегда лишь те, которые создают мысли и взгляды новые по существу или же для своей эпохи, а когда, скажите, в мире была высказана какая-либо новая идея, которая не внесла бы в него некоторого derangement [расстройства]? Мир поэтому всегда стоит за стариков. Ибо старики, прожившие уже лучшую и большую часть своей жизни, с необходимостью любят старое, согласно меткой пословице «simile simili gaudet» [«подобное радуется подобному»]; молодежь же, напротив, имеющая перед собой лучшую и большую часть своей жизни, любит новое, свежее и молодое, поэтому она часто с нетерпением жадно срывает с дерева даже незрелые яблоки и сливы. Молодежь стоит на чисто идеалистической почве. Она растет вместе с эпохой, еще не существующей, но находящейся в процессе становления; для надежд и ожиданий всякого рода ей открыто неограниченное поле; ее вера не знает границ возможного, и именно в этой вере коренится ее неукротимая жажда творчества. У стариков крылья, напротив, уже подрезаны; их надежды уже исполнены или разбиты; они стоят на высохшей почве воспоминаний, которые как раз больше всего усыпляют человека и парализуют его стремление к деятельности. Они спокойно смотрят в лицо смерти лишь тогда, когда знают, что всё осталось на старом месте, что мир был и останется таким, как в их время и каким они давно уже его познали досыта.

◪ Когда кто-либо заглядывает в кошелек другого, то застает последнего как бы врасплох. Он может убедиться, соответствует ли роль другого в свете действительным средствам, или же тот пускает пыль в глаза. Он распутывает загадочный узел жизни другого вплоть до самых последних нитей, развязывает этот узел с таким удовлетворением, как если бы он разрещил трудный арифметический пример, ибо из кошелька другого он почерпнул успокоение, убедившись, что способен к тому же, имеет столько же или во всяком случае ненамного меньше. И если после тщательного изучения источников он приходит к печальному результату, что его сосед всегда получает деньги по гораздо большему счету, то всё же у него на душе теперь гораздо спокойнее, чем раньше. Зная точно состояние имущества соседа, он до известной степени как бы приобретает власть над ним, становится как бы тайным контролером его расходов, который если и не пользуется совместно этим богатством, то всё же — правда, лишь в высшей степени тонким и призрачным образом — становится его совладельцем.

◪ Моя совесть есть не что иное, как мое *Я*, ставящее себя на место оскорбленного *Ты*.

◪ Любовь к человеку должна быть высшим и первым законом человека.

◪ Религия есть сон бодрствующего сознания, сон есть ключ к тайнам религии.

◪ Бог... есть не что иное, как сущность самого разума; благодаря силе воображения сущность эта представляется... существом самостоятель-

ным, отличным от ума. Есть поэтому внутренняя, священная необходимость в том, чтобы эта сущность разума, отличная от разума, была в конце концов отождествлена с разумом, чтобы таким образом божественное существо было реализовано и представлено в качестве сущности разума. В этой необходимости коренится великое историческое значение спекулятивной философии.

◪ Тщетно всякое умозрение, которое хочет выйти за пределы природы и человека; такое умозрение так же тщетно, как и искусство, которое, желая дать нечто более высокое, чем человеческий образ, строит только гримасы.

◪ Мир открыт только для открытой головы, а только *чувства* и являются *отверстиями головы.* Что же касается изолированного, *в себе замкнутого* мышления, мышления *без чувств, без человека, вне* человека, то это *абсолютный субъект,* который для другого не может *и не должен* быть объектом; именно потому, и несмотря на все напряжения, такой субъект *никогда не найдет* перехода к *объекту,* к *бытию.* Так же точно голова, отсеченная от туловища, не может перейти к овладению предметом, потому что у нее нет средств, нет хватательных органов.

◪ Реальностью, субъектом разума является только человек. Мыслит *человек,* а не *Я,* не разум.

◪ Закон, который я не могу не выполнить, который превышает мои силы, не есть закон для меня.

◪ Даже к хорошему и здоровому человек сначала должен приучить себя. Даже самое хорошее вино неприятно, если не привыкли к вину вообще или привыкли только к плохому вину.

◪ Боль, «ощущение» вообще есть не что иное, как громкий, очень понятный протест против различения и разделения души и тела.

◪ Вероятно, на других планетах нашей Солнечной системы есть мыслящие существа помимо человека.

◪ Мы живем в природе, с природой, на счет природы, — так неужели мы произошли не *от* нее? Какое бы было противоречие!

◪ В пространстве часть меньше целого; наоборот, во времени, — во всяком случае, субъективно, — больше; ведь здесь реальна только часть, а целое является лишь объектом воображения, реальная секунда представляет для нас больший промежуток времени и длится дольше, чем воображаемое десятилетие.

◪ В наших собственных ошибках мы наименее компетентные судьи; поэтому от угрызений совести в связи с ошибками, нами допущенными, мы освобождаемся только тем, что признаемся в них своим друзьям. А им кажется комаром то, что нас давит с тяжестью слона.

◪ Лучше доверять себе слишком мало, чем слишком много.

◪ Оставь меня в покое! Я до тех пор *нечто,* покуда я — *ничто.*

◪ Откуда же взялся человек? Сначала спроси, *что такое* человек? Если ты выяснил его сущность, то тебе ясно и его происхождение. Вопрос *что?* — ставит взрослый, вопрос — *откуда?* — ребенок.

◪ Заповедь — «ты должен быть счастливым!» — нелепа. Но разве не таков отсвет известнейших к нам требований — «ты должен быть моральным», «ты должен быть добродетельным»?!

Это в основе своей гибельное, общественно вредное представление, что будто бы мораль зависит только от воли. Это не что иное, как старая вера в чудеса, перенесенная только в область морального, в человеческую волю. В такой же степени, как счастье зависит не только от меня одного, хотя оно и выпадает мне на долю не без моего участия и самодеятельности, в такой же степени и моральность зависит не только от моей произвольной деятельности, но также и от внешних благ, от природы, от тела. Нет счастья без добродетели: вы правы, вы — моралисты, я соглашаюсь с вами от всего сердца, я уже признал это за вами! Но заметьте: нет также добродетели без счастья, и тем самым мораль попадает в область частной и национальной экономии. Там, где не даны условия для счастья, там не хватает условий и для добродетели. Добродетель так же, как и тело, нуждается в питании, в одежде, в свете, в воздухе, в жилище. Там, где люди скучены друг с другом, как, например, на английских фабриках и в рабочих жилищах, если только можно назвать жилищами свиные стойла, где людям недостает в достаточном количестве даже кислорода воздуха (сравни по этому поводу труд К. Маркса «Капитал», по меньшей мере богатый бесспорными фактами интереснейшего, но вместе с тем и ужасного рода), — там для морали совсем не оставлено места.

◪ Чем меньше имеешь извне, тем больше ищешь своего счастья в умственной деятельности.

◪ Спиноза говорил: Nos eatenus tantummodo *agimus*, quatenus *intelligimus* [Мы *действуем* постольку, поскольку *мыслим*], и не только его жизнь, но и жизнь всех мыслителей подтверждает истинность этого суждения. Лейбниц сказал как-то: Nous sommes *faits* pour *penser* [Мы *созданы* для того, чтобы *мыслить*].

◪ Когда ставят вопрос о мире: а не есть ли он только мое представление и ощущение? (естественно, сомневаясь в факте его внешнего — по отношению к субъекту — существования), то я могу лишь вот чем поинтересоваться (и думаю, что этого более чем достаточно, чтобы всё правильно стало на свое место): «Господа, или правы вы, или кошка, которая почему-то впивается своими острыми когтями в мышь, а не в собственные глаза?»

◪ Человек человеку Бог — таково высшее практическое основание, таков и поворотный пункт всемирной истории.

◪ Истинная диалектика не есть монолог одинокого мыслителя с самим собой, это диалог между *Я* и *Ты*.

◪ Где нет любви, там нет и истины.

◪ Ко всему новому относятся с презрением, так как оно возникает из темноты. Эта темнота — его ангел-хранитель. Будучи незаметным, новое становится силой. Если бы с самого начала оно бросалось в глаза, то старое пустило бы в ход все свои наличные силы против него и задушило бы новое при его рождении.

◪ Философия должна вновь связаться с естествознанием.

◪ Ведь только ставшая плотью и кровью правда есть в самом деле правда.

◪ Мыслить, говорить и действовать истинно по-человечески суждено только грядущим поколениям. В настоящее время дело идет не о том

еще, чтобы изъяснить человека, но о том, чтобы вытащить его из того болота, в которое он был погружён до сих пор.

■ Я вообще безусловно отвергаю абсолютное, нематериальное... умозрение, черпающее материал из самого себя.

■ Природа не только создала простую мастерскую желудка, она воздвигла также храм мозга.

■ Не Бог человека, а человек Бога создал по образу и подобию своему.

■ Порок представляет собой реакцию природы против жесткого морального правила.

■ Нередко человеческие пороки лучше их добродетелей.

■ Раз начатое ты должен завершить независимо от того, приведет ли тебя окончание к счастью или к несчастью, к небу или к аду. Счастье — это роскошь, а завершение — нечто неизбежное.

■ Ты должен верить, да, верить, но верить тому, что и среди людей встречается *истинная* любовь, что и человеческое сердце способно на бесконечную, всепрощающую любовь, что и человеческая любовь может обладать свойствами любви божественной.

■ Попробуй отвергать то, что ты отрицаешь только для вида, считаясь с другими; в конце концов ты будешь перед самим собой отвергать то, что первоначально ты отрицал лишь внешне, только перед другими.

■ Ум пишет, но делает историю страсть.

■ Перенесемся на несколько мгновений в будущее ближайших столетий! Разве тогда, с точки зрения времени, философия Гегеля не предстанет пред нами как чуждая, унаследованная нами философия?

■ «Человек есть то, что он ест», — говорит Якоб Молешотт. Я могу только пожалеть, что новейший сенсуализм выливается в столь шутовскую форму. Сводить сознание к физиологии значит перечеркивать материализм. Степень функции выше функции. Мы подчеркиваем только вторичность и вовсе не отрицаем специфику.

/ ■■ Весь предшествующий материализм такая же тупая глупость, как идеализм — вздорная фантазия. ■ /

■ Ограниченный человеческий рассудок становится в тупик перед первоначально самостоятельным бытием мира, потому что он смотрит на мир лишь с субъективно практической точки зрения, видя в нём только простую, грубую машину, а не величественный, прекрасный космос. Таким образом, мир потрясает его голову. Удар сотрясает его мозг, и при этом сотрясении он объективирует *вне себя* собственный толчок, обращает его в первоначальный толчок, положивший начало миру.

■ Сущностью нашего века является притворство, притворство во всём, начиная с политики и науки и кончая религией и нравственностью. Всякий, кто говорит теперь правду, считается *дерзким* и «невоспитанным», а «невоспитанность» равносильна *безнравственности. Правда* в наш век стала *безнравственностью.*

■ Я всегда понимал жизнь как боевой поход.

XIX век

Фридрих Вильгельм Ницше

• Немецкий философ

Родился: 15.10.1844 г.
Умер: 25.08.1900 г.

Прожил — 55 лет

«Не презирать презренное в человеке, но вопрошать до самого дна: не остается ли нечто достойное презрения в высшем и лучшем, во всём, чем гордился до сих пор человек».
(Ницше)

■ **«Есть ли у кого желание сопутствовать мне на моем пути? Я не *советую* этого никому. — Но вы хотите этого? Так пойдемте же!»**
(Ницше)

■ **«*Учитесь* хорошо читать меня!»**
(Ницше)

■ **«Пусть же немцы еще раз бессмертно ошибутся во мне и *увековечат*! Для этого как раз есть еще время! — Достигнуто ли это? — Восхитительно, господа германцы! Поздравляю вас...»** ***(Ницше)***

■ **«Моя исходная точка — прусский солдат».**
(Ницше)

■ **«Если отказываются от войны, то, следовательно, отказываются от жизни в большом масштабе».**
(Ницше)

1. ЖИЗНЬ

• Родился в местечке Рёккен в Тюрингии (Пруссия) в семье протестантского священника.

• Его предками в третьем поколении были польские дворяне (Ницкие).

• С детских лет Ницше овевала атмосфера святости и праведности. Свои же гимназические товарищи сравнивали его с «двенадцатилетним Иисусом Христом в храме» и дали ему прозвище «маленький пастор», Ницше мог декламировать библейские речения и церковные песнопения с таким выражением, что это почти исторгало слезы у слушателей.

• Сохранился один наивный анекдот «героического характера» из эпохи его первых школьных лет. Нескольким ученикам показался неправдоподобным рассказ о Муции Сцеволе, и они отрицали возможность существования подобного факта: «Ни у одного человека не хватило бы мужества положить в огонь руку», — рассуждали молодые критики. Ницше,

не удостаивая их ответом, вынул из печи раскаленный уголь и положил его себе на ладонь. Знак от этого ожога остался у него на всю жизнь.

/ Гай Муций Сцевола — герой римского предания, юноша, пытавшийся убийством Ларса Порсены, этрусского царя города Клузий, осаждавшего Рим в 508 г. до н. э., избавить родину от опасности. Схваченный, он, гордый и несломленный пытками, продемонстрировал свое мужество и полное презрение ко всем унижающим его попыткам врагов тем, что положил свою правую руку на пылающий жертвенник. Легенда утверждает, что под впечатлением стойкости и силы духа этого молодого человека Порсена из врага Рима превратился в друга. Тем самым из истории Рима был исключен бесславный эпизод завоевания его иноземцами.

Гай Муций впоследствии получил прозвание Сцевола (Левша), потому что правая рука у него осталась покалеченной. /

• Учился в Шульпфорте, где также получили образование Клопшток, Фихте, Ф. Шлегель и др.

• Окончил университетский курс в Бонне и Лейпциге, по образованию **филолог**; среди всех студентов своего возраста был особенно заметен ранней и сильной природной одаренностью.

• В 22 года Ницше стал сотрудником «Центральной литературной газеты».

• В 25 лет получил профессуру в Базельском университете.

• С 1869 по 1879 г. жил в Базеле, здесь же подружился с Рихардом и Козимой Вагнерами:

/ **Ницше**:

«Несколько лет мы с Вагнерами делили между собой всё великое и малое; доверие не знало границ».

■■■ Рихард Вагнер (1813 – 1863) — выдающийся немецкий мыслитель, драматург, композитор, дирижер, теоретик искусства; одержимый, беспокойный, необыкновенно работоспособный человек.

В своих взглядах Вагнер бескомпромиссен, безапелляционен, суров:

«Всё, что существует, должно погибнуть, это вечный закон природы, это — необходимая основа бытия. Революции лишь выполняют этот закон. Они вечно разрушают, но они и вечно создают новую жизнь. Старый порядок построен на грехе, и потому мир, в котором мы живем, должен быть потрясен до основания».

(**Рихард Вагнер**. Статья *«Революция»*. 1849 г.) ■ /

Ницше потянулся к Вагнеру, почувствовав в последнем родственную душу, ищущую человеческие определяющие начала не в разуме, а в сфере иррационального, инстинктивного. Ницше магнитят докультурные моменты и мифологические сюжеты и образы.

• Всю жизнь Ницше страдал сильными головными болями и приступами не вполне ясной болезни:

♦ Моей «специальностью» было: в течение двух-трех дней напролёт с совершенной ясностью выносить нестерпимую боль cru, vert, сопровождаемую рвотой со слизью.

Муций Сцевола в лагере Порсены. *Ок. 1725 г.*
Худ. Джованни Батиста Тьеполо.
Санкт-Петербург. Государственный Эрмитаж

• Ницше был близорук и по этой причине имел освобождение от воинской службы. Но в 1867 г. прусская армия крайне нуждалась в людях, и потому его зачислили в один из артиллерийских полков, квартировавший в Наумбурге.

• Сильное воздействие на Ницше оказали книги Ф. М. Достоевского (это открытие состоялось в начале 1887 года):

♦ Достоевский... Никто, кроме Стендаля, так не восхищал и не удовлетворял меня.

• Ницше обладал злой наблюдательностью и умел создавать врезающиеся в память сюжеты:

♦ Сен-Бёв* увидел однажды первого Императора. Это случилось в Булони[33]: Наполеон был занят тем, что справлял малую нужду. Не в этой ли чуточку снижающей позе он привык с тех пор видеть и оценивать всех великих людей?

• Внутренний смысл общества открылся Ницше после ознакомления его с притчей Артура Шопенгауэра о дикобразах:

> «Стадо дикобразов легло в один холодный зимний день тесною кучей, чтобы, согреваясь взаимной теплотою, не замерзнуть. Однако вскоре они почувствовали уколы от игл друг друга, что заставило их лечь подальше друг от друга. Затем, когда потребность согреться вновь заставила их придвинуться, они опять попали в прежнее неприятное положение, так что они метались из одной печальной крайности в другую, пока не легли на умеренном расстоянии друг от друга, при котором они с наибольшим удобством могли переносить холод. — Так потребность в обществе, проистекающая из пустоты и монотонности личной внутренней жизни, толкает людей друг к другу; но их многочисленные отталкивающие свойства и невыносимые недостатки заставляют их расходиться. Средняя мера расстояния, которую они наконец находят как единственно возможную для совместного пребывания, это — вежливость и воспитанность нравов. Тому, кто не соблюдает должной меры в сближении, в Англии говорят: Keep your distance!** Хотя при таких условиях потребность во взаимном теплом участии удовлетворяется лишь очень несовершенно, зато не чувствуются и уколы игл. — У кого же много собственной, внутренней теплоты, тот пусть лучше держится вдали от общества, чтобы не обременять ни себя, ни других».

/◐ Видимо, этой притче была уготована какая-то особая роль в формировании мироощущения Ницше. Ведь неспроста же им будет сказано, устами одного из главных своих литературных персонажей, такое **откровенное** признание: «Кто пишет кровью и притчами — тот хочет, чтобы его не читали, а заучивали наизусть». ◑/

• ◐ Ницше многим подзарядился от Шопенгауэра. Он умел и хотел черпать оптимизм пессимизма, чувствуя в Шопенгауэре и корни, и побеги своего **я**. Некоторые мысли автора «Мира как воли и представления» были Ницше по-особенному близки. Как вот эта из «Новых паралипомен»:

---

* **Сен-Бёв Шарль Огюстен** (1804 – 1869) — французский критик, сторонник биографического метода в литературоведении, автор пятитомных трудов: «Литературно-критические портреты» (1836 – 1839) и «История Пор-Рояля» (1840 – 1859).

** *Англ.* Соблюдай дистанцию!

«Часто говорят о *республике ученых*, но не о *республике гениев*. В последней дело обстоит следующим образом: один великан кличет другого через пустое пространство веков; а мир карликов, проползающих под ними, не слышит ничего, кроме гула, и ничего не понимает, кроме того, что вообще что-то происходит. А с другой стороны, — этот мир карликов занимается, там, внизу, непрерывными дурачествами и производит много шуму, носится с тем, что намеренно обронили великаны, провозглашает героев, которые сами — карлики и т. п.; но всё это не мешает тем духовным великанам, и они продолжают свою высокую беседу ду́хов».

• Осенью 1876 г. Ницше переезжает в Сорренто, прервав по состоянию здоровья университетские лекции и взяв годичный отпуск. В его душе происходит перелом. Он обновляется. Поколе́блены — вдруг, в результате подспудного созревания, — самые глубокие и самые важные пласты его мироопределения. Сегодня мы можем это всё представить себе и понять, так как Ницше оставил нам сам довольно многое раскрывающий след:

♦ То, что тогда у меня решилось, был не только разрыв с Вагнером — я понял общее заблуждение своего инстинкта, отдельные промахи которого, называйся они Вагнером или базельской профессурой, были лишь знамением. *Нетерпение* к себе охватило меня; я понял, что настала пора сознать *себя*. Сразу сделалось мне ясно до ужаса, как много времени было потрачено — как бесполезно, как произвольно было для моей задачи всё мое существование филолога. Я стыдился этой *ложной* скромности... Десять лет за плечами, когда *питание* моего духа было совершенно приостановлено, когда я не научился ничему годному, когда я безумно многое забыл, корпя над хламом пыльной учености. Тщательно, с больными глазами пробираться среди античных стихотворцев — вот до чего я дошел! — С сожалением видел я себя вконец исхудавшим, вконец изголодавшимся: *реальностей* вовсе не было в моем знании, а «идеальности» ни черта не стоили! — Поистине, жгучая жажда охватила меня: с этих пор я действительно не занимался ничем другим, кроме физиологии, медицины и естественных наук... «Человеческое, слишком человеческое», этот памятник суровой самодисциплины, с помощью которой я внезапно положил конец всему привнесенному в меня «мошенничеству высшего порядка», «идеализму», «прекрасному чувству», «Богу» и прочим женственностям, — было во всём существенном написано в Сорренто.

• В 1880 г. поле Ницшевого разума было пропахано плугом Дюрингового «Курса философии» (Евгений Дюринг. *Курс философии как строго научного мировоззрения и образа жизни*. Лейпциг. 1875 г.). Сохранился экземпляр книги, испещренный многочисленными пометками Ницше. Одна мысль Дюринга, похоже, особенно для него примечательна: Вселенная *может быть* представлена в каждое мгновение как комбинация элементарных частиц и мировой процесс в таком случае *есть* некий калейдоскоп всех возможных подобных комбинаций. Но если допустить, что число комбинаций *конечно* и что, стало быть, оно неизбежно исчерпывается,

тогда придется допустить и то, что с завершением последней комбинации вновь возвращается первая, придавая мировому процессу характер циклических повторений одного и того же.

Поскольку собственные мысли Ницше развивались в том же направлении, то в результате в один из августовских дней 1881 г. у него реализуется концепция «вечного возвращения». На этот счет есть даже конкретное автобиографическое примечание:

♦ Я шел в этот день вдоль озера Сильваплана через леса; у могучего, пирамидально нагроможденного блока камней, недалеко от Сурлея, я остановился. Там пришла мне эта мысль. ♦

Ницше придавал найденной точке зрения столь огромное значение, что считал ее центральной для всей своей философии. А идея вот в чём:

♦ *Величайшая тяжесть.* Что если бы днем или ночью подкрался к тебе в твое уединеннейшее одиночество некий демон и сказал бы тебе: «Эту жизнь, как ты ее теперь живешь и жил, должен будешь ты прожить еще раз и еще бесчисленное количество раз; и ничего в ней не будет нового, но каждая боль и каждое удовольствие, каждая мысль и каждый вздох и всё несказанно малое и великое в твоей жизни должно будет наново вернуться к тебе, и всё в том же порядке и в той же последовательности, — также и этот паук и этот лунный свет между деревьями, также и это вот мгновение и я сам. Вечные песочные часы бытия переворачиваются всё снова и снова — и ты вместе с ними, песчинка из песка!» — Разве ты не бросился бы навзничь, скрежеща зубами и проклиная говорящего так демона? Или тебе довелось однажды пережить чудовищное мгновение, когда ты ответил бы ему: «Ты — бог, и никогда не слышал я ничего более божественного!» Овладей тобою эта мысль, она бы преобразила тебя и, возможно, стерла бы в порошок; вопрос, сопровождающий всё и вся: «хочешь ли ты этого еще раз, и еще бесчисленное количество раз?» — величайшей тяжестью лег бы на твои поступки! Или насколько хорошо должен был бы ты относиться к самому себе и к жизни, чтобы не *жаждать больше* ничего, кроме этого последнего вечного удостоверения и скрепления печатью?

♦ Всё подвержено вечному возврату. Когда-нибудь мы снова встретимся при тех же обстоятельствах; я снова буду болен, а вы удивлены моими речами... Не всё ли равно, что я умираю; ведь ничто не разлучает, не приближает, потому что каждый момент возвращается, каждая минута вечна. ♦

• **Сочинения Ницше:**

«Рождение трагедии из духа музыки» (1872):

/ В рукописи книга поначалу называлась «Греческая весёлость». /;

«О пользе и вреде истории для жизни» (1874);

«Шопенгауэр как воспитатель» (1874);

«Рихард Вагнер в Байрейте» (1875 – 1876);

«Человеческое, слишком человеческое: Книга для свободных умов» (1876 – 1878):

/ ■■■ «Возникновение этой книги, — вспоминал Ницше в *«Ecce Homo»,* — относится к неделям первых байрейтских фестшпилей;

глубокая отчужденность от всего, что меня там окружало, есть одно из условий ее возникновения... В Клингенбрунне, глубоко затерянном в лесах Богемии, носил я в себе как болезнь свою меланхолию и презрение к немцам и вписывал время от времени в свою записную книжку под общим названием «Сошник» тезисы, сплошные *жесткие* психологемы».

Общественное мнение об этой книге было в диапазоне от «Державная книга, увеличившая независимость в мире» (Якоб Буркхардт) до «Перед нами печальное свидетельство болезни. Все эти афоризмы просто ничтожны в интеллектуальном отношении и весьма прискорбны в отношении моральном» (Козима Вагнер). ■ /;

«Утренняя заря» (1881);

«Так говорил Заратустра: Книга для всех и для каждого» (1881 – 1885):

/ Ницшеанский Заратустра — пророк вечного возвращения, сверхчеловек, сокрушитель скрижалей всех существующих моральных ценностей — не имеет ничего общего с деятелем иранской религии (VII – VI вв. до н. э.), создавшим свое учение о вечной борьбе доброго и злого начал (Ахурамазда и Анхра-Майнью). /;

«Веселая наука» (1882);

«Злая мудрость: Афоризмы и изречения» (1882 – 1885):

/ Варианты названия этой книги были такими:

«Молчаливая речь»;

«В открытом море»;

«По ту сторону добра и зла». / ;

«По ту сторону добра и зла» (1886);

«Генеалогия морали» (1887);

«Сумерки кумиров» (1888);

«Ecce Homo» (1888);

«Странник и его тень»;

«Несвоевременные размышления»;

«Антихристианин»;

«Воля к власти» (произведение издано в 1906 г. уже после смерти философа сестрой Ницше Элизабет Фёрстер-Ницше):

/ Для самого Ницше такого сочинения, как «Воля к власти», никогда не существовало. В 1888 г. у него сложился план главной книги «Переоценка всех ценностей». Ее состав предполагался таким:

Книга первая. Антихристианин: Опыт критики христианства.

Книга вторая. Вольный дух: Критика философии как нигилистического движения.

Книга третья. Имморалист: Книга невежества самого фатального рода, повседневной морали.

Книга четвертая. Дионис: Философия вечного возвращения.

Из всего замысла успела появиться только книга «Антихристианин». /

• В начале 1889 г. у Ницше помутился разум, а через год с небольшим его не стало.

• Но категории, которые Ницше ввел в философию, живут и поныне. Это:
«Воля к власти»;
«Переоценка всех ценностей»;
«Новая порода людей»;
«Белокурые бестии»;
«Сверхчеловек (der Übermensch)».

2. СУДЬБА

► В произведениях Ницше сильна эквилибристика мысли, ему нравятся эпатаж и хитроумные конструкции. Крученые ходы сознания, как у Ларошфуко («Кто полагает, что любит свою любовницу из любви к ней самой, тот глубоко заблуждается»), пленяют его, побуждают и самому «быть на уровне» и «не снижать планку».

♦ Не угодно ли — так вопрошал я себя с беспокойством — долгому предложению моей жизни быть прочитанным в *обратном порядке*? В прямом порядке, без всякого сомнения, читал я лишь «слова, лишенные смысла».

♦ «Ты страшен мне, ибо тебя берет смех там, где мы боремся за жизнь, — ты выглядишь как некто, кто уверен в своей жизни». — «В своей жизни или в своей смерти», — сказал Заратустра.

♦ Нет прекрасной поверхности без ужасной глубины.

► Ницше острее других чувствовал жизнь. Бытие в сообществе людей причиняло ему боль, страдания, невыносимость:

♦ Клокоча от гнева, мне приходилось любить там, где следовало бы презирать.

► ◐ Ницше вполне укладывается в схему «философа многих советов». Бóльшая часть его текстов — сплошные рекомендации, поучения, наставления. Одноплановости и ровности в них нет, но вот постоянство нацеленности в некую, только ему видимую, сущность есть. ◑ Индивидуальные манера и стиль Ницше сквозят в каждом наугад взятом примере:

♦ **Искусство извиняться.** Когда кто-то извиняется перед нами, он должен делать это весьма умело: иначе мы сами предстаём себе виновными и испытываем неприятное чувство.

♦ Берегись кошек: они никогда не отдают, они даже не отплачивают — они лишь ощериваются и мурлычут при этом.

♦ Угрызения совести — такая же глупость, как попытка собаки разгрызть камень.

♦ Берегись предостерегать бесстрашного! Ради самогó предостережения он ринется еще в каждую пропасть.

► ◐ Ницше — единственный из философов, который загадочен в своей ясности и не понятен до понятности. Он светел своей темнотой и беспрерывно раним в своей защищенности ◑:

♦ **Веселая наука**

Книга? Нет: что толку в книгах!
В этих шлаках мертвых мигов!
Только прошлое их сводня:
Здесь же вечное Сегодня.

Книга? Нет: что толку в книгах!
В саркофагах мертвых мигов!
Это — воля, обещанье,
Это — всех мостов сжиганье,
Бриз внезапный, снятый якорь,
Шум колес, одна атака;
В белом дыме пушек грохот,
Чудища морского хохот!

(Пер. К. А. Свасьяна)

♦ Истина требует, подобно всем женщинам, чтобы ее любовник стал ради нее лгуном.

♦ В стадах нет ничего хорошего, даже когда они бегут вслед за тобою.

► Когда престарелого автора лучшей «Истории новой философии» (Т. 1 – 8) Куно Фишера (1824 – 1907) спрашивали, почему он не отводит в своих трудах места Фридриху Ницше, то знаменитый гейдельбергский профессор с презрением всегда отвечал: «Ницше — *просто* сумасшедший».

► ◐ Я бы определил Ницше как **философа трагического одиночества**, когда неприкаянная душа талантливого человека не вписывается ни в то время, в которое он живет, ни в то окружение, с которым он общается. Привычное к переламыванию и перемалыванию людей общество хотело так же поступить и с Фридрихом Ницше. Но этот особенно независимый и гордый дух не поддался. Сначала он скрежетал и сопротивлялся, а потом *просто* предпочел **свернуться в себя**, дождавшись лучших времен.

Ницше сошел не с ума, а с дистанции, чтобы не толкаться с современниками, не суетиться ни в их будничных заморочках, ни в их упрощающей всё заданности.

Случай с Ницше — это пример особого анабиоза, когда человек контролируемо затеял без сна «проснуться» среди нас, мóгущих уже его принять, понять и не противоречить. ◑

► **Любимые афоризмы Фридриха Ницше:**

- «Презирайте свою презренность» *(св. Бернард)*.
- «Знайте, что нет ничего более обычного, чем сделать зло из удовольствия делать его» *(Проспер Мериме)*.
- «Пусть свершится истина, хоть бы и погибла б жизнь» *(лат. поговорка)*.
- «Не надейтесь от осадка жизни получить то, что не могло дать первое страстное движение» *(Джон Драйден)*.
- «Владыка, чье прорицалище существует в Дельфах, не говорит и не скрывает, но означает» *(Гераклит)*.
- «Когда чернь принимается рассуждать, всё потеряно» *(фр. поговорка)*.
- «Ничто из человеческих дел не заслуживает особых страданий» *(Платон)*.
- «Все мудрецы всех времен, улыбаясь и кивая, общим хором возглашают: безумно ждать исправления безумцев! Дети мудрости, считайте же глупцов именно глупцами, как и надлежит» *(Гёте)*.
- «Во-первых, писать, во-вторых, философствовать» *(лат. поговорка)*.
- «Историк — это пророк, обращенный вспять» *(Фридрих Шлегель)*.
- «Монархи причисляются к выскочкам» *(Шарль Талейран)*.

- «Каждому своё» *(лат. поговорка).*
- «Жизнь — женщина» *(лат. поговорка).*
- «Он умеет наслаждаться жизнью, как рассудительный ленивец, высиживающий свои удовольствия» *(герцог Неверский).*
- «Лучшее, что мы имеем от истории, — возбуждаемый ею энтузиазм» *(Гёте).*
- «Памятник вéчнее меди» *(Гораций).*
- «Нравственно хороший человек четырехуголен» *(Аристотель).*
- «Государь — первый слуга и первое должностное лицо государства» *(Фридрих Великий).*
- «Чтобы быть хорошим философом, нужно быть сухим, ясным, свободным от иллюзий. Банкир, которому повезло, отчасти обладает характером, приспособленным к тому, чтобы делать открытия в философии, т. е. видеть ясно то, что есть» *(Стендаль).*
- «Я следую самому себе» *(исп. поговорка).*
- «Г-жу Санд я нахожу гораздо более правдивой, чем Бальзака. У нее страсти обобщены... через триста лет читать будут г-жу Санд» *(Эрнест Ренан).*
- «Недостойно великих сердец — обнаруживать испытываемое ими беспокойство» *(фр. поговорка).*
- «Или дети, или книги» *(лат. поговорка).*
- «Души крепнут, доблесть расцветает от раны» *(Марк Фурий Бибакул).*
- «Верьте эксперту» *(лат. поговорка).*
- «Мы a priori познаём в вещах лишь то, чтó вложено в них нами самими» *(Кант).*
- «Разум и наука — продукты человечества; но желать их сделать непосредственным достоянием народа и получать их через народ — утопия» *(Эрнест Ренан).*
- «*Я* всегда ненавистно» *(Паскаль).*
- «Ибо от избытка сердца говорят уста» *(Матф., 12, 34).*
- «Мерзкое суеверие» *(Тацит).*
- «Был я всегда терпелив ко многим вещам неприятным,
  Тяготы твердо сносил, верный завету богов.
  Только четыре предмета мне гаже змеи ядовитой:
  Дым табачный, клопы, запах чесночный и †».
  (*Гёте.* Пер. С. А. Ошерова)
- «Хорошая женщина и плохая женщина требуют кнута» *(Франко Саккетти).*
- «Мы склонны к запретному» *(Овидий).*
- «Различие порождает ненависть» *(фр. поговорка).*
- «Я сам ближе всего к себе» *(Теренций).*
- «Подчинись закону, который ты сам издал» *(лат. поговорка).*
- «Чтобы поглупеть, начните верить» *(Паскаль).*
- «Большинство не довольствуется философией, большинству нужна святость» *(Эрнест Ренан).*
- «Любовь — наиболее эгоистическое из всех чувств и, следовательно, наименее великодушное, когда оно ранено» *(фр. поговорка).*
- «Гений — это невроз» *(Моро де Тур).*

3. УЧЕНИЕ

♦ Сообщу вам тайну: во-первых, вряд ли боги *философствуют*, а во-вторых, люди неохотно верят в богов.

♦ Моя философия — это специфический немецкий способ заниматься тем же самым, что существует под названием психологии во Франции и в России.

♦ ***Наследственный недостаток философов.*** Философы, все без исключения, страдали до сих пор одинаковым недостатком: они мыслили неисторично, противоисторично. Они исходили из человека, которого являло им их время и окружение, охотнее всего из самих себя и даже только из себя; им казалось, что уже путем самоанализа они достигают цели — знания *«человека»*. Их собственные оценочные чувства (или оценочные чувства их касты, расы, религии, здоровья) принимались ими за абсолютные мерки ценности; ничто не было им более чуждо и противно, чем бескорыстие собственно *научной* совести, которая наслаждается своей свободой в благожелательном презрении к личности, каждой личности, каждой личностной перспективе. Эти философы были прежде всего личностями; каждый из них даже ощущал про себя некое «Я есмь личность», словно бы некую aeterna veritas[34] человека, «человека-в-себе». Из подобной неисторической оптики, развитой ими в отношении самих себя, проистекает величайшее множество их заблуждений — прежде всего основное заблуждение, сводящееся к тому, чтобы всюду искать «сущее», всюду предполагать сущее, всюду умолять значимость изменения, становления, противоречия. Даже под *гнётом* культуры, одержимой историзмом (каковой была немецкая культура на рубеже столетий), философам свойственно было выставлять себя по меньшей мере как *цель* всего становления, на которую с самого начала ориентируется всё-что-ни-есть: комедия, разыгранная в свое время Гегелем перед замершей от удивления Европой.

♦ ***Оценка незаметных истин.*** Признаком более сильного и гордого вкуса (как бы легко этот признак ни производил обратного впечатления) является способность оценивать маленькие, незаметные, осторожные, найденные посредством строгого метода истины выше, чем те широкие, парящие, обволакивающие обобщения, к которым тяготеет потребность религиозной и художественной эпохи. Люди, отставшие по части интеллектуальной дисциплины или *вынужденные* в силу солидных оснований чураться ее (случай женщин), относятся к названным мелким достоверностям с какой-то усмешкой на устах; художнику, например, *ничего не говорит* какое-либо физиологическое открытие; это даст ему основание думать о нем с пренебрежением. Такие отстающие, которые при случае разыгрывают из себя судей (наша эпоха явила по этой части три примера большого стиля: Виктор Гюго для Франции, Томас Карлейль для Англии, Рихард Вагнер для Германии), говорят об этом с иронией.

♦ ***О познании страдальца.*** Состояние больных людей, которые долго и ужасно мучились своими страданиями и рассудок которых тем не менее остаётся незамутнённым, представляет некоторый интерес для познания — не говоря уже ничего о тех интеллектуальных благодеяниях, которые приносит с собою каждое глубокое одиночество, каждая внезапная и дозволенная свобода от всякого рода обязанностей и привычек. Глубоко страдающий

человек с ужасающим хладнокровием разглядывает вещи *из* своего состояния: перед взором его исчезают все те мелкие лживые фокусы, в которых по обыкновению плещутся вещи, когда на них смотрят глазами здорового человека; даже сам он предстаёт себе без пуха и цвета. Допустим, что прежде он жил какими-то опасными причудами; это высшее отрезвление болью служит средством — и, должно быть, единственным средством — вырвать его из них. (Возможно, что с этим столкнулся основатель христианства на кресте: ибо горчайшие из всех слов: «Боже мой, для чего Ты Меня оставил!», взятые во всей глубине, как и следует их брать, содержат свидетельство общего разочарования и просветления относительно грёзы своей жизни; в момент высочайшей муки он стал ясновидящим в отношении самого себя, подобно тому, как рассказывает это поэт о бедном умирающем Дон-Кихоте.) Чудовищное напряжение интеллекта, силящегося тягаться с болью, приводит к тому, что всё, на что он теперь взирает, освещается новым светом, и несказанная привлекательность, которую вызывают к жизни все новые освещения, бывает зачастую достаточно сильна, чтобы дать отпор всем приманкам самоубийства и явить последующую жизнь страдальца как нечто в высшей степени желанное. С презрением вспоминает он уютный, теплый мир, окутанный туманами, в котором бродит ничтоже сумняшеся здоровый человек; с презрением вспоминает он благороднейшие и любимейшие иллюзии, которыми он прежде водил себя самого за нос; ему доставляет какое-то наслаждение накликать себе это презрение как бы из самой преисподней и причинить таким образом душе горчайшее страдание: этим противовесом удерживает он физическую боль — он чувствует, что нынче ему необходим как раз этот противовес! В жутком ясновидении своего существа восклицает он самому себе: «Будь однажды собственным своим обвинителем и палачом, прими однажды страдания как предписанную тебе тобою же кару! Наслаждайся своим преимуществом судьи; больше: наслаждайся своим соизволением, своим тираническим произволом! Будь выше своей жизни, как и своего страдания; смотри свысока на всё, что имеет основания, и на всё бездонное!» Наша гордость встаёт на дыбы, как никогда еще; на ее стороне против такого тирана, как боль, и против всех нашёптываний боли, которыми эта последняя силится выудить из нас свидетельство, порочащее жизнь, несравненная привлекательность задачи — взять против тирана как раз *сторону* жизни. В этом состоянии злобно обороняешься от всякого пессимизма, дабы он не предстал *следствием* нашего состояния и не унизил нас как побежденных. Равным образом никогда еще соблазн проявлять справедливость в суждениях не достигал такой силы, как нынче, ибо нынче в этом триумфе, празднуемом над нами самими и над раздражительнейшим из всех состояний, простительной выглядела бы любая несправедливость суждения; но мы не хотим приносить извинений — как раз теперь хотим мы показать, что можем существовать «без вины». Мы охвачены форменной судорогой спеси. И вот опускаются первые сумерки смягчения, выздоровления — и почти тотчас же начинаем мы обороняться от засилья нашей спеси: мы именуем себя в ней глупыми и тщеславными — словно бы нам довелось пережить не-

что, что было уникальным! Мы унижаем без малейшей благодарности всесильную гордость, с помощью которой нам только и удавалось сносить боль, и запальчиво требуем противоядия от гордости: нам хочется отчуждённости и обезличенности, после того как боль слишком насильственным и продолжительным образом вколачивала нас в *личное.* «Долой, долой эту гордость! — восклицаем мы. — Она была болезнью, и к тому же судорогой!» Мы снова смотрим на людей и природу более требовательным взором: с щемящей душу улыбкой вспоминаем мы, что знаем теперь о них кое-что по-новому и иначе, чем прежде; что упала некая завеса, — но это так *услаждает* нас: снова видеть *приглушённые огоньки жизни* и выходить из ужасающей трезвой ясности, в которой мы, будучи страдальцами, видели и проницали взором вещи. Мы не гневаемся, если снова начинают разыгрываться фокусы здоровья, — мы всматриваемся во всё, точно преображенные, кротко и всё еще устало. В этом состоянии нельзя без слёз слушать музыку.

♦ Я не хочу *повторения* жизни. Как вынес я ее? Трудясь. Что даёт мне выдержать ее вид? Взгляд на сверхчеловека, *утверждающего* жизнь. Я и *сам* пытался утверждать ее — ах!

♦ Мне боязно среди людей; меня мучила жажда среди людей, и ничто не утоляло меня. Тогда ушел я в одиночество и сотворил сверхчеловека. И, сотворив его, я разгладил ему великую завесу становления и дал полдню светиться вокруг него.

♦ Новая мысль восхищает меня, я всё больше отучаюсь от ощущения, что она исходит от меня или от кого-то другого. Как глупо — быть здесь ревнивым! И всё-таки, какая ужасная история помрачения истинного у этой ревности!

♦ *«Не укради!»* — Но где прекращается собственность? Мысль, импульс, точка зрения, выражение образа, вид здания, человека — разве всё это не собственность? А мы непрерывно обкрадываем всё. Мы уворовываем в себя все вещи и все солнца — всё существующее, всё некогда случившееся *продолжаем* мы лелеять *для самих себя.* Мы не думаем при этом о других; каждый *отдельный* индивид заботится о том, что́ он может урвать для самого себя.

♦ Честность в отношении собственности вынуждает нас сказать, что и сами мы целиком наворованы и что ощущения наши слишком притуплены и грубы по этой части. Человеку свойственна ложная гордость в отношении материала и красок, но он может *написать новую картину,* к восторгу знатоков, — тем самым он *снова заглаживает своё посягание на имущества мира.* — Понимать наше существование так, что мы должны свершить для него нечто, — понимать его *не* как *вину,* а как аванс и задолженность! — Мы питаемся всем; справедливость требует, чтобы мы возвращали нечто на пропитание всем.

♦ ***Чистое и чистая совесть.*** Вы полагаете, всё чистое во все времена имело чистую совесть? — Наука — стало быть, непременно нечто очень чистое — вступила в мир без таковой и начисто лишённая всякого пафоса, скорее, украдкой, окольными путями, шествуя, точно некая преступница, с покрытой или принаряженной головой и всегда, по меньшей мере, с *настроением*

контрабандистки. Чистой совести предшествует в качестве предварительной ступени — не противоположности — дурная совесть: ибо всё чистое было однажды новым, следовательно, необычным, противящимся нравам, *безнравственным* и подтачивало сердце счастливого открывателя, как червь.

♦ *Весь этот мир*, сотворённый нами, о, как мы его *любили*! Все чувства, испытываемые поэтами к их собственному творению, — ничто по сравнению с неисчислимыми излияниями счастья, которое охватывало людей в незапамятные времена, когда они *открывали* природу.

♦ ***Человечность.*** Мы не считаем животных моральными существами. Но думаете ли вы, что животные считают нас моральными существами? — Умей животное говорить, оно сказало бы: «Человечность — это предрассудок, которым, по крайней мере, не страдаем мы, животные».

♦ Поскольку нынче больше, чем когда-либо, значимы индивидуальные масштабы, то и *несправедливости* стало больше, чем когда-либо. Историческое чувство — моральное противодействие. Причинение зла суждениями нынче величайшее из существующих еще зверств. *Всеобщей* морали уже не существует; по меньшей мере, она становится всё слабее, как и вера в нее среди мыслителей.

Нет недостатка в людях, живущих *без* морали, так как они больше не нуждаются в ней (подобно тем, кто живет без врача, лекарств, мучительных процедур, так как они здоровы и обладают соответствующими привычками). Жить морально сознательно — предполагает сплошную ошибочность вкупе с ее гнётом и последствиями, и это значит: мы не нашли еще условий нашего существования и всё еще ищем их. Для индивида, *поскольку он не принадлежит к категории мыслителей*, мораль представляет *ограниченный* интерес: покуда у него нехорошо, нестабильно на душе, он размышляет над причинами и ищет моральных причин, так как прочие ему, малообразованному, неизвестны. *Втиснуть* ошибки своего телосложения, своего характера в моральность, взвалить на себя *вину* за свою болезнь — это морально.

♦ Мораль есть занятие тех, кто не *в состоянии* отделаться от нее: оттого она принадлежит в их случае к «условиям существования». Условий существования нельзя опровергнуть: их можно только — *не иметь.*

♦ Как только мы намереваемся определить цель человека, мы оговариваем само понятие человека. Но существуют лишь индивиды; из известных *до сих пор* можно лишь таким путем извлечь понятие, что при этом отдирается *индивидуальное*, — стало быть, установить цель человека значило бы: задержать индивидов в их индивидуальном становлении и велеть им — стать *общими*. Не надлежало ли, напротив, каждому индивиду, благодаря своим индивидуальнейшим признакам, стать попыткой достижения *более высокого вида, чем человек*? Моей моралью было бы: всё больше *лишать* человека его общего характера и специализировать его, делать его на одну степень непонятнее для других (и тем самым делать его предметом переживаний, удивления, поучения для них).

♦ Поскольку еще *приходится* действовать, стало быть, поскольку еще *повелевается*, синтез (снятие морального человека) остаётся неосуществлённым. *Не иначе могут* порывы повелевающего разума прорваться *сквозь*

цель, как наслаждаясь собою в деяниях. *Сама воля должна быть преодолена* — чувство свободы творится уже не из противоположности принуждения! *Становиться природой!*

♦ ***Мирская справедливость.*** Можно перевернуть мирскую справедливость вверх дном — с помощью учения о полной безответственности и безвинности каждого; и попытка в этом направлении была уже сделана как раз на почве противоположного учения о полной ответственности и виновности каждого. То был основатель христианства, кому хотелось упразднить мирскую справедливость и устранить из мира суд и кару. Ибо он понимал всякую вину как «грех», т. е. как преступление перед *Богом*, а *не* как преступление перед миром; с другой стороны, он считал каждого человека по последней мерке и почти во всяком отношении грешником. Но виновные не должны быть судьями себе подобных: так решила его справедливость. *Все* судьи, представляющие мирскую справедливость, были, таким образом, в его глазах столь же виновными, как и осуждённые ими, а выражение невинности в их лицах казалось ему верхом ханжества и фарисейства. Кроме того, он смотрел на мотивы поступков, а не на следствия, и считал достаточно дальновидной лишь одну-единственную оценку мотивов: самого́ себя (или, как он выражался, Бога).

♦ До сих пор существовали прославители человека и очернители его, те и другие, однако, с *моральной* точки зрения. *Ларошфуко* и христиане находили человека *безобразным*: но это есть моральное суждение, а другого попросту *не знали*. Мы причисляем его к природе, которая ни зла, ни добра, и находим его не всегда безобразным там, где к нему чувствовали отвращение те моралисты, и не всегда прекрасным там, где они его прославляли. Что есть здесь прекрасное и безобразное? Нечто усложнённо-целесообразное, что сбивает с пути и обводит вокруг пальца наш рассудок, при всём том какое-то фокусничество; дальше — способность выражения и сила самого выражения. Большая кривая его планов и идеалов. Его история. Его манера опьянять себя. Это животное — сущая учеба без конца. В природе нет грязного пятна, лишь мы наложили его на нее. Слишком поверхностно трактовали мы эту «грязь». Нужны глаза нидерландцев, чтобы и здесь открыть красоту.

♦ ***Стремление отличиться.*** Стремление отличиться всегда нацелено на ближнего и ищет узнать, каково у него на душе, — но сочувствие и осведомлённость, необходимые для удовлетворения этого влечения, крайне далеки от того, чтобы быть безобидными, сострадательными или благосклонными. Мы хотим, напротив, ощутить или догадаться, как именно ближний *сносит* нас во внешнем или внутреннем плане: каким образом он теряет власть над собою и поддается впечатлению, которое производит на него наша рука или просто наш взгляд; и даже в том случае, когда стремящийся отличиться производит и хотел произвести радостное, окрыляющее или просветляющее впечатление, он все-таки наслаждается этим успехом не в той мере, в какой он порадовал, окрылил, развеселил ближнего, а в какой он *запечатлел* себя в чужой душе, изменил ее формы и возобладал ею по собственному усмотрению. Стремление отличиться есть стремление возобладать ближним, всё равно — косвенным путем и только в чувствах или

даже в грезах. Существует целая градация этого тайно взыскуемого возобладания, и ее полный перечень почти совпал бы с историей культуры, от первых карикатурных еще ростков варварства до гримасы переутончённости и болезненной идеальности. Стремление отличиться причиняет *ближнему* — чтобы огласить лишь некоторые ступени этой затяжной лестницы — му́ки, потом удары, потом ужас, потом полное страха удивление, потом изумление, потом зависть, потом восторг, потом окрылённость, потом радость, потом веселость, потом смех, потом высмеивание, потом издёвку, потом надругательство, потом удары без разбора, потом истязание: здесь, на самом конце лестницы, стоит *аскет* и мученик; он испытывает высочайшее наслаждение от того, что сам несёт как следствие своего влечения отличиться то именно, что его отражение, *варвар*, причиняет другому на начальных ступенях лестницы, желая отличиться от него и перед ним. Триумф аскета над самим собою, его обращённый при этом вовнутрь взор, который видит человека расщеплённым на страдальца и соглядатая и впредь всматривается только во внешний мир, словно для того, чтобы собирать в нем хворост для собственного костра, эта последняя трагедия стремления отличиться с одним лишь действующим лицом, обугливающимся в самом себе, — вот достойный финал, загаданный самим началом: оба раза неизречимое счастье при *виде пыток*! В самом деле, должно быть, нигде на земле не было бо́льшего счастья, помысленного как полнокровное чувство власти, чем в душах суеверных аскетов. Брамины выражают это в истории короля Вишвамитры, который тысячелетними *тщаниями в покаянии* выработал такую силу, что вознамерился воздвигнуть новое *небо*. Мне сдаётся, что во всём этом роде внутренних переживаний мы представляем собою нынче грубых новичков и бредущих на ощупь отгадчиков загадок: четырьмя тысячелетиями раньше были лучше осведомлены об этих нечестивых утончённостях самонаслаждения. Должно быть, и сотворение мира представлялось какому-то индийскому мечтателю некой аскетической процедурой, осуществлённой Богом над самим собой! Должно быть, и сам Бог хотел загнать себя в приведённую в движение природу как в некий аппарат для пыток, дабы вдвойне ощутить при этом свое блаженство и свою власть! И если допустить, что это был как раз Бог любви: какое наслаждение для такого Бога — сотворить *страждущих* людей, истинно по-божески и по-сверхчеловечески претерпевать неуёмную муку при виде их и тиранизировать таким образом самого себя! И допустив даже, что это был не только Бог любви, но и Бог святости и безгреховности: какие подозрения о горячечных бредах божественного аскета должны шевелиться в душе, если он сотворяет грехи и грешников и вечное осуждение и уготавливает под небом своим и престолом чудовищное место вечной юдоли и вечных стенаний! — Нельзя вполне исключить того, что и ду́ши Павла, Данте, Кальвина и им подобных проникли однажды в жуткие тайны подобного сладострастия власти; и можно при виде этих душ задаться вопросом: да действительно ли круг в стремлении отличиться в конце концов замыкается на аскете? Нельзя ли было бы еще раз пробежать этот круг с самого начала с твердым настроением аскета и в то же время сострадающего Бога? Итак, причинять другим боль, чтобы тем самым причинять боль *себе*, что-

бы через это снова торжествовать над собой и своим состраданием и блаженствовать от предельной власти! — Прошу прощения за несдержанность в осмыслении всего, что могло оказаться возможным в душевной несдержанности властолюбивой прихоти на земле!

♦ ***Мораль добровольного страдания.*** Какое наслаждение оказывается в период войны наиболее сильным у людей, принадлежащих к тем маленьким, постоянно подвергающимся опасности общинам, где царит строжайшая нравственность? Стало быть, у сильных, мстительных, враждебных, коварных, подозрительных, готовых к самому страшному и очерствевших в лишениях и нравственности душ? Наслаждение *жестокостью*: и это столь же верно, сколь верно и то, что в этих состояниях к *добродетели* такой души причисляется также изобретательность и ненасытимость по части жестокости. Община услаждается содеянными жестокостями и стряхивает с себя на время угрюмость постоянного страха и осторожности. Жестокость принадлежит к древнейшему праздничному настроению человечества. Следовательно, и *богов* воображают себе услаждающимися и празднично настроенными там, где их потчуют зрелищем жестокости, — таким образом вкрадывается в мир представление о том, что *добровольное страдание*, свободно поволенная му́ка есть нечто вполне осмысленное и значимое. Постепенно обычай формирует в общине практику, сообразную этому представлению; отныне всякий избыток хорошего самочувствия возбуждает подозрение, а все тяжело болезненные состояния — уверенность; говорят себе: боги, должно быть, взирают на нас немилостиво из-за счастья и милостиво из-за нашего страдания — отнюдь не сострадательно! Ибо сострадание считается чем-то презренным и недостойным сильной, внушающей страх души, — но они взирают на нас милостиво, поскольку развлекаются тем самым и «делаются беспечными»: ибо жестокий наслаждается сильнейшим зудом чувства власти. Так, в понятие «самого нравственного человека» общины входит добродетель частого страдания, лишения, сурового образа жизни, жестокого самоистязания — повторим это снова и снова — *не* как средство дисциплины, самообладания, взыскания индивидуального счастья, а как добродетель, которая создаёт общине хорошую репутацию у злых богов и точно фимиам некой непрерывной примирительной жертвы воскуривается им на алтаре. Все духовные водители народов, которые были в состоянии оживить нечто в косном, ужасном омуте их нравов, нуждались, кроме безумия, в добровольной муке, дабы обрести веру, — чаще всего и прежде всего, как правило, веру в самих себя! Чем больше ступал их дух по новым стезям и, стало быть, мучился угрызениями совести и страхами, тем жесточе бешенствовали они против собственной плоти, собственных прихотей и собственного здоровья, — как бы предлагая божеству, озлобленному, должно быть, из-за запущенных и подавленных обычаев и новых целей, некий суррогат удовольствия. И не вздумайте слишком быстро поверить в то, что нынче мы полностью избавились от подобной логики чувства! Пусть наиболее героические души посовещаются с собою по этому поводу! Каждый крохотный шаг на ниве свободного мышления, лично выпестованной жизни с давних пор завоёвывался духовными и

телесными муками: не только продвижение вперед, нет! прежде всего сама поступь, движение, изменение нуждались в неисчислимых мучениках — в долгой веренице нащупывающих пути и основополагающих тысячелетий, о которых, разумеется, и не думают, разглагольствуя, как водится, о «мировой истории», этом смехотворно маленьком отрезке человеческого существования; но даже и в этой так называемой мировой истории, которая, в сущности, есть шум вокруг последних новостей, не существует более значительной темы, чем древнейшая трагедия мучеников, *тщившихся сдвинуть с места болото.* Ничто не куплено более дорогой ценой, чем та малость человеческого разума и чувства свободы, которая нынче составляет нашу гордость. Но именно эта гордость и лишает нас почти возможности сопереживать чудовищный временной отрезок «нравственности нравов», которая предлежит мировой истории как *действительная и решающая основная история, сформировавшая характер человечества*: когда действительными были — страдание как добродетель, жестокость как добродетель, притворство как добродетель, месть как добродетель, отрицание разума как добродетель, напротив, хорошее самочувствие как опасность, любознательность как опасность, радость как опасность, сострадание как опасность, жалость со стороны как оскорбление, труд как оскорбление, безумие как дар Божий, изменение как нечто безнравственное и чреватое погибелью! — Вы думаете, всё это изменилось и человечество должно было сменить свой характер? О, вы, знатоки человеков, узнайте-ка получше самих себя!

♦ ***Идея Фауста.*** Маленькая белошвейка поддаётся соблазну и делается несчастной; злодей — великий ученый, имеющий за плечами все четыре факультета. Может ли, однако, здесь обойтись без нечистого? Нет, конечно, нет! Без подмоги всамделишного черта великому ученому не удалось бы сие осуществить. — Неужели этому и в самом деле суждено было стать величайшей немецкой «трагической мыслью», как принято говорить среди немцев? — Для Гёте, однако, названная мысль была еще и слишком страшна; его кроткое сердце не могло не поместить маленькую белошвейку, «добрую душу, лишь однажды забывшуюся», после ее насильственной смерти в окружение святых; и даже великого ученого путем злой шутки, сыгранной с чертом в решающий момент, доставил он в нужное время на небо, его, «доброго малого» с «темным порывом», — там, на небеси, любящие наново обретают друг друга. — Гёте сказал однажды, что для подлинно трагического природа его была еще слишком примирительной.

♦ ***Намёк моралистам.*** Наши музыканты сделали великое открытие: в их искусстве возможно и *безобразие, вызывающее интерес*! Так, точно опьянённые, бросаются они в этот разверзшийся океан безобразного, и никогда еще делать музыку не было столь легким занятием. Лишь теперь приобрели общий темный фон, на котором и крохотная полоска света прекрасной музыки получает блеск золота и изумруда; лишь теперь осмеливаются разъярять и возмущать слушателя, держать его в постоянном напряжении, *чтобы* после, погружая его на мгновение в покой, даровать ему чувство блаженства, — от чего выигрывает только его оценка музыки. Открыли контраст: только теперь возможны — и общедоступны —

сильнейшие эффекты: никто не спрашивает нынче о хорошей музыке. Но вам впору поторопиться! Каждому искусству, которому удалось это открытие, отведен лишь короткий срок. — О если бы у наших мыслителей были уши, чтобы вслушаться в души наших музыкантов с помощью их музыки! Сколь долго приходится ждать, пока снова обнаружится повод поймать с поличным искренних людей на месте преступления и в полном неведении относительно содеянного! Ибо нашим музыкантам недостаёт и малейшего чутья относительно того, что они перелагают в музыку свою собственную историю, историю обезображивания души. Некогда хороший музыкант едва ли не ради своего искусства должен был стать хорошим человеком. — А нынче!

♦ ***Понятие нравственности нравов.*** Сравнительно с образом жизни, свойственным человечеству на протяжении тысячелетий, мы, нынешние люди, живем в весьма безнравственное время: сила нравов удивительно ослабла, а чувство нравственности настолько истончилось и возвысилось, что в равной мере может быть названо чем-то улетучивающимся. Оттого нам, запоздалым потомкам, всё труднее вникать в происхождение морали; наше понимание, будто мы вопреки всему обретаем его, прилипает к языку и не хочет оторваться от него: настолько грубо оно звучит! Или — настолько оно кажется клеветническим наветом на нравственность! Так, к примеру, обстоит с *основным тезисом*: нравственность есть не что иное (стало быть, *не больше!*), как послушание перед нравами, какого бы рода они ни были; нравы же суть *обычный* способ действия и оценки. В вещах, где не повелевает традиция, нет никакой нравственности, и чем менее обусловлена жизнь традицией, тем больше суживается круг нравственности. Свободный человек безнравствен, поскольку он *хочет* во всём зависеть от самого себя, а не от какой-либо традиции: во всех первозданных состояниях человечества «злое» совпадает с «индивидуальным», «свободным», «произвольным», «необычным», «непредусмотренным», «не поддающимся исчислению». Масштаб таких состояний всегда оставался в силе: если поступок совершался *не* потому, что так велела традиция, но из других мотивов (скажем, в личных корыстных целях), и даже из мотивов, которые в свое время сами положили начало традиции, то он назывался безнравственным и выглядел таковым даже для совершившего его, ибо в основе его лежало отнюдь не послушание перед традицией. Что такое традиция? Высший авторитет, которому повинуются не оттого, что он велит нам *полезное*, а оттого, что он вообще *велит*. — Чем же отличается это чувство, испытываемое перед традицией, от чувства страха вообще? Страх, наличествующий здесь, есть страх перед высшим интеллектом, который здесь повелевает, — перед непонятной, неопределённой силой, перед чем-то бо́льшим, чем просто личное, — таков момент *суеверия* в этом страхе. — Поначалу всё воспитание и попечение о здоровье, брак, врачевание, полеводство, война, речь и молчание, общение принадлежали совокупно с богами к области нравственного: последняя требовала, чтобы соблюдали предписания, *не* думая о *себе* как об индивидах. Итак, поначалу всё было нравами, и тот, кто хотел возвыситься над ними, должен был стать законодателем и врачевателем, некоего рода полубогом: это значит, он должен был *делать нравы* — страш-

ное, опасное для жизни занятие! — Кто же оказывается наиболее нравственным? *Во-первых*, тот, кто чаще всего исполняет закон, — стало быть, подобно браминам, всегда и везде, ежемгновенно блюдет сознание закона, постоянно изобретая ситуации, где можно было бы исполнять его. *Во-вторых*, тот, кто исполняет его и в труднейших случаях. Наиболее нравственным оказывается тот, кто приносит больше всего *жертв* нравам: какие же жертвы суть величайшие? Сообразно ответу на этот вопрос возникают многие и различные морали; но важнейшим различием остаётся всё же то, которое отделяет моральность *чаще всего* исполняемую от моральности *труднее всего* исполняемой. Не будем обманываться насчет той морали, которая считает признаком нравственности труднейшее исполнение нравов! Самопреодоление стимулируется *не* сулимыми им индивиду полезными последствиями, но чтобы, вопреки всякой индивидуальной прихоти и выгоде, вызвать к жизни господствующий нрав, традицию: отдельная особь должна жертвовать собою — этого требует нравственность нравов! — Напротив, моралисты, которые, идя путем *Сократа*, рекомендуют индивиду мораль самообладания и воздержания, как его доподлиннейшую выгоду, как интимнейший ключ к личному счастью, *составляют сами исключение* — и если нам это предстаёт иначе, то оттого, что мы воспитаны в атмосфере их затяжного воздействия: все они идут новым путем, сопровождаемые чрезвычайным неодобрением со стороны всех приверженцев нравственности нравов, — они отторгаются от общины, как безнравственные люди, и оказываются в глубочайшем смысле злыми. Таким представал добродетельному римлянину старого закала каждый *христианин*, который «паки и паки пёкся о своем *собственном* блаженстве», — именно злым. — Всюду, где существует община и, следовательно, некая нравственность нравов, царит также мысль, что кара за оскорбление нравов падает прежде всего на общину: та сверхъестественная кара, обнаружение и предел которой столь трудно поддаются пониманию и выведываются с таким суеверным страхом. Община может побуждать отдельного человека, чтобы он выправил ущерб, причинённый его поступком кому-либо или самой общине, она может также отомстить отдельному человеку за то, что из-за него, как бы вследствие его поступка, над общиной сгустились тучи божественной ярости, — но при всём том она воспринимает вину отдельного лица прежде всего как *свою* вину и несет за нее наказание, как *свое* наказание: «нравы стали мягче, раз возможны такие поступки», — так сетует в душе своей каждый. Всякое индивидуальное деяние, всякий индивидуальный образ мыслей вызывает трепет; не поддаётся никакому исчислению, чтó именно должны были выстрадать через это на протяжении всей истории более редкие, более изысканные, более самобытные умы, воспринимавшиеся всегда как злые и опасные и даже *сами воспринимавшие себя таковыми*. Под господством нравственности нравов оригинальность любого рода стяжала себе нечистую совесть; оттого и поныне небо, простирающееся над лучшими из людей, более мрачно, чем ему следовало быть.

♦ ***Любовь.*** Тончайшая уловка, которою христианство превосходит прочие религии, заключается в одном слове: оно говорит о *любви*. Так стало

оно *лирической* религией (тогда как в обоих своих других творениях семитизм одарил мир героически-эпическими религиями). В слове «любовь» заключено нечто столь многозначное, возбуждающее, напоминающее, обнадёживающее, что даже самый отставший в развитии интеллект и ледяное сердце ощущает еще нечто от сверкания этого слова. Умнейшая женщина и пошлейший мужчина думают при этом о сравнительно бескорыстнейших мгновениях их совместной жизни, даже если Эрос в их случае и не взлетел особенно высоко; и те бесчисленные люди, которые *недосчитываются* любви — от родителей, детей или возлюбленных, — в особенности же люди, обладающие сублимированной половой чувствительностью, нашли в христианстве свою находку.

♦ ***Зло.*** Исследуйте жизнь лучших и плодотворнейших людей и народов и спросите себя, может ли дерево, которому суждено гордо прорастать ввысь, избежать дурной погоды и бурь, и не принадлежат ли неблагоприятное стечение обстоятельств и сопротивление извне, всякого рода ненависть, ревность, своекорыстие, недоверие, суровость, алчность и насилие к *благоприятствующим* обстоятельствам, без которых едва ли возможен большой рост даже в добродетели? Яд, от которого гибнет слабая натура, есть для сильного усиление — и он даже не называет его ядом.

♦ Слышали ли вы о том безумном человеке, который в светлый полдень зажег фонарь, выбежал на рынок и всё время кричал: «Я ищу Бога! Я ищу Бога!» — Поскольку там собрались как раз многие из тех, кто не верил в Бога, вокруг него раздался хохот. Он что, пропал? — сказал один. Он заблудился, как ребенок, — сказал другой. Или спрятался? Боится ли он нас? Пустился ли он в плавание? Эмигрировал? — так кричали и смеялись они вперемешку. Тогда безумец вбежал в толпу и пронзил их своим взглядом. «Где Бог? — воскликнул он. — Я хочу сказать вам это! *Мы его убили* — вы и я! Мы все его убийцы! Но как мы сделали это? Как удалось нам выпить море? Кто дал нам губку, чтобы стереть краску со всего горизонта? Что сделали мы, оторвав эту землю от ее солнца? Куда теперь движется она? Куда движемся мы? Прочь от всех солнц? Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях? Есть ли еще верх и низ? Не блуждаем ли мы словно в бесконечном Ничто? Не дышит ли на нас пустое пространство? Не стало ли холоднее? Не наступает ли всё сильнее и больше ночь? Не приходится ли средь бела дня зажигать фонарь? Разве мы не слышим еще шума могильщиков, погребающих Бога? Разве не доносится до нас запах божественного тления? — и Боги истлевают! Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ножами — кто смоет с нас эту кровь? Какой водой можем мы очиститься? Какие искупительные празднества, какие священные игры нужно будет придумать? Разве величие этого дела не слишком велико для нас? Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными его? Никогда не было совершено дела более великого, и кто родится после нас, будет, благодаря этому деянию, принадлежать к истории высшей, чем вся прежняя история!» —

Здесь замолчал безумный человек и снова стал глядеть на своих слушателей; молчали и они, удивленно глядя на него. Наконец он бросил свой фонарь на землю, так что тот разбился вдребезги и погас. «Я пришел слишком рано, — сказал он тогда, — мой час еще не пробил. Это чудовищное событие еще в пути и идет к нам — весть о нем не дошла еще до человеческих ушей. Молнии и грому нужно время, свету звезд нужно время, деяниям нужно время, после того как они уже совершены, чтобы их увидели и услышали. Это деяние пока еще дальше от вас, чем самые отдаленные светила, — *и всё-таки вы совершили его*!» — Рассказывают еще, что в тот же день безумный человек ходил по различным церквам и пел в них свой Requiem aeternam deo[35]. Его выгоняли и призывали к ответу, а он ладил всё одно и то же: «Чем же еще являются эти церкви, если не могилами и надгробиями Бога?»

♦ Человечество *не* развивается в направлении лучшего, высшего, более сильного — в том смысле, как думают сегодня. «Прогресс» — это просто современная, то есть ложная, идея. Европеец наших дней по своей ценности несравненно ниже европейца Ренессанса; поступательное развитие отнюдь *не* влечет за собой непременно возрастания, возвышения, умножения сил.

В ином отношении отдельные удачные феномены беспрестанно появляются — в разных частях света и на почве самых различных культур; в них действительно воплощен *высший тип* человека — своего рода сверхчеловек в пропорции к человечеству в целом. Такие счастливые случаи были возможны и, вероятно, будут возможны всегда. Даже целые поколения, племена, народы могут быть при известных обстоятельствах таким *точным попаданием.*

♦ Что хорошо? — Всё, от чего возрастает в человеке чувство силы, воля к власти, могущество.

Что дурно? — Всё, что идет от слабости.

Что счастье? — Чувство *возрастающей* силы, власти, чувство, что преодолено новое препятствие.

Не удовлетворяться, нет, — больше силы, больше власти! *Не* мир — война; *не* добродетель, а доблесть (добродетель в стиле Ренессанса, virtú[36], — без примеси моралина[37]).

Пусть гибнут слабые и уродливые — первая заповедь *нашего* человеколюбия. Надо еще помогать им гибнуть.

Что вреднее любого порока? — Сострадать слабым и калекам — христианство...

♦ Я восхищаюсь храбростью и мудростью Сократа во всём, что он делал, говорил — и не говорил. Этот насмешливый и влюбленный афинский урод и крысолов, заставлявший трепетать и заливаться слезами заносчивых юношей, был не только мудрейшим болтуном из кого-либо живших: он был столь же велик в молчании. Я хотел бы, чтобы он и в последнее мгновение жизни был молчаливым, — возможно, он принадлежал бы тогда к еще более высокому порядку умов. Было ли то смертью или ядом, благочестием или злобой — что-то такое развязало ему в это мгновение язык, и он сказал: «О, Критон, я должен Асклепию петуха». Это смешное

и страшное «последнее слово» значит для имеющего уши: «О, Критон, *жизнь — это болезнь*!» Возможно ли! Такой человек, как он, проживший неким солдатом весело и на глазах у всех, — был пессимист! Он только сделал жизни хорошую мину и всю жизнь скрывал свое последнее суждение, свое сокровеннейшее чувство! Сократ, Сократ *страдал от жизни*! И он отомстил еще ей за это — тем таинственным, ужасным, благочестивым и кощунственным словом! Должен ли был Сократ мстить за себя? Недоставало ли его бьющей через край добродетели какого-то грана великодушия? — Ах, друзья! Мы должны превзойти и греков!

♦ Я учу, что есть высший и низший типы человека и что одиночка при определенных обстоятельствах может оправдать существование целых тысячелетий.

♦ Вокруг меня всегда на одного человека больше, чем нужно... Ведь всегда один на один — это получается в конце концов два!

/■■■ Скорее всего здесь имеет место ◐ плутоватая психология ◑ и два из ее пунктов — нарциссизм и пигмалионство.

Открытие нарциссизма относится к 1911 – 1914 годам. Было обнаружено, что многие импульсы, исходящие, на первый взгляд, от «я», на самом деле диктует *либидо**, которое направляется на саму личность, уподобляющуюся, таким образом, самовлюбленному нарциссу**. Поскольку в состоянии творчества художник остается наедине с самим собой, он ярко выраженный «нарцисс». С другой стороны, правда, поскольку художник создает образы, выходящие по своему значению за пределы его личности и способные к самостоятельному существованию, он уже не «нарцисс», а «пигмалион». ◐ То есть имеет место отсознательная трансформная разыдентификация. Внутримыслительный мир делится, дробится, рябится, наподобие штормовых подвижек в толще вод и бурунчатых узоров волн на поверхности во время шторма, представляющих позу и мимику океана в момент, когда он, океан, смотрится в зеркало своих возможностей. ◑ ■/

♦ Необходимо уничтожить мораль, чтобы освободить жизнь.

♦ Мы должны скрепя сердце выставить жестокозвучащую истину, что **рабство принадлежит к сущности культуры**.

♦ *Упадок, разрушение, вырождение* сами по себе не предосудительны, они являются необходимыми следствиями жизни, роста жизни. Явление декаданса так же неизбежно, как любой подъём и продвижение жизни: мы не имеем возможности *устранить* его. Но разум *хочет добиться такого права*. Позор всем созидателям социалистических систем, считающим возможными такие условия, общественные комбинации, при которых не разрастались бы злые страсти, болезни, преступления, не росла бы *нужда*... Но это означает осуждение *жизни*.

---

* **Либидо** (*лат.* libido — влечение, желание, стремление) — понятие, введенное в медицинскую, философскую и психологическую литературу во второй половине XIX в. в работах М. Бенедикта («Электротерапия», 1868 г.), А. Молля («Исследование сексуального либидо», 1898 г.) и др. для обозначения сексуального желания или полового инстинкта.

** **Нарцисс** — персонаж др.-греч. мифологии.

♦ Несправедливость могущественных, которая больше всего возмущает в истории, совсем не так велика, как кажется. Уже унаследованное чувство, что он есть высшее существо с более высокими притязаниями, делает его довольно холодным и оставляет его совесть спокойной; ведь даже все мы не ощущаем никакой несправедливости, когда, например, убиваем комара без всяких угрызений совести. Отдельный человек устраняется в этом случае, как неприятное насекомое; он стоит слишком низко, чтобы иметь право возбуждать тяжелые ощущения у властителя мира.
♦ Дело познания растёт, высится, штурмует небеса, несёт с собой сумерки богам, — что делать?!.

♦ В нашей позиции относительно философии новым является то, что мы не обладаем истиной.
♦ Следует сомневаться похлеще, чем Декарт.
♦ Это почти комично, когда наши философы требуют от философии начать с критики *способности познания...* Познавательный аппарат, желающий познать самого себя!! Следовало бы преодолеть абсурдность этой задачи! (Желудок, поедающий самого себя!)
♦ Всякая истина крива, само время есть круг.

4. МЫСЛИ

- Истина есть тот род заблуждения, без которого определенный вид живых существ не мог бы жить.
- В мире, который по сути ложен, правдивость была бы противоестественной тенденцией.
- Неравные люди могут быть равны только при отсутствии «универсальной» справедливости.
- ***Возраст самомнения.*** Между 26-м и 30-м годами даровитые люди переживают настоящий период самомнения; это пора первой зрелости, с сильным остатком кислоты. Человек, на основании того, что он чувствует в себе, требует от людей, которые еще ничего не видят или мало видят в нем, чести и покорности, и так как последние вначале заставляют себя ждать, то он мстит тем взором, тем жестом самомнения, тем тоном голоса, которые тонкое ухо и зрение опознают во всех произведениях этого возраста, будь то стихи, философия или картины и музыка. Более пожилые и опытные люди улыбаются здесь и с умилением думают об этой прекрасной поре жизни, когда человек зол на судьбу за то, что он *есть* столь многое и *кажется* столь малым.

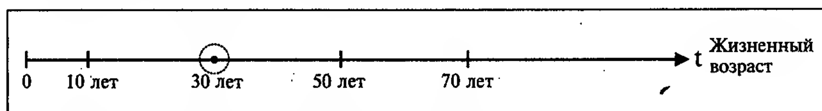
∇ ◐ Любого мыслителя характеризует величина увиденной им загадочности мира, в котором он бытует, живет, действует. В данном случае количественная сторона, кажется, более чем достаточна...

Затрагиваемый Ницше момент действительно имеет место. К тому же, дело, которого он касается, весьма и весьма серьезно. Я полагаю, что явление, которое здесь подвергается рассмотрению, можно безошибочно назвать **«проблемой околотридцатилетнего возраста»**.

Речь идет о том, что в возрасте 30 лет (± 3 года) с натурами неординарными, одаренными, подлинно творческими происходит — с прямо-таки «железным» постоянством и обязательностью! — нечто странное:

⊙ наблюдается тяга к уединению и одиночеству;
⊙ люди впадают в апатию и депрессию;
⊙ задаются вопросами о смысле жизни;
⊙ испытывают острое разочарование в предыдущей жизни;
⊙ все их суждения наполняются скепсисом и негативируются;
⊙ возникает устойчивое ощущение полной никчемности;
⊙ резко падает самооценка;
⊙ проявляется зависимость от внешнего мнения;
⊙ появляется неодолимая потребность в критике существующего строя;
⊙ нарастает желание расстаться с жизнью;
⊙ «личностное» начало неконтролируемо берет верх над началом «человеческим».

Графически проблема «околотридцатилетнего возраста» представлена на рисунке, а вот чтобы почувствовать и испытать все аспекты и нюансы этого синдрома, на мой взгляд, лучше всего и достаточно прочитать «Исповедь» Л. Н. Толстого.

Видимо, следует констатировать, что, кроме болезней тела, есть еще и болезни духа. Они не заразны, но крайне специфичны и необыкновенно тяжелы в последствиях. Так называемая проблема «лишних людей» в русской литературе XIX в. и «обломовщина» как социально-коррозийное явление — всё это симптомы «околотридцатилетнего возраста».

Что же до выхода из кризиса при попадании в эту «возрастную» болезнь, то рекомендация здесь проста: достаточно знать о нём (кризисе) и спокойно переждать.

Кстати, небезынтересное о Заратустре:

♦ Когда Заратустре исполнилось 30 лет, покинул он свою родину и озеро Урми и пошел в горы. Здесь наслаждался он своим духом и своим одиночеством. ♦ ◑

◪ *Обманчивое, но всё же устойчивое.* Подобно тому как, переходя через пропасть или глубокую реку по доске, мы нуждаемся в перилах не для того, чтобы опереться на них — ибо они тотчас рухнули бы вместе с нами, — а для того, чтобы обнадежить зрение, — так и, будучи юношей, нуждаешься в таких людях, которые бессознательно оказывают нам услугу этих перил. Правда, они не помогли бы нам, если бы мы захотели действительно опереться на них в минуту большой опасности, но они дают успокоительное сознание близкой защиты (например, отцы, учителя, друзья, каковыми они все по обыкновению и являются).

◪ Легко думать, но трудно быть.

◪ Мир — это сон и дым перед глазами того, кто от века не знает покоя.

- Всему готовому, совершённому, поклоняются, всё становящееся недооценивается.
- ***Убытки в славе.*** Какое преимущество: мочь говорить с людьми в качестве незнакомца! «Половину нашей добродетели» отнимают у нас боги, лишая нас incognito и делая нас прославленными.
- ***Презирающим «стадное человечество».*** Кто рассматривает людей как стадо и убегает от них со всей доступной ему быстротой, того они наверняка настигнут и забодают.
- ***Очевидность.*** Скверно! Скверно! Что требует самых основательных, самых упорных доказательств, так это очевидность. Ибо слишком многим недостаёт глаз, чтобы видеть ее. Но это так докучно!
- Великие проблемы современности решаются не большинством, а железной волей.
- Что вы сострадательны, это я допускаю: жить без сострадания — значит быть больным душой и телом. Но нужно обладать бóльшим умом, чтобы *посметь* быть сострадательным! Ибо ваше сострадание вредно для вас.
- Начинаешь с того, что отучаешься любить других, и кончаешь тем, что не находишь больше в себе ничего достойного любви.
- Справедливость часто служит ширмой для слабости; справедливые, но слабые люди подчас из тщеславия прибегают к симуляции и ведут себя подчеркнуто несправедливо и чёрство, чтобы оставить за собой впечатление силы.
- Чахлость многих людей обусловлена тем, что они всегда мыслят о своем существовании в головах других, что значит: они принимают всерьез свои действия, а не то, что действует, — самих себя. Наши действия, однако, зависят от того, на что должно быть оказано действие, и, следовательно, не подлежат нашей власти. Отсюда такое количество беспокойства и досады.
- Никто не волен становиться христианином, никого нельзя «обратить» в христианство — сначала надо сделаться достаточно больным для этого... В глубине христианства живет злоба больных людей, инстинкт, направленный *против* здоровых, *против* здоровья. Всё хорошо уродившееся, гордое, озорное и прекрасное вызывает у него боль в ушах и резь в глазах. Напомню слова апостола Павла, которым цены нет: «...Бог избрал *немудрое* мира... и *немощное* мира, избрал Бог... и *незнатное* мира и *уничижённое...*».
- Я всегда писал свои книги всем телом и жизнью: мне неизвестно, что такое чисто духовные проблемы.
- ***Из военной школы жизни.*** Что не убивает меня, то делает меня сильнее.
- В Германии сильно жалуются на мои «эксцентричности». Но так как никто не знает в точности, где мой центр, то очень трудно разобраться в том, где и когда мне случается быть эксцентричным.
- Я хожу среди людей, как среди обломков будущего: того будущего, что вижу я.
- С человеком происходит то же, что и с деревом. Чем больше стремится

он вверх, к свету, тем глубже простираются корни его в землю, в мрак, в глубину, — ко злу.

- «Почему ты такой твердый? — сказал однажды уголь алмазу. — Разве мы не близкие родственники?»
  Почему вы такие мягкие? О, братья мои, так спрашиваю я вас: разве вы — не братья мне?
- Случай — это самая древняя аристократия мира, ее возвратил я всем вещам, я освободил их от подчинения цели.
- Самые тихие слова суть именно те, которые приносят бурю. Мысли, приходящие как голубь, управляют миром.
- Познающий не любит погружаться в воды истины не тогда, когда она грязна, но когда она мелкая.
- Лучше ничего не знать, чем знать многое наполовину! Лучше быть безумцем на свой собственный страх, чем мудрым на основании чужих мнений!
- Ах, так много есть великих мыслей, действие которых не более значительно, чем действие мехов: они делают надутым и еще более пустым.
- Что необычайно в жизни мыслителя, так это то, что две противоположные склонности заставляют его следовать одновременно по двум разным направлениям и держать под своим ярмом: с одной стороны, он хочет знать и, расставаясь неустанно с твердой землей, носящей в себе жизнь человеческую, пускается в неизведанные области, с другой стороны, он хочет жить, не хочет уставать и ищет себе постоянной точки.
- Индусские законодатели положили в основание порядка жизни своего народа мифологию. Священники, объяснявшие ее, вовсе не были глупы. Напротив, они были очень мудры. Они потому и измыслили эти законы, что сами не верили ни в одно из своих сотворений. Законы Ману — это ловкая и красивая ложь, но эта ложь необходима. Если природа представляет из себя хаос, насмешку над всякой мыслью и порядком, то любой, кто желает восстановить в ней какой-либо порядок, должен уйти от нее и создать новый мир, полный иллюзий.
- Иногда для того чтобы стать бессмертным, надо заплатить ценою целой жизни.
- Не высота: склон есть нечто ужасное!
- Две вещи влекут мужчину — опасности и игра. Так почему же он хочет еще и женщину? Потому, что она для него *опасная игра.*
- Одна очень хрупкого здоровья англичанка, которую Ницше часто навещал и развлекал, сказала ему однажды:

  — Я знаю, m-r Ницше, что вы *пишете*, я хотела бы прочесть ваши книги.

  Он знал, что она горячо верующая католичка.

  — Нет, — отвечал он ей, — я не хочу, чтобы вы читали мои книги. Если бы в то, что я там пишу, надо было верить, то такое бедное, страдающее существо, как вы, не имело бы права на жизнь.

  Другая знакомая дама тоже при случае сказала ему:

  — Я знаю, m-r Ницше, почему вы нам не даете ваших книг. В одной

из них вы написали: «Если ты идешь к женщине, то не забудь взять с собой кнут».

— Дорогая моя, дорогой мой друг, — отвечал Ницше упавшим голосом, взяв в свои руки руки той, которая ему это говорила, — вы заблуждаетесь, меня совсем не так надо понимать.

- Сущность вещей не заключается в слепом *желании жить*; жить — это значит распространяться, расти и побеждать; правильнее будет сказать, что сущность вещей это есть слепое желание власти, и все явления, совершающиеся в человеческой душе, должны быть истолкованы как проявления этого желания.
- *Мы должны произвести опыты с истиной.* А если истина должна уничтожить человечество, ну что же, пускай! Я вложил в вашу руку молот, он должен опуститься на головы людей. Бейте!
- Совершенно необходимо, чтобы я был непризнан, и даже больше того, я должен идти навстречу клевете и презрению. Мои «ближние» — первые против меня. Я понял это, и я великолепно почувствовал, что я, наконец, нашел *свой путь*. Когда мне приходит в голову мысль: «я не могу выносить больше моего одиночества», то меня охватывает чувство непобедимого *унижения перед самим собою* — и я возмущаюсь против того, что есть во мне самого высшего...
- Увы! Я знал многих благородных людей, которые потеряли свою самую высокую надежду и с тех пор стали клеветать на нее. Моею любовью и моею надеждой я заклинаю каждого: не уничтожайте того героя, который живет в вашей душе! Верьте в святость вашей высокой надежды!
- Я говорил и говорю вместе с Шиллером: «Имей смелость мечтать и лгать».
- Нравственности предшествует принуждение, позднее она становится обычаем, еще позднее — свободным повиновением и, наконец, почти инстинктом.
- В мире и без того недостаточно любви и благости, чтобы их еще можно было расточать воображаемым существам.
- Человек забывает свою вину, когда исповедался в ней другому, но этот последний обыкновенно не забывает ее.
- Кто унижает самого себя, тот хочет возвыситься.
- Хороший брак покоится на таланте к дружбе.
- Совершенная женщина есть более высокий тип человека, чем совершенный мужчина, но и нечто гораздо более редкое.
- Существует право, по которому мы можем отнять у человека жизнь, но нет права, по которому мы могли бы отнять у него смерть.
- Тщеславному человеку важно не мнение других, а его собственное мнение об их мнении.
- Благородство состоит из добродушия и избытка доверия.
- Сострадание сильнее страдания.
- Тонкой душе тягостно сознавать, что кто-либо ей обязан благодарностью; грубой душе — сознавать себя обязанной кому-либо.
- Убеждения суть более опасные враги истины, чем ложь.

/◐ Красиво, конечно, но только не убеждения доказывают истину, а представления о ней вытекают из них. Истиной мы называем свою уверенность в отношении некоторых надежд, а сила желания ожидания обозначается нами «законом».

Убеждения лишь показывают верность адаптационным действиям, ибо мы, бывает, так сильно чего-то хотим, что оно и находится там, где мы ищем. Увиденное — это усмотренное, и прибавить здесь больше нечего. ◑/

- Кто хочет давать хороший пример, тот должен примешивать к своей добродетели частицу глупости; тогда ему подражают и вместе с тем возвышаются над образцом — что люди так любят.
- Изворотливые люди, как правило, суть обыкновенные и несложные люди.
- Очень умным людям начинают не доверять, если видят их смущение.
- Кому не приходилось хотя бы однажды жертвовать самим собою за свою добрую репутацию?
- Наедине с собою мы представляем себе всех простодушнее себя: таким образом мы даем себе отдых от наших ближних.
- Ты хочешь расположить его к себе? Так делай вид, что теряешься перед ним.
- Любишь бездны — имей крылья.
- Ты искал тягчайшую ношу —
  И ты нашел себя, —
  И себя ты с себя уже не сбросишь.
- Искусство нам дано, чтобы не умереть от истины.
- Если нам приходится переучиваться по отношению к какому-нибудь человеку, то мы сурово вымещаем на нем то неудобство, которое он нам этим причинил.
- Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя.
- Иметь талант недостаточно: нужно также иметь на это позволение, — не так ли, друзья мои?
- Много говорить о себе — может также служить средством для того, чтобы скрывать себя.
- Мы охладеваем к тому, что познали, как только делимся этим с другими.
- Бывает заносчивость доброты, имеющая вид злобы.
- Восстание есть доблесть раба.
- Червяк, на которого наступили, начинает извиваться. Это благоразумно. Он уменьшает этим вероятность, что на него наступят снова. На языке морали: *смирение*.
- Даже когда народ пятится, он гонится за идеалом — и верит всегда в некое «вперед».
- Только человек сопротивляется направлению гравитации: ему постоянно хочется падать — *вверх*.
- Кто хочет стать водителем людей, должен в течение доброго промежутка времени слыть среди них опаснейшим врагом.

- Когда морализируют добрые, они вызывают отвращение; когда морализируют злые, они вызывают страх.
- Признаем же следующую истину, как бы жестоко она ни звучала в наших ушах: рабство необходимо для развития культуры; это — истина, не оставляющая никакого сомнения в абсолютной ценности бытия. И если можно сказать, что Греция пала от того, что носила в себе рабство, то гораздо справедливее будет другое мнение: мы погибаем потому, что у нас нет рабов.
- Какую роль играет государство? Это — сталь, скрепляющая общество. Вне государства, при естественных условиях, — bellum omnium contra omnes («война всех против всех»), общество ограничилось бы семьей и не могло бы широко пустить свои корни.
- Для того чтобы дух спекуляции* не поглотил самого государства, есть только одно средство — война, и опять война. В момент всеобщего возбуждения войною человеческий ум ясно понимает, что государство создано не для того, чтобы оберегать эгоиетичных людей от демона войны, а совсем наоборот: любовь к родине и преданность королю помогают войне вызывать в людях нравственный подъём, служащий знаменем гораздо более высокой судьбы.
- Когда государство не может достичь своей высшей цели, то оно растет безмерно. Мировая римская империя не представляет, в сравнении с Афинами, ничего возвышенного. Сила, которая должна принадлежать исключительно цветам, принадлежит теперь неимоверно вырастающим стеблям и листьям.
- Каждый серьезный труд оказывает на нас моральное воздействие. Усилие, делаемое нами для того, чтобы сосредоточить свое внимание на заданной теме, можно сравнить с камнем, брошенным в нашу внутреннюю жизнь: первый круг не велик по объему, число последующих кругов увеличивается, и сами они расширяются.
- Страдание есть самый скорый способ для постижения истины.
- Три вещи в мире способны успокоить меня, но это редкие утешения: мой Шопенгауэр, Шуман и одинокие прогулки.
- Чего мы ищем? Покоя, счастья? Нет, только одну истину, как бы ужасна и отвратительна она ни была.
- Когда-нибудь всё будет иметь свой конец — далекий день, которого я уже не увижу, — тогда откроют мои книги и у меня будут читатели. Я должен писать для них, для них я должен закончить мои основные идеи. Сейчас я не могу бороться — у меня нет даже противника.

* См. сноску к с. 473.

Василий Васильевич Розанов

XIX – XX вв.

• Русский философ

Родился: 20.04.1856 г.
Умер: 05.02.1919 г.

Прожил — 62 года

«На предмет надо иметь именно 1000 точек зрения». *(Розанов)*

■ **«На вопрос Чернышевского, поставленный в заглавии его романа[38], может быть дан только бытовой ответ: делать то, что было делаемо вчера».** *(Розанов)*

1. ЖИЗНЬ

• Родился в Ветлуге, в бедной провинциальной семье, в которой кроме него было еще шестеро детей.

• В три года остался без отца, в дальнейшем жил с отчимом.

• Сельская жизнь семьи Розановых была бедной, «физически» страшно трудна, «рабоча». Восьмилетний Вася «спринцовкой лечил мать от женской болезни, ибо некому боле было...»

• Учился в гимназии.

• Когда Розанов был во втором классе гимназии, умерла его мать и воспитанием детей стал заниматься брат Николай.

• Высшее образование Розанов получил в Московском университете, историко-филологический факультет которого он окончил в 1882 году.

• Тринадцать лет Розанов проработал гимназическим преподавателем истории и географии в провинциальных городах — Брянске, Ельце, Белом (Смоленская и Орловская губернии). Это был чуждый, отвратительный период в его жизни:

> ♦ Форма: а я — бесформенный. Порядок и система: а я — бессистемен и даже беспорядочен. Долг: а мне всякий долг казался в тайне души комичным и со всяким «долгом» мне... хотелось устроить «каверзу», «водевиль» (кроме трагического долга).
>
> В каждом часе, в каждом повороте «учитель» отрицал меня, я отрицал учителя. Было взаимно-разрушение «должности» и «человека». Что-то адское. Я бы (мне кажется) «схватил в охапку всех милых учеников» и улетел с ними в эмпирии философии, сказок, вымыслов, приключений «по ночам в лесах» — в чертовщину и ангельство, больше всего в фантазию. Но 9 часов утра, «стою на молитве», беру классный жур-

нал, слушаю «реки, впадающие в Волгу», а потом... «систему Великих озер Северной Америки» и (все) штаты с городами, Бостон, Техас, Соляное озеро, «множество свиней в Чикаго», «стальная промышленность в Шеффилде» (это, впрочем, в Англии), а потом лезут короли и папы, полководцы и мирные договоры, «на какой реке была битва», «с какой горы посмотрел Иисус Навин»; «какие слова сказал при пирамидах Наполеон», и в довершение — «к нам едет ревизор» или «директор смотрит в дверь, так ли я преподаю»...

— Ну что толковать — сумасшествие.

• Высшие линии Универсума сошлись в Розанове, когда он учился на историко-филологическом факультете в Московском университете (окончил в 1882 г.)[39]:

♦ Уже с первого курса я перестал быть безбожником. Бог поселился во мне.

♦ В университете я беспричинно изменился: именно, я стал испытывать постоянную скуку... скука родила во мне мудрость.

• Любая трудность — для Розанова лишь повод легко высказаться. Его мысль чем-то напоминает севшую невзначай на руку бабочку: касается осторожно, до нежности; хватает твердо, до цепкости:

♦ «Что делать?» — спросил нетерпеливый петербургский юноша. — Как что делать: если это *лето* — чистить ягоды и варить варенье; если *зима* — пить с этим вареньем чай.

♦ Может быть, мы всю жизнь живем, чтобы *заслужить могилу*. Но узнаём об этом, только подходя к ней.

• Розанов имел пятерых детей, из которых четверо — девочки.

• Первый брак Розанова со знаменитой эмансипанткой Аполлинарией Прокофьевной Сусловой (которая и с Достоевским была...) не заладился. Это был странный союз 24-летнего студента со стареющей неуравновешенной женщиной:

/ Длился этот «ад» шесть лет. В доме часто происходили бурные и дикие сцены. Пришлось уйти от жены, не дававшей развода, вторично вступить в «незаконный» брак со светлой и терпеливой женщиной, которая умела и сопереживать, и помогать, и терпеливо сберегать. /

• Едкая критическая манера образа мыслей мало способствовала появлению у Розанова друзей. Его одиночество было предрешённым:

♦ Одному лучше — потому что, когда один, — я с Богом.

♦ На мне и грязь хороша, потому что это — я.

♦ — Какой вы хотели бы, чтобы вам поставили памятник?

— Только один: показывающий зрителю кукиш.

♦ Два ангела сидят у меня на плечах: ангел смеха и ангел слез. И их вечное пререкание — моя жизнь.

♦ Бог мой, Вечность моя: отчего Ты дал столько печали мне?

♦ Во мне ужасно есть много гниды, копошащейся около корней волос. Невидимое и отвратительное.

Отчасти отсюда и глубина моя (вижу корни вещей, гуманен, не осуждаю, сострадателен). Но как тяжело таким жить. Т. е. что такой.

• Сын Розанова* однажды об отце выразился так: «Наоборошник». На всё Василий Васильевич имел свою точку зрения — противоположную, несогласную, парадоксальную:

♦ То, что *есть*, мне кажется невероятным, а чего «нет», кажется действительным.

• Трудное и бедное детство Розанова лишило его мировоззренческие установки приспособительной пластики, необходимой в жизни гибкости. Потому любить для него категорически и твердо означало критиковать и бороться. Особенно это видно из его отношения к Церкви. И не случайны, т. е. вовсе не неожиданны, впоследствии им же сказанные слова:

♦ Всю жизнь посвятить на разрушение того, что одно в мире люблю, — была ли у кого печальнее судьба?

• В 1888 — 1889 гг. Розанов переводит (в соавторстве со знатоком греческого языка П. Д. Первовым) «Метафизику» Аристотеля — первый в России перевод этого произведения, с частичной распечаткой в «Журнале Министерства народного просвещения» в течение 1890 – 1895 годов.**

• В 1893 г. Розанов получил место в Петербурге в Государственном контроле (акцизное ведомство).

• В 1899 г. Розанов вышел в отставку, стал постоянным сотрудником консервативной газеты «Новое время» и всецело занялся литературной деятельностью:

/ По российской «Табели о рангах» Розанов имел VI чиновничий класс и был коллежским советником, что соответствовало армейскому «полковнику» и придворному «камер-юнкеру». У Розанова были и ордена — Святой Анны и Святого Станислава, правда, все третьей степени. /

// Розанов печатался под 47-ю псевдонимами, от скромного «Р. В.» до вычурного «Мнимоупавший со стула». //

• **Сочинения Розанова:**

«О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания» (1886):

/ **Н. О. Лосский** (1870 – 1965), русский философ:

«Книга написана скучным бесцветным стилем и резко отличается от других произведений Розанова, в которых ясно обнаружились его литературный дар и оригинальность». /

---

*Розанов Вася (1899–1918).

** Четверть века спустя Розанов вспоминал: «Вдруг два учителя в Ельце переводят первые пять книг «Метафизики». По-естественному, следовало бы ожидать, что министр просвещения пишет собственноручное и ободряющее письмо переводчикам, говоря — «продолжайте! не уставайте!». Профессора философии из Казани, из Москвы, из Одессы и Киева запрашивают: «Как? что? *далеко* ли перевели?» Глазунов и Карбасников присылают агентов в Елец, которые стараются перекупить друг у друга право 1-го издания... Вот как было бы в Испании при Аверроэсе. Но не то в России при Троцком, Георгиевском и Делянове. «Это вообще никому не нужно», — и журнал лишь с стеснением и, очевидно, из любезности к Страхову, как к члену Ученого Комитета министерства, берет «неудобный и скучный рукописный материал» и, всё оттягивая и затягивая печатание, заготовляет «для удовольствия чудаков-переводчиков» официально штампуемые 25 экземпляров!».

// **В. В. Розанов:**

«Я написал ее за 4 года, совершенно легко, ничего подготовительного не читавши и ни с кем о теме ее не говоривши. Я думаю, такого «расцвета ума», как во время писания этой книги, у меня уже никогда не повторялось... Встреть книга какой-нибудь привет, — я бы на всю жизнь остался «философом». Но книга ничего не вызвала...» //;

«Сумерки просвещения» (1891);

«Легенда о Великом Инквизиторе Ф. М. Достоевского, с присоединением двух этюдов о Гоголе» (1894);

«Семейный вопрос в России» (сборник статей, т. 1–2, Спб,1904);

«В царстве мрака и неопределенности» (1904);

«Вблизи церковных стен» (1906);

«Темный лик: метафизика христианства» (1911);

«Люди лунного света»[40] (1911);

«Уединённое» (1912);

«Опавшие листья» (1913; 1915);

«Апокалипсис нашего времени» (1917 – 1918).

• В кругах, где Розанову приходилось общаться, он слыл антисемитом и человеком беспринципным, за что в 1914 г. его изгнали из петербургского религиозно-философского общества[41]:

/ **В. В. Розанов:**

«Какого бы влияния я хотел писательством? Унежить душу... — А «убеждения»? Ровно наплевать». /

// **Формулировка «вывода из рядов»:**

«Выражая осуждение приемам общественной борьбы, к которым прибегает Розанов, общее собрание действительных членов общества присоединяется к заявлению Совета о невозможности совместной работы с В. В. Розановым в одном и том же общественном деле». //

• После российской большевистской революции (07.11.1917 г.) Розанов жил у философа и богослова отца Павла Флоренского (1882 – 1943) в Сергиевом Посаде в монастыре св. Сергия. Он написал здесь «Апокалипсис...», в котором выступил очень и очень полемично по отношению к христианству. Возмущенный этим, отец Павел, с ним Андреев — лектор Московской духовной академии — и еще одно лицо пришли к Розанову. Они заявили ему, что если он будет продолжать свои нападки на христианство, то они больше не будут его друзьями. Розанов ответил им в духе осознания в себе или около себя какой-то свыше наделенной силы: «Не трогайте Розанова: для вас будет хуже». И действительно. В следующем году всех их постигло серьезное несчастье.

• В ноябре 1918 г. у Розанова случился инсульт, а через 3 месяца его не стало. Похоронили Розанова на кладбище Черниговского монастыря близ Троице-Сергиевой лавры. На могиле был установлен крест с надписью из «Апокалипсиса нашего времени»: «Праведны и истинны все пути Твои, Господи».

• Всю свою жизнь Розанов беспокоился, мучился, волновался, страдал. Этим тягостным своим «счастьем» он широко, щедро, сполна поделился и с нами. Откроем шкатулку с его драгоценностями! И что же мы видим?:

♦ Вывороченные шпалы. Шашки. Песок. Камень. Рытвины.
— Что это — ремонт мостовой?
— Нет, это «Сочинения Розанова».
И по железным рельсам несется уверенно трамвай.
◐ Доро́ги — удел оптимистов! ◑

2. СУДЬБА

► Семисотстраничное «Понимание» не оправдало авторских надежд и не встретило в читательской среде ни интереса, ни понимания. И хотя книга была искренней и выстраданной, писалась долго, вечерами, в часы, выкроенные от рутинного учительского труда, издана на собственные сбережения, за счет многолетнего резкого уменьшения трат получаемой зарплаты на себя, *продажа* ее совершенно не пошла. В конце концов, чтобы хоть как-то вернуть вложенные деньги, Розанову пришлось продавать ее ужс не как текстовую вещь, а как оберточную бумагу — на вес.

Коллеги по гимназии писательский замах своего товарища не приняли. С их стороны были многочисленные насмешки и издевательство. Однажды они под видом «вечеринки» заманили Розанова, обычно державшегося особняком, в свою компанию, устроили якобы заинтересованное обсуждение книги, расспрашивая Василия Васильевича о теме написанного, а потом развязали шумный спор, в ходе которого хозяин квартиры достал с полки книгу, подаренную ему Розановым, расстегнул брюки и в присутствии всех обильно на нее помочился.

► После 1917 г. Розанов, как и все, сильно бедствовал, но продавать свою нумизматическую коллекцию, которая представляла большую ценность, не захотел, даже ради спасения себя. Но однажды — ◐ а *однажды* и есть лик судьбы и перст ее многозначительный в нас ◑ — случилась беда... — /◐ и за что только люди терпят потери от того, что́ сами в трудах и муках выращивают?! ◑ /

Повез Розанов часть коллекции в Москву, кому-то на сохранение. Приехал поздно и, боясь идти по темным улицам, остался ночевать на Ярославском вокзале. Тут и украли у него свёрток.

Говорили, что этот случай подействовал на старика ошеломляюще.

► ◐ Розанов — **мудрец мимоходной мысли**. Он — теоретик флюида. Розанов странным образом умел воспринимать окантовку явлений, не столько видеть — давайте перейдем к образу — стеклянный бокал, сколько слышать определительный звон его целости.

Многие ведь, до него, искали *сущность* в составе вещей, в «качественной» глубине явлений. Розанов поступает совершенно иначе. Для него сущность, скажем, розы — в ее запахе. А не в стеблях или цветах. Запах — средоточие содержания растения, а потому он — бо́льшая сущность, нежели та, о которой толковали предыдущие или говорят современные мыслители.

Розанов «поймал» дарованным ему умом «смысл сущности» и в результате умел различать *телесное* и *духовное* в сущности. Его сочинения — о духовном. ◑

► ◐ Розанова отличали мастерство и прочность аналитики. Всё, с чем бы ни приходилось ему соприкасаться, он как бы просверливает. После

чего мы видим уже и «срез», и величину объема, и убедительное «исчерпание до дна». Странным было бы приводить здесь *примеры*, ибо так построены все суждения, размышления и замечания Розанова, но на одно место всё же хочется указать предметно и специально ◑:

♦ Мы имеем дидактику и ряд дидактик, мы имеем вообще педагогику как теорию некоторого ремесла ли, искусства ли (внедрять данную тему в данную душу). Но мы не имеем и не имели того, что можно бы назвать философией воспитания и образования, т. е. обсуждения самого́ образования, самого́ воспитания в ряду остальных культурных факторов и также в отношении к вечным чертам человеческой природы и постоянным задачам истории. Кого не поразит, что, так много учась, так тщательно учась, при столь усовершенствованных дидактике, методике и педагогике, мы имеем плод всего этого (новый человек) скорее отрицательный, нежели положительный. Забыта именно философия воспитания; не приняты во внимание, так сказать, геологические пласты, коих поверхностную пленку «назема» мы безуспешно пашем.

► ◐ Розанов — философ «мерзостного в человеке». Грязноватость наших мыслей, испачканность наших действий, неправедность в помыслах, недостойное самоосуществление — всё это его заботит, волнует, трогает. Он даже этим болеет. Человек-творец в повседневном образе человека-твари. Этот нонсенс из жизни или он привиделся? Розанов всю жизнь решал эту задачу, а свой ответ оставил нам в виде довольно-таки заковыристой загадки.

Но вот где парадокс и проблема: можно ли мокрым измерять сухое? По мо́щи ли разуму осилить понятие «закрытости»?: пока не войдешь, не вдвинешься и не проникнешь, то *закрытое есть тайна*; когда закрываешь что-то вместе с собой, в нем лично или приборно пребывая, то «закрытости» как самостоятельного факта уже нет. Что делать человеку, если вопросы его порой превышают разум его?! Розанов был на острие такой ситуации.

► ◐ В течение всего периода его творческой активности Розанов пребывал в такой — в аналогическом преломлении — озабоченности: что за странная такая наша природа: организм через рот поглощает всё вкусное и приятное по аромату, а на выходе получается... и назвать-то грешно и неловко?!

► **З. Н. Гиппиус** /(1869 – 1945), русская писательница/:

«Что еще писать о Розанове? Он сам о себе написал. И так написал, как никто до него не мог и после него не сможет, потому что... Очень много "потому что"».

3. УЧЕНИЕ

♦ Природа — друг, но не съедобное.

♦ Все в мире любят друг друга какой-то слепой, безотчетной, глупой и необоримой любовью... каждая вещь даже извне отражает в себе окружающее... и эта взаимная «зеркальность» вещей простирается даже на цивилизацию, и в ее штрихи входит что-то из ландшафта природы.

♦ Есть действительно некоторое *тайное основание* принять весь мир, Универс за мистико-материнскую утробу, в которой рождаемся мы, родилось наше Солнце и от него Земля.

♦ Мы должны понимать явления внешней природы как только *повторения* процессов и состояний своего первичного сознания.

♦ Реальность есть нечто высшее, нежели разумность и истина.[42]

♦ Подобно тому как мыслящему разуму есть соответствующий ему мыслимый мир, — так и нравственному чувству — отвечающий ему долг, а религиозному созерцанию — *созерцаемое им Божество.*

♦ Мир создан не только рационально, но и *священно*, столько же по Аристотелю, сколько и по Библии... Весь мир согревается и связывается любовью.

♦ Всякая метафизика есть углубление познания природы.

♦ То, что человек потерял в мироздании, то он находит в истории.

♦ Нет крупинки в нас, ногтя, волоса, капли крови, которые не имели бы в себе духовного начала.

♦ Христианство, или христотеизм, истинно, но не мочно.

♦ Христос невыносимо отягчил человеческую жизнь.

♦ Зло пришествия Христа...

♦ Христианство прямо еще не начато, *его нет вовсе*, и мы поклоняемся ему, как легенде.

♦ Вся му́ка, вся задача на земле религии — *стать реальной, осуществиться.*

♦ Ничто из бытия Христа не взято в такой великий и постоянный символ, как смерть. Уподобиться мощам, перестать вовсе жить, двигаться, дышать — есть общий и великий идеал Церкви.

♦ Важное... Моя новая философия, философия жизни, началась с великого удивления: как может быть жизнь благородна и в зависимости *от одного этого* — счастлива; как люди могут во всём нуждаться, «в судаке к обеду», «в дровах к 1-му числу»: и жить благородно и счастливо, жить с тяжелыми, грустными, без конца грустными воспоминаниями: и быть счастливыми по тому одному, что они ни против кого не грешат (не завидуют) и ни против кого не виновны.

♦ Пол выходит из границ естества, он — внеестественен и сверхъестественен. Пол в человеке подобен зачарованному лесу, то есть лесу, обставленному чарами; человек бежит от него в ужасе, зачарованный лес остается тайной.

♦ Отношение к полу как к о́ргану *есть разрушение человека*. Пол не есть вовсе тело. Тело клубится около него и из него.

♦ Связь пола с Богом бо́льшая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом.

♦ Семью нельзя рационально построить, эта общественная институция иррациональна и мистична.

♦ Человек не делает историю. Он в ней живет, блуждает, без всякого ве́дения для чего, к чему.

♦ Быть *обманываемым* в истории есть постоянный удел человека на земле. Можно сказать, надежды внушаемы человеку для того, чтобы манясь ими он совершал некоторые дела, которые необходимы — для приведения его

в состояние, ничего общего с этими надеждами не имеющее, но очень гармоничное, ясно необходимое в общем строе всемирной истории.

♦ Народ наш неотёсан и груб. Жесток.

Все побегут к евреям. И через 100 лет «всё будет *у евреев*».

♦ Линяет, линяет человек. Да и весь мир в вечном полинянии. С каждым кусочком хлеба в нас входит новый кусочек тела: и мы не только едим, но и съедаем самих себя, сами себя перевариваем и «извергаем вон»... Как же нам оставаться «всё тем же»?

♦ Самые планеты движутся *всё уклоняясь от прямой*, всё *отступая* от вчерашнего пути. «По планете — и человек».

♦ Хочу ли я, чтобы очень распространилось мое учение?

Нет.

Вышло бы большое волнение, а я так люблю покой...

4. МЫСЛИ

- Я пришел в мир, чтобы *видеть*, а не *совершить*.
- Общество, *окружающие* убавляют душу, а не прибавляют.
- — Что ты всё думаешь о себе? Ты бы подумал о людях.

  — Не хочется.
- *Боль жизни* гораздо могущественнее *интереса к жизни*. Вот отчего религия всегда будет одолевать *философию*.
- Ах, эта ученическая лень: она имеет свою прелесть. Как начнешь лениться, так чему-нибудь и научишься.
- Всякий оплодотворяющий девушку сотворяет то, что нужно.
- Жена входит запахом в мужа и всего его делает пахучим собою: как и весь дом.
- Все мои пороки — мокрые. Огненного ни одного. Ни честолюбие, ни властолюбие, ни зависть не жгли мне душу.

  Как же мне судить тех, кто не умеет совладать с огненными пороками (а я их сужу), когда я не умел справиться со своим мокреньким.
- В России вся собственность выросла из «выпросил», или «подарил», или кого-нибудь «обобрал». Труда собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается.
- Ты бы, демократ, лучше не подслушивал у дверей, чем эффектно здороваться со швейцарами и кухарками за руку. От этого жизнь не украсится, а от того, решительно, жизнь воняет. Притом надо иметь слишком много самообольщения и высокомерия, чтобы думать, будто она — будет осчастливлена твоим рукопожатием. У нее есть *свое достоинство*, и, как ни странно, в него входит получить гривенник за «пальто», которого ты никогда не дашь.
- Воображать легче, чем работать: вот происхождение социализма (по крайней мере ленивого русского социализма).
- Мертвым взглядом посмотрел Гоголь на жизнь, и мертвые души только увидел он в ней. Вовсе не отразил действительности... но только с изумительным мастерством нарисовал ряд карикатур на нее.
- Только горе открывает нам *великое* и *святое*.

- Не удивительно ли: в целой Библии нет ни одного силлогизма, хотя увещание, объяснение, убеждение — обычные случаи, когда мы употребляем «следовательно», — рассеяны в ней едва ли не с первой страницы до последней.
- Государство ломает кости тому, кто перед ним не сгибается или не встречает его с любовью, как невеста жениха. Государство есть *сила*. Это — его главное. Поэтому единственная порочность государства — это его слабость.
- Грубость и насилие приносят 2% «успеха», а ласковость и услуга — 20% «успеха». Евреи раньше всех других, еше до Р. Х.[43], поняли это. И с тех пор всегда «в успехе», а противники их всегда в «не успехе».

  Вот и вся история, простая и сложная.
- *Рассеянный* человек и есть *сосредоточенный*. Но не на ожидаемом или желаемом, а на другом и *своем*.
- Как ни сядешь, *чтобы написать что-то*: сядешь и напишешь совсем другое.
- Конечно, не Пестель-Чацкий[44], а Кутузов-Фамусов[45] держит на плечах своих Россию, «какая она ни есть». Пестель решительно ничего не держит на плечах, кроме эполет и самолюбия. Я понимаю, что Фамусов немногого стоит, как и Кутузов — не золотой кумир. Но ведь и русская *история* вообше еше почти не началась. Жили «день да ночь — сутки прочь»...
- В основании мира было две философии: философия человека, которому почему-либо хочется кого-то выпороть; и философия выпоротого человека. Наша русская вся — философия выпоротого человека. Но от Манфреда до Ницше западная страдает соллогубовским зудом: «кого бы мне посечь».

  Ницше почтили потому, что он был немец, и притом — страдающий (болезнь). Но если бы *русский* и *от себя* заговорил в духе: «падающего *еще толкни*» — его бы назвали мерзавцем и вовсе не стали бы читать.
- Унижение всегда переходит через несколько дней в такое душевное сияние, с которым не сравнится ничто. Не невозможно сказать, что некоторые, и притом высочайшие, духовные *просветления* недостижимы без предварительной униженности; что некоторые «духовные абсолютности» так и остались навеки скрыты от тех, кто вечно торжествовал, побеждал, был наверху.

  Как груб, *а посему и как несчастен*, Наполеон... После Иены он был жалчее, нежели нищий-*праведник*, которому из богатого дома сказали: «Бог подаст».

  Не на этой ли тайне *всемирной психологичности* (если *она* есть, т. е. *всемирная психологичность*) основано то, что наконец «Он захотел пострадать?..».

  Как *мы* лучше после страдания?.. Не на этом ли основан «выигрыш без проигрыша» демократии?.. Она вовсе не рождается «в золотых пелёнках» морали; «с грешком», как и все. Но она — «в нижнем положении»: и нравственный ореол привлек к ней всех...
- Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали. Миллион лет прошло, пока моя душа выпущена была погулять на белый свет; и вдруг бы я ей сказал: ты, душенька, не забывайся и гуляй «по морали».

Нет, я ей скажу: гуляй, душенька, гуляй, славненькая, гуляй, добренькая, гуляй как сама знаешь. А к вечеру пойдешь к Богу.

Ибо жизнь моя есть день мой — и он именно *мой день*, а не Сократа или Спинозы.

- Мне очень печально сознаться, что я не любил ни выслушивать, ни рассказывать, не *умел* даже этого. Это есть тот признак, по которому я считаю себя дурным человеком.
- Вот я кончаю тем, что всё русское начинаю ненавидеть. Как это печально, как страшно.

Печально особенно на конце жизни.

- Да что же и дорого-то в России, как не старые церкви? Уж не канцелярии ли? или не редакции ли? А церковь старая-старая, и дьячок «не очень», и священник тоже «не очень, все с грешком, слабенькие». А *тепло только тут. Отчего же тут тепло, когда везде холодно?* Хоронили *тут* мамашу, братцев; похоронят меня; будут тут же жениться дети; всё *тут*... Всё *важное*... И вот люди надышали *тепла*.
- Человек живет как сор и умрет как сор.
- У меня какой-то фетишизм мелочей. Мелочи суть мои «боги».
- Кто любит русский народ — не может не любить церкви. Потому что народ и его церковь — одно. И только у русских это *одно*.
- Сколько прекрасного встретишь в человеке, где и не ожидаешь... И сколько порочного — и тоже где не ожидаешь.
- Цинизм от *страдания*?.. Думали ли вы когда-нибудь об этом?
- Может быть, народ наш и плох, но он — *наш*, наш народ, и это решает всё.
- Русская жизнь и грязна, и слаба, но как-то *мила*.

Вот последнее и боишься потерять, а то́ бы «насмарку всё». Боишься потерять нечто *единственное* и чего *не повторится*.

Повторится и лучшее, а не *такое*. А хочется «такого».

- Отчего так много чугуна в людях? Преобладающий металл.

— Отчего он не сотворён из золота?

«Золото для ангелов».

Но золотые нити прорезывают чугун. И какое им страдание. Но и какой «вслед им» восторг.

- *Истинное* отношение каждого только к *самому себе*. Даже рассоциалист немного фальшивит в отношении к социализму, и просто потому, что социализм для него — *объект*. Лишь там, где субъект и объект — *одно*, исчезает неправда.

В этом отношении какой-то далекой, хотя и тусклой, звездочкой является эгоизм, — «я» для «я»... *мое* «я» для *«меня»*. Это грустно, это сухо, это страшно. Но это — истина.

- Чего хотел, тем и захлебнулся. Когда наша простая Русь полюбила его простою и светлою любовью за «Войну и мир», он[46] сказал: «Мало. Хочу быть Буддой и Шопенгауэром». Но вместо «Будды и Шопенгауэра» получилось только 42 карточки, где он снят 3/4, 1/2, en face, в профиль и, кажется, «с ног», сидя, стоя, лежа, в рубахе, кафтане и еще в чём-то, за плугом и верхом, в шапочке, шляпе и «просто так»... Нет, дьявол умеет смеяться над тем, кто ему (славе) продает свою душу.

«Которую же карточку выбрать?» — говорят две курсистки и студент. Но покупают целых три, заплатив за все 15 коп.

Sic transit gloria mundi. / Так проходит земная слава *(лат.)*. /[47]

◪ *Слава* — не только величие: слава — именно начало *падения* величия... Смотри́те на церкви, на царства и царей.

◪ Суть «нашего времени» — что оно всё обращает в шаблон, схему и фразу. Проговорили великие мужи. Был Шопенгауэр: и «пессимизм» стал фразою. Был Ницше: и «Антихрист» его заговорил тысячею лошадиных челюстей. Слава Богу, что на это время Евангелие совсем перестало быть читаемо: случилось бы то же.

Из этих оглоблей никак не выскочишь.

— Вы хотите успеха?

— Да.

— Сейчас. Мы вам изготовим шаблон.

— Да я хотел сердца. Я о душе думал.

— Извините. Ничего, кроме шаблона.

— Тогда не надо... Нет, я лучше уйду. И заберу свою бедность с собою.

◪ Взгляните на растение. Ну там «клеточка к клеточке», «протоплазма» и всё такое. Понятно, рационально и физиологично.

«Вполне научно».

Но в растении, «как растет оно», есть еще художество. В грибе одно, в березе другое: но и в грибе, и в березе художество. Разве «ель на косогоре» не художественное произведение? Разве она не картина ранее, чем ее можно было взять на картину? Откуда вот это-то?!

Боже, откуда?

Боже, — от Тебя.

◪ Жизнь происходит от «неустойчивых равновесий». Если бы равновесия везде были устойчивы, не было бы и жизни.

Но неустойчивое равновесие — тревога, «неудобно мне», опасность.

Мир вечно тревожен, и тем живет.

Какая же чепуха эти «Солнечный город»* и «Утопия»**: суть коих *вечное счастье*. Т. е. окончательное «устойчивое равновесие». Это не «будущее», а смерть.

◪ Революция имеет два измерения — длину и ширину; но не имеет третьего — глубины. И вот по этому качеству она никогда не будет иметь *спелого, вкусного плода*, никогда не «завершится»...

Она будет всё расти *в раздражение*; но никогда не настанет в ней того окончательного, когда человек говорит: «Довольно! Я — счастлив! *Сегодня* так хорошо, что не надо *завтра*»... Революция всегда будет с му́кою и будет надеяться только на «завтра»... И всякое «завтра» ее обманет и перейдет в «послезавтра». Perpetuum mobile, circulus vitiosus [Вечный двигатель, порочный круг *(лат.)*], и не от бесконечности — куда! — а именно от короткости. «Собака на цепи», сплетенной из своих же гнилых чувств. «Конура», «длина цепи», «возврат в конуру», тревожный коротенький сон.

---

* Трактат Томмазо Кампанеллы «Город Солнца» (1602 г.).

** Сочинение Томаса Мора «Золотая книжечка о наилучшем устройстве государства, или О новом острове Утопия» (1516 г.).

В революции нет радости. И *не будет.*

Радость — слишком царственное чувство и никогда не попадет в объятия этого лакея.

Два измерения: и она не выше человеческого, а ниже человеческого. Она механична, она матерьялистична. Но это — не случай, не простая связь с «теориями нашего времени»; это — судьба и вечность. И, в сущности, подспудная революция в душах обывателей, уже ранее возникшая, и толкнула всех их понести на своих плечах Конта—Спенсера и подобных.

Социализм пройдет как дисгармония. Всякая дисгармония пройдет. А социализм — буря, дождь, ветер...

Взойдет солнышко и осушит всё. И будут говорить, как о высохшей росе: «Неужели он (соц.) *был*?» «И барабанил в окна град: братство, равенство, свобода?»

— О, да! И еще скольких этот град побил!!

— «Удивительно. Странное явление. Не верится. Где бы об истории его прочитать?»

Каков же *итог* жизни?

Ужасно мало смысла. Жил, когда-то *радовался*: вот главное. «Что вышло?» Ничего особенного. И особенно как-то *не нужно*, чтобы что-нибудь «вышло». Безвестность — почти самое желаемое.

Что́ самое лучшее в прошедшем и давно прошедшем? Свой хороший или мало-мальски порядочный поступок. И еще — добрая встреча: т. е. узнание доброго, подходящего, милого человека. Вот это в старости ложится светлой, светлой полосой, и с таким утешением смотришь на эти полосы, увы, немногие.

Но шумные удовольствия (у меня немного)? так называемые «наслаждения»? Они были приятны только в момент получения и не имеют никакого значения для «потом».

Только в старости узнаёшь, что «надо было хорошо жить». В юности это даже не приходит на ум. И в зрелом возрасте — не приходит. А в старости воспоминание о добром поступке, о ласковом отношении, о деликатном отношении — единственный «светлый гость» в «комнату» (в душу).

Вот и совсем прошла жизнь... Остались немногие хмурые годы, старые, тоскливые, ненужные...

Как всё становится ненужно. Это главное ощущение старости. Особенно — вещи, предметы: одежда, мебель, обстановка.

...Да, я приобрел «знаменитость»... О, как хотел бы я изодрать зубами, исцарапать ногтями эту знаменитость, всадить в нее свой гнилой зуб, последний зуб.

И всё поздно...

О, как хотел бы я вторично жить, с единственной целью — *ничего не писать.*

Эти строки — они отняли у меня всё; они отняли меня у «друга», ради которого я и должен был жить, хотел жить, хочу жить.

А «талант» всё толкал писать и писать.

Как я отношусь к молодому поколению?

Никак. Не думаю.

Думаю только изредка. Но всегда мне его жаль. Сироты.

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСТРАНИЧНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеются в виду строки из стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium!» («Молчание!», 1830 г.). — *Т. 2, с. 13.*

[2] 15 декабря 2001 г. возобновились экскурсии на Пизанскую башню. Башне уже 600 лет. Сразу после завершения строительства она стала заваливаться на одну сторону. К концу XX века её вершина отклонилась от перпендикуляра на 4,5 метра, из-за чего в 1990-ом году её закрыли для посетителей. Выдвигалось много идей спасения башни от падения. Муниципалитет города Пизы отдал предпочтение проекту, где башня обвязывается тросами, прикреплёнными к утопленному в землю (на противоположной наклону стороне) свинцовому грузу, весом в 800 тонн. Благодаря спасательным работам башня выравнялась на целых 40 см. Туристы будут осматривать сооружение группами по 30 человек; продолжительность зрелища — 40 минут. — *Т. 2, с. 46.*

[3] **Бальтазар Тильке** — силезский дворянин, написал «ядовитый пасквиль» на «Утреннюю зарю», и Бёме счел нужным защитить свое сочинение — *Т. 2, с. 56.*

[4] **Грегор Рихтер** — старший пастор местной церкви, обрушившийся с бешенной критикой на книгу Бёме «Путь ко Христу»: в ней-де и «столько богохульств, сколько в ней строк», и «она воняет сапожной ваксой, смолой». — *Т. 2, с. 56.*

[5] **Ангелус Силезиус** (Ангелус из Силезии) /наст. имя и фам. Иоганнес Шеффлер (1624–1677)/. — *Т. 2, с. 58.*

[6] **Сигнатура** (*лат.* signatura — обозначать, указывать) — порядковый номер каждого печатного листа книги, помещáемый на первой и третьей его страницах для контроля при брошюровочных работах. — *Т. 2, с. 61.*

[7] **Минори́ты** (*лат.* minores — меньшие {братья}) — члены монашеского ордена францисканцев. — *Т. 2, с. 88.*

[8] С точки зрения вечности (*лат.* «sub specie acternitatis») — для Спинозы это где-то даже исповедальный психографический принцип, матрица главной и познавательной и житейской заповеди. — *Т. 2, с. 154.*

[9] Вторая часть этой фразы — прямое заимствование у ап. Павла (см. наст. издание т. 1, с. 326 — *Т. 2, с. 159.*

[10] **Бристоль** — город и порт в Англии. — *Т. 2, с. 194.*

[11] Здесь полезно иметь в виду, что аналогичное по характеру и тенденции подхода воззрение было уже и тремя столетиями раньше — у английского философа Оккама (см. *П. С. Таранов.* 150 мудрецов и философов, т. 1, с. 724–725). — *Т. 2, с. 221.*

[12] **Социн Фауст** (1539–1604) — итальянский теолог. Основал в Польше религиозную секту рационалистического направления; все ее члены получили прозвище СОЦИНИАНЕ. Свое некоторое распространение эта секта получила также и в Голландии. — *Т. 2, с. 240.*

[13] **Барклай Джон** (1582–1621) — шотландский писатель, создал два сатирических романа на латинском языке, один из которых был направлен против иезуитов, а другой содержит намеки на то, что происходило во Франции в период религиозных войн XVI в. — *Т. 2, с. 240.*

[14] **Вулстон Томас** (1670–1733) — английский теолог, вольнодумец; высказал мысль о необходимости аллегорически интерпретировать Святое Писание, за что был приговорен к тюремному заключению. — *Т. 2, с. 240.*

[15] Эта мысль высказывалась и раньше, но столь определенно и утвердительно — впервые. К примеру, у Эпикура: «Ведь совсем не глупо признать материю активной. Скорее нелепо считать ее инертной». — *Т. 2, с. 256.*

[16] Эти имена, по видимому, следует считать говорящими:

Ги́лас — (от *греч.* ὕλη — материя; *лат.* hulē), — т. е. рассуждающий от имени материи; Филону́с (от *греч.* Φιλία — любить и νοῦς — ум, разум; *лат.* phileō + noys), — сторонник умного подхода. — *Т. 2, с. 283.*

[17] Речь идет о работе В. И. Ульянова /Ленина/ «Материализм и эмпириокритицизм». — *Т. 2, с. 285.*

[18] **Столетняя война** — война в период 1337–1453 гг. между Англией и Францией

за Гиень (с XII в. английское владение), Нормандию, Анжу (утраченные англичанами в XIII в.), Фландрию. Повод — притязания английского короля Эдуарда III (внука французского короля Филиппа IV) на французский престол после смерти французского короля Карла IV (не оставившего сыновей). Сопротивление англичанам возглавила Жанна д'Арк. Столетняя война завершилась капитуляцией англичан в Бордо (1453 г.). Англия удержала на территории Франции лишь Кале (до 1558 г.). — *Т. 2, с. 286.*

[19] **Камергéр** (*нем.* Kamerherr — от *ср.-лат.* или *ит.* camera — комната, помещение, свод, палата + *нем.* Herr — господин) — одно из придворных званий в монархических государствах (что-то вроде «хозяин покоев»). — *Т. 2, с. 297.*

[20] Что рождает движения нашего ума? Возможно, что и облик.

Природа наделила Вольтера блестящим умом, но безобразной внешностью. Достаточно взглянуть на известную статую Вольтера работы Гудона (1741—1828), стоящую в Эрмитаже (Санкт-Петербург). (Речь идет о скульптурном портрете «в кресле», выполненном французским скульптором Жаном Антуаном Гудоном в 1781 г.). Рассказывают, что однажды российский император был взбешен ядовитой улыбочкой плешивого и старого философа и велел: «Уберите эту обезьяну!». — *Т. 2, с. 302.*

[21] **Шевалье** (*фр.* chvalier — рыцарь, кавалер; — дворянский титул в феодальной Франции) **де Роган** постоянно преследовал Вольтера; в 1726 г. в Париже слуги де Рогана по приказанию хозяина напали на Вольтера и избили его палками. — *Т. 2, с. 302.*

[22] **Рецидив** (*лат.* recidivus — возврат) — повторение явления. — *Т. 2, с. 303.*

[23] © Не так здесь всё просто, однозначно и очевидно, как это представляется Вольтеру (см. мои замечания о природе и сути **случайности** на с. 458—459). — *Т. 2, с. 304.*

[24] **Аякс** (Большой или Великий) — герой греческой мифологии, вместе с братом сражавшийся под Троей, его подвиги описаны в «Илиаде» Гомера. Отличался большой силой и мужеством. — *Т. 2, с. 393.*

[25] **Диомéд** — мифологический персонаж, один из женихов Елены Спартанской, участвовал в походе греков на Трою (возглавлял ополчение на 80-ти кораблях), храбрый и сильный воин, пользовавшийся покровительством богини Афины. — *Т. 2, с. 394.*

[26] **Кларк Самюэл** (1675—1729) — английский религиозный философ, активно боровшийся против материализма, атеизма и деизма; в духе своих взглядов истолковывал выводы физики Ньютона. — *Т. 2, с. 394.*

[27] **Сорбонна** — богословский факультет Парижского университета. — *Т. 2, с. 424.*

[28] Здесь ассоциация с «бритвой Óккама» (англ. философа Уильяма из Оккама, ок. 1281—1349): «Сущности не следует умножать без необходимости». — *Ред.* — *Т. 2, с. 448.*

[29] Возможно, что данная мысль идет от Овидия, сказавшего: «У царей длинные руки». — *Т. 2, с. 498.*

[30] **Арьергáрд** (*фр.* arrière — сзади; тыловой + garde охрана) — часть сил, выдвинутая в сторону противника для охраны войск при их движении от фронта в тыл. — *Т. 2, с. 557.*

[31] Согласно Ветхому Завету, Мафусаил, библейский патриарх, пожил 969 лет. — *Т. 2, с. 590.*

[32] Формула древнегреческого мудреца Бианта. — *Т. 2, с. 592.*

[33] **Булонь** — парковый комплекс в Париже. — *Т. 2, с. 626.*

[34] Вечная истина *(лат.)*. — *Т. 2, с. 633.*

[35] Реквием вечному Богу *(лат.)*. — *Т. 2, с. 644.*

[36] **Virtu(s)** — доблесть, добродетель *(лат.)*. — *Т. 2, с. 644.*

[37] **Моралин** — производное от слова *мораль*. — *Т. 2, с. 644.*

[38] Речь идет о романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863 г.). — *Т. 2, с. 653.*

[39] На потоке, где учился В. В. Розанов, курс лекций по истории России читал Василий Осипович Ключевский (1841—1911). — *Т. 2, с. 654.*

[40] «Людьми лунного света» Розанов называл людей с сексуальными отклонениями. — *Т. 2, с. 656.*

[41] Организовано в Петербурге в ноябре 1901 г. Среди его учредителей были сам В. В. Розанов, писатель и религиозный философ Дмитрий Сергеевич Мережковский, литературный критик и близкий друг семьи Мережковских Дмитрий Владимирович Философов (1872—1940) и др. — *Т. 2, с. 656.*

[42] В этом плане любопытна и удивительна эстетика Розанова:

«Взгляните на растение. Ну там «клеточка к клеточке», «протоплазма» и всё такое. Понятно, рационально и физиологично.

«Вполне научно».

Но в растении, «как растет оно», есть еще художество. В грибе одно, в березе другое: но и в грибе, и в березе художество.

Разве «ель на косогоре» не художественное произведение? Разве она не картина ранее, чем ее можно было взять на картину?

Откуда вот это-то?!

Боже, откуда?

Боже, — от Тебя». — *Т. 2, с. 659.*

[43] Хронологическая граница: до Рождества Христова, после Рождества Христова. В настоящее время используется другое понятие — до нашей эры (до н. э.). — *Т. 2, с. 661.*

[44] Александр Андреевич Чацкий — персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1823 г.). — *Т. 2, с. 661.*

[45] Павел Афанасьевич Фамусов — персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1823 г.). — *Т. 2, с. 661.*

[46] Имеется в виду Л. Н. Толстой. — *Т. 2, с. 662.*

[47] Выражение из книги нидерландского монаха Фомы Кемпийского (1380—1471) «О подражании Христу» (ок. 1418 г.). — *Т. 2, с. 663.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абрамов М. А.** Каким был Сократ? //Природа. — 1977. — № 2.
2. **Азаркин Н. М.** Монтескьё. — М., 1988.
3. Аксиомы остроумия: **Ф. Ларошфуко.** Максимы; **Н. Шамфор.** Максимы, мысли, афоризмы и анекдоты. — Симферополь: Реноме (Издание подготовлено при участии Издательского Дома «Квадранал»), 1998. — (Интеллектуальная библиотека).
4. **Алнева Б. А.** Теория двойственной истины. — М., 1972.
5. **Альберти Леон-Баттиста.** Десять книг о зодчестве. — М., 1935.
6. **Аль-Газали Абу Хамид.** Воскрешение наук о вере: Избранные главы. — М., 1980.
7. **Аль-Фараби.** Логические трактаты. — Алма-Ата, 1975.
8. **Аль-Фараби.** Социально-этические трактаты. — Алма-Ата, 1973.
9. **Аль-Фараби.** Философские трактаты. — Алма-Ата, 1970.
10. Американские просветители: Избранные произведения: В 2 т. — М.: Мысль, 1968. — (Философское наследие).
11. **Амфитеатров А.** Литературный альбом. — Спб., 1904.
12. Английские материалисты XVIII века: Избранные произведения: В 3 т. — М.: Мысль, 1967. — (Философское наследие).
13. **Андросов В. П.** Нагарджуна и его учение. — М.: Наука, 1990.
14. Античная басня /Пер. с греч. и лат. М. Гаспарова. — М.: Худож. лит., 1991.
15. Антология кинизма. — М., 1984.
16. Антология мировой философии: В 4 т. — М.: Мысль, 1969 – 1972. — (Философское наследие).
17. Апокрифы древних христиан. — М., 1989.
18. **Аристотель.** Сочинения: В 4 т. — М.: Мысль, 1976 – 1983. — (Философское наследие).
19. **Аристофан.** Комедии. — М., 1954. — Т. 1.
20. **Арно А., Николь П.** Логика, или Искусство мыслить, где, помимо обычных правил, содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения. — М.: Наука, 1991.
21. **Артыков Т. А., Молчанов Ю. Б.** О всеобщем и универсальном характере времени //Вопросы философии. — 1988. — № 3.
22. **Архимед.** Сочинения. — М., 1962.
23. **Асмус В. Ф.** Иммануил Кант. — М., 1973.
24. Афоризмы старого Китая /Пер. с кит. В. В. Малявина. — М.: Наука, 1991. — 2-е изд., испр.
25. **Ахундов М. Д.** Концепция пространства и времени: Истоки, эволюция, перспектива. — М., 1982.
26. **Барабаш Ю.** Григорий Сковорода: Знаю человека... //Радуга. — 1989. — № 3 – 5.
27. **Барашенков В.** Что такое пространство и время? //Знание — сила. — 1984. — № 6.
28. **Баскин М. П.** Монтескьё. — М., 1975.
29. **Баткин Л. М.** Итальянские гуманисты: Стиль жизни и стиль мышления. — М.: Наука, 1978.
30. **Бейль Пьер.** Исторический и критический словарь: В 2 т. — М.: Мысль, 1968. — (Философское наследие).
31. **Беленький М. С.** О мифологии и философии Библии. — М., 1977.
32. **Беллармино Р.** О воздыхании голубицы, или О пользе слёз. — Спб., 1795.
33. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета /Канонические; в рус. переводе с параллельными местами. — Издание миссионерского общества «Новая жизнь — Советский Союз», «Кэмпус Крусейд Фор Крайст, СССР», 1991. — (Перепечатано с Синодального издания).
34. Благоразумие мудрости: **Соломон Мудрый.** Экклезиаст. Песнь песней. Притчи; **Эпиктет.** Беседы. — Симферополь: Реноме (Издание подготовлено при участии Издательского Дома «Квадранал»), 1998. — (Интеллектуальная библиотека).
35. **Блонский П. П.** Проблема реальности у Беркли //Философские исследования, обозрения и проч. /Труды Психологической Семинарии при Университете Св. Владимира. — Киев, 1908. — Вып. 5. — Т. II.
36. **Блонский П. П.** Этюды по истории ранней греческой философии. — М., 1914.
37. **Богомолов А. С.** Античная философия. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
38. **Богомолов А. С.** Диалектический логос: Становление античной диалектики. — М., 1982.
39. **Бойко А. Н.** Проблема бессознательного в философии и конкретных науках. — Киев, 1978.
40. **Бонгард-Левин Г. М.** Индия в античной литературе //Индия—1983 (ежегодник). — М., 1985.
41. **Боровой Я.** Похвала слову //Новое время. — 1993. — № 1.
42. **Борохов Э.** Энциклопедия афоризмов: Мысль в слове. — М.: ООО «Издательство АСТ», 1999.
43. **Боэций.** «Утешение философией» и другие трактаты. — М.: Наука, 1990.
44. **Бруно Д.** Диалоги. — М., 1949.
45. **Брюсов В.** Избранные сочинения. — М., 1955.
46. **Быховский Б. Э.** Новые попытки реанимации средневекового мировоззрения //Философские науки. — 1980. — № 2.

47. **Бычков В. В.** Эстетика Аврелия Августина. — М.: Искусство, 1984.
48. **Бэкон Френсис**. Сочинения: В 2 т. — М.: Мысль, 1971. — (Философское наследие).
49. **Бюхнер Людвиг.** Сила и материя. — Спб., 1907.
50. **Васильев М. В., Климонтович Н. Ю., Станюкович К. П.** Сила, что движет мирами (о материи живой и спящей). — М., 1978.
51. **Васильева Т. В.** Беседа о логосе в платоновском «Теэтете» //Платон и его эпоха. — М., 1979.
52. **Вейс Дэвид.** Нагим пришел я: Пер. с англ. — М.: Республика, 1993.
53. Великие сыновья Петра Великого //Чудеса и приключения. — 1992. — № 10 – 12.
54. **Вер Герхард.** Якоб Бёме, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни /Пер. с нем. Константина Мамаева. — Челябинск: ООО «Издательство «Урал»», 1998. — (Биографические ландшафты).
55. **Верцман И.** Жан-Жак Руссо. — М.: Худож. лит., 1976.
56. **Винокуров В. В.** Феномен сакрального, или Восстание богов //Социо-логос: Социология, антропология, метафизика. — М.: Прогресс, 1991. — Вып. 1: Общество и сферы смысла.
57. **Вовенарг Люк де Кланье**. Размышления и максимы. — Л.: Наука, 1988.
58. **Волков Г. Н.** У колыбели науки. — М., 1971.
59. **Володин Б.** ...И тогда возникла мысль. — М.: Мол. гвардия, 1980.
60. **Волошинов А. В.** Пифагор. — М.: Просвещение, 1993.
61. **Вольтер.** Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести. — М., 1971. — (Библиотека великих людей).
62. **Вольтер.** Поэмы. Философские повести. Памфлеты. — Киев, 1989.
63. **Вольтер.** Философские сочинения. — М.: Наука, 1989.
64. **Вольф Христиан.** Сокращение первых оснований математики. — Спб., 1771. — Т. 2.
65. **Воробьев Г. Г.** Твоя информационная культура. — М., 1988.
66. **Воронцов-Вельяминов Б. А.** Лаплас. — М., 1985.
67. Всемирная история в лицах: от Гомера до Эйнштейна: Анекдоты, остроты, шутки: Энцикл. для школьника /Под ред. В. П. Бутромеева. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. — (Детский Плутарх).
68. Выдающиеся русские ученые и писатели о Низами Гянджави. — Баку, 1981.
69. Высказывания знаменитых людей /Сост. Братья Хелемендерис; Пер. с англ. А. И. Блейз. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1995.
70. **Габитова Р. М.** Философия немецкого романтизма. — М., 1978.
71. **Гайденко П. П.** Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. — М.: Наука, 1980.
72. **Гассенди Пьер.** Сочинения: В 2 т. — М.: Мысль, 1966 – 1968. — (Философское наследие).
73. **Гегель.** Наука логики: В 3 т. — М.: Мысль, 1970. — Т. 3. — (Философское наследие).
74. **Гегель.** Сочинения: В 14 т. — М.;Л., 1929 – 1958. — Т. 1. — М., 1929.
75. **Гегель.** Энциклопедия философских наук: В 3 т. — М.: Мысль, 1977. — Т. 1. — (Философское наследие).
76. Гении рифмы: 500 лучших стихотворений Всемирной литературы /Идея и сост. Издательского Дома «Квадранал»; Ред. Л. Г. Стахурская; Отв. за выпуск Н. А. Таранова. — Симферополь: Реноме; Квадранал, 1998.
77. Гераклит Эфесский: Фрагменты сочинения, известного позже под названием «Музы», или «О природе» //**Тит Лукреций Кар.** О природе вещей /Пер. с лат. Ф. Петровского. — М., 1989.
78. **Герцен А. И.** Избранные философские произведения: В 2 т. — М., 1948. — Т. 1.
79. **Гёте И. В.** Западно-восточный диван. — М.: Наука, 1988. — (Литературные памятники).
80. **Гёффдинг Гаральд.** Учебник истории новой философии /Предисл. Л. И. Аксельрод. — М.: ГИЗ, 1929.
81. **Гиляревский Р. С., Старостин Б. А.** Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. — М.: Высш. шк., 1985. — 3-е изд., испр. и доп.
82. **Глушаков Е.** Шестилетний Саша — «расширитель проблем» //Литературная газета. — 1980. — № 40.
83. **Голенищев-Кутузов И. Н.** Творчество Данте и мировая культура. — М., 1971.
84. **Гольбах Поль Анри.** Избранные произведения: В 2 т. — М.: Мысль, 1963. — (Философское наследие).
85. **Гонкур Эдмонд де и Гонкур Жюль де.** Дневник: Записки о литературной жизни (Избранные страницы): Пер. с фр.: В 2 т. — М.: Худож. лит., 1964. — Т. 1.
86. **Горан В. П.** Необходимость и случайность в философии Демокрита. — Новосибирск: Наука, 1984.
87. **Горохова Г. Э.** Универсалии раннего даосизма //Дао и даосизм в Китае. — М., 1982.
88. **Горфункель А. Х.** Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. — М., 1977.
89. **Горфункель А. Х.** Джордано Бруно. — М.: Мысль, 1973. — (Мыслители прошлого).
90. **Горфункель А. Х.** От «Торжества Фомы» к «Афинской школе» //История философии и вопросы культуры. — М., 1975.

91. **Грасиан Бальтасар.** Карманный оракул. Критикон. — М., 1984.
92. **Григорьева Т. П.** Даоская и буддийская модели мира //Дао и даосизм в Китае. — М., 1982.
93. **Грималь Пьер.** Цицерон /Вступ. ст. Г. С. Кнабе; Пер. с фр. Г. С. Кнабе, Р. Б. Сашиной. — М.: Мол. гвардия, 1991. — (Жизнь замечательных людей).
94. **Грязнов А. Ф.** Философия Шотландской школы. — М., 1979.
95. **Гулиа Г.** Сказание об Омаре Хайяме: Роман. — М.: Мол. гвардия, 1975.
96. **Гулыга А.** Уроки классики и современность. — М., 1990.
97. **Гулыга Арсений.** Шеллинг. — М.: Мол. гвардия, 1984. — (Жизнь замечательных людей).
98. **Гурев Г. А.** Чарлз Дарвин и атеизм. — М., 1975.
99. **Гусейнов А. А.** Золотое правило нравственности. — М., 1979.
100. **Гусейнов А. А., Иррлитц Г.** Краткая история этики. — М.: Мысль, 1987.
101. **Гутер Р. С., Полунов Ю. Л.** Джироламо Кардано. — М., 1980.
102. **Даниэль М.** Искусство видеть. — Л.: Искусство, 1990.
103. Дао и даосизм в Китае. — М., 1982.
104. **Дворцов А. Т.** Жан-Жак Руссо. — М.: Наука, 1980.
105. Декабристы и их время. — М., 1932.
106. **Декарт Рене.** Сочинения: В 2 т. — М.: Мысль, 1989. — Т. 1. — (Философское наследие).
107. **Державин К. Н.** Вольтер. — М.: Изд-во АН СССР, 1946.
108. **Дешан Дом Леже-Мари.** Истина, или Истинная система. — М.: Мысль, 1973. — (Философское наследие).
109. Джаммапада. — М., 1960.
110. **Джебран Халиль Джебран.** Избранное. — Л., 1984.
111. Джордано Бруно перед судом инквизиции: Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно //Вопросы истории религии и атеизма. — М., 1958. — Вып. 6.
112. **Джохадзе Д. В.** Диалектика Аристотеля. — М., 1971.
113. Диалектика любви //Пульс-89: Сб. — М., 1989.
114. **Дидро Дени.** Избранные философские произведения. — М., 1941.
115. **Дидро Дени.** Монахиня. Племянник Рамо. Жак-фаталист и его хозяин. — М.: Худож. лит., 1973. — (Библиотека Всемирной литературы).
116. **Длугач Т. Б.** Дени Дидро. — М.: Мысль, 1975. — (Мыслители прошлого).
117. **Д'Ондт.** Секрет Гегеля //**Jacques D'Ondt.** Verborgene Quellen des Hegelschen Denkens. — Berlin, 1972.
118. **Драч У. Ф., Кримський С. Б., Попович М. В.** Григорій Сковорода: Біографічна повість. — Київ: Молодь, 1984. — (Уславлені імена. — Вип. 60).
119. Древнекитайская философия: Собрание текстов: В 2 т. — М.: Мысль, 1972. — (Философское наследие).
120. Древняя Индия: язык, культура, текст. — М.: Наука, 1985.
121. **Дынник М. А.** Материалисты Древней Греции. — М., 1955.
122. **Ерёменко А. М.** Метафоричность философского мышления //Философская и социологическая мысль. — Киев. — 1990. — № 1.
123. Живое наследие античности //Вопросы классической филологии. — М., 1987. — Вып. IX.
124. **Жоль К. К.** Мысль, слова, метафора. — Киев, 1984.
125. **Жоль Константин.** Под знаком вечности. — Киев: Молодь, 1991.
126. **Жорес Жан.** Социалистическая история французской революции — М., 1978.
127. **Завадовский Ю. Н.** Абу Али Ибн-Сина: Жизнь и творчество (по таджикско-персидским и арабским источникам). — Душанбе, 1980.
128. **Завадская Е. В.** Культура Востока в современном западном мире. — М., 1977.
129. **Заиченко Г. А.** Локк. — М.: Мысль, 1973. — (Мыслители прошлого).
130. **Зеньковский В. В.** История русской философии: В 2 т. — Л.: Эго, 1991. — Т. 1. — Ч. 2.
131. **Зиневич Г. П.** Человек изучает человека. — М., 1988.
132. Золотые стихи пифагорейцев с комментарием Гиерокла-философа /Пер. с греч. под ред. проф. Г. В. Малеванского. — Харьков, 1898. //**А. Н. Чанышев.** Курс лекций по древней и средневековой философии. — М.: Высш. шк., 1991.
133. **Зубов В. П.** Аристотель. — М., 1963.
134. **Ибн-Сина.** Указания и наставления //**Ибн-Сина.** Избранные философские произведения. — М., 1980.
135. **Ибраев Л.** Сквозь лики мира. — М., 1979.
136. **Иванов Р.** Франклин. — М.: Мол. гвардия, 1972. — (Жизнь замечательных людей).
137. Изречения древнейших мыслителей, выбранные из сочинений Диогена Лаэрция, Плутарха, Стобея и др. — Харьков, 1887.
138. Изречения и афоризмы разных времён и народов. — Екатеринослав, 1912.
139. Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности и до наших дней. — Киев: Украина, 1991.

140. Ирано-таджикская поэзия: Пер. с фарси. — М.: Худож. лит., 1974. — (Библиотека Всемирной литературы).
141. Испанская эстетика: Ренессанс. Барокко. Просвещение. — М.: Искусство, 1977.
142. Истины: Изречения персидских и таджикских народов, их поэтов и мудрецов. — М., 1968.
143. Историко-астрономические исследования. — М., 1980. — Вып. XV.
144. История всемирной литературы: В 9 т. — М.: Наука, 1983 – 1991. — Т. 1 – 7.
145. История китайской философии /Пер. с кит. В. С. Таскина — М.: Прогресс, 1989.
146. История философии и вопросы культуры. — М., 1975.
147. История философии: В 3 т. /Под ред. Г. Ф. Александрова, Б. Э. Быховского, М. Б. Митина, П. Ф. Юдина. — М., 1940. — Т. 1: Философия античного и феодального общества.
148. История французской литературы. — М.;Л., 1946. — Т. 1.
149. История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. — М.: Искусство, 1962 – 1964. — Т. 1 – 2.
150. **Кант Иммануил.** Сочинения: В 6 т. — М.: Мысль, 1964 – 1966. — (Философское наследие).
151. **Каринский М. И.** Бесконечное Анаксимандра. — Спб., 1890.
152. **Карнеги Дейл.** Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей //**Дейл Карнеги.** Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. Как перестать беспокоиться и начать жить: Пер. с англ. — Минск: Беларусь, 1990.
153. **Касымжанов А. Х.** Абу-Наср аль-Фараби. — М., 1982.
154. **Кедровский О. И.** Взаимосвязь философии и математики в процессе исторического развития. — Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1973.
155. **Кессиди Ф. Х.** Новая «апология» Сократа //Вопросы философии. — 1975. — № 5.
156. **Кессиди Ф. Х.** От мифа к логосу. — М., 1972.
157. **Кессиди Ф. Х.** Сократ. — М.: Мысль, 1988. — 2-е изд., доп.
158. **Кессиди Ф. Х.** Социально-политические взгляды Гераклита Эфесского //Вопросы философии. — 1980. — № 6.
159. **Кессиди Ф. Х.** Фрагмент Анаксимандра //Вестник Московского университета. — 1975. — № 1. — (Философия).
160. **Кислягина Л. Г.** Формирование общественно-политических взглядов Н. М. Карамзина. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
161. **Климишин И. А.** Астрономия вчера и сегодня. — Киев, 1977.
162. **Клини С.** Введение в математику. — М., 1975.
163. Книга жизни. — Минск, 1993.
164. Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) /Пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Л. С. Переломова. — М., 1968.
165. Книга Экклезиаст //Поэзия и прозв Древнего Востока. — М.: Худож. лит., 1973. — (Библиотека Всемирной литературы).
166. **Кобзев А. И.** Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. — М., 1983.
167. **Кованцов Н. И.** Математика и романтика. — Киев, 1980.
168. **Комарова В. Я.** Учение Зенона Элейского: Попытка реконструкции системы аргументов. — Л., 1988.
169. **Кондильяк Этьенн Бонно де.** Сочинения: В 3 т. — М.: Мысль, 1980. — (Философское наследие).
170. **Конрад Н. И.** Избранные труды: Синология. — М., 1977.
171. Констанс Рид Гильберт. — М.: Наука, 1977.
172. Конфуцианство в Китае: Проблемы теории и практики. — М., 1982.
173. Конфуций, Шан Ян и другие //Атеистические чтения: Сб. — М., 1989.
174. **Коньо Ж.** Пьер Гассенди — возобновитель эпикуреизма //Вопросы философии. — 1956. — № 3.
175. **Косидовский З.** Сказания евангелистов. — М.: Политиздат, 1987.
176. **Кочарян М. Т.** Поль Гольбах. — М.: Мысль, 1978. — (Мыслители прошлого).
177. **Кропоткин П. А.** Этика: Избранные труды. — М.: Политиздат, 1991. — (Библиотека этической мысли).
178. **Кротов А.** Неизвестный портрет Ломоносова //Известия. — 1986. — 26 окт.
179. **Крымский А. Е.** Низами и его современники. — Баку, 1981.
180. **Ксенофонт Афинский.** Сократические сочинения. — М.;Л., 1935.
181. **Кубланов М. М.** Возникновение христианства. — М.: Наука, 1974.
182. **Кузнецов В. Н.** Немецкая классическая философия второй половины XVIII — начвла XIX века. — М.: Высш. шк., 1989.
183. Культура Возрождения и общество. — М., 1968.
184. **Курантов А. П., Стяжкин Н. И.** Уильям Оккам. — М.: Мысль, 1978. — (Мыслители прошлого).
185. Лабиринты души: **Августин Аврелий.** Исповедь; **Блез Паскаль.** Письма к провинциалу. — Симферополь: Реноме, 1998. — (Интеллектуальная библиотека).
186. **Лабрюйер Жан де.** Характеры //**Франсуа де Ларошфуко.** Максимы; **Блез Паскаль.** Мысли; **Жан**

де Лабрюйер. Характеры. — М.: Худож. лит., 1974. — (Библиотека Всемирной литературы).
187. **Ламетри Жюльен Офре.** Сочинения. — М.: Мысль, 1976. — (Философское наследие).
188. **Лаплас Пьер.** Изложение системы мира. — Л., 1982.
189. **Лаэрций (Диоген Лаэртский).** О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М.: Мысль, 1979. — (Философское наследие).
190. Легенды и сказания Древней Греции и Древнего мира. — М.: Правда, 1990.
191. **Лейбниц Готфрид Вильгельм.** Сочинения: В 4 т. — М.: Мысль, 1982 – 1989. — (Философское наследие).
192. Лекции по истории эстетики. — Л., 1973. — Кн. 1.
193. **Линдсей П., Норман Д.** Переработка информации у человека: Пер. с англ. — М.: Мир, 1974.
194. Лирики Востока. — М.: Правда, 1986.
195. **Лисевич И. С.** Литературная мысль Китая. — М., 1979.
196. Литература Древнего Востока: Иран, Индия, Китай: Тексты. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
197. **Лихтенберг Г. К.** Афоризмы. — М.: Наука, 1965.
198. **Логвиненко А. Д.** Зрительное восприятие пространства. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
199. **Локк Джон.** Сочинения: В 3 т. — М., 1985 – 1988.
200. **Ломоносов М. В.** Избранные философские произведения. — М., 1950.
201. **Ломоносов М. В.** Полн. собр. соч. — М.;Л., 1950.
202. **Лосев А. Ф.** Диоген Лаэрций — историк античной философии. — М.: Наука, 1981.
203. **Лосев А. Ф.** История античной эстетики: Аристотель и поздняя классика. — М.: Искусство, 1975.
204. **Лосев А. Ф.** История античной эстетики: Ранняя классика. — М.: Искусство, 1963.
205. **Лосев А. Ф.** Платоновский объективный идеализм и его трагическая судьба //Платон и его эпоха /Под ред. Ф. Х. Кессиди. — М., 1979.
206. **Лосский Н. О.** История русской философии. — М.: Советский писатель, 1991.
207. **Лощиц Юрий.** Сковорода. — М.: Мол. гвардия, 1972. — (Жизнь замечательных людей).
208. **Лубченков Ю., Романенко В.** Любовь и власть: Исторические миниатюры. — Вильнюс, 1991. — Т. 1.
209. **Луканин Р. К.** «Органон» Аристотеля. — М.: Наука, 1984.
210. **Лукреций Тит Кар.** О природе вещей /Пер. с лат. Ф. Петровского. — М.: Худож. лит., 1983.
211. **Лурье С. Я.** Демокрит: Тексты, переводы, исследования. — Л.: Наука, 1970.
212. **Людвиг Эмиль.** Гёте /Сокр. пер. с нем. Е. Закс. — М.: Мол. гвардия, 1965. — (Жизнь замечательных людей).
213. **Майоров Г. Г.** Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.
214. **Майоров Г. Г.** Формирование средневековой философии. — М., 1979.
215. **Макиавелли Никколо.** Государь. — М., 1990.
216. **Маковельский А. О.** Досократики. — Казань, 1914 – 1919. — Ч. I – III.
217. **Малявин В. В.** Конфуций. — М.: Мол. гвардия, 1993. — (Жизнь замечательных людей).
218. **Малявин В. В.** Философия Чжуан-цзы: Забытьё пробуждения, немое слово //Дао и даосизм в Китае. — М., 1982.
219. **Мальбранш Никола.** Разыскание истины. — Спб., 1903 – 1904. — Т. I – II.
220. **Марк Аврелий Антонин.** Размышления. — М., 1985.
221. **Матвиевская Г. П.** Рене Декарт. — М.: Просвещение, 1987.
222. Материвлисты Древней Греции. — М., 1955.
223. Махабхарата. Рамаяна. — М., 1974.
224. **Медведева-Томашевская И. Н.** Стремя «Тихого Дона». — М.: Горизонт, 1993.
225. **Мельвиль М. Н.** Френсис Бэкон. — М.: Знание, 1961.
226. **Мень А.** Проповедь Гаутамы Будды //Наука и религия. — 1991. — № 10.
227. **Мень Александр.** Жизнь Конфуция //За рубежом. — 1990. — № 40.
228. **Мещеряков А.** Линия жизни: Стихи (Издание за счёт средств автора). — М.: Наука, 1990.
229. **Мирзоев А. М.** Камал ад-Дин Бинаи. — М., 1976.
230. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. /Гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Советская энциклопедия, 1991.
231. **Мичи Д., Джонстон Р.** Компьютер-творец. — М., 1987.
232. **Монтень Мишель.** Опыты: В 3 кн. — М.: Голос, 1992.
233. **Монтескьё Шарль.** Избранные произведения. — М., 1955.
234. **Моруа Андре.** От Монтеня до Арагона: Пер. с фр. /Сост. и предисл. Ф. С. Наркирьера. — М.: Радуга, 1983.
235. Мудрецы Поднебесной: **Лао-цзы.** Дао дэ цзин; **Конфуций.** Лунь юй; **Мо-цзы.** Мо-цзы; **Мэн-цзы.** Мэн-цзы; **Чжуан-цзы.** Чжуан-цзы; **Сюнь-цзы; Хань Фэй.** — Симферополь, Реноме (Издание подготовлено подготовлено при участии Издательского Дома «Квадранвл»), 1998. — (Интеллектувльная библиотека).

236. **Муравьев С. Н.** Ипполит цитирует Гераклита //Из истории античной культуры. — М., 1976.
237. **Нарайан Р. К.** Боги, демоны и другие. — М., 1974.
238. **Нарский И. С.** Готфрид Лейбниц. — М.: Мысль, 1972.
239. Наука любви. — М., 1990.
240. **Нахов И. М.** Философия киников. — М., 1982.
241. **Нерсесянц В. С.** Сократ. — М.: Наука, 1977.
242. **Низами Гянджави:** Собрание сочинений /Пер. с фарси К. Липскерова: В 5 т. — Т. 5: Искендер-наме. — М.: Худож. лит., 1986.
243. **Низами.** Пять поэм: Пер. с фарси. — М.: Правда, 1988.
244. **Никифоровский В. А.** Из истории алгебры XVI – XVII вв. — М., 1979.
245. **Николай Кузанский.** Избранные философские сочинения. — М., 1937.
246. **Николай Кузанский.** Сочинения: В 2 т. — М.: Мысль, 1979. — (Философское наследие).
247. **Ницше Ф.** Сочинения: В 2 т. — М., 1990.
248. **Новиков Авраам.** Парадоксы Артура Шопенгауэра //Аврора. — 1991. — № 8 – 9.
249. Омар Хайям в кругу мудрости: Сб. — Симферополь: Реноме, 1998.
250. **Омар Хайям.** Трактаты. — М., 1961.
251. Ораторы Греции: Пер. с др.-греч. /Сост. и науч. подготовка текстов М. Гаспарова; Вступ. ст. В. Боруховича. — М.: Худож. лит., 1985. — (Библиотека античной литературы. Греция).
252. **Паев М. Е.** Решение двух античных проблем /Ответ. ред. и авт. вступ. ст. Г. А. Заиченко, А. В. Сёмушкин. — Киев: Наукова думка, 1987.
253. Памятники средневековой латинской литературы X – XII веков. — М.: Наука, 1972.
254. Парадоксы души: **Теофраст.** Характеры; **Ж. Лабрюйер.** Характеры, или Нравы нынешнего века. — Симферополь: Реноме (Издание подготовлено при участии Издательского Дома «Квадранал»), 1998. — (Интеллектуальная библиотека).
255. **Парандовский Я.** Олимпийский диск. — М.: Прогресс, 1979.
256. **Паскаль Блез.** Мысли. — Спб.: Северо-Запад, 1995.
257. **Паульсен Ф.** Иммануил Кант: Его жизнь и учение. — Спб., 1899.
258. Перекличка веков: Размышления, суждения, высказывания /Сост. В. Г. Носков. — М.: Мысль, 1990.
259. **Переломов Л. С.** Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. — М.: Наука, 1981.
260. **Переломов Л. С.** Конфуций: Жизнь, учение, судьба. — М.: Наука, 1993.
261. **Петрарка Ф.** Избранное. — М., 1974.
262. **Петрарка Франческо.** Эстетические фрагменты. — М.: Искусство, 1982.
263. **Пинский Л. Е.** Бальтасар Грасиан и его произведения //**Грасиан Бальтасар.** Карманный оракул. Критикон. — М., 1984.
264. **Пиррен М. Н.** Оптика, живопись и фотография //**Д. Пидоу.** Геометрия и искусство. — М., 1979.
265. **Платон.** Диалоги. — М.: Мысль, 1986.
266. **Платон.** Избранные диалоги. — М., 1965. — (Библиотека античной литературы).
267. **Платон.** Собрание сочинений: В 4 т. — М.: Мысль, 1990. — Т. 1. — (Философское наследие). — 2-е изд.
268. **Платон.** Сочинения: В 3 т. — М.: Мысль, 1970 – 1971. — (Философское наследие).
269. **Плутарх.** Сочинения: Пер. с др.-греч. /Сост. С. Аверинцева; Вступ. ст. А. Лосева; Коммент. А. Столярова. — М.: Худож. лит., 1983. — (Библиотека античной литературы. Греция).
270. **Подольный Р.** Спор с тральфамадорцами //Знание — сила. — 1988. — № 4.
271. **Помпонацци Пьетро.** Трактаты «О бессмертии души», «О причинах естественных явлений». — М., 1990.
272. **Попов П. С.** Китайский философ Мэн-цзы. — Спб., 1904.
273. Поучения Шакья-Муни: Избранные места из Дхаммапады /Пер. В. Н. Топорова //Совершенно секретно. — 1990. — № 3.
274. **Пригожин Илья.** Стрела времени //НТР. — 1987. — № 23.
275. **Пушкин А. С.** Евгений Онегин //**А. Пушкин.** Евгений Онегин. Драматические произведения. Романы. Повести. — М., 1977. — (Библиотека Всемирной литературы).
276. **Рабинович В. Л.** Алхимия как феномен средневековой культуры — М.: Наука, 1979.
277. **Рабинович Вадим.** Исповедь книгочея, который учил букве, а укреплял дух. — М.: Книга, 1991.
278. Развитие и современное состояние зарубежной психологии — М.: Педагогика, 1974.
279. Разум сердца: Мир нравственности в высказываниях и афоризмах. — М.: Изд-во полит. лит., 1992.
280. **Разумовская М. В.** Ларошфуко, автор «Максим». — Л., 1971.
281. **Разумовская Маргарита.** Жизнеописание маркиза де Сада //Аврора. — 1991. — № 9.
282. **Ренан Эрнест.** Жизнь Иисуса. — М., 1990.

283. **Ренан Эрнест.** Собр. соч. в 12 т. /Пер. с фр. под ред. В. Н. Михайлова. — Киев: Издание Б. К. Фукса, 1902. — Т. VIII. — (Библиотека избранных философов).
284. **Рифтин Б. Л.** От мифа к роману: Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. — М., 1979.
285. **Робине Ж.**-Б. О природе /Пер. с фр. П. С. Юшкевича. — М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1935.
286. **Рожанский И. Д.** Анаксагор: У истоков античной науки. — М.: Наука, 1972.
287. **Рожанский И. Д.** Загадка Сократа //Прометей: Сб. — М., 1972. — № 8.
288. **Рожанский И. Д.** Развитие естествознания в эпоху античности. — М., 1979.
289. **Рождественский В.** Записки //Нева. — 1978. — № 12.
290. **Розанов В. В.** Сочинения. — М., 1990.
291. **Розанов В. В.** Сумерки просвещения. — М., 1990.
292. **Розанов В. В.** Уединённое. — М., 1990.
293. **Роузентал Франц.** Торжество знания: Концепция знания в средневековом исламе. — М.: Прогресс, 1978.
294. **Рощин С. К.** Психология и журналистика. — М., 1989.
295. Русское общество 30-х годов XIX века: Мемуары современников. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
296. **Руссо Ж.-Ж.** Избранные сочинения: В 3 т. — М., 1961.
297. **Руссо Ж.-Ж.** Педагогические сочинения: В 2 т. — М., 1981.
298. **Руссо Жан-Жак.** Юлия, или Новая Элоиза. — М. Худож. лит., 1968. — (Библиотека Всемирной литературы).
299. **Саади.** Избранное. — Душанбе: Ирфон, 1983.
300. **Сабадварн Ф., Робинсон А.** История аналитической химии. — М.: Мир, 1984.
301. **Сагдеев А. В.** Ибн-Рушд (Аверроэс). — М.: Мысль, 1973. — (Мыслители прошлого).
302. **Сад де** (Маркиз). Жюстина: Роман. – М.: Интербук, 1991.
303. **Свасьян К. А.** Иоганн Вольфганг Гёте. — М., 1989.
304. **Седов Л. И.** Галилей и основы механики. — М., 1964.
305. **Секст Эмпирик.** Сочинения: В 2 т. — М.: Мысль, 1975 – 1976. — (Философское наследие).
306. **Сёмушкин А. В.** Мировоззрение Эпименида Критского как историко-философский факт // Историко-философский сборник: Материалы теоретической конференции аспирантов философского факультета (февраль 1971 г.). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.
307. **Сёмушкин А. В.** Эмпедокл. — М.: Мысль, 1985. — (Мыслители прошлого).
308. **Сенека Луций Анней.** Нравственные письма к Луцилию /Пер. с лат. С. Ошерова //Сенека, Честерфилд, Моруа. Если хочешь быть свободным — М.: Политиздат, 1992.
309. **Сенкевич А. Н.** Хариванш Рай Баччан. — М., 1979.
310. **Сент-Илер Ж. (Е. Рерих).** Криптограммы Востока //Звезда Востока. — 1991. — № 12.
311. **Серебряков С.** Б. Трактат Ибн Сины (Авиценны) «О любви». — Тбилиси, 1976.
312. **Сидихменов В. Я.** Китай. Страницы прошлого. — М., 1974.
313. Симфония разума: Афоризмы и изречения отечественных и зарубежных авторов /Композиция Вл. Воронцова. — М.: Мол. гвардия, 1976.
314. **Сковорода Г. С.** Собрание сочинений /Биогр. Г. С. Сковороды в излож. М. И. Коваленского, заметками и примечаниями В. Д. Бонч-Бруевича. — Спб., 1912 . — Т. 1.
315. **Соколов В. В.** Средневековая философия. — М.: Высш. шк., 1979.
316. Социо-логос: Социология, антропология, метафизика: Сб. — М.: Прогресс, 1991. — Вып. 1.
317. Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
318. **Спирин В. С.** Построение древнекитайских текстов. — М., 1976.
319. **Стендаль.** О любви //**Стендаль.** Собр. соч.: В 15 т. — М., 1959. — Т. 4.
320. **Стендаль.** Собрание сочинений в 15 т. — М.: Правда, 1959. — Т. 7. — (Библиотека «Огонёк»).
321. **Столяров А. А.** «Исповедь»: История создания. Жанр. Проблемы достоверности //**Августин Аврелий.** Исповедь Блаженного Августина, епископа Гиппонского. — М.: Renaissance, 1991.
322. **Стрельцова Г. Я.** Блез Паскаль. — М.: Мысль, 1979. — (Мыслители прошлого).
323. **Султанов Ш., Султанов К.** Омар Хайям. — М.: Мол. гвардия, 1987. — (Жизнь замечательных людей).
324. Сумерки богов: Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж. П. Сартр: Сб. /Сост. и общ. ред. А. А. Якоалева. — М.: Политиздат, 1989. — (Библиотека атеистической литературы).
325. **Сухотин А. К.** Превратности научных идей. — М., 1991.
326. **Сюнь-цзы.** Избранные трактаты: Пер. с др.-кит. //**В. Ф. Феоктистов.** Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы: Исследование и перевод. — М.: Наука, 1976.
327. **Таннерн П.** Первые шаги древнегреческой науки. — Спб., 1902.
328. **Таранов П. С.** Управление без тайн: Афоризмы, законы, советы, правила для высших руководителей. — Симферополь: Таврида, 1993.

329. **Таранов П. С.** Приемы влияния на людей. — Симферополь: Таврия, 1995. — (Азбука интриги).
330. **Таранов П. С.** Секреты поведения людей: Исчерпывающий обзор фундаментальных поведенческих констант. — Симферополь: Таврия, 1995. — (Азбука интриги).
331. **Таранов П. С.** Философия изнутри: Рассекречивание природы и сущности философии (70 мудрецов, философов, мыслителей от Соломона до Шопенгауэра): В 2 т. — М.: Остожье, 1996. — (Анатомия мудрости).
332. **Таранов П. С.** Анатомия мудрости: 106 философов (Жизнь. Судьба. Учение): В 2 т. — Симферополь: Таврия, 1996.
333. **Таранов П. С.** Анатомия мудрости: 120 философов (Жизнь. Судьба. Учение): В 2 т. — Симферополь: Таврия, 1996.
334. **Таранов П. С.** 500 шагов к мудрости: В 2 т. — Донецк: Сталкер, 1996.
335. **Таранов П. С.** Философская афористика: Заповеди, притчи, наставления. — М.: Остожье, 1996.
336. **Таранов П. С.** Интриги, мошенничество, трюки: Психология знаменитых ситуаций. — Симферополь: Реноме, 1996.
337. **Таранов П.** С. Методы 100%-ной победы: Искусство жить среди людей. — Симферополь: Реноме, 1997.
338. **Таранов П. С.** Дерзкие тайны общения: Поведение наоборот, или 25 законов инверсии. — Симферополь: Реноме, 1997.
339. **Таранов П. С.** Эмоции ума: Книга всемирных рекордов интеллекта: Мысли. Микро-эссе. Афоризмы: В 2 т. — Симферополь: Реноме, 1997.
340. **Таранов П. С.** Формулы смысла: Неожиданные ракурсы афористики. В 2 т. — Донецк: Сталкер, 1997.
341. **Таранов П. С.** Мудрость трех тысячелетий. — М.: ООО «Издательство АСТ», 1997. — (Звёзды мировой философии).
342. **Таранов П. С.** Энциклопедия высокого ума. — М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. — (Звёзды мировой философии).
343. **Таранов П. С.** Философия 45-ти поколений. — М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. — (Звёзды мировой философии).
344. **Таранов П. С.** Золотая философия. — М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1997. — (Звёзды мировой философии).
345. **Таранов П. С.** Острая философия: Выдающиеся сюжеты овладения неизвестным. — Симферополь: Реноме, 1998.
346. **Таранов П.** С. Многоликая философия: Блеск ума, великолепие афористики, роскошь полезного наставления. В 2 т. — Донецк: Сталкер, 1998.
347. **Таранов П. С.** Секреты человеческой натуры: Факты, обобщения, систематизация. — Донецк: Сталкер, 1999. {Заголовок на обложке книги — «1645 секретов человеческой натуры»}. — (Философское наследие).
348. **Таранов П. С.** Логика хитрости: О поведении людей конкретно и откровенно. — Висагинас: Альфа, 1999.
349. **Таранов П. С.** Манёвры общения: Миниатюры сокровенных тайн. — Донецк: Сталкер, 1999. — (Философское наследие).
350. **Таранов П. С.** Золотая книга руководителя — М.: Фаир-ПРЕСС. Издательско-торговый Дом «Гранд», 2000.
351. **Таранов П. С.** 150 мудрецов и философов: Жизнь. Судьба. Учение. Мысли: Интеллектуальный энциклопедический справочник: В 2 т. — Симферополь—Запорожье: «Нарус—М», 2000. — (Б-ка третьего тысячелетия).
352. **Таранов П. С.** 1000 способов убеждения. — Висагинас: Альфа, 2000. — (Универсальная энциклопедия аргументов).
353. **Таранов П. С.** Спорные истины: В 2 т. — Висагинас: Альфа, 2000. — (Универсальная энциклопедия аргументов).
354. **Таранов П. С.** Сокровищница дерзаний. — М.: АСТ, 2000. — (Звезды мировой философии).
355. **Таранов П. С.** Интеллектуальные крылья. — М.: АСТ, 2000. — (Звезды мировой философии).
356. **Таранов П. С.** Современники вечности: В 2 т. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.
357. **Таранов П. С.** Искусство риторики: Универсальное пособие для умения говорить красиво и убедительно. — Симферополь, 2001. — (Б-ка третьего тысячелетия).
358. **Тарасов Борис.** Паскаль. — М.: Мол. гвардия, 1982. — (Жизнь замечательных людей).
359. **Тарасов Борис.** Чаадаев. — М.: Мол. гвардия, 1990. — (Жизнь замечательных людей).
360. **Тертуллиан Квинт Септимий Флорент.** Избранные сочинения /Сост. и общ. ред. А. А. Столярова. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1994.
361. **Ткаченко Г. А.** Космос, музыка, ритуал: Миф и эстетика в «Люйши чуньцю». — М.: Наука, 1990.
362. **Томан Йозеф, Томанова Мирослава.** Сократ: Роман /Пер. с чеш. Н. Аросевой. — М.: Прогресс, 1981.

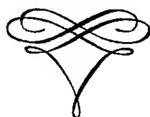
363. **Томилов В. Г.** Фрагменты из произведений И. Г. Фихте //Философские науки: Науч. док. высш. шк. — 1973. — № 2.
364. **Томсон Дж.** Первые философы. — М.: Иностран. лит., 1971.
365. **Торчинов Е. А.** Основные направления эволюции даосизма в период Лючао (по материалам трактата Гэ Хуна «Баопу-цзы») // Дао и даосизм в Китае. — М., 1982.
366. **Трубников Н. Н.** Время человеческого бытия. — М.: Наука, 1987.
367. **Турсунов Акбар.** От мифа к науке. — М., 1973.
368. **Уколова В. И.** «Последний римлянин» Боэций. — М.: Наука, 1987. — (Из истории мировой культуры).
369. **Унамуно Мигель де.** О трагическом чувстве жизни //Человек. — 1990. — № 6.
370. **Федоренко Н.** Китайское литературное наследие и современность. — М.: Худ. лит-ра, 1981.
371. **Фёдорова Е. В.** Императорский Рим в лицах. — Смоленск: Инга, 1995. — 2-е изд., испр. и доп.
372. **Фейербах Людвиг.** Избранные философские произведения. — М., 1955. — Т. 1.
373. **Фейербах Людвиг.** История философии: В 3 т. — М.: Мысль, 1967. — Т. 1 – 2. — (Философское наследие).
374. **Фейербах Людвиг.** Сущность христианства. — М.: Мысль, 1965.
375. **Феоктистов В. Ф.** Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы: Исследование и перевод. — М.: Наука, 1976.
376. **Филатов В. П.** В царстве стихий и качеств //Природа. — 1987. — № 2.
377. Философия любви: В 2 т. — М.: Политиздат, 1990. — Т. 2.
378. Философская энциклопедия: В 5 т. — М., 1964. — Т. 3.
379. Философский энциклопедический словарь. — М.: ИНФРА-М, 1998. — (Библиотека словарей «ИНФРА-М»).
380. **Фирдоуси.** Шах-наме /Пер. с фарси С. Липкина, В. Державина. — М., 1972.
380. **Фихте И. Г.** О назначении ученого. — М., 1935.
381. **Фихте И. Г.** Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о подлинной сущности новейшей философии. — М., 1937.
382. **Фиш Радий.** Джалалиддин Руми. — М.: Мол. гвардия, 1972. — (Жизнь замечательных людей).
383. **Фишер Куно.** История новой философии: В 9 т. — Спб., 1906. — Т. 1.
384. **Флобер Г.** Госпожа Бовари. — М.: Госполитиздат, 1958.
385. **Фомичёв Н.** Не заслоняй мне солнце, царь! (Древнее повествование очевидца). — М.: Дет. лит., 1989.
386. Фрагменты ранних греческих философов: В 2 ч. — М.: Наука, 1989. — Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики.
387. **Хайруллаев М. М.** Абу Наср аль-Фараби. — М., 1982.
388. **Хайям Омар.** Рубаи /Предисл. Р. Гамзатова; Худ. П. Бунин. — М., 1990.
389. **Хайям Омар.** Рубаи. — Ташкент, 1977.
390. **Хайям Омар.** Рубайят /Пер. Г. Плисецкого. — М., 1972.
391. **Хафнер Герман.** Выдающиеся портреты античности: Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1984.
392. **Хёрлинг Гельмут.** Римляне, рабы, гладиаторы. Спартак у ворот Рима /Пер. с нем. — М.: Мысль, 1992.
393. **Хинкис** В. Жизнь и смерть Роджера Бэкона. — М., 1971.
394. **Хлодковский Р. И.** Франческо Петрарка. — М., 1974.
395. **Хокинг Стивен.** Почему время течет «только вперед»? //За рубежом. — 1988. — № 5.
396. Хрестоматия по ощущению и восприятию. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.
397. Хрестоматия по физике. — М., 1987.
398. **Хрисостом Дион.** Диоген, или О доблести //Поздняя греческая проза. — М., 1960.
399. **Цзи Вэнь.** Истории о выверении Ван Янмином бамбука //Цзяосюе юй яньцзю. — 1959. — № 7.
400. **Цицерон.** Философские трактаты. — М.: Наука, 1985.
401. **Цюй Юань.** С камнем в объятиях //Н. **Федоренко.** Китайское литературное наследие и современность. — М., 1977.
402. **Чаадаев П. Я.** Статьи и письма. — М.: Современник, 1989.
403. **Чанышев А. Н.** Возникновение философии //История общественной мысли: Сб. — М.: Наука, 1972.
404. **Чанышев А. Н.** Италийская философия. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975.
405. **Чанышев А. Н.** Курс лекций по древней и средневековой философии. — М.: Высш. шк., 1991.
406. **Чанышев А. Н.** Курс лекций по древней философии. — М.: Высш. шк., 1981.
407. **Чанышев А. Н.** Начало философии. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
408. **Чёрный Саша.** Стихотворения. — Л., 1960.
409. **Честертон Г. К.** Эссе, статьи и «Чарльз Диккенс» /Пер. с англ. Н. Трауберг. — М.: ООО «Бук Чембэр Интернэшнл» при участии изд-ва «Остожье», 1995. — (Дополнительнный пятый том к избр. произв. Честертона в 4 томах).

410. **Чжу Си.** Собрание творений Чжу, князя Культурности по прозвищу учитель Хуйань. — Шанхай, 1929. — (Копия с изд. эпохи Мин).
411. **Шаймухамбетова Г. Б.** Арабоязычная философия средневековья и классическая традиция. — М., 1979.
412. **Шамфор Н. С.** Максимы и мысли, афоризмы и анекдоты. — М.;Л., 1966.
413. **Шевкина Г. В.** Сигер Брабантский и парижские аверроисты XIII века. — М.: Наука, 1972.
414. **Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф.** Сочинения: В 2 т. — М.: Мысль, 1987 — 1989. — (Философское наследие).
415. **Шефтсбери.** Эстетические опыты. — М., 1975.
416. **Шидфар Б. Я.** Образная система арабской классической литературы (VI – VII вв.). — М., 1974.
417. **Шичалин Ю. А.** Образное конструирование мира в трактате Плотина «О трех начальных субстанциях» //Из истории античной культуры. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
418. **Шмидт Б.** Философская хрестоматия /Пер. с нем. Ю. А. Говсева; Ред. и предисл. проф. Н. Н. Ланге. — Одесса: Матезис, 1907.
419. **Шопенгауэр Артур.** Афоризмы и максимы. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991.
420. **Шопенгауэр Артур.** Избранные произведения. — М.: Просвещение, 1992.
421. **Шопенгауэр Артур.** Свобода воли и нравственность. — М.: Республика, 1992. — (Библиотека этической мысли).
422. **Штёкль Альберт.** История средневековой философии /Пер. с нем. Н. Стрелкова и И. Э. — М.: Издание В. М. Саблина, 1912.
423. **Шулюкин Е.** Сердце Вольтера (На родине мыслителя) //Труд. — 1985. — 18 авг.
424. **Шумовский Т. А.** У моря арабистики: По страницам памяти и неизданных документов. — М.: Наука, 1975.
425. **Шумовский Теодор Адамович.** Воспоминания арабиста. — Л., 1977.
426. **Эккерман Иоганн Петер.** Разговоры с Гёте в последние годы его жизни: Пер. с нем. — М.: Худож. лит., 1981.
427. **Экхарт Мейстер.** Духовные проповеди и рассуждения. — М.: Политиздат, 1991. — Репринтное издание 1912 г. — (Философская классика).
428. Энциклопедия мысли: Сб. афоризмов, мыслей, остроумий, максим, парадоксов /Ред. Л. Г. Стахурская. — Симферополь: Реноме; Квадранал, 1999.
429. **Юм Давид.** Диалоги о естественной религии (С приложением статей «О самоубийстве» и «О бессмертии души»). — М., 1908.
430. **Юм Давид.** Исследование человеческого разумения /Пер. с англ. С. И. Церетели. — Спб., 1902.
431. **Юм Давид.** Сочинения: В 2 т. — М., 1965 – 1966. — (Философское наследие).
432. **Юсим М. А.** Этика Макиавелли. — М., 1990.
433. **Юсуф хас-Хаджиб Баласагунский.** Наука быть счастливым /Пер. Наума Гребнева. — М.: Худож. лит., 1971.
434. **Яновская С. А.** Преодолены ли в современной науке трудности, известные под названием «Апорий Зенона»? //**С. А. Яновская.** Методологические проблемы науки. — М., 1972.
435. Die Fragmente der Vorsokratiker Griechisch und deutsch von Hermann Diels //Herausgegeben von Valter Kranz.— Dublin — Zürich, 1968. — Bd. I – III — (13 Auflage).
436. Die Franzosischen Moralisten: La Rochefoucauld, Vauvenargues, Montesquieu, Chamford. Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung. — Leipzig, 1980.
437. **Fichte I. G.** System der Sittenlehre. — Leipzig, 1923.
438. Geflugelte Worte: Zitate, Sentenzen und Begriffe in ihrem geschichtlichen Zusammenhang. — Leipzig, 1981.
439. Lichtenbergs Werke. In einem Band. Aufbau-Verlag. — Berlin und Weimar, 1978.
440. Texte aus der deutschen Mystik des 14. und 15. Jahrhunderts. Hrsg. von Fd. Spamer. Jena, 1912.
441. **Xenophon.** Errinerungen an Sokrates. — Leipzig, Reclam Universal-Bibliothek (Bd. 526), 1976. — (Philosophie. Geschichte).

УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ИМЁН

Д

Л

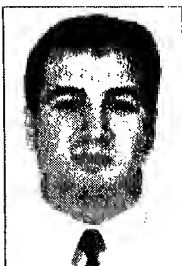

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ II

Гринько
Лариса Викторовна

Наникишвили
Михаил Алексеевич

Таранова
Наталья Анатольевна

Стахурская
Людмила Григорьевна

Иванова
Маргарита Федоровна

**Здесь
Вы видите
дорогие мне лица
всех тех, кто своим
энтузиазмом, верой в успех
и неустанным трудом способствовал
превращению моих творческих
намерений в монолит
лежащего перед Вами
свершившегося
факта.**

П. С. Таранов

Бойченко
Екатерина Сергеевна

Хлевная
Людмила Анатольевна

Кривоносова
Ольга Анатольевна

Онипченко
Ирина Владимировна

Юкало
Татьяна Николаевна

Учебное издание

ТАРАНОВ Павел Сергеевич

120 философов:

Жизнь
•
Судьба
•
Учение
•
Мысли

Универсальный аналитический справочник по истории философии

Том II

Ответственный за выпуск:
Т. А. Городниченко
Редакторы: Л. Г. Стахурская, Н. А. Таранова, Т. Н. Юкало
Художник Л. А. Хлевная
Корректоры: О. А. Кривоносова, И. В. Опипченко
Компьютерная верстка: М. Ф. Иванова
Дизайн обложки: Е. С. Бойченко

Подписано в печать 12.11.2004. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Бумага газетная. Гарнитура «Newton». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 3000 экз.
Заказ № 168

ЧП «Издательство «Реноме»
Издательский Дом «Квадранал»
95048, Украина, Симферополь, ул. Поповкина, 18а

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГП «Типография и издательство «Таврида»
95040, Украина, Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44
